Максимиліанъ Волошинъ

Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Москва
Эллис Лак
2013

Максимилиан

ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Том двенадцатый

Письма 1918–1924

Москва
Эллис Лак
2013

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95
В68

***Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»
(2012–2018 годы)***

**Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российская академия наук**

Составление
А.В. Лаврова

Подготовка текста
*Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова,
Г.В. Петровой, Р.П. Хрулевой*

Комментарии
А.В. Лаврова, Г.В. Петровой

Художник
В.Н. Сергутин

ISBN 978-5-902152-79-8 (т. 12)
ISBN 5-902152-05-4

От составителей

В 12-м томе Собрания сочинений Максимилиана Волошина продолжается публикация его эпистолярного наследия. Основные принципы и критерии, используемые при публикации писем, сформулированы в преамбуле к тому 8 настоящего издания.

Как и в томе 10, значительная часть писем, входящих в настоящий том, сохранилась лишь в виде машинописных копий в Доме-музее М.А. Волошина и отчасти в фонде Волошина в Пушкинском Доме, являющихся единственным источником текста (большинство таких копий было сосредоточено также в собрании В.А. Мануйлова и использовано в нашей работе). Этим объясняется отсутствие подписей и возможных других автографических компонентов в тексте ряда писем, публикуемых в томе.

Письма 1918–1920 гг. сопровождаются двойной редакторской датировкой – по старому и новому стилю, поскольку санкционированный советской властью переход на новый стиль (с февраля 1918 г.) не соблюдался на территориях бывшей Российской империи в те периоды, когда они контролировались другими властями (в этих обстоятельствах Волошин и его корреспонденты в большинстве случаев датировали свои письма по старому стилю).

Письма, публиковавшиеся ранее в различных изданиях, проверены и исправлены по архивным первоисточникам (за исключением писем Волошина к В.В. Вересаеву, хранящихся в собрании А.Ф. Маркова, которое оказалось для нас недоступным).

В томе 12 тексты писем подготовили:

Н.В. Котрелев (А.В. Луначарскому – п. 137, 149, 150), *Р.П. Хрулева* (А.Г. и Н.А. Габричевским, М.С. Заболоцкой, А.А. Кипену).

Г.В. Петрова подготовила тексты писем и составила комментарии к письмам: А.К. Герцык, А.К. и Е.К. Герцык, А.В. Гольштейн, А.П. Остроумовой-Лебедевой, ей же и С.В. Лебедеву, А.М. Петровой, К.С. Петрову-Водкину, С.Ф. Платонову, М.С. Фельдштейну, М.С. Цетлиной, М.О. Цетлину.

Тексты остальных писем подготовил и комментарии к ним составил *А.В. Лавров.*

Условные сокращения

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва).

ГМТ – Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва).

ГРМ – Сектор рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург).

ДМВ – Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).

Из лит. наследия-1 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. I». СПб.: Наука, 1991.

Из лит. наследия-2 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. II». СПб.: Алетейя, 1999.

ИМЛИ – Рукописный отдел Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва).

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

ЛН – Литературное наследство (серия сборников).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Труды и дни – *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

Труды и дни-2 – *Купченко Владимир.*. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.; Симферополь: Алетейя; Сонет, 2007.

ФКГА – Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. Фонды.

ПИСЬМА
1918–1924

1918

1. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

2 января 1918 г. Коктебель

2 января 1918 года. Коктебель.

С Новым годом, дорогая Юлия Леонидовна!

Сегодня получил Ваше письмо от 8-го декабря.[1] Ему понадобился месяц, чтобы продраться сквозь все внутренние фронты. Это я пошлю с оказией, которая, кажется, будет вскоре. Посылаю Вам еще пук стихов. У меня постепенно начинает образовываться новая книжка «стихов о революции», в размерах книжки о войне.[2] И у меня мысль ее издать здесь в Феодосии теперь весной. Это возможно, и это мне предлагает сделать Александр Алекс<андрович> Новинский.[3] Я думаю назвать ее «Демоны Глухонемые» (по Тютчевскому «...одни зарницы огневые, перекликаясь чередой, как демоны глухонемые, ведут беседу меж собой»). И фронтисписом будет стих<отворение> того же имени (прилагаемое).[4] Пока никто этого заглавия не одобряет, но мне оно нравится и, главное, отвечает моей общей идее. Из посылаемых стихов мне кажется самым значительным ДМИТРИЙ-ИМПЕРАТОР (он так писался на своих польских портретах).[5]

Спасибо за подробное письмо. Оно первое, прорвавшееся с севера. Мы ведь совсем без писем и газет всё это время живем. Изредка доходит из города какая-нибудь газета. И тогда весь Коктебель ее читает наперерыв.

Я все это время живу стихами. Живопись совсем в загоне. Только сегодня у меня соберутся случайные кокте-

бельские зимующие художники, чтобы делать кроки друг с друга по очереди. И это будет регулярно. С Пра отношения утихомирились. Я уже месяц как отпущен из кухни (нас кормят Кедровы[6] – и преотвратительно, так что весь гнев и темперамент Пра обращен туда и от меня отвлечен).

Конст<антина> Феод<оровича> севастопольские события не коснулись.[7] Он в январе, по письму Алекс<андры> Мих<айловны>, возвращается в Феодосию, освобождаемый от военной службы окончательно.[8]

Тогда поеду его повидать. Я с осени не был в Феодосии. Из случайно залетевшего номера «Утра России» вижу, что «Мир Искусства» открывается на праздниках.[9] Приняты ли мои акварели? Я думаю, что Вы поняли, что мои пожелания относительно окантовки и выбора серий (какую куда) были только пожеланиями и что я вполне полагаюсь на ваше с Конс<тантином> Вас<ильевичем> решение.[10] Точно так же, как и относительно цены: я готов их продать хотя бы по 50 руб., даже по 25 – лишь бы купили. Очень радуюсь за успех вашей Снегурочки.[11] Но я думал, что это иллюстрации, а это декорации? Или то и другое вместе?[12] Как я рад за работу Кон<стантина> Вас<ильевича>.[13] Сейчас худож<ественное> творчество единственная возможность вынести все совершающееся и, в сущности, единственный достойный ответ на действительность. Все остальное, каким бы чувством оно ни было продиктовано, будет только усугублением хаоса и беспорядка. Сейчас так мало сведений доходит, что у меня нет общего представления о линии, по которой текут события. Удивляет то, что в разрозненных номерах газет, дошедших за декабрь, даже не видно, от какого числа они – всюду одно и то же без событий: ничего, кроме «несчастных случаев». Явно, что мы опять переживаем *состояние*, а не действие. И это будет усиливаться по мере того, как будет расти разложение и дробление.

Пожалуйста, если это письмо придет с оказией, то есть его и другие принесут к Конс<тантину> Вас<ильевичу>, пожалуйста, переправьте или отдайте при случае сами другие письма – в частности Цетлиным. А стихи мои по возможно-

сти покажите всем знакомым,[14] т<ак> к<ак> не знаю, можно ли будет отправить их, кому хочу, и успею ли написать всем до возможной оказии.

Как хорошо про Веру – «монах с подкидышем»: страшно похоже.[15] Покажите все стихи непременно Маргарите,[16] лучше сами прочтите. Я от нее так письма и не получил. Вышло ли что с Вашими уроками? Я очень много хорошего для нее ждал от писания натюрмортов под Вашим руководством. Когда иссякнут во мне стихи, я опять возьмусь вплотную за живопись. Я, в сущности, в истекшем году по живописи не работал, то есть не делал никаких приобретений, а только кое-что формулировал. Очень хочется ввести в мои пейзажи фигуры. Но для этого надо найти для них какую-то такую же обобщающую формулу, как для земли. Я в сущности этим летом больше всего писал картинки для продажи в Коктебеле (конкурируя с Гаврилой[17]) и, конечно, это не оставлю совсем, т<ак> к<ак> это единственный сейчас источник заработка (у меня почему-то нет надежды на продажу на выставке в этом году), а литературы больше нет...[18]

Крепко обнимаю Кон<стантина> Вас<ильевича> и желаю ему всякого успеха в работе и продаже. Привет Екатерине Ивановне и Ф<еодору> Кон<стантиновичу>.[19] Поздравляю всех с Новым годом. Пишите мне побольше. Пожалуйста.

МАХ.

[1] Имеется в виду письмо Ю.Л. Оболенской от 6 декабря 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 29–30 об.), ответное на два письма Волошина – от 15 и от 27 ноября 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 719–725, 731–734).

[2] Подразумевается книга стихотворений Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916).

[3] Замысел издания книги стихов Волошина в Феодосии остался неосуществленным. Предложение Новинского Волошину передал Н.В. Павлов в письме от 15 декабря 1917 г.: «Новинский <...> уезжает на несколько дней в Севастополь<...> Взял у меня на время Ваши стихи с целью напечатать на гектографе для распространения среди друзей. Помимо этого, он предлагает Вам напечатать эти и вообще последние стихи – целый цикл стихов, появление которых обусло-

вилось событиями революции – в типографии метеорологической станции отдельным сборничком. Выпустить этот сборничек просит под фирмой Киммерика и продавать за определенную цену, с отчислением известной части ее в Вашу пользу по Вашему усмотрению в виде гонорара. Если удастся найти бумагу – напечатать будет стоить недорого. <...> Что касается расходов по изданию, то Александр Алекс<андрович> соглашается взять их даже на себя, рассчитывая на то, что ему окажут доверие, сделают всё в кредит, а потом он вскоре получит возможность расплатиться из вырученных от продажи денег. Он уверен в широком распространении и успехе издания» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 924).

[4] Приведенная неточная цитата (в оригинале: «Воспламеняясь чередой...») из стихотворения Ф.И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1830) взята эпиграфом к книге стихов Волошина «Демоны глухонемые» (Харьков: Камена, 1919); книга открывается стихотворением «Демоны глухонемые» («Они проходят по земле...», 29 декабря 1917), предшествующим ее первому разделу («Ангел мщенья»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 261. Оболенская отвечала Волошину 19 января 1918 г.: «Прекрасно название книги – это в один голос вырвалось у всей нашей гильдии (работающих у меня – Маргарита Вас<ильевна>, Ева Адольф<овна>, Магда Макс<имилиановна>, Конст<антин> В<асильевич>, я и некий призрак "Рыбников", нечто вроде Щекотихина, невидимо соприсутствующий)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 32. Упомянуты М.В. Сабашникова, Е.А. Фельдштейн, М.М. Нахман, К.В. Кандауров. Фамилия Щекотихин обыгрывалась в коктебельском шуточном обиходе летом 1916 г., см.: Т. 10 наст. изд. С. 523).

[5] Стихотворение «Dmetrius-Imperator (1591–1613)» («Убиенный много и восставый...», 19 декабря 1917) опубликовано в книге «Демоны глухонемые» с посвящением Ю.Л. Оболенской. См.: *Там же.* С. 273–275.

[6] Семья братьев Н.Н. и К.Н. Кедровых жила в доме Волошина зимой 1917–1918 г.

[7] К.Ф. Богаевский, находившийся на военной службе близ Севастополя. Под «севастопольскими событиями» подразумевается захват власти большевиками в Севастополе 15 декабря 1917 г., при этом матросы расстреляли на Малаховом кургане группу офицеров (по разным данным, от 23 до 42 человек) (Труды и дни-2. С. 36).

[8] А.М. Петрова сообщала Волошину о предстоящем возвращении Богаевского в Феодосию в открытке, отправленной 28 декабря 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[9] «Утро России» – московская ежедневная газета, выходившая в 1907 и в 1909–1918 гг. Выставка «Мир Искусства» открылась в Художественном салоне (Большая Дмитровка, д. 11) 27 декабря 1917 г., на ней экспонировалась серия из 14 пейзажей Волошина «Города в пустыне».

[10] Упоминается К.В. Кандауров, которому Волошин доверил устройство своих работ на выставке «Мир Искусства». См.: Т. 10 наст. изд. С. 663–664, 686.

[11] В упомянутом письме Оболенская сообщала: «...необычайное происшествие: моя “Снегурочка” приобретена кооперативами наравне с Борисячкиной “Русалкой” и “Тартюфом” Магды Макс<имилиановны>. Быть может, она даже первою будет поставлена в народном театре в Пушкине». (Упоминаются художницы Раиса Ивановна Борисяк (урожд. Котович, во втором браке Померанцева; 1890–1923) и М.М. Нахман (1889 – не ранее 1939), а также, вероятно, эскизы декораций и (или) костюмов к пьесам «Снегурочка» (1873) А.Н. Островского, «Русалка» (1829–1832) А.С. Пушкина и «Тартюф» (1664) Мольера).

[12] В ответном письме от 19 января 1918 г. Оболенская сообщала: «Снегурочка моя точно – декорации. С ней уже покончено – макет делают» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 35). Сведения о постановке «Снегурочки» с декорациями Оболенской в подмосковном поселке Пушкино не выявлены.

[13] Отклик на сообщение о К.В. Кандаурове в полученном от Оболенской письме: «Он вообще – молодцом. <...> Или лавина живописи, прямо обрушившаяся в нем, так нечеловечески сильна – только вижу его всегда радостным и ровным и веселым. <...> Он выставил сейчас три этюда в Салоне, в газетах хвалили».

[14] Судя по ответному письму Оболенской от 19 января 1918 г., Волошин выслал ей, кроме упомянутых выше стихотворений «Демоны глухонемые» и «Dmetrius-Imperator», также стихотворения «Трихины» (10 декабря 1917) и «Стенькин суд» (22 декабря 1917): «Все мы одинаково на этот раз остановились на “Стенькином суде” и Димитрии. Они, пожалуй, еще сильнее предыдущих, удивительно хорошо».

[15] Отклик на слова Оболенской о В.Я. Эфрон в полученном письме: «Вера кормит Ирину и похожа не на женщину, а на монаха с подкидышем, так и сама говорит». (Упомянута племянница Веры Эфрон – Ирина Эфрон (1917–1920), дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона).

[16] М.В. Сабашникова. 27 января 1918 г. Оболенская писала Волошину: «Ваши стихи Маргарите Вас<ильевне> прочла. “Димит-

рий" ей не понравился. Она сказала только: "Я этих фактов не знала". "Стенькин суд" произвел большое впечатление — сказала: очень сильно. Я тогда утешилась, потому что это моя любимая вещь. Там изумительны переходы от очень подлинного гнева и величия настоящего к нелепости. Совсем не карикатурно, удивительно справедливо это сделано. Я даже думаю, что Вы *сами* его еще не оценили, т<ак> к<ак> не отмечали его в письме. Еще понравилось М.В. одно, к которому я равнодушна по той же причине, по какой не могу оценить евангелия ("Был к Иисусу приведен"). <...> Она удивляется, откуда у Вас взялось все "русское" — "ведь у него и книг таких нет"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 36—36 об. В предпоследней фразе упоминается стихотворение Волошина «Русь глухонемая», датируемое 6 января 1918 г.).

[17] Коктебельский крестьянин.

[18] Подразумевается начавшийся развал книгопечатного дела.

[19] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

2. К.В. КАНДАУРОВУ

3 января 1918 г. Коктебель

3 января 1918. Коктебель.

Дорогой Константин Васильевич,

пользуюсь оказией, чтобы переслать тебе это письмо, т<ак> к<ак> почта приходит через месяц или совсем не приходит — сидим без газет и живем какими-то слухами. Но вчера прорвалось письмо Юлии Леонидовны,[1] которое страшно меня обрадовало. Со вчерашнего дня в Феодосии началась какая-то междунациональная потасовка со стрельбой и резней и вином.[2] Провокация: травят русских на татар. У нас до сих пор всё спокойно в Коктебеле. Но рано или поздно придет, конечно, и к нам. Кон<стантин> Феод<орович>, по словам Александры Михайловны, возвращается в январе домой совершенно.[3] Севастопольские убийства его миновали, слава Богу.[4] Я пишу много стихов и посылаю еще новые в письме Юлии Леонидовне. Я вкладываю в конверт письмо для нее и для Цетлиных,[5] которое очень прошу ее передать, когда она у них будет.

Очень радуюсь заочно твоей плодовитости и успехам.[6] Продал ли в этом году? Покупают ли вообще в этом году картины? Кстати: если будет нужно, понизь цену моих акварелей хоть до 50, даже до 25 рублей – лишь бы купили. Я себе как-то не могу даже представить, что сейчас могут быть выставки...

Был ли у тебя мой друг поэт Илья Эренбург (не брат твоей неприятной художницы).[7] Я его направлял к тебе, но ничего не знаю о том, куда он делся.

Как идет твоя жизнь? Мне, конечно, приехать в Москву не придется, т<ак> к<ак> и маму оставить в такое время нельзя, да и мне с моей астмой, которая еще усилилась, ехать при теперешних условиях невозможно.

Познакомился ли ты с Цетлиными?

Крепко обнимаю тебя и желаю успеха в работе.

Привет Анне Владимировне.[8]

MAX.

P.S. Очень прошу тебя передать прилагаемые письма по адресу. Прости за беспокойство. Но не хочется доверять случайностям почты.

[1] Письмо Ю.Л. Оболенской (см. примеч. 1 к п. 1).

[2] В результате вооруженных столкновений между революционными рабочими и «эскадронцами» (солдатами Крымского мусульманского конного полка) 2 января 1918 г. власть в Феодосии перешла к Революционному комитету, состоявшему из большевиков, меньшевиков и эсеров.

[3] К.Ф. Богаевский и А.М. Петрова. См. примеч. 8 к п. 1.

[4] См. примеч. 7 к п. 1.

[5] Имеется в виду п. 1 и, возможно, письмо к М.С. Цетлиной от 29 декабря 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 770–771).

[6] См. примеч. 13 к п. 1.

[7] И.Г. Эренбург возвратился из Крыма в Москву в конце октября 1917 г. Сведений о художнице, упоминаемой Волошиным (видимо, по фамилии Эренбург), не выявлено.

[8] А.В. Кандаурова.

3. Ю.Ф. ЛЬВОВОЙ

3 января 1918 г. Коктебель

3 января 1918 г. Коктебель.

Дорогая Юлия Феодоровна,.

пользуюсь оказией – отъездом св<ященника> Добровольского,[1] чтобы послать Вам письмо и новые стихи. Получили ли Вы мои два предыдущих письма[2] и первую партию стихов?

Я это время писал и продолжаю писать очень много. До сих пор у нас было тихо, но со вчерашнего дня идет в Феодосии по слухам перестрелка между большевиками и татарами. Что именно происходит, никто еще толком не знает. Идет какая-то провокация – натравливанье русских на татар. Сами большевики еще не выступали, а действуют вооруженные рабочие.[3] Есть уже убитые. И в город везут со всех сторон вино, которое до сих пор не допускали и выливали. Как это коснется Коктебеля, предвидеть еще нельзя. Во всяком случае Вы, вероятно, узнаете об этом раньше, чем это письмо доберется до Вас.

Из стихов Вы узнаете, о чем я думаю и чем живу. Живу только этим. Во внутренней жизни стало тихо: Пра успокоилась. И я пользуюсь наступившим антрактом, чтобы успеть написать все, что все время подступало без возможности выражения.

Хочется хоть несколько слов знать о Вас: целы ли Вы все. Не Вы лично – я зна́ю и чувствую Вашу личную неуязвимость, но милый Кусявка...[4] Лютик...[5] Вы ведь так близко от самого *жерла Вулкана*[6] живете. Хотя это, может, и безопаснее?

Из стихов моих мне кажутся более значительными «Святая Русь» и «Дмитрий-Император».[7] У меня составляется постепенно небольшая книжка о Революции такой же величины, как книга о войне. И я думаю ее издать теперь в Феодосии.[8] Это возможно: конечно, это мысль и предложение Александра Александровича.[9] Мне очень хочется дать стихам большее распространение, и я дал поручение Ник<олаю> Вас<ильевичу> Павлову, когда он ехал, попробовать их напечатать в «Речи» или в другой газете.[10] Но какие же газеты или

журналы теперь могут выходить. Поэтому, пожалуйста, покажите их наивозможно большему числу моих знакомых. Особенно мне хотелось бы, чтобы Вы показали их Лиле.[11] Я ей, правда, и сам посылал, но у меня нет никакой уверенности, что она получила их. Если у Вас будет случай написать мне, скажите, что с ней? Видали ли Вы ее в этом году?

Наш дом зимой полон: внизу в Ваших комнатах зимуют Кедровские дети с двумя тетками и бабушкой, а Ник<олай> Ник<олаевич> в городе с Новинским, а Соф<ья> Ник<олаевна>[12] в Ростове: оба зарабатывают деньги уроками.

Как часто хочется говорить с Вами о текущем. Что Вы чувствуете в воздухе? Логика и разум говорят о том, что дальше будет еще хуже, еще безнадежнее, а чувство часто подсказывает совершенно противоположное, и совершенно неожиданно набегают струйки тишины. И не знаешь, верить ли этому – не обман ли это напряженного желания.

Я прочел брошюрки, присланные Вами:[13] они не удовлетворили меня – не в том, о чем они, а *как*.

До нас уже месяц как перестали доходить газеты и журнал<ы>. Письма иногда проскакивают чудом. Но редко и скупо. Похоже на то, что мы будем скоро совсем отрезаны.

Но и о ближайших событиях: севастопольских и донских ничего не знаешь.[14] Знаю только, что Богаевский в Севастополе уцелел и скоро возвращается в Феодосию, получив полную отставку, и значит снова сможет вернуться к искусству.

Что делается в литературном мире Петербурга?

Существует ли «Аполлон»?[15] Видаете ли Вы Сюннерберга?

До свиданья – летом – и в Коктебеле – надеюсь...

Привет Лютику, Вар<варе> Дм<итриевне>,[16] Кусявке.

[1] Священник Михаил Капитонович Добровольский; жил в Коктебеле в 1918 г.

[2] Имеются в виду письма от 28 ноября и 4 декабря 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 739–741, 749–752).

[3] См. примеч. 2 к п. 2.

[4] Прозвище штаб-ротмистра барона Георгия Владимировича Кусова (1887– ок. 1943), гостившего в Коктебеле вместе с Ю.Ф. Львовой.

[5] Прозвище дочери Львовой – Ольги Александровны Ваксель (1903–1932), впоследствии киноактрисы. См.: «Возможно ли женщине мертвой хвала?..» Воспоминания и стихи Ольги Ваксель. М., 2012.

[6] Петроград с его столичным статусом здесь переосмысляется как центр, из которого исходит распространение большевизма и советской власти.

[7] См. примеч. 5 к п. 1. Стихотворение «Святая Русь» («Суздаль да Москва не для тебя ли...») написано 19 ноября 1917 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 257–258.

[8] См. примеч. 2, 3 к п. 1.

[9] А.А. Новинский.

[10] Н.В. Павлов выехал из Феодосии в Петроград во второй половине декабря 1917 г. Сообщая Волошину в письме из Феодосии от 15 декабря 1917 г. о задержке своего отъезда до 20–22 декабря, он добавлял: «...откладывая свой отъезд, задерживаю и исполнение Вашего поручения о напечатании стихов. В Петрограде выходит "Речь" под названием "Наш век", "День" – и эти газеты, хоть и с трудом, можно купить у вокзала тотчас же по прибытии поезда в Феодосию» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 924).

[11] Е.И. Васильева.

[12] Н.Н. Кедров и его жена С.Н. Кедрова.

[13] Видимо, подразумеваются издания, истолковывающие основы теософии.

[14] См. примеч. 7 к п. 1. Под «донскими событиями» подразумевается, видимо, создание 14 декабря 1917 г. в Новочеркасске Добровольческой Армии во главе с генералом Л.Г. Корниловым.

[15] Литературно-художественный журнал «Аполлон». Последний его выпуск (1917. № 8/10) вышел в свет со значительным опозданием – предположительно в июле–августе 1918 г. (см.: *Дмитриев П.В.* «Аполлон» (1909–1918). Материалы из редакционного портфеля. СПб., 2009. С. 159).

[16] Отчество указано ошибочно; имеется в виду Варвара Матвеевна Баруздина.

4. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

4 января 1918 г. Коктебель.

4 января 1918. Коктебель.

Дорогая Рашель Мироновна,

Поздравляю Вас и всех Ваших с Новым Годом.

Какие-то неожиданности он принесет нам! Радостных мало. Но совершенно непредвиденных очень много – это без-

условно. Возможно ли было в прошлом январе предугадать хотя бы частицу того, что пролилось на нас в 1917.

Получили ли Вы мое предыдущее письмо со стихами (от 28 ноября)?[1] Посылаю Вам еще несколько новых стихотворений.[2] Я много пишу эту зиму – все время только и сосредоточен в работе: будущее так темно и всякая личная жизнь подвержена стольким случайностям, что невольно торопишься сказать все, что надо высказать.

Так как едва ли эти стихи скоро смогут быть напечатанными (хотя я их и послал по разным газетам и журналам...), то, пожалуйста, покажите их наивозможно большему числу моих знакомых.

Как идет Ваша жизнь? Можете ли Вы писать? Что сейчас делает Миша?[3]

Коктебеля пока не касались никакие ужасы, но это возможно в любой момент. Сейчас в Феодосии идет перестрелка между русскими и татарами, ждем чуму из Трапезунта, «Гебен» рыщет по Черному морю...[4] словом, много очередных радостей и какая из них осчастливит своим посещением, предвидеть невозможно.

«...Ах, как тяжко бремя свободы...
кто вернет темничные своды
И запястья милых цепей...»[5]

Мои старые стихи оказались пророческими.

Ища утешения в соответствиях, я все лето читал Тэна,[6] но он уже не удовлетворяет больше... Теперь я читаю перед сном Грегоровиуса (История города Рима в средние века)[7] – это больше отвечает современности.

Вычитал там один факт, до сих пор мне неизвестный и глубоко меня поразивший: в истории Рима был такой момент (он длился 40 дней), когда во всем Риме не было ни одного живого человека – только дикие звери. Он еще не был тогда разрушен. Это было в 6-м веке. Затем он снова стал населяться.[8] Такие черты очень говорят сердцу в наши дни.

До свиданья, Рашель Мироновна. Привет Надежде Ивановне, Онисиму Борисовичу, Мише, Еве.[9]

[1] См.: Т. 10 наст. изд. С. 742–743.

[2] Р.М. Гольдовская писала Волошину 28 февраля / 13 марта 1918 г.: «Ваши письма и стихи получила. Это было для меня в настоящем моем состоянии – *драгоценнейшим* подарком. <...> Стихи ваши великолепны. Я их читаю, перепечатываю и раздаю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 434, л. 26–28 об.).

[3] Сын Гольдовской М.С. Фельдштейн. Гольдовская отвечала Волошину в цитированном письме: «...пока мы все живы и более или менее здоровы. Но жизнь тяжелая. Это существование даже не изо дня в день, а с минуты на минуты. Я Вам не писала, п<отому> ч<то> у меня голова вроде чугунной тумбы. <...> Бальмонт и Нюша <А.Н. Иванова. – *Ред.*> бывают у нас часто. Маргарита Вас<ильевна> работает с Эвой каждый день <М.В. Сабашникова и Е.А. Фельдштейн. – *Ред.*>. Миша читал большой доклад в Юр<идическом> Общ<естве>. Но все это "механика"... Отвратительно жить. И какие же мы были год тому назад сантиментальные дураки... О себе и говорить не хочется. Очень нужно было убить целую жизнь на "любовь к России"... ... <...> Со вчерашнего дня Москва перестала быть сердцем России, но за то стала столицей "социалистического отечества", à bon entendeur – salut <благо тому, кто умеет слушать – *фр.*>». Неделю спустя Гольдовская сделала дополнительную приписку: «Жить стало еще тяжелей. Что только проделывают эти "глашатаи социалист<ического> рая"! Бесстыдная, грубая, трагическая клоунада». (В тексте – отклик на перенесение столицы РСФСР из Петрограда в Москву – 12 марта 1918 г.).

[4] Германский линейный крейсер «Гёбен», совершивший в ходе Первой мировой войны многочисленные походы в Черном море. См.: *Кооп (Копп) Георг.* На линейном крейсере «Гёбен». СПб.: Корабли и сражения, 2002.

[5] Строки из стихотворения Волошина «Возлюби просторы мгновенья...» (1908). См.: Т. 1 наст. изд. С. 103.

[6] Имеется в виду труд Ипполита Тэна (Taine) «Происхождение современной Франции» («Origines de la France contemporaine», vol. 1–5, 1875–1895; рус. пер. под ред. А.В. Швырова: Происхождение современной Франции. Т. 1–5. СПб., 1907), подробно описывающий историю Великой французской революции.

[7] Труд Фердинанда Грегоровиуса «История города Рима в средние века (от V до XVI столетия)» (Т. 1–5. СПб., 1902–1904); сохранился в библиотеке Волошина.

[8] Опираясь на свидетельства Прокопия Кесарийского, описавшего разграбление Рима в декабре 546 г. готским войском под предводительством Тотилы, Грегоровиус сообщает: «Тотила <...> приказал

всему населению, без исключения, покинуть Рим и уходить в Кампанью. С представлением такого факта, совершенно нам чуждого и не повторявшегося в истории, наше воображение не мирится <...> Но слова Прокопия вполне определенны и ясны, и они подтверждаются другим историком, который говорит: Тотила увел римлян пленными в Кампанью, и после того в течение более чем 40 дней в Риме можно было встретить только одних животных, человеческой же души в нем не было ни одной» (*Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в средние века (от V до XVI столетия)/ Пер. М.П. Литвинов. СПб., 1902. Т. 1. С. 391).

[9] Н.И. Ивановская, О.Б. Гольдовский, М.С. Фельдштейн, Е.А. Фельдштейн.

5. В.Я. ЭФРОН

4 января 1918 г. Коктебель

4 января 1918 г. Коктебель.

Милая Вера,

получила ли ты мое письмо от 23 октября?[1] Может, ты и отвечала мне с тех пор... но я ничего не получал. Мне хочется знать о тебе. Напиши мне – теперь письма стали снова доходить. Я знаю только, что «ты – монах с подкидышем».[2] Но хочется знать о внутреннем твоем состоянии. Я одно время очень мечтал о том, что ты приедешь в Коктебель, потому что, чтó в сущности тебе делать сейчас в Москве?

Приедешь ли к лету (если возможно будет проехать)? Встречаешься ли ты иногда с Маргаритой?[3] Я посылаю это письмо с оказией: через Канд<аурова>, так что тебе его передаст Юлия:[4] пусть она прочтет тебе мои новые стихи – я ей послал все написанные за эту зиму.

Пра очень тяготится Коктебелем и невозможностью поехать в Москву. Твоему приезду она была бы чрезвычайно рада. В Феодосии сейчас беспорядки – резня и убийства, но нас почему-то до сих пор еще не коснулось ни разу, хотя мы часто ждали и теперь ждем, что перекинется и в Коктебель. Я живу очень уединенно, молчаливо – все время в работе. Как-то очень заторопился сказать все, что надо.

Ничего мы не получали от Сережи, кроме открытки с пути.[5] А Марина?[6] Что делает Лиля?[7] Я совершенно не представля<ю,> как сложилась у всех жизнь в Москве — общий строй ее. Не могу себе представить, что могут быть театры, выставки, а между тем все это есть...

Здесь — в уединении — общую жизнь, катастрофичность ее, исторический трагизм чувствуешь общее, больше лицом к лицу выносишь ее тяжесть. И я рад этому, и даже не хотел быть внутри событий.

Крепко обнимаю тебя, милая Вера. Пиши мне.

Поцелуй от меня Лилю, Марину, Фельдштейнов.

МАХ.

[1] См.: Т. 10 наст. изд. С. 701—703.

[2] См. примеч. 15 к п. 1.

[3] М.В. Сабашникова.

[4] Ю.Л. Оболенская.

[5] С.Я. Эфрон в декабре 1917 г. отправился из Коктебеля в Новочеркасск, где вошел в ряды формировавшейся Добровольческой Армии. См.: *Эфрон Сергей.* Записки добровольца. <М.>: Возвращение, 1998. С. 105, 226 (примеч. Натальи Морс). Упомянутая открытка в подборке писем Эфрона к Волошину (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347) отсутствует.

[6] М.И. Цветаева выехала из Коктебеля в Москву 25 ноября 1917 г., предполагая сразу же вернуться обратно вместе с дочерьми, однако это намерение не осуществилось. (См.: *Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 215).

[7] Е.Я. Эфрон.

6. Г.А. ШЕНГЕЛИ

9 января 1918 г. Коктебель

9-го января 1918. Коктебель.

Дорогой Георгий Аркадьевич,

благодарю Вас за письмо и за все предложения.

С удовольствием предоставляю Вам для Антея *Петроград.*[1] И, если хотите, «Русь одержимая» и «Появились новые трихины».[2] Они пока свободны. Другие стихи я отправил в

Петербург, но не знаю, пристроятся ли они там где-нибудь при теперешнем положении дел. Посылаю Вам еще несколько новых стихотворений Я очень много пишу этой зимой и еще масса задуманного. Это и заставляет меня *пока* отказаться от Вашего – очень заманчивого предложения лекций.[3] Страшит меня, должен признаться, и переезд по жел<езным> дорогам, т<ак> к<ак> у меня от табачного дыма делается астма, а теперь от этого не спасешься. Словом, если все будет в Коктебеле благополучно, то я никуда отсюда не уеду. Но благополучию коктебельскому, кажется, приходит конец: завтра приходят султановские крестьяне социализировать Юнговскую экономию.[4] Неизвестно, не социализируют ли заодно и нас. Тогда, если придется выселяться из своего дома, то я неизбежно поеду зарабатывать деньги, то есть читать стихи и лекции, и непременно воспользуюсь Вашим предложением и тогда напишу Вам. К сожалению, не могу прислать Вам Эредиа, т<ак> к<ак> нельзя полагаться на почту.[5] Большое спасибо за посвящение мне переводов Леконт де Лиля.[6] С огромным интересом буду ждать Вашей статьи обо мне.[7] Мною русская критика вообще не занималась, если не считать обильных и страстных поношений, и то не за стихи, а за лекции и поступки. Вне этого одна небольшая рецензия Брюсова, довольно благоприятная,[8] вот и вся литература обо мне. Поэтому Ваша статья, конечно, очень аналитичная по отношению к ритмике, мне особенно интересна. А так же интересна она, как мнение человека другого поколения.

Что касается сборника моих стихов, то у меня осталось его очень мало экземп<ляров> – 20.[9] И я его хочу сохранить только для моих друзей, а не пускать в продажу. Другое дело мои избран<ные> стихотв<орения> «Иверни», которые были почти готовы к выпуску в конце ноября, а с тех пор прервалось всякое сообщение с Москвою.[10] Может быть, Вы сможете запросить из Харькова моего изд<ателя> (Соломон Абрамович Абрамов. Изд<ательство> «Творчество». Чернышевский пер. 12), Вы скорее сможете получить от него ответ, чем я, а может быть, и прямо книжки.

Хотел с Вами посоветоваться: я хочу все теперешние стихотворения собрать в книжку, включив туда несколько из

старых стихов на эти темы, всего стихотворений двадцать в размерах моей книжки о войне... печатать в столицах немыслимо. Зная, что Вы печатались в Феодосии, я имел эту мысль, и мне один мой знакомый обещал это взять на себя.[11] Но при теперешних обстоятельствах Бог знает что будет. Может, это возможно в Харькове? Может, Ваше издат<ельство> «Антей» заинтересовалось бы таким изданием?

Содержание книжки вам известно, к посланным стихам я прибавлю «Ангел Мщенья», «Голову г-жи де Ламбаль»,[12] «Толпу» Верхарна[13] и еще несколько задуманных, но еще не осуществленных. Имя книжке «ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ» с соответственным эпиграфом из Тютчева.[14] Будет очень цельная книга о революции.

Очень заинтересован Вашей студией стихотворства — напишите подробнее. Словарь эпитетов вещь полезная и необходимая, но еще было бы интереснее составить толковый словарь символов.[15] Мы об этом в прошлом году говорили со свящ<енником> Пав<лом> Флоренским.[16] Моя статья «Аполлон и мышь»[17] представляет в сущности такой опыт выяснения широты символа. Желаю Юлии Владимировне[18] успешной работы. Жму Вашу руку. До свиданья.

[1] В письме из Харькова от 1 января 1918 г. Шенгели извещал Волошина: «Наше издательство приступает к выпуску периодических сборников “Антей” и очень просит всех принять участие в этом издании. Приглашены Мандельштам и Сологуб, профес<сор> Денисов — специалист по метрике, Белый. Сотрудничество оплачивается: стихи — рубль, статьи — 40 к. за строку. <...> Присланные Вами стихи вчера же размножены на пишущей машинке и розданы. Быть может, Вы позволите хотя бы одно (“Петроград”) оставить для “Антея”?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290). Стихотворение «Петроград (1917)» («Как злой шаман, гася сознанье...») датировано 9 декабря 1917 г. (Т. 1 наст. изд. С. 255).

[2] Имеются в виду стихотворения, вошедшие в книгу Волошина «Демоны глухонемые» (1919) под заглавиями «Русь глухонемая» («Был к Иисусу приведен...», 6 января 1918) и «Трихины» («Исполнилось пророчество: трихины...», 10 декабря 1917). См.: Т. 1 наст. изд. С. 262, 256.

[3] Шенгели, будучи секретарем харьковского «Союза искусств», предлагал Волошину в цитированном письме прочесть в этом объ-

единении лекцию: «“Союз” гарантирует 400 рубл<ей> и помещение. <...> Вы говорили, что в середине зимы Вы смогли бы приехать. <...> Вы могли бы свой приезд использовать для ряда выступлений: помимо “Союза искусств”, в Литер<атурно->Худож<ественном> кружке, в “Иппокрене”».

[4] Султановка – деревня между Коктебелем и Феодосией. «Экономия» – коктебельское имение братьев А.Э. и Ф.Э. Юнге с винодельческим хозяйством. См.: *Жарков Евгений*. Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 27–41.

[5] В письме от 1 января 1918 г. Шенгели сообщал о недоступности для него в Харькове книги сонетов Жозе Марии де Эредиа «Трофеи» («Les Trophées», 1893).

[6] В том же письме Шенгели сообщал: «...перевожу Леконт-де-Лиля (два перевода: “Слоны” и “Сердце Гиальмара” во втором № “Иппокрены” я посвятил Вам)».

[7] Подразумевается фраза из того же письма Шенгели: «Я читал лекцию “Алгебра и гармония”, в коей много говорил о Вас».

[8] В. Брюсов рецензировал обе вышедшие к тому времени поэтические книги Волошина – «Стихотворения. 1900–1910» (1910) и «Anno mundi ardentis 1915» (1916) – в «Русской Мысли» (1910. № 5. Отд. III. С. 127–128; 1916. № 6. Отд. IV. С. 1–2). Волошин подразумевает, скорее всего, первую рецензию. См.: *Брюсов Валерий*. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М.: Сов. писатель, 1990. С. 311–312.

[9] Речь идет о книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910). «Кажется, у Вас есть довольно много экземпляров первой книги, – писал Шенгели Волошину 1 января 1918 г. – Она найдет обширный сбыт, и местный магазин “Нового Времени” приобретет известное количество книг за наличные и по повышенной цене».

[10] Книга Волошина «Иверни (Избранные стихотворения)» (М.: Творчество, 1918) вышла в свет с опозданием против намечавшихся сроков – видимо, в конце мая 1918 г. (до 7 июня; см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 209), авторские экземпляры дошли до него в июле 1918 г.

[11] См. п. 1, примеч. 2, 3.

[12] Стихотворения «Ангел Мщенья (1906 г.)» («Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!..», 1906) и «Голова madame de Lamballe (4 сентября 1792 г.)» («Это гибкое, страстное тело...», 1906) ранее

были помещены в книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (С. 36–37, 23–24). См.: Т. 1 наст. изд. С. 252–253, 244–245.

[13] Стихотворение Э. Верхарна «Толпа» («La Foule») из его книги «Лики жизни» («Les Visages de la vie», 1899) в переводе Волошина (1917) было ранее опубликовано в журнале «Красное знамя» (1917. № 3/4, июнь. С. 62–64). См.: Т. 4 наст. изд. С. 57–59.

[14] См. п. 1, примеч. 4.

[15] В письме от 1 января 1918 г. Шенгели сообщал Волошину, что «приглашен руководителем студии стихотворства при мастерских Союза <«Союза искусств». – *Ред.*>, – кажется, единственное в России начинание», и что его жена, Ю.В. Шенгели, «работает над словарем эпитетов русских поэтов»: «Пока систематизированы Вы, Тютчев, Баратынский; теперь работа над Пушкиным».

[16] Волошин посетил П.А. Флоренского в Сергиевом Посаде 18 января 1917 г. (Труды и дни-2. С. 10). См.: *Купченко В.* Поэт и священник (К истории взаимоотношений М. Волошина и П. Флоренского) // Dissertationes slavicae, XIX. Szeged, 1988. С. 263–269; *Никитин В.А.*, *Купченко В.П.* К истории взаимоотношений отца Павла Флоренского и Максимилиана Волошина // Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 499–507. В начале 1920-х гг. Флоренский стал одним из инициаторов коллективной работы по составлению «Symbolarium'a», или Словаря символов, для которой написал предисловие и статью «Точка» (см.: *Флоренский Павел, священник.* Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 564–590, 794, 797).

[17] Эта статья Волошина (1911) вошла в его кн. «Лики творчества» (1914). См.: Т. 3 наст. изд. С. 134–157.

[18] Ю.В. Шенгели.

7. А.М. ПЕТРОВОЙ

9 января 1918 г. Коктебель

9-го января 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,
ну вот, наконец, нормальный русский быт дошел и до нас. Я говорю не про Феодосию, а про Коктебель.

Вчера приходили к Юнге султановские крестьяне[1] и предупредили, что через два дня придут делить имущество и землю. Так что завтра нам предстоит Социалистическое крещение. Бедная Дар<ья> Андр<еевна> Юнге ожидает на этих днях рождения ребенка.[2] Так что все одно к одному. Она перебирается с детьми пока к нам. Как это коснется других обитателей Коктебеля, трудно предвидеть. Но у Юнге большой винный погреб, который весьма может воодушевить гражданские чувства. У меня большой фатализм, и я буду заниматься своим делом до последней минуты. Посылаю Вам новое стихотворение.[3] У меня целый ряд начатых больших, но ни одного оконченного за это время, кроме посылаемого. Кроме того, я снова принялся за живопись — за лицо, — тут оказалось несколько зимующих Художниц и просто рисующих людей, и мы стали собираться последнее время у меня и рисовать, а кто-нибудь из нас же позирует.[4] Так что жизнь идет совершенно мирно, и с наступившей весенней погодой даже трудно себе представить среди такой тишины и радости какие-нибудь катастрофы.

Благоприятно для нас то, что на цементном заводе[5] как раз перед этими событиями всякие работы прекратились, и нет ни одного рабочего.

Я был наконец у гранильщика-чеха по Вашему поручению.[6] Не сердитесь, что так поздно: туда надо было идти засветло, т<ак> к<ак> это в сторону от деревни и шоссе и страшная грязь А мне выйти засветло было очень трудно. т<ак> к<ак> я все время с утра работаю, не отрываясь и не выходя из дому. У него очень мало сейчас камней вообще. Но я нашел два подходящих за 9 рублей — один сизо-дымчатый непрозрачный, другой прозрачный, белый (опал по-коктеб<ельски>). Но т<ак> к<ак> Вы писали — только не белый и не объяснили, что вы под этим подразумеваете: белый ли непрозрачный или светлый прозрачный тоже, то я не взял до Вашего разъяснении и просил эти камушки отложить.[7]

Я было согласился с Вами относительно Стеньки, но Ваше негодование в последней открытке[8] меня повергло в недоумение снова, и я думаю, что мы говорим о совершенно

разных вещах. Мне не нравится в Стеньке слишком большая законченность – хочется его порастрепать в смысле рифм, что я, может, и сделаю; но общего образа Стеньки я не собираюсь менять. Вы, верно, просто представили себе вовсе не то, что я задумывал, и у Вас ваше представление не сходится с моим. Пожалуйста, напишите мне Ваши замечани<я> подробно и построчно, чтобы я мог ими воспользоваться.[9] Это мне будет очень важно. А то я не улавливаю Вашего недовольства конкретно.

Как Вы переживаете эти тревожные дни в городе?[10]

Приехал ли Костенька?[11] Очень меня беспокоит то, что он еще в Севастополе. Хотя теперь, в сущности, решительно все равно, где ни быть. Судьба...

Теперь (если нас не сожгут за компанию) я, верно, не скоро приеду в Феодосию, т<ак> к<ак> с ликвидацией Юнговского хозяйства прекратится единственная лошадиная связь с городом, а нанимать, сами знаете, – немыслимо. Если же социализация коснется и нас, то поневоле придется ехать в город. Хорошо, что мама не поехала в тот день, как собиралась,[12] – она прямо попала бы в день городских историй.

Пока до свиданья. Всего лучшего. Что у Рагозинских?

MAX.

[1] См. примеч. 4 к п. 6.

[2] Д.А. Юнге родила дочь Аллу Александровну Юнге 23 января 1918 г.

[3] Речь идет о стихотворении «Русь глухонемая» (закончено 6 января 1918 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 262, 527. В ответном письме от 9–14 января 1918 г. Петрова, называя это стихотворение «Русь Одержимая», замечала: «“Русь Одержимая” – прекрасно! Спасибо!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 4). Позже 4/17 февраля по поводу этого стихотворения она писала: «“Русь одержимая” – напоминает как-то тип псалмов “евангельских христиан”. Как ни прекрасно, но поучительно» (*Там же*, л. 10 об.).

[4] О каких художницах упоминает Волошин в письме, установить не удалось. Петрова критически оценивала увлечение Волошина живописью в этот период: «Меня сердит Ваша живопись, когда

нужно писать. Я Вас выучу лучше пасьянсы раскладывать. (Не сердитесь!)» (*Там же*, л. 4 об.).

[5] С 1914 г. у подножия Карадага действовал цементный завод, где производились разработки вулканической породы пуццоланы, идущей на производство гидравлического цемента.

[6] Приобрести два недорогих овальных камня Петрова просила Волошина в письме от 6 декабря 1917 г.: «*Просьба* (чтобы не забыть, и Вас очень прошу): в Коктебеле есть шлифовщик камней, купите у него 2 камня (коктебельских, только), 1) овальной формы, 2) двух разных цветов, но только чтобы не *белого*, 3) купите, если не дороже 5-ти руб., если дороже – не нужно; привезите или пришлите с первым надежным случаем. Об этом очень просит Ольга Спир<идоновна> Альбрехт» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 31–31 об.). В письме от 29 декабря 1917 г. Петрова спрашивала у Волошина: «Вы мне ни слова не ответили о коктебел<ьских> камнях. Можно ли купить, почем» (*Там же*, л. 35). Огранкой местных полудрагоценных камней в Коктебеле занимался Виктор Николаевич Вучетич, энтомолог, с 1915 г. сотрудник Карадагской научной станции.

[7] Петрова отвечала Волошину 9–14 января 1918 г.: «Камней у чеха не берите пока, пожалуйста. Нужны именно только не белые – прозрачные ли, глухие ли. Можно зеленые, красные, дымчатые и т<ому> под<обное>. Не поняла, 9 руб. за пару или за один? Дымчатый привезите, если можно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 4). Однако чуть позже в письме от 4/17 февраля она вообще отменила свой заказ, написав: «Камня (дымчатого) не берите; Ольга Спир<идоновна> раздумала. Спасибо за беспокойство из-за него!» (*Там же*, л. 11 об.)

[8] Отзыв Петровой о стихотворении «Стенькин Суд» (закончено 22 декабря 1917 г.) см. в примеч. 13 к письму Волошина от 30 декабря 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 769).

[9] На просьбу Волошина Петрова откликнулась в письме от 9/14 января 1918 г., где отметила: «И со “Стенькой” – добрый скандал: Господь Вас посетил! Дико обрадовалась, когда поняла <...>; треснуло по Вас “священной отметиной”. Сами подумайте: чтобы Вы разворотили, если бы клич его удался Вам? Прошел бы через Вашу душу, облегся бы в магию Ваших слов? Чудесная штука, но не удалось. Радуйтесь – не печальтесь. Провал почетный и воистину божественный» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 1). Продолжение полемики Волошина и Петровой по поводу стихотворения «Стенькин суд» см. в п. 14, примеч. 12.

[10] См. примеч. 2 к п. 2.

[11] К.Ф. Богаевский. 28 декабря 1917 г. Петрова сообщила Волошину: «Костеньки не было здесь, но он вполне благополучен. Скоро, в январе, совсем вернется домой, слава Богу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 34). Отвечая на вопрос Волошина, Петрова писала: «Костеньку и Фину все ждут. Тревожимся все за их переезд сюда, хотя солдаты заявили: “мы такую бумагу К.Ф. выдадим, что он всюду проедет.” Добрая, но и наивная уверенность» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 4 об. В письме упоминается Ж.Г. Богаевская).

[12] Е.О. Кириенко-Волошина планировала выехать в Феодосию 30 декабря 1917 г. См.: Т. 10 наст. изд. С. 775–777.

8. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

12 января 1918 г. Коктебель

12/I 1918. Коктебель.

Милый Саша, очень был рад получить твое письмо. Конечно и с удовольствием я тебе дам приют в своей мастерской: весь остальной дом (отапливаемый) полон.[1] Ведь нам не привыкать жить в одной комнате. Но советовать тебе ехать ко мне все-таки не могу. Дорога трудна очень и пути то здесь, то там разобраны. Мы не гарантированы, что наш дом не конфискуют, или просто не сожгут: сию минуту в двух верстах от нас конфискуют и грабят имение Юнге,[2] которые сами скрываются у нас. И поговаривают о том, чтобы разделить между крестьянами все приморские дачи — нашу, конечно, в том числе. Кроме того, сейчас кругом идет война между татарами и русскими, с аэропланами и пулеметами. Это всегда может перенестись и в Коктебель.

Словом, нужно быть готовым каждую минуту к тому, чтобы остаться без крова самим. Но я думаю, что это сейчас нормальные условия жизни в России, и как мне ни жалко моей библиотеки и мастерской, я все же продолжаю думать, что «все к лучшему в этом лучшем из миров».[3]

Но раз это все нормально и всюду так, то почему же тебе не приехать все-таки в Коктебель?

Что касается питания, то мы сами не готовим: нас кормит одна семья, за это занимающая половину нашего дома.[4] Так что тебе придется устраиваться самостоятельно в этом отношении. Кроме того имей в виду, что почта уже месяц как не действует. Твое письмо первое, которое пришло ко мне за этот месяц, а то последние были от 8-го декабря. Газеты то же самое. Так что ты будешь отрезан и от всего внешнего мира и от семьи. Впрочем, у Алкалаева[5] ты будешь верно в таком же положении. Ты спрашиваешь, что я думаю о теперешних событиях?[6] Посылаю тебе несколько новых стихотворений.[7] Они тебе скажут глубже и больше. Т<ак> к<ак> при теперешнем состоянии литературы едва ли удастся скоро их напечатать, то я буду тебе очень благодарен, если ты их прочтешь, покажешь и дашь переписать наивозможно большему количеству людей. Не знаю, примешь ли ты мой оптимизм: в смысле устройства земных дел я не вижу их улучшения в ближайшее время, но все происходящее мне кажется очень плодотворным в смысле исторического опыта: Россия так долго была лишена его многовековой государственной опекой, что ей необходимо наверстать упущенное. А оптимизм и оправдание действительности я считаю первым и единственным долгом по отношению к миру.

Что касается меня, то я очень бодро работаю всю зиму и над стихами, и над живописью. Тороплюсь использовать те последние возможности уединенной творческой работы, которых, быть может, у меня больше не будет в течение многих лет.

Александра Михайловна была очень больна все лето.[8] Делала операцию (вырезание фибромы). Операция удалась. Но остальные болести остались: невралгия, ревматизмы, желудок. Я не бывал в Феодосии всю зиму из-за работы и из-за астмы, но мы все время переписываемся.

Что касается религиозной жизни, то хотя я в церковь и не хожу и не крещусь, но живу очень религиозно сосредоточенно и вижу современность только с религиозной, а не с политической точки зрения.[9]

Статьи с самого апреля не написал ни одной.

Я нашел для тебя ссылки на те французские труды по экспериментальной фонетике стиха, о которых я тебе говорил зимою. Выписываю тебе их заглавия в конце письма. Напиши мне об Алкалаеве, если получишь от него ответ. Напиши тоже о моих стихах и твое мнение и то впечатление, которое они производят на тех, кому ты их будешь читать.[10]

Пока до свиданья. Всего лучшего. Если не убоишься и надумаешь приехать, буду очень рад.

Привет Людмиле Сергеевне.[11]

MAX.

Maurice Grammont. Le vers français, ses moyens d'expression, son harmonie. Ed. Champion.

Geoges Lote. L'Alexanlin Française d'après la phonetique expèrimentale. Ed. La Phalange. (5 vol. avec planches). 1913–1914.

[1] Письмо А.М. Пешковского к Волошину из Москвы от 23 декабря 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964, л. 60–62 об.) содержит приписку: «Я последнее время ищу себе приюта месяца на 2, на 3. Жить в Москве мне становится совершенно не по средствам. <...> я хочу поместить жену у родителей в деревне, а самому, захватив должное количество книг, поехать на льготные условия <...> Писал об этом сестре и Алкалаеву, а сейчас вздумал написать и тебе. Ты, конечно, понимаешь, что обращаюсь к тебе в данном случае не как к домовладельцу, а как к Максу, и исключительно в связи с нуждой, разлукой и экзаменами. Поговори с Ел<еной> Отт<обальдовной>, дай прочитать ей эту приписку и решайте. Отказ сочту нормальным».

[2] См. п. 6, примеч. 4.

[3] «Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles» — многократно в различных вариациях повторяемое изречение Панглоса, персонажа философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759); пародирует «Теодицею» (1710) Лейбница, проповедующую «теологический оптимизм» и теорию «предустановленной гармонии».

[4] Подразумевается семья Кедровых.

[5] Владимир Семенович Алкалаев-Калагеоргиев (1879–?) — товарищ Волошина и Пешковского по Феодосийской гимназии.

[6] «Что ты думаешь о событиях? — спрашивал Пешковский Волошина в цитированном письме. — Теперь мода на полное отчаяние, и мне, как оптимисту, приходится плохо. Никогда не мог понять

полной безнадежности, а это, должно быть, русская черта. В этом пункте чувствую себя не русским».

[7] Как выясняется из ответного письма Пешковского, среди отправленных ему стихотворений были «Мир», «Русь глухонемая», «Москва», «Святая Русь», «Трихины» и стихотворения на темы Великой французской революции.

[8] В письме от 23 декабря 1917 г. Пешковский справлялся об А.М. Петровой: «Жива ли она и здорова ли? Я как-то посылал ей летом заказное письмо и заказную бандероль и до сих пор не имею ответа».

[9] Отклик на слова Пешковского в том же письме: «Между прочим, хожу теперь в церковь, крещусь и т.д. Что-то со мной в этой области происходит».

[10] Отзыв о стихах Волошина содержит ответное недатированное письмо из Екатеринослава, написанное несколько месяцев спустя (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964, л. 63–65): «Твои стихи я читал в М<оскв>е очень многим, даже в одном общественном месте (христианский кружок молодежи), и всюду с колоссальным успехом. Очень просили меня отдать их в печать (когда еще буржуазные газеты выходили), но я не посмел, не имея на то от тебя полномочий, да и боялся ухудшить твои отношения с большевиками <...>. Некоторые из этих стих<отворен>ий нравятся мне больше, чем всё, что ты до сих пор написал, и, по-моему, от них веет совершенно новым для тебя духом: простотой и силой чувства. Сюда я отношу: 1) “С Россией кончено...”, 2) “Был к Иисусу приведен...” и 3) “В Москве на Красной площади...” (названий не помню). То же я сказал бы и о “Суздаль да Москва не для тебя ли...” с прибавлением еще особого восхищенья формой этого стих<отворен>ия, если бы был вполне согласен с его содержанием. Но этого нет: я считаю, что “вериг” в большевизме как кот наплакал, а “расстриг” очень много, у тебя же получается как бы половина на половину. Кроме того, *химическое* соединение того и другого хотя в отдельных натурах и встречается, но для всего большевизма, по-моему, не характерно, и выделить из массы “расстриг” горсточку “вериг” очень легко. Но во всяком случае эти 4 стихотворения все одинаково просты и сильны, и я их знаю наизусть. Мистические, с переселением душ, более “выдуманы”, картинки из франц<узск>ой Революции – шедевры, но в свойственном тебе и мало трогающем меня созерцательно-наблюдательском духе, наконец “Трихины” просто непонятны без соответствующего эпиграфа из Дост<оевск>ого (где это место? Я никак не найду!). Вот

тебе полный отзыв». (В тексте подразумеваются строки из стихотворения «Святая Русь»: «Но тебе сыздетства были любы – / <...> Вольные раздолья да вериги, / Самозванцы, воры да расстриги». – Т. 1 наст. изд. С. 257).

[11] Л.С. Пешковская.

9. В ФЕОДОСИЙСКИЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

13 января 1918 г. Коктебель

13 января 1918. Коктебель.

В Феодосийский Военно-Революционный Комитет.

Принося благодарность Военно-Революционному Комитету за своевременные и энергичные меры для предотвращения окончательного разгрома имения Юнге,[1] где рисковали погибнуть библиотека, научные и художественные коллекции, представляющие общенациональную ценность, позволяю себе обратить внимание Военно-Революционного Комитета на несколько пунктов уезда, представляющих не меньшую общественную ценность.

Именно: Карадагская Биологическая Станция имени Т.И. Вяземского в Отузах, где, кроме научных аппаратов, хранится единственная по своему значению, громадная научная библиотека. Как научный центр области она имеет не меньшее значение, чем Феодосийская Метеорологическая Станциям, и народному Правительству надлежит охранять ее с особой заботливостью.

В моем доме в Коктебеле находится собранная мною обширная литературная и историческая библиотека (главным образом по истории революции) французских книг (свыше 5000 томов), много художественных произведений – картин, рисунков и скульптурных слепков, и рукописей, утрата которых представила бы не только мой личный ущерб, но была бы потерей для всего русского искусства. Немедленной опасности упомянутым сокровищницам культурных ценностей сейчас не грозит, но она всегда возможна, благодаря смутному

представлению о границах частной собственности, царящему в умах местного населения, едва не приведшему к разграблению огромной ботанической коллекции А.Э. Юнге и аукциону его библиотеки и художественных коллекций султановскими крестьянами. Многому бы помогло распространение среди местного населения печатных обращений от Центрального Военно-Революционного Комитета, в которых в определенных и ясных словах были бы сформулированы новые права крестьян на помещичью землю и хозяйственные принадлежности и были бы указаны точно и права собственности, остающиеся за бывшими владельцами, и переименовано то, что не подлежит отчуждению, дабы законный раздел не мог переходить в беспорядочный грабеж. Кроме того, полезно было бы владельцев и заведующих библиотеками и коллекциями общегосударственной ценности вроде вышеуказанных снабдить охранными свидетельствами, дозволяющими им, в случае опасности самовольного раздела, обратиться к содействию центральных органов власти.

О таковом свидетельстве я в частности прошу для моей библиотеки и моего собрания картин и рукописей.[2]

[1] См. п. 6, примеч. 4. Накануне, 12 января, Волошин, узнав о том, что крестьяне, разграбив и поделив сельскохозяйственное имущество Юнге, намереваются таким же образом поступить с их личным имуществом (мебель, книги, картины), телеграфировал об этом в Феодосию и сам пришел в имение, где вступил в переговоры с грабителями. В ночь с 12 на 13 января в имение Юнге прибыл из Феодосии отряд красногвардейцев, остановивший разгром (Труды и дни-2. С. 39).

[2] Следствием этого ходатайства было распоряжение за подписями председателя военной комиссии Военно-революционного комитета Александрова и секретаря Панова (14 января 1918 г.), согласно которому строжайше воспрещалось «какое-либо насильственное посягательство на имущество господина М. Волошина» (*Там же.* С. 40).

10. А.К. ГЕРЦЫК

17 января 1918 г. Коктебель

17 января 1918 года. Коктебель.

Спасибо за подробное и очень важное для меня письмо.[1]

Спешу Вам ответить на него, чтобы передать его через того посланного, который завтра должен, как мне телефонировала Соф<ья> Як<овлевна>[2] заехать за «драматической литературой».

Сперва о внешних делах: у нас очень тревожные дни: Крестьяне делят (и грабят) экономию Юнге. Они все живут в нашем доме, у нас и Дар<ья> Ан<дреевна> Юнге должна на днях родит<ь>.[3] Все время приходится ходить в экономию, говорить с крестьянами, говорить по телефону с военно-революционным комитетом, на днях даже вызывал сюда отряд красногвардейцев.[4] Делят не коктебельцы, а султановцы, которые приходят вооруженными, и коктебельцы их боятся. Поговаривают, что когда покончат с Юнге, примутся делить дачи. Но и это все пустяки сравнительно с солдатскою опасностью, надвигающейся из Феодосии: там сейчас 10 000 солдат из Трапезунта, и они расползаются по окрестностям. Словом, у нас в доме битком набитом (одних детей – десять человек)[5], царит смятение. У меня же, почему-то, большой подъем духа и, несмотря на то, что меня поминутно отрывают, продолжаю усиленно работать и писать стихи. И в душе почему-то вопреки разуму какое-то ликование, точно ответ на то, что идет по ту сторону действительности.

Большое спасибо за все то, что Вы пишете о моих стихах.[6] Ваши слова страшно окрыляют меня. Все Ваши замечания очень для меня важны. Но не со всем я могу согласиться и не все понимаю. Так относительно размера «Дмитрия».[7] У меня такое впечатление, что Вы с Соф<ьей> Як<овлевной> случайно прочли его не так – не тем темпом. Именно в правильности размера – этого изменчивого и очень ударного пятистопного хорея я вполне уверен. Мне жаль, что я не могу Вам прочесть его сейчас же вслух. Тогда я бы Вас убедил. Я знаю это на опыте, потому что все, кому я ни читал его, мне

прежде всего говорили: какой, беспокойный размер! Я думаю, что это недоразумение происходит оттого, что Вы его читали на ритм моих прежних стихов, а оно написано совершенно иначе. А что касается обилия исторических черт и подробностей, с этим, к сожалению, не могу не согласиться, но и преодолеть это мне трудно. Особенно Вы правы относительно «Робеспьера»[8] – я над ним работал больше всего и чувствую его наименее удовлетворительным. Я слишком хотел сжать его: то, что удалось в «Бонапарте» и в «14 июля»[9] – здесь провалилось. Но чувствую, что ни к Робеспьеру, ни к Дмитрию не смогу уже вернуться. Слишком много надо сказать другого. А у меня все такое чувство, что теперь надо очень торопиться сказать все, потому что после будет поздно, и вообще неизвестно, что будет, можно ли будет работать, да и уцелеем ли, неизвестно, а у меня теснятся еще другие темы.

Поэтому у меня изменился весь метод, строй и ритм моей работы: я спешу кончать и сейчас же рассылаю все оконченное. Но все замечания мне бесконечно важны, потому что так они мне служат для следующего. Вы, верно, ошиблись (или Ал<ександра> Мих<айловна>)[10], в предпоследней строчке «Св<ятой> Руси» сказано не «святая», а «Ты бездомная, гулящая, *хмельная*».[11]

А в заглавии «Св<ятая> Русь» должна присутствовать малая доля и иронии, и это, мне кажется, должно было его лишить трафаретности, но если этого не вышло, то Вы правы.

Писали ли Вы стихи это время? Или слишком отнимали время домашние волнения?

«Пироги с человеческим мясом»[12] и все прочее – это вовсе не для эффекта – это все обычные бытовые детали записей того времени: вообще я ничего в деталях не придумывал, а только выбирал из многого.[13] Так же и в фантастике о Дмитрии. Ах, как мне хочется Вам самому прочесть его вслух. Пока до свиданья. Привет всем. Очень буду ждать писем. А сам пока не могу и думать о приезде, т<ак> к<ак>присутствие здесь очень необходимо каждый момент.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду письмо А.К. Герцык от 14 января 1918 г. (*Сестры Герцык.* Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.: ИНАПРЕСС; М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. С. 167–169).

[2] С.Я. Парнок.

[3] См. примеч. 4 к п. 6, примеч. 2 к п. 7.

[4] См. примеч. 1 к п. 9.

[5] Имеются в виду дети семейств братьев Н.Н. и К.Н. Кедровых и Д.А. и А.Э. Юнге: Николай Николаевич Кедров, младший (Колюн) (1908–1981); Елизавета Николаевна Кедрова (Лиля) (ок. 1910 – ок. 1990), Ирина Николаевна Кедрова (1903–1989, в замуж. Ковалевская), Наталья Константиновна Кедрова (1907–1987, в замуж. Малинина), Ольга Константиновна Кедрова (Ляля) (1912–1978, в замуж. Леруа), Татьяна Константиновна Кедрова (?), Марина Александровна Юнге (1916–2011, в замуж. Розанова), Глеб Александрович Деген (1910–2004), Елена Александровна Деген (1912–1948), Кира Александровна Деген (1909 – ок. 1960).

[6] А.К. Герцык писала Волошину 14 января 1918 г.: «Мы с сестрой горячо сочувствуем Вашей идее издать книжку стихов о революции; думаю, что вы можете написать ее всю сразу, и она будет заклинанием действительности, противопоставлением ей, ибо углубит ее эзотерически... Скорее бы! Название “Демоны Глухонемые” мне лично нравится и кажется верным. Теперь о поэмах, присланных Вами. Самая важная, значительная, интересная – “Дмитрий Самозванец” – должна быть потрясающей. Мне представляется, что это самое значительное и *страшное* (хотелось бы сказать – и гениальное) из всего задуманного и выполненного за много-много лет» (*Сестры Герцык.* Письма. С. 167).

[7] Речь идет о стихотворении Волошина «Dmetrius-Imperator. 1591–1613» (См.: Т. 1 наст. изд. С. 273–275, 531–532). Оценивая эту «поэму» Волошина очень высоко, А.К. Герцык в то же время высказала несколько критических замечаний: «...думается, что архитектурно она выполнена не совсем удачно. Я лично не понимала, *почему* она не дает того впечатления *ужаса*, кот<орое> бы должна давать, и объясняла это себе тем, что Вы сами недостаточно содрогнулись. Читала ее на днях Парнок, она согласилась с моим впечатлением и думает, что размер должен был быть более нервным; этот ямб чересчур спокоен и повествователен. Могло бы быть, конечно, это эпическое спокойствие (как результат Вашей мудрой отдаленности от событий), но тогда поэма должна быть величавее, торжественнее, без таких мелких, бьющих на впечатление ужаса деталей, вроде пирогов с человечьим мясом (по-моему, это недопустимый и ненужный по

своей грубости эффект)». (*Сестры Герцык*. Письма. С. 167. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 409, л. 39 об.).

[8] Речь идет о стихотворном цикле Волошина, позже получившем название «Термидор». (См.: Т. 1 наст. изд. С. 248–250). А.К. Герцык замечала, что в произведениях Волошина революционных лет «ослабляет впечатление обилие исторических сведений», которые «вылезают из рамок, утомительно бьют в глаза». Она писала: «Впрочем, это замечание более всего касается <...> особенно “Робеспьера”, где стих подчас переходит в простой перечень событий хронологических. Это все имеет право на существование, но тогда становится хроникой и утрачивает свое внутреннее видение. Так – впечатление от гибели Робеспьера, трагизм созревания главы народа для жатвы гильотиной слабеет среди переизбытка исторических фактов и перечислений» (*Сестры Герцык*. Письма. С. 168. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 409, л. 40).

[9] Упоминаемые стихотворения позже составят стихотворный цикл Волошина «Две ступени» (1. «Взятие Бастилии», 2. «Взятие Тюильри»). (См.: Т. 1 наст. изд. С. 246–247).

[10] А.М. Петрова была одним из распространителей стихотворений Волошина революционных лет. 6 декабря 1917 г. она писала Волошину: «В полном восторге я от Ваших стихотворений, впрочем, как и все, кому читала», и уточняла: «Адел<аиде> Каз<имировне>, Жуковскому (были 2 дня у меня) <...> все переписали себе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 30).

[11] Уточнения Волошина вызваны замечанием А.К. Герцык: «Язык “Стенькина суда” и весь размах его немного смущает меня: иногда кажется, что намеренно (и потому утомительно) много оборотов и словечек архи-русских. И разве можно сказать “несгладена”? Как будто холодна, умом придумана и написана. Хотя, как и везде, есть великолепные строки, кот<орые> не умрут... Напр<имер>:

Вся великая, темная, пьяная
Окаянная движется Русь.

Видите, я стараюсь быть неподкупно строгой, пот<ому> что заранее люблю Ваш сборник ревнивой беспокойной любовью. Он откроется, конечно, Святой Русью? Вы спрашиваете против каких строк я протестовала. <...> я не сказала бы в последней строке *святая* Русь и не назвала бы так стихотворение. В данном случае слово *святая* звучит как трафарет. Она для Вас не “святая”, т.е. Вы не ощущаете ее святой в обычном и даже Достоевском, православном смысле и должны найти новое свежее слово» (*Сестры Герцык*. Письма...

С. 168. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 409, л. 40 об. – 41 об.).

[12] Этот образ Волошин использовал в стихотворении «Dmetrius-Imperator. 1591–1613»:

Голод был, какого не видали.
Хлеб пекли из кала и мезги.
Землю ели. Бабы продавали
С человечьим мясом пироги.

(Т. 1 наст. изд. С. 273). Возможно, в создании образа Волошин опирался на исследование Н.И. Костомарова, который, описывая голод 1601–1602 гг. отмечал, ссылаясь на свидетельства современников: «... вареная человечина продавалась в пирогах на московских рынках» (*Костомаров Н.И.* Собр. соч. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. Т. IV, V, VI. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб.: Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. («Литературного Фонда»), 1904. С. 40).

[13] В библиотеке Волошина по истории Смутного времени, кроме упомянутого выше исследования Н.И. Костомарова, имеются издания: *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. 1. 4-е изд. М., 1911, Ч. 2. 3-е изд. М., 1912, Ч. 3. 2-е изд. М., 1912, Ч. 4. М., 1910; *Пирлинг, о.* Дмитрий Самозванец. М.: Сфинкс, 1912; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 3-е изд. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910; Статьи о смуте, извлеченные из Хронографа 1617 года, и отповедь в защиту патриарха Гермогена. СПб.: Археографическая ком., 1909.

11. Г.И. ЧУЛКОВУ

18 января 1918 г. Коктебель.

18 января 1918. Коктебель

Дорогой Георгий Иванович, к моей большой радости увидал в «Народоправстве» стихи Вячеслава.[1] Я не думал, что ты будешь печатать стихи. Я совсем за весь год не писал прозы. Между тем, готовлю новую книжку стихов «Демоны Глухонемые». Поэтому спешу тебе послать шесть стихотворений – все касающиеся современности. Ставлю только одно условие

не разрозниватъ их. Общее заглавие «Из книги ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ». Порядок отмечен.[2] До свиданья. Привет Над<ежде> Григ<орьевне>.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] «Народоправство» — общественно-политический еженедельный журнал, выходивший в Москве с июня 1917 по февраль 1918 г. (всего вышло 24 номера) под редакцией Г.И. Чулкова (издатель — Московская просветительская комиссия при Временном комитете Государственной думы). В «Народоправстве» был напечатан цикл стихотворений Вячеслава Иванова «Песни смутного времени» (1918. № 18/19 — стихотворения 1–4; № 23/24 — стихотворения 5–7).

[2] Каков был состав представленного Волошиным в «Народоправство» стихотворного цикла, неясно (из п. 12 известно, что в него входило стихотворение «Петроград»). 1 февраля 1918 г. Чулков писал Волошину: «К сожалению, ты слишком поздно прислал стихи. Последний двойной нумер (23–24-й) уже сверстан. По-видимому, “Народоправство” нельзя будет печатать и издавать. Демоны задушили наш журнал. Стихи твои — чудесны, и мне очень жаль, что я не мог включить их хотя бы в этот последний нумер и напечатать рядом со стихами Вячеслава Ивановича. Надеюсь, что ты не будешь гневаться на меня за то, что я сделал копию твоей рукописи и читаю твои стихи друзьям. <...> Если “Народоправство” воскреснет, я извещу тебя. Присылай, пожалуйста, тогда и стихи, и прозу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1277). Журнал был закрыт в феврале 1918 г. в связи с предпринятой им критикой большевиков и их политики на переговорах с Германией в Брест-Литовске.

[3] Н.Г. Чулкова.

12. Г.А. ШЕНГЕЛИ

18 января 1918 г. Коктебель.

18 января 1918. Коктебель.

Дорогой Георгий Аркадьевич, пишу Вам для того, чтобы заменить те стихи, что я Вам дал для «Антея».[1] «Петроград» и др., как стихи политические, я хочу видеть в политическом издании, и послал их в «Народоправство».[2] А Вам вместо них

отплачиваю сторицей: посылаю Вам «Микельанджело» и три старых значительных и еще не напечатанных.[3]

Я предпочитаю быть так представленным в эстетическом издании. Конечно, предоставляю Вам право выбрать то, что захочется, если все слишком много. Но надо использовать сразу, т<ак> к<ак> эти стихи войдут в «Иверни», которые пока задержаны.[4] Простите, что перерешаю, но сообразил все, только отправив письмо. Пока до свиданья.

Максимилиан Волошин.

Прилагаю новые стихи.

[1] См. п. 6, примеч. 1, 2.

[2] См. п. 11, примеч. 2. Стихотворение «Петроград (1917)» («Как злой шаман, гася сознанье...», 9 декабря 1917 г.), вошедшее в книгу Волошина «Демоны глухонемые», впервые было опубликовано в виде листовки, выпущенной, по-видимому, крымским Освагом — отделом пропаганды Добровольческой Армии. См.: Т. 1 наст. изд. С. 255, 524.

[3] Стихотворение Эмиля Верхарна «Микельанджело» («Michel-Ange») из его книги «Державные ритмы» («Les Rythmes souverains», 1910) в переводе Волошина (9 мая 1917 г.) впервые было опубликовано в кн.: *Верхарн Э.* Стихотворения / Пер. и предисл. М. Волошина. Одесса: Омфалос, 1919. См.: Т. 4 наст. изд. С. 63—67. В ответном письме из Харькова от 12 февраля 1918 г. Шенгели, благодаря Волошина за присланные стихи, сообщал: «В первом № пойдет “Теперь я мертв...” и сонет, а “Отроком строгим...” предназначается для второго. Гонорар переводится одновременно. Что касается “Микель-Анджело”, то мы в затруднении, — по кассовым соображениям: там свыше 150 строк» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290). В журнале поэзии «Камена» (получившем такое заглавие вместо «Антея») были помещены сонет Волошина «Себя покорно предавая сжечь...» (20 марта 1910 г.) и его стихотворение «Теперь я мертв. Я стал строками книги...», 19 марта 1910 г.) (1918. № 1. С. 3—4). Стихотворение «Отроком строгим бродил я...» (1911) впервые было опубликовано в книге Волошина «Иверни (Избранные стихотворения)» (М.: Творчество, 1918). См.: Т. 1 наст. изд. С. 131, 129, 153—154. В письме из Харькова от 5/18 марта 1918 г. Шенгели извещал Волошина: «Первый № “Камены” выйдет через две недели. В нем Ваш сонет и “Магдалина”. Гонорар уже переведен» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290. «Магдалина» — первоначальное заглавие стихотворения «Теперь я мертв. Я стал строками книги...»).

[4] См. примеч. 10 к п. 6.

13. Ю.Ф. ЛЬВОВОЙ

19 января 1918 г. Коктебель

19 января 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Феодоровна, большое спасибо за Ваше письмо, которое дало мне очень много.[1] Я не могу Вам сию минуту ответить на него подробно, т<ак> к<ак> пишу второпях, чтобы послать Вам эти несколько строк с М.К. Добровольским, который уезжает из Коктебеля через час. Прошлое письмо со стихами,[2] что я хотел переслать с ним, я в конце концов послал заказным, не имея сведений, когда же он наконец поедет.

Хочу только сказать, что наши внутренние отношения с Пра изменились к лучшему с начала декабря, без всяких видимых причин, как будто действовала какая-то посторонняя сила. С этого момента я получил возможность писать стихи, и, как видите, не прекращаю до сих пор, несмотря на крайне тревожное состояние Коктебеля. Феодосия захвачена с начала января большевиками. Это сразу сказалось и на Коктебеле. Экономия Юнге социализирована, но, к счастью, без эксцессов и без прямого разграбления, как соседние имения. Но был момент очень опасный: мне пришлось вызывать красногвардейцев из Феодосии.[3] Дейшины летние инсинуации сослужили мне хорошую службу.[4] Ник<олай> Ник<олаевич> Кедр<ов> прискакал во главе отряда конницы ночью. И все было спасено. Опасность грозила дачам. Пока живем, ожидая каждый день событий. Феодосия переполнена солдатами из Трапезунта,[5] которые свели весь хлеб, привезли массу орехов, чуму, и продают живых турчанок на базаре (по 25 руб.).

Несмотря на все угрожающие беды, у меня почему-то настроение радостное и почти ликующее. См. стихотворение «Из бездны», оно было написано 15 янв<аря>.[6] И если правы слухи, дошедшие пока еще не газетным путем вчера до Феодосии, <о> поражении большевиков в Петербурге, то это явное чувство того, что происходило у вас.

Сейчас Ник<олай> Ник<олаевич> сказал, что он тоже едет с Добровольским, так что пошлю это письмо с ним, а

также дам ему списки всех стихов, на случай если заказное письмо слишком задержится.

Мне хочется очень много сказать о Вашем письме. Оно мне так много подтвердило и выяснило. Но при той торопливости, с которой мне надо Вам писать, я не могу.

Спасибо за него. Обнимаю Кусявку. Целую Лютика.[7] Привет Вар<варе> Матв<еевне>.[8] До свиданья. Увидимся ли мы летом?

[1] Имеется в виду письмо Ю.Ф. Львовой от 12 декабря 1917 г. (см. примеч. 6 к письму Волошина Львовой от 4 декабря 1917 г.: Т. 10 наст. изд. С. 751–752).

[2] Имеется в виду п. 3.

[3] См. п. 9, примеч. 1.

[4] Подразумеваются высказывания, распространявшиеся в Коктебеле летом 1917 г. М.А. Дейша-Сионицкой, о якобы приверженности Волошина к большевизму См.: Т. 10 наст. изд. С. 654, 674.

[5] Трапезунд (ныне Трабзон) – принадлежавший Турции портовый город на Черном море, занятый в ходе Первой мировой войны российской армией. 15 января 1918 г. из Трапезунда в Феодосию пришел транспорт с солдатами Кавказского корпуса. См. очерк Волошина «Молитва о городе (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 48–51, 779–780).

[6] Стихотворение «Из бездны (Октябрь 1917)» («Полночные вздулись воды...»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 260.

[7] См. п. 3, примеч. 4, 5.

[8] В.М. Баруздина.

14. А.М. ПЕТРОВОЙ

15–19 января 1918 г. Коктебель

15 января 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна, вероятно, до Вас дошли уже слухи о наших событиях. Эти дни была социализирована экономия Юнге.[1] Совершено это было султановскими крестьянами. Вылито вино, разделен скот, хозяйственные орудия, разграблены все припасы. Готовились уже приступить ночью к социализации дома, мебели, библио-

теки и аукциону картин, рукописей покойной Екат<ерины> Феод<оровны>[2] и рисунков ее отца, гр<афа> Феодора Толстого, но, по счастью, мне удалось (через Княжевича!) вызвать отряд «красногвардейцев». Его привел ночью верхом Н.Н. Кедров, и как раз вовремя. На другое утро – это было вчера – мы же, по неизреченной иронии судьбы, устраивали в деревне большевистское правительство, порядок, и т.д. Кажется, летние вопли Дейши о том, что я – самый главный большевик,[3] принесли хорошие плоды, потому что и красногвардейцы, и местные большевики относились ко мне как к авторитету и охотно слушались. Что будет дальше, неизвестно, но пока волна погрома остановилась. А она грозила перекинуться и на дачи, т<ак> к<ак> султановцы говорили, что вот покончим с Юнге и пойдем дачи делить.

Что делается у Вас? Я Вам за это время пишу третье письмо[4] и еще до сих пор не имею ни строчки от Вас. Несмотря на эти волнения и то, что у нас дом переполнен (у нас живут теперь, спасаясь, Юнге, и Дар<ья> Анд<реевна> должна сегодня же у нас родить),[5] я продолжаю работать над стихами. Только одна ночь и день пропали даром из-за этих дел.

На этом месте меня прервали известием, что султановцы снова пришли доканчивать Юнговскую экономию, и пришлось идти туда и опять вести переговоры.

19 января.

Так и не успел дописать эти дни письма: писал новые стихи, а вчера простудился, и приехали Кедров с Добровольским,[6] надо было к их отъезду приготовить письма в Петербург. Вчера же получил Ваше письмо – большое заказное.[7] Просил маму в своем письме,[8] что она послала сегодня через Добровольского, известить, что Ваше письмо благополучно пришло, и вложил туда два последних стихотворения.[9] Странное у меня было эти дни состояние духа: вопреки всему происходившему и непосредственно грозившему, удивительный подъем и ликование.

Стихотв<орение> «Из бездны» написано 15 янв<аря>. Если верны слухи о поражении большевиков, то это должно

было произойти именно в этот день — явное чувство на расстоянии. Я очень рад тому, что события этих дней меня поставили в непосредственное отношение с большевиками, красногвардейцами и аграрниками. Пришлось много с ними говорить. Это было весьма поучительно для меня. Две вещи бросаются в глаза: прежде всего сговорчивость, доброжелательство при непосредственном разговоре, а затем — полная неустойчивость — зыбкость. Не на что опереться. Точно Николай II, растворившийся во всем народе.[10] В общем, все прошло по-хорошему. Коктебельский сход даже приговорил вернуть лошадей, «т<ак> к<ак> нельзя же человеку ничего не оставить», но на следующий день пришли султановцы с «мандатом» отобрать лошадей и ни в коем случае владельцам не возвращать. Дом не разрушен. Вещи — книги и рисунки, и гербарии — вывезены ко мне. И для них я истребовал Воен<но>-революционного> ком<итета> «охранную грамоту», так же как и для своей библиотеки.[11]

Спасибо за подробное объяснение относительно Стеньки.[12] Теперь я понял и принял вполне все Ваши упреки. Дело в том, что я и не хотел создавать «призыв» Стеньки. Я хотел дать только стихотворение, характеризующее «грешную Русь» в параллель «святой Руси». Поэтому в ущерб всему прочему подчеркнут цинизм, безверие и издевка в связи с удальством. Социализм и равенство в темно-народном преломлении. Мне вовсе не хотелось (да и позволительно ли?) кликнуть клич от имени Стеньки. Это просто развитие стиха: «Самозванцы, воры да расстриги...»

Кстати о свечном сборе в 1400 в три дня — не объясняется ли он проще: тем, что теперь, за неимением керосина и отсутствием стеариновых свеч, многие закупают церковные свечи? Я их видел здесь в употреблении хозяйственном.[13]

Смысл «Демонов-глухонемых» Вы поняли вполне.[14] Тут не только русские бесы, но демоны истории, перекликающиеся поверх формальной ткани событий. Мне, может, удастся выявить после и лики русских демонов, не только бесов. Пока у меня единый русский демон — «Дмитрий-Император».[15] Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распы-

ленного тоже между тысячами бесов («имя ему – легион»).[16] Ведь Дмитрий вполне реален – так именно он должен был представляться тем его современникам, которые шли последовательно за всеми самозванцами.

В Стеньке больше бесовщины, чем демонизма. Он – легион, несмотря на его индивидуальность. Его другое лицо – это вовсе не Пугачев, а Ермак, который пошел, будучи тем же Стенькой, по всем обстоятельствам жизни, по пути положительному (то есть на восток, а не на юг),[17] и потому естественно растворился индивидуальностью в массах, стал народным эпосом в действии.

Меня волнует то лицо, которое я чувствую все время за Аввакумом.[18] Это – Бакунин.[19] Я чувствую их органическую связь, но совершенно не знаю, как ее выявить и передать, настолько они исторически сейчас далеки для общего представления. Между тем они выражают собой основную черту русской истории: христианский анархизм. Вы чувствуете, как это близко? Христианства чистого, с церковью, иерархически связанной с ангельскими иерархиями, историческое христианство не знало до сих пор (может, узнает в ближайшую к нам эпоху, когда личность Христа начнет непосредственно манифестироваться на эфирном плане).[20] На западе произошел сплав церкви с Римской империей, и это определило латинскую церковь. В славянстве же христианство имеет тенденцию переноситься целиком в индивидуальное чувство и противополагать себя государству, как царству зверя. Поэтому в народовольцах и террористах не меньше христианства, чем в мучениках первых веков, несмотря на их атеизм. Вот в этой плоскости я чувствую какое-то конгениальное родство Аввакума и Бакунина. Но не могу его еще оформить. Помогите мне.[21] Если у Вас есть мысли по этому направлению, напишите мне.

Не понимаю, почему Вы говорите об *«отживших* принципах империализма»:[22] они более живучи, чем когда-либо. Я ненавижу «левиафана»,[23] но что он восторжествует теперь так, как никогда, не сомневаюсь. И да же считаю вредным бороться прямо против него, потому что его надо преобразить

изнутри, «окрестить» его, как кто-то из Фиваидских отшельников окрестил великого Сфинкса.[24] Теперь не время ни для социализма, ни для демоса, ни для самоопределения народностей. Германцы лучше других чуют дух времени и следуют по его путям. Идея национальных государств – одна из наивных идеологий XIX века, и какое реальное значение может иметь эта чисто освободительная идея, когда империи сейчас формируются по рынкам и по потреблению, не знающему национальных различий и даже не считающемуся с формальными политическими границами. Этот процесс пойдет неизбежно своим путем, как бы ни протестовало чувство справедливости и не топорщились отдельные народы. Всякая внешняя борьба только укрепляет силу подобных процессов. Их надо преображать изнутри. Славянство, которое окажется внутри Германской империи, я думаю, больше сделает для преображения ее, чем то, которое будет отчаянно и безуспешно, вопреки своему историческому темпераменту, бороться с нею извне. Если бы среди большевиков нашелся такой гениальный и смелый политический ясновидец, который решился бы пойти навстречу историческому процессу и включить всю Россию в состав (не только союз) Германской империи, то таким самопожертвованием можно было в течение двух-трех поколений подточить и разрядить германский империализм изнутри, тем анархически христианским зарядом, что заложен в славянстве. Такова была идея Иеремии по отношению к Вавилоно-Ассирийскому царству,[25] но его не послушали, вступили в союз с Египтом (Англией), и дело кончилось Вавилонским пленением, которое, правда, обогатило Иудею духом и верой, но не оплодотворило Вавилона Иудеей.

Но это все неосуществимые возможности: ничего подобного не будет, и нет таких политических творцов, которые бы мыслили теперь по этому направлению. Хотят победить империализм его же оружием. А он именно оружием и силен. Я совершенно не согласен, что Социализм и демос могут отучить «великороссию от старых повадок».[26] Нет у них никакой воспитательной силы. Равнение по безграмотному и по лентяю... А что теперь Россия все своими руками прощу-

пает, это очень хорошо. В этом смысле большевики – самый лучший учитель. Очень верно все об юдаизме: в первый раз понял я Ваше отношение к Евреям до конца.[27] Раньше все оставались смутные места.

Сегодня Маргаритин день рождения.[28] Недавно получил от нее письмо. Она тоже полна беспричинного ликования. Пишет: «У нас стоит чудная зима, и я чувствую в воздухе то же, что осенью: вовсе не тяжело, а как-то прекрасно – звездно. Не знаю, откуда это чувство. Раньше все было сдавлено, под спудом, сперто. А теперь... ну прорвался нарыв, или, чтобы поэтичнее выразиться, весна растопила снега и развезло грязные дороги, сплошная грязь. Это стихия, и разрешится она своими стихийными, нечеловеческими законами. Мне кажется, что дело не в вожаках, не лозунгах, а в стихийной воле народа, которая, проявляясь безобразно морали отдельного лица, к чему-то своему идет – к своей правде...

На все происходящее я смотрю издали, и все "возмущения" и "негодования" мне кажутся чем-то до того ненужным и неуместным, жалким и действительно "буржуазным"... И каким бы путем кривым (как пьяная) Россия сейчас не пошла, правда же, это безумие лучше разума, создавшего ту прочную культуру, с прекрасными плодами, что дали другие».[29]

Относительно Вучетича: я его совершенно не видаю (не видал с прошлой зимы). Может, Витольду Карловичу удобнее было самому написать ему (или Лид<ии> Петр<овне>),[30] тем более что я не знаю даже его имени-отчества. Камни разной цены. Те, что я нашел подходящими, по 4 р. 50. Взять ли сизый непрозрачный?[31]

Мне интересно, как Вы отнесетесь к «Преосуществлению».[32] Оно будет, знаю, близко Костеньке[33] – это его волнующий момент. Напишите мне о них, как о Стеньке. Вы не можете себе представить, как это много дает... Освобождает для следующего. Хоть бы Костенька поскорее приехал. Хоть теперь всюду социалистический рай, но все же как-то покойнёе, когда он будет в Феодосии.

Очень меня пленило, что в этом раю, на Феодосийском базаре, турчанок продают по 25 р. (и как дешево!).[34]

Пока до свиданья. Переполнен стихами, которые надо написать. Живопись – это антракты и отдых: я писал это время портрет акварелью. Но сейчас с суматохами здешними это оборвалось. Привет Пол<иксене> Сер<геевне>, Нат<алии> Ив<ановне>,[35] Церасским...

MAX.

[1] См. примеч. 4 к п. 6.

[2] Е.Ф. Юнге, жена профессора Э.А. Юнге, художница, мемуаристка, автор «Воспоминаний (1843–1860)» (М.: Сфинкс, 1914), экземпляр которых сохранился в библиотеке Волошина. Волошин был автором некролога «Екатерина Феодоровна Юнге», опубликованного в газете «Утро России» в 1913 г. (№ 22, 26 янв.). (См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 484–486).

[3] См. примеч. 4 к п. 13. М.А. Дейша-Сионицкая, оперная певица, солистка Большого театра, имела в Коктебеле дачу по соседству с волошинской и конфликтовала с ее обитателями, возглавляя так называемых «нормальных дачников». А.М. Петрова в ответ Волошину замечала: «Спасибо за описание преинтересное Вашего и коктебельского "крещения"! Ну и курицы! Дейша должна бы Вам памятник поставить. А я – попросила бы на время бросить стихи и написать оду Княжевичу. Курьезнее фигуры за эту всю "эпоху" я не знаю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 10).

[4] Помимо настоящего имеются в виду также письма Волошина к А.М. Петровой от 30 декабря 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 775–776) и п. 7.

[5] А.Э. Юнге, Ф.Э. Юнге, Д.А. Юнге. См. примеч. 2 к п. 7.

[6] Возможно, речь идет о п. 10, 13.

[7] Имеется в виду письмо А.М. Петровой от 9–14 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 1–4 об.).

[8] Упоминаемое письмо Е.О. Кириенко-Волошиной к А.М. Петровой не обнаружено.

[9] Речь идет о стихотворениях Волошина «Из бездны» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 260) и «Преосуществление» (*Там же*. С. 264, 265).

[10] Возможно, волошинский образ Николая II, «растворившегося во всем народе», восходит к царскому манифесту от 20 июля 1914 г., в котором заявлялось: «В грозный час испытания да будут

забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага» (цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II / Предисл. Ю.К. Мейера. СПб.: Петрополь, 1991. С. 534).

[11] См. п. 9 и примеч. к нему.

[12] Продолжая полемику с Волошиным, Петрова в письме от 9–14 января 1918 г. поясняла: «И теперь еще не понимаете, почему я *радуюсь*, что “Стенька” не удался? Ведь он по существу своему и по тому, как Вы его начали, только эпичен. Куда же было этот заряд в народ пускать, да по нынешним временам-то. <....> Ну-ка, Степан Тимофеевич, пожалуйте на цугундер. ***Первая часть***: с начала до слов: “Что-то чую, приходит пора моя Погулять по святой, по Руси”. – Тут бы и начало Стенькином ***кличу***, призыву на обещанный им приход, опираясь на *ожидание* его в народе, которое *очень живо*. Он знает, что его ждут, что почва готова “пощупать помещиков, воевод да попов, да дворян” (= помещиков же?). ***Разин***: зовет испытанных уже “приспешников” “праздновать так, как когда-то”. ***Идея***: не выдал казацкую Русь, так зато “судьей ворочусь” = “пред Стенькой все люди равны, как пред могилою”. ***Итак***: “за мною вся великая, темная, пьяная, окаянная Русь!”, не только “драная голытьба”. “Из мертвых встает со мною и еще угодничек – Емелька Пугачев; <...> он не от своего имени, а прикрывшись царским, <...> его идея все же другая, чем Стеньки. <...> А Гришкина злость уж совсем иная; Гришка – целиком все для себя; мне кажется, что и как символ его нельзя присоединить к угодникам. ***Вторая часть***: вместо ожидаемого призыва Стенька в воспоминания пустился, с издевочкой, т.е. вот и сорван Вами его импульс. <...> Извивается он и сам не знает, к кому обращается, то к “женам”, то к “московским собакам” – это к голытьбе своей? Отличительная черта Стеньки – прямота. И “неуказного”, с его точки зрения, не могло для него быть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 4 об.).

[13] Отклик Волошина на сообщенный Петровой факт, который она прокомментировала как свидетельство повышенной религиозности народа: «У нас, в Соборе, за три дня Рождества свечной сбор дал 1400 рублей. Интересно бы, – сколько по всей России? В Москве?» (*Там же*, л. 1). Позже в письме от 4/17 февраля Петрова возразит на замечание Волошина: «Со своим скепсисом относительно церковных свечей сели в калошу: их могли бы покупать и в другие дни, а то вдруг загорелось в дни Праздника. Вещь! Упрям ты, протопоп» (*Там же*, л. 8).

[14] Петрова писала Волошину по поводу этого стихотворения: «“Демоны Глухонемые” – великолепно. Теперь понимаю их, как фронтиспис к будущей книге. <...> С ними уклон в гораздо большие глубины. У Вас, – в данном покое вертятся большие “бесы”, погань и мелочь (ради Бога – не в обидном для Вас смысле!) Вы то ведь над ними властны, – отпечатываете их, а не раскрепощаете [как и Достоевский]. “Демоны Глухонемые” “ведут беседу меж собой” – поверх всего этого. Так?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 1 об.).

[15] Речь идет о стихотворении Волошина «Dmetrius-Imperator. 1591–1613». (См.: Т. 1 наст. изд. С. 273–275).

[16] Выражение из Евангелия (Лк. VIII, 30; Мк. V, 9).

[17] Сопоставляются исторические события, связанные с именем донского казака Е.И. Пугачева и Крестьянской войны 1773–1775 г., и завоеванием для России Сибири Ермаком Тимофеевичем.

[18] Протопоп Аввакум (Аввакум Петрович Кондратьев), духовный писатель, противник богослужебной реформы Патриарха Никона XVII в.

[19] Образ М.А. Бакунина позже возникнет в поэме Волошина «Россия» (1924): «Размахом мысли, дерзостью ума, / Паденьями и взлетами – Бакунин / Наш истый лик отобразил вполне» (Т. 1 наст. изд. С. 379). Представления Волошина о Бакунине формировалось в том числе и под влиянием его близкого друга А.В. Гольштейн, которая оставила о нем воспоминания: *Баулер А. <Гольштейн А.В.>* М.А. Бакунин накануне смерти: Воспоминания // Былое. 1907. № 7 (19). С. 62–87.

[20] Представления Волошина об историческом христианстве восходят здесь к учению Р. Штейнера. В архиве Волошина сохранился конспект лекции Штейнера «От Иисусу к Христу» (1911), где зафиксировано: «Те времена, для которых был закрыт потусторонний мир, приходят к концу. Люди получат дар ясновидения и научатся общаться с высшими существами, которые в них. Люди увидят Христа в эфирном теле. Немного будет таких, но будут. Узнают Христа как воскресителя прообраза. Были времена, когда человек помнил свои ранние воплощения. Потом эта память была закрыта. Христианство развивалось 2000 лет и перевоплощение не могло быть известным. Теперь эта идея самостоятельно рождается в духе запада. Времена изменяются. Новые силы прорываются в жизнь. Человек с ужасом почувствует новое бытие; почувствует себя другим в своем *я*, другое *я*, вернее, пробудится воспоминание прошедших жизней, чтобы вынести ужас этих воспоминаний, он должен будет видеть впереди цель и божество» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459, л. 65). Цикл лекций «Событие явления Христа в эфирном мире» был про-

читан Штейнером в январе—апреле 1910 г. См. раздел «Второе пришествие Христа в эфирном мире» в кн.: Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера / Сост. Г.А. Бондарев. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1999. Т. I. С. 240—242.

[21] На просьбу Волошина Петрова откликнулась в письме от 2 февраля 1918 г. замечанием: «Бакунина, и именно его, в связи с церковью я почуяла с первых же дней» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 7). 4/17 февраля она продолжала начатый разговор: «Вместо ответа на “Аввакум = Бакунин” посылаю Вам схему Церкви, где христианскому анархизму, “Руси бродячей” (и “бродящей” в смысле Евангельской “закваски” <...>) получилось свое место. Страшно горячо интересуюсь Вашим дальнейшим мнением. Читаю биограф<ический> очерк Аввакума (перешлю Вам с этим, пока не кончила еще; у Ключевского тоже интересно об этой эпохе в целом); не могу уловить Вашей мысли. Но она, убеждена прежним, верна. Но упорство Аввакума мне кажется совсем в другой плоскости, чем фанатизм Бакунина (Ленина — не сюда ли же?). Не Ваши плечи у меня, не Ваша голова, чтобы выдержать» (*Там же*, л. 8).

[22] Цитата из письма Петровой от 9—14 января 1918 г. Подразумеваются ее рассуждения: «Ведь война явно не прекратится. Но как пойдет?.. Год будет решающий: вижу иногда, что может случиться поворот: с немцами, против союзников. Разрыв с Англией — не простая вещь. — Россия не пойдет уж ни в коем случае по курсу отживших принципов империализма. Ни социализма, ни Демоса никак уже не вычеркнешь из страниц Новой творимой истории человечества. В Германии — все живые соки для ядра этого нового типа империализма. <...> Весь вопрос: хватит ли у нее такту, ума, выдержки, дальновидности» (*Там же*, л. 1 об. — 2).

[23] Левиафан — чудовищный морской змей, библейский образ (Ис. XXVIII, 1; Пс. CIII, 26; Иов. XL, 20). У Волошина используется в качестве символа жестокосердной власти.

[24] Здесь — Великий Сфинкс — гигантское изваяние, высеченное из скалы (1-я пол. III тысячелетия до н.э.) на поле пирамид в Гизе (Египет). В Средние века в пустынной местности вокруг развалин Фив подвизались христианские отшельники. Возможно, Волошин с образом Великого Сфинкса соединил житийный сюжет, согласно которому преподобный Антоний Великий, находясь в пустыне в поиске Павла Фиваидского, встретился с чудовищем гиппоцентавром, «у которого половина тела была похожа на человека, а остальная часть на лошадь». Антоний Великий, «опасаясь, не видит ли он перед собою демонский призрак, <...> осенил себя крестным знамением

и заговорил с чудовищем, спрашивая, где живет служитель Божий. Чудовище, пробормотав что-то непонятное, протянуло руку, указывая, в каком направлении надо идти, и обратилось в бегство» (см., напр.: *Поселянин Е.* Пустыня. Очерки из жизни фиваидских отшельников. В 2-х ч. Ч. 1. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1906. С. 20).

[25] Пророк Иеремия предсказывал завоевание Иерусалима Вавилонией, рассматривая ее правителя Навуходоносора как орудие Божьей кары. Он считал нецелесообразным сопротивление и убеждал в необходимости полного и безоговорочного повиновения Навуходоносору (Иер. XXXVI, 1–30).

[26] Отклик на рассуждения Петровой в письме от 9–14 января: «1918-ый год будет одним из знаменательнейших в жизни России. Совершится перелом (окончание) поворот во всей толще ее глыбы. Во главе, вне малейшего сомнения, если не будет поставлена, то станет сама – Великороссия. Это исторически неизбежно для основного государственного ядра (80 миллионов), в какую бы новую форму эта, конечно, новая государственность не вылилась. И ведь этому Молоху все только на пользу пойдет: выучится, очистится, оздоровеет. А от старых его повадок – “воеводства”, “приказничества” – социализм и Демос отучат» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 3).

[27] В письмах к Волошину Петрова неоднократно поднимала вопрос о роли евреев в революционном движении в России. В письме от 9–14 января 1918 г. она замечала: «Не евреи страшны, а их юдаизм. Юдаизм не есть просто не-христианство, а – действенное страстное (и страстное) анти-христианство. <...> Евреи – люди положительно хорошие. Но их юдаизм – mein Gott, что за кошмар?! Для всех и для них самих. Ну и миссия у этого народа – быть “лакмусовой бумажкой”, “пробным камнем” для нас, христиан. Весьма мало кто может выдержать: побеждать Начало Зла – Добром и Любовью. Величественный предсмертный *христианский* порыв Владимира Соловьева: “Дайте мне помолиться за евреев!” Огненный, наш православный Теург!» (*Там же*, л. 3 об.). 2 февраля 1918 г. она продолжала свои рассуждения на эту тему: «...прощупывала речь Троцкого в большевистской “Донецкий Пролетарий” и опять искала: какая же *юдаиская идея* поверх всего проводится через Россию и через Германию <...>. Ведь не спроста же всю русскую революцию захватили и цепко за нее держатся <...> евреи. Помимо платной агентуры в пользу Германии, помимо анти-православных обоих побуждений, вполне сознательных, есть еще что-то “поверх” – именно “демоническое”, при посредстве “бесов”. Ленин – околпаченный “Иван-Дурак”; у него ныне идея так же вся крадена, как и марксизм у Бакунина когда-то (идея интернационализма)» (*Там же*, л. 8 об.).

[28] М.В. Сабашникова родилась 31 января 1882 г. в Москве.

[29] Сокращенная и инверсированная цитата из письма М.В. Сабашниковой от 3 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065, л. 38–39 об.).

[30] Л.П. Цераская, В.К. Цераский. Ответ Волошина на сообщение Петровой: «Цераские просят Вам кланяться, а Витольд Карл<ович> очень просит Вас передать Вучечичу его большое желание повидать его у себя, имея какую-то важную просьбу к нему, научную» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 2 об.).

[31] Отклик Волошина на просьбу Петровой, связанную с приобретением коктебельских камней. См. примеч. 6, 7 к п. 7.

[32] О стихотворениях «Из бездны» и «Преосуществление» Петрова написала Волошину 23 января 1918 г.: «Я не нахожу слов выразить свой восторг перед Вашими новыми стихотворениями: “Из бездны” и “Преосуществление”, особенно вторым. Сказать ничего нельзя, можно только восхищаться и *благоговейно* изумляться перед *священным* вдохновением, даровавшим нам их. Как русской, как верующей, хочется земной поклон Вам за них... Это уже теургическое. Исполать Вам. Больше по этому поводу – не следует говорить. Да Вам, я думаю, не нужно. Источник Любви, знающей каждой струйкой своего недра родные, и огненные, и с едкими солями, и муть, и все толщи, и все породы, через которые пришлось пробиться и вынести себя чистым живящим к “всестрастному Свету”» (*Там же*, л. 6). 4/17 февраля она сообщила Волошину отзыв К.Ф. Богаевского об этих стихотворениях: «Особенно нравится ему <...> “Преосуществление”, дивная, могучая вещь» и далее: «Вот “Преосуществление” – такая штука, что застынешь в немом изумлении. Пикнуть перед величием не можешь» (*Там же*, л. 8, 10 об.). По поводу же стихотворения «Из бездны» Петрова уточняла: «“Из бездны” – хорошо, но немного притянуто» (*Там же*, л. 11 об.).

[33] К.Ф. Богаевский. В ответном письме от 23 января 1918 г. Петрова сообщала Волошину: «Вчера ночью приехали Костенька с Финной, но я их еще не видела» (*Там же*, л. 6).

[34] Факт существования «невольничьего рынка» в Феодосии нашел отражение в статье Волошина «Молитва о городе (Феодосия весною 1918 г. при большевиках)» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 48–51, 780).

[35] П.С. Соловьева, Н.И. Манасеина.

15. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

21 января 1918 г. Коктебель

21 января 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, сегодня пришло Ваше письмо к Пра.[1]

Ваше письмо я получил 2-го января и в тот же день ответил,[2] но отправил несколько позже, т<ак> к<ак> дожидался оказии, но не дождался и отправил заказным. Туда был вложен целый пук моих новых стихов. Посылаю Вам еще несколько новых: видите, я очень усердно работаю этой зимой, несмотря на все неблагоприятные условия. А может быть, благодаря им. Наконец и Крым включен в нормальные условия русской жизни и мы приобщились немедленному зимнему раю: нас большевики освободили от татарского ига.[3] Впрочем, сами татары были очень скромного мнения о своей власти. Один член Курултая говорил Коле Лампси: «Ти знаешь – наш парламент – это как мухи под хвостом у осла: осел хвостом махнул – мухи улетели...». Замечание, проникнутое истинной восточной мудростью и оказавшееся верным. К социальному раю мы были приобщены султановцами, которые пришли делить имение Юнге.[4] Разделили по чести все хозяйство до последнего вола и курицы. Дома не жгли. Людей не убивали, вообще не было достаточной политической сознательности. Социализировали днем, а более левые приходили и ночью – экспроприировать!

Был момент, когда хотели распродать с аукциона между коктебельскими и султановскими крестьянами библиотеку и рукописи покойной Ек<атерины> Феод<оровны> Юнге и рисунки ее отца Ф.П. Толстого. Пришлось вызывать красногвардейцев из Феодосии. Кедров ночью прискакал во главе конного отряда, и на следующее утро мы с красногвардейцами водворяли в деревне законное право. Вообще Дейша мне оказала летом громадную услугу, предлагая изгнать меня как большевика:[5] ко мне относятся, как к авторитету. Когда я

объяснялся по телефону с Военно-Революционным Комитетом, то мне сочувственно говорили: «Вам, верно, трудно там, товарищ, — все буржуи кругом».

У меня образовались связи в самых респектабельных кругах благодаря этому: один уголовный обещал приехать позировать. Вообще немедленное райское состояние очень энергично насаждается сейчас по Крыму. Главное гнездо буржуев — Ялта разгромлена миноносцами очень основательно:[6] почти нет ни одного дома не простреленного. Судак сейчас тоже социализируется.

Но в общем живем, не имея понятия, что делается кругом. Так не знаем в точности даже, что с Лампси и с Латри.[7] Дом наш переполнен до краев: Ноев ковчег. Кроме Кедровых сейчас у нас живут и Ал<ександр> Юнге с семьей. Одних детей 10 человек, да еще один должен родиться у Дар<ьи> Ан<дреевны> Юнге со дня на день. И, несмотря ни на что, я не прекращал мою регулярную утреннюю работу ни на один день.

Вы меня очень смутили тем, что пишете Пра, что видели мои стихи напечатанными.[8] Пожалуйста, напишите мне точно — где, какого числа и какие именно. Мне это очень важно для избежания путаницы. Дело в том, что я их послал еще в октябре в «Утро России» с условием, что если они не появятся до 8-го декабря, то я считаю их непринятыми и распоряжусь иначе. А т<ак> к<ак> их не было до 8-го (я имел в то время все номера), то я их послал в Петербург в другие издания. Теперь — где же они появились и что именно было напечатано?[9] Если возможно, то пришлите мне в письме и вырезку. Если они были в «Утре России», то, пожалуйста, позвоните в редакцию и потребуйте, чтобы мне был выслан гонорар. Я боюсь, что произойдет путаница и они будут напечатаны в разных местах одновременно. Я бы против этого ничего не имел, но это не принято.

Я не вполне понимаю, почему К<онстантин> В<асильевич> все-таки не представил в жюри мои акварели?[10] Или ему было сказано, что все равно не примут? Или он сам

их считал неподходящими? напишите, пожалуйста. Мне очень хочется вашего подробного мнения о моих стихах. Если не затруднит, то даже отдельно о каждом. Когда пишешь так много и в таком одиночестве и не знаешь сам, как они звучат и воспринимаются, то знать, какое они производят впечатление, является насущной потребностью для дальнейшей работы.[11]

«Видение Иезекииля»[12] я закончил только сегодня. Оно меньше других связано с текущим. Но очень было бы желательно такого требовательного мужа для России. Крепко обнимаю Конст<антина> Вас<ильевича>. Привет Екат<ерине> Иван<овне> и Феод<ору> К<онстантиновичу>.[13]

Богаевский еще в Севастополе: верно не может добраться из-за перерыва сообщений.[14]

[1] Имеется в виду письмо Ю.Л. Оболенской к Е.О. Кириенко-Волошиной от 14 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 320).

[2] См. п. 1 – ответное на письмо Оболенской от 6 декабря 1917 г.

[3] Подразумевается провозглашение (26 ноября 1917 г. в Бахчисарае) Крымской Народной Республики на учредительном съезде представителей татар – Курултае.

[4] См. п. 6, примеч. 4, п. 9, примеч. 1.

[5] См. примеч. 4 к п. 13.

[6] Ялта была занята большевиками 11 января 1918 г. после обстрела города миноносцами «Хаджибей» и «Керчь».

[7] См. примеч. 9 к п. 16.

[8] Подразумевается следующий фрагмент из упомянутого выше письма к Е.О. Кириенко-Волошиной: «Стихи Макс<имилиана> Ал<ександровича> я получила давно уже <...>. Очень хороши его стихи. Они после были напечатаны с ужасными ошибками».

[9] Оболенская подразумевала осуществленную К.Д. Бальмонтом публикацию четырех стихотворений («Святая Русь», «Бонапарт» («Париж в огне. Король низложен с трона...»), «Мир», «Март (1917 г.)») 10 декабря 1917 г. в однодневной газете «Слову – свобода!». 9/22 февраля 1918 г. Оболенская сообщала Волошину: «От Бальмонта я получила ответ, что напечатал он Ваши стихи, т<ак> к<ак> они подоспели как раз к выпуску этого № (где были стихи всех поэтов); гонорара не полагается, т<ак> к<ак> это был экстренный №, но что Вы имеете полное право печатать их еще, где хотите. Вырезки он Вам послал» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 41).

[10] Отклик на слова о К.В. Кандаурове (которого Волошин просил окантовать свои акварели для выставки) в письме Оболенской от 6 декабря 1917 г.: «Охает по поводу Ваших акварелей в связи с ценами на стекла и неизвестным приговором жюри» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 29 об.). См. примеч. 9 к п. 1.

[11] На эту просьбу Волошина Оболенская откликнулась в ответном письме (авторская датировка: «2-е? февраля 18 г.»), последовательно характеризуя стихотворения «Из бездны (Октябрь 1917)», «Стенькин суд», «Dmetrius-Imperator», «Видение Иезекииля», «Преосуществление», «14 июля» («Взятие Бастилии»), «Петроград», «Бонапарт» («Взятие Тюильри»), «Русь глухонемая» («Русь одержимая»), «Трихины»:

«Ваши стихи всё лучше. <...> В первых еще была какая-то отверделость, не все звучало, сейчас дошло до такого ритмического вихря, как “Полночные вздулись воды”. <...> Вот в “Стеньке” начало какое-то неудобочитаемое – “Все ль как прежде” – до великолепной строчки “благолепная да многохрамая”. Дальше все великолепно <...>. Очень хороши у Вас всегда такие строки: “вся великая, темная, пьяная – окаянная”. “Demetrius” просто меньше звучит для меня (за исключением удивительной строфы – “Вся Москва сбиралась, что к обедне, Как младенца – шел мне третий год – Да казнили казнию последней – Около Серпуховских ворот”). Вот прелесть этих Серпуховских ворот, не читая вслух, не передашь (не употребляя страшных слов и не разъяв музы́ку как труп). Все же Димитрия я люблю всего целиком. В “Видении Иезекииля” для меня очаровательно все описание Земли (“Выросла смуглой и стройной, как колос”). И до – “Необычайною красотой”. Очень хороши эти строки гибкие и торжественные, еще – “стала краса твоя совершенной в великолепных уборах моих”. Начало этого описания лучше Иезекиильего (“грудь поднялась, закурчавился волос и округлился как чаша живот”). А конец в стихах не имеет той важности, вескости, что в Библии: жеребцов (да еще на рифме) в русской речи, несмотря на Вашу большую точность. Кстати, в том месте, где Вы не точны (“Ты была хуже блудниц и подлей”) мне совсем не нравится строфа – какого-то иного стиля. Начало хорошо; очень хорошо и шумно – “Переполняющими пустоту”. В связи с библейской внушительной речью пришел мне в голову словарь Аввакума – чтó-то Вы с ним сделаете! Прекрасен весь Рим с начала до кòнца, т.е. “Преосуществленье”, кажется, называете Вы. <...> Остались еще “14 июля” – к нему я равнодушна, “Петроград”, который я люблю лишь со слов “сквозь пустоту державной воли”, “Бонапарт”, в котором люблю больше всего – “сволочь”, – очень четко она вырвалась тут – начало пестро. “Русь одержимая”, в

которой евангельская обесцвеченность, краткость и простота, – оно понравилось Марг<арите> Вас<ильевне> <Сабашниковой. – *Ред.*> (я знала, что понравится, не знаю, почему). “Трихины” тоже из тех ваших стихов, что построены не на звуке, и потому я холоднее к ним, в 1-й половине» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 38–39 об.).

[12] См.: Т. 1 наст. изд. С. 356–358.

[13] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

[14] См. примеч. 7 к п. 1.

16. А.М. ПЕТРОВОЙ

24 января 1918 г. Коктебель[1]

1918 г.

Дорогая Александра Михайловна,

посылаю Вам новые стихи «Видение Иезекииля».[2] Спешу приписать несколько слов. Получили ли мое большое письмо, посланное почтой дня 4 назад,[3] и мамино письмо (с документами),[4] посланное через Кедрова и Елену Павловну?[5]

У нас все спокойно, если не считать рождения ребенка у Юнге[6] и Вавилонского столпотворения в доме. Получили ли еще раньше стихи: «Преосуществление» и «Из бездны»[7] (в мамином письме).

Приехал ли Костенька?[8] Напишите, что именно делается в Эссен-Эли, Шах-Мамае, Баран-Эли и Криничках.[9] Мы ничего не знаем.

До свиданья. Всего лучшего.

Все пишу – кончаю одно и начинаю другое.

MAX.

[1] Датируется по соотнесению с датой рождения А.А. Юнге. См. примеч. 2 к п. 7 и п. 18.

[2] Стихотворение «Видение Иезекииля» закончено Волошиным 21 января 1918 г. См. п. 15, примеч. 12.

[3] См. п. 14.

[4] Упоминаемое письмо Е.О. Кириенко-Волошиной не обнаружено.

[5] К.Н. Кедров, Е.П. Паскина.

[6] Д.А. и А.Э. Юнге.

[7] Отзыв Петровой об этих стихотворениях Волошина см.: примеч. 32 к п. 14.

[8] О приезде К.Ф. Богаевского Петрова сообщала Волошину в письме от 23 января. См. примеч. 33 к п. 14.

[9] Эссен-Эли – имение О.А. Дуранте под Старым Крымом; Шах-Мамай (Шейх-Мамай) – имение Н.М. Лампси в том же районе (ныне Айвазовское); Баран-Эли (Боран-Эли) – имение художника М.П. Латри, там же; Кринички – станция на пути из Феодосии в Карасубазар, севернее горы Агармыш. Петрова отвечала Волошину 2 февраля 1918 г.: «Во всех имениях тоже, что и у Юнге. На Ш<ах>-Мамай охранная грамота есть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 7).

17. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

25 января 1918 г. Коктебель[1]

25 января 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, получил Ваше письмо от 19 января.[2] Совсем отвык от такой аккуратности почтовых сообщений. В нем как раз все ответы на то, о чем я спрашивал в прошлом письме, посланном с маминым (от 21 янв<аря>).[3] Конечно, так, как сделал Кон<стантин> Вас<ильевич> с моими акварелями, очень хорошо, и я его благодарю.[4] И повторяю, что даю Вам и ему все полномочия на распоряжения моими картинками, и всё приму с благодарностью. Спрашивал же только потому, что не понял из Вашего письма к маме, в чем, собственно, дело?[5] Очень радуюсь Вашей совместной работе и мысленно присутствую за ней, за таинственным пустым мольбертом Рыбникова. (Открытка тоже пришла сегодня).[6] Я давно мечтал о такой живописной констелляции, что у Вас образовалась. С теми письмами моими, которые получились одновременно с Вашим, Гольд<овской> и Цетл<иным>, было так: я их хотел все послать с оказией на имя Кон<стантина> Вас<ильевича>, но оказия расстроилась и я послал заказными отдельно. А Кон<стантину> Вас<ильевичу> не пишу, так как, пишучи Вам, пишу и ему. А если ему буду писать отдельно, то ему еще придется мне отвечать, что ему всегда трудно и некогда. Только что из записки

Алекс<андры> Мих<айловны> узнал, что Кон<стантин> Феод<орович> приехал, наконец, вчера благополучно в Феодосию, но она еще не успела его повидать.[7]

Кругом беспокойно, и вести со всех сторон приходят тревожные и преувеличенные, благодаря почти полному отсутствию газет. Гораздо лучше, когда события подходят непосредственно и видишь их воочью. Похоже на то, как купаешься в сильный прибой и надо с каждой волной вовремя подскочить, чтобы не захлестнула с головой. А издали все волны кажутся грознее. Феодосия переполнена солдатами из Трапезунта, их около 10 тыс<яч> сейчас. Они привезли каленые орехи, чуму и турчанок. Рынок очень оживлен: орехи — 40 коп. фунт, турчанки по 25 р. штука.[8] Дешевизна страшная. Сожалею, что не успел купить парочку: при социальном строе необходимо (для биографии). Продают прямо на базаре против мужской гимназии, как в генуэзские и турецкие времена русских рабов. Относительно же чумы, кажется, нас надули — ничего подобного.

У меня большой внутренний подъем все время, но во внешних обстоятельствах я ничего доброго не жду. Напротив, каждую минуту считаю возможным полный разгром и кровь и все, что угодно. Но, т<ак> к<ак> это дело случая в самом чистом и упрощенном виде, то это только побуждает к работе и шпорит и торопит ее: чувствуешь, что ничего на завтра откладывать нельзя — что надо делать сейчас, и потому, мне кажется, никогда так спокойно и хорошо не работалось, как сейчас. Я только тороплюсь все написанное сейчас же рассылать, чтобы не утратилось.

Буду очень, очень Вам благодарен, если найдете и вышлете «Житие Аввакума»:[9] чувствую настоятельную потребность написать о нем, и все уже готово, но честность не дозволяет приняться за осуществление, не имея документа под руками, вопреки необходимости торопиться.

Давно ли Вы читали «Кандида»?[10] Перечтите: необыкновенно современно по обстоятельствам и по всему строю жизни: и философский лейтмотив «Всё к лучшему в этом лучшем из миров» — тот же. Настоящая настольная книга для переживаемого времени.

Что касается «живого буржуя» для Маргариты,[11] то я думаю, что я бы это устроил через Цетлиных, если бы был в Москве. Не знаю, выйдет ли что письменно. Но напишу, когда получу ответ от Марьи Самойловны.[12]

Очень жду от Вас подробного мнения о стихах,[13] а также о том, как кому они нравятся: это все очень важно для работы. Это помогает отделяться от написанного.

По счастью, все народонаселение нашего дома состоит из людей крайне легкомысленных, и поэтому никакой паники и даже подавленности нет, а живут довольно весело изо дня в день. Число младенцев третьего дня увеличилось еще одним.[14] Пра относится ко всему фаталистически и философски: она ведь бывает слаба только перед мелочами. Но знает все, что может произойти, лучше других. Но, когда смотришь на горы и на море в ясные и тихие дни, то совершенно не можешь себе представить, что все то, что творится кругом, реально.

«Небо ясно... Под небом места много всем...
Один бесцельно и напрасно
Враждует человек... Зачем?»[15]

«Появились новые трихины» — это из «Преступления и наказания», из предпоследней страницы: бред Раскольникова в Сибири.[16]

До свиданья. Привет Конст<антину> Вас<ильевичу>, Екат<ерине> Иван<овне>, Феод<ору> Кон<стантиновичу>.[17]

[1] На конверте почтовые штемпели: отправления — Коктебель. 27.1.18; получения — Москва. 14.2.18.

[2] Письмо Ю.Л. Оболенской от 19 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 32–35 об.) — ответ на п. 1.

[3] Имеются в виду п. 15 и ответное письмо Е.О. Кириенко-Волошиной на письмо Оболенской к ней от 14 января 1918 г.

[4] В письме от 19 января Оболенская писала о К.В. Кандаурове в связи с открытием выставки «Мир Искусства» (см. примеч. 9 к п. 1): «Относительно выставки дело обстоит так: в прошлом году К.В. выдержал бой из-за Ваших вещей с бывшими Валетами <члены Общества художников "Бубновый валет". — *Ред.*> (тогда их было двое), и на него произвело тягостное впечатление их отно-

шение, насмешки и т.п. Теперь их прибавилось до восьми, они заполонили выставку и совершенно изменили ее характер. Они участвовали в жюри почти одни, т<ак> к<ак> других они не извещали – напр<имер>, П. Кузнецов, Ульянов и не знали о жюри. Я принесла Ваши акварели, но К.В. скоро вышел оттуда с изменившимся лицом и сказал, что настроение таково, что он ни за что их показывать не станет, что для будущего это имеет значение – и велел мне унести их обратно. Я думаю, что продажу можно устроить помимо выставки. <...> К.В. ручается, что акварели Ваши не могли пройти и что кроме издевательства ничего бы не было».

[5] 14 января 1918 г. Оболенская сообщала Е.О. Кириенко-Волошиной: «На Рождестве открылся “Мир Искусства”. Туда вошли членами все Бубновые Валеты и жюри было такое враждебное, что К.В. не нашел возможным им показать акварели М<аксимилиана> Ал<ександровича>, хотя я их принесла на выставку. Об этом я М<аксимилиану> Ал<ександровичу> не писала, ожидая от него письма, но все равно передайте ему» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 320).

[6] См. примеч. 4 к п. 1. 19 января 1918 г. датирована шуточная приветственная открытка за подписями Оболенской, М.В. Сабашниковой, Е.А. Фельдштейн, М.М. Нахман, К.В. Кандаурова, «модели А.П.» (А. Полиевктовой) и с начертанным крестом – «за неграмотного Рыбникова (это – здешний Щекотихин)»; текст – рукой Сабашниковой: «Мы усе нижеподписавшиеся шлем тебе, Макс Калошин и Волошин, привет. Мы работаем все вместе и прекрасно пишем прекрасную Аню Полиевктову»; далее – рукой Оболенской: «Не правда ли – неожиданный стиль для Маргариты Васильевны? Пра шлем большой привет, жалеем, что вас здесь нет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 31).

[7] О приезде К.Ф. Богаевского в Феодосию А.М. Петрова сообщила Волошину запиской от 23 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955).

[8] См. п. 14, примеч. 34.

[9] Видимо, просьбу к Оболенской выслать ему Житие протопопа Аввакума Волошин впервые сформулировал в рукописной приписке к письму от 2 января 1918 г., сохранившемуся лишь в машинописной копии. 19 января 1918 г. Оболенская отвечала: «Житие, как найду, пришлю»; 27 января она сообщала Волошину: «Посылаю Вам “житие” не то, п<отому> ч<то> до сих пор не удалось найти изд<ание> Тихонравова. Я решила послать пока то, что есть, тем более, что, прочтя, нашла очень интересным» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 91, л. 36). Упоминается первое издание Жития, осуществленное Н.С. Тихонравовым по рукописи XIX в.: Житие протопопа Авва-

кума, им самим написанное / Изд. под ред. Н.С. Тихонравова. СПб., 1861. Издание, высланное Волошину (сохранилось в его библиотеке в Коктебеле): Житие протопопа Аввакума, написанное им самим. М.: Изд. И.Я. Гаврилова, 1911 (Библиотека «Старообрядческая мысль» под ред. И. В. Галкина).

[10] Философская повесть Вольтера. Ср. примеч. 3 к п. 8.

[11] 19 января 1918 г. Оболенская писала Волошину о М.В. Сабашниковой: «Маргарита Вас<ильевна> ищет “живого буржуя, богатого, для портрета”, не знаю я таких. Кого ей посоветовать?».

[12] М.С. Цетлина.

[13] См. примеч. 11 к п. 15.

[14] См. примеч. 2 к п. 7.

[15] Искаженная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Я к вам пишу: случайно! право...» (1840); в оригинале: «...небо ясно, / Под небом места много всем, / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он – зачем?».

[16] Образ из Эпилога (гл. II) романа Достоевского «Преступление и наказание»: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 419). По поводу эпиграфа к стихотворению «Трихины» («Появились новые трихины...») с отсылкой к Достоевскому (см.: Т. 1 наст. изд. С. 256) Оболенская признавалась в письме к Волошину от 19 января 1918 г.: «...все-таки не вспомнить, откуда именно трихины?».

[17] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

18. А.М. ПЕТРОВОЙ

25–26 января 1918 г. Коктебель

25 января 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

получил сегодня Вашу коротенькую записочку с известием о смерти Веры Матв<еевны>,[1] но не через Влад<имира> Каз<имировича>[2] – ему, верно, не удалось остановиться в Коктебеле, а по почте (местной).

Отчего умерла Вера? Смерть ее так неожиданна, она казалас<ь> предназначенной для долгой жизни... Правда, это не привилегия – оставаться теперь в живых, и кажется, что смерть милует тех, кого увидит раньше, и без насилия и издевательства. И это смягчает чувство ее смерти. Но мне хочется знать, как это случилось.

Тут ходят тоже какие-то смутные слухи об ужасах у Микеладзе,[3] и что Соф<ья> Пелоп<идовна>[4] будто сошла с ума. Напишите, пожалуйста, что там? Что сталось с Эссен-Эли?[5]

Вчера я послал Вам письмо с оказией:[6] уезжала бонна Юнге.[7] Если она не передаст Вам сама, то оставит у Гауфлера,[8] т<ак> к<ак> должна остановиться там рядом. В письме новые стихи «Видение Иезекииля».[9]

Хочется знать как можно скорее все о Костеньке:[10] какой он, что с ним? что теперь думает делать? Пожалуйста, прочтите ему все мои стихи и напишите, что он скажет об них и что похвалит?

Спасибо за то, что сказали о моих стихах.[11] Мне очень важно знать, *как* они принимаются. Это надо для дальнейшей работы. Ведь понимание освобождает, отнимает сделанное – дает возможность сейчас же перейти к следующему. А это мне так важно теперь, когда некогда останавливаться и подолгу вслушиваться в свои слова, как я всегда делал, себя проверяя. Теперь каждому время считано, каждый как бы в ожидании возможного смертного приговора: оттого так легко и светло на душе, несмотря ни на что. Если преодолет<ь> в себе страх потери и страх страдания, то чувствуешь освобождение невыразимое.

Сегодня я получил целую охапку писем из Москвы: большое от Юлии.[12] Они устроили у себя совместную работу: Юлия, К.В., Маргарита, Магда и Ева Фельдштейн.[13] И очень счастливы.

Юлия радостно откликается на мои слова, что теперь бороться с хаосом можно только творчеством.

Все они крайне беспокоились о Костеньке и только от меня узнали, что он невредим.[14]

Получили ли Вы мое большое письмо от 15 янв<аря>, отправленное почтой.[15]

26 янв<аря>.

Меня сейчас мучит и волнует один образ, который, не знаю, удастся ли выявить в стихах: очень он труден и опасен по теме. Посмотрите на карту Европы: Константинополь с системой проливов и Мраморным морем – это материнские органы Европы. И это не только внешне, но и внутренно: Византия в свое тысячелетнее царство была сосредоточием всех нервных – страс<т>ных волокон – похотником Европы. Ее история – это история половой зрелости Европы. Греция и Рим – они невинны – они до сознания пола, которое приходит только с христианством. Только в Четырнадцатом веке, когда мужская сила Ислама насильственно овладевает Константинополем, Европа становится женщиной и зачинает. Ее плод, еще не выношенный, но созревающий и уже вызывающий родовые схватки, – Россия. Родиться для мировой своей роли она сможет только через проливы. Мы переживаем сейчас одну из спазм, и были в опасности в начале войны сделать выкидыш. И слава Богу, что этого не случилось: мы совсем не были готовы для рождения. Вы чувствуете, сколько в этом порядке символов реального и выявляющего смысл всего, что с нами случается? Тема должна быть обработана с библейским и Розановским реализмом.[16]

Меня изумляет только, каким образом эта мысль до сих пор именно Розанову в голову не пришла. Она так наглядна, если только вглядеться карту Европы, которая выросла, как моллюск, на громадной скале Азии. У нее все внешние и внутренние органы налицо. Англия – голова, Франция – сердце. Германия – печень и желудок. Полуострова соответствуют щупальцам. Конечно, надо все время иметь в виду не внешние, физические органы, а внутренние астральные их аспекты. Подумайте об этом и напишите мне, что вы думаете.

До свиданья пока.

MAX.

[1] В письме от 23 января 1918 г. Петрова сообщала Волошину о смерти преподавателя русского языка и литературы, начальницы частной женской гимназии в Феодосии В.М. Гергилевич, которая умерла на уроке от разрыва сердца.: «...сегодня скоропостижно

скончалась наша дорогая Вера Матвеевна...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 6 об.). 4/17 февраля 1918 г. Петрова описала Волошину ее смерть: «Вы пишете о покойной Вере Матвеевне... Ее смерть подлинной, невероятной болью отразилась на всех, на ее детище — гимназии и на каждом ее знавшем... Буквально чувство, — что ангел отлетел. Тем более, что было потрясающе, что так внезапно, неожиданно... Ее подхватила бывшая у детей учительница, и вместе с Матреной Павловной перенесли ее на кровать. Сделался, по-видимому, нервный удар и кровоизлияние в мозг» (*Там же*, л. 12). Упоминается феодосийска М.П. Нич (ок. 1856–1936).

[2] В.К. Герцык.

[3] Имеется в виду семейство князя, феодосийского мирового судьи, Иверико Давидовича Микеладзе.

[4] О С.П. Микеладзе Петрова упоминала в письме от 2/15 февраля 1918 г.: «Софья П<елопидовна> и т.д. вполне благополучны, в пространстве!» (*Там же*, л. 7).

[5] См. примеч. 9 к п. 16.

[6] См. п. 16.

[7] Возможно, речь идет о Елизавете Филипповне Лякишевой, няне в семье Юнге.

[8] В.Л. Гауфлер.

[9] На стихотворение «Видение Иезекииля» Петрова отозвалась в письме от 4/17 февраля: «По языку, по стиху — прямо великолепно. Но — следует ли, уже раз нашедши свою Боговдохновенную форму, перешлифовывать вновь? Хотя бы и с добрыми целями. <...> Вообще: анатомировать можно только труп; так и “критиковать” — только то, что не вытанцевалось; перед всем подлинным — только благоговейный восторг и благодарность. Поликсену Сергеевну <Соловьеву. — *Ред.*> зацепило только одно место: “дни паденья и позора”. Говорит, что, с Вашими силами, Вы должны бы избегать этих двух слов. Перед остальным склонилась <...>» (*Там же*, л. 10 об.).

[10] К.Ф. Богаевский. См. примеч. 33 к п. 14.

[11] См. примеч. 32 к п. 14.

[12] Имеется в виду письмо Ю.Л. Оболенской от 19 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 32, 34–34 об.).

[13] К.В. Кандауров, М.В. Сабашникова, М.М. Нахман, Е.А. Фельдштейн.

[14] В своем письме Ю.Л. Оболенская признавалась Волошину: «Утром пришло Ваше письмо <см. п. 15. — *Ред.*> <...> и доставило несказанную радость, начиная с известия о К<онстантине> Фед<оровиче>. Мы ведь ничего не знали о нем, и было это очень

тяжело. <...> Очень приятна наша совместная работа, утешительна. Я думала, что мне будет трудно от большого числа людей, но все так милы, включая модель, так прекрасно, серьезно и весело и как-то очень тихо, без всякого спора устроились в тесноте и густоте. (Представляете мою комнату и пять мольбертов с расчетом еще на шестого!) У меня все время какое-то розовое ощущение после этой работы. <...> Меня страшно радует Ваша фраза о худож<ествнном> творчестве, как единственном достойном ответе на окружающее. И так ясно чувствую, что "все остальное, каким бы чувством ни было продиктовано – усугубит хаос"» (*Там же*, л. 32, 34–34 об.).

[15] См. п. 14.

[16] Эти размышления Волошина найдут свое образное воплощение в стихотворении «Европа» (20 мая 1918). (См.: Т. 1 наст. изд. С. 266–268, 529). Упоминание имени В.В. Розанова возникает в связи с особым пристрастием Петровой к его публицистике. См. примеч. 16 к письму Волошина от 19 мая 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 594–595). Петрова отвечала Волошину 2/15 февраля: «...идея с Царьградом и проливами грандиозна. Отметку по поводу пошлю в пакете. Меня, конечно, "реализмом" не перепугаешь (школы Розанова!), но воображаю, в какого Жиля де Ре обработают Вас литературные шавки!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 7). На самом письме Волошина Петрова сделала помету: «Если написать и издать, шавки обработают в Жиля де Ре. Написать непременно и перекинуться мыслью с Розановым – единственной аудиторией». Эти же слова повторены Петровой и в письме Волошину от 4/17 февраля: «Вот вам лишь по поводу "рождения Руси через проливы": прежде всего, не миновать Вам от тявок зачисления в категорию Жиля де Ре. Разработать и написать непременно. Интересно бы перекинуться мыслями с Розановым, – единственной аудиторией в сущности» (*Там же*, л. 11).

19. Е.П. ОРЛОВОЙ

28 января 1918 г. Коктебель

26 января 1918. Коктебель.

Дорогая Екатерина Павловна,

последнее время начали снова приходить письма с севера. И почта принесла три Ваших письма: от 3, от 15 дек<абря> и от 9 января (стихи).[1] Смутно и жутко у Вас? У нас тоже. Кру-

гом грабят, жгут, социализируют имущества, углубляют революцию, самоопределяются, — большевики, эскадронцы,[2] красногвардейцы, солдаты из Трапезунта, учреждают немедленный и обязательный рай на земле, продают турчанок на базаре (по 25 р.).[3] Все это пришло и в Коктебель. Мне пришлось одно время с ними говорить и устраивать и улаживать разные внешние дела: детская доверчивость и полная зыбкость... В том, что не можешь быть уверен, будешь ли жив на завтра, есть хорошая сторона — из жизни отбрасывается все лишнее. А когда приучишь себя не бояться ни потери, ни страдания, то появляются освобождение и радость. В Ваших стихах есть, как всегда, напевность и чувство ритма, но не хватает самоценности отдельного стиха — они мало насыщены. В замысле поэмы бесплотность.[4] Это недостаток. Не надо отрицать — надо понять смысл плоти. Ради нее мы *воплощены*. Не отринуть, не презирать, а собою ее преобразить, просветить, спасти. Не бежать от греха и порока, а идти ему навстречу в самом себе, побеждать не отрицанием, а любовью. Подумайте о смысле слов: «Кто захочет спасти свою душу — тот погубит, а кто погубит, тот спасет».[5] Относитесь ко злу в мире внешнем или внутреннем, как добру, и оно преобразится в добро. В этом таинственная алхимия души.

«Март» — оно было написано так тогда же: именно это чувство меня пророчески охватило 12 марта — в день «торжеств революции», на Красной площади, вопреки всему, что было тогда во всех. Я только закончил его теперь.[6]

В «Св<ятой> Руси» есть ирония (в имени),[7] но надо видеть сущность народа сквозь текущее.

Посылаю Вам несколько новых стихотворений.[8]

До свиданья. С духом уныния всеторжествующим в эти дни можно бороться только художественным творчеством. Да охранит Вас Христос.

[1] Эти письма Е.П. Орловой сохранились в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 915).

[2] Так именовался контингент Крымского конного мусульманского полка, сформированного в ноябре 1917 г.

[3] См. примеч. 34 к п. 14.

[4] В письме Орловой от 9 января 1918 г. (л. 17–18 об.) были приведены ее стихотворение на современную тему («Погибла Россия. Нет сильной державы...») и начало большой поэмы «Дева льдов» с просьбой: «Напишите, стоит ли продолжать» – и изложением общего замысла: «Идея такова: Вечная дева с ясной душой спускается в мир человеческих страданий и заблуждений, чтоб сделаться обыкновенной земной девушкой. Она видит людей, живущих во мраке, не знающих беспредельных полетов духа в вечность. Она видит, что все земные страдания происходят по собственной вине людей, хотя они и упрекают в них Бога. Все их страдания происходят оттого, что они не поняли глубокого всепроникающего смысла жизни, кот<орый> заключается в приближении к идеалу внутренней красоты и совершенства, в выявлении в своей душе божественных начал. Оригинальность изложения должна состоять в том, что все условности и общепринятые формы жизни преломляются в душе ясной, чистой девушки, как что-то непонятное, странное и совершенно чуждое ее натуре. Наоборот, то, что для нее истинно и непреложно, – для обыкновенных людей смешно и дико. Я еще не знаю, как это выльется, говорю в общих чертах и чувствую, что не точна, но Вы наверно поймете. В своих земных скитаньях она встречает человека, но не юношу, а человека, вкусившего и познавшего жизнь, человека, видящего счастье в низменной страсти. <...> Он пытается силой овладеть ею, но она на его глазах становится прозрачной как облако и неосязаемой – только ясные синие глаза смотрят укоризненно и строго. Он протягивает руки, но встречает пустоту – она становится чуть видной и распыляется в воздухе. Он без сознания... На этом обрывается поэма».

[5] Лк. XVII, 33: «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее».

[6] Имеется в виду стихотворение Волошина «Москва (Март 1917 г.)» («В Москве на Красной площади...», 20 ноября 1917 г.; Т. 1 наст. изд. С. 245); об обстоятельствах его написания см. статью Волошина «На весах поэзии» (1919; Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 424–425). Отзыв Орловой об этом стихотворении, полученном ею в рукописи, содержится в ее письме к Волошину от 15 декабря 1917 г. (см. примеч. 2 к письму Волошина от 27 ноября 1917 г.: Т. 10 наст. изд. С. 735–736).

[7] Имеется в виду стихотворение Волошина «Святая Русь» (Т. 1 наст. изд. С. 257–258), также полученное Орловой в рукописи. «“Святая Русь” – это звучит сейчас, как ирония», – писала она Волошину 15 декабря 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 735).

[8] Орлова отвечала 4 марта 1918 г.: «Ваши стихи, как всегда, полны мысли, и в некоторых я почувствовала размах и силу (“Стень-

кин суд", "Преосуществленье"). Оригинально по замыслу и очень мне нравится "Dmetrius-Imperator". <...> Я читала и давала списывать Ваши стихотворения многим моим знакомым, и они (стихи) везде вызывали громадный интерес» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 915, л. 19–19 об.).

20. А.Н. ИВАНОВОЙ

30 января 1918 г. Коктебель

30 января 1918. Коктебель.

Милая Нюша,

хочется знать, как Вы живете, что чувствуете, что делаете? Чувствуешь себя теперь отделенным ото всех близких непереходимыми пространствами... Почта не приходила последние месяцы, но вот теперь стали приходить письма от начала декабря и некоторые проскальзывать и январские.

До нового года Коктебель был за гранью нормальной русской жизни: все было спокойно и вдали. Только теперь мы вступили в естественный круг событий, и у нас водворен немедленный и обязательный социальный рай. Все знакомые в окрестности – Юнге, Латри, Лампси – социализированы.

Наш дом – Ноев Ковчег. Одних детей – десять штук, из них последний родился третьего дня.[1] Кругом идет: междоусобная война с татарами, крестьян с помещиками, солдат с красногвардейцами, Трапезунцев с Крымцами... Феодосия наводнена Трапезундскими войсками, продающими на базаре казенные вещи, орехи и турчанок (по 25 р.).[2]

Все это захлестывает время от времени в Коктебель. Я живу очень сосредоточенной жизнью, почти никого не вижу и много пишу. Часто вспоминаю нашу зиму в Париже – она похожа по внутреннему настроению. Так же все лучи жизни вобраны внутрь и так же, совершенно независимо от совершающегося в мире внешнем, внутри неугасаемая радость – точно из-под пепла. Посылаю Вам ряд новых стихов, которые составят небольшую книжку «Демоны Глухонемые», как книжка о войне.[3]

По временам мы совсем отрезаны от севера и живем одними фантастическими слухами. Так теперь уже две недели все шепотом сообщают друг другу, что Англия и Франция уже заключили сепаратный мир с Турцией, и что союзный флот прошел проливы и уже сделал десант под Севастополем, что Франция оккупирует Крым, а Англия Кавказ. Несмотря на абсурдность, этому слуху все верят, как во Франция в 1914 верили в казаков из Архангельска. Явно, что этого слишком хочется всем.

Получил ли Бальмонт стихи, что я ему посылал в ноябре? Что он делает? Что пишет? Понравились ли ему стихи? И понравятся ли те, что посылаю Вам?[4]

Напишите мне о Маргоре.[5] Она мне изредка пишет, но мне хочется знать извне, как она живет и чувствует себя. Кто сейчас живет у Вас в доме? Видаете ли Вы Цетлиных и как сложились Ваши отношения после Парижа?

До свиданья. Крепко обнимаю Бальмонта. Привет всем друзьям.

[1] Дословно те же слова о рождении младенца «третьего дня» – в письме Волошина от 25 января 1918 г. (см. п. 17). См. примеч. 2 к п. 7.

[2] См. п. 14, примеч. 34.

[3] Подразумевается книга стихов Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (1916).

[4] А.Н. Иванова писала Волошину 4/17 марта 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 152–154 об.): «Очень обрадовалась Вашему письму и стихам. Но вот сразу не могла Вам ответить. Стихи Ваши я знала почти все, но мне очень приятно их иметь. К.Д. <Бальмонт. – *Ред.*> мне читал, чтó Вы ему посылали, у Гольдовских слышала "Димитрия" и "Стеньку Разина", кот<орые> мне особенно нравятся, а также те, что были напечатаны в "Слову – Свобода". <См. примеч. 9 к п. 15. – *Ред.*> Не знаю, дошел ли до Вас этот номер и даже знаете ли Вы о том, что стихи, кот<орые> Вы прислали К.Д., отданы были им в эту однодневную газету. Я была против того, чтобы это было сделано без Вашего ведома, но Вы, верно, не рассердились на это. <...> Бальмонт очень утомлен от всего происходящего. <...> Читает много. В смысле заработка имеет мало, и это его сокрушает. Конечно, нельзя предпринимать сейчас никаких поездок, выступления редки. Стихи он пишет теперь далекие от действительности,

хотя эту действительность воспринимает больно, остро. Уезжать пока никуда не хочет. В далеком будущем, если оно придет для нас, мечтаем о Париже. <...> С К.Д. мы бываем довольно часто у Гольдовских и Цетлиных, кот<орые> в двух шагах от нас. Я очень люблю там бывать. Они так радушны, так ласковы. К.Д. всегда ходит туда читать новые стихи. Там он познакомился с футуристами, кот<орые> сразу произвели на него большое впечатление, особенно Маяковский. У Цетлиных изредка устраиваются вечера поэзии, где бывают исключительно поэты и где читают свои новые стихи. Вяч. Ив<анов>, Белый, Мар<ина> Цвет<аева>, футуристы и много других».

[5] На вопрос о М.В. Сабашниковой Иванова отвечала в том же письме: «Маргорю <...> вижу редко и мельком. Она <...> целый день вне дома, видает очень много людей, последнее время работает вместе с Евой Ф<ельдштейн> и Оболенской и пока довольна своей жизнью. Тем, что творится вокруг, не угнетается очень».

21. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

1/14 февраля 1918 г. Коктебель

1 февраля 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, просто чудеса делаются с почтой, сегодня получил Ваше письмо от 27-го янв<аря> и «Житие протопопа Аввакума».[1] Громадное спасибо за него. Мне именно это и нужно – самый текст. В Тихонравовском издании ничего другого, кроме текста, и нет. А про Тихонравовское я писал только потому, что не знал о существовании другого, и почему-то не пришло в голову, что может быть и старообрядческое издание: так что ничего мне больше не надо и большое спасибо за него. Как хорошо, что Вы сами прочли прежде, чем отправить:[2] это совершенно поразительное и единственное в старорусской литературе произведение по силе и по языку. Я впервые его прочел, когда с Суриковым о Морозовой говорил,[3] а теперь у меня под рукой только отрывки в Истории Соловьева были...[4]

Как я рад, что Вам «Стенькин Суд» понравился[5] – я действительно сомневался в нем, т<ак> к<ак> он вызвал очень большие нападки. Прежде всего со стороны Алексан-

дры Михайловны,[6] которая пришла от него в негодование и теперь только немного смягчилась. Но ее сбило первое лицо: она ждала клича Стенькиного и нашла, что «клич»-то и не удался, а потом и порадовалась тому, что он не удался, т<ак> к<ак> «что бы было, если бы он удался?» А мой замысел был дать только психологическую картину исконного русского мятежа и связать ее, не намекая на это, с современностью, как вообще во всех стихах, мною писанных теперь.

А Аделаида Герцык писала мне из Судака, что ей кажется, что у меня чересчур – нарочито русский народный язык в «Стеньке».[7] Я думаю, что это, может, просто непривычка в *моих* стихах такой язык встречать, но ведь я раньше и к таким темам не подходил... Но что бы я ни писал, я всегда искал слов и выразительности в самой теме, заранее составлял себе словесную палитру для каждого отдельного произведения и здесь следовал тому же самому методу. Что меня самого несколько смущало в «Стеньке» – это чересчур гладкий строфический стих – я боялся, не вышло ли это похоже на былины Алексея Толстого (старшего). Стихом «Дмитрия» с произвольным рисунком рифм я больше доволен.[8] Но, может, это иллюзия – мне никто этого именно замечания не делал. Но нападки на «Стеньку» меня смутили, и я вообще сомневался в нем, казалось, что не вышло, и Ваше мнение меня очень ободряет. Мне очень интересно, как Вы отнесетесь к «Преосуществлению» и к «Видению Иезекииля», посланным Вам в письмах от 21-го и 25 ян<варя>.[9]

Часто ли видитесь с Цетлиными? Пожалуйста, когда будете у Марьи Самойловны, захватите с собой все мои стихи – чтобы ей показать и сверить, все ли она получила – я ей посыла<л> все, но совсем не имею от них писем вот уже два месяца и не знаю, получали ли они мои письма и стихи, хотя одно я послал им с Мариной,[10] так что его-то они должны были во всяком случае получить. А там были все первые стихи этой зимы. Марина дала слово сама быть у них и лично передать. Но ни на это, ни на другие письма, посланные по почте,[11] я ответа не получил.

К<онстантин> Ф<еодорович> приехал на днях в Феодосию, мне писала Ал<ександра> Мих<айловна>,[12] но об нем ничего еще не знаю.

Последнее время мы живем опять вдали от событий — надолго ли? Газеты редки и пусты. Крым полон слухами самыми неправдоподобными и таинственными, сообщаемыми друг другу на ухо. Вроде: «Вы слыхали, что между Турцией и союзниками заключен сепаратный мир? Англо-французский флот уже прошел Дарданеллы и... только никому не говорите: уже сделан десант за Севастополем. Этого еще большевики не знают. Крым становится французской колонией, а Кавказ берут англичане». И самое удивительное, что этому верят, настолько всем хочется какого-нибудь «Deus ex machina».[13] Меня страшно интересуют следствия и эффект Патриаршего Интердикта,[14] а газеты об этом как раз ничего не говорят. Пожалуйста, если где-нибудь был напечатан полный текст его, пришлите мне — я знаю только по нескольким отрывкам из статьи в «Нашем Веке».[15] Как это принято в Москве? Меня бытовая сторона очень интересует.[16]

Этот шаг меня глубоко радует за церковь, т<ак> к<ак> он естественно должен вызвать гонения, а это то, что можно только ей пожелать для ее очищения и возрождения. Мне интересно, как Маргарита[17] отнеслась к этому? Конечно, меня пленяет глубоко и средневековая форма борьбы.

На днях узнал, что пятеро из моих «приятелей» красногвардейцев, что приезжали водворять большевистский строй в Коктебеле, расстреляны под Старым Крымом матросами за грабеж и убийства. А они мне обещали приехать позировать... Очень между ними хорош был «старшой» залихватским юно-петушиным видом, с головой немного набок и набекрень, очень он хорошо в «народном собрании», прежде чем начать говорить, щелкал — точно бич развертывал, многосложным площадным ругательством. Это я про них в письме к Марг<арите> писал.[18] И расстрел, как финал — это всё очень идет одно к одному.

К сожалению, у меня нет никаких новых стихов вложить в это письмо, т<ак> к<ак> эти дни у меня была головная боль, и я не мог работать. Теперь же примусь за Аввакума.[19] Обнимаю Конст<антина> Вас<ильевича>. Привет Екат<ерине> Ив<ановне> и Ф<еодору> К<онстантиновичу>.[20] Я буду очень благодарен, если Кон<стантину> Вас<ильевичу>

удастся продать мои акварели вне выставки – по той цене, что найдет удобным – хоть по 25 р. даже. Может, Цетлины могли б помочь в этом? Если будете у Мар<ьи> Сам<ойловны>, спросите ее об этом от моего имени. А Ваша выставка будет?[21]

До свиданья. Сколько я Вам должен за Аввакума?[22]

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 17, примеч. 9.

[2] В письме к Волошину от 27 января 1918 г. Оболенская делилась своими впечатлениями от Жития протопопа Аввакума: «Так не прикрашено оно, темно и сильно, что кажется живой речью, а не записью. Особенно это усиливается тем, что он ничего не поясняет, как само собой известное, точно Вы его современник; от этого – страшная близость» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 91, л. 36).

[3] Волошин встречался с В.И. Суриковым в Москве в январе 1913 г. – собирая материалы для монографии о художнике, записывал его рассказы о своей жизни и творчестве, в частности о картине «Боярыня Морозова» и изображенной на ней видной деятельнице русского раскола Феодосье Прокофьевне Морозовой.

[4] В 29-томной «Истории России с древнейших времен» (М., 1851–1879) С.М. Соловьева Житие протопопа Аввакума не использовано: том, в котором описывается история раскола, вышел в свет еще до того, как в 1862 г. Житие было впервые опубликовано.

[5] О стихотворении Волошина «Стенькин суд» Оболенская отозвалась в письме к нему от 27 января 1918 г. (см. примеч. 16 к п. 1).

[6] См. примеч. 8, 9 к п. 7.

[7] Имеется в виду фраза из письма А.К. Герцык от 14 января 1918 г. См. примеч. 11 к п. 10.

[8] Стихотворение «Dmetrius-Imperator». Оболенская отвечала на эти суждения в письме от 13/26 февраля 1918 г.: «Я предвидела <...> упреки за “русские слова” в “Стеньке”. <...> Ведь не от слов самих по себе (как в словаре) зависит их ценность, а от той внутренней волны, что выносит их на хребте. Правда, почти никогда не удается создать такой стержень, на кот<ором> ожили бы слова народного языка, но в данном случае это удалось, он смерчом проходит через все стихотворение. Отсюда и невозможность сравнения с Ал. Толстым – ведь не в факте изображения лаптей – тайна передвижничества. О “Димитрии” Вы, м<ожет> б<ыть>, верно говорите, но он ведь в другой плоскости. В нем больше повествования, отдаления – в “Стеньке” же не повествование играет роль: это живой организм, в каждой строке

идет его развитие, оно страшно динамическое, изменчивое, растущее на глазах. Эта огромная жизненная сила и дает смысл всему тому, что в более спокойной и рассчитанной вещи явилось бы только орнаментом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 43–44).

[9] Отзыв Оболенской об этих стихотворениях Волошина см. в примеч. 11 к п. 15.

[10] М.И. Цветаева выехала из Коктебеля в Москву 25 ноября 1917 г. (см.: Т. 10 наст. изд. С. 729). Имеется в виду, видимо, письмо к М.С. Цетлиной от 22 ноября 1917 г. (*Там же.* С. 727–729).

[11] См. письма Волошина к М. С. Цетлиной от 28 ноября и от 29 декабря 1917 г. (*Там же.* С. 743–745, 770–771).

[12] См. примеч. 7 к п. 17.

[13] «Deus ex machina» (*лат.*) – бог из машины; драматургический прием, применявшийся иногда в античной трагедии: интрига получала неожиданное разрешение благодаря вмешательству бога, который посредством механического приспособления появлялся среди действующих лиц и приводил драматические положения к развязке. В переносном смысле – искусственное разрешение трудной ситуации посредством вмешательства извне.

[14] Имеется в виду одобрение и утверждение 28 января 1918 г. Поместным Собором – высшим органом Русской Православной Церкви – Послания Патриарха Тихона от 19 января 1918 г., в котором предавались анафеме советская власть и большевики – «безбожные властелины тьмы века сего»: «...анафематствуем вас <...> Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение».

[15] В петроградской газете «Наш Век» (бывшая «Речь») появилась информационная заметка «Послание патриарха Тихона»: «Патриарх Тихон обратился с посланием ко всем пастырям и чадам русской церкви, призывая всех верующих защищать оскорбляемую и унижаемую святую мать – русскую церковь» (1918. № 15, 21 янв. С. 2); в той же газете в заметке «Крестный ход» сообщалось, что во время молебствия на Красной площади было прочитано послание патриарха Тихона и местного собора, сообщалось также, что в ходе реквизиции синодальная типография была «передана в руки рабочих. Последние прекратили печатание воззвания патриарха Тихона» (1918. № 22, 30 янв. С. 3).

[16] 13/26 февраля 1913 г. Оболенская отвечала Волошину: «Завтра начну поиски <...> патр<иаршего> интердикта. Увы, о нем ничего не говорят “в Москве”; впрочем, я и не бываю в таких местах, где могли бы говорить на эту тему». В приписке к этому же, еще не отправлен-

ному письму (22 февраля / 7 марта) она добавляла: «Я за это время убедилась, что никто ничего не думает об интердикте, более того – не читал его, более того – не видал, где напечатано».

[17] М.В. Сабашникова.

[18] Имеется в виду письмо к М.В. Сабашниковой от 13 января 1918 г. (ДМВ; Новый мир. 2009. № 8. С. 134–136. Публ. И.В. Левичева).

[19] Подразумевается изучение Жития с целью последующей работы над поэмой «Протопоп Аввакум», законченной 6/19 мая 1918 г. (см.: Т. 1 наст. изд. С. 295–317). Согласно помете Волошина, «начато в апреле на Страстной» (*Там же*. С. 539) – т.е. на неделе 15–21 апреля / 28 апреля – 4 мая.

[20] К.В. Кандауров, Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[21] Оболенская отвечала в письме от 13/26 февраля: «Нет, какая там “наша выставка” – окопы рыть готовимся. Эта идея сгинула еще до Рождества – не то бы мы и вас выставили».

[22] Оболенская отвечала в том же письме: «Вы мне должны за Аввакума – страшно подумать – 40 копеек. Пожалуйста, не рискуйте пересылать такую сумму при современной неурядице».

22. А.М. ПЕТРОВОЙ

5–6 / 18–19 февраля 1918 г. Коктебель

18/5 февраля 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

получил Вашу открытку от 2-го.[1] Меня очень интересует, где же и кем было напечатано мое стих<отворение> «России»? Пожалуйста, пришлите мне вырезку о нем непременно.[2] «Житие Аввакума» (подлинный текст его автобиографии) я получил, наконец, от Оболенской в старообрядческом издании.[3] Теперь у меня есть все, что надо, так что спасибо за хлопоты. Но если Вы *уже* нашли ту Павленковскую брошюрку,[4] то все же пришлите, но главное у меня есть. Теперь я только в нее и вчитываюсь, и общее содержание поэмы у меня наметилось. Я окончу ее, вероятно, быстро. О проливах отложил на после.[5] Я ждал, что Вы хоть несколько слов напишете о Патриаршем «Интердикте»,[6] который меня глубоко потряс как событие,

чреватое громадными последствиями для Русской Церкви, которая так решительно вступила им на путь преследований и испытаний, который, может, спасет ее от двувекового паралича. Дальнейший логический шаг – это арест патриарха, и только это может утвердить его духовный авторитет. Я все эти дни искал в дневниках Леона Блуа то место, где он во время преследования конгрегаций[7] советует Папе наложить полный Интердикт на Францию и рисует картину того, что бы было при этом. Картину потрясающую. Но эта страница куда-то провалилась: если найду – перепишу для Вас.

Патриаршее послание (к сожалению, я так и не видал его полного текста), на мой взгляд, есть акт, наиболее чреватый последствиями из всего, что было за последние шесть месяцев.

Я получил письмо от Юлии Леонидовны, которое меня очень порадовало, т<ак> к<ак> она реабилитирует моего «Стеньку». Она пишет: «Это моя любимая вещь. Там изумительны переходы от очень подлинного гнева и настоящего величия к нелепости. Совсем не карикатурно, удивительно справедливо это сделано. Я даже думаю, что Вы *сами* его еще не оценили...»[8] Пишу это, конечно, не в укор Вам – Вы знаете, как я ценю именно неистовство Вашей критики, но как новый угол зрения, который, может, и Вам поможет примириться с ним, как и мне самому позволил взглянуть с иной точки зрения на то, что стало и мне казаться уже неудавшимся.

Интересно, как Костенька[9] примет его. Пишет Ю.Л. тоже, что Маргарита[10] удивляется на мои стихи: «Откуда у него взялось все русское: ведь у него даже и книг таких нет». На нее тоже Стенька произвел наиболее сильное впечатление. А «Дмитрий»[11] не понравился. Спрашивает Ю.Л. о К.Ф., «нельзя ли от него добыть хоть два слова?». Передайте ему. С нетерпением буду ждать его приезда.

Очень хорошо она пишет про пьяного рабочего в трамвае, сетовавшего на «неподобные не русские слова»:[12] «Декрет... Трубинал... декрет. Трубинал. – Были бы русские, сказали бы не декрет, а «хлеба нет»; не «трубинал», а «и муки не будет», а так кто их разберет: Декрет... Трубинал».[13] Пока покойной ночи. Завтра буду продолжать это письмо.

19-го

Сейчас представляется оказия – послать это письмо с Нюрой Павловой (сестрой Ник<олая> Вас<ильевича>)[14] Она сама занесет его Вам. Поэтому спешу его кончить, т<ак> к<ак> утро – время моей работы и «Аввакум» ждет.[15] Волнуюсь над ним и верю в него.

Очень жду большого письма. Но скоро ли представится оказия. Теперь никто не ездит: только Новинский все собирается. Жду в письме большой, подробной и детальной оценки всех вновь посланных стихов. А также мнения Конст<антина> Ф<еодоровича>.

До свиданья. Всего лучшего. Скажите Костеньке, что очень жду его. Привет Жозефине Густ<авовне>.[16]

MAX.

[1] Открытка Петровой от 2/15 февраля 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 7).

[2] Стихотворение «Россия» (1915) (см.: Т. 1 наст. изд. С. 221–222) под названием «России» впервые было опубликовано в газете «Власть народа» (28 июля 1917 г.). 4/17 февраля Петрова писала Волошину: «А еще посылаю Вам газету, где глупехонько облаяли Вас за “России”. Там же и Брюсовский “Автомобильный гудок”. Он, должно быть, уверен, что это – “символизм”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 10 об.). Упомянутое стихотворение В.Я. Брюсова «Зов автомобиля» было опубликовано в газете «Мысль» 18/25 декабря 1917 г. В этом же выпуске газеты была напечатана анонимная заметка «В литературных кругах», в которой говорилось: «В литературных кругах всеобщее удивление вызвало помещенное Макс. Волошиным в однодневной газете “Слову – Свобода!” стихотворение по поводу нынешних событий. Определенно выраженное поэтом желание увидеть страну “под немцем” является, по мнению некоторых писателей, глаголом, обнаруживающим большую политическую нетактичность». Между тем, в газете «Слову – Свобода!», упоминаемой в заметке, было опубликовано не стихотворение «России», а стихотворение Волошина «Мир».

[3] См. примеч. 9 к п. 17.

[4] Вероятно, речь идет о брошюре: Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк В.А. Мякотина. СПб.: Тип. товарищ. «Общественная польза», 1894. (Серия «Жизнь замечательных людей. Биограф. б-ка Ф. Павленкова»).

[5] См. п. 18, примеч. 16.

[6] См. примеч. 14, 15 к п. 21.

[7] О деятельности конгрегации в Европе см. примеч. 15 к письму Волошина А.М. Пешковскому из Рима от 9 сентября 1902 г. (Т. 8 наст. изд. С. 757). Возможно, у Волошина речь идет об издании: *Bloy, Léon.* Quatre ans de captivité à Cochons-sur-Marne: Pour faire suite au Mendiant ingrat et a Mon journal: 1900—1904. Paris, Mercure de France, 1905.

[8] Цитата из письма Ю.Л. Оболенской от 27 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 36—36 об.).

[9] К.Ф. Богаевский.

[10] М.В. Сабашникова.

[11] Речь идет о стихотворении Волошина «Dmetrius-Imperator. 1591—1613». (См.: Т. 1 наст. изд. С. 273—275, 531—532).

[12] Цитата из стихотворения Волошина «Москва (Март 1917 г.)» (Т. 1 наст. изд. С. 254).

[13] Об этом Ю.Л. Оболенская писала Волошину со ссылкой на подругу из Нижнего Новгорода в письме от 27 января 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 307 об.).

[14] А.В. Павлова, Н.В. Павлов.

[15] Речь идет о работе над поэмой «Протопоп Аввакум» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 295 — 317).

[16] Ж.Г. Богаевская.

23. А.М. ПЕТРОВОЙ

14/27 февраля — 16 февраля / 1 марта 1918. Коктебель

Дорогая Александра Михайловна!

Получил Ваш большой пакет со стихами Брюсова, вырезками и т.д.[1] Что-то застряли мои стихи: простуда, мигрень, а теперь снова реальности внутренней политики: сегодня мне объявили, что я обязан уплатить контрибуцию в 3000 р<ублей>! Сделали мне честь считать меня (!) капиталистом. Ходил сегодня объясняться с земельным комитетом и спрашивать их, по какому праву они меня считают буржуем? Потому что этого звания я на себя добровольно принимать не хочу. Кажется, они согласились с тем, что поэты и художники буржуями быть не могут. В смысле контрибу-

ции также идут на торг, завтра будет решено. Кроме того, приезжали красногвардейцы искать оружие: кто-то распространяет, что у меня почему-то должно быть оружие.[2] Но, к счастью, и они были очень вежливы, сказали: «Мы ведь Вас знаем: Вы, художник».

Вчера мне с Вашим письмом передали и номер севастопольской газеты — борьбы с контрреволюцией, где воззвание Смольного и Крыленки о мобилизации.[3] Не знаю, Вы ли ее послали? Явно намечается март как критический момент хаоса. В течение этого месяца он решится в какую-то сторону... Но в какую? Немецкое завоевание неизбежно, но оно ужаснее всего. Оно слишком многих должно соблазнить иллюзией и обетованием какого-то порядка... но это будет порядок похоронной процессии. «Петербургу — быть пусту».[4] Помните это пророчество Петровских времен? Сейчас совершается трагедия не России, а Петербурга. Жду с напряженным вниманием и ужасом момента, когда он будет взят немцами: в этот миг, представляется мне, вдруг и сразу осветится его судьба, та историческая ошибка, которая породила проклятие, на нем лежащее. Но в том ли она, что он был подменой Царьграда, каким-то временным центром национального сознания, лежащим вне физического тела народа? В его последней агонии, которая кажется на этот раз неотвратимой, это выявится. Мне вспоминаются все слова Штейнера, о том, что <Россия. — *Ред.*> выплавит из себя шестую великую расу но под опекой Германии.[5] И вот все как будто идет к тому, становится неизбежным, и это все же самое страшное, и невольно шепчешь: Да минет чаша сия...[6]

28 февраля.

С нас все-таки взыскали 1000 рублей сегодня утром: пришлось выдать чек. Принимая в соображение, что у нас с мамой всего-навсего 5000 р<ублей> и без всякого возможного текущего прихода — это довольно много. Но это неинтересно и неизбежно...

Теперь о Вашей схеме Церкви: она верна и остроумна, но Ваши недоразумения все происходят от того, что Вы

перепутали самый символизм Евангелистов. Соответствия четырех основных зверей зодиака (они же и Иезекиилево-Иоаннова колесница Божия) иные: они идут в таком иерархическом порядке: ангел, орел, ниже лев и телец. Причем лев и телец – слева от Бога, а ангел и орел – справа. В этом их иерархия. Ангел (человек) – это Мат<ф>ей, а орел – Иоанн. Лев – Марк, телец – Лука. У них есть соответствия и среди пророков, которые еще более выявляют их сущность: Матфею соответствует Исайя, Иоанну – Иезекииль, Марку – Даниил, Луке – Иеремия.

Для наглядности прилагаю чертежик, построенный по Вашей схеме,[7] только выправленный, в нем я вписал и общественные соответствия, как они мне представляются: Вам легко будет заполнить эти рубрики именами. Очень важно только строго различать, что является восхождением, что нисхождением зодиакального знака (эволюция и инволюция).

1 марта.

Вчера не мог продолжать из-за страшной головной боли – у меня всю эту неделю головные боли (на почве желудочной). Это не дает работать. Очень боюсь, что надвигающиеся события прервут работу, и «Аввакум», и «Европа» останутся ненаписанными:[8] март месяц мне представляется кризисом русских дел, а между 10 и 20 я жду и каких-то личных катастроф. Не вижу что, но, вероятно, строй жизни изменится каким-то катастрофическим событием. Наступает момент, когда ничего нельзя делать (может, даже воплощать в слове), а можно только молиться за Россию. Это ведь месяц катастроф, и она с ним связана физически (как духовно с «Рыбами» – февралем: дхарма[9] всемирного служения). Сейчас такой момент, что себе нельзя даже позволить никакой молитвы, кроме: да будет воля Твоя!

Сейчас пришли вести, что дачи в Коктебеле тоже начинают отбирать. Очевидно, мне придется на днях ехать в Феодосию хлопотать в Сов<ете> с<олдатских> и р<абочих> деп<утатов>, чтобы мой дом был закреплен за мною, согласно закону об отмене литературной собственности, который

декретирует государственное обеспечение писателей.[10] Так что, верно, на днях – в понедельник-вторник – мы увидимся и, б<ыть> м<ожет>, я передам Вам это письмо лично.[11]

[1] См. п. 22, примеч. 2.

[2] В 1910-е гг. на стене «зимнего кабинета» Волошина (судя по фотографиям) висела шашка в ножнах – по-видимому, она была изъята в годы революции.

[3] Н.В. Крыленко – с 9 ноября 1917 г. советский верховный главнокомандующий – 11 февраля 1918 г. издал приказ о прекращении перемирия с немцами, а 19 февраля – приказ об оказании сопротивления наступающим германским войскам.

[4] Так звучало проклятие царицы Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I, в 1698 г. постриженной в монахини.

[5] Согласно антропософскому учению, существовало несколько «коренных рас человечества»: первая, вторая, лемурийская, атлантическая, арийская. К пятой расе «принадлежит современное цивилизованное человечество», и в будущем из нее возникнет шестая, высшая раса. Учение Р. Штейнера о расах изложено в его работе «Из летописи мира» (М., Духовное знание, 1914; в оригинале: «Aus der Akasha-Chronik», 1904–1908). В лекции Р. Штейнера «Культура пятой арийской расы» (Вопросы теософии. Вып. 1. СПб., 1907. С. 107–108) говорилось: «В настоящее время мы уже стоим лицом к лицу с <...> новым “*вихрем* бытия”. Предыдущий начался с того времени, когда Урсемиты положили начало 5-й Арийской расе. Им мы обязаны всею, до сих пор бывшею культурою, а теперь начинается новый приток, зарождаются семени новой *культуры*, которую должны дать Славяне для грядущей шестой расы», и далее: «*Новое* должно развиваться из зародыша, который уже возник в скрытом виде на Востоке Европы; там разовьется это новое, то что долженствует возникнуть из оплодотворения народной души всем содержанием европейской культуры». Еще 19 июня 1905 г. Волошин записал слова Штейнера в пересказе А.Р. Минцловой: «У славянской расы есть особые силы. <...> из нее должна выйти шестая» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 206).

[6] Мф. XXVI, 39; Мк. XIV, 36.

[7] А.М. Петрова в письме от 4/17 февраля выслала Волошину составленную ею схему Церкви: см. примеч. 25 к п. 13. Однако этот материал не сохранился. «Чертежик», нарисованный в свою очередь Волошиным, обнаруживается в архиве В.П. Купченко с пометой «Из писем АМП изъята»:

АНГЕЛ		ОРЕЛ	
Матфей – Исайя		Иоанн – *Иезекииль*	
глаголяще		поюще	
восходящее	нисходящее	*Восх<одящее>*	*Нисх<одящее>*
от плоти	в пл<оть>	парение	хищники
священство	*государствен<ность>*		
иерархии	иерархии		
церкви	земные		
поэты	царство		
	(консерватизм)		

\+

ЛЕВ		ОРЕЛ	
Марк – Даниил		*Лука* – Иеремия	
вопиюще		взывающее	
Восх<одящее>	*Нисх<одящее>*	*Восх<одящее>*	*Нисх<одящее>*
пророчество	преступле<ние>	Жертво-	поклонники
захват	завоевание	приноше<ние>	зол<отого>
			тельца
		Мученики	капиталисты
			социализм

[8] Имеется в виду работа над поэмой «Протопоп Аввакум» и стихотворением «Европа» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 295–317, 266–268).

[9] Согласно теософскому учению, «...Дхарма не есть нечто внешнее <...>. Дхарма есть Закон эволюционизирующей жизни, которая проявляясь во вне, формирует все окружающее» (*Безант Ани.* Дхарма / Пер. Н.В. Пшенецкой. СПб.: Духовное знание, 1910. С. 6).

[10] Декрет «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» датируется только 26 ноября 1918 г. В своих рассуждениях Волошин, видимо, опирается на «Декрет о государственном издательстве», который был принят ЦИК в заседании 29 декабря 1917 г. и опубликован 4 января 1918 г. В нем заявлялось: «Сочинения всех авторов, переходящие таким образом из области частной собственности в область общественности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Государственной комиссии по просвещению объявлены государственной монополией <...>» (Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 297). 5 марта 1918 г. Волошин получил Охранное свидетельство, гласившее: «Дано сие охранное свидетельство поэту и литератору Макс<имилиану> Ал<ександровичу> Волошину в удо-

стоверении того, что находящиеся в его заведовании коллекции, помещающиеся в с. Коктебель и заключающиеся в библиотеке и разного рода художественных произведениях, художественной мастерской и архив, как представляющие культурные ценности России, являются НЕПРИКОСНОВЕННЫМИ и взяты Феодосийским уездным Советом рабочих, военных и крестьянских депутатов под свою охрану» (ДМВ). Подписи Председателя Совета и секретаря неразборчивы, а «за комиссара по народному просвещению, временно заведующему памятниками старины и достопримечательностями Феодосийского района» подписался Вениамин Давидович Гейман, феодосийский юрист, журналист.

[11] Волошин выехал в Феодосию 16 февраля / 1 марта и возвратился в Коктебель 30 марта / 12 апреля 1918 г. См. также: Труды и дни-2. С. 43.

24. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

18/25 февраля, 2/15 апреля 1918 г. Коктебель

25 февраля 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна,

пришло Ваше письмо от 2/14. Спасибо за все, что пишете об стихах: все мне очень важно и полезно и со всеми указаниями я согласен.[1] Очень важно было все о музыкальности: я сам этого не замечал. И теперь больше обращу внимания: как раз все эти последние вещи я писал несколько иным способом, то есть иной психической подготовкой: я ведь всегда предварительно подготавливаю свою работу известным самовнушением. Это очень одушевляет творчество и страшно ускоряет и облегчает преодоление технических трудностей — вы ведь знаете, что у меня в стихах в противуположность живописи — совершенно нет легкости осуществления. Как раз в последних стихотворениях я пробовал, засыпая, укачивать себя известным ритмом вне слов и мыслей, и в результате работа следующего утра необычайно облегчалась: стих гнулся и звучал гораздо гибче и являлась смелость делать такие ритмические глиссады, которые я раньше не решался пробовать. В «Иезекииле», например, в четырехстопном дактиле я рискнул упо-

треблять спондеи, и отсюда все понравившиеся Вам строки типа «необычайною красотой»...

Такие же выпадения одного слога есть и в «Из бездны». Вы пишете «если не убьют»:[2] это невольная оговорка при всем, что ни задумываешь в настоящее время. Я немного удивляюсь, почему так медлят теперь с массовыми избиениями «буржуев». Все-таки русский народ ужасно добродушен, и его надо долго раскачивать. Но в конце концов мы еще придем к этому. Сейчас на Коктебель надвигается новая волна: денежные контрибуции. В Феодосии уже все капиталисты (биржевой комитет) сидят в тюрьме, – пока не уплатят 5 миллионов. На нашу волость наложена контрибуция в размере 500 тысяч. И коктебельские крестьяне сейчас решают, сколько десятков тысяч должен выплатить каждый из дачевладельцев. Так что нет ничего невозможного, что мне придется дописывать «Аввакума»[3] в каком-нибудь узилище. Мое стихописание что-то запнулось. Записки Аввакума[4] так великолепны, что хочется закрепить их целиком и руки опускаются. Не могу найти подобающего ритма: раз уже написал почти половину, но теперь хочется всё сызнова писать.

Литературные портреты к силуэтам Кругликовой, конечно, я не писал: разве теперь до этого: это работа для мирного и безмятежного времени. Теперь даже дико и подумать об этом.[5]

О К<онстантине> Ф<еодоровиче> с самого его возвращения в Феодосию ничего не знаю.[6] Жду со дня на день большого письма Ал<ександры> Мих<айловны>.[7] Она верно об нем напишет. А я за всю зиму ни разу не был в городе. Все пути сообщения, кроме пешеходного, прерваны. Володя Р<огозинский> нашел себе место при кооперативе пока бесплатное, но скоро оно будет платным. От воинской службы он освобожден совершенно. Ольга Артуровна тоже где-то служит.[8]

15 апреля.

Случилось так, что 1-го марта поехал в Феодосию на два дня и пробыл там целый месяц и только три дня тому назад

вернулся в Коктебель.[9] Слухи о конфискации нашего дома пока не верны: у нас только отняли тысячу рублей, а нас самих пока не трогали.[10] Задержался я в Феодосии, захваченный событиями и интересом к ним; я ведь целых шесть месяцев никуда не выезжал из Коктебеля.

Еще подъезжая к городу, я встретил мальчишку, который, посмотрев на меня, свистнул и очень радостно сообщил: «А сегодня буржуев резать будут!». В городе я застал настроение приподнятое и радостное, но без паники: все сообщали друг другу: сегодня нас резать будут. Но к вечеру выяснилось, что на общем митинге было решено большинством шести голосов: пока не резать. Миноносец «Румыния», с матросами-резаками, который приходил специально для этой цели, обиделся и совсем ушел... Все это меня так заинтересовало, что я решил пока остаться в городе и подождать, чтобы увидать все собственными глазами. Все, что довелось увидать, было действительно интересно: все Черное море теперь полно транспортами — старыми, заплатанными, заржавленными, грязными, пробитыми, на которых скитаются и бегут самые неожиданные племена, народы, расы... Всех судьба гонит преимущественно в Феодосию. Армяне беженцы из Трапезунта, русские солдаты из Анатолии, армянские ударники с Кавказа, румынские большевики из Констанцы, остатки Сербского легиона из Одессы. Не Феодосия, а Карфаген времен мятежа наемников...

Все это толпилось, бродило, демонстрировало свои политические убеждения плакатами и флагами по Итальянской, съедало весь хлеб и куда-то рассасывалось. Приходил турецкий транспорт с умирающими от голода русскими пленными.[11] Им устраивали обед: но не русским пленным, а туркам. Говорили речи: «Скажите Вашему пролетариату и вашей молодежи... торжество социализма... всемирное счастье... Третий Интернационал... да здравствует мир без аннексий...». Турецкое посольство после каждой речи вставало, кланялось и неизменно отвечало: «Видим, слышим, чувствуем и с отменным удовольствием передадим всё его Императорскому Величеству — Султану».[12]

После потянулись транспорты из взятой Одессы:[13] 10, 15, 25 транспортов в один день со всеми властями и комитетами — Румчеродами,[14] Центрофлотами, черноморами, девятками, шестерками, анархистами-коммунистами, анархистами-террористами, анархистами-практиками (просто грабители), и все по очереди стремились захватить власть. Сперва феодосийцы прятались по домам от простых выстрелов и от ручных гранат, а тут уж пошла такая пальба и днем и ночью, что всем надоело обращать внимание. Сперва с ужасом говорили о расстрелах по ночам на молу, тут начали расстреливать среди бела дня против Паша-Тепе[15] и выставлять трупы напоказ — и все бежали смотреть с радостью (сам видел). Анархисты кидали бомбы штук по десяти в день... И это нисколько не тревожило влюбленных весенних парочек... Но бомбы и пули умнее и осторожнее человека. Русский революционный солдат дальше, чем в двух шагах, не может попасть в противника из ружья. И даже на этом расстоянии при расстрелах часто промахиваются. Как-то раз днем против дома Алек<сандры> Мих<айловны> на наших глазах происходила отчаянная битва с анархистами: палили целый час и пачками и врассыпную, кинули десяток оглушительных бомб, изрешетили всю штукатурку на стенах, и в результате ни одного убитого, ни одного раненого, даже ни одного разбитого окна! А ночью рядом же с нами расстреляли у волнореза в упор пятнадцать, но стреляли в упор. Эта прихотливость прицела развивала фатализм и ощущение полной безопасности, при условии быть поближе к стреляющим. Вообще же я понял, что и винтовка и бомба являются, главным образом, музыкальными инструментами, вроде русских кастаньет.

Борьба с румчеродами и анархистами отвлекла внимание пролетариата от буржуев.[16] Появлялись отчаянные прокламации: «Товарищи, анархия в опасности! Защищайте анархию!». Потом идейных анархистов посадили в поезд, вывезли к Джанкою и там, говорят, расстреляли всех, а анархисты-практики поехали дальше на Кавказ.

Я оставил Феодосию в период затишья, когда на стенах висели объявления: «Уроки танцев для Пролетариата. Практи-

ческие танцевальные вечера. При школе буфет с напитками». Феодосию так и миновала резня «буржуев», и, очевидно, момент упущен безвозвратно, т<ак> к<ак> в Севастополе уже начинается другая резня: рабочие расстреливают матросов и готовятся еврейские погромы... Одно, конечно, стоит другого. Не представляйте себе, однако, слишком больших ужасов: на расстоянии это все гораздо страшнее, чем переживать самому. В общем, в самые грозные дни настроение у всех было самое прекрасное благодаря нервному подъему, и только немногие были подвержены панике. То же было и в Севастополе и в Симферополе во время «Варфоломеевских ночей»:[17] после 60–70 расстрелов именитых граждан ночью днем было то же движение на улицах... Русский человек быстро приноравливается к каждому политическому режиму.

Должен прибавить, что истинные буржуи, то есть люди коммерческие и наживающие, держали себя и при этих обстоятельствах крайне отвратительно, из всего извлекая свою выгоду даже под расстрелом и не забывая обирать и подводить других даже в эти минуты. Во всяком случае среди матросов-резаков, среди анархистов я встречал в эти дни гораздо больше настоящих людей... Не говоря уже о рабочих, которые в эти дни несколько раз спасали эту самую буржуазию. Напротив, среди лже-буржуев – интеллигенции, разоренных помещиков, людей, потерявших всё при новом режиме, я всюду встречал людей глубоко очистившихся, освободившихся, просветленных, и общее мое впечатление от этого времени положительное, и удивление перед тем, как много на земле настоящих людей, сохраняющих живую душу даже в той полной слепоте и глухоте и смуте, в которой они живут сейчас. А глухота полная, т<ак> к<ак> никаких столичных газет к нам не допускают: сперва их продавали с обязательным противоядием: при номере московской газеты[18] прилагалась местная советская. Потом стали арестовывать все «иностранные» издания, а теперь их перестали и привозить. (Так что, если будете писать мне, то сообщайте мне и политические новости, т<ак> к<ак> мы отрезаны от всего мира, а местные газеты телеграмм вообще не печатают и не имеют, а пишут только о вопросах

общих и принципиальных). Все, о чем я пишу, переживалось только в городе, а до Коктебеля совсем не доходило.

Сейчас мы ждем украино-немцев. Они где-то близко, но где, толком никто не знает: может, в Александровске, может, в Синельникове, может, под Джанкоем:[19] в зависимости от политических настроений данной минуты.

Вероятнее всего они придут с моря.[20] Говорят тоже, что нас подарят Турции: что Феодосия будет украинской, а Коктебель уже турецким. Неизвестно тоже, идут ли письма на север: заказных не принимают. Во всяком случае какие-то немцы уже давно завелись в Феодосии. Когда проходили парадом террористы-анархисты с черным знаменем в полплощади, одного знакомого осенило спросить их: «Sind sie deutsch?» – O ja, ja! Wir sind die Freunde».* Приходил в один из комитетов солдат в русской форме – очень аккуратно одетый и очень чётко произносящий. Его спросили: «Вы немец?» «O, nein!».**

К<онстантин> Ф<еодорович> во время севастопольской Варфоломеевской ночи еще был там, но сидел у себя (у Херсонесского маяка) и ничего не знал даже. Теперь он приводит в порядок свою мастерскую, то есть белит, красит, чистит и истребляет все старые свои картины. Уничтожил по крайней мере десяток больших полотен, несмотря на вопли и протесты окружающих. (В том числе «Млечный путь».) Очень доволен своими штукатурными работами и собирается в мае в Коктебель на этюды. В общем никаких катастроф ни с кем из знакомых. Если не считать полного разорения всех, кто были богатыми.

Обнимаю всех друзей. Покажите это письмо кому сможете, чтобы успокоить за судьбу Крыма.

[1] Содержащийся в этом письме Оболенской отзыв о стихотворениях Волошина приведен в примеч. 11 к п. 15.

[2] Свой отзыв о стихах Волошина в том же письме Оболенская завершала словами: «Если меня не убьют, Вы можете быть покойны за судьбу стихов, хотя бы списки исчезли: мое писанье имеет одно достоинство, оно докажет Вам, что я довольно хорошо помню всё наизусть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 39 об.).

* «Вы немцы?» – «О да, да! Мы друзья» *(нем.)*.

** «О, нет!» *(нем.)*.

[3] Поэма «Протопоп Аввакум» (см. примеч. 19 к п. 21).

[4] Т.е. Житие протопопа Аввакума.

[5] Отклик на сообщение Оболенской в цитированном письме от 2/15 февраля 1918 г.: «Сегодня на закрытии “М<ира> Иск<усства>” встретила Е.С. Кругликову. Спрашивает о судьбе Вашей совместной книги (портреты). <...> Очень просит узнать о книге». Речь идет о замысле, позднее реализованном в кн.: *Кругликова Е.С.* Силуэты современников. Вып. 1. Поэты. М.: Альциона, 1922. Волошин в подготовке этого издания не участвовал.

[6] См. примеч. 7 к п. 17.

[7] А.М. Петрова. О том, что он ждет от нее «большого письма», Волошин писал Петровой 6/19 февраля 1918 г. (см. п. 22).

[8] О.А. Рогозинская.

[9] См. примеч. 11 к п. 23.

[10] См. п. 23.

[11] Транспорт с русскими инвалидами-военнопленными из Турции в сопровождении турецкой делегации прибыл в Феодосию 23 февраля / 8 марта 1918 г. (Труды и дни-2. С. 44). См. стихотворение Волошина «Феодосия (1918)» (1919) и его статью «Молитва о городе (Феодосия весною 1918 г. при большевиках)» (1919) (Наст. изд., т. 1. С. 323–324; т. 6, кн. 2. С. 48–51).

[12] Султан Османской империи с 1909 г. – Мехмед V Решад (1844–1918).

[13] Большевистские вооруженные части под натиском австро-немецких войск эвакуировались из Одессы морем в Феодосию 1/14 марта 1918 г. Всего в Феодосийском порту к 9/22 марта скопилось 22 транспорта.

[14] Румчерод – Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа, созданный в мае 1917 г. на I съезде Советов в Одессе. Ликвидирован в апреле 1918 г.

[15] Паша-Тепе (Лысая гора) – невысокая (167 м) гора-останец к западу от Феодосии.

[16] 14/27 марта 1918 г. в Феодосии было опубликовано сообщение о грабежах и насилиях, совершаемых анархистами, вследствие чего отряды анархистов (за исключением «Черной гвардии») были объявлены вне закона (Труды и дни-2. С. 45).

[17] С Варфоломеевской ночью (ночь на 24 августа 1572 г. – день св. Варфоломея – в Париже, когда Екатериной Медичи и Гизами была устроена массовая резня гугенотов католиками) здесь идентифицируются факты массового террора в Севастополе (согласно постанов-

лению собрания судовых комитетов на контрминоносце «Борец за свободу» об истреблении «всей буржуазии», в ночь на 23 января / 10 февраля 1918 г. отрядами матросов было убито не менее 250 человек) и в Симферополе (в ночь на 24 января / 11 февраля расстреляно около 170 человек – офицеры и «буржуи», т.е. состоятельные горожане). См.: Труды и дни-2. С. 43.

[18] Под «московскими газетами» здесь подразумеваются столичные небольшевистские издания, еще выходившие в свет в первые месяцы 1918 г.

[19] Александровск – уездный город в Екатеринославской губернии (после 1921 г. – Запорожье). Синельниково – одна из последних железнодорожных станций на материке по пути к Крымскому полуострову. Джанкой – станция в северной части Крыма, от которой отходит ветка на Феодосию и Керчь.

[20] Феодосия была занята германскими войсками 17/30 апреля 1918 г.

25. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 21 апреля / 4 мая 1918 г. Коктебель[1]

Христос Воскресе!..[2]
дорогая Александра Михайловна,
пишу Вам несколько слов только – т<ак> к<ак> написать письмо некогда: Шура[3] через час уезжает, а сказать надо много. Буду Вам опять писать длинное послание «о немцах».[4]

Большое спасибо за белье.[5]

Посылаю Вам «Европу» – кажется, в окончательном ее виде.[6] Пишу все это время «Аввакума».[7] Очень длинная вещь получается. Она еще далеко не дописана, и нет поэтому возможности окинуть ее взглядом целиком – очень большая неуверенность. Хочется очень самому стушеваться, предоставив речи самому Аввакуму (как в «Сурикове»),[8] но не знаю, удастся ли это в стихотворном рассказе. Хотя я выбрал для него безрифменный, свободногнущийся размер (как «Подмастерье» и перев<оды> Верхарна).[9] Хочется не упустить ни одного ценного его слова, и поэтому потерял<ся> пока в мелочах.[10]

Хочется многое и подробно написать о том, что думаю относительно немцев в Крыму,[11] но это после: сейчас не успеть.

Но считаю, что для полуострова его занятие немцами в чистом виде (не Укр<аиной>[12] и не Австр<ией>) – *выгодно*. И надо тщательно различать здесь интересы (Крыма) *страны* от интересов русских и России.

Момент нашествия Коктебель пережил благополучно, хотя не без ложных тревог. Герм<анские> разъезды были здесь раньше, чем в городе. Но теперь их нет. Я до сих пор не видал воочию ни одного немца.

Как Ваше здоровье? Поздравляю с праздником Поликс<ену> Серг<еевну> и Нат<алью> Ив<ановну>.[13]

MAX.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни-2. С. 46.

[2] Пасха в 1918 г. приходилась на 22 апреля / 5 мая.

[3] А.В. Павлова.

[4] Свое намерение Волошин осуществит позже. См. п. 27.

[5] Речь идет об оказываемой Петровой Волошину помощи в починке белья. См. также п. 34.

[6] Имеется в виду первая редакция стихотворения «Европа» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 266–268).

[7] В это время Волошин продолжал работу над поэмой «Протопоп Аввакум» (Т. 1 наст. изд. С. 295–317).

[8] Имеются в виду «Материалы для биографии» В.И. Сурикова, опубликованные Волошиным в журнале «Аполлон» (1916. № 6/7. С. 40–63). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 560–591.

[9] Речь идет о стихотворении Волошина «Подмастерье» (см.: Т. 1. наст. изд. С. 216–218). Переводы Волошина из Э. Верхарна см. в т. 4 наст. изд. (С. 31–83).

[10] Свой подход к переложению Жития протопопа Аввакума в поэму Волошин изложил в набросках предисловия «Протопоп Аввакум» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 364–367).

[11] 5/18 апреля 1918 г. немцы захватили Перекоп, а затем пошли занимать города Крыма: 9/22 апреля – Симферополь, 16/29 апреля – Керчь, 17/30 апреля – Феодосию. Мимо Коктебеля первые конные разъезды немцев прошли 12/25 апреля 1918 г.

[12] С германскими войсками шли украинские отряды гайдамаков.

[13] П.С. Соловьева, Н.И. Манасеина.

26. А.К. ГЕРЦЫК

22 апреля / 5 мая 1918 г. Коктебель

Дорогая Аделаида Казимировна,
пользуюсь случаем – два гимназиста-поэта[1] идут в Судак, чтобы переслать Вам с благодарностью «Скифы».[2]

Напишите несколько слов, что с Вами, как Вы живете, как пережили все это время?

У нас все благополучно.

Посылаю новые стихи.[3]

Привет Ев<гении> Каз<имировне> и Анич<?>, Дм<итрию> Евг<еньевичу>, Соф<ье> Яков<левне>.[4]

Максимилиан Волошин.
5 мая.

[1] Неустановленные лица.

[2] Имеется в виду первый выпуск сборника «Скифы» (СПб.: Скифы, 1917. Редакторы А.И. Иванчин-Писарев, Р.В. Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский. Обложка и марки работы К.С. Петрова-Водкина). Прислать первый выпуск сборника «Скифы», в котором, в частности, была опубликована статья Андрея Белого «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», предлагала Волошину А.К. Герцык в письме от 14 января 1918 г. (*Сестры Герцык.* Письма... С. 168). В письме от 25 января 1918 г. она сообщила Волошину: «Вчера послала Вам сборник "Скифы"» (*Там же.* С. 169).

[3] Возможно, Волошин выслал Герцык стихотворение «Видение Иезекииля», законченое 21 января 1918 г. (см.: Т. 1 наст. изд. С. 356–358) и первую редакцию стихотворения «Европа» (см.: п. 25, примеч. 6).

[4] Е.К. Герцык, «Анич<?>» – возможно, авторское сокращение от прозвища «Еничка» Евгении Антоновны Лубны-Герцык (урожд. Вокач; ок. 1855–1930), мачехи сестер Герцык, Д.Е. Жуковский, С.Я. Парнок.

27. А.М. ПЕТРОВОЙ

27 апреля / 10 мая 1918 г. Коктебель

10 мая 1918 г. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

Мне не хочется ехать в город, пока я не окончу Аввакума,[1] а работа что-то идет туго. И «Европу»,[2] хотя я уже много переделывал, не чувствую законченной. А накопилось очень много, о чем хотелось бы поговорить с Вами.

Вчера я в первый раз с момента оккупации Крыма[3] увидал немецких солдат воочию и говорил с ними. Это не произвело того тяжелого впечатления, которого я ожидал. Когда я их увидал в бинокль на коктебельском берегу – купающимися, то это было скорее удивление: как будто я воочию увидал римских солдат, вступивших в Митридатово царство.[4] Конкретно ощутился исторический размах Германского предприятия. В факте присутствия Германцев в Крыму для меня нет ничего оскорбительного, как это, вероятно, было бы, если бы я встретился с ними в Москве. Крым слишком мало Россия и в сущности почти ничего, кроме зла, от русского завоевания не видал за истекшие полтора века.[5] Самостоятельным он быть не может, так как при наличности двенадцати с лишком народностей, его населяющих, и притом не гнездами, а в прослойку,[6] он не в состоянии создать никакого государства. Ему необходим «завоеватель». Для Крыма, как для страны, выгодно быть в ближайшую эпоху связанным с Германией непосредственно (а не с Украиной, а не с Австрией). Он попадает в глубокие руки, из которых он выйдет не скоро. Но я смотрю с точки зрения того «Армагеддона», который разразится в ближайшие годы между Европой и монголами на всем пространстве Европейской России, от которой после этого камня на камне[7] не останется. В этой борьбе Крым будет играть роль крепости-убежища на правом фланге Европейско-Германского фронта. И я думаю, что Германцы начнут тотчас же готовиться к этой войне и укреплять Крым (Крым – Кермен – Кремль – Крепость – в самом имени его записана его роль).[8]

Поэтому важно, чтобы он теперь же был отдан в распоряжение Германии. Вы ведь знаете, что для меня ничего не будет удивительного, если через несколько лет Германия окажется крестоносной защитницей Европы от Мо<н>голов. Я думаю, что Германия заняла Крым крепко и надолго, и что это завоевание для Крыма будет полезнее русского. Гораздо сложнее вопрос психологический для нас, русских, связанных всеми корнями своей души с Киммерией.

Наша физическая земная родина хирургически отделяется сейчас от родины духовной (Св<ятая> Русь), но даже изгнанничество, эмиграция невозможны, потому что России вообще теперь нет. И родина духовная – Русь – Славия – не имеет больше государственного, пространственного выражения. Она для нас остается ценностью духовной, какой в сущности была и раньше.

Посылаю это письмо с Вар<варой> Леон<идовной>[9] и поэтому его заканчиваю.

MAX.

[1] Имеется в виду работа над поэмой «Протопоп Аввакум». В ответном письме от 3/16 мая Петрова советовала Волошину: «Если “Аввакум” не клеится пока, то притормозите на немного. Очень хорошо бы побеседовать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 16).

[2] Речь идет о стихотворении «Европа», первую редакцию которого Волошин выслал Петровой в начале мая 1918 г. См. п. 25. По поводу этого стихотворения Петрова писала Волошину: «Стихи – прекрасны. Но это совсем не то, как Вы начали, как мне кажется. <...> Как будто не вполне логично и слишком необоснованно быстро (в стихе): “но Славия родится чрез проливы...”. Страдальческой выношенности не чувствуется, этого, великого ведь, плода. Или Вы сократили слишком тему? Где эти: “голова”, “печень” и т.д.?» (*Там же*).

[3] См. примеч. 11 к п. 25.

[4] Митридат VI Евпатор, царь Понтийского царства, подчинивший себе в 107 г. до н.э. Боспорское государство в Крыму. Войны Митридата с Римом (в 89–84, 83–81 и 74–63 гг. до н.э.) закончились его поражением и гибелью.

[5] Ср. с рассуждениями Волошина в статье «Культура, искусства, памятники Крыма»: «За все время своей истории Крым, вероятно, не

переживал ни разу такого запустения, как во времена екатерининского завоевания <...>. Вот уже второе столетие как он задыхается как рыба, вытащенная на берег» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 80).

[6] О том, что на территорию Крыма «переливались отдельные струи человеческих потоков» и «ложились друг на друга слоями» Волошин писал в статье «Культура, искусства, памятники Крыма» и называл при том киммерийцев, тавров, скифов, сарматов, печенегов, хазар, половцев, славян (*Там же*).

[7] Армагеддон – местность у подножия горы Кармил, место кровавых битв, где должна произойти и последняя, самоистребительная битва человечества (Откр. XVI, 6).

[8] Волошин излагает одну из версий происхождения названия Крым, которая была отвергнута учеными еще в 1870-е гг. Среди новейших толкований вероятны: «кырым» (из тюркского – ров, вал), или монгольского «хэрэм» (вал).

[9] В.Л. Рюмина.

28. М.С. ШТРОМБЕРГУ

2/15 мая 1918 г. Коктебель

15 мая 1918. Коктебель.

Милостивый Государь, Д<окто>р Штромберг,

Посылаю Вам для «Иппокрены» одно из последних стихотворений моих «Видение Иезекииля».[1]

Очень рад, что «Иппокрена» продолжает выходить. Гонорар, предложенный Вами (три руб., за стих), для меня приемлем. Очень прошу переслать мне его при первой возможности. Будет ли теперь «Иппокрена» издаваться в Полтаве, или это только Ваш личный адрес?[2]

Мой адрес неизменен: Феодосия. Коктебель.

MAX.[3]

[1] Отклик на письмо М.С. Штромберга из Полтавы от 27 апреля / 10 мая 1918 г. с просьбой прислать стихи для очередного (4-го) номера журнала «Ипокрена» и с обещанием гонорара 3 руб. за строку: «С П. Красновым, желавшим придать “Ипокрене” известную политическую окраску, мы разошлись, и в будущем “Ипокрена” оста-

нется органом чисто эстетическим при прежнем составе столичных сотрудников. Библиографический отдел в “Ипокрене”, вероятно, будет вести Валерий Брюсов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1318).

[2] Журнал «Ипокрена» выходил в Харькове. В объявлении о подписке на него (на 4-й стороне обложки) предлагалось «рукописи и деньги направлять: Полтава, ул. Остроградского, 20. М.С. Штромбергу».

[3] Подпись, имеющаяся на машинописной копии письма, в отправленном адресату оригинале, безусловно, была полной: Максимилиан Волошин.

29. Г.А. ШЕНГЕЛИ

2/15 мая 1918 г. Коктебель

15 мая 1918. Коктебель.

Дорогой Георгий Аркадьевич,

Ваши письма (оба – от 12 февр<аля> и 18 марта) я получил в начале апреля и тогда же ответил Вам деловой открыткой о своем согласии на условия «Камены» относительно издания «Демонов Глухонемых»,[1] но заранее предполагая, что по тогдашнему состоянию почты открытка едва ли дойдет до Вас. Вероятно, так и случилось? Поэтому теперь отвечаю подробно, тем более, что у меня явились новые планы и предложения.[2] Не возьмется ли «Камена» переиздать кроме того и мою книжку «Anno mundi ardentis»? Это стихи о войне, изданные в 1916 году и почти немедленно разошедшиеся (500 экз. только). Вы это издание, кажется, видели у меня.

Его очень спрашивают. Его, конечно, можно было бы соединить в одну книжку с «Демонами», но не знаю, будет ли это издательски выгодно? Мне бы больше улыбалось издать то и другое отдельно.

«Демоны Глухонемые» увеличились за это <время?> еще несколькими стихотворениями, в том числе довольно большой по размерам поэмой «Протопоп Аввакум».[7] Поэтому я переводов туда не включу, как предполагал, так что из ранее напечатанных в нее войдут только три стихотворения 1905 года,

а все остальное будет ново, потому что все мои теперешние стихи так и остались нигде не напечатанными, хотя я их рассылал, но или они не дошли, или издания не дошли до меня... Но зато в рукописи и устно они всюду очень распространены, что, конечно, для издания выгодно.

Условие «Камены» 600 руб. за издание для меня приемлемо, и за переиздание книжки о войне я хотел бы получить столько же. Но часть денег я бы хотел получить все же вперед — половину или в крайнем случае — треть.

Формат я всегда предпочитаю малый. Обложку строгую. Если «Камена» не имеет своих собственных художников, то я бы сделал обложку сам и присоединил несколько заставок, если это по теперешним временам и ценам возможно. Но в конце концов и то, и другое не важно.

Что касается времени присылки рукописи, то я хотел бы еще немного задержать ее, т<ак> к<ак> мне надо закончить «Аввакума» и, может, напишется еще 2–3 намеченных раньше стихотворения. Но ведь теперь все равно издание выйдет только к осени?

Мне очень хотелось бы познакомиться с рукописью Вашей новой книжки сонетов, но за это время Вы, быть может, успели издать ее?[4] Очень интересует меня Ваш Цех и работы, в нем производимые.[5] Но у меня есть надежда, что я увижу Вас у себя в Коктебеле раньше, чем Вы успеете получить это письмо, если Вы только не раздумали приехать на лето в Феодосию.

Моя мастерская всегда ожидает Вас и Юлию Владимировну.[6] До свиданья и надеюсь до скорого.

К сожалению, номеров «Камены» я так и не получил, не получил также и гонорара, про который Вы писали мне, что он уже выслан.[7] Так что пусть редакция сделает заявление на почту, если это возможно по нынешним временам.

Что касается «Микельанджело», то пусть редакция сама назначит за него гонорар, возможный для ее средств.[8]

Видали ли Вы мои избранные стихи «Иверни», вышедшие уже в Москве?[9] Я сам еще не видал этого издания.

[1] Упомянутые письма Г.А. Шенгели из Харькова от 12/25 февраля и от 5/18 марта 1918 г. сохранились в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290), текст открытки Волошина неизвестен. В первом из писем Шенгели, выражая готовность издать книгу Волошина «Демоны глухонемые» в издательстве «Антей» «с большой охотой», добавлял: «Чистая выручка составит 600–650 р., и она принадлежит Вам, ибо “Антей” не “предприятие”. И вот у “Антея” просто нет денег внести Вам эту сумму до продажи хотя половины издания, на что уйдет месяца три по выходе книги. Если такое положение вещей не очень неудобно для Вас, то мы крайне были бы признательны, ибо для молодого издательства подобное издание крайне важно». Во втором письме, не получив ответа от Волошина, Шенгели сообщал о тех же условиях, уже называя новое издательство «Каменой».

[2] Подразумевается, возможно, предложение (впрочем, уже не вполне новое), исходившее от А.А. Новинского, издать сборник новейших стихотворений Волошина в Феодосии (см. примеч. 3 к п. 1).

[3] См. примеч. 19 к п. 21.

[4] В письме от 5/18 марта Шенгели сообщал Волошину: «Я получил предложение издать небольшую книгу сонетов, но не могу отважиться. Хотел обратиться к Вам с просьбой просмотреть ее манускрипт – всего 28 сонетов – и “дать заключение”, да боюсь, что я слишком надоедаю Вам». Сонеты составили значительную часть книги стихотворений Шенгели «Раковина», отпечатанной под маркой издательства «Камена» типографией Натковича в Керчи в 1918 г.

[5] 12/25 февраля 1918 г. Шенгели писал Волошину о происходящем в Харькове и о своей собственной деятельности: «Наши “Мастерские союза искусств” <...> преобразованы в “Художественный цех”, на началах трудовой повинности всех членов – от “мастеров” до “учеников”. В моей мастерской ряд молодых людей работает над исследованием русского стиха, и мой трактат о стихе будет опираться на огромное количество материала. В Харькове свирепствуют анархисты, и богатейшие книгохранилища и коллекции картин, оружия, древностей в захваченных этими людьми домах безжалостно расхищаются. Газеты удушены, и остались листки, печатаемые по “новейшей орфографии” и, значит, неудобочитаемые, не говоря о площадности содержания». 5/18 марта Шенгели вновь сообщал Волошину о деятельности «Художественного цеха»: «Через неделю с небольшим я защищаю в Цехе диссертацию на звание Мастера Стихотворства. Это звучит немного комично, но порядок сей должен оградить Цех

от вторжения дилетантских элементов, ибо руководить жизнью Цеха могут лишь Мастера, — лица, серьезно специализировавшиеся в том или другом виде искусства. В большинстве же других литературно-художественных организаций руководящая роль принадлежит почему-то зубным врачам, — ей Богу».

[6] Ю.В. Шенгели.

[7] См. примеч. 3 к п. 12.

[8] Стихотворением Э. Верхарна «Микельанджело» в переводе Волошина редакция «Камены» не воспользовалась. Ср. п. 12, примеч. 3.

[9] См. примеч. 10 к п. 6.

30. П.Б. КРАСНОВУ

3/16 мая 1918 г. Коктебель

16 мая 1918. Коктебель.

Многоуважаемый Петр Борисович,

Только что получил Ваше письмо из Кобеляк со вложением двух открыток — к сожалению, все без дат и по почтовому штемпелю нельзя определить, когда оно послано: теперь ли или месяц назад.[1]

Ни Вашей книжки стихов,[2] ни номеров «Камены», ни дальнейших номеров «Иппокрены» я, увы! не получил; письма же Георгия Аркадьевича получил с большим запозданием оба в начале апреля и тогда же ответил открыткой с принципиальным моим согласием на условия издания «Демонов Глухонемых» «Каменой»,[3] но с просьбой обождать несколько с изданием, т<ак> к<ак> мне необходимо было дописать еще несколько стихотворений для этой книги. Сейчас я почти заканчиваю довольно большую поэму о Протопопе Аввакуме, которая войдет в нее.[4] На днях я отправил об этом же заказное и подробное письмо Шенгели.[5] Повторю кое-что из деловых предложений на всякий случай.

Я предлагаю «Камене» кроме «Демонов Глухонемых» переиздать мою книгу стихов о войне «Anno mundi ardentis», изданную в начале 1916 г. изд<ательством> «Зерна» в коли-

честве 500 экз. и совершенно разошедшуюся еще в том же году. Их можно соединить, конечно, и в одну книгу, но не знаю, надо ли это и выгодно ли это в издательском отношении? Мне скорее улыбалось видеть их в двух книжках. Условия для переиздания те же, что с «Д<емонами> Г<лухонемыми>». Шенгели мне писал, что «Камена» может мне гарантировать рублей 600, но только после продажи издания. Я на это согласен, но все же просил половину или треть выдать мне раньше.

Что касается Верхарновского «Микельанджело», то вопрос о гонораре не должен быть препятствием к его напечатанию в «Камене»: редакция мне заплатит сколько она может, вот и все.[6]

Что же касается моих стихов, которые войдут в «Дем<онов> Глу<хонемых>», то я сам ровно ничего не знаю об их судьбе: я их все разослал в разные петербургские и московские издан<ия> и не имею сведений, дошли ли они туда, были ли напечатаны, и существуют ли вообще те издания, в которых я обычно сотрудничал, т<ак> к<ак> не получал ни их, ни ответов, будучи совсем отрезан от севера. Знаю только, что несколько из этих стихотворений были напечатаны в одной московской однодневной газете «Свобода Слову» без моего разрешения и ведома.[7]

«Дмитрий-Император» был в свое время послан в «Новое Слово», но, вероятно, рукопись не дошла.[8] Поэтому, оговоривши это, с удовольствием предоставляю «Камене» его в распоряжение.

Что касается критической статьи, то сейчас не могу дать ничего,[9] т<ак> к<ак> не хочу отрываться от работы над Аввакумом и «Дем<онами> Гл<ухо>н<е>м<ыми>». Но после с удовольствием буду давать Вам статьи. Названных Вами поэтов в Крыму нет,[10] но в Судаке живут София Парнок и Аделаида Герцык (Жуковская). Их адрес — Судак. Сад Герцык. Аделаиде Казимировне Жуковской. Парнок зовут Софьей Яковлевной. И ту, и другую я очень ценю как поэтов и весьма рекомендую «Камене» обратиться к ним. Что касается критических статей, то Вам могла быть полезна Евгения Казимировна Герцык (сестра Аделаиды), которую Вы, вероятно,

помните по философским и критическим статьям в «Новом Пути», «Новой Жизни», «Весах» и др.[11]

Больше из литературного мира здесь нет никого и принесет ли кого Бог – не вем. Буду очень рад, если Вы приедете в Коктебель на лето.[12] Комнат свободных сейчас много. Цена их около 40–50 руб. Цена питания еще не выяснена, т<ак> к<ак> столовые начнут действовать так через неделю. Вероятно, будет дорого, так рубл<ей> 4–5 за обед. Если приедете не слишком поздно, то, вероятно, найдутся свободные комнаты и на моей даче. Во всяком случае приезжайте сперва прямо ко мне. В мастерской всегда найдется место переночевать первую ночь.

Буду рад познакомиться с Вами лично.

От Шт<р>омберга я получил неделю назад письмо с просьбой прислать стихотворение для «Иппокрены», что и исполнил.[13]

Вся эта весна была огненна и кровава, и с начала марта я был на два месяца оторван человеческими делами и событиями от своего письменного стола и только теперь вернулся к нему. Теперь настала глубокая Германская тишина.[14] Спасибо за вырезку из газеты. Благодарю за предложение выписать «Южный Край»: теперь не стоит – я выписал себе немецкие газеты.[15]

Привет Шенгели.

Максимилиан Волошин.

[1] Эти три недатированные послания сохранились в архиве Волошина: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 4 (1-я открытка, с пометой: «Заказное»), 5 (2-я открытка, с такой же пометой), 6–6 об. (письмо). В письме П.Б. Краснов пояснял: «Почта моих открыток не приняла – поэтому отправляю в закрытом виде», – а также оповещал: «Завтра выезжаю в Харьков, откуда вышлю Вам отзывы о Ваших стихах в “Ипокрене” и деньги. “Камену” Вы видели? Я послал Вам свою книжку – получили ли Вы ее?» Имеются в виду журналы «Камена» (1918. № 1) и «Ипокрена» (1918. № 2/3) со стихотворениями Волошина. См. примеч. 3 к п. 12; в «Ипокрене» были опубликованы стихотворения «14 июля (1789)» («Бурлит Сент-Антуан. Гудит

Пале-Рояль...») и «Бонапарт» («Париж в огне. Король низложен с трона...») (С. 15).

[2] Имеется в виду кн.: *Краснов Петр*. Тоска ресниц. Стихи. Харьков: Камена, 1918.

[3] См. примеч. 1 к п. 29. Предложение Г.А. Шенгели выпустить в издательстве «Камена» книгу «Демоны глухонемые» Краснов повторил в первой открытке. В одновременно отправленном письме он добавлял: «...настойчиво прошу разрешения на издание Вашей книги “Каменой”. Внешность – обещаю – будет безупречна. Можно украсить несложными концовками, если у Вас имеются рисунки».

[4] См. примеч. 19 к п. 21.

[5] Имеется в виду п. 29.

[6] См. примеч. 8 к п. 29, примеч. 3 к п. 12.

[7] См. примеч. 9 к п. 15.

[8] Под заглавием «Новое Слово» с 16/29 января по 20 марта / 2 апреля 1918 г. издавалась ежедневная московская газета «Русское Слово». Сообщая Волошину в цитированном выше письме о подготовке второго номера «Камены», Краснов выражал готовность опубликовать там стихотворение Волошина «Dmetrius-Imperator»: «Может быть, Ваш Царь Дмитрий нигде не был еще напечатан. Мы охотно его дадим тогда».

[9] Во второй из упомянутых выше открыток Краснов писал: «...нам крайне нужна и статья о поэзии или о поэте или о новой книге поэта. Напишите статью для нас по интересующему Вас сейчас вопросу поэзии страниц на 6–8. <...> Материал нужен немедленно, так как к концу мая 2-ая книжка “Камены” должна выйти непременно <...>». Ту же просьбу он повторял и в письме: «Очень-очень нужна статья! В крайнем случае – отзыв».

[10] В том же письме Краснов перечислял поэтов, которых он хотел бы привлечь к участию в «Камене»: «Может быть, в Коктебеле или близко живет Белый, или Брюсов, или Мандельштам, Эренбург, Лившиц – помогите нам раздобыть их материалы. От Бальмонта воздерживаемся».

[11] В журнале «Новый Путь» (1903–1904) Е.К. Герцык не участвовала, в «Весах» (1904–1909) напечатала одну рецензию (1906. № 12. С. 66–68). Под «Новой Жизнью» Волошин подразумевает, скорее всего, журнал «Вопросы Жизни», в котором была опубликована статья Е. Герцык «О “Тантале” Вячеслава Иванова» (1905. № 12. С. 163–175). Краснов отвечал на предложение Волошина в письме от 6 июня 1918 г.: «Если переписываетесь с сестрами Герцык и С. Парнок и если Вам удобно – попросите у них материал для “Камены”, я отдельно им напишу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 7–7 об.).

[12] Во второй открытке Краснов сообщал Волошину о своих планах приехать летом в Коктебель: «Кстати – нельзя ли будет снять 1–2 комнаты у Вас для себя и жены? Каковы условия жизни и... Ваши условия?».

[13] См. п. 28, примеч. 1. В первой открытке Краснов оповещал Волошина о своем разрыве с издателем «Ипокрены»: «Я “Ипокрену” бросил, я убедился, что г. Штромберг не поэт, а купец и очень нечестной марки. Так работать в литературе нельзя. Георгий Аркадьевич Слово умеет свято любить, для г. Штромберга – слово – орудие для карьеры, для имени, для торгашества. Я это говорю Вам для того, чтоб Вы знали, как нужно реагировать на предложение Штромберга, если таковое от него получится. Простите мне за посвящение в закулисную историю “Ипокрены” – я ушел оттуда с отвращением, отдав делу очень много, собрав для него таких сотрудников, как Мандельштама, Иванова, Ходасевича, Столицу – всех, всех, кроме Брюсова».

[14] Подразумевается германская оккупация Крыма (см. примеч. 11 к п. 25).

[15] Харьковская ежедневная газета. Волошин отвечает на предложение в письме Краснова: «Выходит опять “Южный Край”. Выписать ли его для Вас?».

31. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 9/22 мая 1918 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Посылаю Вам законченного «Аввакума» и «Европу» (ставшую потом «Ангелом времен») в окончательной редакции.[2] Сейчас – я весь в работе: придаю окончательную форму книге, чтобы отослать ее издателю.[3]

Когда это закончу, тогда приду в город.

Не отвечаю на Ваше письмо,[4] т<ак> к<ак> спешу передать пакет Елене Павловне,[5] которая едет сегодня.

Когда с книгой будет кончено – тогда примусь за живопись вплотную и из Феодосии не уйду без Конст<антина> Феод<оровича>[6] – предупредите его. Прочтите «Аввакума» ему и Варв<аре> Леонид<овне>.[7]

МАХ.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни-2. С. 47.

[2] Работу над поэмой «Протопоп Аввакум» Волошин закончил 19 мая 1918 г., окончательная редакция стихотворения «Европа» была завершена 20 мая. Под заглавием «Ангел времен» стихотворение «Европа» было опубликовано в составе книги «Демоны Глухонемые» (Харьков: Камена, 1919). По поводу этих стихотворений Петрова писала Волошину: «“Ангела времен говоряща” теперь хорошо поправил. Все и прежнее перечла. Все радует. <...> А за “Аввакума” — Господь тебя знает, чем тебе услужить? Неугасимую опять поддержал. Благодарение Господу за тебя!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 18).

[3] Рукопись книги «Демоны Глухонемые» Волошин выслал издателю П.Б. Краснову в Харьков 12/25 мая 1918 г. См. п. 32.

[4] Речь идет о письме Петровой Волошину от 3/16 мая 1918 г. (*Там же*, л. 16–17 об.).

[5] Е.П. Паскина.

[6] К.Ф. Богаевский.

[7] В.Л. Рюмина.

32. П.Б. КРАСНОВУ

12/25 мая 1918 г. Коктебель

25 мая 1918. Коктебель.

Многоуважаемый Петр Борисович,

16 мая я Вам послал заказное письмо,[1] а вчера заказной бандеролью рукопись «Демонов Глухонемых». И текст «Anno mundi ardentis», которую я Вам предлагаю переиздать, т<ак> к<ак> ее первое издание (500 экз.) все разошлось.[2] Их можно было бы соединить в одну книжку под общим заглавием «Дем<оны> Глух<онемые>» так, чтобы они предшествовали, но я не знаю, выгодно ли это издательски. Мне бы больше нравилось их издать отдельно.

Условия, о которых мне писал Шенгели, то есть предоставление мне чистого дохода в размере 600–800 руб. (он пишет разные цифры в двух письмах) приемлемы для меня. Но цифру надо установить точно. Я согласен получить эту сумму, когда половина издания разойдется. Но я хотел бы все же, чтобы «Камена» хотя бы треть суммы уплатила мне при выходе книги. Для «А<nno> М<undi> А<rdentis>» условия

те же. В случае, если Вы найдете, что практичнее и лучше для их распространения соединить их в одну, то гонорар должен быть не меньше 1000 р. Приемлемо для Вас это?

За обложку и заставки я примусь сейчас же.

Авторских экземпляров я выговариваю себе по 50 шт. И кроме того, прошу мне предоставить еще по 100 экз. по себестоимости (с вычетом ее из гонорара) для продажи во время лекций с автографами. Если соединение обеих книжек в одну может составить существенную разницу в издательских расходах, то, разумеется, я ничего не буду иметь против соединения их. Это Вам как издателю решать. Они от этого ничего не потеряют. А в подзаголовке можно поставить: «Война и Революция».

Я, как я писал Вам, кажется, всегда стою за малый формат и за компактность. Даже ничего не имею, если стихи будут напечатаны подряд (а не по одному на странице), как в моей первой книжке, изданной «Грифом»[3]. Дело красоты издания вовсе не в количестве пустой бумаги, а в расположении страницы. А что касается формата, то книга стихов обязательно должна быть карманной, и я всегда был против больших томов, введенных «Скорпионом»[4] и излюбленных Брюсовым. Малый формат и компактность, думаю, смогут очень удешевить стоимость издания при теперешних ценах на бумагу. Компактности бояться нечего, т<ак> к<ак> при соединении двух книг в одну величина ее становится вполне почтенной: 60 стихотворений!

А по внутреннему смыслу своему они вполне соединимы в одну, несмотря на разницу «стиля».

Разумеется, при таком соединении нормальнее было бы расположить их хронологически, то есть сперва войну, а потом революцию. Но боюсь, не повредит ли это книге: ее могут принять за дополненное издание «А<nno> M<undi> A<rdentis>», между тем как центр тяжести лежит <в> «Дем<онах> Глух<онемых>». Обдумайте это.[5]

Маленькое добавление: вставьте, пожалуйста, в «Дем<онов> Гл<ухонемых>» после тютчевского четверостишия, служащего эпиграфом ко всей книге,[6] еще эпиграф:

«Выпросил у Бога светлую Россию Сатана, да еще очервленит ю кровью мученическою».

Протопоп Аввакум.[7]

До свиданья.

[1] См. п. 30.

[2] Переиздание в «Камене» книги Волошина «Anno mundi ardentis 1915» не состоялось.

[3] В книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910) произведения внутри каждого из составляющих ее шести разделов напечатаны в подбор.

[4] «Скорпион» – московское книгоиздательство модернистского направления (1900–1916), принадлежавшее С.А. Полякову.

[5] Краснов отвечал в письме из Харькова от 6 июня 1918 г.: «...только сегодня приехал из Одессы, застал 2 В<аших> письма и рукописи двух книг. Я лично принимаю все условия Ваши; думаю, что лицо, которое должно деньги выдать на предмет издания, также согласится. <...> У Вас, очевидно, создалось впечатление, что издателем являюсь я. Это, конечно, ошибка. <...> Книгу Вашу думаю издать в количестве 2000 экз. <...> Формат – А. Белого. Урна. Гриф. 1909 г. Этого формата и нужно будет придерживаться при заготовлении концовок и обложки. Книгу постараюсь издать красиво, компактно – “А<nno> М<undi> А<rdentis>” и “Д<емоны> Г<лухонемые>” вместе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 7–7 об.).

[6] См. примеч. 4 к п. 1.

[7] В книге Волошина «Демоны глухонемые» (Харьков: Камена, 1919) эпиграф из Ф.И. Тютчева предпослан всему текстовому корпусу (С. 4), а приведенный эпиграф из Жития протопопа Аввакума – ее первому разделу «Ангел Мщенья» (С. 8).

33. М.С. ШТРОМБЕРГУ

17/30 мая 1918 г. Коктебель

30 мая 1918. Коктебель.

Многоуважаемый Моисей Семенович,

благодарю Вас за лестное мнение об моем «Видении Иезекииля», но чувство меры и пропорций заставляют меня энергично протестовать против сравнения его с «Пророком» и

«Богом». В соседстве с этими вечными колоннами каждое стихотворение будет раздавлено.[1]

Иезекиилевы образы, разумеется, гениальны, но моя работа и мое скромное изобретение: это ввести для их передачи в галоп черехстопного дактиля перебои спондеев и местами ускорения пиррихиев, переводящие его в карьер. Это, думается, мне удалось, и дало гневной ревности библейского Бога подобающую силу и стремительность, но от этого до сравнения с пушкинским Пророком еще далеко.

«Видение Иезекииля» входит в «Демонов Глухонемых». Но думаю, что «Иппокрене» нечего опасаться: они не выйдут раньше ее, считаясь с теми же условиями книжного рынка.[2] Рукопись я отправил только на днях,[3] так как заканчивал все время большую поэму (750 стихов) о Протопопе Аввакуме и надеюсь еще досылать в течение лета новые стихи. Я сам просил их не выпускать раньше осени. Книга будет не маленькая, т<ак> к<ак> я предполагаю включить в нее и мою книжку о войне,[4] которая уже разошлась. Кроме того, я и не мог бы предложить «Иппокрене» ничего другого, т<ак> к<ак> все, что пишу теперь, касается только этой темы — Демонов Глухонемых.

К сожалению, сейчас не могу вам дать никакой статьи.[5] С начала революции я не написал ни одной строчки прозы, и готового у меня нет ничего. Но в течение лета я, может, что-нибудь и подготовлю — тогда будет видно. Относительно «Черубины», как я писал уже однажды Иппокрене, мне неудобно писать по многим причинам.[6] Спасибо, что написали об описках: конечно «Но упоенная славой и *властью*...» Конечно: «*Чет*верорукими».[7]

«Бычьими, птичьими и человечьими...» не рифмуется ни с чем: она сама слишком насыщена созвучьями.[8]

Гонорар получил одновременно с Вашим письмом и благодарю.[9]

Об «Иппокрене» мне трудно сказать что-нибудь, т<ак> к<ак> я имею только первый номер ее, а последующие так и не дошли до меня, хотя были мне высланы: если возможно, пришлите мне их теперь, когда почтовое сообщение несколько наладилось.

По первому номеру никогда нельзя судить о журнале: он ведь в последовательности своего развития.[10]

Для такого эстетического и главным образом стихотворного журнала я бы предпочел малый формат, крепкую густую виньетку на обложке, строгий монументальный шрифт в заголовке, и оглавлении внутри.

О внутреннем же содержании не могу судить пока совсем: молодые все для меня незнакомцы, а поэта нельзя судить по одному разу: необходимо почувствовать линию его развития.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

Коктебель (Крым). Максимилиан Александрович Волошин.

[1] См. п. 28. 13/26 мая 1918 г. М.С. Штромберг писал Волошину: «Приношу Вам искреннюю благодарность за изумительное по красоте и силе “Видение Иезекииля”, по вдохновенной, воистину библейской, мощи превосходящее и державинского “Бога” и пушкинского “Пророка”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 318). В письме к Волошину от 20 июня / 3 июля 1918 г. Штромберг вновь утверждал: «...остаюсь при прежнем убеждении, что Ваше “Видение” является одним из самых величественных и мощных созданий русской поэзии» (*Там же*).

[2] Ответ на слова Штромберга из письма от 13/26 мая: «“Ипокрена” скоро будет печататься, но в книжные магазины поступит не раньше конца августа <...> включено ли “Видение” в число стихов Вашей 3 книги («Демоны глухонемые»), издаваемой “Каменой”, и не запоздает ли, таким образом, 4 № “Ипокрены”?». № 4 «Ипокрены», включающий «Видение Иезекииля» (С. 5–7), вышел в свет с запозданием против намечавшихся сроков – видимо, в июне 1919 г., уже после того, как это стихотворение было напечатано в составе книги Волошина «Демоны глухонемые».

[3] См. п. 32.

[4] Подразумевается книга стихотворений «Anno mundi ardentis 1915».

[5] Просьба прислать «для очередного № “Ипокрены” статью (у Вас есть, кажется, о стихах де Габриак или что-либо другое)» содержалась в письме Штромберга от 13/26 мая.

[6] См. письмо Волошина к П.Б. Краснову от 29 декабря 1917 г. и примеч. 1 к нему (Т. 10 наст. изд. С. 771–773).

[7] В письме от 13/26 мая Штромберг указывал на две описки-опечатки в присланном машинописном тексте «Видения Иезекииля».

[8] В том же письме Штромберг отмечал в «Видении Иезекииля»: «...за этой строкой <“Четверорукими, шестерокрылыми”. — *Ред.*> следует другая: “*...бычьими, птичьими и человечьими...*”, ни с чем не рифмующаяся. Если это сделано намеренно, будьте добры подтвердить».

[9] Гонорар за стихотворения в № 2/3 «Ипокрены» (см. примеч. 1 к п. 30) — 255 руб.

[10] В письме от 13/26 мая Штромберг замечал: «Ваше мнение и советы для “Ипокрены” чрезвычайно ценны. Я придаю им значение исключительное и прошу Вас дать указания, клонящиеся к улучшению внешности и внутреннего содержания журнала, для которого Вы уже столько сделали!».

34. А.М. ПЕТРОВОЙ

20 мая / 2 июня 1918 г. Коктебель

2 июня 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна, как раз в то время, как получил Ваше письмо,[1] писал стихотв<орение> «Мать»,[2] которое, кажется, ответит на Ваши упреки по поводу незаконченности «Св<ятой> Руси»,[3] хотя берет все в несколько иной плоскости. Я хотел было по окончании «Аввакума»[4] бежать в Феодосию, но мама меня, к моему великому негодованию, не пустила: «Тут идет генеральная уборка в доме. Что ж я одна останусь. И потом ты опять на месяц исчезнешь? Сиди». И оказалось все к лучшему: я думал, что волна стихописания прошла, а я немедленно принялся за новые стихи и второе «Благословение о городе» закончил только сегодня утром.[5] Без него книга не была бы полна. Я думаю, что ее печатанье и выход затянутся до осени, и что если летом я еще напишу что-нибудь, то успею дослать и включить в книгу. А откладывать не хочу, потому что, кто знает, что будет дальше, и не прекратится ли совсем книгопечатанье скоро?

Сегодня радостное и неожиданное письмо от Сережи Эфрона: он, слава Богу! жив и находится в Новочеркасске.[6] Пишет, что жив только чудом, потому что почти все его товарищи и спутники перебиты. Уезжавший с ним вместе юноша – Сергей Иванович – убит.[7] О том, что он жив, он не мог сообщить все время никому из близких и просит дать знать каким-нибудь образом в Москву. Я пишу туда с оказией, которая, кажется, будет на этой неделе.[8] Пожалуйста, известите об этом как-нибудь Асю.[9] Пишет, что он сделал тысячеверстный поход по грязи пешком до 65 верст в день. Письмо от 12 мая. Какая радость: страшно было подумать о судьбе его, и казалось, что и надежды никакой быть не может.

Большое спасибо за белье и за то, что не отказываетесь от дальнейшей починки. Сколько я должен Вам?[10]

Как мне жаль и как досадно, что К.Ф. раздумал ехать в Коктебель[11] теперь: у нас полная пустыня, никого из тех, кого почему-то он боится, нет здесь, а я его так поджидал и все откладывал хожденье на этюды, чтобы вместе начать. Может, он изменит еще свои планы: ни одно лето еще не слагалось так благоприятно для работы. Все, что он говорит о Капитане Копейкине и об Иове,[12] очень остроумно и зло, и я страшно хохотал, читая, но все совершенно превратно и несправедливо. И Вы тоже глубоко неправы, Александра Михайловна, как очень часто к людям при вашем страстном отношении, которое более всего и ценно в Вас: на Вашу несправедливость нельзя оскорбляться.[13]

Мне очень хочется знать Ваше впечатление об «Аввакуме» подробнее и детальнее: вижу, что угодил, но хочется услышать критику и анализ.

Не могу писать сегодня толком и подробно: надо спешить готовить пис<ь>ма в Москву. А я до сих пор все время сидел над стихами: хотел их во что бы то ни стало закончить, чтобы успеть Вам переслать с Поликсеной Сергеевной.[14] До свиданья. Напишите мне с Пол<иксеной> Сер<геевной>: она через три дня вернется.

MAX.

[1] Имеется в виду письмо А.М. Петровой от 12/25 – 13/26 мая 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955).

[2] Речь идет о стихотворении Волошина, позднее озаглавленном «Родина». См.: Т. 1 наст. изд. С. 263.

[3] В письме Петрова просила Волошина не торопиться с изданием книги «Демоны Глухонемые», критически высказываясь в том числе по поводу стихотворения «Святая Русь»: «...погоди в книжке запечатлевать. Охаял “Святую Русь”, в соблазн иных введешь – чем “во Христе юродивая?” Чуяло сердце и теперь чует, что не досказал, почему “быть царевой ты не захотела”, а как “подвернулось дело”, “расчистила, разорила и пожгла, и пошла поруганной и нищей, и рабой последнего раба”. <...> Не указал, что *правда Христова* чудилась ею среди “грешников и блудниц”, именно, и “разбойников окаянных”» (*Там же*, л. 18).

[4] См. примеч. 2 к п. 31.

[5] Имеется в виду стихотворение, позднее получившее заглавие «Молитва о городе» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 354–355).

[6] В письме из Новочеркасска к Волошину и Е.О. Кириенко-Волошиной от 12/25 мая 1918 г. С.Я. Эфрон сообщал о своем участии в Кубанском походе Добровольческой Армии и просил известить М.И. Цветаеву и сестер В.Я. и Е.Я. Эфрон, что он жив (*Цветаева Марина.* Неизданное: Семья. История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 271–272).

[7] С.И. Гольцев, ученик студии Вахтангова, прапорщик.

[8] См. примеч. 2 к п. 37.

[9] А.И. Цветаева в это время находилась в Феодосии.

[10] Об этом см. также примеч. 5 к п. 25.

[11] Об изменениях в планах К.Ф. Богаевского, который собирался приехать в Коктебель, сообщила Волошину Петрова в цитируемом письме: «Вчера были Фина и К.Ф. Он раздумал в Коктебель, а осенью – в Судак хочет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 22 об.).

[12] В цитированном письме Петрова передавала Волошину иронические высказывания К.Ф. Богаевского: «Насчет тебя подумывает, но хитренько, спрашивал наменднись: “А что «капитан Копейкин» еще там, у Макса”. Сам знаешь, кого он так. И насчет дочки «Иова многострадального» (он же припечатал) уморил было меня <...>» (*Там же*, л. 18 об. – 19). Капитан Копейкин – персонаж «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Иов – главный персонаж библейской «Книги Иова», христианский святой, образец веры и смирения (Иез. XIV, 14; Иак. V, 11). К.Ф. Богаевский высказывался подобным образом о С.А. Толузакове, корреспонденте «Петербургской газеты» и «Нового времени», авторе книги «На полях Манчжурии и в России после войны» (СПб.: В. Березовский, 1906) и «Подвиг 300-летнего служе-

ния России государей дома Романовых» (СПб., 1913). Видимо, о нем П.С. Соловьева сообщала Петровой 11/24 июня 1918 г.: «У Макса несколько дней гостил многострадальный Иов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 66, л. 49 об.). Волошин посвятил Толузакову стихотворение «Молитва о городе». По предположению В.П. Купченко, Волошин запечатлел его образ в конце незавершенной поэмы «Повесть временных лет» (1921):

Бывший адъютант Его Императорского Величества
Сидел у индусских йогов в каменном мешке два года.
Был приятель с Филиппом, повздорил с Распутиным,
В последний раз воплощался в одиннадцатом веке.
Морфинист. Лечит внушением. Ухаживает за барышнями.
(Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 323).

[13] Имеется в виду крайне негативное отношение Петровой к общению Волошина с В.Л. Рюминой, пользовавшейся репутацией ясновидящей, и С.А. Толузаковым, о котором позже в письме от 12/25 октября А.К. Герцык писала Волошину: «Как-то он был у нас и показался нам почти трогательным своей примитивностью и простодушным восхвалением своей силы. Не представляет ли он из себя маленького Распутина? Знакомая моя, начавшая у него лечиться, бежала после второго сеанса» (*Сестры Герцык*. Письма...С. 169). Отношения Волошина с В.Л. Рюминой характеризует его запись в творческой тетради от 13 мая 1918 г., где он зафиксировал ее предсказание: «Вар<вара> Леон<идовна>: Лет через 8 постигнет тяжелая, но не опасная болезнь, длительная (года 1–2, не менее 8 мес<яцев>). Настроение подавленное, угнетенное, разовьется мнительность. Потом пройдет. Но духовный мир может побороть одной силой духа» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 6, л. 191 об.). В письме от 12/25 мая Петрова замечала Волошину: «Бросил бы кидаться на диковины. И меня, старую дуру, попутал со своими “стеклянными головами”. Конфуз людям в глаза смотреть. <...> Все ведь уже ясно прозрели, что от брехни не оберешься при этих “дарах ясновидения”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 19). 12/25 июня Петрова вернулась к оценке новых «увлечений» Волошина, отметив: «Работа антихристианства идет как никогда еще. Должно против поставить упор. Не ходить на совет нечестивых. *Никак* не поддерживать их. “Враг” весь кипенем кипит, а Вы в отбросах его рыться вздумали. Эта “Варвара Леонидовна” именно такой отброс. Могу Вам факты рассказать, но в защиту ничего выслушивать не буду, чтобы у меня и духом ее уже не пахло. И как Вы ее до сих пор не раскусили?!» (*Там же*, л. 23 об., 24 об.).

[14] П.С. Соловьева.

35. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

20 мая / 2 июня 1918 г. Коктебель

2 июня 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, теперь в России уже нельзя переписываться, а можно только перекликаться и аукаться. Целы ли Вы, живы ли? Не умерли ли все от голоду? У нас такое впечатление о Москве. А у Вас, верно, что мы все давно перерезаны матросами? Нет – этого не случилось, и всё сравнительно прошло благополучно. В середине апреля я послал Вам длинное письмо с описанием феодосийских событий.[1] Но оно было послано по почте, которая очень скоро прервалась после этого, так что едва ли до Вас дошло. Я весь март провел в городе – всю эпоху анархистов, но самые страшные моменты Феодосия пережила в апреле перед самым приходом немцев, но и они прошли без больших жертв в конце концов. В Коктебеле это время было совершенно спокойно, хотя через него проходили то отряды красногвардейцев, то немецкие разъезды.

Сейчас с немецкой оккупацией наступила полная тишина. Ни газет, ни писем с севера не приходит, что делается на западе, мы знаем только по официальным германским сообщениям да по берлинским газетам. Что в Москве, не знаем совершенно и жизни тамошней не представляем. Сегодня пришло письмо от Сережи Эфрона,[2] которое мама пересылает Марине, Вере и Лиле. Это первая весть от него с января месяца. Все эти письма мы отправляем с оказией: едет через Москву бухгалтер поцуоланового завода[3] (ныне, к счастью для Коктебеля, большевиками приконченного) и всю пачку он передаст Фельдштейнам:[4] не решаюсь отправить на адрес Кандауровых, т<ак> к<ак> по Вашему последнему письму было видно, что их, может, и выселят с Б. Дмитровки.

Все это время, за исключением марта, я очень усиленно работал: написал «Аввакума»[5] и ряд других стихов: я посылаю список всех Мише Фельдштейну с просьбой показать, прочесть и дать списать всем знакомым. Т<ак> к<ак> здесь кончается бумага для писанья. Так что возьмите прочесть у него.

Немцев я еще почти не видал: только издали в бинокль на пляже. Да еще раз у нас ночевал германский солдат, но и он был поляк и по-немецки плохо понимал. А в городе за это время больше не был.

Из знакомых никто не пострадал лично, хотя многим приходилось последние часы прятаться от расстрела большевиками. Убит только мой гимн<азический> товарищ мир<овой> судья Альянаки, но Вы его не знали. Теперь все возвращаются по своим имениям, и все награбленное возвращается по приказу немцев владельцам.[6] У Лампси все благополучно, но Коля[7] нервничал до последней степени все время. Соломон Крым прятался у себя на крыше в трубе. Княжевич сидел в конюшне. Словом, самую высокую до сих пор волну мы перепрыгнули благополучно и переживаем теперь штиль. Откуда придет следующая и когда — пока неизвестно. Но думается, что мы попали в глубокие руки и надолго. Крым не отдадут Украине — это ясно. Не собираются отдавать и Турции, а, очевидно, собираются оставить себе, т<ак> к<ак> хотят устраивать самоопределение народностей, а это мы знаем, что значит: немцы-колонисты самоопределятся германцами и окажутся первенствующей расой. Для русских это плохо, но для Крыма, как для страны, вовсе не так дурно, тем более, что он за полтораста лет русского завоевания[8] вовсе ничего хорошего от России не видал.

В Коктебеле холодная и безлюдная весна: приезжих пока нет и взяться неоткуда, пока север закупорен.

Я собрал «Демонов Глухонемых» в отдельную книжку и издаю ее в Харькове в издательстве «Камена».

Напишите мне, пожалуйста, о Москве и обо всех знакомых и друзьях подробно.

До меня дошел слух, что мои избранные стихи «Иверни» вышли в свет.[9] Видали Вы эту книжку? Какая она по внешности? Какая ее цена? Приложен ли к ней мой портрет? Я так ее и не получил. Если будет оказия, пришлите мне ее, пожалуйста, экземпляр (она по условию с издателем должна быть дешевым изданием в 20 к.).

Как Вы живете физически? Чем Вы питаетесь? Мы ведь не знаем ничего о Москве: хотя, например, на днях приехал

Харламов и рассказывает, что в Москве никакого голода нет: можно достать что угодно... правда, дорого. — А как же бедные? — Ну что ж, они могут у знакомых пообедать.

Привет Екатерине Ивановне.[10] Обнимаю Конст<антина> Вас<ильевича> и Париса.[11] Напишите мне, пожалуйста, с оказией обо всех знакомых: Вере, Лиле, Марине, Фельдштейнах, Маргарите,[12] Цетлиных — обо всех.

Кон<стантин> Ф<еодорович>[13] мрачен, белит и чистит мастерскую, уничтожает старые картины. Хотел приехать в Коктебель работать, но передумал почему-то, как пишет Ал<ександра> Мих<айловна>.[14] Володя[15] служил у большевиков в земельном комитете (я определил), получил при смене правительства, как все, жалование вперед за три месяца и теперь материально пока обеспечен, но в Коктебель что-то не показывается: вся эта зима для него была очень тяжела, и он похудел, как скелет. Не могу написать ничего подробнее о городских обитателях, т<ак> к<ак> со времен немецкого завоевания никуда не показывался из дому и снова работаю и пишу неотрывно: и живопись в загоне. До свиданья, ради Бога, найдите случай послать весточку: теперь ведь уже многие едут на юг, и, говорят, на вокзале всегда можно найти человека, которому можно поручить опустить письмо в пределах Гетманства,[16] а оттуда письма доходят аккуратно.

МАХ.

[1] Имеется в виду п. 24.

[2] См. примеч. 6 к п. 34.

[3] См. примеч. 5 к п. 7.

[4] Эта оказия не состоялась (см. п. 41).

[5] См. примеч. 19 к п. 21.

[6] Решение о возврате частной собственности владельцам было принято Городской управой Феодосии 28 апреля / 11 мая 1918 г. (Труды и дни-2. С. 46).

[7] Н.М. Лампси, владелец имения Шах-Мамай в Феодосийском уезде.

[8] Манифест императрицы Екатерины II о присоединении Крыма (Крымского ханства — вассала Турции) к Российской империи был издан в 1783 г.

[9] См. примеч. 10 к п. 6.

[10] Е.И. Оболенская.

[11] К.В. Кандауров и Ф.К. Радецкий (Парис – его прозвище).

[12] В.Я. и Е.Я. Эфрон, М.И. Цветаева, М.В. Сабашникова.

[13] К.Ф. Богаевский.

[14] А.М. Петрова.

[15] В.А. Рогозинский.

[16] Так определялась власть гетмана П.П. Скоропадского на Украине в апреле – декабре 1918 г.

36. С.Я. ЭФРОНУ

21 мая / 3 июня 1918 г. Коктебель

3 июня 1918. Коктебель.

Милый Сережа, какая радость письмо от тебя:[1] последнее время даже страшно было спрашивать, есть ли от тебя вести, а все, что доходило до нас о событиях, у вас совершавшихся, было безнадежно.[2] Казалось, что нет никакой надежды увидать тебя живым.

Над нами волна большевиков и матросов прошла благополучно. Лично с нас только взяли контрибуцию в 1000 р. Для меня было весьма выгодно то, что летом Дейша со злости на меня кричала по деревне, что я большевик, и ходила с листом и собирала подписи, чтобы меня и Пра изгнать из Коктебеля как большевиков.[3] Благодаря этому ко мне относились с уважением. Феодосия тоже вывернулась благополучно, хотя там много было острых и опасных моментов, когда могло разразиться то же, что было в Севастополе, в Евпатории, в Ялте и в др<угих> гор<одах>.[4] Резня и массовые расстрелы буржуев готовились все время, но каждый раз благодаря ряду благоприятных обстоятельств удавалось предотвратить. Я целый месяц провел в городе – самые опасные дни – и много хлопотал: чтобы не резали. Очень плохо там было перед самым приходом немцев.[5] Но я в эти дни уже был в Коктебеле. Из знакомых погиб только Альянаки, мировой судья, если ты его помнишь – мой гимназический товарищ. Его расстреляли красногвардейцы в Судаке. Сейчас наступило полное успокоение. Все помещики возвращаются в свои имения, возвра-

щают социализированное. Крым попал в глубокие руки, из которых выйдет не скоро. Победители держат себя прилично и не натягивают вожжей сразу, но это придет, конечно. Против всякого ожидания и буржуазия держит себя прилично и не слишком радуется завоеванию. Украине Крыма не отдадут – это ясно, а устроят «самоопределение народностей», а мы-то знаем, что это значит. Все это время я писал очень много стихов: большевистский режим, оказывается, очень способствует художественному творчеству. Кое-что посылаю.[6] Подготовил новую книгу стихов о революции «Демоны Глухонемые», которую буду печатать в Харькове.

Какие твои дальнейшие планы, Сережа? Борьба с оружием в руках не твое дело. И за что бороться теперь? Единственный враг была и есть – - - – – - -.[7] Но сейчас с ней бороться и бессмысленно и вредно. И единственное оружие России теперь – это дух и внутреннее просветление.

Я не вижу сейчас ни целей, ни намерений остатков К<рымских?> отрядов. Физически мы разбиты и отданы на милость победителя, а в дальнейшем на оспаривание клочков нашей плоти между бывшими врагами и бывшими союзниками. Нам остается одно: национальное самосознание в духе усвоить урок всех наших ошибок и преступлений.[8] Приезжай в Коктебель. Крепко обнимаю тебя.

МАХ.

[1] См. примеч. 2 к п. 35.

[2] Подразумевается первый поход Добровольческой Армии на Кубань – Первый Кубанский («Ледяной») поход (9/22 февраля – 30 апреля / 13 мая 1918 г.): движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон под командованием генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева, а после гибели первого – А.И. Деникина. Во всех 33 боях Первого похода численность большевистских сил в шесть–десять раз превосходила число добровольцев.

[3] См. примеч. 4 к п. 14.

[4] Речь идет о массовых убийствах офицеров и гражданского населения большевиками после захвата ими власти в этих крымских городах.

[5] См. примеч. 20 к п. 24.

[6] С.Я. Эфрон отвечал из Новочеркасска 28 мая / 10 июня 1918 г. в письме к Е.О. Кириенко-Волошиной: «Спасибо Максу за стихи.

Каковы они – не могу сказать, потому что принимаю теперь все восторженно» (*Цветаева Марина.* Неизданное: Семья. История в письмах. М., 1999. С. 273).

[7] Слово в машинописи выскоблено. Правомерно предположить, что это – Германия.

[8] В цитированном письме к Е.О. Кириенко-Волошиной Эфрон отвечал: «Не разделяю Вашего мрачного взгляда на будущее России. Сейчас намечается ее выздоровление и воссоединение и в ближайшем будущем (два – три года) она будет снова великодержавной и необъятной. Никто ее не сможет ни разделить, ни растоптать» (*Там же.* С. 272).

37. М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

22 мая / 4 июня 1918 г. Феодосия

4 июня 1918. Коктебель.

Дорогой Миша, прежде всего просьба: передай, пожалуйста, всю эту пачку писем по назначению.[1] Есть оказия: едет в Москву из Коктебеля человек[2] – мы ему даем письма, чтобы дать о себе знать знакомым и друзьям, что мы не зарезаны, не расстреляны, а живы, целы и здоровы, и главное, что получили только что письмо от Сережи Эфрона,[3] который тоже цел и жив, и просит об этом дать знать в Москву.

Его письмо пересылается в конверте, адресованном Вере, Лиле и Марине.[4] Это первая весть о нем с января месяца. Пишет из Новочеркасска, и говорит, что остался в живых только чудом, т<ак> к<ак> все его спутники и товарищи перебиты.

На нас волна большевизма накатила только в январе и сменилась в конце апреля Германской волной. Эти четыре месяца были очень любопытны. Коктебель оставался все время в стороне и пережил только несколько дней беспокойных, когда социализировалась Юнговская экономия султановскими крестьянами.[5] Я тогда вызывал из Феодосии красногвардейцев для водворения порядка: очень милых и энергичных, однако неделю спустя уже расстрелянных самими большевиками за грабеж и насилие. Весь март я про-

вел в Феодосии:[6] приехал на несколько дней и как раз попал в самый разгар событий: в Совете баллотировалось: резать всех буржуев или не резать. Большинством 12 голосов решили не резать. Это меня так заинтересовало, что я остался на месяц.

Очень любопытное время было: не Феодосия, а Карфаген...[7] Румынские большевики, сербские патриоты, армянские боевики, русские еще не самоопределившиеся дезертиры с Кавказского фронта, Одесские беглые власти: Румчероды,[8] девятки, пятерки, Совдепы и т.д.; беженцы со всех концов Черного Моря, анархисты всех оттенков инфракрасного.[9]

[1] Письма Волошина, переданные М.С. Фельдштейну, не обнаружены.

[2] Из письма Волошина Ю.Л. Оболенской от 2/15 июня 1918 г. (см. п. 41) следует, что письма в Москву должен был доставить бухгалтер пуццоланового завода, но эта оказия не состоялась.

[3] См. примеч. 6 к п. 34.

[4] В.Я. Эфрон, Е.Я. Эфрон, М.И. Цветаева.

[5] См. п. 6, примеч. 4; примеч. 1 к п. 9.

[6] См. примеч. 11 к п. 23.

[7] Имеется в виду осада финикийского города Карфагена, предпринятая римлянами в ходе III Пунической войны (149–146 г. до н.э.), которая завершилась его разрушением.

[8] См. примеч. 14 к п. 24.

[9] Конец письма утрачен.

38. П.Б. КРАСНОВУ

25–27 мая / 7–9 июня 1918 г. Коктебель

7 июня 1918. Коктебель.

Многоуважаемый Петр Борисович,

Посылаю Вам два стихотворения для включения в «Демонов Глухонемых». «Родину» надо поставить в первом отделе после «Св<ятой>Руси» (последним), а «Молитву о городе» в третьем отд<еле> третьим после «Анг<ела> Врем<ен>» и «Преосущест<вления>».[1] Я за эти дни пришел к убеждению, что во всех отношениях выгодно соединить «Демо<нов>

Глух<онемых>» с «Anno mundi ardentis» в одну книгу под общим именем «Демоны Глухонемые». Я думаю, что Вы со мной согласитесь.[2]

Кроме того я хочу просить Вас не слишком торопиться с печатанием: мне бы хотелось, чтобы книга вышла не раньше сентября.[3] На это вот какие у меня соображения: 1) Естественное начало книжного сезона (если он есть!), 2) Я успею летом написать еще несколько стихотворений, 3) Я хочу успеть за лето напечатать многие стихи в периодических изданиях, ибо сие есть важно для меня материально, т<ак> к<ак> зимой мне не удалось напечатать их благодаря целому ряду неблагоприятных случайностей: то мои письма пропадали, то издания закрывались... Одним словом, для меня обнаружилось теперь, что из всех «Демонов Глух<онемых>» напечатана только «Св<ятая> Русь», в одной однодневной московск<ой> газете без моего ведома и разрешения,[4] да «Дмитр<ий> Импер<атор>», предоставленный «Камене», да два сонета и «Видение Иезекииля», отданные «Иппокрене».[5] Вот и все.

Мне нужен Ваш совет: со столичными изданиями у меня всякая связь порвалась благодаря полному перерыву сношений с севером. (Харьков, вероятно, не до такой степени отрезан от остального мира, как Крым?). С южными изданиями у меня нет сношений и я даже не знаю, какие где существуют. Я готов где угодно напечатать все мои свободные стихи «Дем<онов> Глух<онемых>», лишь бы мне заплатили не меньше рубля за строчку, а «Протопопа Аввакума» ввиду его длины (750 стр<ок>) за 300 рубл<ей> до выхода книги.

Не можете ли Вы мне помочь в этом? Есть ли какие-нибу<дь> киевские и одесские издания, соответствующие «Камене» и «Иппокрене»? Есть ли в Харькове такие газеты, в которых можно без слишком большого позора печатать стихи? Мне случилось видеть, например, номер «Возрождения»,[6] и он произвел на меня впечатление вполне порядочного издания. Можно ли предложить стихи туда? Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы это сделали, чтобы не вести мне сложной переписки отсюда. Я бы, например, с удоволь-

ствием дал «Камене» «Аввакума», если бы это Вас устраивало, на вышеупомянутых условиях.[7]

Прошу внести в текст «Аввакума» следующие поправки.

Гл. 11 и стр. 11: «да вовсе кроток стал *молитвами моими*».

Гл. 15, стр. 10 с конца: «А вывели *казнить*...» (вместо «на свет»).

В «Видении Иезекииля»: стр. 5 «Четверорукими».

Стр. 12 на второй странице: «Но упоенная славой и *властью*».[8]

До свиданья. Это третье письмо, что я пишу Вам. Первые два посланы 16 и 25 мая.[9] А рукопись 24-го. Все ли Вы получили? Я до сих пор еще не имею ответа от Вас.

9 июня.

Только что получил Вашу открытку от 6-го.[10]

Значит, мы согласны, что надо издать обе книги вместе. Тогда под общим заглавием «Демоны Глухонемые» поставим подзаголовок: Война и Революция. И расположим и их в порядке хронологическом, то есть первый отдел «A<nno> M<undi> A<rdentis>», а второй «Дем<оны> Гл<ухонемые>» с прежним расположением их внутренних глав, и я напишу несколько слов предисловия.[11]

Вас, Петр Борисович, я не принимал за издателя, но обращался и обращаюсь как к полномочному лицу издательства: не так ли? 2000 экз., мне кажется, несколько много – не лучше ли ограничиться 1500? От Шенгели ни «Камены», ни гонорара не получал.[12] Куда он выехал? Может, в Феодосию? Тогда он сам передаст.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы помогли мне напечатать ненапечатанные стихи по газетам и журналам. (Имейте в виду, что, кроме вышеупомянутых напечатанных ст<ихов>, являются старыми стихи 1906 года, т.е. «Предвестия», «Ангел Мщения» и «Голова мадам де Ламбаль».[13]

Если окажется возможным что-нибудь напечатать в «Возрождении», то, пожалуйста, потребуйте, чтобы они мне тотчас же начали высылать газету. Статью Вам я, кажется,

дам о книге стих<ов> Эренбурга: «Молитва о родине», т<ак> к<ак> мне хочется написать об ней.[14]

Формат «Урны» мне подходит: это формат моей первой книги.[15]

Жду окончательного ответа. Настаиваю на том, чтобы книга вышла не раньше сентября.

[1] Стихотворение «Родина» («И каждый прочь побрел вздыхая...», 30 мая 1918 г.; Т. 1 наст. изд. С. 263) в книге «Демоны глухонемые» завершает первый раздел «Ангел Мщенья» (Харьков: Камена, 1919. С. 16–17), в том же разделе ему предшествует стихотворение «Молитва о городе (Феодосия – весной 1918 г.)» («И скуден и неукрашен...», 2 июня 1918 г.; Т. 1 наст. изд. С. 323–324) (С. 15–16); стихотворение же «Святая Русь» перенесено в третий раздел «Пути России» – открывает его, за ним следуют «Ангел времен» и «Преосуществление» (С. 26–29).

[2] См. примеч. 2 к п. 32.

[3] Краснов отвечал в недатированном письме: «...те расходы, которые потребуются в данный момент для издания, к сентябрю будут удвоены дороговизной. Имеется в виду Вашу книгу издать на роскошной – александрийской бумаге. Сейчас лист стоит 1 руб. Тогда, в августе, он будет стоить 2. Правда, с этим можно поладить: можно – просто заранее закупить. <...> Приемлемо будет несомненно одно: выпуск, или – вернее – задержка выхода книги до сезона» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 10–13 об.).

[4] См. примеч. 9 к п. 15.

[5] Из этих предварительных публикаций состоялась только публикация двух сонетов в «Ипокрене» (см. примеч. 1 к п. 30). Стихотворение «Видение Иезекииля» было напечатано в одесской газете «Дело» 17/30 марта 1919 г.

[6] Имеется в виду харьковская газета «Возрождение», выходившая в 1918 г. при ближайшем участии Д.Н. Овсянико-Куликовского (25 февраля / 10 марта – 4/17 сентября).

[7] Краснов отвечал в цитированном письме: «Что касается Вашего предложения: пристроить Ваши стихи – то я охотно и немедленно могу на себя взять эту миссию. "Возрождение" – скоро умрет! Кроме того – я, по политическим убеждениям, враг (или противник) этой газеты. И еще: я – еврей, как еврею она – эта газета – сказала много отвратительных слов. Итак, я тотчас же принимаю меры к помещению В<аших> стихов в киевских журналах – "Куранты", "Наши Дни", в харьковских – 2-х еженедельниках. Где смогу –

потребую 3 р. за строчку». К реальным результатам эти намерения не привели: в указанных изданиях публикации стихотворений Волошина не выявлены.

[8] Ср. п. 33, примеч. 7, 8. Все указанные исправления учтены в печатном тексте книги «Демоны глухонемые».

[9] См. п. 30, 32.

[10] См. примеч. 5 к п. 32.

[11] Тема переиздания книги «Anno mundi ardentis 1915» в одном сборнике с книгой «Демоны глухонемые» в последующих письмах Краснова к Волошину не затрагивается.

[12] В письме от 6 июня 1918 г. Краснов сообщал, что поручил Г.А. Шенгели выслать Волошину журнал «Камена» и гонорар (30 руб.).

[13] Эти три стихотворения перепечатаны в «Демонах глухонемых» (С. 9–10, 20).

[14] Имеется в виду книга И. Эренбурга «Молитва о России» (М., 1918); Волошин проанализировал ее в статье «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург», опубликованной в «Камене» (1919. № 2. С. 10–28). В письме от 6 июня 1918 г. Краснов просил Волошина прислать для «Камены» статью – «хотя бы через месяц?».

[15] «Стихотворения. 1900–1910» Волошина и «Урна. Стихотворения» (1909) Андрея Белого вышли в свет в московском издательстве «Гриф».

39. А.М. ПЕТРОВОЙ

1/14 июня 1918 г. Коктебель

14 июня 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

посылаю Вам новые стихи[1] уже не на современные темы, а снова на старые Киммерийские.[2]

Последнее время работать пришлось мало: все время лежал то с головной болью, то с оспенной прививкой, которая тоже «бросилась в голову», то с простудой...

А теперь начал работать над графикой: делать обложку, заставки и фронтисписы к «Демонам глухонемым»,[3] которые выйдут в одной книге с ANNO MUNDI ARDENTIS,[4] которая разошлась и нуждается в переиздании.

О Феодосии поэтому пока перестал думать. Надо торопиться с рисунками.

Как жаль, что Костенька[5] раздумал приехать в Коктебель: я так мечтал ходить с ним на этюды, чего жду не дождусь, да до сих пор все то погода, то головная боль мешали. Головная боль у меня все на желудочной почве: не знаете ли Вы какого-нибудь простого и доступного по нынешним временам средства?

Чувствую, что и стихи не буду оставлять, но очень захотелось снова вернуться к Киммерийским и к звездным.[6]

Хочу тоже исподволь начать приготовлять заставки и надписи для моего будущего полного собрания стихов в двух томах. Когда-то оно еще будет?

Живем вне событий и без газет. Ничего не знаем. Может, это и к лучшему: надо немного отдохнуть на вечном.

Мама чувствует себя все время плохо и очень раздражается. Пишу это письмо наскоро, чтобы успеть его передать Пол<иксене> Сер<геевне>.[7] Был на днях Рагозинский.

Получили ли Вы мое письмо с Молитвой о городе и Родиной.[8] Я еще ничего не имел от Вас в ответ на него. Очень хочется знать Ваше впечатление. Особенно от первого. Скажите К.Ф., если он не уехал, чтобы он приезжал в Коктебель: здесь, кроме Сер<гея> Ал<ександровича>,[9] никаких страшилищ для него нет, да и тот живет не у нас, а на даче Гр<игория> Петрова.[10] Время, по отсутствию людей, самое благоприятное для работы. Уговорите его, пожалуйста.

До свиданья. Как Вы себя чувствуете?

MAX.

P.S. Только что получил с оказией письмо от Юл<ии> Оболенской.[11] Прилагаю ее записки к К.Ф. и Рагозинским.[12] Пожалуйста, передайте. М.В.

[1] Речь идет о стихотворениях «Как в раковине малой — Океана...», первоначально публиковавшемся под заглавием «Коктебель», законченном 6 июня 1918 г. (см.: Т. 1 наст. изд. С. 170, 490), и «Карадаг. I» («Преградой волнам и ветрам...»), датировано 14 июня 1918 г. (см.: *Там же.* С. 168).

[2] Возможно, Волошин имеет в виду свой цикл стихотворений «Киммерийские сумерки» (1907). См.: Т. 1 наст. изд. С. 88–96.

[3] См. п. 29, п. 30.

[4] См. п. 30, п. 32, примеч. 2.

[5] К.Ф. Богаевский. См. примеч. 11 к п. 34.

[6] Кроме «Киммерийских сумерек» (1907), возможно, подразумевается венок сонетов Волошина «Corona Astralis» (1909) (см.: Т. 1 наст. изд. С. 119–126).

[7] П.С. Соловьева.

[8] См. п. 34.

[9] С.А. Толузаков. См. примеч. 12, 13 к п. 34.

[10] Г.С. Петров. О его коктебельской даче, которую он именовал «Вишневым садом», см.: *Жарков Евг.* Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Балеро, 2008. С. 72–74.

[11] Имеется в виду письмо от Ю.Л. Оболенской от 20 мая / 2 июня 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 45–48 об.).

[12] Письма Ю.Л. Оболенской к К.Ф. Богаевскому хранятся в РГАЛИ (Ф. 700, оп. 1, ед. хр. 51).

40. В КОКТЕБЕЛЬСКОЕ СЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

1/14 июня 1918 г. Коктебель

В Коктебельское сельское управление:

Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина

Заявление:

Прошу Коктебельское Сельское Управление возвратить мне взысканную с меня «контрибуцию» в размере Тысячи руб.

14 февр<аля> (ст.ст.) сего года я получил следующую бумагу:

«Гражданину Волошину: Согласно постановления Комитета Сов<ета> Раб<очих> Депутатов Вы обложены контрибуцией в 3000 руб., каковые Вы должны представить в Коктебельский Совет Р. Д. в 24 часа со дня получения сего. За неисполнение Вы будете арестованы».

Следуют подписи Председателя Влахова, членов: А. Гаштова, Ивана Юрченко, Николая Чернышова, С. Мавродиева, и две неразборчивых: по-видимому, Аблалимоглу и Д. Михайлов (?): секретарь Малашенко.

После того, как мною в тот же день были представлены в Коктебельский Комитет документы, из которых явствовало, что все имеющиеся у меня капиталы равны 2000 руб., а у моей матери имеется всего 3000 р., с нас тем не менее было взыскано 1000 рублей, о чем выдана квитанция за номером 24, от 1 марта (нов. ст.) следующего содержания:

«Дана от Коктебельского Земельного Комитета гражданину <*так!*> дер<евни> Коктебель Елене и Максимилиану Кириенко-Волошиным в том, что сего числа принято от них в уплату с контрибуции с капитала принадлежащего им 5094 руб. Тысяча рублей». Следуют подписи Председателя Николая Чернышова и секретаря Малашенко.

Оба этих документа, свидетельствующие о незаконности данной контрибуции даже по законам правительства Народных Комиссаров, находятся у меня и могут быть предъявлены.

Прошу Председателя Коктебельского Сельского Управления дать этому Заявлению законный ход.[1]

Максимилиан Волошин.
14 июня 1918 Коктебель.

[1] На заявлении – обращение коктебельского сельского старосты Д. Влахова (14/27 июня 1918 г.) к начальнику милиции 1-го участка Феодосийского уезда с просьбой о «надлежащем распоряжении», резолюция начальника 1-го участка (подпись неразборчива) – возвращение заявления Коктебельскому Сельскому Обществу (Судак, 3/21 июля 1918 г.) и заключительное постановление: «Возвращая настоящее Заявление, сообщаю Вам, г. Кириенко-Волошин, что с изложенным в заявлении ходатайством Вам надлежит обратиться в суд. 5/22 июля 1918 г. № 252. Коктебельский Сельский Староста Д. Влахов» (ДМВ).

41. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

2/15 июня 1918 г. Коктебель

15 июня 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, сегодня получил Ваше письмо от 2-го июня, присланное с оказией. А моя оказия сорвалась, бухгалтер не поехал.[1] Пожалуй, найти отсюда оказию еще труднее, чем из Москвы. Но видите, Вы совсем не правы, когда говорите о безответности писем:[2] я Вам отвечал в тот же самый день, когда Вы мне писали: 2-го июня (см. дату моего письма).[3] После трех месяцев обоюдного молчания это и трогательно и удивительно.

Еще более удивительна для меня ссора обормотов с Вами:[4] это мне показывает, что Москва, в сущности, еще весьма мало испытала от событий, если даже среди людей, настолько далеких от политических страстей, как обормоты, политические и партийные страсти могут сказываться с такой нетерпимостью. Здесь, где походя приходилось иметь дело с убийцами, грабителями и насильниками и среди них встречать характеры мужественные и благородные, прямо в голову не могло бы это прийти. Напротив, нужно было – необходимо было все время быть с большевиками (и не только для украшения города), а для того, чтобы смягчать и ослаблять остроту политических нетерпимостей. Не будь целого ряда людей и справа и слева, которые делали это, Феодосии не миновать было кровавой бани в несколько сот человек, как в других городах. Неужели в Москве еще не понимают, что большевики вовсе не партия, а особое психологическое состояние всей страны, от которого надо лечить именно постоянным общением, а вовсе не равносильной нетерпимостью. Я тут, конечно, уж не об обормотах думаю, а об том общем настроении, которое я вдруг почувствовал сквозь их эту обиду.

Впрочем, для меня теперь всякая политическая партийность и вся политика вообще представляется почти нестерпимой глупостью.

Кажется, это письмо можно будет отправить завтра, с тем, что его проездом кто-то опустит в Москве.

Удивительно для меня тоже, что в Москве еще идут выставки. Не выставил ли К<онстантин> В<асильевич> моих акварелей?[5] Вероятно нет, потому что Вы бы тогда написали.

Я за это время еще написал ряд стихотворений. Посылаю в этом же письме все, мною написанное за это время. Т<ак> к<ак> я сейчас никому не пишу больше, то, пожалуйста, покажите их всем, кому можно из друзей. Очень бы хотелось, чтобы вы нарочно сходили к Цетлиным их показать, если это не слишком трудно и опасно...[6]

Действуют ли в Москве телефоны?

На днях приходил в Коктебель Володя Р<огозинский>: он с осени не <был?>, а я его не видал с марта. Он бесконечно худ, и вид у него больной.

«Демонов Глухонемых» я издаю в Харькове. Они выйдут к осени. Сейчас делаю для книги заставки, концовки и надписи. И все время продолжаю писать стихи: ни при каком другом политическом режиме так хорошо не работалось мне.

Кроме стихов о современном, написал еще последнее время несколько Киммерийских.

Как жаль, что Вы ничего не пишете о своих планах. Будете сидеть все лето в Москве или, если откроется сообщение, приедете? Как Ваши материальные дела? Как положение Ф<еодора> К<онстантиновича>?[7] Спрашиваю потому, что доходят со всех сторон слухи об семьях, совершенно разоренных и умирающих от голоду. Но т<ак> к<ак> я нашел у Вас намек на именинный пирог,[8] то предполагаю, что у вас не так еще плохо. А ужасы слыхал про положение Новицких (помните, библиотекарь Уч<илища> Жив<описи и> Ваян<ия>?). Кстати: они должны вскорости приехать в Крым, поэтому напишите мне с ними и попросите, чтобы все знакомые написали с этой оказией.

Вы, значит, моего апрельского письма с подробным описанием феодосийских событий и моих впечатлений так и не получили? Досадно.[9]

Собирается ли кто из знакомых ехать в Коктебель?

Теперь уже настало лето, и последние дни появилось много нового народа. Но всё он остается благородно пустын-

ным. Чем я доволен, а мама не очень, из практических соображений. Она плохо себя чувствует: очень слаба, очень похудела.

Пожалуйста, пришлите мне с Новицкими экземпляр моих ИВЕРНЕЙ.[10]

До свиданья. Крепко обнимаю и целую Кон<стантина> Вас<ильевича>. Привет Ек<атерине> Ив<ановне> и Парису.[11]

Привет Магде Макс<имилиановне>, Лиле, Вере, Марине. Скажите им сейчас же по телефону, что Сережа жив и здоров (хотя мама одновременно пишет им и пересылает его письмо), но кто знает, какое письмо дойдет раньше.[12]

Видаете ли Вы Маргариту:[13] попросите ее мне написать через Новицких: она мне давно хотела написать с оказией подробное письмо о разных словах Штейнера.

Собирается ли Конст<антин> Вас<ильевич> куда-нибудь вырваться из Москвы летом? Сейчас все полно кровавых слухов из Москвы. Но что из них верно?

Крепко Вас обнимаю. Приезжайте-ка в Коктебель, если Москва совсем откупорится.

МАХ.

[1] Речь идет о попытке отправить п. 35.

[2] «...Знаю, что ответа не получу», – замечала Ю.Л. Оболенская в письме к Волошину от 20 мая / 2 июня 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 45–48 об.).

[3] Имеется в виду авторская датировка п. 35.

[4] К игровому содружеству «обормотов», сложившемуся в Коктебеле в 1911 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 610), в Москве принадлежали М.И. Цветаева, В.Я. Эфрон, Е.Я. Эфрон, Е.А. Фельдштейн, М.С. Фельдштейн и др. Как выясняется из цитированного выше письма Оболенской к Волошину, причиной размежевания стало примирительное отношение ее и близких ей людей к советской власти: «Обормотов не вижу, они нас бойкотируют за некоторое участие в украшении города на 1-е мая. Марг<арита> Вас<ильевна> <Сабашникова. – *Ред.*> тоже хотела помогать, но не успела, поэтому ее, кажется, не трогают. Особенно досталось Магде Макс<имилиановне> <Нахман. – *Ред.*>, рисовавшей звездочки и орнаменты: Вера и Лиля <В.Я. и Е.Я. Эфрон. – *Ред.*> с ней уже месяц не говорят, а гости обходят ее стороной (М. Гехтман, Гордоны). На меня же, кажется, серьезно обиделся по той же причине Михаил Солом<онович> <Фельд-

штейн. – *Ред.*>, т<ак> к<ак>, несмотря на мои просьбы (через Еву Ад<ольфовну> <Фельдштейн. – *Ред.*>, приходившую объясняться со мною) – позвонить мне, – он упорно не дает о себе знать. Борисяк по этому поводу предлагает реферат на тему “Большевизм и русский орнамент”. Кроме шуток, мне очень будет грустно, если восстановят против меня и Сережу <С.Я. Эфрон. – *Ред.*>, который Бог весть где теперь». Развитие той же темы – в письме Оболенской к Волошину от 1/14 августа 1918 г.: «С обормотами вышел у нас невольный разрыв из-за нашего участия в украшении 1-го мая. Только на днях зашел ко мне Мих<аил> Сол<омонович>, и я радовалась его приходу, как окончанию нелепой истории. Но вышло еще хуже, т<ак> к<ак> я и не представляла себе степени их отчуждения и нарастания сплетен, какие выяснились из разговора» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 49 об. – 50).

[5] К.В. Кандауров. В письме от 20 мая / 2 июня Оболенская сообщала: «У нас сейчас выставка Профессионального Союза Моск<овских> Живописцев (неудавшейся Гильдии). Конечно, заведует К.В., уклонявшийся от этого занятия всеми силами и одновременно не вынесший, что без него что-то делается. Засел. Он выставил 6 вещей. Я выставила новый его портрет, кот<орый> пронзил даже Эфроса <...> А художественная жизнь кипит: Татлин с Соф<ьей> Ис<ааковной> <Дымшиц-Толстая. – *Ред.*> орудуют. Тат<лин> называет уже К.В. – “товарищ” и дал мне сегодня понять, что мог бы нас продернуть в пяти газетах, кот<орые> “к его услугам”, только не хочет. Затеваются и серьезные дела, с фабрикой собственных красок и др<угих> материалов. Но обсуждать никак не удается, т<ак> к<ак> все заседания проходят в прениях о том, называться ли супрематистам “молодой” или “левой” федерацией».

[6] В письме от 20 мая / 2 июня Оболенская сообщала Волошину: «У Цетлин была раз, но их почти не видела, т<ак> к<ак> они пригласили меня на выставку оказавшейся в их квартире Левой федерации Союза».

[7] Ф.К. Радецкий.

[8] В каких словах письма Оболенской от 20 мая / 2 июня Волошин уловил этот намек, неясно.

[9] Имеется в виду п. 24. 1/14 августа 1918 г. Оболенская сообщала Волошину: «Третьего дня получила Ваше письмо от февраля и 15-го апреля» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 49).

[10] В письме от 20 мая / 2 июня Оболенская сообщала Волошину: «Вышла книжка Ваших стихов с непонятной надписью. Что это значит?». См. примеч. 10 к п. 6.

[11] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[12] См. п. 35, примеч. 2.

[13] О М.В. Сабашниковой Оболенская писала Волошину 20 мая / 2 июня: «Маргариту Вас<ильевну> видела давно уже, когда мы делали ей холст для заказного портрета (Григоровой)». В ответном письме от 1/14 августа она сообщала, что Сабашникова ездит к Фельдштейнам на дачу в Быково: «Она стала совсем юная и очень похорошела, т<ак> ч<то> я не могла не спросить – отчего это. Она сказала, что хорошее настроение, и стала сразу пунцовая. Она получила Ваши стихи, также Кузьмина-Караваева».

42. А.М. ПЕТРОВОЙ

6/19 июня 1918 г. Коктебель

19 июня 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

П.С.[1] передала мне Вашу обидно маленькую записочку.[2] Спешу Вам ответить такой же краткой, чтобы передать ее с Варв<арой> Леон<идовной>,[3] которая была у меня два дня совсем больная и завтра возвращается.

Прежде всего просьбы, важные и неотложные. Мне вдруг почудилась, как тема стих<отворения>: Алекс<андр> I и Феодор Кузмич.[4]

Мне необходимы книги. По-моему, у Конст<антина> Феодор<овича>[5] есть 1) и книга Вел<икого> Кн<язя> Ник<олая> Мих<айловича> об Александре I, и кажется, 2) «Алекс<андр> I» и Шильдера.[6] Я умоляю его привезти их с собой. Если у него нет Шильдера, то нельзя ли у кого достать? Очень прошу. 3) Кроме того, Вас очень прошу прислать с ним все те книги о старчестве, о которых Вы мне говорили и предлагали. Сейчас они мне необходимы отчасти для той же темы.

Если нет Шильдера у К.Ф., то у кого можно достать в Феодосии? Может, у Княжевича? У него много книг, и вся его библиотека вернулась. Нельзя ли его спросить по телефону от Дуранте от моего имени. Может, К.Ф. сможет позвонить. С глубокой радостью буду ждать его: страшно хочется работать вместе, а если и Рагозинский сможет с нами остаться, то будет совсем великолепно. Пусть только приезжает немедленно

после Троицы.[7] Я за эти дни закончу работу над заставками и надписями для книги (ДЕМ<ОНЫ> ГЛУХ<ОНЕМЫЕ>)[8] и буду вполне свободен. Как хорошо, что сегодня отказался ехать в Судак с гр<афиней> Капнист,[9] которая заезжала за мной по поручению Герцык. У меня какая-то интуиция была, что сейчас ехать не время.

Скажите Костеньке, чтобы он не смел перерешать и приезжал бы во вторник, не позже.

Посылаю Вам и ему второе стихотворение о Карадаге, связанное с первым. А также, предыдущие в окончательной форме.[10]

Мама плохо себя чувствует – страшная слабость. Очень раздражительна. На все ворчит.

Событий до нас не доходит, т<ак> к<ак> газет в Коктебеле не получается. Узнаем долго спустя.

5) Если увидите Рагозинского, то напомните ему, пожалуйста, о писчей бумаге для меня, чтобы он мне непременно привез, когда приедет с К.Ф., а то у меня произойдет кризис, т<ак> к<ак> явились барышни, которые переписывают мне АВВАКУМА во многих экземплярах и скоро истребят все остающееся количество.

4) Пришлите мне, пожалуйста, *ромашки* (из аптеки – для астмы).[11]

MAX.

[1] П.С. Соловьева.

[2] Речь идет о записке Петровой, в которой она сообщала Волошину: «Стихи все получены и благодарю бесконечно. Великолепны все. Аввакум потрясающ, особенно конец. Чудесный Карадаг и Коктебель. Кон<стантин> Феод<орович> тоже в полном восторге от них. “Молитвой о городе” мы маленько не удовлетворены. Отдельные места, выражения – прекрасны, но в целом какая-то притянутость; нет простора. Конст<антину> Феод<оровичу> не удалось в Топлы (все сплошь немцами занято там), и радуюсь за Вас – решил вскоре к Вам. Простите, что пишу опять мало, – сильно нездоровится, усталость, и к тому очередной период тоски. Конечно, житейский, т<ак> к<ак> от мелочей житейского. В выход же России, в преодоление ею всего – верю больше, чем когда-либо. Пути так ясно вырисовываются. <...> Полик<сена> Серг<еевна> расскажет Вам о планах Конст<антина> Ф<еодоровича> относительно поездки к Вам. Дай Бог, чтобы работалось обоим целомудренно и свято, как

всегда» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 32–32 об.). Упоминается деревня Феодосийского уезда Топлы (Топлу, Тополевка).

[3] В.Л. Рюмина.

[4] Федор Кузьмич (? – ум. в 1864 г. в Томске) – таинственный старец, обративший на себя внимание в 1836 г. в Красноуфимске. Одетый по-крестьянски, он отличался изящными манерами, был широко образован, знал иностранные языки. Сосланный «за бродяжничество» в Сибирь, он так и не назвал своего настоящего имени, но не скрывал своего высокого происхождения. Вскоре возникла легенда, что под этим именем скрывался император Александр I, будто бы не умерший в 1825 г. в Таганроге, а «отрекшийся от мира».

[5] К.Ф. Богаевский.

[6] Имеются в виду издания: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1–2. СПб.: Экспедиция заготовления государ. бумаг, 1912; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 1–4. Т. 4. СПб.: А.С. Суворин, 1898. 20 июня 1918 г. Волошин просил М.В. Сабашникову выслать ему книгу Г. Василича «Император Александр I и старец Федор Кузмич. По воспоминаниям современников и документам. Со многими рис. и портр.» (М.: Образование, [1909]). Эта книга сохранилась в библиотеке Волошина в Коктебеле (ДМВ, А-480), так же как брошюры: *Бунин П.* Легенда о смерти Александра I. (По историческим документам и запискам современников). М.: Дело, 1912; *Барятинский В.В.* Царственный мистик. Император Александр I и Феодор Кузьмич. 2-е изд. СПб.: Прометей, б.г. Замысел Волошина не был осуществлен. Однако в поэме «Россия» (1924) был упомянут «посох Кузьмича» (Т. 1 наст. изд. С. 371).

[7] Троица в 1918 г. приходилась на 10/23 июня.

[8] См. п. 44, примеч. 7.

[9] А.Д. Капнист.

[10] Речь идет о стихотворении «Над черно-золотым стеклом...» (17 июня 1918 г.), позже вошедшем в состав цикла из двух стихотворений «Карадаг» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 168–169). Упоминаются также стихотворения «Карадаг. I» («Преградой волнам и ветрам...») и «Как в раковине малой – Океана...», высланные Петровой ранее. См. п. 39, примеч. 1.

[11] Эта последняя запись сделана Волошиным от руки и является откликом на карандашный рисунок ромашки с надписью Петровой: «Это ромашка Волошину». Здесь же Петрова приписала: «P.S. О лекарстве для Вас очень думаю, но *необходимо* переменить режим <...>. Скоро напишу об этом. Попробуйте ромашки пить, натощак чашку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 32 об.).

43. А.К. ГЕРЦЫК

6/19 июня 1918 г. Коктебель

19 июня 1918. Коктебель.

Дорогая Аделаида Казимировна,

очень благодарю Бас за приглашение, но я не мог приехать с графиней:[1] как раз сейчас мне надо спешно кончать обложку и заставки для ДЕМОНОВ ГЛУХОНЕМЫХ, которые печатаются в Харькове.[2]

Кроме того, на Троицу[3] должен приехать ко мне Богаевский на этюды. Так что сейчас я никак не могу вырваться из Коктебеля, несмотря на все желание повидать Вас

Я за это время написал большую поэму о Протопопе Аввакуме, каких никогда не писал еще ни по форме, ни по содержанию.

Когда мне ее перепишут на машинке[4] — она очень длинна — 750 строк — я пришлю Вам ее. Пока посылаю последние стихи на старые Киммерийские темы.[5]

Я до сих пор не вернул Вам СКИФОВ.[6] Простите. Я их месяц тому назад давал передать двум знакомым гимназистам, ехавшим в Судак, а они, взявши книгу, истрепали ее и в Судак совсем не поехали и мне только на днях вернули: очень извиняюсь.

Я за это время писал еще много стихов.

Да, вот еще одно АНГЕЛ ВРЕМЕН,[7] которое посылаю Вам.

Привет всем Вашим. Спешу успеть передать эту записку.

[1] Графиня А.Д. Капнист приезжала в Коктебель в своем экипаже 6/19 июня с приглашением Волошину в Судак. См. также п. 42, примеч. 10.

[2] См. п. 44, примеч. 7.

[3] См. примеч. 8 к п. 42.

[4] См. п. 42.

[5] См. примеч. 11 к п. 42.

[6] См. п. 26 и примеч. к нему.

[7] Речь идет о стихотворении «Европа». См. примеч. 2 к п. 31.

44. П.Б. КРАСНОВУ

6/19 июня 1918 г. Коктебель

19 июня 1918. Коктебель.

Многоуважаемый Петр Борисович,

разумеется, Вы правы в том, что надо книгу набирать сейчас же и сейчас же покупать бумагу.[1] Я, оговаривая свои условия, вовсе не думал требовать,* чтобы она начала печататься только осенью, напротив – я думаю, что если она начнет печататься теперь, то как раз со всеми обычными неожиданностями и задержками поспеет к сентябрю. Я только потому счел необходимым предупредить Вас, чтобы посвятить в свои планы напечатать все неиспользованные еще стихи для получения гонорара раньше, чем они появятся в книжке, потому что, увы! Стихи для меня теперь единственный источник заработка.

Я очень благодарен Вам за Ваше согласие попытаться пристроить их в различных южных изданиях[2] и охотно предоставляю Вам право распоряжаться всем материалом «Демонов Глухонемых»: это тем более удобно для меня, что Вы сможете сами более точно, чем я, определять срок, когда они могут быть напечатаны, будучи в курсе выхода в свет книги. И, конечно, гонорар в 3 руб. для меня выгоднее, чем в 1 руб. Последний я намечаю только, как минимум, за исключением «Аввакума», за которого хотел бы получить в общем не меньше 300, но больше сколько угодно.

Еще раз предупреждаю только, что из «Дем<онов> Глух<онемых> уже напечатаны: «Предвестия», «Ангел Мщенья», «Голова М<адам> де-Ламбаль», «14 июля», «Бонапарт», «Видение Иезекииля».[3] Все же остальное в Вашем распоряжении.

Что касается писем к Белому и к Эренбургу.[4] Я, к сожалению, сию минуту не могу удовлетворить Вашей просьбы, никак нельзя рекомендовать журнала, которого еще в глаза не видал: я вполне доверяю Вашим намереньям и Вашему вкусу по Вашему участию в «Иппокрене» и по рекомендации Г.А. Шенгели и потому, сам не видав журнала, могу принять в нем участие, но рекомендовать его друзьям, еще не видавши ни одного

* *В машинописи:* не думал, что требовать,

номера, не могу. Но, когда Вы будете писать им сами, охотно разрешаю сослаться на меня, как на близкого сотрудника. Простите. Адрес Эренбурга был в октябре: Москва. Кривоколенный пер. 14, кв. 9. Адреса Белого, к сожалению, у меня не записано. Арбат, Никольский пер., а номера дома не помню.

Теперь хочу высказать несколько пожеланий своих относительно формы издания. Формат я значит, если у Вас уже есть бумага, я считаю установленным: он таков же, как «Урна» Белого или же моя первая книга того же Грифовского издания.[5] Соответственно с этим я и делаю надписи и рисунки.

Я бы хотел, чтобы книга была набрана шрифтом убористым. Таким же, например, как «Барельеф из воска» А. Гатова,[6] которую я получил на днях. Такой шрифт мне бы подходил совсем. Размер печатного текста я прилагаю на отдельном листке для расположения его на странице и размера полей.

Начала стихотворений должны приходиться высоко — приблизительно на высоте трех четвертей текста и все на одинаковой высоте по всей книге,

Для обеих частей книги, т.е. для «A<nno> M<undi> A<rdentis>» и для «Д<емонов> Г<лухонемых»> я сделаю фронтисписы на отдельных страницах с надписями. Для отделов же особые заставки.[7] Текст же не будет прерываться ничем.

Стихи же должны набираться подряд для экономии места. Таким образом мы сэкономим и бумагу и в то же время оставим простор между отделами,

Я бы даже ничего не имел против шрифта еще чуточку более убористого, чем в книге Гатова, если только он будет достаточно четок для русского глаза, который не любит слишком мелкого шрифта и потому лишает себя бисерной прелести французских изданий.

Если узнаете, куда делся Шенгели, — напишите мне его адрес, мне хочется его поблагодарить за его статью обо мне в «Иппокрене»: я только теперь получил Второй ном<ер>.[8] А о деньгах не беспокойтесь:[9] он мне их передаст, когда сам найдется. Я не нуждаюсь в деньгах немедленно, но вообще они мне нужны крайне.

До свиданья. С нетерпением жду «Камены».[10]

[1] Речь идет об издании книги Волошина «Демоны глухонемые». См. примеч. 3 к п. 38.

[2] См. п. 38, примеч. 7.

[3] Последнее из перечисленных стихотворений не было опубликовано ко дню написания письма.

[4] Краснов в недатированном письме просил Волошина обратиться к И.Г. Эренбургу и Андрею Белому «с просьбой: стать в ряды сотрудников “Камены”»: «От Белого мне хочется получить статью строк на 300 по вопросу поэзии, от Эренбурга – стихи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 10–13 об.).

[5] См. примеч. 5 к п. 32, п. 38, примеч. 15.

[6] См.: *Гатов Александр*. Барельефы из воска. Стихи. Харьков: Ипокрена, 1918.

[7] В «Демонах глухонемых» (Харьков: Камена, 1919) – два фронтисписа (С. 4–5): фронтиспис справа – с воспроизведением заглавия («Демоны глухонемые»), фронтиспис слева – без заглавия (предполагалось: «Anno mundi ardentis»; не воспроизведено, поскольку эта книга в сборнике не была переиздана). Заглавие каждого из трех разделов книги («I. Ангел Мщенья», «II. Пламенники Парижа», «III. Пути России») дано на отдельной странице под соответствующими овальными рисунками Волошина.

[8] См.: *Шенгели Г.* О стихах Максимилиана Волошина // Ипокрена. 1918. № 2/3. С. 47–48.

[9] В упомянутом выше письме Краснов сообщал Волошину, что не может пока выслать вторично переданный через Г.А. Шенгели гонорар за публикацию в «Камене» (30 руб.).

[10] См. примеч. 3 к п. 12.

45. Е.А. НОВСКОЙ

15/28 июня 1918 г. Коктебель

28 июня 1918. Коктебель.

Е. Новской –

Максимилиан Волошин:

Благодарю за «Звезду-Землю».[1]

Она представляется мне сложным и напряженным узором: скорее переплетом будущей книги, чем самой книгой. Внимание теряется в тщательно выписанных, обдуманных,

но слишком переплетенных друг с другом мелочах. Травною вязью.

Но по нажиму линий и по выработке деталей она обещает сильный поэтический голос.

В ней не хватает чисто женской интимности. Но это может быть хороший признак: интимность – естественный склон женской поэзии: путь наименьшего сопротивления. Вы начинаете му́жским путем: борьбой со словом. Но: «Творчество начинается с самоограничения».[2]

Слова только рама для молчания. Замысел выражается в том, о чем умолчено, а не в том, что сказано. Это молчание возникает от отдельных стихов Вашей книги, но не от целых стихотворений.

Когда читаешь первую книгу поэта, хочется видеть его лицо, слышать тембр его живого голоса: знать дерево, приносящее плоды, а не только самый плод.

Кто Вы внутренне? Что Вы в жизни?[3]

[1] См.: *Новская Е.* Звезда – земля. Стихи. Харьков: Ипокрена, 1918.

[2] Высказывание Гёте. См. его сонет «Природа и искусство» («Natur und Kunst sie scheinen sich zu fliehen», 1800): «In der Beschränkheit zeigt sich erst der Meister» («Лишь в чувстве меры мастерство приметно», пер. М. Розанова // *Гёте Иоганн Вольфганг.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. литература, 1975. Т. 1. С. 257); см. также фразу Гёте, зафиксированную И.П. Эккерманом (20 апреля 1825 г.): «...величайшее искусство и заключается в том, чтобы себя изолировать и ограничивать» (*Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худож. литература. 1981. С. 159. Пер. Наталии Ман).

[3] Е.А. Новская ответила Волошину 10 августа 1918 г.:

«Благодарю Вас за письмо. Меня долго не было в Харькове, и только на этих днях вернувшись нашла у себя Ваш отзыв о моей книжке. Все Ваши замечания в большой мере справедливы и очень интересны. Я знаю, что детали у меня часто создают лабиринт для основного образа. Но работы большой я им не отдаю. Это – отсутствие дисциплины, расточительность – но, во всяком случае, не изобретения. Женских мотивов – интимных – нет; их и в жизни моей нет. <...>

Силу несказанного слова я чувствую. Но если это не парадокс – “слова – рама молчания”, – то это завершенный оптимизм, оправдание жизни. Принять это как технику – не хочу; как сущность – не могу еще: не достаточно остер мой взгляд, чтобы увидеть за явным – тайное. <...> Мне даже кажется, что *мое* молчание, *моя* ненаписанная книга – огромны. Но это – от бессилия. <...>

В жизни – “чужестранец”, “диссонанс”... Это – определение моего “молчания”. А слова и дела – что в них? обычны, неизбежны, трудны, бледны. Душу не отдаю им, чтобы иметь ее свободной для дорогого, внутреннего. А вот кто я внутренно – ответить непосильно. Тем более, я из тех Гамлетов, которые задачей жизни делают “самоопределение”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 895).

46. А.Б. ГАТОВУ

15/28 июня 1918 г. Коктебель

28 июня 1918 Коктебель.

Многоуважаемый Александр Борисович,

спасибо за «Барельефы из воска».[1] В них есть любовь к красочной пышности и благородная скупость. И простодушие жеста.

Качества ценные и обещающие.

Живописец ли Вы? Были ли Вы в Париже? Или это мечта о нем?

Расскажите мне о себе.

Мне нравятся: «Предсмертие», «Называешь наркозы...», «Плащем тяжелым...»,[2] <*На этом текст обрывается.*>

[1] См. примеч. 6 к п. 44. Высылая Волошину свой первый стихотворный сборник, А.Б. Гатов писал ему 21 мая 1918 г.: «Дорогой поэт! Вы поймете, конечно, робость, с которой я посылаю мою маленькую книгу на Ваш суд. Каков бы ни был приговор, он будет мне дорог. А замечания, которые сделает Мастер робкому и неопытному подмастерью, принесут ему огромную пользу в дальнейшей работе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 396).

[2] Полный текст письма, отправленного адресату, неизвестен. Гатов отвечал Волошину 19 июня / 2 июля 1918 г. из Харькова:

«Конечно, меня не может не радовать то, что Вы отметили у меня “благородную скупость”, – к этому я стремился. Знаю, что не все в моей книге закончено, что можно было подождать печатать ее и еще поработать над вещами. Но все же я стремился к совершенству, и это сознание меня успокаивает. <...> Нет, я не живописец. Но в ранней юности я рисовал – посещал в молодых харьковских студиях croquis. Красками почти не работал. <...> В Париже я был летом 1909 года, почти ребенком. Но я хорошо помню его до сих пор. Очень – очень люблю Ваше “Письмо”, постоянно его читаю. В моем “Париже”, по-моему, характерно-парижского очень мало. Это – преломление смутных детских ощущений сквозь последующее отвлеченное ощущение Города.

Вы просите “рассказать о себе”? Право, моя “биография” очень скучна. Мне 18½ лет. Учусь в университете на юрид<ическом> факультете. <...> Из старых русских поэтов больше других мне близки Пушкин и Тютчев. Из современников раньше очень любил Александра Блока и Валерия Брюсова. Теперь – Максимилиана Волошина. Меньше люблю, но все же очень ценю Бунина, Гумилева, Кузмина, Мандельштама. <...> Из немцев особенно привлекает меня Рильке».

47. А.М. ПЕТРОВОЙ

18 июня / 1 июля 1918 г. Коктебель

1 июля 1918. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

получил Ваше яростное письмо.[1] Ни за что не стал бы отвечать на него сейчас, потому что нахожусь теперь весь и всецело в работе (делаю графику для ДЕМОНОВ и этюды).[2] Но оно столь яростно, что боюсь, что Вы подумаете, что я обиделся, если не отвечу сейчас же. Поэтому не иду сегодня на этюды, а сажусь писать.

Вы удивительный человек, Александра Михайловна. В Вашем письме все неверно и все пристрастно, но по существу Вы, как всегда, глубоко правы. Ваше интуитивное чувство никогда не обманывает Вас в области отвлеченной истины. Но оно неминуемо сбивает Вас, как только Вы стараетесь конкретизировать свои положения. Когда Вы начинаете искать

фактов для своих глубоко верных предпосылок, то самые обыкновенные явления распухают у Вас, как Фаустовский пудель.[3] Так распухла у Вас сегодня В.Л.[4] и пр. А мои стихи о Карадаге,[5] от которых, между прочим, Костенька[6] в восторге (и почему Вы их от него скрыли в Феодосии?), у вас исказились в совершенно невероятный симптом. Все, что Вы пишете по существу: все глубоко верно, и все я принимаю целиком относительно меня, особенно все, что сказано цитатами из Шмидт.[7] Это очень важно, нужно и поразительно и много мне объясняет. Важно, в частности, именно теперь, потому что лето для меня — самое тяжелое духовно время: «когда солнце находится в обители мертвых, когда солнце движется к югу...»[8] Летом труднее всего молиться и легче угаснуть. Поэтому я меняю летом поэзию на живопись: легче воплощать, чем развоплощаться. И вот это глубокое вечное, верное у Вас соединилось с целым рядом рассказов, россказен и пересуд, и городских сплетен, которые до вас в вашу гулкую пещеру доходили и звучали в ней гулко и почти апокалиптически. Не меряйте моих отношений к людям своей мерой. Мое отношение гораздо холоднее, бесстрастнее, общее, чем Ваше. Не забывайте, что я почти никогда (исключения для «семьи» — для особо близких) не беру человека целиком, а всегда часть его, которая меня почему-либо интересует. Вы на один момент приняли Вар<вару> Леон<идовну> (и в этом отчасти виноват я) как человека необыкновенного и потом сейчас же увидели ряд слабостей, комических сторон и страшно рассердились. А я видел их с самого начала, но меня интересовало другое. То другое я и видел. Я ведь не считаю себя вправе выбирать людей: я принимаю тех, кого посылает судьба, но принимаю всегда объективно и, в сущности, никогда не разочаровываюсь. А бываю благодарен за все то, хотя бы немногое доброе и свое, что они могут дать. Обо всем этом поговорим на днях, когда приеду на Гауфлеров концерт читать:[9] уеду, правда, на другой же день, но поговорить успеем. И надеюсь, что удастся переубедить Вас в «Карадаге», потому что стихотворение не хуже всех предыдущих, а повелительное наклонение — это только прием, употреблявшийся, как и други<ми>, так и мной, и имеющий свою прелесть и смысл.

Напрасно Вы только себе представили, что я показываю и объясняю КАРАДАГ Вар<варе> Леон<идовне> или Сер<гею> Ал<ександровичу>.[10] Этим комическим образом можно себе всякое впечатление испортить. Пока до свиданья.

MAX.

[1] Речь идет о письме Петровой от 12/25 июня 1918 г., в котором она выступила с резкой критикой как новых «киммерийских» стихов Волошина, так и ряда его знакомых (имея в виду С.А. Толузакова и В.Л. Рюмину): «..*ясно* чувствовала, что опасную игру играете, “вбирая в себя” (теперь понимаю, благодаря Шмидт): “Иова”, “Копейкина”, “Русенек”, целый кагал липких жидовок, до Новинского включительно, т.е. весь новый Феодосийский свой комплект чудовищ астральных <...>. Возитесь с ними внешне, коли подворачиваются “все исследуя”, но не держитесь же их и, ради Бога, не “вбирайте” их в себя и не призывайте любить “любимое” Вами» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 23 об.).

[2] См. п. 44, примеч. 7.

[3] Имеется в виду сцена «Рабочая комната Фауста» из 1-й части трагедии Гёте «Фауст».

[4] В.Л. Рюмина. О ней см. примеч. 13 к п. 34.

[5] Речь идет о стихотворениях, позже составивших цикл «Карадаг», и стихотворении «Как в раковине малой — Океана...». См. примеч. 1 к п. 39, примеч. 11 к п. 42. Петрова категорически не приняла новых стихов Волошина и писала: «Послушайте — для какого олуха Вы писали “Карадаг 2-ой”? (Только что переписывала, вгрызлась и взбесилась). За этой нарочитой формой вдалбливания — для Вас уж во всем теперь неприличной — так и почуялась какая-то “свинья”, перед которой зазудело у Вас разметнуться “бисером”» (*Там же*, л. 23).

[6] К.Ф. Богаевский.

[7] А.Н. Шмидт, писательница-визионерка. В библиотеке Волошина сохранилась книга «Из рукописей А.Н. Шмидт. С письмами к ней Вл. Соловьева» (М.: <Путь>, 1916) с его пометами и датой «Коктебель. 25/11 1918». См. ниже п. 97, примеч. 3. Петрова законспектировала и переслала Волошину фрагменты из работы Шмидт «Третий завет»: «Любовь человека в мире сем только тогда полезна его духу и возвышает его, когда обращена к его природной чете, всякая же иная любовь *вредна* и *унижает* человека; при такой неестествен<ной> любви человек не видит полного образа духа того, кого любит, и не

осознает, какой родственный ему образ пребывает в нем, а по некоторым ошибочным признакам представляет себе совершенно ложный образ того, кого любит, и усиливается вобрать в себя световые выделения этого чужого духа, так как полный образ его он не может в себя вселить. Иногда на горе себе, ему и удается ввести в свой дух чужие выделения, и тогда они портятся в чужой среде и искажают его собственный дух, через это он делается больным». Еще – «Для нечетного духа всякая любовь *вне брака* или *раньше* брака безусловно *вредна* и *унизительна*; в браке для него *безвредно живое* сочувствие духа, сходное с любовью, но не такое, которое дошло бы до стремления привлечь внутрь себя чужие световые выделения и исказить ими дух свой»; «...потому что все, *что ни* делается в мире злого и вредного, *делается посредством* ложных учений и идет с тех мест, где они сосредоточены, так что невидимые веяния их заражают и не принадлежащих к ним и не слыхавших о них и искажают дух их, делая его не таким, каким они его получили от Бога; и чем больше растлевают ложные учения жизнь последователей своих, тем сильнее действуют в даль вредные лучи их и тем больше *производят* зла в мире»; «Так и в то время, когда израильтяне *перестали вдохновлять* язычников своими идеями, но *сами заразились* их идеями и испортили ими свою веру так, что ***пророки перестали нарождаться у них***»; «Потому единобожие, без принятия Святой Троицы (хотя его сам Бог, отчасти недомолвками своими допускал, пока человек не мог еще вместить ничего иного), становится после откровения о Пресвятой Троице, богохульным: это есть именно то, что хотел бы сатана для себя, что составляет его идею божественности» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, 23–23 об., 24–24 об.). (Сверено с изданием: Из рукописей А.Н. Шмидт... С. 118–120, 141–142).

[8] Неточная цитата из книги Мабель Коллинз «Когда солнце движется на север. Объяснение шести Священных Месяцев» (М.: Духовное знание, 1914). Ср.: «...ни одна великая жертва не может быть предпринята во время прохождения солнцем юга. Юг принадлежит Иам, Богу Мертвых»; «Согласно учению браминов, безрассудно и пагубно начинать что-либо, требующее большего усилия, в продолжении того периода, когда солнце движется к югу» (*Там же.* С. 22, 132).

[9] В.Л. Гауфлер в письме от 8 июня 1918 г. приглашал Волошина принять участие в вечере в пользу безработных Феодосийского учительского союза. Он писал: «Феодосийский учительский союз и я просим тебя принять участие в вечере 18 июня с.г. в пользу безработных этого союза. Кроме того, я лично прошу тебя пожертвовать

какую-нибудь вещь или этюд для аукциона в пользу этого же союза. Если бы я знал, что будет присутствовать много богатых интеллигентных людей на вечере, тогда бы я решился просить автографа какого-нибудь стихотворения. – Лошадей сюда и обратно и выступление, в каком угодно костюме, я выхлопотал для тебя. Отвечай, пожалуйста, сейчас и пришли свою программу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 397, л. 44). Об этом вечере идет речь и в открытке Гауфлера Волошину от 10/22 июня 1918 г.: «Твое условие принято, но концерт перенесен на пятницу 5 июля по новому стилю. <...>. Если ты имеешь возможность прислать мне раньше этюд <...>, – то, пожалуйста, сделай это. <...> На мой взгляд, тебе все-таки коктебельский костюм идет больше, чем городской» (*Там же*, л. 46). 22 июня / 5 июля в Феодосии Волошин выступил на вечере Феодосийского Учительского союза.

[10] В.Л. Рюминой и С.А. Толузакову посвящены, соответственно, стихотворения Волошина «Европа» и «Молитва о городе».

48. М.О. ЦЕТЛИНУ

23 июня / 6 июля 1918 г. Коктебель

8 июля 1918.Коктебель.

Дорогой Миша,

вы с Марьей Самойловной[1] совсем меня позабыли.

Правда, теперь очень трудно найти оказию, но все же они есть! – чтобы послать письмо, а я так давно не получаю никаких ответов на мои письма.

Что с Вами. Знаю, что ты жив по упоминанию в письме Маргариты.[2] Но хочется знать, чем ты живешь, что ты чувствуешь, как переживаешь все совершающееся.

Коснулся ли голод и вас? Коснулась ли разруха твоего материального благосостояния? Писал ли ты стихи это время?

Моя жизнь течет напряженно и одновременно многими струями: только напряженностью внутренней жизни можно бороться с действительностью.

С тех пор, как нас заняли немцы,[3] мы живет в какой-то полной отрешенности от событий мира внешнего, и к нам

доходят вести редкие и фантастичные. Эти летние месяцы точно в безопасном воздушном колоколе на дне океана.

Север – Москва, Петербург действительно отодвинуты в какое-то другое государство с темной и мало понятной историей.

Весенняя большая волна[4] прошла над нами благополучно. Следующей не видать и трудно предвидеть, с какой стороны придет она. Вероятно, это будет голод, которого пока мы не знали: неурожай по всему Крыму – полный, благодаря засухам и холодам.

Откликнись, пожалуйста.

МАХ.

[1] М.С. Цетлина, жена М.О. Цетлина. См. п. 49.

[2] Речь идет о письме М.В. Сабашниковой от 3 января 1918 г., в котором она сообщала Волошину: «Ц<етлины>х хотя и посещаю, но у нас ничего не выходит; переливание из пустого в порожнее, пока мне кажется, что они в стадии порхания с цветка на цветок (культуры)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065, л. 38–39 об.).

[3] См. примеч. 11 к п. 25.

[4] Имеются в виду события марта-апреля 1918 г. в Крыму. См. п. 24, примеч. 16, 17.

49. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

23 июня / 6 июля 1918 г. Коктебель

6 июля 1918. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

почти полгода прошло, как я не имею от тебя никаких вестей. Сперва я перестал получать ответы на свои письма, потом стало совсем невозможно писать. Вместе с тем я писал тебе еще раньше с верными оказиями: например, с Мариной Цветаевой послал еще в декабре большое письмо со стихами. И потом еще писал до самого марта.[1]

Что с тобой, что с Мишей?[2] Как Вы живете? Разорены ли Вы или уцелели? Как слагается теперь Ваша жизнь

материально и духовно? Есть ли какие-нибудь планы на дальнейшее или все в ожидании и терпении?

Хочется знать о тебе подробно, а то все письма полученные до сих пор от тебя были такими торопливыми и краткими, как это мое письмо, т<ак> к<ак> тот юноша, что должен опустить его в Москве, уходит из Коктебеля сегодня, и надо торопиться.

Эта весна кровавая и бурная[3] пронеслась над Коктебелем сравнительно благополучно, и Феодосия отделалась в конце концов только страхами и угрозами. Я лично провел зиму очень плодотворно — очень много работал, написал целую новую книгу стихов «Демоны Глухонемые», которую издаю в Харькове к осени в одном томе с переизданием стихов о войне.[4] Харьков сейчас единственный центр для нас, с которым можно поддерживать письменные сношения. Последнюю поэму мою о Протопопе Аввакуме я послал недавно с другой оказией Юл<ии> Леон<идовне> Оболенской с просьбой непременно прочесть ее тебе, т<ак> к<ак> знаю, что вы хоть изредка, но видетесь.[5]

Очень много принесла мне эта зима и в смысле впечатлений и прекрасных людей, которых я встречал в эти трагические дни и среди «матросов и большевиков», и среди «буржуев», и даже среди «монархистов».

Я провел самый горячий месяц в Феодосии[6] и близко видел весь кровавый террор, потому что он был все время, хотя и удалось не допустить до подробного осуществления «проскрипций»[7] уже готовых.

Редко у меня бывало время более плодотворное, чем эта зима. И сейчас напряжение работы не ослабевает, только перенеслось на живопись: вернее, на графику, которой я стал заниматься последнее время.[8]

Сейчас у меня живут Богаевский и Рагозинский, и мы регулярно ходим на этюды.

Может жизнь была бы совершенно невыносима, если бы я не противопоставлял ей ежечасно самой напряженной внутренней творческой работы, но с нею все магически преображается, и я с радостью жду зимы, которая обещает

быть голодной и холодной (мы всегда отстаем на полгода от Москвы), зная, что для меня она будет полной и плодотворной. Есть ли у тебя внутренний подъем и вера в жизнь?

Не видала ли ты моей книги избранных стихов «ИВЕРНИ»?[9] Я еще не получил. Если будет оказия, пожалуйста, перешли мне хоть один экземпляр.

Передай мой привет Ром<ану> Сам<ойловичу>[10] и скажи ему, что все книги, им высланные, я каким-то чудом получил в феврале, когда уже перестал ждать, но другая посылка – увы, сгинула.[11]

Я глубоко жалею, что ты не купила земли в Коктебеле,[12] потому что в конце концов большевики ничего не отняли, а сейчас начался дикий ажиотаж на землю, и цены уже удесятерились, и Коктебель кишит скупщиками, что весьма противно.

До свиданья. Очень жду вестей о тебе.

Не знаешь ли, что с Эренбургом, Бор<исом> Викт<оровичем>, Мар<ьей> Флор<овной>?[13]

МАХ.

[1] М.И. Цветаева выехала из Коктебеля в Москву 25 ноября 1917 г. (см.: Т. 10 наст. изд. С. 749). Упоминаемое Волошиным письмо не обнаружено.

[2] М.О. Цетлин.

[3] См. примеч. 4 к п. 48.

[4] Речь идет о проекте включения в книгу «Демоны глухонемые» книги стихов «Anno mundi ardentis 1915», который осуществлен не был. См. п. 32, примеч. 2.

[5] См. п. 41, примеч. 6. Поэму «Протопоп Аввакум» Ю.Л. Оболенская не получила, о чем сообщила Волошину 1/14 августа 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 49). О своих нерегулярных контактах с Цетлиными она писала Волошину еще 13/26 февраля 1918 г.: «Цетлиных я, вероятно, не увижу, т<ак> к<ак> в последний раз виделась на вернисаже мельком; они предложили мне тогда прийти на “поэтическое утро”. Мне хотелось, но по дикости своей не решилась, так как приглашение было мельком, а знаю я их все-таки не близко» (*Там же*, л. 44).

[6] См. примеч. 11 к п. 23.

[7] Имеются в виду изобретенные в 82–79 до н.э. древнеримским диктатором Луцием Корнелием Суллой в качестве орудия массового политического террора списки лиц, объявленных вне закона.

[8] Вероятно, речь идет об графическом оформлении книги «Демоны Глухонемые». См. п. 44, примеч. 7.

[9] О выходе в свет книги «Иверни (Избранные стихотворения)» сообщала Волошину и Ю.Л. Оболенская в письме от 20 мая / 2 июня 1918 г. См. примеч. 10 к п. 41.

[10] Р.С. Тумаркин, брат М.С. Цетлиной.

[11] Осенью 1917 г. Волошин просил Р.С. Тумаркина приобрести для него в Москве и выслать ряд изданий, а также чай и кофе. Подробнее об этом см. его письма к Тумаркину за этот период: Т. 10 наст. изд. С. 671–672, 711–712, 773–775.

[12] Речь идет о намерении Р.С. Тумаркина и Цетлиных купить земельные участки в Коктебеле. См. письма Волошина к Цетлиным осени 1917 г. и комментарий к ним (Т. 10 наст. изд.).

[13] Б.В. Савинков, М.Ф. Селюк.

50. П.Б. КРАСНОВУ

25 июня / 8 июля 1918 г. Коктебель

8 июля 1918. Коктебель.

Многоуважаемый Петр Борисович,

только вчера получил Ваше письмо и «Печальную Радость»,[1] прошедшие по дороге через целый ряд рук. Очень благодарю Вас за книгу. Она мне близка самой темой («Нет в мире радости светлее, чем печаль»).[2]

Мне нравятся Ваши ритмы, так гибко и иррационально лепящиеся по ходу впечатлений и по живой музыке слова. Мне кажется, что из поэтов Вам должны быть особенно близки Лафорг, Ги-Шарль Крос, а из русских Ин<нокентий> Анненский и Эренбург. Если Вы из названных мною не знаете всех, то непременно познакомьтесь, потому что необходимо знать поэтов, похожих на нас. Тем более, что из тех стихов из «Тоски Ресниц», что я нашел в «Камене»,[3] явствует, что этот стиль в Вас не случайный уклон, а подлинное выражение Вашей поэтической индивидуальности.[4]

Благодарю за номер «Камены». Он нравится мне и видом своим, и составом. «Камена» куда крепче и строже «Иппокрены».[5] Прилагаю две просимые Вами записки к Эренбургу и Белому.[6] Надеюсь, Вы не обиделись на меня, что я не прислал их тотчас, и поняли, что мне неловко было их просить об участии в журнале, которого я еще не видал.

Мне нравится типографская тщательность и вкус, с которыми исполнено издание. Это меня радует тем более, что я сейчас весь погружен в работу над фронтисписами и заставками для «Демонов Глухонемых».[7]

До сих пор мне никогда не приходилось заниматься графикой и предварительно потребовалось овладеть штриховой техникой: она меня очень влекла, и удалось найти нечто новое для передачи световых эффектов. Я Вам, кажется, писал, что думаю сделать 6 фронтисписов для каждого отдела обеих книг и особые рисунки для начала самих книг и несколько концовок для отделов. Теперь эта главная работа закончена и удалась: мне удалось дать ряд рисунков, дающих символически ряд картин, параллельных и равносильных стихам и которые должны настолько же, как и стихи, составлять содержание книги.[8] Все рисунки, конечно, штриховые, сделанные пером и чернилами (не мог достать туши) для простейшего цинкографического воспроизведения. Они сделаны тщательно и тонко, и буду просить вас позаботиться главным образом о четкости воспроизведения клише.

Сейчас работа почти закончена: остается только несколько надписей и кое-что хочется сделать заново, т<ак> к<ак> в течение работы я изменял приемы. Вместе с этими рисунками книга получит большую цельность и вескость.

Через неделю, когда я закончу все надписи, что для меня самое кропотливое, я смогу послать Вам весь материал, и там будет подробно размечено, что к чему относится. Я решил, между прочим, переименовать отделы «Дем<онов> Глух<онемых>». Первый будет называться «Ангел Мщения» (вместо «Пути России»), а третий – «Пути России» (вместо «Истоки»). И в связи с этим надо переставить стих<отворение> «Св<ятая> Русь» первым стихотворением Третьего отдела.[9]

Переводы Биска из Рильке я знаю давно, и присланные Вами мне нравятся не меньше его предыдущих.[10] К сожалению, у меня нет оригинала, чтобы судить о степени их близости. Но как стихи они звучат крепко. Первое и третье вполне прекрасны. Четвертое – слабо, особливо конец – не знаю, кто в этом виноват – автор или переводчик. Спасибо за то, что ознакомили меня с ними.

Что касается нового харьковского еженедельника[11], то благодарю Вас за приглашение участвовать в нем и повторяю только, что предоставляю распоряжаться Вам всеми ненапечатанными стихами «Дем<онов> Глух<онемых>», не запрашивая меня, и буду направлять к Вам всех, кто обращается ко мне за этими стихами. Так на днях я получил письмо от Ал. Гатова, где он просит меня стихов для «Колосьев»[12]. Я журнала этого не знаю и пишу ему одновременно с этим письмом просьбу обратиться за стихами к Вам,[13] согласно нашему условию, и еще раз благодарю Вас за такое ценное для меня согласие Ваше взять на себя все хлопоты по распределению стихов. Он предлагает мне два рубля за строчку, на что я, разумеется, согласен.

Что касается Вашего предложения вторую тысячу издания «Дем<онов> Глух<онемых>» пометить вторым изданием книги, я ничего не имею против: это обычно и принято во Франции.[14]

Что же касается нового переиздания, которое может понадобиться, то, мне кажется, об этом еще преждевременно говорить: кто может предвидеть тогдашние условия книжного рынка. Что же касается теперешних условий, о которых я писал Вам в предыдущих письмах, то я хотел бы иметь от официального изд<ательства> «Камены» маленькую бумажку, точно их формулирующую, когда вопрос об издании будет решен окончательно, т<ак> к<ак> я до сих пор еще окончательного ответа ведь от Вас не имею. Во всяком случае у «Камены» всегда будет преимущественное право на повторение издания, тем более, что у нее будут находиться все клише моих рисунков к книге. Оригиналы же их я попрошу по воспроизведении возвратить.

Мне очень было бы <нужно> узнать Ваше личное впечатление о «Дем<онах> Глух<онемых>», когда Вы их прочли теперь целиком. Особенно от «Прот<опопа> Аввакума».[15] До свидания.

Остаетесь ли Вы еще при намерении приехать летом в Коктебель?[16] Если да, что было бы мне очень приятно, то я советовал бы Вам отложить это до осени, т<ак> к<ак> сейчас Кокт<ебель> (*На этом текст обрывается.*)

[1] См.: *Краснов Петр*. Печальная радость. Стихи. Полтава: Сад поэтов, 1917.

[2] Заключительная строка стихотворения Волошина «То в виде девочки, то в образе старушки...» (1911). См.: Т. 1 наст. изд. С. 183.

[3] «Тоска ресниц. Стихи» (Харьков: Камена, 1918) – второй сборник стихотворений П. Краснова. В журнале «Камена» (Кн. 1. Харьков; М.; Пб., 1918) были помещены пять стихотворений Краснова с общим обозначением «Из книги “Тоска ресниц”» (С. 7–8).

[4] В ответном (недатированном) письме к Волошину Краснов отзывался на эти строки: «...не знаю, какое Вам спасибо сказать. Ваш отзыв о моих стихах меня очень обогрел» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 16–16 об.).

[5] Журнал поэзии «Камена» (1918. Кн. 1) сопоставляется с другим харьковским периодическим изданием «Ипокрена» (1918. № 1. 2/3).

[6] См. п. 44, примеч. 4. Упоминаемые записки Волошина, видимо, не сохранились.

[7] См. примеч. 7 к п. 44.

[8] Краснов откликнулся на эти слова в цитированном выше письме: «Меня радует очень, что Вам удались рисунки. Я “чувственно” люблю красивую книгу, типографскую технику знаю совершенно – значит, можно твердо сказать, что книга Ваша будет исключительной».

[9] См. примеч. 1 к п. 38.

[10] Четыре стихотворения Рильке в переводе Александра Биска были опубликованы в кн. 2-й журнала поэзии «Камена» (<Харьков>, 1919. С. 7–8). 66 стихотворений из приблизительно 120, переведенных А.А. Биском, составили книгу: *Рильке Райнер Мария*. Собрание стихов в переводе Александра Биска. <Одесса>: Омфалос, 1919. См. статью К.М. Азадовского «Александр Биск – “наместник” Рильке в России» (*Азадовский К.М.* Рильке и Россия: Статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 373–401).

[11] В письме от 11 июня 1918 г. Краснов просил Волошина участвовать в еженедельнике, который предполагался к изданию в Харькове (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 8–9).

[12] А.Б. Гатов писал Волошину 2 июля 1918 г.: «В Харькове издается лит<ературно->худ<ожественный> еженедельник (с полит<ическим> отделом под ред<акцией> В.С. Рожицына). Не скажу, чтоб №№ “Колосьев” (вышел 9-ый №) были особенно интересны, но все же журнал *не бульварный*, *серьезный*. И, хотя В. Рожицын и тут продолжает бредить пролетарским искусством, почти весь печатаемый материал – цветы, взращенные на чисто эстетической ниве. Из поэтов пока в журнале только местная молодежь: Шенгели, Новская, я... Довольно недурно для еженедельника поставлен худ<ожественный> отдел. Если бы Вы согласились дать журналу материал, это бы очень украсило журнал и придало ему значительность. Очень бы подошли к тону жур<нала> стихи из “Демонов глухонемых”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 396). В журнале «Колосья. Еженедельник под редакцией Феликса Кона и Валентина Рожицына» произведения Волошина не печатались.

[13] Это письмо Волошина к Гатову не выявлено.

[14] Предложение Краснова издать «Демонов глухонемых» двумя заводами не было реализовано. В издательской аннотации в книге сообщается: «Книга закончена печатаньем 27 января 1919 года, в типографии “Печатник” по поручению издательства КАМЕНА, в количестве 1500 экземпляров» (С. 59).

[15] Краснов отвечал в цитированном (примеч. 4) письме: «“Демоны глухонемые” заключают в себе потрясающую силу <...> для любящих Россию, прекрасную, единственную в своей трагической красоте, Россию – эта книга будет утешением. Я вспоминаю стихи Бальмонта, Сологуба о России – и думаю, перечитывая Вашу книгу, что эти поэты опошлили, растлили то, о чем Вы сказали языком пророка».

[16] О намерении приехать вместе с Г.А. Шенгели в Коктебель летом 1918 г. Краснов сообщал Волошину в недатированном письме из Кобеляк (см. п. 30, примеч. 1). Отвечая на вопрос Волошина, Краснов сообщил о своем предстоящем приезде в Коктебель к сестрам и о намерении привезти обе предполагаемые к изданию его книги («Anno mundi ardentis» и «Демоны глухонемые»), чтобы перепечатать их начисто под руководством автора: «Вы мне лично и укажете, где какие рисунки требуются, как расположить стихи и т.д. Тогда, может быть, не придется и корректуру посылать Вам и не будет задержек». Краснов вместе с женой, Елизаветой Иосифовной Красновой, посетил Коктебель в августе 1918 г.

51. С.А. АБРАМОВУ

8/21 июля 1918 г. Коктебель

21 июля 1918 г. Коктебель.

Многоуважаемый Соломон Абрамович,

получил 20 экземпляров «Иверней».[1] Очень благодарю. Издание имеет вид очень приличный: особенно, что на белой бумаге, и текст, сколько я успел просмотреть, вполне исправен. (Но вместо опечаток есть другая типографическая потребность: в нескольких стихотворениях перемещен порядок строчек и одни строки заменены другими). Очень было бы желательно получить от Вас возможно больше экземп<ляров> простого издания для того, чтобы раздать местным магазинам: книгу все спрашивают.

Я очень тороплюсь, чтобы успеть послать это письмо с завтрашней оказией. Потому прежде всего о делах.

Я вполне понимаю, что при теперешних условиях книжного рынка книжку невозможно было выпустить за 20 к<опеек>, как мы условливались, и цена 1 руб. вовсе не высока, так что далек от мысли упрекать Вас за это нарушение наших условий. Но мне думается, что при таком изменении ценности книги и гонорарная оплата ее должна автоматически измениться. При 12 000 экз<емпляров> по 20 к. 200 р. я считал гонорар нормальным. Но при том же тираже по 1 р. ценность издания повышается в 5 раз и гонорар в сущности должен быть повышен во столько же, чтобы остаться в том же процентном отношении. Не зная Ваших расходов и представляя себе все трудности издания в настоящее время, я не собираюсь от Вас требовать его увеличения в таком размере, т<ак> к<ак> уверен, что Ваш личный доход не возрос от издания в такой же пропорции, но, зная Вас, я думаю, что это не родит недоразумений между нами и что Вы сами пойдете навстречу моему справедливому желанию повысить свое вознаграждение за рублевую книжку, т<ак> к<ак>) мне, ввиду моего намерения издать сейчас после приведения издательского дела в относительный порядок полное собрание

моих стихов, отнюдь не безразлично, имеется ли в продаже 12 000 экз<емпляров> моей 20 к<опее>шной книжки или рублевой. Рассуждая логически, при теперешнем положении гонорар должен был из 200 р. стать 1000 р. Поэтому буду ждать от Вас разъяснений и объяснений с ближайшей оказией.[2]

Что касается до дальнейших изданий Художественной библиотеки,[3] то я Вам могу предложить только книжку о Поле Клоделе, куда войдут перевод его трагедии «Отдых Седьмого Дня» и оды «Музы» и статья.[4] Ничего другого в настоящее время предложить не могу, т<ак> к<ак>) занят всецело собственными стихами и печатаньем своей новой книги стихов о революции «Демоны Глухонемые» в Харькове. Теперь приходится иметь дело только с южными издательствами.

Наружность «Иверней» мне нравится, но, к сожалению, обложка Чехонина производит впечатление очень уменьшенной, как будто ее нормальный вид был бы размер «Творчества». Нехорошо уменьш<ена> форма Библиот*еч*ка, вм<есто> Библиотека.[5]

Больше буквально не к чему придраться.

Альманах издан еще лучше, чем первый: прямо удивительно для теперешнего времени.[6] И состав его гораздо лучше. К сожалению, я успел его только просмотреть пока. У Вас на днях будет мой знакомый юноша Морозов, которого я просил захватить с собой сколько он может экз<емпляров> «Иверней». Пришлите побольше рублевого издания, чтобы сдать в продажу.

Спасибо за то, что послали кому можно «Иверни».

Пожалуйста, пошлите тоже, если не послали:[7]

Ник<олаю> Алекс<андровичу> Бердяеву. Б. Власьевский 14.

Серг<ею> Ник<олаевичу> Булгакову. Зубовский бульвар 15.

Священнику Флоренскому. Сергиевский Посад. Дворянская ул. Собственный дом.

Шестову, Гершензону, Белому, Бальмонту,

Рашель Мироновне Гольдовской. Староконюшенный 25.

Ежели где будут отзывы об «Ивернях», то перешлите мне при случае, т<ак> к<ак> едва ли они дойдут до меня.

До свиданья. Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 10 к п. 6.

[2] Среди писем С.А. Абрамова к Волошину ответного на сформулированные запросы не имеется. Ср. п. 55.

[3] Серия издательства «Творчество», в которой вышел сборник «Иверни».

[4] Издание книги Поля Клоделя в переводе Волошина не состоялось. Выполненные им переводы двух указанных произведений Клоделя см. в т. 4 наст. изд. С. 324–325.

[5] На обложке сборника «Иверни» – название книжной серии: «Художественная библиотечка “Творчество”»: книга Волошина – № 9–10 этой серии.

[6] 2-й альманах «Творчество» (М.; Пб.: Творчество, 1918) вышел в свет в первой половине января 1918 г., в нем опубликован цикл стихотворений Волошина «Облики» (С. 102–104).

[7] Указанные ниже адреса – московские (кроме адреса П.А. Флоренского).

52. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ « ТАВРИЧЕСКИЙ ГОЛОС»[1]

14/27 июля 1918 г. Коктебель

27 июля 1918. Коктебель.

Милостивый Государь,

получил Вашу телеграмму. Посылаю Вам пока стихотворение.[2] (Условие три рубля за стих).

Прошу сообщить, что такое «Таврический Голос»? Журнал? Газета? Еженедельник?

Его литературное и моральное направление?

Политическое – мне безразлично, т<ак> к<ак> я ко всем в настоящее время существующим партиям отношусь отрицательно и снисходительно, но литературный уровень мне далеко не безразличен, так же, как морально-религиозный.

Прошу тоже мне сообщить и Ваши материальные условия и каким стеснениям мои взгляды на современность будут подвергнуты?

Соответственно с Вашим ответом я укажу Вам, к кому из находящихся здесь писателей можно обратиться.[3]

Прошу выслать первый номер издания.

[1] «Таврический Голос» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в Симферополе Таврическим комитетом Партии народной свободы с 1917 г.

[2] Под текстом письма — стихотворение «Достоевскому» («Исполнилось пророчество: трихины...», 10 декабря 1917 г.) и подпись: Максимилиан Волошин. В «Таврическом Голосе» не было опубликовано. Впервые напечатано под заглавием «Трихины» в книге Волошина «Демоны глухонемые». См.: Т. 1 наст. изд. С. 256.

[3] Ответное письмо в архиве Волошина не обнаружено.

53. З.Р. СОБОЛЕВОЙ

17/30(?) июля 1918 г. Коктебель[1]

Многоуважаемая Зинаида Романовна,

конечно, не могу не сочувствовать тому делу, в пользу которого вы предполагаете устроить сбор.[2]

Но... у меня есть три «но».

1) Ваша просьба организовать литературно-музыкальное отделение для концерта на меня производит такое же впечатление, как если бы Вы меня стали умолять спеть оперную арию или протанцевать балетные танцы. Несмотря на все мое сочувствие я бы принужден был отказаться, потому что не умею ни того, ни другого. Устраивать и организовать концерты — для этого надо обладать и талантами и опытом, диаметрально противоположными тем, какими я обладаю. И почему Вам пришла такая странная мысль просить об этом меня, право, не понимаю, т<ак> к<ак> есть в Феодосии и в Коктебеле так много искусных устроителей, как Портнов или Свистельников, если брать живущих сейчас в Коктебеле.

2) Тех артистов, что живут сейчас в Коктебеле, начиная с самых известных, как Кедровы, никак нельзя просить участвовать бесплатно, т<ак> к<ак> все они сами в ужасном материальном положении, и их выступления в благотворительном вечере уменьшают сбор их собственных вечеров.

3) В Коктебеле уже давно организуется вечер с параллельною целью: в пользу детской туберкулезной санатории имени профессора Боброва, в котором обещали выступить почти все и я в том числе, поэтому очень рекомендую Вам соединить эти оба вечера в один, иначе получится неподобающая и невозможная конкуренция. Я лично сочувствую одинаково обоим предприятиям и не могу судить, какое полезнее, и буду участвовать только в том случае, если они соединятся, т<ак> к<ак> мое согласие на тот вечер дано уже месяц назад.

За всем тем, я, конечно, готов выступить на концерте «Белого Цветка», но только как чтец, а не организатор, и под единым условием: чтобы меня привезли и увезли тотчас же после окончания вечера, т<ак> к<ак> каждая ночевка в Феодосии летом – это для меня припадок астмы, после которого я лишен работоспособности на несколько дней.

Максимилиан Волошин.

[1] Датировка: Труды и дни-2. С. 52.

[2] 13/26 июля 1918 г. З.Р. Соболева обратилась к Волошину с просьбой от местного отдела Лиги борьбы с туберкулезом, открывшего «летнюю школьную колонию для больных и слабых детей беднейшего населения Феодосии» и собирающего средства для того, чтобы «поддержать и подкормить больных детей»: «Кружечный сбор, устраиваемый обычно в день белого цветка, не даст, конечно, достаточного количества денег, и я, от лица правления Лиги, решаюсь просить Вас организовать в этот день концерт в летнем театре и выступить в нем в качестве участника. <...> Вы знаете, какие силы музыкальные и литературные есть сейчас в Коктебеле, – сорганизуйте их, а для приведенья всех Ваших распоряжений в исполнение мы выберем комиссию из нескольких лиц, которая будет в Вашем распоряжении. <...> День белого цветка предполагается в четверг 8-го августа нового стиля (26-го июля ст.ст.)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1121).

54. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

23 августа / 5 сентября 1918 г. Коктебель

5 сентября 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна,

еще раз пытаюсь написать Вам с оказией, но боюсь, что это письмо так же не дойдет до Вас, как и предыдущие, которые частью возвращались ко мне обратно, частью не доходили вовсе. Лето это прошло тихо и неопределенно. С занятием Крыма немцами мы погрузились в атмосферу безопасности и апатии. В Коктебеле было и есть много народу, но всё это южане: Феодосия, Ростов, Екатеринослав... Нравы и настроения соответственные. Никого своих. Из петербуржцев случайно попали и застряли Шервашидзе, Бутковская (издательница) и на некоторое время Н.Н. Евреинов. На днях видел в Судаке Мильмана. Когда он поедет в Москву, буду писать с ним, а это письмо посылаю с д<окто>ром Гинкуловым.

Стихописание у меня оборвалось после Аввакума.[1] Получили ли Вы его? Единственное важное, что я сделал за лето, это заставки, фронтисписы и иллюстрации к моей книге «Демоны Глухонемые», которая печатается в Харькове и выйдет осенью. И К<онстантин> Ф<еодорович> и Володя[2] были в восторге от моей графики, чем очень горжусь, но весьма интересуюсь и волнуюсь, как это будет звучать в книге.

Кроме этого ничего сериозного в живописи не делал: писал акварельки для продажи, устраивал лекции, чтения, выступал в концертах, вообще спешно зарабатывал деньги на зимнее существование.

Планы: остаемся с мамой зимовать в Коктебеле: куда же деться. А если будет возможность, то поеду зимой читать лекции по южным городам: в Харьков, в Ростов, Екатеринослав,[3] куда меня зовут и где, говорят, меня знают, т<ак> к<ак> мои последние стихи в массе распространялись по югу в рукописях и читались публично разными людьми. Но главным образом, конечно, собираюсь опять в уединении работать и писать стихи, т<ак> к<ак> мне надо еще очень многое сделать в той полосе, которая раскрылась для меня в этом году: еще надо

много формулировать в русской истории. Мне намечаются, как ближайшие темы, Петр, Александр I...

Событий в Крыму нет: живут как под стеклянным колпаком, живут дикими слухами и страхами возможного. Больше всего боятся ухода немцев и новой анархии, и почему-то это всем кажется наиболее вероятным, хотя явно, что Крым попал в глубокие руки.

Сережа здесь уже почти два месяца[4] – ждет со дня на день приезда Марины и ничего об ней не знает.[5]

К<онстантин> Ф<еодорович> прожил полтора месяца. Работал, скрипел, но был работой недоволен, хотя и рад, что снова вернулся к живописи. В это время часто приходил работать Володя. Я не ходил в это время с ними на этюды, т<ак> к<ак> сидел над графикой. Теперь Володя давно не показывался: ему очень тяжело и материально и морально в семье, он страшно похудел и физически изменился.

Теперь он изобрел и построил машину для верёвочных подошв и занимается этим производством.

Для меня лично это лето полно какой-то бесконечной человеческой рябью: никогда ко мне не приходило так много людей за книжками и так не отрывали меня каждую минуту от дела. Но я не печалюсь, т<ак> к<ак> зима была очень полна и наступающая обещает быть такой же.

Жаль только, что до сих пор не мог приняться за этюды с натуры, как хотел.

Я ничего не знаю ни о ком из московских друзей: единственный, кто приехал оттуда, был Борис Трухачев, но это было давно.[6] Приедет ли Маргарита[7] в Коктебель, как хотела: я ей писал, но едва ли письмо дошло: все, кто ехали среди лета и в начале, не довезли ни одного письма. Какие Ваши собственные планы на зиму?

Если у Вас будет оказия написать, то напишите тоже подробно обо всех, что знаете. Мы отрезаны от всего мира. Ежели успею, я вложу еще письмо для Кон<стантина> Вас<ильевича> с одной большой деловой просьбой.[8]

Обнимаю его крепко. Привет Парису и Екатерине Ивановне.[9] Как вы живете в Москве?

MAX.

[1] Работу над поэмой «Протопоп Аввакум» Волошин завершил 19 мая 1918 г.

[2] К.Ф. Богаевский, В.А. Рогозинский.

[3] Лекционные поездки Волошина в эти города не состоялись.

[4] С.Я. Эфрон приехал в Коктебель около 27 июня / 10 июля 1918 г. (Труды и дни-2. С. 51).

[5] М.И. Цветаева тогда в Крым не приехала.

[6] Б.С. Трухачев приезжал в Коктебель, видимо, в июне 1918 г.

[7] М.В. Сабашникова.

[8] К.В Кандауров. См. п. 55.

[9] Ф.К. Радецкий (Парис) и Е.И. Оболенская.

55. К.В. КАНДАУРОВУ

23 августа / 5 сентября 1918 г. Коктебель

5 сентября 1918.

Дорогой Константин Васильевич,

крепко обнимаю тебя и целую. В этом же конверте письмо к Юлии Леонидовне.[1] Там я пишу всё о себе и о друзьях и о Коктебеле. Все мои письма к Юл<ии> Л<еонидовне> – и для тебя. Но к тебе хочу обратиться с одной деловой просьбой отдельно: прости, что затрудняю тебя, но больше не к кому обратиться. Не можешь ли ты поговорить с моим издателем Соломоном Абрамовичем Абрамовым лично или по телефону (Чернышевский пер. 12. Изд<ательство> «Творчество»). Дело вот в чем: он купил у меня издание моих избранных стихотворений «ИВЕРНИ» за 200 р. для того, чтобы издать 12 000 ценою по 20 к., то есть дешевое издание. Издание это вышло, но уже не по 20 к., а по 1 р.

Я, конечно, ничего не могу иметь против того, что он ввиду изменений условий издательского дела должен был повысить плату, но нахожу, что в таком случае и мой гонорар должен быть повышен в пять раз, т<ак> к<ак> получается слишком вопиющее противоречие между гонораром и ценностью издания – пропорция изменилась. Поэтому хочу, чтобы он доплатил мне еще 800 рублей, сверх 200, мною уже полу-

ченных. Я ему об этом писал с оказией, но он или не получил, или не ответил еще.[2] Пожалуйста, поговори с ним на эту тему, а также попроси его выслать мне в Феодосию как можно больше экземпляров издания, как для продажи, так и в мое распоряжение – мне крайне необходимо.

Это письмо пусть будет удостоверением для Абрамова в том, что я тебя действительно уполномочил говорить об моих делах. И еще раз прости, что затрудняю тебя этим. Но иначе я никак не добьюсь ничего.

Видел недавно в Судаке Мильмана с женой.[3] Они хотели заехать в Коктебель на несколько дней при отъезде. Тогда, может быть, пришлю с ним кое-что для выставок, но мне все<-таки> хотелось бы, чтобы было выставлено то, что я посылал в прошлом году. До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Ю.Л. Оболенская. См. п. 54.

[2] См. п. 51, примеч. 2; примеч. 10 к п. 6.

[3] Волошин посетил Судак 6/19 августа 1918 г. (Труды и дни-2. С. 52).

56. АЛЬФРЕДУ КАРЛОВИЧУ[1]

25 августа / 7 сентября 1918 г. Коктебель

7 сентября 1918. Коктебель.

Дорогой Альфред Карлович,

позвольте мне познакомить Вас с моим другом Константином Николаевичем Кедровым, имя которого Вам, конечно, известно, как имя певца и участника знаменитого вокального квартета.

Константин Николаевич поселяется на эту зиму в Симферополе, что, конечно, очень оживит Симферополь в музыкальном отношении.

Кон<стантин> Ник<олаевич> еще совсем не знаком с Симферополем и с его жизнью, и я прошу Вас помочь ему

ориентироваться как в обществе, так и в условиях жизни нашей новой «столицы».

Привет Вашей супруге.

Надеюсь вскоре увидаться с Вами, т<ак> к<ак> собираюсь дать вместе с Кедровым в Симферополе «Вечер русской песни и поэзии».[2]

[1] Фамилию адресата и род его занятий установить не удалось.

[2] Нереализованный замысел. В Симферополь Волошин прибыл лишь 1/14 декабря 1918 г.

57. ВСЕВОЛОДУ ВЛАДИМИРОВИЧУ[1]

25 августа / 7 сентября 1918 г. Коктебель

7 сентября 1918.

Многоуважаемый Всеволод Владимирович,

мой друг — известный, конечно, Вам по имени певец — Константин Николаевич Кедров (брат Николая Николаевича) передаст Вам это письмо.

Посылаю Вам несколько моих стихотворений о современности, кажется, Вам известных. Из них одно: «Молитва о Городе» — было напечатано в однодневной газете «Дня Просвещения» в Феодосии,[2] но это, я думаю, не помешает его напечатать как следует, т<ак> к<ак> там его никто не видал и газета не имела распространения за пределами Феодосии.[3]

Кроме того, посылаю Вам статью поэта Шенгели, которого просил о сотрудничестве. Это самый серьезный из молодых крымских поэтов (керчанин) и очень видный теоретик стиха. Сейчас он гостит у меня.[4] Его литературное сотрудничество будет очень ценно.

Кроме того, я переговорил о сотрудничестве с Дмитрием Евгеньевичем Жуковским в Судаке: он согласен, но Вам надо ему будет написать лично.

Посылаю Вам свои стихи, т<ак> к<ак> до сих не имею времени из-за живописи и из-за людей сесть за письменный стол: ужасно меня раздирают.

Конст<антин> Ник<олаевич> Кедров на всю зиму поселяется в Симферополе, что, конечно, большое приобретение для Симферополя. Для начала мы хотели устроить с ним «Вечер русской песни и поэзии» по выработанной нами программе, о которой он Вам расскажет.[5]

Пожалуйста, помогите ему организовать этот вечер. Мне бы хотелось устроить так, чтобы через два-три дня после концерта устроить мою лекцию, о которой мы говорили по телефону.

Заглавие лекции «Жестокость в жизни и изображение ужасного в искусстве».

Другая тема, которая у меня имеется, это:

«Поэзия и судьба Верхарна», лекция, иллюстрированная многими моими переводами, еще не изданными.

Если первая лекция и концерт заинтересуют симферопольскую публику, то можно прочесть и эту.[6]

Я не люблю объявлять на афише подробной программы моих лекций, но, если позволите, я пришлю краткий их проспект для газетного предварения.

Буду очень благодарен, если Вы возьмете на себя, как Вы сами предлагали, подготовку к этим выступлениям.

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Фамилию адресата – лица, причастного к организации печатного дела и культурной жизни Симферополя, – установить не удалось.

[2] Однодневная газета «День просвещения», опубликовавшая стихотворение «Молитва о городе (Феодосия – весной 1918 г.)» («И скуден, и неукрашен...», 2 июня 1918 г.), вышла в свет (судя по письму Ю.А. Галабутского к Волошину от 11 июля 1918 г.: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 386, л. 40) 20 июля 1918 г.; экземпляр газеты не выявлен.

[3] Публикации того же стихотворения в других крымских изданиях 1918 г. не обнаружены.

[4] Г.А Шенгели жил в доме Волошина с августа 1918 г.

[5] См. примеч. 2 к п. 56.

[6] Находясь в Симферополе с 1/14 декабря по 12/25 декабря 1918 г., Волошин, согласно объявлению, появившемуся 9/22 декабря в газете «Таврический Голос», читал в зале Женской гимназии «последнюю лекцию» под заглавием «Апокалипсис города (Судьба Верхарна)» 23 декабря (Труды и дни-2. С. 60). Весьма вероятно, что ранее в Симферополе им была прочитана и лекция на тему «Жестокость в жизни и изображение ужасного в искусстве».

58. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

2/15 сентября 1918 г. Коктебель

15 сентября 1918. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,
позволь тебя познакомить с моей старой и очень хорошей знакомой – Еленой Павловной Паскиной, нашей соседкой по Коктебелю, которая едет в Одессу и передаст тебе это письмо лично. Теперь ведь нет иных письменных сообщений между Крымом и Украиной.

Твою и Мишину телеграмму я получил и немедленно ответил на нее телеграммой же,[1] в которой звал вас в Коктебель, а для письма стал ждать оказии.

Я очень радуюсь за Вас, что Вы не в Москве и тому, что вы так недалеко, хотя последняя радость чисто платоническая, если ты не соберешься в Крым, на что я очень надеюсь, так как не думаете же вы при настоящих обстоятельствах возвращаться зимовать в Москву? Вероятнее всего, что останетесь зимовать либо в Одессе, либо в Ялте. Для меня же проехать к вам в Одессу совершенно немыслимо, т<ак> к<ак> это теперь стоит целого капитала, а у меня денег ровно столько, что<бы> сидеть и работать в Коктебеле. Хотя быть может зимой, если состоится моя поездка по южным городам с лекциями и со стихами[2], я и смогу попасть в Одессу, если вы там еще будете.

Всю эту зиму я много писал тебе: я написал 15 писем (тебе и Мише).[3] Но предполагаю, что едва ли треть дошла из них. От тебя же получил за все время два (из скольких?).[4]

Я тоже посылал тебе аккуратно все новые стихи. Получала ли ты их?

Я написал за эту зиму целую новую книгу стихов о революции «Демоны Глухонемые», которая сейчас печатается в Харькове, в одной книге с переизданием стихов о войне.[5] Издание должно быть тщательное и художественно с большим количеством собственных моих рисунков: я всю эту весну занимался графикой, и кажется, удачно, если доверять мнению Богаевского. Книгу пришлось издавать в Харькове, потому что это ближайший из больших городов, с которым возможны сношения письменные.

Кроме того, там оказался у меня неожиданный друг — поэт Краснов, издатель журнала «Камена»,[6] который взял на себя все хлопоты и расходы.

Надеюсь, что книга выйдет в октябре — так было условлено.

1918 год, начиная со второго января, прошел очень стремительно и патетически в наших местах. Но с половины апреля, когда состоялась оккупация Крыма,[7] все сразу успокоились, и наступила полоса тихого благополучия, безвестности и апатии. Елена Павловна расскажет тебе подробности всего, что у нас происходило и что я делал это время. Но никогда мне так хорошо не работалось и не писалось, как во времена большевиков. Быть может, полная неуверенность в завтрашнем дне шпорила работу и торопила оканчивать все немедленно и не откладывать на завтрашний день, но никогда я не писал стихов с такой напряженностью, и мне кажется, что в них появилось нечто совершенно новое по сравнению с теми, что я писал в Париже. В остальном моя жизнь мало изменилась: вообще я думаю, что Коктебель, быть может, является местом, в котором революция и анархия отразились с наибольшей мягкостью, чего нельзя сказать про Феодосию. Мне очень часто было досадно, что ты, все-таки, не купила здесь земли.[8] Теперь это уже невозможно, т<ак> к<ак> стоимость ее за этот год повысилась в десять раз. Мне хочется знать о тебе и о Мише как можно подробнее, и я очень прошу тебя написать мне с Еленой Павловной, которая вернется через месяц, подробное письмо.

Если это сейчас в твоих возможностях, пожалуйста, пришли мне с нею хотя бы немного чаю: у нас совсем его нет, и для мамы это очень чувствительное лишение. А тот чай, что нам зимой посылал Роман Самойлович,[9] так и не дошел до нас. И будь добра, окажи в этом же отношении протекцию Елене Павловне, которая едет в Одессу специально для закупок.

Мне хочется знать как можно больше о вас: о том, что с вами было, о ваших дальнейших планах. Я слыхал, что выпустила новый «Салон поэтов»[10] и прекрасно составленный, но не видал его. Насколько пострадал дом на Поварской?[11] Где сейчас Ос<ип> Сер<геевич> и Анна Вас<ильевна>?[12] С детьми ли вы в Одессе или одни? Можно ли рассчитывать, что вы приедете в Коктебель осенью? Мне нечего говорить, как мне хотелось бы видеть тебя и Мишу. Пока до свиданья. И надеюсь, что в Коктебеле.

[1] Телеграммы, о которых идет речь, не обнаружены.

[2] Проект турне по южным городам (Ростов, Харьков, Екатеринослав) (см. п. 62) вызревал у Волошина в течение лета – осени 1918 г. Отчасти он был поддержан рассуждениями Петровой, которая еще 9 января 1918 г. писала Волошину: «Знаете что? – заметили ли, что в последнее время совершенно непереносимо “писание”. Нужен, требуется, жажда – живой ритм, живая интонация живого слова. Прямо на площадях. А не в “аудиториях” да еще с очерченной заранее “программой”. Ждутся пророки, Саванароллы, поэты. И верю, что придут. “Мир”, “Святая Русь” – для площадей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 4). В свою очередь 2 октября 1918 г. М.О. Цетлин в ответ на письмо Волошина замечал: «Марья Самойловна не может написать тебе, ее очень измучила болезнь. Она очень просит тебя приехать сюда. Расходы мы могли бы взять на себя, а тут ты, наверное бы, окупил бы их. Мне кажется, что твоя поездка должна была бы иметь успех. Здесь теперь очень посещаются всякие чтения. Объехал юг Ал<ексей> Николаевич <Толстой. – *Ред.*>, читал в Киеве Бунин, но всех превзошел твой друг Сергей Яблоновский, о котором, я слышал, гимназисты восторженно говорили “чрезвычайно развитая личность”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 52 об.). Первоначальный маршрут был изменен Волошиным. 29 октября / 11 ноября 1918 г. он прибыл в Ялту, где должна была открыться выставка с его акварелями (см. п. 66).

[3] Эти письма Волошина к Цетлиным, вероятно, утрачены.

[4] Письма М.С. Цетлиной к Волошину за январь – сентябрь 1918 г. неизвестны.

[5] См. п. 32, примеч. 2.

[6] Журнал поэзии «Камена» выходил в свет в 1918–1919 годах в Харькове, вышло всего два номера.

[7] См. примеч. 11 к п. 25.

[8] См. примеч. 12 к п. 49.

[9] См. примеч. 11 к п. 49. 2 октября 1918 г. М.О. Цетлин сообщил Волошину: «Насчет же чаю: ничего не могу сделать. Мы в этом отношении не находимся в привилегированном положении. Весь чай на учете и расписан. Если достану фунт-другой (собачьим чутьем), то пошлю с оказией» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 51 об.).

[10] Имеется в виду альманах «Весенний салон поэтов» (М.: Зерна, 1918). Упоминая это издание, М.О. Цетлин писал Волошину в ответном письме: «Я очень жалею, что в страшной спешке отъезда (мы решили ехать меньше чем за 2-ое суток) я не взял с собой ни "Иверней" (прекрасно изданных), ни "Салона", ни вообще новинок для тебя (напр<имер>, Блока, Эренбурга «Мол<итва> о России» и т.п.)» (*Там же*, л. 52 об.).

[11] О судьбе московского о́собняка Цетлиных на Поварской улице Волошину писала Ю.Л. Оболенская 9/22 февраля 1918 г.: «К.В. <Кандауров. – *Ред.*> вчера, захватив визитную карточку свою, отправился один отнимать у анархистов захваченный ими особняк Цетлин <sic!> на Поварской. Это моя редакция, а в действительности его притязания были скромнее: забота о сохранности картин К.Ф. <Богаевского. – *Ред.*> и других. Он не дозвонился, зато публика, глядя на него, шарахалась в сторону и обходила» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 41 об.). В свою очередь М.О. Цетлин в цитируемом письме сообщил Волошину: «Дом на Поварской был занят анархистами, его систематически опустошавшими. Художественно ценное (его было не много), я надеюсь, будет спасено. Здание сильно пострадало от выстрелов, теперь там Комиссариат» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 51). Союз независимых анархистов, разместившийся в доме Цетлиных, был выбит красноармейцами после обстрела, продолжавшегося целые сутки. См.: *Хазан Владимир.* «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни» (материалы к портрету Михаила Цетлина) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). Сб. статей и материалов / Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 82–83.

[12] О.С. Цетлин, отец М.О. Цетлина, и А.В. Цетлина (урожд. Высоцкая), его мать. М.О. Цетлин ответил Волошину: «Мы приехали сюда вместе с Толстыми. Они тоже остались на зиму в Одессе. Мы здесь с детьми. Родители тоже здесь, приехали раньше нас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 51).

59. М.О. ЦЕТЛИНУ

2/15 сентября 1918 г. Коктебель

15 сентября 1918 года. Коктебель.

Дорогой Миша,

Письмо это передаст тебе моя хорошая знакомая и соседка по Коктебелю – Елена Павловна Паскина, с которой позволь тебя познакомить. Она пробудет в Одессе месяц и затем вернется в Феодосию, так что с нею можно передать мне письмо. Я очень жду каких-нибудь более подробных известий от тебя и надеюсь, что ты не будешь теперь возвращаться в Москву, а останешься зимовать на юге и в конце концов, все-таки, приедешь навестить меня вместе с Марьей Самойловной. Я получил твою телеграмму и тотчас же ответил на нее телеграммой же,[1] т<ак> к<ак> почта не действует. Обо всем этом я подробно пишу в письме М<арье> С<амойловне>.[2]

Мне очень многое хочется знать о тебе лично: как ты переживал все совершающееся? Писал ли стихи?[3] (пришли).

Издавал ли что? Слышал, что издаешь книгу Марины Цветаевой и очень этому порадовался:[4] и книге, и тому, что вы с нею познакомились и, вероятно, подружились.

Кстати: не знаешь ли что с ней: ее муж Сережа Эфрон ждет ее в Коктебеле уже 2 месяца, а о ней ни слуха, ни духа.[5]

Я издаю свою книгу «ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ» в Харькове, включая в нее и переиздание парижских стихов о войне.[6] Не принимай это за измену тебе и ЗЕРНАМ:[7] ведь до Москвы отсюда не докликаться, да и стихи мои, вероятно, невозможно было бы издать теперь в Москве. (Какая судьба

постигла рукопись моей книги «Париж до и во время войны»,[8] что я передал по твоей просьбе в 1917 году Берелинрауту?).[9]

Получал ли ты все мои новые стихи, что я пересылал тебе зимой и весной?

Очень, очень хочется увидаться. Не знаешь ли, что с Эренбургом, с Бор<исом> Вик<торовичем>?[10]

Крепко тебя обнимаю.

[1] См. примеч. 1 к п. 58.

[2] См. п. 58.

[3] М.О. Цетлин отвечал 2 октября 1918 г.: «Я за эти почти 2 месяца, которые живу здесь на Украине, буквально не брал пера в руки, не писал даже писем. Не без удивления смотрю на свой (ставший еще более неуверенным) почерк и как будто вновь открываю искусство письма. В этом искусстве чувствую себя совсем не сильным. Я разучился писать. Марья Самойловна больна такой же болезнью и писать не может. Видно не придется тебе узнать о нас подробно до личного свидания. <...> Стихи я писал и постараюсь кое-что переписать и прислать. Своего ничего не издал. <...> Из Москвы я тебе писал, но, по-видимому, ты ничего не получил. После первой тяжелой растерянности в новой изменившей России я, наоборот, чувствовал себя так твердо и хорошо, как почти никогда. Т.е. было ощущение (часто острое) хрупкости своей жизни, ощущение жизни “бездны мрачной на краю”, сконцентрированности, через которые только и можно обрести “радостность”, которой я, по твоим словам, должен был научиться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 51 об.).

[4] Относительно издательских проектов Цетлин сообщал Волошину: «Собирался издать стихи Ходасевича (Фарфоровый Венок), а М<ария> С<амойловна> <Цетлина. – *Ред.*> должна была издать книгу Марины Ивановны <Цветаевой. – *Ред.*>. Но Марина Ивановна очень медлила, никак не могла собраться переписать Книгу на машинке, все ждала, что можно будет в скором времени издать и ее политические стихи (теперь нецензурные). С рукописями Ходасевича медлил я. И вот неожиданно уехал, и книги остались пока неизданными. С М.И. виделись мы не часто, познакомились во второй половине зимы. У меня к ней был определенный интерес и симпатия, и я очень высоко ставил ее последние стихи. Не знаю, почему она еще не выехала» (*Там же*, л. 50).

[5] См. примеч. 4 к п. 54.

[6] См. п. 32, примеч. 2.

[7] В издательстве «Зерна», созданном на средства М.О. Цетлина в Москве в 1916 г., Волошин принимал самое деятельное участие, в том числе опубликовал книгу стихов «Anno mundi ardentis 1915».

[8] Речь идет о проекте Волошина опубликовать в издательстве «Зерна» сборник статей «Облики Парижа», который остался неосуществленным. 1917-м г. датируется сохранившийся авторский план содержания предполагаемого сборника под заглавием «Лики Парижа (до и во время войны)» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 649–650). М.О. Цетлин ответил Волошину: «Рукопись твоя в Москве, в сохранности» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 52 об.).

[9] Л.Я. Берлинраут заведовал издательством «Зерна» в Москве.

[10] Об И.Г. Эренбурге и Б.В. Савинкове Цетлин писал Волошину: «Эренбург в Киеве, собирается в Одессу, потом, кажется, за границу. <...> Что с Б.В., не знаю. Вероятно, он теперь в сравнительной безопасности» (*Там же*, л. 51). Об отношениях Волошина с И.Г. Эренбургом и Б.В. Савинковым см.: Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) // Публ., подгот. текста, вступ. заметка, заключение и примеч. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996. № 2. С. 157–201.

60. Н.К. ГУДЗИЮ

Около 6/19 сентября 1918 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Николай Калинникович,

получил вчера Вашу открытку от 10 сентября.

Большое спасибо за хлопоты об «Аввакуме» и очень рад, что он появится в «Родной Земле».[2] Надеюсь, что мне пришлют ее.

Что касается гонорара, то я, конечно, предпочел бы получить 2 р. за строчку, то есть 1500 р., но если это чересчур обременительно для редакции, то соглашусь и на 1025 р. (1 р. 50 к. за стих – 750 стихов).

Я был бы очень благодарен, если бы эту сумму редакция перевела бы через банк (хотя бы Международный или Азовско-Донской) в Феодосию, т<ак> к<ак>, кажется, Крым присоединяется таки к Украине и между нами станут возможны почтовые и денежные сношения.

Передайте редакции «Родной Земли» мой привет и благодарность и то, что я буду присылать статьи зимой.

Сейчас работал над курсом Современной русской поэзии для местного народного Университета, но с мыслью прочесть его после в более людных и срединных городах. Как Вы думаете, мог бы вызвать интерес такой курс в Киеве в виде 10 двухчасовых лекций?[3]

И как можно было бы его устроить? При каком-нибудь просветительном учреждении? Мне, понятно, хочется заработать на нем.

Коктебель преждевременно опустел и замолк, погоды стоят великолепные.

Надеюсь увидать Вас еще зимой, т<ак> к<ак> независимо от упомянутого курса думаю устроить лекционное турне по югу и, вероятно, попаду и в Киев.

До свиданья. Благодарю очень за Ваши хлопоты.

Максимилиан Волошин.

[1] На конверте письма, отправленного адресату, штемпель получения: Киев. 13.10.18.

[2] Речь идет о первой публикации поэмы Волошина «Протопоп Аввакум» в киевском журнале «Родная Земля» (1918. № 1. С. 13–31). 10 сентября 1918 г. Н.К. Гудзий писал Волошину из Киева: «“Аввакум” набран и войдет в первую книжку журнала “Родная Земля”, которая появится на днях. За поэму благодарили и просили прислать материалы. Как касательно гонорара? Кажется, редакция предлагает около 1000 р. Ваше мнение? Сообщаю обо всем этом лишь теперь, т<ак> к<ак> только сейчас явилась возможность поручить завезти это письмо в Крым: почтовые сношения Украины с Крымом прерваны» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 473).

[3] «Прочесть лекции в Киеве, конечно, можно и следует», — ответил Гудзий 25 октября / 7 ноября из Симферополя, сообщая и дополнительные сведения: «Волею судеб я занесен в Симферополь, где принял кафедру рус<ской> лит<ературы> в Университете. Привез Вам гонорар в размере 1099 р. 50 к., который передал В.П.ونькову в “Таврический Голос” для пересылки Вам. Там же находятся экземпляры журнала “Родная Земля” с Вашей поэмой. Журн<ал> покупается даже сотрудниками (8 р. 25 к. книжка). Если хотите иметь экземпляр, благоволите сообщить об этом г. Конькову» (*Там же*).

61. П.Б. КРАСНОВУ

26 сентября / 9 октября 1918 г. Коктебель

9 октября 1918. Коктебель

Дорогой Петр Борисович,

посылаю Вам с оказией обложку и марку для «Камены» и несколько рисунков и заставок:[1] я как раз над ними работал, когда пришло Ваше письмо и открытка: первые за все время, но, к сожалению, без дат.[2] Спасибо за Блока: очень давно хотел видеть эти поэмы. Все-таки, Эренбург лучше.[3] Напишу и о том, и о другом вместе и выш<лю> дня через три.[4] Блок как раз дал мне то, что не хватало для полной оценки Эренбурга.

Спасибо за статью обо мне.[5] Не берусь судить об ее верности и точности, как сторона заинтересованная, но за Ваше доброе мнение обо мне горячо жму Вашу руку.

Сергей Яков<левич>[6] тоже получил Ваше письмо и в недоумении, т<ак> к<ак> явно, что какого-то предыдущего он не получил совершенно.

Спасибо за хлопоты о моих стихах. Разделяю Ваше негодование «Колосьями».[7] Пожалуйста, передайте им, что я требую, чтобы ими было уплачено все сполна, и жду полного комплекта их: теперь уже можно переслать по почте. Вообще прошу все редакции, где мои стихи печатаются, высылать мне регулярно свои издания. Пожалуйста, поставьте это условием. «Аввакум» напечатан в киевском журнале «Родная Земля».[8] Напоминаю Вам, что стихотворение «Ангел Мщения» — старое, написанное в 1905 году и много раз напечатанное: его, конечно, уместно теперь перепечатать, но непременно с примечанием и, пожалуй, с оговоркой о пророчественности его, т<ак> к<ак> осуществилось оно в полной мере только теперь, а вовсе не в 1905 году.[9]

Портрет Шервашидзе надо поместить как портрет в начале книги на отдельном листе, а мой просто как заставку в конце книги, не упоминая, что это портрет, а как бы подпись под книгой, и сильно уменьшенным: насколько позволит четкость клише.[10]

Письма относительно театрального журнала и газеты «Харьков» я не получал и потому не знаю, в чем заключаются предложения: принципиально согласен.[11] Как обстоят дела с «Южным Краем»?

О «Дем<онах> Глух<онемых>» не беспокоюсь, т<ак> к<ак> заинтересован в скорейшем их выходе и тайно надеялся, что они уже кончаются печатанием.[12]

Шенгели уехали на днях. Я им дал 34 моих акварели для выставок в Харькове: пожалуйста, примите участие в их судьбе и распределении.

После нового года я думаю приехать в Харьков с лекция<ми>, после лекций в Ростове и в Екатеринославе.[13] Не можете ли Вы мне рекомендовать кого-нибудь, кто взялся бы мне устроить мои лекции в Харькове, гарантировав мне не меньше 500 руб. за лекцию и путевые расходы, то есть, где мне возможно было бы остановиться? Если такого человека найдете, то переговорите сами с ним: это условия, которые мне предложили в других городах.[14]

До свиданья. Статья будет у Вас дня через четыре после этого письма.

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о материалах для художественного оформления книги Волошина «Демоны глухонемые» и журнала стихов «Камена».

[2] Подразумевается время, прошедшее после отъезда Краснова из Коктебеля (см. примеч. 16 к п. 50). Упоминаемые письмо и открытка – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 14, 16–16 об.

[3] Речь идет о поэме А. Блока «Двенадцать» (первое отдельное издание: *Блок А.* Двенадцать. Скифы / Предисл. Иванова-Разумника. Пб.: Революционный социализм, 1918) и о книге стихов И. Эренбурга «Молитва о России» (М., 1918). В упомянутом выше письме Краснов сообщал: «Сейчас в Харьков проскользнули новая поэма Блока “Двенадцать” и “Габрилиада” <sic!> Пушкина. Вокруг этого в литературном мире шум небывалый. Может быть, Вы скажете нечто общее об эренбургском отношении к России и блоковском скифстве? Знайте, что сейчас здесь интерес колоссальный к каждому Вашему слову <...> статья мне очень-очень нужна, а если бы Вы могли сказать о блоковских “12” – было бы событием для читателей “Камены”. <...> Еще раз очень прошу *немедленно* прислать

статью об Эренбурге и Блоке». (В тексте упомянуто издание: *Пушкин А.С.* Гавриилиада. Полный текст / Вступ. статья и примеч. В. Брюсова. М.: Альциона, 1917).

[4] Статью «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург» для 2-го номера «Камены» (см. примеч. 14 к п. 38) Волошин не смог завершить в указанный здесь срок. 25 сентября / 8 октября 1918 г. Краснов писал Волошину: «“Камену” уже набирают, а “Демоны” начнут набирать на этих днях <...> отсутствие В<ашей> статьи, о которой я уже в своих объявлениях анонсировал, ставит мое дело в положение *чрезвычайно* тяжелое... <...> И я без В<ашей> статьи книжки выпустить *не могу*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 15). В следующем письме к Волошину (около 30 сентября / 13 октября) Краснов, упоминая о продолжающейся третью неделю забастовке харьковских типографов, задержавшей выход в свет «Демонов глухонемых» и журнала «Камена», напоминал: «...очень прошу обложку для “Камены”, а главное – статью об Эренбурге» (*Там же*, л. 18).

[5] В упомянутом выше письме Краснов извещал Волошина: «Посылаю Вам свою статью о Вас – кажется, не все верно схвачено: тогда не осуждайте. Я – близорук». Статья П. Краснова «В Крыму. У Максимилиана Волошина» была, видимо, напечатана в № 116 харьковской газеты «Южный Край» за 1918 г.

[6] С.Я. Эфрон.

[7] См. п. 50, примеч. 12. В открытке, отправленной из Харькова 14/27 августа 1918 г., Краснов сообщал, что передал стихи Волошина («Dmetrius-Imperator» и четыре сонета «Термидор») в «Колосья» по гонорарной ставке 3 руб. за строку, однако было уплачено вдвое меньше – по 1 руб. 50 коп. за строку. Стихотворения Волошина в «Колосьях» не были напечатаны.

[8] См. примеч. 2 к п. 60.

[9] Подразумевая формирование 2-го номера «Камены», Краснов оповещал Волошина в цитированном письме: «Из стихотворений В<аших> я беру “Ангел мщения”, “Преосуществление” и “Стенькин Суд”». Публикация этих стихотворений в «Камене» не состоялась, поскольку 2-й номер журнала вышел в свет лишь во второй половине мая 1919 г. – уже после того, как упомянутые стихотворения были напечатаны в составе «Демонов глухонемых».

[10] В том же письме Краснов, сообщая о получении п. 50, к которому был приложен портрет Волошина работы А.К. Шервашидзе, отвечал: «Все, о чем просите, безусловно приемлемо, но если “Демоны” украсить портретом Шервашидзе – не находите ли лишним тогда портрет Вашей работы?». В результате было исполнено пожелание Волошина: портрет работы Шервашидзе воспроизведен

на обложке «Демонов глухонемых», автопортрет – в конце книги (с. 55), перед оглавлением.

[11] Отклик на слова Краснова из того же письма: «Относительно участия в театральном журнале и газете “Харьков” Вы ничего не ответили. Я жду». Следующее письмо Краснова, отправленное около 30 сентября / 13 октября 1918 г., включало просьбу к Волошину прислать «небольшую статью о театре, *свежую* только (не напечатанную) <...> для театр<ального> харьков<ского> журнала». За исключением статьи «Поэзия и революция», никаких последующих публикаций Волошина в харьковской периодике не выявлено. Издание газеты под названием «Харьков» в это время не было предпринято.

[12] В одном из последующих писем (недатированном) Краснов сообщал Волошину: «Книга Ваша не может выйти, так как забастовка наборщиков все еще продолжается. Как только прекратится – приступлю к печатанию. Деньги я раздобыл» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708, л. 19). «Демоны глухонемые» вышли в свет лишь 14/27 января 1919 г.

[13] Лекционная поездка Волошина по этим городам не состоялась.

[14] В ответ последовало предложение Краснова (в том же письме): «...приехать на ближайшей неделе в Харьков для участия в театр<альном> диспуте Н.Н. Евреинова, за это Вам будут уплочены указанные в В<ашем> письме условия. Если согласны – телеграфируйте: я думаю, что воспользуемся Вашим присутствием в Харькове и одновременно устроим Вашу лекцию». Письмо Волошина к Краснову с изложением причин, препятствующих поездке, видимо, не сохранилось.

62. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

27 сентября / 10 октября 1918 г. Коктебель

10 октября 1918. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

позволь мне познакомить тебя с моей маленькой приятельницей Татьяной Давидовной Цемах, которая едет из Коктебеля в Одессу и передаст тебе это письмо.

Она увлекается твоим Салоном поэтов[1] и сама учится писать стихи. Я даю ей список моего «Протопопа Аввакума»[2],

чтобы она показала его тебе. Я посылал его тебе в Москву, но, вероятно, как все остальные письма и он пропал.

Недавно я писал тебе и Мише в Одессу с оказией,[3] но тоже не имею сведений, дошли ли эти письма. Очень хочется знать о Ваших планах. Я предполагаю, что Вы должны остаться зимовать в Одессе, потому что теперь возвращаться в Москву для Вас немыслимо. В Коктебель Вы, увы? уже не приедете, вероятно, т<ак> к<ак> скоро зима, а здесь не южный берег. В декабре, январе я выеду на заработки – читать лекции по южным городам: меня зовут за этим в Ростов, Харьков, Екатеринослав.[4] Если Вы останетесь в Одессе, то постараюсь непременно приехать туда. По моим соображениям Вы должны зимовать там или на южном берегу. Тогда я, конечно, приеду Вас повидать раньше.[5]

До свиданья. Пожалуйста, напиши мне. Теперь ведь письма уже начали ходить в Крым.

[1] М.С. Цетлина была инициатором издания сборников «Салон поэтов», вышло два издания: «Салон поэтов. Весенний первый» (М., 1917) и «Весенний салон поэтов» (М., 1918). См. также примеч. 11 к п. 58.

[2] Список поэмы «Протопоп Аввакум» для передачи Цетлиным Волошин отправил в Москву Ю.Л. Оболенской, которая его не получила, о чем сообщила в письме от 1/14 августа 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 49).

[3] М.О. Цетлин. См. п. 58, 59.

[4] См. примеч. 2 к п. 58.

[5] Встреча Волошина с Цетлиными в Одессе состоялась в январе 1919 г. (См.: Труды и дни-2. С. 63).

63. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

27 сентября / 10 октября 1918 г. Коктебель

10 октября 1918. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Только что почта, начавшая пробуждаться от летаргии, выкинула Ваше письмо от 14 августа (ответ на мое от 15 апр<еля>).[1] Странно, что письма таки не пропадают.

Может быть, Вы еще получите мои летние письма и поэму об АВВАКУМЕ, которая была Вам послана в начале июня, потом вернулась ко мне через месяц, и опять уехала с новой оказией.[2]

Письма от Вас, от Маргариты[3] немного успокоили нас за судьбу москвичей, хотя, кажется, самое худшие времена наступили уже после августа. Мы всё ждали приездов из Москвы. Больше всех ждет Сережа приезда Марины.[4] И даже не знает, осведомлена ли она о том, что он уже три месяца в Коктебеле дожидается ее. Ваше сведение о том, что она приняла пост ректора Московского университета, совершенно его обескуражило.[5] А у нас всех уверенность, что надо ждать обормотов на зиму, очень крепка, и Пра даже не сдает никому комнат на зиму. Неужели никто не приедет?

Мое лето прошло очень суматошно: я выступал в ряде концертов, ездил с чтениями.[6] Зимой тоже думаю поехать на заработки по южным городам.[7] Стихов летом не писал. Но в начале лета сделал ряд заставок и фронтисписов для ДЕМОНОВ ГЛУХОНЕМЫХ – и К<онстантин> Ф<еодорович> и Володя весьма одобрили.[8] А последнее время делал акварели для харьковских и ростовских выставок, куда меня звали. Сделал за этот месяц 74 больших акварели, и они уже уехали. Теперь принимаюсь за составление лекций для зимних поездок и, вероятно, уеду с начала декабря месяца на два.

Во внутренней жизни у нас все больший и больший развал, т<ак> к<ак> Пра все больше ненавидит хозяйство, прислуги нет, а я и занят все время другим, да и отлыниваю всячески только для того, чтобы не входить с мамой в соприкосновение на этой почве, а то это, как всегда, даже больше чем обычно ведет только к раздражению.

Не знаю, будет ли у меня этой зимой необходимая для писания стихов полоса молчания, за всеми предстоящими для заработка разъездами. А жаль, если не будет, потому что много еще не дописано из полосы «Дем<онов> Глух<онемых>».

Относительно обложки для АКСЕЛЯ я ровно ничего не знаю с самого моего отъезда тогда из Москвы о судьбах издательства «ЯСЕНЬ», его у меня купившего.[9] Во всяком случае, обложка Вашей работы была мною выговорена, и если это

издательство существует в Москве, то Вам его надо найти и сговориться с ним по телефону.

Не слыхали ли Вы чего-нибудь о судьбе моего СУРИКОВА у Кнебеля?[10] Поэму Блока мне прислали только третьего дня.[11] Я в нее вчитываюсь. Там много прекрасного, но все <же> для меня книжка Эренбурга: «Молитва о России» – выше.[12] Ее я могу сравнить только с «Tragiques» Агриппы Добиньи.[13] Только у Добиньи есть такой же пророчески библейский подход к текущей современности. Например, в Варфоломеевской ночи, когда придворные дамы смотрят из окон Лувра на трупы своих любовников, плывущих по Сене, и делают циничные замечания: «ходят по внутренностям Франции».[14] У Эренбурга есть этот вопль, переходящий границы искусства. А Блок остается изящным и мечтательным поэтом Снежной маски,[15] стилизующим действительность сквозь частушки, стилизующим ее прекрасно, с новыми ритмическими откровениями, но это эстетика рядом с Эренбургом. Его Христа в венчике из роз[16] я принимаю вполне, но не принимаю «двенадцати», из которых один убийца. Здесь уже неоправданное эстетское кощунство. Может, мое впечатление еще изменится, но первое впечатление таково.

Также неприемлемо для <меня> по точке зрения очень спутанной и наверное прекрасное по своим отдельным стихам и пафосу «Скифы».[17]

О К<онстантине> Ф<еодоровиче> с тех пор, как он уехал из Коктебеля в Кенигез,[18] ничего не знаю. Кажется, он вернулся уже в Феодосию. Володя Рагозинский* тоже давно не показывается. Говорят, что у него вид стал лучше, а то он ходил совсем шкелетиной. Это письмо я пошлю с одной дамой, которая едет на днях в Москву и взялась передать письмо Маргарите.[19]

Поджидаю Мильмана из Судака: он обещал заехать на возвратном пути, тогда снова напишу с ним.[20] Посылать работ для выставки не буду, т<ак> к<ак> у вас есть еще неиспользованные прошлогодние на всякий случай, да и до выставок

* *Фамилия вписана (рукой Волошина) карандашом.*

ли будет этой зимою? Но если будет случай, то очень прошу Конст<антина> Вас<ильевича>[21] выставить их. Крепко его обнимаю. Привет Екатерине Ивановне и Парису.[22]

Пра и Сережа шлют Вам привет.

[1] «Третьего дня получила Ваше письмо от февраля и 15-го апреля», – сообщала Ю.Л. Оболенская Волошину в письме от 1/14 августа 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 49–51 об.). Упомянуты письма 21 и 24.

[2] О завершении работы над поэмой «Протопоп Аввакум» Волошин писал Оболенской в п. 35. О получении поэмы Волошина Оболенская сообщала М.М. Нахман в письме от 4/17 сентября 1918 г. (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 7).

[3] М.В. Сабашникова; имеются в виду ее письма от 29 июня / 12 июля и от 31 июля 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065, л. 45–48).

[4] С.Я. Эфрон и М.И. Цветаева. В письме к Цветаевой из Коктебеля от 26 октября 1918 г. Эфрон сообщал о своем предстоящем отъезде в Добровольческую Армию: «Я Вас ожидал в Коктебеле пять месяцев, послал за это время Вам не менее пятнадцати писем, в которых умолял Вас как можно скорее приехать сюда с Алей <А.С. Эфрон. – *Ред.*>. Очевидно, мои письма не дошли либо Ваши обстоятельства сложились так, что Вы не смогли выехать. <...> ждать-то Вас у меня теперь нет причин – Троцкий окончательно закрыл границы и никого из Москвы под страхом смертной казни не выпускают» (*Цветаева Марина.* Неизданное: Семья. История в письмах. М., 1999. С. 275).

[5] Оболенская писала Волошину 1/14 августа: «...мы в полной темноте: вчера, напр<имер>, слышала, будто Марина получила место ректора Университета. Говорил г<осподи>н, знающий ее семью и не знающий о нашем знакомстве. Что это?».

В очерке «Мои службы» (1918–1919) Цветаева писала, что 11 ноября 1918 г. ее квартирант «Икс, коммунист» <Б.Г. Закс> предложил ей на выбор два работы – в «банке и в Наркомнаце» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 451).

Послужной список Цветаевой выглядит следующим образом:

«...13(26) ноября <1918 г.> Цветаева зачислена на службу в Информационный отдел Комиссариата по делам национальностей (Наркомнац), в должности помощника информатора русского стола с жалованьем 720 рублей...».

Январь 1919 г. «...Цветаева переведена на должность помощника заведующего русским столом с повышением оклада до 775 рублей».

Вторая половина апреля н.ст. 1919 г.: «Увольнение Цветаевой со службы в Комиссариате по делам национальностей (точная дата увольнения в документах не указана)».

23 апреля н.ст. 1919 г. «Цветаева зачислена на службу в Центральную коллегию попечения о пленных и беженцах (Центрпленбеж) на должность регистратора статистически-справочного отдела отделения по учету русских военнопленных. В ее обязанность входила систематизация именных карточек по алфавиту».

13(26) апреля 1919 г. «Цветаева оставляет службу в картотеке Центрпленбежа» (*Коркина Е.Б.* Летопись жизни и творчества М.И. Цветаевой. Ч. I. 1892–1922. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. С. 125, 126, 129).

Имел ли упомянутый слух реальную основу, установить не удалось.

[6] Летом 1918 г. Волошин выезжал из Коктебеля лишь в Феодосию и Судак.

[7] Подразумевается нереализованный замысел лекционных поездок в Ростов-на-Дону, Екатеринослав и Харьков.

[8] К.Ф. Богаевский, В.А. Рогозинский. См. п. 44, примеч. 7, п. 50.

[9] Драма-мистерия Вилье де Лиль-Адана «Аксель» в переводе Волошина (см.: Т. 4 наст. изд. С. 84–233) не была тогда опубликована ни в издательстве «Ясень» (к практической деятельности, видимо, не приступившем), ни в каком-либо ином издательстве.

[10] Издание монографии Волошина «Суриков» (см.: Т. 3 наст. изд. С. 363–451) в московском Издательстве И.Н. Кнебеля не состоялось.

[11] «Читали Вы “Двенадцать” Блока?», – спрашивала Оболенская Волошина в письме от 1/14 августа и, приведя цитату из поэмы, добавляла: «С такого ветра это начинается – удивительная вещь. – Вот и живем мы в этом ветре, не зная, что будет завтра».

[12] См. примеч. 14 к п. 38.

[13] Имеются в виду «Трагические поэмы» (1575–1615) Теодора Агриппы д’Обинье (d’Aubigné).

[14] Варфоломеевская ночь описана в книге 5-й «Трагических поэм» – «Мечи» (ст. 765–1054). Те же параллели Волошин проводит в статье «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 42, 778).

[15] «Снежная Маска» (СПб.: Оры, 1907) – лирический цикл А. Блока, входящий во 2-ю книгу его собрания стихотворений в трех книгах.

[16] «В белом венчике из роз – / Впереди – Исус Христос» – финальные строки 12-й, заключительной главы поэмы Блока «Две-

надцать». Их интерпретацию Волошин предложил в статье «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 31–33).

[17] Стихотворение Блока «Скифы» («Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...», 30 января 1918) было напечатано в одной книге с поэмой «Двенадцать» (см. примеч. 3 к п. 61).

[18] Кенегез (Уч-Кенегез) – усадьба К.Ф. Богаевского на Керчинском полуострове Крыма.

[19] См. письмо Волошина к М.В. Сабашниковой от 26 сентября / 9 октября 1918 г. (ДМВ; Новый мир. 2009. № 8. С. 136–137. Публ. И.В. Левичева).

[20] А.И. Мильман, не заезжая в Коктебель, уехал из Судака в Москву. См. п. 66.

[21] К.В. Кандауров.

[22] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

64. Ю.А. ГАЛАБУТСКОМУ

27 сентября / 10 октября 1918 г. Коктебель

10 октября 1918.

Дорогой Юрий Андреевич,

я составил программу моих лекций и посылаю ее Вам, но одновременно узнал, что Народный Университет не будет функционировать из-за недостатка записавшихся слушателей.[1] Так ли это?

Меня лично это обрадовало, т<ак> к<ак>, составив программу и просмотрев имеющийся у меня материал, я увидал, что мне ее никак не осуществить в течение полутора месяца: на это понадобится полгода.

Будет или не будет народный Университет: я все равно буду эту программу исподволь осуществлять, т<ак> к<ак> хочу сделать такую книгу и сделать ее основательно, и когда ее закончу, то прочту, конечно, как курс в Феодосии.[2] Но сию минуту мне никак нельзя бросить всех текущих работ и приняться только за нее. Так, например, последние 10 дней мне пришлось оставить все литературные работы, приняться

исключительно за живопись, чтобы послать на выставки в Харьков, Ростов и др., куда у меня просили картин, а это чрезвычайно важно для меня материально. А покончивши с этим, что еще займет с неделю, мне придется составить две-три лекции для моего турне по южным городам,[3] так что к осени мне приготовить курса немыслимо, к весне, быть может, несколько лекций из него у меня и будут готовы.

Не примите моих слов за нежелание: я не могу читать импровизируя: мне надо, чтобы все у меня было написано, а пишу я долго, тщательно, много обрабатывая и сжимая. Вы своим предложением толкнули меня на осуществление работы давно задуманной и заставили осознать ее план. И теперь я ее, конечно, выполню, но не могу это сделать сразу и моментально. Ах, Юрий Андреевич, ужасно трудно иметь несколько ремесел и таких мало совместимых, как литература, живопись, поэзия.

Я так и не вижу, когда я смогу писать стихи эту зиму, а мне это так надо и столько проектов ждет осуществления.

Пока до свиданья. Привет Анне Яковлевне и Лельеврам.[4]

[1] О намерении организовать в Феодосии Народный университет Ю.А. Галабутский писал Волошину в письме от 11 июля 1918 г., сообщая, что с целью сбора средств для содержания этого учреждения в Феодосии устраивается 21 июля «день просвещения» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 386, л. 40).

[2] См. составленный Волошиным для Народного университета план цикла лекций «Возрождение русской лирики в первые десятилетия XX века» (приложен к настоящему письму // ДМВ) и предварительные наброски к нему, а также соотносящийся с ним план «Цветение русской поэзии в первые десятилетия XX в.» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 708–710, 996–998). Лекционного курса, соответствующего этим планам, Волошин в Феодосии не прочел.

[3] См. примеч. 7 к п. 63.

[4] А.Я. Галабутская и ее брат и сестра – Петр Яковлевич Лельевр (убит в 1920 г.) и Мария Яковлевна Лельевр (? – после 1956).

65. З.В. СЕРБСКОЙ

27 сентября / 10 октября 1918 г. Коктебель

10 октября 1918. Коктебель.

Дорогая Зинаида Владимировна,

позвольте мне познакомить Вас с моей хорошей знакомой и другом Татьяной Давыдовной Цемах, которая едет в Одессу и передаст Вам это письмо и прочтет Вам все мои новые стихи. Она в первый раз в Одессе и должна остаться там зимовать. Помогите, пожалуйста, ей ориентироваться в новом для нее городе и познакомьте ее с бактериологами: это ее специальность, а Вы, наверно, кого-нибудь из них знаете по университетскому миру.

Как Вы живете и как пережили все события этого года? Я все это время прожил безвыездно в Коктебеле в работе и среди книг. Над нами буря пока пронеслась благополучно, хотя не раз захлестывала и сюда.

Зимой я много писал и написал целую книжку стихов о революции «Демоны Глухонемые», которая должна выйти в Харькове, скоро..., но кто может что-нибудь предвидеть теперь. Во всяком случае я их все даю в рукописи Тать<яне> Дав<ыдовне>, и она Вам их покажет.

Зимой я думаю на время покинуть Коктебель для турне с лекциями по южным городам: Ростов, Харьков, Екатеринослав,[1] и кто знает – может, попаду в Одессу, если будет возможность устроить там несколько лекций.

Очень хотел бы повидать Вас и познакомиться лично с Константином Александровичем, которого еще раз благодарю за книги.[2]

[1] См. примеч. 7 к п. 63.

[2] Имеется в виду муж З.В. Сербской Константин Алексеевич Кузнецов, профессор Новороссийского университета в Одессе. В письме из Одессы от 14 мая 1917 г. Сербская, благодаря Волошина за присланную книгу его стихов (видимо, «Anno mundi ardentis 1915»), сообщала: «Мой муж посылает Вам своего Платона и только что вышедший первый выпуск его философии права» (ИРЛИ, ф. 562,

оп. 3, ед. хр. 1102). Речь идет о книгах К.А. Кузнецова «Платон. Введение в анализ “Государств” и “Законов”» (<Одесса>, 1916) и «История философии права. Античная Греция. 1. От Гомера до Сократа» (Одесса, 1917).

66. Р.Н. БРАИЛОВСКОЙ

2/15 октября 1918 г. Коктебель

15 октября 1918. Коктебель.

Многоуважаемая Римма Никитишна,

только что получил Ваше письмо и сейчас же написал Богаевскому.[1] Что же касается меня самого, то я пришлю несколько акварелей недели через полторы, так как мне необходимо коечто закончить и реализовать, т<ак> к<ак> я только что отправил 75 акварелей на выставки в Ростов и в Харьков, чего бы, конечно, не стал бы делать, если бы знал о проектах Сергея Константиновича неделей раньше.

Спасибо за приглашение и на выставку, и в Мисхор, от которого у меня остались самые лучшие воспоминания.[2] Адрес Богаевского: Феодосия. Итальянская ул., дом Дуранте. Не знаю, есть ли у него новые картины: ведь он все время войны был на службе как офицер и не имел возможности работать 4 года. Только этим летом он, живя у меня в Коктебеле, снова принялся за этюды.

Потом в Феодосии – Латри (Михаил Пелопидович – адрес Галерея Айвазовского).

Потом в пределах досягаемости – в Ростове Сарьян (туда из Крыма ходит пароход «Король Альберт»).

Из хороших местных художников могу назвать в Феодосии Хрустачева, в Ростове Дмитрия Феодорова (Рост<ов> н<а> Д<ону>. Братский пер. 42). Оба они, кажется, выставляли в «Мире Искусства». Шервашидзе у меня провел все лето, но теперь уехал в Сухум, и от него сейчас ничего не получишь.

Мильман жил в Судаке, но только что уехал в Москву.

Больше из художников здесь, кажется, никого. Сарьяна адреса я не знаю, но ему можно написать на имя Феодорова для пер<едачи>. Я бы с большим удовольствием приехал в Ялту во время выставки, если бы это можно было бы соединить с устройством моих лекций и чтений. Может, Сергей Константинович взялся бы их устроить в самом помещении выставки, как когда-то мы с ним устраивали в Петербурге при его «Салоне»?[3] Я здесь в наших краях несколько раз уже устраивал публичные чтения моих стихов о революции – моя книга «Демоны Глухонемые». И всегда с большим интересом.

Эта книга написана этой зимой, и ни одно из этих стихотворений так и не могло быть напечатано на севере по цензурным условиям.

Кроме того у меня есть несколько готовых лекций: о В.И. Сурикове, о Верхарне, и на тему «Жестокость в жизни и в искусстве».[4] Передайте это, пожалуйста, Сергею Маковскому, а также сообщите мне его адрес и куда надо выслать картины. Их мне придется выслать в необрамленном виде, так как здесь это сделать совершенно невозможно.

Привет Леониду Михайловичу.[5] Спасибо за память и приглашение.

[1] В этом (недатированном) письме Р.Н. Браиловская сообщала: «В Ялте (и затем Харьк<ове>, Киеве) Серг<ей> Маковский (ред<актор> “Апол<лона>”) устраивает выставку картин и поручил мне, как члену Комитета, Вас оч<ень> просить на ней участвовать. Выставка будет через 3 нед<ели>, и картины Маковский просит поспешить присылать. Ближайшие участники выставки Судейкин, Билибин, Сорин. Не откажите сообщить Богаевскому об этой выставке. Все мечтают о его работах. Если бы Вы приехали на Выставку, также и Богаевский, то у нас остановитесь в Мисхоре, чем доставите радость. <...> Дайте адрес Богаевск<ого>, чтобы можно было ему написать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 282).

[2] В Новом Мисхоре Браиловские имели дачу. Волошин посетил ее вместе с К.Ф. Богаевским и К.В. Кандауровым в августе 1911 г.

[3] «Салон» – художественная выставка, подготовленная С.К. Маковским; открылась в Меншиковском дворце в Петербурге в январе 1909 г. (см.: *Северюхин Д.Я.* Салон Маковского // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. II. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1995. С. 355–369). 3 марта 1909 г. Волошин прочитал в поме-

щении «Салона» лекцию «Аполлон и мышь», ставшую основой одноименной статьи (см.: Т. 3 наст. изд. С. 134–157). Выставка «Искусство в Крыму» открылась в Ялте 27 октября / 9 ноября 1918 г. в здании Александровской мужской гимназии (устроитель С.К. Маковский, товарищи-пайщики Л.М. Браиловский, Р.Н. Браиловская, С.А. Сорин, С.Ю. Судейкин), на ней экспонировались работы Волошина (4 «крымских этюда»), а также (из числа упомянутых в письме Волошина художников) К.Ф. Богаевского и М.П. Латри. См.: Искусство в Крыму: Художественная выставка. Ялта, 1918; Труды и дни-2. С. 57; *Судейкина Вера*. Дневник: 1917–1919 (Петроград. Крым. Тифлис). М.: Русский путь; Книжница, 2006. С. 286–289, 567, 575 (коммент. И.А. Меньшовой). Волошин прибыл в Ялту около 29 октября / 11 ноября 1918 г.

[4] Во время пребывания в Ялте Волошин выступил с лекциями «Скрытый смысл войны» (2/15 ноября, в помещении выставки «Искусство в Крыму»), «Судьба Верхарна» (с чтением своих стихов; 3/16 ноября, в Литературно-художественном обществе им. А.П. Чехова в помещении женской гимназии), «Бунтарская стихия русской истории и ее провидец (Жизнь и творчество живописца В.И. Сурикова)» (8/21 ноября, в помещении женской гимназии), «Жестокость в жизни и в искусстве» (10/23 ноября, в зале Общественного собрания). См.: Труды и дни-2. С. 57–58.

[5] Муж Браиловской – Л.М. Браиловский.

67. Э.Ф. ЦИПЕЛЬЗОНУ

13/26 октября 1918 г. Коктебель

26 октября 1918. Коктебель.

Многоуважаемый Эммануил Филиппович,

пользуюсь оказией, чтобы написать Вам.

Вероятно, у Вас был мой друг (ваш ростовский художник) Дмитрий Степанович Феодоров. Он хотел с Вами поговорить о моих лекциях. Кое-что в моих планах с его отъезда из Коктебеля изменилось: я, вероятно, выеду в конце ноября не в Ростов, как предполагал сначала, а в Одессу и в Ростов попаду только в конце моего турне по Южной России.[1] В смысле успеха лекций, я думаю, это будет только выгоднее. Но это меняет обстоятельства в том смысле, что я приеду к вам только к февралю.

Мысль о целом цикле лекций (10) по истории русской современной поэзии я пока оставил: мне некогда его сейчас осуществить.[2]

Пока у меня есть такие лекции:

Скрытый смысл войны.

Жизнь и творчество В.И. Сурикова.

Судьба и поэзия Верхарна.

Жестокость в жизни и в искусстве.[3]

И еще будет лекция о русской революции, но еще не знаю, как ее назову.

Боевые будут, конечно, лекции о войне и о Революции, а остальные про запас.

Мне хочется знать теперь подробно Ваши условия, то есть точно: сколько Вы мне можете гарантировать и какой процент с валового дохода Вы оставляете себе? Вы, уезжая, говорили, что не можете еще точно определить эти цифры и обещали узнать и написать.[4] Дм<итрий> Феодоров Вам поможет в устройстве моих чтений.

План мой ехать в Одессу прежде всего создался потому, что там поселились мои друзья,[5] которые меня зовут к себе, и мне их необходимо повидать. Но это может измениться, и тогда я вам буду телеграфировать. Иначе же напишу из Одессы с распределением всего моего маршрута. Но Ваш ответ об условиях хотел бы иметь здесь же в Коктебеле до отъезда.[6]

Привет Елисавете Романовне и Миниовичам.

[1] Волошин отплыл на пароходе из Севастополя в Одессу около 7/20 января 1919 г. Запланированная лекционная поездка в Ростов-на-Дону не состоялась — хотя благоприятные условия для нее были созданы (Д.С. Федоров телеграфировал Волошину из Ростова 20 ноября / 3 декабря 1918 г.: «Условия лекции хороши постарайтесь декабре пять картин продано» // Труды и дни-2. С. 59).

[2] См. примеч. 2 к п. 64.

[3] С лекциями на указанные темы Волошин выступил в Ялте в ноябре 1918 г. (см. примеч. 4 к п. 66).

[4] Видимо, предварительная договоренность о лекционных выступлениях Волошина в Ростове-на-Дону была достигнута при личной встрече с Э.Ф. Ципельзоном в Коктебеле.

[5] Подразумеваются М.О. и М.С. Цетлины.

[6] Ответного письма Ципельзона в архиве Волошина не выявлено.

68. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 19 октября / 1 ноября 1918 г. Коктебель[1]

1918.

Дорогая Александра Михайловна,

ради Бога, если есть какая-нибудь возможность, приютите маму у себя на зиму. У нее были раньше планы на зимовку в Коктебеле, но все они сорвались. Настроение у нее отчаянное (по отношению ко мне), почти такое же, как было перед моим отъездом в Базель.[2] Сережа Вам все расскажет подробно.[3]

Мне же надо ехать читать лекции. Еду сперва в Ялту,[4] потом в Одессу, куда меня зовут и ждут Цетлины.[5] Вероятно, месяца 2–3 буду в турне. Верно, уеду в понедельник.[6]

Маме же немыслимо оставаться одной в Коктебеле – нет ни дров, ни запасов – ничего. Я все это время работал исступленно. Написал 85 акварелей для разных выставок[7] и 2 лекции.[8] За всей этой работой наши отношения с мамой окончательно перепутались, обострились и дошли до нервного кризиса. Но пусть Сережа расскажет.

Если только возможно – приютите ее. Она может привезти с собой прислугу – милую девочку, которая служит теперь у нас.[9] Она сама Вам пишет.[10] До свиданья. До понедельника.

МАХ.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни-2. С. 56.

[2] Об отношениях Волошина с матерью накануне его отъезда в Базель летом 1914 г. см. в комментарии к его письму А.М. Петровой от 1/14 сентября 1914 г. (Т. 10 наст. изд. С. 257–258).

[3] Письмо Волошина было отправлено в Феодосию с С.Я. Эфроном, уезжавшим из Коктебеля в Добровольческую Армию через Феодосию. См. примеч. 4 к п. 63.

[4] О пребывании Волошина в конце 1918 г. в Ялте см.: Труды и дни-2. С. 57–59.

[5] См. примеч. 2 к п. 58.

[6] Волошин выехал из Коктебеля в Феодосию 22 октября / 4 ноября 1918 г. См.: Труды и дни-2. С. 57.

[7] См. примеч. 1, 3 к п. 66.

[8] Вероятно, речь идет о лекциях «Скрытый смысл войны» (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 368–404, 871) и «Россия распятая» (*Там же.* С. 454–505, 894), которые готовились Волошиным для выступлений в турне по городам Черноморья.

[9] Неустановленное лицо.

[10] Письмо Е.О. Кириенко-Волошиной А.М. Петровой не обнаружено. Отъезд ее в Феодосию состоялся только в начале декабря 1918 г. (см.: Труды и дни-2. С. 60).

69. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

3/16 декабря 1918 г. Симферополь

Симферополь. Александроневская ул., д<ом> Усова, кв. Семенкович.

16 декаб<ря> 1918.

Милая мама,

я наконец в Симферополе.[1] С моим антрепренером, разумеется, ничего не вышло. Он уехал в Симферополь, чтобы устроить мои лекции и вызвать меня через 3 дня.[2] А только через 2 недели я получил от него письмо из Екатеринослава, где он мне как ни в чем не бывало сообщал, что устраивать в Екатеринославе лекции не стоит, хотя об этом у нас и речи не было.[3] Поэтому я просидел в Ялте лишних 2 недели (о чем отнюдь не жалею),[4] выехал в Симферополь третьего дня по предложению лит<ературно>-худ<ожественного> Общества «Анчар». Впервые испытал по дороге прелести железнодорожного путешествия в товарных вагонах. Поезд шел от Севаст<ополя> до Симферопо<ля> (80 верст) – 8 часов. Стояли стоймя, т<ак> к<ак> нет ни скамеек, ни места сесть на пол. Взбираться надо гимнастически – без подножек. Публика солдатская и ультра-демократическая. Все время поют хором и рассказывают крепкие анекдоты. Такого обилия революционно-пролетарского фольк-лора я не слыхал за всю революцию. Но в общем очень милое дружеское отношение друг к другу. Так что от людей впечатление скорее приятно. Но очень утомительно. Мое путешествие заняло целые сутки, и

все время не только прилечь, но и присесть было негде, т<ак> к<ак> на пароходе тоже стояли плечом к плечу во II классе. У меня назначены уже лекции в Севастополе с 25 декаб<ря>, а оттуда я все же думаю проехать в Одессу, хотя едва ли мое путешествие по южной России состоится – с одной стороны, благодаря политическому положению – теперь там не до лекции, с другой же стор<он>ы потому, что зимой при морозе многодневное путешествие в открытых товарных вагонах в моем осеннем дырявом пальто – совершенно немыслимо. Мне придется ограничиться теми местами, куда возможно попасть на пароходе. Т.е. Одессой и, м<ожет> б<ыть>, Ростовом.[5]

Из Ялты было очень жаль уезжать, т<ак> к<ак> я очень подружился там с Недоброво и Сазоновыми (Слонимской).[6] Очень дружеские отношения установились у меня тоже с гр<афом> Апраксиным. Он мне читал, между прочим, свой дневник, что он вел в Царском Селе после революции, – он был один из 3 человек, не покинувших царскую семью. Там много подлинных слов царя, царицы.[7] Поразительно интересно. Потом я тебе все расскажу.

Я останусь в Симферополе до 24<-го>. Поэтому если успеешь, то пиши мне сюда по адресу в заголовке письма. Но лучше пиши мне в Севастополь на имя Георгия Матвеевича Шлее. Гостиница Кист. Для меня. И перешли туда же письма, пришедшие на мое имя.

До свиданья. Целую крепко. Как твое здоровье?

MAX.

[1] Волошин приехал из Севастополя в Симферополь 1/14 декабря 1918 г.

[2] Организацией лекций Волошина занимался антрепренер Иван Иванович Гелевр; согласно соглашению, заключенному между ним и Волошиным в Ялте 12/25 ноября 1918 г., местом устройства лекций были указаны Севастополь, Симферополь и Евпатория, 75% чистого сбора поступали Волошину, 25% – Гелевру (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 404).

[3] 20 ноября / 3 декабря 1918 г. Гелевр писал Волошину из Екатеринослава: «Ввиду прекращения движения поездов на Украйне

мы побоялись быть отрезанными в Крыму и продвинулись прямо в Екатеринослав, где и думали <...> устроить Ваши лекции, но, к сожалению, здесь еще хуже, время очень смутное, театры закрывают <...> вероятно, нам придется вернуться опять в Крым, где устроим Ваши лекции <...> Здесь же в настоящее время нельзя заработать абсолютно ничего» (*Там же*).

[4] После последнего лекционного выступления 10/23 ноября Волошин прожил в Ялте до 30 ноября / 13 декабря, в этот день он переправился на пароходе в Севастополь (Труды и дни-2. С. 59).

[5] См. примеч. 1 к п. 67.

[6] Н.В. Недоброво и его жена Л.А. Недоброво, П.П. Сазонов и его жена Ю.Л. Сазонова-Слонимская.

[7] Арест императорской семьи в Царском Селе по постановлению Временного правительства описан в статье П.Н. Апраксина «9-го марта 1917 года в Царскосельском дворце (По дневнику)» (Новое Время (Белград). 1922. № 268, 17 марта. С. 2–3).

70. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

13/26 декабря 1918 г. Севастополь

26/XII 1918. Севастополь. Екатерининская, 58.

Милая мама, обе твои открытки получил в Симферополе.[1] Значит, ты наконец переехала в Феодосию.[2] Я пробыл в Симферополе 10 дней – прочел три лекции и заработал 800 р.[3] Убедился в том, что широких лекций с тысячными сборами я делать не могу, но лекция 200–300 р. всегда может мне дать. У меня всюду создается своя небольшая публика, которая посещает мои лекции аккуратно и неизменно. В Симферополе у меня создался обширный круг друзей, и так же, как из Ялты, уезжать из него не хотелось. Населен он министрами, профессорами и громилами. С последними мне познакомиться не пришлось. Моральный успех лекций очень большой. Много шуму и споров вызвала моя политическая статья: «Вся власть – Патриарху».[4] Через краевое правительство, вероятно, пройдет мой закон о тантьеме.[5] Помнишь мой проект «Гильдии Св. Луки»?[6] Это для Крыма, конечно, не нужно, но это послужит прецедентом для будущего его проведения чрез всерус-

ское законодательство. В Севастополь я приехал вчера — на этот раз с большими удобствами — в I кл<ассе> в министерском вагоне с экстренным поездом прямо к началу моей первой лекции в Народном Университете.[7]

Здесь мне отвели маленькую комнатку, правда, сырую и слишком жарко натопленную, но самостоятельную, чего я уже давно не видел. К моей коллекции знакомств <с> политическими деятелями революции и контр-революции еще прибавил<ся> «матрос» Федор Баткин.[8] В Одессе был свирепый уличный бой, но теперь она крепко оккупирована союзниками и там тихо.[9] Как только я закончу свои севастопольские лекции (еще не знаю, сколько их будет), уеду прямо в Одессу. По югу едва ли удастся мне проехать, и я, вероятно, пробыв там с месяц, проеду снова в Крым и, побывав в Феодосии, в Ростов морем же.

Я не успел написать тебе пред отъездом из Симферополя и потому просил одну студентку — Трегубову, ехавшую в Феодосию, побывать у тебя и рассказать о моих лекциях и о моем пребывании в Симферополе. Она, верно, это сделает раньше, чем мое письмо дойдет до тебя. Посылаю тебе это письмо с Алекс<андром> Алекс<андровичем> Байковым, который едет в Феодосию, если успею его перехватить завтра утром.

В Симферополе я жил в Музыкальн<ом> училище Е.М. *Семенкович* — очень милой и доброй дамы, которая хочет на лето проехать в Коктебель и будет тебе писать о комнатах. Костя Кедров был сильно болен и все время, как я был в Симферополе — он лежал в постели. Теперь заболели Наташа и Оля.[10] У них две крошечных сырых и душных комнаты. Надеюсь Костю увидать здесь, т<ак> к<ак> он в субботу[11] здесь дает концерт.

В Симферополе он совсем не имеет успеха как певец, но как преподаватель — да.

До свиданья. Крепко целую тебя. Привет Алекс<андре> Мих<айловне>.[12] Напиши, как ты оставила Коктебель и что в доме? Как живет Алекс<андра> Мих<айловна>? Теперь пиши мне в Одессу: Цетлиным Нежинская 34. Хотя неизвестно, как будет ходить почта...

Вероятно, перед отъездом из Севастополя я вышлю тебе часть заработанных денег.

Мах.

P.S. Посылаю тебе 1000 руб. с Ал. Ал. Байковым. Если тебе надо, распоряжай<ся> ими как хочешь. Не надо ли денег Володе Рагозинскому? Предложи ему из этих денег.

[1] Первая открытка не сохранилась. Вторая открытка (5/18 декабря 1918 г.) – ответ на п. 69.

[2] Во второй открытке, отправленной из Феодосии 20 декабря (дата на почтовом штемпеле), Е.О. сообщала о предстоящем переезде к феодосийке К.Н. Кресберг: «...я завтра выезжаю в Феодосию, и приходится мне везти с собой кровать, стол, тол <sic!>, умывальник, горшок, ибо, как пишет К.Н. Кресберг, ничего этого д<ля> меня у нее нет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 658, л. 28).

[3] Волошин прожил в Симферополе с вечера 1/14 декабря до утра 12/25 декабря 1918 г. Имеются сведения о последней из прочитанных им в Симферополе лекций – «Апокалипсис города (судьба Верхарна)» в зале Женской гимназии 10/23 декабря (Труды и дни-2. С. 60).

[4] Эта статья была опубликована в симферопольской газете «Таврический Голос» 9/22 декабря 1918 г. (№ 67). См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 22–24.

[5] Тантьема (*фр.* tantième – часть) – вознаграждение, выплачиваемое в виде процента от прибыли директорам и служащим акционерных обществ, банков, страховых компаний. Новое краевое правительство под председательством С.С. Крыма было сформировано в Симферополе 2/15 ноября 1918 г., большинство министров в нем были представителями кадетской партии.

[6] См. статью Волошина «Гильдия св. Луки (Всероссийский Союз Художников)» (1917; Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 9–12).

[7] Первая лекция, прочитанная Волошиным в Севастополе 12/25 декабря 1918 г. в Народном университете (Екатерининская ул., 58) – «Россия распятая». См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 454–505.

[8] Ф.И. Баткин – эсер, представитель делегации Черноморского флота в Петрограде в апреле 1917 г. и участник корниловского похода – упоминается в стихотворении Волошина «Матрос (1918)» («Широколиц, скуласт, угрюм...», 14 июня 1919). См.: Т. 1 наст. изд. С. 320.

[9] В результате продолжительного боя 22 ноября / 5 декабря 1918 г. с петлюровскими частями Добровольческая Армия заняла Одессу. Высадка союзных англо-французских войск в Новороссийске, Севастополе и Одессе состоялась 10–14 / 23–27 ноября 1918 г.

[10] Дочери К.Н. Кедрова – Наталья Константиновна Кедрова и Ольга Константиновна Кедрова.

[11] 15/28 декабря.

[12] А.М. Петрова.

1919

71. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

24 декабря 1918 / 6 января 1919 г. –
27 декабря 1918 / 9 января 1919. Севастополь

6/I 1919. Севастополь. Екатерининская 58. Народный Университет.

Милая мама, только что получил большой пакет писем из Феодосии, переправленный мне сюда Лёлей Ляминой, и в нем твое письмо от 13/XII, и открытка уже из Феодосии (27/XII).[1] Я тебе писал из Севастополя с Алекс<андром> Алекс<андровичем> Байковым и послал тебе с ним 1000 р. из заработанных мною здесь денег.[2] Но он, как я узнал значительно позже, вдруг перерешил и вернулся в Симферополь. Если он не поедет совсем, то перешлет тебе по почте и то <и> другое. В Севастополе я прочел, приехавши, 2 лекции в Народн<ом> Универ<ситете>, а затем мне было обещано устройство остальных трех – и вот я сижу жду – и уже меня дважды обманули и приходится все праздники сидеть здесь. Здесь у меня при Народном Унив<ерситете> маленькая одиночная камера со столом, стулом и соответст<венно> кроватью. У меня есть уединение в 4 голых стенах. Но почему-то напала головная боль и *сонница*. Готов спать целыми днями и через 2 часа снова хочу спать. Верно, нервная усталость и подъем<?> этих двух месяцев выходят таким образом. А может быть, это форма испанки – которой у меня до сих пор так и не было почему-то. Я все это время*

---

* *Фраза не дописана.*

9 янв<аря>

Тут у меня был перерыв на 3 дня. Я не знал, оставаться ли мне в Севастополе или ехать сейчас же в Одессу. Благодаря праздникам у меня оказался перерыв в лекциях – величиной почти две недели. Я прочел 2 лекции, а остальные затянулись. Но теперь выяснилось, что я смогу прочесть еще 2 теперь же в здании гимназии – устраивает педагогический союз.[4]

Из Нар<одного> Унив<ерситета> я теперь переехал в гимназию, где живу в кабинете врача в одной комнате со скелетом.

Я встретил недавно Валю Селезнева. Я с самого приезда в Севаст<ополь> искал и узнавал о нем и о Диме.[5] Но мне говорили, что ни того, ни другого здесь нет. Это оказалось правда. Но Валя приехал на несколько дней из Добровольч<еской> Армии по делам, мы встретились случайно через Тутырина (племян<ника> Байковых), который тоже здесь, и провели вместе целый вечер. Он стал вдвое выше меня ростом. Но по характеру и по психологии совершенный ребенок – очень милый, наивный, доверчивый, почти не изменился со времени приезда в Коктебель.

Севастополь мне очень нравится как город – самый красивый и строгий из крымских городов. Как всюду, у меня здесь возникло много друзей и знакомых, но менее близких, чем в Ялте. Мои планы теперь таковы: в Одессе я пробуду с месяц, а затем вернусь в Феодосию, с новой остановкой в Ялте. Оттуда же спишусь с Ростовом и проеду туда морем, т<ак> к<ак> ехать теперь по Южн<ой> России невозможно и в смысле путешествия, и в смысле чтений.

Так что теперь мой адрес: Одесса. Нежинская 34, кв. Цетлиных. (Я только теперь узнал их точный адрес).

Напиши мне, как ты устроилась у Кресберг? Меня беспокоит этот случай сыпного тифа в их квартире.[6]

Я уже начинаю утомляться от людей, и хотелось бы замкнуться для работы в своей мастерской. Хочется писать стихи. Но это наступит не скоро.

До свиданья. Крепко тебя целую. Что Алекс<андра> Мих<айловна>?

Макс.

[1] Е.С. Лямина выслала Волошину письма, отправленные ему по ялтинскому адресу. Письмо Е.О. от 14/27 декабря 1918 г. было отправлено в Севастополь по адресу, указанному Волошиным в п. 69 (получено 31 декабря 1918 г., согласно почтовому штемпелю).

[2] См. п. 70.

[3] См. примеч. 7 к п. 70.

[4] Эти лекции Волошин прочел 29 декабря / 11 января («Скрытый смысл войны») и 30 декабря 1918 / 12 января 1919 г. (о Сурикове) (Труды и дни-2. С. 62).

[5] Сыновья В.О. Вяземской (в замужестве Селезневой) – офицер Добровольческой Армии Валериан Дмитриевич Селезнев (1898–1920, убит) и Дмитрий Дмитриевич Селезнев (1897–1980, Париж), моряк.

[6] 14/27 декабря 1918 г. Е.О. писала Волошину о своем переселении на зимние месяцы в Феодосию: «...сегодня уже неделя как я у Кресбергов <...> мне не удалось поселиться ни у Алек<сандры> Мих<айловны> <Петровой. – *Ред.*>, ни у Рогозинских, а приходится жить в малознакомой и чуждой мне семье, чужой среди чужих <...> Брат Кресберг заболел сып<ным> тифом, отправлен вчера в больницу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 658, л. 31). Отвечая на вопрос Волошина, Е.О. писала ему 25 декабря 1918 / 7 января 1919 г.: «...очень тоскливо жить среди чужих людей, в чужой обстановке, где и духа нет московского нашего обормотника; но жаловаться на Крезбергов мне не за что: они очень милые люди, относятся ко мне хорошо, но мы совсем чужды друг другу» (*Там же*, л. 29).

72. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

2/15 – 4/17 января 1919 г. Севастополь[1]

Севастополь. 15 янв<аря> 1919.

Милая мама, сегодня получил твою открытку от 2/I. Перерыв в моих письмах объясняется тем, что Ал. Ал. Байков, которому я дал письмо для тебя, в Феодосию не поехал, и, может, и следующее мое письмо пропало.[2] Я тебе пишу регулярно. Кстати – он тебе передаст или перешлет не 1000, а только 500 р., потому что я, будучи в Ялте, предложил Лёле денег, и она мне теперь написала, что ей очень нужно, и я ей переслал.[3]

Я до сих пор еще в Севастополе — благодаря праздникам в чтении моих лекций произошел перерыв, а те, которые были, собирали очень мало публики.[4] Между тем меня просят еще остаться и прочесть несколько, поэтому надежда на заработок меня все же удерживает, тем более что в Одессе положение тяжелое еще и чем позже я туда попаду, тем для моих лекций положение будет благоприятнее.

Из тех писем, что ты мне переслала, — было одно от Пешковского — он в Екатеринославе — профессор.[5] Что-то с ним теперь сталось со всеми екатеринославскими боями и разгромами.

Было письмо от Майи — она в Новочеркасске: Ярмарочная ул., д. 25.[6]

Письмо очень хорошее. Напиши ей туда. Было и письмо от Марины для Сережи[7] в конверте, написанном не ее рукой. Я послал его Сереже с Валей Селезневым. Но теперь мне Рома Новинский говорил, что Сережа в Феодосии. Верно ли это? Я думаю, что это недоразумение, т<ак> к<ак> Тутырин мне говорил, что он именно не смог попасть обратно в Крым.

17 января 1919.

Кажется, завтра или послезавтра уеду в Одессу: все дело в пароходе.

Вчера провел очень интересный день на работах по поднятию дредноута «Мария».[8] Спускался внутрь в подводную часть под давлением нескольких атмосфер — где производятся работы. Удивительная картина: путе<ш>ествие по разобранным железным внутренностям морского чудовища, перевернутого на спину.

Третьего дня здесь читалась лекция обо мне и о Блоке. Вообще теперь всюду начинают читать лекции о моих стихах. В Симферопольском Университете мой «Протопоп Аввакум» дан как тема для студенческих семинарий, и №№ журнала, где он напечатан,[9] выписывают для школьных библиотек. Но это все же вовсе не привлекает большой публики на мои лекции. Посмотрим, как будет в Одессе. Не очень тревожься, если из Одессы не будешь получать от меня писем, т<ак> к<ак>

<с почтой?> тут обстоит неблагополучно. Но те<леграммы>* идут снова. Адрес Цетлиных: Нежинс<кая 34>.

До свиданья. Надеюсь, проехав туда,[10] застать там твои письма, потому что, конечно, ты не думаешь, что я еще сижу в Севастополе.

Крепко тебя целую.

MAX.

Отчего ты ничего не пишешь об Александре Михайловне?[11]

[1] Закрытое письмо («секретка»), край листа оторван. Отправлено по адресу: Феодосия. Бульварная ул., дом Мангуба. В. Кресберг.

[2] 20 декабря 1918 / 2 января 1919 г. Е.О. писала Волошину: «...ты мне совсем перестал писать: после твоего последнего письма от 16/XII я ничего уже не получала. <...> Услышала о тебе кое-что от приехавшей из Симферополя барышни да узнаю из газет о твоих успехах с лекциями и декламацией стихов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 658, л. 32).

[3] Е.С. Лямина. Просьбу одолжить «рублей 500, или меньше» содержало ее письмо к Волошину от 22 декабря 1918 / 4 января 1919 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 803, л. 47–47 об.).

[4] См. примеч. 7 к п. 70, примеч. 4 к п. 71.

[5] В недатированном письме из Екатеринослава А.М. Пешковский сообщал Волошину: «Я получил приват-доцентуру с исполнением обязанностей профессора во вновь возникшем Екатеринославском Ун<иверсите>те и перебрался ради этого, несмотря на тьму препятствий, в Ек<атериносла>в» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964, л. 63).

[6] В письме из Новочеркасска от 19 октября 1918 г. М.П. Кудашева подробно рассказывала о своих злоключениях в последние месяцы и признавалась: «...я так тоскую о старых днях своих, – о ветре на твоем взморье, – о твоих прекрасных горах, – о стихах, – о свободе, – о звездах над твоей вышкой! – Да, – моя злоба к тебе совсем прошла, – и я совсем иначе думаю о всем бывшем. – Я хотела бы, чтобы хоть немного нежности в тебе осталось ко мне!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1034, л. 46–49 об.).

[7] М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон. Упомянутое письмо, вероятно, не сохранилось.

---

* *Край листа с текстом оторван.*

[8] Имеется в виду дредноут «Императрица Мария».
[9] См. примеч. 2 к п. 60.
[10] Подразумевается: в Одессу.
[11] А.М. Петрова.

73. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

4/17 января 1919 г. Севастополь

17 янв<аря> 1919. Севастополь.

Милая мама, получил сегодня твое письмо от 25/XII, переданное мне «барышнями», – их же не видал – зайдут завтра. Относительно опасности на улицах – от грабежей – не бойся: в Севастополе сравнительно тихо – только перестрелка всю ночь: палят в рефлекторы на союзных судах, большевики с Корабельной. В Симферополе – там действительно грабят. В Одессе тоже, но сильно уменьшает<ся>.[1]

Сегодня видел профес<сора> Д. Гримма (бывш<ий> ректор СПб. Универ<ситета>).[2] Он мне говорил о впечатлении, произведенном в Киеве появлением «Аввакума»,[3] где называют его «литературным событием». То же слыхал сегодня о том, какое впечатление произвела в Ялте на Епархиальном Съезде моя статья «Вся власть Патриарху».[4] Номера «Таврического Голоса» с ней покупались за большие деньги, и об ней говорили, как о *первом* настоящем политическом голосе. Это все меня интересует сейчас с точки зрения практической: это все создаст мне в Крыму более обширную аудиторию и даст мне постоянный лекционный заработок.

Очень хотелось бы сейчас же замкнуться в Коктебеле для новых стихов – это я сделаю весной. Так же надо составить ряд новых лекций и исправить и переработать часть старых.

Мне очень жаль, что Рагозинский не приехал на Научно-Курортный съезд, в Севастополь, как собирался: мне его было нужно – я бы его со многими познакомил. Но думаю, что он получит несколько писем с разными предложениями.

Пожалуйста – предложи ему взаймы из моих денег – ему, верно, сейчас очень необходимо. А я, верно, еще заработаю.

Тебе Байков передаст не 1000 р., а 500 р. Т<ак> к<ак> я послал Леле Ляминой 300 и Татиде — 200 — она тоже сидит в Одессе без работы до сих пор, как я узнал.

Чаю здесь у англичан нет и самих англичан нет.[5] А у французов можно было кое-что купить задешево первые дни — но только на французские же деньги, которых ни у кого не было. А когда франки появились, то и товары вздорожали и источник их иссяк сразу. Может, в Одессе достану.

Еду я в Одессу теперь с первым же пароходом — но едва ли он пойдет раньше 2–3 дней.[6]

Крепко тебя целую.

МАХ.

[1] Отклик на беспокойство Е.О., выраженное ею в письме от 25 декабря 1918 / 7 января 1919 г. (отправленном с одной из знакомых Рогозинских, «едущей завтра в Севастополь»): «Говорят, что в Севастополе, а в особенности в Одессе ночные грабежи на улице приняли ужасающие размеры. И мне за тебя страшно, ибо знаю, что сидеть вечером и ночью дома ты не будешь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 658, л. 29–29 об.).

[2] Д.Д. Гримм, будучи с 1906 г. деканом юридического факультета Петербургского университета, был в 1910 г. избран ректором Университета; оставил эту должность в 1911 г. вследствие студенческих волнений.

[3] См. примеч. 2 к п. 60.

[4] См. примеч. 4 к п. 70.

[5] Во исполнение разделения сфер влияния между союзниками – французами и англичанами – на юге России 28 декабря 1918 / 10 января 1919 г. в Севастополе высадился полк французской пехоты. Е.О. писала Волошину 25 декабря 1918 / 7 января 1919 г.: «Мне вчера говорили, что в Севастополе у англичан можно купить русский чай <...>. Купи, если можно».

[6] Точная дата отплытия Волошина из Севастополя в Одессу не установлена: около 7/20 января 1919 г. (Труды и дни-2. С. 63).

74. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ОДЕССКИЙ ЛИСТОК»

Не позднее 10/23 марта 1919 г. Одесса[1]

К суду над Е.Ю. Кузьминой-Караваевой
(Письмо в редакцию).

Пришло известие, что в Екатеринодаре предана военно-полевому суду Елисавета Юрьевна Кузьмина-Караваева по обвинению в большевизме, и ей грозит смертная казнь.[2] Нельзя прочесть это известие без тревоги. Кузьмина-Караваева — поэт, мыслитель, философ, — первая из русских женщин окончила духовную академию[3] и прочилась в ректоры предполагавшейся женской духовной академии. (Ее книги: «Скифские черепки», «Руфь», «Юрали»[4]).

Со времен февральской революции она была городским головой города Анапы, и не покинула своего поста и при большевиках, и только впоследствии, под угрозой расстрела, была принуждена бежать оттуда. Мы не знаем в точности обвинения, предъявленного ей, но, во всяком случае, все, знающие Елисавету Юрьевну, могут засвидетельствовать, что она не только не имела ничего общего с большевизмом, но была его ярой противницей.

Мы надеемся и уверены, что суд над Кузьминой-Караваевой окончится ее полным оправданием. Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей, особенно такого веса и подлинности, как Кузьмина-Караваева.[5]

Максимилиан Волошин, гр. Алексей Толстой, Леонид Гроссман, Габриель Гершенкройн, Натан Инбер, Вера Инбер, Наталья Крандиевская, Тэффи, Амари, Александр Биск, Александр Кипен.

[1] Письмо (текст его составлен Волошиным) было опубликовано в газете «Одесский Листок» 11/24 марта 1919 г. (№ 78).

[2] Это обвинение было вызвано тем, что в феврале 1918 г. Е.Ю. Кузьмина-Караваева была избрана в Анапе (перешедшей тогда под власть большевиков) городским головой; в апреле 1918 г., после

того как большевистский Совет народных комиссаров упразднил анапскую Управу, приняла должность комиссара народного образования и медицины. В конце апреля 1918 г., порвав с большевиками, она уехала в Москву как представитель Черноморской губернской организации на VIII Совет (съезд) партии эсеров, возвратилась в Анапу в октябре 1918 г., где была арестована контрразведкой Добровольческой Армии и несколько месяцев провела в тюрьме Анапы. 2/15 марта 1919 г. Кубанский краевой военно-окружной суд в Екатеринодаре рассмотрел дело Кузьминой-Караваевой, обвинявшейся в сотрудничестве с большевиками и участии в реквизиции местного санатория доктора Будзинского и винных подвалов общества «Латипак». Благодаря умело организованной защите, она была приговорена лишь к двухнедельному аресту «при тюрьме». См. очерк Кузьминой-Караваевой «Как я была городским головой» (1925) и комментарии к нему А.Н. Шустова (*Кузьмина-Караваева Елизавета (Мать Мария)*. Равнина русская. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 587–617, 716–717), а также: *Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева в годы революции и Гражданской войны // Новый часовой. 2000. № 10. С. 82–92. Публикации, посвященные судебному делу Кузьминой-Караваевой, составили раздел «Дело Е.Ю. Кузьминой-Караваевой на страницах кубанской и московской прессы» в кн.: *Мать Мария* (*Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.*). Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки / Сост. Т.В. Викторовой, Н.А. Струве. М.; Париж: Русский путь – Книжница – YMCA-Press, 2012. С. 500–512. Помимо публикуемого письма из «Одесского Листка, эта подборка включает подробный репортаж о процессе из газеты «Утро Юга», а также заметки из газет «Приазовский Край» и «Известия».

[3] Имеется в виду, что в 1915 г. Кузьмина-Караваева сдавала экстерном экзамены по богословским предметам профессорам Санкт-Петербургской духовной академии.

[4] Стихотворные сборники Кузьминой-Караваевой «Скифские черепки. Стихи» (СПб.: Цех поэтов, 1912), «Руфь» (Пг., 1916) и ее лирико-философская повесть «Юрали» (Пг., 1915).

[5] На следующий день после публикации этого письма в «Одесских Новостях» (1919. № 10956. 12/25 марта) появилась заметка «К судьбе Кузьминой-Караваевой», в которой сообщалось, что «группа писателей» обратилась к администрации Добровольческой Армии и митрополиту Платону с ходатайством об облегчении участи поэтессы.

75. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

15/28 марта 1919 г. Одесса

28 III <19>19. Одесса.

Милая мама, сейчас 2 часа ночи – я только что вернулся домой и прислуга мне сказала, что был Кресберг за письмом к тебе.[1] Я его ждал всю неделю, решил, что он уехал, и заранее приготовленное письмо передал вчера Полуэктовым – тоже едущим в Феодосию, но, вероятно, пароходом позже. Так что оно попадет <к> тебе позже: тебе занесет его Галя Полуэктова и расскажет обо мне и об Одессе.[2] Теперь же пишу тебе наскоро, чтобы завтра утром отдать Кресбергу. Я его встретил неделю назад на улице и получил от него твое письмо.[3] Единственное за все время в Одессе: остальные верно просто не дошли до Одессы, т<ак> к<ак> я был и на почте и в соседнем доме № 34 – туда ничего не приходило. Это очень досадно.

Хотя екатеринодарский адрес Лили Дмитриевой – я узнал здесь – случайно встретив ее belle-mère.*[4]

Меня задерживает сейчас только издание моей книги «Демоны Глухонемые».[5] Я устроил здесь уже 4 книжки.[6] Только с этой все не везет: нет бумаги, и сейчас мой издатель поехал в Константинополь за бумагой и будет мне телеграфировать. Если бумага найдется, то я за нее одну получу тысяч 6 и тогда привезу домой около 10 тысяч. Но это все еще проблематично. Здесь многие боятся большевиков. Но не думаю, чтобы французы сдали Одессу, т<ак> к<ак> они свезли сюда много войск, припасов и амуниции, которые они едва ли захотят отдавать в руки большевиков. Но большевики совсем близко – в 15–20 верстах. Но в городе никакой паники и все занимаются своими делами.

Если в ближайшие дни не случится ничего неожиданного, то, конечно, Одесса совсем не будет взята.[7] Хотя атаман Григорьев и печатал в прокламациях, что возьмет ее завтра (29) в 9 ч. утра.[8]

Я опять был простужен и сидел дома; все время писал статьи, т<ак> к<ак> на меня сейчас большой спрос. Я писал

---

* Свекровь *(фр.)*.

тебе, что я теперь приглашен в «Русское Слово», которое на днях возобновляется в Одессе.[9]

Кроме Цетлиных и Толстых в Коктебель собирают<ся> еще ряд одесских литераторов, между ними Гроссман, с которым я очень подружился за это время и который устраивал все мои книги.

Алехан кончает еще одну комедию из XVIII века (вторую).[10] Очень остроумную и блестящую: он нашел свой истинный жанр.

Покойной ночи. Крепко целую тебя. Привет Алекс<андре> Мих<айловне>,[11] Рагозинским, Елен<е> Павл<овне>, Сереже,[12] если он приехал.

MAX.

[1] Давид Моисеевич Кресберг, помощник бухгалтера в банке, хозяин квартиры в Феодосии, в которой проживала Е.О. зимой 1918–1919 г.

[2] Письмо Волошина к Е.О., переданное феодосийцам Полуэктовым 14/27 марта 1919 г., видимо, не дошло до адресата и не сохранилось (Полуэктовы задержались в Одессе на более длительный срок, чем Волошин; см. п. 76).

[3] Имеется в виду письмо Е.О. от 26 февраля 1919 г. («Пишу тебе сегодня 26/II, ибо Давид Моисеевич Крезберг сказал мне, что собирается с первым пароходом ехать в Одессу и может доставить тебе это письмо лично»), содержащее приписку от 28 февраля, сделанную по получении несохранившегося письма Волошина из Одессы от 10 февраля: «...так рада, что ты теперь уже здоров и скоро возвращаешься. Очень довольна, разумеется, также, что Цетлины и Толстые будут жить у нас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 658, л. 35–35 об.) Планировавшийся летний приезд М.О. и М.С. Цетлиных и А.Н. Толстого с Н.В. Крандиевской-Толстой в Коктебель не состоялся.

[4] Е.И. Васильева (Дмитриева) обосновалась в Екатеринодаре (вместе с мужем – В.Н. Васильевым и Б.А. Леманом) в ноябре 1918 г. (Хроника жизни и творчества Е.И. Васильевой (Черубины де Габриак) / Сост. В.П. Купченко // *Черубина де Габриак.* Исповедь. М.: Аграф, 1998. С. 327).

[5] Переиздание книги стихов Волошина «Демоны глухонемые» в Одессе не состоялось. Договор на это издание был заключен с Е.И. Рузером 21 марта / 3 апреля 1919 г. (Труды и дни-2. С. 69).

[6] Согласно записи, сделанной Волошиным в марте 1919 г., в Одессе намечались к печати его книги: в издательстве «Печать и

книга» – «Стихи о России», «Суриков»; в издательстве «Омфалос» – 2-й том стихов, Э. Верхарн (переводы), А. де Ренье (переводы) (Труды и дни-2. С. 68). 17/30 марта 1919 г. в «Одесском Листке» (№ 84. С. 4) было помещено сообщение о планах издательства «Омфалос» выпустить книги Волошина «Стихотворения 1900–1910 гг.», «Вторая книга стихов (1910–1919)» и книги поэм Э. Верхарна и А. де Ренье в переводах Волошина. Вышли в свет только «Стихотворения» Верхарна в переводе Волошина в издательстве «Омфалос» предположительно летом 1919 г. См.: *Лущик С.З.* Книгоиздательство «Омфалос» // Книга. Сб. 66. М.: Книга, 1993. С. 158–174.

[7] Эвакуация из Одессы французских и греческих войск, штаба Добровольческой Армии и других русских учреждений началась 21 марта / 3 апреля 1919 г.; 24 марта / 6 апреля Одесса была полностью занята красными.

[8] Части атамана Григорьева (воевавшего на стороне красных) вошли в Одессу 23 марта / 5 апреля.

[9] Возобновление издания газеты «Русское Слово» при новой смене власти, естественно, не состоялось.

[10] Алехан – А.Н. Толстой. Имеется в виду его комедия «Любовь – книга золотая», написанная в Одессе в начале 1919 г. и впервые опубликованная отдельным изданием (Берлин; Москва, 1922), переиздавалась в 1920–1930-е гг. в составе трех собраний сочинений А.Н. Толстого; в 1936 г. переработана автором и в дальнейшем печаталась по тексту второй редакции. Под первой «комедией из XVIII века», вероятно, подразумевается комедия в одном действии «Нечаянная удача (Из эпохи крепостного права)», опубликованная во «Всеобщем ежемесячнике» (1911. № 2). См.: *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 11. М.: Гослитиздат, 1949. С. 17–37.

[11] А.М. Петрова.

[12] Е.П. Паскина, С.Я. Эфрон.

76. А.А. КИПЕНУ

12/25 апреля 1919 г. Одесса

Дорогой Александр Абрамович, приходил к Вам поговорить об отъезде. Хочу ехать на днях.[1]

Бунины не едут.

Гроссман тоже.

Остаются Полуэктовы, Татида, Вы и я, т.е. 5 человек.[2]

Надо доставать пропуски.

Я со своей стороны буду хлопотать тоже, со всеми своими обществ<енными> делами я покончил и рад.

Сегодня в «Голосе Красноармейца» есть известие, что будто союзники снимают блокаду с судов.[3] Нет ли у Вас возможности узнать об этом точно?

Если это так, надо ехать морем.

Пожалуйста, позвоните мне вечером (61-52).

Сегодня я остаюсь весь день в Вашем квартале. Буду сейчас у Д<окто>ра Цвета, потом в 4–5 у Полуэктовых (Деменковой), позже у Масловых (в гимназии).

12 ч. четвер<г>. 25 апр<еля> 1919.

Максимилиан Волошин.

До Херсона путь открыт железнодорожный (22 часа езды). Говорил человек, оттуда приехавший.

[1] Речь идет о запланированном отъезде в Крым, где в эти дни власть перешла к Военно-революционному комитету (Феодосия была занята частями 2-й Украинской советской армии 9/22 апреля 1919 г.).

[2] В результате Волошин отправился в Крым морем вдвоем с Татидой (Т.Д. Цемах) утром 27 апреля / 10 мая 1919 г. на шхуне «Казак», команда которой (из пяти человек – три матроса-чекиста) шла с секретным заданием (Труды и дни-2. С. 73).

[3] Имеется в виду морская блокада, установленная частями Антанты после эвакуации из Одессы.

77. Л.П. ГРОССМАНУ

Вторая половина апреля 1919 г. Одесса[1]

Леонид Петрович,

не могу Вас дождаться. Пожалуйста, будьте добры, составьте мне список произвед<ений> русских поэтов (и иностр<анных> в хороших переводах), касающихся Революции, которые можно было бы использовать *1 мая*.[2] Я сам боюсь оказаться слишком неполон в этом списке особенно в отношении русских поэтов первой половины XIX века.

М. Волошин.

[1] Датируется приблизительно по упоминанию в записке о предстоящем праздновании 1 мая. Ср. запись В.Н. Буниной от 5/18 апреля 1919 г.: «Художники Одессы заняты приготовлением празднества первого мая. Во главе стоит художница Э<к>стер <...>. Волошин тоже в первомайской комиссии» (Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы под ред. Милицы Грин: В 2 т. <М.>: Посев, 2005. Т. 1. С. 194). 7/20 апреля в газете «Голос красноармейца» сообщалось о создании комиссии по празднованию 1 мая; руководителями Литературного отдела Комиссии были названы Волошин и некто Монастырский (Труды и дни-2. С. 71).

[2] В ходе празднования в Одессе 18 апреля / 1 мая с аэроплана были разбросаны 40 000 листовок с отпечатанными, по предложению Волошина, стихотворениями «Восстание» и «Мятеж» Э. Верхарна, «Бей, бей, барабан!» У. Уитмена, «Скифы» А. Блока и его поэмой «Двенадцать» (*Голубовский Е.М.* Стихи Блока в одесских первомайских листовках 1919 г. // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1987. Кн. 4. С. 759). Ср. запись И.А. Бунина от 13/ 26 апреля 1919 г.: «Вчера долго сидел у нас поэт Волошин. Нарвался он с предложением своих услуг (“по украшению города к первому мая”) ужасно. Я его предупреждал: не бегайте к ним, это не только низко, но и глупо, они ведь отлично знают, кто вы были еще вчера. Нес в ответ чепуху: “Искусство вне времени, вне политики, я буду участвовать в украшении только как поэт и художник”. В украшении чего? Виселицы, да еще и собственной? Все-таки побежал» (*Бунин Иван.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. С. 92).

78. И.А. и В.Н. БУНИНЫМ

3/16 мая 1919 г. Евпатория[1]

16/V 1919.

Дорогие Иван Алексеевич и Вера Николаевна, пока мы благополучно добрались в Евпаторию и второй день ждем поезда.[2] Мы пробыли день на Кинбурнской косе, день в Очакове, ожидая ветра, были дважды останавливаемы фр<анцузским> миноносцем, болтались ночь без ветра во время мертвой зыби, были обстреляны пулеметным огнем под Ак-Мечетью,

скакали на перекладных целую ночь по степям и гниющим озерам, а теперь застряли в грязнейшей гостинице, ожидая поезда.[3] Все идет нескоро, но благополучно. Масса любопытнейших человеческих документов.

Привет Петру Алек<са>нд<ровичу>, Евг<ению> Иосиф<овичу>.[4] Тат<ьяна>Дав<идовна>[5] всех приветствует.

Очень приятно вспоминать последн<ий> вечер, у Вас проведенный, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период.[6]

Максимилиан Волошин.

[1] С небольшими купюрами письмо воспроизведено в мемуарном очерке И.А. Бунина «Волошин» (Последние новости. Париж. 1932. № 4187, 8 сент.), вошедшем в его книгу «Воспоминания» (Париж, 1950). См.: *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. литература, 1967. Т. 9. С. 430—431; *Бунин Иван.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. С. 285—286.

[2] См. примеч. 2 к п. 76.

[3] Пребывание на Кинбурнской косе — 28 апреля / 11 мая, в Очакове — 29 апреля / 12 мая, пулеметный обстрел шхуны «Казак» партизанами-тарановцами в виду Ак-Мечети (на крымском берегу) — 1/14 мая, прибытие в Евпаторию — ранним утром 2/15 мая. См. описание этого морского перехода в позднейшей мемуарной записи (2 апреля 1932; Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 387—389) и в стихотворении Волошина «Плаванье (Одесса — Ак-Мечеть. 10—15 мая)» (12 июня 1919; Т. 1 наст. изд. С. 331—332).

[4] П.А. Нилус, Е.О. Буковецкий.

[5] Т.Д. Цемах.

[6] Волошин ночевал у Буниных накануне отплытия из Одессы (26 апреля / 9 мая 1919 г.). Ср. свидетельство В.Н. Буниной: «Волошин устроил себе выезд через комиссара красного флота, поэта, который пишет триолеты <...>. Последний вечер Волошин проводит у нас со своей спутницей, Татидой. Сидим при светильниках в полумраке. Грустно. На столе жалкое угощение. <...> Волошин одет поморскому: в куртке с большим вырезом и в берете. Он снабжен всякими документами на тот случай, если попадется в руки французам, у него одни документы <...>, а если будет обыск при отходе, — то он имеет какие-то мандаты» (Устами Буниных... Т. 1. <М.>: Посев, 2005. С. 206). 18 октября 1919 г. В.Н. Бунина писала Волошину из Одессы: «На днях у нас был Гроссман и сообщил, что Вы у себя в Коктебеле

<...>. Вашу открытку мы получили. Спасибо за нее, – мы сильно беспокоились о Вас и были рады, что Вы и Татида благополучно добрались до Крыма. После Вашего отъезда нам первое время очень Вас недоставало. Часто мы с Яном <И.А. Бунин. – *Ред.*> жалели, что вечер наступает темный, жуткий, а Вас нет. Вы тогда вовремя уехали, после Вашего отъезда начались строгости, расстрелы очень усилились и атмосфера была донельзя гнетущая. Хотя я лично духом не падала, занятий не бросала, но все же подчас было тяжело» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 298).

79. Н.К. ГУДЗИЮ

23 мая / 5 июня 1919 г. Феодосия.

5 VI 1919. Феодосия.

Дорогой Николай Каллиникович,

позвольте мне Вас познакомить с моим старым другом Никандром Александровичем Марксом, которого Вы, конечно, знаете хорошо как палеографа и фольклориста и одно<го> из лучших интимнейших знатоков Крыма.[1]

Максимилиан Волошин.

[1] Записка адресована в Симферополь (Волошин был на квартире у Н.К. Гудзия в Симферополе 8/21 мая 1919 г. // Труды и дни-2. С. 74).

80. Г.А. ШЕНГЕЛИ

1/14 июня 1919 г. Коктебель

Коктебель. 14 июня 1919 г.

Дорогой Георгий Аркадьевич,

сегодня в первый раз в Коктебель пришла почта с севера. И с нею Ваше письмо от 27 апреля![1]

В то время, как Вы мне его писали, я еще сидел в Одессе и изыскивал средства пробраться в Коктебель.[2]

Если б я его получил там! Но Вы ведь, очевидно, совсем не знали о моем пребывании в Одессе? Ваши предложения блестящи и соблазнительны...[3] Но ведь Ваше письмо теперь только исторический документ и кто знает, когда это дойдет до Вас, не станет ли оно таковым же? А я ведь Вам, будучи проездом в Симферополе, тоже делал блестящие предложения: по нашему уговору А.Е. Спектор[4] должен был телеграфировать Вам мое предложение приехать в Феодосию на лето заведовать подсекцией литературы (оклад 1100). От Вас тоже ответа не было. Теперь обстоятельства несколько изменились, т<ак> к<ак> литературной подсекцией уже заведует Пол<иксена> Сер<геевна> Соловьева, но я храню для Вас место заведующего литературной студией (тоже около тысячи в месяц) и жду от Вас немедленного ответа, т<ак> к<ак> предполагаю, что Вы не измените Крыму этим летом.[5]

Что же касается редакторства моего, то думаю, что все сроки моего ответа настолько давно миновали, что редакция давно нашла себе редактора помимо меня, о чем сожалею, т<ак> к<ак> не отказался бы... Но если что-нибудь подобное, хотя и не столь блестящее, представится к зиме – с удовольствием поеду в Харьков. Теперь же разрываюсь во всяческой работе: административной (охраняю сокровища искусства Киммерийского побережья) и литературной (спешу написать вызревшую за зиму новую книгу стихов – всё о России и революции). Прилагаю несколько, которые успел написать за немногие дни, проведенные в Коктебеле.

Ноябрь и декабрь 1918 я пространствовал с лекциями по крымским городам, а <с> января застрял в Одессе, откуда выехал только 10 мая. Мои странствия – сплошная фантастика. Меня одесские газеты обвиняли в контрреволюции,[6] ждали моего ареста, а все кончилось тем, что я подружился с председателем Чрезвычайки;[7] потом я ехал парусником сквозь французский флот; нас обстреливали, мы попали в отряд Тарановцев, скакали через степи до Евпатории...[8] Оттуда я уже продолжал путь в отдельном вагоне командующего войсками.[9]

Фантастика эта продолжается и теперь, потому что в Симферополе перед моим приездом заявляют, что мне после

моих лекций не позволят приехать в Крым, но я приезжаю на лодке и с такими рекомендациями, что меня немедля назначают заведующим Киммерийским отделом искусств, потом обо мне уже из Феодосии делается такой запрос, что телеграфно просят считать мое назначение «недоразумением»...[10] Пока я в этом состоянии и нахожусь, продолжая только заведовать охраной памятников Киммерийского побережья и работая над стихами в антрактах.

Секрет всех этих историй в том, что я упорно отказываюсь признавать себя большевиком и коммунистом, но заявляю, что мне с большевиками сейчас «по дороге» и что не они мне, а я им оказываю услугу, идя на работу. Партийным и провинциальным властям это трудно принять. Но я непреклонен.

Какой журнал Вы звали меня редактировать? Не тот ли, где была Ваша статья обо мне и о Коктебеле?[11] Я видел в Одессе первый номер перед самым отъездом и бесконечно пожалел, что не видал продолжения. О выходе «Демонов Глухонемых» я узнал только в Симферополе и у Спектора видел книжку.[12] Но сам так и не имею ни одного экземпляра. Я в Одессе уже продал ее второе издание, но не знаю, когда оно выйдет, потому что там издательские дела обстоят сейчас туго.[13] Спасибо за то, что писали обо мне, и за заботы о моих делах и акварелях.[14] Денег еще никаких не получал ни за акварели, ни от издателя. Очень прошу его (кто же он?) сохранить для меня авторские экземпляры и переслать мне их вместе с гонораром оказией. А, может, теперь возможно через банк? Теперь у Феодосии налаживается почтовое сношение с прочим миром: раз в неделю будет ходить почтовый автомобиль на Симферополь и есть надежда, что и это письмо уйдет. Ведь Вы знаете, что после Ислам-Терека[15] жел<езная> дор<ога> не действует благодаря обстрелу? Вообще близость фронта весьма отягчает и усложняет жизнь и передвижения в области.

Коктебель совершенно пуст. Из Москвы едет Марина Цветаева, судя по сегодняшнему письму.[16] Я привез из Одессы Татиду. Борис Трухачев умер от тифа.[17] Юнге бежали. Все дачи разграблены, кроме нашей (пока). Привет Юлии

Влад<имировне>.[18] Радуюсь Вашей работе.[19] Хочу Вас слышать и видеть. Я перевел и продолжаю переводить лирику А. де Ренье.[20] До свиданья.[21]

Максимилиан Волошин.

[1] Это письмо Г.А. Шенгели из Харькова сохранилось в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290).

[2] См. примеч. 2 к п. 76. Волошин возвратился в Коктебель 13/26 мая 1919 г. (Труды и дни-2. С. 75).

[3] 14/27 апреля 1919 г. Шенгели писал Волошину: «Художественный Цех выпускает большой художественный журнал, издаваемый многомиллионным издательством. Тираж журнала достиг 7000 экз. и растет. Совет Мастеров Цеха обращается через меня к Вам с просьбой взять на себя редактирование журнала, приехав в Харьков. Жалованье редактора 2500 р. в мес<яц>, если же редактор заведует и художественно-иллюстративной частью, то жалованье возрастает до 3700 р. В настоящее время этот журнал является единственным в России, что придает ему большое значение. Вышло 4 №. Первоначально предполагалось, что это будет чи́сто харьковский орган. Когда же выяснилось иное, мы не нашли возможным редактировать своими силами и решили обратиться к Вам. <...> На жалованье редактора в Харькове можно жить семьей и хорошо. <...> Наконец у Вас широкая возможность выступать с лекциями. Последнее, а также обширная аудитория журнала – путь к влиянию Вашему на литературно-художественную жизнь России. Я очень знаю, что Вам неудобно уезжать из Коктебеля, – но Вы ведь провели там безвыездно свыше двух лет, а потом, – ей Богу, пора широко зазвучать Вашему слову. <...> Строение редакции таково: редактор, – primus inter pares <первый среди равных. – *лат.*>, – секретарь (профессор музыки, почтенный старик, опытный журнальный работник), и два члена, – я и доцент Самарин. Насколько я знаю Ваши взгляды, – духовный облик Цеха не будет Вам чужд (Гильдия св. Луки!) и работа потечет дружно. С Москвой и Петербургом сообщение не затруднено, и Вы сгруппируете вокруг журнала лучшие силы». Речь идет о литературно-художественном ежемесячнике «Пути творчества», издававшемся в 1919–1920 гг. (№ 1/2 – 6/7) Харьковским губернским отделом искусств. Волошин в этом журнале не участвовал.

[4] А.Е. Спектор заведовал отделом искусств Наркомпроса во Временном Рабоче-Крестьянском правительстве Крыма. Волошин виделся с ним в Симферополе 7/20 мая 1919 г. (Труды и дни-2. С. 74).

[5] Предложения Волошина волею обстоятельств утратили свой смысл несколько дней спустя: 6/19 июня 1919 г. Феодосия была занята Добровольческой Армией.

[6] Имеется в виду прежде всего статья Ивана Квитко «Необходимо приступить к чистке», разоблачавшая «буржуазных прихлебателей, меньшевиков и прочую нечисть», в том числе А.Р. Кугеля и Волошина: «Сотрудник социал-революционного “Дела”, он <...> с большим подъемом описывал в стихах и прозе ужасную участь Феодосии, расстрелянной апокалиптическими матросами. А теперь он подготавливает литературную часть первомайских праздников!» (Известия Одесского Совета рабочих депутатов. 1919. № 20, 23 апр.). Как свидетельствует И.А. Бунин (запись от 13/26 апреля 1919 г.), Волошин пытался протестовать «письмом в редакцию», но безуспешно: письмо не напечатали (*Бунин Иван.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. С. 92, 284).

[7] Подразумевается товарищ председателя Одесской ЧК Борис Самойлович Северный (наст. фам. Юзефович; 1888—1937, расстрелян), с которым Волошин познакомился 15/28 апреля 1919 г. В.Н. Бунина в записи от 16/29 апреля 1919 г. передает слова Волошина о нем: «Это человек с кристальной душой», «Он многих спасает»; «На сто — одного человека», — ответил Бунин; в ответ: «Волошин: Да, это правда, но все же он чистый человек» (Устами Буниных... Т. 1. <М.>: Посев, 2005. С. 201).

[8] См. п. 76, примеч. 2.

[9] Речь идет о командующем 13-й советской армией Иннокентии Серафимовиче Кожевникове, с которым Волошин случайно встретился 2/15 мая в Евпатории в ресторане. На следующий день Волошин выехал в салон-вагоне Кожевникова в Симферополь.

[10] 9/22 мая 1919 г. Волошин получил в Отделе искусств Крымнаркомпроса удостоверение (за подписью Спектора) о назначении «заведующим Отделом искусств Киммерийской области (Феодосийский уезд и г. Керчь)» (Труды и дни-2. С. 74—75). Позднее (17/30 мая) последовала телеграмма из Одессы, предлагавшая это назначение «рассматривать как недоразумение» (см. мемуарную запись Волошина от 5 апреля 1932 г.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 396).

[11] Речь идет об очерке Г. Шенгели «Киммерийские Афины», опубликованном в харьковском журнале «Парус» (1919. № 1, 19 января. С. 8—14) — с пометой под текстом: «Окончание следует». Издание «Паруса», заявленного как «еженедельник литературы, искусства и общественно-политической мысли», оборвалось на первом номере. В том же номере (С. 8) опубликовано стихотворение Волошина «Коктебель» («Как в раковине малой — Океана...»).

[12] Об этой книге Волошина Шенгели писал ему в цитированном письме: «“Демоны глухонемые” изданы прекрасно и разошлись <...>, в Москве вокруг этой книги большой шум. Вся чистая прибыль от издания по желанию издателя (издавал не Краснов) принадлежит Вам, – несколько тысяч».

[13] См. п. 75, примеч. 5.

[14] В цитированном письме Шенгели уведомлял Волошина, что его акварелей продано в Харькове на 325 руб.

[15] Железнодорожная станция в Феодосийском уезде.

[16] Приезд М. Цветаевой в Крым не состоялся.

[17] О смерти Б.С. Трухачева от сыпного тифа в Старом Крыму Волошину сообщила Е.О. Кириенко-Волошина в письме от 13/26 февраля 1919 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 658, л. 33–34).

[18] Ю.В. Шенгели.

[19] 14/27 апреля Шенгели сообщал Волошину о себе: «Перевел пьесу Клоделя “La ville”, написал два учебника по стихосложению и скоро издаю трактат о стихе. Написал трагедию в стихах “Сальери”, пишу еще одну, написал ряд стихотворений, исследую великолепный, доселе оплеванный стих Кантемира. Преподаю в Цехе, и у многих из моих 16 учеников есть ученики свои, так что учение о форме находит внемлющих. <...> я редактирую Театральный Вестник и состою членом коллегии по управлению Большим Драматическим театром, в котором десятки спектаклей выдержал “Пан” Лерберга».

[20] Ряд стихотворений Анри де Ренье Волошин перевел во время морского перехода из Одессы в Евпаторию (27 апреля / 10 мая – 1/14 мая 1919 г.).

[21] Как явствует из п. 101, это письмо не было отправлено адресату, поскольку из-за боевых действий почтовая связь между Крымом и Харьковом была нарушена.

81. В.В. ШУЛЬГИНУ

11/24 июня 1919. Феодосия[1]

24/VI 1919. Адрес: Феодосия. Гимназия Гергилевич.
Максимилиану Александровичу Волошину.

Многоуважаемый Василий Витальевич, обращаюсь к Вам снова по делу, аналогичному с делом Кузьминой-Караваевой, о которой я Вас просил в Одессе в марте месяце и благоприятный исход которого, конечно, обязан Вашему слову.[2]

Сейчас Крым, слава Богу, занимается Добровольческой Армией.[3] Эти три страшных месяца большевистской оккупации были отчасти смягчены тем, что на этот раз вся Крымская Интеллигенция, оставшаяся на местах, пошла в просветительные советские учреждения, послужила буфером между большевиками и обществом и спасла Крым от окончательного разгрома. Роль самоотверженная и неблагодарная, потому что никто из них, разумеется, не большевики, а сейчас большинству приходится испытывать на себе всю тяжесть обвинения в большевизме. Мне же приходится играть роль посредника и объяснять ту жертвенную и спасительную роль, которая ими была принята на себя. В числе этих дел – одно, о котором я хочу просить Вас, требующее немедленного вмешательства, т<ак> к<ак> оно грозит кровью и расстрелом, – это дело генерала Маркса.[4] Никандр Александрович Маркс – профессор Москов<ского> Археологического Института, палеограф, фольклорист, крупный ученый, издатель и исследователь многих текстов, автор Истории Крыма и «Крымских Легенд»,[5] бывший начальник Штаба Южной Армии, является очень крупной культурной величиной. Во время большевицкой оккупации он заведовал в Феодосии Комитетом Просвещения и спас местную школу от разгрома, не говоря уже о спасении целого ряда отдельных лиц и добровольцев. Он наотрез отказался от каких бы то ни было, как военных, так и политических функций, которые ему навязывались при большевиках. Вся его деятельность была исключительно гражданской, охранительной, спасательной.

Теперь ему как генералу грозит, конечно, смерть. Моя цель, и моя просьба сейчас в том, чтобы прежде всего добиться того, чтобы суд над ним происходил не здесь – на театре еще продолжающихся военных действий, где он, конечно, будет слишком быстрым, трагическим и несправедливым по существу, а в Екатеринодаре. Все местные представители политического отдела и контрразведки Добров<ольческой> Армии меня заверяли, что суд будет в Екатеринодаре, но возможен всегда неожиданный поворот дела, т<ак> к<ак> мы находимся еще в борьбе, в области быстрых и коротких репрессий.

Первая моя просьба к Вам, Василий Витальевич, это оказать содействие тому, чтобы суд над генер<алом> Марксом был в Екатеринодаре и он был бы немедленно вытребован туда. Чтобы дать Вам представление о его значении в местной общественной жизни и о любви к нему местного населения, посылаю Вам пакет с рядом просьб и ходатайств местных обществ, организаций и интеллигентских групп, которые очень прошу Вас сообщить «Особому Совещанию» или тому учреждению, от которого будет зависеть его судьба и суд над ним.

Я же, собрав здесь все материалы и показания, освещающие его деятельность, сам приеду в Екатеринодар для хлопот о его защите.

Я его знаю уже 25 лет, глубоко люблю и уважаю и сделаю все возможное для его спасения. И я думаю, что весь Крым будет вместе со мной просить за него, т<ак> к<ак> он как ученый и писатель связан с Крымом всем существом и является живым средоточием его старины, жизни самосознания, одним из тех культурных центров, которые нельзя вынимать из обществен<ной> жизни, не разрушив ее самые драгоценные и жизненные ткани.

Умоляю Вас, Василий Витальевич, дать этому делу *законный и нормальный ход*, как бы Вы сами ни относились к политической деятельности генерала Маркса, и добиться того, чтобы дело его разбиралось в Екатеринодаре, а не здесь на полях сражений.[6]

Максимилиан Волошин.

[1] Печатается по черновому тексту, отложившемуся в архиве Волошина.

[2] См. п. 74, примеч. 2. С просьбой защиты для Е. Ю. Кузьминой-Караваевой Волошин обратился к В.В. Шульгину в первой половине марта 1919 г. Шульгин с августа 1918 г. находился при Добровольческой Армии, редактировал в Екатеринодаре газету «Россия» (затем «Великая Россия»), им было разработано (совместно с генералом А.М. Драгомировым) «Положение об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой Армии», регламентирующее его работу. В Особом совещании, созданном в Екатеринодаре 18/31 августа 1918 г. как «высший орган гражданского управления»,

Шульгин был «министром без портфеля». В Одессе Шульгин состоял советником при военном губернаторе города А.Н. Гришине-Альмазове, исполнявшем эту должность с 18 ноября 1918 г. Волошин был знаком с Шульгиным с лета 1909 г. (см. письма Шульгина к нему за этот год: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1319).

[3] В Коктебеле белогвардейский десант под командованием генерала Я.А. Слащова высадился с кораблей союзников 5/18 июня 1919 г., на следующий день Феодосия была занята Добровольческой Армией.

[4] Известие об аресте Н.А. Маркса белыми Волошин получил в Коктебеле 9/22 июня 1919 г. (Труды и дни-2. С. 77), на следующий день он прибыл в Феодосию и приступил к хлопотам по спасению генерала. Все предпринятые им действия Волошин подробно описал в позднейших воспоминаниях (6–14 апреля 1932 г.). См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 400–418.

[5] «Легенды Крыма», записанные Н.А. Марксом, были опубликованы в трех выпусках (Вып. 1 – М., 1913; Вып. 2 – М., 1915; Вып. 3 – Одесса, 1917); факсимильное переиздание: Симферополь: Таврида, 1990. Книги Н.А. Маркса по истории Крыма издано не было.

[6] Получил ли Шульгин своевременно это письмо и содействовал ли он разбирательству дела, неясно. Волошин, вспоминая о своем приезде в Екатеринодар, куда был доставлен арестованный Н.А. Маркс, писал: «Чтобы повидаться и получить аудиенцию у Деникина, я рассчитывал на Шульгина. Но его в Ек<атерино>даре не было – он куда-то уехал с морск<ой> экспедицией» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 412).

82. П.И. НОВГОРОДЦЕВУ

11/24 июня 1919 г. Феодосия[1]

24/VI 1919. Адрес: Феодосия. Гимназия Гергилевич.
Максимил<иану> Ал<е>ксандр<овичу> Волошину.

Многоуважаемый Павел Иванович,

обращаюсь к Вашему влиянию и авторитету в Добровольческой Армии[2] по делу генерала Маркса, профессора Археологического Москов<ского> Института, палеографа, фольклориста, писателя, автора многих научных изданий и текстов, автора «Истории Крыма», «Легенд Крыма», одного из самых

культурных деятелей Крыма, живого хранителя крымской старины, очень любимого и чтимого всем местным населением, которому сейчас грозит смертная казнь.[3]

При этой второй большевицкой волне, захлестнувшей Крым,[4] он, как и поч<ти> вся лучшая часть крымской интеллигенции, взял на себя неблагодарную и жертвенную роль – быть буфером между большевиками и местным населением. Он стоял в Феодосии во главе Комитета Просвещения, и ему местная школа и культурная жизнь обязаны спасением от окончательного разгрома.

Как генералу – ему сейчас грозит – расстрел, хотя он наотрез отказался нести при большевиках какие бы то ни было политические или военные функции. Сейчас нужно добиться во что бы то ни стало, чтобы он был вытребован в Екатеринодар для нормального и регулярного суда над ним. Я очень прошу Вас, Павел Иванович, употребить все свое влияние в «Особом Совещании», чтобы добиться этого. Россия слишком бедна, чтобы безрассудно тратить в ослеплении гражданской войны свои культурные и научные силы.

Это самый острый вопрос, требующий немедленного действия.

Другой – не настолько острый – это судьба всех интеллигентных сил, которые сосредоточились теперь при большевиках вокруг комитетов просвещения. Между ними, разумеется, *большевиков* – нет. Это всё люди, защищавшие то, что можно было защитить и спасти в школе. Сейчас им пока ничего не грозит лично, т<ак> к<ак> они не военные. Но этого мало – «Культурно-Просветительной Комиссии при Доб<ровольческой> Армии», во главе которой вы стоите, как мне сообщали, следовало бы не только не разгонять их, а, напротив, просить их остаться на своих местах и продолжать то дело, вокруг которого заставила их объединиться опасность окончательного разгрома дела просвещения, и между которыми в Феодосии, напр<имер>, есть такие имена, как Вересаев, Пол<иксена> Сер<геевна> Соловьева (сестра Владимира Соловьева), Галабуцкий.

В апреле, когда Крым был так катастрофически эвакуирован,[5] – всё, что было выдающего<ся> среди местной интел-

лигенции – все кинулись на спасение школы. За это нельзя обвинять. За это нужно благодарить. И необходимо их всех удержать для продолжения этой же работы.

Мне бы очень хотелось подробно и больше погов<ор>ить с Вами об этом, Павел Иванович, и я это сделаю, если по делу генер<ала> Маркса мне придется быть в Екатеринодаре.[6]

Из Одессы я выехал 10 мая – фантастически – на парусной лодке, сквозь франц<узскую> блокаду.[7] У Кузнецовых все было благополучно.[8] Его не трогали. Но в Университете проф. Щепкин устроил страшный разгром.[9] Вообще там гонение на интеллигенцию. А в Крыму было наоборот.

Максимилиан Волошин.

P.S. Посылаю Вам несколько моих новых стихотвор<ений> из цикла «Личины»[10] – портреты и типы большевиков.

[1] Печатается по черновому тексту, отложившемуся в архиве Волошина.

[2] В правительстве генерала А.И. Деникина П.И. Новгородцеву был предложен пост министра народного просвещения, от которого он уклонился, опасаясь за участь семьи, оставшейся в Советской России, однако негласно участвовал в разработке законопроектов Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой Армии.

[3] См. п. 81, примеч. 3, 4.

[4] Первый период власти большевиков в Крыму – с начала января до конца апреля 1918 г., второй – с апреля до второй половины июня 1919 г.

[5] Подразумевается эвакуация союзнических войск Антанты.

[6] Как сообщает Волошин в позднейших мемуарных записях, Новгородцева в Екатеринодаре он не застал (см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 412); содействовал ли тот исполнению ходатайств Волошина, неизвестно.

[7] См. примеч. 2 к п. 76.

[8] Профессор Новороссийского университета К.А. Кузнецов и его жена З.В. Кузнецова (урожд. Сербская).

[9] Историк и общественный деятель Евгений Николаевич Щепкин (1860–1920) был после Февральской революции профессором Новороссийского университета, с 1919 г. – член партии большевиков; как комиссар народного просвещения, составлял списки неугодных ему профессоров университета и передавал в ЧК, закрыл

университетскую церковь. Ср. дневниковую запись В.Н. Буниной от 23 июня / 6 июля 1919 г.: «Щепкин ужасно свирепствует на заседаниях в у<ниверсите>те, хотя из комиссаров по народному образованию его давно удалили, нашли, что и он слишком правый. На одном заседании <...> он много и быстро говорил, что если что нужно для торжества красных идей, то он не пощадит никого: “всех, всех расстреляю, расстреляю...”» (Устами Буниных... Т. 1. <М.>: Посев, 2005. С. 226).

[10] См.: Т. 1 наст. изд. С. 318–328. Ко времени отправления письма были написаны входящие в этот цикл (в составе книги «Неопалимая Купина») стихотворения «Красногвардеец (1917)» и «Матрос (1918)».

83. РУКОВОДСТВУ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

11/24 июня 1919 г. Феодосия [1]

Комендатурой г. Феодосии арестован Никандр Александрович Маркс: профессор Московского Археологического Института, автор и издатель многих крайне ценных и видных трудов по русской палеографии, в частности исследователь крымской старины, знаток местного татарского, греческого и армянского фольклора, автор широко распространенного издания «Крымских Легенд». Старожил Крыма, местный деятель, чрезвычайно популярный особенно среди татарского населения, Н.А. Маркс был одним из тех людей, которые во время этой второй большевистской волны, захлестнувшей Крым, взял на себя самоотверженную и неблагодарную роль быть посредником и буфером между большевиками и местным народонаселением. Ему Феодосийская область обязана тем, что не подверглась тому культурному разгрому, которому она была подвергнута весною 1918 года.

Мы, русские писатели и художники, являющиеся здесь единственными представителями русской культуры, и для которых существует Единая Россия вне партий и вне гражданской войны, ходатайствуем об реабилитации и освобождении Н.А. Маркса. Жизнь, научные и литературные труды его важны не только для Крыма, но для всей России, у которой

слишком мало людей такой культурной ценности, и ей нельзя их тратить и уничтожать в той борьбе, которая должна привести к ее возрождению.

Максимилиан Волошин.
Засл. проф. В. Цераский.
В. Вересаев.
П. Соловьева (Allegro).
А. Новицкий.
К. Богаевский.
Н. Манасеина.
Ю. Галабутский.

[1] Поскольку аргументация и формулировки этого коллективного обращения непосредственно соотносятся с теми, которыми воспользовался Волошин в других своих письмах в защиту генерала Н.А. Маркса (см. п. 81, 82, 85), можно предположить, что он играл ведущую роль при составлении этого текста. Записано рукой П.С. Соловьевой, подписи — автографы. Адресат обращения не указан.

84. НАЧАЛЬНИКУ ГАРНИЗОНА КЕРЧИ

14/27 июня 1919 г. Керчь

Писатель
Максимилиан
Александрович
Волошин.
Керчь,
14 июня 1919 г.

Начальнику Гарнизона
Города Керчи

Прошение:

Прошу выдать мне разрешение на проезд в Город Екатеринодар, как защитнику Генерала Маркса.[1]

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 81, примеч. 3. Волошин прибыл из Феодосии в Керчь вечером 13/26 июня 1919 г., на следующий день посетил начальника гарнизона Керченского района, полковника Добровольческой Армии И.И. Ходаковского и получил у него разрешение на проезд в Екатеринодар. На обороте прошения – резолюция: «Выезд в Новороссийск разрешается согласно резолюции Н<ачальни>ка Гарнизона. 14/VI 19 г. Пр<апорщик> Орлов».

85. А.И. ДЕНИКИНУ

Вторая половина июня ст.ст. / Начало июля н.ст. 1919 г.
Екатеринодар[1]

Поэт
Максимилиан
Волошин,
приехавший <?>
<...>*

Его Высокопревосходительству
Главноком<андующему> вооруж<енными>
силами на Юге России
генералу Деникину

Прошение

Сегодня в исторический день празднования победы, ведущей к объединению и спасению России, я, прибывший в Екатеринодар для защиты генерала Маркса, арестованного в Феодосии по несправедливому обвинению в большевизме,[2] прошу Ваше Высокопревосходительство назначить <?> следствие по его делу, которое не замедлит обнаружить его правоту, а до суда облегчить участь тяжело больного, страдающего грудной жабой шестидесятилетнего человека, морально и физически томящегося в тюремном лазарете.

Во время второй волны большевизма, захлестнувшей Крым, отставной генерал, профессор Археологического институ<та>, известный палеограф и фольклорист, автор Истории Крыма, являющийся живым средоточьем культур-

* *Несколько слов прочтению не поддаются (стертый карандаш).*

ной жизни Области, по настоянию местной интеллигенции, писателей, ученых и педагогических обществ приняв на себя неблагодарную роль буфера между большевиками и населением, он вошел членом Коллегии в совещательный комитет при отделе Народного Просвещения (не принимая на себя никаких ни военных, ни политических обязанностей) и в качестве такового спас школу от разорения и многих лиц и офицеров Добр<овольческой> Армии от расправы. Находясь в Симферополе во время бегства большевицкого Штаба, он не только не последовал за ним, но немедленно вернулся в Феодосию навстречу Добровольческой Армии и для того, чтобы по ее прибытии дать отчет в своих действиях.

Вокр<уг> него скопились сейчас тучи легенд и ряд обвинений, которые позаботились подготовить сами большевики, согласно их манере запутать и запачкать своими делами и мнениями каждое выдающееся лицо, которое им хочется связать со своим делом, но подложность этих документов нетрудно будет установить рядом свидетельских показаний.

Я от имени писателей, ученых, художников, педа<го>гов города Феодосии, которые уполномочили меня уехать защищать честь и жизнь генерала Маркса, свидетельствую, что генерал Маркс никогда не был большевиком и во время оккупации Крыма делал только то, что должен был делать каждый честный и добрый человек, чтобы дать своей области продержаться до возврата Доброволь<ческой> Армии.

Жизнь и реабилитация генер<ала> Марк<са> важна не толь<ко> для Крыма, но и для всей возрождающейся России, как жизнь крупного ученого и писателя, еще не закончившего своих трудов и исследован<ий>.

Сейчас она в ваших руках, Ваше Высокопре<восходительство>.[3]

М. Волошин.

[1] Датируется приблизительно по времени пребывания Волошина в Екатеринодаре до отъезда в Ростов-на-Дону (17/30 июня — 24 июня / 7 июля). Печатается по черновому тексту, отложившемуся в архиве Волошина.

[2] См. п. 81, примеч. 3.

[3] 2/15 июля 1919 г. военно-полевой суд приговорил генерала Н.А. Маркса «по лишении всех прав состояния к каторжным работам сроком на 4 года». После этого Волошин написал А.И. Деникину еще одно прошение с просьбой о смягчении участи Маркса (текст его Волошин цитирует по памяти в позднейших мемуарных записях; см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 414–415), которое передал с адъютантом Деникина полковником А.Г. Шапероном дю ля Рэ. 9/22 июля 1919 г. Деникин издал приказ № 1670, утверждая приговор Марксу с одновременным «освобождением осужденного от фактического отбытия наказания за старостью лет» (Труды и дни-2. С. 80).

86. М.П. КУДАШЕВОЙ (КЮВИЛЬЕ)

1/14 июля (?) 1919 г. Екатеринодар[1]

3 июля 1919. Екатеринодар. Красная 79.
Конт<р->адм<ирала> Верховского.[2]

Милая Майя,

К сожалению, и мой концерт, и мой проезд в Новочеркасск неожиданно расстроились: я получил телеграмму о немедленном выезде в Екатеринодар[3] и успел только просить Чучелкинаго брата[4] сказать тебе по телефону, что я уезжаю.

Дело в том, что над генералом М<арксом>, вопреки данному мне заверению, был назначен военно-полевой суд, на завтра. Но, к счастью, удалось, приехав, многое изменить. Вообще мое присутствие здесь крайне необходимо. Я верно в Ростов уже не вернусь, а прямо отсюда проеду в Коктебель, как только мое присутствие здесь перестанет быть необходимым.[5] Страшно хочется работать. Я устал от этой бездомной жизни по людям. Жаль, что мне так и не удалось навестить тебя и поговорить как следует, но радуюсь тому, что мы всетаки хоть немного увидались.[6] Приезжай в Коктебель, как ты хотела.

Это будет лучше всего. Конечно, и там удастся поговорить и свидеться, хотя мне и придется довольно много быть в отсутствии, т<ак> к<ак> я ангажирован в ряд концертов по

крымским городам, но это будет занимать недели 2 в месяц, так что все же будет оставаться время и для работы и для друзей. Мне хочется осенью написать новую книгу стихов: я переполнен впечатлениями сейчас, и мне их надо формулировать во что бы то ни стало. До свиданья.

MAX.

[1] Авторская датировка неточна. Датируется по упоминанию назначенного «на завтра» военно-полевого суда над Н.А. Марксом, который состоялся 2/15 июля 1919 г.

[2] Адрес общежития для военных контр-адмирала Добровольческой Армии П.В. Верховского, с которым Б.А. Леман познакомил Волошина в день его приезда в Екатеринодар (17/30 июня 1919 г.).

[3] Вероятно, с 25 июня / 8 июля по 30 июня / 13 июля Волошин находился в Ростове-на-Дону (Труды и дни-2. С. 79—80). Телеграмму об учреждении по приказу А.И. Деникина военно-полевого суда над Н.А. Марксом Волошин получил (видимо, от Е.В. Виганд) 30 июня / 13 июля.

[4] Имеется в виду пианист, профессор консерватории Владимир Ильич Бунимович (1894—1964), брат актрисы Фримы Ильиничны Бунимович (псевдоним — Бунина; 1897—1963). Чучелка — ее коктебельское прозвище.

[5] Волошин выехал из Екатеринодара в Новороссийск вечером 2/15 июля, возвратился в Коктебель 7/20 июля (Труды и дни-2. С. 80).

[6] Видимо, в ходе этой встречи в Ростове-на-Дону Волошин передал М. Кудашевой тексты своих последних стихотворений. Об этом можно судить по ее письму к нему от 4/17 июля 1919 г. из Новочеркасска: «Милый, дорогой Максик, — я вчера ночью не могла заснуть из-за тебя. — Стихи твои великолепны, поразительны, потрясающи, — и наполнили меня такой тоской, что мне страшно. <...> Стенькин Бунт меня с ума свел — Подари мне его, — если никому не подарил!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1035, л. 5, 6). Упоминаемое Кудашевой стихотворение «Стенькин суд» Волошин посвятил Н.Н. Кедрову.

87. Л.А. НЕДОБРОВО

7/20 августа 1919 г. Коктебель

Коктебель. 7 августа 1919.

Дорогая Любовь Александровна,

с тех самых пор, как я расстался с Вами в Ялте,[1] я все время находился в странствиях, и только вторая неделя, как я вернулся домой и теперь, кажется, надолго.

Эта зима была очень плодотворна в смысле впечатлений и материала: я перевидал и перевстречался за это время, кажется, с представителями всех партий, политических течений и настроений, которые можно наблюдать на Юге.

И со всеми интимно, приняв от каждого его человеческую исповедь. Теперь я переполнен этими впечатлениями, и мне кажется, что я чувствую сейчас всю Россию во всех ее противоречиях и крайностях. Хочется поскорее дать им отстояться, отодвинуться, чтобы их возможно было формулировать в стихах.

В Ялте – это были монархисты, в Симферополе – меньшевики, в Одессе – эсеры (я прожил три месяца в одной комнате с Рудневым и с Гоцом).[2] Большевики меня застали в Одессе.[3] Там против меня поднялась яростная газетная травля: советская пресса требовала моего ареста, как контрреволюционера.[4] Все это неожиданно разрешилось тем, что я подружился с председателем Чрезвычайки.[5] Он мне устроил пропуски из Одессы и поручил меня довести до Крыма трем матросам-разведчикам, посланным для связи в Севастополь.[6] С ними я переплыл на паруснике, прорвавшись сквозь французскую блокаду, до Ак-Мечети. Тут мы попали в отряд Тарановцев, которые нас сперва обстреляли из пулеметов, а потом гостеприимно принимали, угощали, мчали на лошадях до Евпатории.[7] Здесь мы застряли, т<ак> к<ак> жел<езная> дор<ога> бездействовала. Но на следующий день я встретил в ресторане господина, который радостно ко мне бросился: «Разве вы не помните, как я был у вас в Коктебеле?[8] Ехал в Крым и думал: где мне Вас найти?» Мы разговорились, а потом этот господин оказался большевицким командармом в отпуску и мне сказал: «Нет,

я вас не могу отпустить ехать так... это слишком опасно... у нас в Советской России... Я вас сам довезу до Симферополя». Таким образом я в Симферополь приехал в отдельном вагоне командующего армией. Это было необыкновенно удачно, т<ак> к<ак> за несколько дней до этого в Рев<олюционном> Ком<итете> говорили: «Ну, если теперь после своих зимних лекций Волошин посмеет появиться в Крым, то ему несдобровать»... Но моего появления в отдельном вагоне команд<ующего> Ар<мией> они, конечно, не предвидели. Затем этот мой новый приятель отправился в Ялту (это и есть тот К., которого я направлял к Вам и который Вас не нашел[9]), а перед отъездом познакомил меня и отдал на попечение политкому, то есть тому человеку, приставленному к Дыбенке, который Дыбенку имел право повесить без суда в 24 часа.[10] Это был грустный юноша с длинными волосами, и он мне дал на проезд лошадьми до Коктебеля такую бумагу, что, когда я ее показывал по дороге в уездных Ревкомах, то председатель сразу хватался за телефонную трубку и начинал ругаться, лошади через пять минут появлялись, между тем как перед этим он хладнокровно заявлял проезжим комиссарам: подождете до завтра.

Так я добрался до Феодосии,[11] конечно, запасшись в Симферополе разными полномочиями на охрану искусства. Но в Феодосии опять поднялась против меня буря негодования, когда я в тамошнем Ревкоме не только не признал себя коммунистом, но даже не социалистом.[12] Была довольно бурная сцена, но, все-таки, несмотря на угрозы, арестовать меня не решились, и я отправился в Коктебель писать стихи. За этим занятием меня застал Добровольческий десант. Два крейсера и канонерская лодка обстреливали нас часа полтора,[13] и из самой большой пушки убили котенка. Это была единственная жертва. Потом мои приятели с «Кагула»[14] приехали ко мне в гости. Через несколько дней был арестован генерал Маркс, профессор, палеограф, фольклорист Крыма, за то, что он был в Феодосийском комитете народного просвещения, по обвинению в большевизме, за то, что он спас школу от разгрома и жителей от расстрелов.[15] Вокруг него сразу наросла

туча легенд и фантастических обвинений и ему грозил немедленный расстрел по дороге. Поэтому я поехал вместе с ним, и мне удалось довести его до Екатеринодара, и там, не имея никаких знакомств, ни связей, добиться сперва того, что он не был приговорен к расстрелу, а затем освобожден по приказу Деникина.[16] Рассказывать все эти истории в письме слишком сложно, но при свидании расскажу непременно, т<ак> к<ак> это весьма забавно и фантастично. Сейчас против меня в Феодосии крайнее озлобление. Моей недавней популярности сразу как не бывало. Сейчас все ждут моего ареста на этот раз уже как большевика. Говорят: «Только из-за Волошина не удалось расстрелять этого негодяя – Маркса». На днях с одного концерта, где я должен был читать свои стихи о России, меня попросили уйти, т<ак> к<ак> мои стихи и мое присутствие – оскорбление для добровольческой армии. Это мне доставило громадное удовольствие, т<ак> к<ак> Центральный Осваг<?>* сейчас издает моих «Демонов Глухонемых» для бесплатной<?>* раздачи в целях пропаганды<?>.*[17] А кстати сказать, первое издание той же книги было сделано в Харькове в январе Советским Центрагом.[18] Словом: здесь Осваг, там Центраг, что вверху, то и внизу, Христос и Антихрист – живу совсем как Леонардо да Винчи по Мережковскому.[19] Я оказался необычайно приспособлен к нынешним временам. И моя политическая позиция Помпония Аттика дает блестящие результаты.[20]

Пока до свиданья. Получили ли перевод?[21]

[1] Последний день пребывания Волошина в Ялте – 30 ноября / 13 декабря 1918 г.

[2] Прибыв в Одессу около 8/21 января 1919 г., Волошин остановился у Цетлиных (Нежинская ул., д. 36). В.В. Руднёв и А.Р. Гоц входили в ЦК партии социалистов-революционеров.

[3] См. примеч. 7 к п. 75.

[4] См. примеч. 6 к п. 80.

[5] См. п. 80, примеч. 7.

[6] См. примеч. 2 к п. 76.

[7] См. п. 78, примеч. 3.

---

* *Фрагмент текста вымаран.*

[8] Собеседник Волошина – И.С. Кожевников (см. примеч. 9 к п. 80). Документальных свидетельств его пребывания в Коктебеле до описываемой встречи не зафиксировано.

[9] Кожевников, как можно судить по письму к Волошину Ю.Л. Сазоновой-Слонимской (Ялта, 14/27 июня 1919 г.), взялся передать письмо Волошина к Л.А. Недоброво: «К несчастью, Кожевников поручил передать это письмо Морозовой-Сомовой, а она доставила это письмо после отъезда Кожевникова; таким образом я не могла видеться с ним и ничего не узнала ни о Вас, ни о той помощи, которую он мог бы оказать Недоброво» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1072).

[10] Речь идет о члене Реввоенсовета и политкоме штаба Крымской армии Акиме Ахтырском: 10/23 мая 1919 г. в Симферополе Волошин получил от него мандат на проезд в Феодосию (Труды и дни-2. С. 75). П.Е. Дыбенко с февраля 1919 г. – начальник Заднепровской дивизии, которая после занятия Крыма Красной Армией была переформирована в Крымскую армию, которой он командовал до июля 1919 г., одновременно был народным комиссаром по военным и морским делам Крымской республики.

[11] В Феодосию Волошин приехал 16/29 мая, предварительно побывав в Коктебеле (13/26 – 15/28 мая).

[12] Волошин беседовал в феодосийском Военно-революционном комитете с его председателем Евгением Наумовичем Ракком и членом президиума Комитета А. Искандером, видимо, 18/31 мая 1919 г. (Труды и дни-2. С. 75).

[13] 5/18 июня 1919 г. Волошин записал в рабочей тетради: «Десант в Коктебеле. Обстрел» (*Там же*. С. 77). См. примеч. 3 к п. 81.

[14] Крейсер «Кагул» под командованием капитана 1 ранга П.П. Остелецкого.

[15] См. примеч. 4 к п. 81.

[16] См. примеч. 3 к п. 85.

[17] Отдельного переиздания сборника «Демоны глухонемые» в 1919 г. на территории, контролировавшейся Вооруженными Силами Юга России, не было осуществлено. Волошин подразумевает, скорее всего, листовки с его стихотворениями из «Демонов глухонемых», издававшиеся Освагом (Осведомительное агентство, или Отдел пропаганды Добровольческой Армии). См. воспроизведение листовок с текстами стихотворений «Петроград» и «Святая Русь» в кн.: *Давыдов Захар, Купченко Владимир*. Крым Максимилиана Волошина: Автографы, рисунки, фотографии, документы, открытки из государственных и частных собраний. Фотоальбом. Киев: Мистецтво, 1994. С. 182–183. На листовках Освагом были напечатаны также стихо-

творения Волошина «Красногвардеец», «Матрос» (Труды и дни-2. С. 81).

[18] Никаких свидетельств причастности указанного учреждения к печатанию первого издания «Демонов глухонемых» (Харьков: Камена, 1919) эта книга не содержит. Ошибка Волошина, видимо, обусловлена тем, что авторских экземпляров книги он ко времени составления письма не получил (ср. п. 88).

[19] Имеется в виду роман Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901) – вторая часть трилогии «Христос и Антихрист», построенной как развернутая система универсалистских мифопоэтических соответствий и симметрических противоречий.

[20] Тит Помпоний Аттик (109–32 до н.э.) – богатый римский всадник, эпикуреец; близкий друг Цицерона и его собеседник в диалоге «О законах», сформулировавший свою позицию следующим образом (кн. 1, XIII, 35): «...у людей существует лишь одно, равное для всех и общее правило жизни <...> все люди связаны, так сказать, природным чувством снисходительности и благожелательности друг к другу, а также и общностью права» (*Цицерон.* Диалоги: О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. С. 100. Перевод В.О. Горенштейна).

[21] Имеется в виду денежный перевод на сумму 2 тысячи рублей. Эти деньги Волошин адресовал Л.А. Недоброво по получении ее письма из Ялты от 28 июля / 10 августа 1919 г., в котором она сообщала о крайней нужде и нехватке средств для поддержания жизни Н.В. Недоброво, больного туберкулезом: «Спасибо, теперь я охотно приму те 2 тысячи, кот<орые> Вы предлагаете нам одолжить: сейчас так плохи наши дела, что часто в доме нет 20–30 рублей, а как-то было всего 15 к<опеек>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 873).

88. Л.А. НЕДОБРОВО

28 августа / 10 сентября 1919 г. Коктебель

28 августа 1919. Коктебель.

Дорогая Любовь Александровна,

письмецо Ваше я получил и немедленно послал открытку в Земскую кассу мелкого кредита.[1] Хотя удивляюсь, почему произошло это недоразумение, т<ак> к<ак> на переводном

бланке было написано: «для Л.А. Недоброво» и еще прибавлено несколько слов Вам. Даже на моей расписке стоит Ваше имя. Это они сами что-нибудь напутали. Во всяком случае туда написано, а прилагаю еще в это письмо записку о том же самом.

Хочется знать больше о Вас самих и о Николае Владимировиче. Вы не пишете ничего о собственном здоровье. Я все это время работаю исключительно над стихами: хочу написать к зиме новую книгу: «Неопалимая Купина».

Посылаю Вам кое-что из них. Очень хочется знать впечатление и Ваше и Николая Владимировича и Юлии Леонидовны — подробно. Пожалуйста, напишите мне и попросите Юлию Леонидовну написать.[2]

Думаю пробыть в Коктебеле до глубокой зимы — в работе, а потом ехать опять на заработки: в Харьков, в Ростов или севернее, в зависимости от политических констелляций и завоеваний. Очень хотелось бы попасть в Ялту, но не знаю, доведется ли в этом году.[3] Я так много странствовал и так недавно вернулся в Коктебель, что невозможно сейчас перебивать работу. А нужно заготовить много лекционного материала на зиму: это необходимо.

Я так и не видал издания моих «Демонов Глухонемых», вышедшего в Харькове,[4] и боюсь, что и не увижу, т<ак> к<ак> издание уже разошлось. Мне говорили, что при большевиках не было ни одного литературного вечера или концерта, где бы не читались «Брестский мир»,[5] «Бонапарт»[6] и «Св<ятая> Русь». Сейчас живу очень оторванно от людей и от известий, даже газет не вижу по целым неделям.

До свиданья. Привет Юлии Леонидовне и Николаю Владимировичу.

[1] В письме к Волошину от 16/29 августа 1919 г. Л.А. Недоброво сообщала об осложнениях с получением его денежного перевода (см. примеч. 21 к п. 87): «Вы не написали в Мелкий кредит, что деньги для меня, и мне их не выдают. Надо, чтобы Вы поскорей написали им “высланные мною 2 т<ысячи> прошу положить на счет Л.А. Недоброво”, и их выдадут моментально». Там же она откликалась на получение п. 87: «...письмо с описанием Ваших приключений настолько очаровательное, что оно ходило по рукам всего дома <...>

мы все умилялись Вами и смеялись всяким курьезам. Что у Вас за дар, оставаясь самим собой, пленять самых разнообразных людей! Письмо было так прелестно, что мне пришлось отказаться от прав на него и подарить его Николаю Владимировичу <Недоброво. – *Ред.*>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 873).

[2] Ю.Л. Сазонова-Слонимская писала Волошину 22 сентября / 5 октября 1919 г. из Ялты: «Стихи Ваши проплыли мимо меня в Магарач, и я их не читала – не везет мне на этом свете» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1072. В Магарач уехали Н.В. и Л.А. Недоброво). Отзыв о стихах Волошина могло содержать не дошедшее до него письмо Л.А. Недоброво, о котором она упоминает в письме к нему из Магарача от 13/26 октября 1919 г. (*Там же*, ед. хр. 873).

[3] Эти планы остались нереализованными.

[4] См. примеч. 14 к п. 50.

[5] Подразумевается стихотворение «Мир» («С Россией кончено... На последях...», 23 ноября 1917). См.: Т. 1 наст. изд. С. 259.

[6] Стихотворение, помещенное в книге «Демоны глухонемые» под этим заглавием, впоследствии было озаглавлено «Взятие Тюильри» (Т. 1 наст. изд. С. 247).

89. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НОВАЯ РОССИЯ»

28 августа / 10 сентября 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Кириенко-Волошин.
Коктебель,
Собств<енный> дом.
Крым. 28 августа 1919.

В Редакцию Газеты «Новая Россия».[1]

Получил Ваше извещение о том, что стихи мои приняты, и что газета и гонорар высылаются.[2] Благодарю за то и за другое заранее.

Посылаю Вам еще три стихотворения: «Китеж», «Бегство» и «Плавание».[3]

Покорнейше прошу передать прилагаемое письмо Александру Александровичу Смирнову.[4]

[1] «Новая Россия» – газета, издававшаяся в Харькове с декабря 1918 г. до ноября 1919 г. (редактор – проф. А.В. Маклецов).

[2] Публикации стихотворений Волошина в сохранившихся номерах «Новой России» не выявлены.

[3] Эти стихотворения датируются, соответственно, 18 августа, 17 июня, 12 июня 1919 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 279–281, 331–334.

[4] Письмо Волошина, вероятно, не сохранилось. В сентябре 1918 г. А.А. Смирнов переехал из Алушты в Харьков, где получил должность приват-доцента в Харьковском университете (см.: *Заборов П.Р.* М.А. Волошин и А.А. Смирнов // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1996. С. 651). Смирнов пригласил Волошина сотрудничать в «Новой России» письмом от 4 декабря 1918 г.: «На днях начинает выходить здесь большая газета, под редакцией (временно?) проф. Маклецова (лидер здешних к.-д.). <...> Заведывать литерат<урным> отделом предложили мне. Я считаю – и редактор согласен, – что стихи *должны* иметь место в газете. И вот – первым делом обращаюсь к Вам с большой просьбой: разрешить поставить Ваше имя в числе сотрудников» (Письма А.А. Смирнова к М.А. Волошину / Публ. Дж. Малмстада // *Смирнов А.А.* Письма к Соне Делонэ. 1904–1928. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 454–455).

90. А.М. ПЕТРОВОЙ

Конец июля – первая половина августа 1919 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, позвольте Вас познакомить с моим приятелем Дмитрием Дмитриевичем Благим.

Максимилил<иан> Волошин.

[1] Датируется по содержанию. Е.О. Кириенко-Волошина сообщала сыну в Ялту 17/30 ноября 1918 г. о том, что Д.Д. Благой приехал на зиму в Коктебель. Волошин вернулся из турне по городам Черноморья только 13/26 мая 1919 г., однако пробыл дома лишь 2 дня. 16/29 мая он уже выехал в Феодосию, откуда вернулся 28 мая / 10 июня, а еще через две недели 10/23 июня он вновь отправился в Феодосию, где принимал активное участие в защите генерала Н.А. Маркса. См. примеч. 4 к п. 81. Возвращение в Коктебель состоялось только 7/20 июля 1919 г. Возможно, записка-рекомендация для Д.Д. Благого была написана позже этой даты. Известно также, что 18/31 августа 1919 г. Благой вместе с Волошиным, Е. Ланном, А. Соболем участвовал в литературном вечере в Коктебеле на даче Харламова.

91. А.М. ПЕТРОВОЙ

Лето 1919 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Позвольте мне познакомить Вас с Николаем Федоровичем Роотом,[2] художником и директором Псковского Художественно-Промышленного училища,[3] и с худ<ожником> Андреем Ивановичем Таран.[4]

1. Покажите им свою коллекцию Ваших татарских орнаментов.[5]

2. Познакомьте их с Кон<стантином> Феод<оровичем>[6] или дайте им возможность поговорить с ним по телефону от Дуранте в Кенигез. (Дело идет о перенесении в Феодосию Псковского Художественного училища).

3. Скажите им, где и как можно познакомиться и увидаться с Рагозинским и Хрустачевым (по тому же делу).

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по содержанию. В имении Дуранте в Кенигезе под Старым Крымом (упоминается в тексте письма) К.Ф. Богаевский и Ж.Г. Богаевская (урожд. Дуранте) часто проводили летние месяцы.

[2] Н.Ф. Роот, художник-прикладник, был директором Псковской художественно-промышленной школы с 1913 по 1919 г. (см.: *Салтан Н.И.* Псковская художественно-промышленная школа имени Н.Ф. Фан-дер-Флита. Преподаватели и ученики // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею И.К. Лабутиной. Псков, 1999. С. 276 – 296).

[3] Художественно-промышленная школа была создана в Пскове в июле 1913 г. Псковским археологическим обществом при художественно-промышленном музее им. Н.Ф. Фан-дер-Флита. В 1919 г. она была преобразована в художественно-промышленные мастерские. Проект переезда Псковской художественно-промышленной школы в Феодосию осуществлен не был.

[4] А.И. Таран с 1914 г. руководил мозаичным отделением училища.

[5] А.М. Петрова много лет занималась сбором рисунков с татарских орнаментов. В 1908 г. она безуспешно пыталась их издать и даже просила Волошина написать вступительную статью к планируемому

изданию (См.: Т. 9 наст. изд. С. 401–402). В сохранившемся черновике заявления в Татарскую секцию в декабре 1920 г. Петрова писала: «С 1904 года мною была предпринята специальная работа по собиранию рисунков с татарских орнаментов. Собранный материал достиг к данному времени количества около 700 (690) различных рисунков, снятых с так называемых “юз-без” (“чадр”) и “марама”. Есть также узоры с платков, подушек, кисетов, поясов и салфеток» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 6, л. 15–15 об.).

[6] К.Ф. Богаевский.

92. Л.П. ГРОССМАНУ

18 сентября / 1 октября 1919 г. Коктебель

18 сент<ября> 1919.
Коктебель. Крым.

Дорогой Леонид Петрович,

Ваше письмо глубоко меня порадовало: это первая весть из Одессы. Спасибо большое за память, за «Плеяды» и за ключ начального сонета.[1] Все это лето я поджидал Вас, ожидая взятия Одессы,[2] и очень часто чувствовал, что мне не хватает беседы с Вами.

Я не сразу осел в Коктебеле после возвращения из Одессы, и, когда я Вам писал мои открытки из Симферополя, моя «Одиссея» отнюдь не кончалась и, напротив, начиналась только.[3] Я приехал из Симферополя в Феодосию, заручившись полномочиями на «охрану искусства» в Киммерийской Области.[4] Но не успев что бы то ни было предпринять, я снова (как в Одессе) был объявлен контрреволюционером, т<ак> к<ак> упорно отказывался признать себя не только коммунистом, но и социалистом.[5] Я уехал в Коктебель. Через неделю здесь был сделан десант, который решил судьбу Феодосии и Крыма.[6] Ему предшествовала бомбардировка, во время которой мой дом, к счастью, не пострадал, а я успел написать хорошее стихотворение.[7] Через три дня был арестован мой друг и сосед по имению генерал Маркс,[8] которого Вы, вероятно, помните по Одессе. Вокруг него сразу наросла целая

туча фантастических легенд. Вся же вина его состояла в том, что он был в Комитете народного просвещения и этим фактически спас школу от разгрома и Феодосию от расстрелов. Время было горячее, и ему грозил ежеминутно самосуд и расстрел. Вопреки всем запрещениям я поехал с ним, и мне удалось довести его благополучно до Екатеринодара, а там дать его делу такое освещение, что хотя он и был символически осужден «как генерал» за службу у большевиков, но военно-полевой суд установил, что Добр<овольческой> Арм<ии> он не приносил никакого ущерба, и он был освобожден.[9]

Таким образом, мне удалось спасти для русской культуры одного ученого, фольклориста и честного человека, но погубить мою репутацию в Крыму окончательно. Былую мою популярность, которая начинала мне уже внушать некоторые опасения, как рукой сняло. Теперь меня все искренно считают большевиком. Я нахожусь под подозрением и надзором. Мои стихи теперь считаются все сплошь большевистскими. Все это весьма удобно для меня, потому что создает хорошую и здоровую атмосферу для уединенной работы. Очень удобно и то, что здесь не разрешают вечеров с моим участием, что сохраняет мне много времени. А я теперь пишу новую книгу стихов о России, которая будет называться «Неопалимая Купина». Некоторые из них посылаю Вам.

Поэтическая непопулярность моя, впрочем, сосредоточена только в Феодосии: в Екатеринодаре мои стихи ходят по рукам, даже утеряв имя, как «стихи, которые все офицеры привозят с фронта». Первое издание «Демонов Глухонемых»,[10] как оказалось, вышло в Харькове еще в январе при большевиках. Было все куплено большевистским центрагом и быстро им распродано, прежде чем они успели сообразить, что они распространяют.[11] Потом они спохватились, но издание уже разошлось.

Я очень недоволен этим изданием и его издателями: обложка безобразна, мои рисунки воспроизведены отвратительно, набрана небрежно. Если б книжка была без претензий на артистичность и на скверной бумаге — куда ни шло, а тут получается полное неприличие благодаря претенциозности.

Но это издание не может ничем повредить Рузеровскому,[12] т<ак> к<ак> оно было только в 1500 экз<емпляров> и все разошлось без остатка: я только на днях получил Три (!) авторских экз<емпляра>, так что не могу даже никому послать.[13] Я, впрочем, Рузера предупреждал о возможности этого издания, т<ак> к<ак> когда-то поручил его Краснову, но целый год не имел от него никаких известий и только теперь получил о нем сведения – за три дня до вашего письма. Я буду сам писать Рузеру.[14]

Приезжайте в Коктебель: лето было отвратительное и осень, надо надеяться, будет долгая и поздняя. Цены здесь: хлеб – 3 р. фунт, обед – 23 р., комнаты около ста р.

Октябрь обычно тепел еще, ноябрь как придется, но может быть и краткий снег с северным ветром.

Словом, немного лучше, чем в Одессе, но, конечно, хуже, чем в Ялте.

«Плеяда» очень хороша и строга. В ней есть завершенность. Прекрасно отточены первый и последний сонеты. Вяземский и Баратынский, которых я еще не знал, очень удались.[15]

Ежели приедете в Коктебель, то, пожалуйста, захватите для меня у Натансона экземпляры вышедших моих книг.[16] Я думаю этой зимой сидеть в Коктебеле и работать над стихами. Поэтому газетная работа мне нужна, и мне хотелось бы возобновить отношения с «Одесским Листком».[17] Теперь гонорары здесь значительно повышены и я получаю за стихи 10 р. за строку, а статьи – 3 р. Пойдет ли на это «Од<есский> Лист<ок>»?

Привет всем Вашим и всем моим одесским друзьям.

[1] В письме из Одессы от 22 августа / 4 сентября 1919 г. Л.П. Гроссман сообщал: «Посылаю Вам “Плеяду”. Некоторые из сонетов будут для Вас новостью. За строгую критику буду благодарен» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 470). Имеется в виду книга Л. Гроссмана «Плеяда. Цикл сонетов» (Одесса: Фиаметта, 1919), открывавшаяся «Русским сонетом» (с эпиграфом из Пушкина: «Суровый Дант не презирал сонета...»), в котором обыгрывается волошинский

четырехчастный цикл сонетов о Максимильене Робеспьере «Термидор» (С. 7):

Раскрыл нам Дельвиг таинства сонета,
Чей трудный шифр был Тредьяковским дан,
И принял Пушкин кованый чекан
Для строгих дум о подвиге поэта.

С тех пор игра кватранта и терцета
Манит певцов Гиперборейских стран,
И стих Ронсара вьется, как аркан,
У Каролины Павловой и Фета.

Его размерам царственность придав,
Венок сплетает пышный Вячеслав
Строфой, чей лад торжественно-роскошен.

Бальмонт и Брюсов чтут канон его,
И хищный облик тезки своего*
Обводит им Максимильян Волошин.

[2] Одесса была занята Добровольческой Армией 11/24 августа 1919 г.

[3] Отклик на слова из письма Гроссмана от 22 августа / 4 сентября: «В свое время получил обе Ваши открытки и искренне порадовался благополучному окончанию Вашей Одиссеи. Но почтовое сообщение с Крымом как раз прекратилось». Открытки, отправленные Гроссману Волошиным во время его пребывания в Симферополе (3/16 – 12/25 мая 1919 г.), видимо, не сохранились.

[4] См. примеч. 10 к п. 80.

[5] См. п. 87, примеч. 12.

[6] См. примеч. 3 к п. 81, примеч. 13 к п. 87.

[7] Имеется в виду стихотворение «Бегство» («Кто верит в жизнь, тот верит чуду...», 17 июня 1919). См.: Т. 1 наст. изд. С. 333–334.

[8] См. примеч. 4 к п. 81.

[9] См. примеч. 2 к п. 85.

[10] Под «вторым» подразумевается неосуществленное издание книги Волошина, готовившееся в Одессе (см. п. 75, примеч. 5).

[11] См. п. 87, примеч. 18.

[12] Подразумевается одесское издание «Демонов глухонемых», готовившееся Е.И. Рузером. «Рузер был несколько смущен появлением в Одессе харьковского издания “Демонов глухонемых”, –

* Робеспьера.

сообщал Гроссман Волошину 22 августа / 4 сентября, – но, по-видимому, не отказывается от плана их издания в Одессе».

[13] Авторские экземпляры «Демонов глухонемых» Волошин получил от издателя книги Л.К. Бермана около 15/28 сентября 1919 г.

[14] См. п. 95.

[15] Первый сонет «Плеяды» приведен в примеч. 1, последний – «Плеяда» («Проходят мирной поступью поэты...»), в котором фигурируют 14 представителей золотого века русской литературы (С. 23); между ними – 14 сонетов, воссоздающих образы 14 поэтов, упомянутых в сонете «Плеяда»: «Веневитинов», «Гнедич», «Языков», «Козлов», «Денис Давыдов», «Василий Пушкин», «Жуковский», «Боратынский», «Зенеида Волконская», «Батюшков», «Вяземский», «Кюхельбекер», «Дельвиг», «Пушкин».

[16] См. примеч. 6 к п. 75, п. 94. 22 августа / 4 сентября Гроссман сообщал Волошину: «Кстати о Ваших книгах. В “Омфалосе” вышел Верхарн и очень быстро разошелся. Они собираются не откладывая выпустить обе оставшиеся книги».

[17] В цитированном выше письме Гроссман сообщал: «В “Од<есском> Листке” я возобновил отдел Литературной недели. Присылайте нам статьи!».

93. Л.К. БЕРМАНУ

19 сентября / 2 октября 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Волошин.
Крым.
Коктебель.
Собств<енный> дом.
19/IX 1919.

Милостивый Государь Леонид Константинович,

я получил Ваше письмо и четыре экземпляра «Демонов Глухонемых».[1]

И то, и другое меня несказанно удивило.

П.Б. Краснову я действительно дал право на издание «Демонов Глухонемых». Наш договор был только устный и дружеский. И я имел в виду дать заработать «Камене».

Перепродавать же это издание я ему не давал никакого права.

Тысяча рублей гонорара – это была цена для него, а не для третьего лица.

Нормальная оплата книги: это 20% с обложки, 1000 р. Это 1000 экз. по 5 р.

Вы издали 1500 экз. по 10 руб., а мои знакомые мне кроме того сообщали, что покупали эту книгу по ее выходе не по 10, а по 17 руб.

Но пусть: будем считать номинальную цену: тогда минимум авторского гонорара будет 3000 р.

Когда я писал Вам, я считал Вас приятелем П. Краснова, но из Вашего письма вижу, что Вы находитесь с ним в чисто деловых отношениях.

Из Вашего письма я вижу, что Вы хотите быть меценатом по отношению ко мне и к моей книге и отдать мне всю чистую прибыль? Но это только слова... Издание распродано: где же эта чистая прибыль? Она должна с избытком превышать нормальный авторский гонорар – то есть 3000 р.

Эта книга ведь не изысканное издание для немногих – это ходовая, рыночная книга: у меня уже запродано и второе и третье ее издание. С нею риска издательского нет.

Видом ее я недоволен. Бумага – хорошая. Клише сделаны безграмотно и грязно. Обложка ужасна. Печать небрежна (разбивка строк!!). А ведь мною были даны и обложка и надписи.

Претензия на художественное издание хуже, чем самое дешевое издание.

100 экз. авторских Вы мне отказываетесь дать под предлогом, что это не было оговорено в договоре с П. К<расновым>. Но ведь этот договор Вы должны были писать со мною, а не с Красновым. У него не было моего разрешения на *перепродажу*. А Вы, конечно, как адвокат, должны были спросить у него письменное доказательство на то, что он имеет права на передачу издания.

Вы пишете, что Вы роздали 50 экз. бесплатно моим «страстным поклонникам», но это мое право раздавать бесплатные экземпляры, а не издателя.

Мне необходимы 100 экз. для моих друзей и для расплаты с моими книжными долгами: меньшим числом я обходиться никак не могу.

Я-то ведь не при чем, если П.Б. Краснов, перепродавая без всякого на то права мое издание, не оговаривал этого. Это мое постоянное условие.

Наконец, Вы, будучи фактически моим издателем, в течение шести месяцев не потрудились известить меня о том, что издание вышло. А мы были почти все это время в пределах одного фронта! И не узнай я случайно вашего имени и адреса, я бы до сих пор ничего не знал о том, что это издание вышло. Все это весьма мало напоминает желание оказать бескорыстную услугу поэту и искусству.

Очень желал бы, чтобы в результате все это оказалось бы не так. Разубедить меня в этом Вы можете только фактами:

Прислав мне 96 авторских экземп<ляров>.

И дослав сверх Вами присланных 1000 р. еще 2000 до нормального авторского гонорара: на чистый доход с издания я не претендую и заранее от него отказываюсь.

Остаюсь в ожидании Вашего ответа и с желанием узнать, с кем я имею дело.[2]

[1] Письмо (Харьков, 7/20 сентября 1919 г.) и авторские экземпляры книги «Демоны глухонемые» ее издатель Л.К. Берман выслал Волошину по получении от него неизвестного нам письма (которое, безусловно, содержало запрос об авторском гонораре и о представлении 100 авторских экземпляров). Письмо Бермана содержало следующие объяснения ситуации с изданием книги (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 253):

«Из письма Вашего вижу, что Вам неточно передали историю издания прекрасной Вашей книги, почему вкратце излагаю ее:

Посещавший меня журналист местный Прокопович сообщил мне как-то, что на руках у некоего, мне дотоль неведомого лично, Краснова имеется сборник Ваших стихов и что, по условиям времени, он не может найти издателя.

Я согласился помочь этому делу, как любитель книги, и меня посетил Краснов, заключивший со мною такого рода условие, подлинник коего хранится у меня: “1918 г. Ноября 14 дня. Мы, нижеподписавшиеся, Л.К. Берман и П.Б. Краснов, заключили настоящее соглашение в следующем: П.Б. Краснов имеет для своего издательства “Камена” право на издание книги Волошина “Демоны глухонемые” с рисунками Волошина же. Для использования этого права он приглашает Л.К. Бермана, коему передает право издания, ставя условием обозначение, что книга издается “Каменою”. На книге обозначается, что склад издания у Л.К. Бермана Харьков, Дворянская ул., 12. Вся техническая часть по наблюдению за изданием книжки лежит на Краснове, к<ото>рый должен вести дело издания ее от сдачи в набор до выхода книги в свет. Все отпечатанные экземпляры доставляются Л.К. Берману, который распродает их вместе с Красновым или без него. Краснов должен помогать делу распространения книги. Все расходы по изданию книги за счет Л.К. Бермана, и убытки, кои от издания могут оказаться, за его же счет без участия Краснова. За свой труд по ведению технической части этого дела Краснов получает от Бермана одну тысячу рублей независимо от того, даст ли книга прибыль или убыток; также на обязанности Бермана лежит уплата Волошину авторского гонорара в сумме ОДНОЙ тысячи рублей. Издается 1. 500 экземпляров. При переиздании нужно предварительно узнать размер гонорара Волошина” (следуют подписи).

Как видите, в этом соглашении о 100 экземплярах авторских не было и помина, а я этого во внимание не принял, так как никогда никаких книг не издавал, и в этом деле никакого опыта не имел.

Я приобрел самую лучшую в городе бумагу, так как владелец ее оказался моим знакомым, а дальше давал Краснову деньги на издание, сколько требовалось. <...> Пока книга дошла до меня, пришли большевики. Свою тысячу рублей Краснов от меня получил, но так увлекся своей “общественной” деятельностью, что не имел времени выполнить принятое им на себя обязательство помочь мне в распространении книги. Все частные магазины оказались большевиками “реквизированными”, кроме трех: “Труда”, “Союза” и “Нар<одной> Свободы”, куда я дал некоторое количество Вашей книги со скидкою 25–30 процентов.

Краснов мне несколько раз присылал записки о выдаче книг для отзыва, а 25 экземпляров взяла большевистская цензура, потом не помню сколько уже (знает Краснов) пропало при отсылке не то в Екатеринослав, не то в Полтаву, так как мы в Харькове были отрезаны чуть не от всего света.

Воспользовавшись поездкою в Москву известного музыканта Иодко, я дал ему несколько экземпляров книги для предложения в Москве, и он привез мне заказ от Центропечати при московском Ц. И. К. на 1200 экземпляров со скидкою 50 процентов, такой скидки я дать не мог, но с этою бумажкою в руках отправился к некоему Гиндину, заведовавшему Укцентрагом, или отделом книг при нем, и он купил у меня 1000, или несколько больше <...> Я рад был, что продал, так как книга лежала у меня без движения и я рисковал ежеминутно конфискацией ее, так как у меня отношения с "властями предержащими" были неважные, и даже весьма неважные. При встрече расскажу, сколько неприятностей имел "Укцентраг" за покупку этой книги, явно "контр-революционной", ждал их и я, так как эта покупка вызвала жалобу какой-то коммунистической цензорши на Гиндина, но все же книга пошла всюду, и я сам с удовольствием наблюдал, как ее продавали с "укцентраговских" прилавков, сея, таким образом, идеи и представления, диаметрально противоположные тому, чему должен был служить пресловутый "Укцентраг".

По личной инициативе я спрятал для Вас несколько экземпляров, но 2–3 пришлось из них отдать особенно страстным поклонникам Вашим, которые заходили и просили книги. Было несколько человек учащихся без средств, и я штук 40–50 роздал бесплатно.

К великой горести моей, я сейчас лишен возможности сказать, дала книга плюс или минус, и, если плюс, то какой, но к выяснению этого я приложу все меры и тогда напишу Вам дополнительно.

Подательница сего, старый друг мой, художница М.И. Ткаченко, передаст Вам вместе с сим <пробел в тексте. – *Ред.*> экземпляра Вашей книги и условленную ОДНУ тысячу рублей, причем, по выяснению результатов продажи, я немедленно вышлю Вам все остальные деньги, какие Вам причитаться могут, ибо, конечно, никакой другой цели, кроме издания Вашей книги, я не имел, и всю чистую прибыль желаю предоставить всецело Вам.

Ваши клише хранятся у меня и могут быть Вами использованы при переиздании. <...> Должен прибавить, что две книги у меня взяли совсем недавно для вечеров в пользу Добрармии и читали Ваши стихи, но книг не вернули. Лично себе я оставил только один экземпляр Вашей книги, и сам бы непрочь где-нибудь купить еще несколько штук».

[2] Ответного письма Бермана в архиве Волошина не имеется.

94. Я.Г. НАТАНСОНУ

19 сентября / 2 октября 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Волошин.
Крым.
Коктебель.
Собств<енный> дом.
19/IX 1919.

Многоуважаемый Лев Германович,[1]

жду от Вас с нетерпением известий о судьбе моих книг.

До меня дошли слухи, что Верхарн уже весь разошелся и что Вы собираетесь делать второе издание?[2]

Вышел ли Анри де Ренье?

Готовятся ли мои книги лирики I и II?[3]

Прошу Вас выслать мне экземпляры вышедших моих книг.

Это сделать очень просто через любого капитана уходящего на Крым парохода, сдавши их на имя Начальника Феодосийского Порта Александра Александровича Новинского, который мне их передаст сейчас же.

Против второго издания Верхарна я ничего не имею, но на несколько иных условиях: именно 25 процентов с обложки.[4]

Для Анри де Ренье, если понадобится второе издание, у меня есть много новых переводов.

В моих книгах лирики здесь большая необходимость и спрос.

Надо торопиться к освобождению Москвы.[5]

Как Вы пережили большевизм?

Какие новые издания сделали?

Вышлите мне новые стихи.

Жму Вашу руку.

Привет Эльзе Эмильевне.[6]

[1] Ошибка в обращении (имя Натансона – Яков).

[2] См. примеч. 16 к п. 92, примеч. 6 к п. 75.

[3] Подразумеваются «Стихотворения 1900–1910 гг.» и «Вторая книга стихов (1910–1919)». См. примеч. 6 к п. 75.

[4] Второе издание «Стихотворений» Э. Верхарна в переводе Волошина в издательстве «Омфалос» не было предпринято.

[5] Отклик на продвижение Добровольческой Армии в сторону Москвы: 7/20 сентября был взят Курск.

[6] Э.Э. Крюгер (?–1945, Берлин) – эстрадная танцовщица, подруга Я.Г. Натансона. Ответного письма Натансона в архиве Волошина не имеется.

95. Е.И. РУЗЕРУ

19 сентября / 2 октября 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Волошин.
Коктебель.
Собств<енный> дом.
Крым.
19/IX 1919.

Дорогой Ефим Исаакович,

Как обстоят дела с изданием «Демонов Глухонемых»?[1] Вы знаете, что в Харькове то издание, о возможности которого я предупреждал Вас, – состоялось.[2] Оно вышло еще в январе 1918 при большевиках, но я только на днях получил о нем отчет и увидал его в глаза.[3] Оно все разошлось до конца, так что я даже не получил авторских экземп<ляров>. Сделано оно на хорошей бумаге, но небрежно и рисунки мои воспроизведены возмутительно, так что производит впечатление дешево-претенциозное, особенно нелепая обложка.

Потребность во втором издании громадна, т<ак> к<ак> оно почти никуда, кроме Харькова, не попало. Его скупил по глупости большевистский Центраг и распродал прежде, чем спохватился, что́ он распространяет. Издание было всего в

1500 экземпл<ярах>. В пределы Крыма и Добр<овольческой> Армии оно не попадало совсем: тут мои стихи все время распространяются в рукописях и кое-что из отдельных было пущено Освагом на листках.[4]

Необходимо немедленно пустить Ваше издание, а то могут начаться перепечатки без моего ведома.

Если еще нет хорошей бумаги, то, может быть, можно пустить первые две тысячи на какой придется, а тем временем подготовить бумагу к дальнейшему печатанью. Вообще книгу задерживать больше нельзя.

Я бы Вам мог предложить весь мой иллюстрационный материал, предназначенный для того издания и так плохо, и лишь отчасти использованный, но думаю, что это только задержит и обременит издание.

Спешить надо с изданием еще и потому, что я этой осенью закончу еще книгу стихов «Неопалимая Купина», тоже о России и о современности, и надо, чтоб одна книга не перебивала другую. Харьковское издание вызвало ряд статей[5] и будет служить только рекламой одесскому. Необходимо тоже иметь в запасе тысячи две, чтобы пустить в Москву, как только она будет занята.[6]

Также жду от Вас обусловленное количество авторских экземпляров в первую голову, т<ак> к<ак> здесь их необходимо.[7]

[1] См. примеч. 5 к п. 75.

[2] См. п. 92, примеч. 12.

[3] См. примеч. 13 к п. 92, примеч. 1 к п. 93.

[4] См. п. 87, примеч. 17.

[5] Известны рецензии на книгу «Демоны глухонемые» А.А. Смирнова в харьковском журнале «Творчество» (1919. № 5/6. С. 38–39) и Н.К. Гудзия (подпись: Н. Г-й) в разделе «Библиографические заметки» неустановленной газеты (вырезка имеется в ДМВ // Труды и дни-2. С. 65).

[6] См. примеч. 5 к п. 94.

[7] Ответного письма Е.И. Рузера в архиве Волошина не имеется.

96. Ю.Л. САЗОНОВОЙ

25 сентября / 8 октября 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Волошин.
Коктебель (Крым).

25/IX 1919.

Дорогая Юлия Леонидовна,

вчера была у меня проходом Елена Александровна Фидлер,[1] и от нее я узнал новости о Вас. Узнал тоже, что Вы мне писали... Но я ни одного письма от Вас за это лето не получил, за исключением того, что нашел, вернувшись из Екатеринодара.[2] Точно так же не получал ничего и от Любовь Александровны[3] последнее время.

Мне кажется, что я устроил ей солидный заем тысяч в 20 или 30.[4] В Ялте должна быть в скором времени Нина Александровна Айвазовская (родственница Дуранте, Латри, друг Богаевского, Деларю), она хотела бы устроить свободные у ней деньги на условиях, о которых писала Любовь Алек<са>ндр<овна>: то есть за стоимость валюты.[5] Она сама зайдет к Вам поговорить об этом, когда будет в Ялте. Но я не знал, что Недоброво в Магараче, и дал ей адрес: Аутская 69.[6] Так что устройте непременно им свидание, т<ак> к<ак> она попадет к Вам.

Очень благодарю Петра Павловича за приглашение на выставку: пришлю непременно акварелей 10.[7] Сам же не вижу возможности приехать: уж очень дорога одна дорого стоит. А на заработок рассчитывать в Ялте, кажется, невозможно. Да и лекции мне, вероятно, не разрешат в Крыму в этом году, т<ак> к<ак> меня теперешнее правительство искренне считает большевиком.

Вероятно, я буду сидеть всю зиму в Коктебеле и работать над стихами. Получили ли Вы мои последние стихи, что я посылал на имя Любовь Александровны?

Мне очень хочется знать Ваше впечатление подробно.[8]

Так вот над этой книгой мне хочется проработать всю зиму и закончить. Мне хочется стать гораздо ближе к реально-

сти и закрепить в стихах ряд масок революции, которые потом исчезнут. Мне хочется дать стихам историческую документальность преходящего. Это, конечно, будет один из циклов книги: «Личины».[9]

Мое лето в Коктебеле (оно началось для меня только в июле) прошло очень быстро. В живописи я совсем не работал и только последние дни, как бы предчувствуя ялтинскую выставку, взялся снова за кисти.

[1] Настоящие имя и отчество Е.А. Фидлер – Елизавета Антоновна.

[2] Имеется в виду письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской от 14/27 июня 1919 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1072).

[3] Л.А. Недоброво.

[4] О денежных затруднениях Недоброво см. примеч. 21 к п. 87.

[5] В письме к Волошину от 28 июля / 10 августа 1919 г. Л.А. Недоброво просила его содействовать получению ею денежной суммы (30 тыс. руб.) под большие проценты – желательно в иностранной валюте (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 873).

[6] Ялтинский адрес Недоброво и Сазоновой-Слонимской. «Из Ялты мы уехали в конце августа еще <...>», – писала Л.А. Недоброво Волошину из Магарача 13/26 сентября 1919 г. (*Там же*).

[7] Приглашение от П.П. Сазонова участвовать в ялтинской художественной выставке, видимо, передала Волошину Е.А. Фидлер при упомянутой выше встрече.

[8] См. примеч. 2 к п. 88.

[9] Цикл из шести стихотворений «Личины» вошел в книгу Волошина «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции» как ее 5-й раздел.

97. А.М. ПЕТРОВОЙ

11/24 октября 1919 г. Коктебель

Коктебель 19/X 1919.

Дорогая Александра Михайловна,

большая просьба: пришлите мне с Бобрицким, который Вам передаст это письмо, *«Свет невечерний»* Булгакова[1] и *Рукоп<иси> А. Шмидт.*[2] Сейчас очень нужны в работе. Еще

задерживаю Серафима[3] и Амвросия:[4] работа как раз о них. Необходимы. Очень нужно было бы достать «Не мир, но меч» Мережковского[5] и «Великое в малом» Нилуса.[6] Нет ли у кого? Пишу поэму на тему о Серафиме. Работаю безвыходно и упорно. Верно, не скоро еще куда-нибудь выгляну. Как хорошо, что я в Феодосии под остракизмом.[7] Наверное, мне бы не дали работать. Мне провиденциально везет. После «Китежа»[8] ничего нового не закончено. Но сделана громадная подготовительная работа и начато очень много. Хочу всю зиму сидеть и работать. Как Вы живете? Напишите о себе. Как здоровье Котика?[9]

До свиданья. Пожелайте мне удачи в работе.

МАХ.

[1] Речь идет о книге С.Н. Булгакова «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» (М.: Путь, 1917).

[2] См. п. 47, примеч. 7. Обе книги были высланы Волошину Петровой 15/28 октября 1919 г. 14 октября она признавалась Волошину: «Такая досада, что нужен “Свет невечерний”, собиралась было читать. Потом попрошу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 34).

[3] В это время Волошин начал работать над поэмой, посвященной святому Серафиму, иеромонаху Саровской обители, канонизированному в 1903 г. (см.: Т. 2 наст. изд. С. 98–125). Речь идет об издании: Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. С 18-ю рисунками / Составил Н. Левитский. М.: Изд. Афонского Русского Пантелеймоновского монастыря, 1905. См. п. 106.

[4] 7 июня 1917 г. Петрова писала Волошину «Прочла вчера “Оптинского старца о. Амвросия”. Вся душа поднята верой, надеждой и любовью» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 11 об.). Видимо, эту книгу Петрова передала Волошину, но о каком точно издании идет речь, установить не удалось, возможно – «Отец Амвросий – оптинский старец» (Тамбов, 1912).

[5] Речь идет о книге Д.С. Мережковского «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908). См. также п. 104, 106.

[6] Имеется в виду книга С.А. Нилуса «Великое в малом. Антихрист, как близкая политическая возможность» (2-е изд. Царское Село, 1905), включающая запись бесед св. Серафима Саровского с помещиком Н.А. Мотовиловым. См. также п. 104 и 106.

[7] Об этом остракизме Волошин писал также А.К. Герцык (п. 104). См. также Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 385—387 и п. 114.

[8] Речь идет о стихотворении «Китеж». (См.: Т. 1 наст. изд. С. 279—281). В ответном письме от 14 октября Петрова отметила: «За “Китеж” – громадное спасибо!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 33 об.).

[9] К.Ф. Богаевский. Петрова отвечала Волошину: «Котик, спасибо, выздоровел, уже выходит и поправился» (*Там же*).

98. Е.В. ВИГАНД И Н.А. МАРКСУ

14/27 октября 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Волошин.
Коктебель.
14 октября 1919 года.

Дорогие Екатерина Владимировна и Никандр Александрович, через несколько дней поедет Павел Александрович, и я готовлю это письмо, чтобы послать с ним.[1]

С Вашего отъезда моя жизнь текла тихо и сосредоточенно в работе и в книгах. Так же она течет и теперь. У меня много сколочено новых стихов, но еще подмостки не убраны и послать ничего не могу. Сейчас начал большую поэму в размере Аввакума,[2] темой для которой будет Св<ятой> Серафим.[3]

Почти из дому даже не выходил. Однажды только, когда приехала Аделаида Валерьевна,[4] был у нее в Отузах. В жизнь мою со стороны властей вторжений тоже не было.

Из интересных встреч и разговоров: приезжал ко мне профессор Кембриджского Университета Карцевский[5] — инспектор центр<ального> Освага, и мы с ним много говорили обо всех феодосийских делах. В его миссию отчасти входило осветить все недоразумения военных властей с крымской интеллигенцией, главным образом в педагогическом мире. Его впечатления и выводы вполне совпадали с моим письмом и запиской, поданной Новгородцеву и Малинину. Можно теперь надеяться, что все дело феодосийских педаго-

гов теперь будет пересмотрено.[6] Мы говорили много и о тебе, конечно. И он, взяв твой адрес, хотел по дороге в Ейск, где у него семья, заехать к тебе, чтобы поговорить лично. Но боюсь, что это ему не удастся.

От него узнал, что в Ростов приехал Петр Бернардович Струве и, вероятно, примет ближайшее участие во всех правительственных делах.[7] Это очень приятно и хорошо. Я его знаю давно и близко.

Относительно тебя мы говорили с Карцевским, что хорошо было бы, чтобы о тебе поднял вопрос теперь какой-нибудь Университет: пригласил бы тебя читать курс истории Крыма. Он обещал в этом отношении позондировать почву в Ростове.

Конечно, лучше всего было бы это сделать Таврическому Университету, но боюсь, что он пока не решится на такую демонстрацию, а со стороны Ростовского никакой демонстрации не будет.

Что касается меня, то я предполагаю всю зиму сидеть в Коктебеле и работать.

Ехать с лекциями теперь нет никакого смысла.

Дорога так дорогá и поборы с лекций так велики, что все равно это никакого дохода принести не может, поэтому буду до самой весны сидеть и писать стихи.

Я был у тебя в библиотеке[8] и взял много книг. Посылаю тебе список. Только я их вовсе не рассматриваю как подаренные и немедленно по твоем возвращении, когда они тебе понадобятся, верну: это только запас на зиму.

И многие из них я уже использовал, а другие ждут очереди. И я, раскрывая их, каждый раз мысленно благодарю тебя, потому что ими как раз восполняется у меня тот отдел, который был скуден, а для теперешних работ особенно нужен.

Простите меня, Екатерина Владимировна, что я пишу так немного и редко: мой день весь вытянут в одном напряжении работы, и письмо это почти то же, что пойти в Отузы.[9] Хочется замкнуться в своем молчании и следить свою мысль до ее окончательного воплощения.

Чтобы сделать что-нибудь порядочное, надо сойти с ума над своей работой, иначе ничего не выйдет.

Зимой у нас будет жить Майя Кудашева и вести все хозяйство: она поехала теперь в Ростов за своей матерью и младенцем.[10] Татида сейчас в Феодосии, ищет опять себе места, но с обычной безнадежностью.

Мама Вам обоим кланяется, я же крепко обнимаю и желаю всего лучшего.

Привет Агищевым.[11]

[1] Павел Александрович – неустановленное лицо. Адресаты письма находились в это время в Тамани, куда Н.А. Маркс был выслан (1/14 сентября 1919 г.) после освобождения из-под стражи и пребывания в Феодосии и Приморских Отузах. Изложив в письме к Волошину из Тамани от 5/18 сентября 1919 г. (в автографе ошибочно обозначен август) обстоятельства, предшествовавшие высылке, Н.А. Маркс заключал: «Если суд надо мной и осуждение имели хоть какое-нибудь основание с своей специальн<ой> точки зрения, то теперешняя высылка и разорение – это возмутительнейший произвол власти. Я подчинился безропотно, протестовать нелепо и ничего не выйдет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 823).

[2] Размер поэмы Волошина «Протопоп Аввакум» – верлибр.

[3] См. примеч. 3 к п. 97.

[4] Аделаида Валерьяновна Маркс.

[5] См. примеч. 17 к п. 87. Профессором Кембриджского университета С.И. Карцевский не был; до революции, будучи политическим эмигрантом, изучал лингвистику в Женеве.

[6] Подразумевается дело о сотрудничестве феодосийских педагогов с большевистскими властями Крыма до занятия Феодосии Добровольческой Армией во второй половине июня 1919 г.

[7] П.Б. Струве с февраля 1918 г. был одним из руководителей «Национального центра», по поручению которого совершил в начале 1919 г. поездку в Великобританию и Францию с целью организации антибольшевистской пропаганды на Западе и материальной поддержки Белого движения; с сентября 1919 г. – член Особого Совещания при генерале А.И. Деникине.

[8] Библиотека на даче Маркса в Отузах.

[9] Деревня Отузы – в Отузской долине в 5 верстах от Коктебеля.

[10] 8 октября 1919 г. М.П. Кудашева писала Волошину из Новочеркасска о своем предстоящем приезде в Коктебель: «...еду через день, два, м<ожет> б<ыть>, приеду раньше письма своего. – Везу маму, сына, прислугу, множество тюков своих» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3,

ед. хр. 1035, л. 8). Мать Кудашевой – Адель Кювилье (1860 – ок. 1935), сын – Сергей Сергеевич Кудашев (1917–1941).

[11] Хозяева дачи в Тамани, на которой поселились Н.А. Маркс и Е.В. Виганд. Последняя сообщала Волошину в письме от 6/19 сентября 1919 г., что хозяйка дачи, Екатерина Николаевна Агищева, дала ей книгу Волошина «Лики творчества» с авторской дарительной надписью, добавив: «Вы, может быть, знаете поэта Волошина, он большой друг моего брата» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 340).

99. А.М. ПЕТРОВОЙ

17/30 октября 1919 г. Коктебель

17 октября 1919.

Дорогая Александра Михайловна,

спасибо за книжки и за письмо.[1]

Я не сейчас и, вероятно, еще не скоро соберусь в Феодосию. Очень хорошо стало работаться – нельзя прерывать работы. Месяца полтора ничего толком не выходило. А теперь снова творческие щупальцы ко всему потянулись.

О Серафиме Вы не бойтесь: я его почувствовал.[2]

Я читал тогда Амвросия,[3] когда жаловался на то, что не понимаю смирения. Из жития Амвросия так и не видно, ни кто он, ни какими путями он шел. Вся личная трагедия спрятана. Вина не его, а биографа. Плохо написанная книжка. А вот о Серафиме – писал человек той же психологии, такой же компилятор. Но знал, что надо собирать.[4] В Серафиме смирение понятно и обосновано. У меня план и перспектива наметились. Конечно, это будет не ортодоксально, не церковно (тогда надо житие писать, а не поэму!), но, конечно, «Гавриилиады»[5] не напишу. Во-первых, потому, что я недостаточно гениален, во-вторых, потому, что вовсе не собираюсь ни шутить, ни кощунствовать. Тоже моя линия лежит и в стороне от Маргаритиной,[6] хотя с ней во многих фактах буду встречаться, потому что выбор характеризующих эпизодов она сделала верно. Очень меня соблазняет послать Вам некоторые полуготовые отрывки, но воздерживаюсь: Вам

полуготового показывать нельзя, к сожалению: Вы слишком творчески принимаете и продолжаете и меня самого собьете. Придется подождать, пока я окончу. На Аввакума[7] — могу сказать — совсем не будет похоже.

Так что пока не зовите меня. Хочу большого молчания и уединения. События внешние (Махно и проч<ее>)[8] как-то не тревожат меня пока, не доходят до сознания.

Может, он и не придет в Крым. А коли и придет, как-нибудь выгребем.

Сейчас самое трудное, но и самое необходимое: не думать о завтрашнем дне.

Опять пересмотрел Ваше письмо: о Евреях.[9] Боюсь, что мы ни о чем с Вами не договоримся. Вспомните слова Соловьева о том, что Евреи всегда относились к христианам согласно требованиям их иудейской религии, но что христиане никогда не относились к Евреям так, как того требовало учение христово.[10] Я хочу только христианского отношения к расе, которой мы обязаны истоками своей веры и которая вся целиком, рано или поздно, согласно точным словам Апостола Павла, придет ко Христу и спасется.[11]

Я ничего лучшего не желаю, как ценить и весить Евреев точно и верно. Но весить их на весах христианских, а не на весах «иудейских», как это делают обычно христиане. Погром, насилие, экспатриирование — все это плохие средства для пропаганды христианской идеи. Они создают то, что сейчас, несмотря на все грехи иудеев, их надо защищать изо всех сил. Не случайно Евреи живут на русской территории: мы взаимно должны многому друг от друга научиться, оставаясь самими собою. Впрочем, я ничего не имею против того, чтобы иудеи становились христианами, и не хочу, что<бы> русские «жидовствовали» и сами делали все то, в чем они упрекают Евреев.

Роль Евреев во время революции очень значительна и интересна, но ее сейчас не оценишь: нет ни материалов, ни разбега для перспективы.

Рано или поздно я подойду к этому со стихом: без этого цикл моей книги о революции не будет замкнут.[12] Но... В творчестве есть какая-то последняя интуиция, и никогда нельзя

предвидеть, что *скажется* в стихах. Этой интуиции я верю больше всех теорий и замыслов. Главное в ее неизбежности. Если пойдешь против нее, то ничего сделать не сможешь и самого простого стихотворения не допишешь.

Я прочел маме Ваши извинения: о 10 р. вместо тысячи.[13] Дорогая Алекс<андра>Мих<айловна>, ведь если принимать в денежных расчетах разницу курса в разные моменты, то никакое денежное обращение было бы невозможно. Это неизбежный биржевой проигрыш или выигрыш, с этим считаться нельзя. Если б Вы занимали на валюту, то это было бы разумно, но... Ведь и для Вас, и для нас ценность денег, несмотря на их падение, не изменилась. Она изменилась для тех, кто торгует... А для нас просто жизнь стала безумно дорога. А наши доходы те же. Я понимаю Вашу мысль, но это было бы правильно по отношению к тем, кто сам разбогател за это время.

До свиданья. Пишите мне иногда.

МАХ.

[1] Имеется в виду письмо Петровой от 14 октября 1919 г. и книги С.Н. Булгакова и А.Н. Шмидт. См. п. 97, примеч. 2,3.

[2] Отклик на размышления Петровой: «Почему-то очень боюсь, что Вы напишете о Серафиме. Запало Ваше мимолетное признание при разговоре в последнюю встречу: “мне непонятно смирение”. А ведь *без него* по настойчивому указанию всех святых, праведников и Отцов Церкви — ни шагу вперед, и всякая иная работа ничто. Вам нужно, необходимо проникнуться этим. <...> боюсь, что Вы там нацарапаете о Серафиме, *без смирения...*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 34).

[3] См. примеч. 4 к п. 97.

[4] См. примеч. 3 к п. 97.

[5] Имеется в виду поэма А.С. Пушкина «Гавриилиада» (1821), легально опубликованная в России в полном объеме лишь после Февральской революции. См.: *Пушкин А.С.* Гавриилиада. Полный текст / Вступ. статья и примеч. В. Брюсова. М.: Альциона, 1917.

[6] В 1913 г. М.В. Сабашникова выпустила книгу «Святой Серафим» (М.: Духовное знание).

[7] Речь идет о поэме «Протопоп Аввакум». См. примеч. 19 к п. 21.

[8] Н.И. Махно, анархист, предводитель крестьянского освободительного антибольшевистского и антибелогвардейского движения на Украине. В конце сентября махновская «Революционная повстанческая армия Украины», насчитывавшая в своих рядах 35 тысяч человек, совершила рейд по тылам белых. 25 сентября / 8 октября 1919 г. были заняты Мелитополь и Бердянск, что вызвало панику в Крыму. По этому поводу Петрова писала Волошину 14 октября 1919 г.: «А все же все мы здесь очень смущены вынырнувшим батько Махно. Мало доверия тем силам, что здесь. Бердянск ровно в 15 минут сдали тыловые вояки. Щемит душу положение Добров<ольческой> Армии, ушедшей далеко от базы на Север. Ну и времечко!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 34 об.).

[9] Петрова неоднократно делилась с Волошиным своими представлениями о еврейском начале в русской революции. См. примеч. 27 к п. 14. Волошин, видимо, имеет в виду письмо Петровой от 15 октября 1918 г., в котором она признавалась: «Готовлюсь к генеральному с Вами сражению по еврейскому вопросу. Та – акой аргумент (из Талмуда) есть у меня, что Вы – в лепешку. Чувствую, что, смягчая *нарочито*, Вы погрузитесь в жидовское болото, как со многими бывало. Либо со Христом, либо с антихристом в данный момент: заигрывать с обеими сторонами нельзя. Нужны дела, а не философствования, – их довольно накопили к нашему полярному моменту. Помните о Соловьеве (“Три речи”), – наша *братская* рука к ним повисла в воздухе (т.е. случилось нечто неизмеримо худшее, это что нет предела возмущению), следовательно – смелая борьба, не затушевывая, смелое вскрытие этой, вечно прячущейся от света вовнутрь язвы для *их же* спасения. Мы подличаем, душевную лень в себе вскармливаем, не говоря об умственной (лень, трусость поучиться, взглянуть трезвыми глазами на болезнь), потворствуем их *анти-христианским* ***порокам,*** и еще более: анти-человечественным. Для человечества – это кардинальный вопрос. А христианство известно, как на него смотрит. Сметь ли отрицать жертву Христа?!.. Ярость, потому что Вы теперь работаете над священными темами, но подходите к ним не со стороны Церкви, не из Ее лона. Берегитесь!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 27 об.).

[10] Волошин кратко излагает рассуждения Вл. С. Соловьева, который писал: «Иудеи всегда и везде смотрели на христианство и поступали относительно его согласно предписаниям своей религии, по своей вере и по своему закону. Иудеи всегда относились к нам по-иудейски; мы же, христиане, напротив, доселе не научились относиться к иудейству по-христиански. Они никогда не нарушали относительно нас своего религиозного закона, мы же постоянно нарушали и нарушаем относительно них заповеди христианской

религии» (*Соловьев Владимир.* Еврейство и христианский вопрос. М.: Унив. типография, 1884. С. 1).

[11] Ср.: «...и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова» (Рим. XI: 26).

[12] Речь идет о замысле книги стихов о революции «Неопалимая Купина». См. п. 104, примеч. 6 к п. 123. 8 сентября 1919 г. Волошин записал в «творческой тетради» «заготовку» стихотворения для цикла «Личины» под названием «Коммунист (еврей)», где формулировал: «Он один из племени обездоленного своей извечной избранности, измученного ревнивой и карающей любовью библейского Бога. Он козлище отпущения между народами. На него вылили всю грязь, возложили все отбросы христ<ианской> культуры и выгнали в пустыню. <...> И он в пустыне, окружавшей его, выносил мечту о спасении мира, об экономич<еском> благополучии и справедливости. <...> Он вырос в России. Он к ней привязан и любит мучителя неотступной любовью жертвы. Но что ему Русь, рядом с той мечтой, которой он преобразить мир? Она для него только средство, а не цель» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7, л. 45 об.).

[13] Еще до революции Петрова заняла у Е.О. Кириенко-Волошиной 1000 рублей. В 1919 г. состоятельная родственница Петровой Н.А. Айвазовская, без ее ведома, перевела этот долг по почте — но в размере 10 рублей. Об этом Петрова писала Волошину 14 октября 1919 г.: «Хочется написать дорогой Елене Оттоб<альдовне> извинения за свою забывчивость в долге, <...> а также за Нину Алекс<андровну>, удружившую мне с покрытием моего долга без моего ведома. Бедняжка, вместо спасибо от меня укор получили! — нельзя же платить 10 руб. вместо взятой тысячи?! Она не понимала этого и была ошарашена моим дружеским упреком и объяснением. Черт теперь разберет, что вышло. Я смущена» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, 33 об.).

100. Я.А. ГЛОТОВУ

18/31 октября 1919 г. Коктебель[1]

Коктебель.
18 октября 1919 года.

Милый Яша,

ты не ошибся:[2] я нахожусь в Коктебеле с начала Революции, и до сих пор над нами и над нашим домом все беды проходили благополучно, — нас не резали, нас не грабили, даже не

арестовывали и не обыскивали. Хотя Коктебель и бомбардировался при нас и здесь совершались десанты...[3]

Мама очень постарела, болеет, приходит в отчаяние от хозяйственных неурядиц, но отнюдь не от смены режимов и не от опасностей.

Я же оказался весьма приспособлен к условиям жизни, установившимся теперь: очень много и сосредоточенно работаю: главным образом пишу стихи, но не оставляю и живопись. Всеобщая безалаберщина весь<ма> способствует сосредоточенности духа и работы. Пишу стихи исключительно на современные темы – о России и о революции.

Как всегда все, что бывает со мной, оказывается парадоксально: мои стихи одинаково нравятся и большевикам и добровольцам. Моя первая книга «Демоны Глухонемые» вышла в январе 1919, в Харькове и была немедленно распространена большевистским Центагом. А второе ее издание готовится издавать Добровольческий Осваг.[4] Из этого ты можешь видеть, что я стою действительно над партиями. И это понятно: для меня уже давно стало абсурдом желание осуществлять в жизни народа какие бы то ни было свои предпочтения и государственные формы. Между тем как развертывающаяся историческая трагедия меня глубоко захватывает, и благодарю судьбу, которая удостоила меня чести жить в такую эпоху. Хочется только успеть формулировать все, что видишь и переживаешь. Но эта неуверенность в завтрашнем дне дает только шпоры работе. В конце концов ко мне все сменявшиеся режимы относились очень хорошо в лице центральных властей и скверно в лице местных, но они почему-то не решались ничего сделать. Я же, относясь ко всем партиям с глубоким снисхождением, как к отдельным видам коллективного безумия, ни к одной из них не питаю враждебности: человек мне важнее его убеждений. Поэтому единственная форма активной деятельности, которую я себе позволял, – это мешать людям расстреливать друг друга. И пока довольно удачно.

Зиму 18/19 гг. я провел в чтении лекций: сперва по Крыму, потом в Одессе.

В Одессе прожил всю зиму в одной комнате с Рудневым и с Абр<амом> Гоцом (у Цетлиных).[5] Там меня застал большевизм. Я подвергся очередной травле местной большевистской прессы, которая меня обвиняла в контр-революции за сотрудничество в эсеровских газетах.[6] Мне грозил арест Чрезвычайки, но вместо этого я подружился с ее председателем, и он меня снабдил всеми бумагами на выезд.[7] Другой мой приятель поручил меня довезти до Крыма матросам разведчикам, и я с ними на паруснике прорвался сквозь французскую блокаду.[8]

Нас дважды останавливал французский миноносец – я с ними объяснялся, и потом мои матросы говорили мне: «Как вы, товарищ, здорово буржуя представляете!»

В Ак-Мечети мы попали к Тарановцам, которые нас сперва обстреляли, потом чествовали.[9]

В Евпатории мы застряли. Не было поездов. Но тут выручило мое счастье: ко мне на улице кинулся человек: «Ах, как я рад, что Вас нашел...» Я его еле припомнил: он когда-то был у меня в Коктебеле еще студентом. Тут же он оказался командующим армией. Так что дальше я продолжал путь в отдельном вагоне-салоне.[10] Это было вдвойне удачно, т<ак> к<ак> в Симферопольском Ревкоме как раз перед моим приездом говорили: «Ну, если после своих зимних лекций (я читал о том, что "Двенадцать" Блока отнюдь не большевистская вещь[11]) Волошин посмеет появиться в Крым, то ему несдобровать». Но я появился и сдобровал. Добрался до Феодосии.

Здесь у меня было курьезнейшее объяснение с Револ<юционным> Комитетом по поводу моих полномочий на охрану искусства, которыми я заручился.[12] Когда я им заявил, что я не только не коммунист, но даже не социалист, и что я им оказываю честь... то они пришли в страшное негодование, грозили арестовать и препроводить в Симферополь, но не посмели, и я отправился отсиживаться в Коктебель. Через неделю в Коктебеле был сделан десант... прямо на нашу террасу. Вся команда «Кагула» были мои приятели или слушатели... Затем началась история другого порядка: был арестован мой друг генерал Маркс, как большевик.[13] Он был в Ком<иссариате> Нар<одного> Просв<ещения> и спас Фео-

досию от разгрома и расстрелов. Про него создались немедленно легенды, и ему грозил расстрел. Я умудрился проехать вместе с ним, несмотря на запрещение сопровождать его. Несколько раз по дороге предотвращал самосуд, довез его до Екатеринодара и там провел все его дело перед военно-полевым судом и добился его полного освобождения у Деникина.[14] Причем у меня не было ни одного знакомого, когда я ехал, в Екатеринодаре.

Сейчас мне, разумеется, местные власти не могут простить этого, и я подвергнут остракизму на этот раз как большевик. Вот мои приключения последнего года.

[1] В архиве Волошина сохранился первоначальный вариант начала этого письма (автограф чернилами: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 29, л. 54):

18 октя<бря> 1919. Коктебель.

Милый Яша, ты не ошибся – я нахожусь в Коктебеле с начала Революции, и пока над нами и над нашим домом все беды проходили благополучно. Мы с мамой живы. Она очень постарела, а я поседел, но духом (и расположением духа) не изменился. Жизнь, конечно, была крайне разнообразна, и все, что со мной ни случалось, было парадоксально. В конце концов ко мне все сменявшиеся режимы в лице центральной власти относились очень хорошо, а с местными властями я всегда в контрах. Единственная форма общественной деятельности, которую я себе позволяю, – это мешать людям друг друга расстреливать. И довольно удачно. В смысле политических партий... Я отношусь ко всем (*На этом текст обрывается.*)

[2] Письмо Глотова, на которое отвечает Волошин, не сохранилось. В подборку писем Глотова в архиве Волошина вложена пояснительная записка М.С. Волошиной: «Вынуто 95 п<исем> Я. Ал. Глотова по его собственной просьбе для работ над ними. И обещано по миновении в них надобности вернуть»; позднейшая приписка: «(Глотов был арест<ован> в 1937, письма пропали)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 425).

[3] Подразумевается белогвардейский десант в Коктебеле 5/18 июня 1919 г., поддержанный обстрелами с крейсера «Кагул».

[4] См. п. 87, примеч. 17; примеч. 1 к п. 93.

[5] См. примеч. 2 к п. 87.

[6] См. п. 80, примеч. 6.

[7] См. п. 80, примеч. 7.

[8] См. примеч. 2 к п. 76. «Приятель» Волошина – Александр Васильевич Немитц (1879–1967), контр-адмирал и командующий Черноморским флотом в 1917 г.

[9] См. примеч. 3 к п. 78.

[10] См. примеч. 9 к п. 80.

[11] См. интерпретацию поэмы Блока в статье Волошина «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 25–33).

[12] См. п. 87, примеч. 12.

[13] См. примеч. 4 к п. 81.

[14] См. примеч. 3 к п. 85.

101. Л.П. ГРОССМАНУ

5/18 ноября 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Волошин.
Коктебель,
Крым.
5/XI – 1919.

Дорогой Леонид Петрович,

получил Ваше письмо от 14 октября.[1] Большое спасибо. Я уже думал, что мое письмо и стихи так и не дошли до Вас, и поэтому дал еще один список всех моих новых стихов Андрею Соболю, который будет у Вас, вероятно, раньше, чем Вы получите это письмо.[2] Кроме того, я на днях послал Вам еще отдельно три статьи: две литературно-политические «Русская бездна» и «На весах поэзии» и одну художественную – об Александре Бенуа, которая как раз подойдет для художеств<енного> журнала, о котором Вы пишете.[3]

К этому же письму прилагаю статью «Пути России».[4]

Мысли и душа устремлены по-прежнему к совершающемуся в России, и потому у меня нет готовых статей об искус-

стве и по литературным вопросам. Но постараюсь реализировать кое-что из старых замыслов и тогда пришлю Вам. Не годилась ли бы для художеств<енного> журнала моя монография о Сурикове: она ведь у меня лежит по-прежнему неиспользованная и ненапечатанная?[5]

Леонид Петрович, если Вы с такой дружеской самоотверженностью взяли на себя распределение моих стихотв<орений> и статей по одесским журн<алам> и газет<ам>,[6] то позвольте мне попросить Вас взять на себя и получение гонорара за них. Я не решился бы просить Вас об этой хлопотной и неприятной услуге, если бы не соображение, что Вы сами пишете во всех тех же органах и можете заодно получить и мой гонорар, и переслать его удобнее одновременно. А то ведь я при медленности и неверности теперешних почтовых сношений ничего не смогу добиться непосредственно из редакций. Поэтому в надежде, что Вы не откажетесь, прилагаю маленькую доверенность.

Между прочим, не зная, получили ли Вы мое письмо и стихи, я поручил Соболю, давая ему их полный список, разнести их по редакциям, но предварительно повидавшись с Вами и Мочульским.[7] Т<ак> к<ак> он возвращается потом в Феодосию, то ему можно будет передать и деньги для меня, и он мне обещал привезти экземпляры моих вышедших книг.[8] Я ему дал записки к Натанзону и к Рузеру. Я им писал одновременно с Вами,[9] но ответа не получал, и все, что знаю о движении моих книг, знаю только от Вас. Поэтому прошу Вас тоже содействовать, чтобы ему дали по 200 экз<емпляров> каждой книги (помнится, что таково наше условие – нет сейчас договора под руками: по 50 автор<ских> и 150 в счет гонорара). Я надеюсь, что ко времени его отъезда «Демоны Глухонемые» наконец выйдут. Харьковское издание, очень небольшое – 1500 – все разошлось, и до меня дошло только 3 три* экземпляра. Я очень жду Рузеровского издания.

И еще одна просьба: для всех изданий, что будут печатать меня, обязательна высылка мне издания: то есть газет постоянно, а журналов – хотя бы того номера, где напечатано мое.

* *Так в машинописи.*

Ну вот вся деловая часть. Простите.

Большое спасибо за присылку вырезок и за все Ваше внимание.

Смерть Зинаиды Владимировны очень поразила меня.[10] Наши зимние свидания в Одессе не заслонили в моей памяти ее девический облик, так связанный с фигурой ее отца, которого я очень любил. Вся семья так быстро ушла — в два года![11] В ее девичестве поражал переизбыток жизненности и художественная жадность к миру.

На зиму я устроился в Коктебеле. Зимой здесь чувствуешь себя на краю планеты. А зима как раз наступила сегодня, с северным ветром, снегом и дымящимся морем. Дом наш полн: с нами зимует одна моя давнишняя приятельница: французская поэтесса (очень талантливая — Майя) теперь княгиня Кудашева (с семьей),[12] Ася Цветаева (сестра Марины). Пока живет Мандельштам, но скоро собирается ехать в Одессу.[13]

Я работаю над большой поэмой о Святом Серафиме (в параллель Аввакуму)[14]. К сожалению, со времени моего последнего письма, нет ничего законченного из стихов, что мог бы выслать. Идет сейчас подготовительный период. Последний месяц вернулся опять и к живописи.

Если увидите Шенгели,[15] попеняйте ему, что он этим летом миновал Коктебель: я его все время ждал, зная, что он в Крыму, но ни у кого не мог добиться его адреса. Скажите ему, что я в свое время получил его письмо из Харькова, но с опозданием на три месяца, ответил, не послал, т<ак> к<ак> мы тогда были разделены фронтом.[16] Очень люблю и его, и его жену. Пусть он хоть адрес свой мне пришлет. Не появлялся ли в Одессе Илья Эренбург? Я от него (тоже с запозданием на месяц) получил телеграмму, что он едет из Киева в Коктебель,[17] и нет ни его, ни вестей — думаю, что он должен застрять в Одессе. От Вас<илия> Леон<идовича> Комаровича тоже имел открытку из Нижнего еще при большевиках. Ему тоже хотелось пробраться сюда, но не удалось.[18]

До свиданья. Мысленно обнимаю Вас. Привет Маргарите Михайловне и Елене Петровне.[19]

Спасибо за все.

[1] В письме из Одессы от 14/27 октября 1919 г. Л.П. Гроссман откликался на присылку Волошиным (вместе с п. 92) своих последних стихов, в том числе сонета «Л.П. Гроссману» («В слепые дни затменья всех надежд...», 19 сентября 1919; см.: Т. 2 наст. изд. С. 424), написанного по получении его книги стихов «Плеяда» (см. п. 92, примеч. 1): «“Китеж” великолепен! Очень выдержаны и богаты по языку “Заклятье о России”, “Запись о смутняках”. Глубоко тронул меня и порадовал чудесный Ваш сонет о “Плеяде”. Это самое ценное для меня из всех отзывов, устных, печатных и письменных» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 470. «Запись о смутняках» – второе заглавие стихотворения «Написание о царях московских», 23 августа 1919).

[2] Андрей Соболь отбыл из Феодосии в Одессу около 8/21 ноября 1919 г. (Труды и дни-2. С. 89).

[3] Ни одна из упомянутых статей Волошина не была опубликована в одесской печати. Они помещены в наст. изд. по авторизованным текстам из архива Волошина (Т. 6, кн. 2. С. 329–338, 412–418, 421–430).

[4] Эта статья тогда осталась неопубликованной, помещена в наст. изд. по авторизованной машинописи из архива Волошина (*Там же*. С. 437–444).

[5] Монография «Суриков» не была опубликована при жизни Волошина. См.: Т. 3 наст. изд. С. 363–451. В письме к Волошину от 14/27 октября Гроссман сообщал, что бережет часть присланных стихов и переводы из А. де Ренье «для 2-х предполагаемых изданий: нового художественного журнала (под ред<акцией> проф. Окунева, при ближайшем участии Миклашевского, Мочульского, моем) и для сборника, кот<орый> собирается издать Ивасенко».

[6] В том же письме Гроссман сообщал: «“Китеж” я отдал в “Объединение” и вчера уже держал его корректуру; торгаш Осипович непременно хотел урвать хоть пару рублей от Вашего гонорара, но я припугнул его, что отдам стихотворение в любую газету, кот<орая> охотно даст 10 р. за стих, и он подчинился. Несколько стихотворений (“Матрос”, “Спекулянт”) я дал в новую газету “Совр<еменное> Слово”, как и Вашу статью; из приложенной вырезки можете увидать, что Вы уже включены в список сотрудников». Стихотворение «Китеж» было опубликовано в одесском журнале «Объединение» (1920. № 5), издававшемся Наумом Марковичем Осиповичем (1870–1937); другие упомянутые стихотворения Волошина были опубликованы не в одесской газете «Современное Слово», начатой изданием с 13/26 октября 1919 г., а в другой одесской газете – «Южное Слово»: 16/29 ноября 1919 г. («Матрос»), 17/30 ноября 1919 г. («Спекулянт»), там же 16/29 ноября было напечатано стихотворение «Красногвар-

деец»; публикации статей Волошина в одесской печати конца 1919 г. не выявлены.

[7] 17/30 ноября 1919 г. Андрей Соболь сообщил Волошину из Одессы о выполнении всех данных ему поручений (Труды и дни-2. С. 90).

[8] В данном случае могла подразумеваться только одна книга Волошина – «Стихотворения» Э. Верхарна в его переводе, вышедшие в одесском издательстве «Омфалос» в 1919 г. См. примеч. 5, 6 к п. 75.

[9] См. п. 94, 95.

[10] В цитированном выше письме Гроссман сообщал о З.В. Кузнецовой (Сербской): «...месяц назад 8-го сентября скончалась Зинаида Владимировна. Летом она заболела брюшным тифом, который принял сразу очень тяжелую форму, проболела месяц, последние недели две агонизировала <...>. Эта смерть – огромная потеря: Зин<аида> Вл<адимировна> была у нас одной из немногих прекрасных представительниц севера, Москвы, России; бесконечно больно за этого милого и душевно такого пленительного человека!».

[11] Отец З.В. Кузнецовой, профессор-психиатр Владимир Петрович Сербский, умер в 1917 г., в том же году умерла и ее мать Анна Феликсовна Сербская.

[12] М.П. Кудашева с матерью и сыном приехала к Волошину в Коктебель в середине октября ст.ст. / конце октября н.ст. 1919 г. Майя Кювилье вышла замуж за князя Сергея Александровича Кудашева (1896–1919 или 1920) 1 июня 1916 г. (в 1919 г. он – подпоручик Добровольческой Армии). См.: *Аракелова М.П., Городницкая А.А.* «Очарованная душа»: М.П. Кудашева-Роллан // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы: Сб. научн. статей. М., 2001. С. 165–166.

[13] «Правда ли, что в Коктебеле Мандельштамм <sic!>? Не пришлет ли он нам стихов для журнала?» – спрашивал Гроссман Волошина в цитированном письме. Предполагавшаяся поездка О.Э. Мандельштама в Одессу не состоялась.

[14] См. примеч. 4 к п. 97. Под «Аввакумом» подразумевается поэма Волошина «Протопоп Аввакум» (1918).

[15] В цитированном письме Гроссман сообщал: «В Одессу прибыл на днях Георгий Шенгели. Познакомился с ним и с его милой женой, которая с большой любовью говорит о Вас. Читал им Ваши новые стихи. Он собирается организовать в Одессе художественный цех по типу харьковского».

[16] Имеется в виду п. 80.

[17] Решение уехать из Киева (тогда бывшего под властью белых) в Коктебель И.Г. Эренбург принял в начале октября ст.ст. / середине октября н.ст. 1919 г. Я.И. Соммер вспоминает: «Почему Эренбург рвался в Крым? Вероятно, многим художникам необходимо “убежище”, чтобы могли отстояться впечатления, чтобы обдумать быстротекущую жизнь, чтобы творить. И.Г. знал, что дом М.А. Волошина будет для него таким убежищем» (*Соммер Ядвига.* Записки / Публ., предисл. и примеч. Б.Я. Фрезинского // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1995. С. 137). До Коктебеля Эренбург добрался – через Харьков, Ростов-на-Дону, Феодосию – только в конце декабря ст.ст. 1919 / начале января н.ст. 1920 г.

[18] Имеется в виду открытка, отправленная из Нижнего Новгорода 3 июня (н.ст.) 1919 г.: «Хочется знать о Вас, Коктебеле и коктебельцах... <...> Если можно будет, непременно приеду». В другом письме («Нижний Новгород. Апрель») В.Л. Комарович признавался: «Бездна времени отделяет меня от дней, проведенных когда-то в Коктебеле, – когда создавались Ваши “Демоны глухонемые” и по вечерам Вы читали мне написанное за день. <...> Мы говорим здесь и думаем о Коктебеле как о пригрезившемся когда-то и утраченном рае» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 677).

[19] Имеются в виду, видимо, мать Гроссмана Мария Михайловна Гроссман и его сестра Елена Петровна Гроссман.

102. Я.Г. НАТАНСОНУ

6/19 ноября 1919 г. Коктебель

6 ноября 1919. Коктебель.

Многоуважаемый Лев Германович,[1]

из случайно дошедшего до меня газетного объявления я узнал, что мои переводы Анри де Ренье еще до сих пор не вышли, а только готовятся.[2] Между тем у меня сделан ряд новых переводов, которые было бы желательно, разумеется, включить в книгу. Но отдавать их даром я не хочу. Поэтому предлагаю Вам или оплатить их построчно (8 р. за стих), или переоценить всю книжку, считая 25% с обложки, и уплатить мне разницу. Последнее я считаю желательнее, т<ак> к<ак> из того же объявления я вижу, что Вы выпустили Верхарна не по 8 р., как

мы уславливались, вычисляя мой гонорар, а по 15 р. То есть я получил вдвое меньше. Это мне не нравится. Все новые переводы находятся у Леонида Петровича,[3] и он Вам их передаст, если Вы идете на мои условия. Там, между прочим, полный перевод «Вазы»,[4] которая была переведена отрывками, т<ак> к<ак> у меня в Одессе не было полного текста.

Прошу выслать мне условленные 200 экз<empляров> Верхарна: будет между прочим оказия с Андреем Соболем. Удивляюсь, почему это до сих пор еще не сделано, вопреки нашему условию.

Будьте добры тоже известить меня о ходе других моих изданий: когда выйдут мои обе книги лирики? Я уже писал Вам, но ответа на мои вопросы не получал.[5]

[1] Ошибка в обращении (имя Натансона – Яков).

[2] См. примеч. 6 к п. 75.

[3] Л.П. Гроссман.

[4] «Ваза» («Le Vase») – стихотворение Анри де Ренье из его книги «Игры поселян и богов» («Les Jeux rustiques et divins», 1908); при жизни Волошина выполненный им перевод не был опубликован. См.: Т. 4 наст. изд. С. 714–716.

[5] Ответных писем Я.Г. Натансона в архиве Волошина не содержится.

103. В.Н. и И.А. БУНИНЫМ

7/20 ноября 1919 г. Коктебель[1]

7 ноября 1919.

Максимилиан Волошин.
Коктебель. Крым.

Дорогие Вера Николаевна и Иван Алексеевич,

большое спасибо за Ваше письмо:[2] как раз эти дни все почему-то возвращался мысленно к Вам, и оно пришло как бы ответом на мои мысли.

Мои приключения только и начались с выездом из Одессы. Мои большевицкие знакомства и встречи развива-

лись по дороге от матросов разведчиков до «командарма», который меня привез в Симферополь в собств<енном> вагоне, оказавшись моим старым знакомым.[3]

Потом я сидел у себя в мастерской под артиллерийским огнем: первый десант добровольцев был произведен в Коктебеле, и делал его «Кагул»,[4] со всею командой которого я был дружен по Севастополю: так что их первый визит был на мою террасу.

Через три дня после освобождения Крыма я помчался в Екатеринодар спасать моего друга генерала Маркса, несправедливо обвиненного в большевизме, которому грозил расстрел, и один без всяких знакомств и связей добился таки его освобождения.[5] Этого мне не могут простить теперь феодосийцы, и я сейчас здесь живу с репутацией большевика и на мои стихи смотрят как на большевицкие.

Кстати: первое издание «Демонов Глухонемых» распространялось в Харькове бол<ьшевицким> «Центрагом»,[6] а теперь ростовский «Осваг» взял у меня несколько стихотв<орений> из той же книги для распространений на летучках.[7] Только в июле месяце я наконец вернулся домой и сел за мирную работу. Но зато крепко, потому что с той поры не отлучался даже в Феодосию,

Работаю исключительно над стихами. Все написанные летом я переслал Гроссману для одесских изданий. Поэтому относительно моих стихов на обществ<енные> темы спросите его, Иван Алексеевич, а я посылаю Вам пока для «Южного Слова»[8] два прошлогодних лирических, еще нигде не появлявшихся, и 2 небольших статьи «Пути России» и «Самогон крови».[9] Сейчас уже два месяца работаю над большой поэмой о Св<ятом> Серафиме, весь в этом напряжении и неуверенности, одолею ли эту грандиозную тему. Он должен составить диптих с «Аввакумом».[10]

Зимовать буду в Коктебеле: этого требует и работа личная, и сумасшедшие цены, за которыми никакие гонорары угнаться не могут. Кстати о гонораре: теперь я получаю за стихи 10 р. за стр<оку>, а статьи по 3 р. за строку. Это минимум, потому что, если «Южное Слово» за стихи заплатит больше, я, конечно, не откажусь.

Мне бы очень хотелось, Иван Алексеевич, чтобы Вы прочли все мои новые стихи, что у Гроссмана: я в них сделал попытку подойти более реалистически к современности (в цикле «Личины»: стих<отворения> «Матрос», «Красногвардеец», «Спекулянт» и т.д.),[11] и мне бы очень хотелось знать Ваше мнение.

Я еще до сих пор переполнен впечатлениями этой зимы, весны и лета: мне действительно удалось пересмотреть всю Россию во всех ее партиях и с верхов и до низов. Монархисты, церковники, эсеры, большевики, добровольцы, разбойники... Со всеми мне удалось провести несколько интимных часов в их собственной обстановке.

Как безотрадно, Вера Николаевна, Ваше описание Одессы летом и как хорошо, что я рискнул удрать.

Получали ли Вы какие-нибудь вести о Толстых или о Цетлиных? Я имел вести о Толстых от мистера Вильямса, который был у них в Париже.[12] Так что знаю, что они добрались туда. Татиду я благополучно довез до Коктебеля, и она жила у нас все лето, а теперь собирается перебираться в Феодосию на заработки.

Как поживают Петр Александрович и Евгений Иосифович?[13]

Можно ли ждать Вас весною в Коктебеле? Не собирается ли Кипен в Крым?

Не слыхали ли Вы о судьбе художнике Пегова?[14] Когда я уезжал, у него начинались недоразумения с Чрезвычайкой...

Привет всем друзьям. Спасибо за вести о себе.

Максимилиан Волошин.

P.S. Да, еще одно условие моего сотрудничества: высылать мне газету. А для того чтобы она доходила, ее лучше высылать не ежедневно, а пачками — за неделю.

P.P.S.Если статьи почему-либо окажутся невозможными для печати (что считаю вполне возможным), передайте их, пожалуйста, Гроссману. М.В.

[1] В сокращении письмо воспроизведено в мемуарном очерке И.А. Бунина «Волошин» (Последние новости (Париж). 1932. № 4187, 8 сент.), вошедшем в его книгу «Воспоминания» (Париж, 1950); после приведенного текста — фраза Бунина: «Это письмо было для

меня последней вестью о нем». См.: *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. литература, 1967. Т. 9. С. 431–432; *Бунин Иван.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. С. 286–287.

[2] Письмо В.Н. Буниной от 18/31 октября 1919 г. с припиской И.А. Бунина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 298). См. примеч. 6 к п. 78.

[3] См. примеч. 9 к п. 80.

[4] См. примеч. 3 к п. 81, примеч. 14 к п. 87.

[5] См. примеч. 4 к п. 81, примеч. 3 к п. 85.

[6] См. примеч. 1 к п. 93.

[7] См. примеч. 17 к п. 87.

[8] «Южное Слово» – газета, издававшаяся в Одессе с 27 августа / 9 сентября 1919 по 12/25 января 1920 г. (редактор-издатель Н.К. Клименко) при ближайшем участии И.А. Бунина и Н.П. Кондакова. В письме к Волошину от 18/31 октября В.Н. Бунина сообщала: «...Ян <И.А. Бунин. – *Ред.*> с утра до ночи занят газетой, два раза в день бывает в редакции, много времени отнимают чтение рукописей и всякие разговоры <...>». О той же газете идет речь в приписке Бунина к цитированному письму:

Дорогой Максимилиан Александрович,

Очень прошу Вас о немедленном сотрудничестве, наша газета служит Добр<овольческой> Армии – этим все сказано. Напишите о себе, простите Бога для такую краткость.

Ваш Ив. Бунин.

Княжеская, 27.

[9] Публикация упомянутых статей Волошина в «Южном Слове» не состоялась. Статья «Самогон крови» была напечатана в литературно-политическом сборнике «Накануне» (Екатеринодар: Накануне, 1920. Кн. 2. С. 1–2), статья «Пути России» при жизни Волошина не публиковалась. См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 54–56, 437–444. Кроме стихотворений, указанных в примеч. 6 к п. 101, в «Южном Слове» было напечатано (3/16 декабря 1919 г.) стихотворение Волошина «Заклятие о русской земле».

[10] См. примеч. 4 к п. 97, примеч. 14 к п. 101.

[11] Именно эти три стихотворения были опубликованы в «Южном Слове».

[12] А.Н. Толстой и Н.В. Крандиевская-Толстая эвакуировались из Одессы в Константинополь на пароходе «Кавказ» 22 марта / 4 апреля 1919 г., во Францию они прибыли в июне 1919 г., поселились на даче С.А. Скирмунта в Севре под Парижем.

[13] П.А. Нилус, Е.И. Буковецкий.

[14] Судя по дневниковой записи В.Н. Буниной, «чета Пеговых» отбыла вместе с Буниными из Одессы за границу на пароходе «Спарта» 26 января / 8 февраля 1920 г. (Устами Буниных... <М.>: Посев, 2005. Т. 1. С. 282).

104. А.К. ГЕРЦЫК

15/28 ноября 1919 г. Коктебель

15/X – 1919.
Коктебель.

Дорогая Аделаида Казимировна,

в свое время получил Ваше письмо[1] и до сих пор не ответил на него, с одной стороны потому, что не было ни одной оказии (книги и записка Евгении Казимировне, которые я переслал недавно, лежали готовыми три месяца!)[2], а с другой стороны я, по возвращении из Екатеринодара[3], так ушел внутрь себя и в подготовительную работу над стихами, что совершенно онемел для окружающего мира. Я сравнительно написал мало нового, потому что все время работаю над поэмой о Св<ятом> Серафиме, а в ней пока нет еще ни одной настолько законченной главы, чтобы можно было прислать. Но посылаю кое-что из мелких стихов.[4] Кстати: мне страшно нужна статья Мережковского о Серафиме – кажется, она называется «Последний Святой» и была напечатана в «Русской Мысли» около 1906–1907 года, а потом в его книге «Не мир, но меч!»,[5] и книга Нилуса «Великое в малом», где есть статья о М<о>товилове «Служка Божьей Матери и Серафимов».[6] Нет ли случайно у Вас того и другого. Если есть у Вас или у кого-нибудь в Судаке – ради Бога пришлите с Асей.[7] Может быть, у Веры Степановны?[8]

Жизнь моя текла все время без внешних событий, а что вообще делалось в Коктебеле Вам расскажет Ася. Внутренняя же жизнь – это непрекращающаяся молитва о России и о том, чтобы найти те слова, которые должны быть сказаны. Всю эту зиму буду сидеть в Коктебеле и думаю, что мне удастся написать новую книгу стихов, которая будет называться «Неопалимая Купина».[9] Туда войдет и Серафим, и Китеж, и другие, написанные после «Демонов Глухонемых». Их первое издание вышло в Харькове и разошлось, а до меня дошло только два экземп<ляра>, так что, к сожалению, не могу Вам прислать. Но теперь жду нового издания, печатающегося в Одессе.[10]

Пишу теперь тоже много статей на политические темы для одесских газет, но ничего не знаю об их судьбе.[11]

Большое спасибо за Ваше письмо о Китеже: оно мне было очень ценно и полезно, но все же я не могу согласиться с Вашими нападками на мой излишний и грубый реализм.[12] Он мне необходим для контраста и для силы. Наконец, он передает мое отношение к русской истории.

Но у меня есть настоятельная потребность вернуться ко многим историческим фигурам в том новом освещении, которое получило их дело при ликвидации Петербургской Империи. Петр, Грозный, Аракчеев как непосредственные предтечи большевизма... Все это теснится и требует новых образов и формулировок.

Очень хотелось бы вас повидать и побывать в Судаке, но едва ли это удастся: я даже в Феодосии уже четыре месяца не был.

И, кроме того, вы, вероятно, знаете под какой опалой я нахожусь со стороны Добровольческой армии за то, что добился освобождения Маркса. Многие подвергались серьезным неприятностям только потому, что жили на моей даче, и что никакие литературные вечера с моим участием не разрешаются. Я нахожусь под надзором местного стражника из быв<ших> большевиков, и мне нет никакого желания нарываться на скандалы с большевиками Добровольческого толка. Эти внешние обстоятельства как нельзя лучше согласуются с моим желанием не отрываться от моей работы.

Большая просьба: пришлите мне с Асей те мои книги, что остались в Судаке. Особенно мне нужны два тома Лескова,[13] что оставила Вам Ванда Дыно<в>ска,[14] как она мне сказала, и два тома Гофмана и «Огненный Ангел», брошенные Толузаковым[15] у Кр<ы>жановских.[16]

До свиданья. Привет Евгении Антоновне, Евгении Казимировне, Софье Яковлевне, Вере Степановне, Капнистам.[17]

Какие вести от Влад<имира> Каз<имировича>?[18]

Пришлите Ваших новых стихов и стихов Софьи Яковлевны.

[1] Имеется в виду письмо А.К. Герцык, датируемое первой половиной октября 1919 г. (*Сестры Герцык.* Письма... С. 170–171).

[2] Текст этой записки неизвестен, вероятно, Волошин благодарил Е.К. Герцык за высланные деньги. В письме от 15/28 августа 1919 г. она писала Волошину: «...направляю к Вам Нину Анатольевну Романовскую, племянницу Веры Степ<ановны> <Гриневич. – *Ред.*>, кот<орая> вместе с подругой едет в Феод<осию> искать места – если можете, помогите им советом. <...> Отец Н<ины> А<натольевны> Ром<ановской> устроил у себя маленьк<ую> выставку, на кот<орой> с нашего разрешения были и Ваши этюды – некот<орые> из них проданы, но деньги пока получены только за один – 40 р., кот<орые> и прилагаю. Остальные перешлем потом. Посылаю Вам 2 т<ома> Соловьева, кот<орые> Вы давали Ванде Дыновской. Мне же сейчас очень, очень нужен Эдг<ар> По и потому горячо прошу Вас, сообщите мне к<а>к-ниб<удь> (письмом или через Романовск<ую>), есть ли у Вас 3 и 4 том его (изд<ание> Скорпиона), а также что-ниб<удь> о нем (у француз<ов>?). Если да, то я буду у Вас их страшно просить ненадолго» (*Там же.* С. 545).

[3] Имеется в виду поездка Волошина в Екатеринодар, связанная с делом защиты генерала Н.А. Маркса. См. примеч. 4 к п. 81. Возвращение Волошина в Коктебель состоялось 7/20 июля 1919 г. (Труды и дни-2. С. 80).

[4] Из ответного письма А.К. Герцык известно, что Волошин переслал в Судак стихотворения «Посев» («Как земледел над грудой веских зерен...», первоначальное заглавие «Молитва») (см.: Т. 1 наст. изд. С. 351–352), «Иуда-апостол» (см.: *Там же.* С. 359–360), «Заклинание (от усобиц)», под заглавием «Заклятие» (см.: *Там же.* С. 353), «Написание о царях московских» (см.: *Там же.* С. 269–272). По поводу стихотворений А.К. Герцык писала Волошину: «...читали Ваши стихи, за кот<орые> горячо благодарим <...>. Хочется очень поговорить подробно о каждой вещи, <...> мне стало ясно задуманное Вами большое и важное...» (*Сестры Герцык.* Письма... С. 171).

[5] Статья Д.С. Мережковского «Последний святой» была опубликована в журнале «Русская Мысль» (1907. № 8. Отд. II. С. 74–94, № 9. Отд. II. С. 1–22), вошла в его книгу «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (СПб., 1908. С. 119–192).

[6] См. примеч. 6 к п. 97.

[7] А.И. Цветаева.

[8] В.С. Гриневич.

[9] См. примеч. 6 к п. 123.

[10] Переиздание книги стихов «Демоны Глухонемые» в одесском издательстве «Омфалос» не состоялось. См. примеч. 5 к п. 75.

См. также: *Афанасьева З., Купченко В.* Гранки невышедшей книги <Максимилиан Волошин. Демоны глухонемые, Одесса> // Вечерняя Одесса. 1986. № 263. 15 нояб. С. 4.

[11] В этот период Волошин был приглашен к сотрудничеству с газетой «Одесский листок» Л.П. Гроссманом, который писал ему 22 августа / 4 сентября: «В Од<есском> Листке я возобновил отдел “Литературные недели”. Присылайте нам статьи! <...> Пока газета издается правильно, нормально, и все свои обязательства выполняет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 470, л. 2 об.). С такой же просьбой обратился к Волошину К.В. Мочульский в письме от 22 сентября / 5 октября 1919 г. Отмечая, постепенное возобновление литературной жизни в Одессе, он сообщал Волошину: «Мне поручено заведование литературным отделом “Одесского Листка”: мне хотелось бы сделать его вполне серьезным и обширным, журнального типа. С большой благодарностью я принял бы Ваше согласие помочь мне в этом деле. Если бы Вы могли присылать статьи на любые темы (относящиеся к литературе и искусству) и стихи, Вы бы бесконечно меня обязали» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 859, л. 2). Здесь же Мочульский приглашал Волошина участвовать в новом журнале: «...мы организовали небольшой круг лиц, причастных к науке и искусству, и предполагаем издавать литературно-художественный журнал. <...> Не согласитесь ли Вы сотрудничать в этом новом журнале, который, как мы надеемся, будет носить вполне культурный характер и преследовать исключительно эстетические цели?» (*Там же*, л. 1–2). В начале ноября Волошин выслал Гроссману статьи: «Русская бездна», «На весах поэзии», «Александр Бенуа» (См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 329–338, 412–418, 421–430), но их публикация не состоялась.

[12] А.К. Герцык признавалась Волошину: «Ал<ександра> Мих<айловна> <Петрова. – *Ред.*> списала и прислала нам Ваш “Китеж” и “Революцию”. Многое волнует в них, вся вторая часть “Революции” прекрасна, высоколирична; средняя же часть вроде маленького урока по политич<еской> экономии, и потому мне лично кажется ненужной. Так же как в “Китеже”, по-моему, слишком много истории, и там, где ощущаешь Ваше знание и остроумие, душа остывает. Говорю от себя лично – меня в поэзии всегда подавляет груз человеческих знаний, если *сознательно* ощущаешь его» (*Сестры Герцык*. Письма... С. 170).

[13] Имеется в виду издание: *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений: В 12 т. 2-е изд. СПб.: А.Ф. Маркс, 1897. 30 ноября 1919 г. Е.К. Герцык писала Волошину: «Лесков, кот<орый> был у Дынков<ской>, вместе со всеми ее вещами лежит в Феодосии, и мы не могли достать, т<ак> к<ак> выдали бы только нам *лично.* Взамен

пока посылаю Вам 2 и 5 том от знакомых. Но, м<ожет> б<ыть>, в Вашем издании в этих томах были другие вещи – тогда напишите, *что* именно, и я Вам пришлю их» (*Сестры Герцык.* Письма... С. 546).

[14] Ванда Евстафьевна Дыновска(я).

[15] Имеются в виду издания: *Гофман Э.Т.А.* Собрание сочинений: В 8 т. СПб.: Г.Ф. Пантелеев. 1896–1898; *Брюсов Валерий.* Огненный ангел. Повесть XVII века. Ч. 1–2. М.: Скорпион, 1908; 2-е изд., исравленное и дополненное примечаниями. М.: Скорпион, 1909. О пребывании С.А. Толузакова в Судаке Волошину писала А.К. Герцык в письме от 12/25 октября 1919 г. См.: *Там же.* С. 169, примеч. 12, 13 к п. 34.

[16] Э.Н. Крыжановская, ее муж, офицер, капитан-лейтенант А.А. Крыжановский, их дочь, О.А. Крыжановская, – семейство судакских землевладельцев.

[17] Е.А. Лубны-Герцык, Е.К. Герцык, С.Я. Парнок, В.С. Гриневич, Р.Р. и А.Д. Капнисты.

[18] В.К. Герцык.

105. А.Э. ЮНГЕ

19 ноября / 2 декабря 1919 г. Коктебель

Дорогой Александр Эдуардович,

как ни соблазнительно Ваше предложение проехаться в Судак – все же я отказываюсь от него: как раз последние дни очень напряглась работа и я написал сразу много стихов. Сейчас очень пишется – прервать – это значит оборвать. Если хотите познакомиться с Жуковскими и Герцыками, то зайдите к ним от моего имени (Аделаида Казимировна Жуковская, Евгения Казимир<овна> Герцык, и мачеха их Евгения Антоновна Герцык). У них же живет Соф<ья> Яков<левна> Парнок и Ася.[1] Захватите с собою Асю,[2] если будет место. И попросите у Герцык тоже мои книги, о которых я писал им. То и другое может быть предлогом визита.

Очень извиняюсь перед Додой,[3] что не еду: но не могу прервать начатых стихов сейчас.

Максимилиан Волошин.

19 XI 1919.

[1] В.А. Жуковская.

[2] Ася – А.И. Цветаева; зимой 1919–1920 г. жила в доме Волошина.

[3] Дода – прозвище жены А.Э. Юнге Дарьи Андреевны.

106. А.К. и Е.К. ГЕРЦЫК

20 ноября / 3 декабря 1919 г. Коктебель

Максимилиан Волошин.
Коктебель.
20 ноября 1919 г.

Дорогая Аделаида Казимировна и Евгения Казимировна,

это письмо передаст Вам Дмитрий Петрович Смолин[1] – пр<иват>-доцент Москов<ского> Унив<ерситета>, офицер, литератор и т.д., сейчас едущий сухим путем в Ялту. Может быть, Вы сможете дать ему приют на ночь – для него и для сопровождающего его Кубанца?[2]

Дм<итрий> Петр<ович> только в мае из Москвы и сможет Вам рассказать массу интересных бытовых вещей и многое об общих литературных и унив<ерситетских> друзьях.

Только что приехала Ася и привезла Ваши письма.[3] Большое спасибо за хлопоты о моих книгах.[4] Ну что ж делать. Спасибо за Лескова – это именно те же тома.[5]

О Серафиме у меня только Житие Св<ятого> Серафима, составленное Левитским – изд<ание> Афонского Пантелеймоновского монастыря да Маргаритина книжка.[6] И больше ничего.

Если возможно, пришлите мне, пожалуйста, Летопись Дивеевского монастыря.

Из книги Нилуса мне надо только статью «Служка Божьей Матери и Серафимов», которая в «Великое в малом».[7] Ни статьи, ни книги этой я совсем не читал, так что затрудняюсь сказать, что именно мне нужно: все, кроме того, что есть в Летописи Дивеевского Монастыря[8] и рассказов об исцеле-

нии Мотовилова и об преображении Серафима[9] на зимней поляне, когда оба они были «в Духе», т<ак> к<ак> это есть в житии. Вообще же мне надо все бытовое, чудесное и пророческое. Особенно подлинные слова Серафима. Если Вы, действительно, Аделаида Казимировна, сделаете мне такие выписки – буду Вам глубоко благодарен. И чем скорее, тем лучше.[10]

Как раз вчера ехали в Судак Юнге и предлагали мне взять меня на три дня. Но как мне ни хотелось повидать Вас, я все же после ряда колебаний отказался, т<ак> к<ак у меня как раз настал период интенсивной работы: я эти дни написал ряд стихов, которые Вам посылаю. Не знаю, успею ли закончить до завтрашнего отъезда Смолина стих<отворение> «Гражданская Война».[11] Оно уже оболванено, но не хочется посылать, если не успею довести его до совершенства. Посылаю написанную вчера «Пустыню» и два лирических.[12]

Я три месяца ежедневно работал над Серафимом[13] и ничего не писал другого, а теперь как раз сделал роздых в большой работе, и у меня начали формулироваться лирические стихи.

Если успею п<е>реписать, пошлю еще «На вокзале»[14] – летнее. Переписал и посылаю. А «Гражданская война» до следующего раза.

Тогда пришлю и «Св<ятого> Франциска» до половины только написанного.[15]

Буду очень ждать Летопись Дивеевского Монастыря.[16]

Ежели у вас есть о святых и юродивых, что-нибудь очень бытовое и вдохновляющее – то дайте мне тоже. Гофмана для работы мне не надо – я просто хотел вернуть мои книги, про которые Толузаков мне сказал, что передал их с Кр<ы>жановским для меня. Напишу Новинскому.[17] До свиданья. Привет Евгении Антоновне, Любовь Алек<сандровне>, Вере Степановне и Соф<ье> Як<овлевне>.[18] Жду Ваших и ее стихов.

Ася говорила, что Вы, Евгения Казимировна, пишете о святых. Что именно и о ком? Значит, у Вас много материалов собрано?

Поделитесь со мной и ориентируйте меня.[19]

После Серафима мне нужно будет святого, который бы был разбойником: очень люциферического – трагически преображающего плоть.

[1] Д.П. Смолин выехал в Судак 21 ноября / 4 декабря (Труды и дни-2. С. 91).

[2] Неустановленное лицо.

[3] А.И. Цветаева. Имеются в виду письма А.К. Герцык от 17/30 ноября 1919 г. и недатированное Е.К. Герцык (см.: *Сестры Герцык*. Письма. С. 171, 546).

[4] А.К. Герцык отвечала Волошину на его просьбу о возвращении книг (см. п. 104): «...только что вернулась с обхода Судака в поисках Ваших книг. Ужасно неприятно, что люди так небрежно, не свято относятся к такому священному предмету, как книги. Все же не приходите в отчаяние: вы получите все назад, но с замедлением. M-me Крыжановская (дочь ее уехала в Екатеринодар) сказала, что по просьбе Тулузакова его вещи и книги, оставшиеся у них, были уложены и переданы полковнику Новинскому (или Новицкому?), кот<орого> и Вы знаете, по ее словам, и он собственноручно доставил их ему в Новороссийск. <...> Pavlowsky (“Quatrième dimention”) графиня Капнист имела недоразумение оставить в своем Полтавском имении, куда она брала его с собой. Она страшно извиняется (берется купить Вам эту книгу в Париже и т.д. – пусть Ася <Цветаева А.И. – *Ред.*> расскажет о ее глупостях). Но от этого Вам, конечно, не легче. Утешительнее то, что в это имение на днях едет их управляющий, и ему поручат *непременно* найти ее в библиотеке и привезти обратно. Он должен вернуться в Декабре. – Страшно хотелось бы помочь Вам книгами. У нас есть Гофман, – напишите, какие вещи Вам нужны? У меня есть большой том Летопись Дивеевского Монастыря (знаете его), – там много о Мотовилове. Если нужно – пришлю. Затем книга Нилуса “Великое в Малом” есть у одной знакомой Веры Степ<ановны> <Гриневич. – *Ред.*>, но она никому кроме нее не доверяет их. В<ера> С<тепановна> достанет у нее, а я Вам выпишу из нее все, что нужно – хотя бы целые главы. Мережковского нет здесь, – “Не мир, но меч” у нас в Москве <...>» (*Там же.* С. 171. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 409, л. 37–37 об.).

[5] См. примеч. 13 к п. 104.

[6] См. примеч. 3 к п. 97, примеч. 6 к п. 99. Монастырь святого Пантелеймона на Афоне, известен как Россикон или Новый Руссик, один из 20-ти «правящих» монастырей. В последней четверти XIX в. перешел под фактический контроль российской церкви и российского правительства (вплоть до начала Первой мировой войны).

[7] См. примеч. 6 к п. 97.

[8] См.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А.С. Мельгуновой / Сост. Архимандрит Серафим (Чичагов). М.: Изд. Серафимо-Дивеевского монастыря, 1896; 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903.

[9] Имеются в виду эпизоды исцеления Н. Мотовилова и преображения Серафима Саровского, описанные в его Житии. См.: Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца / Составил Н. Левитский. М.: Изд. Афонского Русского Пантелеймоновского монастыря. 1905. С. 288–291, 331–334).

[10] Подобная просьба, возможно, была обращена и к А.М. Петровой. В архиве Волошина сохранилась тетрадь Петровой, содержащая выписки «Из беседы Св. Преподобного отца Серафима Саровского с Н. Мотовиловым («служкой Матери Божией и Серафимовым», как он себя звал) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 3, л. 14–15 об.).

[11] Стихотворение «Гражданская война» (Т. 1 наст. изд. С. 329–330) закончено 21 ноября / 4 декабря (Труды и дни-2. С. 91).

[12] Речь идет о стихотворениях «Пустыня» («И я был сослан в глубь степей...», 19 ноября / 2 декабря 1919) (см.: Т. 1 наст. изд. С. 172–173), «Опять бреду я босоногий....» (закончено 16/29 ноября) (*Там же.* С. 164), «Сквозь облак тяжелые свитки...» (18 ноября / 1 декабря) (*Там же.* С. 163).

[13] Имеется в виду работа над поэмой «Святой Серафим».

[14] Стихотворение «На вокзале» (В мутном свете увялых...») датировано 29 июля ст.ст. 1919 г. (см.: Т. 1 наст. изд. С. 285–286).

[15] Работу над стихотворением «Святой Франциск» («Бродит по полям босой монашек...») (см.: Т. 1 наст. изд. С. 361–363) Волошин закончил 23 ноября / 6 декабря 1919 г.

[16] 30 ноября 1919 г. Е.К. Герцык поясняла Волошину: «...посылаем Вам “Летопись” – здесь очень много подлинных слов о Серафиме, так что, я думаю, это как раз то, что Вам нужно. А в книжечке “Великое в малом” есть много подробностей о Мотовилове, кот<орые> Вам, м<ожет> б<ыть>, не так важны, а потом сцена просветления и в ней учение Серафима о “стяжении Духа” – если хотите, *это* я Вам пришлю по почте, но м<ожет> б<ыть>, найдете все нужное в “Летописи”. Самую книжечку “Великое в малом” владетельница ее и нам не дает больше как на день» (*Сестры Герцык.* Письма... С. 546).

[17] Письма Волошина А.А. Новинскому за этот период не обнаружены.

[18] Е.А. Герцык, Л.А. Жуковская, В.С. Гриневич, С.Я. Парнок.

[19] Об упоминаемой Волошиным работе Е.К. Герцык см.: *Бонецкая Н.К.* Евгения Герцык о святых // «Серебряный век» в Крыму. взгляд из XXI столетия. Материалы Пятых Герцыковских чтений в г. Судаке 11–15 июня 2007 года. М.; Симферополь, Судак, 2009. С. 3–22; *Бонецкая Наталья.* Царь-девица. Феномен Евгении Герцык на фоне эпохи. СПб.: Полиграф, 2012. С. 452–460. Е.К. Герцык ответила Волошину 30 ноября 1919 г.: «Что касается подвижника из разбойников, я никого не припомню, и даже одна старушка, опытная в житиях, кот<орую> я спрашивала, не могла мне указать. М<ожет> б<ыть>, Вам не нужно непременно историч<еское> лицо, а Вы сами создадите его в духе русского народа? Посылаю на всякий случай одну легенду из Афанасьева (кот<орую> прошу сохранить, т<ак> к<ак> вырвала из книги), *очень русскую.* В этом роде можно кое-что и у Лескова найти. <...> Я в своем писании о святых пользовалась без разбора католич<ескими>, византийскими и русскими житиями, т<ак> к<ак> моя тема – типы, или пути святости и их символика. И как раз русских у меня оч<ень> мало материалов. Больше всего черпала из "Legenda Aurea" и из жизнеописаний разных мистиков» (*Сестры Герцык.* Письма... С. 546–547). О какой легенде из сборника «Народные русские легенды» А.Н. Афанасьева (М., 1860, переизд. – Казань, 1914; М., 1914) идет речь, установить не удалось. Е.К. Герцык упоминает «Золотую легенду» («Legenda Aurea») Иакова Ворагинского, агиографический сборник, широко распространенный в средневековой католической Европе.

107. Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ

25 ноября / 8 декабря 1919 г. Коктебель

25 ноября 1919. Коктебель.

Милая Лиля,

Прежде всего, прости меня за такое долгое и упорное молчание.[1] Оно означает только то, что на меня напал бес молчания. Это добрый и хороший бес (как наш старый Габриах),[2] потому что он приходит в дни сосредоточенной внут-

ренней жизни. Таковая началась у меня по возвращении из моих странствий. Я пишу все время стихи и намерен писать всю зиму. Главное – это поэма о Св<ятом> Серафиме.[3] Я беру его, как реальное существо Первой Иерархии, воплощающееся по непосредственному изволению Богоматери (в аспекте Софии) в плоть России.[4] Вся бытовая сторона, которую я постараюсь сохранить неприкосновенной, как в «Аввакуме», будет пронизана этим космическим смыслом. А пролог будет трактован в стиле средневековых литаний, но словарем славянского молитвенника.

Я все лето работал над материалом, и у меня записано уже масса готовых отрывков, но нет ничего законченного, что можно было бы послать. Но я уже все прочувствовал до конца и, когда начнется спайка и сплав, то дело пойдет очень быстро. Все, что писал помимо этого, прилагаю (кроме «Китежа», что тебе переслал Новинский).[5]

Теперь о книгах. Посылаю тебе одновременно и «Облат» (в машинке нет латинского шрифта) и мои «Иверни».[6] «Облат» к тебе уже ездил однажды с Майей,[7] но вернулся в Коктебель, погостив в Новочеркасске. Поэтому – прости за неаккуратность. Майя живет у нас с французской матерью и княжеским детенышем.[8] Заведует хозяйством и служит мамо-отводом Татида.[9] Так что у меня есть возможность располагать всем своим днем для работы. Кроме прилагаемых стихов, я написал еще около 50 акварелей – вот итоги этих четырех месяцев.

Майя пишет русские стихи и очень, очень недурные: если она успеет переписать, я приложу их тоже.

Если удастся проработать до весны без политических неожиданностей, то я закончу новую книгу стихов «Неопалимую Купину». А весной опять поеду, вероятно, на заработки.[10] Но как-то никаких иных мыслей о будущем, кроме планов стихов, у меня нет. Из книг я жил все лето «Житием Св<ятого> Серафима»[11] и книгами по русской истории. И потом постоянной медитацией о судьбах России и молитвой о ней.

Спасибо за твои слова о «Китеже». Это самое значительное из написанного летом. Если тебя не затруднит,

напиши мне подробнее и о каждом в отдельности из посылаемых стихов.

Как жаль, что ты так и не собралась в Коктебель: место для тебя хранилось очень долго – пока это зависело от Новинского.

Как идет твоя жизнь? Как я рад, что ты избавилась от своих летних наваждений.[12] Не могу назвать иначе...

Последнее время написал тоже ряд политических статей для одесских газет, но сомневаюсь, чтобы смогла пройти хотя бы одна.[13]

Писала ли ты это время стихи? Есть ли у тебя какие-нибудь планы на будущее? Есть ли возможность и желание приехать в Коктебель?

До свиданья.

[1] Волошин отвечает на два письма Е.И. Васильевой из Екатеринодара – от 27 августа / 9 сентября и от 12/25 октября 1919 г. (см.: *Черубина де Габриак*. Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов, примеч. Владимира Купченко и Розы Хрулёвой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 84–85).

[2] Имя, использованное при создании мистифицированного образа Черубины де Габриак и возводимое Волошиным к «Демономании колдунов» (1580) Жана Бодена (см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 451, 472, 477–478).

[3] См. примеч. 3 к п. 97.

[4] Согласно учению об иерархиях в антропософии Р. Штейнера (во многом восходящему к трактату «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита), I Иерархия – «Серафимы – Воспламенители Огня, Духи Вселюбви. Херувимы – Полнота Софии. Духи Гармонии. Троны – Возвышенно Правящие, Престолы, Духи Воли, Лучистые Жизни, Лучистые Пламена»; «Серафимы, Херувимы и Престолы с начала нашего развития <...> лицезреют Бога. Они живут, постоянно видя Божественную Троицу» (Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера / Сост. Г.А. Бондарев. М., <1999>. Т. I. С. 92–93). Волошин воспроизводит этот образный ряд в Прологе поэмы «Святой Серафим» (Т. 2 наст. изд. С. 98–101).

[5] 12/25 октября Васильева сообщала Волошину: «От Новинского привезли твои новые стихи: “Китеж” – мне очень, очень

близки они – и тебе удался спокойный пафос» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. С. 85).

[6] См. примеч. 10 к п. 6. «L'Oblat» («Монах», 1903) – роман Жориса Карла Гюисманса. В письме от 27 августа / 9 сентября Васильева просила Волошина: «Пришли мне Oblat и *все* книги твои стихов – непременно – мне очень надо»; ту же просьбу она повторяла в письме от 12/25 октября (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. С. 85).

[7] М.П. Кудашева.

[8] Подразумевается двухлетний Сергей Кудашев, сын Майи и князя С.А. Кудашева.

[9] Характеризуется роль, которую играла Татида как дополнительная участница перманентных бытовых конфликтов, возникавших между Волошиным и Е.О. Кириенко-Волошиной.

[10] Это намерение совершить поездку по различным городам с публичными выступлениями, подобно предпринятой в конце 1918 – начале 1919 г., не было реализовано.

[11] См. примеч. 3 к п. 97.

[12] Васильева делилась с Волошиным своими переживаниями во время его пребывания в Екатеринодаре в июне-июле 1919 г. 27 августа / 9 сентября она писала Волошину: «Понемногу начинаю обретать себя. Очень понемногу. <...> Ты мне много дал нашей новой встречей» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. С. 84–85).

[13] Публикации статей Волошина в одесской печати конца 1919 г. не выявлены.

108. Б.А. ЛЕМАНУ

25 ноября / 8 декабря 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Волошин.
Коктебель.

25/XI – 1919.

Дорогой Борис Алексеевич,

у меня к тебе очень большая деловая просьба: не можешь ли ты навести справки в екатеринодарском адресном столе и в полиции об одном пропавшем без вести семействе. Дело

вот в чем: исчезла семья Юнге, состоящая из трех человек — Феодора Эдуардовича Юнге, его жены Ольги Андреевны (урожд<енной> Фрам) и ее племянника — мальчика лет 11 Вовы Каминского. Это наши старые друзья и ближайшие соседи по имению, много лет живущие в нашем доме.[1] Они бежали от большевиков на Кавказ, жили в Эссентуках и должны были уже вернуться в Коктебель, о чем телеграфировали. Но прошло три месяца и о них нет никаких вестей. По наведенным справкам, они из Эссентуков выехали в назначенный день, то есть 16 августа, и исчезли бесследно. Должны они были, конечно, ехать на Новороссийск и оттуда пароходом. Быть может, в Осваге есть сведения о железнодорожных и пароходных крушениях.[2] Тогда нельзя ли навести справку, не было ли таковых между 16—25 августа. Потому что крушение скорее всего могло бы объяснить лучше всего исчезновение трех лиц сразу. Второе предположение — это болезнь, тоже катастрофическая, всех трех. Об этом труднее произвести доследование.

Но, может быть, третье — оптимистическое предположение, что заболел кто-нибудь один, они задержались по дороге, а молчание (они были в постоянной переписке с несколькими лицами в Коктебеле до своего отъезда из Эссентуков) может объясниться простой неисправностью почты, что весьма вероятно. Может статься, что они и совсем отложили возвращение, раз задержавшись, т<ак> к<ак> их квартира разграблена и нет никаких зимних запасов. Тогда возможнее всего, что они находятся в Екатеринодаре, потому что в Новороссийске их, по уже наведенным справкам, нет и не было. Поэтому я и прошу тебя справиться в Екатеринодарской полиции или там, где ведется регистрация про- и приезжих. Если же твои справки окажутся бесплодными, то, может быть, ты сможешь рекомендовать какое-нибудь лицо, которое могло бы за плату заняться их розысками. Наверное, среди служащих Освага или около него такое найдется. Дело в том, что кроме моего чисто дружеского интереса здесь есть интерес и родственный, и деловой их брата Александра Юнге, совладельца имения, который умолял меня ехать их отыскивать.[3] Но я, как бы мне

ни хотелось снова попасть в Екатеринодар, этого теперь на себя принять не могу, т<ак> к<ак> нахожусь в самом разгаре стихописания, которое, думаю, продолжится всю зиму. До весны я никуда отсюда не двинусь. Мои стихи, написанные после Екатеринодара, прилагаю для тебя и Лили.[4]

Но главная моя работа, которая еще далеко не закончена, это поэма о Св<ятом> Серафиме. Все это составит мою книгу «Неопалимая Купина», которую надеюсь закончить к весне. Благодаря успешному окончанию дела Маркса,[5] я прослыл в Крыму большевиком, популярность мою, которая начинала становиться совершенно неприличной, как рукой сняло, я снова стал, как и подобает, позором для Феодосии. Это все чрезвычайно удобно для работы, т<ак> к<ак> меня больше не тревожат из-за благотворительных вечеров и лекций, и местная администрация даже берет на себя труд запрещать те, в которых предполагается мое участие. Мои же стихи о России здесь принято рассматривать как явно большевицкие. Словом, мне везет, как всегда, ибо, не случись так, мне бы этой зимой покоя бы не было, а мне надо во что бы то ни стало теперь завершить задуманное. И ты можешь себе представить, конечно, какое удовольствие мне доставляет, когда мою «Св<ятую> Русь» распространяют большевики и запрещают местные исправники.[6] Живу я уединенно и весь мой день переполнен.

До свиданья. Крепко тебя обнимаю и заранее благодарю за справку о Юнге.

Прилагаю стихи, письмо Лиле, письмо г-же Сгуриди,[7] которая писала мне, ссылаясь на тебя, и книги Лиле, т<ак> к<ак>, вероятно, это письмо пойдет с оказией.

Большое спасибо за все, что было летом в Екатеринодаре.

[1] Семья Юнге поселилась в Коктебеле в доме Е.О. Кириенко-Волошиной после того, как их имение («экономию») разорили местные крестьяне. См. примеч. 4 к п. 6 и примеч. 1 к п. 9,

[2] В Осваге (Осведомительном агентстве Добровольческой Армии) Б.А. Леман руководил Информационным отделом (см.: *Агеева Лариса.* Неразгаданная Черубина: Документальное повествование. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 202–203, 372).

[3] Предпринял ли Леман какие-либо действия, о которых просил Волошин, неизвестно; ответного письма в архиве Волошина не имеется. В скором, по всей вероятности, времени Ф.Э. Юнге с семьей возвратился в Крым (5/18 апреля 1920 г. он и его брат А.Э. Юнге заключили договор о продаже под дачи принадлежащей им земли в северной и восточной частях Коктебельской долины; см.: Труды и дни-2. С. 97).

[4] Е.И. Васильева.

[5] См. примеч. 3 к п. 85.

[6] В архиве Волошина сохранилась листовка — печатный текст стихотворения «Святая Русь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 99, л. 35).

[7] См. п. 107, 109.

109. В.Г. ЗГУРИДИ

25 ноября / 8 декабря 1919 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Волошин.
Коктебель.
Крым.

25 ноября 1919.

Многоуважаемая Вера Георгиевна,

оба Ваши письма я получил одновременно, с месяц тому назад.[1] Я помню, как Вы однажды остановили меня на улице в Екатеринодаре[2] и говорили мне о литературном Вашем кружке, а я Вас направил, помнится, к Леману, который в свою очередь теперь вернул Вас мне. Я, как видите, запомнил даже Ваше отчество, которое Вы мне в письме не сообщаете. Тогда же я по глазам Вашим догадался, что Вы пишете стихи. Жаль, что тогда нам не довелось поговорить о них. Терпеть не могу писать письма: скучен процесс письма, которым и без того весь день приходится заниматься.

Спасибо за присланные стихи и за доверие. В них есть вкус к форме. Это хорошо, но его надо обострять и углублять. Просмотрите с точки зрения формы нескольких последних

поэтов: Софию Парнок, Мандельштама, Марину Цветаеву. В них есть новые завоевания, которые необходимо знать. Обращайте внимание на ритм. Лучше старайтесь написать хорошие строчки и не торопитесь связать их в стихотворение. Но это одна сторона творчества. Мало уметь писать — надо в себе создать поэта. Надо углубить и осознать свое Я. Ваше Я я еще не чувствую в Ваших стихах. Они — формально хороши. Но в смысле самоглубления и пути к нему Борис Алексеевич может Вам помочь скорее, чем я. Я буду Вам очень благодарен, если Вы мне еще напишете и не будете слишком обижаться за медленность моих ответов.[3]

Всего лучшего в творчестве. Мои стихи Вы можете найти у Лемана и Елисав<еты> Иван<овны> Васильевой.

[1] Первое из писем (Екатеринодар, 16/29 сентября 1919 г.) сопровождается автографами семи стихотворений (1916—1919 гг.): «Может быть, Вам покажется странным, что незнакомая Вам девушка обращается с письмом и стихами именно к Вам, да еще надеясь на ответ. Но, по правде сказать, Ваши стихи мне нравятся куда больше стихов Брюсова, которого так вознесли. <...> Неправда ли, нет ничего странного в том, что барышня 17 лет пишет стихи, и занимается этим с тринадцатилетнего возраста. Ведь барышни всегда пишут стихи, это нечто, заменяющее рукоделье. <...> Бесконечно благодарной была бы я Вам, если бы Вы написали мне, стоят ли мои стихи того, чтобы ими заниматься <...> меня уверил Леман, что Вы мне ответите. Ему нравятся стихи, он же и посоветовал мне обратиться к Вам». Во втором письме Згуриди (30 сентября / 13 октября 1919 г.) — настойчивое напоминание о первом: «Мне не хочется объяснять себе Ваше молчание нежеланием ответить. <...> Борис Алексеевич <Леман. — *Ред.*> непоколебимо уверил меня в получении ответа, и продолжает уверять. И я верю. <...> Никогда еще на мое письмо не отвечали молчанием! И поэтому оно жалит особенно больно. Буду ждать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 562).

[2] Волошин находился в Екатеринодаре с 17/30 июня до, вероятно, 24 июня / 7 июля и 1/14 — 2/15 июля 1919 г.

[3] Дальнейшего развития общение Волошина с В.Г. Згуриди, по всей вероятности, не получило.

110. Л.П. ГРОССМАНУ

2/15 декабря 1919 г. Коктебель

Максимилиан Волошин.
Коктебель. 2 декаб<ря> 1919.

Дорогой Леонид Петрович,

посылаю Вам несколько новых стихов, написанных в антрактах между работой над Серафимом, который занимает все мое время. Я надеюсь, что к февралю я его окончу.[1] И дальнейшая судьба его меня уже начинает беспокоить. Не знаете ли, не будет к тому времени издаваться в Одессе какой-нибудь альманах или журнал, который бы выдержал поэму, в которой будет от 1000 до 1500 стихов (т<ак> к<ак> я, конечно, очень хочу получить соответственный гонорар, т.е. около 10 000 р.).

Я, верно, скоро закончу пролог,[2] который наиболее труден. Тогда пришлю его Вам. Получили ли Вы три моих статьи и два стихотв<орения> в прошлом письме?[3]

И еще о делах – простите, ради Бога, что я Вам все с такими просьбами надоедаю: если можно, возьмите вперед гонорар за уже принятые статьи и стихи, и перешлите мне сколько соберется, потому что боюсь, что с новыми осложнениями на юге может перерваться и та слабая почтовая нить, что нас пока связывает, а я на этот гонорар очень рассчитываю для существования.

Сижу я безвыходно в Коктебеле, нигде не бываю, мало кого вижу – словом, так сосредоточен, как только можно быть сосредоточенным в Коктебеле зимою.

Поджидаю Эренбурга из Харькова.[4] А что делается у Вас? Так же ли шумна литературная жизнь, как в прошлом году? Есть ли опасения за судьбу Одессы?[5]

Осуществились ли те журналы, о которых писали Вы?[6]

Есть ли у Вас планы на весну и не приедете ли в Коктебель? Очень мечтаю теперь повидаться с Вами на этих берегах, в виду которых несомненно было написано «Погасло дневное светило».[7]

Мне бы очень хотелось слышать Ваше более подробное мнение о моих стихах этого года. (Дайте Бунину для «Южн<ого> Слова» выбрать из моих последних стихов)[8].

Привет всем Вашим и всем литературным друзьям.

Как поживает этой зимой «Зеленая лампа»?[9] Им шлю привет особливый и часто вспоминаю.

[1] Речь идет о поэме «Святой Серафим». 29 января / 11 февраля 1920 г. в феодосийской газете «Крымская Мысль» (№ 23. С. 4) появилась заметка Ал. Соколовского «Серафим Саровский», в которой был дан пересказ поэмы Волошина, прочитанной «в тесном кружке друзей». См.: *Купченко Вл.* «Крымская Мысль» // Возвращение «Ковчега». Одесса: Друк, 2002. С. 117.

[2] Пролог к «Святому Серафиму».

[3] См. п. 101, примеч. 3, 4.

[4] См. примеч. 17 к п. 101.

[5] Ответа на это письмо в подборке писем Л.П. Гроссмана в архиве Волошина не имеется. Возможно, что либо письмо Волошина не дошло до адресата, либо до Волошина не дошло ответное письмо. Одесса была занята Красной Армией 25 января / 7 февраля 1920 г.

[6] См. п. 101, примеч. 5, 6.

[7] Элегию «Погасло дневное светило...» Пушкин сочинил во время переезда на военном бриге из Феодосии в Гурзуф 18 августа 1820 г. (см.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М.А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1991. С. 223–224).

[8] См. п. 103, примеч. 8, 11; примеч. 6 к п. 101.

[9] Кружок одесских поэтов (Э. Багрицкий, А. Биск, В. Катаев, Ю. Олеша, А. Фиолетов, З. Шишова и др.). Сообщение о принятии Волошина в «Зеленую лампу» появилось в одесской газете «Перо в спину» 21 января / 3 февраля 1919 г. (№ 1).

111. А.В. ДАВЫДОВУ

2/15 декабря 1919 г. Коктебель

Максимилиан Александрович Волошин. Коктебель. Собст<венная> дача.

2 дек<абря> 1919.

Многоуважаемый Александр Васильевич,

посылаю Вам еще два моих новых стихотворения: «Гражданская война» и «Св<ятой> Франциск».[1] Кроме того, я выпро-

сил для «Таврического Голоса» прекрасное стихотворение Поликсены Сергеевны Соловьевой «Петербург», недавно ею написанное.[2] Я думаю, что ее имя, как единственного из русских поэтов, удостоенного в свое время Академией золотой Пушкинской медали,[3] Вам достаточно известно. Она согласна давать стихи на тех же условиях, что я — то есть, 10 рубл<ей> за строчку.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы перевели мне теперь же и одновременно гонорар за те стихи, что приняты редакцией. Сейчас, вместе с посылаемыми, у Вас их пять и статья «Судьбы Крыма».[4] Если же между ними есть неподходящие, то очень прошу Вас известить меня или просто вернуть рукописи без промедления, чтобы я мог распорядиться ими иначе.

В газете «Голос Земли», которую мне присылают вместе с «Тавр<ическим> Голосом», я иногда встречаю перепечатки моих стихов.[5] Я, конечно, ничего против этого не имею, но все <же> просил бы, чтобы мне за это платили бы — хотя бы ⅓ нормального гонорара (3 руб. за строку).

Адрес П.С. Соловьевой: Коктебель. Дача Манасеиной.

[1] Стихотворения «Гражданская война» («Одни восстали из подполий...», 21 ноября 1919) и «Святой Франциск» («Ходит по полям босой монашек...», 23 ноября 1919) в газете «Таврический Голос», по всей вероятности, не были опубликованы.

[2] Стихотворение «Петербург» («Мне снятся жуткие провалы...») вошло в книгу П. Соловьевой (Allegro) «Последние стихи» (<М.>: Гос. изд-во, 1923. С. 24–25).

[3] Первым лауреатом золотой Пушкинской медали Академии наук П.С. Соловьева стала в 1908 г. по представлению К.Р. (великого князя Константина Константиновича).

[4] Статья «Судьбы Крыма» не была напечатана в «Таврическом Голосе», впервые увидела свет в наст. изд. (Т. 6, кн. 2. С. 445–448).

[5] Обе упомянутые крымские газеты сохранились в различных книгохранилищах лишь в разрозненных единичных экземплярах, поэтому привести точные библиографические сведения в данном случае не представляется возможным.

1920

112. Л.А. НЕДОБРОВО

4/17 февраля 1920 г. Коктебель

4 февраля 1920.
Коктебель.

Дорогая Любовь Александровна,

первую весть о кончине Николая Владимировича я получил от Юлии Леонидовны через Ел<изавету> Алекс<еевну> Фидлер в Феодосии,[1] а теперь, вернувшись в Коктебель, нашел Ваше письмо.[2] Я написал Вам коротенькое письмо с Ел<изаветой> Ал<ексеевной>, а теперь мне хочется поговорить с Вами подробнее: может быть, почта донесет еще Вам это письмо, как она донесла Ваше. Первое мое желание было сейчас же поехать к Вам в Ялту... Но в эти смутные дни, когда, уезжая, не знаешь, сможешь ли воротиться, я не могу оставить мою мать и дома, т<ак> к<ак>, в случае прихода большевиков, я для них единственная защита. Бежать же от них мы не собираемся. Последнее время совсем не было пароходов на Ялту... Но у меня все-таки, несмотря на все зловещие симптомы, есть надежда, что на этот раз Крым продержится и тогда я весною приеду к Вам. Поэтому, если Вы все же будете эвакуироваться, то известите меня.[3]

Потерю Николая Владимировича я почувствовал глубоко и не только по человечеству, но и как поэт, потому что беседы с ним и оценки его дали мне очень много и то, что он вспоминал меня и собирался мне писать — глубоко для меня драгоценно. Никто за последние годы мне не дал так много, как он, и наши ялтинские беседы мне останутся навсегда.[4]

Мне бы так хотелось увидаться с Вами... Письма я разучился писать... С тех пор, вероятно, когда понял, что главное говорится между людьми молчанием, а не словами, и что в поэзии слова только рама для молчания, которое наступает после.

Мне бы очень хотелось позвать Вас в Коктебель и предложить Вам свой дом, но боюсь, что полный хозяйственный хаос и связанное с ним отсутствие духовной тишины будут Вам тягостны, как они тягостны и мне самому.

Летом и весной это не так чувствуется, как теперь, когда сидишь при температуре в три градуса.

Но я думаю, что большевицкая угроза на этот раз минет, я увижу Вас в Ялте.

Посылаю Вам отрывок из моей поэмы «Св<ятой> Серафим»: «Хвала Богородице»,[5] написанный как раз в те дни, когда угасала жизнь Николая Владимировича.

[1] Имеется в виду Елизавета Антоновна Фидлер. О кончине Н.В. Недоброво (3/16 декабря 1919 г. в Ялте) Волошину сообщила Ю.Л. Сазонова-Слонимская в письме из Ялты от 19 января / 1 февраля 1920 г.: «Третьего декабря умер Николай Владимирович Недоброво от болезни почек, неожиданно обнаружившейся лишь в начале ноября. Некоторые доктора считали, что это было перерождение почек вследствие туберкулоза, другие считали просто нефритом. Николай Владимирович во время болезни вспоминал, как Вы, делая над ним пас<с>ы, сказали, что главная опасность не в легких, а ниже, у пояса, и указали место, соответствующее положению почек. Он часто вспоминал Вас и незадолго до обнаружения болезни почек все собирался написать Вам подробный отчет о своих впечатлениях от Ваших последних стихов. В один из последних наших разговоров он говорил, что, как только оправится, будет смотреть Ваши картины, попавшие временно с выставки ко мне. Я хотела принести их к нему, но он был слишком слаб, чтобы воспринимать их. Опасность он сознавал, боролся с нею, но страха у него не было, хотя желание жить было очень велико. Умер он тихо, рано утром. Похоронен на Аутском кладбище недалеко от церкви» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1072).

[2] Письмо Л.А. Недоброво к Волошину датировано тем же днем, что и цитированное письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской, но отправлено по почте (штемпель получения: Коктебель. 29.1.20): «...вот уже больше сорока дней как я все хочу и должна Вам напи-

сать, но всё сил не было и решимости: совсем исчезла во мне и воля и жизнь, потому что не стало больше побудительных причин к жизни, — умерла моя радость и закатилось Солнце, и стала я вся сама мертвая, только отголоски какие-то остались. <...> Это всего-навсего третье письмо, что я пишу после 3-го декабря <...> И ведь Вы были правы, когда говорили той осенью, что чувствуется Вашим рукам главное средоточенье болезни не в груди, а ниже, — его погубили почки, в несколько коротких недель он сгорел; и уже с отеками на ногах все собирался писать Вам ласковое письмо, потому что он искренно любил Вас, и строгую критику на стихи, и вот не успел: трудно ему было — на легких были тоже отеки и сидеть тяжело ему было. Так у Вас нет ни строчки от него... <...> Помните, когда Вы в том году уезжали из Ялты, он сказал Вам: “Постарайтесь еще раз со мной увидеться!” Я сегодня повторяю те же слова» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 873).

[3] В том же письме Л.А. Недоброво сообщала о совместных с Ю.Л. Сазоновой-Слонимской планах уехать «в Каир или в Сербию, а м<ожет> б<ыть>, и в другое какое место».

[4] Волошин постоянно общался с Н.В. Недоброво во время своего пребывания в Ялте в ноябре 1918 г.

[5] Фрагмент Пролога поэмы «Святой Серафим» (Т. 2 наст. изд. С. 98–101).

113. А.К. ШЕРВАШИДЗЕ

5/18 апреля 1920 г. Коктебель[1]

Воскресенье.
5 апреля 1920.
Коктебель.
Максимилиан Волошин.

Дорогой Александр Константинович,

Посылаю тебе текст моей книги «Пламена», которую ты согласился попытаться устроить в Лондоне у Сытина.[2] Очень и очень прошу о том же Наталью Ильинишну.3 Мне очень важно ее издать за границей по двум причинам:

1. Невозможность издать ее полностью в России в ближайшие годы и желанье ее закрепить немедленно.

2. Необходимость заработка, хотя бы та сумма, которую я смогу за нее получить, и осталась бы, за невозможностью переправить ее в Россию, за границей (кто знает, не придется ли и мне через некоторое время очутиться там самому).

Я посылаю тебе полный текст, но текст, не расположенный в надлежащем порядке, и прилагаю список стихов, как они должны быть расположены. У меня не было ни времени (ни бумаги), чтобы переписать их как следует: поэтому прошу тебя, прежде чем сдавать в набор, дать переписать на отдельных листиках как следует для печати и расположить в порядке списка.

Экземпляр «Демонов Глухонемых» — один из трех, которые я получил от издателя,[4] — я посылаю тебе. Он с моим портретом твоей работы. Но Краснов совершенно нелепо всадил его на обложку — вообще все издание в художественном отношении возмутительно, особенно потому, что в нем есть претензии на художественность и роскошь.

Обрати внимание, что в «Пламенах» расположение стихов будет иное, чем в этой книге.

Теперь относительно условий издания. Гонорар — 25% с валовой номинальной цены издания <и>ли, что то же самое, с номинальной цены экземпляра.

В крайнем случае даю тебе право спустить до 20%. Гонорар должен быть уплачен целиком при сдаче рукописи и монетой той страны, в которой будет издаваться.

Для меня должно быть сохранено 100 авторских экземпляров.

Издатель обязуется сделать издание в течение года со дня приобретения рукописи.

Против второго издания ничего не имею на тех же условиях.

Относительно пересылки денег: если ни ты, ни издатель не найдете достаточно верного пути или оказии переслать мне деньги (лучше всего фунтами), то ты все-таки получи их и перешли их моему другу Михаилу Осиповичу Цетлину. Париж 91 Авеню Анри-Мартен (Paris. Avenue Henri Martin). А я прилагаю ему письмо,[5] которое перешли, когда будешь в Лондоне, или завези сам, если будешь в Париже. Цетлины очень милые люди и мои большие друзья.

Ему легче будет найти оказию переслать мне деньги в Россию, т<ак> к<ак> он связан и коммерческими и политическими путями с нею.

Ведь если и большевики будут в Крыму, то коммерческие сношения пока будут открыты с Англией.

Точно так же, если эти деньги останутся у него, мне легче будет его найти в Париже, ежели я сам попаду за границу.

Относительно же внешности книги – я вполне доверяю тебе и Наталье Ильинишне. А формат предпочитаю для стихов либо в 16 долю, либо эльзевировский (как Лемеровские издания[6]).

Мне бы очень хотелось видеть эту книгу переведенной на английский и французский языки, т<ак> к<ак> думаю, что именно теперь, как отображение того, что совершается в России, она бы представила интерес.

Лирические стихи мои были в свое время переведены Цетлиным в сотрудничестве с Фонтенасом и издать их должен был Жорж Крэс, но об судьбе их я не знаю теперь ничего.[7] Для Англии у меня взял летом рукопись «Демонов Глухонемых» Вильямс, но что он сделал, тоже не знаю.[8]

Да – сведения для издателя: «Армагадон» был издан в России в количестве 300 экз<емпляров>, в 1916 г.,[9] а «Демоны Глухонемые» в 1919 в Харькове в колич<естве> 1200 экз<емпляров>. И то и другое издание разошлось полностью. Сейчас в продаже не имеется ни одного экз<емпляра>. В «Пламена» вошел ряд нигде не напечатанных стихов, в частности весь отдел «Неопалимая Купина», кроме трех, перенесенных из «Демонов».

Ну, вот, кажется, все сведения, что необходимы.

Большое спасибо, если устроишь это мне. Надеюсь еще увидать тебя в среду,[10] когда вернусь в Феодосию. Если же ты к тому времени уедешь, то передай мой привет и все мои самые лучшие пожелания Наталье Ильинишне и Николаю Николаевичу.[11]

Максимилиан Волошин.[12]

[1] К письму приложен конверт с надписью рукой Волошина: «Князю Александру Константиновичу Шервашидзе от Максимилиана Волошина». Отправлено в Феодосию не по почте.

[2] Публикация книги стихотворений Волошина «Пламена» не состоялась ни в издательстве И.Д. Сытина (деятельность его в Лондоне не была налажена), ни в каком-либо ином издательстве; состав и композиция ее в точности не установлены (общее представление об этом можно получить из сведений, сообщаемых ниже в письме).

[3] Н.И. Бутковская.

[4] См. п. 93, примеч. 1.

[5] См. п. 114.

[6] Издания Пьера-Огюста Лемера (Lemaire; 1802—1887) — в частности, «Bibliothèque classique». Эльзевировский — очень узкий формат, в $^1/_{12}$ листа

[7] Издание сборника стихотворений Волошина в переводе на французский не состоялось. См.: Т. 10 наст. изд. С. 489—490.

[8] Публикация подборки стихотворений из «Демонов глухонемых» в переводах на английский не состоялась, были осуществлены в 1920-е гг. лишь единичные публикации стихотворений Волошина в переводных английских антологиях русской поэзии. См. библиографию, составленную Б.А. Филипповым и А.Н. Тюриным, в кн.: *Волошин Максимилиан.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. Paris: YMCA-Press, 1984. Т. 2. С. 471—472.

[9] Имеется в виду книга Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916). «Армагадон» («Армагеддон») — новое ее заглавие или заглавие перераспределенного корпуса стихотворений, входивших в нее, в составе книги «Пламена». «Армагеддон» («Положив мне руки на заплечье...», 1915) — стихотворение Волошина, впервые опубликованное в «Anno mundi ardentis».

[10] 8/21 апреля.

[11] Под текстом — пояснительная приписка рукой А.А. Кашиной-Евреиновой: «Наталья Ильинишна Бутковская, впоследствии кн<ягиня> Шервашидзе (2-ая жена). Николай Николаевич — Н.Н. Евреинов, мой муж».

[12] К тексту письма приложен документ, сохранившийся в машинописной копии (ДМВ):

Коктебель. (Феодосия).
Собств<енный> дом. 5 апреля 1920.

Сим доверяю Князю Александру Константиновичу Шервашидзе право на издание в Англии моей книги стихов «Пламена» на следующих условиях:

1) Авторский гонорар за издание 25% с валовой номинальной стоимости издания должен быть уплачен английской или французской монетой.

2) Гонорар должен быть уплачен полностью при вручении рукописи и, если не будет возможности переслать его немедленно мне в Крым, то доверяю Князю Шервашидзе самому получить его.

3) Сто авторских экземпляров должно быть сохранено для меня и при случае переправлено с верной оказией.

Кроме того, сим даю право Князю Шервашидзе распоряжаться переводами этой книги на иностранные языки и их изданиями.

114. М.С. и М.О. ЦЕТЛИНЫМ

5/18 апреля 1920 г. Коктебель

5 апреля 1920.
Коктебель.

Дорогие М<а>рия Самойловна и Михаил Осипович,

вот год как мы расстались[1], и у меня как раз является случай написать вам. Едет мой старый друг Князь Александр Константинович Шервашидзе, бывш<ий> декоратор Мариинского Театра, а теперь приглашенный в Лондон в Ковен-Гарденский Театр.[2] Он или сам завезет Вам это письмо, или перешлет его из Лондона.

Дорогой Михаил Осипович, сперва несколько слов о деле: Шервашидзе взял с собою весь материал моей книги стихов «Пламена»,[3] куда войдут все мои стихи о войне,[4] «Демоны Глухонемые» и много новых на обществ<енно>-истор<ические> темы, чтобы их предложить для издания в Лондоне Сытину, который, по слухам, открыл там большое издательское дело.[5] К тебе у меня просьба: способствовать ему в этом, поскольку это в твоих возможностях. А в случае, если таковое издание состоится, и я получу за него деньги, которые, по всем вероятиям, переслать будет невозможно в Крым, который станет к тому времени уже большевистским, то я прошу его переслать их все тебе. Можно? А для тебя скорее представится оказия их переслать мне в Коктебель, либо сохранить их у себя до нашей встречи.

Я тоже очень прошу тебя способствовать переводу моих стихов о России по-английски и по-французски. (А какова судьба твоего перевода с Фонтенасом?[6] Может он теперь увидит свет?)

И еще одна просьба: мы с Богаевским очень страдаем без красок и бумаги (ту акварель, что я когда-то получил от тебя и М<арии> С<амойловны> в Париже – я теперь подарил Богаевскому, т<ак> к<ак> он еще в большей нужде живописным материалом, чем я). Нельзя ли сделать в Англии (через мисс Стифен?[7]) воззвание к английским художникам, чтобы они пришли на помощь материалами, а мы им вернем художественными произведениями (т<ак> к<ак> деньгами при нынешнем курсе – немыслимо). Нужна главным образом акварельная бумага и хорошие акварельные краски, лучше всего в плитках. Может и при большевиках, т<ак> к<ак> коммерческие сношения будут восстановлены, будет возможность переслать их?

Ну вот – это все дела.

Первая половина года прошла у меня во всевозможных странствиях и приключениях, вторая – в уединенной работе. Кроме ряда отдельных стихов, образующих цикл «Неопалимая Купина»,[8] я написал еще большую поэму о Св<ятом> Серафиме Саровском[9] и перевел массу стихов Ренье.[10]

После Вашего отъезда из Одессы, я просидел еще месяц в Одессе.[11] Очень подружился с Буниным.[12] Меня травили весьма советские газеты[13] как эсера, представь себе! Мне грозила арестом чрезвычайка. Тогда я познакомился с ее тогдашним председателем – прекрасным человеком,[14] который мне дал все бумаги на выезд и устроил мне побег с партией матросов-разведчиков, отправлявшихся в Крым.[15] Я прошел с ними на паруснике сквозь французскую блокаду. Достиг Северных берегов около Ак-Мечети.[16] Попал к разбойникам – Тарановцам,[17] которые нас сперва расстреливали, потом чествовали и докатили до Евпатории.

Отсюда уже я вывез моих матросов, т<ак> к<ак> угля и паровозов не было. Но мне в ресторане упал в объятия какой-то неизвестный штатский господин, с которым, как оказа-

лось, мы когда-то встречались, и он очень обрадовался меня снова встретить, а на другой день он оказался командармом[18] и, узнав о моих приключениях, воскликнул: «Нет, я этого не могу допустить: ваша жизнь драгоценна – я сам вас довезу в своем вагоне». Так я сделал в Симферополь въезд в отдельном вагоне 1 класса командующего армией и очень удачно, т<ак> к<ак> за несколько дней перед тем в Таврич<еском> Ревкоме говорили: ну, если Волошин посмеет теперь сюда показаться после своих прошлогодних лекций,[19] то ему несдобровать. В особую вину мне ставилось отрицание большевистского смысла «12» Блока.[20] Словом, я благополучно добрался до Коктебеля. Там все тоже оказалось благополучно. Через две недели против нас на берегу был сделан добровольцами десант. Мы провели час под ураганным огнем, а затем вся команда «Кагула» явилась ко мне с визитом, т<ак> к<ак> там были все мои Севастопольские приятели. Через два дня был арестован мой друг генерал Маркс (профессор, археолог, фольклорист) добровольцами по обвинению в большевизме.[21] Против него началась такая травля и такое озлобление, что расстрел и самосуд были почти неминуемы. Его отправили в Керчь, только что залитую кровью репрессий (подавление большевистского восстания в каменоломнях). Я, несмотря на запрещения, последовал за ним в том же поезде, отстаивая его шаг за шагом, довез благополучно до Керчи, настоял, чтобы его отправили в Екатеринодар, там добился немедленного суда над ними, несмотря на поголовное озлобление всех военных и травлю печати (ему не прощали того, что он нар<одник>, социал<ист> и юдофил), в конце концов полного освобождения. Этим я могу справедливо гордиться, т<ак> к<ак> у меня не было ни одного знакомого в Екатеринодаре, когда я туда приехал, и никто из близких Марксу мне не помог, т<ак> к<ак> все боялись скомпрометироваться. Зато, когда я вернулся в Крым, то был встречен общим остракизмом. Меня даже попросили уйти с одного вечера, куда я приглашен был читать, т<ак> к<ак> мои стихи «оскорбление для До<бровольческой> Армии». Мою недавнюю популярность как рукой сняло. Тогда я затворился в Коктебеле и полгода

провел в стихописании. Все время под угрозами, что меня арестуют как большевика: «Так как только благодаря ему нам не удалось расстрелять этого негодяя Маркса».

Мне было запрещено читать лекции, а стихи мои были объявлены большевистскими, что не мешало Екатеринодарскому Отделу пропаганды распространять мои стихи на летучках, а в Киеве Центрагу[22] сжигать экземпляры моих «ДЕМОНОВ ГЛУХОНЕМЫХ», а в Харькове, тому же Центрагу, распространять это издание в целях большевистской пропаганды.

Словом, все мое существование в России одно недоразумение. Но, т<ак> к<ак> и вся Россия сейчас тоже одно недоразумение, то я считаю мое положение государственно наиболее прочным. И жду нового нашествия большевиков бестрепетно, т<ак> к<ак> мне передавали, несколько месяцев тому назад в ПРАВДЕ была статья <...>[23] обо мне, где он называл меня самым крупным из современных поэтов.

Сейчас благодаря Еврейскому Литер<атурному> Общ<еству>[24] я снова могу читать лекции, зарабатывать. Там меня, когда в первый раз читал, приветствовали как поэта, одержимого пророческим духом, а когда я кончил читать стихи, то все собрание поднялось и запело древне-еврейскую песню, которой приветствуют раввинов.

Вот краткий конспект моих приключений за этот год. России я покидать сейчас не хочу и не могу.

Положение сейчас такое, что Добр<овольческая> Армия, которая может в Крыму укрепиться и продержаться очень долго, может и неожиданно распасться изнутри, и приход большевиков возможен каждый день.

Но думаю, что всей России придется пройти через большевизм, и нет иного пути к его преодолению, как изнутри и работой с ними. А сейчас интуитивный гений русского государства совершает объединение русской территории через посредство большевиков и готовит тело будущей возрожденной и не ослабленной империи.

Иногда в минуты слабости хочется попасть в Париж, в Лондон, но, когда себе представишь свое душевное состоя-

ние там, то чувствуешь, что долгое пребывание оторванным от России станет невыносимо, что сейчас весь смысл жизни — здесь.

Впрочем, я оказался очень приспособленным к условиям современной русской жизни: меня и голод не берет, и лишения не пугают, и заразы пока не трогают, и счастье не изменяет

Очень грустно ничего не знать о своих друзьях, где бы ни были: за сто или за тысячи верст, одинаково.

Как ты живешь, Марья Самойловна? Я вспоминаю наши прогулки в Булонском лесу.[25] Как теперь становится хорошо в весеннем Париже, освобожденном от гнета войны. Каштаны цветут... Кто из художников теперь у Вас бывает?

Последние вести, которые я имел из Парижа, были летом от мистера Вильямса,[26] с которым я встретился в Екатеринодаре. Он видел Толстых.[27]

Пожалуйста, передай мой привет им и Александре Васильевне Гольштейн.

Странно, что даже ничего спросить о них нельзя, потому что, все равно, ответа не получишь.

И написать я им не смогу, т<ак> к<ак> надо сегодня же отправить письма в город, что<б> Шервашидзе успел захватить их.

Крепко целую Мишу[28] и приветствую всех друзей.

Максимилиан Волошин.

Эренбург живет всю зиму у меня с женой: он женился в Киеве на очень красивой и милой художнице-кубистке, своей кузине.[29]

Пишет прекрасные стихи и очень много.

Привет Ривере.

[1] Волошин останавливался у Цетлиных в Одессе на Нежинской ул. (д. 36) в январе — апреле 1919 г. (См.: Труды и дни-2. С. 63—73).

[2] А.К. Шервашидзе весной 1919 г. уезжал в Лондон по приглашению С.П. Дягилева для оформления декораций к «Русским балетам». О взаимоотношениях Волошина с Шервашидзе см.: *Аджинджал Б., Купченко В.П.* М. Волошин и А. Чачба (Шервашидзе) //

Известия. VIII. 1979. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 67–73. (Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа).

[3] Этот проект Волошина не состоялся. См. примеч. 2 к п. 113.

[4] Речь идет об издании: *Волошин М.* Anno mundi ardentis 1915. М.: Зерна, 1916.

[5] См. п. 113, примеч. 2.

[6] Имеются в виду переводы стихотворений Волошина на французский язык, выполненные М.О. Цетлиным и Андре Фонтена в 1916 г. Переводы опубликованы не были. (См.: Т. 10 наст. изд. С. 489–490).

[7] Вероятно, речь идет об Уинифред Стивенс (Winifred Stephens; 1870–1944), редакторе и составителе известной книги «Душа России» («The Soul of Russia». London, Macmillan, 1916).

[8] См. п. 104, примеч. 6 к п. 123.

[9] См. примеч. 3 к п. 97.

[10] С февраля по июнь 1919 г. Волошин перевел 20 стихотворений Анри де Ренье: «Ваза», «Ода», «Любовь» (первоначальное заглавие «Эрот»), «Прощанья», «Я бы мог крикнуть любовь мою...», «Мне маленького тростника довольно было...», «Пожелание», «Если б я лучше знал любовь мою, если б я лучше...», «Морская ода», «Раковина», «Видение», «Пленница», «Девочка (Надгробная медаль)», «Тревога», «Антоний и Клеопатра», «Пленный принц», «Человек и боги», «Дионисии», «Ночь богов», «Отелло». (См.: Т. 4 наст. изд. С. 714–728, 730–733, 735–752). О переводах Волошина из Ренье см.: Максимилиан Волошин и Анри де Ренье. (Неизданные материалы) / Публ. П.Р. Заборова // Из лит. наследия-1. С. 302–324.

[11] Цетлины уехали из Одессы 22 марта / 4 апреля 1919 г., Волошин – только 27 апреля / 10 мая. (См.: Труды и дни-2. С. 73).

[12] О пребывании И.А. Бунина в Одессе в 1919 г. и встречах с Волошиным см.: Устами Буниных... Т. 1. М.: Посев, 2004. С. 172–207.

[13] Возможно, имеется в виду статья И. Квитко «Необходимо приступить к чистке», опубликованная в 1919 г. в «Известиях Одесского Совета рабочих депутатов» (№ 20). (См.: Труды и дни-2. С. 71).

[14] Имеется в виду Б.С. Северный (наст. фам. Юзефович), возглавлявший Одесскую ЧК.

[15] Об этом путешествии позже Волошин писал в мемуарных записях. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 387–393.

[16] Ак-Мечеть – гавань на берегу Черного моря.

[17] Речь идет о сформированном П.И. Тараном летом 1918 г. Днепровском партизанском отряде из крестьян, матросов, рабочих и рыбаков Херсона, Каховки, Алешек и Хорлы. С конца апреля

1919 г. «тарановцы» несли береговую охрану побережья от Евпатории до Тентеровской косы. Сохранились воспоминания П.И. Тарана «Пройденный путь» (РГАСПИ, ф.17, оп. 3, д.733).

[18] Имеется в виду И.С. Кожевников.

[19] Речь идет о лекциях Волошина, прочитанных во время турне по городам Черноморья: «Скрытый смысл войны», «Судьба Верхарна» «Бунтарская стихия русской истории и ее провидец» и др. См.: Труды и дни-2. С. 57–73.

[20] Отзыв Волошина о поэме А. Блока «Двенадцать» см. в его статье «Поэзия и революция. (Александр Блок и Илья Эренбург)» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 25–45). См. также п. 61, примеч. 3, п. 63, примеч. 11.

[21] См. примеч. 4 к п. 81, п. 97, примеч. 7, а также: Эпопея генерала Маркса. Драма революционного бытия. Феодосия: Издательский дом "Коктебель", 1998. С. 42–59. (Б-ка альманаха "Крымский альбом". Выпуск пятый).

[22] Специальное агентство, созданное в начале 1919 г. в Харькове, на которое возлагалось распространение и экспедирование всех периодических и непериодических изданий Украины.

[23] В этом месте имя автора статьи вымарано. На полях копии (ДМВ) сделана приписка карандашом «Unser Winkel Троцкий». Однако упоминаемой Волошиным статьи обнаружить не удалось.

[24] Об отношениях Волошина с феодосийским еврейским литературным обществом «Унзер Винкль» («Наш уголок») см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 416–417.

[25] Речь идет о пребывании Волошина в Париже в 1915 г., когда он близко общался с Цетлиными.

[26] Встреча с Г. Вильямсом, мужем А.В. Тырковой-Вильямс, журналистом, произошла в первую неделю июля 1919 г. (См.: Труды и дни-2. С. 79).

[27] А.Н. Толстой и Н.В. Крандиевская.

[28] М.О. Цетлин.

[29] И.Г. Эренбург, Л.М. Козинцева, его жена, и Я. Соммер прибыли в Коктебель в первую декаду января 1920 г. Об их пребывании в Коктебеле см.: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1. С. 302–303; *Соммер Ядвига.* Записки / Публ., предисл. и примеч. Б.Я. Фрезинского // Минувшее. Вып. 17. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1995. С. 140–148.

115. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

8/21 апреля 1920 г. Коктебель

8 апреля 1920.
Феодосия. Коктебель.

Дорогая Александра Васильевна,

несколько раз за эти годы я писал Вам с представлявшимися оказиями, но сомневаюсь, дошли ли до Вас мои письма.[1] Это, верно, дойдет, т<ак> к<ак> его берет Шервашидзе.[2]

Но он может уехать — сегодня, завтра. И я могу написать Вам только несколько слов. Он Вам расскажет все обо мне. Теперь ведь жизнь каждого в России — роман-фельетон с приключениями, убийствами и сыщиками.[3]

Но я психологически оказался к этому строю жизни более приспособлен, чем другие. Шервашидзе Вам покажет мои стихи за последние годы.

Я писал много — и все совершающееся не мешало работе, а только углубляло ее и делало более интенсивной.

Мне было бы теперь очень тяжело покинуть Россию, и несмотря на соблазн тихой, культурной и неголодной жизни, который приходит иногда, я все же буду оставаться здесь, пока меня терпят.

Мои стихи (я дам Шервашидзе полный текст всех моих стихов, написанных за время революции, чтобы он их издал в Лондоне) Вам раскроют всю смену моих отношений к революции и к России.

От севера мы здесь на юге давно отрезаны, и ни о ком, кто остался там, давно не имею сведений.

Лично меня и моего дома не коснулись пока ни грабеж, ни огонь, ни снаряды, ни резня — хотя все прошло над нами.

Мама жива, бодра, хотя и болеет, и несет 70 лет.

Приветы Лоло, Тата, Юлию Феодор<овичу> (он ведь в Париже?), Толстым, Гилю, всем друзьям.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Письма, о которых идет речь, не обнаружены.

[2] См. примеч. 2 к п. 114.

[3] О своих «приключениях» Волошин подробно рассказывает в другом письме, передаваемом за границу с А.К. Шервашидзе к М.О. и М.С. Цетлиным, см. п. 114, примеч. 14–24.

[4] А.Ю. Семенов и Н.Ю. Семенова, Ю.Ф. Семенов, А.Н. Толстой, Н.В. Крандиевская.

116. В.А. РОГОЗИНСКОМУ

27 апреля / 10 мая 1920 г. Коктебель

27 апр<еля> 1920.

Милый Володя, я хочу обратиться к тебе с большой просьбой: у меня наклевывается возможность сделать издание моих последних стихов в Феодосии. За это дело взялся с необычайным самоотвержен<ием> и бескорыстием Симон Исак<ович> Гинцбург.* Он берется достать деньги на издание, бумагу, иконографию.[1] Я сейчас не могу приезжать в Феодосию. Поэтому очень прошу тебя замени<ть> меня в смысле эстетическом – при выборе шрифтов, бумаги, формата, обложки в пределах представляемых возможностей, чтобы из плохого материала создать приличный облик.

Вызови Сим<она> Исаак<овича> к себе через Лизу[2] и переговори с ним. Это очень увлекающийся талантливый (музыкан<т> и поэт) и деликатный человек, как вообще вся та компания молодежи, с которой Лиза приходила в Коктебель. Я их всех встречал и раньше, но только теперь узнал ближе и оценил, благодаря рекомендации Лизиной дружбы с ними. Крепко обнимаю тебя. Привет Ольге Арт<уровне>[3] и всем Вашим.

[1] Этот замысел остался нереализованным.

[2] Елизавета Павловна Редлих (в замужестве Кривошапкина; 1897–1988), художница, автор мемуарного очерка о Волошине (Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. В.П. Купченко и З.Д. Давыдов. М.: Сов. писатель, 1990. С. 311–321).

[3] О.А. Рогозинская.

---

* *Сверху надписано:* Студент <?> <*нрзб*>.

117. С.И. ГИНЦБУРГУ (КОРЕВУ)

27 апреля / 10 мая 1920 г. Коктебель[1]

Симон Исаак<ович>, очень благодарю Вас за хлопоты. Сам прийти <?> никак не могу (покупаю дрова — на что уйдет вся неделя). Во всем, что касается эстетической внешности, обратитесь к Влад<имиру> Алек<сандровичу> Рагозин<скому> (кузену Лизы).[2] Я ему пишу об этом <?>.

[1] Черновой карандашный набросок на одном листе с п. 116.
[2] См. примеч. 2 к п. 116.

118. Н.Н. НАГОРСКОЙ

24 мая / 6 июня 1920 г. Коктебель

Максимилиан
Александрович
Волошин,
Коктебель.
Собств<енный> дом.
24 мая — 1920.

Многоуважаемая Наталья Николаевна,

сегодня мне передали Ваше письмо из Феодосии.[1] Я ведь живу не в городе, а в Коктебеле — это 18 верст от Феодосии. В городе же бываю редко и останавливаюсь там, где Вы меня, очевидно, искали — в доме Дуранте в мастерской у художника Богаевского, которого Вы, верно, знаете по имени. Я, конечно, хорошо помню нашу встречу в Одессе и знаю Вас. Потому что во время тогдашнего разговора очень почувствовал Вас, Ваше отношение к жизни и к искусству и то, что Вы пишете. Вы ведь высказываетесь и словами, и интонациями просто и открыто. Я думал, что тогда же встречу Вас, но Вы, верно, уехали при эвакуации...[2]

Поэтому я нисколько не удивился, получив сегодня Ваше письмо: в том, что мы еще встретимся, я не сомневался

и только дожидался, когда судьба столкнет нас. Тем более, что ни имени, ни фамилии Вашей я не знал.

Как жаль, все-таки, что мы не встретились в Феодосии: я после моей лекции еще оставался несколько дней в городе.[3] На всякий случай: о моем пребывании в Феодосии всегда можно узнать у Александра Александровича Новинского – Начальника Порта.

То, что Вы пишете в письме о глубоком чувстве общности и единства людей на земле, мне только подтвердило впечатление нашей одесской встречи. Это чувство действительно глубоко в Вас, раз оно бессознательно выражается в каждом слове. Я принял его тогда за девичью намагниченность, но раз Вы замужем, как я понял из Вашего письма, – это глубже и человечнее. Я очень ценю его и ищу в людях, и оно-то заставило меня отметить и запомнить Вас тогда.

Сейчас оно прорастает во многих отдельных людях, и это единственное, чем мы, люди искусства, то есть не переустраивающие, а преображающие мир, можем отвечать на действительность. И как это ни странно, но именно в эти годы ненависти и вражды его встречаешь чаще, чем раньше.

Из адреса, который Вы даете мне, я вижу, что Вы не живете постоянно в Севастополе, а скорее странствуете с Вашим мужем на «Херсонесе». Если это так, то, может быть, Вас снова занесет в Феодосию и Вы навестите меня в Коктебеле. Правда, добраться теперь до нас довольно сложно, но на рынке в постоялых дворах, в базарный день, всегда можно найти попутчиков татар из Отуз или Коктебеля, которые подвезут Вас.

В Коктебеле Вы найдете кое-кого из поэтов и художников. Между прочим, здесь Ваша (вероятно) соученица по школе Экстер Любовь Михайловна Козенцова, которая теперь замужем за поэтом Эренбургом и с декабря живет у нас, а теперь поправляется от тифа.[4]

Так как Вы любите мои стихи, то посылаю Вам кое-что из последних.[5]

До свиданья.

[1] Письмо Н.Н. Нагорской датировано 21 мая / 3 июня 1920 г., днем ее отплытия из Феодосии («Сегодня мы с отрядом транспортов везем десант куда-то в Совдепию»):

«Я приехала на пароходе в Феодосию, прочла Вашу фамилию на афише о лекциях на др<угой> день после нее, и лишь сегодня, узнав в адресн<ом> столе Ваш адрес, пошла искать Вас. <...> Простите, – Вы ведь не знаете, кто я. Я встретила Вас один лишь раз в Одессе в магазине книжном на Дерибасовской, – я была тогда ученицей А. Экстер, а Вы издавали Вашего Верхарна, – и сказали несколько слов друг другу, – а все же у меня такое чувство, что Вам написать можно. Что это Вас не оскорбит, не удивит.

Я сказала Вам тогда, – услыхав, что Вас называют Максимилианом: – Вы настоящий Волошин? Лицо Ваше я знала, но думала, – Вы весь крупный. А стихи Ваши я люблю. И читаю. Они мне близки чем-то. Чувствуется художник, живущий красками, и есть такая материальность в определении словами мыслей, чувствуется запах, вкус, цвет, ритм крови.

Вы спросили, не пишу ли и я. Мне стало страшно, и я поспешила отказаться. Я никому не показывала, что пишу. Знаете, за этот год скитаний я так поняла и глубокую общность и единство людей на нашей земле, и исключительную отдельность человека на ней, что мне просто кажется говорить Вам, как себе.

Мне хочется, чтобы Вы написали мне, что хотите. Лучше на Севастополь, Агентство РОПТ. "Херсонес". Коменданту П.П. Нагорскому для Наталии Николаевны» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 865).

[2] Подразумевается эвакуация из Одессы перед вступлением в нее большевиков в конце марта ст.ст. / начале апреля н.ст. 1919 г.

[3] Волошин выступал в Феодосии с лекцией (видимо, «Россия распятая») в середине мая ст.ст. / конце мая н.ст. 1920 г.

[4] «Студия А. Экстер» – мастерская живописи и декоративного искусства, действовавшая в Киеве на протяжении 1918 г. В ответном письме из Феодосии от 19 июня / 2 июля 1920 г. Нагорская сообщала: «Я, конечно, очень помню Козинцеву и Эренбурга. Она была такая высокая стройная и длинноглазая, совсем козочка» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 865). Л.М. Козинцева-Эренбург заболела сыпным тифом в начале мая ст.ст. / середине мая н.ст. Я.И. Соммер свидетельствует: «М.А. помогал И.Г. доставать лекарства, он и Е.О. <Кириенко-Волошина. – *Ред.*> проявляли искреннее сочувствие и заботу о больной» (*Соммер Ядвига.* Записки / Публ., предисл. и примеч. Б.Я. Фрезинского // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1995. С. 147). Болезнь Л.М. Козинцевой-Эрен-

бург отражена в дневниковых записях Р.С. Соболь, жены Андрея Соболя (Вопросы литературы. 1998. № 1. С. 377–378).

[5] Нагорская отвечала в цитированном письме на присылку стихов: «...я их читала медленно и понемногу в течение двух дней, вслушивалась в их густой стих, и оживала. <...> Стихи о России Ваши мне так близки; я сама верю в нее, а минутами как-то вижу ее всю, внутри себя будто, и тогда принимаю и понимаю ее всю»; там же она добавляла: «Я бы очень хотела побывать у Вас, чтобы видеть Вас дома, на той почве, где Вы прожили столько лет, ибо особенно дает понять человека дом, где он жил, писал и работал. Я так обрадовалась, прочтя Ваше предложение, – но сейчас все меняется: сегодня на рассвете мы пришли, а ночью уйдем отсюда в Севастополь <...>».

119. Я.А. ТУГЕНДХОЛЬДУ

22 июня / 5 июля 1920 г. Коктебель

Многоуважаемый Яков Александрович,

посылаю Вам для «Дня Книги» стихот<ворение> «Китеж».[1] Должен предупредить, что оно было напечатано в местной литературной газетке, не имевшей распространения вне Феодосии.[2]

Мне передавали, что Вы, в прошлом году уезжая из Одессы, захватили для передачи мне мои авторские экземпляры «Верхарна».[3] Я был бы очень рад их получить.

Максимилиан Волошин.
22 июня 1920.

Коктебель. Соб<ственный> дом.

[1] Отклик на просьбу Я.А. Тугендхольда (в недатированном письме из Евпатории) прислать не позднее 5 августа свое произведение для мероприятия в поддержку библиотек Евпатории: «...возникла мысль устроить в Евпатории – в средине августа – “День Книги” с выпуском однодневной газеты (статьи, рассказы, сказки, стихотворения)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1198). Сведения о выходе в свет этой однодневной газеты и о публикации в ней стихотворения Волошина «Китеж» («Вся Русь – костер. Неугасимый пламень...», 18 августа 1919) не установлены.

[2] Эта публикация не выявлена.

[3] Имеются в виду «Стихотворения» Э. Верхарна в переводе Волошина (Одесса: Омфалос, 1919).

120. С.Я. ЭФРОНУ

28 июня / 11 июля 1920 г. Коктебель

Коктебель. 28 июня 1920.

Милый Сережа,

пользуюсь отъездом Всеволода Александровича,[1] чтобы написать тебе. Я за это время закончил два новых стихотворения (которые посылаю).[2] Жизнь коктебельская идет обычными сериями малых катастроф и великих паник.

Дважды было наводнение. Первое небывалое по количеству унесенных заборов и снесенных мостов. С обеих сторон у нас теперь два глубоких морских залива, еще не заросших песком.

Тонула Майя...[3] *Не топилась*, но поплыла в море за дровами для Эренбурга, начала тонуть и вопить: Макс! Макс!

Это было в 5 час<ов> утра. Я вскочил. Прибежала Ева,[4] дубасила в дверь... К Майе приплыли я и Варвара Павловна[5] и спасли ее. В результате оказалось только, что мы все втроем купались вместе без костюмов и Майя голенькая висела у меня на шее и истерически хохотала.

Самое же позорное было то, что в том месте, где она тонула, можно было свободно стоять на ногах, т<ак> к<ак> была отмель от речки. «Барыня еще поживет»...

Выяснилось тоже, что, когда она тонула, она все время зорко следила, достаточно ли я быстро бегу, и обиделась, т<ак> к<ак> ей показалось, что я велел Еве затворить за собой дверь. Ева блаженствовала от романтических переживаний, лежала весь день с сердцебиением и писала дневник.

На следующий день она *обличала* меня за Эренбурга, но была переубеждена и пошла обличать его. Потом пришла обличать Пра, но Пра кратко предложила ей переехать на другую дачу.

Теперь по ночам можно слышать чьи-то девичьи вопли: «Прошу в моей смерти Эренбурга не винить...» и подражание всплеску воды. Топиться от Эренбурга стало очень в моде.[6]

Приехал Григорий Петров,[7] который, конечно, никогда большевиком, несмотря на все газетные уверения, не был.

Его первые слова были: «Максимилиан Александрович, Вы первый поэт в России! Я это уже год на всех моих лекциях повторяю. Вы ведь знаете, как я раньше отрицательно к Вашему искусству относился...»

Я устраиваю сейчас ряд чтений и лекций по искусству... Вот, кажется, все, что случилось с твоего приезда. Стихи скажут остальное. Да еще получил привет от Волг[8] из Симеиза... Он принадлежит больше тебе...

Пиши о себе и что делается на фронте (что можно). Крепко обнимаю. Пра целует.

Максимилиан Волошин.

[1] В.А. Богенгард (1892–1961, Франция) – офицер, друг и сослуживец С.Я. Эфрона.

[2] Имеются в виду стихотворения «Заклинание (от усобиц)» («Из крови, пролитой в боях...», 19 июня 1920) и «Дикое Поле» («Голубые просторы, туманы...», 20 июня 1920). См.: Т. 1 наст. изд. С. 353, 282–284. Незадолго до их написания С. Эфрон приезжал в отпуск в Коктебель, после чего возвратился в расположение армии.

[3] Ср. позднейшую мемуарную запись Волошина о М.П. Кудашевой (16 апреля 1932 г.): «Майя <...> была бурно влюблена в Эренбурга, топилась, травилась и т<ак> д<алее> весь ритуал Майиной влюбленности» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 421).

[4] Ева Самойловна Бобровская.

[5] Возможно, В.П. Безобразова.

[6] Намек на предпринятую незадолго до того попытку самоубийства Я.И. Соммер, бросившейся ночью в море и спасенной Волошиным (Труды и дни-2. С. 101).

[7] Г.С. Петров (имевший в Коктебеле дачу) приехал в Феодосию из Батума 24 июня / 7 июля 1920 г.

[8] Сестры Зоя Самойловна и Роза Самойловна Волга; в июне 1920 г., во время отпуска Эфрона, жили в доме Волошина.

121. И.Г. ЭРЕНБУРГУ

Около 16/29 июля 1920 г. Коктебель[1]

Дорогой Илья Григорьевич, твое пребывание в Коктебеле кончилось тем, чего я ожидал давно: ссорой со мной.[2] С начала года я чувствовал, что раздражаю тебя всем строем своей души, понимал опасность и старался реже видеться. С летними жарами и с северо-востоком твое раздражение должно было разразиться.

Предлог – совершенно случаен, т<ак> к<ак> ни в замысле, ни в исполнении маминой мистиф<икации> я участия не принимал.[3] Следовательно виновен только в сочувствии и недонесении (что, правда, по нын<ешним> времен<ам> карается смертной казнью).

Я тебя в свое время принял и полюбил со всеми колючими, резкими и нетерпимыми сторонами. При мне не раз они обращались на других. Из-за того, что сейчас они обращены на меня, я не изменю моих отношений к тебе. Моя дружба далека стороны сантимент<альной>, в кот<орой> мы глубоко чужды друг другу. По отн<ошению> к тебе она выражалась только реальными и дейст<виями>, и услугами, когда ты в них нуждался. Когда тепер<ешнее> наваждение пройдет, ты всегда найдешь во мне прежнюю действенную любовь. Что оно со врем<енем> пройдет, я не сомневаюсь, но, зная тебя, думаю, что не скоро.[4] До свиданья, до новой встречи. Крепко обнимаю тебя.

М. Волошин.[5]

[1] Текст письма сохранился в двух вариантах – карандашном черновике (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 137, л. 7) и машинописи (*Там же*, л. 8; ДМВ). Печатается по машинописи. По рукописному черновику опубликовано в кн.: Почта Ильи Эренбурга. Я слышу всё... 1916–1967 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. М.: Аграф, 2006. С. 40.

[2] В Коктебеле И.Г. Эренбург вместе с женой Л.М. Козинцевой и Я.И. Соммер жил с конца декабря ст.ст. 1919 / начала января н.ст. 1920 г. до сентября 1920 г., описал пребывание там в отдельной главе мемуаров (кн. 2, гл. 13). См.: *Эренбург Илья*. Люди, годы, жизнь: Вос-

поминания: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1. С. 301–308. После затрагиваемого в письме инцидента Эренбург переселился вместе со своими спутницами из дома Волошина на дачу Харламова.

[3] Е.О. Кириенко-Волошина, ввиду участившихся в Коктебеле краж, неоднократно просила Эренбурга убирать на ночь вещи с террасы, но безуспешно, после чего в ночь с 6/19 на 7/20 июля в «воспитательных» целях сымитировала кражу с террасы Эренбурга (кресло, умывальник, молоко). Обнаружив пропажу, Эренбург заявил, что у него с женой украдены также их собственные вещи (Труды и дни-2. С. 101–102). Когда Е.О. Кириенко-Волошина призналась в своей мистификации, Эренбург передал ей через Майю Кудашеву записку следующего содержания:

Ввиду проявленного Вами остроумия, которого мы понять не в силах, тем более в данном состоянии, мы принуждены покинуть Ваш дом. К сожалению, у меня сейчас нет денег. Я оставляю Вам в обеспечение золотую брошку, которую Вы получите от Майи. Будьте любезны указать, сколько я Вам должен за комнаты, а также за разбитую чашку и 1 тарелку, и унесенную (Вами?) кастрюльку. Теперь назначьте время, когда Вы придете принять инвентарь, дабы я мог в это время быть вне дома и избежать встречи с Вами и с Максом, ибо это разрушительно действует на наше здоровье.

Илья Эренбург.

От Елены Оттобальдовны последовал ответ:

Ввиду того, что 6 июня вместе с моими исчезнувшими вещами, в краже которых я созналась, было украдено, как Вы жаловались, на много тысяч Ваших вещей и Ядвиги Иосифовны, а украсть явно могла опять-таки только я, считаю все расходы с Вами поконченными. Что касается инвентаря, то могу принять его только от Вас лично, не желая подвергать неприятным объяснениям Люб<овь> Мих<айловну> и Яд<вигу> Ос<иповну>, которая взяла на себя в защиту Вас подвиг героической лжи и одна пострадала, в чем я чувствую себя глубоко перед нею виноватой.

(К истории «ссоры» Максимилиана Волошина и Ильи Эренбурга в 1920 году / Подгот. текста, публ. и примеч. И. Левичева // Вопросы литературы. 2011. № 4. Июль – Август. С. 403–404).

За этим последовало еще одно письмо от Эренбурга, в котором он категорически просил указать сумму, которую он должен, и выражал готовность сдать «инвентарь» – «предать Вам лично все

взятые вещи, Максимилиану Александровичу книги»: «Но для сего прошу пожаловать ко мне в удобное для Вас время. <...> Принести вещи к Вам или к М<аксимилиану> А<лександровичу> не могу, так как не привык входить в дом людей, оскорбивших меня и близкого мне человека». В ответном письме Е.О. Кириенко-Волошина отказывалась от получения денег за проживание, сообщала о своем понимании действий Эренбурга («...Вы, желая оправдаться, придумали детскую ложь о том, что кража была совершена утром, и что Ваших собственных вещей было похищено на тысячи. Отсюда все Ваше оскорбление и обида») и заявляла, что не придет «для принятия инвентаря»: «Если что пропало – скажете и замените новым. Испорченное – исправите, грязное – почистите» (*Там же.* С. 404–405). В последующих записках к Эренбургу Е.О. настаивала на возмещении всех убытков и выставила счет в 19 000 руб., который 25 июля / 7 августа был выплачен Эренбургом сполна (см.: Труды и дни-2. С. 102–103).

[4] В черновике: «...думаю, что не скоро, только после того как ты покинешь Коктебель и Крым».

[5] Ответ Эренбурга (недатированное письмо) исключал возможность восстановления прежних отношений:

Я не считаю нужным отвечать на твое письмо.

Я оставляю на твоей совести указание на реальные услуги. Отныне твоя "действенная любовь" тобою же приравнена к кастрюлькам, топору и проч<ему> "инвентарю" Ел<ены> Отт<обальдовны>. Верь, что с глубоким отвращением вспоминаю я о каждой обращенной к тебе просьбе. <...> То, что ты говорил обо мне и Ядвиге Иос<ифовне Соммер> – ложь и очень нехорошая. Я великолепно помню твои анекдоты о *прикосновении* к Гумилеву. Если человеку всепонимающему и долготерпеливому позволительно прибегать в известных случаях к подобным урокам, то тем более мне – "колючему" и "нетерпимому". Посему приглашаю тебя заняться иными темами и одновременно с "объятьями и пр<очими> сластями" письма не расточать вещей стыдных и недобросовестных. Не "любви", не "понимания", но хоть известную долю порядочности.

(*Эренбург Илья.* Дай оглянуться... Письма 1908–1930 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2004. С. 99). В воспоминаниях Эренбурга «Люди, годы, жизнь» этот инцидент отражения не нашел.

122. А.А. НОВИНСКОМУ

Около 20 июля / 2 августа 1920 г. Коктебель

Дорогой Александр Александрович,

у меня к тебе две просьбы: первая – достать, как ты сам мне предложил, лекарства. Посылаю тебе два рецепта, прописанных доктором Пашковым, который случайно заезжал в Коктебель. И если возможно, поскорее, т<ак> к<ак> у меня, кроме всего, еще появились очень сильные невралгические боли, и пересла<ть> с ближайшей оказией (только не через Жоржа![1]).

А другая просьба вот: Александр Мандельштам по поручению своего брата украл у Майи экземпляр «Камня» (книга стихов Ос<ипа> Эмил<ьевича>),[2] причем нагло сказал об этом самой Майе: «Если хотите, расскажите: брат не хочет, чтобы его стихи находились у М.А., т<ак> к<ак> он с ним поссорился».[3] Кстати же, эта книга не моя, а Пра. Я узнал об этом, к сожалению, слишком поздно – он уехал к Осипу, и они едут в Батум.[4] Окажи мне дружескую услугу: без твоего содействия в Батум они уехать не могут: верните книгу, а потом уезжайте, не иначе.

Мою библиотеку Мандельштам уже давно обкрадывал, в чем сознался: так, в свое время он украл у меня итальянского и французского Данта. Я это выяснил только в этом году. Но «Камень» я не хочу терять. Я его очень люблю[5] и он еще находится здесь в сфере достигаемости. Пожалуйста, выручи его.

М. Волошин.

P.S. Только что выяснилось, что Мандельштам украденную книгу подарил Люб<ови> Мих<айловне> Эренбург, которая мне ее возвращает, так что моя вторая просьба естественно падает.[6] А о первой очень прошу тебя.

Макс.[7]

[1] Неустановленное лицо. Рецепт доктора Т.А. Пашкова уцелел в архиве Волошина, он выписан 20 июля / 2 августа 1920 г., что является основанием для датировки письма.

[2] Майя – М.П. Кудашева. Имеется в виду кн.: *Мандельштам О.* Камень: Стихи. Пг.: Гиперборей, 1916.

[3] Причиной ссоры (происшедшей, видимо, незадолго до написания письма, в июле) послужил следующий эпизод: О.Э. Мандельштам попросил у Волошина для чтения «Божественную Комедию» Данте в оригинале с параллельным французским переводом; тот, не найдя книгу на соответствующем месте, припомнил, что несколько лет назад Мандельштам не вернул ее и увез с собой в Петроград, и поставил это поэту на вид. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 424–425; *Купченко В.П.* Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 176–183.

[4] О. Мандельштам в это время находился в Феодосии. В Батум он уехал после освобождения из-под ареста, которому подвергся в Феодосии (см. п. 124) – т.е. после 1/14 августа 1920 г.

[5] Анализ книги Мандельштама Волошин дал в статье «Голоса поэтов» (1917). См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 13–21.

[6] В библиотеке Волошина в Коктебеле «Камень» Мандельштама в настоящее время отсутствует: либо книга в свое время так и не была возвращена, либо ее похитили позднее.

[7] Волошин вспоминает в мемуарной записи от 18 апреля 1932 г.: «Я <...> написал письмо Новинскому, где его просил не выпускать М<андельшта>ма из Феодосии, пока он не вернет мне экземпляр “Камня”, похищенного из моей библиотеки. Случилось, что Новинский получил это письмо за завтраком и М<андельшта>м, завтракавший с ним вместе, прочел его. Искренно возмутился и был по-своему прав: похитил со стола у Майи книжку не он, а Эренбург» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 425). После этого Мандельштам отправил Волошину оскорбительное письмо, в котором заявлял, что тот «толстым слоем духовного жира» скрывает «непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина»: «Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я “давно уже” обкрадываю вашу библиотеку и, между прочим, “украл” у Вас Данта, в чем “сам сознался”, и “выкрал у вас через брата свою книгу”. Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником. <...> Из всего вашего гнусного маниакального бреда верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастье потерять 3 года назад вашу книгу. Но еще большее несчастье вообще быть с вами знакомым» (*Мандельштам Осип.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: Прогресс–Плеяда, 2011. Т. 3. С. 376).

123. П.Б. СТРУВЕ

Около 2/15 августа 1920 г. Коктебель[1]

Максимилиан
Александрович
Волошин.
Коктебель. Собс<твенная> дача.

Дорогой Петр Бернардович,

на днях узнал о Вашем возвращении из Парижа в Крым.[2] Очень хотелось бы узнать об общих друзьях: об Александре Васильевне,[3] о которой не имел сведений со смерти Владимира Августовича,[4] то есть с начала Революции.

Но, конечно, не смею и просить Вас сейчас отвечать мне.

Памятуя, что Вы хорошо относились к моим стихам и когда-то цитировали «Ангела Мщенья», мне хотелось Вам прислать кое-что из новых. С начала Революции я пишу стихи только на историческо-общественные темы. Едва ли доходило что до Вас: мои стихи распространялись только в рукописи, т<ак> к<ак> до сих пор сделать издания книгой было невозможно. Посылаю Вам несколько из написанных за последний год. Если они Вам понравятся и покажутся необходимыми для современного политического сознания, то помогите мне. Я послал Врангелю[5] их список с сопроводительными письмами генералов Калинина и Кутепова и просьбу дать мне возможность издать их. Но генералы не авторитеты в поэзии. Кутепова я лично и не знаю: он сам мои стихи узнал от Калинина. Несколько слов с Вашей стороны могло бы иметь громадное значение. А я вот два года не могу добиться возможности издать мою книгу «Неопалимая Купина» здесь в пределах Добровольческой армии, потому что, разумеется, мои стихи не соответствуют литературе, потребляемой комитетами Пропаганды. Я прошу у Врангеля только разрешения получить бумаги из государственных складов и права использовать одну из частных типографий: на все остальное я найду средства: эти же вещи сейчас недоступны частному человеку.[6]

Как поживает Нина Александровна?[7] В Крыму ли она? Письмо это обещал доставить Вам генерал Калинин, едущий сейчас из Коктебеля в Севастополь.

[1] По всей вероятности, это письмо не было направлено адресату. Частично его содержание отражено в п. 124.

[2] П.Б. Струве, министр иностранных дел правительства генерала П.Н. Врангеля, возвратился из Франции в Севастополь 26 июля / 8 августа 1920 г.

[3] А.В. Гольштейн.

[4] В.А. Гольштейн скончался в феврале 1917 г. См.: Т. 10 наст. изд. С. 611.

[5] Стихотворение Волошина «Ангел Мщенья» («Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!..», 1906) было опубликовано впервые в парижском журнале «Красное Знамя» (1906. № 1) и в газете «Двадцатый век» 29 июня 1906 г., а также в составе статьи Волошина «Пророки и мстители», напечатанной в журнале «Перевал» (1906. № 2). По последнему источнику его приводит П.Б. Струве в статье «Из размышлений о русской революции», отмечая, что могущественный психологический мотив русской революции – «чувство ненависти и жажда возмездия» – подчеркнут в этом стихотворении «с замечательной силой» (Русская Мысль. 1907. № 1. Отд. II. С. 129–130).

[6] Попытки Волошина издать книгу «Неопалимая Купина» в Крыму в 1920 г. успехом не увенчались. В архиве Волошина сохранился авторский макет книги «Неопалимая Купина (1917–1919)», сформированный в 1920 г., с пометой «Полный экземпляр» и сквозной авторской нумерацией (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99). В этой, первоначальной версии книги стихотворения распределены по трем разделам: «Ангел Мщенья» (17 стихотворений), «Демоны глухонемые» (11 стихотворений), «Неопалимая Купина. Стихи революции» (13 стихотворений). Подробнее см.: Т. 1 наст. изд. С. 507–508.

[7] Н.А. Струве.

124. П.Б. СТРУВЕ

Около 2/15 августа 1920 г. Коктебель[1]

Д<орогой> Пет<р> Берн<ардович>,

2 недели назад арестован Феодосийской контрразведкой известный поэт О.Э. Мандельштам.[2] Вы, конечно, помните его и его стихи по «Аполлону», «Цеху Поэтов»[3] и другим эстетским кругам. Вместе с Ахматовой он является самым талантливым представителем последнего поколения петерб<ургских> поэтов. Он арестован по обвинению в большевизме – обви-

нению нелепому, т<ак> к<ак> никогда никакими политическими убеждениями не обладал, а настроения его менялись ежеминутно. В нормальное время, конечно, этот арест разрешился бы сам собою. Но Вы знаете, что представляют из себя теперешние тюрьмы и контрразведки, куда Врангелевские реформы проникают медленно и туго. Мандельштам человек крайне нервный и панический, и уже через несколько дней он был переведен в психиатрич<еское> отделение тюрем<ной> больницы. Так что даже простое предварител<ьное> заключение для него может кончиться душевным заболеванием. За то, что он никакого отношения к коммунизму не имеет и в жизни никакой партийной политической работой не занимался, я могу Вам безусловно поручиться. Я думаю, что одного Вашего слова, Петр Бернардович, достаточно было бы, чтобы его освободили на поруки, или ускорили бы производство следствия, т<ак> к<ак> обвинение до сих пор никак не формулировано.[4]

Очень хотелось бы повидаться с Вами, Петр Бернардович, узнать парижские новости. Видали ли Вы Александр<у> Васильев<ну>?[5] Я со смерти Влад<имира> Авг<устовича>[6] не имел от нее новостей. Как поживает Нина Алекс<андровна>?[7]

Едва ли до Вас доходили мои стихи времен Революции. Я с самого начала ее оставил лирику и могу писать только на обществ<енно>-исторические темы. Пользуюсь случаем (это письмо обещает Вам доставить генерал Калинин, котор<ый> едет от нас в Севастополь) (*на этом текст обрывается*)

[1] Текст письма известен в двух вариантах – незаконченный рукописный черновик (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 119) и беловая машинопись, от которой сохранился лишь первый лист (ДМВ). В основном корпусе воспроизводится текст черновика, как более полный; текст машинописи, отправленный адресату, приводим ниже:

Максимилиан Александрович Волошин.
Коктебель. Соб<ственный> дом.

Дорогой Петр Бернардович,
две недели тому назад арестован Феодосийской Контр-Разведкой известный поэт Осип Эмильевич Мандельштам, которого Вы,

конечно, помните по «Цеху Поэтов» и по его стихам в «Аполлоне» и другим эстетским изданиям. Вместе с Ахматовой он является самым талантливым представителем последнего поколения петербургских поэтов. Арестован он по неформулированному обвинению в большевизме: обвинению нелепому, т<ак> к<ак> он никогда никаких убеждений, кроме филологических, не имел, а политические его настроения менялись ежеминутно, как у поэтов водится. Что представляют из себя теперешние тюрьмы и контрразведки, куда Врангелевские веяния проникают медленно и туго, – Вы знаете. Мандельштам человек крайне нервный и панический и уже через несколько дней был переведен на испытание в психиатрическое отделение тюр<емной> больницы. Даже простое предварительное заключение при нынешних условиях может для него кончиться душевной болезнью. За то, что он никакого отношения к коммунизму не имеет и никогда никакой партийной работе не был причастен – я могу Вам поручиться. Одного Вашего слова или телеграммы, (*Следующий лист утрачен.*)

[2] О.Э. Мандельштам был арестован в Феодосии, видимо, 22 июля / 4 августа 1920 г.; в этот день полковник Астафьев, начальник Феодосийского Наблюдательного пункта Особого отдела Штаба главкома Вооруженных Сил Юга России, направил в прокуратуру постановление об аресте Мандельштама по подозрению «в принадлежности к партии коммунистов-большевиков» (*Зарубин В.Г.* К вопросу об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму // Русская культура и Восток: Материалы. Симферополь, 1993. С. 78).

[3] «Цех Поэтов» – литературное объединение, основанное Н.С. Гумилевым и С.М. Городецким осенью 1911 г. в Петербурге и существовавшее до осени 1914 г., Мандельштам был его деятельным участником. См.: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. С. 23–39.

[4] Об аресте Мандельштама Волошин вспоминает в мемуарной записи от 19 апреля 1932 г.: «...все друзья М<андельш>тама стали меня уговаривать, что я *должен* за него заступиться. Раньше я мог делать или не делать. Это было в моей воле. А теперь (после того, как он мне написал ругательное письмо <см. примеч. 7 к п. 122. – *Ред.*>) я *обязан* ему помочь <...> было решено: я напишу под диктовку письмо начальнику Контр-Разведки» – и далее (видимо, по памяти) привел текст письма (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 426); вариант текста этого письма воспроизвел в своих мемуарах Э.Л. Миндлин:

«Начальнику Политического Розыска Г-ну Апостолову

Поэта Макс. Волошина

Заявление

Политическим розыском на этих днях арестован поэт Мандельштам. Т<ак> к<ак> Вы по своему служебному положению вовсе не обязаны знать современную русскую поэзию, то считаю своим долгом осведомить вас, что Ос. Мандельштам является одним из самых крупных имен в последнем поколении русских поэтов и занимает вполне определенное почетное место в истории русской лирики.

Сообщаю Вам это, дабы предотвратить возможные всегда ошибки, которые для Вас же могут оказаться неприятными.

Мандельштам, как большинство поэтов, человек крайне нервный, поддающийся панике, а за его духовное здоровье перед культурной публикой в конце концов будете ответственны Вы».

(*Миндлин Эм.* Необыкновенные собеседники: Литературные воспоминания.. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1979. С. 34–35).

Согласно Миндлину, поначалу его попытка уговорить Волошина написать ходатайство в защиту арестованного поэта не увенчалась успехом (тот раздраженно упоминал про «оскорбительное, злое письмо» Мандельштама), но на него подействовали доводы Эренбурга («...мне кажется, что Волошин просто хотел, чтобы к нему пришел Эренбург, – ждал примирения», – добавляет Миндлин). Заявление Волошина передали по адресу В.В. Вересаев и М.П. Кудашева: «Заявление это вкупе с княжеским титулом Майи, славой Вересаева и энергичными хлопотами полковника-поэта Цыгальского произвели впечатление» (*Там же.* С. 33–35). 1/14 августа постановлением полковника Астафьева Мандельштам был освобожден из-под стражи, поскольку подозрение в участии его в деятельности большевистской ЧК «расследованиями и опросами» не подтверждено (Труды и дни-2. С. 104). Несколько иную интерпретацию событий дает в своих воспоминаниях Н.Я. Мандельштам (очевидицей происходившего не бывшая): «Я хочу рассеять еще одну легенду – ту, что пустил Эренбург, – будто из врангелевской тюрьмы Мандельштама спас Волошин. <...> Эренбург бросился к Волошину и с огромным трудом заставил его сдвинуться с места и поехать в Феодосию, чтобы спасти арестованного. <...> Волошин проканителил несколько дней, а когда он явился в Феодосию, Мандельштама уже выпустили на свободу. Своим освобождением он обязан полковнику Цыгальскому <...> Что же касается до Волошина, я думаю, что никакого обмана не было. Вернувшись, он просто сказал Эренбургу, что Мандельштам

выпущен, а Эренбург решил, что вытащил его Волошин» (*Мандельштам Надежда.* Вторая книга. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 77–78). Эта версия противоречит свидетельствам Миндлина о том, что Волошин сам не ездил с заявлением в Феодосию, а также передаваемым им словам Эренбурга, согласно которым «Волошин сразу вызвался помочь Мандельштаму».

[5] А.В. Гольштейн.

[6] См. примеч. 4 к п. 123.

[7] Н.А. Струве.

125. Л.А. НЕДОБРОВО

28 августа / 10 сентября 1920 г. Коктебель

28 августа 1920.
Коктебель.

Дорогая Любовь Александровна,

Ваше письмо от 15 июня я получил поздно, но все же месяца полтора назад, в то время, как был болен ревматизмом плеча и не мог двинуть рукой. Это длилось довольно долго. Вообще все это лето с весны мне не везет: перехожу от одной болезни к другой, чего со мной никогда не бывало, но главным образом меня донимают страшные головные боли, которые очень мешают работать и думать. Это все мне и помешало ответить Вам, а также приехать в Ялту, о чем все время мечтаю и не оставляю мысли:[1] надеюсь, что в октябре или в ноябре мне удастся: сейчас мешают некоторые литературные и живописные заказы, которые необходимо раньше исполнить. А в Ялту к Вам мне очень хочется – я об этом с весны мечтаю, но все время встают различные помехи.

Все же я в промежутках между разными болезнями успевал работать: посылаю Вам два летних стихотворения: «Дикое Поле» и «Северо-восток».[2] Много занимался тоже живописью – теперь это для меня единственный источник существования.

Устроить вечер памяти Николая Владимировича – необходимо.[3] Но есть ли у Вас в Ялте все им написанное? Это необ-

ходимо. Необходимо теперь же подготовить для издания все оставшееся от него, хотя бы самого издания и невозможно было бы сделать теперь. Или его рукописи остались в Петербурге?

Нат<алью> Серг<еевну> давно не видал,[4] но слышал, что она должна была уехать в Америку, где получила место в одной семье, с которой познакомилась здесь. (Я в Феодосии с марта месяца не был).

Миллиоти я знаю давно, но мало. Ясно представляю себе то, что Вы о нем пишете.[5]

До свиданья и, надеюсь, на этот раз до скорого, дорогая Любовь Александровна. Привет Юлии Леонидовне.

[1] В письме к Волошину из Ялты от 15/28 июня 1920 г. Л.А. Недоброво признавалась: «Все первое время после смерти Николая Владимировича, кроме Юлии Леонидовны <Сазонова-Слонимская. — *Ред.*>, единственного человека хотелось мне видеть — Вас; и теперь это желание не прошло, и мне бы очень, очень хотелось, чтобы Вы побывали здесь у нас <...> а, м<ожет> б<ыть>, в недалеком будущем я бы даже смогла предложить Вам приют у себя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 873).

[2] См. примеч. 2 к п. 120. Стихотворение «Северовосток» («Расплясались, разгулялись бесы...») завершено 31 июля 1920 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 335—337.

[3] В цитированном выше письме Л.А. Недоброво сообщала: «Юлия Леон<идовна> познакомилась с пианистом Ефременко и оч<ень> его одобрила. Он оказался большим почитателем Николая Владимиров<ича> и настаивает на устройстве вечера в память Н.В. *Когда Вы здесь будете*, надо на это согласиться, т<ак> к<ак>, хотя нам обеим инстинктивно тяжела всякая публичность, но Юлия Леон<идовна> говорит совершенно правильно, что теперь, когда он далеко, мы, оставшиеся, *должны свидетельствовать о нем*, и я знаю, что и Вы этого хотите». Вечер памяти Н.В. Недоброво в Ялте, насколько известно, не состоялся.

[4] Отклик на заключительную фразу письма Л.А. Недоброво: «Привет Наташе Ольхиной и Богаевским».

[5] В том же письме Л.А. Недоброво сообщала, что она и Сазонова-Слонимская «оч<ень> подружились за последние месяцы» с Н.Д. Милиоти: «...какой этот самодовольный красавец в сущности несчастный человек и как он цепляется за нас двух больных и усталых женщин; надо, чтобы Вы с ним сблизились: он трогателен в дружбе, а Вы ему будете в помощь своей добротой».

126. А.Н. ИВАНОВОЙ

9/22 сентября 1920 г. Коктебель

Коктебель. 9 сентября, 1920.

Милая Нюша, вчера пришло Ваше письмо из Парижа и так скоро! Значит, можно сообщаться почтой. До сих пор у меня не было ни разу соблазна о Париже. Но теперь, когда я узнал, что Вы и Бальмонт там, сразу поднялась тоска.[1] Но все равно это неосуществимо – и в смысле денежных средств, и невозможность покинуть маму. Внешне мы прожили эти годы вполне благополучно: нас не расстреливали, нас не грабили, мы не померли от голоду. Дом и мои книги сохранились нетронутыми, несмотря на перемены режимов, несмотря на то, что нас бомбардировали (в Коктебеле был десант).[2] Одесская Чрезвычайка грозилась меня расстрелять, а добровольческая контр-разведка повесить, но ни одна из угроз не привела <*так!*> в исполнение. Из Одессы я перебрался в прошлом году в Крым на лодке с тремя большевиками-матросами сквозь французскую блокаду.[3] Стихи мои о России распространялись и по сю и по ту сторону фронта, но вопреки здравому смыслу и моим ожиданиям издание их оказалось возможным в Совдепии и невозможным здесь. Там меня считают монархистом, а здесь большевиком. При большевиках мой дом является убежищем для белых, при добровольцах – для красных. Вообще единственное, что я делаю в сфере общественной, – это всеми силами мешаю людям истреблять друг друга. Благодаря этому мне пришлось вмешаться и в несколько политических процессов. Могу с гордостью сказать, что я единолично без всякой посторонней помощи провел процесс генерала Маркса (извест<ного> фольклориста и археографа), которого хотели расстрелять за большевизм, и добился у Деникина его полного оправдания.[4] Для этого я прошлым летом ездил в Екатеринодар.

Что здесь тяжело – это постоянные передвижения фронта и смены режимов: все время живешь в осажденной крепости: фронт то на Перекопе, то на Керченском полуострове совсем на виду. Материальные условия жизни только

теперь стали совсем круты. Цены — португальские: 1000 р. — самая малая единица и соответствует старым 5 коп<ейкам>. Соответственно и цены на продукты. Так что в этой области приходится очень туго, и спасает только приспособленность к аскетизму. Но иностранцам при соответственном курсе крымская жизнь кажется верхом дешевизны.

Выехать из Крыма всегда возможно и даже не так трудно, но до сих пор, когда я думал о Париже, у меня не было никакого соблазна и мне казалось, что именно теперь там будет страшная тоска по России, что нужно эти годы пережить здесь, не покидая ее. И вот только теперь, после Вашего письма, я почувствовал впервые настоящую тоску по Парижу и желание вернуться туда.

Эту зиму с нами зимовала Майя со своей матерью и ребенком.[5] Муж ее — Сережа Кудашев — умер от тифа во время отступления.[6] В декабре приехал Эренбург, который женился в Киеве на очень красивой интересной и талантливой художнице Козинцевой.[7] Всю зиму он провел в моем доме, но весной со мной поссорился страшно нелепым манером, выселился, вел себя как безумный, делал массу бестактностей и теперь уехал с женой в Батум, кажется, с надеждой пробраться в Москву.[8] Жил здесь зимой тоже Мандельштам, тоже уехал в Батум.[9] Из литераторов в Коктебеле живут Пол<иксена> С<ергеевна> Соловьева, Гр<игорий> Петров и Вересаев.

Герцыки и Жуковские в Судаке. Мы видимся редко. Проезд туда труден, а сейчас горами и совсем нет пути, так как Судак окружен зелеными (организации разбойников и дезертиров с красным оттенком), которые сейчас занимают всю горную часть Крыма от Алушты и до Судака. Но у Герцыков все благополучно. Сергей Эфрон — муж Марины — на фронте, в Марковском полку.[10] Иногда он вырывается в Коктебель на несколько дней. Он один из очень немногих добровольцев первого призыва, оставшихся в живых, и его берегут. Но уже месяца два от него ничего не было, и я не знаю, как прошли для него последние очень трудные бои.

Здесь в Феодосии недавно была Зоя Жекулина проездом к своей матери в Сербию, но я ее не видал, т<ак> к<ак> не был

в городе уже полгода. Ее сестра – Лосиевская, кажется, еще и теперь там. Александра Михайловна[11] кое-как перебивается с кучей детворы – детей ее брата, который сам на войне. Всю зиму ее дом был реквизирован и стояли кубанцы, так что ей приходилось очень тяжко. Лампси и Латри уехали в Грецию весною, когда приход большевиков казался неизбежным. Латри разошелся с Ариадной Николаевной и вновь женился, она же живет в Симферополе. Нина Алекс<андровна> Айвазовская в Феодосии живет очень широко и гостеприимно, и собирается в Париж. Феодосия очень обезображена, загрязнена, полна эпидемиями, переполнена солдатами, лишена воды, кишит спекулянтами и является самым дорогим городом в Крыму. Богаевского не видно и не слышно: с тех пор как в 17 году его отпустили с военной службы, он принялся с трудом за работу и теперь более невидим, замкнут и молчалив, чем когда-нибудь. Совсем поседел.

Сам я все эти годы провел в Коктебеле, кроме зимы 18–19 года, когда я поехал читать лекции по Крыму, проехал в Одессу к Цетлиным, и там меня застал приход большевиков. Выбрался я оттуда, как уже упоминал, на лодке и добрался до Коктебеля незадолго до прихода добровольцев, а после их прихода немедленно начал новое странствие в Екатеринодар и Ростов в связи с делом Маркса. С тех пор никуда не выезжал больше. Все время очень много работаю над стихами и живописью. Только этот год мне не везет: мешают страшные головные боли и разные болезни. Доктор говорит, что у меня в очень плохом состоянии почки благодаря недоеданию, истощению и сильной нервной работе. И хоть бы я похудел от этого! Но этого утешения мне не дано. Но поседел я сильно и принимаю все больше вид «маститого». В смысле заработка меня выручает живопись: кое-что продается. С лекциями и с изданиями, разумеется, плохо. Дом и отдача комнат, разумеется, не дают ничего, т<ак> к<ак> до этого года мы цен на них не подымали (с начала войны), а теперь подняли до 1–2 тысяч, когда комнаты идут уже за 30–40 тыс<яч>в месяц, а в городах по 100, по 200 тыс<яч>.

Сейчас у меня вся надежда на американцев: один из членов миссии заказал мне 50 акварелей за 1000 франков. Это

ничтожно для Парижа, но здесь это свыше 2 миллионов. Но акварели написаны, а мой американец что<-то> не появляется, боюсь, надует.

Стихи я могу писать только о России и о текущем – ни одного лирического стихотворения не смог написать за все эти годы. Посылаю Вам последние мои стихотворения.[12] Все же остальные: все написанное за эти годы я дал Шервашидзе – спросите у него: он должен быть, если не в Париже, то в Лондоне. Я ему поручил устроить их издание за границей,[13] и, если ему это, вы услышите, удастся, то, пожалуйста, перешлите ему для этого издания «Дикое Поле» и «Северовосток», которых у него нет: они написаны после его отъезда. А если можно коечто из посылаемого напечатать раньше в русских изданиях и получить гонорар франками, то, пожалуйста, сделайте это.

Все, что Вы пишете о людях, – новость: ведь уже полтора года ни одной вести из Москвы на юг не проникало: болезнь Маргори, замужество Нины (!!!?), смерть младшей дочери Марины, все это, конечно, не было известно.[14] Почему Маргоре не дают права на выезд? Как живет Ляйза?[15] Маргарита Алексеевна и Василий Михайлович?[16] Есть ли какие-нибудь вести о Чуйко? Почему Екатерина Алексеевна осталась на Урале? А Леля Анненкова? Да, Бориса Лемана и Лилю Дмитриеву я видел в прошлом году долго и подробно в Екатеринодаре,[17] но при отступлении они остались там, и я боюсь и ничего не знаю об их судьбе: оба они служили в «Осваге»,[18] а большевики круто расправлялись со всеми, служившими в бюро пропаганды.

Кого Вы видите в Париже: Толстых, Цетлиных?

Я только из Вашего упоминания об Александре Васильевне[19] понял, что она жива и все благополучно. Я ей два раза писал с оказиями,[20] но не имею понятия, дошли ли мои письма. Несмотря на то, что, казалось бы, с Крымом должны были существовать письменные сношения, но мы живем здесь совершенно изолированные от прочего мира и даже политические известия доходят до нас случайно и редко. А английские и американские моряки, которые нередко заезжают ко мне (я, очевидно, значусь в числе местных достопримечательностей,

требующих осмотра), относительно политических новостей бывают немы, как рыбы — запрещено им, что ли, разговаривать с туземцами о политике... Не понимаю, как Ваше письмо дошло до меня и еще так быстро. Но адреса Вашего на конверте не оказалось, вероятно, потому, что конверт был другой, уже севастопольский. Поэтому это письмо пошлю по адресу Александры Васильевны и попробую послать через французского консула.

Пожалуйста, если окажется возможность продолжать переписку, напишите мне подробно поименно обо всех знакомых.

Крепко обнимаю Бальмонта. Над чем он работал зимой? Оказалась для него возможность найти литературную работу в Париже? Что делает Толстой? Цетлины? Как сложилась жизнь Гольштейнов после смерти Вл<адимира> Авг<устовича>?[21] Очень приветствую Александру Вас<ильевну>, Лоло, ТаТá и Каролину.[22] Как А<лександра> В<асильевна> относится к моим стихам о России? Я ведь ей посылал их.

Напишите тоже о московских друзьях. Что с Белым?

Известно ли что-нибудь о Дорнахе?[23]

Как живут Цетлины в Париже? Собираются ли у них?

Что слышно о Савинкове и его предприятии?[24] Бывает ли он в Париже? В Париже ли Аргутинский? Что нового в живописи? Видали ли Вы Риверу? Передайте ему мой самый горячий привет .

Если удастся напечатать мои стихи, что я посылаю, в Париже, то, пожалуйста, на полученный гонорар подпишитесь для меня на «Меркюр де Франс»[25] (если возможна его доставка... может, через дипломатическую миссию — Струве?) и время от времени присылайте мне пачки прочитанных газет, и попросите о том же Цетлиных. А если будет какая-нибудь оказия, то ради Бога пришлите мне (из гонорара же) акварельных красок *в таблетках* (кобальт, ультрамарин, темные краплаки, охры, сиены, умбры, итальянскую землю, емерод хромы, черных, вермильон), насколько хватит денег по несколько таблеток каждой — особенно синих и краплаков.

Здесь совсем нельзя достать красок, и мы с Богаевским погибаем, так что я ему подарил большинство запаса, приве-

зенного во время войны из Парижа. Страшно нужно акварельной бумаги, но ведь ее переслать совсем невозможно. Хотя и то, о чем я прошу, тоже мало возможно...

До свиданья, милая Нюша. Большое спасибо за Ваше письмо. Привет Ел<ене> Кон<стантиновне> и Мирочке.[26] Напишите тоже о французских друзьях: Гили? Мерсеро? Озанфан?

Быть может, журналы и акварель можно переслать при помощи общест<ва> помощи рус<ским> литераторам, во главе которого стоит Чайковский?[27]

[1] В письме от 13/26 августа 1920 г. А.Н. Иванова сообщала: «мы с К.Д., Е. и М. в Париже вот уже две недели. Выбраться было нелегко. Ек<атерина> Ал<ексеевна>, к сожалению, осталась в России на Урале и оттуда не может выехать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 157–158 об. Упоминаются К.Д. Бальмонт, Е.К. Цветковская, их дочь Мирра и Е.А. Бальмонт).

[2] См. примеч. 3 к п. 81.

[3] См. примеч. 3 к п. 78.

[4] См. п. 81–85.

[5] См. п. 98, примеч. 10.

[6] В феврале 1920 г. М.П. Кудашева составила в Коктебеле прошение о выдаче денежного пособия в Пенсионный отдел Штаба главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России ввиду смерти (27 января) от сыпняка ее мужа, подпоручика князя С.А. Кудашева, служившего в Донском броневом дивизионе (Труды и дни-2. С. 95).

[7] Бракосочетание И.Г. Эренбурга и Л.М. Козинцевой состоялось в Киеве 13 августа 1919 г.

[8] См. п. 121, примеч. 2, 3. Эренбург вместе с Л.М. Козинцевой-Эренбург и Я.И. Соммер переправился на барже из Феодосии в Сухум, оттуда через Поти в Тифлис, где они прожили две недели; в середине октября прибыли в Москву.

[9] См. п. 122, примеч. 4.

[10] Отклик на вопрос А.Н. Ивановой, сообщившей в своем письме сведения о Марине Цветаевой: «Не знаете ли что о муже Марины. Мы часто с ней видались в Москве. Ей очень трудно живется. Она с Алей в Москве все время на прежней квартире. Вторая девочка умерла». Младшая дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона Ирина умерла 2/15 февраля 1920 г. В Добровольческой Армии С.Я. Эфрон служил в 1-м Сводно-офицерском полку под командо-

ванием генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова (1878–1918), который после гибели командира именовался 1-м Офицерским пехотным генерала Маркова полком.

[11] А.М. Петрова.

[12] «Дикое Поле» и «Северовосток». См. примеч. 2 к п. 120, примеч. 2 к п. 125.

[13] См. п. 113.

[14] В цитированном письме А.Н. Иванова сообщала: «Маргоренька <М.В. Сабашникова. – *Ред.*> очень стремится за границу, но не может получить разрешения. Она осенью была больна тифом. После этого жила в разных санаториях. Одно время мы были в санат<ории> с ней вместе. Когда я уезжала, она уже совсем оправилась, но остала<сь> еще там как преподавательница подвижных игр в детской колонии. Она очень тоскует, что не может отдаться живописи. К.Д. <Бальмонт. – *Ред.*> безумно много работал этой зимой, очень переутомился и теперь ужасно подавлен, т<ак> к<ак> не знает, как устроятся здесь его литературные дела. Парижу он совсем не радуется. Уехали мы легально, но хлопотали об этом месяца четыре. Ехали через Ревель, Штеттин, Берлин. В Ревели из-за всяких бумаг просидели целый месяц. <...> Бываем с К.Д. у Ал<ександры> Вас<ильевны> <Гольштейн. – *Ред.*>. Так было радостно ее увидеть. Она внешне совсем прежняя. <...> Нина <Н.К. Бальмонт. – *Ред.*> вышла замуж за Леву Бруни, у них четырехмесячный сын».

[15] Домашнее имя Елизаветы Николаевны Гофман (урожд. Ивановой; ок. 1876–1941), сестры А.Н. Ивановой.

[16] М.А. и В.М. Сабашниковы.

[17] Волошин встречался с ними во время пребывания в Екатеринодаре в июне – июле 1919 г., куда он приезжал в связи с делом генерала Н.А. Маркса.

[18] См. примеч. 2 к п. 108. Е.И. Васильева числилась в Информационном отделе Освага, руководимом Б.А. Леманом, журналисткой (переводы иностранной корреспонденции, писание листовок). См.: *Агеева Лариса*. Неразгаданная Черубина: Документальное повествование. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 203).

[19] А.В. Гольштейн.

[20] См. п. 115, а также письмо от 17 июля 1917 г. (Т. 10 наст. изд. С. 610–612).

[21] См. п. 123, примеч. 4.

[22] Лоло – внук А.В. Гольштейн Алексей Юльевич Семенов, ТаТá – ее внучка Наталья Юльевна Семенова, Каролина Яковлевна – служанка в доме Гольштейн.

[23] Волошин находился в Дорнахе, где участвовал в работах по возведению антропософского центра Гётеанума, с августа 1914 г. до января 1915 г.

[24] В 1918–1919 гг. Б.В. Савинков находился в Париже, где был посланником А.В. Колчака, возглавлял колчаковское бюро печати «Унион», организовывал оказание материальной помощи Колчаку, а затем и А.И. Деникину; с января 1919 г. – член Всероссийской дипломатической делегации в Париже.

[25] «Mercure de France» – французский ежемесячный литературный журнал, основанный А. Валлетом в январе 1890 г. (с 1905 г. – два раза в месяц); тесно связан с символизмом.

[26] Е.К. Цветковская и М.К. Бальмонт.

[27] В 1920 г. Н.В. Чайковский был председателем Комитета помощи литераторам (русским писателям) и ученым в Париже.

127. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

10/23 сентября 1920 г. Коктебель

Коктебель.
10 сентября 1920.

Дорогая Александра Васильевна,

я несколько раз писал Вам за эти годы, но едва ли мои письма доходили до Вас.[1] В прошлом году я имел сведения о Вас от мистера Вильямса,[2] которого встретил в Екатеринодаре. А теперь из письма Нюши,[3] которое каким-то чудом дошло до меня из Парижа: первое письмо из-за границы за эти годы. Здесь полная отрезанность от всего мира, хотя казалось бы, что Крым-то мог быть в постоянном общении с Европой. Но что ж поделаешь, когда даже местная почта начала только-только налаживаться теперь кое-как и понемногу при Врангеле.[4]

Для нас эти годы прошли, благополучно, хотя фронт несколько раз перекатывался через нас, мы видали и бомбардировки, и десанты, но никуда не убегали, и, может быть, это и сохранило до сих пор нетронутым наш дом.

Мама очень постарела за эти годы, больна энфиземой легких и не могла бы никуда бежать.

Правда, здесь мы были свободны от давящего и однообразного ужаса большевистского режима, какой господствует на Севере, но зато здесь мы испытали все прелести гражданской войны со всем ее разнообразием. Жестокости расправ с обоих сторон превосходят всякое вероятие и совершаются походя, как самая обычная вещь. Закон уподобления на противников действует во всей полноте. Рядом и на глазах совершается все то, о чем мы когда-<то> с ужасом читали в истории Смутного времени, Петровских и Иоанновских казней, и в то же время и воображение, и сердце каким-то образом приспосабливаются, притупляются, а линия индивидуальной судьбы так гнется, что проходишь безопасно и невредимо сквозь тесный строй опасностей.

Большевиков мы видели у себя дважды, и первое их господство – разложение Черноморского флота – было кроваво и страшно. Второе – томительно и тяжко, потому что мы были верстах в пятнадцати от линии фронта. Были мы и под немцами, и под французами, и под англичанами, и под татарским правительством, и под караимским.

Боюсь, Александра Васильевна, что мы с Вами и теперь, как и во время войны, во многом не будем согласны, потому что и теперь для меня не так важны политические программы и стороны, сколько человеческая личность. Но это мне очень помогало и помогает в тех условиях, в которых приходится жить. Я свободно подхожу к большевику и к монархисту, и к матросу, и к генералу. И вот неожиданный опыт гражданской войны: чем человек более жесток и более обагрен кровью, тем легче с ним иметь дело, если подходишь к нему без злобы, без страха и без осуждения. Проливаемая кровь смягчает волю, делает ее пластичной, как воск, подчиняющейся чужой воле почти как под гипнозом, я это проверил многократно в разных столкновениях с самыми страшными начальниками – Контрразведок и Чрезвычаек, когда приходилось отстаивать чужие жизни.[5]

Но никогда, кажется, мне так хорошо не работалось и не писалось, как в эти годы. Обстановка постоянной небезопасности и неуверенность в завтрашнем дне дают работе особую сосредоточенность. Но не будучи ни с одной из борющихся

сторон, я в то же время живу только Россией и в ней совершающимся, и все стихи мои, написанные за эти годы, отвечают только на текущие события. Я Вам посылал их в письмах, а если они не дошли, то, вероятно, Вам их показывал и читал Шервашидзе, которому я дал полный экземпляр книги с просьбой и полномочиями издать ее в Париже или Лондоне.[6] Посылаю в этом письме несколько новых стихотворений, написанных уже после отъезда Шервашидзе, а Вас прошу, прочтя их, передать Нюше вместе с письмом[7] (она мне не написала своего адреса).

Я прошу Нюшу, если возможно, напечатать их в русских изданиях, выходящих теперь за границей, а на гонорар купить и выслать мне акварельных красок и журналов, а Вас, Александра Васильевна, очень прошу присоединить к этому и несколько книг (как художественных, так и научных, так и политических – из самых примечательных, вышедших за последние три года) и помочь ей найти верную оказию, с которой можно переслать их в Крым. Может, это возможно сделать через Струве: ездят же к нему курьеры.[8] Очень тоже прошу Вас о прочитанных газетах, как бы стары они ни были, потому что мы здесь совершенно лишены сведений с Запада, а местные газеты пишутся людьми, которые совершенно не интересуются и ничего не понимают в Европейской жизни.

Я очень часто мысленно сижу с Вами в Вашей рабочей комнате, зеленой от каштановых листьев, которые теперь, верно, уже совсем бронзовые.

Крепко обнимаю Лоло, Тата, Каролину.[9] Где теперь Ука?[10] Что с Валерианом Николаевичем?[11] Удалось ли ему выбраться из Петербурга? Что Лев Николаевич?[12]

До свиданья, Александра Васильевна. Надеюсь, что я все-таки рано или поздно попаду снова в Париж и увижу Вас.

Всего лучшего.

Мне очень хочется, конечно, знать Ваше мнение о моих стихах о России.

Если будет возможность мне купить и выслать несколько книг, то мне в числе их хотелось бы нечто, что суммировало бы опыт Европейской войны.

Максимилиан Волошин.

[1] Известно только одно письмо Волошина к А.В. Гольштейн за этот период, переданное с А.К. Шервашидзе. См. п. 115, примеч. 2.

[2] См. примеч. 26 к п. 114.

[3] В письме от 26 августа 1920 г. к Волошину А.Н. Иванова кратко упомянула: «Бываем с К.Д. <Бальмонтом. – *Ред.*> у Ал<ександры> Вас<ильевны>. Так было радостно ее увидеть. Она внешне совсем прежняя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 158 об.).

[4] Генерал П.Н. Врангель был назначен главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) вместо А.И. Деникина 22 марта / 4 апреля 1920 г.

[5] Речь идет о защите генерала Н.А. Маркса. См. примеч. 4 к п. 81.

[6] См. примеч. 2 к п. 114.

[7] А.Н. Иванова. См. п. 126.

[8] П.Б. Струве с апреля по ноябрь 1920 г. возглавлял Управление внешних сношений в правительстве П.Н. Врангеля в Крыму. Об отношениях Волошина и Струве см.: *Купченко В.П.* «Я его знаю давно и близко». М.А. Волошин и П.Б. Струве // Вестник русского христианского движения. 1993. № 167. Январь. С. 156–166.

[9] А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова, Каролина Яковлевна.

[10] А.В. Гольштейн, сын А.В. Гольштейн.

[11] В.Н. Вебер.

[12] Л.Н. Вебер.

128. Б.В. САВИНКОВУ

28 сентября / 11 октября 1920 г. Коктебель

Максимилиан Александрович Волошин. — Коктебель. 28 сент<ября> 1920 года.

Дорогой Борис Викторович,

Пользуюсь редкой оказией: отъездом генерала Калинина, который это лето жил в моем доме в Коктебеле, в Варшаву, чтобы перекликнуться с Вами.[1]

Вести о Вас изредка доходят: старые через общих знакомых, новые из газет. Последние фантастичны – Вы много раз умирали и были замешаны в небывалых предприятиях. Но

смертям Вашим я не верю, т<ак> к<ак> убежден, что судьба Вас хранит для роли чрезвычайной и что Вы скажете одно из последних слов в русской смуте.

О Вас в 17 году подробно рассказывал Эренбург в первый свой приезд в Коктебель.[2] В 18 г. Цетлины, Немиц. Я с 17 года живу в Коктебеле с редкими отлучками по берегам Черноморья. Смены режимов проходят надо мной. Деятельностью я не принимал никакого участия в Революции, если не считать того, что всеми силами, посколько это было в моих возможностях, мешал истреблению одних русских людей другими. Но жил и живу эти годы только совершающимся и не написал за все это время ни одного стихотворения, которое не было бы о России. Мое отношение к текущему – то же, что было во время войны: я отнюдь не нейтрален и не равнодушен, но стремлюсь занять ту синтетическую точку зрения, с которой борьба всех в настоящую ми<нуту> противопоставленных сил представляется истинным единством России и Русского духа. И действительно, временами удается достигнуть реального представления о том, как все враждующие и истребляющие друг друга единым, дружным и братским порывом строят великое здание грядущей России. Верю глубоко, что все, что здесь на земле является ненавистью, враждой, убийством, есть истинное и полное слияние в духовном мире. (Как любовь физическая есть конкретное выражение духовного разделения и антипатии). Это закон зеркальности.

Вероятно, этому чувству я обязан тем, что многие мои стихи, несмотря на то, что они написаны на самые острые политические темы, оказались приемлемы для обеих сторон. Но им приходится распространяться в рукописях, т<ак> к<ак> единственное издание, в малом количестве экземпляров и далеко не полное, удалось сделать только при большевиках в Харькове.[3] До Вас, верно, стихи мои не доходили, поэтому посылаю Вам то, что у меня сейчас есть в дубликатах из последних стихов, вышедших уже после «Демонов Глухонемых». Они Вам дадут представление о моем отношении к Революции и гражданской войне.

Сейчас же для России необходимее всего деятели практические, умеющие преодолеть всякую собственную политическую идеологию ради реальных необходимостей страны. Врангель до сих пор производит впечатление такого.[4] Все его распоряжения и действия носят характер истинной политической мудрости. Общее настроение массы Русской армии чисто монархическое. Но он, несмотря на свой личный монархизм, не допускает никаких его проявлений и манифестаций. Настроение армии и большинства общества и интеллигенции — погромно антисемитское: ему и на него до сих пор удается налагать запрет. То и другое крайне трудно, потому что, как теперь документально выясняется, большевики ведут дьявольскую политику в Крыму, призывая к погромам, сея ультра-монархические слухи и вожделения. То, что Врангель еще не берет Москву, тоже говорит об его здравом смысле и твердой воле, являясь единственной гарантией за то, что кровавая кадриль, которая третий год ведется по южно-русским степям, может быть, наконец окончится.

Из всего, что теперь приходится наблюдать, мне представляется совершенно ясным, что Россия идет неизбежным путем к единовластию, даже независимо от торжества той или иной стороны. И насколько в настоящую минуту можно рисковать предсказывать будущее, мне представляется, что равнодействующей силой окажется монархия с крайней социальной программой. Социал-монархизм далеко не так абсурден, как звучит этот термин (образец — Жорж Сорель!).[5] «Русский человек ни в чем не знает меры и все бродит по пропастям», — писал в XVII веке Юрий Крыжанич.[6] Поэтому я думаю, что Россия никогда не остановится на парламентарном строе, а осуществит совершенно новое конституционное сочетание, ретушированное по лекалу Соединенных Штатов: широкая децентрализация в виде земско-крестьянских Советов, а во главе Правитель пожизненный, но не наследственный, но сам назначающий себе преемника и, вероятно, помазанный, т<ак> к<ак> участие церкви мне представляется тоже неизбежным и исторически суверенитет русской государственной власти сейчас находится в руках Патриарха.

Конечно, этот строй не осуществится сразу, но элементы его мне представляются рассеянными всюду в русской действительности, и такое сочетание представляется мне единственной возможной формой окончательного сплава, когда борьба окончится.

До свиданья, дорогой Борис Викторович. Ответа от Вас я, конечно, не жду. Но если Вы хотите мне оказать большую услугу, то пришлите мне пачку французских газет, журналов и книг, освещающих внутреннюю жизнь Европы, ведь тут мы живем в полной изоляции, и это самое тяжелое.

Если Вам захочется использовать мои стихи для печати, то предоставляю Вам это право, за исключением Англии и Франции, т<ак> к<ак> туда я послал другим друзьям. Но прошу о гонораре в монетах той страны, где будет напечатано, а то материальное положение здесь крайне тяжело.

[1] В январе 1920 г. Б.В. Савинков получил приглашение в Варшаву от Ю. Пилсудского (некогда своего гимназического товарища), где возглавил «Русский политический комитет», участвовал в формировании на территории Польши антисоветских военных отрядов, организовал ряд антисоветских объединений («Информационное бюро», «Русский эвакуационный комитет», «Народный союз защиты Родины и Свободы»). Генерал-лейтенант Н.П. Калинин, командир 2-й Донской казачьей дивизии, жил в доме Волошина в августе – сентябре 1920 г.

[2] И.Г. Эренбург приезжал в Коктебель в середине октября 1917 г.

[3] Имеется в виду книга «Демоны глухонемые» (Харьков: Камена, 1919).

[4] См. примеч. 4 к п. 127.

[5] О роялистских установках теоретика революционного анархо-синдикализма Жоржа Сореля Волошин говорил в лекции «Россия распятая» (май 1920 г.). См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 499.

[6] Фрагмент из «Политичных дум» Юрия Крижанича Волошин приводит по их изложению в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (см.: *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. М.: Мысль, 1991. Кн. VII. С. 150–151). Сохранились наброски Волошина к ненаписанной статье о Крижаниче (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 679–681, 989).

129. В БЮРО ТАВРИЧЕСКОГО НАУЧНОГО СЪЕЗДА

К вопросу об охране ценностей Крыма[1]

3/16 — 4/17 октября 1920 г. Феодосия.

Поэта Максимилиана Волошина

Заявление

После многочисленных и разнообразных бедствий, связанных с переменами режима и грабежами, книжным и художественным собраниям Крыма грозит новая опасность: военные постой и реквизиции.[2]

Обращаю внимание Съезда и прошу его обратиться с соответственным ходатайством к Верховному Правителю,[3] дабы легализировать неприкосновенность библиотек, собраний картин, кабинетов ученых и писателей и мастерских художников.

В настоящее же время все упомянутые места зависят от личного произвола квартирмейстеров и квартирных комиссий, и предотвращать их разгромы можно только в порядке личного знакомства и протекции.

Так, например, мой дом в Коктебеле, вмещающий в себе библиотеку из 6 тысяч томов иностранных изданий по истории искусства, археологии и литературе, собрание картин русских и иностранных художников, архивы (переписка, рукописи) и несколько библиотек, свезенных ко мне за время Революции, в том числе библиотека гр. Ф.П. Толстого, великого художника и медальера, и ботаническая библиотека А.Э. Юнге, несмотря на выданное мне своевременно Начальником Уезда свидетельство об освобождении от постоя и реквизиции, занят в настоящее время 45-ю кубанскими казаками, и этим коллекциям, благополучно пережившим 2 большевизма, грозит полное уничтожение.

Кроме моего дома, в пределах г. Феодосии, как постоянно угрожаемые хранилища, я должен назвать:

1) мастерскую художника К.Ф. Богаевского, в которой нашли приют, кроме художественной библиотеки и произведений самого мастера, еще свезенные к нему для защиты от

большевиков художественные произведения И.К. Айвазовского и других художников.

2) Квартиру А.М. Петровой, в которой хранится огромный труд всей ее жизни: собрание татарских орнаментов, исчерпывающий графический материал по истории этого угасающего искусства и представляющий ценность исключительную, так как он еще не издан.

3) Квартиру художника Ник<олая> И<вановича> Хрустачева.

4) Наконец, Галерею И.К. Айвазовского, картины которой с начала войны упакованы, а помещение, благодаря непрерывному постою войск, превращено в Авгиевы конюшни. Город как раз поднимает в настоящее время вопрос о ее реставрации и нуждается в законе или верховной директиве, на которую он мог бы опереться.

Оставляя вопрос о специальной охране хранилищ искусства, я должен указать Съезду на крайне тяжелое положение, в котором живет в Феодосии один из самых уважаемых русских ученых – бывший Директор Московской Обсерватории, – профессор Вит<ольд> Карл<ович> Цераский. Лишенный употребления рук и ног от нервной болезни, явившейся следствием его мужественного поведения в 1905 году, когда он оставался один на Обсерватории, находившейся в центре Пресненского восстания, и спас ее,[4] но и теперь продолжающий диктовать свои последние работы, лишенный пенсии, не получающий никакой правительственной субсидии, о которой уже не раз поднимался вопрос, поддерживаемый только своей женой,[5] тоже далеко не безызвестным в Европе ученым, открывшим более 160-ти переменных звезд, 65-летней старухой, которая зарабатывает хлеб грошевыми уроками французского языка, он все-таки не был освобожден от реквизиции половины своей крошечной квартиры.

Я помню, как во Франции на второй год войны, когда выяснилась страшная цифра интеллектуальных сил, погибших на войне, был поднят вопрос: «Да за что же мы сражаемся? За благосостояние лавочников и спекулянтов? Что же будет с Францией, если она, к концу войны, окажется лишенной всех своих интеллектуально-творческих сил?»

Конечно, Крым, в настоящую минуту, есть осаждаемая крепость и военный лагерь. Но и в военном лагере должны быть охраняемы те немногие гнезда, в которых продолжается творческая работа. Их слишком немного на территории Крыма. Их разорение не принесет армии пользы, а ущерб от их разорения почувствует возрождающаяся Россия.

Поэтому я не сомневаюсь, что Научный Съезд не откажет взять на себя инициативу ходатайства перед Верховным Главнокомандующим об объявлении подобных очагов национальным достоянием и о выдаче им охранных грамот, гарантирующих их неприкосновенность.

Это делали и большевики, и стыдно нам быть ниже их в этом отношении.

Максимилиан Волошин.

[1] Текст сохранился в виде чернового автографа Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 38, л. 1–2 об.) и перебеленного списка с него, сделанного А.М. Петровой (*Там же*, л. 3–4 об.). Над этим текстом – приписка Петровой: «NB. Составлено 16–17 октября 1920 г. и послано тогда же». Печатается по тексту списка.

[2] Обращение непосредственно продиктовано визитом в дом Волошина (видимо, 2/15 октября 1920 г.) квартирмейстера, заявившего о намерении разместить в нем 45 кубанских казаков (несмотря на свидетельство об освобождении от постоя, выданное Волошину Уездным начальником) (Труды и дни-2. С. 107). 19 октября / 1 ноября Волошин получил удостоверение об освобождении дома от реквизиции за подписями начальника Феодосийского Военно-административного района (генерал-майора) начальника штаба (полковника) и старшего адъютанта (штабс-капитана Свиркунова) (*Там же*. С. 108–109).

[3] Подразумевается П.Н. Врангель.

[4] См.: Доклад астронома В.К. Цераского о событиях на Пресне в декабре 1905 г. / Публ. подгот. П.Г. Куликовский // Исторический архив. 1960. № 3. С. 193–196.

[5] Л.П. Цераская.

130. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

4/17 октября 1920 г. Феодосия[1]

Воскресенье.

Милая мама,

посылаю тебе с Маей[2]

1) 5 пуд<ов> муки от Рагозинского (мешок *необходимо* вернуть сегодня же с Маей Александре Михайловне. Прошу *Симу* помочь его внести и пересыпать).[3]

2) Пуд керосина.

3) 18 ф<унтов> подсолнечн<ого> масла (балзянкупрошу *сегодня* же вернуть с Маей Елене Павловн<е>).[4]

4) *Халат*, *молоко*, *мыло* и *пару носков* от американцев.

5) Книги и журналы (чужие).

Прошу еще прислать с Маей манекен деревянный женский, что на окне в мастерской (для Рагозинского), завернув его аккуратно в бумагу и пустой мешок.

Мне еще приходится остаться, чтобы дождать<ся> приезда Валленбурга[5] с деньгами из Севаст<ополя и> чтобы узнать в конце кон<цов> <...>* кому-нибудь через меня.

Кроме того, для других покупок – т<ак> к<ак> самовар еще не продан, а у меня денег нет (почему не продан, расскажет Гинсбург-старший[6]).

Американцы продуктами не торгуют, так что все твое письмо – безумие.[7] Что-то они *еще* хотят послать тебе.

Прошу портниху перешить шинель без меня (подкладка, опустить воротник, не узить в плечах).[8] Я ей же говорил, что надо с меня снять мерку раньше! Пуговицы в конторке направо в углу, но я бы попросил тебя уступить мне светлые с твоей шинели, а себе взять черные, т<ак> к<ак> у тебя она будет как халат, а у меня как постоянное пальто.

Где Князевы?[9] Если не уехали и уезжают – дай им адрес Богаевского и Алекс<андры> Мих<айловны>, чтобы найти меня.

MAX.

---

* *Край листа с текстом оторван.*

[1] Датируется по связи с п. 129 и по указанию дня недели.

[2] М.П. Кудашева, видимо, сопровождала Волошина в его поездке в Феодосию.

[3] А.М. Петрова и работница дома Волошиных.

[4] Е.П. Паскина.

[5] Имеется в виду Борис Григорьевич Валленбургер, присяжный поверенный, сотрудник Политической части штаба П.Н. Врангеля. Волошин познакомился с ним на Карадагской биологической станции, видимо, в сентябре 1920 г. (Труды и дни-2. С. 107).

[6] Житель Коктебеля Моисей Исаакович Гинцбург (1877–1940), меньшевик, журналист (псевдоним – Даян).

[7] В письме от 3/16 октября 1920 г. Е.О. просила Волошина купить у американцев продукты, нитки, зажигалку и пр. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 4).

[8] 23 сентября / 6 октября 1920 г. датирована записка генерал-лейтенанта Н.П. Калинина, удостоверяющая, что он отдал Волошину свою шинель (Труды и дни-2. С. 107).

[9] Жильцы дома Е.О. в 1920 г. «Князевы еще живут у нас», – писала Е.О. Волошину 18/31 октября 1920 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 11 об.).

131. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

17/30 октября 1920 г. Феодосия

Милая мама, я еще не возвращаюсь, потому что только вчера получил 500 fr.[1] Разменял 100, и теперь их надо сейчас же превратить в продукты. Затем мне не надо отлучаться отсюда, пока нас не освободят от постоя.[2] Я уже привел в движение и уездного начальника, и начальника гарнизона, и кубанского атамана, и Раду,[3] только надо дождаться, чтобы они исполнили то, что обещали. Надо добиваться полного освобождения и никого не допускать, иначе ничего не выйдет. Это говорят все люди опытные и это пережившие. А кубанцы – это значит разгром, кражи и уничтожение всего.

Относительно вещей для Новицких – это возможно устроить.[4] Но необходимо, чтобы кто-нибудь на них приехал сюда и пошел с моей запиской. Я уже стольких устраи-

вал, что не могу *сам* брать для других вещи. Но торопиться нечего, т<ак> к<ак> новый транспорт вещей будет разобран не раньше, чем через неделю, а старый истощился.

Посылаю тебе с Майей

1) 3 пуда муки от Рагозинского. *Мешок надо вернуть с Маей* – он Алекс<андры> Михайловнин.[5] Остальные 2 пуда и еще 3 пуда от Айвазовской будут после.

2) Пуд керосина от Готлибов.

3) 18 ф<унтов> подсолнечн<ого> масла. *Балзянку надо сейчас же вернуть с Майей.*

4) Синий мешочек от американцев, где 5 банок молока, 5 куск<ов> мыла для стирки, какао и сгущенный бульен.

5) Заколотый в занавеску узел от американцев, где 2 халата (тебе и мне), фуфайка (мне), 2 пары носков (тебе и мне) и 2 фланел<евых> жилета.

6 и 7) Пакет с книгами француз<скими> и пакет с бумагой и аквар<елями>.

Самовар еще не продан. От Фиделева получил 140 тысяч, и он еще доставит мешок муки и 10 ф<унтов> керосина.

Другие указанные тобой вещи и продукты теперь начинаю только собирать, потому что раньше не было денег.

Пожалуйста, пришли с Майей, кроме пустых мешк<ов> и балзянки: 1) манекена – женщину на железных шарнирах, тщательно закутав в мешок и завязав, 2) два моих длинных этюда, что стоят по обе стороны Тайах[6] – вид Коктебеля и рыжий эскиз к моему панно. Это надо для продажи.

Ради Бога, только не оставляй пока верхних комнат и никого не пускай наверх. Этот постой – возмутительное нарушение всех прав и приказаний, и предупреди квартирмейстера, кроме упомянутых лиц, и научный съезд в Симферополе, который занес мой дом в список зданий, подлежащих охране, а через него и сам Врангель. Посоветуй им во избежание больших неприятностей и скандала не торопиться к нам переселяться.[7]

Крепко целую.

Макс.

Суббота.

[1] См. примеч. 1 к п. 132.

[2] См. примеч. 1 к п. 129. Е.О. сообщала Волошину в недатированном письме (около 12/25 октября 1920 г.): «...никакие бумаги не действуют: к нам водворяют 45 чел<овек> кубанск<их> казаков, и для всех требуются кровати, матрацы. Сейчас придет ко мне солдат, которому я отведу помещение пока на 20 чел<овек>, остальные завтра, — на днях. Твоя мастерская — библиотека остается неприкосновенной; в наших 3 верх<них> комнатах, по просьбе моей, будут помещены офицеры, а не солдаты. Из 3 нижн<их> комнат нам дают только две, как на семью полагается» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 9).

[3] «Правительство Юга России», созданное в апреле 1920 г. в Севастополе как Совет начальников управлений, реорганизованный в Совет при главкоме Русской Армией П.Н. Врангеле (председатель А.В. Кривошеин).

[4] В другом недатированном письме к Волошину (около 5/18 октября 1920 г.) Е.О. просила похлопотать у американцев о теплых вещах для Новицких (фуфайки, носки, теплые чулки для четырех человек): «Ведь они <...> беженцы, и у них на зиму ничего теплого» (*Там же*, л. 5).

[5] М.П. Кудашева и А.М. Петрова (Волошин в это время жил в ее квартире в Феодосии).

[6] Таиах — гипсовый слепок со скульптурной головы египетской царицы, приобретенный Волошиным и хранящийся в его доме (размещается в мастерской).

[7] Е.О. отвечала на следующий день: «...пока у нас заняли 31 ч<еловек> домик, комнату рядом с Федоровой <Ф.Э. Юнге. — *Ред.*>, комнату при кухне, комнату, где жили Котляковы; дано им 15 кроватей, 21 матрац, чугунок и регулятор д<ля> отопления. Начальник кубанской сотни, у которого я была на днях, обещал, пока он в Коктебеле, не занимать нашего верха и Юнговских комнат» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 11).

132. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

17/30 октября 1920 г. Коктебель

Дорогая Марья Самойловна,

Сегодня только получил твое письмо — или скорее конверт с 500 франками, т<ак> к<ак> письма не оказалось. Я уже давно знал, что меня ждет денежное письмо в Севастополе,

но не мог его никак оттуда получить и терялся в догадках[1] и думал, скорее, что это от Шервашидзе, который как-нибудь устроил издание моих стихов в Лондоне.[2]

Горячо и глубоко благодарю тебя за внимание, за память и за заботу обо мне. Мои денежные дела крайне затруднены, а между тем эти 500 fr. в переводе на наш курс делают меня миллионером и обеспечивают на всю зиму.

Тут мне один американец[3] заказал 50 акварелей за 1000 франков валютой, и это была моя единственная надежда, но он куда-то провалился уже 3 месяца, и я теряю надежду на то, что он возьмет их и заплатит мне деньги. Но твоя присылка спасает меня, т<ак> к<ак> мы живем уже только продажей вещей.

Я тебе писал несколько раз с разными оказиями. Получала ли ты мои письма?[4]

Я же единственное письмо из Парижа имел только от Нюши[5] (моей belle-sœur*) не особенно давно. В моих письмах я подробно описывал все, что со мной случилось после нашего расставания в Одессе.[6] Сейчас же я пишу это письмо наскоро, т<ак> к<ак> должен его передать с мистером Кильпатриком, который завтра уезжает и обещал мне непременно быть у всех. Как хочется знать подробно обо всех друзьях. Крепко обнимаю Мишу, привет Бальмонтам, Толстым, Гольштейнам, Риверам[7] и всем друзьям и знакомым.

Новые мои стихи я послал Бальмонтам. А сейчас нет под рукой копий.

Спасибо.

Максимилиан Волошин.

P.S. Если возможно очень прошу старых газет, журналов и новых книг и литературных, и о политике: синтетических, суммирующих. Самое трудное это быть без новых книг.

[1] Деньги были привезены Волошину американским капитаном-артиллеристом, сотрудником Красного Креста Э. Кильпатриком из Севастополя 16/29 октября 1920 г. (Труды и дни-2. С. 107). Об их существовании Волошин знал из телеграммы Б.Г. Валленбургера от 3/16 октября 1920 г.: «Коктебель. Волошину. Пятьсот франков получил буду Феодосии через неделю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 314, л. 4).

* Свояченица *(фр.)*.

[2] См. примеч. 2 к п. 114.

[3] Неустановленное лицо.

[4] Известно только одно письмо, переданное с А.К. Шервашидзе. См. п. 114.

[5] Имеется в виду письмо от А.Н. Ивановой от 26 августа 1920 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 158 об.).

[6] См. п. 114.

[7] М.О. Цетлин, К.Д. Бальмонт, Е.К. Цветковская, А.Н. Толстой, Н.В. Крандиевская-Толстая, А.В. Гольштейн, Д. Ривера и его жена Ангелина Михайловна Белова (1879–1969).

133. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

30 октября / 12 ноября 1920 г. Феодосия

AMERICAN RED CROSS
(Американский Красный Крест)
South Russian Unit*

Дорогая Александра Васильевна,

позвольте мне познакомить Вас с мистером Кильпатриком,[1] состоящим во главе Красного Креста в Феодосии. Он Вам расскажет много о России, а Вы, в свою очередь, осведомите его о том, что делается в заграничных русских кругах.

Пожалуйста, познакомьте его с Бальмонтом и со Струве.[2] Я недавно писал Вам со Струве. Получили ли Вы? Привет всем друзьям.

Максимилиан Волошин.

1920.
20 окт<ября>.
Феодос<ия>.

[1] См. примеч. 1 к п. 132.

[2] За этот период известно только письмо Волошина к А.В. Гольштейн, переданное с А.К. Шервашидзе. См. п. 115, примеч. 2. Возможно, Волошин передавал письмо А.В. Гольштейн с отъезжающим за границу в октябре 1920 г. П.Б. Струве, однако это письмо не обнаружено.

---

* Южно-русское отделение *(англ.)*

134. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Октябрь – ноябрь (?) 1920 г. Феодосия

Милая мама,

посылаю тебе мешок в 4½ пуда. Там белая чисто пшеничная мука и, кроме того, вложены внутрь

1 бутылка боржомская подсолнеч<ного> масла (всунута в самую муку),

1 мешочек (14 фун<тов> с гречневой (смоленской),

1 мешочек 8¾ ф<унта (на нем написана точная цифра).

Там же внутри кофе в отдельном мешке.

Топленого масла и соленой рыбы не могу послать за отсутствием посуды. Заплатить надо по 2 ф<унта> с пуда, то есть 9 ф<унтов> муки. Только плата не той, что я посылаю, – она слишком хороша, а ржаной или желтоватой, что посылал прошлый раз.

Я надеюсь, что на этой неделе установится сухая погода и я смогу прийти в Коктебель пешком, на неделю, на 2.[1] Только надо пред этим все дела предварительно ликвидировать, т.е. написать неско<лько> десятков бумаг, отчетов, писем.

Я это все время – только в этом. Опять работа над поэмой оборвана.[2] Очень надеюсь, что в Коктебеле возможно будет поработать не отрываясь. Прости, что пишу урывками. Сейчас я завален с головой. Крепко целую. Спасибо за пожелания. Только *простоты* у меня нет и не будет. Да и не пожелал бы я ее – она очень ограничивает.[3]

MAX.

[1] Обосновавшись в Феодосии в начале октября ст.ст. / середине октября н.ст. 1920 г., Волошин вернулся ненадолго в Коктебель уже при утверждении новой власти – около 8 декабря (н.ст.) 1920 г., в ходе инспекционной поездки по Феодосийскому уезду (после занятия 1/14 ноября Феодосии Красной Армией).

[2] Имеется в виду поэма «Святой Серафим».

[3] Письмо Е.О., на которое здесь откликается Волошин, в подборке ее писем к нему отсутствует.

1921

135. ЗАВЕДУЮЩЕМУ ЮЖСОВХОЗОМ НИКОНОВУ

Около 9 января 1921 г. Феодосия[1]

Заведующему Южсовхозом[2] Никонову

В Феодосийском уезде, благодаря катастрофическому положению, обусловленному постоями воинских частей, недостатку перевозочных средств, все ценности и библиотеки [свозятся] и переносят с согласия владельцев в центральные помещения, намеченные в Судаке, Старом Крыму, Шах-Мамае, Коктебеле, Отузах, Нов<ом> Свете, Карадаге, и регистрируются на месте. Метод обусловлен практическими требованиями момента.

Работа затруднена разгромом культурных сил.

Прошу сведений об организации южсовхоза.[3]

Завохран Волошин.

[1] Датировка – Труды и дни-2. С. 115. Черновой автограф в записной книжке. Адресовано в Ялту. Уездным ревкомом Феодосии Волошин был назначен 6/19 ноября 1920 г. «заведующим охраны памятников искусств и библиотек в Феодосийском уезде» (*Там же.* С. 110). Согласно телеграмме, полученной Волошиным 7 января 1921 г. от Г.А. Бонч-Осмоловского, Никонову были поручены «охрана, учет, выемка» в «советских имениях» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 11).

[2] Приказом Крымревкома от 16 декабря 1920 г. было создано управление Южсовхоза, в распоряжение которого были переданы все имения Южного берега Крыма от Судака до Севастополя (Труды и дни-2. С. 113).

[3] 17 января 1921 г. Волошин получил телеграмму (за подписями Никонова и других ответственных лиц) с просьбой приехать в Ялтинское управление Южсовхоза «для переговоров о работе по охране культурных ценностей» (*Там же.* С. 115).

136. Г.А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКОМУ

Около 14 января 1921 г. Судак[1]

Симферополь.
Губнаробраз.
Боносмоловскому.

Положение библиотек и коллекций в уезде безнадежно благодаря постою беспрерывно сменяющихся воинских частей. Те, с которыми входишь в личное общение, исполняют все просьбы, но части, сменяющие их, все начинают снова. У местных же ревкомов нет достаточного авторитета, чтобы заставить воинские части исполнять их распоряжения, ни перевозочных средств для их концентрации. Необходим приказ по армии о немедленном освобождении от постоя зданий и мест, снабженных Охранительными Свидетельствами, иначе все сохранившиеся до сих пор книгохранилища, коллекции и архивы погибнут.

Жду ответа в Судаке.

Заведующий охраной художественных и научных ценностей Феодосийского Уезда

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по времени пребывания Волошина в Судаке, куда он приехал 13 января 1921 г., возвратился в Феодосию, видимо, 15 января (Труды и дни-2. С. 115). Адресовано в Губернский отдел народного образования. 17 января 1921 г. датировано выданное Волошину удостоверение в том, что он состоит на службе в Отделе народного образования в должности заведующего охраной художественных и научных ценностей.

137. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Около 21 января 1921 г. Феодосия

Анатолий Васильевич,

мое письмо имеет две цели.

Первая: будьте добры познакомиться с составленным мною докладом о *Киммерийском Искусстве*, и о необходимости сохранить за восточною частью Крыма в области искусства известную самостоятельность, с планом устройства художественных колоний в Киммерии и (что мне лично наиболее важно) с планом выработки программы нового синтетического метода *художественно-научного* преподавания, предпринятого мною совместно с Карадагской Научной Станцией. Ваша санкция, конечно, была бы драгоценна для успешности дела. (Доклад прилагается).[1]

Вторая:

Сейчас идет систематическая дезинфекция Крыма от остатков белогвардейщины. В этой чистке рискуют погибнуть и гибнут многие художественные и научные силы, достойные лучшего применения.

Я всеми силами борюсь за их сохранение. То же делал я и при белых, защищая красных. Борьба эта приносит результаты ничтожные и далеко не безопасна.

Я пытался Вам телеграфировать о судьбе ряда лиц, имена которых Вам небезызвестны, и просил Вашей помощи, но ответа не получил. Верно, телеграмма не пропущена. Я не получил и той Вашей телеграммы, которую Вы мне посылали по просьбе Марины Цветаевой (судя по ее письму).[2]

Вот список художников, поэтов, литераторов (кот<орый> я Вам телеграфировал), из которых, б<ыть> м<ожет>, некоторые уже ликвидированы, другие под арестом.

Бабаджан. Художник, автор книги о Сезанне.[3]

Левитский. Помощн<ик> декоратора Мариинской оперы.

Сахаров. Художник. Участник полярн<ой> эксп<едиции> Вельчицкого.

Судакевич. Художник.[4]

Герцык-Жуковская Аделаида. Поэтесса.
Герцык Евгения. Писательница. } В Судаке.
Парнок София. Поэтесса.

Шмелев. (Единственный сын писателя Ив. Шмелева).[5]

Мезенцев. Оперный певец.

Об этом же более подробно я пишу Горькому.[6]

В Крыму нехватает лица, облаченного достаточным авторитетом и властью, которое имело бы право стать на защиту культурных сил, нужных Советской России, а те, которые вершат дело государственной необходимости, часто не дают себе отчета, какие ценности находятся в их руках.

Поэт Максимилиан Волошин.

Адрес: Феодосия. Рев<олюционный> Ком<итет>.

Я – официально: Завед<ующий> охраной художеств<енных> и научных ценностей Феодос<ийского> Уезда.

P.S. Мне очень хотелось бы получить право и возможность *весною* приехать в Москву: с одной стороны, чтобы лично ознакомить Вас с проектами устройства искусства в Киммерийской Области, с другой же, чтобы увидать собствен<ными> глазами работу Сов<етской> России в ее средоточии, что мне, как поэту и писателю, необходимо.[7] До вас, верно, доходила моя книга стихов «Демоны Глухонемые», издан<ная> в Совет<ской> России, и вы знаете, что я пишу теперь и могу писать *только* о современности. С 1919 г. я стою на точке зрения *необходимости* Совет<ской> власти и работы с нею, что отстаивал и при Деникине и при Врангеле. Посылаю Вам при этом письме несколько стихотвор<ений>, написанных за последние два года, из которых моя точка зрения станет для Вас ясна и, быть может, приемлема эстетически. Мне для моей поэтической работы сейчас нехватает личного знания новой России и севера, т<ак> к<ак> все, что приходит в Крым, приходит под знаком «Дикого Поля», исконной земли русских усобиц.[8]

Максимилиан Волошин.

[1] См. составленные Волошиным «Записку о музее киммерийской живописи» и «Записку о направлении народной художественной школы» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 515–516, 510–513).

[2] 21 ноября / 4 декабря 1920 г. М.И. Цветаева писала Волошину: «Послала тебе телеграмму (через Луначарско<го>) и письмо (оказией)» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 62).

[3] Имеется в виду книга Вениамина Бабаджана (расстрелянного большевиками в 1920 г. в Феодосии; см.: *Гардзонио Стефано.* Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 154) «Сезанн. Жизнь, творчество, избранные отрывки из писем» (Одесса: Омфалос, 1919).

[4] Имеется в виду Юрий Судкевич.

[5] Сын И.С. Шмелева подпоручик артиллерии Сергей Иванович Шмелев (1896–1921) был 3 декабря 1920 г. арестован в Феодосии наряду с другими явившимися на регистрацию офицерами и впоследствии расстрелян.

[6] Это письмо Волошина к М. Горькому не выявлено. В левом верхнем углу листа запись: «Запросить Горького».

[7] 18 мая 1921 г. Луначарский дал телеграмму в Крымревком, прося содействовать немедленному выезду Волошина из Крыма «для совещания по целому ряду специальных вопросов», 27 мая телеграмма Луначарского была передана «на заключение» в Крымнаробраз, оттуда 4 июля последовала телеграмма в Коктебельский Сельревком с просьбой содействовать выезду Волошина в Москву «по вызову наркомпроса» (Труды и дни-2. С. 125, 126, 129).

[8] Диким Полем (название одноименного стихотворения Волошина) традиционно назывались степные пространства северного Причерноморья между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны.

138. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

12 февраля 1921 г. Симферополь

12 февр<аля> 1921.

Милая мама,

Я уже около месяца живу в Симферополе – у Кедровых.[1] Меня здесь задерживает Отдел Нар<одного> Образования. Я читаю лекции, стихи и т.д.[2] Но остаюсь здесь главным обра-

зом потому, что по целому ряду дипломатических соображений мне сейчас не следует быть слишком на виду в Феодосии, пока не получу из Москвы соответственных грамот.

До меня доходят слухи, что у тебя и с тобой все благополучно, но что последнее время был обыск. Чего? Где? Провизии? Внизу? Входили ли в мастерскую?

Посылаю тебе на всякий случай приказ № 44, касающийся Коктебеля.[3] Я его тебе многократно уже посылал, но не знаю, передали ли его. Его на<до> на дверь вывесить.

Кроме того имей в виду, что весь наш дом отходит со всем инвентарем под художественную колонию и что поэтому никаким реквизициям мебели не подлежит, т<ак> к<ак> все равно, когда я приеду, то отберу все обратно.

Мне надоело здесь болтаться<?>, равно как и в Феодосии, и с самого начала мечтаю о том, чтобы замкнуться в мастерской для работы, т<ак> к<ак> материалы для следующего цикла стихов у меня накопились сверх сил, и он требует воплощения. Пришлось переживать это время и видеть то, что стоит за пределами ужаса.

Очень большая усталость от всего, которая может найти себе исход только в творческом преображении.

Я думаю, что ты теперь тоже сознаешь и видишь, что делается в жизни, и потому менее нервно относишься к житейским мелочам и к моему отсутствию, понимая его необходимость.

Крепко тебя обнимаю.

MAX.

P.S. Я получил твою эаписку.[4] Приехать сейчас мне никак нельзя, и все, что возможно в смысле обеспечения твоего спокойствия, сделаю отсюда тем более, что отсюда могу сделать теперь больше, чем на месте. Ол<ьга> Анд<реевна>[5] пишет мне о *папке*. Она лежит в кабинете наверху, там, где все мои архивы и переписки: т.е. на нижних полках под книгами налево, там, где они заслонены сомье и покоробленной доской для рисования. Пусть Ол<ьга> Анд<реевна> сама возьмет. Я вернусь, как только обстоятельства сложатся так,

что это будет возможно. *Керосину*, имей в виду, сейчас нигде нет и достать *невозможно*.

Такие несчастия, на которые ты жалуешься, — общее явление, и никто от них не гарантирован и от доносов тоже.

До свидания.

MAX.

[1] Волошин выехал из Феодосии в Симферополь 24 января 1921 г., поселился у К.Н. Кедрова на Верхне-Петропавловской ул., д. 10 (Труды и дни-2. С. 116).

[2] Зафиксированы сведения о двух публичных выступлениях Волошина, состоявшихся в Симферополе ко времени написания письма, — 4 февраля на литературном вечере в Центросоюзе и 6 февраля в 3-м Советском театре на вечере поэзии Э. Верхарна (вступительное слово Я.А. Тугендхольда, лекция о Верхарне Волошина) (*Там же*. С. 117).

[3] Имеется в виду изданный 29 декабря 1920 г. приказ № 44 «по гарнизону Феодосии и его уезду» о неприкосновенности ряда домов и учреждений в Феодосийском уезде, в том числе дома Волошина в Коктебеле (см.: *Там же*. С. 113).

[4] Это письмо Е.О. в подборке ее писем к Волошину отсутствует.

[5] О.А. Юнге. Писем от нее к Волошину в его архиве не сохранилось.

139. К.В. КАНДАУРОВУ

24 апреля 1921 г. Симферополь

24/IV 1921.

Дорогой Константин Васильевич, я писал тебе несколько раз, но никакого ответа. И вообще никаких писем из Москвы ни от кого за все это время. Вероятно, мы изолированы. Более страшного времени Крым не переживал. И по психологии тех, кто приезжает из Москвы, я вижу, что на севере никто и не подозревает, что у нас делается. Резня 1918 г., время разложения Черн<оморского> Флота — идиллия.[1] За эти пять месяцев[2] у нас казнено около 30 тысяч (т.е. столько, сколько во всей Франции за время всей Великой Революции, т.е.

за 10 лет). Но многие утверждают, что цифра гораздо выше. И это далеко не только военные, а тут все: одни за имя, другие за состояние, за то, что интеллигент. Целые семьи в нескольких поколениях. Из общих знакомых, напр<имер>, в одном Судаке казнены все Квашнины-Самарины,[3] Капнисты,[4] Стевены, Кр<ы>жановские,[5] Скопники.[6] Из художников: Вениамин Бабаджан (автор книги о Сезанне),[7] Левитский (декорат<ор> Мариинского театра),[8] старик Сахаров, только что приехавший из полярной экспедиции... Синодик длинен. К.Ф. цел (очень помогла телеграмма Троцкой),[9] братья Жоз<ефины> Густ<авовны>, брат Ал<ександры> М<ихайловны>[10] – все погибли в первые дни. Пять месяцев мы захлебываемся в крови. Я все время борюсь с террором за жизнь отдельных людей. Несколько десятков удалось вырвать, но это капли в Океане. Но я – один. Все боятся, т<ак> к<ак> за ходатайства – казнят. Масса погибла так. Меня несколько гарантирует то, что то же делал при Деникине и Врангеле для коммунистов (но и тогда из контр-разведок предупреждали: передайте-ка ему, что он у нас еще на веревочке поболтается). Поэтому у меня есть некоторый авторитет. Но и то мне приходится время от времени, когда слишком много скопляется доносов, на время менять город. Зимой я четыре месяца не мог показаться,[11] но теперь возвращаюсь и устраиваю у себя Санаторию для художников и экспериментальную Худож<ественную> Студию.[12] Говорят о прекращении Террора с мая месяца. Но не верю. Присутствие Зеленых в горах будет порождать постоянные рецидивы. Распоряжения же с севера о прекращении Террора ведут только к спешному ликвидированию человеческого материала, содержащегося в подвалах. Казнить по местной терминологии – это: «разменять», «хлопнуть». Казнь – «шлёпка».[13]

Мне необходима во что бы то ни стало поддержка из Центра: правозаступничество за художн<иков> и писателей. (Сейчас в Судаке в третий раз арестована Софья Парнок, и ее могут «разменять» каждую минуту. Я уже два раза ее вытаскивал из тюрьмы. Сейчас нет путей.)[14] Мне необходима гарантия личной неприкосновенности. Все это время я телеграфировал и писал с оказиями Горькому и Луначарскому,[15]

посылал списки арестов<анных> художников, но результатов никаких видимых не было. Недавно была телеграмма Калинина и Луначарского о том, что ряд писателей, находящихся в Крыму, берет под покровительство РСФСР, там были перечислены Тренев, Ценский, Елпатьевский, Шмелев. Но не было ни Вересаева, ни П.С. Соловьевой, ни Герцык, ни Парнок, ни меня.

Все это время я живу лицом к лицу с террором. Для меня это не цифры, а конкретность. Я жил в одном доме с «Тройкой».[16] Я знал всех приговариваемых и приговаривающих. Ко мне приходили все вдовы и матери. Если я мог что делать — только личным авторитетом и влиянием. Глубокая смертельная усталость. Моя позиция такова: мне нет дела до гражданской войны, программы и т.п., но я не хочу, чтобы проливалась бессмысленно кровь и тратились без толку художественные силы и ценности. Во время Белого Террора я провел все дело генерала Маркса, вырвал его из-под расстрела и добился освобождения. Провел дело Феодос<ийского> Наробраза, ездил в Екатеринодар и Ростов для этого.[17] У меня прятались десятки коммунистов, поэтому вы мне должны те жизни, о которых я прошу теперь. Я прошу помощи и поддержки, потому что я один.[18]

[1] Подразумевается массовое истребление офицеров и «буржуев» (т.е. состоятельных людей и представителей интеллигенции) в Симферополе, Ялте, Феодосии в феврале 1918 г., когда погибли около 600 человек.

[2] Пять месяцев со времени захвата Крыма Красной Армией (29 октября / 11 ноября — 4/17 ноября 1920 г.).

[3] Расстреляны, в частности, 25 декабря 1920 г. судакский помещик отставной генерал Николай Петрович Квашнин-Самарин (1841—1920) и его сын, морской офицер Евдоким Николаевич Квашнин-Самарин (1877—1920).

[4] В семье графов Капнистов были казнены судакские помещики, деятели Земского союза Михаил Ростиславович Капнист (?—1920) и Ростислав Ростиславович Капнист (1875—1921). Надеясь спасти Р.Р. Капниста, Волошин приехал в Судак 13 января 1921 г., но тот был расстрелян накануне ночью.

[5] А.А. Стевен, министр продовольствия в правительстве С.С. Крыма, расстрелян 23 ноября 1920 г. Судакская землевладелица, жена отставного капитан-лейтенанта Эмилия Николаевна Крыжановская (1857–1921) и ее дочь Ольга Алексеевна Крыжановская (1895–1921) расстреляны в ночь с 6 на 7 апреля.

[6] Инженер-путеец, винодел Павел Александрович Скопник (1867–1921) и его семья.

[7] См. примеч. 3 к п. 137.

[8] В.Н. Левитский, арестованный в 1920 г., был в 1921 г. освобожден.

[9] К.Ф. Богаевский. Троцкая – Ольга Давыдовна Каменева (урожд. Бронштейн; 1883–1941, расстреляна), сестра Л.Д. Троцкого и жена Л.Б. Каменева, заведующая Театральным отделом Наркомпроса.

[10] Один из братьев Ж.Г. Богаевской, итальянский консул в Феодосии Фердинанд Густавович Дуранте, умер в 1937 г. Брат А.М. Петровой – Петр Михайлович Петров.

[11] Подразумевается пребывание вне Коктебеля (Феодосия, Симферополь) с декабря 1920 г. до времени составления письма. Волошин вернулся в Коктебель лишь в конце июня 1921 г.

[12] 22 марта 1921 г. заведующий Крымнаробразом подписал «Охранную грамоту» на дом Волошина, отведенный (за исключением трех комнат) «для устройства Коктебельской художественной колонии для членов Всерабиса» (Труды и дни-2. С. 120).

[13] См. стихотворение Волошина «Терминология» («“Брали на мушку”, “ставили к стенке”...», 29 апреля 1921 г. // Т. 1 наст. изд. С. 344).

[14] Хронологические границы арестов С.Я. Парнок неизвестны (см.: *Бургин Диана Левис*. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо. СПб: ИНАПРЕСС, 1999. С. 212). Волошин пытался хлопотать о ней в Москве через М.И. Цветаеву, которая писала ему 14/27 марта 1921 г.: «Только сегодня получила твое письмо, где ты мне пишешь о Соне. В настоящую минуту она должна быть на воле, ибо еще вчера <...> Б.К. З<айц>ев был у К<аме>нева, и тот обещал телеграфировать» (*Цветаева Марина*. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 63).

[15] См. п. 137, примеч. 6.

[16] Подразумевается революционный трибунал, выносивший приговоры. В декабре 1920 г. Волошин одно время жил в соседней квартире с председателем ЧК 9-й дивизии.

[17] См. п. 81–85.

[18] Текст этого письма (без окончания и подписи) сохранился в копии, сделанной неустановленным лицом.

140. В.К. ВЛАДИМИРОВУ и В.А. ПОЛЕВОМУ

30 мая 1921 г. Феодосия

Дорогой Владимир Константинович, или Василий Андрович <*так!*>.[1]

Очень прошу Вас – т<ак> к<ак> Вы еще *не протелеграфировали* Феод<осийскому> Всерабису о моих полномочиях от Симферополя.[2] Прошу Вас *не замедлить с этим*, т<ак> к<ак> мне сию же минуту пришлось приняться за дело в смысле упорядоченья положения во Всерабисе местных художников и литераторов. Кроме того, прошу переслать мне план тарифных ставок для *ИЗО* и *«ЛИТО»*,[3] имеющийся у Вас, и отдельную бумажку с полномочьями *относительно уезда* <?> (Дома Отдыха для писат<елей>, худ<ожников>, арт<истов>) и в Феодосии по литературн<ым>, *художеств<енным>* и лекционным делам.

Волошин.
30 мая.

[1] Адресат – сотрудники Симферопольского отделения Всерабиса (Всероссийского Союза работников искусств).

[2] 16 мая 1921 г. Крымский Отдел народного образования выписал удостоверение, командирующее Волошина в Коктебель «на предмет открытия художественной студии», 23 мая было направлено предписание Феодосийского ревкома Коктебельскому Сельревкому «удовлетворять в спешном порядке все требования» Волошина «относительно ремонта и оборудования помещения для Кохунэкса» (Коктебельская художественно-научная экспериментальная студия), а также подписано удостоверение Волошину для поездок по уезду в качестве заведующего Охриса по «Киммерийской области» и организатора Художественной студии и детских колоний (Труды и дни-2. С. 125, 126).

[3] Изобразительная и Литературная секции Отдела народного образования.

141. В ФЕОДОСИЙСКИЙ САНКУР

2 июня 1921 г. Феодосия

В Феод<осийский> Сан-Кур:[1]

Представляя при сем врачебное свидетельство д<окто>ра Вересаева-Смидовича о состоянии здоровья моей матери Елены Оттобальдовны Волошиной, прошу дать ей больничный паек при Коктебельском Сан-Кур'е.[2]

Поэт Максимилиан Волошин.

2 июня 1921.

[1] Санаторно-курортное управление. Написано на ведомственной бумаге с печатью: «"Всерабис". Феодосийское отделение».

[2] К прошению прилагалась записка В.В. Вересаева (на бумаге с той же печатью):

Удостоверяю, что мать поэта Макс. А. Волошина, Елена Оттобальдовна Волошина, 72 лет, в течение последних пяти месяцев перенесла три раза инфлуэнцу, крайне обостривщую и без того тяжелый бронхит, которым она страдала на почве эмфиземы легких, питание ее организма сильно пострадало, и она нуждается в санаторном питании.

Врач В. Смидович-Вересаев.
Коктебель. 28/V 1921.
(ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 12, л. 2).

4 июня 1921 г. Феодосийское отделение Всерабиса переслало прошение в Упрофбюро, прося не отказать.

142. М.О. ГЕРШЕНЗОНУ

24 июня 1921 г. Феодосия

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Позвольте мне познакомить Вас с моим другом – поэтом Дмитрием Дмитриевичем Благим, знатоком Тютчева, который сделал ряд важных открытий в его тексте.[1] Привет.

Максимилиан Волошин.

24 июня 1921.

[1] Знакомство Волошина и Д.Д. Благого состоялось летом 1919 г. См. примеч. 1 к п. 90. В 1921 г. Благой был секретарем Феодосийско-Коктебельского отделения Всероссийского Союза Поэтов и одним из руководителей Народного университета в Феодосии. Для поездки из Феодосии в Москву в ту пору требовалось получить пропуск; при этом, согласно свидетельству Э.Л. Миндлина, «Волошин считал, что первым должен получить пропуск Д.Д. Благой, так как он вез с собой законченную им очень важную и ценимую Волошиным работу о Тютчеве» (*Миндлин Эм.* Необыкновенные собеседники: Литературные воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1979. С. 41). Открытия Благого заключались в его указаниях на следы редактуры И.С. Тургенева при подготовке сборника «Стихотворения Ф. Тютчева» (СПб., 1854) и требовании при переизданиях восстановить подлинный тютчевский текст: «Дать русской публике подлинного Тютчева <...> отныне первая задача исследователей-специалистов» (*Благой Д.* Тургенев – редактор Тютчева // Тургенев и его время: Первый сб. под ред. Н.Л. Бродского. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 163). См. также: *Благой Д.* Тютчев, его критики и читатели // Тютчевский сборник (1873—1923). Пб.: Былое, 1923. С. 106–129.

143. М.В. САБАШНИКОВУ

24 июня 1921 г. Феодосия

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

позвольте мне познакомить Вас с поэтом и критиком Дмитрием Дмитриевичем Благим, большим знатоком Тютчева, сделавшим важные открытия в деле восстановления подлинного тютчевского текста.[1]

Максимилиан Волошин.
24/VI 1921.

[1] См. примеч. 1 к п. 142.

144. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

24 июня 1921 г. Феодосия

Дорогой Вячеслав.

Позволь тебя познакомить с моим другом – поэтом Дмитрием Дмитриевичем Благим, исследователем тютчевских текстов, в которых он сделал много ценных и крайне важных открытий.[1] Он тебе расскажет о мне, о Крыме. Если у тебя есть новые издания после «Младенчества»,[2] пожалуйста, пришли мне с ним.

Максимилиан Волошин.
24/VI 1921.

[1] См. примеч. 1 к п. 142.

[2] Отдельное издание поэмы: *Иванов Вячеслав.* Младенчество. Пб.: Алконост, 1918.

145. М. ГОРЬКОМУ

25 июня 1921 г. Феодосия

Алексей Максимович,

позвольте мне рекомендовать Вам моего друга Дмитрия Дмитриевича Благого – поэта и очень глубокого исследователя тютчевского текста, в котором он сделал открытия важные и ценные.[1] Т<ак> к<ак> Госиздат, вероятно, будет готовить новое издание Тютчева к предстоящему полувековью его смерти – Д.Д. Благой будет необходим для этого издания.[2]

Максимилиан Волошин.
25/VI 1921.

[1] См. примеч. 1 к п. 142.

[2] Нового издания сочинений Ф.И. Тютчева, приуроченного к 50-летию со дня его смерти, в 1923 г. не было осуществлено; вышел в свет лишь «Тютчевский сборник (1873–1923)» (Пб.: Былое, 1923).

146. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

Около 3 июля 1921 г. Коктебель[1]

Милый Саша, я жив, здоров и до сих пор почему-то не повешен белыми и не расстрелян красными, даже моя библиотека цела, дом не разграблен и мама жива. Я получил за эти годы 3–4 твоих письма,[2] но всегда с таким опозданием, что Екатеринослав бывал уже в пределах иного государства. Ну и городок ты избрал для того, чтобы *тихо* провести эти бурные годы! Эти годы я писал стихи о текущем и боролся с гражд<анской> войной во всех ее формах, выручал приговоренных, вел процессы и т.д. Кроме того, читаю всюду лекции. Тоже выбран профес<сором> в Высш<ий> Институт Народн<ого> Образования (всякое бывает) уж не знаю за какие заслуги. Вообще существую только по «недоразумению». Но ведь это самое крепкое положение в России по нынешним временам, как оказывается. Вообще же чувствую себя самым свободным человеком при всех режимах, несмотря на угрозы, а иногда необходимость спешно менять резиденцию, и явочным порядком пользуюсь неограниченной свободой слова, особенно стихотворного.

Самое страшное время за эти годы были только что пережитые месяцы. Я их пережил лицом к лицу, в самой кипени. Сейчас отдыхаю в Коктебеле: организую Худ<ожественно> Науч<ную> Студию и готовлю обширный курс лекций на тему о «Современной Европейской Культуре».[3] Попадало ли тебе харьк<овское> изд<ание> моих «Демонов Глухонемых»?[4] Теперь готовлю изд<ание> «Неопалимой Купины» (где все стихи о Револ<юции>). Видел твой «Синтаксис» в Государ<ственном> Изд<ательстве>[5] – но только в витрине. Где Людм<ила> Серг<еевна>?[6] Крепко тебя обнимаю. Алекс<андра> Мих<айловна>[7] жива, но болеет очень. Вера Нич умерла в 1918. Лера[8] и Гауфлер живы. Юр<ий> Андр<еевич>[9] в Феодосии.

МАХ.

[1] Открытка; датируется приблизительно по штемпелю получения в Екатеринославе (8 июля).

[2] Предположительно к июню 1919 г. относится открытка А.М. Пешковского из Екатеринослава: «Что ты и где ты? Отзовись! Я провел эту зиму в Екатеринославе, где получил кафедру сравнит<ельных> языков»; того же содержания – письмо из Екатеринослава от 16 сентября 1919 г. В открытке, отправленной из Екатеринослава 25 мая 1921 г., Пешковский писал Волошину: «В 3-й или 4-й раз делаю попытку завязать с тобой сношения. <...> Занимаю здесь (раньше в Ун<иверсите>те, а теперь в Ин<ститу>те, образовавшемся из Ун<иверсите>та) вот уже 3 года кафедру языковедения. В последнее время работаю, между пр<очим>, по *теории стихосложения* и читаю курс. Теперь у нас нашлось бы много общих интересов. Не мог ли бы ты сюда приехать для публ<ичных> лекций?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964, л. 66–68).

[3] См. план цикла лекций «Современная культура» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 737–738). Курс лекций по истории европейской культуры Волошин начал читать в Институте народного образования, видимо, 23 октября 1921 г. (Труды и дни-2. С. 135).

[4] В ответном письме из Екатеринослава от 14 июля 1921 г. Пешковский сообщал: «Твоих “Дем<онов> Глухон<емых>” читал. Это лучшая твоя книжка» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964, л. 69).

[5] 2-е издание книги Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очерк. Пособие для самообразования и школы» (М.: Гос. изд-во, 1920).

[6] Л.С. Пешковская. Пешковский отвечал в цитированном выше письме: «Людм<ила> Серг<еевна> в Москве, и я тоже возвращаюсь туда через 1½ месяца».

[7] А.М. Петрова.

[8] Валерия Альфонсовна Гауфлер (урожд. Воллк-Ланевская; 1875–1943).

[9] Ю.А. Галабутский.

147. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Конец августа 1921 г. Коктебель

Ваш вызов меня в Москву, Анатолий Васильевич, дошел до меня только теперь – в августе месяце,[1] т.е. с запозданием на 3 месяца, т<ак> к<ак> был задержан в Симферополе, где,

очевидно, не очень хотят меня отпускать, боясь, что я совсем в Крым не вернусь. Это весьма досадно, потому что, получи я Ваш вызов своевременно, я бы успел и съездить в Москву и вернуться, а теперь он застает меня прикованным к постели уже 1½ месяца и без определенной надежды подняться на ноги в скором времени благодаря отсутствию средств лечения.[2] Во всяком случае, как только поправлюсь – приеду.

Письмо это передаст Вам товарищ Козловский, который едет в Москву и *просит меня сообщить Вам об экономическом положении писателей, живущих в Феодосийской области.* Сообщаю то, что знаю, и буду приводить как пример и собственный опыт:

Из писателей здесь находятся следующие:

В Коктебеле:

1) *Вересаев-Смидович* (Викентий Викентьевич) с женой.

2) *Соловьева* (Allegro) Поликсена Сергеевна.

3) *Манасеина* Наталья Ивановна, изв<естная> детская писательница, издательница жур<нала> «Тропинка» (совм<естно> с П.С. Соловьевой).[3]

4) *Новицкий* Алексей Петрович – автор Истории Русского Искусства, трудов о Шевченко как живописце[4] и бывш<ий> библиотекарь Школы Живописи и ваянья.

5) *Волошин* Максимилиан Александрович – поэт, художник.

В Феодосии никого из крупных писателей нет, если не считать известного еврейского писателя Онейхи, но он, верно, уже выехал в Москву. А из имен крупных в русском искусстве там живет всегда Константин Феодорович *Богаевский.*

В *Судаке* живут следующие писатели:

1) *Парнок* Софья Яковлевна – поэтесса.

2) *Герцык-Жуковская* Аделаида Казимировна – поэтесса.

3) *Герцык* Евгения Казимировна – писательница по философским и религиозным вопросам.

4) *Композитор* Александр Афанасьевич *Спендиаров.*

Что касается их материального положения, то оно у всех почти одинаково: либо отсутствие, либо полное разорение малого хозяйства, которое у них было. Живут обменом вещей

на продукты. Но вещи истощаются и быстро теряют свою меновую ценность. Поэтому почти все они больны, на почве недостаточного и одностороннего питания. Беру примеры из Коктебеля:

Оба Вересаевых и А.П. Новицкий уже больше полугода больны цингой. Манасеина и Соловьева обе больны тяжкими хроническими болезнями (сердце, печень), обостренными недоеданием. Моя болезнь — острая — артритическое воспаление в обоих коленах, но вызвана тоже недостаточным питанием, на которое я, по правде сказать, до сих пор внимания не обращал. Это — сюрприз. Пустяк — но затяжной, благодаря полному отсутствию лекарств и врачебной помощи.

Таким образом, писатели здесь — все инвалиды, которые кроме советской службы еще должны сами для себя делать самые тяжелые работы сельской и домашней жизни (ношенье воды, рубка дров и т.д.).

Крымские власти (КрымРевком и КрымНаробраз) идут охотно навстречу нуждам писателей: трое — Вересаев, П.С. Соловьева и я — получили право на академический паек, с заменой его санаторным в случае болезни и т.д. Но это все до сих пор оказалось только на бумаге: т<ак> к<ак> фактически за эти два месяца мы не получили ничего (никто из нас по болезни не мог сам поехать в Феодосию), а те учреждения, которые до сих пор выдавали, например, мне хлебный паек, прекратили мне его выдачу с момента, когда мне был назначен академический, до сих пор фиктивный.

Экономические перспективы этой зимы (надо ли говорить?) безнадежны: ни у кого из писателей запасов нет, а хлеб уже теперь ни на какой обмен не идет. Многие собираются на север. Но кто может? Есть люди, органически связанные с Крымом (Богаевский, я).

Академический паек из всех упомянутых лиц назначен лишь *трем,* да и то уже среди местных властей подымался вопрос о невозможности выдавать его целым трем лицам, а только одному. Боюсь, что все добрые намерения центра не удастся провести на практике.

Вот общая картина экономического положения писателей, которую вижу собственными глазами. Як<ов> Алек-

с<андрович> Туген<д>хольд, который выезжает в Москву,[5] осведомит Вас о том, что делается в Симферополе и Евпатории.

Я же приеду в Москву, как только оправлюсь от болезни, т.е. осенью или в начале зимы.[6] Но с тем, чтобы вернуться после, т<ак> к<ак> здесь у меня больная мать 72<-х> лет и мастерская, где за 30 лет работы скопилось – представляете сколько материалов, этюдов, рукописей. И это все погибнет, если я оставлю на произвол судьбы.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 7 к п. 137. 11 июля 1921 г. Волошин отправил из Феодосии в Симферополь телеграмму В.П. Бугайскому в Крымревком, в которой запрашивал официальную копию телеграммы А.В. Луначарского (за номером 4385) о вызове в Москву. Наложена резолюция: телеграммы за номером 4385 не значится. Однако 15 июля Бугайский отправил в феодосийский Унаробраз копию телеграммы Луначарского, прося выдать ее Волошину под расписку (Труды и дни-2. С. 130).

[2] Волошин слег в постель с заболеванием ног 12 июля.

[3] «Тропинка» – журнал для детей, редактировавшийся и издававшийся Н.И. Манасеиной и П.С. Соловьевой в Петербурге в 1906–1912 гг.

[4] Имеется в виду книга А.П. Новицкого «История русского искусства с древнейших времен» (Т. 1–2. М.: В.Н. Линд, 1903). Его статьи о живописи Т.Г. Шевченко: *Новицький О.Т.* 1) Шевченко як маляр // Літературно-науковий вісник. 1911. Т. 54. № 4. С. 78–84; Наш журнал. 1911. № 4. С. 42–46; отд. изд. – Львів; М., 1914; На спомин 50-х роковин смерті. Сб., посвященный памяти Тараса Григорьевича Шевченко. М., 1912. С. 101–116; 2) Краєвиди в поезії та малюнках Шевченка // Сяйво. 1914. № 2. С. 57–59; 3) Шевченко та Гогарт // Шевченківський збірник. СПб., 1914. Т. 1. С. 127–134.

[5] Я.А. Тугендхольд (заведовавший тогда отделом искусств Крымского наробраза) был командирован Крымревкомом в Москву и Петроград как председатель комиссии по сооружению памятника «В память освобождения Крыма» – «для привлечения опытного скульптора к участию в работах» (Труды и дни-2. С. 132).

[6] Это намерение осталось неосуществленным.

148. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 1 сентября 1921 г. Коктебель[1]

Получил Ваше апостольское послание,[2] Александра Михайловна. Мне досадно, что мы разделены и лишены возможности беседы. А болезни своей я радуюсь. Подумайте: после трепки десяти месяцев.[3] После десятимесячной невозможности остаться одному, подумать о своем — быть кинутым в собственную комнату, в полное уединение, быть оставленным со своими книгами, со своими мыслями. Это блаженство. Я наслаждался тишиной этого лета. Сперва я работал. Писал стихи. Одно — новое, законченное — посылаю. Оно, кажется, полнее всего передает Феодосийский декабрь.[4] Но потом меня скрутили боли — это была неприятная эпоха болезни. Но зато сколько я перечитал и чем только не начинился. Теперь идет очень медленная поправка. Я еле ползаю, но все же без костылей.[5] Теперь я занялся графикой. Мне было заказано несколько графических рисунков для Симферополя.[6] Я их сделал, увлекся и теперь делаю большие рисунки тушью (кистью), имея в виду заранее подготовить иллюстрированный материал для будущего издания лирических стихов. Все это создает большую паузу среди современности, и я ничего не имею против того, что она затягивается.

Современность же доходит до меня в виде угроз. Друзья и знакомые считают своим долгим мне сообщать о разных разговорах по моему адресу.[7] И очень характерно: все лето меня предупреждали: берегитесь, ЧК очень настроена против Вас и непременно Вас арестует как сочувствующего «белым», а теперь идут уже с другой стороны: ну мы с ним расправимся в первую голову, как только будет перемена. Он еще заплатит нам за свой большевизм. Doux pays!* Как приятно родиться поэтом в России! Как приятно чувствовать сочувствие, понимание и поддержку в безымянных массах своих сограждан.

С каждым разом этот вопрос становится все более и более остро: кто меня раньше повесит: красные за то, что я белый, или белые за то, что я красный? Неужели в конце кон-

* Милая родина *(фр.)*.

цов это сделает невозможным мое пребывание в Феодосии и Коктебеле? Это досадно.

Что касается внутренних домашних отношений, то все идет благополучно и хорошо: никаких недоразумений – все тихо и мирно. Мама во время жаров чувствовала себя плохо. А теперь ничего. Последний месяц очень повезло: привезли лекарства из Симферополя, дали больничный паек. Так что теперь мы едим обильно и даже других подкармливаем. Мама на меня совсем не сердится. Это ведь начинается, когда от меня требуется какая-нибудь активность, а теперь ведь ее нельзя требовать. Темперамент уходит весь на кошку, с которой истории через каждые 10 минут. Так что все, что было при Валетке, – все это прошло. А против нее было особое, постепенно нараставшее недружелюбие и, по-видимому, на почве ее помощи мне.[8] Все неисповедимо и неожиданно.

Ваша курица, орущая петухом,[9] мне очень не нравится (вроде моих неведомых белых и красных доброжелателей). По-моему, не стоит на нее (как и на них) обращать внимание.

Это ведь только затаенное желание темных сил. А рассматривать как прорицание отнюдь не следует – это уже подчинение темным силам.

Не знаю, как Вы свою, но я свою болезнь благословляю: право, более умно и толково провести лето, чем то, как я провел его только благодаря болезни, было невозможно. Все провиденциально. И я убежден, что способность владеть ногами я обрету именно тогда, когда они мне понадобятся.

Только что узнал, что завтра есть оказия в город, и поэтому письмо мое сокращается. Относительно фуги и Серафима[10] отвечу после: не вполне усвоил еще – думаю, что это действительно больше нужно Вашему тону души: но с этим можно кое-что понять.

За указание на сельдерей[11] – спасибо: но сейчас овощей совсем ведь нет – в Коктебель почти не привозят. И нет денег. (Так и не могу добиться от Наробраза уплатить за все мои лекции и публ<ичные> выступления в Феодосии с ноября месяца).[12] Без ног и без возможности самостоятельно передвигаться ничего не достанешь.

Не могу выразить, как меня трогает общее желание и стремление мне помочь и достать то, что надо. Это идет со всех сторон и от людей совершенно неожиданных (и тоже всех цветов). Надо торопиться кончать. Еще хочу Вам переписать новое стихотворение. Я его еще никому не читал. Поэтому Ваше впечатление мне очень важно. Кажется, что оно ближе подходит к реальности, чем прошлые. И когда писал, я думал о Вашем проекте часовни на Илье.[13] Крепко обнимаю и целую. Выздоравливайте, а курицу в суп.

МАХ.[14]

[1] Датируется по соотнесению с дневниковой записью А.М. Петровой от 2/20 сентября (пятница) 1921 г.: «Сегодня письмо от М<аксимилиана> Ал<ександровича>. Я права – обезьянье стадо, так или иначе, способно растерзать его. Храни Бог! Кошмар. Прислал новые стихи. “Бойня” – хороши! Радуется болезни – “освободительнице”, как и я» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 12, л. 227 об.).

[2] Имеется в виду письмо А.М. Петровой от 3/16 августа, отправленное в Коктебель с В.А. Рогозинским только 29 августа 1921 г.

[3] С декабря 1920 г. Волошин находился в разъездах по Крыму, инспектируя памятники искусства и частные библиотеки и участвуя в культурно-просветительской работе Крымнаробраза. (См.: Труды и дни-2. С. 128).

[4] Речь идет о стихотворении «Бойня. (Феодосия, декабрь 1920)», законченном 18 июля 1921 г. и описывающем красный террор в Феодосии. См.: Т. 1 наст. изд. С. 338–339.

[5] См. примеч. 2 к п. 147.

[6] Возможно, речь идет об участии Волошина в создании проекта памятника «Освобождение Крыма». С сентября 1921 г. в его доме в Коктебеле проживала группа художников во главе с А.А. Пржецлавским (Пшеславским), которая вела работу по созданию проекта памятника. Этот эпизод описан в воспоминаниях Волошина: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 379–380. См. также: *Изергина Мария.* В те годы // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 452–458.

[7] Позднее Волошин свидетельствовал, что эти слухи ему приносила О.А. Юнге. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 381–382.

[8] Речь идет о В.В. Успенской, свояченице К.В. Кандаурова, московской актрисе и художнице, которая приехала в Коктебель около 23 июля 1921 г. Успенская окончила в Москве курсы массажа и делала

Волошину «массаж ноги и горячие ванны». См.: Труды и дни-2. С. 131. После ее возвращения в Феодосию и рассказов о домашней жизни Волошина в Коктебеле Петрова сделала запись в дневнике 3/21 августа 1921 г.: «Вчера вернулась Вал<ентина> Влад<имировна> от Макс<имилиана> Ал<ександровича> из Коктебеля. Меня очень тревожит его здоровье. Ему плохо с подагрою, да еще при “уходе” Ел<ены> От<тобальдовны>, которая способна “уходить” теперь здоровых, не то что больных. Ужасно болит душа за него, положение его безвыходное. Его мать – его крест. Это невыразимо горько. Ее тоже жаль, но... сопоставление никак не в ее пользу. Она это чувствует и чем больше, тем все более *ревнует* к нему всех любящих его лично, а также всех ценящих его как поэта и мыслителя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 12, л. 197–197 об.).

9 Петрова писала Волошину 3/16 августа: «Все бы ничего, поправляюсь понемножку, но – с третьего дня курица у нас петухом запела, а вчера где-то вблизи сыч кричал. <...> Пишу Вам: утро, а курица подошла к окну, захлопала крыльями и – ну настоящим петухом орет. Вот еще чудеса. Вы знаете примету? – ведь “к смерти хозяина”, говорят» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 56 об.). А.М. Петрова умерла 11 декабря 1921 г.

10 Петрова признавалась Волошину в том же письме: «Вот, что меня безумно заинтересовало *для Вас*: форма фуги, музыкальная. <...> Вообще было бы мне крайне интересно Вам узнать о разных классич<еских> музыкальных формах. Ведь они могут необычайно помочь конструкции живых тем произведений поэтических». Здесь же Петрова, аналитически сопоставляя поэму Волошина «Святой Серафим» с конструктивной организацией фуги, приходила к выводу, что поэма Волошина «не “фуга”», а скорее, оратория или фуга трехголосная (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 58–59 об.). В архиве Волошина сохранилась также тетрадь Петровой с конспектами, содержащая текст: «Опыт разбора построения поэмы “Св<ятой> Серафим” М.А. Волошина по форме 4-х голосной фуги. Из письма к нему 16/3 авг<уста> 21 г.») (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 6, л. 44–47).

11 Отклик Волошина на совет Петровой: «Дура – Ваша подагра, откуда она теперь взялась? <...> достаньте *корений* <...> сельдерея, <...> налейте *двумя* стаканами воды, поставьте на огонь и дайте выкипеть до *одного* стакана; <...> пейте по ½ (пол) стакана натощак перед сном, а другую половину натощак утром, как проснетесь. Средство это удивительное для подагры. Оно сильно мочегонное и через 40 дней (курс лечения), даже куда раньше, Вы почувствуете полное облегчение» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955, л. 55–55 об.).

[12] В Феодосии Волошин читал лекции в Народном университете, который был открыт в ноябре месяце 1920 г. по инициативе и под руководством В.В. Вересаева и Д.Д. Благого, а также на Командных курсах. См.: Труды и дни-2. С. 110.

[13] Часовня святого Ильи на мысе того же названия близ Феодосии возведена в 1816 г. Мыс святого Ильи был местом массовых расстрелов и захоронений красноармейцами белогвардейцев и «буржуев» в декабре 1920 г.. См.: *Купченко В.* Красный террор в Феодосии // Победа (Феодосия). 1993. 13 февраля.

[14] На письме Волошина сделана приписка: «Константину Феодоровичу *Богаевскому* для Александры Михайловны от М.В.».

149. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Сентябрь 1921 г. Коктебель[1]

Коктебель.
Сентябрь 1921.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

недавно я послал Вам с неким тов. Козловским письмо и доклад (составленный по его просьбе) о положении писателей и художников, находящихся в Крыму (в области Феодосии).[2] Но теперь дошли слухи, что поезд, с которым ехал т. Козловский, потерпел крушение и он погиб. Поэтому вкратце позволю себе повторить то, что я писал.

Ваш вызов меня в Москву был почему-то задержан на 2 месяца Крым-Ревкомом, и когда он дошел до меня, я уже заболел (вот уже 3-ий месяц — не могу двигаться благодаря боли в коленях и др<угих> суставах: артрит на почве недостаточного и одностороннего питания). Поэтому у меня не было возможности приехать в Москву летом и нет никакой надежды выбраться не только из Крыма, но со своего кресла — зимой.

Положение писателей и артистов, живущих в Крыму, отчаянное. Здесь остались только те, что связаны с Крымом — домом, семьей, садом. Остальные, кто имел малую возможность, — уехали на север.

Все они разорены – то есть все у них конфисковано, многократно изъяты излишки и т.д. А т<ак> к<ак> все живут только обменом вещей и заработка нет никакого (советское жалование здесь слишком непропорционально ценам), то очень скверно. Почти все больны или болели цынгой.

Вот кто сейчас здесь находится.

Коктебель	Поликсена *Соловьева* (Allegro), поэтесса. Нат<алья> Ив<ановна> *Манасеина*, детская писат<ельница>, издат<ельница> журнала «Тропинка». Алексей Петр<ович> *Новицкий*, историк русск<ого> искусства. *Вересаев* (уезжает в Москву). Максимилиан *Волошин*.
Судак	Аделаида *Герцык* (поэтесса). Евгения *Герцык* (критик). София *Парнок* (поэтесса). Алек<са>ндр Афанас<ьевич> *Спендиаров* (композитор). Евгения Алекс<андровна> *Буткова*, (драм<атическая> артистка Московс<кого> Малого театра.
Феодосия	Конст<антин> Феод<орович> *Богаевский* (художник). Ник<олай> Ив<анович> *Хрустачев* (художник). Онейхи (еврейский писат<ель>, уезжает на север).

Я перечислил только тех, кого можно назвать «именами» и для которых искусство было профессией и единственным источником заработка.

Из них в особенно плохом материальном положении находится семья Герцык (15 человек – детей, женщин, почти все больны) и Евг<ения> Алекс<андровна> Буткова, 8 лет служившая в Малом Моск<овском> театре, на первых ролях, которая меня просит напомнить Вам о ней. Она не имеет возможности уехать из Крыма и рискует умереть от голоду. В таком же положении находится А.П. Новицкий с семьей.

Надо сказать, что Крым-Ревком предпринимает шаги для облегчения положения писателей и ⅓ упомянутых лиц получили права на Академический паек, но, к сожалению, его самодобиться <*так!*> почти невозможно. Если есть какая-нибудь возможность приказом из Центра обеспечить им хотя бы прожиточный минимум – это спасет от гибели многих.

[Теперь позвольте мне обратиться к Вам с личной просьбой: я давно стремлюсь издать полностью мою книгу стихов о Революции «Неопалимая Купина» (стихов 50 больших размером). Влад<имир> Александр<ович> Базаров, который наводил справки в Москве, сообщил мне, что в центре об издании нечего и думать.[3] Здесь издать возможно, и местный Госиздат очень этого хочет. Но он не имеет средств оплатить мне эту книгу. Между тем, это итог всей моей литературной работы за революцию и мой единственный шанс на заработок. Если она будет отпечатана даром, то я уже ничего не получу от нее. Нет ли возможности сделать так: чтобы Московск<ое> Государ<ственное> Издат<ельство> купило ее у меня, а издана она будет в Феодосии, где есть издательск<ие> материалы? Цена, считая по старому счету, получается такая:

3 тыс. экземп<ляров>, по 8 тыс. экземп<пляр> = 24 миллиона. 25% с валового это 6 миллионов (т.е. 600 руб. золотом). Это минимум. А здесь мне имеют возможность заплатить только 500 тыс. Об этом Феодосийск<ий> Госиздат должен был Вам телеграфировать. Если есть возможность приобретения моих стихов Моск<овским> Госиздатом, то я буду хоть на этот год обеспечен. Текст книги есть у Базарова, а часть я посылал Вам зимой.[4]]

Максимилиан Волошин.

P.S. Вся эта личная просьба отпадает, т<ак> к<ак> возможность издать книгу в Феодосии рухнула благодаря внезапному отъезду на север завед<ующего> Госиздатом, который было очень загорелся этой идеей.[5]

[1] Над текстом письма – пометы делопроизводителя Наркомпроса о регистрации письма (25 сентября 1921 г.) и о приобщении его «к дел<у> № 14».

[2] См. п. 147 и примечания к нему.

[3] Писем В.А. Базарова к Волошину в его архиве не имеется.

[4] Стихотворения были посланы вместе с п. 137.

[5] Ни в Государственном издательстве, ни в каком-либо другом книга «Неопалимая Купина» при жизни Волошина в свет не вышла.

150. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Сентябрь 1921 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

В дополнение к тем сведениям о положении писателей и художников в Крыму[2] я хочу добавить следующее: я писал, что Крым-Ревком ряду писателей и художников (как Тренев, Елпатьевский, Сергеев-Ценский, Шмелев, Поликсена Соловьева, Вересаев, художн<ик> Богаевский, София Парнок я и др. <?>) назначил Академический паек, что, конечно, обеспечивало бы их существование в эту крайне тяжкую предстоящую зиму, но практическая реализация его встречает упорное канцелярское сопротивление в выдающих его учреждениях и определенное нежелание, которое преодолеть здесь (не в Симферополе) крайне трудно, и в результате писатели не получают почти ничего. Телеграфное распоряжение из центра (и, что очень важно, определяющее *размеры* пайка <и> включающее в него *дрова*, ибо все отказываются незнанием, что такое академический паек) было бы очень важно и помогло бы проломать канцелярское сопротивление.

По отношению к именам можно было бы просто употребить формулу «лицам, указанным КрымРевкомом», т<ак> к<ак> я не имею под рукой полного списка их. Эмилий Львович Миндлин, который передаст Вам это письмо, прочтет Вам мои новые стихи, формулирующие впечатления террора этой зимы.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Над текстом письма – помета делопроизводителя Наркомпроса о регистрации письма (30 сентября 1921 г.).

[2] См. п. 149.

[3] Подразумеваются стихотворения «Красная Пасха» (21 апреля 1921 г.), «Террор» (26 апреля 1921 г.), «Терминология» (29 апреля 1921 г.), «Бойня» (18 июля 1921 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 338–344.

151. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Около 24 сентября 1921 г. Коктебель

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

по полномочию Совета Руководителей Феодосийских Художественных Государственных Мастерских обращаюсь к Вам с просьбой прийти им на помощь.[1]

Как это ни странно с первого взгляда – Феодосия является в Крыму центром художественно-живописной жизни. Крым обычно живет искусством случайным: художники наезжают в качестве туристов на этюды или прикрепляются в лучшем случае к Южному Берегу, купив себе дачу. И Крым – курортный-художественно бесплоден.

Между тем – Феодосия, являющаяся центром обширной степной области – Киммерийских берегов Черного и Азовского моря, является очагом своего собственного искусства. (Искусство всегда вырастает на почве строгой бесплодной и избегает избыточно живописных мест.)

В течение XIX века Феодосия (Киммерия) дала русскому искусству Айвазовского, Куинджи (с берегов Азовского моря), Лагорио. Они были уроженцами этой земли и целиком вышли из ее почвы. Они образуют, несмотря на все свое несходство, Киммерийскую школу в истории русского пейзажа (чем, пожалуй, не сможет похвастать ни одна из русских провинций). В настоящем поколении главой Киммерийской школы является Константин Феодорович Богаевский.

С нею связаны органически и Шервашидзе, Ребиков (композитор), М. Волошин.

Все это указывает, что здесь древняя и перенасыщенная культурная подпочва начала приносить творческие плоды и что надо только помочь развивающемуся процессу, чтобы получить богатые результаты.

Государственные мастерские являются в Феодосии первой попыткой объединить все художественные силы к созданию реальной школы.

В совете руководителей школы состоят: К.Ф. Богаевский, Хрустачев (выст<авка> «Мир Искус<ства>»), Пискарев, Шаронов, М.А. Волошин, Магула, Святский.

Н.И. Пискарев, едущий в Москву по делам Художественных Мастерских, Вам изложит подробно все их состояние, я же со своей стороны обращаюсь <к> Вам с просьбой оказать материальную и моральную помощь этому делу, которое заслуживает государственной поддержки.

Максимилиан Волошин.

[1] В Совет Феодосийских государственных художественных мастерских входили, кроме Волошина, Г.А. Магула, Н.И. Пискарев, К.Ф. Богаевский, Е.Н. Святский, Н.И. Хрустачев, М.А. Шаронов. Обращение к А.В. Луначарскому было инициировано Пискаревым, писавшим Волошину 22 сентября 1921 г.: «Уезжая в Москву по делам Феодосийских Государственных Художественных Мастерских, обращаюсь к Вам по поручению Совета Руководителей: Богаевского, Шаронова, Хрустачева, Магулы, Святского, с просьбой написать личное письмо к тов. Луначарскому 1) охарактеризовав значение Феодосии как центра художественной жизни Крыма и будущего этапа киммерийского искусства, отметив попутно наличие в данное время крупных художественных сил в Феодосии в составе руководителей, 2) обратить внимание тов. Луначарского <...> на необходимость в существовании, развитии и поднятии на должную высоту Феодосийских Государственных Художественных Мастерских, как высшей художественной школы в крымском масштабе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 968).

152. Н.И. ПИСКАРЕВУ

Около 24 сентября, 1921 г. Коктебель

Дорогой Николай Иванович,

посылаю Вам письмо Анатолию Васильев<ичу>[1] — но по необходимости краткое — куда<?> же написать большое письмо за 1½ часа (если б у меня был день!), но ведь Вы уезжаете в воскресенье?[2]

Я все болен (последнее время мне опять хуже), еле двигаюсь. Нет надежды возвращения из Коктебеля и зимой. Предстоит зима без дров и муки и без возможности заработка. Даже до Феодосии добраться не могу в таком состоянии. Если будете говорить с Луначарским — скажите ему о моем состоянии.

Я не ответил Вам на Ваше первое письмо: я тогда совсем еще не двигался и не мог добраться до полки с греческим словарем.[3] По-гречески искусство и ремесло выражается одним словом τεχνή (технэ). Так что надо бы фразу составить так <?>: Κίμμερίῶν τεχνή (искусство киммерийцев) или Κίμμερίκόν τεχνή (Киммерийское искусство), но надо все же показать раньше филологам. Что касается марки — то Ваша мне нравится очень, и я ее считаю вполне подходящей, хотя у Феодосии есть свой знак в гербе, но он не декоративен и смысл его мне неясен.

Вот:

См. в Археол<огическом> музее на Митридате.[4]

Башня — надоела и банальна.[5]

Максимилиан Волошин.

[1] Письмо к А.В. Луначарскому (см. п. 151).

[2] Воскресенье — 25 сентября.

[3] В письме от 11 августа 1921 г. Н.И. Пискарев просил Волошина о совете: «...нам (Феодосийским Государственным Художеств<енным> Мастерск<им>) нужен герб школы — последнее время останавливаемся на гербе Фанагории — грифон крылатый, или генуэзской башни. Желательно, чтобы герб был связан с историей

Ким<м>ерии или Феодосии. Как связать, какой из гербов, какой девиз, связанный с искусством и Ким<м>ерией, Вы могли бы посоветовать как член Совета Руководителей Мастерских? Попутно лично прошу Вас (если найдете возможным) дать надпись по-гречески “искусство (мастерство, ремесло) Ким<м>ерии”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 968). В следующем письме от 22 сентября 1921 г. (см. примеч. 1 к п. 151), написанном на бланке Феодосийских государственных художественных мастерских с маркой, изображающей грифона, Пискарев спрашивал Волошина: «Ваше мнение о марке школы? Соответствует ли она школе и какие изменения и герб Вы могли бы предложить» (*Там же*).

[4] Историко-археологический музей в Керчи на горе Митридат, возведенный в 1835 г.

[5] Подразумевается башня Генуэзской крепости Кафа в Феодосии (XIV в.). До настоящего времени сохранились две башни — башня Святого Климента и башня Криско.

153. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

17 октября 1921 г. Феодосия[1]

Милая мама, вчера приехали.[2] Сегодня видел докторов. Меня поместят в санаторию завтра (санат<ория> № 10). Кажется, дадут отдельную комнату. Пока голодаю и грызу тот кусок хлеба <что>* ты дала. Все истощены, больны, бледны. Алекс<андра> Мих<айловна>[3] <очен>ь плоха. Но возбуждена. Раздражена. Я все-таки смог про<ков?>ылять на ту сторону города. Пока ничего не смог еще сделать <ни> в смысле покупок, ни денег, т<ак> к<ак> лишен свободы передвижения. До свиданья.

Max.

Посылаю 2 письма от Аси и Марины,[4] что привез Миндлин.

[1] Отправлено с оказией (на обороте — обозначение адресата: «Пра»).

[2] 16 октября 1921 г. И.В. Гончаров отвез Волошина на автомобиле в Феодосию для лечения в санатории; первые дни Волошин провел в квартире Лампси в доме Айвазовского.

* *Край листа с текстом оторван.*

[3] А.М. Петрова.

[4] Письма из Москвы от А.И. и М.И. Цветаевых. Письмо М. Цветаевой к Е.О. – от 10/17 сентября 1921 г. (см.: *Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 82). Письмо А.И. Цветаевой – недатированное (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 335).

154. В.В. ВЕРЕСАЕВУ и М.Г. СМИДОВИЧ

Третья декада октября (?) 1921 г. Феодосия

Дорогие Викентий Викентьевич и Мария Гермогеновна, приветствую Вас в Москве.[1]

Спасибо Вам, Викентий Викентьевич, за письмо и Ваши хлопоты обо мне в Симферополе.[2] Никак я не думал, что у них в Таврическом музее[3] такая бестолочь и неурядица. Конечно, речь шла не об акварелях, сданных мною на хранение, а о 3 акварелях, выбранных летом Тугендхольдом, им увезенных и прошедших уже сквозь оценочную комиссию. Сообщаю Вам это только для того, чтобы Вы не подумали, что я стремлюсь получить деньги за вещи, мною самим отданные на хранение. Удивляюсь, что Бонч-Осмоловский не знает собственных дел.[4] Прилагаемое письмо Луначарскому, которое очень прошу передать по назначению, касается дел Екатерины Владимировны[5] и академических пайков, которые губернский Союз теперь вообще отказывается выдавать нам. Тут вообще органы выдающие не хотят признавать института академических пайков, затягивают их выдачу до конца месяца, а потом заявляют, что задним числом не выдают. Так что положение – отчаянное.

Я пишу Вам из Феодосии, где нахожусь в X санатории.[6] Пришлось оставить Пра совершенно одну в Коктебеле. Но от лечения пока результатов не вижу. И лечения как следует – лечения интенсивного, с ваннами, с массажем, с надлежащими лекарствами, я, очевидно, не дождусь. И остаюсь пока калекой. Но кое-как ковыляю немного по городу и, несмотря ни на что, собираюсь начать чтение моих курсов в Высшем институте народного образования и Командных курсах.

Мое личное положение в санатории с этими лекциями было бы прекрасно, несмотря на болезнь, но не знаю, как быть с Пра. В доме – никого. И перевезти ее сюда, бросив дом на произвол судьбы, тоже невозможно. Если в Ваших возможностях, Викентий Викентьевич, как-нибудь повлиять на дело выдачи академических пайков, то, пожалуйста, приложите к этому руку.

Как Вы чувствуете себя в Москве, Марья Гермогеновна? Большое ли чувство облегчения испытываете Вы, отойдя от хозяйственных хлопот? Как Ваши театральные пути?

Максимилиан Волошин.

[1] В.В. Вересаев и М.Г. Смидович выехали из Крыма в Москву 11 октября 1921 г.

[2] В письме из Симферополя от 3 октября 1921 г. Вересаев сообщал Волошину о принятии к печати его стихотворений: «Из стихов для Альманаха взяты “Дикое поле” и “Карадаг”, – переводы из Ренье, видимо, составителей не прельщают. Я удивился, что Вы прислали так мало стихов на выбор, – приходится Вам около 400 тыс., за вычетом 100 тыс. аванса, – около 300». Дополнительное сообщение – в приписке на следующий день: «Деньги пришли. На днях едет в Феод<осию> и Кокт<ебе>ль секретарь изд<ательст>ва. Привезет Вам гонорар за стихи, а остальное – вроде аванса за графику» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 1–1 об.). Два упомянутых стихотворения Волошина были напечатаны в «Южном альманахе» (Кн. 1. Симферополь, 1922. С. 14–18), графические работы Волошина там не были помещены.

[3] Центральный Музей Тавриды, торжественно открыт в Симферополе 8 мая 1921 г. (Труды и дни-2. С. 124).

[4] Отклик на сообщение Вересаева в цитированном письме: «Был <...> в музее у Бонч-Осмоловского. Он про покупку акварелей у Вас не знает, – говорит, что Вы ему отдали их только на хранение, что они, конечно, купят, но еще должна сказать свое слово оценочная комиссия, – и опять: “Вот приедет барин”, – Туген<д>хольд. У них денег нет, но Туген<д>хольд должен приехать через две недели, и привезет с собою 10 милл<ионов> специально на покупку для музея, и тогда они незамедлительно вышлют».

[5] Е.В. Виганд. Упоминаемое письмо Волошина к А.В. Луначарскому не обнаружено. 21 марта 1922 г. Вересаев писал Волошину: «Был сегодня у Луначарского. <...> Ему же передал Ваше письмо к

нему об Екат<ерине> Влад<имировне> Виганд, писанное Вами в ноябре прошлого года и только в середине марта (!) доставленное нам вместе с письмом Ек<атерины> Влад<имировны>. Я объяснил Луначарскому положение, в кот<ором> находится Ек<атерина> Вл<адимировна> <...>, и он дал свое заявление о праве Ек<атерины> Влад<имировны>, как жены Маркса, на участие в его наследстве. Эту бумагу я посылаю Ек<атерине> Вл<адимиров>не» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 5–5 об.).

[6] См. примеч. 2 к п. 153.

155. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Начало ноября (?) 1921 г. Феодосия

Милая мама,

Дода у меня была в отчаяньи, что не может найти какой-то купчей, спрятанной у меня будто бы Сашей.[1] Мне помнится, что Саша прятал у меня какую-то, но папку с бумагами отдельно (но не уверен, не отдал ли я ее Феод<ору> Эдуард<овичу>[2]). Если она есть, то она должна быть в кабинете в изножьи малого дивана (это около письмен<ного> стола) на верхней или нижней полке. Но там сложена вся моя переписка и архивы, и я не хочу, чтобы там копались без меня. Если папка там есть, она должна быть сверху, на виду. Пожалуйста, подымись с Додой сама и пусть она при тебе посмотрит. Книги Ек<атерины> Феод<оровны>[3] и Саши все находятся в четырех отделениях (широких полках внизу), и надеюсь, что Дода не бросит их разрытыми в беспорядке, очень прошу Ольгу Андреевну[4] присмотреть за этим. Мои чулки (гетры) могут быть там же на нижних полках – крайних к чердачной двери за ящиком (деревян<ным>), где пишущая машинка, или даже в самом ящике.

МАХ.

[1] Д.А. Юнге и ее муж А.Э. Юнге. Часть вещей семейства Юнге после разгрома их имения в январе 1918 г. была перенесена в дом Волошина. 29 октября / 11 ноября 1921 г. Е.О. писала Волошину:

«С Додой я сегодня раззнакомилась за обвинения меня в пропаже ее вещей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 20); вновь касалась конфликта с Д.А. Юнге в письме к Волошину от 12/25 ноября 1921 г. (*Там же*, л. 23–23 об.).

[2] Ф.Э. Юнге.

[3] Е.Ф. Юнге.

[4] О.А. Юнге.

156. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

30 ноября 1921 г. Феодосия

30 ноября.

Милая мама, получил на днях две твои записки (от 29/X и 1/XI). Они потратили месяц, чтобы до меня добраться. А сегодня третью от 8/XI.[1]

Вчера были похороны Александры Михайловны.[2] Она умерла неожиданно, сразу. Во время разговора с Жозефиной Густавовной.[3] До самой последней минуты сохраняя полное сознание, интерес к жизни, бодрость духа. Все время горела новыми мыслями, вопросами. Жила страстно до самой последней минуты сознания. Агония длилась не дольше полуминуты. Она была задушена сразу подступившей водой, которая, очевидно, вдруг прорвалась и в сердце и в мозг. А последние дни даже физически лучше себя чувствовала. Я был у нее вечером за 3 дня. Она была бодра, весела. Голос звучал сильно. И не было ни малейшей мысли о том, что она может умереть через 2 дня. Хотя общее ее состояние было уже безнадежно, т<ак> к<ак> водянка все время развивалась и вода отступала все труднее и труднее. Она умерла 28 ноября в полдень. Вчера 29<-го> ее уже похоронили. Тело к моменту похорон было уже неузнаваемо – так быстро шло разложение. И странно – в этом не было ужаса: так ясно чувствовалось, что оно просто сброшено, как до конца сношенная одежда, и что с этим быстро истлевавшим прахом не опускалось в могилу ни одной частицы духа. И сейчас радость этого полного преодоления

плоти засло<няет>* всякую печаль. И это чувство у всех, кто ее видел последние дни.[4]

Ты спрашиваешь о ключе от железного сундука, где платье.[5] Я уже в 2 запис<ках?> <...>* и давно. Повторяю еще раз: войдя на чердак налево в скосе крыши в щели – <...>* как раз над левым плечом. Он большой, толстый, его сейчас же видно. В скосе кр<ыши у> самой стены.

Мое здоровье: улучшение идет неторопливое, но сильное.[6] Колено уже не мешает. Только бессильно при подъеме в гору и на лестницу. Боли в тазу. Сильные по-преж<нему> в спине. Больно спать. Доктор говорит: Вы поправитесь теперь, но чтобы окончательно позабыть, что вы были больны, Вам необходимы летом грязи.

Керосин получен и находится у меня. Записку на получение дров пошлю в этом письме. Ордер же самый находится в Отузах у заведующего работами дровяного склада тов. Корчина. Я ничего не могу послать, т<ак> к<ак> у меня нет мешков – мне их еще не передала m<ada>m Прево.[7] А он сам и Пшеславские[8] сгинули без вести. Все знакомые опасаются, что они арестованы.

MAX.

P.S. Ввиду того, что это письмо передаст в Коктебеле проездом С.Я. Парнок *кому-нибудь* для передачи тебе, то записку на получение дров я *не вкладываю*, но пришлю с ближайшей оказией.

[1] Эти письма Е.О. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 20–22) датированы по старому стилю; по новому стилю, соответственно, – 11, 14 и 21 ноября.

[2] А.М. Петрова. Волошин, находившийся в санатории, получил известие о ее кончине от К.Ф. Богаевского. См.: Т. 7, кн. 2. С. 383–385. В письме от 8/21 ноября Е.О. выражала беспокойство о здоровье А.М. Петровой: «Как ты нашел Алек<сандру> Мих<айловну>? Неужели она последние дни доживает?»

---

* *Край листа с текстом оторван.*

[3] Ж.Г. Богаевская.

[4] Е.О. писала Волошину 23 ноября / 6 декабря 1921 г.: «Сегодня вечером заходила к Пол<иксене> Сергеев<не> <Соловьевой. – *Ред.*> прочесть твои строки о смерти Ал<ександры> Мих<айловны>. – Не могу согласиться с твоим послед<ними> словами: “сейчас радость этого полного преодоления плоти заслонила всякую печаль”. – Такое чувство может быть только у хороших знакомых, даже так называемых друзей, но не у человека, воистину любившего и привязанного к ней. Ведь даже Христос – Богочеловек оплакивал смерть любимого им Лазаря и плакал бы, несмотря на некое преодоление плоти. И не хочу я видеть такого преодоления; хочу видеть в последние часы прекрасное смертное лицо любимого с отпечатком последних чувств, мыслей при переходе в другую жизнь. – И быстрое преодоление плоти не от человека зависит, носившего эту плоть, а от рода болезни и температуры воздуха. Я радуюсь только тому, что смерть ее была легка» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 25–25 об.).

[5] Е.О. спрашивала об этом в письме от 1/14 ноября: ключ нужен, чтобы вынуть «свое платье для промена»; повторяла свой вопрос в письме от 8/21 ноября.

[6] 1/14 ноября Е.О. писала Волошину: «...я на днях получила твою записку, где ты пишешь об очень неутешительном отзыве докторов о сроке твоего полного выздоровления <...>». Эта записка среди писем Волошина к Е.О. не сохранилась.

[7] Вдова художника-феодосийца Альфреда Ахилловича Прево (1878–1919).

[8] Художник-баталист Александр Александрович Пшеславский (Пржецлавский; 1875–?) и его жена Елена Ивановна (1884–?), художница.

157. И.А. НОВИКОВУ

9 декабря 1921 г. Феодосия

9 XII 1921.
Феодосия.

Дорогой Иван Алексеевич (я не ошибаюсь в Вашем отчестве?), очень благодарю редакцию «Костров» и Вас лично за присланный аванс. Остальные деньги – Шмелеву, Ценскому, Герцыкам – посланы. С.Я. Парнок сама передаст Вам письмо это и мои стихи.[1]

Адрес Ценского и Шмелева – Алушта, собст<венные> дачи. Подробнее не знаю. Думаю, что этого довольно.

У меня для издания есть готовая книга стихов «Неопалимая Купина» (стихи 1919–1921 гг., 31 стихотворение).[2] Ее Вам передаст С.Я. Парнок. Вы из нее выберете то, что Вам подойдет для Альманаха[3] (но придется опросить поэта Миндлина, котор<ый> взял с собою часть моих новых стихов для помещения в московских изданиях, чтобы не произошло недоразумений).

Софии Яковлевне я даю полную доверенность на издание «Неопалимой Купины» и помещение отдельных стихотворений, т<ак> к<ак> я сам совершенно не знаю современных условий и цен.

Кроме этой книги у меня еще лежат ненапечатанными 2 книжки приблизительно такого же размера:

Лирика (1910–1914 гг.) – вторая книга стихов, не увидавшая света из-за войны,[4] и

Переводы из Анри де Ренье.[5]

Желательно переиздание «Демонов Глухонемых» (стихи о революции), изданных «Каменой» в Харькове и давно разошедшихся.[6]

Я болен уже ½ года острыми артритическими болями и теперь медленно поправляюсь. Но лежу в санатории.

Мне очень бы хотелось, чтобы издание было напечатано по старой орфографии – мне и «Ѣ» и «Ъ» необходимы для рисунка стихов.

Глубоко благодарю за память и внимание. Ваше письмо – весть из такого далекого и давнего мира.

Максимилиан Волошин.

Адрес: Феодосия. Дурантевская улица, д<ом> Дуранте. К.Ф. Богаевскому для Волошина.

[1] Отклик на письмо И.А. Новикова из Москвы от 23 ноября 1921 г.: «Редакция из<дательст>ва “Костры”посылает Вам аванс 1. 000. 000 рублей и очень будет рада, если Вы пришлете стихов или для альманаха, или, б<ыть> м<ожет>, для отдельной небольшой книжечки. Как будто вообще частные из<дательст>ва начинают

понемногу оживать. <...> P.S. Редакция посылает авансы также Сергееву-Ценскому и Шмелеву. Не откажите сообщить их адреса и указать возможность передачи денег тому лицу, кот<орое> вручит Вам это письмо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 890).

[2] Судя по указываемым хронологическим рамкам и количеству стихотворений, эта версия книги «Неопалимая Купина» существенно отличалась от сформированной в 1920 г. (см. примеч. 6 к п. 123). В нее, в отличие от первоначальной версии, не вошли стихотворения, ранее опубликованные в книге «Демоны глухонемые», и были добавлены стихотворения, написанные в 1920–1921 гг. По всей вероятности, в этом варианте «Неопалимая Купина» включала – по отношению к позднее сформированному корпусу книги – часть стихотворений раздела III «Пути России» (написанные в 1919–1920 гг.), цикл «Личины» (раздел V основного корпуса) и стихотворения 1919–1921 гг., вошедшие в разделы VI («Усобица») и VII («Возношения») основного корпуса книги.

[3] В альманахе «Костры» (Кн. 1. М.: Костры, 1922) произведения Волошина не были напечатаны.

[4] Ранее – по всей вероятности, в сентябре 1920 г. – Волошин составил сборник «Стихотворения. Книга вторая. 1910–1920» и направил его М.О. Цетлину в Париж, но издание тогда не состоялось. Ныне эта книга по рукописи, хранящейся в собрании А.Ф. Маркова, опубликована тиражом 125 экз. (М.: Норма, 2000).

[5] См. примеч. 6 к п. 75.

[6] См. примеч. 1 к п. 93.

158. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

10 декабря 1921 г. Феодосия

10/XII 1921.

Милая мама. Ряд неожиданностей. Я писал Марине отчаянное письмо о положении Герцык, прося привести в Москве все в движение.[1] Они подняли там целую бурю.[2] На этой неделе я получил для Герцык 2½ миллиона. Себе 1.000. 000 авансу от изд<ательства> «Костры» с предложением издать книгу стихов.[3] Теперь хлопочу о превращении их в продукты с наибольшей выгодой. За Герцык радуюсь безумно. А 100 тыс<яч> Марина и Ася[4] еще посылают от себя тебе и

мне. Эти дни помогал отъезду С.Я. Парнок в Москву. Только что отправил.

Дело о получении академических пайков очевидно тоже сдвинется с места.

Прилагаю письмо Али к тебе. Маринино письмо мне — после прочту.[5]

Прилагаю записку на получение дров из склада в Отузах. Керосин у меня полностью.

Моя нога значительно лучше. Эти дни мне пришлось сильно бегать и ничего. Но спина и бедра еще очень болят.

Но новая беда — у меня кисть правой руки совсем отказывается служить: мускулы атрофируются на глазах. Нет сил резать ножницами, держать чашку. Хирург предполагает, что я, делая усилия, порвал себе связки, ранее ущемленные в локте. Это значит — рубя дрова. Ведь я до болезни и во время начала ее рубил эти кизиловые дрова с отчаяньем, зная, что мне нельзя работать ею физически, только чтобы не ссориться с тобой. Теперь, м<ожет> б<ыть>, предсто<ит> операция. Выяснится на днях: с руки делал<и> <рентгеновский>* снимок.[6]

Очевидно, придется учиться писать левой рукой, а живопись моя окончится совсем. Это очень грустно.

Но сейчас, как только оправились мои ноги — у меня столько дел, что некогда об этом думать. Читаю каждый вечер лекции.[7] Получаю за это пайки, часть откладываю для Коктебеля. Часть отдаю племянникам Алекс<андры> Мих<айловны>,[8] положение которых после ее смерти ужасно. Часть хлеба раздаю другим голодающим. Дай Юнге керосина и муки фунтов 10. Я на днях получу пуд. Ты ничего не пишешь об них.

Возможность издать в Москве стихи — меня глубоко радует. Соф<ия> Яков<левна> увезла теперь ее текст с собою.[9] Крепко целую. Пишу наспех.

МАХ.

P.S. Т<ак> к<ак> письмо берется передать Нюра Павлова,[10] то прилагаю письма Марины и Аси. Сохрани их.

---

* *Край листа с текстом оторван.*

[1] Это письмо Волошина к Марине Цветаевой, видимо, не сохранилось.

[2] 7/20 ноября М. Цветаева писала Волошину: «Получив твои письма, подняли с Асей <А.И. Цветаева. – *Ред.*> бурю. Ася читала и показывала их всем, в итоге дошло до Л<уначар>ского, пригласил меня в Кремль» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 65). В тот же день Волошину написала дочь М. Цветаевой – А.С. Эфрон: «М<арина> Вас так любит, что даже без голосу говорила с Л<уначар>ским – и все сказала. Все обещал» (*Там же.* С. 79).

[3] См. п. 157, примеч. 1.

[4] 27 ноября / 9 декабря 1921 г. А.К. Герцык писала Волошину из Судака: «Полтора месяца почта не приходила и не уходила от нас, и наш глухой, отрезанный от мира Судак костенел в молчании, голоде и умирании. Таким образом, получив деньги и письма – мы до сих пор лишены были возможности ответить на них. <...> Итак – спасибо еще раз горячее и глубокое за ваши заботы о нас! Знаем, что если б не Вы – московские друзья не сделали бы того, что сделали для нас. Вы *буквально* спасли нас, т<ак> к<ак> деньги пришли в момент полного истощения всяких средств к жизни, и мы питались картофельной кожурой, которую выпрашивали у чужих» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 409).

[5] Имеется в виду цитированное выше письмо М.И. Цветаевой к Волошину от 7/20 ноября 1921 г. Приводим письмо А.С. Эфрон к Е.О. от 8/21 ноября 1921 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 338, л. 10–10 об.):

Моя дорогая Пра!

От Вас так давно нет писем. За Вас я молюсь богу храбрых, не знаю, есть ли такой. (Не бог войны!) Мы с М<ариной> читаем мифологию, мой любимец – Фаэтон, хотевший править отцовской колесницей и *зажегший* моря и реки! А Орфей похож на Блока: жалобный, камни трогающий.

Мне очень грустно, когда я думаю о Вашем ревущем море, нужно чтоб что-нибудь его заглушало, а то так одиноко. Скоро, когда наберем денег, снимемся с Андрюшей <А.Б. Трухачев, сын А.И. Цветаевой. – *Ред.*> и пришлем Вам фотографию.

Я его выше на полголовы, потому что *Ваша* крестница!

Никто в Москве точно не знает, что существует Крым, и когда М<арина> с Асей начали поднимать всю эту бурю, то все знакомые книгоиздательства откликнулись. Нежно целую Вас, моя чудная Пра!

Ваша Аля.

Е.О. писала Волошину 4/17 декабря 1921 г.: «Письмо Марины, к сожалению, понимаю только из пятого в десятое. Мне что-то совсем неловко от этих 100. 000, посылаемых ею с Асей: ведь они сами больше бедствуют во всех отношениях; самый поступок прекрасен» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 27).

[6] Е.О. отвечала в том же письме: «...получила твою записку с письмами Марины, Али, Аси и с бумажкой на дрова. Меня очень огорчает твоя рука, а ты еще прибавляешь огорчения, думая, что я в этом виновата: что ты, мол, рубил дрова, чтобы со мной не ссориться. Это не так: ты рубил дрова для того, чтобы есть и пить, для того же и я их рубила во время твоей болезни, и еще усиленнее — после твоего отъезда в Феодосию».

[7] В день написания письма Волошин выступал с лекцией о Достоевском в Народном университете, там же он прочел 3 декабря лекцию о Некрасове; 4 декабря читал лекцию в Музыкальной школе (Труды и дни-2. С. 138—139).

[8] А.М. Петрова.

[9] Подразумевается текст книги «Неопалимая Купина». См. п. 157, примеч. 2.

[10] А.В. Павлова.

159. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

22 декабря 1921 г. Феодосия

Феодосия. 22.XII.1921.

Дорогая Юлия Леонидовна,

смутные вести о болезни К<онстантина> В<асильевича> привез д<окто>р Кайзер.[1] Но он ни у кого из нас не был, все вести дошли через третьи руки в таком виде: К.В. болел все время в Туркестане малярией, а вернувшись, заболел воспалением легких и теперь будто бы опасность миновала. Все это достаточно неопределенно и тревожно. Я писал Вам несколько раз летом и послал полный список всех последних стихов с Вересаевым. Нашли ли Вы мои письма по возвращении?[2]

В Крыму мертвый голод, и едва ли многие переживут эту зиму. Первой ушла Алекс<андра> Михайловна.[3] Она умерла от болезни почек и водянки на почве общего истощения и

голода. До последнего момента пламенела сердцем и мыслью. Знала, что не выживет. Была переполнена различными мыслями. Много записывала. Умерла вдруг, среди разговора. Ушла такой живой, такой полной мыслью, что тело казалось ветхой одеждой, сношенной до конца. В могилу с ним не опустилось ни крупицы духовного бытия.

У К<онстантина> Ф<еодоровича>[4] дни уходят на доставание хлеба, воды, колку дров. У него страстное желание работать и полная физическая невозможность.

Мне, как обычно, очень везет. На этот раз моя удача выразилась своеобразно – в болезни. Я болен уже 6 месяцев. Все лето пролежал у себя в кабинете (наверху) без движения благодаря артритическим болям. Правда, было очень мучительно и свело ногу и спину. Но зато много молчал, читал и *не видал* людей, что было крайне необходимо, и (представьте мое счастье!) похудел на 1½ пуда. Теперь лежу в санатории в Феодосии и начинаю поправляться. Могу уже довольно свободно ходить. Читаю лекции.[5] Пайки посылаю Пра. А здесь меня кормят. Плохо только, что Пра этой зимой в Коктебеле совершенно одна во всем доме – ни живой души вокруг, и мне, вероятно, придется, не долечившись и бросив лекции, вернуться в Коктебель на голодовку, которая наступит, когда я брошу лекции. Скверно тоже, что совсем отнимает<ся> правая рука: я колол дрова и надорвал ущемленные в локте связки, и пальцы совсем теряют силу: с трудом держу перо. Очевидно, придется переучиваться на левую руку. Очевидно, мне придется пробыть все же в больнице всю зиму, т<ак> к<ак> выздоровление окончательное мне обещают только летом после курса грязевого лечения.

Я все время мечтал о поездке в Москву. Но если бы и не болезнь, то все же не удалось бы приехать, т<ак> к<ак> Пра о моем отъезде и слышать не хочет, хотя бы и на время. Да и правда ее нельзя так оставлять совсем одну. А из Коктебеля все бежали. Александр Юнге умер,[6] Феодор Юнге помирает от голоду. Вообще Феодосия самое худшее место в Крыму по голоду, а Крым во всей России.

Нам с Кон<стантином> Феод<оровичем> присуждены центральной властью академичес<кие> пайки. Но нам их местные власти упорно не выдают вот уже семь месяцев. Церасским тоже. Они в совершенно отчаянном положении. Сейчас дни особой паники: цена на хлеб за 4 дня поднялась с 7 тыс<яч> за фунт на 27 тыс<яч>. На рейде стоят суда с хлебом, но у города нет средств его купить, и суда уходят.

До свиданья. Жду писем от Вас. Обнимаю К<онстантина> В<асильевича> и желаю ему полного и скорейшего выздоровления. Привет Екат<ерине> Ива<новне> и Феодор<у> Конст<антиновичу>.*[7]

Максимилиан Волошин.

Вот два последних стихотворения: одно «Северовосток»[8] написано в июле 20 года в ожидании прихода, другое теперь на днях, как обязательный заказ 1-майской комиссии на тему «Победа пролетарского праздника над христианским».[9]

[1] К.В. Кандауров и Валентин Карлович Кайзер (1876–?).

[2] Следующее по времени написания из сохранившихся в архиве Волошина писем Оболенской, от 28 апреля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 7–10), ответа на этот вопрос не содержит.

[3] О смерти А.М. Петровой см. п. 156.

[4] К.Ф. Богаевский.

[5] См. примеч. 7 к п. 158. 17 декабря 1921 г. Волошин читал поэму «Протопоп Аввакум» в Санкуре, 19 декабря – лекцию на Комкурсах (Труды и дни-2. С. 139).

[6] Точная дата смерти А.Э. Юнге в 1921 г. не установлена. О семействе Юнге Е.О. Кириенко-Волошина писала Волошину 4/17 декабря 1921 г.: «...бедствуют по-прежнему, давно сидят без хлеба, без жиров, в холоде и голоде» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 27 об.).

[7] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[8] К письму приложен текст стихотворения с пометой: «Июль 1920 г. Коктебель».

[9] Текст этого стихотворения неизвестен.

---

* *Далее вымараны две строки.*

160. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

25 декабря 1921 г. Феодосия

25/XII 1921.

Милая мама, посылаю тебе с Лукашевичем сколько собралось продуктов от пайка, картофель, сахар и т.д.[1] Досадно, что не днем, двумя позже, т<ак> к<ак> получу академический паек и на мой миллион куплю сахару 1½ пуда. Он будет тебе валютой для обмена, т<ак> к<ак> деньги падают, а в январе – девалюоация. Денег посылаю тебе 50 тыс<яч> (все, что есть на мне). Остальные у Богаевского и не смогу сегодня достать.

Продуктов на рынке сейчас нет совсем в связи с повышением цен на хлеб. А пока были – у меня денег не было. У меня скоро будет оказия прислать тебе то, что получу и соберу на этих днях.

Письмо от Нюры Павловой получили уже давно. Но письма через Полякова – нет.[2] Он встретил меня на улице, просил зайти за письмом и дал мне неверный адрес. Получено ли письмо от Кожевникова из Читы?[3]

Пшеславские вернулись обманутые, голодные, без копейки денег. Сейчас они у меня в комнате живут.

О поэте Миндлине дурные слухи – он действительно оказался учеником Мандельштама не только в стихах, но и в жизни.[4] Несколько раз был уличен в воровстве и избит по дороге в Москву.

Так что вероятно, что юнговский чемодан – это дело его рук.[5]

Обнимаю, целую.

Но не уверен, что удастся послать с Лукашевичем деньги и продукты и поймать его. Очень все это в разных сторонах.

А сегодня надо во что бы то ни стало побывать в Загот<овительной> конторе, т<ак> к<ак> вчера узнал, что в Симферополе для меня лежит целиком весь академический паек за 6 месяцев (3 пуда муки!!). Но получу ли его – это сомнительно.

МАХ.

Керосин есть, но не посылаю. Риса, масла, муки – нет. Посылаю картофель 19 ф<унтов>, фасоли 10 ф<унтов>. Денег 50 тысяч. Лавровый лист. Сахар. Жестянки. Верни все мешки и жестянку и еще пришли мне новых (сшей) побольше.

[1] 9/22 декабря 1921 г. Е.О. писала Волошину: «...тебе эту записку доставит коктеб<ельский> заведующий Лукашевич, пришли мне с ним хоть немного чего-нибудь вроде: рису, постн<ого> масла, муку <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 28).

[2] Евлампий Алексеевич Поляков (1870–1944) – коктебельский землевладелец. Письмо Е.О., переданное через А.В. Павлову, – от 4/17 декабря 1921 г. (*Там же*, л. 27).

[3] Письма И.С. Кожевникова, относящегося к этому времени, в архиве Волошина не имеется.

[4] Намек на инцидент, происшедший летом 1920 г. (см. п. 122, примеч. 3, 6, 7).

[5] См. примеч. 1 к п. 155.

161. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИИОЙ

25 декабря 1921 г. Феодосия

25/XII 1921.

Милая мама, только что получил твое письмо от 4/XII и телеграмму Луначарского.[1] Это очевидно то, что отправлено через Нюру Павлову. Вчера послал тебе с Лукашевичем немного продуктов – что скопилось.[2] Но среди них нет ни риса, ни масла, ни лука, потому что их вообще нет.. Когда их было много на рынке, у меня не было денег, а теперь, когда есть деньги, – они исчезли. Поэтому я и решил обменять весь мой миллион на сахар, который мне обещали дать по дешевой цене. Он будет лучшей валютой в Коктебеле, и ты сможешь на него менять при всяких экономических обстоятельствах. Завтра я получу академический паек за ноябрь (35 ф<унтов> муки, 10 ф<унтов> гороху, 1 ф<унт> жиров и еще что-то). Так что если ты мне успеешь вернуть мешки через Лукашевича, я тебе пошлю это. Мне передавали, что в Симферополе

для меня есть 3 пуда муки и весь недополученный за лето паек. Я предпринял все меры для получения, но в успехе их сомневаюсь. Лекарства (cofein) мне обещал достать Бланже<?>.[3] Но это очень трудно теперь. Постараюсь достать и хинину и аспирину. Записки, запечатанно<й> сургучем, не имел.[4] Видел коктебельского Полякова. Он просил зайти к нему за запиской от тебя. Но дал фальшивый адрес. Т<ак> что она, очевидно, сгинула.

Моя рука... Вспомни, что мне приходилось перерубать тупым топором кизил и дуб, когда я уже был совсем болен. И я тебе говорил, что я совсем не могу владеть рукой после этой работы. Ты мне отвечала: «Ну значит мы не будем обедать». Между тем, когда я совсем слег, для нас стал же кто-то делать это. Рука моя болела и немела с самого начала. Но эта малая боль была незначительной рядом с другими уже плохо терпимыми болями в ногах и спине. Эта рубка кизиля – далеко не та легкая работа: колка сосновых досок и ящиков, что делаешь ты. Я знал, что мне нельзя ее делать, и говорил тебе. Но ты на это не обращала никакого внимания и говорила мне фразы вроде тех, что пишешь теперь в письме,[5] и мне только и оставалось, что молчать и доканывать свою больную руку, в которой оставалось силы лишь настолько, чтобы писать и рисовать. *Мне* эта рубка дров была не нужна, а ты устраивалась и до меня и во время моей болезни иначе. Но для тебя ведь всегда оскорбительно, почему я в качестве поэта и художника себе будто бы требую каких-то особых привилегий. Я, по твоему мнению, должен ведь прежде всего делать всю черную работу, которую делают все, а потом могу быть <?> чем угодно для своего удовольствия. Ну – вот и результаты.

Я это говорю вовсе не для того, чтобы по<п>рекать тебя, а только в надежде, что, может, ты на будущее время изменишь твой тон со мной.[6] Теперь я уже не смогу не только дрова рубить, но не смогу ни перетаскивать тяжестей, ни выносить ведер. Я еще могу писать такими кавлючками, как последние письма, но не могу резать ножницами, не могу держать иголки в пальцах. Массаж и горячие ванны помогают мне весьма мало. А про операцию мне говорят: «Едва ли она даст

хорошие результаты: вполне возможно, что вы совсем лишитесь употребления руки. Но ведь вам все равно терять нечего».

Дело в том, что, как обнаружил рентгеновский снимок, у меня целая система нервов и связок была ущемлена и зарубцевалась в сломанном локте. Поэтому эта постоянная боль при каждой физической работе и онемение пальцев. А т<ак> к<ак> для того, чтобы перерубить кизилевое полено, надо было ударить топором раз 20–30 с большим напряжением, то у меня и порвались в локте тонкие связки, и положение руки из плохого (утрата 90% работоспособности, как еще тогда определил Пышнов[7]) стало совсем безнадежным, и за 6 месяцев у меня атрофировались совсем мускулы кисти, которая до тех пор оставалась сильной, как прежде.

Майя ждет меня в Москве потому, что, когда она уезжала,[8] я был еще здоров и предполагал съездить в Москву на месяц. А о болезни она узнала только совсем недавно – зимой уже.[9]

Деньги Марине и Асе[10] я просил отдать С.Я. Парнок из денег, что я получу за издание книги.[11] И не в размере 100 тыс<яч>, а столько, сколько ей понадобится в то время на отъезд за границу.

Алек<сандра> Мих<айловна> в завещании своем поручила Шуре,[12] в случае продажи дома, отдать тебе свой долг 1000 р. *серебром*. Сколько мне помнится, этот долг А<лександры> М<ихайловны> был уже в свое время уплачен Ниной Алек<сандровной>,[13] но Ал<ександра> Мих<айловна> с ее щепетильностью не хотела с этим считаться, т<ак> к<ак> деньги в то время уже отчасти утратили ценность. Но, по-моему, от этой уплаты нужно отказаться. Положение ее племянников есть и будет очень тяжело. (Сейчас хлеб выше 25 тыс<яч> фунт). Я им отдаю мой паек из Учит<ельского> Инст<итута>.

Пожалуйста, из той муки (35 ф<унтов>), что ты получишь, вероятно, с этим письмом, отдай, от моего имени, фунтов 5 Юнге. И тоже из сахара (1½ пуда) фунта 2. А спирту

достать нет никакой возможности. Мне был прописан он для компрессов, и его *не достали* ни в *Здрав. отд<еле>*, ни в Сан. Куре.

Пока до свиданья. Крепко целую.

МАХ.

[1] Письмо Е.О. от 4/17 декабря 1921 г. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 27–27 об.

[2] См. п. 160. Видимо, Волошин ошибся в датировке одного из двух писем – п. 160 или п. 161.

[3] Житель Феодосии.

[4] В письме от 4/17 декабря Е.О. спрашивала, получил ли Волошин «записку, запечатанную красн<ым> сургучом».

[5] Подразумеваются фразы из письма Е.О., приведенные в примеч. 6 к п. 158.

[6] Е.О. отвечала 21 декабря 1921 / 3 января 1922 г.: «...твое письмо <...> я только что получила от Лукашевича <...> и совершенно им расстроена, полна обиды, негодования, как бывало после всех разговоров и просьб моих к тебе о помощи в работе моей по кормлению нас. Вспомни, что было, когда тебе приходилось, совершенно здоровому, воду для меня (для нас собственно) носить, что ты творил прошлую зиму, застав меня совершенно больной, что, кроме ответов твоих: "мне некогда, теперь не время, не могу" – других не слыхала. Фраза твоя из сегодняшнего письма: *мне* рубка дров была не нужна, а ты устраивалась и до меня и во время моей болезни иначе, очень характерна. Тебе ни в ум, ни в сердце не приходило ни мысли, ни чувства, что нужно облегчить и пожалеть старую больную мать и найти ей эту помощь в другом человеке, если сам не хочу или не могу. – Ты больной уехал в Феодосию на лечение и уход, я больная старая осталась без ухода и помощи; принялась рубить дрова, нашла человека для порубки трудных дров, и за дровами этими хожу вниз, таскаю вверх по ½ пуда, после чего задыхаюсь 4–5 минут <...> Тебя и твой характер я отлично понимаю: ты добрый, щедрый, не откажешь в помощи человеку деньгами, мукой (но ведь это так легко), не откажешь во времени и трудах своих вызволить от смерти человека (но ведь это так интересно, как страница романа), но ухаживать за больным, оказывать мелкие услуги, помогать в хозяйств<енных> мелочах – это так скучно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 31–31 об.).

[7] Московский врач Сергей Петрович Пышнов (1865–?).

[8] М.П. Кудашева с сыном и матерью выехала из Феодосии в Москву в одном вагоне-теплушке с другими знакомыми Волошина

(Д.Д. Благой и С.Р. Благая, М.И. Гинцбург с семьей, Э.Л. Миндлин и др.) во второй половине июля 1921 г. См.: *Миндлин Эм.* Необыкновенные собеседники: Литературные воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1979. С. 41.

[9] 4/17 декабря Е.О. писала Волошину: «Сегодня получила письмо от Майи, она между прочим пишет, что она тебя ждет в Москву со дня на день. Что это значит?»

[10] Деньги, присланные М.И. и А.И. Цветаевыми (см. п. 158, примеч. 5).

[11] Подразумевается несостоявшееся издание книги «Неопалимая Купина». См. п. 157, примеч. 2.

[12] А.М. Петрова и один из ее племянников.

[13] Н.А. Айвазовская.

1922

162. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Первая декада января 1922 г. Феодосия[1]

Милая мама,

Посылаю *новый* ордер на дрова (№ 1). Ордер на сахар получил сегодня. Но не успел получить самого сахара. Сахара только пуд, т<ак> к<ак> он вздорожал за это время. А проволочка – не по моей вине.

Я переведен на амбулаторное лечение, т.е. буду жить у себя (д<ом> Айвазовского, кв. Лампси), а только приходить лечиться, питаться и брать ванны в санаторию.

Ни лекарств, ни спирта, ни катушек пока не достал.[2] Это очень трудно. Катушки (запас) у меня в мастерской на полках с пузырьками, в деревянном ящике для живописи – около подоконника. Там ка<ра>ндаши. В серенькой оберточной бумажке. Только прошу для меня оставить штук 10, а то у нас слишком неравномерное потребление оных. У меня действует все тот же, что я увез из Коктебеля.

MAX.

[1] Датируется приблизительно по соотнесению с п. 164.

[2] Письмо с соответствующими просьбами в подборке писем Е.О. к Волошину не сохранилось.

163. М.И. ЦВЕТАЕВОЙ и А.С. ЭФРОН

13 января 1922 г. Феодосия

1922 13/I.

Милая Марина и Аля,

С Новым годом! И чтоб он был годом встречи с С<ережей>.[1]

Голодная смерть Крыма началась. На улицах уже появились трупы татар. Барометр показывает 2 мил<лиона> за пуд хлеба. А на рейдах Севастополя, Ялты, Феодосии стоят иностран<ные> суда с хлебом. Но им приказывают уходить, т<ак> к<ак> они «имеют наглость» запрашивать по 140 тыс<яч> за пуд, когда твердая цена для ввоза 80 тыс<яч>.

«Пролетариат предпочитает поголодать, чем обогащать спекулянтов» <sic> Герцыки тоже «предпочитают голодать». В Судаке цены еще свирепее. У меня смутные вести о том, что Дм<итрий> Евг<еньевич>[2] уехал в Москву. Что на 2 мил<лиона> удалось закупить несколько фунтов муки, которая хранится для детей. Аделаида К<азимировна>[3] собирает у кухонь кожуру от картофеля. «Академический паек» – сплошное издевательство. Обещанием томят до конца месяца, а потом заявляют, что задним числом не выдают. В Симферополе его урезывают, в Феодосии не оказывается продуктов.

Мое с Пра положение неплохое, т<ак> к<ак> меня кормят в Санатории, а ей я посылаю свой паек с Комкурсов.

У меня попросили на № однодневки «На борьбу с голодом» стихи «Дикое поле».[4] Известный красный поэт Золотухин счел нужным переделать контр-революционные стихи на «революционные». Так вместо:

Ох, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь... (контрреволюция)

напечатано:

Мы пропьем до конца нашу волю
И скуемся в единую цепь (революция).

Я, разумеется, в восторге...
Крепко обнимаю Тебя, Алю, Асю, Андрюшу.[5]

MAX.[6]

[1] В несохранившемся, по всей вероятности, письме к М.И. Цветаевой Волошин сообщал известные ему сведения о С.Я. Эфроне и о его пребывании в Коктебеле. 7/20 ноября 1921 г. Цветаева писала Волошину: «Во-первых, долг благодарности и дань восторга – низкий поклон тебе за С<ережу>. 18-го января 1922 г. (через два месяца) будет четыре года, как я его не видела. <...> Только что письмо от Э<ренбур>га: почтой из Берлина. <...> Утешает, обнадеживает, С<ережа> в Праге, учится, Э<ренбур>г обещает к нему съездить. Завтра отправляю письмо С<ереже>, буду писать о тебе. Писала ли я тебе в прошлый раз (письмо с М<инд>линым) о большой любви С<ережи> к тебе и Пра: “Мои наезды в К<окте>бель были единственной радостью всех этих лет, с Максом и Пра я совсем сроднился”. Спасибо тебе, Макс, за С<ережу> – за 1911 г<од> и 1920 г<од>!» (*Цветаева Марина*. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 65, 67).

[2] Д.Е. Жуковский.

[3] А.К. Герцык.

[4] Стихотворение Волошина «Дикое Поле» было опубликовано в однодневной феодосийской газете «На борьбу с голодом!» 1 января 1922 г. под измененным заглавием («Скифское поле») и с произвольными искажениями и сокращениями текста; вместо заключительного восьмистишия (см.: Т. 1 наст. изд. С. 284) напечатано следующее:

Всё, что было, – случилося ныне,
Взашумела размашная ширь,
И шагает по вольной равнине
Охмеленный Трудом Богатырь!
Изольем мы до дна нашу волю
И скуемся в единую цепь.
Широко плодородное Поле,
Широка наша Скифская степь!

[5] А.С. Эфрон, А.И. Цветаева, А.Б. Трухачев.

[6] Приписка М.И. Цветаевой:

– Посылаю Вам живого Макса, если не трудно, перешлите, переписав, это письмо И<лье> Г<ригорьевичу> <Эренбургу. – *Ред.*>.

Пусть даже опубликует, опустив обращение, – сейчас я труслива!

М.

164. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

15 января 1922 г. Феодосия

15/2 I 1922.

Милая мама, поздравляю тебя с праздниками и новым годом.[1] От 19 и 21/XII – твои письма получил.[2] Я снова живу в своей комнате у Лампси. Из санатории меня снова перевели на амбулаторное положение, но продолжают лечить и кормить.[3] Это редкая удача, т<ак> к<ак> 600 пайков сокращено до 120. Лишены пайков даже Гончаровы.[4] Но его речи против меня «как интеллигента (?!!)» при открытии клуба Сан-Кура я, конечно, обязан тем, что мне сохранен паек, так много популярности среди врачебного персонала она мне доставила. В первый раз он оказал мне услугу, меня определив в Санаторию, во второй раз своим выступлением против меня, за то, что я читал стихи «Матрос», «Красногвардеец»[5] и т.д. Только одни санкурские больные ликовали: «Ну так и знал, и вовсе не писатель, а просто самозванец!» На праздниках у меня был опять инцидент. У меня попросили стихи «Дикое Поле» для газеты «На борьбу с голодом». Я дал. Стихи появились с примечанием: «Редакция сочла нужным переделать стихи Волошина».[6] А в частных разговорах хвастались: «Контрреволюционные стихи Волошина мы переделали во вполне революционные». Переделка такова: опущены все строфы, где упоминались имена русских царей (это «монархизм»), а последние строки:

«Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь...»

переделали:

«Эх, пропьем до конца нашу волю
И скуемся в единую цепь».[7]

Это «революция».

После этого кур-больные говорили: «Посылает такие плохие стихи, что редакция ему должна переделывать. И как ему не стыдно!»

Но возвращаюсь к себе: выписка на санатории мне удобна, т<ак> к<ак> мне гораздо лучше жить у себя и приходить лечиться. Ногою моей я пользуюсь совсем свободно, но спина и поясница болят все время и теперь даже усиленно, вероятно, благодаря перерыву в иодистом лечении.

У меня, конечно, все время возникал вопрос об возвращении в Коктебель. Но теперь положение такое.

Лечение продолжается. Врачи мне не советуют куда бы то ни было ездить, запрещают жить в температуре ниже +13. Здесь я получаю санаторное питание, военный паек за лекции на Ком-курсах[8] и (изредка, правда) академический. Последние оба посылаю тебе. Жалований никаких. Но те деньги, что перепадают случайно, обращаю в продукты по более дешевой цене, чем кооперативная (сахар). Если я вернусь в Коктебель, то, не говоря уже о здоровье, я лишаюсь обоих пайков, и академического, который получился за октябрь благодаря моим же письмам. Так что питаться нам будет нечем, т<ак> к<ак> сейчас пуд хлеба стоит уже 2 миллиона (а в центре голода — в Самарском уезде — 300 тыс<яч>). На рейде стоят суда с американской мукой, но им не дозволяют разгрузиться, т<ак> к<ак> они имеют наглость просить за пуд 120 тыс. руб. Какая же прибыль будет для государства, если покупать за 120 тыс., продавая пуд только за 2 миллиона? Поэтому им Внешторг заявляет, что «крымский пролетарий предпочитает лучше голодать, чем обогащать иностранных спекулянтов». С севера из Украины муку тоже не пропускают в Крым. Отсюда же продукты вывозятся целыми поездами.

Таким образом, нужно оставаться в Феодосии. Рука моя не лучше. Но благодаря массажу и горячим ваннам и не хуже.

Мне отнюдь не хотелось огорчать тебя, когда я писал тебе о состоянии моей руки.[9] Я только хотел указать, к каким результатам приводит твоя горячность и требовательность, когда я пытаюсь исполнять беспрекословно. Ведь рука-то моя больна уже 12 лет, и после физической работы даже малой (особенно ношения тяжестей в вытянутой руке — как ведро воды) у меня сейчас же подымались боли, и я не мог после этого работать. Силы в ней было лишь настолько, что я мог писать

и рисовать. А теперь и это поставлено под сомнение. А для меня как писателя и художника рука такой же драгоценный орган, как для певца – горло, для танцовщицы – ноги и т.д. Не мудрено, что об ее целости я заботился и весьма неохотно делал то, отчего она у меня после болела и дрожала много часов после. Но предвидеть полную атрофию руки – я, конечно, не мог. Но о том, что мне *нельзя* работать, не раз говорил тебе. А теперь – ты видишь, каким почерком я уже стал писать? Мой разум абсолютно отказывается понять, почему я должен оказывать мелкие услуги в хозяйствен<ных> мелочах, когда я их не умею и не способен оказывать; а могу и оказываю большие услуги и в драматических положениях, которыми богата современная жизнь и в которых нуждаются многие. Человек (будь он родной сын) ведь не банк, в который вкладывают капитал, чтобы потом выбрать его обратно. Все, что ты давала и даешь мне, – я отдаю другим. И думаю, отдаю сторицей. Отдавать тому, от кого получил, – социально – это только эгоизм вдвоем. Такого рода семейная любовь так же чудовищна, как взаимная удовлетворенная влюбленность: «Чудовище с двумя спинами», по шекспировскому выражению.[10] То, что получаешь, всегда надо отдавать не тому, у кого взял, а другому, и другой монетой. В этом единственная основа социальной жизни, коммунизма, если хочешь, но основанного на притче о насыщении 5 хлебами.[11] Это я в жизни и делаю. Все то, что я получил и получаю от тебя заботами, то отдаю другим и искусством, и мыслями, и делами. (Не понимаю только, почему ты мою помощь другим людям хочешь умалить тем, что мне это интересно и доставляет радость. Мне приходилось прошлой зимой не раз и жизнью рисковать, но делал я это радостно и весело и думаю, что та жертва, которая приносится не с радостью, не полна и что лучше ее оставить при себе).

Этим всем я, конечно, вовсе не хочу сказать, что не хочу и не могу заботиться о тебе, но указать только, что твои упреки – неразумны. Недаром ведь Христос говорит такие (по внешнему) жестокие и несправедливые слова, как: «Кто не оставит отца своего и матерь свою.... не имеет части со Мною».[12] А в сущности глубоко верные.

Теперь, в такое время как сейчас, конечно, нельзя оставить, но и не следует семейным заботам предавать чрезмерного значения. Из-за того, что я твой сын и не удовлетворяю вполне всем качествам, которые ты бы хотела видеть во мне, нельзя же отравлять все наши отношения и ставить стену между нами. Потому что ведь только твоя требовательность стоит между нами стеной.

Вот и сейчас ты попрекаешь меня тем, что я в санатории и пользуюсь уходом, а ты одна в Коктебеле, больная и старая – работаешь. Поверь, что ты бы не вынесла бы ни одного дня санаторского ухода и санаторского питания. Когда я в юности сидел в одиночке,[13] у меня было больше удобств, чем в санатории. Ведь на такие попреки можно отвечать только одним: бросить все и вернуться в Коктебель. Не чем же тогда мы будем питаться? Ни писать, ни физически работать я уже не могу. Могу только читать лекции. Ты, верно, совсем не помнишь о том, что когда у меня только что была сломана рука,[14] уже тогда потеря работоспособности была определена московским хирургом 90%, а теперь я и ее утратил.

Я пишу все это вовсе не для того, чтобы ссориться, сердиться, подымать снова и снова все эти вопросы, доводящие и тебя и меня до исступления. Но для того, чтобы кончить говорить об них раз и навсегда. Крепко тебя целую. Если будет возможным послать с Пелем,[15] которому передам это письмо, я пошлю еще разных продуктов. Муки у меня никакой больше нет. Ты, верно, приняла упоминание в другом письме за другую муку. До свиданья. Сегодня у меня что<-то> очень болит голова. Боюсь, что опять ко мне возвращаются мои головные боли.

MAX.

Получил от Синицыной[16] 3 мешка, 2 записк<и>, 1 письмо для Рагозинского.

Только что Синицына передала мне 2 твои письма от 25 и 26/XII. Ответ на них уже написан здесь.[17] Вижу, что обо многом с тобой нельзя говорить совсем, о некоторых вопросах: ты отвечаешь на них только чувством, а не разумом, и

винишь *меня* в том, что приходишь в исступление, говоря со мной. Еще ты рекомендуешь мне озаботиться тем, чтобы, раз я не могу работать физич<ески> правой рукой, то побольше зарабатывать, чтобы оплачивать труд. Но чем же, раз я не могу ни писать, ни рисовать?

[1] Рождество и новый год по старому стилю.

[2] Письма Е.О. к Волошину от 19 декабря (1 января 1922 г. н.ст.) и 21 декабря (3 января 1922 г. н.ст.) – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 30–31 об.

[3] Ср. сообщение об этом в п. 162.

[4] Председатель Феодосийского исполкома И.В. Гончаров был с 1921 г. членом Крым-ЦИКа.

[5] Стихотворения из цикла «Личины» (1919). См.: Т. 1 наст. изд. С. 318–321.

[6] См. примеч. 4 к п. 163. Дословный текст редакционного примечания: «В стихотворение М. Волошина редакция ввела некоторые поправки и изменения, вытекающие из содержания произведения талантливого поэта».

[7] В искаженном тексте: «Изопьем мы до дна нашу волю».

[8] 11 января 1922 г. Волошин получил удостоверение в том, что он состоит преподавателем клуба 64-х Командных курсов (Труды и дни-2. С. 141).

[9] См. п. 161, примеч. 6. Далее значительная часть текста подчеркнута карандашом (вероятно, рукой Е.О.).

[10] Подразумеваются слова Яго («Отелло», акт I, сцена 1): «...ваша дочь в настоящую минуту складывает с мавром зверя с двумя спинами» (*Шекспир Уильям*. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 6. С. 287).

[11] Мф. XIV, 15–21; Мк. VI, 38–44; Лк. IX, 12–17; Ин. VI, 9–13.

[12] Вольная контаминация евангельских фрагментов (см.: Мф. XIX, 29; Мк. X, 29; Лк. XVIII, 29; Ин. XIII, 8).

[13] После ареста 21 августа 1900 г. в Судаке Волошин был препровожден в Москву, где пробыл под стражей с 25 августа по 1 сентября в Басманном полицейском доме.

[14] Волошин повредил правую руку в середине июля 1910 г., упав с велосипеда (см.: Т. 9 наст. изд. С. 550).

[15] Николай Васильевич Пель – инженер, заведующий портовыми сооружениями в Феодосии.

[16] Екатерина Васильевна Синицына (урожд. Сергеева; 1886–1970) – певица, соседка по Коктебелю.

[17] В этих письмах Е.О. продолжала развивать те упреки, которые она изложила ранее в письме к Волошину от 21 декабря 1921 / 3 января 1922 г. (см. примеч. 6 к п. 161). 25 декабря 1921 г. (7 января 1922 г. н.ст.): «...если ты знал, что рубить дрова тебе нельзя, не погубив руку (чего я не знала), то не нужно тебе было разыгрывать роли 5-летнего мальчика, послушного маме из страха розги, между тем как на пустяковые мои просьбы о помощи я только и слышала: не могу, не хочу, теперь не время <...> я видела с твоей стороны только желание оградить себя от самых пустяковых услуг и помощи старой, больной матери, и это приводило меня в такое негодование, что раз на слова твои: вот так твоя любовь выражается ко мне, у меня вырвался вопль: я не люблю, – я ненавижу тебя. Помнишь? – Ты терзал мою душу, доводил до исступления, но продолжал также и говорить и действовать, не обращая на это никакого внимания». 26 декабря 1921 г. (8 января 1922 г.): «...ты никогда не бываешь виноват перед мною, ты никогда еще не сказал мне: прости, я виноват перед тобою, что поступил или сказал так-то; ты всегда прав и только винишь меня в свое оправдание, и винишь, начиная с моего воспитания тебя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 32, 33).

165. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

30 января 1922 г. Феодосия

30/I 1922.

Милая мама, я получил твое большое письмо, посланное с Зоей Васильевной.[1] Я не буду продолжать нашего спора. Моя цель была прекратить его, а вышло, что я его только затянул. И теперь у меня есть искушение возражать на твои слова и обвинения, но я воздержусь и повторяться не буду.

Мешок брезентовый от Муси-то я получил,[2] но послал его тебе обратно – уж не помню с кем. А посылать продукты необходимо в каком-нибудь мешке, т<ак> к<ак> вот с Катей Павловой я послал тебе 15 ф<унтов> сахару, и, конечно, у нее стащили 2 фунта, где-нибудь, где она оставляла мешок. Этот мешок, оказывает<ся>, дома с сахаром спрятан у Паши[3] – поэтому я не знал, где он.

Имей в виду, что я теперь *лишен уже санаторного питания*, так что мы с тобой оба остаемся на моем военном пайке,

который невелик, и на весьма проблематическом — академическом, который попадает к нам раз в 3 месяца. Когда знаешь, что делается в Судаке хотя бы у Герцык, которые не едят ничего совершенно по 5 дней, в остальные собранную как милостыню картофельную кожуру и т.п. — и что они не исключение, а в Судаке — все поголовно так, то этим огорчаться не приходится.

Я получил неожиданное письмо из Берлина по почте от Татиды. Она ничего не пишет ни о себе, ни о том, как она туда попала, а только сообщает, что у меня там лежит 300 франк<ов>. За где-то напечатанные стихи, и она не знает, как мне лучше их переслать. Туда уже дошел слух о моей болезни. Кланяется тебе. Из ее письма видно, что Толстые в Берлине, но как и почему — тоже непонятно.[4]

Твоя ссора с Пол<иксеной> Серг<еевной> меня очень огорчает. Но ведь ты же сама знаешь, что с ней об Нат<алии> Иван<овне> не следовало говорить. И весь этот разрыв — истерический надрыв, который сгладит только время.[5]

Я тебе отвечу после подробнее на твое письмо (кроме нашего нескончаемого спора). Но сейчас поздно, а я завтра хочу его передать Зое Васильевне. Сегодня меня целый день с утра отрывали от работы, а мне как раз эти дни начало хорошо работаться (стихи). А за сегодня не успел записать ни одной строчки. Это очень мучительно.

До свиданья. Крепко тебя целую.

MAX.

Посылаю с З<оей> В<асильевной> 1½ б<утылки> постного масла.

Теперь мне, имей в виду, из военного пайка придется кое-что удерживать и для моего питания.

[1] З.В. Кузнецова. Письмо Е.О. — недатированное, ответное на п. 164 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 34—35 об.).

[2] М.А. Новицкая. В упомянутом письме Е.О. спрашивала о получении Волошиным трех мешков: «один серый, из парусины, из-под соли».

[3] Паша, феодосийка (видимо, соседка по дому Айвазовского).

[4] Приводим это письмо Т.Д. Цемах (Берлин, 14 декабря 1921 г.) в извлечениях:

«Дорогой Макс,

С ужасом узнала о том, что ты и Пра больны и очень нуждаетесь. А я-то думала, что у вас все благополучно! По крайней мере, сведения, кот<орые> я получала о вас до сих пор, были хорошие.

Я по-прежнему тебя люблю и помню, милый Макс, и очень была бы счастлива как-нибудь помочь вам.

Могу тебя обрадовать: для тебя из Парижа сюда прибыли 300 ф<ранков>, за стихи, и находятся они у редактора Гуковского. Подумай, это же целый капитал для вас! Узнав, что они тебе еще не высланы, я заволновалась и решила позаботиться о том, чтобы они были высланы тебе немедленно. <...> Бросилась к Толстому. Он и сам предложил мне заняться лично вопросом о высылке тебе денег.

А это теперь очень трудно! Все боятся взять на свою ответственность, да и никому нет до этого, по правде сказать, никакого дела». (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 17–18 об.).

В том же письме Татида сообщала о намерении (по совету И. Эренбурга) выслать гонорар в Коктебель через советскую миссию, а также отправить посылку с продуктами и вещами. Гонорар — за публикацию стихотворений Волошина «Европа», «Стенькин суд», «Дмитрий император, 1591–1613», «Святая Русь», «Молитва о городе» в парижском журнале «Современные Записки» (1921. № 4. С. 86–99).

[5] В цитированном выше письме Е.О. сообщала о происшедшей 27 декабря (9 января 1922 г. н.ст.) ее ссоре с П.С. Соловьевой (на почве отношения к Н.И. Манасеиной, ближайшей подруге Соловьевой): «...мы с ней окончательно раззнакомились. Очень жалею об этом и радуюсь тому же относительно Н<атальи> Ив<ановны>. Разумеется, все это произошло из-за нее <...> должна, прощаясь навеки, сказать, что все ссоры начинались Н<атальей> Ив<ановной> и всегда из-за пустяков». К письму, в котором в подробностях излагался ход словесной перепалки, Е.О. приложила копию своего письма, переданного П.С. Соловьевой: «Поликсена Сергеевна, мы простились с Вами навеки, и прощаясь, закрывая за мной дверь, Вы обругали меня негодяйкой, в ответ на последние слова мои Вам: желаю, чтобы Вы остались слепы относительно Н.И. до самой Вашей смерти» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 36–36 об.).

166. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

12 февраля 1922 г. Феодосия

12/II 1922.

Милая мама,

посылаю тебе с Мусей:[1]

1. Рис	6. Соль (верни *жестянку* – чужая)	
2. Пшено	7. Сахар 24½ ф<унта>	
3. Пшеницу	8. Коровье масло	В 1 жест<янке> (вернуть) одно над другим
4. Картофель	9. Смалец	
5. Табак (2 пак<ета>)	10. Бобы	
	11. Керосин (2 балзенки)	

Из лекарств посылаю аспирину и антипирину. Кофеину мне Благая обещала, но все не выходит: когда я приду – нет, сама обещает принести – забудет. Следующий раз. Посылаю тебе все, что есть. Себе оставил только малую толику круп ($3\frac{1}{5}$ от каждой), т<ак> к<ак> питаюсь теперь дома. Мясо – что бывало (немного), отдавал Паше[2] за услуги. Теперь его больше и не будет. А бывали только кости, которые посылать, солить, хранить не стоило.

Письмо из Берлина: II-ое – от Татиды. Деньги мне переведены чрез Банк (сомневаюсь, чтобы дошло). Пишет, что в Берлине Минский устраивает вечер моей поэзии в мою пользу. Доход будет выслан в Американскую Миссию и будет здесь выдаваться продуктами.

В Берлине – Толстые, Белый, Ремизов, Эренбург, Венгерова, Минский. Последние очень интересуются судьбою Пол<иксены> Серг<еевны> и Нат<алии> Ив<ановны>.[3] Устройство вечера в мою пользу объясняется известиями о моей болезни, появившимися теперь всюду в иностранных газетах.[4]

Мое здоровье стало заметно улучшаться после того, как до меня наконец дошло лекарство, посланное мне 4 месяца назад из Симферополя. Последние дни исчезли даже боли в спине (вероятно, временно). Писать четко *не могу* из-за руки. Как только немного ее напрягаю – ее моментально сводит от боли, и тогда совсем нельзя несколько дней пера держать.

В том-то и ужас, что ее хватает только на стихи (но не на их переписку), а писать статьи (т.е. там, где надо много и долго работать рукой) – я уже не смогу – только диктовать возможно.

Судак, Ст<арый> Крым погибают от голода. И помочь им нельзя, т<ак> к<ак> никакие припасы доставлены туда быть не могут. Да их и нет. И американцев до сих пор нет. Герцыки *умирают* в точном смысле. Собирают объедки на чужих дворах, не едят по 5 дней. Единственное спасение для судачан – это бежать, переезжать в Феодосию.* Но и в Феодосии люди помирают ежедневно на улицах. Трупы не хоронятся: некому рыть могилы. Их едят кошки в мертвецкой. Кошек едят люди. На улицах рев голодных. А в Феодосии голод меньше. (Феодосия 25% голодающих, Судак – 90%).

Немецкое общество помощи голодающим Черного моря составляет списки: я Юнге записал обоих. Пусть они мне пришлют более подробную справку о возрасте.

Ковер и ложки – на чердаке в металлич<еском> сундуке.

Спасибо за книги. Разговоры о руке, о твоей требовательности прекращаю: все я написал уже. Для тебя это «пустые слова».[5] Мне прибавлять нечего. Да и не хочу тратить времени: мы об этом будем говорить до самой смерти и не договоримся.

Я сейчас занят очень: пишу новую большую поэму,[6] и хотя меня ежеминутно отвлекают для человеческих дел, она все же движется и удается.

Довольно тебе попрекать Пшеславских тем, что я им давал крупы и хлеба, когда они голодали первые дни, когда

* Но как их сюда перевезти: 12 человек больных женщин и детей?

жили у меня.[7] Это было *уже 2 месяца назад*. Разве теперь время считать и выбирать?

Коктебель опять является оазисом среди общего ужаса – и вы все, живущие там, опять не понимаете, что делается всюду и кругом. И даже положение Юнге блестяще и завидно рядом с положением Герцык, Гриневич, Бутковой и др.

Наше же с тобою – идеально. О нас так заботится и судьба и люди, что стыдно жаловаться на что-нибудь и беспокоиться о будущем.

Крепко тебя целую. Будь радостна, здорова, бодра.

MAX.

[1] М.А. Новицкая.

[2] См. примеч. 3 к п. 165.

[3] П.С. Соловьева и Н.И. Манасеина.

[4] Приводим в извлечениях это письмо Т.Д. Цемах от 1 января 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 19–20 об.):

«...я очень озабочена тем, чтобы выслать тебе 300 фр<анков>, кот<орые> тебе следует за стихи от редактора “Современных записок” Гуковского. Из Парижа их выслать невозможно, да и никто этим не интересуется. Я настояла на том, чтобы “Дом искусств” в Берлине вытребовал их телеграммой. <...> Я думала, посоветовавшись с Эренбургом и Толстым, выслать их тебе через советскую миссию, но сегодня Тамара Владим<ировна> Миклашевская, с которой ты был знаком в Одессе, сказала мне, что ее знакомый недавно выслал в Феодосию деньги через государственный банк и что это самый верный способ. Я боюсь, выслав тебе деньги, оказать этим медвежью услугу, но не послать тоже нельзя, зная, что вы голодаете. Всего ужаснее то, что в Крым нельзя послать никакой посылки. Все уверяют, что это безнадежно. В Москву еще есть надежда, что дойдет, но на юг – никакой. Я однако решила, что лекарство, да еще писателю, должны переслать, и рискнула через Марину Цветаеву послать тебе гомеопатическое средство от подагры и инфлюэнцы. Если ты получишь его и сообщишь мне об этом, я попробую через советскую миссию (лекарство послано таким образом) послать вам и продуктов.

К счастью, Макс, у меня есть несколько твоих стихов, еще не напечатанных в эмиграции, и акварели, кот<орые> ты мне подарил

пред отъездом. Я их не продала еще, представь себе, и теперь отдала поэту Минскому, с тем, чтобы он продал их, как можно выгоднее. Стихи на днях будут напечатаны в “Сполохах”. Эти деньги, а также и те, кот<орые> получатся с вечера, устроенного в твою пользу Минским в «Доме Искусств»: он мне это наверное обещал, я тоже постараюсь поскорее выслать. <...> Не удивляйся, Макс, что я после 1½ лет молчания пишу тебе. Мне хотелось совсем исчезнуть, потеряться для тебя и Коктебеля на долгое, долгое время, но я всегда помнила о тебе. <...> Как поживает Поликсена Сергеевна и Наталья Ивановна. Этим интересуются Минский и Венгерова и многие др<угие>. <...> Берлин становится теперь центром эмиграции. Из писателей здесь теперь: Андрей Белый, Эренбург, Толстой на время уехал, Ремизов и др. <...> Макс, ура! Только что пришел знакомый и сказал, что, по газетным известиям, в Крым уже принимаются американские посылки: т.е. я пошлю 10 долларов, а американцы выдадут вам массу продуктов. Итак, жди».

В упоминаемом Цемах журнале «Сполохи» в начале января 1922 г. была напечатана статья о Волошине В. Кадашева «Демоны глухонемые» (№ 3. С. 26–28).

[5] В письме к Волошину от 18/31 января 1922 г. Е.О. вновь затрагивала тему взаимоотношений с ним: «Знаю отлично, что у тебя много слов, фраз на мои обвинения, но для меня это только пустые слова, пустые фразы. – Я обвиняю тебя только в том, что у тебя нет ни заботы обо мне, ни малейшего внимания ко мне <...> тебе хочется только оправдывать себя, во всем винить меня <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 38).

[6] В январе 1922 г. Волошин приступил к разработке поэтических тем, воплотившихся в цикле (или поэме) «Путями Каина».

[7] В цитированном выше письме Е.О. упрекала Волошина: «...зачем же <...> ты кормишь Пшеславских, неужели думаешь, что они без тебя от голода будут мучиться, что не сумеют скрасть что угодно, где угодно, другим помогать нужно, только не им <...>». В ответном письме (31 января / 13 февраля 1922 г.) Е.О. отмечала: «Как я могу попрекать Пшеславских, что ты их кормил одно время, в чем они тут могут быть виноваты, – не понимаю; это было бы совершенно бессмысленно с моей сто<ро>ны. Этим обвинением меня только подтверждаешь, что видишь во мне какую-то взбаломошенную, требовательную, выжившую из ума старуху <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 41).

167. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

18 февраля 1922 г. Феодосия

18/II 1922.

Милая мама, пишу несколько только слов. У меня рецидив болезни: воспаление плечевого сустава левой руки. Теперь я уже не владею обеими. Не могу ни раздеваться сам, ни одеваться. Четверо суток опять не сплю от боли. Жаль, ты не прислала мешков с Мусей.[1] Почему виноват я, или ты в том, что керосин подмочил муку и бобы?[2] Его можно было бы поставить на другую часть телеги. Тем более что Муся, садясь сама, выражала опасение, что он будет плескаться. Не я его закупривал, не я его грузил, т<ак> к<ак> ни того, ни другого делать не могу.

Все, что я о твоей требовательности думаю, я тебе написал, и в том письме все ответы.[3] А вообще о наших отношениях я написал тебе в целом ряде писем из Биаррица.[4] Я тогда все передумал и все перевесил. Дважды этого писать нельзя. Тем более теперь, когда думать о себе некогда. И кроме того слишком физически больно писать (рука). Поэтому можно писать только крайне важное и необходимое, т.е. стихи.

«Идеально» – наше с тобой положение, конечно, не абсолютно, а *сравнительно с другими*, – с большинством.[5] Здесь трупы умерших от голода в предместьях уже не подбираются. А на днях обнаружена кража 3 трупов «на колбасу». И это не легенда, а факт, и похитители арестованы. Поэтому и Коктебель «*относительно*» в идеальном положении. Там еще не режут за ½ пуда муки, там еще не закрывают ставни, чтобы съесть горсть вареной крупы, чтобы в дом не ворвались, как это делается в Судаке. Конечно, придет очередь и до нас. Но Судак к тому времени уже вымрет. Если до весны не улучшит<ся> положение – то надо распродавать что можно и, бросив остальное, бежать из Крыма.[6]

До свиданья. Крепко целую. Не придирайся к словам моим.

MAX.

[1] М.А. Новицкая (доставившая от Волошина продукты для Е.О. в Коктебель; см. п. 166).

[2] В письме от 31 января / 13 февраля 1922 г. Е.О. сообщала о доставленных в Коктебель продуктах: «Керосин наделал много беды, ибо одна из жестянок была плохо закупорена, плескала вовсю и испортила 10 ф<унтов> кукурузной муки Новицких и фасоль Юнге» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 649, л. 42).

[3] Имеется в виду п. 164. Тему «требовательности» Е.О. в очередной раз затрагивала в письме к Волошину от 31 января / 13 февраля 1922 г. (см. примеч. 7 к п. 166), ее же она развивала в недатированном письме – ответном на несохранившееся письмо Волошина от 15 февраля 1922 г.: «Из письма твоего от 15/2 1922 г. вижу <...>, что ты не хочешь понять меня разумом и не можешь понять чувством, а потому пишешь и говоришь так, что я не успокаиваюсь от твоих слов, а только прихожу в раздражение, негодование, огорчение. А говоришь и пишешь так, только из желания оправдать себя и во всем винить меня. По-твоему, например, я требовательна и требовательностью своей довела твою руку и т.д. Между тем я никогда не была требовательна к людям и к тебе также <...> Ты же пишешь: “человек (будь он родной сын) ведь не банк, в который вкладывают капитал, чтобы потом выбрать его обратно”. – А что я от тебя выбирала обратно или хочу выбирать, желая только немного внимания, некоторых пустячных услуг, без которых теперь не могу обойтись? – Еще пишешь: все, что получаешь, всегда нужно отдавать не тому, у кого взял, а другому и другой манерой. – Это только фраза, не выдерживающая никакой критики <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 46–46 об.).

[4] Видимо, подразумеваются письма к Е.О. за сентябрь – октябрь 1915 г., которые, по всей вероятности, не сохранились.

[5] Откликаясь на слова Волошина об «идеальном» положении (п. 166), Е.О. писала ему 31 января / 13 февраля: «...я еще не голодаю, но при однообразии пищи, с малым количеством жиров, продолжаю усиленно худеть и слабеть, а это грозит тем, что не в состоянии буду исполнять и эту малую работу, которую исполняю и теперь с большим трудом и задышкой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 41–41 об.).

[6] На этот план Е.О. откликнулась в письме к Волошину от 8/21 февраля 1922 г.: «На это возражаю: – голодные и бедные, обреченные оставаться в Крыму, покупать ничего не будут; сытым и богатым перед бегством не нужно будет того, что у нас есть, ибо они уже запаслись золотом, серебром, драгоценн<ыми> камнями, чего у нас нет, значит о будущем нам думать нечего, а жить нужно только настоящим, что ты всегда проповедуешь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 44).

168. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 20 февраля 1922 г. Феодосия

Милая мама,

посылаю тебе «кофеин». Не знаю, с этим ли письмом или отдельно пойдет от Рагозинского к Юнге – масло коровье. Там есть 1 фунт мой – для тебя. Рагозинские живут благополучно (по нынешним временам), т.е. не умирают от голода. Володя бросил* службу и точит на станке дамские каблуки. Ольга Артуровна служит судомойкой в Губ-Союзе и страшно переутомляется.

Вот одно практическое предложение тебе: только что у меня была одна знакомая фельдшерица из Бол<ьших> Камышей, Марья Степановна Заболоцкая (ты ее знаешь, но, конечно, не помнишь)[1] и рассказала такую историю: к ней пришла одна крестьянская девушка лет 17-ти, которая оказалась беременной (без собственного ведома) и в таком семейном положении, что ее необходимо взять от ее родных, и она ей обещала это сделать, т<ак> к<ак> девушка (Даша) очень хорошая, честная, работящая и ее надо спасти. Но ее самое – Марью Степановну – сейчас перевели из Камышей в Феодосию, и ей *некуда* ее поместить у себя. Не хочешь ли дать ей приют у себя. Она привычна ко всякой крестьянской работе – будет тебе и собирать дрова, и носить воду, и может печь хлеб. В основном она будет сама доставать себе пропитание, но ты ее будешь подкармливать. (Если, напр<имер>, она будет печь хлеб – то ты сможешь ей давать припек). На время своего разрешения от бремени (в конце апреля) она уйдет в Феодосию. А потом опять сможет вернуться к тебе. Мар<ья> Степ<ановна> говорит, что она редко симпатичная, честная, скромная, работящая, привязчивая, но крайне наивная. Быть может, ты в ней найдешь именно такую прислугу, какую тебе необходимо иметь теперь – и какую сейчас вообще невозможно достать. Подумай и ответь мне немедленно.

---

* *В автографе:* просил.

Т<ак> к<ак> нам, как я писал тебе через Мусю,[2] очевидно предстоит еще получение продуктов через Американскую Миссию, то я думаю, что мы сможем прокормить потом и вполне лишнего человека. Советую тебе не упускать этого случая.

Крепко целую.

МАХ.

[1] М.С. Заболоцкая заведовала амбулаторией в селе Дальние Камыши Феодосийского уезда. Ее знакомство с Волошиным состоялось, по всей вероятности, в декабре 1921 г. (Труды и дни-2. С. 139–140).

[2] М.А. Новицкая.

169. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

22 февраля 1922 г. Феодосия

22/II 1922.

Милая мама, зашла Катя Павлова, передала твою записку.[1] Пишу наскоро, т<ак> к<ак> она сидит и ждет ответа. Письмо, потерянное Е<лизаветой> Ф<илипповной>,[2] было очень важно, и ждал на него ответа с нетерпением. Я писал тебе об одной девушке из дер<евни> Камыши по имени Даша, очень юной, честной, работящей и наивной, мне весьма рекомендованной. Она должна родить и скрыть это от своих родителей. Ищут для нее пристанища и прибежища. Ее надо не кормить, а кое-чем подкармливать. Она в конце апреля уйдет родить в город, а потом опять вернется. Мне представлялось, что тебе было бы очень хорошо взять ее к себе – она была бы тебе нужной помощницей. Я тебе в том письме подробно писал о ней: сейчас не могу, торопясь, повторить всего. Я уже десять дней болен: у меня воспаление плечевого сустава. Дней пять не спал и томился от боли. Теперь стало немного лучше. Но боюсь, что эта болезнь очень нарушит наше благостояние:

сегодня мне не дали пайка на Ком<андных> курс<ах>. Очевидно, исключили ввиду болезни. Это будет катастрофа. Но пока не смогу выходить, ничего выяснить не смогу.

Работа над поэмой пока прервалась.[3] Положение в городе с хлебом отчаянное: фунт хлеба должен в течение этих дней подняться до 150 тыс<яч>, т<ак> к<ак> советский рубль эти дни упал в 5 раз. Американцев ждут 25-го. Но можно ли от них чего-нибудь ждать, неизвестно, т<ак> к<ак> здесь «распределительного пункта» не будет, а будут только провозить зерно на Самару через нас. В Крыму «официально» голода еще не объявлено, и американцы пока не имеют права кормить здесь голодающих.

Здесь идут ежедневно аресты и высылки на север. Я ничем не гарантирован, кроме своей болезни.

До свиданья. Крепко тебя целую. Ответь о девушке Даше. Дай ей приют, по-моему, и посмотри.[4]

Об ней хлопочет одна моя хорошая знакомая[5] – фельдшерица из Камышей, которая никак не может приютить ее у себя, т<ак> к<ак> сама лишена квартиры и переведена в город.

MAX.

[1] Имеется в виду письмо Е.О. от 4–5/17–18 февраля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 43–43 об.).

[2] Е.Ф. Лякишева. Имеется в виду п. 168. В указанном выше письме Е.О. сообщала Волошину, что Лякишева забыла его записку «там, где ночевала».

[3] Поэма (или цикл) «Путями Каина».

[4] 13/26 февраля Е.О. отвечала: «Я твое письмо, потерян<ное> Ел<изаветой> Фил<ипповной>, вчера от нее же получила. Насчет девушки могу сказать следующее: приют ей дать могу, внизу, где помещались Пшеславские, но как и чем она будет отапливаться <...> кормить – не могу <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 45).

[5] М.С. Заболоцкая.

170. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

25 февраля 1922 г. Феодосия

25/II – 1922.

Милая мама, мое плечо после усиленного лечения и компрессов несколько лучше, и я сегодня даже выходил в первый раз. Могу уже сам одеваться.

За время болезни меня с Ком<андных> курсов действительно исключили.[1] Это очень большой удар нашему питанию. Я уже неделю сижу совсем без хлеба, на одних крупах. Санаторский паек мне вернули по телеграмме Семашко.[2] Но там хлеба нет и вообще все существование Санкура весьма ненадежно. Об «академических пайках» есть некоторое движение, но самих пайков нет. Американцев ждут завтра. Но вся мука будет только провозиться на север, а здесь они не имеют права никого кормить, т<ак> к<ак> Крым голодающим не признан официально.

В письме, потерянном Ел<изаветой> Фил<ипповной>, я тебе писал подробно о девушке Даше из Камышей.[3] А в прошлой записке написал наскоро.[4] Мне о ней говорила и рекомендовала одна знакомая фельдшерица Мар<ья> Степ<ановна> Заболоцкая, которую и ты знаешь, но, наверное, не помнишь. Она ее старается где-нибудь устроить на время ее беременности. Ей 17 лет. Она очень честная, работящая, милая. Сама будет все делать и помогать тебе. Кормиться ей будет помогать Мар<ья> Ст<епановна>, а ты за ее услуги будешь только подкармливать., После родов она опять сможет вернуться к тебе, т<ак> к<ак> ей нельзя возвратиться в свою деревню.

Я думаю, что все это очень хорошо и как раз именно то, что тебе нужно. Она сможет сама тебе печь хлеб, и тот припек, что раньше ты платила, – пойдет тебе. Может собирать и колоть дрова, делать другие работы по дому. И главное, что ты не будешь совсем одна.[5]

Меня очень обеспокоило то, что мне рассказывала Катя Павлова про тебя: что у тебя все припасы лежат на виду, все знают, что у тебя есть запас сахару, муки, что у тебя ве<че>ром, когда она заходила, была открыта дверь, а ты спала и т.д.

Все это величайшая неосторожность по нынешним временам. И это все проходит благополучно только потому, что ты живешь в Коктебеле, который представляет собою действительный оазис, только благодаря тому, что там *деревня не голодает.* В Судаке зарезали одну знакомую учительницу только для того, чтобы взять несколько фунтов муки. Я вовсе не хочу тебя запугивать: но теперь никто не должен видеть съестных припасов. Те, кто видят и чувствуют, что такое голод, знают это инстинктивно. Можно кормить других и раздавать им, но сейчас нельзя показывать, что у тебя есть еще что-то в запасе.

Ты спрашиваешь меня, что я думаю о твоей ссоре с Поликсеной Сергеевной.[6] Думаю, что надо ей дать думать о Нат<алии> Иван<овне> все то, что она думает и чувствует. Не надо ни разубеждать ее, ни стараться ей раскрыть глаза, чтобы разбить совсем ее жизнь. (Что бы ты могла ей дать взамен?)

Описанный тобою разговор дает ощущение потери сознания, запутанности людей, давно живущих в крайне замкнутом кругу без внешних впечатлений.

Вся эта ссора указывает, как мало конкретно доходит весь ужас текущих дней до тех, кто живет в Коктебеле. Среди этих трупов на улицах и колбас из человечины только можно удивляться таким беспричинным ссорам.

А тебе, я думаю, нужно было бы больше пожалеть Поликсену Сергеевну. А на Нат<алию> Ив<ановну> махнуть рукой – ради П<оликсены> С<ергеевны>.

Вся эта история столько же огорчает, сколько удивляет меня.[7]

Крепко тебя целую. До свиданья.

МАХ.

Суббота.[8]

Вчера на базаре был первый пароксизм бессознательного голодного бунта. Голодные бросились на лотки с хлебом и разнесли всё. Была стрельба. Говорят, что двое убитых.

Завтра придут американские пароходы с хлебом, который будут переправлять на Волгу (там ф<унт> хлеба 8 тыс<яч>,

а у нас 80 тыс<яч>). Не думаю, чтобы это так мирно прошло мимо ртов совершенно одичавшего от голода населения.

Есть опять некоторое движение относительно акад<ем>ичес<ких> пайков – новое распоряжение из Москвы. Может, что-нибудь и выйдет в виде нескольких пудов муки. Но надежды, судя по предыдущему, мало. Может, что-нибудь узнается теперь об амер<ик>анских пайках из Берлина.

До свиданья.

Ответь мне о Даше и пришли мешки и жестянку (там есть чужая) – а то я даже здесь не могу ничего получить, если будет случай. Почему не прислала их ни с Мусей, ни с Катей Пав<ловой>?

МАХ.

[1] Волошин узнал об этом исключении (за неявку на работу), впервые выйдя из дома после лечения в день написания письма.

[2] Н.А. Семашко – нарком здравоохранения.

[3] Имеется в виду п. 168. См. примеч. 2, 4 к п. 169.

[4] Имеется в виду п. 169.

[5] Е.О. писала Волошину 16 февраля / 1 марта: «Насчет девушки Даши я уже отвечала тебе, что могу ей дать только помещение, прикармливать нечем, очень у меня мало всего, а без твоих пайков рискуешь остаться вместе с Дашей, но без всякого корма в очень скором времени. И как ее будет г-жа Заболоцкая кормить в Коктебеле из Феодосии? Это почти неисполнимо. Затем эта же госпожа, хотя и фельдшерица, совсем не понимает или не думает, что беременная женщина, на сносях не может таскать воду из чужих дворов, колоть и носить дрова из лесу, вообще исполнять тяжелую работу, не рискуя выкинуть <...> Нет, если бы я могла ее даже кормить, то такой работы от нее не просила бы, несмотря на всю свою, по словам твоим, требовательность» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 50).

[6] О ссоре между Е.О. и П.С. Соловьевой (в связи с взаимоотношениями последней с Н.И. Манасеиной) см. примеч. 5 к п. 165. 4–5/17–18 февраля 1922 г. Е.О. напоминала Волошину: «Ты хотел мне написать по поводу моего раз<з>накомства с Манасеиной и Соловьевой и моего письма к последней, – и ничего не написал. Напиши, пожалуйста. – Я прихожу к тому заключению, что П.С. видит все мелочные пакости, из которых состоит Н.И., но извиняет их ввиду

других благородных качеств, в которые Н.И. умеет облачаться и втирать ей в глаза свою жалость к людям, милосердие, доброту» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 43).

[7] На эти доводы Волошина Е.О. отреагировала в письме к нему от 27 февраля / 12 марта: «Вот ты мне не ответил на вопрос мой по поводу нашей ссоры с П<оликсеной> Серг<еевной> и моего письма к ней по существу, а только высказал свою мысль об этом относительно переживаемого времени. Но, ведь, какое бы время мы не переживали, а обиды, ссоры, пересуды, сплетни, любовь, ненависть, зависть, ревность, геройство, фиглярство, ложь, правда, эгоизм, альтруизм идут своим чередом, без всякой перемены» (*Там же*, л. 58 об.).

[8] Суббота – 25 февраля. Возможно, что авторская датировка в начале письма неточная (должно быть: 24 февраля).

171. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

2 марта 1922 г. Феодосия

2/III 1922.

Милая мала, пишу тебе наскоро. Уже глубокая ночь, а я еще с самого утра не имел возможности остаться хотя бы на одну минуту наедине с работой. А я только ею и полон теперь, и это очень мучительно. А сократить число посещений невозможно: самые разнообразные человеческие дела, требующие немедленно вмешательства. Ужасы голода всё растут и приходят в жизнь самыми разнообразными путями. А между тем поэма моя[1] все разрастается в замысле. Вот я напишу тебе письмо и сяду еще писать до рассвета, т<ак> к<ак> это единственное время, когда я один.

Сперва дела: я никакого «кусочка» масла тебе через Юнге никогда не посылал: в Юнговском масле есть твой *ф у н т*, купленный по моей просьбе Рагозинским и от общего количества масла не отделенный. Его надо отвесить. Я, кажется, ясно писал об этом. А какие там были «комочки», для кого они и кем взвешивались, не знаю.[2]

При обмене сахара имей в виду, что он сейчас очень дорог – 120 тыс<яч> фунт, сейчас, вероятно, уже дороже.

Ты меня ловишь на противоречиях в письмах:[3] письма пишутся в разные дни, а каждый день приносит разные сведения и разные перспективы и надежды. Противоречит себе не

я, а жизнь. А ее уличать в противоречиях бесполезно, т<ак> к<ак> она последовательной не бывает.

На американский паек есть и остается надежда. Но как и когда он придет – конечно, неизвестно, хотя американцы уже появились и выгружают хлеб, который пойдет транзитом на Волгу, не распыляясь в Крыму. Распределительных американских агентств здесь нет пока. Вероятно, он придет, когда очень и очень понадобится.

С Ком. Курсов я исключен безвозвратно. Тут, кажется, не только болезнь, но и то, что я отказался говорить какую-то надгробную речь, о которой меня просили. Во всяком случае я им только могу быть благодарен за то, что они меня так долго терпели и кормили, а не претендовать на исключение. Дней 10 я просидел совсем без хлеба. Сегодня получил фунта 3 из Санкура. Но он наверное завтра же разойдется: теперь отказывать голодным нельзя, а других еще нужно умолять, чтобы они хоть немножко взяли, как ту барышню – Марину Феодоровну Эбергарт, присланную мне из Судака Герцыками, что пока живет у меня.

Мне кажется, удалось устроить по пуду муки – для Новицких, Соловьевой и Манасеин<ой> и для тебя. Муся,[4] верно, завтра достанет их. Но я тебе пошлю только часть, т<ак> к<ак> мне при отсутствии хлеба придется ее сохранить для лепешек и затирок. И вообще мне кажется, что пока у тебя есть запасы на ближайшее время, безопаснее сохранять здесь продукты.

Отъезд из Крыма не является еще срочною необходимостью. Но может ею стать и по самым разнообразным причинам – и по голоду, предстоящему в 23 году (поля *не засеиваются*: ни лошадей, ни зерна), и потому, что, после ряда любезных приглашений в Москву с предоставлением всех удобств, может воспоследовать и просто арест с высылкой в центр, как теперь практикуется походя, а возможен и просто мой арест при том озлоблении коммунистов против меня, которое для меня обнаружилось теперь в виде целого ряда яростных нападений на меня в публичных речах, и которое пока почему-то парализуется каким-то чрезмерным и необъяснимым уважением к моему литературному авторитету.

А что станется с тобой, если меня паче чаянья арестуют? Мое положение может стать совершенно невозможным именно здесь – в Феодосии и в Коктебеле. Сейчас что-нибудь решать еще преждевременно. Но подумать надо. Поэтому подумай и напиши мне свои соображения.[5] Крепко целую.

МАХ.

Рука лучше. Компрессы кончились. Начинаю выходить. Но боль остается еще, равно как и в спине и слабость в колене.

[1] «Путями Каина».

[2] Отклик на сообщение в письме Е.О. от 13/26 февраля 1922 г.: «Масло коровье, топленое получила от тебя через Юнге, не весила его, но это был маленький комочек, в котором и полуфунта быть не могло <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 45).

[3] В том же письме Е.О. отмечала, сравнивая два волошинских письма (п. 170 и п. 168): «...в последнем письме ты боишься, что болезнь твоя нарушит наше благосостояние, ибо тебе уже не дали пайка из Ком<андных> Курс<ов>; это будет катастрофа. Эти слова очень противоречат концу предыдущего письма твоего: “т<ак> к<ак> нам, очевидно, предстоит еще получение продуктов через Амер<иканскую> Мис<сию>, то я думаю, что мы сможем прикормить вполне лишнего человека”».

[4] М.А. Новицкая.

[5] Е.О. отвечала 18 февраля / 3 марта: «...тебя арестуют, – я пропадаю с голода, ты уезжаешь в Москву, Берлин или еще куда-либо, – я пропадаю с голода; тебя не арестуют, но ты лишен пайков при усиливающемся голоде, – мы оба пропадаем с голода. Зачем же рисковать адресом, или, оставаясь здесь, обоим пропадать с голода, если один может спастись, а вдвоем это невозможно. – Я остаюсь пропадать с голода» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 52 об.).

172. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5 марта 1922 г. Феодосия

5/III 1922. Воскресенье.

Милая мама, посылаю тебе письмо от Аси.[1] Получил твои письма через Елис<авету> Филипповну и Мусю.[2]

Голод в Феодосии все растет. Арестовывают на рынке торговок, продающих холодец из человеческого мяса. Рассказывал Володя Р.,[3] что повыше их за заводом лежит труп со срезанным мясом. И т.д.

Но Крым наконец объявлен голодающим, и дня через три ждут приезда Амер<иканского> Рос<сийского> Агентства (Ара) и парохода с мукой специально для Крыма. Тогда явится возможность получить и нам американский паек, обещанный из Берлина (если он только действительно заказан).

Все, что ты пишешь, – логично и разумно.[4] Но ничего не разъясняет и по существу на мои вопросы не отвечает. Если я буду отвечать, то опять будет спор. А спора я не хочу.[5] Да и не могу спорить – у меня все мысли сейчас и каждая свободная минута заняты моей работой (поэмой «Путями Каина»). Поэма кажется значительна и на тех, кому я ее читал, производит впечатление очень сильное. М<ожет> б<ыть>, эта работа – самозащита, потому что без работы выносить то, что окружает, – совершенно нестерпимо.

Я начал второй день выходить. Плечо еще болит. Болит и спина. Но нога действует исправно. Правая же рука по-прежнему онемела наполовину. До свиданья. Целую тебя.

MAX.

[1] Сохранились пять писем А.И. Цветаевой из Москвы к Е.О. (одно из них адресовано ей и Волошину), относящихся к этому времени, датировано лишь одно – 12/25 января 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 335).

[2] Е.Ф. Лякишева и М.А. Новицкая. Имеются в виду письма Е.О. к Волошину от 16 февраля / 1 марта и от 18 февраля / 3 марта.

[3] В.А. Рогозинский.

[4] См. примеч. 5 к п. 171.

[5] Е.О. отвечала на эти доводы в письме от 22 февраля / 7 марта: «...у тебя всегда так: доведешь разговор до известной черты, где нужно сказать что-то действительно существенное, и говоришь: спорить больше не желаю, я все сказал, и это только мешает мне работать. – Вот эту стенку между нами, вижу теперь ясно, ничем не пробьешь. А на каком гвозде этой стенки моя требовательность висит – совсем не вижу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 56 об.).

173. В.Я. и Е.Я. ЭФРОН

12 марта 1922 г. Феодосия

12/III 1922.
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милые Вера и Лиля,

где Вы и почему Вы не давали знать о себе? Или Вы писали и письма Ваши не доходили? Мне было невозможно написать Вам, т<ак> к<ак> я не знал (и не знаю) адреса, и только узнав, что Марья Гермогеновна встречается с тобой в III-ьей Студии,[1] Лиля, я пишу второпях эти строчки, чтобы сказать, что всегда помню, люблю, беспокоюсь о вашей судьбе и досадую, что наша жизнь так отсеклась друг от друга. (Через Марину[2] мне не хотелось писать).

Очень смутные и далекие слухи доходили о Вашей судьбе. Хочется знать подробно и от вас самих.

Д<окто>р Наний из Феодосии, который завтра увезет это письмо, должен вернуться обратно, и вы можете ответить через него и Вересаевых.[3]

Пра очень постарела физически, но молода и огненна духом. Как всегда, постоянно опаляется на меня.

Я сейчас болею – вот уже 9 месяцев, а до <того> много месяцев кипел в самом кипени.

Много эти годы работал. Много писал. Много рисовал. Много пережил. Многое научился делать. Счастлив, что все это время оставался в России. И горд тем, что «имею честь жить в такое время». Правда же, нам повезло – нашему поколению – в смысле исторического и жизненного опыта и разнообразия впечатлений.

Мне очень хотелось бы приехать в Москву, и я надеюсь на это. Но Пра не пускает.

Крепко обнимаю, целую, люблю, хочу видеть.

МАХ.

[1] М.Г. Смидович. Третья студия Московского Художественного театра под руководством Е.Б. Вахтангова открылась 13 ноября 1921 г. по адресу: Арбат, д. 9/26.

[2] М.И. Цветаева.

[3] Ответных писем от обеих сестер в архиве Волошина не обнаружено.

174. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

14 марта 1922 г. Феодосия

14/III 1922.

Милая мама, я эти дни выбит совсем из рабочей колеи, т<ак> к<ак> неожиданно на меня упали деньги от Вересаева и Парнок, для Герцык, Новицких, Пол<иксены> Сер<геевны>[1] и т.д. Т<ак> к<ак> их разослать это была бы плохая услуга (они бы истаяли – рубль падает катастрофически), то я решил их обратить в продукты. Что и сделал весьма выгодно и достал по пуду муки, 2 ф<унта> кофе, сахару и мыла на брата, очень дешево. Остальные деньги пока превращаю в золото и буду превращать постепенно в продукты. Того, что тебе нужно: круп, масла – сейчас нет: т.е. есть, но только на базаре и по безумным ценам (крупа между 200–300 тыс<ячами>, масло 400 т<ысяч> фунт). Я буду выжидать получек, чтобы закупить в учреждениях по себестоимости. Моим санкурским пайком я все время с тобою делюсь: откуда бы взялись те крупы и масло, что я тебе посылал? Все это экономия от моей порции. Тебе я посылал большую часть, когда у меня было достаточно хлеба. Теперь, когда я без хлеба, – невольно ем больше. Покупать мне было не на что. Денег я и не имел и не тратил. Теперь деньги пришли: трачу их на закупку муки. Тебе не посылаю – здесь ее держать безопаснее и тебе не нужно. Сахар в свое время купил и послал тебе – весь. Малой долей мне остающегося еще делюсь с другими и многими (и Шервашидзе брали у меня уже не раз).[2] Осетрину давали, когда я был в санатории и сперва по выходе раза два, а теперь дают соле-

ного коропа. Рыбу ел – т<ак> к<ак> это единственное разнообразие среди сухих каш и похлебок из муки, что мне варит Ариша,[3] т<ак> к<ак> мяса мне есть нельзя. Икра давалась вместо масла и жиров. Масло тебе не раз посылал. Последние разы давали только говяжий лой, который отдавал Арише за ее труды, так как мой желудок его не переваривает, а ты бы его не стала употреблять. Сомневаюсь, чтоб у тебя от моих болтушек из муки, круп да каш на воде, с микроскопическим количеством смальца, потекли бы слюнки.[4] Пошлю тебе рису немного, что есть. Пшена у меня слишком мало. Да, дается еще картошка – но больше половины гнилой и вонючей. Ее я съедал <?>. Вообще эта манера сообщения и передачи одним про других, что кто ест и что у кого есть, кажется мне очень мещанским стилем *особенно в теперешнее время*. Тебе тоже кем-то сообщалось, что у меня шкаф ломился от продуктов. Сколько их ни было – все они пересылались тебе, и ты можешь вполне судить об их количестве. Тебе отправлялось приблизительно ⅔ того, что было у меня. А третью я еще делюсь постоянно и со многими. Те, кому приходилось видеть и разделять мою трапезу, удивля<лись>, почему я так мало и скромно ем, когда у меня есть еще припасы. Кроме того, в моей комнате еще всегда кто-нибудь ночует или живет, а когда я работаю, то через каждые десять минут кто-нибудь приходит по неотложным человеческим делам, и мне приходится забрасывать работу в самом разгаре ее – как вот эту неделю.

Будь добра, пришли мне с какой-нибудь верной оказией мой коричневый костюм – куртку и штаны (что ты мне обрезала) и гетры для коротких штанов (вязаные), они все находят<ся> в кованом сундуке на моем чердаке. Я совсем обтрепался до невыносимости. Я просил об этом Мусю,[5] чтобы она слазила туда и отыскала. Если коричневый костюм трудно найти, то мой летний бархатный, светлый, песочный – штаны и куртка. Револьвер достать очень трудно. Но если бы и было возможно, то разрешения достать немыслимо. Обыски оружия идут все время. Но зато (в виде утешения) закон разрешает тебе убить голыми руками любого грабителя, на тебя нападающего, – убить безнаказанно.

Крепко тебя целую. Будь бодра и радостна (повторяю опять это же пожелание, т<ак> к<ак> самому себе внушаю

этого же ежедневно, ибо без это<го> в текущее время жить невозможно. Это единственное, что можно противупоставить действительности изнутри).

МАХ.

P.S. Пришла Ан<на> Иван<овна> Добровольская. Принесла твое письмо 27/II. Отвечу после.

[1] П.С. Соловьева.

[2] Екатерина Васильевна Шервашидзе (урожд. Падалка; 1876–1955), жена А.К. Шервашидзе.

[3] Кухарка.

[4] 26 февраля / 11 марта 1922 г. Е.О. сообщала Волошину о своей беседе с Е. Павловой, приехавшей из Феодосии: «Она как начала мне рассказывать, что ты в паек получил <...>, то у меня слюнки потекли, в особенности от икры и осетрины. – Я сижу на солен<ой> говядине и баранине, имеющих вкус соленой мочалки, и думаю, как вкусны, жирны, нежны кошки, да, к сожалению, уже нету их» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 57).

[5] М.А. Новицкая.

175. В.В. ВЕРЕСАЕВУ и М.Г. СМИДОВИЧ

12–18 марта 1922 г. Феодосия

12.III.1922, д<ом>Айвазовского, Феодосия.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Не знаю, как Вас благодарить за Ваше внимание, память и заботливость, которые пришли как нельзя более вовремя.[1] Я решил все присланные деньги, мои и чужие, обратить в валюту, т.е. в муку, т<ак> к<ак> ценность денег сейчас падает катастрофически. А т<ак> к<ак> д<окто>р Наний завтра уже выезжает обратно,[2] то надо немедленно и писать, и бегать за мукой, и готовить для посылки рукопись – простите за отрывочность всего, что пишу Вам.

Посылаю Вам из рукописей первые 8 глав новой моей поэмы (или цикла) «Путями Каина», которая должна составить новую книгу стихов и которую надеюсь закончить теперь же. (Нахожусь в самом разгаре работы.) Желательно было бы

все 8 глав напечатать одновременно в одном из имеющихся в Вашем распоряжении альманахов.

В цензурном отношении сомнительна, пожалуй, глава VII —«Машина». Но я думаю, что если в ней заменить точками строфу 5-ю, то она могла бы пройти.[3] По замыслу там еще должно быть 5 глав.

Потом посылаю Вам для Госиздата монографию о Сурикове,[4] которую считаю одной из наиболее серьезных и удачных своих работ. Но: она была заказана и оплачена (300 р.) издательством Кнебеля в 1916 году.[5] Оно ее не издало. Я не знаю – существует ли оно. Вместе с тем книга, не издаваемая вовремя, теряет свою ценность. Поэтому я думаю, что имею право теперь – через 6 лет и смены 3 режимов – распорядиться ею по-своему. Но если Кнебель существует и функционирует, то будьте добры все же запросить его по телефону, т<ак> к<ак> я отнюдь не хотел бы оказаться некорректным.

К этому изданию, разумеется, желательны иллюстрации, хотя бы в виде 6 главных картин Сурикова, клише которых очень распространены. Но возможно издание и без иллюстраций.

Кроме того, имею возможность немедленно составить и прислать несколько книг моих критических статей:

О театре.

О живописи.

О литературе.

И у меня имеются книги переводов:

1. Стихи Анри де Ренье.

2. Драма Клоделя «Отдых седьмого дня».

3. Трагедия Вилье де Лиль-Адана «Аксель».[6]

Переводы Ренье еще нигде не были напечатаны, и желательно было бы их размещение предварительное в нескольких альманахах. Пришлю их, как только приготовлю копию. Кроме того, мною послана С.Я. Парнок моя книга лирики «Selva oscura»,* которая, вероятно, задержалась в Харькове, куда должен был заехать Муниц, которому она поручена.[7]

* Темный лес *(ит.)*.

Устройство всей моей лирики я поручил Софии Яковлевне Парнок. Поэтому будьте добры, Викентий Викентьевич, стелефониться с ней об ее распределении. Мне было бы очень желательно издание всей моей лирики в одном томе, т<ак> к<ак> все мои издания разошлись уже и, если бы это оказалось возможным (книгоизд<ательство> писателей?),[8] то тогда «Selva oscura» поглотилась бы им. Издание же стихов о революции – полное – очевидно, еще преждевременно.[9] Но для меня желательно, конечно, их напечатанье в отдельных изданиях. Может быть, было бы возможно переиздание «Демонов глухонемых» в Москве?[10] Вот все о литературном материале, имеющемся у меня на руках. Это немало.

О моем приезде. Спасибо за распоряжение Семашки.[11] Оно пришло. ЦУКК'ом[12] принято холодно: «Санитарных поездов больше нет, из Симферополя место, может, найдется в вагоне ЦУКК'а. Вообще, Санкур скоро совсем закроется». Я лично – Вы знаете это – очень и очень хотел бы в Москву и считаю это рациональным и необходимым. Но до полного тепла я не могу выехать по здоровью (я опять лежал полтора месяца с воспалением плеча). Кстати, нет ли возможности достать в Москве уродоналу, пиперазину или атофану? Чего-нибудь одного, но в количестве не менее 3 флаконов (курс лечения).

Уехать с мамой невозможно, т<ак> к<ак> сейчас ликвидировать дом с вещами и книгами невозможно и оставить его не на кого. Мама не прочь была бы уехать и отнюдь не хочет отпускать меня одного. Но я все думаю, что ее удастся убедить в рациональности моей поездки на север месяца на полтора–два в мае и июне. Это я и думаю сделать. Так что если к концу апреля будет какая-нибудь возможность дать мне призывный сигнал и телеграммно возбудить ко мне симпатии предержащих властей, буду очень признателен.

Общее положение Крыма – катастрофично. На улицах картины XIV века – городов во время Черной Смерти и

голода. Ползают по тротуарам умирающие, стонут под заборами татары («ревки» их называют). Валяются неубранные трупы. Могил на кладбище некому рыть. Трупы валятся в общий ров — голые. Из детских приютов вытряхают их мешками. Мертвецкие завалены. На окраине города по овражкам устроены свалки трупов. Видят там и трупы с обрезанным мясом. Трупоедство было сперва мифом, потом стало реальностью. Колбаса и холодец из человеческого мяса были констатированы на рынке, так же как и похищение трупов на колбасу (знаю через m-me Гончарову). Американцы выгружают кукурузу для Саратова и провозят через Крым. Здесь не остается. Вокруг вагонов толпы мальчишек, собирающих зерна. По ним стреляют. Вчера почти на моих глазах снесли с одного череп. В городском саду валялось двое с перебитыми ногами — рубили деревья и т.д. В уезде все значительно хуже. Некоторые из самых богатых сел вымирают поголовно (Салы, Цюрихталь). Судак ужасен. Коктебель, сравнительно, — оазис: там деревня *не голодает.* В Судаке за несколько фунтов муки режут. Это самое страшное и проклятое место за эти годы. Засевов нигде и никаких. Лошади съедены. (На весь Судак — одна лошадь.) Самое худшее положение татар. Продналог был в Крыму взят полностью, и большинство тайников для хлеба было обнаружено. Отсюда этот голод в деревнях. Те, у кого и есть спрятанное, теперь не решаются доставать.

Цены доходили уже до 210 тыс<яч> за фунт хлеба. Сейчас, благодаря двум пароходам из Батума, пали до 130 тыс<яч>, но через 2—3 дня снова подымутся. Это связано с катастрофическим падением рубля. (Лира — 1 м<иллион> 300 тыс<яч> — а потом полное исчезновение курса в Батуме). Были очень странные явления: скупка врангелевских денег матросами на рынке по полуторной стоимости.

Недавно прошла полоса больших арестов и высылок на север бывших военных и врачей.

Только сейчас Крым официально объявлен голодающим. Говорят, что АРА[13] здесь будет работать. Но все это не раньше, чем через месяц. А что будет до этого?

Три или четыре раза сокращались все служащие в советских учреждениях по 50%. Почти вся интеллигенция выкинута

на улицу. Американцы, здесь появившиеся, имеют такой вид, точно это ожившие буржуи с большевицких плакатов. К общению с собою не располагают. (Правда ли, что существует специальный американский паек для писателей? Правда ли, что я внесен в этот список?)[14] Я надеялся, что можно будет многих из интеллигенции устроить в АРА на службу. Но тут, оказывается, будет запрещен набор иначе, как через Биржу труда по очередным №№.

Учреждения, школы и учебные заведения закрывают одно за другим. Вот все об общественной жизни.

Я лично прожил эту зиму частью в санатории, частью у себя в квартире Лампси. Питался санаторным пайком. Вообще, мне, как библейским пророкам, вороны приносят хлеб.[15] Все время, когда был на ногах, посвящал человечьим делам, а болезни – писанию поэмы.

Дорогая Мария Гермогеновна, благодарю Вас за письмо[16] и Вас вместе с Викентием Викентьевичем за внимание, память, сочувствие, хлопоты – за все, что теперь так важно и бесценно.

В Коктебеле все эту зиму выжили. Мама живет одна во всем доме. Но мне отсюда удавалось пересылать все время продукты: я одно время читал лекции на Командных курсах и там получал военный паек. Теперь меня оттуда выкинули.

Коктебель еще пока лучше, чем остальные местности Феодосийской области. Муся Новицкая сейчас в Феодосии и напишет Вам подробнее о Коктебеле. Как я рад, что Вы теперь в Студии Художественного театра и что Ваша мечта осуществилась. Это у Массалитинова 3-я Студия?[17] Привет ему. Прилагаю письмецо для Веры и Лили Эфрон[18] и прошу их адрес. Я, как всегда, живу очень полною и деятельною жизнью, несмотря на болезнь, которая лучше (хожу), но еще не проходит.

Очень надеюсь, что удастся проехать в мае в Москву. Но это только надежды. Очень прошу прилагаемое письмо передать Вере и Лиле Эфрон.

Крепко обнимаю Викентия Викентьевича и Вас.

Максимилиан Волошин.

P.S. Просьба: познакомиться с моей женой Маргаритой Васильевной Сабашниковой’ (тел. 33-36, Волхонка, на углу против храма Спасителя, дом, где была гимназия Креймана, кв. Сабашниковых), рассказать ей про меня, и чем я жил эти годы, и дать ей прочесть те стихи, что посылаю Вам.

Мои условия за книгу – 25% с номинала – были безо всяких представлений о современных условиях, и я дам право С.Я. Парнок как угодно их модифицировать. За гонорар Госиздата очень, очень благодарю.[19] Из Симферополя я, конечно, ничего так и не получил после Вашего отъезда.

18.III.1922.

Ну вот, я окончил благополучно и операцию с превращением остатка денег в золото – и теперь из присланных Вами сумм ничего не убудет от писателей.[20] Но на все эти спекулянтские операции у меня ушла целая неделя (как раз в разгар моей работы над «Путями Каина»). Сегодня день писем и суматохи празднования дня Парижской коммуны,[21] а завтра снова примусь за работу. Мне осталось для поэмы пять глав написать. Две последних – это стихи, написанные ранее,[22] а сызнова только 3: «Государство», «Наука» и «Наби́» (последняя – голос пророка, призывающего к мятежу против вещества).[23]

Рукопись «Selva oscura», как я узнал вчера, уже в Москве, после многих скитаний и приключений, у Лимана и, вероятно, уже передана Софии Яковлевне. Кроме того, я послал Вам с Нанием монографию о Сурикове и 8 глав «Путей Каина» – для альманахов. Если Госиздату или Изд<ательст>ву писателей (последнее предпочтительнее) улыбнется издание в одном томе всей моей лирики (моих книг уже нет в продаже), то я предпочту это изданию «Selva oscura» отдельному и вышлю Вам полный текст.

Относительно пересылки денег, то, конечно, лучше всего верными оказиями. Но, может быть, возможно телеграфом – через финотдел. На почте выдают, но денежных знаков мало,

и бывают очень долгие задержки. И еще раз большое спасибо за всю заботу обо мне и о моих литературных делах.

Дела с голодом в Феодосии обстоят так же: американцы только транспортируют кукурузу в Саратовскую губернию. Здесь не остается ничего. Цены в эти дни чуть понизились (пуд муки 7–8 миллионов, фунт хлеба 130 тысяч, а был 200 тысяч). На трупы и на умирающих никто уже не обращает внимания; мальчишек в порту подстреливают по-прежнему, о трупоедстве уже не говорят: привыкли и приспособились. Зато «буржуазные» слухи о войне цветут, как подснежники в горах на весеннем солнце. До свидания. Привет Марии Гермогеновне. Спасибо за все.

Максимилиан Волошин.

P.S. Большая просьба передать (или вызвать по телефону) эти два письма Парнок и Кудашевой.

[1] В письме от 12 февраля 1922 г. из Москвы В.В. Вересаев оповещал Волошина, что нарком здравоохранения Н.А. Семашко направил в Феодосийский Райкурупр телеграмму с распоряжением о выдаче санаторного пайка Волошину, П.С. Соловьевой, Н.И. Манасеиной и А.П. Новицкому, и добавлял: «Фрунзе, зам. председателя украинского Совнаркома, <...> обещал сделать все возможное, чтоб упомянутым писателям тем или иным путем доставить съестные припасы. Если вскорости их не получите, напомните ему об этом по адресу: Харьков, Совнарком, тов. Фрунзе, сославшись на заявление Вересаева и Воронского» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 2 об.). В следующем письме, от 4 марта, Вересаев сообщал Волошину, что взял для подготавливаемого им альманаха два стихотворения и высылает с П.И. Нанием причитающийся за них гонорар (*Там же*, л. 4–4 об.). Стихотворения Волошина «Дикое Поле» и «Бегство» были напечатаны в кн.: Наши дни. Художественные альманахи. № 1 / Под ред. А. Воронского и В. Вересаева. М.: Госиздат, 1922. С. 117–127.

[2] П.И. Наний привез из Москвы в Феодосию упомянутые выше письма Вересаева и деньги для Волошина и других коктебельцев.

[3] См.: Т. 2 наст. изд. С. 31–32. В окончательно сформированном составе цикла «Путями Каина» стихотворение «Машина» — восьмое. Ранний вариант композиции цикла, в котором «Машина» обо-

значена под номером 7, см.: *Там же.* С. 642; в этом варианте первое стихотворение цикла («Пролог», позднее — «Мятеж») дается вне нумерации.

[4] Издание «Сурикова» в Госиздате не состоялось.

[5] См.: Т. 10 наст. изд. С. 521.

[6] Ни одно из предложенных изданий тогда не состоялось.

[7] Рукопись книги стихов «Selva oscura» была отправлена в Москву с харьковчанином Муницем в феврале 1922 г.

[8] Подразумевается «Книгоиздательство писателей в Москве» — паевое издательство русских писателей, основанное в 1912 г. и закрывшееся в 1923 г.

[9] 4 марта 1922 г. Вересаев писал Волошину о его сборнике стихов о революции («Неопалимая Купина»): «Весь сборник целиком Ваш сейчас по цензурным условиям пойти не сможет, и издательства боятся их взять (это я пишу со слов С.Я. Парнок <...>)»; тем не менее, он просил Волошина присылать стихи: «Мне обидно, как Вас тут в Москве мало знают, — именно по-революционного Волошина, выросшего на десять голов».

[10] Эта книга Волошина была переиздана не в Москве, а в Книгоиздательстве писателей в Берлине в 1923 г.

[11] В письме от 12 февраля Вересаев сообщал Волошину: «...в Симферополь Цукк'у Семашко телеграфировал: “Окажите всяческое содействие проезду Москву писателям Волошину, Соловьевой-Аллегро, Новицкому, Манасеиной с семьями. В частности, дайте им разрешения на проезд в санитарных поездах или в вагоне “Цукк'а” (№ 538 от 1/II)”».

[12] Центральное управление курортами Крыма.

[13] АРА — Американская организация помощи (American Relief Administration).

[14] Вересаев в ответ сообщал Волошину 21 марта 1922 г.: «...с Семашко и с проф. Гливенко <...> сговорился, что академический паек для крымцев (перечислил всех, кого помнил в Феодосии, Коктебеле, Судаке, Симферополе, Алуште) будет получаться здесь, в Москве, и через Семашко непосредственно переправляться в Крым. Паек чудовищно хороший: получаем и белую муку, и мясо, и сливочн<ое> масло, и сахар, чай, кофе, — даже шоколаду недавно получили. Кроме того, когда прибудут посылки для ученых русских от американцев, в первую очередь будут посланы крымцам» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 5 об.).

[15] Имеется в виду пророк Илия: «И вóроны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру <...>» (3 Цар. XVII, 6).

[16] Указанное письмо М.Г. Смидович в архиве Волошина не выявлено.

[17] См. примеч. 1 к п. 173.

[18] Имеется в виду п. 173.

[19] Гонорар за стихи, печатавшиеся в альманахе «Наши дни».

[20] Речь идет о денежных суммах, поступивших из Москвы для А.П. Новицкого, Н.И. Манасеиной, П.С. Соловьевой.

[21] 18 марта 1871 г. – день восстания парижан и свержения правительства, в результате чего была провозглашена Парижская коммуна (подавлена 28 мая).

[22] Стихотворения 1915 г. – «Левиафан», «Суд».

[23] Стихотворение «Наука» не было написано, «Наби́» получило заглавие «Пророк» (впоследствии – «Бунтовщик», 25 января 1923).

176. К.В. КАНДАУРОВУ

18 марта 1922 г. Феодосия

18.III.1922. Д<ом> Айвазовского, кв. Лампси.

Дорогой Константин Васильевич,

много раз писал тебе и Юлии Леонидовне, писал с разными оказиями, но очевидно письма не доходили, т<ак> к<ак> 2 письма, что были мной получены от Ю.Л. до вашего отъезда в Ташкент, были полны упреков на мое молчание.[1] Знал о твоей болезни через Церасских. Крым эти годы – «дно преисподней».[2] Что страшнее – прошла<я> зима – зима крови или эта «зима голода» – не знаю. На улицах валяются и умирающие от голода и трупы. И уже никто не обращает внимания ни на тех, ни на других. На рынке торгуют колбасой и студнем из человечьего мяса. По овражкам за слободками валяются трупы со срезанным с костей мясом. Огромные американские пароходы подвозят кукурузу, но ее только провозят через Крым в Саратовскую губернию. Мальчишек, бегущих за вагонами и подбирающих зернышки, пристреливают походя, ежедневно.

Частные пароходы греческие, привозящие муку, стоят на рейде по 2 недели, и им не позволяют выгружаться, т<ак> к<ак> Внешторг не может покупать муки за 250 тыс<яч> пуд,

когда она продается на рынке только за 8 миллион<ов> пуд. И корабли уходят. Рыбу тоже запрещено ловить и т.д. Если при этих ценах ты прибавишь то, что в Феодосии голод денежных знаков, что жалованья давно уже никому не платят, пайков не выдают и уже три раза сокращали по 50% служащих, то представишь себе довольно ясно условия жизни. И тем не менее жить возможно. Приспособились, и до какой степени дойдет эта способность к приспособлению, ум представить себе не может. Прав Лев Шестов, недавно писавший о том, что способность к приспособлению русского народа может обмануть самые точные политические предвиденья.[3]

Я лично живу недурно. Мне повезло. В июне прошлого года я заболел подагрой и пролежал месяцев 5 в Коктебеле, потом меня перевезли в санаторию в город. Теперь я еще болен, но уже бегаю. У меня суставный артрит. Я сперва не давал себе отчета в моем счастье: мне просто нравилось, что я могу спокойно лежать с книгой и читать. Но потом оказалось, что при коммунистическом строе подагра очень ценится. Пока я работал вовсю, разъезжал по уезду, спасал ценности и библиотеки, читал по 3–4 лекции в день – мне ничего не платили. Из всех моих талантов подагра оказалась наиболее оплачиваемой: мне за нее начали выдавать санаторный паёк, и в сущности им одним мы с Пра просуществовали эту зиму и, сравнительно с другими, блестяще. К<онстантину> Феод<оровичу>[4] приходится туго. Но последнее время лучше. Мне удалось его устроить на Командн<ых> Курсах, где я сам читал (теперь выкинут, а он остался). Он получает там военный паёк, так что ему теперь почти хватает хлеба. Академических пайков, которые нам торжественно октроированы[5] Крымским правительством, мы, конечно, не получаем совершенно. Кон<стантин> Феод<орович> страшно рвется к работе, и работа для него невозможна. Мне же, напротив, работается хорошо и плодотворно. Все мои новые стихи я послал через Вересаева Юлии Леонид<овне>, чтобы у нее сохранился полный экземпляр. Получила ли она их? Теперь заканчиваю поэму «Путями Каина» (о современной культуре). Часть ее послал Вересаеву для Альманахов Госиздата. Когда закончу вполне – пришлю. Осенью написал много акварелей.

Ради Бога, напиши о себе, о Юлии Леонидовне, о всех друзьях. Мне страшно хочется наведаться в Москву, и есть все возможности к этому и меня зовут туда власти – и невозможно оставить Пра, которая говорит: «Раз ты уедешь, то больше не вернешься. Лучше дай мне просто яду». При этих условиях разговаривать дальше уже нельзя. Она очень постарела. Задыхается. Живет в Коктебеле совершенно одна. Я в Феодосии – из-за болезни и заработка. Живу в кв<артире> Лампси с самого их отъезда. Никол<ай> Мих<айлович> умер от туберкулеза кишок.[6] Мика в санатории (туберкулез).[7] Лида открыла кондитерскую в Константинополе.[8] Алекс<андра> Михайл<овна> умерла осенью от голода и водянки,[9] пламене<ла> до последнего мига существования и гневом, и верой, и любовью к России. Крепко обнимаю и целую тебя. Привет Анне Владимировне[10] и всем друзьям.

МАХ.

[1] Имеются в виду письма Ю.Л. Оболенской из Москвы от 30 марта и 15 июня 1921 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 1–4 об.); во втором из них Оболенская сообщала: «Собираемся поехать в Туркестан с экспедицией одной, где будем на службе в качестве плакатистов».

[2] Ср. заглавие стихотворения Волошина «На дне преисподней» (12 января 1922 г.).

[3] Подразумеваются слова из брошюры Льва Шестова «Что такое большевизм?» (Берлин, 1920): «Как долго можно так существовать, сколько времени может питать Россия большевиков – не берусь сказать. Может быть, долготерпение и выносливость нашего отечества обманет все наши расчеты» (С. 14).

[4] К.Ф. Богаевский.

[5] От *фр.* octroyer – даровать, жаловать, предоставлять.

[6] О смерти Н.М. Лампси от туберкулезного менингита (видимо, в январе 1922 г.) сообщила Волошину из Константинополя его жена Л.А. Лампси в недатированном письме (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 763, л. 1–2. Ошибочно атрибутировано как письмо Латри).

[7] Мика – сын Н.М. и Л.А. Лампси Михаил Николаевич Лампси (1904–1922). Умер в Берлине. «Бедный мальчик болен туберкулезом легких и уже год находится в санатории <...>», – сообщала Л.А. Лампси в упомянутом письме.

[8] Фраза из того же письма: «Я кое-как живу, делаю пирожные и этим существую». В следующем письме к Волошину Л.А. Лампси сообщала, что открытую ею «маленькую кондитерскую <...> пришлось закрыть» (*Там же*, л. 3 об.).

[9] О смерти А.М. Петровой см. п. 156.

[10] А.В. Кандаурова.

177. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

19 марта 1922 г. Феодосия

19/III 1922.

Милая мама, посылаю тебе с Катей Павловой 5 ф<унтов> риса, 1 ф<унт> кофе настоящего, лучшего, ¼ соды, 1 ф<унт> смальцу и 1 коробку сгущенного молока. Смалец и молоко мне выдали в Санкуре. Рис я купил. Он стоит 1 миллион 100 тыс<яч> (220 т<ысяч> фунт). Это очень невыгодно, и через неделю—две я бы мог его иметь гораздо дешевле, но ввиду твоего категорического заявления продал муки, которую коплю, и купил его. Он сейчас дороже муки. Сода ¼ ф<унта> – 80 тысяч. Кофе куплен, но по очень дешевой цене. Вообще лучше предоставь мне закупать постепенно и когда это будет выгодно. Рыбы не посылаю тебе, т<ак> к<ак> получил только головы и хрящи и употребил в суп. Соленая баранина у тебя есть. Сахар есть. Икры мне не выдавали.

Очень прошу тебя: пусть Муся[1] (я говорил с нею) полезет на мой чердак и из железного сундука достанет мне мой коричневый костюм (в котором ты обрезала брюки на короткие) *или*, если не найдет того, то светлый – песочный бархатный и шерстяные чулки (гетры со штрипками) – зеленоватые. Я совсем обносился до лохмотьев.

Кроме того, прошу, с моего письменного стола пришли мне 2–3 кусочка сургуча попроще – не золотого (он лежит в медной широкой чашечке, что стоит или на левом углу стола, или над ним на полке – тут же). Кроме того, прошу Мусю слазать на верхнюю правую полку с книгами в кабинете, где стоят французские романы, и найти там Charles Louis Philippe «Le

Bubu de Montparnasse».[2] Он с иллюстрациями, в иллюстрированной обложке, завернутой в прозрачную бумажку (это всё в больших рядах полок близ чердачной двери – на самом верху – в последнем или предпоследнем отделении вправо).

Крепко целую. МАХ.

[1] М.А. Новицкая.

[2] «Бюбю с Монпарнаса» («Bubu de Montparnasse», 1901) – роман Шарля Луи Филиппа об обитателях парижского «дна».

178. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

25 марта 1922 г. Феодосия

25/III 1922.

Милая мама,

получил твои три записки с Аристидом[1] и посылаю с ним 3½ ф<унта> осетрины, что мне выдали в Санкуре, и ½ ф<унта> жиров. Весь сверток весит ровно 4 фунта. Хотел ответить тебе подробно. Но весь день были люди – ни одной минуты свободной. Я опять слег в постель. Вновь какое-то острое желудочное заболевание с сильными болями в кишечнике. Когда я получил те деньги из Москвы и начал их обращать в продукты и золото, моя работа над поэмой[2] оборвалась и сорвалась. Если б я сделал только то, что следовало делать мне лично и чего никто другой не мог бы сделать, это бы заняло 4 дня и моя работа была бы окончена. Но после это<го> начался дележ, претензии, взвешиванье, мою комнату превратили в лабаз, пол, постель, книги, рукописи засыпали мукой, заставляли меня то ждать целыми часами, то бегать высуня язык по городу, не давали спать по ночам, будили с рассвета, словом, довели до полной потери душевного равновесия. Кроме того, еще различными самостоятельными демаршами чуть не свели все дело на нет своей бестактностью, издергали меня вконец, мне некогда было заняться своею начинавшеюся болезнью, и вот я слег.

Я не вполне понимаю, в чем ты видишь здесь мою непоследовательность, со словами «Не заботитесь о завтрашнем дне».[3] О своем (т.е. о нашем) «завтрашнем дне» я совсем не заботился, т<ак> к<ак> все это предприятие для меня настолько же невыгодно, насколько оно выгодно для других. Я закупил продукты по баснословно дешевой цене, но моя-то доля в этой покупке почти целиком ушла на разные недовесы, перерасходы и вознаграждение тех, кто по разным причинам не мог попасть в список облагодетельствованных, т<ак> к<ак> я сызначала имел в виду только лиц, которым были присланы через меня деньги, а потом туда оказалось необходимым включить еще ряд также не получающих «Академического пайка».

Если б я «заботился о завтрашнем дне», то я бы сделал просто эту операцию для себя, что было бы выгодно и практично. Но для себя таких операций я не умею устраивать. То, что мне удалось сделать, не удалось бы сделать ни одному самому практическому человеку. Мне же удалось именно потому, что я человек непрактический, и это может удаться только тогда, когда заранее отрекаешься от всякой личной выгоды.

Сейчас я использовал все мои влияния до того, что просить *для себя*, о чем-нибудь вроде дров, мне уже больше совершенно невозможно, тем более, что я ведь получил уже ордер на 200 пудов, что достаточно с избытком. И никому никакого дела нет, конечно, что мы сумели реализировать из этих 200 пуд<ов> только 50.

Зачем тебе К<атя> Пав<лова> такую ерунду об американских пайках рассказывает?[4] Американцы провозят кукурузу *через Крым*, и еще ни одного пуда официально здесь не оставили. На то, что они привезут муку для Крыма, – надежды есть, но только надежды. Все, что было привезено частным образом матросами, – конфисковано. Благотворительностью американцы не занимаются. Есть питательные посылки, которые стоят по 10 долларов (то есть свыше 10 миллионов). Таковые могут вносить<ся> только за границей. За меня эта сумма внесена за границей, и я должен получить таковую.

В нее именно и входят все те блага, о которых ты пишешь. Но дойдут ли эти посылки – неизвестно. В городе говорят, что таковые уже привозились одним пароходом, но все были конфискованы. Вероятно, это неправда. Но ничто не может ей помешать и осуществиться.

В эти дни мне глубоко надоедала Дода:[5] приходила, кидалась на шею, целовала взасос я занимала деньги «для Ольги Андреевны,[6] с которой мы очень подружились». Этому я, конечно, не поверил, но все же она забрала у меня все, что у меня было, и я поэтому пропустил возможность купить банку сгущенного молока за 300 тыс<яч>, что очень дешево. Она же вернула мне после меньше, чем взяла, и сказала с наглостью – спрашивайте у Ольги Андреевны.

Получила ли ты американский мешочек, посланный с Катей П<авло>вой? Там было 5 ф<унтов> риса, смалец и 1 жест<янка> сгущен<ного> молока и фунт кофе?

Жестянок я так и не получил обратно, хотя знаю, что ты их послала с Кат<ей> Пав<ловой>.

Покойной ночи. Крепко целую. МАХ.

P.S. В деле обмена денег на золото мною руководил очень милый, почтенный и честный коммерсант, сам отнюдь не заинтересованный и делавший это вполне бескорыстно. Откуда появился «еврейчик»?[7] Кто тебя так осведомляет? Неужели кто-нибудь из тех, кто теперь сами этому «еврейчику» устройством своих денег обязаны?[8]

Получила ли ты мои просьбы о высылке мне моего коричневого короткоштанного костюма или такого же велюрного песочного: они на верхнем чердаке в кованом сундуке. И двух-трех кусочков сургуча с мое<го> письменного стола (что похуже).[9]

[1] Аристид Дмитриевич Панаиотов, житель Коктебеля. 11/24 марта Е.О. передала с ним для Волошина письма, видимо, от 2/15, 5/18 и 6/19 марта (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 61–63 об.).

[2] «Путями Каина». 2/15 марта Е.О. спрашивала Волошина: «Как идет твоя поэма? Когда закончишь ее, пришли мне прочесть».

[3] Эту тему Е.О. развивала в письме от 6/19 марта.

[4] 28 февраля / 13 марта 1922 г. Е. О. писала Волошину: «Вот если бы мне да получать американ<ский> паек, – он, говорят, великолепный: консервы мясные, масло, какао, кофе, сгущенное молоко, мука, сух<ие> овощи, сахар, и всего этого много, одним словом, – ешь – не хочу, и, действительно, одному человеку и съесть невозможно. Все это говорила Катя Павлова. Устрой ты меня, пожалуйста, на амер<иканский> паек» (*Там же*, л. 60–60 об.).

[5] Д.А. Юнге.

[6] О.А. Юнге.

[7] В письме от 6/19 марта Е.О. спрашивала Волошина: «Какой еврейчик руководит тобою о превращении денег в про<дукты?>» (нижний край листа с окончанием фразы оторван).

[8] Е.О. отвечала 20 марта / 2 апреля: «Мне никто не говорил ни про какого “еврейчика”, я сама его увидела за твоей спиной» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 67).

[9] См. п. 177.

179. П.Н. ЛАМПСИ (?)

27 марта 1922 г. Феодосия[1]

<...> Наш город и Крым вообще – пределы скорби и ужаса.

Какое счастье, что вы вовремя уехали!

Прошлая зима – кровь, эта – голод. Что страшнее, трудно сказать.

На улицах толпы нищих, голодных, умирающих, стонущих, ползающих, лежащих – валяющихся трупов.

На них уже не обращают внимания. Обходят, как падаль.

Привыкли...

Привыкли к тому, что на базаре продаются колбаса и студень из человечины, что в оврагах за слободками – валяются в помойных ямах трупы со срезанным с костей мясом, что на кладбище некому рыть могилы и что голые трупы сваливают в общий ров.

Привыкли к тому, что американцы выгружают здесь кукурузу, провозят ее через Крым в Поволжье и что здесь пуд муки стоит 5 миллионов рублей.

Привыкли к тому, что толпы ребятишек, бегущих за вагонами и подбирающих кукурузные зерна, разгоняются выстрелами.

Привыкли к тому, что жалованья не платят, пайков не выдают.

Татары вымирают деревнями. Потом хуже всего приходится интеллигенции. Запашек нет, потому что нет больше ни лошадей, ни скота. Никто не пашет, никто не сеет.

Мы на дне преисподней... и, как бы плохо вам не было, благословляйте судьбу, что вы – не здесь.

Все, что было до сих лет, – идиллия... Самое плохое – это полная изолированность. Вот уже полтора года, как к нам не доходит никаких вестей, никаких писем, ни одной печатной строки с Запада. Эта оторванность тяжелее для иных физического голода.

...Такого систематического разрушения и разгрома наш город еще не знал. Совершенно вымирающий город. <...>

[1] Фрагмент письма, опубликованный под заглавием «Правда о Крыме» в газете «Вечерняя пресса» (Константинополь) 4 апреля 1922 г. (№ 79). Публикация – анонимная; редакция сообщила, что автор письма – «русский писатель, проведший значительную часть времени за границей и вернувшийся на родину во время революции для участия в строительстве страны». Адресат устанавливается предположительно (семейство Лампси, принадлежавшее к кругу близких знакомых Волошина по Феодосии, находилось в это время в Константинополе).

180. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

1 апреля 1922 г. Феодосия

1/IV 1922.

Милая мама, завтра день твоего рожденья. Поздравляю тебя. Вчера пришла Муся.[1] Она, вероятно, и отнесет это письмо. Посылаю тебе вместо подарка алюминиевую плоскую коробочку для табака, о какой ты давно мечтала. Она, думаю, тебе вполне подойдет. Я неделю назад послал тебе с

Аристидом[2] *осетрину* и сало. Но, по словам Муси, он еще не вернулся в Коктебель. Если это все пропало, то это глубоко досадно. Я эту неделю опять провалялся дома. У меня были острые боли в кишечнике, и только теперь стало немного лучше. Но на улице меня шатает от слабости, и снова (благодаря дождям) поднялись все боли в спине, в бедрах и т.д. Голод все растет, людоедство стало обычным явлением. Ежедневно сюда привозят матерей, съевших детей, расстреливают, и никто об этом даже не говорит. Американцы провезли через Крым массу зерна и хлеба, но здесь ничего не осталось. Должен прийти еще один пароход. Верят, что он привезет хлеб для Крыма. Периодически вздымаются обычные слухи о начале военных действий, о занятии Крыма и т.д., но и лопаются, как мыльные пузыри, по обычаю. Мы настолько и уже так давно изолированы ото всяких политических известий с Запада, что судить сейчас о том, готовятся ли нам какие-нибудь сюрпризы или перемены – невозможно. Во всяком случае, если апрель пройдет спокойно, то это будет верным признаком, что мы предоставлены собственной эволюции, и снова передо мной встает тот же вопрос, который после прискорбного опыта прошлого лета мне очень не хотелось бы подымать с тобою: вопрос о моей поездке в Москву. Мне Вересаев пишет: «Приезжайте в Москву хоть на время. Вы заработаете здесь миллионы. Никогда не было такого спроса на писателя, как теперь, и никогда не было так мало писателей. Аудитории ломятся во время публичных лекций».[3]

Если дела будут идти так же, как они идут, – то Крым в течение будущего года обречен на полное вымирание. Что будет дальше с моим здоровьем, я не знаю. Но надо воспользоваться имеющимися силами, чтобы съездить в Москву, заработать, и узнать тамошние условия жизни: можно ли перевезти тебя в Москву.[4] Знаю, что там достать квартиру или отдельную комнату немыслимо.[5] Так что вопрос сведется к тому, чтобы найти кого-нибудь из друзей, кто бы принял тебя в свою комнату. (Для себя я всегда найду угол.) Тогда книги и архивы мне придется свезти в Феодосию частью к Богаевскому, частью в институт;[6] остаток вещей продать, а остальное

бросить на произвол судьбы. Это все надо сделать летом. Другого выхода я не вижу (в том случае, конечно, если не появится какой-нибудь внешний политический Deus ex machina[7]).

Моя работа над поэмой[8] сорвана, и не столько самим фактом обмена денег на продукты и золото – на это ушло счетом 4 дня; сколько всевозможными неприятностями человеческого характера, что начались позже и длятся до сего дня.

Тут совершенно то же самое, что с прошлогодней защитой приговоренных: оказываешь реальную услугу десятку людей, а этим наживаешь себе сотню злейших врагов, которые считают себя вправе на такую же услугу, требуют ее, сплетничают и т.д., и обвиняют после в том, что не сделал этого для них.

Меня затрепали окончательно и вышибли из меня всякую возможность работы, и мой «заворот кишок» явился просто физическим отображением моего духовного состояния.

Буду продолжать письмо после.

Относительно Кати П<авловой>.[9] Она меня спрашивала, что можно ли ей брать *у тебя* мои книги, что ты ей не всегда охотно даешь. Я ей разрешил. Но это не значит, чтобы я ей разрешал без тебя бесконтрольно рыться в моей мастерской, тем более, что у меня много же чужих книг, которые я не имею права давать.

Сегодня Муся говорила, что Аристид теперь не заслуживает доверия и обвиняется во многих кражах. Я по твоим же словам имел о нем совершенно другое представление. Если он тебе не передаст осетрину, сало и записку (всего в пакете 4 фунта ровно), то это будет очень прискорбно, т<ак> к<ак> это последняя получка, и получу ли я еще что-нибудь с Санкура – неизвестно. Это выяснится завтра. К.П.[10] мне еще не отдала ни жестянки, ни твоих запонок. Как только они у меня будут, я постараюсь их продать и пришлю деньги. Но на это надо беготня и время. А у нет меня сейчас снова сил и все болит. Так что не успею послать с Мусей.

До свиданья. Крепко тебя целую и поздравляю.

МАХ.

Посылаю тебе 1 банку сгущенного молока.

[1] М.А. Новицкая.

[2] А.Д. Панаиотов.

[3] Волошин пересказывает по памяти фрагмент из письма к нему В.В. Вересаева из Москвы от 12 февраля 1922 г.: «Здесь жить очень и очень можно. Миллионы плывут в руки сами собой, а с ними можно достать все. Спрос на писателя огромный, а его почти нет. <...> На лекциях аудитории ломятся от слушателей. <...> Вам лично всякого рода заработок будет тут в изобилии» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 3).

[4] Е.О. отвечала 20 марта / 2 апреля: «Очень понимаю твое желание уехать в Москву, Париж, Берлин на широкий простор из узкого захолустья; и мне бы так хотелось на твоем месте. Но что же мне делать с собой, или тебе со мной? – оставаться здесь скоро будет совсем немыслимо: начнутся повальные грабежи с убийствами; Феодосия в этом отношении также не гарантирована, но в ней все ж пока безопаснее. Питаться как здесь, так и в Феодосии могу только с твоею помощью; ты, уезжая в Москву, оставляешь меня без этой помощи на неизвестный срок времени <...> Если же окажется, что мне ехать в Москву нельзя <...> приходится, хочешь не хочешь, оставаться здесь, то поезжай один, а меня устрой в Феодосии у кого-нибудь (хорошо было бы у Новицких), и прокормление мое» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 68 об. – 69).

[5] Об этом предупреждал Волошина Вересаев в цитированном письме: «Единственный трудный пункт – квартиры. Я до сих пор живу у родственников и не могу устроиться самостоятельно». О перспективах устройства в Москве Е.О. писала Волошину в одном из писем от 20 марта / 2 апреля: «Я думаю, что до приезда в Москву нужно узнать обо всем этом, и теперь спрашивать друзей об угле для меня, и не усложнять дела твоим возвращением из Москвы за мной в неизвестном будущем, ибо этим летом я еще в состоянии буду совершить это путешествие, но на дальнейший срок не надеюсь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 69).

[6] Институт народного образования в Феодосии.

[7] Бог из машины (*лат.*) – драматургический прием в античной трагедии: развязка запутанной интриги благодаря вмешательству бога, который посредством механического приспособления появлялся среди действующих лиц; в переносном смысле – неожиданное, искусственное разрешение трудной ситуации.

[8] «Путями Каина».

[9] Е.В. Павлова.

[10] Она же.

181. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

8 апреля 1922 г. Феодосия

8/IV 1922.

Милая мама,

ты удивляешься, что я тебе мало и как будто неохотно пишу.[1] Неужели ты не представляешь себе, как переполнен мой день и какое количество людей меня раздирает на куски. Вот сейчас уже 2 часа ночи, а я только сажусь писать тебе, потому что завтра, м<ожет>, будет оказия отправить письмо. А весь день был занят. Утром работал над поэмой[2] и, несмотря на все надписи и предупреждения,[3] ко мне все же ежеминутно врывались люди. Потом лекция, заседание, несколько деловых свиданий. Утром я стараюсь никуда не выходить из-за работы. Но если только есть какое-нибудь дело, то надо идти именно утром в деловые часы. Поэтому я до сих пор не продал твоих запонок и брошки (они у меня)[4] – т<ак> к<ак> золото повышается, а что-нибудь купить более выгодно смогу только в конце недели. Из-за денег по повестке уже дважды совершенно напрасно перебивал утреннюю работу. Ты не можешь себе представить, как это мучительно, особенно когда работа была уже раз сорвана в самом разгаре и когда с трудом и медленно налаживаешь ее снова.

Никто из людей не хочет понять, что для того, чтобы сделать в творчестве что-нибудь новое и порядочное, надо иметь сознание, очищенное ото всяких посторонних мыслей и сосредоточенное и наяву и во сне на одной мысли. Надо каждый раз сойти с ума на своем замысле. При этом оторваться для какого-нибудь постороннего и практического дела, конечно, возможно, но под условием *не думать и не разговаривать* о нем: отрава в посторонних мыслях, а не <в> практическом деле, которое в сущности ни мыслей, ни разговоров не требует.

Разумеется, если человек будет сидеть праздно сложивши руки, то ничего для него само не сделается. Но если он занят большой, важной для других работой, то о нем позаботятся и другие, и судьба. Он может спокойно отдаваться работе

«не думая о завтрашнем дне». Подчеркивая *«не думая»*, потому что центр тяжести здесь именно в этом, а <не?> в понятии завтр<ашнего> дня. Это я знаю на опыте, на практике. Почему ты это считаешь «фразами» и т.д., не постигаю. Думаю, что и Христос знал, что он говорил, и я говорю только то, что проверил собственным опытом и пережил.[5] И вот теперь, когда мне хочется и необходимо перед сном сосредоточиться на завтрашней работе для того, чтобы она была успешна, меня невольно раздражает эта необходимость спора, доказательств для таких очевидных и ясных мыслей, а ты меня вынуждаешь к нему, т<ак> к<ак> уже в третьем письме пишешь о «завтрашнем дне» на разные лады.[6] Моя жизнь была бы нормальна и счастлива, если б я имел 8 месяцев в году полного монастырского — молчальнического уединения с работой и книгами — совершенно без людей и 4 месяца только людей с утра до ночи и всю ночь, только разговоров, каждый день новых людей и без всякой мысли о работе. И этого я никогда не мог достичь: всегда мое время бывало спутано.

Как о самой счастливой зиме я вспоминаю тот год, когда я совершенно один зимовал в Коктебеле (с 13 на 14-ый год).[7]

Выяснить перепиской о том, где и как и у кого тебя можно было бы пристроить в Москве — невозможно: деловые письма и ответы на них никогда не совпадают. Это можно выяснить только лично. В Москву или за границу мне вовсе не ради личного удовольствия хочется ехать, вовсе не потому, что наскучило «сидеть в глуши». Для меня глуши не существует и жизнь моя всюду переполнена.

Но мне необходимо реализировать сделанное за эти годы — реализировать и материально и духовно. Надо издать, надо, чтоб это было понято *и отъято* у меня. Потому что, залеживаясь, все написанное теряет смысл или, по крайней мере, часть текущего смысла, влияния. А потом для дальнейшей работы мне необходимы новые опорные и перспективные точки зрения. Но покидать Крыма и Коктебеля и притом совершенно покидать мне вовсе не хочется. А вместе с тем может настать такое время, что его придется покинуть совершенно. Так будет, если эволюция голода пойдет своим нор-

мальным путем без всяких катастроф или Deus ex machina.[8] Это выяснится, думаю, в мае месяце достаточно ясно. Тогда волей-неволей надо будет все ликвидировать и бежать. Летом в Коктебеле не будет слишком одиноко, т<ак> к<ак> явно, что вновь откроются Санкуры и тебе сидеть в Феодосии в летней духоте и пыли было бы нестерпимо. Неужели ты думаешь, что быть летом где-нибудь вне Коктебеля мне может быть приятно? Только *необходимость* может меня заставлять думать о поездке в Москву летом.

От Татиды я получил еще письмо из Берлина.[9] Она там служит секретарем «Дома Искусств» и является одной из его зачинательниц. Очень дружит с Минским и Венгеровой. Д<ом> Ис<кусств> – это самая большая рус<ская> худ<ожественная> организация сейчас.[10]

Через Татиду мне высланы ужо 3 пищевых посылки американских (со сгущен<ным> молоком, мукой, консервами, жирами и т.д.), т.е. то, о чем ты мечтаешь. Но придут ли они когда-нибудь – Бог весть.

Больше не могу писать. Скоро 3 часа.

Покойной ночи.

MAX.

P.S. Письма стоят теперь не 7 тыс<яч>, а 30 тысяч.*

Это письмо лежало несколько дней. Случилось много событий. Но напишу подробнее после. Сейчас измучен и раздерган до полного изнеможения и, несмотря ни на что, работаю над поэмой. Мне было послано из Москвы за мои книги 93 миллиона, и они целиком украдены по дороге. Не очень огорчаюсь, потому что совсем не ждал их. Хотя сумма даже и по нынешнему счету громадная. Напишу подробно через несколько дней.

Не посылаю съедобного, не будучи уверен в перевозчиках.[11]

[1] Отклик на слова из письма Е.О. от 25 марта / 7 апреля 1922 г.: «...я пишу, пишу тебе без конца, думая о *завтрашнем дне* <...> от тебя же письмо, записки идут редко, а последнее время еще реже, потому,

* *Далее приписка карандашом.*

верно, что не хочешь думать о завтра, когда дело кажется скучным, не стоящим забот-хлопот» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 70).

[2] «Путями Каина».

[3] Видимо, предупредительные надписи на двери дома с просьбой не беспокоить.

[4] В одном из писем от 20 марта / 2 апреля Е.О. просила Волошина продать золотые запонки и брошку и купить на вырученные деньги сгущенного молока.

[5] Подразумевается реакция Е.О. на слова Волошина в обоснование своей позиции, подкрепленные евангельскими формулировками (см. п. 164), названные ею «пустыми словами, красивыми фразами» (письмо от 6/19 марта 1922 г. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 63).

[6] 20 марта / 2 апреля Е.О. отвечала Волошину: «...я тебя очень прошу заботиться о моем завтрашнем дне, как заботишься о других ближних, иначе растянусь немощная и больная, не в силах будучи приготовить себе даже пищи. Мне кажется, ты и не представляешь себе ясно моего плохого физического состояния, думаешь, что я все преувеличиваю» (*Там же*, л. 67–67 об.).

[7] В ответ на это признание Е.О. сетовала 9/22 апреля: «Ты пишешь, что чувствовал себя прекрасно, когда остался на зиму один в Коктебеле; да разве твое тогдашнее одиночество можно сравнить с моим теперешним. Ты был молод, здоров, занят интерес<ной> работой, обеспечен кормом, с прислугой, с возможность<ю> общаться с людьми когда захочешь, ходить, гулять, проводить вечера в светлых, чистых комнатах. Я всего этого лишена именно теперь, в старости и немощи, когда делается не под силу никакая работа» (*Там же*, л. 76).

[8] См. примеч. 7 к п. 180.

[9] Приводим это письмо Т.Д. Цемах от 5 марта 1922 г. в извлечениях (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259):

«...я выслала вам две американских посылки и на этот счет немного успокоилась. Зато известия о тебе становятся всё безотраднее. Я получаю их от Ильи Григорьича <Эренбурга. – *Ред.*> через Марину Цветаеву. Все, что она пишет о тебе, так грустно и дико, что совсем не укладывается в моем сознании. <...> Марина приезжает в Берлин. Я этому бесконечно рада: я знаю – она любит тебя и Пра. Мы будем говорить о вас и обсуждать вопрос о том, как вытащить вас из этого крымского ада. <...> Я не знаю, получил ли ты посылку и лекарство, кот<орое> я послала через Советскую миссию Марине, с тем, чтобы она переслала тебе. Я не знаю ничего! <...> На будущей неделе вышлю вам третью посылку. Вы получите массу продуктов. <...> Я наконец

добилась того, что получились деньги из Парижа за стихи. Правда, только часть – 200 фр<анков>, но обещали прислать и остальные. Кроме того, я разыгрываю в лотерею твои акварели <...> У меня была твоя повесть "Протопоп Аввакум". Илья Григорьич старается о том, чтобы ее издали в Берлине. Ради Бога, пришли свои новые стихи и книгу. <...> Я слышала, что ты написал великолепное стихотворение на смерть Блока. <"На дне преисподней". – *Ред.*>

Вчера Толстой, в "Доме Искусств", просил меня написать тебе, что он издаст все, что ты ни пришлешь мне. Илья Григ<орьич> и Марина тоже сделают все, что могут. Итак, не робей и ободри Пра. <...>

В прошлом году здесь совсем не было литературной жизни. Все сосредоточивалось в Париже. Берлин был – сплошное эмигрантское болото! Теперь он очень оживился: сюда теперь стекается из Парижа все, что было там живого и хорошего. Эти города как бы поменялись ролями. И ничего удивительного: в Париже страшная дороговизна. Я тебе уже писала, что здесь находятся теперь: Андрей Белый, Ремизов, Толстые, Эренбурги. На днях приехали Пильняк, Кусиков. Все они бывают по пятницам в "Доме Искусств". Скажу без излишней скромности <...>, что я, может быть, случайно, но тоже способствовала основанию этого единственного пока центра духовной жизни в Берлине. Несколько месяцев тому назад, когда съезд писателей только начинался, я с двумя молодыми поэтами задумали устроить литературный салон. Для успеха дела пригласили "генералов" Ремизова, Минского, Венгерову и др. Все явились. Вечер был очень интересный и живой, но все это было в малом масштабе. Минский и Венгерова, поощренные нашим примером, решили поставить это на широких началах. И так образовался "Дом Искусств", в котором я состою секретаршей и каждую "пятницу" обираю публику, требуя членских взносов, а с гостей платы. Минский и Венгерова очень дружески ко мне относятся. Здесь шутя говорят, что они меня усыновили».

[10] Дом искусств в Берлине был основан 21 ноября 1921 г. (председатель – Н.М. Минский, секретарь – С.Г. Сумский-Каплун, казначей – З.А. Венгерова), деятельность его (заседания, доклады, чтение стихов и прозы и т. д.) продолжалась до лета 1923 г.

[11] Под текстом – приписка карандашом (другим почерком): «Христос Воскресе! Все Новицкие поздравляют Вас, милая Елена Оттобальдовна, с наступающим праздником». Пасха – 3/16 апреля 1922 г.

182. В.В. ВЕРЕСАЕВУ и М.Г. СМИДОВИЧ

14—15 апреля 1922 г. Феодосия

14.IV.1922. Феодосия, д<ом>Айвазовского.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Большое и глубокое спасибо за все, что Вы делаете. Эти 93 миллиона были такой неожиданностью.[1] Только... и мне даже жутко писать Вам это, так больно огорчить Вас — они не дошли до меня. Д<окто>ра Нания по дороге (в Харькове) ограбили. Он приехал совершенно обескураженный и пришел ко мне с глубоким отчаянием, обещая мне все постепенно выплатить. Но я, конечно, отказался от этого: чем же человек виноват, что хотел сделать любезность и сам стал жертвой. Нельзя этого возлагать на него. И я, несмотря на его протесты, ему сейчас же написал расписку в том, что 93 миллиона получены с него сполна, чтобы освободить его душу, по крайней мере формально, от ответственности.

Таковую же расписку посылаю Вам. И поверьте, Викентий Викентьевич, что я испытываю к Вам не меньшую благодарность и радость, чем если бы я получил эти миллионы. Я думаю, что Вы согласитесь, что я не мог поступить иначе по отношению к Нанию. Мне жаль только огорчать Вашу радость о том, что Вы, наконец, выручили меня материально.

Но оставалось еще 24 миллиона других денег (Герцык, Потапенке, Екатерине Владимировне[2] и т.д.). С ними я, конечно, не имел права распорядиться так, как со своими, и, не имея возможности их покрыть сейчас же из своих (у меня столько нет), я предложил Нанию разделить этот долг пополам и возместить его целиком — так, чтобы получающие и не знали бы об утрате их денег. Это все деньги, собранные малоимущими с громадным трудом — для совсем неимущих, и они должны быть выплачены целиком. (Они уже все выплачены теперь, 20 апреля.) Сейчас уже, загнав все мои запасы, купленные во Внешторге, и золото, оставшееся от прошлой получки, мне удалось почти реализовать эту сумму (стараюсь, чтобы на долю д<окто>ра Нания осталось как можно

меньше). Так что на праздниках раздам ее деньгами или мукой (только, увы, уже не удесятерив ее, как при прошлой раздаче). Так что Вы можете быть спокойны: здесь – все будут удовлетворены.[3] И даже я, спустив все мои запасы и деньги, все же не окажусь совсем обделенным, т<ак> к<ак> только что пришла весть, что из Симферополя идет настоящий академический паек. Да, вообще, я не очень беспокоюсь о завтрашнем дне, т<ак> к<ак> знаю, что судьба обо мне всегда позаботится. Мне вороны всегда носят хлеб, как Илье Пророку.[4]

Милая Мария Гермогеновна, я был глубоко тронут Вашей записочкой, где Вы говорите о том, что хотели бы посмотреть на мое лицо и быть в моей комнате, когда я получу письмо Викентия Викентьевича.[5] К сожалению, все произошло совсем иначе, чем Вы думали, но, думаю, что Вы бы разделили вполне мою радость, когда все же удалось выпутаться и не ввести никого в ущерб. Не ожидая такой грандиозной суммы денег, я нисколько не обеднел, узнав, что они могли быть, но что их нет, а реализовав остальные 24 миллиона, я радуюсь, быть может, еще больше, т<ак> к<ак> удалось все же обыграть чужую судьбу и парализовать чужую неудачу.

Большое, большое спасибо за бумагу Внешторгу.[6] Мы еще раз смогли сделать закупку продуктов, хотя на этот раз по значительно более повышенным ценам. Мой личный натиск, оказывается, возымел больше действия, чем официальное ходатайство Луначарского.

Но, правда, в тот раз нам дали продуктов по цене в 30 раз ниже рыночной (что было чудовищно и стыдно), а теперь только в 3 раза дешевле.

Несколько практических дел: нельзя ли дополнить список лиц для Внешторга следующими именами: 1) Слудский А.Ф., 2) Вучетич В.Н. (Карадагская станция выкинута только что из Крымского Наробраза и осталась совсем в воздухе). Но на первый раз я достал через Помгол[7] и Внешторг 4 пуда муки для Слудского), 3) художник Хрустачев Н.И., 4) Гинцбург-Корев – музыкант и поэт. (Последний, конечно, как имя, не заслуживает этого, но он так много эту зиму делал для писателей и художников, и особенно для судакчан,

и такими чудесными способами доставал им муку, что его нельзя обойти – он заслужил это больше, чем кто-нибудь, и я на этот раз на собственную ответственность дал ему муки.) Это для пополнения списка Внешторга. А для академических пайков, т<ак> к<ак> Вы не имеете полного списка лиц для Феодосийской области, то прилагаю его. Это те, кто имеет права и документы.

Феодосия: Богаевский К.Ф., проф. Церасский, Галабутский Ю.А., Ахшарумов (бывший директор Полтавской консерватории), Волошин, Виганд.

Коктебель: Манасеина, Соловьева, Новицкий.

Судак: Герцык, Буткова, Спендиаров.

Карадаг: Слудский и Вучетич (ходатайство их с заполненными анкетами – в ответ на запрос из Москвы – прилагаю для передачи в Академический центр – Волхонка, 18). Всего 14 человек. Остальные – *Ялта*: Елпатьевский, М.П. Чехова, Найденов; *Симферополь*: Тренев, Дерман, Тугендхольд; *Алушта*: Шмелев, Ценский; *Севастополь*: Цингер. Это официальный список, мне присланный.

По рассказам Нания, грабеж по дороге идет открытый и сплошной. Он был ограблен в Харькове, на рынке, днем в толпе. Грабители вооружены ножичками от бритвы «Жиллет», вставленными в щепочку. Ими вспарываются карманы, портфели, саквояжи, а в случае сопротивления чиркается по пальцам. После Харькова в вагоне, где он ехал, не было ни одного пассажира, не ограбленного или не пораненного.

Только маленькая горечь остается у меня от утери этих денег: мой приезд в Москву становится более проблематичным. Мама согласилась меня отпустить, если я ее обеспечу едой, и у меня уже начинали скопляться для нее припасы, а теперь я снова гол как сокол, и надо поджидать новых очередных воронов. Знаю, что в Симферополе лежит телеграмма Луначарского, вызывающая меня в Москву,[8] и в столь энергичных выражениях, что там, в краевом правительстве, говорят о том, что меня нужно немедленно отправить в Москву по этапу. Будет курьезно, если они перестараются. Но я буду сей-

час упорно сопротивляться, и прежде всего потому, что я хочу окончить «Путями Каина» и приехать в Москву с законченной поэмой. Я в самом разгаре работы. Прошлая присылка денег и дальнейшая «спекуляция», а особливо различные последующие человеческие неприятности (достаточно оказать услугу 10 человекам, чтобы кровно обидеть 100) сорвали у меня работу на 3 недели. Теперь я как раз снова собрал мысли и волю – и вот, несмотря на все треволнения, хлопоты, беготню, несмотря на то, что меня прерывают через каждые четверть часа, что мне приходится между работой вычислять какие-то проценты, считать деньги и пуды, я все же закончил новую главу «Государство» – именно в эти дни.[9] Теперь осталось только 2 главы: «Наука» и «Пророк»[10] и вся поэма будет завершена. В ней, мне кажется, удастся сконцентрировать все мои культурно-исторические и социальные взгляды, как они у меня сложились за 20 лет жизни на Западе и как они выявились в плавильном огне русской Революции. Я еще совершенно не знаю, чем окажется моя поэма в качестве художественного произведения. Но у меня, по крайней мере, будет завершенная формулировка моего отношения к современной культуре, к человеку и поэтому и к политике.

Если успею – перепишу для Вас «Государство». Никаких других рукописей пока не посылаю, т<ак> к<ак> был весь этот месяц буквально на части растерзан человеческими делами и каждую минуту хранил для работы.

Если действительно академические пайки можно будет получать через ЦУКК[11] непосредственно из Москвы, то это будет прекрасно. Потому что, хотя сейчас пришел академический паек из Симферополя (очевидно, ответ на ходатайства, присланные Вами раньше на имя Крымнаркомпрода Бортникова и пересланные мною в Симферополь), но здесь ни за какую регулярность ручаться нельзя – в ноябре мы тоже получили неожиданно паек. И, кроме того, сейчас список продуктов, входящих в паек, очень щедр: 2½ пуда муки, 1 пуд 14 фунтов крупы, 1½ рыбы и мяса, 12 фунтов жиров и ½ кофе. Но это уже бывало и раньше, а фактически выдавали 35 фунтов муки и говорили – «а остального у нас нет». Посмотрим, как будет на этот раз. (Только что узнал, что эта порция – сразу на три месяца.)

Новицкие переселились в Феодосию уже.

Кончаю письмо и еще раз горячо благодарю Вас за все, что Вы делаете для других и для меня. Мне прямо стыдно перед Вами за мой «malchance»* с этими 93 миллионами.

Привет Марии Гермогеновне. Не откажитесь передать прилагаемые письма.

Максимилиан Волошин.

15.IV.1922.

Очень прошу устроить мое лечение в Сакской грязелечебнице через Семашку — здесь этого нельзя сделать.[12] А мне — это необходимо и раньше мне нечего думать об отъезде на север.

Получили ли мое письмо, посланное с Муницом очень скоро после второго отъезда Нания? Я послал большой пакет.[13]

Мое здоровье очень неважно: боли опять усиливаются. Очевидно, необходимо раньше, чем приехать в Москву, проделать курс лечения грязью в Саках, как мне говорили в санатории еще зимой. Нельзя ли мне через Семашко получить право на отправку в Саки или Евпаторию для грязевого лечения? Можно ли получить в Москве нужных лекарств (уродонал, паперазин, атофан — что-нибудь одно, но не меньше 3-х флаконов), а также что-нибудь из йодистых препаратов (тоже не меньше 3 тюбиков). Может быть, Семашко может таковые выдать. Здесь я за зиму так и не имел нужных лекарств, кроме одного тюбика атофана. Простите, ради Бога, что так злоупотребляю Вами, Викентий Викентьевич.

[1] Бóльшая часть этой суммы, отправленной в Феодосию с П.И. Нанием, выехавшим из Москвы 24 марта, причиталась Волошину: 71. 250. 000 р. — гонорар за принятые к печати в журнале «Красная новь» его стихотворения из цикла «Путями Каина» (в № 3 за 1922 г. опубликованы «Меч», «Порох», «Пар») и за монографию «Суриков» (22 марта 1922 г. Вересаев сообщал Волошину: «“Сурикова” берется издать “Дом печати”, со снимками, возможно, цветными, с гонораром тоже очень большим — 75 руб. золотом за лист

* Неуспех *(фр.)*.

<...>, т.е. сейчас – около 70 милл<ионов>. Обещались мне сегодня прислать деньги и договор для подписи» // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 6 об.).

[2] Е.В. Виганд.

[3] Вересаев отвечал 10 мая 1922 г.: «Известие о пропаже денег потрясло меня ужасно. Хлопотать, устраивать, радоваться, что Вы, больной и всеми треплемый, хоть о деньгах не будете думать, и вдруг – не только никакого плюса, а даже *минус*! и ко всему этому – еще тяжелое, неприятное подозрение. Мне припоминается Ваше наблюдение, что в настоящее время воровством занимаются только милые, наивные идеалисты, в сердцах которых не угас огонь добра и правды. А что, если таким милым идеалистом оказался...» (*Там же*, л. 9).

[4] См. примеч. 15 к п. 175.

[5] Эта записка М.Г. Смидович в архиве Волошина не обнаружена.

[6] 21 марта Вересаев извещал Волошина, что получил сегодня у А.В. Луначарского «прилагаемую просьбу завед<ующему> внешторгом в Феодосии о способствовании деятелям искусства и науки», перечисленным в списке Волошина.

[7] Комиссия помощи голодающим при ВЦИК (председатель – М.И. Калинин) в июле 1921 – сентябре 1922 г., объединявшая деятельность государственных и общественных организаций по борьбе с голодом.

[8] См. примеч. 7 к п. 137.

[9] Стихотворение «Государство» датировано 13 апреля 1922 г.

[10] См. примеч. 23 к п. 175.

[11] См. примеч. 12 к п. 175.

[12] В цитированном выше ответном письме от 10 мая Вересаев сообщал, что «через Семашко отсюда ничего путного не устроишь», и предлагал обратиться в Севастополь к А.Е. Щербаку: «Проф. Щербак заведует в Севастополе Институтом физич<еских> методов лечения, в ко<торо>м он делает прямо чудеса: входят туда калеками, а уходят танцуя. Кроме того, он же заведует вообще всеми лечебными местностями Крыма и сможет Вас устроить и в Евпаторию, и вообще, куда нужно».

[13] Имеется в виду п. 175.

183. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

15 апреля 1922 г. Феодосия

15/IV 1922. 2 ч<аса> ночи.

Христос Воскрес, милая мама. Сейчас пасхальная ночь и по всем церквам благовест. Постараюсь успеть сейчас написать тебе все, что случилось. У меня совершенно сумасшедшее время. Я опять работаю над поэмой.[1] Я должен ее закончить во что бы то ни стало. А меня целый день с раннего утра до ночи каждые десять минут отрывают, перебивают, разрывают на части. Через мои руки на этой неделе прошло 50 пуд<ов> муки, и я роздал их человекам 20<-ти> (и Богаевскому, и Рагозинскому, и Церасским, и Герцыкам, и всё пуда по 3 по 4). Но сам не только не получил, но и всего лишился. Вот что произошло. Д<окто>р Наний, который мне привез прошлый раз 60 мил<лионов> для раздачи (из-за чего я и поднял всю эту суматоху), теперь вез 117 миллионов, из которых лично мне назначалось 93. Это за мои книги, проданные Вересаевым в Москве. И для нынешней ценности денег все же это сумма грандиозная. Но Нания ограбили по дороге в Харькове: там идет грабеж открытый среди бела дня в толпе: вспарывают карманы и мешки бритвенными ножичками, а кто схватится за карман – чиркают по пальцам. Наний пришел ко мне совершенно убитый и предлагая мне выплатить всю эту сумму мне в рассрочку. Но я, конечно, от этого отказался. Как можно на человека, который только оказывал добровольную услугу, возлагать такую непосильную ответственность: он человек бедный, с большой семьей, ездивший в Москву только чтобы закупить дешевле продуктов и сам всего лишившийся.

Словом, я, вопреки его протестам, тут же написал ему расписку в том, что получил от него 93 миллиона сполна. Но оставалось еще 24 миллиона украденных. Это были миллионы от Аси, Майи,[2] Бердяева – т.е. всё от людей малоимущих, собравших последние деньги, чтобы отправить совсем голодающим, как Герцыки, Зелинские, Потапенко, Паша... Эти деньги, сказал я Нанию, должны быть во что бы то ни стало

покрыты и так, чтобы получающие их даже не знали об их пропаже, и этот долг мы разделим пополам. И вот теперь, реализировав все, что *у* меня было в золоте, и мои запасы муки (около 4-х пудов, что я не посылал тебе, чтобы не слишком большие запасы скоплялись в Коктебеле), мне удалось почти целиком покрыть эту сумму, почти не затрудняя Нания. Я думаю, что ты согласишься со мной, что я поступил так, как следовало, и в том и в другом случае.[3]

Это между прочим будет и ответом <на> наш спор о «завтрашнем дне» и о «красивых фразах».[4] Я вполне уверен в своей судьбе и нисколько не сомневаюсь в том, что она принесет все необходимое для жизни и питания, и ты убедишься, что для меня то, что я говорю, не «красивые фразы», а и дела.

Сейчас у меня есть для тебя 2 банки сгущенного молока (одну тебе посылает m<ada>m Церасская), рис и пуд гречневой крупы, которую мне подарил д<окто>р Наний. Ею, я думаю, ты будешь особенно довольна. С первой же оказией перешлю тебе, что возможно. Кстати, мне надо мешков, мешков и мешков. Нашей их как можно больше, потому что прежние куда-то исчезли бесследно и я пользуюсь Пашиными и туда же ушли все мои наволочки.

Твое золото я не менял, потому что оно сильно растет в цене, и я буду еще выжидать. А по повестке ходил 3 раза — и все не было денег. Теперь пойду после праздников.

Поэма моя производит на всех, кому я читал ее, очень сильное впечатление. Ее многие сравнивают даже с «Заратустрой».[5] Мне осталось только дописать 2 главы, но самые кардинальные — ключ свода.[6]

К сожалению, гонорар за нее — уже пропал в этих миллионах, которые с такою трогательною радостью мне собрали и послали Вересаевы, добившись высшего сверх-гонорара в Республике (*100 тысяч* за строчку стихов).

В Москве свирепствует тиф. Очень опасно болен Борис Зайцев. Сын Веры Зайцевой — Леша[7] расстрелян в 1919 году. Марина на днях выезжает к Сереже.[8] Маргарита больна туберкулозом. Собирается в Германию.[9]

О Коктебеле у меня такие мысли: нельзя ли уговорить Юнгов переселиться в наш дом. Тогда я тебя могу перевезти в Феодосию или Москву. А библиотеку оставить под охрану Феод<ора> Эдуард<овича>.[10] А я для него постараюсь добыть паек из Москвы, как для *сторожа* моей библиотеки. А их дом с куском земли тогда можно будет продать, и эти деньги послужат нам на дорогу и тебе на устройство в Москве. Что ты об этом думаешь. И согласились ли бы Юнге?[11]

Но это все решать надо будет в мае, когда более или менее наметится будущее Крыма и перспективы дальнейшего голода. Для тебя же, думаю, переселяться из Коктебеля в город на лето будет слишком тяжко, тем более что летом Коктебель снова несколько оживится благодаря Санкурам.

Напиши, что думаешь обо всем об этом. Все-таки немного досадно, что эти миллионы не осуществились: они бы весьма облегчили переезд и ликвидацию Коктебеля, Крепко тебя целую. Пусть тебе Муся[12] расскажет, во что превратилась моя теперешняя жизнь.

MAX.

Посылаю тебе со Святским и с Мусей:

8 ф<унтов> гречневой крупы,

4 ф<унта> рису,

1 ф<унт> масла и смальцу,

4 банки консервов (из них 2 – молоко).

Всё в двух мешках, которые верни с Мусей, и пришли как можно больше новых.

Очень прошу тоже прислать мне мой резино<вы>й тюб (висит около умывальника внизу) и большую губку в гуттаперчевом мешечке – висит налево от умывальника под полкой: мне необходимо вымыться.

Здоровье плохо: опять сильные боли в спине, позвоночнике, груди, лопатках. Очевидно, придется ехать на грязи лечиться.

P.S. Ну вот судьба заботится уже о моем «завтрашнем дне» – пришел приказ о выдаче академического пайка за 3 месяца (это 2½ пуда муки и много другого). Видишь.

[1] «Путями Каина».

[2] А.И. Цветаева, М.П. Кудашева.

[3] Е.О. отвечала 5/18 апреля: «Разумеется, ты прекрасно поступил со своими миллионами относительно этого доктора, и без всякой заботы о своем завтрашнем дне и в последующих деяниях, но тем больше контраста с тем, как ты можешь быть мелочно заботлив о своем бу<ду>щем завтра в обыденной жизни, и в особенности охранять его от моих скромных посягательств <...>. Тут целая пропасть отделяет одного Макса от другого и они совсем друг на друга не похожи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 74).

[4] См. п. 181, примеч. 1, 5, 6.

[5] Философская поэма Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra», 1883–1885).

[6] Судя по авторским датировкам, в цикле (поэме) «Путями Каина» ко времени написания этого письма были завершены «Кулак» (11 марта 1922), «Меч» (1 февраля 1922), «Порох» (5 февраля 1922), «Пар» (8 февраля 1922), «Машина» (1 марта 1922), «Государство» (13 апреля 1922); остальные стихотворения, входящие в цикл, датированы 1923 г. (кроме двух завершающих стихотворений, написанных в 1915 г.).

[7] Алексей Николаевич Смирнов (1897–1919), сын В.А. Зайцевой от первого брака, был в ночь на 1 октября 1919 г. арестован большевиками в Москве по обвинению в контрреволюционном заговоре и расстрелян. См. письмо Б.К. Зайцева к И.А. Белоусову от 12 декабря 1919 г. (*Зайцев Борис*. Собр. соч.: Письма 1901–1922 гг. М.: Русская книга, 2001. С. 162).

[8] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон. Цветаева вместе с А.С. Эфрон уехала за границу (в Берлин) 11 мая 1922 г.

[9] М.В. Сабашникова отплыла из Петрограда в Штеттин на пароходе «Гакен» 17 августа 1922 г. (Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В.П. Купченко // Russian Studies. 2000. Т. III. № 3. С. 383).

[10] Ф.Э. Юнге.

[11] В цитированном выше письме Е.О. отвечала: «...говорила только что с Юнге насчет твоего предложения переселиться в другой дом для охраны библиотеки, на что они ответили очень основательными, но отрицательными резонами, помимо трудности переноса всего скарба, а в особенности фисгармонии; а кроме того, что рано, мол, и говорить об этом, ибо поездка твоя в Москву состоится только после лечения в Саках, куда раньше июня ехать не стоит <...> Ну, одним словом, помимо всех затруднений, им переселяться совсем не хочется».

[12] М.А. Новицкая.

184. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

23 апреля 1923 г. Феодосия[1]

<...> Только в работе можно выносить действительность. Я перечитываю «Скромное предложение» Свифта и изумляюсь, как эта каннибальская фантазия в точности воплотилась в нашей действительности.[2] Я думаю, что Свифт не посмел бы ее написать, если бы мог предположить, что она осуществится воочию.

А вот цифры официальных деловых, служебных докладов. *В один день, в одной только деревне* (Малый Таракташ, около Судака) милицией зарегистрировано десять случаев детоубийства («на котлеты») и четыре самосуда над людоедами (18 апреля), и в тот же день составлен протокол в Старом Крыму о котле, в котором найдено полребенка, варившегося на огне. Выносить это в полном сознании и памяти — трудно. <...>

[1] Полный текст этого письма Волошина не обнаружен. Фрагмент из него приводится по статье В.В. Вересаева «В Крыму» (Московский понедельник. 1922. № 1, 12 июня), в которой, кроме данного фрагмента, процитированы также письма Волошина к Вересаеву от 12 марта (п. 175) и 30 апреля 1922 г. (п. 187) — свидетельства о крымском голоде.

[2] Памфлет Джонатана Свифта «Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине, и, напротив, сделать их полезными для общества» (1729) — саркастический рецепт избавления от нищеты и голода путем широкого производства и потребления детского мяса: «...маленький здоровый годовалый младенец, за которым был надлежащий уход, представляет собою в высшей степени восхитительное, питательное и полезное для здоровья кушанье, независимо от того, приготовлено оно в тушеном, жареном, печеном или вареном виде»; «Из одного ребенка можно приготовить два блюда на обед, если приглашены гости <...>»; «...недостаток оленины можно было бы прекрасно возместить мясом подростков, мальчиков и девочек, не старше четырнадцати и не моложе двенадцати лет. Ведь в настоящее время огромному числу людей обоего пола во всех стра-

нах грозит голодная смерть из-за отсутствия работы, и родители, если они еще живы, а за неимением их – ближайшие родственники будут рады избавиться от детей», и т.д. (*Свифт Джонатан.* Памфлеты. М.: Гослитиздат, 1955. С. 157–159. Перевод Б.Б. Томашевского).

185. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

25 апреля 1922 г. Феодосия

25/IV 1922.

Милая мама, все это время меня раздирали на части в буквальном смысле. Работа моя над поэмой опять сорвана.[1] В мои рабочие часы (утром) ко мне врываются каждые 5 минут: «Я Вас отвлеку только на одну минутку: дело крайне важное и спешное». И действительно – дело спешное, и часто приходится кидать тут же работу и бежать по учреждениям хлопотать о похоронах, муке, расстрелянных, больных, умирающих от голода и т.д. и т.д. Естественно бросить работу и заняться только этим. Но и работу нельзя бросить – т<ак> к<ак> поэма, которая уже при конце, останется не кончена. А кто теперь может поручиться за свою судьбу и жизнь на месяц вперед. А потом у меня в комнате сложена судакская мука:[2] ее приходят развешивать, отсылать. И негде оставить, кроме меня. А потом надо вести переписку об этой же муке, о пайках с Москвой: писать торопливо письма с оказиями: ведь только благодаря мне удалось сдвинуть все это дело с пайками и дешевыми закупками. Поэтому мне и невозможно заготавливать тебе письма заранее, и ты еще обижаешься, что я пишу тебе редко.[3] Ты ведь видела, что все мои письма обозначены 3–4 часами ночи. Т.е. тем временем, когда я совсем падаю от усталости. А мне еще надо с вечера передумать все мысли и образы, которые я буду писать завтра утром – иначе у меня вся работа провалится. А кроме всего ведь я еле вожу пером по бумаге. Рука у меня сейчас же начинает болеть.

Спина, плечи, грудь и ноги последние недели снова разболелись: я опять ковыляю с палкой и не могу сразу разо-

гнуться. Не знаю – отсутствие ли это полное лекарств или весна, но я снова чувствую себя заболевающим.

Видишь, мама, я сознаю и вижу на опыте, что я могу делать многое, чего большинство не умеет и не может делать. Это работа творческая. И я ее делаю охотно и весь отдаюсь ей (творческая – не только в искусстве, но и в жизни, и в устройстве человеческих дел). Она занимает весь мой день до последней секунды (без преувеличенья). В ней есть радость и жизнь (если только одна работа не перебивает другую, как сейчас). Другие же работы, которые могут делать все, мне делать и трудно и некогда: когда у меня найдется время стряпать обед, чинить белье, носить воду и т.д.? Это за меня делают другие. И я в этом отношении нисколько не стесняюсь: я знаю, что даю им и многим гораздо больше, чем требую услуг для себя: для них будет прямой ущерб, если я буду терять это время на себя.

Достать ту муку и провизию, что я роздал перед праздником (свыше 50 пудов), мог *только я.* Но когда меня заставляют еще взвешивать эту муку и превращают мой кабинет в лабаз, когда меня заставляют вести счеты (чего я не умею), все записи и отвечать за провесы, недовесы и недочеты – меня это приводит в бешенство.

Ухаживать за больными, мыть посуду, колоть дрова – это я делать не умею: на это есть свои специалисты – пусть они для меня это и делают. Они это всегда и делают для меня – сами, без просьбы и без платы.

Я теперь (на русском социалистическом опыте) окончательно убедился, что всякая заработная плата, долг, благодарность – глубоко безнравственны. Надо уметь давать милостыню, надо уметь принимать ее. В этом весь секрет устройства общества и все противоядие против эгоизма, жадности и торговли. Голод сейчас вовсе не потому, что нет хлеба (его сколько угодно – вспомни старую русскую пословицу: «недород от земли, голод – от людей»[4]), а только потому, что люди думают «о завтрашнем дне»[5] и делают запасы. Они делают голод. Они же умирают с голоду, имея золотые вещи, они же засаливают впрок детей, как женщина на карантине,

которая убила и засолила в бочке своего 9-летнего мальчика, имея и муку, и 30 тыс<яч> романовских денег, и отвечала на допросе: «Все равно бы помер с голоду. Я родила, я и съела. Рожу другого».[6]

Может быть, ты все это тоже сочтешь «красивыми фразами»? Что ж мне делать? Я их подтверждаю моими и действиями и прошу принять меня таким, каким я есмь.[7]

Для тебя у меня есть: 2 пуда муки ржаной, 1 пуд гречневой крупы, 8 ф<унтов> топленого масла хорошего. Когда представится оказия — перешлю. За мешки — спасибо.

Что Юнге несогласны с моей комбинацией, мне досадно — но больше за них.[8] Тогда мне мою библиотеку придется вывезти сюда к Лампси.[9] И придется это сделать (если мой отъезд в Москву будет решен) в конце мая, т<ак> к<ак> мне из Сак[10] не имеет никакого смысла возвращаться в Феодосию: уезжать-то ведь мне придется *из Симферополя.* Я думал, что это их устроит, потому что если они своим присутствием охранят ее от кустарных грабежей, то она охранит их в свою очередь от официальных, как охраняла тебя до сих пор. (Ты это только в своем последнем письме поняла.) Тебя я тогда перевезу в свою комнату у Лампси (если хочешь). Но сомневаюсь, чтобы ты с ней примирилась, если тебе коктебельская комната кажется темной, тесной, закопченной. Комната моя — очень уютная, но в полуподвальном этаже, окнами во двор, в стену, сильно сырая, солнце не заглядывает никогда, от кухни отделена тонкой перегородкой: вся воркотня и ссоры прислуги слышны до последнего слова, летом комары и мухи в необычайном изобилии. Улицы грязные, пыльные, вонючие.

Зимой в ней есть достоинства: она тепла от кухни. Книги и вещи я перевезу в другую комнату и запечатаю.

Боюсь, что ты на лето такой комнаты не захочешь, хотя все ко мне приходящие завидуют мне.

Но сейчас еще надо ждать с решениями до половины, до конца мая, потому что и в Москве <по> последним известиям ожидается голод еще небывалый на зиму, и, б<ыть> м<ожет>, наше положение в Крыму окажется лучше: поэтому мне и

надо было бы сперва самому съездить и посмотреть, а потом перевозить тебя.

Крепко тебя целую.

МАХ.

Очень прошу тебя: на моем письменном столе в хрустальной длинной коробочке для зубных щеток с металлич<еской> крышкой (ты мне ее подарила) лежат несколько автоматических перьев. Пришли мне *золотое перо*, которое (ручка) длиннее и тоньше «Onoto» с надежной оказией. А «Wathermann» — оставь.

[1] См. примеч. 6 к п. 183.

[2] Т.е. мука, предназначенная для жителей Судака.

[3] См. примеч. 1 к п. 181.

[4] Ср. первую строку стихотворения Волошина «Голод» (13 января 1923): «Хлеб от земли, а голод от людей» (Т. 1 наст. изд. С. 345).

[5] Ср. п. 181, примеч. 5, 6.

[6] Эти слова нашли отражение в стихотворении «Голод»: «“Сама родила — / Сама и съем. Еще других рожу”...» (Т. 1 наст. изд. С. 345—346).

[7] Е.О. отвечала в письме от 17/30 апреля 1922 г.: «Я в письме этом не нашла ни одной “красивой фразы”; напротив, все сказано просто и ясно, как сам чувствуешь и думаешь, хотя с некоторыми выводами я не могу вполне согласиться и считаю, например, что все, и ты в том числе, разумеется, более или менее эгоисты, и без эгоизма, т.е. самоохраны, лучшие, альтруистичные люди пропадали бы от голода, холода, болезней, нищеты, без возможности давать, помогать ближним. <...> В Коктебеле же как прежде, так тем более теперь не найдешь человека, который бы тебе носил воду, рубил дрова, стряпал, стирал и т.д. безвозмездно; за то, мол, что много делаю другим и поэму пишу. — Тем еще труднее мне, а потому и забота о завтрашнем дне неотступно меня гложет: как и чем я буду питаться, когда после лечения в Саках уедешь в Москву на неопределенно долгие месяцы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 78—78 об.).

[8] См. п. 183, примеч. 11.

[9] Т.е. в квартиру Лампси в доме Айвазовского.

[10] Имеется в виду крымская грязелечебница в Саках, где Волошину был предписан курс лечения.

186. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

26 апреля 1922 г. Феодосия

26/IV 1922.

Милая мама, это месяц неудач для меня. Наконец я получил от Американской Миссии извещение, что для меня пришла посылка (со всеми американскими прелестями – молоком, шоколадом и прочее) и что я должен явиться за нею не позже десяти дней в город *Екатеринослав*, адрес такой-то, или написать, чтобы мне ее направили по почте, причем Американская Миссия слагает с себя всякую ответственность. Одним словом, посылка прислана в Россию, но получить ее нет возможности, т<ак> к<ак> проезд в Екатеринослав туда и обратно стоит не менее 20 миллионов сейчас, а русская почта этого рода посылки доставляет регулярно пустыми: еще русские иногда доходят, но американские слишком соблазнительны, и доставляются обычно только пустые ящики. Эти опыты были уже неоднократно проделаны симферопольскими профессорами. Таких посылок, судя по письму Татиды, я должен получить еще две.[1] Я написал в Москву в Цент<ральную> Америк<анскую> Миссию, сообщая это и что лучше бы они предлагали прямо съездить за посылкой в Нью-Иорк, что и безопаснее и легче, чем так издеваться над людьми.

Другая неудача моя такая: мне месяц тому назад Внешторг предложил быть экспертом для скупаемых им художествен<ных> произведений за очень хорошую оплату продуктами. Я, конечно, сейчас же стал настаивать и на привлечение Богаевского к этому делу.

В результате Богаевский по моим настояниям был привлечен, а я сам неожиданно для себя остался за флагом. Я очень рад за Богаевского, но сам несколько огорчен собственной неудачей.

Я этой зимой целый ряд людей определил и привлек на службу в учреждения, оплачиваемые пайками (как еще КомКурсы), но сам при этом неизменно терял свой паек и свою службу. (Только, разумеется, *не по вине* этих людей).

Мне очень хотелось бы попасть теперь, когда стало тепло – в Коктебель. Я думал, что я скоро поправлюсь, чтобы пройти пешком, но у меня опять вернулись боли в коленях, и теперь нечего об этом и думать. Если будет возможность приехать с кем-нибудь хотя бы на день, когда у меня не будет лекций, то я приеду. Твое письмо последнее об одиночестве и покинутости очень грустно,[2] и я понимаю тебя, но сам невольно завидую тебе, потому что для меня это одиночество желательнее всего.

Крепко целую тебя. Покойной ночи. Уже поздно.

Опять сегодня у меня весь день тяжелая и тщетная борьба за возможность работы: и не было возможности записать даже то, что уже сложилось в уме. А завтра с утра надо во что бы то ни стало идти по учреждениям по поводу академических пайков, значит работы никакой не выйдет весь день.

MAX.

[1] См. примеч. 9 к п. 181.

[2] Е.О. жаловалась на свое одиночество в письме от 9/22 апреля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 76–76 об.).

187. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

30 апреля 1922 г. Феодосия

30.IV.1922.

Дорогой Викентий Викентьевич, только что получил Ваше письмо, посланное мне 20 апреля по почте – удивительно быстро. Меня несколько смутила перспектива получения письма от Кнебеля[1]. Прав он сейчас юридически или нет, я бы счел для себя обязательным вернуть ему сейчас же, в случае его протеста, те 300 р. (не помню точной цифры), что я получил от него в 1916 году.

Но увы! Сколько это на наш курс, я себе не могу представить, а теперешнего гонорара я ведь (как Вы, вероятно, уже знаете из моих двух предыдущих писем) не получил, т<ак> к<ак> д<окто>р Наний был ограблен дорогой.[2] И я даже не

знаю, могла ли бы эта сумма быть покрыта теми 93 миллионами. Но, во всяком случае, – письма от Кнебеля нет пока.[3]

Хочу Вам рассказать о положении дел в Крыму. Каждую неделю мы делаем такой прогресс в области ужаса, что никакая жестокая фантазия не может угнаться. Теперь мы в периоде убийств и засолки впрок матерями своих детей. То, что я Вам сообщаю, не слухи, а факты несомненные. На днях из детской больницы был вызван врач для экспертизы соленого мяса. Констатирован мальчик 9 лет. Мать живет на Карантине.[4] Фамилия – Харченко. При убийстве присутствовал младший сын. Мать не отрицала: «Что ж, ему с голода дохнуть, что ли? Я родила, я и съела». В квартире найдено достаточно мануфактуры и романовской валюты. Д<окто>р Кайзер в Старом Крыму, производя экспертизу целой бочки, определил мясо 5 детей различного возраста и пола. Установил личность одного гимназиста, незадолго до того пропавшего. Статистика: в Судакском районе за месяц запротоколировано 61 детоубийство, в Старом Крыму – 35. Но надо принять в соображение, что милиции удается констатировать едва больше 10% случаев, имеющих место. Трупоедение стало явлением бытовым. В Отузах в исполком приходила женщина требовать умершего ребенка: «Что ж, он так даром и будет гнить, а мы сидеть голодными?» В Судаке татарка говорила моей знакомой: «А знаешь, Али (умерший от голода муж) уже больше в могиле нет – его Абдурахман (брат умершего) съел». В семье начальницы гимназии – разговор о том, что одну ученицу (13 лет), вероятно, съела мать, потому что целый месяц получала для нее, как для больной, паек, а когда ту пошли навестить, сказала, что отправила ее в Новороссийск. (Мать – вдова инженера.) Детоедение началось у цыган, потом захватило всю татарщину. Сейчас появилось на русских слободках, и есть указания, что появляется и в интеллигенции.

Вот рассказ одной знакомой учительницы из уезда: «Я так и не знаю, была ли это галлюцинация или действительность. И я хочу себя убедить, что это мне почудилось. Надо было зайти по делу в одну семью. Он – педагог. Она – консерваторка. Очень красивая. В городе ее зовут Мадон-

ной. С ними живет подруга – тоже учительница. Проходя по двору мимо окон кухни, машинально заглянула за занавеску. Обе женщины резали на столе мясо. Белое. Вроде птичьего. Мелькнуло – как хорошо едят. И бросилось в глаза: кожа гладкая, а не в пупырышках, как у птиц. И ничего бы не подумала, если бы не заметила, как они смутились, и одна быстро набросила салфетку на мясо, заметив мелькнувшую меня. Все это в несколько секунд. Осозналось уже после. Отворил муж. Как-то слишком развязно. Держа руки в карманах. Посвистывая. Эта деланная непринужденность и поразила меня тогда. А через комнату, быстро и крадучись, его жена пронесла в темной материи что-то круглое, величиной с арбуз. И теперь я уверена, что видела клок волос из складки. Мне стало безумно страшно, и я тотчас ушла. Я это никому у нас в городе не рассказала, потому что ведь это расстрел для них. А вдруг это моя галлюцинация? Но я знаю, что они продают пирожки на рынке. Очень вкусные. И все удивляются, что так дешево, и где они такое мясо достают».

Вот уровень нашего социального прогресса на текущую неделю. Американцы кончились. Ушел последний пароход. Ни одного мешка кукурузы для Крыма (кроме как в порядке воровства) ими не оставлено. От раздачи адресованных в Крым посылок они отказались (10 долларовых), и даже когда несколько десятков адресатов просили их коллективно дозволить послать в Екатеринослав[5] специального курьера за свой счет, но под американским флагом, им в этом было тоже отказано.

Писатели и художники пока обеспечены. Нам с Коревым удалось всех снабдить мукой перед праздниками и после, приблизительно по 5 пудов на человека, и, кроме них, из добровольных учетов еще человек 10 интеллигентов.

Академический паек из Симферополя пришел за 2 месяца, конечно, урезанный и при назначении, и при раздаче: нам отказались, например, выдать по 1½ пуда полагавшейся по ордеру соленой рыбы под тем предлогом, что рыба запоздала, а после первого они уже не имеют права отдавать недоданного, т<ак> к<ак> с первого числа все прежние ордера

автоматически погашаются: «Попробуйте написать снова в Симферополь, чтобы Вам возобновили ордер». Я написал, конечно, обо всем Бортникову, и мне любопытно – будет ли это удовлетворено и получим ли мы пайки за май. Я думаю, что присылка пайков через Семашку – дело более верное, т<ак> к<ак> тут каждый раз нужно «толкать» дело в Симферополе.

О событиях внешнего мира мы не знаем ничего: в окне «РОСТА»[6] сводки «радио» перестали вывешиваться по случаю возобновления местной газеты, а местная газета не выходит по случаю отсутствия радио. Тем не менее о конференции[7] рассказываются в городе все подробности в двух диаметрально противоположных редакциях.

Я работаю над «Путями Каина» и почти не выхожу из дома. Только работая, можно выносить действительность. Срывается работа, и чувствуешь себя окончательно раздавленным.

Такое запустение и ужас бывают только во сне.

Физически мне снова стало плохо: опять боли во всех суставах, и о путешествии в Москву мне нечего и думать сейчас. Вся надежда – это грязевые ванны, которые, как мне говорят врачи, единственные могут мне помочь радикально. И я еще раз (на случай, если предыдущие письма мои утратились) очень прошу Вас ходатайствовать перед Семашкой, чтобы меня с конца мая (начало сезона) приняли в Сакскую или иную грязевую санаторию.[8]

Привет Марии Гермогеновне.[9] Очень, очень благодарю Вас за все.

Максимилиан Волошин.

[1] Темой письма И.Н. Кнебеля должно было быть выяснение деловых отношений в связи с изданием монографии Волошина «Суриков», переданной еще до революции Кнебелю, а в 1922 г. принятой к публикации «Домом печати» (см. примеч. 1 к п. 182). 18 апреля 1922 г. Вересаев написал Волошину о встрече с Кнебелем в Государственном издательстве: «Я ему сообщил о “Сурикове”, что он печатается в “Доме печати”, – Кнебель оч<ень> разволновался, потащил меня по всяким инстанциям разделывать совершенное, но

уже ничего не вышло. Он – весьма, конечно, не "адекватно", – главным образом беспокоился якобы о том, что там не сумеют дать хороших иллюстраций, а у него, дескать, на все есть хорошие клише и т.п. Но, конечно, дело для него не в этом, а в попрании его собственнических прав. Но права его, по-моему, весьма спорны. О юридической стороне нечего и говорить, – прошло уже 6 лет. Но и с моральной можно возразить многое. <...> И для меня очень сомнительно, собирался ли, действительно, Кнебель издавать сейчас Вашу работу, как он сейчас утверждает. Спешу сообщить Вам все это, так как Кнебель взял у меня Ваш адрес и, вероятно, прислал уже Вам слезницу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 7–8).

[2] См. п. 182.

[3] Писем И.Н. Кнебеля в архиве Волошина не имеется.

[4] Феодосийский Карантин находился в стенах средневековой генуэзской цитадели; ранее там содержались, для предотвращения массовых инфекций, возвращавшиеся из Мекки паломники-мусульмане.

[5] Американские посылки, предназначавшиеся жителям Крыма, были доставлены в Екатеринослав.

[6] РОСТА – Российское телеграфное агентство, центральный информационный орган советского государства в 1918–1925 гг.

[7] Международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, проходившая в Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г. с участием 28 государств и 5 британских доминионов, а также Советской России.

[8] См. примеч. 11 к п. 182.

[9] М.Г. Смидович.

188. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

1 мая 1922 г. Феодосия

1/V 1922.

Милая мама,

получил твою записку от 11/IV.[1] Как я ужа писал тебе, у меня есть сейчас для тебя и мука, и горох, и гречиха, и масло. Всего довольно много. Не знаю, как прислать тебе. Муся[2] на этой неделе будет искать на базаре оказии для Юнге. Но

боюсь, что это ненадежно: ты лучше сговорись с кем-нибудь из болгар (за фунт с пуда – такова обычная плата в городе), а я тебе пришлю, тщательно проверив вес. Так до известной степени доставка будет гарантирована. Советую тебе быть очень осторожной относительно мяса: сейчас на базаре очень много человечины, главным образом трупьего мяса. Но за этот месяц в Судакском районе констатировано 61 детоубийство (на мясо и главн<ым> образом матерями), в Ст<аром> Крыму – 35. Это запротоколировано милицией. В действительности, значит, значительно больше. Очень многие солят детей впрок. Ежедневно врачами констатируют<ся> новые факты, а полицией покражи детей. На Карантине одна мать засолила 9-летн<его> ребенка, а на допросе отвечала: «Сама родила, сама съем».[3] В этой области прогресс идет ежедневно. На еденье трупов уже не обращают внимания. Это может внушить такое отвращение к мясу вообще, что ты лучше питайся кашами, чем покупать разных «орлов» неизвестного происхождения.[4]

Твои деньги (от Инны)[5] я наконец получил после громадной потери времени. Но 500 тыс<яч> уже не имеют никакой цены – это 1½ фунта хлеба!

Письма твоего Инне я еще не отправил, т<ак> к<ак> это стоит 150–200 тысяч. Жду оказии. Золота не продаю, т<ак> к<ак> сейчас у меня для тебя есть 8 ф<унтов> масла из акад<емического> пайка. А золото лучше держать золотом.

Мне хотелось бы навестить тебя. И месяц назад я мог надеяться, что смогу прийти уже пешком. Но у меня снова разболелись и спина и плечи и ноги, и даже в город выхожу с трудом. Сейчас – уже дня три – стало легче относительно человеческих дел, и я с чувством глубочайшего удовлетворения весь день сижу за работой. Но так трудно бывает снова сдвинуть все то, что столько раз насильственно срывалось. А «Путями Каина» – моя поэма страшно сложна и сконцентрирована: все надо целиком держать в уме, пока не сведены своды.

Ты просишь о том, чтобы я заботился о тебе столько же, сколько о других.[6] Неужели ты не понимаешь, что этого

невозможно? Просить для тебя — я могу только прося *для себя*. А устраивая других, я именно *теряю право просить для себя*, т<ак> к<ак> это совершенно обесценило бы мои другие просьбы. Раз хочешь хоть в чем-нибудь помочь другим, то этим себя выводишь из счета. А ты здесь являешься частью меня. Мне же остается только ожидать, чтобы кто-нибудь другой сделал для меня то, что я делаю для других. И ты видишь — это приходит — у меня нет никаких денег, а продукты, что я пришлю тебе, пришли.

К Гончарову, после его выступления против меня зимою,[2] я, конечно, больше не обращался уже ни с какими личными просьбами, но для других и о других — просил, и он исполнял, хотя и неохотно. А т<ак> к<ак> дрова надо просить у него — то я и не могу больше достать их, если этого кто-нибудь не сделает для меня по собственному почину.[7]

Имей в виду, что Володя Рагозинский мне вернул мучной долг (24 ф<унта>, кажется?), и я перешлю его тебе.

Новостей во внешней политике нет никаких. О ходе конференции ничего не известно, кроме слухов, явно изобретаемых здесь же на месте.[8] Американские посылки (нам послано 9 пудов) очевидно провалились, как я тебе писал.

Я очень прошу тебя мне прислать:

1) самопишущее перо «Onoto». Оно на письменном столе в кабинете в хрустальной коробочке с металлической крышкой из-под зубных щеток, что ты мне дала. Оно с золотым пером. Там еще есть другое «Wathermann» — его не присылай: мне надо «Onoto». Оно длиннее, тоньше, — покрышка *не привинчивается*, а просто надевается. Оно мне сейчас очень необходимо.

2) Маленькую овальную металлическую *печатку* с фигурой Геркулеса. К ней грубо припаяна металлическая ручка. Она лежит или в маленькой татарской чашечке для кофе (с голубыми полосками), подаренной Алексан<дрой> Михайловной,[9] что стоит на этажерке, что над письмен<ным> столом, или же в медной металлической чашке с сургучом, что стоит на самом письменном столе.

3) Куски материи от коричневых штанов, что ты мне прислала (костюм). Они должны быть в бельевом шкафу про-

тив умывальника под лестницей на верхней полке направо в какой-то полусломанной коробке. Мне нужно для починки.

До свиданья. Крепко тебя целую.

МАХ.

Здесь открывается кооператив для немцев, которые ждут всяких благ. Я Мусе рекомендовал записать Юнге и запишу тебя.

[1] См. примеч. 2 к п. 186.

[2] М.А. Новицкая.

[3] См. примеч. 6 к п. 185, примеч. 4 к п. 187.

[4] В письме от 28 марта / 10 апреля 1922 г. Е.О. сообщала Волошину, что обменяла часть продуктов на мясо («Антониха <...> что-то мясное приносит, выдавая за новорожденных ягнят, индюшек, но это вероятнее собаки, орлы; первые очень скоро жарятся-варятся, вторые вари, жарь, туши – всё резина резиной»), 11/24 апреля писала, что «всю святую <неделю> кормилась кашами и гороховым супом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 71 об. – 72, 77).

[5] И.В. Быстренина.

[6] 11/24 апреля Е.О. писала Волошину: «Мне волей-неволей приходится <...> просить о помощи, т.е. вместе с другими людьми и делами раздирать тебя на части. Прости. Но что же мне делать? – Все мое несчастие в том, что моя старость и немощь совпали с таким тяжелым временем» (*Там же*, л. 77 об.).

[7] На отсутствие дров Е.О. жаловалась в письме к Волошину от 17/30 апреля (*Там же*, л. 78 об.).

[8] См. примеч. 7 к п. 187.

[9] А.М. Петрова.

189. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 7 мая 1922 г. Феодосия[1]

Милая мама,

сейчас едут в Коктебель (Катя М. или Муся Н.,[2] не знаю). Условился с Клинчевым, что он тебе доставит продукты по 2 ф<унта> с пуда. Всего посылаю 5 пудов 17 ф<унтов> в 2-х мешках: коричневом и брезентовом;

В коричневом:

Горох 30 ф<унтов>.
Рис 6 ф<унтов> }
Пшено 3½ ф<унта> } один мешочек
Гречневая 21 ф<унт> – два мешочка.
Рыба и икра 2½ один пакет.
Масло 4 ф<унта> (в банке – в жестянке вытечет, банка уложена среди мешков внутри стоймя.Мешок не класть набок).

----

5 пуд<ов> 17 ф<унтов>.

В другом мешке 2 пуда муки ржаной и 2 п<уда> американской (приблизительно).

Итого – 5 пуд<ов> 17 ф<унтов>.

Клинчеву надо уплатить, следовательно, *11 фунтов* муки – возьми лучше из верхнего мешка – американской – желтоватой.[3]

Все перевешано мною лично. Кроме муки, потому что не могу свесить сразу больше 38 ф<унтов> на весах, а перевешивать детально – некогда.

Мне необходимы все мешки немедленно обратно. Именно:

Мал<ых> мешков 5
Боль<ших> мешков 3 (брезентов – *Богаевского*!!)
Банка 1
Тряпка 1

MAX.

[1] Датируется по связи с ответным письмом Е.О. от 25 апреля / 8 мая 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 80–80 об.).

[2] Е.М. Манасеина, М.А. Новицкая.

[3] 25 апреля / 8 мая Е.О. писала Волошину: «...сегодня днем болгарин доставил мне оба мешка, все как следует; благодарю тебя за присланное, а в особенности за икру. – Я уплатила что следует».

190. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

11 мая 1922 г. Феодосия

11/V 1922.

Милая мама, я очень рад, что посылка моя пришла без убыли.[1] Тон письма твоего меня глубоко изумляет. Я не успел тебе написать, потому что меня разрывают на части: ты сама знаешь. Написал только необходимые деловые сведения о посылаемом, и то над душой моей стояли и ждали.

Катю[2] я просил передать тебе, что Анна Влад<имировна> Кандаурова перевозит больного Церасского (и Ц<ерасс>*ких*) в Москву. Едет хлопотать в Симферополь о вагоне *прямо из Феодосии*. Предлагает взять тебя с собою и дать тебе приют у себя в Москве. Но что, по моему мнению, ехать в Москву не стоит, т<ак> к<ак> там зимой будет такой же голод, как сейчас здесь, а у нас будет к тому времени, б<ыть> м<ожет>, лучше. Миллионов у меня нет и не будет – ни здесь, ни там. Это я могу тебе сказать заранее, да и ты сама знаешь это. Здесь ты более обеспечена, чем там, и даже лучше, чем тебя окружающие. Если я считаю нужным тебе сообщить о таких возможностях, то потому только, что ты сама многократно выражала желание ехать в Москву, и я отнюдь не беру на себя решения, как тебе следует поступать.[3] Сам я вовсе не хочу все бросать здесь на уничтожение. Только перспектива полного вымирания и самосъеденья Крыма и твои требования заставили меня думать об этом. Но раз там будет не лучше, то какой смысл туда ехать? Съездить мне лично туда на месяц-полтора, заработать лекциями, увидеть кого мне надо, устроить дела и вернуться – это имеет смысл. Но это первоначальное мое предположение рассматривается тобою в порядке «матреубийства»: это было прошлым летом, это остается, по-видимому, и теперь. Я вполне понимаю, что тебе очень тяжело, одиноко, что ты больна и слаба, что тебе надо других форм жизни. Но не забывай, что если ты была сыта, обогрета и не ограблена – то только благодаря мне. И мука, которой ты питалась зимой, была в свое время (в сент<ябре>-октябре 1921 г.)

закуплена мною на деньги от лекций и акварелей; и дом и все вещи, которые потом продавались, не были реквизированы благодаря мне, ты получила провизию, сахар, крупы, муку — всё от меня. Если у тебя нет сейчас прислуги, то только благодаря капризам *твоего* «здравого смысла» и «практических доводов», с которыми я спорить не берусь и не хочу.

Мне хотелось бы в конце концов знать от тебя: чего же ты *практически* хочешь? Что тебе нужно вообще, как человеку больному и слабому, *я знаю*, так же как и ты. И ты знаешь, как и я, что *все* это в таком виде, как *было бы* нужно, — неосуществимо. Что надо выбирать только, где бы было лучше. Все, что я предлагаю тебе, — все плохо, глупо, бессмысленно. Так подумай и придумай сама — принимая, конечно, в расчет все трудности и возможности настоящего времени. А я уже буду критиковать и судить о возможности исполнения. По твоему письму тоже выходит, что я, куда бы не двинулся, должен брать тебя с собой, иначе я тебя «сбуриваю» и кидаю на произвол судьбы. Ты должна иметь в виду, что всякое путешествие нам с тобой вдвоем будет в 100 раз трудней и в 100 раз дороже. Потому что я — один всюду проеду даром, и меня всюду и приютят и накормят.

Для меня лично сидение в Феодосии — глубочайшая бессмысленность: я вне своей мастерской, я в самых неблагоприятных условиях для личной моей работы, мне мешают и отвлекают меня — ежеминутно. Я сижу целыми днями в сырой и полутемной комнате, куда никогда не проникает солнце, когда бы мне надо лежать целыми днями на солнце. Я хожу скрюченный, потому что каждый день еще простуживаюсь от сквозняков. Дней пять назад у меня опять возникла надежда пройти пешком до Коктебеля, а теперь снова я еле-еле двигаю ноги и встаю со стула.

Для здоровья мне нужно пройти грязелечение непременно. А для литературы мне надо съездить в Центр и, конечно, одному, потому что оставаться там и сжигать все корабли в Крыму совершенно бессмысленно. Соблазна остаться в Москве у меня нет никакого. Несколько обстоятельных писем, полученных из Москвы, во мне убили всякое

желание стать безвозвратным московским обитателем. Но это всё *«надо»*. А лично мне просто хотелось бы сию же минуту уехать в Коктебель и прожить там до начала зимы – хотя бы опять с физическими болями, хотя бы опять с трудом добираясь до балкона – но в тишине и окруженным книгами и молчанием и работой. Но этого я, конечно, буду лишен.

На всякий случай я готовлю к зиме возможность перевезти сюда – в кв<артиру> Лампси – тебя и все вещи. Что касается до выезда на север, то повторяю тебе снова: все мои предположения и проекты находятся под знаком вопроса и будут модифицироваться только экономическо-политическим положением и *настойчивостью твоего* желания (отнюдь не моего).

Посылаю тебе письмо Юл<ии> Оболенской, привезенное Ан<ной> Владимировной.[4] Получил письмо от Кожевниковых – на этот раз из Бухары.[5] Он там посланником. Они все приветствуют тебя и зовут нас к себе.

Шлет тебе привет Ася.[6]

Большая просьба и очень важная:

Наверху в моем кабинете стоят вещи, проданные Майей[7] при отъезде Янине Болесл<авовне> *Полянской* – помнишь – те, что были на чердаке, и я не мог их достать, когда она их присылала. Потом я их стащил перед отъездом вниз. Сейчас они *крайне* нужны Полянской. Прошу тебя прислать их, сговорившись с кем-нибудь *за деньги*. Я уплачу здесь.

Вещи следующие:

1) Чайник эмалированный
2) Таз эмалированный
3) Кувшин –“ –
4) Ведро эмалир<ованное>
5) 2 кастрюли
6) Горшок ночной эмалир<ованный>

Это все можно прислать одновременно с мешками и в самих мешках. Они чужие и нужны мне спешно. Пришли всё с описью и точным обозначением суммы уплаты за провоз.

Крепко целую.

МАХ.

[1] См. п. 189, примеч. 3.

[2] Е.М. Манасеина.

[3] 25 апреля / 8 мая 1922 г. Е.О. писала Волошину: «Заходила <...> Катя М., и совсем ошеломила, поразила меня передачей твоих слов о возможном выезде моем в Москву, если желаю ехать в будущ<ий> понедельник. Я ничего не понимаю в этом твоем предложении. То ты говоришь, что тебе предварительно нужно ехать одному, чтобы приготовить мне там приют и тогда вернуться за мной; то, как сейчас, предлагаешь ехать одной в бесприютную Москву, точно не понимаешь, что я не могу без тебя ни здесь остаться, ни в Москве жить, ибо кроме приюта мне нужно и здесь и там есть, пить и т.д. А миллионов на это у меня нет, пайков также без тебя получать не буду. Да разве ты этого сам не понимаешь? Объясни пожалуйста, что это все означает, да говори прямо, что думаешь, что хочешь. По-моему выходит так: здесь ли меня одну бросить, в Москву ли в одиночку сбурить – тебе решительно все равно, лишь бы ехать одному без забот и хлопот о больной старухе. Если так, то, пожалуйста, не стесняйся, делай, как тебе хочется, не прикрываясь словами. Как ни горьки мне подобные мысли, но что же сделать: нужно принимать тебя таким, каким ты есть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 80–80 об.).

[4] Имеется в виду письмо Ю.Л. Оболенской к Волошину из Москвы от 28 апреля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 7–10).

[5] Приветственная записка И.С. Кожевникова от 29 марта 1922 г. – на его визитной карточке: «Иннокентий Серафимович Кожевников. Полномочный Представитель Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в Бухаре» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 670).

[6] А.И. Цветаева.

[7] М.П. Кудашева.

191. Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ

17 мая 1922 г. Феодосия

17 V 1922.
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милая Лиля, злой рок тяготеет над моими письмами к тебе. Я получил в этом году два твоих тревожных письма с вопросами о моем здоровье (и ни слова о себе!!)[1] и радовался, что ответил тебе раньше на всё подробным письмом, которое

послал с верной оказией. Но теперь я узнал, что письмо мое было по дороге перехвачено, вскрыто, уничтожено, потому что «надо писать по почте». Мне же писать по почте и противно и денег нет.

Теперь есть новая оказия. М<ожет> б<ыть>, более удачная. И я твой адрес теперь знаю.

Да. Я болен. Уже год. Месяцев пять пролежал. Теперь днями еле двигаюсь. Болезнь по существу не сериозная. Но может стать сериозной: артрит – отложение солей в суставах и воспаление их. Если ее захватить в начале соответственным лечением, она бы прошла. И возникла-то она только благодаря отсутствию лекарств и лечения. Через пять месяцев меня перевезли в санаторию. Я могу ходить. Но болезнь не прошла. И в санатории тоже нет лекарств. Теперь жду грязевого лечения. Но это все не важно. Этот стаж физических болей необходим. А живу я и работаю полною жизнью.

Прошлую зиму – зиму террора, – конечно, не было времени писать. Я делал то же, что делал все эти годы безумия: мешал людям истреблять друг друга. Был в самом центре – во рву львином.[2] И все же несколько десятков жизней удалось отстоять. Практические приложения оккультного опыта были поразительны. (*На этом текст обрывается.*)

[1] См. письма Е.И. Васильевой к Волошину от 10 декабря 1921 г. и 27 февраля 1922 г. из Екатеринодара (Краснодара): *Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной / Сост., подгот. текста, примеч. Вл. Купченко и Р. Хрулёвой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 97, 101–102.

[2] Ров со львами, в который, по повелению царя Дария, был брошен пророк Даниил и остался невредим (Дан. VI, 16, 19–23).

192. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

Вторая декада мая (?) 1922 г. Феодосия

Спасибо за альманах Гос<ударственного> Издат<ельства>.[1] Он производит хорошее впечатление. Из беллетристики меня больше всего заинтересовал «Голод» Семенова.[2]

Который это Семенов? Или это совсем новый беллетрист? Пастернак как беллетрист – талантлив.[3] Но слишком перетончает.

Я получил на днях из Москвы письмо от мне лично неизвестного друга: некоего Марка Яковлевича Возлинского, начинающего литератора.[4] Письмо его производит хорошее впечатление и такое же производят его стихи и статья в № провинциальн<ого> журнала, мною одновременно полученном.[5] Он предлагает мне свои услуги по устройству моих дел в Москве и хлопоты. Позвольте мне направить его к Вам. Во-первых, затем, чтобы ему поручать, что возможно и надо из моих литературных дел по вашему усмотрению. Во-вторых, для того, чтобы Вы на него посмотрели и написали мне, какое он производит впечатление и каков его удельный вес.[6]

В письме его есть непосредственность, в стихах – работа, в статье – культурность. Но что он сам по себе – Бог его знает.

М. В.

[1] Альманах «Наши дни» (см. примеч. 1 к п. 175). 10 мая 1922 г. Вересаев писал Волошину: «Вышел сборник “Наши Дни” с Вашими стихами (“Дикое поле” и “Бегство”). Он Вам высылается» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 10).

[2] «Роман-дневник» «Голод» С.А. Семенова.

[3] В альманахе «Наши дни» была опубликована повесть Б.Л. Пастернака «Детство Люверс».

[4] Письмо от 8 апреля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 353, л. 1–6 об.). Письма М.Я. Возлинского к Волошину (1922–1923) приведены во фрагментах и проанализированы в статье Н.А. Богомолова «Человек Серебряного века: попытка персонологической характеристики» (Семантическая целостность Серебряного Века // L’unité sémantique de l’Âge d’argent. Лион / Lyon, 2010. С. 37–43).

[5] Имеется в виду издание: Вершины. Литературно-художественный альманах. Вып. 1. Екатеринослав, 1920. В нем опубликованы два сонета Марка Возлинского («Книга», «Мать») и его статья «Шарль Бодлэр» (подпись: М. В–ский). Альманах открывается стихотворением Волошина «Неопалимая Купина». Возлинский рассказывал Волошину в упомянутом письме: «Вы вероятно забыли: в августе 1920 г. к Вам заезжала студентка Розенберг из Екатеринослава, которой Вы дали стих<отворение> “Неопалимая Купина” для сбор-

ника. Дело в том, что в то время, в Екатеринославе, группа студентов ун<иверсите>та задумала периодический альманах. Я жил там и был близок к этому делу. Первый № был издан, а затем дело погибло, – очередная смена властей произошла».

[6] Волошин указал на Вересаева в неизвестном нам ответном письме Возлинскому, который отмечал в этой связи в письме к Волошину от 26 июня 1922 г.: «За “Путями Каина” обязательно схожу к В.В. Вересаеву. Мы с ним знакомы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 353, л. 8).

193. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

22 мая 1922 г. Феодосия

22/V 1922.

Милая мама,

получив твое последнее письмо, я окончательно перестал понимать что бы то ни было.[1] Тебе Катя М.[2] передала неточно, неверно или не в том освещении относительно предложения Ан<ны> Влад<имировны> Кандауровой ехать с нею в Москву и устроиться у нее на первое время. Я тебе написал точно и ясно обо всем.[3] Т.е., что это только предложение Анны Владимировны, – что тебе его передавал, потому что оно есть, но что ехать в Москву сам считаю все же бессмысленным, т<ак> к<ак> нам жить там будет не на что, и что в Крыму нам все же будет лучше, несмотря ни на что. Но, что если бы ты, вопреки всякому здравому смыслу, решила бы все же ехать в Москву, то надо пользоваться этим случаем, т<ак> к<ак>, вероятно, Ан<на> Влад<имировна> достанет вагон из Феодосии и для этого едет хлопотать в Симферополь. Иначе самим надо ехать (для отъезда) в Симферополь. А насколько это одно сложно – видно из того, <что> вот уже 1½ недели Ан<на> Влад<имировна>, снабженная всеми протекциями, ежедневно выезжает в Симферополь и до сих пор не выехала.

Кроме того, отдельный вагон – это до известной степени гарантия от тифа, который свирепствует повсюду в вагонах, переполненных вшами. Но, разумеется, при всех этих слож-

ностях ни о каком «ближайшем понедельнике» речи не может быть.[4] Я просто просил известить всех, помышляющих о Москве, о данной оказии, предлагая – *но не ехать с Ан<ной> Влад<имировной>*, а присоединиться к ее хлопотам, чтобы легче добыть отдельный вагон.

Самому писать об этом каждому – у меня нет физической возможности. Меня *раздирают* на части. На мне все время ответственная деловая переписка – результатом которой является питание по крайней мере 20 человек. Через каждые 3 дня у меня теперь мигрени, кончающиеся тошнотой: и эти дни для меня отдых. И все-таки я не прекращаю работы. Я мечтаю о том, чтобы на 7–10 дней уйти в Коктебель, чтобы поработать в тишине и молчаньи. Во время жарких дней у меня ноги не болят (только спина), и я надеюсь, что я смогу добраться пешком, выйдя рано утром. Мне очень хочется повидать тебя, и надеюсь, что в личном разговоре выяснится все проще, чем в письмах. Я очень жду какого-то болгарина, который, по словам Кати, приедет за продуктами для Манасеиных, чтобы послать тебе тоже еще продуктов. (*Ехать* на телеге в Коктебель, уже не говоря о дороговизне, мне будет благодаря тряске еще мучительнее, чем идти).

Тебе пришло от Инны Б.[5] еще 900 тыс<яч> (плюс 500 т<ысяч> = 1 400. 000). Они у меня. Надо ли там тебе денег? Или сохранить их здесь для оказий?

До свиданья. Крепко тебя целую. Не взводи на меня мысленно разных напраслин и не мучайся ими.

MAX.

[1] Приводим это письмо Е.О. от 2/15 мая (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 82): «Милый Макс, у меня совершенно отпала охота писать тебе, ибо выходит так, что чем больше тебе пишешь, объясняешь, тем меньше ты понимаешь, или понимаешь все навыворот, и стена только растет между нами. – Ты просто не хочешь меня понимать, и я прекращаю всякие объяснения, – их уж так много было, и начинать опять все сначала не могу. Целую».

[2] Е.М. Манасеина.

[3] См. п. 190.

[4] См. примеч. 3 к п. 190.

[5] И.В. Быстренина.

194. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

28 мая 1922 г. Феодосия

28.V.1922. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Юлия Леонидовна,

спасибо, спасибо за ваше большое письмо (и такое страшное), что пришло с Ан<ной> Влад<имировной>.[1] Я пережил снова всю Ср<еднюю> Азию Вашими глазами: я ведь всю Вашу дорогу, по которой Вы ехали в вагоне от Аральского моря, прошел пешком, с кара<ва>ном и измерил пикетажною цепью,[2] и от всего, о чем Вы пишете, – кидая акварельные пятна, у меня уже двадцать лет – ностальгия.

Но какое страшное возвращение. Как *Вы* – *Вы*, такая слабая и хрупкая, – могли все это перенести. В Вашем пунктирном рассказе такое прикосновение смерти и дыханье ее. Я чувствую весь ужас Вашего пути домой. «Что-то переломилось, да так и осталось...».

Какое счастье, что вы с К<онстантином> В<асильевичем> все же живыми выбрались из этого кошмара.

Ан<на> Влад<имировна> много говорила о Москве и, думается, дала верное и подлинное впечатление о Москве, потому что, несмотря на ее уговоры ехать и восторги о том, как там хорошо, – совсем отбило всякую охоту туда ехать и стало тошно и мигренисто. Одно время я думал, что надо ехать и перевозить маму. Но теперь увидал, что патетическое умирание Крыма голодною смертью в миллион раз лучше московского благополучия и Н.Э.П.

У нас очень страшно. Чувство полного умиранья. Развёрстого кладбища. Свалки для трупов. Но нет этого мещанства, торжествующего и лоснящегося, которое чувствуется в Москве по всем рассказам и письмам.

О себе. Я уже год болен. Лежал 6 месяцев – воспаление суставов. Теперь хожу. Но сгорбившись и кряхтя. Я в Феодосии на квартире Лампси. Пра в Коктебеле. Денег нет совсем. Но продукты откуда-то приходят, и не голодаем. Я Пра посылаю отсюда муку, крупы, которые мне падают с неба. Она за зиму съела всех коктебельских кошек.[3] Теперь ест орлов. Ей

их ловит Антониха[4] – колдунья. (Летает на Карадаг на метле и накрывает юпкой).

Мне надо было бы съездить в Москву – хотя бы на короткое время, чтобы устроить дела, напечатать книги, прочесть ряд лекций. Но Пра безусловно против моего отъезда хотя бы на время. А ехать с нею – это значит кинуть всё и сжечь корабли. И едва ли ей в Москве можно создать те материальн<ые> удобства и сравнительную обеспеченность, которыми она пользуется здесь как-никак. Но ей очень одиноко и жутковато.

А мне приходится жить в Феодосии – иначе продуктов не будет совсем. А ходить – я теперь не могу уже. Единственная моя надежда – это на грязевое лечение (если таковое в Крыму будет), которое одно, как говорят врачи, может меня оправить и вправить кости в суставы.

Настроение в общем бодрое. Живу только нервным подъемом и работой. Если работа обрывается (а она часто обрывается: мне мешают немилосердно всяческими человеческими делами), то вся действительность всею тяжестью падает на меня, и тогда очень тяжело: всюду и во всех только умирание и разложение. Можно жить, только преодолевая все это тление собственной жизненностью, радостью, пламенем.

Я за эту зиму написал (почти) целую новую книгу стихов, тесно связанных, – почти единую поэму «Путями Каина». Ее начало и ее конец уже вполне закончены. Но, верно, я еще все лето буду заполнять внутренние главы. Это материальная культура человечества и вся современность. Я не знаю совсем, *что́* она, эта поэма, как художественное произведение. Я нырнул в нее с чувством, что я разучился плавать. Но она необходима. Я говорю почти теми же словами, что Вы мне пишете о моих последних стихах, что у Вас.[5] Но я сам жажду знать – как это будет принято? Нужно ли это? Мне – необходимо. А другим? Тот, кто не горел здесь – в этом же пламени, – поймут ли? Что прочтут?

Я очень хочу от Вас письма подробного о тех, что я послал Вам, стихах. И то, что Вы писали, мне важно. Но это мои же собственные вопросы. Может, у Вас сложится за это

время нечто более определенное?[6] Через неделю — написанные главы «Пут<ями> Каина» будут переписаны на машинке, и я их пошлю Соф<ии> Яков<левне> *Парнок* (я ей посылаю все мои стихи для печати — она мой доверенный в Москве в смысле стихов). Вы познакомились с ней? Как она понравилась?[7] Какие великолепные ее стихи! Так поэма будет у нее — и Вы прочтите у нее. Я не могу послать Вам — очень трудно размножать — ни бумаги, ни переписчиков. А у меня правая рука совсем отсыхает. Какие великолепные стихи стала писать Марина. У меня голова кружится от ее книжки «Вёрсты».[8]

Прошлой осенью — больной — я написал много акварелей. А теперь — не знаю, смогу ли еще писать. Рука совсем онемела. С радостью прочел у К<онстантина> Ф<еодоровича>[9] письмо к нему от К<онстантина> В<асильевича> и услышал его голос. Он наконец получил-таки одно мое письмо...[10] Если бы было возможно продать что-либо из моих акварелей в Москве. У К<онстантина> В<асильевича> должно быть ведь их много из бывших на выставке и не попавших на выставки. Если это возможно, то я бы прислал еще. Мне Вересаев продал в Москве книгу о Сурикове за много — за 100 мил<лионов> (это в то время и для Крыма — у нас нет денежных знаков — было колоссально). Но всё пропало по дороге.[11]

[1] А.В. Кандаурова привезла из Москвы в Феодосию письмо Ю.Л. Оболенской к Волошину от 28 апреля 1922 г. с подробным рассказом о своем пребывании (вместе с К.В. Кандауровым) в Туркестане (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 7–10):

Мы 5 лет не видели, как растет трава, а вся жизнь вне Москвы обратилась в какой-то отвлеченный газетный лист. Вот и увидели ее живою. Сначала она показалась нам в виде бесплодных тощих полей, мертвой Волги, полузанесенной песками, и эта<по>м чудовищного переселения голодных с юга на север, с севера на юг. Они переполняли все вокзалы, пути, поезда; площадки, буфера, крыши вагонов — все кишело людьми с их скарбом от мебели до тряпья, с неизбежными вшами, которых они вытряхивали на глазах у всех, и холерой и дезинтерией, от кот<орых> они болели и умирали тут же. Дальше мы увидали и другое: разноцветные стены и пустыни, обглоданные верблюдами, кибитки кочевников, безбрежные разливы Сыр- и Аму-Дарьи с цветущими кустарниками, торчащими из воды, и фаза-

нами, взлетающими возле вагона; воды от колес поезда до горизонта, точно едешь на пароходе. Аральское море, как драгоценный камень. Ташкен<т>ское кладбище с алле<е>й священных мертвых деревьев, голубые с синим кружева самаркандских мечетей и мавзолеев. Степенную сутолоку восточных базаров, где смешаны в непрерывном потоке верблюды, ослы, лошади, пешеходы, груды красного перца под ногами, сидящие продавцы дынь и винограда – и нет ни ругани, ни давки. Асхабад с текинцами на сказочных конях в курчавых высоких шапках и алых халатах. Бухару с крытыми базарами, где в полумраке товары различаешь по запаху – фрукты или пряности и т.п. Ее зеленые священные пруды в осьмиугольных каменных ложах. В пустынях древние развалины мертвых городов. Развалины одного древнего Мерва занимают до 100 кв<адратных> верст. Мы брели от одной крепостной стены до другой по земле, рыхлой от черепков и воспоминаний, – жутко было ступать по ней. Вдали всё взрастали новые одинокие формы иногда совершенно непонятного назначения, за ними еще стены и еще памятники. Мы заблудились, и вечер застал нас – стены стали багровыми с изумрудными тенями. Какой-то шайтан крутил нас на одном месте, и лишь глубокой ночью выбрались мы на дорогу. Другой город (невдалеке от Асхабада) мы видели на рассвете, придя к нему ночью по пескам и колючкам. На рассвете, когда вдруг стало холоднее и мы сразу увидали друг друга, – эти развалины расцвели перед нами в таком невыразимо жемчужном цвете, что и при воспоминании становится холодно. А узенькие таинственные улички восточных городов без окон, с дверями, покрытыми резьбой, и глиняными стенами, похожими на гнезда ласточек, все неровные, с переплетами каких-то кривых палок, выступающих из-под глины. По ним бредут женщины такие же таинственные под своими черными сетками. А маленькие плосколицые киргизские женщины, пугливые и доверчивые, щебечущие как птицы – в длинных штанах, в убрусах и повязках. Вся жизнь их, их посуда и утварь, верно, ничем не отличается от какой-нибудь былой Орды. А текинская женщина, встреченная нами в пустыне близ Анкау, – она сидела на верблюде в алой высокой кике как древнее божество, и на руках ее шевелился голый коричневый ребенок. Другая шла, сверкая на солнце панцирем из серебряных блях.

Много впечатлений и мало работы: кое-какие наброски акварелью. <...> Часть времени тратилась на работы по службе (разные плакаты к выставке), часть на переходы <...> Но всего тяжелее пришлось на обратном пути, когда, вымогая взятки, кот<орые> мы не могли давать, нас стали задерживать по 10 дней на степных станциях. Наступили холода, у нас не было теплого платья, денег, еды, освеще-

ния, отопления, а под конец и врача. Переселенцы кругом вымирали от сыпняка, холода и голода, их валили в общую яму, снимая ежедневно с площадок до 75 трупов. Вокзалы были завалены умершими и умирающими. Еще 27 сент<ября> в Самарканде (на обратном пути) у К.В. появились сильные боли в почках и шел песок или камни. Едва поправившись, в Казалинске он схватил воспаление легких и, мож<ет> быть, сыпняк. Наверно не знаем, т<ак> к<ак> после 10-дневного издевательства нас вдруг отцепили от остальных наших вагонов, где ехали врачи, и увезли вперед. К.В. лежал в жару и бреду, без всякой помощи. Начались снежные заносы. Я в летнем платье по снегу бегала на базары продавать белье, ч<то>б<ы> купить для больного хлеба и молока. Наша соседка по купе заболела сыпняком и бредила за стеной. Вагон не отапливался, и мы согревались друг о друга, сидя рядом и поджав ноги. Так просиживали мы впотьмах целые ночи, т<ак> к<ак> К.В. и в жару и во время нормальной температуры страдал раздвоением личности, бессонницей и отчаянной тоской. Я должна была без умолку говорить, иначе он приходил в отчаянье. Но то, что я говорила, он не слушал, повторяя: ох, тоска, ох тоска – пока в окне, забитом фанерой и заткнутом бельем, не начинал брезжить рассвет. Ему хотелось пить, и не было воды. Давали по чашке кипятку, я уступала ему свою, сама питалась тухлыми сухарями, иногда размоченными в воде. Паровозы были без тормозов, постоянно случались крушения, и мы едва избежали той же участи на одном переезде, а наши отставшие вагоны сокрушили таки какой-то поезд, и персонал перевязывал раненых. Всего не припомнишь, да и не стоит. Только за эти дни во мне что-то резко переломилось, да так и осталось.

[2] Осенью 1900 г. Волошин участвовал в среднеазиатской экспедиции на изысканиях Оренбург-Ташкентской железной дороги. См. его письма за октябрь – начало ноября 1900 г. (Т. 8 наст. изд. С. 410–435).

[3] Ср. сообщение в письме Е.О. Кириенко-Волошиной к Волошину от 13/26 февраля 1922 г.: «...только что поужинала, съела ½ кошки жареной, – вкуснее этого жаркого теперь другого нет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 45 об.).

[4] Антониха – жена коктебельского плотника Антона Левченко Прасковья.

[5] Оболенская характеризовала новейшие стихи Волошина в цитированном письме: «Для меня по-прежнему многое не стихи, а что-то более страшное, – некоторые я не могу читать не только вслух, но и для себя, так они страшны. <...> Несомненно только, что иными им быть нельзя и что они необходимы такими, какие есть».

[6] Развернутый отзыв о стихах Волошина последних лет содержит письмо Оболенской к нему от 5 июля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 11–18 об.): «... и темы и самые стихи очень разные. Во-первых, есть Лики и есть Личины. Первые удались все, вторые – нет. “Вот лежит она, распята сном <...> И мечется по Земле” <“На вокзале”. – *Ред.*>. – Здесь так великолепно прост без всякой подчеркнутости, точен и громаден образ, давно и меня преследующий, узнаю его безошибочно и низко кланяюсь ему. Всю эту вещь считаю совершенной, совершенно найденной. “Нерадивы и нищи среди богатств земли, мы через столетья пронесли, сохою ковыряя нивы, к земле нежадную любовь” <“Русская революция”. – *Ред.*>. Это уже совсем большой стиль. Это так просто и *подлинно*, что слишком отвлеченным кажется переход к стигматам Франциска и таким чуждым, точно католическая улыбка на фреске Дионисия. Ваше огромное *еще трепещущее* распятие нельзя кончать ювелирным распятием законченного века. <...> Чудесна “Гражданская война” сквозь то же острое зрение “средь золотых великолепий конями вытоптанных жнитв”.

Из “Китежа” – первое. (“Святая Русь покрыта Русью грешной”). Второе для меня грешит каким-то специфическим (Вашим собственным) ложноклассицизмом, а третье для меня как-то невнятно.

“Дикое поле” – все-лик, и все хорошо. <...>

Лик, отстоявшийся в других образах: очень интересен, очень силен Иуда <“Иуда Апостол”. – *Ред.*>, только все ли тут для каждого досказано? Франциск <“Святой Франциск”. – *Ред.*> *отдельно* очень уместен в книге. Лик глядит и сквозь Киммерию от воплощенного “профиля” до безликой Победы, поэтому вся она прекрасна. <“Карадаг”, “Как в раковине малой – Океана...” – *Ред.*>. В ней те же движенья изнутри, которых Вы, бывало, искали в акварелях, но здесь они глубоко одухотворены, чего акварелям не хватало.

Заклятия и акафисты (не подлинные) всегда мне чужды, почти как Стигматы Франциска. Это – ветхие мехи, не сдержать им нового вина. <“Заклинание”, “Заклятье о русской земле”. – *Ред.*>.

Теперь Ваши Крымские события и Личины. С ужасом чувствую, что о первых окончательно *не смею* говорить. Конечно – “Террор” и “Бойня”, – но какими же словами о них сказать. Право, невозможно. Нужны ли они? – Несомненно – да. Вы же сами ответили. “Кто передаст потомкам нашу повесть?” <“Потомкам”. – *Ред.*>. Тогда об них можно будет и говорить. В “Личинах” я Вас не узнаю: они торопливы, полны злободневных случайностей.., уже теперь

затемняющих смысл, большого стиля нет, это заметки из памятной книжки. Есть отдельные черты в “Матросе” (он пользуется большим успехом вообще).

<...> вообще по Москве ходит слух, что Волошин переменился и стал самым “серьезным русским поэтом современным”».

[7] Оболенская отвечала в том же письме: «Парнок я знаю собственно лет 15 и помню ее тоненькой яркой девушкой, ослеплявшей белизною кожи и золотом волос. За эти лет 15 я вечно встречала ее следы у самых различных своих друзей и приятелей и много знала о ней, но ей осталась неизвестна. Так что не знакома с ней и не знаю, где живет».

[8] Речь идет о книге Марины Цветаевой «Версты. Стихи» (М.: Костры, 1921; 2-е изд. – М.: Костры, 1922). Оболенская откликнулась в том же письме: «О Марининых “Верстах” узнала, к стыду своему, из Вашего письма и тотчас приобрела. В стихах мне дороже всего внутреннее пламя, движущее их, за него прощаю все неудачи. В смысле этого пламени Марина стала совершенно неподражаема, но не всегда подставляет ему вполне достойные образы. Так и запахло Асиным <А.И. Цветаева. – *Ред.*> “Дымом” от “светской пустынницы стройного роста”. У меня есть еще ее “Конец Казановы”, драмат<ический> этюд, совершенно ее недостойный, какой-то мальчишеский Ростан, даже без блеска; и гениальные посвящения Блоку в № 1 “Пересвета” <...> Посмотрите, какую изумительную Валгаллу устроила она ему в конце. Последние удары сердца, как набат, и душа растекается по миру всемирным ликованьем:

Зори пьет,
Море пьет,
В п*о*лную с*ы*ть
Бр*а*жничает.
Панихид не служит...

Тут одни из редких случаев преосуществления слова. У Тютчева так иногда бывает – скажет – “благовест”, и Вы услышите его.

За пламя ее пафоса простятся все ошибки».

(Упоминается публикация «Стихов к Блоку» в альманахе «Пересвет» – № 1. М., 1921).

[9] К.Ф. Богаевский.

[10] Имеется в виду п. 176.

[11] См. п. 183.

195. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

31 мая 1922 г. Феодосия

31/V 1922. 1 ч<ас> ночи.

Милая мама,

пишу тебе наскоро, потому что приду на этих днях. Хотел идти завтра, но еще надо закончить несколько провиантских дел. Приду в пятницу или субботу,[1] если будет сухая погода (пред дождем – у меня ноги болят, и я не дойду). Если завтра приедет Дараган,[2] то пошлю тебе с ним еще кое-что из провизии (завтра получение санаторного пайка – может, на твое счастье выпадет икра) и 2 боржомн<ых> бутылки масла – одну подсолнечного, другую топленого. (Получила ли ты посланные прошлый раз 4½ пуда продуктов – мука, кофе, перлов<ая> и гречневая крупа, 2 бутылки подсолнечного масла?). Бутылку с топленым маслом надо поставить на солнце, и оно быстро растопится, и тогда перелить в открытый сосуд – в бутылке удобнее пересылать, чем в банке.

Приду числа до 15-го июня. Тогда надо будет вернуться для разных пайковых дел и писем.

Надеюсь, что Дараган завтра привезет от тебя мешки и банку. Майина[3] эмалиров<анная> посуда и мешки получены мною полностью.

В Екатеринослав пришли для меня уже 3 американских посылки. Сюда их американцы отказываются перевозить, и как это ни необеспечено, но я все же решился дать доверенность одному коммерсанту, едущему в Екатеринослав специально за посылками. Это удовольствие будет стоить 30 миллионов (!!!), которые придется выплачивать теми же продуктами, что в посылках.

Содержимое посылок таково:

Муки 54 ф<унта>
Рис 27 ф<унтов>
Жиры 11 ф<унтов>
Чай 3 ф<унта>
Сахар 11 ф<унтов>
Молоко 20 коробок в каждой.

Не обольщайся заранее, потому что, вероятнее всего, к нам не дойдет ничего, т<ак> к<ак> будет ограблено по дороге (фиктивно или реально — безразлично), но все же это наиболее вероятный шанс на получение.

До свиданья. Крепко тебя целую. Мечтаю о полном уединении, тишине и работе над «Путями Каина».

MAX.

[1] 2 или 3 июня.

[2] Возможно, коктебельский землевладелец Степан Дараган (1845—1925). О его приезде в Феодосию «завтра или послезавтра» Е.О. сообщала Волошину 12/25 мая и предлагала переслать с ним продукты (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 84).

[3] М.П. Кудашева.

196. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

3 июня 1922 г. Феодосия

3/VI 1922.

Милая мама, поздравляю тебя с днем твоего Ангела — это как раз сегодня. Я думал уже быть дня 2 в Коктебеле сегодня — и всё невозможности.

Посылаю тебе с Дараганом мешок:[1] в нем *38 фунтов* всего. За него я *заплатил уже* 2 ф<унта> муки.

В нем 3 пакета:

1) Рис. Пшено. Перловая. Сыр. Масло постное в бутылке = 20 фунтов.

2) Сухие яблоки. Бутылка с маслом топленым (достаточно поставить на солнце). Материя хаки (моя). Книжка Гюго.

3) Три книги Frazer.

Я ухожу со дня на день в Коктебель.[2]

Но сегодня дождь (в дождь и перед дождем — я совсем разломан и не дойду). И вся комната полна мешков, муки, крупы, людей, денег. Я тороплюсь тебе написать эти несколько

строк, а у меня смотрят акварели, приходят хлопотать об академическом пайке, просят дать записку достать гроб, ждут над душой готовых пакетов, просят устроить на место — а мне надо и приготовить мешки для Дарагана, и быть сию минуту в Американской Миссии, послать новые миллионы в Судак Герцыкам и снести самому другие миллионы Зелинским, и врывалась уже Дода[3]: «Максе! я хочу, чтоб Вы меня поцеловали» — и это все в те часы, когда отдан приказ *никого* ко мне не пускать, потому что это часы работы (официально).

Дараган сдал мешки и банку полностью. Книги посылаю те, что мне понадобятся в Коктебеле для работы.

Крепко тебя целую и желаю всего лучшего. Надеюсь, что увидимся все же на днях.

С американ<скими> посылками — новый оборот: мои письма в Берлин и в Москву подействовали: главный склад переносится из Екатеринослава в Крым и именно в Феодосию. Так что не придется никому ничего платить за доставку.

MAX.

[1] См. примеч. 2 к п. 195.

[2] Волошин пришел из Феодосии в Коктебель около 6 июня 1922 г. (Труды и дни-2. С. 156).

[3] Д.А. Юнге.

197. К.В. КАНДАУРОВУ

Начало июня 1922 г. Феодосия

Дорогой Константин Васильевич,

наконец-то хоть одно мое письмо прорвало заколдованный круг и дошло до тебя.[1] Я очень надеялся, что мне самому удастся прорвать его и приехать в Москву, но это очевидно невозможно: надо или ехать совсем: с Пра и бросив здесь всё на разграбление, или покорно сидеть здесь в ожидании... чего? сам не знаю. Пра и слышать не хочет о моем хотя бы кратком отъезде в Москву. И вот я не могу жить в Коктебеле

(надо питать Пра и себя), где бы я мог работать в уединении, не могу уехать в центр, где бы мог «зарабатывать», и вишу в Феодосии, где работы у меня нет, но разных человеческих дел – миллионы: меня треплют <с> утра до ночи и доводят до исступления, перебивая работу ежеминутно. И тем не менее я почти закончил целую новую книгу стихов: «Путями Каина».

В худшем еще положении относительно работы находится Костя.[2] Он еще более капризен, чем я, в смысле условий работы и совсем изводится от желания и невозможности приняться за нее.

Мне удалось ему устроить два места – на Командных Курсах и во Внешторге. Там он и зарабатывает и получает паек. Но это отнимает у него все время целиком. Я сам тоже там был – но меня сократили. У меня сейчас заработка – никакого, а надо всеми деньгами, что посылались мне из Москвы, – лежит какой-то рок: гонорары за все мои стихи, книги – за все, что сработано за эти 3–4 года, – все ухнуло сразу по дороге в 2 приема: один с Нанием, другой с Феррейнами.[3] Ни то, ни другое не дошло.

Т<ак> к<ак> литературного материала у меня уже больше нет, то я очень прошу тебя – если можно, распродай мои акварели: с Ан<ной> Влад<имировной>[4] посылаю тебе 25 акварелей последних лет и, кроме того, у тебя должны были оставаться от выставок (не помещенн<ые>) тоже, верно около двух десятков.

Если бы их можно было спустить хоть по 5 мил<лионов> штука, то это бы денежно выручило меня (5 мил<лионов> – мне здесь давали – но здесь покупатели очень редки).

Если у тебя будет случай – пожалуйста, окажи мне эту услугу. По личному опыту – не посылай с оказией, а только по почте, не переводом, а бумажками в конверте с объявленной ценностью: единственный верный и практический и верный способ.

Здоровье у меня нехорошо: хожу согбенным стариком. Но все же хожу, а не лежу. Но, конечно, в сравнении с эпопеей твоих болезней – это пустяки. И, если удастся пройти грязевое лечение, – я выздоровлю к концу лета.

Получил ли ты письмо для Юлии Леонидовны,[5] посланное с Евг<енией> Каз<имировной> Герцык на твое имя? До свиданья. Крепко тебя целую. Привет Юлии Леонидовне.

Работе над монографией о Костеньке буду очень рад, если она состоится.[6]

Мах.

Не откажись как-нибудь перебросить письмецо по адресу на имя *П.Н.* Зайцева.[7]

[1] Имеется в виду п. 176. О его получении, видимо, сообщила Волошину по приезде в Феодосию А.В. Кандаурова.

[2] К.Ф. Богаевский.

[3] См. п. 182. Скульптор Лина Александровна Феррейн в конце февраля 1922 г. везла для Волошина 1 миллион рублей от М. Цветаевой и 2,5 миллиона от издательства Е.Ф. Никитиной (Волошина уведомляла об этом С.Я. Парнок в письме от 4 марта 1922 г. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 931, л. 8).

[4] А.В. Кандаурова.

[5] Имеется в виду п. 194.

[6] Вероятно, А.В. Кандаурова сообщила Волошину о намерении К.В. Кандаурова заказать ему работу о Богаевском. О том же Кандауров писал Богаевскому 14 июня 1922 г., предлагая издать альбом его произведений (Труды и дни-2. С. 157).

[7] По всей вероятности, это неизвестное нам письмо заключало ответ на предложение П.Н. Зайцева (сформулированное в письме от 22 февраля 1922 г.) участвовать в ежемесячнике «Узел» (редакция – Зайцев, Е.И. Шамурин, Б.Д. Ильинский, А.А. Боровский): «Журнал – художественно-эстетический, совершенно вне-политический, не марксистский, в нем большое внимание будет уделено вопросам культуры, особенно русской. Русская идея будет проводиться с некоторой акцентуацией. Мне кажется уже своевременным и возможным противопоставлять идеям космополитизма и интернационализма в жизни, в политике, в искусстве идею русского. Это отнюдь не будет квасным патриотизмом. Культура Запада дорога и близка нашему сознанию. <...> В своих художественных вкусах Редакция будет исходить из Символизма. Футуризм будет представлен умеренными именами (Б. Пастернак)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 552). Издание журнала не состоялось, однако в 1925 г. была организована издательская артель «Узел», одним из учредителей которой был П.Н. Зайцев (см.: *Громова Наталья.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы. Из литературного быта конца 20-х – 30-х годов. М.: Эллис Лак, 2006. С. 21–24).

198. К.В. КАНДАУРОВУ

15 июля 1922 г. Феодосия

15 июля 1922. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Константин Васильевич,

большое спасибо тебе за твою заботу обо мне и о моих делах.

Вот ответы по порядку: Суриков и Кнебель.[1] Семь лет пролежала моя монография (1916–1922) у Кнебеля неиспользованной. Вересаев просил у меня литературного материала. Посылая «Сурикова» – я написал ему, чем я связан с Кнебелем и, зная его крайнюю щепетильность в литер<атурных> делах, предоставил ему разрешить этот вопрос самому. (Я не знал даже, существуют ли какие-нибудь признаки Кнебеля еще). Он запродал издание Госиздату, а потом уже встретился с Кнебелем и говорил.

Гонорар я получил большой – 93 мил<лиона> (в апреле). Но он не дошел до меня. Д<окто>ра Нания, которому Вересаев поручил его отвезти, ограбили, и, кроме моих, исчезло еще 25 мил<лионов>, которые посылались мне для раздачи. Так что я не только потерял 93 мил <лиона>, но должен был еще возместить 25 мил<лионов> из своих денег (продал академич<еские> пайки) для того, чтобы отдать деньги тем, которые их от меня ждали. Для того, чтобы не подводить Вересаева и Нания, я им тотчас же направил расписки в том, что деньги я получил сполна. Так что я теперь в «Сурикове» материально совсем не заинтересован. Мне решительно все равно, кто его будет печатать. Я вовсе не хочу никаких роскошных и иллюстрированных изданий. Я хочу только видеть наконец свою книгу наконец напечатанной, хотя бы в самом простом виде. Мне надо только это. С начала Революции и до сих пор я еще не получал ни разу гонорара. Мои стихи печатают и перепечатывают в массе изданий и за границей и в России, я узнаю об этом только годы спустя. Кто-то получает за них гонорары, кто-то пытается мне переслать его, но он неизбежно и фатально не доходит до меня.

Поговори о «Сурикове» с Вересаевым: он поставит тебя в курс всего дела. Мне очень жаль, что Кнебель прозевал мою монографию. Но за 7 лет было время и со мною списаться, и издать мой текст, тем более, что я иллюстрациями совсем не заинтересован. Я же привык существовать без денег. Мне время от времени присылают пайки и посылки. Я сыт. А денег у меня даже на оплату письма нет.

Монография о Богаевском.[2] К существующей статье[3] хочу прибавить еще 3 главы:

I. *Старая Феодосия и люди*, окружавшие творчество К<онстантина> Ф<еодоровича> (главн<ым> обр<азом> Александра Михайловна[4]).

II. *Личность К<онстантина> Ф<еодоровича>* — записи бесед и отрывки писем.

III. Все мои стихи о Киммерии с кое-какими комментариями. Этот отдел считаю наиболее важным, т<ак> к<ак> здесь идет наше взаимное творчество в воссоздании Киммерийского Пейзажа. Этот отдел должно иллюстрировать карандашными эскизами К<онстантина> Ф<еодоровича> (что он отправил тебе с Лёлей Гурвич).[5]

Об этом общем плане монографии мы пришли с К<онстантином> Ф<еодоровичем> к полному соглашению, и я предлагаю его не условно, а как нечто не подлежащее обсуждению (это, главным образом, ввиду Грабаря, который меня очень путал во время работы над «Суриковым» и крайне усложнил труд).

Хочется, чтобы книга о Богаевском была бы и книгой о Феодосии, и не могу не сделать ее в то же время и крайне личной.

Дня через 3–4 еду на грязевое лечение в Саки.[6] Моя последняя надежда на выздоровление при полном отсутствии лекарств. Выехать из Крыма даже на время мне не удастся никуда: Пра нельзя оставить никак и она и слышать не хочет о моем отъезде. Так что я буду зимой все же в Крыму. Если б была возможность сидеть в Коктебеле и работать в полном уединении, то я ничего бы иного и не пожелал бы для себя. Но сидеть в маленькой феодосийской суете с тщетными устрем-

лениями к работе и в борьбе за право на уединенные рабочие часы – очень тяжко.

Несколько цифр – вполне точных: за первую зиму[7] было расстреляно 96 тыс<яч> на 800 т<ысяч> всего населения, т.е. через 8-го. Если опустить крестьянское население, не пострадавшее, то городского в Крыму 300 тыс<яч>. Т.е. расстреливали через второго. А если оставить только интеллигенцию – то окажется, что расстреливали 2-х из 3-х.

Эта зима пала всей тяжестью на крестьянство. О людоедстве и прочем – см. мои письма, напечатанные Вересаевым в Мос<ковской> Понедельничей Газете[8] (хотя наиболее выразительные пассажи пропущены – напр<имер>, о расстрелах голодающих детей в порту).

Сейчас с голодом стало легче. Зато тиф принял формы остроты и интенсивности неслыханной, и эпидемия с летом не прекратилась и не ослабела. Холера растет с каждым днем и принимает молниеносный характер. Прививки обязательны, но делаются столь небрежно, что от них умирают. При отсутствии лекарств и при ужасающей грязи и насекомых повсюду, себе и представить нельзя, до чего это дойдет.

Последнее время я имел вести из-за границы. Там – в эмиграции меня, оказывается, очень ценят: всюду перепечатывают, цитируют, читают, обо мне читают лекции, называют единственным национальным поэтом, оставшимся после смерти Блока, и т.д., предлагают все возможности, чтобы выехать за границу. Но мне (знаю это) надо пребыть в России до конца (независимо от невозможности теперь покинуть маму). Мама очень и очень постарела, исхудала и одряхлела <за> эти годы. Ей все тяжелее двигаться и дышать. Тяжело жить в полном одиночестве. Но духом она бодра. Очень раздражительна. Но ко мне сравнительно благосклонна.

Страшно хотелось бы повидать тебя и Юлию Леонидовну.[9] В Москву совсем не тянет, особливо после восторженных рассказов Анны Владимировны[10] об московском благополучии. Да и другие письма из литературн<ых> кругов довольно расхолодили к центрам и к их интенсивной культурной жизни.

Крепко тебя обнимаю и целую. Привет Юлии Леонид<овне>, Екат<ерине> Иван<овне> и Парису.[11] Если удастся

что-нибудь продать из моих акварелей, посланных с Ан<ной> Влад<имировной>, пожалуйста, купи мне и пришли антиподагрических лекарств: иодистых препаратов в таблетках, уродоналу, пиперазину (не менее чем по 3 флакона). Моя болезнь затягивается все время из-за полного отсутствия лекарств.

MAX.

P.S. Очень прошу оговорить для меня 25 экземпляров моей монографии – авторских.[12]

Писать мне в Саки не стоит – через месяц или 1½ я вернусь и только тогда примусь за работу. Письма адресуй на д<ом> Айвазовского.

М.В.

[1] См. п. 187, примеч. 1. 8 июля 1922 г. К.В. Кандауров писал Волошину: «Сегодня встретил Г. <*так!*> Н. Кнебеля, и он ужасно огорчен, что Вересаев продал монографию о Суриков<е> Политпро<свету>. Он с помощью английского и немецкого капитал<а> опять начинает издательство и теперь не знает, что делать с книгой о Сурикове. <...> Напиши мне все подробно о случае с книгой Сурикова. Может быть, все это можно будет уладить. Политпросвет денег не имеет и вряд ли сможет достойно издать книгу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615). Попытки И.Н. Кнебеля возродить свою книгоиздательскую деятельность в 1920-е гг. успехом не увенчались.

[2] См. примеч. 6 к п. 197. 8 июля Кандауров писал Волошину в связи с замыслом издания книги о К.Ф. Богаевском: «Будь добр, пришли мне доверенность на получение денег и на заключение договора с Госуд<арственным> изд<ательством>, т<ак> к<ак>, хотя я еще и не решил, кто будет издавать монографию о К.Ф., но на всякий случай надо, чтоб не задерживать ход работы, иметь уже договор и взять аванс. Госуд<арственное> изд<ательство> платит не особенно много, но и это будет не дурно».

[3] Из двух своих ранее опубликованных статей о Богаевском Волошин, безусловно, подразумевает более позднюю, напечатанную в «Аполлоне» в 1912 г. (Т. 5 наст. изд. С. 164–182).

[4] А.М. Петрова.

[5] Замысел книги о Богаевском в соответствии с изложенным планом не был осуществлен.

[6] Волошин выехал из Феодосии 23 июля и, пробыв с 24 июля по 1 августа в Симферополе, приехал в Саки, видимо, 2 августа (Труды и дни-2. С. 161–162).

[7] Подразумевается первая зима после установления советской власти в Крыму: 1920–1921 г.

[8] Имеется в виду статья В.В. Вересаева «В Крыму» (см. примеч. 1 к п. 184).

[9] Ю.Л. Оболенская.

[10] А.В. Кандаурова.

[11] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[12] Подразумевается условие, оговариваемое в договоре на книгу о Богаевском.

199. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 20 июля 1922 г. Феодосия

Милая мама,

Посылаю тебе 3 мешка:

I мешок. Мука и картофель сухой = 3½ пуда.

II меш<ок>. Сахар 2 мешочка
Сало 2 коробки
Чай 2 бумаж<ных> мешо<чка>
Рис 2½ меш<ка>

= 4 пуда.

III Молоко 20 банок = 1 пуд.

Всего 8½ пудов, т.е. надо заплатить за перевозку 17 фунтов муки.

Это американские посылки. Малую часть я удержал у себя, как условлено.

Еду в Саки, вероятно, во вторник.[1]

Холера свирепствует в молниеносной форме. Город – раскален. Дышать нечем. Сыпняк косит.

До свиданья. Целую крепко. Очень тороплюсь.

MAX.

[1] Вторник – 25 июля. См. примеч. 6 к п. 198.

200. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

10 августа 1922 г. Саки

10/VIII 1922. Саки. Грязелечебница.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Ваше письмо от 11/VII меня захватило перед самым поездом в Саки. Спазмы многократного отъезда, миллионы дел в Симферополе в связи с отсутствием собственного угла, где бы я мог сосредоточиться хотя бы на пять минут, затем расслабление от ванн, потения и мигреней в Саках — вот причины запоздания моего ответа, в чем глубоко извиняюсь.

Как видите — я в Саках. Со Щербаком — ничего не вышло: я не получил ответа ни на одно письмо, ни на один запрос. В это время приехал в Феодосию т. Могильный (пом<ощник> Ц. У. К. К.), с которым поговорил уже Соловьев, и все было вырешено в тот же день.[1] Я попал как раз на последний сезон.

Спасибо за Ваше мнение о «Путях Каина» и еще более за критические замечания.[2] Вот ответ на все деловые запросы.

1) На урез 7 § из «Государства» — согласен.[3]

2) «Спички» — относится к рубрике «Государственных мануфактур».[4] Мысль о «патентованных наркотиках» — является в следующей строке.

Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак; —
Из патентованных наркотиков — газета
Есть самый сильно-действующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

Тут возможно *формальное* смешение понятий, но по существу дело ясно.

3) Последние четыре стиха «Пророка»:

«Ужель Вас ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля
И <в> сонмах солнц и не вспыхнуть новым солнцем <*так!*>
— Косматым сердцем Млечного пути?»[5]

Мысль о том, что моральная эволюция человека даст ответ о конечных судьбах Земли – застынет ли она Луной или разгорится солнцем, и этим станет центром Галактеи.

4) Моим *представителем* являетесь Вы, Викентий Викентьевич.[6] Соф<ье> Яков<левне> Парнок я дал, как Вы знаете, только текст книги «Неопалимая Купина» с правом его напечатать книгой или распределить по изданиям. Это было, когда у нас с Вами еще не наладились правильные сношения и Вы мне еще не предложили посылать Вам мои стихи. Все последующие я посылал только Вам. Материал, отданный Соф<ье> Яковл<евне>, я думаю, уже истощился и распределен. Но не имею об этом точных сведений, т<ак> к<ак>, очевидно, ряд ее писем и денежных посылок до меня не дошел. Вообще я кроме *первой посылки* через д<окто>ра Нания и аванса от изд<ательства> «Костры»[7] ничего в смысле денег *для себя* не получал (чужих через меня прошло много, лично же я получил за всю зиму около 10 мил<лионов> и существовал только пайками).

5) Шенгели *не является* ни в каком смысле моим представителем. Когда-то в 18 году еще он, уезжая еще при белых в Харьков, взял у меня много акварелей, но после не было ни слуху ни духу, ни о нем, ни об акварелях. Только теперь весною я получил от него предложение написать предисловие к его переводу Полного Собр<ания> Сочин<ений> Верхарна, ответил принципиальным согласием, но затребовал аванс и книги для работы.[8] Ни того ни друго<го> пока не имею и потому о работе еще не думаю.

6) Точно так же имею через *К.В. Кандаурова* предложение написать монографию о К.Ф. Богаевском для предполагаемого издания ее, если не ошибаюсь, Гос<ударственным> Издат<ельством>.[9] К этой работе отношусь более сериозно. Она у меня наполовину уже сделана.

7) Новые стихи у меня теперь все идут под знаком «Путями Каина». Я Вам пришлю еще ряд глав. Сейчас у меня нет их в переписанном виде и не было возможности переписать за это время.

Ну вот все дела. Да. Мой адрес. К концу сентября я вернусь в Феодосию,[10] и тогда снова д<ом> Айвазовского.

В случае же чего спешного, то лучше всего адресовать на Крым-Кубу[11] (Пушкинская 18, канцелярия Таврич<еского> Университета) – я выбран Феодос<ийским> Представ<ителем> Кр<ым->Кубу. Я пробуду до начала сентября в Саках, потом неделю в Евпатории и еще недели 2 в Симферополе.

Тому, что мои письма были Вами напечатаны, я очень радуюсь,[12] тем более, что местный «Кр<асный> Крым» их перепечатал со страшно негодующей статьей по адресу и Вашему и моему и всего Госыздата,[13] где, «не отрицая существования подобных фактов», ополчается против *тона* сообщений, находит его вполне «эмигрантским», требует к ответу весь Госыздат и горько упрекает за сокрытие положительных сторон – «героической борьбы с голодом». Поэтому я глубоко жалею, что пассаж о расстреле детей, собирающих кукурузные зерна, был выпущен, т<ак> к<ак>, сколько я знаю, это были единственные действительные меры против голода, т<ак> к<ак>, напр<имер>, Американское Кормление детей еще *до сих пор* не налажено по формальным предлогам, хотя питание уже давно привезено и доставлено. А дети продолжают умирать. В Феодосии сверх всего свирепствует холера. В других местах Крыма все имело гораздо менее острый характер. В Симферополе люди еще до того невинны, что считают людоедство мифом и поражаются, когда им показываешь медицинские протоколы.

Сейчас я физически изнываю от грязевых ванн и исхожу потом. Ни на какую работу не способен. Даже чтобы написать это письмо, мне понадобилось героическое усилие.

Привет Мар<ии> Гермоген<овне>.[14] Спасибо за память и заботу обо мне. Никогда без Вашей помощи я не попал бы сюда на лечение и надеюсь крепко на *излечение*.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 11 к п. 182. В письме от 11 июля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 331, л. 11–12 об.) Вересаев спрашивал Волошина: «Устроились ли Вы через Щербака? <...> то, что Вы пишете о Щербаке, что никто из феодос<ийских> врачей не знает о его заведовании, совсем меня смутило. Вчера уехал в Крым на отдых заместитель Наркомздрава Зинов<ий> Петр<ович> Соловьев <...>. Он мне

обещал в Крыму, на месте, устроить для Вас все, что возможно, для Вашего лечения». Упомянутое письмо Волошина к Вересаеву (со словами о Щербаке) неизвестно.

[2] Отзыв о цикле «Путями Каина» – в письме Вересаева к Волошину от 11 июля: «Мое личное мнение? Если бы это была теоретич<еская> статья, я бы возражал по всем пунктам, – или, точнее, по многим. Но в худож<ественном> произведении важно настроение поэта, а не теоретич<еские> обоснования. Читали мы вместе с Ив. С. Шмелевым, кот<орый> уже с марта месяца в Москве. Он уже очень отметил себе главы из цикла, уже напечатанные в “Красной Нови”, и пришли мы к заключению, что Вы – лучший из нынешних поэтов. Отдельные афоризмы, и очень многие, должны войти в поговорку. Вы, конечно, не комплиментов хотите, а искреннего мнения. Минус в “Пророке”, – что он часто вполне ощутимо поет голосом ницшевского Заратустры (не с голоса, а голосом). Не хотелось бы самой возможности каких-нибудь реминисценций».

[3] В том же письме Вересаев сообщал, что передал стихотворения «Государство» и «Пророк» (из цикла «Путями Каина») для публикации в «Красную Новь» – «хотя сильно сомневался, согласятся ли напечатать»: «Сегодня мне звонил Воронский, что с удовольствием напечатает, но просил разрешения выпустить § 7 из “Государства”. Вы, к сожалению, не пишете мне, уполномочиваете ли меня соглашаться на цензурные купюры, но этого места, несомненно, нигде не пропустят, и я условно дал согласие. Если не согласны, известите». Публикация этих стихотворений даже в усеченном виде в «Красной нови» не состоялась.

[4] В том же письме Вересаев недоумевал по поводу одной строки из 6-го раздела стихотворения «Государство»: «При перечислении наркотиков: “патриотизм, *спички* (?) и табак”». См.: Т. 2 наст. изд. С. 55.

[5] Волошин приводит заключительные строки стихотворения «Бунтовщик» («Пророк») с очевидными описками (см.: *Там же*. С. 38), в ответ на слова из того же письма Вересаева: «Как последние четыре стиха “Пророка” (о “косматом сердце Млечного Пути”)? Как мы прочли, получается что-то очень корявое и дребезжащее, – искажение особенно будет обидно в заключительном аккорде».

[6] Ответ на просьбу Вересаева в том же письме: «Устройте как-нибудь, чтоб у Вас для Москвы был один центральный представитель. А то и Парнок, и Шенгели, и я. Мне с месяц назад можно было бы хорошо и выгодно пристроить целый ряд Ваших стихов, но у меня не было. Я направил к Парнок, но уполномоченный редакции к ней не пошел, п<отому> ч<то>, говорит, неловко у ней просить Ваших

стихов, не прося ее, а ее он не соблазнялся. Пришлите мне на случай десяток-другой более или менее нейтральных стихотворений».

[7] См. п. 157.

[8] Из Полного собрания поэм Эмиля Верхарна в переводе Георгия Шенгели (М.: Гиз, 1922–1923) вышли в свет четыре тома – т. 2 (Вечера; Разгромы; Черные факелы), т. 3 (Призрачные деревни; Появившиеся на моем пути; Лозы моей стены), т. 5 (Галлюцинирующие селения; Города-спруты), т. 6 (Многообразное сияние). 29 апреля 1922 г. Шенгели писал Волошину: «В Государственном издательстве выходит полное собрание поэм Верхарна в моем переводе. В наборе находится пока двенадцать книг: три первых тома, "Города" и "Многообразн<ое> сияние". В коллегии был поднят вопрос о вступительной статье. Я, конечно, отказался писать таковую и настаивал, чтобы эта работа была предложена Вам. Со мной согласились и поручили мне запросить Вас о согласии. Статья должна быть размером в три-четыре листа, с таким скелетом: жизнь, творчество, поэтика. <...> В случае Вашего согласия будет немедленно переведен аванс – 25%» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290). После выхода в свет указанных четырех томов издания Шенгели вновь обратился к Волошину (16 июня 1923 г.), подтверждая прежнее предложение: «Верхарна перевел я 15 книг, из них вышло 9 – четыре тома; теперь работаю над остальными. Дело с Вашим предисловием к переводам затормозилось из-за отсутствия доверенности от Вас на заключение договора; принципиально же вопрос разрешен положительно» (*Там же*). Однако издание осталось незавершенным и руководители Государственного издательства в договорные отношения с Волошиным не вступили.

[9] См. примеч. 6 к п. 197, примеч. 2 к п. 198.

[10] Эти планы были скорректированы, Волошин вернулся в Феодосию только 1 декабря 1922 г.

[11] КУБУ – Комиссия по улучшению быта ученых.

[12] См. примеч. 1 к п. 184. В цитированном выше письме к Волошину Вересаев сообщал: «Я поместил в понедельничной газете ряд выдержек из Ваших писем и писем Мар<ии> Ал<ексеев>ны Новицкой о голоде в Крыму. Надеюсь, не будете на меня в претензии, – Вы как-то сами просили меня, что можно, сделать в этом отношении. О стрельбе по детям тоже было, но это вычеркнула цензура».

[13] Имеется в виду статья А.В. Голдобина «Медвежья услуга», напечатанная в газете «Красный Крым» 16 июля 1922 г.

[14] М.Г. Смидович.

201. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

27 августа / 9 сентября 1922 г. Симферополь[1]

27/VIII 1922.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

позвольте мне познакомить Вас с замечательной русской писательницей Софьей Захаровной Федорченко, автором лучшей книги о Европейской Войне («Народ о войне»).[2] Если бы я был уверен, что эта книга, вышедшая в Киеве, была у Вас в руках, то мне, конечно, не надо было бы ее рекомендовать Вам, но можно ли быть в этом уверенным при тугости современного книжного обмена? Прошу для нее всяческого Вашего внимания.

Максимилиан Волошин.

[1] В Симферополь Волошин приехал 9 сентября 1922 г. после курса грязелечения в Саках, законченного 2 сентября, и пребывания в Евпатории (2–8 сентября), где он познакомился с С.З. Федорченко (Труды и дни-2. С. 164).

[2] Имеется в виду первая часть книги Федорченко – «Народ на войне. Фронтовые записи» (Киев, 1917).

202. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

10 сентября 1922 г. Симферополь

10.IX.1922.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Г.Н. Кошелева приехала в Саки и передала мне Ваше письмо и деньги полностью (прилагаю расписку).[1] Большое, большое спасибо.

Сейчас мое положение таково: лечение в Саках закончено. Судить о результатах его нельзя, т<ак> к<ак> оно нормально приводит к обострению болей (есть), и улучшение наступает месяца через полтора. Сейчас пишу из Симферополя, откуда меня направляют в Севастополь в Институт

физических методов лечения (к проф. Щербаку) для теплых морских ванн и электризации. Там же встречу и Сергеенку.[2] Отношение ко мне в ЦУКК'е самое милое и предупредительное благодаря распоряжению Зин<овия> П<етровича> Соловьева, с которым мы повидались в Саках.

У меня есть надежда, что я по приезде все же уговорю Пра отпустить меня на несколько месяцев в Москву и, вероятно, приеду в середине зимы до весны. Откладываю все до середины зимы потому, что хочется использовать осень для работы и, главным образом, для того, чтобы дописать книгу «Путями Каина». Я ее весною считал уже почти дописанной. Но потом увидал, что необходимо написать по крайней мере еще 6—7 глав. Поэтому пока не могу еще принять предложение Воронского, за которое очень ему благодарен, ни взять аванса: всегда остерегаюсь это делать, пока рукопись у меня не закончена.[3] С этим же письмом посылаю еще 3 главы той же книги для «Красной нови».[4]

Читал здесь (в Симферополе и Евпатории) ряд лекций.[5] Материальный успех – малый. Шуму – очень много. В Евпатории было острое столкновение с военной цензурой, которое чуть не привело к аресту моему и устроителей лекции, но завершилось исключением цензора из партии, смещением его с должности, т<ак> к<ак> партийный комитет принял мою сторону, а у него (он – капельмейстер) оказалась в прошлом музыкальная композиция «В честь коронования их императорских величеств». Город был мне очень благодарен, т<ак> к<ак> он, в качестве цензора, запрещал романсы на пушкинские слова («Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной») – т<ак> к<ак> «отношения советской власти к Грузии еще не определены»,[6] и арию Шемаханской царевны (потому что царевна)[7] и т.д. И вообще был человек крайне тупой, невежественный, злой, упрямый и мстительный, и устранение его – серьезная услуга, оказанная Евпатории.[8] Но административно – случай курьезный: смещение военного цензора при Особом отделе за то, что он не хотел разрешить чтение стихов, находящихся на самой грани цензурной дозволенности (а временами и за нею): и после этого есть еще люди,

которые утверждают, что в советской России нет полной свободы слова и мнения?!

Чем вызвана опала и ссылка писателей и профессоров[9] вне официально опубликованных причин? Логически она разумна, мера воздействия, с известной точки зрения, даже приятная, но принесет ли практические выгоды? Это, безусловно, почетный остракизм. Будут ли исходить опалы из Москвы или и провинция получит свою долю? Имеются ли у меня шансы?

Нет, сейчас не смогу послать стихи. Сию минуту в Симферополе не располагаю ни письменным столом, ни минутой свободного времени. Пришлю из Севастополя с первой же оказией.

Вы писали мне, что Воронский обещал прислать мне «Русскую мысль» со статьей обо мне. Я очень жду ее.[10]

Привет Марье Гермогеновне[11] и спасибо ей за ласковые слова.

Это письмо передаст Вам Софья Захаровна Федорченко, которую очень рекомендую Вам и Марье Гермогеновне как редко талантливого человека и действительного знатока народной речи. Помогите ей ориентироваться в Москве,

С очень большим интересом слежу за Вашим романом и жалею, что он появляется так отрывочно.[12]

Опять начинаются осложнения с академическими пайками для писателей: они и раньше приходили очень нерегулярно, с задержанием на несколько месяцев, а теперь на зиму рискуют совсем прекратиться. Университетские же академические пайки идут регулярно. Нельзя ли заблаговременно нажать, где следует? Иначе зимой опять начнется умирание от голода и отчаянья. До свидания. Пишу наскоро и несвязно, ибо раздираюсь.

Максимилиан Волошин.

[1] 24 августа 1922 г. Вересаев писал Волошину из Москвы: «На днях была у меня г-жа Кошелева и принесла записку от Вас. На днях она едет в Саки, – посылаю с нею Вам деньги – 130. 050 тыс. Это – гонорар за “Государство” и “Пророка” по 450 тыс. за стих, – максимум, что мог выторговать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 13).

[2] П.А. Сергеенко жил в это время в Севастополе, где организовал музей Л.Н. Толстого.

[3] В цитированном выше письме к Волошину Вересаев сообщал: «Воронский основывает полу-частное издательство и очень хотел бы в нем целиком издать “Пути Каина”, и порывался даже послать Вам аванс. Но из последнего Вашего письма я узнаю, что поэма Ваша еще не кончена. Когда рассчитываете кончить? Если скоро, то вытребую с него аванс».

[4] В «Красной нови» публикация этих «глав» не состоялась.

[5] В Симферополе прошли публичные вечера творчества Волошина 30 и 31 июля 1922 г., в Евпатории в начале сентября состоялись четыре его выступления (Труды и дни-2. С. 161, 164).

[6] Грузинская ССР, образованная 25 февраля 1921 г., с 12 марта 1922 г. входила в Закавказскую федерацию республик Азербайджана, Армении и Грузии.

[7] Шемаханская царица – персонаж оперы Н.А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» (1909) на сюжет «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина.

[8] Речь идет о военном цензоре Шницере.

[9] В цитированном письме к Волошину Вересаев сообщал: «В понедельник <28 августа. – *Ред.*> высылается за границу целый ряд писателей и ученых за несочувственное настроение по отнош<ению> к советской власти, среди них – Бердяев, Осоргин, Кизеветтер, Степпун, Шпетт, адвокаты Муравьев, Тагер, Жданов, и мн. др., много профессоров». (Упомянутые Вересаевым Г.Г. Шпет и А.С. Тагер высланы не были, впоследствии расстреляны.) Всего осенью 1922 г. из Петрограда на пароходах «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен» были депортированы более 60 русских мыслителей, политических деятелей, писателей, ученых, инженеров, кооператоров. Свод документальных материалов об этом – в кн.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005.

[10] 11 июля 1922 г. Вересаев писал Волошину: «Воронский мне сказал, что в апрельской книжке “Русской Мысли” напечатано неск<олько> Ваших стихотворений (“Дикое поле” и др.) и заметка, где Вы восхваляетесь за православное христианство. Обещал мне прислать эту заметку, я Вам ее перешлю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3,

ед. хр. 313, л. 11 об.). На просьбу Волошина Вересаев ответил только 14 декабря 1922 г.: «Да! “Русскую Мысль” с отзывом о Вас кто-то унес у Воронского, и он очень сконфужен, что не может ее Вам передать (это было еще летом, я Вам забыл написать)» (*Там же*, л. 15 об.). В журнале «Русская Мысль» (Прага) в № 1/2 за 1922 г. были напечатаны стихотворение Волошина «Дикое Поле» (С. 53–55) и статья П.Б. Струве (за подписью: Н) «“Русь” Максимилиана Волошина» (С. 332–342), в которой говорится о создании в поэзии Волошина «религиозного святорусского образа Китежа».

[11] М.Г. Смидович.

[12] Имеется в виду роман Вересаева «В тупике», 1-я часть которого была опубликована в «Красной нови» в № 4 (июль – август) за 1922 г., отрывки были напечатаны в «Южном альманахе» (Кн. 1. Симферополь, 1922) и в художественных альманахах «Наши дни» (№ 4, 5. М., 1922). В основе его сюжета – исторические события, разворачивавшиеся в Крыму во время революции и Гражданской войны.

203. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

9–17 сентября 1922 г. Симферополь

9/IX 1922. Симферополь.

Дорогая Маруся,

Я кончил курс лечения в Саках, прочел 4 лекции в Евпатории и теперь снова в Симферополе проездом в Севастополь, где буду еще долечиваться в Инстит<уте> Физичес<ких> Метод<ов> Лечения. А оттуда морем в Феодосию.

Результаты грязевого лечения благоприятны, т.е. все боли сейчас стали гораздо сильнее, чем были, как по-медицински и полагается для излечения. Только с сердцем вышел скандал: перед началом лечения были на осмотре констатированы шумы, а при окончании сердце оказалось совсем здоровым и шумов отыскать не могли никак, что противоречит нормальному действию грязей, т<ак> к<ак> сердцу полагается портиться, а у меня оно излечилось.

После этого съездил в Евпаторию на неделю.[1] Где из-за лекций и стихов выдержал большую баталию с военным цензором, настолько острую, что он грозил арестовать и меня, и

устроителей лекции, но все окончилось тем, что *я* уволил его от должности: один из величайших курьезов советского административного порядка.[2]

Евпатория принимала меня с редким гостеприимством. Сейчас я опять в Симферополе и разрываюсь на тысячу кусков.

В Саках все время лечения продолжалась глубокая физическая расслабленность и полное духовное отупение, т<ак> что о работе нечего было и думать, даже писем писать невозможно. Я написал за все время только 2 письма: одно из Симферополя, другое из Сак: оба были отправлены* на имя Нелли.[3] Получил за это время тоже лишь 2 письма, что меня уже дожидались в Саках, когда я приехал, и больше ничего. И потому спокоен — значит, ни с кем ничего не случилось, и Пра благополучна.

Деловые просьбы:

1. Я просил тебя выслать в Симферополь мое пальто. Т<ак> к<ак> до сих пор его нет (потому ли, что письмо не дошло, или было невозможно), то не высылай его. Я сейчас уеду в Севастополь и в Симферополь не вернусь. Оно пропадет.

2. Пожалуйста, зайди в *Загот<овительную> контору* (на Крепостной ул. рядом с мужск<ой> гимназией) с двумя доверенностями, что посылаю тебе, и получи мои академические пайки (пусть их довезет Иван[4]).

3. Скажи Мусе Новицкой, что американ<ские> пайки для писателей, о котор<ых> я писал с Гончаровым, лежат до сих пор в Симфер<ополе>, т<ак> к<ак> Гончаров их не взял. Теперь мне обещал их переправить Гумницкий. Они будут доставлены прямо в д<ом> Айвазовского.

Я опять разрываюсь в Симферополе, т<ак> к<ак> я в прошлый приезд не успел и половины моих знакомых повидать.

Здесь я, оказывается, имею большое влияние на всю молодежь. Приходится опасаться того, что раз высылки писателей пойдут по всей России, то это коснется и меня.[5]

---

* *Далее вымарано несколько слов.*

Просьба 4:

Скажи Мусе Новицкой, чтобы она передала спешно всем, получающим акад<емические> пайки, т.е.: Богаевскому, Цераским, Манасеиной, Соловьевой, Новицким, Галабуцкому, Виганд, Герцык Ев<гении> Каз<имировне>, Бутковой, чтобы они немедленно написали *анкеты* для К.У.Б.У. по обычному типу (в 3-х экземплярах) и отправили сами в Москву на имя Халатова или Шпаро в К.У.Б.У., чтобы они были до 1 октября. Необходимо как можно подробнее перечислить *труды*. Иначе все рискуют быть лишенными пайков.

Теперь мой адрес до конца сентября будет: Севастополь. Институт физических методов лечения.

Потом я вернусь морем с заездом в Ялту, где хочу прочесть лекцию, узнать о своих родственниках Ляминых и повидать Булгакова.[6] До свидан<и>я.

Максимилиан Волошин.

17/IX 1922.

Пишу из Симферополя, где опять <?> ночую у Владим<ира> Дионисовича.[7] Он поправляется от тифа.

<*Приписка <?> на отдельном листе*>

Милая, милая Маруся, еще несколько слов с тобой наедине.

Помню и молюсь о тебе непрестанно, когда бываю один. Т.е. когда куда-нибудь иду. Писать письма совсем не могу. Все время переполнено людьми.

Как много прекрасных людей на земле, и какая полнота жизни теперь во всех. Беспокоит, почему не пишешь после первых двух писем в Саках.[8] Ты ли не получила ни одного моего письма, я ли не получаю твоих... М<ожет> б<ыть>, совсем не надо было бы писать.

Пусть тебе будет тихо и радостно. Обнимаю и целую крепко.

МАХ.

[1] См. примеч. 1 к п. 201.

[2] См. п. 202, примеч. 8.

[3] Нелли – Елена Михайловна Соколова, библиотекарь, харьковчанка. Отправленное в конце июля из Симферополя на ее феодосийский адрес письмо Волошина к М.С. Заболоцкой не сохранилось (Труды и дни-2. С. 162).

[4] Дворник.

[5] См. примеч. 9 к п. 202.

[6] Встреча с С.Н. Булгаковым не состоялась: 13 октября 1922 г. он был арестован в Ялте и 21 октября доставлен в тюрьму ГПУ в Симферополе, после чего выслан из Советской России (отплыл с женой и детьми из Севастополя в Константинополь 27 декабря 1922 г.).

[7] Фамилия этого жителя Симферополя не установлена.

[8] Подразумеваются письма М.С. Заболоцкой от 24 июля и от 29–31 июля 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 1–7 об.).

204. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

17 сентября 1922 г. Симферополь

17/IX 1922. Симферополь.

Милая Маруся,

Сегодня я послал тебе письмо с оказией,[1] но на всякий случай хочу повторить некоторые деловые просьбы.

1). Я тебя просил о том, чтобы послать мне мое пальто в Симферополь. *Теперь – не надо.* Я из Севастополя проеду прямо морем, не заезжая в Симферополь, и его не смогу получить. Пропадет. А уезжаю – завтра. 2). В течение недели мне на квартиру будет доставлено 9 ящиков продуктов и мануфактуры для писателей, получ<ающих> академический паек (Цераский, Богаевский, Новицкий, Галабуцкий, Манасеина, Соловьева, Е. Герцык, Буткова, Спендиаров, Волошин, Виганд – всего 11 человек). Все должно быть поделено поровну, а мануфактура по соглашению и жребию. Это, пожалуйста, передай Мусе Новицкой.

3). Эти же писатели должны немедленно написать свои анкеты снова (особенно подробно – свои произведения) и материальное положение, и выслать сами <в> Москву КУБУ

Халатову, чтобы анкеты были там до 1-го октября. Это тоже через Мусю. От этого зависит получение академического пайка.

4). Будь добра сходить в Загот<овительную> контору (рядом с бывш<ей> мужск<ой> гимн<азией>) и получить по прилагаемой доверенности мой академич<еский> паек за 2 или за 3 месяца.

5). То же сделать в АРА – если это еще не сделано раньше (я не знаю, получались ли мои предыдущие письма).

6). Пайки мои поручишь перевезти Ивану и поставишь мне в комнату.

Обо мне:

1). Я кончил грязевое лечение в Саках. Сейчас обострение. Следователь<но>, все идет нормально. Сердце вместо того, чтобы испортиться, – поправилось.

2). Прочел 4 лекции <в> Евпатории.

3). Нахожусь в Симферополе у Влад<имира> Дионис<овича>. У него рецидив брюшн<ого> тифа.

4). Завтра еду <в> Севастополь Инстит<ут> Физич<еских> Метод<ов> Лечения (это адрес для писем). На две недели. Вернусь с заездом <в> Ялту.

Вот – необходимое – деловое. В прошлом письме было тоже письмо для Пра.[2] Я получил твои 2 письма в Саках.[3] Писал 1 р<аз> из Симферополя, 1 раз из Сак (большое), 2 из Симферополя. Ничего не спрашиваю, потому что думаю, что увидимся раньше, чем получу ответ.

Забегиваюсь я в Симферополе, как маленький щенок. Сейчас 2 ч. ночи. Влад<имир> Дионис<ович> в жару в соседней комнате, а в квартире опять именины. В Клиническом городке это раза 3 в неделю.

Спать, значит, опять нельзя до рассвета. Очень утомительно. Совсем не понимаю, как это медперсонал выдерживает столько веселья. Я очень устал.

Мне хочется, вернувшись в Коктебель, провести конец осени в работе до самой зимы. А зимой хотелось бы все же съездить <в> Москву, если только Пра отпустит. В сущно-

сти это необходимо — как для издания моих стихов, так и для утверждения моего положения, ибо если только высылка писателей распространится и на провинцию — мне в Крыму несдобровать. А я теперь смогу обеспечить Пра на зиму и провиантом, и деньгами.

Крепко обнимаю и целую тебя. МАХ.

Милая Маруся, когда я пишу тебе — мне все время вспоминается твое отчаяние при получении письма от Ольги Васильевны[4] — на его сухость. Но мне все чудится, когда я пишу тебе, что мы с тобой говорим и видимся на людях, потому, верно, что я живу все это время окруженный толпой людей и принадлежу всем им, первому встречному — только не себе, и не могу говорить с тобой так, чтобы мне не казалось, что нас не подслушивают.

[1] См. п. 203.
[2] Указанные письма, видимо, не дошли до адресатов.
[3] См. примеч. 8 к п. 203.
[4] Фамилия этой знакомой М.С. Заболоцкой не установлена.

205. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

Около 20 сентября 1922 г. Севастополь

Севастополь I-ая Санатория № 18.[1]

Милая, милая Маруся,

приехав в Севастополь, нашел в Инст<итуте> Физич<еских> Метод<ов> Лечения твое письмо, что ждало меня, и вот еще второе привез Магула.[2] С ним же посылаю ответ. Опять спешу, опять «время иссякло», и раздираюсь людьми, и ничего не успеваю.

Дело в том, что только здесь в Ин<ституте> Ф<изических> М<етодов> Лечения меня, наконец, осмотрели и проанализировали подробно и добросовестно и сказали, что мне надо очень сериозно лечить мою руку, иначе я совсем лишусь ее. Принялись тоже и за мои мигрени и астму. Назначили

сразу четыре курса лечения и сказали, что раньше месяца ни в коем случае не отпустят. Так что мне сейчас не вернуться. Ты пишешь, что мне необходимо воротиться как можно скорее? Психологически понимаю. Но есть ли настоятельные причины все бросить и ехать, не зная, удастся ли возобновить лечение?

А в Ялте остановиться (между двумя пароходами[3]) хочу потому, что там живут мои кузины — Лямины, последние наши родственники, что остались в живых. С ними я вырос. Их материальное положение, вероятно, очень скверно. Это единственные близкие Пра люди, которые могли бы поселиться с нею (она их любит) и вообще могли бы поселиться в Коктебеле. Пра об этом и слышать не хочет, когда говоришь с нею (как о Даше прошлой зимой[4]), и находит массу практических невозможностей очень логических и вполне иллюзорных.[5] Но я хочу все-таки помимо ее столковаться с ними и поставить ее лицом к лицу с совершившим<ся> фактом, если все это окажется исполнимо. Т<ак> к<ак> нельзя же оставлять Пра в ее диком одиночестве, и не могу же быть прикованным к Коктебелю вечно.

Поездка в Москву является для *меня* необходимой: как для писателя, как для поэта. Мои стихи, как теперь мне ясно, — всем нужны и очень настоятельно. Об этом говорят мне все приехавшие из Москвы. Без меня они изданы быть не могут. А их нужно издавать теперь же. Это важно и морально (вся моя работа духовная этих лет может сгинуть, если я вовремя не скажу своего слова) и материально (реализация всего моего труда). А я знаю, что этой зимой, конечно, меня Пра не выпустит после моего отсутствия теперь. А я, уверяю тебя — времени не терял: самое большее неделю изо всего срока (на задержки передвижения и личные свидания). А остальное время только лечение и лекции, которые важны не только морально, как мой долг, но и материально: без этого заработка я не мог бы здесь просуществовать и, кроме того, надеюсь привезти денег на покупку дров на зиму. А откуда бы я их иначе бы взял? Все это неизбежно. И вот теперь задерживаюсь. Но как же быть иначе?

Приехавши, я, конечно, прямо пройду в Коктебель и сяду работать. Это мне сейчас самое важное. Мне необходимо теперь же закончить «Путями Каина» и записать еще многое сформулировавшееся в душе. И это раньше какой бы то ни было поездки. Вообще о поездке в Москву *думаю*, но это не раньше весны. Но нужно же Пра как-нибудь устроить — а отсюда необходимость хоть 3 дня оставить еще на Ялту и на Ляминых. Я очень боюсь, что замер<з>ну на возвратном пути — ведь я уехал, не захватив ничего теплого. Я просил тебя (в тех письмах, что ты не получила) прислать мне пальто, что осталось в Феодосии (шкаф) (берет и фуфайку — что в саквояже под кроватью) в Симферополь, но ты не получила. Б<ыть> м<ожет>, окажется возможность прислать их в Севастополь? Но только с верной оказией. (Адрес тогда: Екатерининская, Толстовский Музей на имя Петра Алекс<еевича> Сергеенко). А если не будет *верной* оказии, то лучше совсем не присылать.

Доверенность на получение писем и, на всякий случай, пайков — прилагаю. Пересылать их сюда не стоит.

Улучшение общих болей пока еще не чувствую; идет все обострение, и весною, когда мы ходили в Коктебель, мне было гораздо лучше. А рука все время прогрессивно слабеет, т<ак> что ее необходимо захватить и не дать совсем отсохнуть. Работать, конечно, здесь нельзя. ½ дня занимает лечение, а остальное время расхватано людьми. Я вижу ежедневно и по всем, как стихи мои сейчас нужны. Как разные люди из литературного центра, которые были всегда враждебны мне, вдруг подходят ко мне. Но это вовсе не заставляет меня желать совсем уехать в Москву. Мне надо только на время, а потом — снова в Уединение в Коктебель. Если ты говоришь об этом с Пра, — подготовь ее, объясни ей, что это не мой каприз, не удовольствие личное, как она считает, а необходимость. Что я вовсе не буду сейчас же стремиться прочь из Коктебеля, т<ак> к<ак> мне надо туда ехать с законченными книгами стихов для издания.

Я писал почти все письма именно на имя Елены Михайловны[6] и всюду писал и ей отдельно. Почему она уезжает в Харьков? Мне жаль, если не застану ее.[7]

Получила ли Пра какие-нибудь мои письма? А Женя?[8] Я всем писал ведь. А получал только твои и, наверное, не все. (2 нашел в Саках, одно в Ин<ституте> Физ<ических> Мет<одов> Леч<ения> и одно привез Магула).

Относительно академ<ических> пайков: я написал все Мусе Новицкой (в письме, что у Магулы). Но она уехала. Тогда возьми письмо, адресованное ей, и вскрой его — оно исключительно деловое.

Необходимо всем академистам (Богаевский, Галабуцкий, Цераский, Е.В. Виганд, Буткова, Спендиаров, Новицкий, Евг. Герцык, Соловьева, Манасеина — всего 10 челов<ек>) составить вновь анкеты с подробным исчислением своих работ (по 3 экземпл<яра>) и направить *сейчас же* в Москву в Ц.К.У.Б.У.[9] Я об этом уже раньше писал.

Ящики (4), привезенные Гончаровым, лучше погодить делить до моего приезда, а остальные (7) доставит *Гумницкий*.

Милая Маруся, не было еще ни одного дня, несмотря на всю суету, чтобы я не думал о тебе и не молился бы за тебя, ложась спать и просыпаясь утром. Крепко обнимаю тебя и крепко целую. Мне бы хотелось принести в твою жизнь только творческую радость и никогда не причинять боли.

Получала ли ты это время письма от Ольги Васильевны?[10] Христос с Тобой.

МАХ.

[1] Волошин выехал из Симферополя в Севастополь около 18 сентября 1922 г.

[2] Подразумеваются письма М.С. Заболоцкой из Феодосии от 12 августа и от 13 сентября 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 8—10 об.). Во втором письме она признавалась: «...потерялись в ожиданиях, догадках и толках. Я, лично, Вас уже не жду. Знаю, что Вы “прохожий, близкий всем — всем чужой”. Так чего ж ждать?»

[3] Т.е. между прибытием парохода из Севастополя и отбытием парохода в Феодосию.

[4] См. п. 168, 169, примеч. 5 к п. 170.

[5] Свое мнение относительно переезда Ляминых Е.О. Кириенко-Волошина высказала в письме к Волошину от 1/14 октября 1922 г.: «...не думаю, чтобы они и сами захотели переселиться в коктеб<ельскую> глушь, где у них не будет никакого заработка, а

придется всем 4<-м> сидеть на нашем иждивении, который совсем не так велик, чтобы хватил<о> его на 6 человек; а ведь кроме еды нужно еще всем отопление и освещение, ибо им пришлось бы жить зимой в комнатах под твоей мастерской» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 86–87).

[6] Е.М. Соколова.

[7] М.С. Заболоцкая писала Волошину 13 сентября: «Нелли уезжает в Харьков <...>, а я превратилась в былинку от тоски по Вас <...>».

[8] Евгения Николаевна Ребикова (1895–1977), племянница композитора В.И. Ребикова, художница.

[9] Центральная Комиссия по улучшению быта ученых.

[10] См. примеч. 4 к п. 204.

206. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 20 сентября 1922 г. Севастополь

Милая мама,

из письма Маруси[1] я понял, что мои письма не доходят по адресу, и возможно, что ты еще ни одного моего письма не получила. Так имей же в виду, что я за это время писал тебе 3 раза.[2]

Сейчас я в Севастополе. И меня здесь задерживают еще на месяц, т<ак> к<ак> нашли мое состояние (правая рука, мигрени, астма) нуждающимся в более долгом и тщательном лечении. Здесь в первый раз меня сериозно и подробно исследовали и принялись за меня вплотную.

Сакское лечение вызвало очень сильное обострение болей. Говорят – так и нужно и что облегчение наступит не раньше, чем через 1½–2 месяца. А пока меня лечат и диатермией, и какими-то разрядами, и гальванизацией и ваннами, чтобы приостановить быстро увеличивающуюся атрофию руки. Лечение пока еще слишком непродолжительно, чтобы дать результаты. Задерживают меня до ноября. Вернувшись – я приеду сейчас же в Коктебель – работать. Мне надо будет очень много написать этой зимой и вполне – с головой отдаться работе. Сейчас мне совсем невозможно отдаться

работе и при санаторной обстановке, и будучи захваченным и растрепанным людьми.

Лечение меня задерживает гораздо больше, чем я думал. Но это «force majeure»,* т<ак> к<ак> положение руки серьезнее, чем я думал.

Я читаю лекции и кое-что зарабатываю. Надеюсь, что удастся привезти в Коктебель миллионов 150 – для того чтобы купить дров. Здесь в Севастополе встречаю массу знакомых. Так встретил умершую два года назад Гришку (Софью Григорьевну Пшуль), которая не умерла, но вышла замуж. Но ей все же очень плохо (туберкулоз). Тебе кланяется и приветствует.[3]

Узнал, что Валя Селезнев убит, а Дима жив, но неизвестно где.[4]

Тебя очень приветствует Люся Говорова и девочки Изергины.[5]

До свиданья. Крепко тебя целую. Пишу очень торопясь, т<ак> к<ак> есть верная оказия переслать это письмо.[6]

МАХ.

[1] М.С. Заболоцкая.

[2] Имеется в виду время пребывания Волошина в Саках и Симферополе (с конца июля 1922 г.). Ни одного из его писем к Е.О. за это время в архиве не отложилось.

[3] В ответном письме от 1/14 октября 1922 г. Е.О. замечала: «Не помню никакую Гришку, а фамилии ее не разобрала» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 86–87).

[4] Сыновья В.О. Селезневой (урожд. Вяземской) – офицеры Добровольческой Армии В.Д. Селезнев и Д.Д. Селезнев.

[5] Сестры Мария Николаевна Изергина (1904–1998), позднее пианистка, и Антонина Николаевна Изергина (1906–1969), позднее искусствовед, жена И.А. Орбели.

[6] Письмо было отправлено с Г.А. Магулой (вместе с п. 205). 1/14 октября 1922 г. Е.О. сообщала Волошину: «...твою записку, посланную с Магула, принесла мне сегодня Маруся, с которой я очень сдружилась, полюбила ее, она хочет прожить со мной всю зиму, чем я бесконечно, неописуемо рада и довольна». На этом письме Е.О. М.С. Заболоцкая сделала приписку: «Беспокоит меня твоя рука и то, что ты без пальто. Христос с тобою, я вся полна тобою, мой любимый».

* Неустранимая помеха *(фр.)*.

207. Е.С. ЛЯМИНОЙ

Около 10 октября (?) 1922 г. Севастополь

Севастополь. Санатория I. № 18.

Милая Леля,

позволь тебя познакомить с Анатолием Григорьевичем *Кореневым* – моим очень старым другом.[1]

Я (м<ожет> б<ыть>, это доходило?) болен уже год (полиартрит) – следствие 20/21 г. зимы. Сейчас в Севастополе в Ин<ституте> Физ<ических> Мет<одов> Лечения (до конца октября). Хочу, возвращаясь в Феодосию, заглянуть в Ялту, чтобы повидаться.[2] Стремился уже давно. В позапрошлом не мог по причинам письменно несказуемым, а в прошлый – весь пролежал по санаториям.

Мама очень состарилась, и ее энфизема очень пошла вперед. Но дух бодр.

Эту зиму провела совсем одна во всем доме. (Я лежал в Феодосии.) Ела орлов, которых ей ловила Антониха (колдунья). Нас не ограбили и не разорили. Но всё в состоянии полнейшего упадка.

Напиши мне, если успеешь, в Севастополь о себе и о Любе.[3] Остановлюсь у Коренева в музее.[4]

Боюсь только, что экстерно <*так!*> вызовут в Коктебель, т<ак> к<ак> мама уже обнаруживает признаки нетерпения из-за моего долгого отсутствия.

Крепко обнимаю, целую тебя, Любу, Тамару, Виктора.[5]

MAX.

[1] С А.Г. Кореневым было передано это письмо.

[2] Волошин пробыл в Ялте с 23 по 29 ноября 1922 г.

[3] Сестра Е.С. Ляминой Л.С. Лямина (в замужестве Шмелева).

[4] Е.С. Лямина отвечала 3 ноября 1922 г.: «Страшно радуемся твоему приезду, так хочется о многом поговорить. О твоей болезни, конечно, слыхали. В газетах было сказано, что ты лечишься в Саках. <...> Нам очень хотелось бы, чтобы ты остановился по-старому у нас, но настаивать на этом не решаемся, т<ак> к<ак> боимся, что тебе может быть у нас плохо при нынешних условиях. <...> Моя комната

к твоим услугам. Я живу теперь не дома, работаю в "Доме Подростков"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 803, л. 49).

[5] Дети Л.С. Шмелевой Тамара Владимировна Шмелева и Виктор Владимирович Шмелев (1905–1986), впоследствии бухгалтер.

208. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

20–22 октября 1922 г. Севастополь

20/X – 22. Севастополь. 1-ая Санатория (№ 18).

Маруся, милая моя Маруся, – твое письмо мучительно-радостное и близкое.[1] Оно было со мною весь вечер. Но я не мог прочитать его – на людном вечере, где я должен был говорить, читать... И ждал остаться с ним... Как свидания... Сейчас я один в палате, и точно в первый раз за все эти месяцы я с тобой наедине. Ведь каждый раз, как я получал, когда писал тебе, – я был на людях. Это и чувствовалось в моих письмах. Милая Маруся, все, что ты пишешь о Коктебеле, о том, чтобы тебе остаться на зиму – все это так хорошо, и я сам об этом мечтал, но не хотел ни тебя сам просить об этом, ни сказать Пра (тобою боялся злоупотребить – знал, что не откажешься, – а про Пра – боялся, что заупрямится). А теперь – ты сама пишешь, и Пра сама хочет, и ты еще спрашиваешь, «соглашусь» ли я? Да как же мне не быть согласным, когда я сам об этом мечтал все время. Не отпуск бери, а, конечно, совсем брось всякую службу. На 7 пайков мы проживем всю зиму втроем и дров купим. Будем существовать на избытки моей славы. Я хочу быть всю зиму в Коктебеле, и мне надо очень много написать стихов. А весною поеду в Москву и там много заработаю: мне надо привести в порядок все мои литературные дела и сделать издание всех моих стихов.

Ты мне очень, очень много поможешь зимой в работе, если только согласишься и научишься писать на машинке.

Маруся, ведь не было ни одного дня, когда бы я с тобой не был это время, и ни одного вечера, и ни одного утра, когда бы я за тебя не молился и не крестил бы тебя. А молился я всегда о том, чтобы через меня в твою жизнь вошла бы только радость

и никакой печали и горя. Но боль.... боль будет – молись не молись – потому что ты умеешь любить только с болью.

(«Минутна боль – бессмертна жажда муки!»[2])

Тоску и томление твое чувствую и чем дальше – все острее... и меня тянет к тебе, как тянуло летом.

Но... Маруся, милая, только одно: *мы* не должны предать Женю.[3] Все время передо мной таким же непримиренным стоит этот вопрос, как стоял летом. Пойми меня: ты для меня – человек взрослый, такой, какого мне теперь надо в жизни, такой, который меня может научить, как надо людей любить (а мне сейчас надо стольких любить, стольких вести – это без моей воли). В тебе есть та мучительность любви, которая меня всегда неотвратимо привлекала к себе (б<ыть> м<ожет> потому, что во мне самом ее слишком мало). А Женя – дево<ч>ка (моложе, чем должна быть по годам). Она ужасно теоретична, исполнена жажды жизни, опыта, знания. Хотела учиться у меня. Хотела со мною переступить грань человеческого опыта. Остальное ты знаешь. Наши дни – последние в Коктебеле – были мучительны, безвыходны и недостойны нас. То, что я говорил, что мы делали после – невозможно. Мы с тобой не удержимся на грани. Это неверно все. Мы с тобой уже связаны и плотью, и духом.

Тот ущерб, который наносили мы, должен быть *покрыт* любовью. Мы ее должны *усыновить*. Вот единственный выход.

Я не знаю, что сейчас с нею. Я ей писал несколько раз, но ничего от нее не получал.

Сегодня мне сказали, что меня ищет приехавшая из Феодосии Б.Е. Бурштейн, чтобы передать мне посылку. Это, конечно, ты посылаешь мне пальто и теплые вещи. Завтра пойду за ними. Они пришли как раз вовремя – сегодня *первый* холодный день. Завтра буду продолжать письмо. Теперь уже поздно. Электричество уже потухло, и надо ложиться.

22 октября, воскр<есенье>*. Был у Бурш<тейн>. Получил пальто, фуфайку, шапку. Спасибо. Более, чем вовремя. Из пальто вывалилось письмо.[4]

---

* *В автографе описка:* нояб<ря>.

Милая Маруся: все правда и все хорошо. И да будет так. Узел уже завязан, и, стараясь его развязать, мы только затягиваем его.

Теперь о текущем: мой срок леченья оканчивается 10 ноября. В Ялту я хочу все-таки заехать. Я не буду звать Ляминых в Коктебель, но хочу узнать, что с ними. Хочу видеться с Булгаковым.[5] Мне это очень надо для работы над «Серафимом».[6] Так что числу к 20 ноября в Феодосии буду с моря.

Меня в Севастополе лечат не за страх, а за совесть: электризация, гальванизация, диатермия, радиотерм, механотерапия, гидропатия, ванны морские и пресные, массаж — всё вместе: по 5 часов в день уходит на лечение. Кроме всего еще меня тушат как «bœuf à la mode»* в световом электрическом комоде, доводя температуру до 57° по Реомюру. Последнее действует сильнее всего. Вообще весь персонал Института Ф<изических> М<етодов> Л<ечения>, начиная с директора и кончая санитарами-носильщиками, относится ко мне <с> необычайным вниманием и нежностью после двух чтений, что я устроил в Институте. За последние дни что-то, наконец, в моей болезни сдвинулось, и, несмотря на дождливую погоду, я уже хожу выпрямившись и бодрее. Есть надежда тоже, что если сила в руке и не восстановится, то атрофия, все время прогрессирующая, остановится.

Крепко, крепко тебя целую.

МАХ.

P.S. Нельзя ли до моего приезда начать переправлять в Коктебель полученные запасы на зиму. Пра скажет, через кого. У нее два брезентовых мешка (Богаевского) в Коктебеле. Их надо при отправке завязывать и припечатывать сургучом и печатью (то и другое в средн<ем> ящике письменного стола в Феодосии). А если тебе что понадобится из этих запасов или для кого из знакомых, то, конечно, бери (только Пра не говори) все, что надо, пожалуйста.

Как я рад, что ты подружилась с Галей.[7] Когда приедет из Москвы Евгения Казимировна *Герцык*, пожалуйста, дай ей приют в моей квартире.

---

* Тушеная говядина *(фр.)*.

[1] Речь идет о письме М.С. Заболоцкой от 13 октября 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 20–23 об.), полном признаний в любви и сетований на разлуку с Волошиным; там же она сообщала: «...я очень сдружилась с Пра, сразу после твоего отъезда мы стали с ней на ты. Бегаю я к ней каждую неделю, она ко мне до трогательности привязалась <...> мне пришла мысль взять отпуск на месяц, по твоем приезде <...> и пробыть с тобою в Коктебеле; Пра от этого плана в восторге. <...> Я переселюсь к Пра, *ради* Пра, чтоб она не была одна, ради тебя, чтоб ты поехал в Москву. Жертвы в этом нет, службой я не дорожу <...>».

[2] Заключительная строка сонета Волошина «Себя покорно предавая сжечь...» (1910). См.: Т. 1 наст. изд. С. 131.

[3] Е.Н. Ребикова. В биографической канве за 1922 г. Волошин указывает, среди прочего: «Женя Ребик<ова>» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 277). См.: *Данилова Л.А.* «Была ли моя жизнь поражением?..» (Е.Н. Ребикова в судьбе М. А. Волошина) // Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст: Сб. статей. М., 2009. С. 296–304.

[4] Письмо М.С. Заболоцкой из Феодосии от 17 октября 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 24–27 об.) с сообщением: «...послала тебе вчера пальто, шляпу и фуфайку» – и с выражением сомнений и колебаний: «Стоит ли бросать службу (последней я не дорожу, она не дает мне никакого удовлетворения, так все теперь поновому). <...> Нужно ли мне быть с тобою близко в той же обстановке при создавшихся у меня к тебе отношениях», и т. п.

[5] См. примеч. 6 к п. 203.

[6] Поэма «Святой Серафим», начатая осенью 1919 г.

[7] Г.В. Полуэктова.

209. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

22 октября 1922 г. Севастополь

22–X–22. Севастополь. I-ая санатория.

Милая мама, мой срок лечения кончается в половине ноября, и я вернусь в Феодосию морем. Грязевое лечение у меня кончилось успешно. Но успешность сказывается предварительным обострением всех болей. Мне стало значительно хуже, чем было до лечения.

Я был направлен «отдыхать» в Севастополь и брать морские (теплые) ванны. Таким образом, я попал в Институт физических методов лечения к профессору Щербаку. Здесь за меня принялись со всею внимательностью и старанием. Меня в первый раз осмотрели как следует, сделали нужные анализы, осмотрели руку мою и назначили мне восемь различных способов лечения, куда входят и ванны морские и пресные, и гальванизация через воду и прогреванье электричеством и массаж (руки) механо-терапию <*так!*>, и наконец общее прокаливанье в электрической световой печке (вроде американского бюро – откуда торчит только голова), где температуру доводят градусов до 57 по Реомюру.

Так что есть надежда, что атрофия руки, которая все время прогрессировала, – приостановится. На эти все процедуры уходит часов пять в день. Я прихожу в Институт в 9 час<ов> и ухожу к 2-м. Конечно, это все лечение очень утомляет, хотя такого изнеможения, как во время грязей, все-таки нет.

Врачи и директор относятся ко мне с исключительным вниманием. А после того как я устроил в Институте 2 чтения своих стихов для всего персонала, отношение ко мне всех служащих стало совсем необычайным.

Здесь в Севастополе я встречаю массу знакомых, которые проезжают через Севастополь. Встретил Софью Григорьевну Пшуль, которая не умерла, как говорили, а вышла замуж. Но голос потеряла совсем и болеет. Тебе просила передать самый горячий свой привет.

Узнал здесь, что Валя Селезнев убит, а Дима, кажется, жив.[1] Встретил Анатолия Коренева (помнишь? у Досекиных...).[2] Он живет в Ялте и заведует Музеем. Встретил здесь сестер Волга, что жили в Коктебеле. Но *никого* из тех, кто жили раньше в Севастополе, я не встречаю. Все население сменилось целиком. Но город цел (сравнительно), чист (относительно). По-прежнему строг и красив. У меня в Санатории прекрасная палата с видом на Южную и на Северную.[3] Вид великолепный. В ней я *пока* один. Рядом Морская библиотека, которая уцелела, и я имею возможность там забирать книги в неограниченном количестве.

Возможно, что я приеду с Розановыми. Он – молодой зоолог, племянник Елпатьевского, жил у нас в Коктебеле гимназистом. Его жена – молодая артистка из студии Озаровской.[4] Оба они молодые, буйные, похожи на щенят. Ездят с лягашем, змеей – целым зверинцем. Он назначен заведовать Крымскими заповедниками и приедет, чтобы осмотреть Карадаг.

Я решил довести свое лечение до конца, потому что едва ли я когда буду в более благоприятных условиях для леченья.[5] Ну, а если и из этого ничего не выйдет, то надо будет просто примириться и приспособляться к новым условиям существования. Только больше не думать об лечении, которое является страшной потерей времени.

До скорого (наконец) свиданья. Крепко тебя обнимаю и целую.

MAX.

Получил только что твое письмо от 14 окт<ября> (это первое за все время). Глубоко рад тому, что Маруся будет жить всю зиму в Коктебеле.[6] О Ляминых все приму в соображение.[7] Но присутствие Маруси уже все меняет. Но я остановлюсь в Ялте, т<ак> к<ак> хочу узнать, что с ними. Кроме того, хочу видеть С. Булгакова и много говорить с ним и прочесть все, что написал за эти годы. Это мне необходимо для последующей работы, особенно для моей поэмы о Серафиме.[8] Пальто получил стараниями Маруси. Я ее глубоко люблю и удивляюсь ей. Мне кажется, что она один из самых лучших людей, которых я встречал, и глубоко радуюсь тому, что ты с ней так подружилась и полюбила ее.

[1] См. примеч. 4 к п. 206.

[2] С художниками Н.В. и С.В. Досекиными Волошин был знаком с юношеских лет, в мае 1893 г. Е.О. и он снимали две комнаты в московской квартире Досекиных (Труды и дни. С. 27).

[3] Северная (Большая) и Южная бухты Севастополя.

[4] Актриса О.Э. Озаровская была преподавательницей художественного чтения, основала в 1911 г. «Студию живого слова».

[5] Е.О. в ответном письме от 16/29 октября 1922 г. заключала: «Разумеется, нужно долечиваться в Севастополе <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 88).

[6] В том же письме Е.О. сообщала о М.С. Заболоцкой: «Маруся обещает скоро ко мне переехать, и я этому нарадоваться не могу, и знакомству, дружбе с таким прекрасным человеком. Уверена, что мы хорошо и дружно проживем втроем эту зиму <...>». На обороте письма – приписка М.С. Заболоцкой (30 октября): «Радость моя, ты знаешь, что Пра не знает, что мы на ты. Как это будет? Не хочу лгать, не хочу говорить, не хочу ничего показывать. <...> С Пра мы очень дружны, и я думаю, что она догадывается о наших отношениях, т.е. она знает, что я тебя люблю».

[7] См. примеч. 5 к п. 205.

[8] См. примеч. 6 к п. 203, примеч. 6 к п. 208.

210. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

23 октября 1922 г. Севастополь

23/X – 22.

Милая, получил твое письмо с письмом Пра и другое, которое ждало меня на столе.[1] Оно такое полное, прекрасное, самозабвенное, что мне никогда не покрыть его своею любовью. И я невольно думаю: сколько я боли причиню тебе... А я бы хотел только радость, только радость принести тебе и постоянно молюсь об этом.

И *уже* причинил столько боли. Маруся, нельзя меня ревновать. Нужно со мною любить всех, кого я люблю. А мне надо стольких любить: всю Россию, каждого человека в ней. За каждого в отдельности нужно помолиться. Ах, Маруся, вот за эти немногие дни, что я вышел из своего гнезда, я по совершенно новому отношению ко мне людей – всех людей, кого я встречал теперь, понял, *что* сейчас на меня возлагается, как мало я могу теперь принадлежать себе самому. Маруся, я люблю тебя. Но ты меня любишь еще больше. Поэтому ты будешь всегда страдающей. Есть единственный выход: помогать мне любить всех тех, кто сейчас приходит, и кто – будут приходить ко мне. Сейчас мне стало ясно – в моих стихах – магнит, и все стрелы повернуты к нему.

Это превосходит всякое тщеславие – это страшно. Ты должна помочь мне, Маруся. Как? – не знаю. Будь моим серд-

цем. Люби за меня, когда у меня не будет хватать сил. Вложи сюда всю свою ревность ко мне. А когда я вернусь – мне понадобится *большая тишина*, чтобы досказать все, что осталось у меня недосказанным за эти два года. Ты мне ее дашь? (Если бы ты не была зимою в Коктебеле, я бы не мог ее найти). Потом помоги мне не предать Женю.[2] Она трудная и слишком еще не пережившая жизни. Ты понимаешь, что ее *так* нельзя оставить. Видишь, сколько сразу я возлагаю на тебя, на твою любовь, Маруся! Но иначе нельзя. Христос с тобой, целую тебя крепко, долго, нежно. Будь радостна обо мне.

MAX.

Если завтра примут на почте – вложу в это письмо 50 миллионов для Пра (на дрова). Мой совет: сейчас же покончи со службой и переезжай в Коктебель. А к 20 ноября приди встретить меня. Хорошо? Сделай зим<н>юю комнату для меня. Спасибо за мастерскую. О Бутковой все знаю от Магулы. Понимаю тебя вполне.[3]

[1] Письмо Е.О. Кириенко-Волошиной – от 1/14 октября 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 659, л. 86–87), с припиской М.С. Заболоцкой: «Что ты скажешь на наше решение поселиться мне на зиму здесь? <...> Все будет зависеть от тебя, как ты решишь <...> Посылаю вместе с этим письмом тебе письмо, написанное месяц тому назад. Я думала, что ты раньше приедешь, и положила тебе на стол». Речь идет о письме от 22 сентября, с припиской от 16 октября: «Видишь, почти месяц лежало письмо у тебя на столе, но сейчас перечитала и решила послать, знай мое настроение, знай все, что думаю, как переживаю». Письмо полно признаний: «Смотрю действительности прямо в глаза, ломаю жизнь, но тянусь, тянусь к тебе всем существом. Говорить, думать с тобою стало моей пищей, воздухом. Если б ты знал, как мне тебя недостает. <...> Вся льну к тебе, припадаю, мучительно хочу слиться с тобою, выплакать обиду, одиночество, усталость, издерганность. Так мучительно хочется ласки, заботы, отдыха, хороших речей, веры, тепла, уюта, тебя – так напряженно жду, так хочу знать твои мысли, на ск<олькие> вопросы ты должен мне ответить. Ах, ск<олько> мне нужно было терпения и выдержки, ожидая тебя. Милый, я половинок не знаю – всей душой, всем своим

существом полюбила тебя на счастье или несчастье, но крепко всей душой, всем существом до боли, до потери себя. <...> Приезжай скорей – не смею, а ревную ко всем, с кем ты там <...>. К родственникам. Кажется, что они там тебя нарочно задерживают» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 11–14 об.).

[2] Е.Н. Ребикова.

[3] «...Страшно обидела меня Буткова, мы с ней сдружились одно время», – сообщала М.С. Заболоцкая Волошину в письме от 13 октября 1922 г. (*Там же*, л. 21 об.).

211. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

30 октября 1922 г. Севастополь

Милая Маруся,

пишу тебе опять наспех и опять буду огорчать тебя. Сегодня мне профессор Щербак сказал, что мне следует остаться на лечение еще на 2 недели, т<ак> к<ак> только последние дни произошел явный поворот в моем здоровье и его надо закрепить. Так что я останусь еще <до> 24 ноября. Надо уже до конца довести курс лечения, чтобы потом иметь право совершенно махнуть на него рукой.

Получила ли мое письмо со вложением 50 мил<лионов>?

Милая Маруся, я бесконечно и ежедневно радуюсь тому, что ты будешь жить в Коктебеле, и мне теперь безумно хочется в Коктебель и начинаю томиться здесь. Вся пер<с>пектива это<й> зимы теперь переменилась у меня.

Мне хочется страшно работать, и всю зиму я буду кончать «Путями Каина» и писать новые стихи. Твое решение так радостно меняет всю мою жизнь. Ведь я бы иначе разрывался бы все время между Феодосией и Коктебелем. Я так благодарен тебе, Маруся, что ты себе представить не можешь. Крепко целую и крепко лю<б>лю тебя, Маруся. Переезжай как можно скорее в Коктебель и бросай все свои феодосийские работы.

Письмо это увезет Эммануил Яковлевич Радинович, который едет в Коктебель искать драгоценных россыпей. Я его просил остановиться у меня и в Феодосии, и в Кокте-

беле. Пожалуйста, приюти его. Он очень милый и добрый человек.

Он начальник Горного Надзора в Крыму, и, по его соображениям, на Карадаге есть местонахождения ценных минералов. Если его предположения оправдаются, — он просил у меня позволения сделать заявки на мое имя, что меня сделает пайщиком будущих предприятий и участником будущих доходов. Я сперва отказался, но потом согласился не для себя, конечно, а для того, чтобы потом передать эти права или доходы — Юнге[1] и этим спасти их положение. Скажи об этом Пра, но не распространяй (и она тоже) этого — даже Юнге, потому что это пока секрет.

Милая Маруся, я глубоко радуюсь тебе — в Коктебеле. Но только боюсь, что ты берешь на себя очень трудную задачу. И чувствую, что мне было бы очень тяжело, если бы ты вдруг не смогла бы поехать в Коктебель.

Крепко обнимаю и целую тебя.

МАХ.

30/Х 1922 Севастополь, I-ая Санатория.

Сейчас получил твое письмо с текстом телеграмм.[2] Большое спасибо. Хотя телеграммы неважны. Да: письмо к Мусе Новицкой, где все сказано об академич<еских> пайках — у Магулы. Возьми его, пожалуйста. Но думаю задержать раздачу, т<ак> к<ак>: 1) Пришло пока только 4 ящика из 10-ти, 2) Все ак<адем>исты отсутствуют, кроме двух. Сам написать за них анкеты я не могу, но т<ак> к<ак> большинство в Москве, то они сами, надеюсь, сделали там на месте что надо.

А Буткова и Спендиаров послали анкеты? Цераские, значит, уехали? Это мне очень важно знать.

Милая Маруся, скорей переселяйся к Пра. Благодарю тебя за все. Очень рвусь в Коктебель. Крепко обнимаю и целую.

МАХ.

[1] Семейство Юнге было правопреемником Э.А. Юнге, приобретшим в конце 1870-х гг. значительную часть земли в Коктебельской долине и основавшим так свое имение.

[2] В письме к Волошину от 23 октября 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 32–32 об.) М.С. Заболоцкая привела тексты двух телеграмм, полученных от Н.С. Ангарского (см. примеч. 1 к п. 215).

212. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

30 октября 1922 г. Севастополь

30/X 1922. Севастополь. I-ая санатория.

Милая мама,

тебе передаст это письмо Эммануил Яковлевич Радинович, который едет в Коктебель на несколько дней по служебно-научным делам – для осмотра Карадага. Пожалуйста, дай ему приют: если нет комнаты – то под Тайах. И если тебе возможно, то попой его чаем и покорми. Я ему объяснил всё, как обстоит у нас дело с хозяйством, и он сам тебе поможет во всем. Кроме того, направь его: ему надо посмотреть, что осталось после Тиханека – его земляка, – он сам чех и специалист по горному делу и камням, а теперь заведующий Горным Надзором Крыма. Как человек он мне очень нравится.[1]

Неделю назад послал тебе письмо через Марусю[2] и 50 миллионов.

Теперь я должен тебя снова огорчить. И я сам огорчен этим. Меня задерживают для леченья в Институте еще на 2 недели. Это необходимо, чтобы закрепить полученные результаты: только теперь у меня начался поворот к лучшему относительно руки.

Мне уже очень наскучило скитанье по санаториям, когда после 5 часов различного леченья чувствуешь себя совершенно разбитым и к работе неспособным. И очень хочется вернуться и замкнуться в работе. Я только об *этом* и мечтаю.

Послал тебе только 50 мил<лионов>, потому что остальное частью обменено на золото, частью же храню на дорогу,

т<ак> к<ак> лекции в Севастополе не дают материально ничего, а жизнь требует расходов.

Твоему решению с Марусей я страшно рад.[3] Спешу и кончаю. Крепко целую тебя.

МАХ.

[1] «Он мне очень понравился», – замечала Е.О. об Э.Я. Радиновиче в ответном письме от 7/20 ноября 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 659, л. 89).

[2] Имеется в виду п. 209, посланное вместе с п. 208.

[3] Подразумевается решение о совместной жизни с М.С. Заболоцкой в Коктебеле.

213. А.С. ЯЩЕНКО

3 ноября 1922 г. Севастополь

3/XI 1922. Феодосия, д<ом> Айвазовского.[1]

Дорогой Сандро,

Позволь тебя познакомить с Валентиной Яльмаровной Гансон, молодой поэтессой, которая передаст тебе письмо.

Я только теперь впервые прочел залпом почти все №№ «Русск<ой> Книги» за два года[2] и получил понятие о тебе и о Русской Литературе. Спасибо за твой отзыв о моих стихах. Он мне ценен тем, что ты пишешь о них именно то, чего бы я сам хотел от них. Значит я отчасти достиг желаемого.[3] Как журнал «Р<усская> К<нига>» была для меня самым интересным из всего, что до меня доходило. Но доходило очень немного. Я ведь прикован к Крыму: невозможностью оставить маму, и собственной болезнью, то борьбой с террором, то с голодом. – В.Я. Гансон – расскажет тебе об моей жизни.[4]

Писем я получаю мало. Книг и журналов не вижу. Часто чувствую себя на дне забытого колодца. Но пишу стихи и ничего не знаю об их судьбе: я столько раз посылал их для печати. Но о судьбе их не знаю. Иногда их вижу напечатанными в неожиданных для меня изданиях и не знаю, как они

туда попали. Мне передавали, что будто они печатаются часто в заграничных изданиях. Если это правда, то нельзя ли как-нибудь попросить эти издания, чтобы они мне посылали иногда питательные посылки и, кроме того, не помещали бы меня в списках *постоянных* сотрудников, а то против меня подымаются, время от времени обвинение, что я сотрудничаю то в «Нов<ом> Времен<и>», то у эс-эров, то у ка-дет’ов. Верно ли это – не знаю – т<ак> к<ак> меня об этом осведомляет только местная воен<ная> цензура. Я ничего не имею против печатания моих стихов где угодно (чем больше, тем лучше), но вовсе не хочу, чтобы на меня налепляли марки, ибо партийность ненавистна более, чем когда-либо, и чувствуя себя сильным только в полном одиночестве...

Некогда дописывать это письмо. Крепко тебя обнимаю. Привет твоей жене.[5]

Максимилиан Волошин.

[1] Адрес для письменного общения.

[2] «Русская Книга» (Берлин, 1921. № 1–9) – ежемесячный критико-библиографический журнал, издававшийся под редакцией А.С. Ященко. В 1922 г. издание продолжалось под заглавием «Новая Русская Книга» (№ 1–12).

[3] В статье «Русская поэзия за последние три года» Ященко процитировал стихотворения Волошина «Китеж», «Заклятие о Русской земле» и «Святая Русь» и дал следующую оценку его новейшего творчества: «Наиболее свободным по духу поэтом оказался Максимилиан Волошин. Он один из немногих, еще во время войны, сумел остаться “au dessus de la mêlée” <“в стороне от схватки”. – *фр.*>, что и доказал своим сборником “Anno mundi ardentis”. Он не дал себя увлечь и революционными страстями и посмотрел на нашу революцию в перспективе всей нашей истории, знавшей не раз и не одно дикое поле, усеянное мертвыми костями. Не раз уже Русь блуждала в смутной мгле. И Волошин сумел сказать о нашей революции много мудрого словами стародавними, почти былинными. Самый стих его приобрел необычайную силу и часто словно вычеканен древнерусским мастером из дорогого металла» (Русская Книга. 1921. № 3. С. 16).

[4] В.Я. Гансон тогда в Берлин не приехала, а письмо Волошина передала Ященко через Т.Д. Цемах. 15/28 сентября 1923 г.

Гансон писала Ященко из Вильно: «Из письма Макс<имилиана> Ал<ександровича> Вол<ошина> <...> Вы немножко знаете обо мне. <...> События личные (неполучение бумаг и нужных документов) и общественные... не дали нам возможности приехать в Берлин, а меня лишили бесконечного счастья попасть в культурную среду» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 77–78).

[5] Матильда Августовна Ященко.

214. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

7 ноября 1922 г. Севастополь

7/XI 1922. Севастополь, I-ая Санатория.

Милая Маруся,

Я писал тебе (с Радиновичем), что меня оставляет проф<ессор> Щербак еще на 2 недели, находя это необходимым.[1] Это состоялось. Я задержан здесь еще до 24-го. Это необходимо для закрепления лечения, и я остаюсь, как мне ни хочется теперь скорее вернуться в Коктебель, и как ни тянет меня к работе. Следовательно, выеду я 23-го ноября (пароходы по четвергам), в Ялте дождусь следующего парохода и вернусь в Феодосию к 1 декабрю. (Если только холод и бури не заставят меня вернуться железн<ой> дорогой прямо через Джанкой к 25 ноября.) Если же будут еще изменения — напишу.

Посылаю с этим письмом еще 50 миллионов. Остальные деньги я разменял на золото и потому привезу с собою: сейчас невыгодно его менять. Посылаю все, что есть — надеюсь до отъезда еще подработать на выезд.

Читаю лекции почти ежедневно: но почти все бесплатно: Севастополь город очень скупой и очень дорогой.

Очень утомляюсь от лечения. Лечусь ежедневно от 9 до 2-х. Потом бываю совсем разбит. Сплю. Но мешают, приходят люди. Вечером иду на лекцию через силу и почти сваливаюсь от усталости. Это всё мои поджариванья в световой печи при 57° по Реомюру.

Очень часты у меня прения с коммунистами (в замкнутых собраниях).

Сегодня мне через одного профессора, имеющего сношения с заграницей, сообщили, что я сейчас самый популярный из русских поэтов на западе, что каждое мое стихотворение переводится на все языки,[2] что два переводчика – англичанин и немец – заслужили на моих стихах репутацию лучших переводчиков с русского.

Насколько это все точно – не знаю. Но если верен самый факт, что мои стихи переводятся – в этом громадная радость, потому что значит, что моя Россия – мое понимание России теперь пробивает себе путь. Потому еще сильнее тянет меня к работе: мне необходимо на всю эту зиму уйти в работу, чтобы закончить «Путями Каина» и написать все то, что накопилось за прошлый год и теперь. Мне надо приехать в Москву с целым рядом законченных для печати книг. Маруся, только ты можешь помочь мне создать ту внутреннюю и внешнюю тишину, которая мне нужна для работы в Коктебеле месяца на 3, на 4. И только ты можешь дать мне возможность съездить в Москву для устройства моих книжных дел.

Милая Маруся, сейчас я опять не могу как следует побеседовать с тобой и ответить тебе на все твои такие горячие и болючие, и настоящ<ие> слова. Мысленно я много говорю с тобой. Но сесть за стол – писать – это часто чрезмерное усилие.

О Жене будем еще говорить: не ты – «предашь» – *я* боюсь предать.[3] Если она не на высоте, то нужно ей помочь, а не отвергать. А в глубине она искренняя, подлинная, настоящая. Но еще не нашедшая своего места в мире. И вообще нам надо много, много говорить о моем отношении к людям. Мне надо быть со многими, – со всеми, кто окликнет меня. И это все больше и больше. Знаю, что не можешь не ревновать, знаю, что будешь, но меня ужасает та боль, которую тебе придется перенесть. Милая Маруся, чувствую, что, принимая твою любовь, я веду тебя в огонь. Милая Маруся, прости меня заранее за всю боль, что не смогу не причинить тебе. Крепко целую тебя. Христос с тобой.

МАХ.

P.S. Нансеновскую посылку я получил здесь еще до твоего письма.[4] Но письма с квитанцией не получил. Пальто и прочее получил. Большое спасибо.

Как мы устроимся на зиму в Коктебеле? Наверху ли с Пра или внизу? Наверху – для тебя не будет комнаты; внизу есть две <с> общей печкой. Наверху – светлее и ближе. Внизу – теплее и уютнее, но темнее. Что ты и Пра думаете об этом? Решите это до меня, чтобы заранее устроиться с печками. Или для этого необходимо мое присутствие?

[1] Имеется в виду п. 211.

[2] Эти слова не соответствуют действительности: выявлено незначительное количество переводов стихотворений Волошина на иностранные языки, причем большинство их относится к позднейшему времени (см. библиографию, составленную Б.А. Филипповым и А.Н. Тюриным, в кн.: *Волошин Максимилиан.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. Paris: YMCA-Press, 1984. Т. 2. С. 471–473).

[3] 29 октября 1922 г. М.С. Заболоцкая писала Волошину о Е.И. Ребиковой: «Милый, а про Женю ничего не понимаю, чего ты от меня хочешь. <...> Женя меня решительно ничем не умиляет. Она для меня белое место. Летом она меня раздражала, потом мне она была жалка <...>, а теперь она мне никак. Ты ее лучше знаешь. В твои отношения к ней я больше не толкнусь и не вмешаюсь. Относись к ней так, как ты находишь нужным, мне больно не будет. <...> Я предать ее не могу, п<отому> ч<то> органически не способна на предательство, и ты мне делаешь очень больно, говоря, что мы не должны предавать ее. Я и не хочу и не могу предать. Жениного я ничего не беру. <...> К себе в *наши* отношения я *никого* не пущу и меньше всего Женю. Я не знаю, не поняла тебя, что значит “усыновить” ее? Милый, я не могу. Перед Женей я не грешна. Я хочу тебя и других я приму и буду тем, чем нужно быть для них, но я Женю *не хочу* принимать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 36 об. – 37).

[4] В том же письме Заболоцкая спрашивала Волошина о получении квитанции на Нансеновскую посылку (посылка от Нансеновского комитета, организовавшего доставку в Россию в общей сложности 5 млн. пудов продовольствия) норвежский исследователь Арктики Фритьоф Нансен (1861–1930) был в 1921 г. одним из организаторов помощи голодающим в России).

215. Н.С. АНГАРСКОМУ

7 ноября 1922 г. Севастополь

Т. Ангарский,

получил Ваши обе телеграммы со значительным опозданием,[1] т<ак> к<ак> они пересылались из Феодосии в Севастополь (с 24 ноября мой адрес снова Феодосия, д<ом> Айвазовского).

Благодарю за предложение. В Москве – мой литературный представитель В.В. Вересаев, и прошу обращаться к нему за всеми вопросами и материалом. Если у него нет ненапечатанных стихов, то, б<ыть> м<ожет>, остались еще свободные мои стихи у Софии Яковлевны *Парнок* (IV-ая Тверская-Ямская 8, кв. 3), которой я поручил мою книгу «Неопалимая Купина», – я же сам абсолютно не знаю, что из моих стихов печаталось, что – нет, и потому не могу ответить Вам вне Вересаева и Парнок. Привет Соф<ье> З<ахаровне> Федорченко. Условия – с Вересаевым.

Максимилиан Волошин.
7/XI 1922.

[1] В этих телеграммах (одна из них датирована 5 октября 1922 г.) Н.С. Ангарский, как представитель издательства «Новая Москва», просил Волошина прислать стихи для альманахов («разрешите взять у Федорченко Ваши ненапечатанные стихи») (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 178). 30 октября 1922 г. в газете «Новости» (№ 4) появилось сообщение о подготовке к печати издательством «Новая Москва» альманаха «Даль» под редакцией Ангарского и с участием Волошина. Издание альманаха под этим заглавием не состоялось.

216. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

15 ноября 1922 г. Севастополь

15/XI 1922. Севастополь.

Милая мама,

это уже последнее мое письмо. 24-го кончается наконец мое лечение. Я 23-го – в четверг выезжаю в Ялту, а 1-го декабря

буду в Феодосии. Я до сих пор не могу сказать, каковы результаты моего лечения. Лечили меня не за страх, а за совесть, но улучшение в моей болезни сказывается вначале только ее обострением, и потому не знаю, лучше мне или нет. Только о правой руке можно сказать, что лучше ей не будет, но дальнейшая атрофия, быть может, и приостановится и я смогу еще продолжать немного писать, но какое-нибудь рабочее усилие для меня невозможно.

Ко мне со всех сторон доходят слухи о моей заграничной славе. Сперва это были сведения о моей популярности среди эмигрантов – теперь, через нескольких англичан, до меня дошли слухи, что я являюсь сейчас для иностранцев самым популярным из русских поэтов, что все мои стихи о революции переводятся на франц<узский>, немецкий и английский языки, и переводятся очень хорошо, что у меня есть свои переводчики, что мои книги печатаются на западе на разных языках и даже по-русски.[1] И что только я сам ничего об этом не знаю. Одним словом, я славен и мог бы быть богат совершенно реально, если бы все доходы с моих изданий не проходили бы мимо меня неизвестно куда. Все это надо уладить и урегулировать, но сделать это, очевидно, можно только из Москвы.

Отсюда – необходимость все более и более неизбежная моей поездки в Москву. Но сейчас она невозможна. Прежде всего мне предстоит засесть за работу, как только я попаду в Коктебель: мне надо написать много стихов, уже давно созревших и обдуманных, закончить книгу «Путями Каина», приготовить к печати и переизданию все мои старые книги стихов, закончить монографию мою о Богаевском, которую я обещал.[2] На это все уйдет по крайней мере месяца 4 напряженной работы без всяких отвлечений и перерывов. И я надеюсь, что найду в Коктебеле возможность ее осуществить. Здесь эти 5 месяцев лечения – в смысле работы время абсолютно потерянное. И в Саках и в Севастополе меня так энергично лечили, что я весь день бродил с туманом в голове и полузасыпающий. А в антрактах читал лекции, был разрываем людьми.

Но весною мне необходимо поехать в Москву. Иначе будет совсем нелепо: не иметь возможности жить мало-мальски сносно из-за отсутствия денег в то время, как мои стихи

жаждут издавать и издают и печатают и раскупают без моего ведома.

Неужели на меня не найдется никакого антрепренера, который бы соблазнился разработкой ценной руды, которую я сейчас собою представляю, и снял бы с меня необходимость самому устраивать свои денежные дела, чего я совершенно для самого себя не умею делать!

Кроме того, у меня все растет ощущение, что я здесь совершенно изолирован, что ко мне определенно не доходят письма, адресованные мне из-за границы.

Я послал тебе еще 50 мил<лионов> на имя Маруси.[3] Другие у меня в золоте, которое сейчас невыгодно продавать. Послал все, что у меня было, и не знаю, смогу ли заработать себе на дорогу. На мои бесплатные лекции приходят толпами, а на платных – никого. М<ожет> б<ыть>, потому, что здесь запрещают газетам писать обо мне, а типографиям печатать мои афиши – но самых лекций не запрещают.

Крепко тебя целую.

МАХ.

[1] См. примеч. 2 к п. 214. В действительности ко времени написания письма за границей не вышло еще ни одной книги Волошина, в 1923 г. увидели свет сборники «Стихи о терроре» (Книгоизд-во писателей в Берлине) и «Усобица. Стихи о революции» (Львов: Живое Слово).

[2] Этот замысел позднее отчасти был реализован в статье «К.Ф. Богаевский – художник Киммерии» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 81–88).

[3] М.С. Заболоцкая.

217. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

16 ноября 1922 г. Севастополь

16/XI 1922. Севастополь. I-ая Санатория.

Милая моя, бедная моя Маруся, сегодня получил твое письмо от 4/XI такое грустное, тяжелое, мучительное (а третьего дня от 29/X – еще не успел ответить).[1] Чтобы

получить его, ходил на почту (оно с доплатой), там же его читал. И сначала, когда читал, сделалось у меня наваждение: показалось, что описывая, что с тобою было и с тем пьяным человеком, что ты говоришь *обо мне.*[2] И стало мучительно больно и стыдно, как если б я сам с тобою так поступил – и, возвращаясь (а почта на другом конце города), я переживал мучительное чувство вины и не решался достать твое письмо и еще раз перечесть его. А вернувшись домой, достал все твои письма с самого моего отъезда и перечел их по порядку (меня 5 раз прерывали посещения людей знакомых и незнакомых), кончил только что полученным и тогда только заметил свое наваждение. Но оно было очень полезно. Сейчас я посмотрел на все лето и на себя и на тебя с высоты и со стороны и почувствовал во всем объеме, как мы с тобой связаны, и как я уже ответствен за тебя. За твои мысли, за твои настроения. Я знаю, что связан с тобою глубоко и на всю жизнь. Что люблю тебя настоящей, глубокой человеческой любовью и уважением (можно любить *уважением*). Что это совершенно независимо от того, какие узы свяжут (или не свяжут) нас дальше. Я бы совершенно не мог себе представить того, как бы сложилась теперь моя жизнь, если бы я, вернувшись в Коктебель, не застал тебя там. Так необходимо, неизбежно стало то, что ты решила без меня с мамой.[3] В человеке: *Любовь* – сознательна, разумна, свободна, действенна, но влюбленность (или страсть) бессознательна, темна, приходит неизвестно откуда, уходит неожиданно и без предупреждения, она всегда неразумна, всегда неожиданна и насильственна. Бороться с нею бессмысленно, а б<ыть> м<ожет>, и напрасно, и не надо. Потому что она не в нас – это всегда чья-то чужая воля к рождению, воля того, кто хочет воплотиться и через нее стучится в жизнь. И кто он? Добрый, злой? Это неизвестно. Так вот говорю тебе о первом – о *Любви.* Ее сознаю, чувствую, несу ее к тебе. О втором ничего не знаю. Но если *оно* придет, не буду противиться, как мы противились весною. Поэтому и писал тебе «может, все это неверно»[4] – об этом нашем сопротивлении.

Теперь о Жене. Я напрасно тебя запутал упоминанием о ней.[5] Прости меня. Только не возненавидь ее и не презирай

ее. Неужели ты не понимаешь, что ты мне ближе и *нужней* ее. (А я *ей* нужен). Как все сложится — не знаю. Но сейчас во мне уверенность, что кто-то направит меня, и все будет как надо.

Милая Маруся, когда я перечитывал твои письма за все время, для меня так ясно стала вся прекрасная огненность твоей души и в то же время вся *ее* потерянность в жизни. Эту потерянность и я знал раньше. Теперь ее нет больше. И у меня бывают такие тяжелые моменты запыленности души. Они бывают от утомления. Это *насморк* души — так на него и следует смотреть: лучше всего, если возможно: запереться от людей, взять вместо аспирину роман с приключениями и за 2 дня, отлежавшись, вновь быть готовым к жизни.

Теперь о себе: наконец, срок моего лечения окончательно подходит к концу: 23 нояб<ря> в четв<ерг> я выеду в Ялту. Останусь там до следующего парохода и, следовательно, в пятницу 1 декабр<я> буду в Феодосии, если только в ходе пароходов ничего не приключится. В Феодосии мне, вероятно, придется пробыть 3—4 дня (дела — и потом необходимо сделать подметки для башмаков, что в Феодосии).[6]

Я жду не дождусь своего возвращения, т<ак> к<ак> мне страш<но> хочется и необходимо сесть за работу. Эти пять месяцев лечения, когда я не мог написать ни строчки, очень измучили меня и заставили запустить работу.

Меня так замучивали леченьем, что я после полдня лежал без сил и спал днем, а вечером читал лекции и виделся с людьми и опять сваливался с ног от усталости. И я все-таки не знаю, помогло ли мне все мое лечение, т<ак> к<ак> оно сказывается только обострением. Так и теперь.

Получила ли ты мое письмо, в котором я вложил еще 50 мил<лионов>[7] (остальное в свое время я разменял на золото и привезу сам). Сейчас стремлюсь заработать себе на обратный путь: у меня масса лекций, — но все бесплатные или в пользу чего-нибудь. А когда платят, то невероятно скудно.

Не помню, писал ли я тебе, что мне здесь сообщали со слов иностранцев, что я стал самым популярным из русских поэтов за границей, что меня переводят на все языки и издают мои книги п<о>-фран<цузски>, по-англ<ийски> и по-немецки, даже по-русски (но я ничего об этом не знаю).[8]

То, что ты пишешь о сгоревшей девочке[9] – твои слова, твое чувство – глубоко пронзают и обжигают тем, что мне недоступно, но так понятно. За это вот, Маруся, я и люблю тебя – за это твое огненное сострадание.

Крепко тебя целую и теперь уже очень скоро вернусь.

До свидания.

MAX.

P.S. Кроме телеграммы, узнала ли ты что-нибудь о Лене?[10]

Вечер. Еще несколько слов: пальто, Нансеновскую посылку – получил. Спасибо. Уже неоднократно писал об этом. Посылаю письмо Пра.[11] Ты мне писала о том, что на мое имя были какие-то деньги по почте. Я послал тебе общую засвидетельствованную доверенность на получение их. Получила ли доверенность? Получила ли деньги? Много ли их было? От кого и за что они мне? Их надо было бы, во всяком случае, поскорее истратить на дрова, чтобы они не истаяли. Я думаю, что Пра догадалась об этом сама? Я думаю, что все же твои письма далеко не все доходят до меня и мои, верно, тоже продолжают пропадать.

Мой совет: не говори сама с Пра о наших отношениях. Она прихотлива: это ее может и очень обрадовать, а может возбудить глубокое противодействие. Пусть лучше сама догадается. Не надо лгать. Но любовь должна быть всегда *утаенной,* и перед всеми.

М.

[1] См. примеч. 3 к п. 214. Письмо М.С. Заболоцкой к Волошину от 4–5 ноября 1922 г. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 41–42 об.

[2] В письме от 4 ноября М.С. Заболоцкая предлагала Волошину представить себе девушку, попавшую в «подпившую компанию» и ставшую объектом грубых домогательств мужчины: «Ей было стыдно, и вдруг она как-то что-то поняла, все стало серым. Негодованья не было, на этого человека злобы тоже не было, а было стыдно за него. <...> К ней подошел он потом, спросил: “вы сердитесь”, она ответила: “нет” просто спокойно, п<отому> ч<то> и была спокойна <...> Он целовал ладони рук, ей это было неприятно, но рук она не отнимала, п<отому> ч<то> думала, что ему неловко, что он просит прощения».

[3] См. примеч. 6 к п. 209.

[4] См. п. 208.

[5] См. п. 208, п. 214, примеч. 3. В письме от 4–5 ноября Заболоцкая добавляла: «Пусть Женя будет с тобою, мне ничего не надо <...> всегда кто-нибудь приходит, и я должна с ними делиться и отдавать дорогих».

[6] В Феодосии Волошин провел всю первую половину декабря 1922 г.

[7] Имеется в виду п. 214.

[8] См. примеч. 2 к п. 214, примеч. 1 к п. 216.

[9] Отклик на следующий фрагмент из письма Заболоцкой от 29 октября: «...моя бабушка ушла в раскол 40 л<ет>, вероятно, она могла себя дать сжечь, если б в этом была необходимость <...> недавно слышала один факт: сгорели мать и ребенок 4 л<ет> случайно у себя в комнате. И вот этот факт так на меня подействовал, я несколько дней не могла прийти в себя, мне так безумно жалко было этой крошки, я так много думала и представляла ее себе сгорающей, что вдруг поняла, захотела именно сгореть, ощутить эту боль, думала, думала и поняла, и почувствовала, что можно сгореть и это больно и радостно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 38).

[10] Леонид Эммануилович Ландсберг (1898–1957), юрист.

[11] Имеется в виду п. 216.

218. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

18 ноября 1922 г. Севастополь

18/XI 1922. Севастополь.

Твое письмо от 10–13 /XI... И опять такое смутное, тревожное, мучительное...[1]

Милая Маруся, ну что же мне с тобой делать? Не остаться еще на две недели на лечение я не могу, потому что это не только простая лечебная формальность, а глубокое человеческое внимание, заботливость профес<сора> Щербака, который просил, настаивал, чтобы я остался, т<ак> к<ак> относится горячо к моему излечению.

Пишешь, что лучше не быть тебе зимой в Коктебеле? Что будет тяжело, что не хочешь отдавать свою свободу.[2] Милая, дорогая Маруся! Все это правда: будет очень тяжело, и житей-

ски мелочно, и не будет у тебя свободы. Я бы тебя никогда не решился просить об этом. Ты сама писала, что Вы с Пра так решили.

Я бесконечно обрадовался. Но сам написал, что это очень тяжело будет тебе. И будет тяжело. Мне очень тяжело с Пра. И эта тяжесть ляжет на тебя тоже. Милая Маруся, я бы сам не стал просить тебя жить в Коктебеле, потому что это жертва, и большая. Ты написала, что ты так решила. Я глубоко обрадовался. Но ты колеблешься. И я определенно тебе говорю: не надо, *не* живи в Коктебеле. Он тебя лишит свободы. Я был глубоко тронут тем, что Вы «решили вместе с Пра отпустить меня в Москву». Ты ведь видишь по всем получаемым мной телеграммам, что это необходимо, и никогда мои стихи не смогут выйти отдельным изданием, если я сам не съезжу в Москву. Пра хочет человеческой жизни, ей необходим комфорт. Пра хочет, чтобы я зарабатывал деньги. А вот теперь меня всюду хотят, а за границей меня издают, переводят, и все это мимо меня. А ведь тут целое богатство. Меня лично оно не соблазняет. Но ведь для того, чтобы реализовать это, я должен ехать в Москву, а, может, и в Берлин, чтобы все это устроить. А с Пра я не смею даже и заговаривать прямо о своем отъезде, потому что она мне 1½ года назад сказала: «Лучше прямо дай мне яду, а потом уезжай куда хочешь». После этого уже говорить нельзя больше.

Вот теперь мне телеграфируют и Вересаев, и Ангарский: «Присылайте новые стихи».[3] А разве они у меня есть? Все, что у меня было, я дал С.Я. Парнок. Она их где-то помещала, она мне об этом писала и посылала деньги: но я не получал ни писем, ни денег. Я не знаю, что напечатано, что нет из того, что я ей дал, т.е. из всего текста «Неопалимой Купины». Мог ли я работать этой зимой? – ты сама видела, что выходило из моей работы, когда меня отрывали ежеминутно, и с каким надрывом я написал те главы из «Путей Каина», что написаны, и которые мне надо еще переделывать. Потому что единственное место, где я могу найти нужное мне уединение для работы, – Коктебель. Казалось бы, чего лучше? Но Пра часто делает мне совершенно невозможной мою работу. Когда удается довести работу до высокой степени творческого

напряжения, невольно становишься ненормальным, раздражительным, угрюмым, неразговорчивым. И тогда Пра моментально оскорбляется на меня и начинает меня изводить бесконечными и мучительными упреками, и начинает мне часами доказывать, какой я преступник по отношению к ней, какой я бесчувственный, грубый и т.д. Жизнь обращается в полный кошмар. У меня и теперь уже заранее сжимает сердце от тоски и страха при мысли о том, как все это сложится теперь, после того, как мы 2 года не виделись почти с Пра и не жили вместе. Потому что не работать я не могу. Я должен сказать, воплотить все, что у меня скопилось за эти годы о России. Говорю тебе, Маруся, не поселяйся в Коктебеле: будет очень тяжело. И не люби меня — Маруся. Это тоже будет бесконечно мучительно. Ты будешь ревновать мучительно, долго, много. Я не всегда смогу быть внимательным с тобой, как тебе этого надо.

Но если ты можешь полюбить *не меня* лично, а то, что я делаю и что я *должен сделать*, то об этой любви я прошу и умоляю тебя. Так меня еще никто не любил. Эта любовь мне необходима, Маруся. Помоги мне любить Россию и помоги найти слова, которыми все могли бы о ней молиться, которые выразили <бы> всё, нами пережитое и переживаемое, помоги мне найти себе тишину, душевную строгость, равновесие и мир, которые нужны для работы. Если так полюбишь, *это* во мне полюбишь, тогда прошу, умоляю тебя: будь со мной в Коктебеле, будь всегда, останься за меня с Пра, когда мне надо будет уехать. Будь моей молитвенной тишиной, будь сосредоточенностью моей работы: тогда, где бы я ни был, я буду отовсюду стремиться к тебе. Сделай Коктебель местом молчания и уединения для меня, каким он часто бывал, но перестал, увы, для меня быть. Ты это можешь сделать своею любовью, Маруся, хотя ты сама и беспокойна, и мучительна, и нелепа.

Меня нужно принять таким, как я есть, и тебя принимаю такой, как ты есть. У меня уже несколько лет чувство: надо торопиться, надо не терять ни одной минуты, надо воплотить все, что дано передумать и пережить. И в то же время нельзя отказываться, когда жизнь и люди требуют помощи немедленной, текущей, упора плеча, чтобы опереться. Отсюда мой постоянный разрыв этих лет. Для личной жизни сейчас нет

времени. Нет времени для личного счастья. И для этого я тебя звать не хочу. А вот как сотрудник в человеческом и творческом деле ты мне нужна. Потому что мне очень трудно и одиноко, Маруся, милая моя. Тут у тебя никаких ни конкурентов, ни соперников не будет;* и не может быть: знаю по горькому опыту. Хочешь так, Маруся?

Не хотелось мне обо всем этом писать: хотелось сказать. Да вот так вышло, так написалось. А говорить об этом еще много будем, как приеду к 1-му декабрю. (Это точно: в Ялте пробуду неделю).

Крепко тебя обнимаю, мою нелепую, буйную, мучительную, безумную любовью Марусю. До свидан<ия>.

MAX.

P.S. Вкладываю в это письмо 150 мил<лионов> для Пра (на дрова). Получила ли ты раньше еще 50 м<иллионов> и 50 миллио<нов>, посланные в два приема?

[1] Письмо М.С. Заболоцкой к Волошину от 10–13 ноября 1923 г. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 43–45 об. Оно начиналось словами: «Мой любимый, если б ты знал, как я была огорчена, а в конце концов просто придавлена твоим извещением, что ты приедешь еще через месяц вероятно. <...> Господи! и за что ты мучаешь меня».

[2] Речь идет о следующих фрагментах из этого же письма: «...я вижу, что для тебя важно мое постоянное пребывание в Коктебеле. А я решила, т.е. пришла к заключению, что мне лучше всего пробыть только месяц там. <...> Я все беру целиком и себя отдаю тоже цельно всю, а нужно ли вам это? Пра рада, я вижу это, но у нее свои привычки, свои представления; для совместной жизни она тяжелый человек. <...> Быть приживалкой я органически не могу, а Пра самостоятельность будет убивать. <...> Я ведь страшно свободолюбивая. И вот сейчас, пробыв 4 дня в Коктебеле (правда, без тебя, моя радость) и столкнувшись с практической мелочностью жизни, я поняла, что я приношу страшную жертву. <...> Чтоб не огорчать Пра, чтоб помочь тебе, пробуду в Коктебеле месяц, а больше не надо».

[3] См. п. 215, примеч. 1. В том же письме Заболоцкая сообщала: «...опять пришла телеграмма от Ангарова <*так!*> и с таким же предложением; предпринимаешь ты что-нибудь? Они верно ждут».

* *Далее вымарано несколько слов.*

219. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

20 ноября 1922 г. Севастополь

20.XI.1922. Севастополь.

Дорогой Викентий Викентьевич, представьте себе, что я еще до сих пор лечусь в Севастополе и только на этой неделе уезжаю наконец в Феодосию (к 1-му декабрю буду там).

Только что получил Вашу телеграмму о стихах.[1] Дорогой Викентий Викентьевич, но ведь у меня ничего нет нового! Все эти пять месяцев леченья в Саках и в Севастополе нечего было думать о работе. Меня лечили и в хвост, и в гриву, я жил в каком-то тумане постоянной усталости плюс санаторная обстановка – я разрываюсь от желания работать, – но с апреля я ничего не написал еще нового, и все мои надежды на Коктебель.

Но ведь в Москве у С.Я. Парнок моя книга «Неопалимая Купина»: там все мои стихи с 1919 года. От С.Я. Парнок я ничего не имею уже больше полугода. Она мне писала, что кое-что помещала из моих стихотворений в отдельных изданиях (письма, где она мне писала, *что и где*, и гонорары – все это пропало, как обычно водится). Но у нее должно оставаться еще очень многое (цикл о терроре, цикл «Личины»). Я посылаю в этом же письме записку ей, чтобы она передала Вам *все,* что у нее осталось.

То же самое из «Путей Каина» – я Вам посылал гораздо больше, чем то, что напечатано и принято в «Красной нови».[2] Вероятно, тоже пропало? (Главы: «Кулак», «Магия», «Огонь», «Машина».) Сейчас я еще не пошлю их: у меня нет переписанного текста, и я хочу еще раз их переработать, как только окажусь в Коктебеле. Так что если только у С.Я. Парнок все разошлось, то у меня ничего нет больше. Но не думаю: я не видал еще ничего моего напечатанным, кроме «Дикого Поля», «Меча», «Пара» и «Пороха» (все это шло через Вас).

Я получил запрос от Ангарского[3] – и направил его за разрешением всего к Вам. Получил запрос от «Госиздата» и смогу ответить только из Коктебеля. Но суммарно могу ответить так: хочу издать 3 книги стихов:

1. Лирику (1907–1917). Имя – «Годы странствий».

2. «Неопалимую Купину» – все стихи о Революции (1917–1921).

3. «Путями Каина» (1922–1923).

Имею для издания:

Книгу статей о живописи.

Книгу статей о театре.

Книгу статей о литературе.

Переводы:

1. Анри де Ренье. 2 статьи о нем. Стихи. Проза.

2. Вилье де Лиль-Адан. Статья. «Аксель» (трагедия).

3. Поль Клодель. «Отдых седьмого дня» (драма). «Музы» (ода). Статья о нем.[4]

Но это все надо составить, аранжировать, переписать. Все это возможно сделать только в Коктебеле. Пока будьте добры сообщить этот общий список. Подробнее же напишу после. В первую голову желательно, конечно, переиздание и издание стихов. (Для лирического тома у меня есть целый ряд своих виньеток, заставок, рисунков, воспроизводимых в цинкографии – если это желательно?)

Но я не улавливаю разницы между «Госиздатом», изданием Воронского и Ангарского, «Щитом» и «Новой Москвой».[5] Все ли это разные издательства или они связаны между собой? Не решаюсь дать никакого ответа, не посоветовавшись с Вами. Ориентируйте, направьте...

Выздоровел ли я после столького лечения? И на это я не могу ответить, т<ак> к<ак> результаты скажутся только во время зимы. Пока только усталость и обострение всех болей. Но если я и теперь не выздоровел, то, очевидно, и не выздоровлю и надо просто приспосабливаться к хроническим болям и не обращать на них больше внимания.

Кроме того (на всякий случай), повторяю: деньги (120 мил<лионов>) – гонорар за «Государство» и «Пророка», посланный с Г.Н. Кошелевой в Саки, – получил. И, в сущности, это первый и единственный гонорар, дошедший до меня благополучно за все это время.

Кстати, о пересылке денег: посылать их переводом – не следует, т<ак> к<ак> почта их задерживает за неимением

денежных знаков, но их всегда можно пересылать в открытом пакете (прямо бумажками), а пакет на почте же запечатывается. Это дороже, но это верно и точно. А письмами, кажется, уже можно посылать более верно (если есть деньги на марки).

Пишу это письмо второпях, т<ак> к<ак> все эти дни перед отъездом я совсем разобран. Напишу подробнее потом (особенно о Сергеенке).

Максимилиан Волошин.

P.S. Привет Марии Гермогеновне.[6] Спасибо за Вашу постоянную заботу обо мне, Викентий Викентьевич.

[1] Телеграмма с просьбой о присылке стихов среди писем В.В. Вересаева к Волошину отсутствует. Ее текст приводит М.С. Заболоцкая в письме к Волошину от 13 ноября 1923 г.: «Срочно высылайте мне ваши новые стихи буду давать их <в> альманахи журналы 10/XI Вересаев» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 361, л. 45 об.).

[2] Осуществленная ранее публикация трех стихотворений (см. примеч. 1 к п. 182) осталась единственной публикацией произведений из цикла «Путями Каина» в «Красной Нови».

[3] См. п. 215.

[4] Ни одно из поименованных в этом перечне изданий тогда не состоялось.

[5] «Щитом» Волошин, видимо, по ошибке называет издательство артели русских писателей «Круг», основанное в Москве в августе 1922 г. (председатель – А.К. Воронский). «Новая Москва» – издательство Моссовета, основанное в 1922 г.

[6] М.Г. Смидович.

220. А.С. ЯЩЕНКО

20 ноября 1922 г. Севастополь

20/XI 1922. Севастополь.

Дорогой Александр Семенович,

Позволь тебя познакомить с моей хорошей знакомой Софией Абрамовной Левандовской, которая тебе передаст большой пакет от меня.[1]

Я к тебе обращаюсь с целым ряд просьб и имей в виду, что через Софию Абрамовну можно установить со мной постоянную и верную связь в смысле посылки денег, изданий и писем.

Крепко обнимаю тебя и всех друзей. Привет твоей жене.

Максимилиан Волошин.

[1] Сотрудница Наркоминдела. С нею Волошин передал Ященко большое письмо (о котором идет речь в примеч. 1 к п. 221), автографы своих стихотворений, а также следующий документ (опубликован в кн.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 76):

Доверенность.

Сим доверяю профессору Александру Семеновичу *Ященко* ведение всех моих литературных дел за границею Р. С. Ф. С. Р.:

1. Издание моих книг на русском и иностранных языках.
2. Печатание моих стихотворений в периодических изданиях.
3. Охрану моих материальных интересов и взыскание гонораров за мои стихотворения и книги, напечатанные в период Русской Революции без моего ведома и разрешения, как по-русски, так и на иностранных языках.

Пр<офессор> А.С. Ященко имеет право уполномачивать от себя, кого найдет нужным, для осуществления этих полномочий.

Поэт Максимилиан Волошин.
15/XI 1922. Севастополь.

Подпись М. Волошина свидетельствую. Заведующий Домом имени Л.Н. Толстого П. Сергеенко.

221. А.С. ЯЩЕНКО, Т.Д. ЦЕМАХ

Первая половина декабря 1922 г. Феодосия[1]

<1>

Летом 21 года я тяжело заболел. Шесть месяцев я пролежал в постели, шесть – пробыл в феодосийских санаториях и еще шесть провел на грязях и электризациях (Саки, Севастополь) и только теперь – в декабре вернулся в Феодосию и вот

снова застрял на пороге Коктебеля, захваченный длительным и тяжелым припадком астмы. Но все эти болезни и прикованность к постели не помешали мне жить годы полной духовной и волевой жизнью. К сожалению, только обстановка жизни и преизбыток человеческих дел мешали все это время поэтическому творчеству, и я не мог еще записать всего, что назрело. Материальное положение бывало очень тяжелое... Эти годы мне удавалось писать сравнительно немного, благодаря совершенно невозможным условиям жизни и обилию человеческих дел. Но у меня много задумано.

<2>

...покидать Россию, я ни за что не покину, но поехать выглянуть на запад мне очень хотелось бы. Сейчас я замкнусь месяца на три в работу, так как мне надо много окончить из стихов (книгу «Путями Каина») и подготовить ряд книг к изданию и переизданию. Хочу издать за границей «Неопалимую Купину».

[1] Фрагменты из двух писем Волошина, опубликованные А.С. Ященко в берлинском журнале «Новая Русская Книга» в рубрике «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов» (1923. № 1. С. 45). Ср. сообщение Т.Д. Цемах в письме к Волошину из Берлина от 5 февраля 1923 г.: «Ященко поместит в “Русской книге” выписки из твоего письма, кот<орое> я ему прочла» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259).

Один из двух опубликованных фрагментов, возможно, восходит к большому письму Волошина к Ященко (по словам Р.Б. Гуля, «страниц в сорок-пятьдесят»), в котором шла речь о событиях Гражданской войны и последовавшего большевистского террора. В отдельной мемуарной главе под заглавием «Письмо Максимилиан Волошина» Гуль свидетельствует: «Макс Волошин в письме к Ященко необычайно сильно описывал эти кровавые крымские дни. Волошин писал, что он и день и ночь молился за убиваемых и убивающих. <...> Письмо было потрясающее, больше чем страшное и какое-то метафизическое. <...> Ященко читал его многим, почти всем, кто приходил в редакцию: Толстому, Соколову-Микитову, Эренбургу, Николаевскому и другим <...>». В результате письмо Волошина пропало. «В этом виновато было, конечно, легкомыслие Ященки, – добавляет Гуль. – Копии он не снял и чересчур уж рекла-

мировал письмо Макса. Так это письмо и кануло в Лету. Страшно грустил об этом Б.И. Николаевский, говоривший: “Ведь это же совершенно уникальный исторический документ! И как мог Александр Семенович так легкомысленно его потерять!”» (*Гуль Роман.* Я унёс Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. М.: Б. С. Г-Пресс, 2001. С. 126–129).

222. С.Я. ПАРНОК

22 декабря 1922 г. Коктебель

22/XII.1922. Коктебель.[1]

Дорогая Софья Яковлевна,

как мне Вас благодарить за всю заботу, хлопоты и память обо мне? За Ваши бесконечно дружеские (английской — действенной дружбой) письма?[2]

В июле я уехал на полтора месяца на грязелечение. Но после Сак меня отправили еще в Севастополь. Меня лечили долго старательно, — одним словом, я вернулся в Феодосию только 1 декабря, т.е. через шесть месяцев, и тотчас же снова заболел припадком астмы: 16 суток ни лечь, ни заснуть не мог. Еще не вполне оправившись, был вызван в Коктебель письмом о том, что Пра очень плохо.[3] Застал ее лежащей в постели еле дышащей. Она бесконечно слаба, ничего не ест, говорит о смерти. Если бы не Маруся Заболоцкая (новая моя приятельница этой голодной зимы), которая поехала со мной в Коктебель и ухаживает за Пра, — не знал бы, что и делать. Но Пра бесконечно капризна, требовательна и доводит ее ежедневно до слез.

В сущности положение физическое Пра далеко не так безнадежно: идет постепенное ухудшение энфиземы легких, плюс легкая простуда. Но она уже две недели ничего не хочет есть (это у нее и раньше бывало) и, кроме того, вполне уверена, что уже не встанет и говорит о себе как об умирающей, что заставляет опасаться самого худшего. Кроме того, бесконечно тяжела для окружающих.

Летнее и осеннее мое лечение было настолько утомительно, что я совершенно не мог работать, ибо находился все время в тяжелом полудремотном состоянии: и грязь, и электричество крайне действуют на нервы. Мой план был: вернувшись в Коктебель, усиленно проработать всю зиму, кончить «Путями Каина», написать Цикл о голоде[4] и ряд давно задуманных и неосуществленных стихов, подготовить к изданию несколько книг и со всем этим материалом приехать весною в Москву месяца на два. Но теперь это все снова усложняется. Несмотря на то, что я как будто и не связан принудительной работой из-за хлеба, ни хозяйством, — все тем не менее слагается так, что я никак не могу дорваться до работы: болезни, лечение, санаторская обстановка, а в городе бесконечные человеческие дела.

С Богаевским мы съехались в Феодосии одновременно.[5] Таким образом все Ваши письма, написанные за лето, я получил сразу. Для меня было неожиданным и радостным сюрпризом издание «Сельва Оскура», т<ак> к<ак> я считал эту рукопись давно потерянной.[6] Особенно было радостно издание ее с рисунками Богаевского и заставками Пискарева. Глубоко благодарен Вам, Софья Яковлевна, за создание и осуществление этого издания. Что касается корректур, то я, конечно, буду Вам глубоко благодарен, если Вы не откажетесь их сами провести, что, впрочем, должно быть теперь-то уже осуществлено.[7]

С деньгами, к сожалению, конечно вышла ерунда: но это, очевидно, моя обычная судьба. Мне только досадно, что все Ваши хлопоты обо мне прошли даром.[8]

Мне Богаевский привез от Кандауровых теперь 300 миллионов, а Анна Владимировна Кандаурова в августе оставила у жены Богаевского лекарства, ею для меня купленные, и 33 миллиона, даже не предупредив Богаевскую о том, что в пакете есть для меня деньги, так что они так и не были переданы Пра. Словом, то, что равнялось по рыночной цене золота в августе 133 зол<отым> руб<лям>, теперь оказалось 22 руб. А между тем для почты, для посылок, для денег все доверен-

ности были мною оставлены М. Заболоцкой, которая все лето каждое воскресенье ходила в Коктебель и заботилась о Пра.

Все даже малые суммы, что шли весною через меня другим, я сейчас же менял на продукты и золото и отдавал в соответственно большем количестве. Неужели в Москве этого не понимают? Я говорю о Кандауровых. Софья Яковлевна, ради Бога не подумайте, что я упрекаю Вас чем-нибудь: напротив — мне досадно, что <то, что> Вы своими стараньями добыли для меня, так бессмысленно, глупо развеялось и утекло.

Никаких изданий с моими стихами я не получал — ни единого. Досадно, но Бог с ними! Только пришлите мне, пожалуйста, список, где мои стихи помещались и которые:[9] я нашел у себя целый ряд запросов от разных издательств и телеграмму Вересаева. Поэтому я, отвечая ему,[10] приложил записку к Вам с просьбой передать ему все неиспользованные стихи из «Неопалимой Купины», предполагая, что ему легче будет пристроить нецензурные. Я думаю этого метода придерживаться и в будущем: буду посылать ему стихи общественного характера, а Вам — лирические. Хорошо? Что же касается издания книг (у меня есть общее предложение от Госиздата[11]), я попрошу его, т<ак> к<ак> при его положении это ему гораздо проще делать и быстрее.

Мне Г<осударственное> И<здательство> предлагает переиздать мои старые книги стихов. Относительно заграницы и Берлина, мне летом передавали, что мои стихи там очень распространяются, всюду печатаются и переводятся, а мест<ная> военная цен<зура> мне сообщала, что мое имя значится как имя постоянного сотрудника на обложках всех эмигрантских журналов от эсерских до черносотенных. Этот диапазон мне определенно нравится, как конкретное выражение моего неуважения к политике.

Ввиду всего этого я послал в Берлин полную доверенность на ведение всех моих литературных дел за границей моему старому школьному товарищу профессору Ященко,[12] издающему там журнал «Новая Русская Книга», а теперь жду от него ответа, согласен ли он. К сожалению, с такими доверенностями постоянные недоразумения. В двадцатом

году я дал такую же моему другу кн<язя> Шервашидзе вместе с тогдашним текстом «Неопалимой Купины».[13] Но он то и другое оставил без употребления, и я ровно никаких объяснений об этом от него не имею, и не знаю, не произойдут ли из этого в конце концов недоразумения. Во всяком случае имею в виду при первой возможности переслать текст «Неоп<алимой> Куп<ины>» на имя Ященко.

Миндлин меня очень смущает: я позволил ему переписать мои стихи и давать переписывать их другим.[14] Помнится, был еще вопрос о каком-то харьковском журнальчике, но относительно Москвы я не давал ему никаких разрешений, о чем прилагаю удостоверение.

Прилагаю и доверенность на Ваше имя на издание «Сельва Оскура». Но не знаю, удастся ли его официально засвидетельствовать.

Теперь относительно Ваших стихов: написать статью и большую о Вас, Софья Яковлевна, – радость.[15] Вы знаете, как я их люблю, удивляюсь и учусь мастерству. Но я до сих пор имею только «Розы Пиэрии» и рукопись 1922 года.[16] Но от Евгении Казимировны[17] еще ничего: она в Судаке. Так что о статье к Рождеству нечего и думать. Писать же только о «Роз<ах> Пиэр<ии>» и о невышедшей книге не имеет смысла: я хочу о Вас целиком писать. Может, возможно мою статью о Вас отложить до следующей книги «Шиповника»?[18] Я Евг<ении> Каз<имировне> написал, но Вы сами знаете, как трудно в Крыму докликаться друг друга, и потому я сам еще не знаю, когда весь материал соберется в моих руках.

«Розы Пиэрии» прекрасная и благоуханнейшая книга.

Но Вы правы: среди запаха казармы и смазных сапогов – она слишком не ко двору. «Сны Сафо» и «Пенфиселея» мне ближе всего. «Мудрая Венера»[19] мне была и остается чуждой, не могу еще определить, отчего. Может быть, это двойное сочетание классического мрамора и классического быта холодят меня? Область вашего мастерства – это трибрахии, рифмы и синтаксические интонации, опирающиеся на размер («Да, сестра моя, вот так она – зацеловывает любовь»[20]). Ваши сапфические строфы прекрасны всюду. Но меня уди-

вила Ваша нелюбовь к дактилической цесуре. Она так хорошо звучит в русских сапфич<еских> строфах. Из стихов 22 года меня бесконечно волнует типографическая четкость и заклинательность «Дирижера».[21] Я очень люблю «В толпе»,[22] которое останется одной из Ваших формул. И горжусь, что у меня есть одна близкая ей строфа («Раскрыв ладонь, плечо склонила – Я не видал еще лица. – Но я уж знал, какая сила – В чертах Венерина кольца»[23]). Совершенно поразительно по тютчевским нарушениям размера «Который час?» Очень люблю «Сугдейскую Сивиллу», «30 июля», «Израил».[24] Но где моя любовь «Агарь»? Окончена ли она?[25] Мне очень хочется «Орган» и «Тоску»,[26] которые я прочел раз, но не имею на руках.

Как я понимаю Вашу тоску по Крыму. Сейчас в эти теплые и тихие морские дни по утрам, уходя вдаль по побережью, я чувствую как никогда вновь обретенный Коктебель. Не по Вашим только письмам Москва представляется мне отвратительной. Я никогда не терпел «литературного быта» в России, теперь он мне представляется нестерпимее, чем когда-либо. Мне хочется в Москву, но лишь на краткий срок: повидать друзей, устроить свои дела, и испытать напряженность своих стихов над большой толпой. И скорее обратно.

За ½ года леченья я посетил все города Крыма. Нет города более разоренного, более вымирающего, чем Феодосия и ее область. И террором и голодом здесь были взяты самые высокие ноты. В этом я убедился собственными глазами. В то время как другие города оживлены призраком торговли и суетой курортов, в Феодосии (и, пожалуй, в Евпатории) подлинный трагизм последнего разрушения. ЕГО-то я и люблю.

Голод и эту весну будет, и едва ли не в бóльших размерах. В татарских деревнях начали умирать уже с ранней осени. Татарский внепартийный съезд вынес летом ПРОКЛЯТИЕ Крымскому правительству. Положение писательских пайков в Крыму вообще смутно и не выяснено. В то время как профессора получают паек аккуратно, мы, пришпиленные к ним, висим в воздухе в полной зависимости от Симферополя. Последние пайки были получены за июль–август – с

тех пор все замерло. В это время я отсутствовал, и кое-кто из феодосийских академистов разъехались. Некоторые (Новицкие, Галабуцкий, Виганд-Маркс, Церасские) совершенно, Богаевский уезжал временно и вернулся, так же, как Евг<ения> Каз<имировна>. Словом, теперь список академистов в Феодосии таков: Богаевский, Спендиаров, Волошин, Е. Герцык, Буткова, Манасеина, Соловьева, и к ним прибавляется уже официально утвержденный по ходатайству Веры Ник<олаевны> Фигнер – Зелинский Иос<иф> Викт<орович> (народоволец).

В августе от всех академистов Симферополь потребовал новых анкет. Я свою сдал немедленно в Симферополе, а в Феодосию написал. Но многие уже были в отсутствии, другие посылали, но каждый самостоятельно. О судьбе их не знаю,

Если возможно что-нибудь сдвинуть, то очень прошу.

Теперь хочу рассказать о себе:

Это лето очень богато для меня впечатлениями и людьми. Из письма Вашего с радостью увидал, что Вы познакомились с Соф<ьей> Зах<аровной> Федорченко.[27] Меня пленяет в ней сочетание французской четкости формы с абсолютным слухом русской народной речи. Ее «Народ о войне»[28] представляется мне документом первостепенно<й> исторической и художественной важности. За это лето мы с ней очень сошлись и подружились.

Мне очень много приходилось читать лекций и стихов, и здесь я смог конкретно убедиться в их нужности и в силе впечатления, ими производимого. Особливо лекция на тему «Путями Каина» со всеми написанными стихами. Самым интересным были для меня лекции специально для коммунистов с последующими прениями, длившимися иногда по два, по три дня. Мне думается, что как поэтическое произведение для Вас «Пути Каина» не будут приемлемы. (А я, пишучи их, не раз думал о Вашем суде.) Но *нужность* их для меня оправдывает их ритмическую форму-паспорт, с которым они могут переступать границы запретного.

Из моих боевых курьезов — Вам, вероятно, София Захаровна рассказывала о моей стычке с евпаторийским военным цензором (тем, что запрещал исполнение романса на пушкинские слова «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной», — «потому, что отношения Советской России к Грузии еще не выяснены» — расспросите ее об этом эпизоде).[29] Так вот — они окончательно разрешились только теперь в ноябре, когда Пред<седатель> Крым<ского> ЦИК-а приказал его арестовать, вопреки предстательству Глав<ной> воен<ной> цензуры.[30]

В Севастополе я был приглашен Полит-Управлением читать лекции в дискуссионном Кружке, куда допускались только коммунисты, и то по особому выбору или за моим личным поручительством в их коммунистической лойяльности. Согласитесь, что и то, и другое достаточно пикантно.

Курортная жизнь приучает к изысканно гигиеническим формам жизни:

Так в Севастополе в Санатории все белье — постельное, столовое, полотенца — было снабжено выразительным штемпелем: «Венерическое»; обед и чай сервировались в старых плевательницах. Сиделки имели хороший стаж в психиатрических лечебницах и, в силу долголетней привычки, разговаривали и обращались с курортными больными только соответственным тоном и выражениями.

Лечили меня в Севастополе героическими мерами — электричество, гальванизация, ванны, свет и, наконец, сажали меня в световой шкаф, где доводили температуру до 57° по Р<еомюру>. Теперь в течение зимы это все должно принести плоды.

Сейчас я принялся за работу. Одно стихотворение посылаю.[31] (Для печати его, как рискованное, пошлю Вересаеву).

Из деловых просьб, значит, прошу Вас очень, Софья Яковлевна, о следующем:

1) Написать мне, какие стихотворения из «Неопалимой Купины» уже напечатаны в Москве и в каких изданиях?

2) Высылались ли мне за них какие-нибудь гонорары? С кем? Когда? Ибо не получал ничего со времени вечера в пользу Крымцев в литературном салоне Никитиной.[32]

3) Передать все ненапечатанные еще стихи из «Неоп<алимой> Куп<ины>» Вересаеву (может, кто-нибудь из моих друзей – не Вы сами, конечно, – перепишет их, чтобы не нарушать целости книги).

4) Сообщить изданиям, печатавшим меня, что я не получил ни одного экземпляра (а, между тем, «Крас<ная> Новь» приходит аккуратно).[33]

За эти дни Пра стало лучше, она уже подымается. Но очень слаба и крайне раздражительна. Вся судьба моей зимней работы висит на волоске в зависимости от ее каприза: послать меня на кухню, или запрячь в домашние работы. Бедная Маруся З<аболоцкая> была уже несколько раз на краю окончательной ссоры, несмотря на все свое терпение. Мама никогда в жизни не болела. Вне энфиземы и бронхита она редко крепка для своих лет. Но она так искренне считает себя умирающей, что это делает возможным всякий исход, совершенно не обусловленный физиологически.

Глубокое спасибо, Софья Яковлевна, за все Ваши заботы, письмо и ваши слова о дружбе, которых мне бы (*Машинопись с окончанием текста утрачена.*)

[1] В машинописи – опечатка в дате: «12/XII» (в этот день Волошин находился не в Коктебеле – как обозначено в письме, – а в Феодосии).

[2] В архиве Волошина сохранились семь писем С.Я. Парнок к нему, отправленных из Москвы в 1922 г. – с 4 марта по 10 ноября (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 931, л. 7–24 об.).

[3] Волошин выехал из Феодосии в Коктебель вместе с М.С. Заболоцкой около 17 декабря 1922 г.

[4] Замысел цикла воплотился в одном стихотворении – «Голод» (13 января 1923 г.).

[5] К.Ф. Богаевский возвратился из Москвы в Феодосию около 8 декабря 1922 г. (Труды и дни-2. С. 172).

[6] Книга Волошина «Selva oscura. Лирика 1910–1914» с рисунками Богаевского была принята к печати Государственным издательством 13 июля 1922 г. (см.: *Там же.* С. 159), сообщение о ее подготовке к изданию появилось в «Известиях» 5 сентября 1922 г. В письме от 3 августа 1922 г. Парнок сообщала Волошину: «Вчера подписала с Госиздатом договор на издание “Selva oscura”: Госиздат долго мыта-

рил меня с этой книгой, откладывая окончательный ответ до того момента, когда решится вопрос об издании “Неопалимой Купины” (“Неопалимую Купину” признали совершенно нецензурной не только для Госиздата, но и для частн<ых> изданий), и этот неожиданный привесок к “Selva oscura”, как и следовало ожидать, отпал». К письму приложена копия (рукой Парнок) договора Волошина с Госиздатом на издание «Selva oscura» от 5 августа 1922 г. (Л. 17–17 об.).

[7] «Как быть с корректурой? – спрашивала Парнок Волошина в письме от 3 августа. – Не посылать же ее в Феодосию и потом как послать, чтобы быть уверенной в доставке ее? Думаю, что корректуру надо мне править, если Вы мне в этом доверяете».

[8] По заключении договора на издание «Selva oscura» Парнок получила для передачи Волошину 80% гонорара (342 миллиона 410 тыс. руб.) и отправила их с А.В. Кандауровой (о чем известила Волошина письмом от 4 сентября). 10 ноября Парнок писала Волошину: «Мне очень грустно, что деньги <...>, посланные мною Вам 2 месяца тому назад с А.В. Кандауровой, до сих пор ждут Вашего приезда в Феодосию (у жены Богаевского) и за это время наполовину утратили свою ценность. В то время, как я Вам посылала их, это была значительная сумма!»

[9] Письма с ответом на этот запрос в подборке писем Парнок к Волошину не имеется.

[10] См. п. 219.

[11] Имеется в виду обращение к Волошину от 27 октября 1922 г. (на бланке: «Р. С. Ф. С. Р. Государственное Издательство. Секретарь редакционного сектора»): «Ввиду того, что Государственное Издательство предполагает издавать Ваши произведения, Редакционный Сектор просит Вас, если это не противоречит Вашим желаниям, присылать Ваши новые произведения в Госиздат, а также заявить о том, какие из изданных произведений желательно Вам переиздать. Секретарь Э. Кранц» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 54, л. 5).

[12] А.С. Ященко был, как и Волошин, в то самое же время, студентом юридического факультета Московского университета.

[13] См. п. 113.

[14] 3 августа 1922 г. Парнок писала Волошину: «Миндлин, которому Вы имели неосторожность доверить рукопись “Неопалимой Купины”, изрядно меня компрометирует. Все, что я продала “Свитку” из Ваших стихов, то и дело появляется в разных альманахах. Это ужасно неудобно. Думается, что меня не подозревают в спекуляции Вашими стихами, но все же меня это очень тяготит. А средства борьбы с Миндлиным у меня нет – насильно у него рукописи не отберешь, а брать с него слова, что он “больше не будет” – не имеет смысла, п<отому> ч<то> он заведомо грязный человек.

Получили ли Вы те издания, в которых были напечатаны Ваши стихи? Мне обещали, что Вам они будут высланы». К той же теме Парнок возвращалась в письме к Волошину от 4 сентября: «Мне то и дело говорят, что в разных альманахах появляются Ваши стихи. Это орудует Миндлин. Получили ли Вы хоть раз гонорар за то, что этот молодой человек продает? К тому же он слишком неразборчив в выборе изданий, т<ак> ч<то> Вы сплошь да рядом попадаете в сомнительное общество. Мне это очень досадно. Я как-то встретила Миндлина и просила его перестать заботиться об устройстве Ваших стихов, но он на меня произвел впечатление человека вполне ненадежного. Как жаль, что Вы дали ему свои стихи!» Упоминаемый Парнок «Свиток» – альманах, в котором были опубликованы стихотворения Волошина «Сквозь облак тяжелые свитки...», «Киммерия», «Готовность», «Заклинание» (Кн. 2. М., 1922. С. 5–7).

[15] 10 ноября 1922 г. Парнок писала Волошину: «...“Шиповник” <...> просит Вас написать обо мне статью размером приблизительно в ½ печатного листа. Вы когда-то писали мне, что сделаете это с удовольствием, теперь я “обращаюсь к Вам с конкретным предложением”. Через 3 недели, самое позднее (журнал выходит к Рождеству) статья должна быть уже у меня, и я передам ее редакции. Для меня эта статья сейчас была бы в высшей степени кстати. Зная, что Вы любите мои стихи, я с чистой совестью могу торопить Вас со статьей».

[16] Книга Софии Парнок «Розы Пиерии. Антологические стихи» (М.; Пб.: Творчество, 1922). В архиве Волошина сохранились также автографы и машинописные тексты 20 стихотворений Парнок (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 155).

[17] Е.К. Герцык.

[18] Речь идет об издании: «Шиповник». Сборники литературы и искусства / Под ред. Ф. Степуна. № 1. М.: Шиповник, 1922. Издание следующего сборника не состоялось. Статья Волошина о поэзии Парнок не была написана.

[19] Циклы стихотворений из книги «Розы Пиерии». См.: *Парнок София.* Собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. Поляковой. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 144–151.

[20] Заключительные строки стихотворения Парнок «В толпе» («Ты вошла, как входили тысячи...»). См.: *Там же.* С. 154.

[21] Машинопись этого стихотворения имеется в упомянутой выше подборке стихотворений Парнок в архиве Волошина (л. 1). См.: *Парнок София.* Собрание стихотворений. С. 153–154.

[22] Машинопись этого стихотворения – в той же подборке (л. 1). См.: *Там же.*

[23] Первая строфа стихотворения Волошина (1910). См.: Т. 1 наст. изд. С. 135.

[24] Все перечисленные стихотворения Парнок имеются в упомянутой подборке: «Который час? – Безумный. Смотри, смотри...», «Там родина моя, где восходил мой дух...» (заключительная строка: «Хотя во снах мне снись, Сугдейская сибилла!»), «30-е июля» («Как стужа лютая, так зной суров...»), «Не на храненье, до поры...» («Израиль») (Л. 1 об. – 2, 3 об.). За исключением последнего, они вошли в книгу Софии Парнок «Лоза. Стихи 1922 года» (М.: Шиповник, 1923). См.: *Парнок София.* Собрание стихотворений. С. 152, 156–157, 179–180.

[25] Стихотворение «Агарь» («Сидит Агарь опальная...») в книгу «Лоза» не вошло. См.: *Там же.* С. 177–178.

[26] Эти стихотворения вошли в книгу «Лоза». См.: *Там же.* С. 152–154.

[27] «Мы с Федорченко взапуски Вами умилялись», – отмечала Парнок в письме к Волошину от 10 ноября 1922 г.

[28] См. примеч. 2 к п. 201.

[29] См. п. 202, примеч. 8.

[30] О том, что председатель Крым-ЦИКа Ю.П. Гавен распорядился арестовать военного цензора Шницера, Волошин узнал во время своего пребывания в Ялте (третья декада ноября 1922 г.) (Труды и дни-2. С. 171).

[31] Стихотворение «Русь» (в окончательной редакции – «Русь гулящая», 5 января 1923 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 289–290.

[32] Благотворительный литературный вечер в пользу голодающих крымчан состоялся в салоне Е.Ф. Никитиной 25 февраля 1922 г. (см.: Труды и дни-2. С. 145–146). Высылая деньги Волошину, Е.К. Герцык, Е.А. Бутковой, Т. Спендиаровой, Парнок поясняла в письме к Волошину от 4 марта: «Деньги эти – результат литературного вечера, устроенного мною в “салоне” Евдоксии Федоровны Никитиной и посвященного писателям Крыма. Я читала свое либретто и Ваши стихи, Вересаев – рассказ». Упоминается написанное Парнок в 1917–1918 гг. либретто оперы А.А. Спендиарова «Алмаст», поставленной в Москве в Большом театре в 1930 г. (см.: *Парнок София.* Собрание стихотворений. С. 261–285).

[33] Ответное письмо Парнок в подборке ее писем к Волошину отсутствует – возможно, оно до адресата не дошло. 4 февраля 1923 г. Парнок писала Волошину: «Головины передали мне, что Вы удивляетесь моему молчанию. Удивление у нас вполне взаимное: я написала Вам как только узнала о смерти Елены Оттобальдовны, и Вы мне не ответили» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 931, л. 25).

223. К.В. КАНДАУРОВУ

25 декабря 1922 г. Коктебель

25 декабря 1922 г. Коктебель.

Дорогой Константин Васильевич,

очень благодарю тебя за деньги, присланные мне с К<онстантином> Ф<еодоровичем> и привезенные в августе Ан<ной> Влад<имировной>.[1]

Но, прости, никак не могу не посетовать на тебя за легкомысленное к ним отношение. Анна Владимировна оставила деньги в пакете с лекарствами (большое спасибо) у Жоз<ефины> Густ<авовны>,[2] ничего не сказав ей о присутствии там денег. Поэтому деньги не были переданы Пра, которой они были крайне нужны, и даром таяли до самого моего приезда в декабре. То же самое произошло и с 300 миллионами, привезенными Костей. А если бы они были просто пересланы пакетом с объявленной ценностью на мое имя в августе же месяце, то их бы получила на почте по моей доверенности одна знакомая – Маруся Заболоцкая, которая в мое отсутствие навещала Пра и занималась всеми моими делами, и все они были бы тотчас же превращены в продукты и дрова (зимний запас). А теперь их ценность уменьшилась, по крайней мере, в шесть раз. В августе золотая десятка еще стоила 25 мил<лионов>, т.е. 400 милл<ионов> равнялись 160 зол<отым> рубл<ям>, а теперь эта сумма равняется 26 зол<отым> руб<лям>. И ты мне еще пишешь, милый Константин Васильевич, что компенсируешь меня, когда приеду в Москву.[3] Да ведь компенсировать-то нужно больше чем полутора миллиардами. Да разве я когда-нибудь приму от тебя, находящегося в постоянных затруднениях, такую компенсацию?

Когда через меня шли прошлой весною деньги для литераторов, – я в тот же день их менял на продукты или золото, чтобы они не успели растаять в пересылках и ожиданиях. Но с моими личными деньгами мне не везет определенно. Мне удалось в этом году продать две книги: о Сурикове и эту

«Сельва Оскура».[4] Гонорар за «Сурикова» пропал целиком (украли у доктора Нания, и мне еще пришлось компенсировать 30 мил<лионов>, посланных на мое имя для раздачи).[5] Теперь и эта книга ухнула без всякого смысла и пользы. А у меня никаких денег до самой весны не предвидится. Потому, что, хотя у меня целый ряд изданий и издательств просит стихов и книг – но ведь их надо еще написать. Мои стихи печатаются, издаются и здесь, и за границей, переводятся, мне сообщают, что очень стал популярен на западе, но материально это все проходит мимо меня, потому что сам не могу вырваться из Крыма хотя бы на месяц для того, чтобы устроить свои дела. А когда мои друзья устраивают мне с большим трудом какие-нибудь издания, то всегда с пересылкою денег получается такая ерунда. Ведь так просто было, если уже казалось нужным ждать оказии, – превратить эти деньги в валюту. К<онстантин> Ф<еодорович> говорил, что это всегда через Париса[6] можно сделать.

И вот, дорогой Константин Васильевич, т<ак> к<ак> сейчас у меня до весны никакого заработка не предвидится, то я очень прошу тебя, вместо всяко<й> компенсации, постараться продать мои акварели, что находятся у тебя. Маму я нашел в постели бесконечно слабой и говорящей о смерти. Правда, она совершенно не умеет болеть и всякое недомогание ей кажется смертельным, но она отказывается совершенно от еды и худеет, и слабеет не по дням, а по часам. Она в состоянии себя так загипнотизировать на этой мысли, что действительно не перенесет этой зимы.

Сейчас поэтому я скован с Коктебелем крепче, чем когда-либо. Она стала очень капризна, требовательна и придирчива. Правда, питанием мы более или менее обеспечены, благодаря заграничным посылкам, на 550 мил<лионов> куплены дрова, но денег нет и не предвидится ниоткуда. У меня нет денег даже на почтовые марки. А когда начнут требовать налоги, то я совсем не знаю, откуда их достать, т<ак> к<ак> съестные продукты я принципиально не продаю, а отдаю.

Еще одна просьба: у нас с Константином Феодоровичем явилась мысль еще одного совместного издания: издать

сборник всех моих Киммерийских стихов (литографическое факсимиле рукописи) с рядом литографий Кон<стантина> Феод<оровича>, сделанных специально на мои тексты. Теперь будут сделаны эскизы, а для литографий он приедет вместе со мною в Москву. Мое предисловие: «Киммерийское искусство». Имя книги «КИММЕРИЯ». Она будет посвящена памяти Александры Михайловны.[7] В заставках, украшениях и в надзоре за изданием очень было бы желательно участие Н.И. Пискарева. Пожалуйста, поговори с ним об этом и подготовь в этом отношении почву.

Я очень извиняюсь перед Юлией Леонидовной,[8] что не ответил до сих пор на ее письмо: летом во время лечения – так оно действовало утомительно. Буду писать подробно и много на днях.

Прилагаю новые стихи. Привет А<нне> В<ладимировне> и Оболенск<им>.

[1] К.Ф. Богаевский, А.В. Кандаурова.

[2] Ж.Г. Богаевская.

[3] 30 ноября 1922 г. К.В. Кандауров сообщал Волошину в письме, отправленном с К.Ф. Богаевским: «К.Ф. передаст тебе 350 мил<лионов>, у Жозе<фины> Густав<овны> есть еще 30 мил<лионов> и лекарства. Там есть письмо А.В. с отчетом. Т<ак> к<ак> деньги теперь упали, то я тебе компенсирую, когда приедешь в Москву» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[4] См. п. 175, примеч. 4, примеч. 6 к п. 222.

[5] См. п. 182, примеч. 1.

[6] Ф.К. Радецкий.

[7] А.М. Петрова. Замысел этого издания не был реализован. Аналогичный опыт творческого содружества с Богаевским был предпринят Волошиным ранее: его книга «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910) была издана с иллюстрациями Богаевского (фронтисписы к каждому из пяти разделов книги и рисунки в тексте). Книга репринтно воспроизведена в сб.: *Волошин Максимилиан.* Стихотворения. М.: Книга, 1989.

[8] Письмо Ю.Л. Оболенской от 5 июля 1922 г. (см. примеч. 6 к п. 194).

224. И.В. БЫСТРЕНИНОЙ

27 декабря 1922 г. Коктебель.

27 декабря 1922.* Коктебель
Почто<вый> адрес: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милая Инна,

И письмо Ваше, и телеграмму получил почти одновременно, вернувшись в Коктебель[1] после почти полугодового лечения грязями и электричеством, которому предшествовала годовая болезнь (полиартрит) с лежанием по санаториям.

Мне стало значительно лучше, но маму застал в очень плохом состоянии: уже две недели лежащей в постели, и не от болезни, а от слабости и задыханья. Время моей болезни она прожила совершенно одна во всем доме без прислуги (а Коктебель окончательно вымер: все дачи разрушены, люди разбежались). Теперь я уж безвыходно прикреплен к нему маминой болезнью. Была возможность, на которую я очень рассчитывал: одна моя хорошая знакомая — Маруся Заболоцкая — она «сестра» и фельчерица <*так!*>, хотела остаться вместе с Пра, чтобы дать мне возможность съездить в Москву. Но Пра от старости и от болезни стала очень раздражительна и придирчива, и эта комбинация оказалась невозможной. В сущности я собирался в Москву только весною, а за зиму надеялся осуществить ряд литературных замыслов, закончить новую книгу стихов («Путями Каина» — по санаториям немыслимо было работать), написать ряд отдельных стихотворений, подготовить ряд старых к переизданию и т.д. Теперь все это едва ли окажется осуществимым, т<ак> к<ак> на меня падает все черное хозяйство и кухня.

Сейчас положение мое довольно мрачно. Покидать Коктебель совершенно я не собирался, но съездить в Москву и, б<ыть> м<ожет>, за границу по литературным моим делам мне совершенно необходимо. Мои стихи распространяются в рукописях, их печатают все, кто хочет, это мой единственный заработок, а я ничего не получаю: даже за те издания, которые

---

* *В автографе описка:* 1912.

я сам продал Госиздату и за которые мне был выслан гонорар, я все же гонорар не получил: он однажды был украден, однажды истлел по дороге...

Так что глубокое Вам спасибо, милая Инна, за ваше предложение, за ваше письмо, но, к моему глубокому сожалению, – сами видите, – воспользоваться им не могу. Пра я прочел Ваше письмо (и ей, и мне). Она была очень тронута и просит Вам передать всего, всего лучшего. Одно время я мечтал перевезти Пра в Москву и она хотела того же, но это значит бросить коктебельский дом на полное разорение. А мы, представьте себе, еще ни разу не были ни ограблены, ни реквизированы, ни обысканы, ни уплотнены.

Об Лукине и его школе я уже слыхал, и Ваши впечатления мне поэтому еще интереснее, и мне кажется, что они глубоко справедливы.[2]

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне иногда писали о том новом, что происходит в области танца. Мне очень хочется знать все об Ваших ученицах, о Ваших приемах, о собственных Ваших исканиях, видеть фотографии (Ваши фотографии так интересны – особенно в ¾).[3]

Личная моя жизнь эти годы переполнена и творчеством, и событиями, и людьми. Я очень много видел и пережил, и единственная моя мечта – для всего виденного найти точные и достойные формы.

Два новых дара я приобрел за эти годы: дар молитвы и дар говорить с толпой.

Посылаю Вам новые стихи.

До свиданья. Во мне глубокая радость о том, что обрел в Вас друга – старого, но мне до сих пор неизвестного.

МАХ.

Прилагаю 2 новых стихотвор<ения>.

[1] См. примеч. 3 к п. 222. Телеграмма среди писем И.В. Быстрениной к Волошину отсутствует. В недатированном письме Быстренина сообщала: «...я почти на месяц уеду из Москвы около 1-го января нов<ого> стиля. У меня останется свободной комната. Не хотите <ли> приехать на месяц в Москву и с Еленой Оттобаль-

довной. Адрес мой: Арбат, Сивцев Вражек, Малый Власьевский 12, Институт Ритмического Воспитания, где я имею комнату в полуподвальном этаже. Правда, комната не блестящая, но все-таки жить можно. <...> Я живу в Москве, имею *свою студию*, *готовлю концерт* и, кроме того, работаю еще в двух казенных студиях. Работы режиссерской у меня очень много, увлечена я ею без меры и жду Вас, чтоб Вам ее показать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 308, л. 59–60 об.).

[2] Отклик на более раннее (также недатированное) письмо Быстрениной, отправленное приблизительно двумя месяцами ранее цитированного выше письма; в нем она сообщала, что переехала из Пензы в Москву, где «открыла школу», а также: «В Москве гремит сейчас Лукин. Я недавно была на его вечере – это было до того интересно, до того остро, технически до того сильно, что я смотрела весь вечер с восторгом и ушла потрясенная. И только потом на расстоянии я чувствую, как это ужасно, как упадочно, как создано, чтоб щекотать нервы и чувственность, как в этом совсем нет преображения тела, чистоты и радости. Эта школа вышла из классического балета и пошла по пути акробатики. <...> Но самое для меня неприятное – это то, что танцы эти преисполнены эротики. И позы иногда так рискован<н>ы, что зал замирает. И что особенно неприятно, это то, что позы эти не вытекают из горячего кипучего танца, наоборот, танцы холодны, не напоены горячей кровью, и именно поэтому рискованные позы производят впечатление просто неприличного жеста. И оттого публика замирает, а потом испуганно ахает, и оттого на вечера Лукина ходят не любители танца и красоты, а очень сомнительное общество» (*Там же*, л. 55–58). Балетмейстер Лев Иванович Лукин (Сакс; 1892–1961) в 1920 г. создал в Москве Студию свободного балета (действовавшую до 1924 г.). Для его постановок – «Сарказмы» и «Мимолётности» на музыку С.С. Прокофьева (1920), «Этюды к “Поэме экстаза”» на музыку А.Н. Скрябина (1922), «Сафо» А.С. Лурье (1923) – характерно сочетание акробатики, классического танца и свободной пластики. См. раздел «“Свободный балет” Льва Лукина» в кн.: *Сироткина Ирина*. Свободное движение и пластический танец в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 57–60.

[3] Среди писем Быстрениной к Волошину – четыре фотографии, изображающие балетные сцены и композиции (*Там же*, л. 74–77).

225. В.Я. ЭФРОН

27 декабря 1922 г. Коктебель.

27 декабря 1922 г. Коктебель.
Почт<овый> адрес: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милая Вера,

многократно старался докликаться до тебя через разных людей, но тщетно: письма не доходили, очевидно. И адреса твоего до сих пор не знал.

О тебе сведения доходили отрывочно из сторонних источников. Но все же о событиях твоей жизни знаю. Знаю, что у тебя – сын,[1] знаю, что ты одно время собиралась в Коктебель, но что тебя удержали вести о холере. Но мне очень бы хотелось знать о тебе от тебя самой. И для Пра, которая лежит, уже не подымаясь от слабости, это была бы громадная радость. Пра очень похудела и постарела за эти годы. Жила совершенно одна в пустом доме среди совершенно опустошенного и безлюдного Коктебеля, в то время как, заболев, я полтора года лежал по санаториям. Теперь я снова с ней. Судьба Крыма была все эти годы сосредоточенно кровава и трагична. Нас лично это не коснулось ни разу, хотя многое происходило непосредственно на глазах. Внутренний распорядок и строй коктебельского дома до удивительности не изменился, если не считать полного запустения кругом, одиночества и обветшалости.

Пра я застал, вернувшись, лежащей в постели и говорящей только о смерти. Сейчас ей несколько лучше, но она не может еще подняться. Ее организм еще крепок, но она задыхается от малейшего напряжения и ничего не хочет есть. В жизни никогда не болея, она совершенно не умеет этого делать и, главное, не умеет различать серьезности положенья. Очень опасаюсь эффектов ее самогипноза и полного неумения принудить себя лечиться. Напиши мне, Вера, о себе.

Целую Лилю, обнимаю Мишу.[2] Пишет ли Сережа?[3]

До свиданья.

[1] Сын В.Я. Эфрон и М.С. Фельдштейна Константин Михайлович Эфрон родился 12 мая 1921 г.

[2] Е.Я. Эфрон, М.С. Фельдштейн.

[3] С.Я. Эфрон.

226. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

31 декабря 1922 г. Коктебель

Коктебель. 31 декабря 1922.

Милая моя, дорогая моя Маруся, что с тобою случилось? Раз ты не пришла ни вечером, ни сегодня, то значит ты заболела...[1] И вчера, и сегодня я ходил далеко по шоссе и ждал тебя встретить. Сегодня долго сидел на перевале и ждал тебя. Что с тобой? Если бы не полная невозможность покинуть теперь Пра, я бы завтра же утром побежал бы в Феодосию. Потому что... с самого нашего расставания,[2] когда я стоял на шоссе, а ты оглядывалась — у меня началась тягучая, темная — песья тоска по тебе, когда хочется нюхать следы и выть на луну, которая сейчас в эту новогоднюю ночь выпятилась прямо в большое окно. Я ничего не могу делать, писать, работать. Я убрал твою комнату, все развесил, расставил, пристр<о>ил и зажег перед образом пламенник. Вчера вечером разжег печку и сидел у тебя весь долгий вечер, думая, что, б<ыть> м<ожет>, ты еще подойдешь, мокрая и иззябшая, и кипятил чай. Неужели и ты меня так ждала все шесть месяцев.[3] Только за эти дни я понял тоску твоих писем. Я ничего не понимал раньше.

Милая Маруся, мне нужно тебя до боли, до слез. Мне не нужно, чтобы ты что-нибудь делала, занималась хозяйством, но мне надо, чтобы ты была здесь, рядом, чтобы слышать твое присутствие, возню, воркотню. Как это случилось, я совершенно не понимаю. Но наши роли вдруг переменились. И меня охватывает ужас, что ты заболела, что случилось с тобою что-нибудь по дороге (мало ли что может случиться?), и что мы (вдруг!) совсем не увидимся. Когда это случилось? М<ожет> б<ыть>, в ту ночь, когда ты на себя приняла добровольно страшную боль.

Но я знаю, что сегодня бы у меня не хватило бы мужества сказать тебе – «Маруся, не отказывайся от службы».[4] Напротив, сегодня я бы стал тебя просить: «Брось все, иди сюда. Совсем и навсегда». Разве можно жить теперь раздельно? Все уладится с Пра. Мы были слишком нетерпеливы. Все обойдется. Не оставляй меня одного. Потому что я не могу быть без тебя. И сегодня – сейчас просто места не нахожу себе от тоски по тебе!..

Тебе, вероятно, все это странно и совсем неожиданно слышать от меня такие речи, Маруся. Ведь все время – я как бы только принимал твою любовь, а сам был пассивен. А вот все вдруг переменилось. Разлука иногда дает такие неожиданные уроки. И не думай, что все это оттого, что мне стало хозяйственно тяжело, напротив, – все обошлось гораздо лучше и легче, чем я думал. Пра мне очень терпеливо объяснила, как надо топить печки, печки послушно зажигаются. Я разогреваю твой борщ и стряпаю свою стряпню без всяких осложнений – но только раз в день. Пра обходится со мною хорошо, не сердится и не иронизирует. Я мог бы даже утром работать (если бы не сосущая тоска по тебе, физическая необходимость твоего присутствия).

Состояние Пра все на той же точке: ни лучше, ни хуже. Не ест, слабеет. Все время легкий жар. Ольга Андреевна[5] подымала на днях вопрос о том, что необходимо пригласить доктора, т<ак> к<ак> непрекращающаяся температура показывает, что какой-то процесс все время продолжается. Я ждал тебя, чтобы посоветоваться: ведь это так сложно. Ты не пришла. Сейчас я говорил с Пра о докторе. Она, конечно, говорит: «Не нужно». Теперь ей кажется, что надо только понизить жар, и у нее сейчас же явятся и аппетит, и силы. Я ей даю сейчас аспирина (кажется, он с кофеином – на нем так: C-1 Aspirini 0,5). Она прибавила, что у нее обычно за последние годы бывало осеннее заболевание со слегка повышенной температурой. Так вот, Маруся, реши – звать ли доктора (кого?) или просто достать жаропонижающих и аппетитных (она обещает покорно лечиться, если ты вернешься). Деньги, чтобы выписать доктора, есть: я только что получил письмо

от Долгополова, что у него лежит для меня 300 мил<лионов>.[6] Пожалуйста, зайди у него взять (он дома в 5 час<ов> нов<ого> врем<ени>). Адрес Стат<истического> Бюро — это над д<омом> Айвазовского на горке — сейчас же за водораздельным пунктом — на самом верху одноэтажный д<ом> с внутренними балконами, голубой, угловой.

По-моему, нужно было бы посоветоваться с Алексеем Николаевичем:[7] опиши ему все симптомы и общее состояние организма и спроси совета — необходим ли личный диагноз врача или нет. В случае, если он сам согласился бы поехать, то, пожалуйста, заранее сговорись с ним относительно гонорара, чтобы он *не отказался*, как со мною было. Для случайного совета — ça passé,* — но для поездки в Коктебель зимою — это нельзя. Если же врача не надо вызывать, то надо было бы сейчас же эти деньги обратить в продукты. Но я не знаю, что нам больше всего надо. Реши — ты. Знаю, что очень нужно пополнить запас керосину, но не знаю, смогу ли через Доду,[8] что повезет это письмо во вторник[9] (часы завести во вторник не забуду), прислать нужное вместилище.

Пра несколько раз настойчиво повторяла, что *она* к тебе нисколько не изменилась и относится совершенно так же, как относилась летом. Она совершенно искренно не сознает, чем тебя оскорбляла. Но я думаю, что после всех моих разговоров о тебе эти дни она встретит тебя совсем иначе. Посылаю тебе повестку на имя Пра — это, кажется, уже 2-ая, а первая у тебя с доверенностью. Пожалуйста, скажи Ивану, чтобы он все письма на мое имя принимал и хранил, как летом: в Коктебеле почт<ового> отд<еления> — нет.

Крепко обнимаю, целую, жду всем существом.

MAX.

Если можно, за деньгами к Долгополову зайди немедля. Купи, идя сюда, 2—3 лимона. Будь добра отправить прилагаемые письма.

---

* Это в прошлом *(фр.)*.

[1] В письме к Волошину от 26 декабря 1922 г. М.С. Заболоцкая извещала о своем возможном приходе в Коктебель в субботу 30 декабря.

[2] М.С. Заболоцкая ушла из Коктебеля в Феодосию 21 декабря.

[3] Подразумевается время пребывания Волошина в Симферополе, Саках, Севастополе, Ялте (23 июля – 30 ноября 1922 г.) – немногим более четырех месяцев.

[4] М.С. Заболоцкая работала с 18 марта 1922 г. в феодосийском Здравотделе в должности лекпома (Труды и дни-2. С. 148).

[5] О.А. Юнге.

[6] В письме от 30 декабря 1922 г. юрисконсульт Крым-ЦИКа М.И. Долгополов сообщил Волошину о получении для него письма и 300 миллионов от Л.З. Каменского (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 509).

[7] Возможно, имеется в виду врач-феодосиец Александр Николаевич Гехтман (1874–?).

[8] Д.А. Юнге.

[9] 2 января 1923 г.

1923

227. Е.С. ЛЯМИНОЙ

9 января 1923 г. Коктебель

27 <декабря 1922> / 9 января 1923 г. Коктебель.
Адрес почт<овый:> Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милая Леля,

Мама умерла вчера 26 дек<абря> на второй день праздника <в> 2½ дня.[1] Похоронили мы ее только что.[2] Я застал ее в постели, и она уже при мне не вставала. Из Ялты я приехал 1-го дек<абря> (н<ового> с<тиля>). Но сейчас же заболел припадком астмы, который у меня длился 16 дней – т.е. шестнадцать ночей я простоял у притолоки или облокотясь на подоконник и не мог ни сесть, ни лечь. Потом меня вызвали в Коктебель Юнге известием о том, что маме очень плохо. Началось с полной слабости и потери аппетита. Она начала путать день и ночь и почти ничего не ела. Сердце до конца работало хорошо. Дыханье было очень слабо, и от каждого усилия она задыхалась. Последние дни провела в полузабытьи. Непременно хотела, чтобы к сочельнику были приготовлены всяческие вкусные вещи, которые полагаются, и чтобы позвать Юнге. Но сама встать к столу не смогла. Полежала с закрытыми глазами и все слушала. На первый день праздника велела посадить себя в кресло. Говорила очень неразборчиво – благодаря тому, что челюсть все выпадала. Ночью началась агония. Металась. Стонала. Я сидел с ней всю ночь.

В 2 ч. дня она умерла незаметно, в то время как я минут на пять выходил из комнаты.

Все время со мною была при маме Маруся Заболоцкая, и я не знаю, что бы я без нее делал. Она занималась хозяйством, она была все время как фельдшерица и сестра около мамы. Теперь она остается со мной и будет жить в Коктебеле в то время, когда я весною поеду в Москву. Так что жизнь моя устраивается.

Милая Леля,
и вот еще – чудесное в жизни моей: ко дню смерти мамы, конечно, все деньги, мною привезенные, были уже истрачены на зимние запасы, на дрова и т.д. И вот точно нарочно на похороны я получаю совершенно неожиданно по почте от одного незнакомого коммуниста 300 милли<онов>[3] – он поклонник моих стихов и посылает мне денег, услыхав, что я в плохом материальном положении и болен. Разве это не чудо?

Как <в> прошлом году, хороня Александру Михайловну,[4] я вернулся с кладбища радостный и просветленный, с чувством великой радости за того, кто освобождается от тела. Точно все житейское, что стояло между мною и Пра последний десяток лет, – рухнуло, и теперь все ей сразу стало понятно и приемлемо во мне. Ее похоронили рядом с бабушкой – немного к ногам ее. Когда закапывали могилу, очень низко над могилой прямо над головами чертил круги орел.

Крепко целую тебя, Любу, Тамару и Витю.[5] Прилагаю несколько слов для Тамары и новые стихи о России.[6]

MAX.

[1] Второй день Рождества – 8 января н.ст.

[2] Е.О. Кириенко-Волошина была похоронена на Коктебельском кладбище.

[3] Деньги, присланные Л.З. Каменским.

[4] А.М. Петрова.

[5] Л.С. Лямина, Т.В. Шмелева, В.В. Шмелев.

[6] Е.С. Лямина откликнулась на письмо только 27 июня 1923 г.: «Кончина тети Лели меня не поразила, я так и ждала, что ты мне об этом напишешь. Не удалось мне больше с ней повидаться. В послед-

ний раз я видела ее очень давно, мне кажется, далее десяти лет. Но для тебя, я думаю, сейчас легче, что ее уже нет. Прости, я не хочу тревожить ее память. Ты чувствуешь себя более свободным. Вы оба слишком самобытные натуры и больше индивидуалисты, чтобы не стеснять друг друга, несмотря на взаимную любовь. А теперь я рада за тебя: у тебя в доме хозяйничает, по словам Тамары, такая энергичная женщина» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 803, л. 50–50 об.).

228. И.В. БЫСТРЕНИНОЙ

9 января 1923 г. Коктебель

ИННЕ БЫСТРЕНИНОЙ

27<XII>/ 9/I 1923 г.
Коктебель.

Милая Инна,

вскрываю уже написанное, но случайно неотправленное письмо,[1] чтобы сделать горестную приписку: Пра умерла на второй день праздника, и сегодня ее похоронили.[2] Она неожиданно пожелала, чтобы в сочельник было все приготовлено как следует, и позвала Юнге. Маруся З<аболоцкая> устроила кутью, взвар и т.д. Пра уже не могла подняться и с трудом говорила. Но была довольна. Сочельник справлялся в ее комнате. И принимала во всем участие. В первый день праздника потребовала посадить себя в кресло. И сидела часа 3. Но речь стала совсем неразборчива. Около 4 час. утра начала стонать. Это была уже агония. Днем <в> 2 ч.¼ в то время, как я вышел на несколько минут, она умерла. Лицо ее очень помолодело. У нее был совсем молодой лоб и молодые закрытые глаза. Вид устремленный и решительный. А в складке губ, старчески зажатых и искривленных, – божественная, а может быть, несколько демоническая ирония или сарказм над отжитой жизнью. Сегодня, когда ее везли в открытом гробу, по коктебельским холмам и по заливу бродили туманы и пятна света. Над могилой, когда ее уже закапывали, долго и низко кружил орел. (Орел на похоронах по римскому <?> гаданью по полету птиц – уносит только царственные души).[3]

Ваше письмо, Инна, пришедшее после телеграммы с зовом в Москву, было для Пра последним приветом из Москвы.[4] Кроме Вас, эти месяцы никто ей не писал. И она часто мысленно возвращалась к Вам и говорила о Вас. Известите, пожалуйста, всех друзей и знакомых о смерти Пра (Эфронов, Кандауровых, Оболенскую).[5] Я теперь замкнусь в Коктебеле до весны. А в марте–апреле приеду в Москву устраивать ряд книг. Большое спасибо за Ваш зов на праздники: не беспокойтесь обо мне – у меня всегда найдется где остановиться в Москве – меня многие приглашают, и угол я найду всегда. Спасибо.

МАХ.

[1] Имеется в виду п. 224.

[2] См. примеч. 1, 2 к п. 227.

[3] И.В. Быстренина отвечала 2 февраля 1923 г. в первый день пребывания в Москве (по возвращении из Пензы): «Если сочувствие хоть сколько-нибудь облегчает, то хочу сказать Вам, что я всей душой с Вами! Думаю все время о Вас, и о Пра, десять раз читала Ваше письмо. <...> Я ужасно благодарна Вам, что Вы подробно описали последние ее дни. И какое у меня страшно тяжелое чувство вины перед ней, что так мы ее все оставили одну» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 308, л. 61–61 об.).

[4] См. примеч. 1 к п. 224. Упоминается недатированное письмо Быстрениной к Е.О. Кириенко-Волошиной из Москвы с приглашением приехать в Москву: «Если Вы не приедете зимой в Москву, то летом я к Вам приеду с ребятами. Я очень соскучилась о Вас и крепко-крепко Вас люблю. <...> Очень хочу знать, не надо ли Вам чего-нибудь послать? не надо ли о чем-нибудь за Вас похлопотать: сделаю все с радостью» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 298, л. 8–9 об.).

[5] В цитированном письме Быстренина заверяла Волошина: «Постараюсь сегодня же передать Вере с Лили и Кандауровым». На известие о кончине Е.О. Кириенко-Волошиной В.Я. Эфрон отозвалась недатированным письмом: «Милый Макс, ты знаешь, как я любила Пра и какая скорбь для меня ее потеря. Все эти года надеялась свидеться с ней. Думаю, из всех твоих друзей Лиля <Е.Я. Эфрон. – *Ред.*> и я, мы любили Пра больше всех. Не знаю, как писать тебе, я реву и сейчас, как дура. А казалось, скажу тебе все большое, что держало в себе сердце эти годы. И о той вере, дружбе, любви нас четырех Тебя, Пра, Лили и меня <...>» (ИРЛИ, ф. 562,

оп. 3, ед. хр. 1345, л. 23–23 об.). Е.Я. Эфрон также написала Волошину 26 февраля 1923 г.: «Смерть Пра до сих пор не могу понять и представить, и не могу простить себе за то, что не писала ей. А ты наш брат, Пра нас еще крепче соединила. Каждую свободную минуту возвращаюсь мысленно к Пра и тебе, но об этом говорить не могу. <...> Я и Вера отслужили панихиду, думали раньше собрать всех друзей, но потом ревниво решили вдвоем молиться» (*Там же*, ед. хр. 1346, л. 27–28 об.).

229. Л.З. КАМЕНСКОМУ

9 января 1923 г. Коктебель

9/I 1923. Почт<овый> адр<ес>: Феодосия, д<ом>
Коктебель. Айвазовского.

Дорогой Леонид Захарович,

Вы, конечно, и сами не можете себе представить, какую бесконечную услугу оказали Вы мне присылкой денег.[1] Они как с неба упали, как раз в ту минуту, когда они больше всего были мне нужны. Дело в том, что я, вернувшись в Коктебель, застал свою мать больной, в постели. Она так ни разу при мне и не встала. Она умирала целый месяц и третьего дня умерла, а сегодня ее похоронили.[2] 300 мил<лионов> как раз пошли на то, чтобы покрыть этот неожиданный и грустный расход. Что бы я делал, если бы не эти деньги, я представить себе не могу, потому что все, что раньше привез с собою, ушло уже на разные <...>* <Большо>е <?> Вам спа<си>бо и особенно за ту чуткость, с которой Вы прислали эти деньги в такой нужный момент.

Напрасно думаете Вы, что я <...> мог <?> отнестись <?> неверно к такой присылке. Вы ведь знаете, как глубоко все во мне протестует против всякого обмена – будь то простая и самая законная и уравновешенная заработная плата.

Мой идеал – раздавать все, что производишь, одним, а получать все нужное для существования – от других. Именно то, что произошло сейчас, – это есть наглядный пример того,

* *Лист бумаги с текстом поврежден.*

как по-настоящему следует жить. То, что мне было нужно, пришло неожиданно через человека, которого я никогда не видал и которому захотелось прийти мне на помощь, как раз в тот момент, когда я больше всего в ней нуждался.

Но фамилия Хорошко мне не незнакома, Леонид Захарович, не женат ли он на одной из Токмаковых (сестре жены проф<ессора> Булгакова).[3] Я знал, что она замужем за Хорошко (тогда – студентом), но его никогда не встречал лично. Но тогда мне понятно, откуда он знает меня.

За работу мне еще не удалось приняться: сперва по приезде в Феодосии я сам заболел: у меня приключился припадок астмы – я 16 ночей простоял у притолки, или опираясь локтями на подоконник, без возможности не только лечь, но даже сесть. Потом был вызван в Коктебель известием о болезни мамы. На мне была и кухня, и хозяйство и заботы о ней. Все это не давало возможности отдаться работе. Но теперь примусь всецело и исключительно за работу. Главным образом за «Пути Каина». Прежде всего за переделку уже написанных глав. Тогда, когда это будет сделано, – сейчас же вышлю Вам полный список. Он и теперь есть, но обидно посылать то, что уже обречено на слом и перестройку. Лучше немного задержу, но пришлю в более завершенном виде. Ваша же просьба относительно «Демонов Глухонемых» ставит меня в безвыходное положение.[4] Вы знаете, что мой последний экземпляр был потерян в Севастополе одной барышней, которая выпросила его для переписки и немедленно посеяла на улице. Так что, несмотря на все желание мое, не могу никак. Ведь мой харьковский издатель меня оставил без экземпляров этой книги. Кстати: не видаете ли Вы поэта Петра Краснова, кажется, парт-работника? Это издание было уступлено ему, но он его *перепродал* без моего ведома и без соблюдения моих интересов какому-то харьковскому адвокату по фамилии Берману. Если сможете увидать Петра Краснова, потребуйте у него 25 авторских экземпляров «Демонов Глухонемых», которых я не получил, и тогда оставьте экземпляр для себя и другой для Хорошко, или по крайней мере двух книг – одну для Хорошко, другую для меня. А кроме того *всех моих рисунков* для этой книги, из которых половина была не использована.

Напишите мне о Софии Абрамовне: как приняла она свою потерю?[5] Ее горе и удар мне особенно близки. Я вспоминаю о вечерах, проведенных нами у нее в Севастополе, как о самом интимном и милом, что было в Севастополе. Передайте ей мой привет и глубокое соболезнование. Благодарю Вас и ее за заботу о моих письмах в Берлин.

Теперь я уже не связан тем, что меня приковывало к Коктебелю: одиночеством моей матери. Но я должен устроить судьбу моего дома и библиотеки, прежде чем уеду. Перевозить их в Феодосию не хочу, т<ак> к<ак> хочу оставить это убежище дней уединенной работы неприкосновенным. Очень было бы желательно иметь специальную бумагу от какого-нибудь влиятельного лица или учреждения, *поручающего* местным (Крымским, Феодосийск<им> и Коктебельским властям) *заботу о сохранении и неприкосновенности дома, мастерской, библиотеки, архива поэта и художника М.А. Волошина.* Если бы Вы могли мне достать что-нибудь такое – я был бы Вам глубоко благодарен, Леонид Захарович. Спасибо за Вашу дружбу и <в>нимание. Жалею, что не могу Ивана Даниловича поблагодарить лично за его такие ценные для меня услуги. Всего лучшего.

Максимилиан Волошин.

[1] Денежный перевод (300 миллионов) от Л.З. Каменского, который писал Волошину из Харькова 22 декабря 1922 г.: «Во время Всеукраинского съезда заехал ко мне ближайший мой друг, школьный и партийный товарищ, председатель Подольского Губернского Кооперативного объединения – Иван Данилович Хорошко. Он знает Вас по Вашим стихам очень хорошо, читал все то, что можно было прочитать из изданного Вами, – и очень ценит Вас. Мы много говорили с ним о Вас и, между прочим, я сообщил ему об испытываемой Вами большой материальной нужде. В связи с этим он хотел было раньше наладить Вам, по возвращении домой, продовольственную посылку <...> – но потом совершенно основательно решил, что “улита едет – когда-то будет”, да и дойдет ли она до Вас по почте, а потому предпочел, уезжая, оставить мне для Вас триста миллионов, которые я и пересылаю Вам. Боюсь – не отнесетесь ли Вы к нашей навязчиво-

сти слишком строго <...>. Мне хочется верить, что *мы с Вами* достаточно близки друг другу, чтобы Вы могли от меня лично принять такую небольшую товарищескую услугу (и, если бы я, политработник, получал бы такое содержание, как товарищи по хозяйственной работе, – я, естественно, и сделал бы это) – ну, а Иван Данилович так близок мне, что он с полным основанием может представлять меня самого – и наоборот. К тому же он, сын рабочего, человек с такой тонкой и аристократической (в хорошем смысле этого слова) душой, так честен и порядочен, что и от него *непосредственно* Вы можете принять эту услугу с чистой совестью. – Тем более же, что он настойчиво просил меня сделать это исключительно *от моего имени*, что я вынужден был обещать ему, но каковое обещание, *естественно*, не могу исполнить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 613, л. 6–7).

[2] См. примеч. 1, 2 к п. 227.

[3] Жена С.Н. Булгакова с 1898 г. – Елена Ивановна Булгакова (урожд. Токмакова; 1873–1945), литератор.

[4] В цитированном письме Каменский сообщал о желании Хорошко получить сборник Волошина «Демоны глухонемые», «который он хочет еще раз прочитать».

[5] В том же письме Каменский упоминал о смерти отца С.А. Левандовской.

230. А.С. ЯЩЕНКО

12 января 1923 г. Коктебель

Дорогой Александр Семенович,

позволь тебя познакомить с юным и начинающим литератором Владимиром Иннокентьевичем Кожевниковым, с отцом которого я дружен,[1] а его знал ребенком. Пожалуйста, отнесись к нему внимательно и направь его.[2]

Я тебе написал большое и очень подробное письмо, которое ты получишь (если еще не получил) через Наркоминдел.[3] Обнимаю.

МАХ.

P.S. Мама умерла 8 янв<аря>.
12 янв<аря> 1923.

[1] И.С. Кожевников.

[2] В письме из Берлина от 3 мая 1923 г. В.И. Кожевников благодарил Волошина за рекомендательные письма (в частности, к А.С. Ященко) и сообщал о совершенных заграничных путешествиях (Китай, Гавайские острова, Америка, Швейцария) (Труды и дни-2. С. 185).

[3] Об этом письме см. примеч. 1 к п. 221.

231. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

14 января 1923 г. Коктебель

14/I 1923. Коктебель. Почтов<ый> адрес: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Пра умерла на второй день праздника 8-го января.[1] Я вернулся после моего шестимесячного лечения в Саках и в Севастополе и застал ее уже в постели. Она слегла от слабости. У нее было полное отсутствие аппетита. Она отказывалась от всякой пищи и говорила о смерти. Последнему не верилось, т<ак> к<ак> температура и сердце были вполне нормальны. Но задыханье все увеличивалось и очевидно начиналось остекленение легких от энфиземы. Так прошел очень тяжелый месяц. Слабость все прогрессировала. К счастью, я был не один. За это лето в мое отсутствие Пра очень подружилась с моей приятельницей Марусей Заболоцкой, которая и сестра, и фельдшерица. Она приходила к ней все лето по воскресеньям, а теперь совсем оставила службу и переселилась в Коктебель и была при маме безотлучно. В сочельник Пра захотела, чтобы были приглашены Юнге и было устроено все как полагается: кутья, узвар и т.д. Она не могла уже сесть в кресло, но мы ужинали рядом с ее постелью. На первый день Рож<д>ества она перестала внятно говорить. Но вечером посидела в кресле часа 2. Всю ночь я сидел с нею. Около 4-х утра начался полубред и стоны. Она умерла в 2½ дня, спокойно и почти незаметно.

В гробу она лежала похудевшая, с молодым лицом, стремительным и решительным лбом с откинутыми волосами.

Рот сложился в ироническую торжествующую усмешку. Мне очень хотелось снять маску. Но гипс оказался отсыревшим. Ее несли на коктебельское кладбище с открытым лицом. По горам бродили зимние туманы, а <по> Коктебельскому заливу пятна жидкого солнца. Во время погребения низко над самой могилой чертил круги орел.

Я получил Ваше последнее письмо (о моих и чужих стихах)[2] перед самым моим отъездом на лечение в июле месяце. И летом не мог ответить Вам, потому что лечение отнимало много времени и сил – я был все это лето в состоянии изнеможения – сперва 1½ месяца на грязях в Саках, потом в Севастополе в Институте физических методов лечения, где меня лечили восемью различными способами ежедневно. В антрактах я читал лекции и стихи в Евпатории, в Симферополе, в Ялте – меня расхватывали, и это было еще большее утомление. Приехал я в Феодосию 1 декабря, и сейчас же у меня начался припадок астмы, который длился 16 ночей. 16 ночей простоял я у притолки, глотая воздух, или опершись на подоконник, не будучи в состоянии ни сесть, ни лечь. И только тревожное письмо от Юнге о болезни Пра заставило меня немедленно проехать в Коктебель. Но в общем я от болезни сильно поправился.

Теперь я думаю пробыть в Коктебеле месяца 2½ для того, чтобы поработать, подготовить к печати ряд книг, дописать ряд стихов, а потом приеду в Москву, т<ак> к<ак> Маруся Заболоцкая обещает остаться без меня – смотреть за домом. (Я не могу иначе его оставить). Если все случится, как я надеюсь, мы увидимся к концу апреля.[3]

Большое спасибо, Юлия Леонидовна, за Ваше подробное письмо о стихах. Ваш отзыв для меня ценен вдвойне: и как критика и как одобрение – и с тем и с другим я глубоко согласен. Но все же буду немного защищать «Личины»: они необходимы как фактическая запись, свидетельство поэта-очевидца, экстракт действительности – со всеми словеч-

ками, отмечающими дух эпохи: отмечал и фиксировал то, что казалось ценным в записях других эпох. Я не думаю равнять личины с Ликами. Но пишу *и* Личины, сознавая их необходимость, потому что ужасно мало документов сохранится от нашего времени, а стихи имеют больше шансов запомниться и как отдельный цикл в большой книге.[4]

Стихи Ходасевича – прекрасны. Особенно поразила меня «Обезьяна».[5] Оно великолепно по конструкции. Но я не видал его «Тяжелой Лиры».[6] Он сразу вырос до классика. Также и Ахматова в «ANNO DOMINI 1921».[7] Не согласен с Вами в Вашем суровом суждении о «Конце Казановы». Его романтизм и сжатость пушкинских маленьких драм мне определенно понравились. И мне пришли на ум именно они, а не Ростан.[8] Может, я подкуплен нежностью к герою? Не знаю. Орешин в Ваших цитатах мне понравился, но его книга о голоде мне стала определенно противна.[9] Очень мне понравился «Пламенный Столп» Гумилева, где почти нет тех недостатков, за которые я его обычно не любил.[10]

Юлия Леонидовна, Мос<ковский> Госиздат предложил мне переиздание моих старых книг стихов.[11] Мы задумали с К<онстантином> Ф<еодоровичем> издать книгу «Киммерийские Сумерки»: все мои стихи о Киммерии и нарочно для нее исполненный цикл литографий.[12] Стихи – написанные – facsimile. Моя вступительная статья о Киммерии и Киммерийской школе пейзажа и феод<осийской> старине – всё посвященное памяти Алекс<андры> Михайловны.[13] Помогите нам в этом с К<онстантином> В<асильевичем>.[14]

Кроме того мне хотелось бы издать моего «Протопопа Аввакума» с Вашими иллюстрациями, Юлия Леонидовна. Что вы об этом думаете? Мне кажется, это могло бы Вас захватить и это бы удалось Вам – и стиль и пафос.[15]

Получил ли Конс<тантин> Васильев<ич> мое письмо, написанное из Феодосии в половине декабря?[16]

Прилагаю два последних стихотворения (летом ничего, конечно, не писал).[17]

Крепко обнимаю К<онстантина> В<асильевича>. Привет Ек<атерине> Иван<овне> и Ф<еодору> К<онстантиновичу>.[18] Известите, пожалуйста, всех обормотов о смерти Пра.[19] Передайте Володе Рогоз<инскому> письмецо: я не знаю его московского адреса, а Ольг<у> Арт<уровну>[20] так и не видал, т<ак> к<ак> в Феодосии болел сам.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 1, 2 к п. 227.

[2] См. примеч. 6 к п. 194.

[3] В 1923 г. приезд Волошина в Москву не состоялся.

[4] В ответном (недатированном) письме (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 23 об.) Оболенская отмечала: «Защиту Личин вполне принимаю – неужели я сама не оговорила этого?».

[5] Стихотворение «Обезьяна» («Была жара. Леса горели. Нудно...») из книги В. Ходасевича «Путем зерна. Третья книга стихов» (М.: Творчество, 1920; 2-е изд. – Пб.: Мысль, 1922). См.: *Ходасевич Владислав.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Русский путь, 2009. Т. 1. С. 108–109. В письме от 5 июля 1922 г. Оболенская спрашивала Волошина: «А Вы знаете новые стихи Ходасевича? Совсем другое дарование, но каким классически прекрасным он становится. На всякий случай посылаю книжонку» – и далее выписала большой фрагмент из стихотворения «Дом», входящего в «Путем зерна» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 15–15 об.).

[6] Книга В.Ф. Ходасевича «Тяжелая лира. 4-я книга стихов. 1920–1922» (М.; Пб.: Гиз, 1922).

[7] Книга Анны Ахматовой «Anno Domini MCMXXI» (Пб.: Петрополис, 1921). Отзыв об Ахматовой содержит письмо Оболенской к Волошину от 20 мая / 2 июня 1918 г.: «Вышла недавно <...> новая книга Ахматовой “Белая стая”. Очень хорошо, совсем ничего нельзя выкинуть; делается настоящим мастером. Прежде она мне не нравилась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 47).

[8] Книга Марины Цветаевой «Конец Казановы. Драматический этюд» (М.: Созвездие, 1922). Отзыв Оболенской о ней см. в примеч. 8 к п. 194, а также в ее ответном письме: «Перед Казановой я действительно немного виновата, сгоряча не оценив не ослабевающего ни на минуту напряжения. Меня оттолкнула развязность посвящения и вступления. Но я всеми силами протестую против родства с пуш-

кинскими драмами <...> у Марины много доходящего до пошлости даже в герое (к которому и я чувствую величайшую нежность). Но в Дон Жуане П<ушкина> – ведь она немыслима: он обаятелен до ясно слышного тембра его голоса. <...> Жаль, у меня нет Ростана, а память изменила увлечению ранней юности. Но пафос его остался в памяти, и узнаю его здесь. Для драмы пушкинского стиля он слишком однообразен и беден».

[9] Имеется в виду книга Петра Орешина «На голодной земле. Поэма» (М.: Красная новь, 1922). В письме к Волошину от 5 июля 1922 г. Оболенская привела отрывки из трех стихотворений Орешина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 902, л. 16–17).

[10] Имеется в виду книга стихов Н. Гумилева «Огненный столп» (Пб.: Петрополис, 1921; 2-е изд. – Пб.; Берлин: Петрополис, 1922).

[11] См. примеч. 222, примеч. 11.

[12] См. п. 223, примеч. 7. «Киммерийские сумерки» – заглавие цикла из 14 стихотворений в книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910).

[13] А.М. Петрова.

[14] К.В. Кандауров.

[15] Замысел отдельного издания поэмы «Протопоп Аввакум» не реализовался. Оболенская отвечала на предложение Волошина: «Что касается до Аввакума, я была бы в восторге от такой работы – только пропустит ли его цензура? Гонение доходит до суеверия, изгоняются елочные ангелочки <...> Бога нельзя писать с большой буквы, и т.п. Думаете ли Вы, что при таком настроении он пройдет благополучно? Впрочем, это только мои собственные соображения, подкрепленные недавними рождественскими процессиями богоборцев наших. И хочу думать, что преувеличиваю, п<отому> ч<то> мне уже жаль расстаться с мыслью об этих иллюстрациях».

[16] Подразумевается п. 223. На вопрос Волошина Оболенская ответила, что Кандауров письма не получал.

[17] Судя по ответному письму Оболенской, к письму Волошина были приложены стихотворения «Русь» («Русь гулящая») и «Голод»:

«О новых стихах: я с большим интересом слежу за эволюцией этого образа у Вас. (Русь) <...> Новое лицо сперва поразило меня дикой силой и яркостью, но сразу почти стало как-то двоиться, точно на одну пластинку снятые два лица. Я долго думала, отчего это и чье это лицо, и, всматриваясь в свою память, увидела, что это, конечно, не та громадная безошибочно современная фигура, кото-

рая так пленила меня <в> “На вокзале”, а эволюция той несколько ретроспективной и очень цельной в своей декоративности царской невесты из “расписных теремов”. Только тогда ее бунт был мне понятен (хоть и уклончиво объясняли Вы: “уж такое подвернулось дело”) <Подразумевается стихотворение “Святая Русь”. – *Ред.*>. А теперь уже много времени прошло, и мне кажется, что Та, которая плачет в подклетях, не та, что пляшет на площадях. Пляшет – кумашная (и не пьяная, пожалуй, а слишком трезвая) а плачет – “кондовая, избяная, толстозадая” <Образ из гл. 2 поэмы А. Блока “Двенадцать”. – *Ред.*>. И та кумачная уж, конечно, никого ни о чем не просит, и молитвой ее не проплавить, и любви ей не надо, недаром в “бесстыжих песнях” хочет добиваться всего “своею собственной рукой” <Цитата из “Интернационала”. – *Ред.*>. Я не могу эти два лица сплавить воедино <...>. И некоторые черты этого лица уже проскальзывают: видишь его иногда в солдатской массе, совершенно новой по выражению. Иногда в стриженой низколобой девочке с Урала, заявляющей о себе: “я работник – массовик”... <...>

“Голод” принадлежит к тем вещам, о которых я по малодушию своему говорить не в силах: много времени должно пройти, чтобы всякое суждение о нем со стороны формы не показалось бы тем же, что “благоуханье”, “луч солнца” и “цветы” в конце его. <...> в “Красной Нови” (май – июнь) мы нашли три великолепнейших отрывка – “Меч”, “Порох” и “Пар” – самого совершенного волошинского стиля, какой только можно вообразить себе – mes compliments!»

[18] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[19] Близкий круг друзей Волошина и Е.О. Кириенко-Волошиной, сформировавшийся в Коктебеле летом 1911 г. В ответном письме Оболенская признавалась: «...я так надеялась еще раз увидеть Пра, и мне кажется теперь, что какую-то часть моей жизни прошедшей зарыли в землю. <...> Какое счастье, что Ваша знакомая не оставила ее беспомощную одну – это было бы уж очень страшно. И хорошо, что Вы успели приехать к ней». В приписке к письму К.В. Кандаурова к Волошину от 1 февраля 1923 г. Оболенская добавляла: «Как странно думать о Коктебеле без Пра. <...> Тяжелым камнем легла на мою душу смерть Пра. <...> Коктебель без мужественной и грозной фигуры Пра не укладывается у меня в голове» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[20] О.А. Рогозинская.

232. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

7–15 января 1923 г. Коктебель

7 января 1923 года, Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Письмо Ваше[1] застало меня в очень тяжелых обстоятельствах и таком же расположении духа. В Феодосию с лечения я вернулся 1-го декабря и тотчас схватил припадок астмы, который длился 16 дней, и 16 ночей простоял у притолоки или облокотившись на подоконник. Тут я был вызван в Коктебель известием, что маме очень плохо. Застал ее в постели задыхающейся и бесконечно слабой. Так она с постели и не вставала и, по-видимому, уже и не встанет. Она отказывается от еды и тихо угасает. Почти не говорит, не узнает, находится в полусознательном состоянии: жизнь утекает на глазах с каждым днем. На мне хозяйство, кухня, ухаживанье за больной. К великому моему счастью, я все-таки оказался не один: ко мне приходит из Феодосии, остается здесь и помогает мне Марья Степановна Заболоцкая. Вы ее, кажется, совсем не знаете: это ученица и воспитанница Н.К. Михайловского[2]. Мы с ней дружны давно, а с мамой она очень сдружилась, навещая ее во время моего отсутствия летом. Без нее не знаю, что бы я стал делать. Жить маме осталось не месяцы, а недели, может быть, дни. Часто вспоминаю Ваш глубоко верный и мудрый рассказ «Смерть».[3]

Все это сказалось, конечно, на рабочей продуктивности: летом во время лечения – работать было немыслимо: грязи, электричество и общие световые ванны слишком переутомляли все время, теперь о работе тоже нечего и думать. Так что «Путями Каина» остаются всё в таком же незавершенном виде, как были весною. Но я все-таки не оставляю надежды закончить их к весне. Сколько я знаю, ни «Государство», ни «Пророк» еще в «Красной нови» не напечатаны. Мне пришлось много раз всю эту серию читать летом в самых разнообразных аудиториях, и я пришел к необходимости существенно переделать «Пророка» (т.е. принужден в конце концов согласиться с теми доводами, что Вы мне приводили

с самого начала). И потому, если возможно, задержите еще немного печатанье «Пророка».[4] Напротив, «Государство» — определилось окончательно.

13.I.1923.

В тот вечер, когда я писал Вам предыдущее (это был первый день праздника), я был оторван начавшейся агонией, а восьмого мама умерла около двух часов дня.

Похоронили ее на третий день. Умерла она от энфиземы: и температура, и сердце до самого конца были нормальны, только шла все возрастающая слабость и полусонное состояние. Говорить последние дни почти не могла.

Не знаю, как бы я справился со всем, если бы не присутствие и помощь Маруси Заболоцкой, которая и теперь остается со мной и обещает остаться в Коктебеле на время моей поездки в Москву. Мой план — приехать во второй половине марта,[5] а до этого написать ряд стихов и подготовить к печати ряд книг. Каких — ниже. Кроме того, останавливает меня и отсутствие теплого пальто, и ряд хозяйственных забот.

Не можете ли Вы мне помочь, Викентий Викентьевич, добыть для моего дома, мастерской, библиотеки и архива солидную охранную грамоту непосредственно из центра и подписанную внушительным именем. Она, на время моего отъезда, будет крайне необходима, тем более что прежние грамоты от Крымского правительства теперь теряют авторитет ввиду упразднения последнего.

За эти дни я успел закончить два новых стихотворения «Голод» и «Русь»[6] и посылаю их Вам для печати, если только они цензурны, в чем сомневаюсь.[7] Прилагаю к ним два, еще не напечатанных, моих перевода из Виктора Гюго из «Страшного года» — о расстрелах коммунаров: их можно использовать к 15 марта.[8]

Прилагаю для «Госиздата» список книг, что у меня готовы к печати и переизданию (ответ на запрос),[9] и несколько ответов к различным издательствам, которых прошу за всем обращаться к Вам, а также свидетельство о том, что поэту Миндлину я никаких прав на печатанье моих стихов не давал.[10]

Привет Марии Гермогеновне.[11]

Максимилиан Волошин.

15.I.1923.

Вы спрашиваете о «Записках Вигеля».[12] У меня Новицкие их не оставляли. Юнге не помнят, но обещали их поискать на чердаке. Я сам их с удовольствием прочту, ежели найдутся, и привезу Вам.[13] Очень интересуюсь Вашей работой о Пушкине.[14] Меня очень интересует в судьбе Пушкина вопрос о благодетельности ссылок для писателей при царском режиме и о том, как могло бы быть хорошо для Пушкина, для всей его судьбы и для творчества, если бы он был сослан вместе с декабристами.

Это, во всяком случае, сохранило бы его жизнь по крайней мере до 60-х годов. Последнюю мысль мне когда-то дал Л.П. Гроссман. Он, кстати, в Москве. Встречаете ли Вы его иногда? Это один из благороднейших характеров в современной литературе, и я очень его рекомендую Вашему вниманию, если судьба Вас сведет с ним.

Посылая Вам для «Госиздата» список моих книг, готовых для издания или переиздания, я делаю еще для Вас такие примечания: в настоящее время моих книг в продаже нет совершенно, кроме, может быть, сборника избранных стихотворений «Иверни» в изд<ательстве> «Творчество». 2 книги сейчас печатаются в Москве: «Суриков» и «Selva oscura» (2-я книга лирики) с рисунками К.Ф. Богаевского в «Госиздате».[15] Мне, конечно, желательнее всего было бы в первую голову издать все мои стихи о войне и о революции отдельной книгой под общим заглавием «Неопалимая Купина», но, очевидно, это невозможно по цензурным условиям, а я кромсать и сокращать эту книгу ух как не хотел бы именно потому, что из нее очень легко было бы выкроить очень лояльно-революционную книгу.

Тогда, раз это невозможно, хочу прежде всего перепечатать первую книгу лирики: «Годы странствий» (1-е изд<ание> у «Грифа» в 1910 году. Распродана),[16] потом книгу переводов стихов Анри де Ренье. Стихи еще не печатались нигде, даже в журналах. Но к ним еще хочу присоединить перепечатку 2 моих статей о Ренье и 6 рассказов, изданных в свое время

отдельной книжкой.[17] И то, и другое я готовлю в первую голову. Кроме того, очень мечтаю об издании, совместно с Богаевским, книги «Киммерийские сумерки». Сейчас искусство К.Ф. Богаевского очень ценится, и, вероятно, издание большого альбома его литографий, сделанное Гос<ударственным> изд<ательством>, будет иметь большой успех. Мои стихи о Киммерии и его пейзажи очень близки друг другу и духовно, и исторически. Собрать их в одной книге имеет большой смысл и снабдить большою статьей о Киммерии и о киммерийском искусстве. Вот три книги, которые я бы хотел издать этой весною. А остальные надо только подобрать и кое-что проредактировать. Я их привезу с собою. Большое спасибо, Викентий Викентьевич, за Ваше предложение быть «Плетневым», благодарю Вас от всей души и принимаю его.[18] Раз «Selva oscura» уже издается, а «Неопалимая Купина» не цензурна, то роль Софии Яковлевны Парнок этим кончается. А все остальное буду посылать Вам отныне. Корректуру «Selva oscura» С.Я. Парнок обещала продержать сама. А если из стихотворений Анри де Ренье Вы найдете удобным и выгодным напечатать раньше кое-что или все в периодических изданиях, то Вы ей передайте, что найдете нужным.

Я не пишу ей всего этого (положение слишком деликатное). Но все само собою получится как надо, раз материал, посылавшийся ей, уже истощен. Относительно Миндлина прилагаю удостоверение такое же, какое послал и Софии Яковлевне Парнок.

Крепко жму Вашу руку и горячо благодарю за всю Вашу дружбу ко мне. Если приеду в апреле, могу ли остановиться у Вас, как Вы предлагали? Если неудобно, напишите мне, не стесняясь, – у меня есть еще несколько возможностей.[19]

Привет Марии Гермогеновне. Как ее театральные дела и успехи? Получила ли Наталья Ивановна Манасеина Ваши посылки – не знаю,[20] но дошел слух, что ей плохо и было что-то вроде предупреждения удара.

Максимилиан Волошин.

P.S. Т<ак> к<ак> я совершенно ничего не знаю и не понимаю в выгоде или невыгоде издательства – то я в своем письме в Гос<ударственное> изд<ательство> перечислил все книги, что у меня имеются для издания. А Вас очень прошу внимательно просмотреть мое письмо и самому решить распределение этих изданий и, может быть, совсем не передавать этого списка в Гос<ударственное> изд<ательство>, а я напишу туда по Вашим указаниям.

[1] Письмо В.В. Вересаева из Москвы от 14 декабря 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 14–15 об.).

[2] Зафиксировано позднейшее (1973) признание М.С. Волошиной (Заболоцкой): «А Михайловский, атеист, учил меня Закону Божьему! Особенно катехизису» (*Волошина М.С.* О Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма / Сост., подгот. текстов и примеч. Вл. Купченко. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2003. С. 230).

[3] Рассказа под таким названием в творческом наследии Вересаева нет.

[4] В окончательной редакции (дата завершения работы – 25 января 1923 г.) это стихотворение получило заглавие «Бунтовщик». См.: Т. 2 наст. изд. С. 34–38. 16 марта 1923 г. Вересаев писал Волошину: «“Государство” и “Пророка” я успел передать Воронскому до набора, так что появится (в ближайшей книжке “Красной Нови”) в новой редакции» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 18).

[5] См. примеч. 3 к п. 231.

[6] Стихотворение «Русь гулящая» («В деревнях погорелых и страшных...», 5 января 1923 г.).

[7] Стихотворение «Голод» тогда не было опубликовано, «Русь» впервые напечатана в Литературном приложении № 40 к берлинской газете «Накануне» 18 февраля 1923 г. (№ 264), повторно – в журнале «Россия» (1924. № 2. С. 83) под заглавием «Русь гулящая».

[8] Подразумевается День Парижской Коммуны (18 марта). Стихотворения Виктора Гюго «Расстрелянные» («Les fusillés») и «На баррикаде» («Sur une barricade, au milieu des pavés») из его книги «Страшный год» («L’Année terrible», 1872). 22 февраля 1923 г. Вересаев сообщал Волошину, что передал присланные стихотворения А.К. Воронскому для «Красной нови»: «... передал ему все, что вы в последний раз прислали, – и оригинальные два, и переводы. Чтó он из них возьмет, – не знаю; переводы, во всяком случае, возьмет, а насчет оригинальных, по-видимому, боится» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 16). Переводы двух стихотворений Гюго были опубликованы в «Красной нови» (1923. № 2. С. 132–134).

[9] См. п. 233.

[10] В письме к Волошину от 14 декабря 1922 г. Вересаев сообщал: «Недавно я слышал (но оговариваюсь, – довольно смутно), что какой-то Миндлин тоже распоряжается Вашими стихами».

[11] М.Г. Смидович.

[12] «Сейчас бешено изучаю Пушкина, – сообщал Вересаев Волошину в письме от 14 декабря, – собираюсь писать о нем целую книгу. Кстати: у А.П. Новицкого осталась в Коктебеле его книга, – Записки Ф.Ф. Вигеля. Если она у Юнге или у Вас, если можно ее достать, – привезите с собою в Москву. Добывать все это теперь ужасно трудно». Имеется в виду 2-е издание «Записок» Ф.Ф. Вигеля (Ч. 1–7. М., 1891–1893).

[13] Дополнительное уточнение – в письме Вересаева к Волошину от 16 марта 1923 г.: «“Записки Вигеля”, как мне пишет Мар<ия> А<лексеевна> Новицкая (они с октября месяца живут в Киеве), на чердаке у Юнге, – частью в корзине, частью около нее; найти ее легко, – книга большая, толстая, переплетенная, – таких там мало».

[14] Итогом этой работы стало подготовленное Вересаевым издание в четырех выпусках «Пушкин в жизни (Систематический свод подлинных свидетельств современников)» (М.: Новая Москва, 1925–1927) – свод биографических сведений, почерпнутых из различных документов, писем, мемуаров. Неоднократно переиздавалось с авторскими дополнениями.

[15] Оба издания не состоялись.

[16] «Годы странствий» – заглавие первого раздела книги Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910).

[17] Имеются в виду книга Анри де Ренье «Маркиз д’Амеркёр» в переводе Волошина (М.: Альциона, 1914), а также статьи «Анри де Ренье» и «Аполлон и мышь» из кн. 1 «Ликов творчества» (М., 1914; см.: Т. 3 наст. изд. С. 71–93, 134–157) и, возможно, также более поздняя («Анри де Ренье»), при жизни Волошина не публиковавшаяся (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 405–411).

[18] «Да я буду для Вас, как Плетнев для Пушкина <...>», – писал Вересаев Волошину 14 декабря 1922 г. П.А. Плетнев был ближайшим помощником Пушкина в издательских и литературных делах; почти все книги Пушкина, начиная с 1826 г., были изданы Плетневым.

[19] Вересаев отвечал 22 февраля: «Приезжайте, дорогой Максимилиан Александрович! Будет, конечно, не так просторно, как летом, но устроимся».

[20] В письме от 14 декабря Вересаев сообщал: «Получаю от Манасеиной отчаянные письма, которые меня повергают в сильное смущение: я ей за этот месяц перевел около миллиарда рублей (в ценных пакетах, со вложением денег <...>)».

233. В ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (МОСКВА). СЕКРЕТАРЮ РЕДАКЦИОННОГО СЕКТОРА

16 января 1923 года. Коктебель

В ответ на отношение за номером 6862
от 27 окт<ября> 1922 г.

На запрос Ваш, полученный мною только в декабре, отвечаю:

Предложение Ваше об издании моих произведений Моск<овским> Гос<ударственным> Изд<ательством> мне крайне приятно и вполне соответствует моим желаниям.

В настоящее время в продаже ни одной моей книги не имеется (кроме, б<ыть> м<ожет>, «Иверней» – избр<анных> стихотв<орений>, изд<ательство> «Творчество»). Поэтому имею предложить Вам следующие книги:

1) «Годы странствий». Стих<отворения>, книга 1-я, 2-е изд. С собственными рисунками и заставками, воспроизводимыми цинкогр<афским> способом, числом 25–30. (Первое изд<ание> «Гриф», 1910 – распродано.)

2) «Selva Oscura». 2-я книга стихов. Печатается в настоящее время в Моск<овском> Гос<ударственном> Изд<ательстве> с рис<унками> Богаевского. Ранее не издан<ная>.

3) «Киммерийские сумерки». Под этим именем я имею предложить Гос<ударственному> Изд<ательству> такое художественное издание: моя большая статья о киммерийском пейзаже, о К.Ф. Богаевском и о киммерийской школе живописи. Цикл литографий К.Ф. Богаевского на темы моих киммерийских стихотворений. Цикл моих киммерийских стихов (уже напечатанных в двух предыдущих книгах), воспроизведенных факсимиле литографическим способом. Книга эта и по тексту, и по рисункам будет представлять очень связанное и цельное целое. Над ней мы работаем в настоящее время вместе с Богаевским. Осуществить же ее сможем только в Москве, где имеются литографские камни и куда за этим приедем оба, если издание будет решено.

4) «Путями Каина» – последняя книга стихов, которую надеюсь закончить этой зимой.

5) «Неопалимая Купина» – книга всех стихов, написанных о войне и революции (1914–1923). В нее должны войти ранее изд<анные> книги: «Anno Mundi Ardentis» (1915), «Демоны Глухонемые» (Харьков, 1919) и все написанные позже, как «Личины», «Усобица», «Пути России».

Но т<ак> к<ак> все эти стихи оказываются, к моему удивлению, политически не цензурны, то ее едва ли удастся осуществить, т<ак> к<ак> я не хочу ни сокращать, <н>и искажать этого целостного отражения Революции.

6) «Протопоп Аввакум» – поэма. Напечатана в «Демонах глухонемых». Художественное издание с иллюстрациями.

Переводы:

7) Анри де Ренье. Содержание: 2 моих статьи о Ренье (перепечатка), перев<од> 2 поэм и 20 стихотв<орений> (неиздан<ных>)и 6 рассказов (переиздание).

8) Поль Клодель. Содержание: 2 моих статьи о нем (пере<печатка>). Переводы: ода «Музы» и трагедия «Отдых седьмого дня» (неиздан<ный>).

9) Вилье де Лиль-Адан. Статья о нем и перевод трагедии «Аксель» (неиздан<ный>).

Книги критики:

10) «Лики творчества» (Франция), второе издание.

11) «Лики творчества», т. II (о театре) – неиздан<ный>.

12) «Лики творчества», т. III (о живописи) – неиздан<ный>.

13) «Лики творчества», т. IV (о литературе) – неиздан<ный>.

Я перечислил здесь все, что у меня имеется для издания. Из них сейчас же предлагаю Вам: «Годы странствий» (1), «Киммерийские сумерки» (3) и Анри де Ренье (7) и, если успею окончить, «Путями Каина».

По вопросу об этих изданиях все свои авторские права доверяю Викентию Викентьевичу Вересаеву.[1]

Максимилиан Волошин.

Коктебель. 16 января 1923 года.

Адрес для писем: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

[1] Ни одно из предложенных изданий Государственным Издательством не было осуществлено.

234. С.З. ФЕДОРЧЕНКО

26 января 1923 г. Коктебель.

26/I 1923. Коктебель. Почт<овый> адрес: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Софья Захаровна,

простите, что отвечаю Вам так поздно.[1] Я вернулся из Севастополя в Феодосию 1-го декабря и немедленно заболел астмой. 16 ночей простоял у притолоки задыхаясь. Потом был спешно вызван в Коктебель известием о болезни моей матери. Застал ее в постели, с которой она уже не встала; она умерла 7 янв<аря> (II-ой день Рождества)[2] от своей хронической болезни, которой она страдала последние годы, – энфиземы легких (единственной болезни за всю жизнь). Ей было 73 года. Она сохраняла до конца бодрость, энергию и молодость ума. Жила последние годы (из-за моей болезни) совершенно одна в пустом доме, на берегу пустынного залива – без присмотра и без соседей.

Она только боялась помереть без меня и потому не хотела, чтобы я куда-нибудь уезжал из пределов Крыма. Ее желание исполнилось – я был все время при ней. Теперь я морально свободен ехать куда хочу. Но меня теперь связало другое: судьба моего дома, библиотеки, мастерской. Нужно кого-нибудь здесь поселить на время моего отсутствия, что трудно. Сейчас со мной мой большой друг – Маруся Заболоцкая, которая навещала маму во время моего лечения, оставалась при ней во время ее болезни. Она взялась за хозяйство, и это дало возможность сесть за писание стихов. Главным образом за «Пути Каина». Но она не сможет остаться здесь без меня. Но я все-таки надеюсь, что судьба пошлет мне нужных людей и что я смогу приехать в апреле в Москву.[3] К весне и люди такие скорее найдутся, и я успею кое-что написать.

Пребывание в Севастополе было полно всевозможных курьозов, начиная с севастопольских образцовых санаторий, в которых все белье (постельное, столовое, носильное...) отмечено жирным штемпелем «ВЕНЕРИЧЕСКОЕ». На это слово Севастополю вообще везет: там есть Кафе Венера, пере-

веденное рядом по-французски «Café Venera». Обед в санаториях сервировался в старых плевательницах, а ухаживали за больными сиделки, имевшие хороший стаж по сумасшедшим домам. Достопримечательности Толст<овского> Музея[4] Вам знакомы. Политические курьёзы были еще веселее: уже после отъезда Розановых[5] я был приглашен Нач<альником> Полит<ического> Упр<авления> читать лекции в дискуссионном Кружке, куда допускались только коммунисты, и по строгому выбору или... по моей рекомендации... Так что «работникам из центра» я выдавал свидетельства об их полной лояльности.

О евпаторийских делах: в Севастополе уже я получил от Над<ежды> Иосиф<овны> письмо о том, что наш друг Шницер не оставил в покое Биим Ананьевну.[6] Я принял все соответственные меры через Саид-Галиева и через Пав<ла> Ив<ановича> Нов<ицк>ого.[7] Писал Б<иим> А<наньев>не, но ничего от них не получал и только теперь из намека Вересаева понял, что они уже в Москве.[8]

Передайте им: в Ялте я встретил Павла Ив<ановича>, он хохотнул свойственным ему внезапным и отрывистым смехом из бочки и сообщил мне, что об цензор<ских> подвигах Шн<ицера> был дан фельетон в «Кр<асном> Кр<ыму>».[9] Он примчался оправдываться. Воен<ная> Цензура выступила в его защиту. Тогда Гавену были представлены подлинники (ноты, резолюции на программах концертов* и т.д.) и веществен<ные> доказательства, и тогда Пред<седатель> Крым<ского> Ц. И. К. положил резолюцию «Арестовать». Дальнейшего не знаю.

Как наш «Египет» устроился в Москве и устроился ли? Вересаев пишет, что не мог помочь.[10] Меня очень тревожит их судьба в Москве. Слышно ли что о Бланке?[11] Вы пишете, Софья Захаровна, что вместе с письмом посылаете книгу. Увы, книги я никакой не получил. Неужели это было I-ое изд<ание> «Народа о войне»?[12] Мне тогда в 10 раз более досадно, т<ак> к<ак> мне оно постоянно необходимо и для себя и пропаганды Вас.

---

* *В автографе:* концертах.

Большое спасибо за Вашу память обо мне, которую я увидел в нескольких издат<ельских> телеграммах. К сожалению, я только «Накануне» мог ответить утвердительно,[13] т<ак> к<ак> все московские дела передал Вересаеву и мог только направлять к нему. А у него сейчас нет моего литературного материала, т<ак> к<ак> осталось только нецензурное (у Соф<ьи> Яков<левны>[14]). А нового у меня за все это время не было. Может быть, в «Накануне» можно спустить все нецензурное? (я от них уже и гонорар получил, но за что именно — не знаю).[15] Все, что у меня будет нового, я буду посылать через Вересаева (для порядка), который ко мне необычайно внимателен и активно-дружественен. Посылаю Вам 2 нов<ых> стихотв<орения>, напис<анных> в январе. (Ничего не имею против того, чтобы они попали в «Накануне» — но в Москве — всё через Вересаева).[16]

Как Ваше здоровье теперь и как Вы живете сейчас? Уже в Толст<овском> подвале?[17]

Благодарю Ник<олая> Петр<овича>[18] за знакомство с Радиновичем, котор<ый> удивительно милый человек. Он прожил в Коктебеле, еще до моего приезда, несколько дней и подружился с моей матерью.[19]

Привет Ник<олаю> Петр<овичу>, египтянкам, Розановым.

Крепко надеюсь на встречу в апреле.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо С.З. Федорченко от 1 декабря 1922 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1219, л. 1–4 об.).

[2] Неточность. См. п. 227, примеч. 1.

[3] См. примеч. 3 к п. 231.

[4] Музей Л.Н. Толстого в Севастополе.

[5] Зоолог, племянник С.Я. Елпатьевского Михаил Павлович Розанов (1891–1966) и его жена Галина Николаевна Кошелева.

[6] Н.И. Руктешель, Б.А. Шамаш — библиотекари в Евпатории, организовавшие там в Центральной библиотеке чтение лекций Волошина. Об инциденте в Евпатории с военным цензором Шницером см. п. 202, 203. 16 октября 1922 г. Н.И. Руктешель писала из Евпатории Волошину: «Дело тянется, Биим вызывали в Особый

<отдел> раза три, причем последний, дня три тому назад, держали ее там часов 5, допрашивали, совещались, опять допрашивали. Под конец отпустили, взяв подписку о невыезде. Последнее для нас сейчас самое трагичное, т<ак> к<ак> как раз накануне мы втроем приняли твердое и окончательное решение оставить биб<лиоте>ку и уехать в Москву <...> работать нам при нынешних условиях очень трудно, все, начиная от Наробраза и кончая Особым, мешают нам во всем, начиная от покупки книг и кончая личной жизнью. Биим треплет себе нервы вконец, и ей уже покоя здесь не будет. Как только кончится ее дело (если благополучно, конечно; будет суд), мы сейчас же уедем. Я с Сарой Рувим<ов>ной уже подали заявление об уходе, Биим подает завтра <...> Вы были так добры как-то, что пообещали нам дать письма к кому-либо в Москве, если мы туда поедем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1282; под текстом – еще три подписи).

[7] Павел Иванович Новицкий заведовал Крымнаробразом в 1922 г.

[8] Подразумевается фраза из письма В.В. Вересаева к Волошину от 14 декабря 1922 г. : «Приходят ко мне от Вас дамы, приносят письма, по которым, к сожалению, я ничего сделать не могу: везде идет сокращение штатов и безработица страшная» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 14).

[9] Выявить эту публикацию не удалось.

[10] Имеется в виду фрагмент письма Вересаева, приведенный выше (примеч. 8). Слово «Египет» здесь подразумевает, по всей вероятности, упомянутых выше библиотекарей (по ассоциации, понятной адресату).

[11] Неустановленное лицо.

[12] См. примеч. 2 к п. 201.

[13] Телеграмма с предложением о сотрудничестве из берлинской «сменовеховской» газеты «Накануне».

[14] С.Я. Парнок.

[15] В Литературном приложении № 37 к газете «Накануне» (1922. № 246, 28 янв.) были опубликованы стихотворения Волошина «Карадаг» («Преградой волнам и ветрам...»), «Ветер с неба клочья облак вытер...», «Сквозь облак тяжелые свитки...», «Опять бреду я босоногий...».

[16] Подразумеваются, безусловно, стихотворения «Голод» и «Русь» («Русь гулящая»). См. примеч. 7 к п. 232.

[17] Подвал музея Л.Н. Толстого в Москве.

[18] Н.П. Ракицкий, муж С.З. Федорченко.

[19] См. п. 212, примеч. 1.

235. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

20 февраля 1923 г. Коктебель

20.II. 1923. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Надеюсь, что мое январское письмо дошло до Вас.[1] Там я писал Вам о смерти мамы (8 янв<аря> / 26 дек<абря>), подробно отвечал на все вопросы и посылал несколько новых стихотворений. Мой приезд в Москву до сих пор висит в воздухе: я еще не вижу, кого я оставлю жить в коктебельском доме. Кстати, о Вашем доме: знаете ли Вы, что Марина[2] уехала в Керчь и что там помещается Особый отдел? Я не видел еще, в каком виде он внутри: только что были морозы и я не выходил, а до них была грязь непролазная. Но зайду, как только будет возможно, и напишу Вам. Начальника Особого отдела я допрашивал: он говорит, что все в порядке. Сомневаюсь.

Я очень недоволен собою в смысле работы. Я так много собирался сделать и почти ничего не успел. Леченье меня подправило (слегка) в смысле суставных болей, но зато его интенсивность вызвала многое другое: почти не проходящие головные боли, приливы крови к голове, задыханье. Проснулась моя, много лет дремавшая, астма, словом – одно ушло, пришло другое, и, главное, необычайно мешающее работе.

Тем не менее ту часть «Путями Каина», что у меня была уже написана и намечена к переплавке, мне удалось наконец привести в желаемый вид, и я посылаю Вам ее для печати (везде отметив, что печаталось, что нет). Это еще не вся книга, т<ак> к<ак> план все расширяется, но уже по этому ее можно судить отчасти.

В Коктебеле невесело. Вижу только удрученных и голодающих Юнге. Знаю, что умерла на днях Лида Яновская. Сейчас, кажется, кончаются морозы, к счастью, они не были долги – недели 3. Зима была милостивая. Что в городе – не знаю. Живут туго, но голода нет. Говорят о предстоящей войне и ждут ее. Газет не вижу, в городе не бываю. Живу книгами и работой. Писать трудно – рука все отнимается, поэтому пишу только карандашом. И Манасеина, и Соловьева были

обе больны. Наталья Ивановна давно уже выздоровела, а Поликсена Сергеевна до сих пор еще лежит. Это уже вторая серьезная болезнь ее за эту зиму. Я, будучи в городе[3] в январе, справлялся – получали ли они от Вас деньги. Они говорили, что получили полностью и только этим и жили всю зиму. Сейчас до меня дошел слух, что они и я снова будем получать санаторный паек взамен академического. Я еще не мог никого послать в город и разузнать. Но, конечно, это Ваших рук дело, Викентий Викентьевич, и я горячо благодарю Вас.[4]

Жить так, как я сейчас живу, не имея никакого понятия о том, что делается на свете в текущем, и быть в общении только с книгами – имеет большую прелесть («не видеть, не глядеть – одно спасенье!»[5]). Для «Путей Каина» сейчас перечитываю все, что у меня есть по физике и небесной механике (Пуанкаре, Лебон, Эйнштейн, Майер).

Относительно «Записок Вигеля» еще ничего не узнал.[6] У Юнге книги Новицких сложены на чердаке, и разобраться в этих грудах можно будет только тогда, когда потеплеет.

Привет Марии Гермогеновне[7] – как ее сценические успехи?

Крепко благодарю Вас за все. До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду п. 232.

[2] Марина Васильева.

[3] Т.е. в Феодосии.

[4] В письме к Волошину от 22 февраля 1923 г. Вересаев сообщал: «Справлялся я в Цекубу об академических пайках, – там говорят, что Вам и Allegro <П.С. Соловьева. – *Ред.*> высылается денежное довольствие, а с января – и паек натурой выдается. Правда это? Затем, – Вам и Allegro <...> должен выдаваться санаторный паек, – получаете?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 17–17 об.).

[5] «Не слышать, не глядеть – одно спасенье ...» – строка из четверостишия Микеланджело («Grato m'è'l sonno, e più l'esser di sasso...»), ответного на эпиграмму Дж. Б. Строцци, в переводе Вл. С. Соловьева («Мне сладок сон, и слаще камнем быть ...», 1883). См.: *Соловьев Владимир.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 186 (Б-ка поэта. Большая серия).

[6] См. примеч. 12 к п. 232.

[7] М.Г. Смидович.

236. Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ

24 февраля 1923 г. Коктебель

24.II.1923. Коктебель.
Почтовый адрес: Феодосия. Дом Айвазовского.

Лиля, милая, твое письмо получил вчера[1] и глубоко ему обрадовался, потому что вот, возникает подобие беседы. И за карточку спасибо. На ней поймано одно из мимолетных твоих выражений: немного «идиотское», но крайне мне дорогое — быть может, по мучительности своей.

Спасибо за привет Марусе.[2] Она тебя знает и любит и по стихам твоим, и по моим рассказам. Прошлой весной она писала тебе обо мне (после твоих тревожных писем и вопросов, когда, я отчаялся тебе писать, и ряд моих писем с оказиями пропал). Но ты, вероятно, не получила.

Ты спрашиваешь, изменилась ли моя жизнь со смертью мамы? Пока — нет. То же зимнее уединение, тот же строй и уклад коктебельского дома. Прошла только мучительная напряженность маминой ревнивой требовательности ко мне, и то я ее сравнительно мало чувствую: со смертью все это как-то сразу отходит, и выступает нежность ко всем неповторимым мелочам прошлого. Я уже третий месяц не видал людей, не слыхал новостей. И это блаженное состояние. Маруся окружает меня большим вниманием и нежностью. К сожалению, мне это необходимо, так как все еще далеко не чувствую здоровым: меня мучают ежедневно головные боли, боли в спине, задыханья, и рука по временам совсем отказывается писать. У Маруси есть очень большая хозяйственность, в соединении со способностью: все раздать, подарить, бросить, если только это кому-нибудь понадобится (без чего хозяйственность была бы нестерпима). Сейчас живу только книгами и стихами. Статей не пишу давно — чуть не с самого начала революции: печатать их негде, да и опасно. Поэтому теперь все постепенно формулируется в стихах. Что и лучше. Лекции же я за это время научился импровизировать. Во мне вдруг раскрылся дар свободного живого слова, и я нашел неожиданно в себе настоящий тон для разговора с толпой. Этим, как и мно-

гим еще, я обязан большевикам. Что касается живописи, то я думаю, что я не смогу заниматься больше только графикой, а акварелью смогу. Мне очень хочется теперь писать, но я себе не позволяю, чтобы не отвлекаться от стихов. Но, к сожалению, работа над стихом мне становится из года в год труднее и, к сожалению, не так производительна, как мне хотелось бы. Трудней – потому только, что становишься к ним все более и более требовательным. В этом вся тайна совершенствования: уметь постепенно повышать свои требования к самому себе. Но это делается полусознательно: о каждом стихотворении я предварительно долго молюсь (об его осуществлении) и упорно медитирую. А в работе это сказывается тем, что стихотворение не отпускает от себя до тех пор, пока не доведешь его в работе до конца: чтобы ни одной буквы нельзя было переставить. Ты глубоко не права, говоря о себе, что ты не поэт.[3] Раз ты мне веришь до конца, то верь и этому. Что ты *поэт* – в этом нет сомнения. У тебя сейчас не хватает мастерства, но у тебя все данные к мастерству. Твои стихи сейчас это талантливые черновики: теперь их надо закончить и в работе выявить все то, что не досказано. В них дан тон, образы, слова – все, что надо, и слова трогательные, тон верный, образы точные. Остается отбросить все лишнее и окончательно сплавить необходимое. Если бы мы были вместе, то было бы достаточно работы нескольких вечеров, чтобы закончить эту работу. Мне хотелось это сделать здесь с присланными стихами, но, к сожалению, я почувствовал, что не смею без тебя работать в твоей глине, и, кроме того, не чувствую и не вижу тебя настолько, чтобы верно угадать все твои творческие намерения. Но если я попаду в Петербург, то сделаем это, потому что <ты> должна быть поэтом. Ни слепоты, ни немоты нет у тебя.[4] Трудность сейчас для тебя только в том, что ты должна быть не ниже Черубины. Я очень хочу знать твои детские пьесы и сказки. Ради Бога, пришли.[5] А Черубину, по-моему, издай отдельно: она будет иметь успех материальный. Меня кто-то уверял, что видел Черубину в отдельном издании, может, это и неверно, но раз это настолько висит в воздухе, то ты рискуешь, что кто-нибудь издаст ее помимо тебя.[6] Лучше сделать это самой.

А у меня, к сожалению, моих книг больше совсем нет: все растаскали за эти годы, а новые издания совсем до меня не доходили.

Я постараюсь успеть переписать тебе мой предпоследний цикл о терроре «Усобица»[7] (я его посылал тебе в пропавших письмах) и прислать в этом письме. Посылаю тебе только что написанное стихотворение «Благословение». Твои слова о варварской кисти мне кажутся очень верными.[8] Но можно ли иным языком писать о современности? О теперешней России? И мне кажется, что путь от Эредиа к этим стихам технически последователен: и краски, и стиль берутся от изображаемого. Мне очень хочется знать твое впечатление от моих стихов, самое подробное: особенно то изменение, которое ты в них замечаешь с Екатеринодара.[9] Тогда и ты, и Борис[10] говорили, что в тех стихах намечалось только начало нового моего пути. Куда он привел? Потом мне хочется знать, как эти стихи звучат в Петербурге: ведь смысл и тон стихотворения всегда меняется соответственно раковине того уха, которое их воспринимает, а также соответственно меридиану. Мне хочется не только твоего и Борисова мнения, но и впечатления тех, кому ты случайно будешь читать. Я не представляю себе, как будут на эти слова реагировать те, кто не пережил того, о чем я говорю, лично. Ты и Борис это пережили, сколько я могу себе представить то, что делалось в Екатеринодаре. Моя просьба, словом, еще глубже: испытай эти стихи на оселке нескольких и различных петербургских психологий и напиши о результатах опыта.[11] Скажи, какой сейчас Петербург? Как изменился его душевный и литературный тонус? Я еще не знаю, попаду ли я туда весною: очень сложен вопрос о том, на кого оставить дом и библиотеку: сейчас на меня легла вся тяжесть собственности. И как-то досадно было бы оставить теперь на разграбление то, что чудом спаслось и уцелело до сих пор сквозь все эти годы. Но я думаю, что нужный человек в свое время сам придет, чтобы поселиться в Коктебеле. Но вот как еще складывается обстановка: Маруся — петербурженка. Она там не была с семнадцатого года. Она не кончила Женского Медицинского Института, унесенная сперва Германской,

потом гражданской войной. И по своему желанию, и но моему настоянию она хочет теперь окончить его.[12] Она весною поедет туда, чтобы узнать, каким образом это можно сделать и в какой срок. Так что будущей зимой я почти наверное буду приведен в Петербург. Сейчас же мои литературные дела зовут меня в Москву, а частью в Берлин. Представь себе, что у меня было предложение немедленно проехать в Берлин через Наркоминдел со всеми паспортами, визами и квартирой там месяца на 2,[13] но мне пришлось отказаться, не имея возможности все бросить на произвол судьбы. Это было на другой день после маминых похорон. Но я не хотел бы покидать Россию, и слухи о войне (ни основательности, ни ценности их я не знаю) меня беспокоят. Или два года болезни и неуверенность в своей физической выносливости меня состарили? Не знаю.

Мне очень хочется знать стихи Ю<лиана>.[14] Пожалуйста, пришли мне несколько. Если можно, напиши подробнее о нем.[15] Известие о гибели Иоаннова Дома меня глубоко поразило: я не знал об этом совершенно: от Маргариты я давно ничего не имел.[16] Никаких вестей о Дорнахе не получал. Очень давно Маргарита писала какие-то совершенно непонятные мне сведения об директорстве Д<окто>ра в каких-то акционерных обществах и без всяких комментариев. Так что, пожалуйста, расскажи мне, что знаешь, сколь возможно подробно. Какова сейчас роль антропософов в Германии? Что говорит Д<окто>р о текущем и о будущем? О России? О Германии?

До свидания, Лиля. Передай мой горячий привет Борису, Всеволоду Николаевичу[17] и Ю<лиану>.

Крепко целую и обнимаю и радуюсь за тебя.

[1] Письмо Е.И. Васильевой из Петрограда от 3 февраля 1923 г. (*Черубина де Габриак.* Из жизни уйти неразгаданной. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 111–112) – ответное на неизвестное нам письмо Волошина.

[2] Вероятно, в упомянутом письме Волошин рассказал Васильевой о своих отношениях с М.С. Заболоцкой. Васильева писала ему 3 февраля: «...судьба, не внешняя, а внутренняя, не пустит меня к тебе, и вот только так, с самого дна сердца, я могу послать свою любовь к тебе и тому, кто рядом, около тебя, помогает тебе нести

твою душу. Передай мой большой привет твоему другу – Марусе. Макс, милый! Да благословит тебя Господь».

[3] Упомянутое письмо Волошина, безусловно, содержало отзыв о присланных ему 15 стихотворениях Васильевой (см.: *Там же*. С. 110). 3 февраля Васильева писала Волошину: «Спасибо за отзыв о стихах; *только тебе я верю здесь до конца*, ты сказал то, что я знаю сама, только говорю себе не так ласково. *Я, конечно, не поэт*. Стихов своих издавать я не буду, и постараюсь *ничего* не печатать под именем Черубины, хотя меня очень просят о детских сказках, к<отор>ые я пишу теперь, не печатать вовсе я не могу, потому что нужны деньги <...>».

[4] Отклик на фразы из того же письма Васильевой: «У меня немые слова»; «...стихов я не пишу, как мне ни больно от этого. <...> Только это очень, очень большая боль! Слепоты и немоты!».

[5] В том же письме Васильева сообщала о намерении напечатать сказки для детей под своей «теперешней фамилией»: «...так, как вышли пьесы для детей, к<отор>ые я писала с С.Я. Маршаком (<...> Мы вместе устроили Театр для детей). Прислать тебе книгу? Если можешь, пришли мне "Иверни" (мои пропали при всяких террорах), а других книг твоих у тебя нет?». Речь идет о сборнике пьес С.Я. Маршака и Е.И. Васильевой «Театр для детей» (Краснодар, 1922), изданном с предисловием Б.А. Лемана.

[6] Стихотворения Васильевой, написанные от имени Черубины де Габриак, при жизни автора отдельным изданием не выходили.

[7] Под этим заглавием в книге Волошина «Неопалимая Купина» выделен раздел VI, включающий 12 стихотворений.

[8] Стихотворение «Благословение» («Благословенье мое, как гром!..») датировано 23 февраля 1923 г. (Т. 1 наст. изд. С. 291–292). В письме от 3 февраля Васильева откликалась на присылку при неизвестном нам письме Волошина двух его стихотворений: «Ты всё больше и тверже вырастаешь в русской литературе, всё яснее твое имя. Каждый раз я радуюсь, слыша, как теперь говорят о тебе. О твоих двух стихотворениях я не могу ничего сказать, они – прекрасны, но они – кусок целого цикла, и вне его трудно мне говорить. Только язык твой порой прямо страшен, даже непонятно, что эта "варварская" кисть могла касаться Эредиа и других».

[9] Т.е. со времени последних встреч в Екатеринодаре, куда Волошин приезжал летом 1919 г. и где тогда жила Васильева.

[10] Б.А. Леман.

[11] Васильева отвечала на эту просьбу в письме от 22 марта:

«Только *одно* твое стихотворение ты прислал, и нет у меня для сравнения достаточно материала. С Екатеринодара ты больше зако-

вался, точно жидкая медь легла в узор. Может быть, ты стал иногда слишком статичен, – для тебя? Не знаю, по одному стихотворению трудно сказать. Пришли еще! Еще и еще...

Я еще не читала твоего стихотворения чужим, но буду! Знаю, что теперь тебя любят гораздо больше. Особенно “Демонов”. Ходят по рукам рукописные списки. Моего экз<емпляра> “Демонов” почти не бывает дома. Как тебе нужно выпустить книгу!!

Для моих стихов жду *тебя*, теперь знаю – мы увидимся, милый!» (*Черубина де Габриак*. Из жизни уйти неразгаданной. С. 116. Упоминается книга стихов Волошина «Демоны глухонемые»).

[12] Это намерение осталось неосуществленным.

[13] Предложение исходило от И.С. Кожевникова, отправившегося в январе 1923 г. послом в Литву (Труды и дни-2. С. 175).

[14] Юлиан Константинович Щуцкий (1897–1938, расстрелян) – востоковед, переводчик, антропософ. См. о нем: *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М.: Наука, 1982. С. 89–97, 371–388. В письме к Волошину от 3 февраля Васильева признавалась: «Ты прав – в мою жизнь пришла любовь, может быть, здесь я впервые стала уметь давать. Он гораздо моложе меня, и мне хочется сберечь его жизнь. Он и антропософ и китаевед. В его руках и музыка, и стихи, и живопись. У него совсем такие волосы, как у тебя. И лицом он часто похож. Зовут его Юлиан – тоже близко. Он очень, очень любит твои стихи и (через меня) тебя. Ты и он – 1-ая и последняя точки моего круга».

[15] Высылая Волошину «Театр для детей» и «Антологию китайской лирики VIII–IX вв. по Р.Х.» (Перевод в стихах Ю.К. Щуцкого. Редакция, вводные обобщения и предисловие В.М. Алексеева. Пб.: Всемирная литература, 1923), Васильева писала о Щуцком 22 марта: «Очень просит разбранить, говорит, что сам недоволен и ручается лишь за одно: за точность перевода. А сейчас он гораздо больше в живописи, чем в стихах. Думаю, что *это* его путь. Учится у иконописца, думает писать новые иконы...» (*Черубина де Габриак*. Из жизни уйти неразгаданной. С. 115).

[16] М.В. Сабашникова. О гибели Иоаннова здания, или Гетеанума (антропософский центр в Дорнахе, в строительстве которого Волошин участвовал в 1914 г.) Васильева сообщала в письме от 3 февраля: «Ты, наверное, уже знаешь печальную весть, но, на всякий случай, повторяю: в ночь на 1 янв<аря>, после лекции Доктора <Р. Штейнера. – *Ред.*> дотла сгорел Johannes-Bau (поджог). <...> Начали строить новое здание, меньше, из камня, иного стиля».

[17] В.Н. Васильев.

237. Э.Л. МИНДЛИНУ

24 февраля 1923 г. Коктебель

24 февр<аля>. 1923 год.
Коктебель.

Почт<овый> ад<рес>:
Феодосия, д<ом>
Айвазовского.

Многоуважаемый Эмилий Львович,

Вчера получил Ваше первое и единственное письмо от 6-го августа. Хотя до самого конца ноября был в Севастополе, где г. Присманн, очевидно, находится...[1] Никаких гонораров я не получал. От «Накануне» получил в декабре 150 мил<лионов>, но это за стихи, переданные мною через С.З. Федорченко, тогда же.[2]

Очень благодарю Вас за внимание ко мне и за Ваши статьи обо мне, которые мне весьма интересно было бы увидеть.[3] Но за печатанье моих стихов в Москве не благодарю. Когда мы говорили с Вами в Феодосии, я дал Вам списать мои стихи с правом их распространять в рукописи, а что касается печати, у нас был с Вами разговор только о каком-то харьковском журнале. Печатать же в московских изданиях я вам не разрешал, да еще без моего осведомления. Моими официально доверенными лицами в Москве являются В.В. Вересаев и С.Я. Парнок. Стихи, Вами напечатанные без моего ведома, причиняли и мне и им ряд неприятностей с теми изданиями, куда они передавали мои стихи, оказавшиеся напечатанными неизвестно кем в иных местах.[4]

Я до сих пор не знаю от Вас – ни где, ни что из моих стихов было напечатано и до сих пор не получил через Вас ни одного гонорара. Да Вы и не сможете уже мне послать никаких гонораров, так как и ценность денег и ставки изменились за год в десятки раз. Да и те ставки, о которых вы пишете, несоразмерно малы: Вы пишете, напр<имер>, о ставке 400 тысяч за строку в августе,[5] когда я именно в эти дни получал в Гос<ударственном> Изд<ательстве> по миллиону, а в октябре 2½ мил<лиона>.

Одним словом, я очень благодарю Вас за Вашу любезность, Эмилий Львович, но прошу не продолжать ее, т<ак>

к<ак> она мне крайне невыгодна. С «Накануне» у меня уже наметились сношения до Вашего письма, а более подробно я смогу все выяснить только лично, когда буду в Москве.

Меня очень интересует Ваша проза, Эмилий Львович, и, если у Вас есть отдельные издания, пришлите мне.[6]

Мой адрес все это время не менялся, где бы я ни был — это Д<ом> Айвазовского. Туда идет вся моя корреспонденция и там ее всегда получают по моей доверенности — будь я в Севастополе или в Коктебеле.

Меня крайне расстроило появление в «Накануне» моего стихотворения «Памяти Блока» в одном из черновых вариантов: оно давно уже стало двумя самостоятельными стихотворениями внутренне иными.[7]

[1] Письмо к Волошину от 6 августа 1922 г. Э.Л. Миндлин отправил с жителем Севастополя И.М. Присманом (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 840, л. 23–24 об.). В нем он сообщал: «Сегодня через контору берлинской газеты “Накануне” перевел Вам гонорар за проданное мною в “Накануне” Ваше стихотворение. Я сейчас работаю в качестве московского корреспондента “Накануне” и заведывающего информацией об искусстве в России. От имени редакции прошу Вас прислать нам Ваши стихи в любом количестве (также и статьи, переводы и прочее). <...> Кое-какие стихи Ваши, бывшие у меня, согласно Вашему разрешению я продал и гонорар частью уже переслал, частью пересылаю на днях, когда получу».

[2] В литературном приложении № 36 к газете «Накануне» (1922. № 240, 21 янв.) были напечатаны стихотворения Волошина «На вокзале», «Пустыня», «Посев». См. также примеч. 15 к п. 234.

[3] В цитированном письме к Волошину Миндлин сообщал: «О Вас я напечатал две больших статьи, одну в Москве, другую в Берлине». Указанные статьи Миндлина не выявлены.

[4] В своих мемуарах Миндлин утверждает: «Стихи Волошина, которые он дал мне в Москву, я отнес в “Красную новь” Воронскому. Воронский взял стихи Максимилиана Волошина, не помню какие» (*Миндлин Эм.* Необыкновенные собеседники: Литературные воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1979. С. 45). Между тем, из письма В.В. Вересаева к Волошину от 21–23 марта 1922 г. выясняется, что посредником при передаче в «Красную новь» трех стихотворений из цикла «Путями Каина» был он (см. примеч. 1 к п. 182).

[5] «Строка стихотворения стоит в Москве до четырехсот тысяч руб., печатный лист прозы до ста мил<лионов>», – сообщал Миндлин в цитированном письме.

[6] В том же письме Миндлин сообщал: «Стихи писать я перестал. По разным причинам. <...> В области прозы успел много. В изд<ательст>ве “Время” выходит моя книга “Трагедия о Давиде, царе Иудейском” и повесть “Необычайные похождения доктора Фауста”. В государств<енном> изд<ательст>ве выходит: “Поэзия мировой гармонии (Уитмэн)”, “О девушках и женщинах Ибсена” и “Рассказы о вещах и человеке”. Печатаюсь в журналах, выступаю в союзах писателей и поэтов и т.д.». Ни одна из указанных книг под именем Миндлина в свет не вышла.

[7] Имеется в виду стихотворение «На дне преисподней» («С каждым днем всё диче и всё глуше...», с посвящением: «Памяти А. Блока и Н. Гумилева»), в первоначальной редакции под заглавием «1921» составлявшее единое целое со стихотворением «Готовность» («Я не сам ли выбрал час рожденья...»). В этой редакции опубликовано в Литературном приложении № 13 к газете «Накануне» 13 августа 1922 г.

238. Н.К. КЕДРОВОЙ

25 февраля 1923 г. Коктебель

25 февр<аля> 1923.
Коктебель.

Почт<овый> адр<ес>:
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Моя милая Наташа,

твои письма всегда меня радуют, а вчера пришел твой длинный лист от 27 января.[1]

Без Кедровых и без Кедренят коктебельский дом очень пустынен и молчалив, особливо зимою. Он был так переполнен звуками эти годы и музыкой, и танцами – все время, пока вы все жили у нас. А теперь он стал так пуст и молчалив. Только иногда ночью Маруся[2] поет во сне в соседней комнате. Наяву она не очень хорошо поет, а во сне поет очень негромко, но верно очень хорошие длинные песни, но какие и откуда, я никогда не могу узнать. А проснувшись, не знает, что она пела.

Как хорошо Вы живете в Петербурге с Колюном и с Лялей[3] и как я вам завидую. Особенно завидую той юной страстности, при которой произведения искусства становятся такими событиями жизни.[4]

Ты ведь знаешь, что я не очень музыкален и мало в этой области понятлив. Искусство Скрябина для меня трудно и сложно. С ним лично мы провели только один вечер вместе, и он мне сам играл ряд своих вещей.[5] Мы много говорили и условились непременно встречаться, но не довелось. Ю.Ф. Львова говорила, что будто бы на него имел большое влияние мой Звездный Венок сонетов,[6] в последний год его жизни. Я был бы крайне горд, если бы это действительно было так.

Бетховен и Бах мне понятны и глубоко близки. Но мои музыкальные симпатии идут в до-бетховенские времена, а не в XIX в.: в XVII итальянский и в XVIII французский век. Рамо, Куп<е>рен, Глюк – волнуют меня бесконечно, как никто из современников. Из итальянцев – Тартини, из более ранних Монтеверде.

Попроси Колюна достать что можно из них и попробуйте все это разыграть вместе.

Хочу тоже посоветовать кое-что из литературы, чтобы прочесть вслух в вашей компании

Прежде всего один роман Жорж Занд «Консюэло». Это музыкальная жизнь Италии в XVIII веке, и в Германии. Там действуют Порпора и молодой Гайдн.[7] А также книгу Вернон Ли «Италия» – изд<ательства> Сабашниковых.[8] Это музыкальное путешествие по Италии в XVIII веке. И, наконец, конечно, Музыкальные Новеллы Гофмана (Теодора-Амедея).

Они у него разбросаны по всем сочинениям. И Жорж Занд, и Гофман были изданы по-русски полностью в одном издании Пантелеева.[9] Его ты найдешь в любой библиотеке. Обрати внимание у Гофмана на рассказы в духе Калло («Кавалер Глюк») и «Крейслериану», и «Записки кота Мура».[10] В этом же гофмановском роде есть два прекрасных рассказа Одоевского «Последний квартет Бетховена» и о Себастиане Бахе.[11]

Эти все книги дадут вам очень много неожиданного и вдохновенного.

Крепко поцелуй от меня Лялю и Колюна.

Очень понимаю их нежелание ехать за границу.[12] Но пусть помнят, что за границу надо рано или поздно ехать. В России больше страсти к искусству, а осуществления техники, школы надо искать там. В России нигде и ни в чем не найдешь нужной дисциплины. А она в искусстве необходима.

Посылаю тебе последнее мое стихотворение «Благословение».[13] Все новые мои стихи, что я посылаю тебе, прошу тебя, милая Наташа, переписывать и раздавать всем моим друзьям и знакомым. Ты ведь знаешь, как трудно мне самому их переписывать с моей больной рукой, которая теперь уже и на машинке отказывается писать.

Крепко целую Костю, Женю, Олю,[14] и всех старших Кедровых,[15] и мою милую Наташу. Прошу Колюна и Лялю прислать мне о себе весточку, хотя бы в твоем письме.

[1] Имеется в виду письмо Н.К. Кедровой от 25 февраля 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 640, л. 19–20 об.).

[2] М.С. Заболоцкая.

[3] Двоюродный брат и сестра Н.К. Кедровой – Николай Николаевич Кедров – младший (1906–1981), впоследствии певец и композитор, и Ольга Константиновна Кедрова (в замужестве Леруа; 1912–1978), впоследствии танцовщица.

[4] В упомянутом письме Н. Кедрова сообщала: «Несколько человек, в том числе и я, Колюн и Ляля, собираемся и хотим познавать Искусство. Через все его отрасли и проявления» – и далее рассказывала о попытках читать стихотворение Волошина «Неопалимая Купина» «логически правильно», «искать правильные интонации».

[5] Отклик на слова Н. Кедровой в упомянутом письме: «Ах, Максинька, что за большой и интересный композитор Скрябин. <...> У него такая изумительная “Божественная Поэма” и “Поэма экстаза”. Но писать о музыке как-то трудно, в особенности о Скрябине. Это совсем не похоже на Баха, простого и ясного, на Бетховена, величественного и слушая которого нельзя не успокоиться и замечтаться. Нет. Это иногда даже диссонансы, но так захватывающие все нутро, заставляющие дрожать каждую струнку. Пряные созвучия, спле-

тающиеся с острыми трелями. Это изумительные произведения». Встреча Волошина с А.Н. Скрябиным состоялась, по всей вероятности, в Москве весной 1911 г. См.: Т. 10 наст. изд. С. 504–505, 507.

[6] Венок сонетов Волошина «Corona astralis» (1909). См.: Т. 1 наст. изд. С. 119–126.

[7] «Консуэло» («Consuelo», 1842–1843) – роман Жорж Санд. Композиторы Никколо Порпора и Йозеф Гайдн изображены во многих эпизодах романа.

[8] Имеется в виду кн.: *Ли Вернон.* Италия: Избранные страницы / Пер. Е. Урениус. Под ред. и с предисл. П. Муратова. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913.

[9] В издании Л.Ф. Пантелеева вышли в свет собрания сочинений Жорж Санд в 18 томах (СПб., 1896–1899) и Э.Т.А. Гофмана в 8 томах (СПб., 1896–1899).

[10] Новелла «Кавалер Глюк» («Ritter Glück», 1808) и цикл очерков и критических статей «Крейслериана» («Kreisleriana», 1810–1815) входят в первую книгу Гофмана «Фантазии в манере Калло» («Phantasiestücke in Callot's Manier», 1814–1815). Образ капельмейстера Иоганна Крейслера выведен в романе «Житейские воззрения Кота Мурра...» («Lebensansichten des Katers Murr...», 1818–1821).

[11] Фрагменты философского романа В.Ф. Одоевского «Русские ночи» (1844) – Ночь шестая «Последний квартет Бетховена» и Ночь восьмая «Себастиян Бах». В начале XX в. роман был переиздан под редакцией С.А. Цветкова (М.: Путь, 1913). См.: *Одоевский В.Ф.* Русские ночи / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, Е.А. Маймин, М.И. Медовой. Л.: Наука, 1975. С. 76–86, 103–132 («Лит. памятникиа»).

[12] В цитированном письме Н. Кедрова сообщала о предполагаемом отъезде семьи Кедровых в Берлин: «Ляля очень не хочет уезжать из России, потому что еще только предчувствует, сердцем знает, что только в России будет развиваться это ее молодое еще искусство пластики, танца. <...> Колюнчик не хочет уезжать отсюда, боясь не найти такого же прекрасного профессора, как Николаев». Упомянут Леонид Владимирович Николаев (1878–1942) – пианист, композитор, профессор Петроградской консерватории.

[13] См. примеч. 8 к п. 236.

[14] Если здесь подразумеваются дети братьев Кедровых, то первые два имени названы ошибочно (дети Н.Н. Кедрова – Ирина, Николай, Елизавета, дети К.Н. Кедрова – Наталья, Ольга, Татьяна).

[15] Братья К.Н. и Н.Н. Кедровы и их жены Е.Д. Кедрова и С.Н. Кедрова.

239. Т.Д. ЦЕМАХ

1 марта 1923 г. Коктебель

1 марта 1923.
Коктебель.

Почт<овый> ад<рес>:
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милая Татида,

наконец-то твой прямой ответ на мое письмо и так быстро. Кончился этот переклик в пространстве с отчаянием о том, что ничего не доходит.[1]

Я тебе так много писал за прошлый год и письма часто были такие длинные и подробные, и я так тщательно в каждом повторял предыдущее, что теперь не знаю, что мне тебе писать, т<ак> к<ак> мне кажется, что в прошлом письме я тебе все уже писал.

Иннокентий Серафимович[2] приехал ко мне 10 января — на другой день после похорон Пра. Подумай только: разве я мог тотчас же бросить все и ехать вместе с ним?[3]

С одной стороны, мне не на кого было бросить дом: Коктебель теперь полная пустыня — все дачи разорены, все жители разбежались, все неболгарское население вымерло от голода. Через три дня после отъезда владельцев от дома не останется ничего, кроме стен. Я же сам уже два года не могу дорваться до работы и реализовать то, что у меня давно задумано и душит меня. А замыслы большие. Их надо реализовать прежде, чем видеть новое, а то это так и останется невысказанным. Реализовать их можно только в Коктебеле: только здесь у меня есть угол, где меня не тревожат человеческими делами — в городах, где бы я ни был, меня буквально раздирают на части: это было все эти годы, несмотря на мою болезнь, несмотря на мое валяние по санаториям. И это первые месяцы, что я могу, наконец, прожить у себя, т<ак> к<ак> я до лета обеспечен амер<иканскими> посылками. Ты была первой, кто обо мне подумал, а после тебя и другие вспомнили обо мне. Это дало возможность Пра без лишений и без беспокойства о завтрашнем дне дожить свои последние месяцы.

Сейчас первые весенние дни в Коктебеле: море зеркально, теплынь, тишина, и мне кажется, что это в первый раз

за Три года я не вижу перед собой умирающих от голода (или от тифа, холеры), мне не нужно сейчас же кого<-то> бежать спасать, хлопотать, зная, что каждая минута промедления может стоить смерти человеку.

Когда-нибудь я тебе расскажу все, что мне пришлось делать зимою 1920–<19>21 года. Я был все время в самом сосредоточии террора и тщетно боролся совершенно одинокими силами с водопадом крови, который сшибал с ног.

Моя болезнь, конечно, возникла в связи с чрезмерным напряжением всех душевных сил. Мое единственное оружие была только воля. Я убедился в ее безмерном влиянии на человека (когда она является в форме мысленно молитвы *за человека*). Но возможно спасти единиц. А дело шло о тысячах. Психологические эффекты были фантастичны, невероятны: можешь ты себе реально представить такие положения, при которых человек, облаченный в этот момент диктаторской властью, тебе (мужчине) из почтительности целует руку, а коммунист, встречая на улице, попросит: «Пожалуйста, не уезжайте из города – без вас слишком страшно». Уже теперь и здесь же, в той же самой обстановке, эти дни вспоминаются как страницы фантастического романа.

Но заболел я отнюдь не нервами: нервное переутомление просто столкнуло с места болезнь, которая давно назревала. Она меня за эти два года очень состарила: главное, я сейчас совершенно не уверен в собственных силах и возможностях, а астма и головные боли изводят очень сильно и, главное, мешают производительности работы.

Сейчас с этим письмом я посылаю тебе написанную часть моего последнего цикла «Путями Каина» (из него «Левиафан» и «Суд» и частью «Война» написаны раньше, см. моя книга стихов о войне[4]). Я ничего не имею против того, чтобы они печатались вразбивку, но каждое с подзаголовком: из цикла «Путями Каина». Посылаю кроме того последнее стихотворение «Благословение». Цикл «Усобица» (о терроре), я посылал тебе уже несколько раз, но он, очевидно, не доходил. Там все впечатления террора с обеих сторон.

Пошлю еще раз, когда будет возможность.

Относительно денег: через банк послать сюда нет смысла: выдают не валютой, а ее стоимостью, причем расчет ведется по официальному, а не биржевому курсу, что до анекдотичности невыгодно. Быть может, есть возможность пересылать бумажки в письме с объявленной ценностью, констатируемой на почте при отправке: в пределах РСФСР. Это самое верное и распространенное, но я не знаю, возможно ли это при международных почтов<ых> сношениях. Тогда остается одно: переводить прямо русскими рублями. Тогда, б<ыть> м<ожет>, выгода их покупки за границей покроет собою убыток на времени, т.е. скорость их непрерывного падения, с которой нам приходится во всех расчетах очень считаться. С такими сравнительно малыми суммами, как остающиеся у тебя два доллара, так, по-моему, и следует поступать.[5]

Милая моя Татида, ты в самые горькие минуты своей нужды, все-таки, сохранила для меня эти два доллара. Я глубоко тронут и умилен, но, ради Бога, не делай этого больше и, когда тебе очень нужно, бери всегда из моих денег, если они у тебя будут. Все-таки тебе, я думаю, еще тяжелее там добывать денег, чем мне. Я живу только милостыней, но все ведь мне идут на помощь, а кто там о тебе заботится? Вот поэтому мне так хочется знать о тебе. Ведь я так и не знаю, нашла ли ты своего брата в Вене? Каким образом ты из Вены попала в Берлин? Как и чем ты зарабатываешь на жизнь в Берлине? Секретарством в Доме Писателей? Устройством литературной студии? Пишешь ли сама стихи? Ежели пишешь, то пришли непременно и все. Вообще хочу подробно знать о твоей жизни, а попутно и об обстановке, в которой ты живешь.[6] Кого видишь из русских друзей, с кем подружилась и сошлась там, кроме Минских и Венгеровой? Хочу знать подробнее о Цетлиных, Толстых, Ященках,[7] обо всей русской литературной жизни в Берлине.

Милая Татида, я хочу тебя просить заняться моими литературными делами за границей. Ты до сих пор сама это делала, не откажись же оказать мне ту же услугу и в более широких размерах.

До меня изредка доходили слухи, что за границей печатаются не только мои отдельные стихи, но и книги

(какое<-то> будто бы есть Гамбургское Издание?) и переводы моих стихов. За все это можно было бы получить деньги.[8]

Между тем я, кроме твоих двух посылок, не получил ничего. Те 300 франк<ов>, посланных мне Гуковским (?), о которых ты мне писала, я так и не получил.[9]

Поэтому я написал Ященку с надежной оказией (письмо несомненно придет рано или поздно)[10] и просил его, как стоящего в центре всей заграничной литературы, и осведомленного обо всем печатающемся, принять на себя заведыванье всеми моими литературными делами, но, т<ак> к<ак> он лично не сможет все делать, то просил его обратиться за помощью к тебе. Он, как более осведомленный и практически, только будет указывать тебе, что именно надо делать. Этот труд ни в каком случае не должен остаться неоплачиваемым, и ты должна получать часть добываемых денег (ради Бога, не протестуй и не обижайся!), а какую — вы там сами с Ященкой решите. Труд же должен состоять в том, чтобы постараться получить хоть что-нибудь со всех изданий, печатавших и перепечатавших мои стихи за эти годы. То же самое с издательств, печатавших мои книги, и переводы, если таковые были. По мере возможности я буду пересылать в Берлин мои новые стихи и рукописи, и тогда вы с Ященкой решите, как лучше с ними распорядиться. Да, единственное издательство, от которого я получил неожиданно гонорар в декабре, это берлинское «Накануне».[11] Что это такое? За что именно гонорар — не ведаю. Для всего этого я прилагаю тебе официальную доверенность.[12] Таковую же я послал Ященко.

Напиши мне, пожалуйста, подробно, как ко мне и к моим стихам относятся в эмиграции? Мне хочется об этом знать точно, а не по слухам.[13]

Еще из просьб: гомеопатических лекарств я, разумеется, не получил (посылки из-за границы доходят только пищевые). Мне нужны очень только некоторые патентованные средства, главным образом уродонал. Но это франц<узское> средство и, вероятно, дорогое: если есть уродонал немецкого производства, и если будет случай послать через Кожев<никова> и у меня будут деньги, то, пожалуйста, пришли — не меньше

3 флаконов (это курс). И вот еще что мне крайне нужно: Акварели. Купи мне в плитках, в тюбиках вот каких красок: Кадмий (светл<ый> и оранжев<ый>), Индейская желтая охра, Краплак темный, Цинобер светл<ый>, Ван-Дик. Сиенна жженая. *Ультрамарин. Кобальт.* Перманент-грюн фабрики *Гюнтер Вагнер* или Хорадамс.

В зависимости от денег по три или по пяти каждой.

Но это когда будет оказия на Москву, на имя Вересаева (Москва. Угол I-го Смоленского и Шубинского 2/3, кв.14).

Ну довольно и о делах и поручениях.

Коктебель вымер: никого. На весь Коктебель – Юнге (Александр умер), священник Синицын с сумасшедшей женой, Яновские (младшая умерла). Больше никого на всех дачах, которые стоят полуразрушенные. В го<ро>де приблизительно то же. Из общих знакомых почти никого. Евреи все бежали от голода и полной омертвелости торговых дел. НЭП не оживил Феодосию. Благие давно в Москве. Алекс<андра> Мих<айловна> Петрова умерла от истощения. Манасеина и Соловьева в Феодосии, сейчас не бедствуют, но обеим очень плохо в смысле здоровья. Полуектовы живы и обжигают горшки. Галя очень тебя любит и часто тебя вспоминает. Другие эмигрировали, умерли от тифа или от голода, или переселились в центр.

Маруся З<аболоцк>ая тебе кланяется и напоминает, что в тот день, когда они все приезжали из Буссолака, она тебе говорила, что ты ей напоминаешь очень одну ее подругу – турчанку. Напомню тебе, что она в то время была бритая после сыпняка и паралича, еле держалась на ногах, и все время ходила за Ольгой Васильевной Астафьевой. Ходили все вместе к Юнге, а у тебя болела нога.[14] Маруся удивительный человек по энергии и доброте. Уж я не знаю, чем я заслужил, что мне судьба таких прекрасных людей всегда посылает. Тебя она хорошо знает теперь по моим рассказам и любит. Кроме стихов и доверенности влагаю в это письмо еще письмо Сусанне Григорьевне.[15]

До свиданья, моя милая, добрая, верная Татида.

Крепко обнимаю тебя.

[1] Имеется в виду письмо Т.Д. Цемах из Берлина от 5 февраля 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 23–26 об.): «Мой милый, бесконечно милый Макс! Я получила твое письмо от 14-го января. Это было почти чудом, это было откровением! Я знала, я чувствовала, что ты не забыл меня, но временами мне приходили в голову такие странные нелепые мысли, такие дикие фантазии: все мои знакомые регулярно получали письма из Крыма, наконец, я получила от АРА квитанции с твоими расписками, но от тебя ни звука. Было от чего терять голову!»

[2] И.С. Кожевников.

[3] В цитированном письме Цемах писала о встрече с С.Г. Кожевниковой, женой И.С. Кожевникова: «От С.Г. я узнала, что Иннокентий Серафимович специально поехал из Берлина в Коктебель, чтобы вывезти тебя оттуда. Ну, знаешь, это случай совсем исключительный по нынешним временам! Для этого мало быть другом. Я не нахожу слов. Сусанна Григорьевна поражена, узнав, что ты после этого решил остаться до весны в К<октебеле>. Я тоже, признаться. Она говорит, что такой случай представится не скоро и что И.С., уехав в Москву, может быть послан куда-нибудь далеко и твой отъезд из К<октебеля> может очень усложниться».

[4] Имеется в виду книга «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916), в которой напечатаны упомянутые стихотворения («Война» – в первоначальной редакции под заглавием «Аполлион»).

[5] В цитированном письме Цемах сообщала, что у нее от отправленных Волошину «прошлых посылок оставалось 2 доллара»: «Не получая долго известий о том, что тебе доставлены посылки, я в трудные минуты могла бы соблазниться ими, но, к счастью, этого не произошло, и я тебе их вышлю как можно скорее». В другом, недатированном письме она извещала Волошина, что выслала ему 2 доллара через газету «Накануне» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 27).

[6] В ответном письме от 15 апреля 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 28–29 об.) Цемах сообщала: «Как и у тебя, масса не своих дел. Очень много времени и хлопот отнимает Дом Иск<усств>. Минский и Венгерова уехали в Лондон, и всем заведую теперь я. В прошлом году мне за это ничего не платили, а в этом году платят такую малость, что едва хватает на починку башмаков. <...> Ты спрашиваешь, пишу ли я стихи? Да, пишу и думаю, что сделала успехи. Писать стихи для меня органическая потребность. Но значительным поэтом я никогда не буду».

[7] «Ты спрашиваешь о Толстом и Ященке, – отвечала Цемах в том же письме. – Мне не хочется дурно говорить о людях, но А.Н. я сейчас очень не люблю, да и никто его в Берлине не любит. Уж очень

некрасиво он себя проявляет. <...> Ященко же мне ничего не говорит. Простой и грубоватый человек. Тебя, кажется, любит, и это располагает меня к нему. Но человек он равнодушный и очень возиться с чужими делами не любит. Он, конечно, сделает все, о чем ты его попросишь, но близко к сердцу не примет».

[8] В том же письме Цемах сообщала, что стихи Волошина печатались в двух берлинских газетах – «Руль» и «Накануне», гонорар из «Накануне» выслан – «а с "Руля" я непременно получу». Сообщение о «гамбургском издании» Волошина лишено реальных оснований.

[9] Гонорар за публикацию стихотворений Волошина в парижском журнале «Современные Записки» (1921. № 4. С. 86–99).

[10] См. п. 220, примеч. 1.

[11] См. п. 237, примеч. 2.

[12] К письму приложена машинописная копия документа:

ДОВЕРЕННОСТЬ

Сим доверяю и поручаю Татьяне Давыдовне Цемах войти в сношения со всеми заграничными редакциями и издательствами, печатавшими за эти годы мои стихотворения, и получить следуемое мне вознаграждение, ибо такового я не получал ни от кого и ни разу.

Моими литературными доверителями за границей являются только профессор Александр Семенович Ященко и Татьяна Давыдовна Цемах, и только им дано мною право распространять и печатать мои стихи.

Коктебель 4 марта 1923 года.

Почт<овый> адрес – Феодосия, д<ом> Айвазовского.

[13] Цемах отвечала в письме от 21 июня 1924 г.: «Ты все просишь написать тебе о впечатлении, какое производят твои стихи. Скажу прямо, что молодым и крайним поэтам мало нравятся, да это и понятно: в поэзии такой сдвиг. А у тебя ведь вкусы устоявшиеся. Зато у тебя много старых друзей и почитателей и, как я успела заметить, большое литературное имя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 31–31 об.).

[14] Цемах в ответном письме обещала Волошину выполнить его просьбы относительно лекарств и красок, а также добавляла: «Передай мой привет Марусе Заболоцкой. Скажи ей, что я теперь ее припоминаю очень хорошо. Помню каждую мелочь из того визита к Юнге и ее фигуру, но не помню черт лица».

[15] С.Г. Кожевникова. См. п. 240.

240. С.Г. КОЖЕВНИКОВОЙ

4 марта 1923 г. Коктебель

4 марта 1923 г.
Коктебель.

Почт<овый> адрес: Феодосия,
д<ом> Айвазовского.

Дорогая Сусанна Григорьевна,

Иннокентий Серафимович приехал ко мне в очень тяжелый день моей жизни – на следующий день после похорон моей матери.[1] Можете себе представить, как радостно мне было его увидать. Мы с мамой часто вспоминали вас и незадолго до маминой смерти получили напоминание о Вас. Только на три дня опоздал Ин<нокентий> Сер<афимович> и не застал маму в живых. Мы всю ночь провели напролет в беседе и в чтении. И.С. прочел мне Вашу повесть «Катька».[2] Как материал она безусловно хороша, но в выполнении слаба. У Вас, Сусанна Григорьевна, хороший художественный глаз: он видит многое, видит четко и подробно и ярко. Но Вы еще не умеете выбирать из того обилия, что подает Вам память, того немногого, что необходимо для художественного произведения. Вы еще не умеете конструировать повести и не умеете пользоваться техникой изобразительности. В основе всякого письма должен лежать постулат: чем меньше слов, тем сильнее сила выражения.

Стремление к краткости и к сжатости лежит в основе каждого литературного прогресса. В русской беллетристике работа над сжатостью началась с Чехова и через Ремизова, Бунина, Толстого (Алек<сея> Н<иколаевича>) дошла до Пильняка, Всеволода Иванова. У последних еще не найдено равновесия, но в смысле заготовки материалов они крайне интересны и ценны.

Главный недостаток «Катьки» – ее крайняя растянутость – гончаровская пухлость. В конструкции есть перспективные ошибки: читатель во второй части, ожидая появления героини, несколько раз принимает за нее других действующих лиц: напр<имер>, радостная жена рабочего при больнице кажется в течение ряда страниц Катькой, и когда она оказыва-

ется не ею, то недоумеваешь: зачем же она введена в рассказ, и реальная судьба Катьки кажется неубедительной. Кстати — вероятно, совершенно бессознательно для Вас, конец повести напоминает развязку лесковского «Котина Доильца».[3]

Одним словом: повесть слаба и растянута, но автор талантлив. Вам необходимо приняться за сознательное изучение техники художественного слова и не забывать слов Гете: «Творчество начинается с самоограничения».[4] Вы в Берлине находитесь как раз в литературном центре, где это очень легко сделать.

Тат<ьяна> Дав<ыдовна> пишет мне, что Вы крайне удивились тому, что я не воспользовался немедленно предложением Ин<нокентия> Сер<афимовича> проехать в Берлин.[5] Конечно, не только необходимость закончить и реализировать многие стихотворные замыслы удержала меня, но целая совокупность обстоятельств. Болезнь мамы не дозволяла мне все эти годы покинуть Крым. Моя собственная на два года приковала меня сперва к постели, потом к ряду санаторий. Последние 1½ года я провел по санаториям, творчески ничего не делая и со страшной жаждой работы. Но после лечения в Саках и в Инстит<уте> Физ<ических> Мет<одов> Лечения в Севастополе мое здоровье улучшилось. Смерть мамы развязывала мне все пути. Но все же я был связан: теперь на моих руках оставался дом с библиотекой и мастерской, которые только чудом уцелели все эти годы. Оставить их на сторожа это значило оставить на верное и полное разграбление дотла — мне надо было подыскать и уговорить кого-нибудь из людей близких пожить на время моего отсутствия. Кроме того, у меня совсем не было денег, и для того, чтобы заработать, было одно средство — закончить и подготовить к печати несколько изданий и самому свезти их в Москву, и только тогда я бы имел возможность ехать за границу. Но должен прибавить, что, несмотря на весь интерес взглянуть на теперешнюю Европу, я бы ни за что не поехал бы, если бы угрожал риск не вернуться в Россию: я чувствую всеми фибрами души, что Россию нельзя покидать.

Не могу Вам передать, как меня тронул приезд Иннокентия Серафимовича и его предложение, и как мне горько было не воспользоваться им, но я думаю, вы поймете меня. Но я надеюсь, что после поездки моей в Москву весною для меня выяснится возможность навестить Вас в начале лета в Берлине, если только не начнутся те новые международные осложнения, о которых сейчас кричат и пишут, но чему я мало доверяю. Иннокен<тию> Сераф<имовичу> я дал несколько рекомендательных писем к русским литераторам, находящимся в Берлине, для Володи,[6] я надеюсь, что они уже у вас.[7]

Где сейчас Ин<нокентий> Сер<афимович>? Мне передавали, что в газетах было известие, что он назначается в Латвию. Правда это?

Привет Шуре[8] и Володе. Очень хотелось бы посмотреть, какими они стали взрослыми. Очень прошу Володю написать мне несколько слов о себе, о литературных своих симпатиях и вкусах, и планах. Обещаю ему ответить.

До свиданья, Сусанна Григорьевна. Привет Шуре и Володе. Всего, всего лучшего.

[1] И.С. Кожевников приехал в Коктебель 11 января 1923 г. (Труды и дни-2. С. 175).

[2] Насколько известно, это произведение осталось неопубликованным.

[3] «Котин доилец и Платонида» (1867) – рассказ Н.С. Лескова.

[4] См. примеч. 2 к п. 45.

[5] См. примеч. 3 к п. 239.

[6] Сын С.Г. и И.С. Кожевниковых Владимир Иннокентьевич Кожевников.

[7] Одно из этих рекомендательных писем было адресовано А.С. Ященко (см. п. 230).

[8] Младший сын Кожевниковых Александр Иннокентьевич Кожевников.

241. С.П. НЕКЛЮКОВУ

6 марта 1923 г. Коктебель

6 марта 1923 года.
Адрес почт<овый>: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Сергей Петрович,

как поживаете? Как шло Ваше лечение после моего отъезда?[1] Удалось ли Вам окончить предполагавшийся курс? Я, добравшись тогда до Феодосии, сразу заболел – уже от избытка лечения: у меня возобновилась моя астма и головные боли. Потом меня вызвали в Коктебель известием о том, что моей матери плохо. Застал ее уже в постели. Она так и не вставала и умерла 8-го января от энфиземы легких. После ее смерти я оказался связанным по рукам и ногам в Коктебеле своим домом и библиотекой, т<ак> к<ак> их не на кого оставить. Сижу, болею, работаю и не замечаю за работой времени. Посылаю несколько последних стихотворений «Русь», «Благословение».[2] Очень надеюсь найти кого-нибудь из друзей, кто согласится пожить в Коктебеле у меня и даст мне возможность съездить весною в Москву.

В связи с этим у меня к Вам просьба, Сергей Петрович, если только она не очень затруднит Вас: не можете ли Вы мне составить протекцию на получение двух билетов с плацкартами прямо в Феодосии? Мне нужен – один для себя до Москвы, а другой дамский до Петербурга для М.С. Заболоцкой: это мой большой друг – человек удивительного сердца, которая все время болезни моей матери пробыла около нее, а теперь, бросив службу в Здрав. Отделе, осталась со мной в Коктебеле, чтобы мне помочь и облегчить. Кстати: имеет ли она право на скидку, как «сокращенная» служащая?

Выехать я бы предполагал после Пасхи на Фоминой или на следующей.[3] Пожалуйста, не откажитесь мне ответить, Сергей Петрович, и указать, каким способом я бы мог съездить как можно дешевле. Заранее благодарю и заранее извиняюсь, что обременяю Вас своими просьбами. Из Герцыков видел только Вл<адимира> Каз<имировича>. Но мельком. Поджи-

даю Евг<ению> Каз<имировну>, которая обещала прийти погостить.[4]

До свиданья. Привет Вашей жене.

[1] Подразумевается отъезд из Севастополя (23 ноября 1922 г.) после окончания лечебного курса в Институте физических методов лечения.

[2] См. примеч. 6 к п. 232. Стихотворение «Благословение» («Благословенье мое, как гром!..») датировано 23-м февраля 1923 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 291–292.

[3] Пасха в 1923 г. – 8 апреля. Фомина неделя – 15–21 апреля.

[4] Визит Е.К. Герцык в Коктебель тогда, по всей вероятности, не состоялся.

242. В.Н. ПИРЛИКУ

6 марта 1923 г. Коктебель

6 марта 1923. Коктебель.

Дорогой Валентин Николаевич,

только третьего дня я получил Ваше письмо[1] и анкету, отправленные Вами 4 февраля. Происходит сие потому, что я теперь живу не в городе, а у себя в Коктебеле, куда почта более не ходит. Письма приходят оказиями, а чтобы ответить на письмо, надо идти пешком 20 верст. Завтра иду в город, чтобы устроить все дела и передать кому-нибудь свое представительство.[2]

До конца ноября я лечился в Севастополе, потом был вызван в Коктебель болезнью своей матери, которая умерла в январе. С тех пор я скован своим домом и библиотекой, т<ак> к<ак>, уходя даже в город, мне не на кого их оставить. А дома разрушаются у нас и расхищаются дотла через три часа после отлучки владельца.

Поэтому представительствовать больше не могу и сейчас в городе выясню, кто сможет это взять на себя. Не сделал этого до сих пор только потому, что никаких вестей от ЦКУБУ не приходило и казалось, что все кончилось. По всей вероятности, передам мои обязанности художнику Магуле,

как наиболее подвижному человеку. О прошлогодних анкетах: многие из академистов того времени уехали: Новицкий, выбранный в члены Украинской академии, Церасские в Москву, С. Парнок, Виганд-Маркс – за границу,[3] некоторые отлучались временно в Москву: Богаевский, Герцык. Остальные же, как мне было сказано, отправили свои анкеты в Симферополь. Что меня очень беспокоит, – это то, что часть (наименее ценная) амер<иканских> подарков еще до сих пор находится в Симферополе в Складе Наробраза. Гумницкий[4] мне клятвенно обещал их переправить в Феодосию, и вот до сих пор ни слуху, ни духу. Пока до свиданья. Остальное допишу в Феодосии. Анкета, Вами присланная, очень хороша, б<ыть> м<ожет>, для ученых, но для поэтов, особливо же для музыкантов и художников, совершенно абсурдна.[5]

[1] Это письмо В.Н. Пирлика из Симферополя в архиве Волошина не обнаружено.

[2] Речь идет о представительстве от КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых) в Феодосийском уезде (в деле распределения пайков, посылок и т.п.).

[3] Е.В. Виганд написала Волошину из Феодосии 5 августа 1922 г. в канун ее отправления в Москву для дальнейшей поездки за границу; следующее ее письмо к нему (от 27 августа 1924 г.) отправлено из Вены (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 340).

[4] Член Военно-революционного комитета.

[5] Машинописный текст анкеты, заполненной Волошиным 7 марта 1923 г., сохранился в ДМВ. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 292–293.

243. Е.Л. ЛАННУ

7 марта 1923 г. Коктебель

7 марта 1923. Почт<овый> адр<ес>: Феодосия,
Коктебель д<ом> Айвазовского

Дорогой Евгений Львович,

Прежде всего очень прошу извинить меня, что так неаккуратно отвечаю Вам.[1] Но Вы, вероятно, уже знаете от Аси или от Майи,[2] что я вернулся с лечения только в декабре.[3] Затем

была предсмертная болезнь и смерть моей матери.[4] Теперь я связан домом и библиотекой, которых не на кого оставить на время моего отсутствия. Но надеюсь все это уладить с наступлением весеннего тепла и попасть весною, сейчас же после Пасхи,[5] в Москву.

Я, конечно, в Москве выступать и с новыми стихами, и с докладами собираюсь, но Ваш призыв, признаюсь, несколько смущает меня: я органически не люблю каких бы то ни было искусственных группировок и кличек в искусстве и всегда стоял в стороне от таковых. Правда, Ваша кличка: ВИЛЬДЕРЫ,[6] как будто говорит за это, но каким образом вильдеры которым подобает ходить одинокими волчьими тропами, промышлять и отгрызаться в одиночку, могут составить «новый фронт» и делать совместные выступления? Я думаю, что всякие коллективные выступления на художественных фронтах до конца скомпрометированы футуристами, имажинистами и их присными. Московская публика будет идти на акробатическое зрелище и на громкий скандал. Кстати, и самая кличка ВИЛЬДЕР мне не нравится.[7]

Мой крымский опыт этого лета свидетельствует, что мои личные выступления пробуждают страсти главным образом не на эстетической почве, а на политической. Наиболее интересные прения у меня получались перед аудиторией коммунистической и остро партийной. Борьба здесь закипала самая яростная, и не могу сказать, чтобы я терпел поражения.

Однажды я даже вызывался военным цензором в Ч.К, и дело кончилось смещением... военного цензора.[8]

Но в Москве, вероятно, это все будет совершенно иначе... Во всяком случае, я заранее ни от чего не отказываюсь, но командовать эстрадными выступлениями не берусь...

Должен признаться, кроме того, что эстетической позиции своей не вижу ясно в настоящую минуту, т<ак> к<ак> сам делаю именно то, что теоретически бы никогда не одобрил в других: общественную поэзию.

Но, с другой стороны, мне кажется, что ее возможно реабилитировать в России, сделав ее совершенно свободной от партийности и политики, а эстетически поставив себе

целью отыскание завершенной новой ритмической формы для каждой темы.

Я жалею, что в настоящее время книгопечатание можно считать вновь восстановленным в России, т<ак> к<ак> этим мы лишимся интереснейшего стилистического опыта – и всеобщего перехода на сжатую ритмическую речь как единственный дозволенным способ закрепления каких бы то ни было своих идей и мыслей. «ПУТЯМИ КАИНА»[9] – мой цикл о материальной культуре – задуман и выполняется именно в этом порядке: мне хочется в афористической форме закрепить целый ряд своих социальных и общественных, и исторических соображений, которые я связываю вольным ритмом.

Но обо всем этом поговорим в Москве. А мне было бы очень важно, чтобы Вы мне ответили до моего приезда и подробнее изложили бы свои теперешние литературные устремления и поэтику, и из кого Вы слаживаете свою литературную группу.[10]

Посылаю Вам кое-что из последних стихов.[11] Напишите Ваше впечатление.

Привет Асе, Майе, Марусе К<узнецовой>.[12]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Е.Л. Ланна от 20 ноября 1922 г., содержащее отклик на известие о планируемом Волошиным на декабрь 1922 г. посещении Москвы. Ланн писал: «Дошедшая до меня весть о Вашем приезде сюда в Москву порадовала меня больше, чем Вы предполагаете» («...Темой моей является Россия»: Максимилиан Волошин и Евгений Ланн: Письма. Документы. Материалы. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 30).

[2] А.И. Цветаева и М.П. Кудашева (Кювилье).

[3] В августе 1922 г. Волошин проходил курс грязелечения в Саки, со второй половины сентября лечился в Севастополе, в санатории № 1 (Инфизмет). См.: Труды и дни-2. С. 165, 171. Вернулся в Коктебель около 17 декабря. (*Там же.* С. 172).

[4] См. п. 227, примеч. 1, 2.

[5] Пасха в 1923 г. приходилась на 8 апреля. Отъезд Волошина в Москву состоится только весной 1924 г.

[6] В своем письме Ланн призывал Волошина по приезде в Москву возглавить литературную группировку «Вильдер» (*нем.* Wilde – дикарь): «Ваш грядущий приезд – полная радость человека, чающего сбить группу одномыслящих литературно людей под знаком близким Вам. И я жду Вас, как солдат генерала. Сие – не слова. Слишком нынешняя Москва для меня пустынна. Общественный инстинкт вытолкнул меня из Харькова в Москву, где, мнилось мне, пришла моя пора выступить книгой. И сразу – осечка. <...> А “вильдерствовать” без поддержки нельзя. А поддержки литературной сейчас быть не может. Вы нужны здесь для спайки wilder’ов, для создания такого “фронта”, который нальется силой после первых же выступлений. У меня есть некоторый нюх, и я не ошибаюсь, согласны со мной и те, кто вместе со мной ждет Вас. Если Вы, дорогой Максимилиан Александрович, и не захотите командовать “эстрадными” выступлениями, мы Вас принудим» («...Темой моей является Россия»: Максимилиан Волошин и Евгений Ланн... С. 30–31).

[7] Имеются в виду выступления Волошина с лекциями и чтением стихов летом–осенью 1922 г.: 31 июля он выступал в Симферополе в Клубе печатников (Труды и дни-2. С. 161), в августе-сентябре – прочел четыре лекции в Евпатории (см. п. 204), выступал с лекциями и в Севастополе (см. п. 207).

[8] Речь идет об инциденте с военным цензором, который произошел в Евпатории. См.: Труды и дни-2. С. 167. См. также п. 234.

[9] Цикл стихотворений Волошина «Путями Каина» (см.: Т. 2 наст. изд. С. 7–62).

[10] «Объяснения» позиции новой литературной группы, создаваемой «под знаком вильдерства», Ланн представил Волошину в письме от 30 марта 1923 г. («...Темой моей является Россия»: Максимилиан Волошин и Евгений Ланн... С. 34).

[11] Какие именно стихи послал Волошин Ланну, неизвестно. В цитируемом письме Ланн заметил: «...я считаю основным и самым важным для поэта делом – <...> уловить героический пульс объективного мира и, в частности, нашей эпохи. Потому меня и волнуют Ваши стихи – прежние и присланные. За последние я искренно Вас благодарю. Слишком много хочу о них сказать, но буду ждать Вашего приезда. <...> Стихи Ваши производят здесь сильное впечатление» (*Там же*. С. 35).

[12] М.И. Кузнецова.

244. К.А. ТРЕНЁВУ

9 марта 1923 г. Феодосия

К.А. Треневу
Феодосия, д<ом> Айвазовского.
9 марта.

Дорогой Константин Андреевич,

очень благодарю Вас за Ваше внимание: деньги через П.С. Соловьеву получил. Собрал от всех писател<ей> и художн<иков> доверенности на Ваше имя[1] по образцу П.С. Соловьевой и пересылаю через В.Н. Пирлика с просьбой переправить все суммы на адрес Констант<ина> Феодоровича Богаевского (Феодосия. Дурантевская, д<ом> Дуранте). Но отнюдь *не переводом*, а только ценным пакетом.

Меня очень огорчает отсутствие в списке 2 лиц: Нат<алии> Иванов<ны> Манасеиной и Иосифа Викт<оровича> Зелинского.

Последнему *назначен* паек по ходатайству Веры Николаевны Фигнер. Это старый народоволец, эмигрант, много лет занимавшийся заграничн<ыми> корреспонденциями и журнализмом. Ныне разбитый болезнью. Очень нуждается. Я сейчас увожу его к себе в Коктебе<ль>.[2]

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет об адресованных в Симферополь доверенностях на получение академического пайка.

[2] Волошин возвратился в Коктебель вместе с И.В. Зелинским, видимо, 11 марта. 8 марта он написал доверенность Зелинскому на охрану коктебельского дома во время своего отсутствия.

245. В.Н. ПИРЛИКУ

Между 8 и 10 марта 1923 г. Феодосия

Дорогой Валентин Николаевич,

мое представительство в Крым-КУБУ[1] — было последний год чисто формальным, т<ак> к<ак> я, обитая в Коктебеле, фактически не мог заниматься делами и все тяготы падали на

заваленного и без того работой Г.А. Магулу. Но все-таки имело смысл не уходить, чтобы поддерживать те традиции, что были установлены в Феодос<ийском> КУБУ. Но это все становится невозможным с момента включения в наш круг Алексея Николаевича Мошина, известного всем нам как фальсификатора художеств<енных> произведений, которому никто из нас не подаст руки. Этот факт сам по себе прекращает тот особливый дух, который существовал среди феодос<ийских> КУБУ-истов, и мое участие перестает быть нужным. Поэтому прошу не считать меня больше представителем Феод<осийского> КУБУ. Я не считаю для себя возможным и нужным протестовать против него в Центре, но и работать с ним не могу и не хочу. Думаю, что и никто из остальных членов КУБУ в Феодосии не согласится с ним вместе работать и что он этим самым останется единственным возможным представителем Феод<осийского> КУБУ.

Все-таки ЦКУБУ надлежало бы знать, кому оно назначает академические пайки, и не назначать их фальсификаторам и спекулянтам.

Крепко жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 2 к п. 242.

246. А.К. ВОРОНСКОМУ

2 апреля 1923 г. Коктебель

Гр<ажданину> Воронскому.

2 апреля 1923. Почт<овый> адр<ес>: Феодосия,
Коктебель. д<ом> Айвазовского.

Дорогой коллега,
(простите – не знаю Вашего имени-отчества).

Мне очень хочется, чтобы «Голод» пошел в «Кр<асной> Нови», и я с удовольствием иду на изменения.[1]

Посылаю Вам текст, немного измененный и стилистически, и сообразно цензурным требованиям.

Вторая строка так: «засеяли *убитыми* всходы».[2]

Таким образом отходит идея *казни* и ярче встает образ гражданской войны.

Строки же «Расстреливали голодающих...»
заменяю так:

«Как в воробьев, стреляли по мальчишкам,
Сбиравшим просыпь зерен на путях...»[3]

Это кстати и точнее передает действительность, а в связи с предыдущими строками возлагает ответственность не на администрацию, а на собственников. Может быть, в таком виде цензура и пропустит. Другие поправки малые — относятся к шлифовке стиха.

Я очень благодарен «Кр<асной> Нови» за высылку мне номеров. Но с августа я же не получил ни одного.

Был бы очень благодарен, если бы Вы нашли возможным мне продолжать высылку. Или это вина почты? Надеюсь к концу апреля приехать в Москву.

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин отвечает на следующее недатированное письмо А.К. Воронского (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 367):

Дорогой Максимилиан Александрович!

Редакции КН очень бы хотелось напечатать Ваше стихотворение о голоде, т<ак> к<ак> эти Ваши стихи — самое сильное и яркое, что было написано на эту тему. К сожалению, здесь встречается небольшое цензурное препятствие: 1) «Засеяли расстрелянными» — строка эта не может ли быть заменена: засеяли зерном свинцовым. Редакция хорошо понимает, что «расстрелянных» Вы разумеете здесь безотносительно к той или иной враждующей политической группе. К сожалению, этого понимания трудно передать Главлито, которое по-своему справедливо, ибо о белогвардейских расстрелах у нас, в Москве знают только старожилы, до того это уже древние вещи. Сами понимаете поэтому — откуда появляется затруднение, связанное с этой фразой.

2) Расстреливали голодающих,
Сбиравших просыпь на путях. —
Две эти строчки приходится совсем выбросить.

Если редакция КН от Вас не получит несогласия на это, то стихи о голоде будут напечатаны в журнале № 3.

«Пророк» идет целиком в альманахе «Круг», а «Государство» там же, только с исключением места, где говорится о духе революции.

Уважающий Вас А. Воронский.

(Объявленные публикации стихотворений «Пророк» («Бунтовщик») и «Государство» в Альманахе артели писателей «Круг» (Кн. 1–2. М.; Пб., 1923) не состоялись.)

[2] Вариант строки из стихотворения «Голод»: «Засеяли расстрелянными – всходы» (Т. 1 наст. изд. С. 345).

[3] Это изменение вошло и в окончательную авторскую редакцию текста стихотворения (*Там же*). Публикация «Голода» в «Красной Нови» не состоялась.

247. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

2 апреля 1923 г. Коктебель

2 апреля 1923. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Оба Ваши письма – от 22.II и от 16.III получил на очень близком расстоянии и отвечаю одновременно. Деньги – и первый перевод на 500, и чек на второй (1837 р.) получил.[1] Пойду завтра в город получать в банк и пропишу, как это получается. Огромное спасибо и за то, и за другое: теперь моя поездка в Москву обеспечена материально. Остановка только за одним; составление тех книг, которые я хочу продать в Москве. Все свободное время я употреблял зимою на творческую работу, а эту – хлопотливую и механическую, связанную с долгой перепиской на машинке, оставлял на конец в надежде, что Бог пошлет мне какую-нибудь переписчицу (мне теперь и на машинке плохо – рука отнимается от чересчурной работы). Но переписчицы не явилось, и я теперь сам спешу к отъезду заготовить материал. Предполагал выехать немедленно после Фоминой,[2] но боюсь, что не поспею, т<ак> к<ак> на Пасху жду гостей из города. Теперь все рвутся в Коктебель – т.е. все художники: Богаевский, Успенский, Магула и еще другие.

И решено коллективно праздновать Пасху у меня. У меня теперь в доме завелся порядок и даже благолепие благодаря хозяйничанью Маруси Заболоцкой. И даже гостей принять можно. Мне судьба посылает исключительно хороших людей, а появление Маруси в нашем доме еще при жизни Пра – прямо благословение Божие.

Кроме того, я перевез к себе на постоянное жительство из города старика Зелинского (народоволец, эмигрант, друг Бакунина, Реклю, Кропоткина, Драгоманова). Он погибал в Феодосии от нужды и болезней, не получая академического пайка, который ему выхлопотала Вера Николаевна Фигнер. Теперь он будет жить у меня. Это даст мне возможность уехать после Пасхи вместе с Марусей. Она едет в Петербург, чтобы узнать – сможет ли она теперь окончить Медицинский институт, который она оставила еще в 14 году, уехав на войну помощником лекаря, и с тех пор не возвращалась.[3]

Огромное спасибо за Охранную грамоту.[4] Сперва я несколько огорчился текстом: «о невыселении», но оказалось немедленно, что это именно то, что сейчас необходимо, потому что, ввиду ожидания военных действий, появились угрозы выселить всех с береговой полосы, и в Коктебеле уже действуют правила о незажигании огней. Совсем как в 1919 году. Вообще здесь обычная крымская весенняя тревога о войне. И я не знаю, что может остановить мою поездку на север. Местным слухам я, разумеется, не верю, но угрожающие бряцания на этот раз доносятся именно с севера.

Одновременно с Вашим письмом я получил записку от Воронского об изменении двух мест в «Голоде», прилагаю ответ ему.[5] Что касается «емкости испражнений», то, если не поздно, восстановите, пожалуйста, ее в тексте; я вполне согласен с Вашими (вторичными) доводами; в первый раз Вы меня испугали «нелогичностью», но сердце подсказывало все же преимущество «испражнений» над «пищеводом», и я исправлял текст нехотя.[6]

Я очень, очень благодарю Вас за предложение денег.[7] Я не ответил сейчас же, ибо весьма колебался, а теперь последней присылкой нужда устраняется и у меня на дорогу вполне хватит. У меня инстинктивный страх перед всяким займом.

Академические пайки: сейчас я получил тоже извещение, что наконец они пришли за три месяца, и иду в город их распределять и устраивать. Перед этим, месяц назад, нам пришли деньги за ноябрь и декабрь, но их получили пока только П.С. Соловьева и я через Тренева;[8] остальные пока застряли в Симферополе по формальным причинам. Сейчас и они пришли для всех. Кроме того, Поликсена Сергеевна и я получили еще санаторные пайки. Словом, к Пасхе все сразу просыпалось после целой зимы молчания. Феодосийский список академистов не очень обкорнали. Надо принять во внимание, что из прошлого списка покинули Крым: Церасские (Москва), Екатерина Владимировна Виганд (за границу), Галабутский (Петербург), Новицкие. Лишенными пайка оказались только Манасеина и Герцык (за последних хлопотал своевременно Бердяев, и теперь они лишены пайка, как друзья Бердяева). Зато получили вновь художники Магула и Хрустачев, музыкант Ахшарумов и Слудский (директор Карадагской станции), о которых я хлопотал. Очень бы хотелось восстановить в правах Манасеину, Евгению Герцык и Зелинского.

Спасибо за книги, особливо за «Закат Европы»[9] – необычайно вдохновляющая, оплодотворяющая книга, хотя я с нею в большинстве случаев и не соглашаюсь. Для моей работы над «Путями Каина» она драгоценна. Спасибо за новых поэтов. Но пока, ввиду моего близкого приезда, не посылайте мне новых книг. Только об одной прошу, если случайно она попадется (быть может, какому-нибудь магазину можно поручить поискать?) – она мне была бы крайне нужна для работы: *А. Ветухов.* «Заговоры, заклинания и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли)», вып. I–II, Варшава, 1907, 522 + VII стр. Я думаю, что ее могут еще где-нибудь книгопродавцы найти.

Книгу Эренбурга «Хулио Хуренито»[10] я успел наскоро, но внимательно прочесть в Ялте. Мне она крайне понравилась. В ней есть конструктивная невыдержанность. Но она блестяща. Но Европа до войны ему удалась значительно лучше, чем война и советская Россия. Главы его романа (в «Недрах») я только что прочел: трудно судить. Но очень узнаю его самого

и его восприятие мира в этом «Тараканьем броде».[11] Так что, пожалуй, не соглашусь с Вами, Викентий Викентьевич, что он гонится за наиновейшими темами и формами:[12] это органически его темы и его давнишние формы, еще родственные ему в «Канунах».[13]

С большим интересом перечел 1-ую часть «В тупике».[14] Целостному художественному впечатлению мне сейчас мешает слишком точное знание элементов действительности, из которых построен роман. Из отдельных документальных лоскутков воображение невольно строит знакомые фигуры. Но виноваты в этом, конечно, не Вы, а я сам – читатель, слишком осведомленный в материале. Но зато это же мне дает возможность оценить точность его психологических пропорций. И увеличивает интерес к Вашей творческой технике. С крайним интересом жду продолжения. Очень меня интересует – проследите ли Вы психологию намеченных лиц вплоть до возвращения в Крым белых? Пока мне это представляется художественно необходимым. Но это, может быть, потому, что моя психологическая связь событий в ту эпоху была иная.

Относительно Поликсены Сергеевны[15] припишу к письму, повидав ее. Она была очень, очень плоха и теперь еле оправилась после выхода новых громадных почечных камней. Ей необходимо делать операцию или ехать в Ессентуки вместе с Натальей Ивановной,[16] обе они плохи и еле-еле тянут. Без немедленного леченья Поликсена Сергеевна недолго протянет. Их пьеса, говорят, шла с успехом в Феодосии.[17] Я ее еще не читал.

Из присланных Вами стихов с некоторым предубеждением раскрыл присланного Вами и мне неизвестного Николая Тихонова.[18] Но он сразу подкупил меня собственной музыкальностью и силой. Казина я уже раньше отметил по отдельным стихотворениям и с интересом прочту его книгу.[19] Он крепко вяжет стих. Очень рад «Огненному Столпу» Гумилева[20] – его у меня не было, хотя все стихи в отдельности знакомы. Но что меня обрадовало чрезвычайно, – это полученная на днях книга (2-е изд.) Федорченко «Народ на войне».[21] Я перечитывал ее с упоением.

На мой взгляд, она имеет не только исторически-документальное значение, но это и художественный этап русской прозы, которая со времен Чехова вступила на путь сжатости, который у современных беллетристов (Пильняк, Вс. Иванов) достиг не только телеграфной сжатости, но перешагнул в условную сокращенность телеграфных кодексов. А у Федорченки есть сжатость сюжета и психологии. Эти записи я не могу рассматривать как сырой документ: в них есть вся полнота творчества (выбора и отбора-формулировки). Каждая из них может быть развернута в рассказ или повесть. Пред такой художественной сжатостью, не выходящей из традиций русской литературной ясности, сам Чехов может показаться растянутым. Фантазия читателя приобщается вполне к акту творчества. Любая страница дает материалу не меньше, чем целый том беллетристики.

Не помню, посылал ли я прошлый раз мое стихотворение «Благословение».[22] Во всяком случае, прилагаю его в последнем варианте. Пойдут ли где-нибудь главы «Машина» и «Война» из «Путей Каина»?[23] Или они совершенно неприемлемы? («Война» настолько переработана и расширена, что я считаю себя вправе напечатать ее как совершенно новое стихотворение.[24]) Из поэтов – не новых, но выявивших себя за эти годы, – мне ближе всех Ходасевич. Он, верно, и Вам близок своим пушкинианством? (которое глубоко приветствую!) Кстати: была ли кем-нибудь разработана тема о взаимовлиянии Пушкина и Мериме? Для истории развития принципа литературной сжатости это тема крайне важная.

Вигеля непременно найду и привезу.[25]

Дорогая Марья Гермогеновна,[26] как Ваши сценические дела и успехи?

Простите, что не пишу Вам отдельно. Но каждое письмо мое обращается в равной мере как к В.В., так и к Вам.

Всего лучшего. Крепко жму Вам руку. До скорого свидания. Как только для меня определится более точно день отъезда, извещу Вас за неделю.

Максимилиан Волошин.

P.S. Видел Поликсену Сергеевну. Она миллиард получила и Вас давно уже известила. Паек академический получен. Но какой гнусный! Вместо жиров – льняное масло (несъедобное). Вместо мяса – тарань, мука – с горохом. Во время голода в 22-й год такого не давали, и место получения, точно нарочно, в четырех разных концах города. Прямо как издевательство.

Деньги из банка по переводу получил полностью и безо всяких промедлений. Так что явно, что это самый удобный способ пересылки.

Спасибо, Викентий Викентьевич!

[1] В письме от 22 февраля 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 16–17 об.) В.В. Вересаев сообщал Волошину: «На днях Воронский выслал Вам 500 милл<ионов> в виде аванса за переданные мною ему Ваши стихотворения (передал ему все, что вы в последний раз прислали <...>)»; в письме от 16 марта (*Там же*, л. 18–19 об.) добавлял о редакции «Красной нови»: «Они Вам 500 милл<ионов> уже выслали, собираются посылать еще дополнительно. Первые четыре из цикла "Путями Каина" я сдал в издательство "Новая Москва" для альманаха "Недра" (II книга) (первая уже вышла и Вам высылается). Выторговал сверх-максимальный гонорар – по 7 милл<ионов> за стих. 281 ст<их> × 7 = 1. 967 милл<ионов> – 130 миллионов оставил на кой-какие книжки для Вас. Высылается Вам Шпенглер "Закат Европы", – стоит ок<оло> 70 милл<ионов> <...> Брошюрка Хвольсона об Эйнштейне, книжки стихов Асеева, Казина, Тихонова и нек<оторые> др<угие>».

[2] См. примеч. 3 к п. 241.

[3] М.С. Заболоцкая поступила в петербургский Психо-неврологический институт в августе 1910 г.

[4] «Посылаю Вам охранную грамоту ВЦИК'а на Вашу библиотеку и мастерскую», – писал Вересаев Волошину 23 февраля.

[5] См. п. 246, примеч. 1.

[6] Речь идет о фразе из стихотворения «Государство»: «Мерило же культуры – чистота / Отхожих мест и емкость испражнений» (Т. 2 наст. изд. С. 52); Волошин, по замечанию Вересаева в письме от 24 августа 1922 г. («У вас там один курьезнейший lapsus: "*емкость* испражнений". Можно говорить о емкости сосуда, желудка, кишечника, вообще вмещающего, а не вмещаемого» // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 13), исправил последние два слова в ней на «емкость пищеводов». Вересаев писал ему 22 февраля 1923 г.: «Вы меня изви-

ните, – я до сих пор не сообщил об указанной Вами поправке, – это, конечно, самоуправство, но язык, ей-богу, не поворачивается! "Емкость испражнений" – конечно, бессмыслица, но всякий понимает, что автор хочет сказать, так что даже и не замечает внешней бессмыслицы. А "емкость пищеводов" – дает тяжелую внутреннюю неуклюжесть образа, особенно режущую ухо мне, как врачу: во 1-х, вы под "пищеводами", по-видимому, разумеете весь пищеварительный канал, а анатомия под этим разумеет только мясную трубку между глоткою и желудком; во 2-х – "емкости" пищевода никто не может желать, п<отому> ч<то> это есть *расширение* пищевода, желудка и т.п., – явления патологические, и гастрономом, во всяком случае, можно быть без особой какой-нибудь емкости "пищеводов", да и не гастрономию вы имеете в виду». В письме к Волошину от 16 марта Вересаев вновь затрагивал ту же тему: «Ах, но эта "емкость пищеводов"!..».

[7] В письме от 22 февраля Вересаев спрашивал Волошина: «Отчего Вы мне не ответили на мое предложение о деньгах? Повторяю, я при этом ничего не теряю, а проезд, говорят, сейчас стоит очень дорого. А приехав и привезши подготовленные Вами книги, Вы денег получите много».

[8] См. п. 244.

[9] Труд Освальда Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» (Bd. 1–2. München, 1920–1922) в русском переводе: Закат Европы / Предисл. А. Деборина, пер. Н.Ф. Гарелина. Т. 1. М.; Пг., 1923; то же, под ред. А.А. Франковского. Т. 1. Пг., 1923).

[10] Роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...» (Берлин: Геликон, 1922; 2-е изд.– М.: ГИЗ, 1923).

[11] Имеется в виду отрывок из романа Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова» (Берлин: Геликон, 1923; М.: Новая Москва, 1923) в первоначальной редакции – «Тараканий брод», опубликованный в № 1 альманаха «Недра» (М., 1923).

[12] 16 марта Вересаев писал Волошину: «Вышел недавно большой роман-памфлет "Хулио Хуренито" Эренбурга, – вещь острая и очень удачная. Вообще же он сыпет книгами, – многописание, спешка и спешная подделка под "последнее слово". Не чувствую я в нем адекватности творчества, – адекватно ему удалось отобразиться в "Хуренито"».

[13] Речь идет о книге И. Эренбурга «Стихи о канунах» (М.: Тип. А.А. Левенсона, 1916). Менее вероятно, что Волошин здесь подразумевает сборник его избранных стихотворений «Кануны (Стихи 1915–1921 гг.)» (Берлин: Мысль, 1921).

[14] См. примеч. 12 к п. 202.

[15] О П.С. Соловьевой Вересаев писал Волошину 16 марта: «Очень меня беспокоит, – больше месяца назад “Книгоиздательство писателей” выслало Allegro миллиард рублей, а от нее ни слуху, ни духу».

[16] Н.И. Манасеина.

[17] Премьера пьесы П.С. Соловьевой и Н.И. Манасеиной «Грешница» состоялась в Феодосийском театре 25 марта 1923 г. По оценке обозревателя, эта пьеса рисует «довольно ярко <...> полосу недавно пережитого нами и всем еще памятного голода», «это – страничка из современного нам быта» (*Гр. Т.* Театр. «Грешница» // Рабочий (Феодосия). 1923. № 42 (209), 24 марта. С. 4).

[18] Книги Н. Тихонова «Орда. Стихи: 1920–1921» (Пб.: Островитяне, 1922) и «Брага. 2-я книга стихов: 1921–1922» (М.; Пг.: Круг, 1922).

[19] Книга В. Казина «Рабочий май. Стихи» (Пг.: Гиз, 1922; 2-е изд. – М.; Пг.: Круг, 1923).

[20] См. примеч. 10 к п. 231.

[21] 2-е издание 1-го тома книги С.З. Федорченко «Народ на войне» – М., 1922.

[22] См. примеч. 2 к п. 241.

[23] Названные стихотворения в 1920-е гг. в Советской России не были напечатаны.

[24] «Война» – радикально переработанная редакция стихотворения «Аполлион», впервые опубликованного в книге Волошина «Anno mundi ardentis 1915».

[25] См. примеч. 12 к п. 232.

[26] М.Г. Смидович.

248. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

3 апреля 1923 г. Коктебель

3 апреля 1923. Почт<овый> адрес: Феодосия,
Коктебель. д<ом>Айвазовского.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

только что узнал, что двое из моих друзей И.С. Кожевников (наш полномочный представитель в Литве) и тов. Корев (Гинцбург) каждый от себя обратились к Вам с ходатайством обо мне.[1]

Моя личная жизнь за эти два года действительно была тяжела, с одной стороны, благодаря моей болезни длительной и тяжелой, с другой стороны, благодаря болезни моей матери, которая умерла в январе этого года.

Корев мне пишет, что Вы телеграфировали в Крым-Совнарком обо мне. К сожалению, Крым-Совнарком довольно небрежен при передаче таких телеграмм: так Ваш вызов меня в Москву в <19>21 г<оду>, отправленный в мае,[2] был мне официально сообщен только *в ноябре* того же года. В 1922 году Вы тоже меня, как мне частным путем сообщили, вызывали телеграммой, но этот вызов был утаен от меня совершенно.

Боюсь, чтобы и теперешнюю Вашу телеграмму не постигла та же участь.

В конце апреля я надеюсь сам быть в Москве и подробно повидаться с Вами и познакомить Вас с последними моими стихотворениями.[3]

Пока же прошу Вас только об одном — том, о чем просил для меня Кожевников: дать мне Личное Охранное Свидетельство за подписями Вашей и М.И. Калинина и печатью В.Ц.И.К. Это мне очень важно, чтобы иметь возможность без опаски покинуть на время Коктебель, то есть мою библиотеку и мастерскую. Как образец я прилагаю Охранную Грамоту, выданную мне в свое время Крым-Ревкомом с некоторыми желательными дополнениями в ее тексте. Теперь с отменой самостоятельности Крымской Республики необходима такая же грамота из Центра. Только будьте добры направить мне эту грамоту непосредственно на Феодосию, или через нашего феодосийского предисполкома Гончарова — человека редко порядочного и точного.

Кроме того, позвольте мне просить Вас еще за других: и именно за старого землевольца,[4] эмигранта, друга Бакунина Иосифа Викторовича *Зелинского*, которому по ходатайству Веры Никол<аевны> Фигнер был дан академический паек, которого он однако до сих пор, благодаря отсутствию распоряжений из центра, не получает. Его самого я перевез к себе, но семья его продолжает голодать (его жена Зелинская-Гамкрелидзе — судилась по рабочему процессу 50-ти[5]).

Нельзя ли из Москвы ускорить распоряжение о реализации академического пайка? Это было бы только справедливо по отношению к старому и больному революционному ветерану.

Очень благодарю Вас, Анатолий Васильевич, за Ваше внимание ко мне и к моим просьбам в эти годы и надеюсь вскоре лично увидеться с Вами в Москве.

[1] 14 марта 1923 г. С.И. Гинцбург (Корев) писал Волошину из Москвы: «Приехавший П. Никольский передал мне о Вашем несчастье (смерть Е.А. <т.е. Е.О. Кириенко-Волошина. – *Ред.*>) и о бедственном Вашем состоянии (болезнь) <...> я обратился к Луначарскому, в результате чего он 3 дня тому назад отправил телеграмму в Совнарком Крыма о том, чтобы Вам немедленно была дана помощь и некоторая материальная субсидия. Сегодня он запросил Симферополь телеграммой: сделано ли. На всякий случай я поставил пред Луначарским вопрос о Вашей поездке в Москву. Он обещал – в случае, *если Вы действительно приедете*, озаботиться получением для Вас и для Вашей мастерской помещения и о средствах к переезду и к перевозке библиотеки. Если Вы намерены воспользоваться его любезностью – напишите мне, что именно Вам нужно сейчас и в будущем – в Москве. Я покажу ему письмо и озабочусь тем, чтобы все возможное было сделано. Сообщите также, что Вами получено из Симферополя, – если недостаточно – добьюсь приема у Луначарского и попрошу нажать. Хотелось бы Вас видеть в Москве» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 689).

И.С. Кожевников выслал Волошину копию своего обращения к Луначарскому из Ковно (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 670):

23 февраля 1923.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

Я был в Крыму в начале февраля, виделся там с Максимилианом Александровичем Волошиновым <*так!*>. Он много работает, в частности заканчивает «Пути Каина», но живет отвратительно во всех отношениях. К тому же за день до моего приезда похоронил мать и остался совсем один.

Ко всем этим невзгодам, местные блюстители порядка, рассматривая его как «буржуя», усугубляют без того неважное настроение.

Он просил меня передать Вам его теплый привет: мы с ним старые добрые знакомые по искусству.

Чтобы облегчить ему работу, я полагал бы: 1) выслать ему личное охранное свидетельство, за подписями Михаила Ивановича

<Калинина. – *Ред.*> и Вашей, или как Вы найдете более удобным, но непременно из Москвы;

2) выслать ему охранную грамоту для дома, мастерской, библиотеки, архивов и дать распоряжение крымским местным властям (Феодосии и Коктебель) о содействии по охране, как самому Максимилиану Александровичу, так и его домовнику, в случае его поездки в Москву или отлучки куда-либо из Коктебеля.

Обо всем этом я намеревался переговорить лично с Вами. Мой спешный выезд в Литву был причиной тому, что я этого не сделал.

Очень прошу Вас уведомить меня о получении этого письма, а также и о предпринятых Вами шагах и результате их.

С коммунистическим приветом

Полпред Р. С. Ф. С. Р. в Литве И. Кожевников.

[2] Подразумевается телеграмма Луначарского в Крымревком от 18 мая 1921 г. (Труды и дни-2. С. 125).

[3] В цитированном письме Гинцбург просил Волошина прислать свои новые произведения: «Луначарский также заинтересовался Вашим творчеством, а мне, к сожалению, нечего показать ему».

[4] Т.е. члена революционной народнической организации «Земля и Воля», основанной в Петербурге в 1876 г. и в 1879 г. расколовшейся на «Народную Волю» и «Черный передел». Ср. сообщение о Зелинском в п. 249.

[5] «Процесс 50-ти» (21 февраля – 14 марта 1877) проходил над членами группы «москвичей» («Всероссийская социально-революционная организация» – революционная народническая группа интеллигентов и рабочих в 1874–1875 гг. в Москве). Участники были приговорены к различным срокам каторги, ссылки, тюремного заключения.

249. С.И. ГИНЦБУРГУ (КОРЕВУ)

3 апреля 1923 г. Коктебель

3 апреля 1923. Почт<овый> адрес: Феодосия,
Коктебель. д<ом> Айвазовского..

Дорогой Сима,

большое спасибо за память, внимание, сочувствие.[1]

Пра умерла в январе. После месяца болезни. Я как раз сам вернулся из Севастополя с лечения к началу ее болезни и был при ней.

За эти месяцы жизнь моя наладилась благодаря Марусе Заболотской, которая все время была при Пра во время ее болезни и теперь осталась со мной заведовать хозяйством и домом. Кроме того, я перевез к себе старика Зелинского (Вы его помните – эмигрант, друг Бакунина, быв<ший> народоволец?). Так что я теперь могу и покидать Коктебель, и у дома есть охрана. Поэтому я теперь не собираюсь бросать дома и Коктебеля, ни перевозить библиотеки. А сам собираюсь приехать месяца на 1½ в Москву к концу апреля (если только не начнутся какие-нибудь военные осложнения).

Поэтому очень, очень благодарю Вас, милый Сима, за Вашу память и заботу обо мне, но сейчас об этом не следует подымать вопроса. Очень меня тронуло, что Вы не забыли наших бесед на эту тему и сейчас же поговорили с Луначарским. Мне очень важно было бы получить от Луначарского личную Охранную Грамоту взамен грамоты Крым<ского> Правительства, теперь утратившей значение.

Я посылаю Вам в этом же письме несколько слов Луначарскому об этом: передайте ему, пожалуйста, немедля и лично.[2]

Обо мне ему писал тоже, как и Вы, мой приятель Кожевников (теперь полномочный представитель СССР в Литве).

Вот посоветуйте мне, Сима, такую вещь:

Я хочу, и это уже фактически осуществляется, устроить у себя в Коктебеле летнюю станцию и приют для художников и литераторов. Не хочу этого делать официальным, т<ак> к<ак> слишком много злоупотреблений на этой почве, но нельзя ли как-нибудь избегнуть налогов, которые могут меня совсем удушить? Ведь я всех приезжающих ко мне и кормлю. Имею пока эту возможность, благодаря ряду американских посылок, полученных мною за прошлый год из-за границы (около 10) от ряда друзей, обществ, и даже от парижских масонов (2) и совсем неизвестных лиц.

Это дало мне возможность устроить и Зелинского, который должен был бы получать академический паек (по ходатайству Веры Фигнер), но, разумеется, не получает его. Ко мне уже с первых весенних дней стали приходить фео-

досийские художники (на отдых и на работу) Богаевский, Магула, Успенский, летом, верно, приедут с севера.

Денег же у меня по обычаю или мало, или совсем нет.

Посоветуйте, как мне устроиться, не делаясь официальным Домом отдыха — Учреждением, которое меня бы не устраивало лично, возлагая разную бумажность и отчетность, и не давая возможности выбора близких духом людей.

Другой вопрос, о котором я буду говорить с Анатолием Васильевичем, это вопрос об издании книги всех моих стихов о Войне и Революции, т.е. «Неопалимой Купины».

Здесь будет целый ряд трудностей цензурных, которых без высокой протекции никак не обойти. «Путями Каина» я еще не закончил и не могу еще выпускать книгой. Об них речь впереди: пока они будут печататься отдельными стихами в «Красной Нови» и «Круге».[3]

Об обоих этих делах поговорите при случае от себя (стихов сейчас нет переписанных, но сам приеду, привезу).

Посылаю кое-что из самых последних: они уже закуплены Воронским.

От Совнаркома Крыма ничего не получал, и, верно, они не соберутся до моего отъезда что-нибудь сделать: они ведь мне одну телеграмму Луначарского в 1921 году сообщили спустя 6 месяцев (вызов в Москву), а прошлогоднюю (тоже вызов), о которой я знал, так и не сообщили.[4]

Все распоряжения относительно меня необходимо посылать на Феодосию или с сообщением копии телеграммы Гончарову и мне.

Относительно же охранной личной Грамоты, то постарайтесь провести ее сами через Анатолия Вас<ильевича>, с печатью ВЦИКа и за подписью Калинина. Об этом писал и Кожевников.

И ее отправить прямо мне. А лучше всего взять ее в дубликате и один экз<емпляр> сохранить у себя до моего приезда, а другой отправить мне (на случай, если я выеду раньше).[5]

До свиданья, милый Сима. Как Вы сами устроились?

Б<ыть> м<ожет>, когда я сам приеду, я в свою очередь смогу быть Вам в Москве полезен?[6] Привет Гурвичам.[7] Как они?

До свиданья. Спасибо.

[1] Ответ на письмо от 14 марта 1923 г. (см. примеч. 1 к п. 248).

[2] См. п. 248.

[3] Об этом Волошина известил А.К. Воронский. См. примеч. 1 к п. 246.

[4] См. примеч. 2 к п. 248.

[5] 7 июня 1923 г. Гинцбург сообщал Волошину: «Прошлое письмо Ваше я не мог исполнить, т<ак> к<ак> Луначарский на Украине. Постараюсь сделать все нужное по его приезде» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 689).

[6] Замысел поездки в Москву в очередной раз был отложен из-за болезни М.С. Заболоцкой (которая поступила в феодосийскую городскую больницу, видимо, 9 апреля 1923 г. // Труды и дни-2. С. 184).

[7] Братья и сестры Гурвич – Людмила Самойловна (в замужестве Корецкая; 1895–1977), микробиолог; Владимир (Вульф) Самойлович (1896–1942), финансист, впоследствии профессор; Валерия Самойловна (в замужестве Чигина; 1898–?), финансист; Элеонора Самойловна (1900–1989), студентка, затем художница.

250. Г.А. МАГУЛЕ

Около 3 апреля 1923 г. Коктебель

Дорогой Герасим Афанасьевич,

на всякий случай, если не удастся прийти самому завтра по делам академических пайков из-за заносов:[1]

Ввиду того, что 8 семейных пайков посылается в мое распоряжение, я думаю, что справедливо было бы распределить их так:

Прежде всего надо иметь в виду тех, кто имеет права на паек и по недоразумению не получает его.

Таковых у нас три:

Евгения Герцык (Судак).

Н.И. Манасеина.

Зелинский (по ходатайству Веры Н<иколаевны> Фигнер).

Затем получающие, но очень многосемейные:

Спендиаров.

Богаевский.

Всем им по полному дополнительному, т.е. 5 пайк<ов>.

Затем, как питающим одного человека:

Магула.

Хрустачев.

Буткова.

Им по полупайка, т.е. 1½ пайка.

Таким образом у нас остается еще полтора пайка, которые, согласно нашей традиции, установленной в прошлом году, предлагаю распределить между особо нуждающимися. Предлагаю и прошу дать по полупайку:

Л.А. Цыгальской (жена писателя, 2 детей).

Семье Экк (голодают).

Успенским.

В случае если будут внесены еще предложения о нуждающихся, то придется раздробить эти полтора пайка на более мелкие части.

Термин «паек» употребляю все время в смысле трехмесячного.

Никакого дополнения не получают, как одиночки: Ахшарумов, Соловьева, Волошин.

В частном письме Пирлик мне рекомендует следить за качеством продуктов. Поэтому рекомендую в случае недоброкачественности продуктов: напр<имер>, масла, соленой рыбы – их совершенно не брать, а возбудить протест в Симферополе: нас несомненно удовлетворят. Дело будет только в задержке.

Рекомендовал бы собрать в среду вечером[2] у вас всех восемь академистов и коллективно обсудить мое предложение.

[1] Подразумевается приход в Феодосию.

[2] 4 апреля.

251. В.Н. ПИРЛИКУ

9 апреля 1923 г. Коктебель

9 апреля 1923. Почт<овый> адр<ес>: Феодосия,
Коктебель. д<ом>Айвазовского.

Дорогой Валентин Николаевич,

получив от Вас письмо,[1] сейчас же побежал в город устраивать академические пайки. По моему предложению они были распределены так: прежде всего были выделены полные пайки тем, кто случайно не вошел в список из тех, кто уже получал раньше пайки.. Именно: Н.И. Манасеиной, Евг<ении> К<азимировне> Герцык и И.В. Зелинскому (т.е., вернее, не ему – я его поселил у себя в Коктебеле, а его семье).

Потом семейные пайки были даны из получающих «кубистов»[2] следующим: Спендиарову, как многосемейному I – полностью, и по полупайку (трехмесячному) Богаевскому, Хрустачеву, Магуле, Бутковой.

Таким образом из 8-ми трехмесячных семейных на это ушло 6 пайков. Осталось два. Эти два были нами разделены между шестью семействами, крайне нуждающимися (т.е. по одномесячному пайку), именно: Экк, Арцеуловы, Редлих, Прево, Цыгальская, Полуэктовы. Это всё семьи художников, для которых 1922 год еще не кончился и не прерывался. Это распределение я сообщаю для Вас, а официальное прилагаю на отдельном листе.

Теперь самые пайки. Они на этот раз были настолько плохи и получение их было так обставлено, что думаю, что необходимо протестовать официально против такого обращения. В прошлом году во время голода и качество и выбор продуктов были гораздо выше. Судите сами:

Жиры: выдается по 18 фунтов льняного масла, в пищу непригодного и имеющего окончательно прогоркнуть через несколько дней.

Мясо: 60 фунтов сухой мелкой воблы. Только благодаря вмешательству предисполкома Гончарова, удалось настоять на замене половины этого количества мясом. Но, вместо мяса, были выданы сплошь кости, головы, легкие и другие

неудобосъедобные части, так что ни у кого больше 4—5 фунтов мяса на 30 ф<унтов> не получилось, а у тех, кто получал по одному месячному пайку, и того не было.

Мука — довольно грубая шеретовка (в прошлом году выдавалась белая пшеничная) и с определенным привкусом гороха.

Остальное еще не знаю, ибо произошло с раздачей следующее: выдача была назначена на страстной четверг и пятницу.[3] В четверг надо было ехать за мясом на бойни на Сарыголь (первая станция от Феодосии). В пятницу за мукой на мельницу, тоже за город, наконец в третье место в амбары Загот-Конторы, где бы собственно и полагалось бы получить всё зараз. Мясо и муки мы получили, а амбары оказались запертыми, несмотря на все ходатайства их не отперли: «получите после праздников». Таким образом все оказались лишенными продуктов именно к праздникам и, кроме того, все оказались еще наказанными на много миллионов, т<ак> к<ак> подводчики стребовали все деньги за несостоявшийся перевоз. Все это весьма напоминало прямое издевательство над весьма и весьма голодными людьми. Не говорю уж о себе, которого Загот-Контора заставила пробежаться пешком 18 верст и столько же обратно для устройства этих дел,[4] которые так <и> остались неоконченными, прервав для этого в самый горячий момент мою личную творческую работу.

Едва ли кто бы из отдельных лиц стал бы протестовать от себя, по заповеди: «даровому коню в зубы не смотрят», но я, как официальный представитель Крым-Кубу, считаю необходимым поднять протест против и качества выдачи, и против способа выдачи академических пайков. И прошу Вас, Валентин Николаевич, ознакомить Бортникова[5] и Крым-Кубу с тем, что я пишу Вам, а официальному моему заявлению дать законный ход. Мне кажется, что это необходимо. Если возможно, осведомьте меня о том, что полагается получать в нормальном академическом пайке?

Ваша просьба будет всеми уважена с радостью и благодарностью, и я возьмусь за ее осуществление сам, но позвольте мне быть тоже в числе художников, т<ак> к<ак> у меня нет сейчас ни одного собственного издания.

Я в конце апреля, или в начале мая поеду в Москву месяца на 2, на три.[6] Вернусь в июле. Так что если мое письмо застанет Вас, то ответьте мне сейчас же.

Большое спасибо за все.

Деньги можно перевести на Государ<ственный> Банк – переводом: я *уже* получил в Феодосии.

[1] Это письмо В.Н. Пирлика в архиве Волошина не обнаружено.

[2] Т.е. входящих в списки распределения от КУБУ.

[3] 5 и 6 апреля.

[4] Волошин отправился в Феодосию за академическими пайками, видимо, 3 апреля и возвратился пешком в Коктебель 7 апреля.

[5] Павел Семенович Бортников, нарком продовольствия Крыма.

[6] См. примеч. 6 к п. 249.

252. В КРЫМ-КУБУ

9 апреля 1923 г. Коктебель

9 апреля 1923. Почт<овый> адр<ес>: Феодосия,
Коктебель. д<ом> Айвазовского.

В Крым-КУБУ:

Максимилиан Волошин,
пред<ставитель> Кр<ым->КУБУ в Феодосии.

Академические пайки за янв<арь>, февр<аль>, март, в количестве 8 семейных и 8 личных, получены.

Семейное положение восьми академистов в Феодосии таково:

Спендиаров – сам шесть.
Богаевский – сам третей.
Хрустачев – сам третей.
Магула – сам друг.
Буткова – сам друг.
Соловьева – сам друг.
Волошин – сам друг.
Ахшарумов – одинок.

Соответственно с этим 8 семейных пайков или 24 месячных пайка распределены так (считая 1½ месячных пайка на душу):

Спендиаров:	9 пайков.
Богаевский	4½ пайка.
Хрустачев	4½ –"–
Магула	1½ –"–
Буткова	1½ –"–
Соловьева	1½ –"–
Волошин	1½ –"–
Всего:	24 пайка.

Продукты качеством выданы – неудовлетворительного:

Жиры – льняное масло, в пищу неупотребительное.

Мясо – вобла. По особым настояниям удалось добиться половины выдачи говядиной, из которой приблизительно 80% оказалось сбоя и костей. Говядина самого низшего качества.

Мука – болгарка (шерстовка) с привкусом гороха.

Крупы – пшено (удовлетворительное).

Больше не выдано ничего.

Выдача продуктов обставлена крайне неудобно:

Мясо выдается на бойнях, находящихся далеко за городом, на станции Сарыголь.

Мука выдается на мельнице, находящейся тоже за городом, в другом направлении.

Крупа и масло в амбарах Загот-Конторы в порту.

Отсюда громадные добавочные расходы на подводы.

Когда в настоящую получку мы явились в назначенный час в амбары Загот-Конторы за маслом и крупой, то нам отказались выдать продукты. Таким образом, академисты остались к праздникам[1] лишенными большей части своего пайка и введены еще в большие расходы по уплате подводчикам, стребовавшим за несостоявшийся перевоз полностью.

Как пред<ставитель> Кр<ым>-КУБУ прошу обратить внимание на эти явления, уничтожающие самый смысл

выдачи академических пайков, и принять меры к их устранению, ибо нахожу, что здесь плохая организация дела соединена с прямым издевательством.

Максимилиан Волошин.

[1] Пасха – 8 апреля.

253. А.Я. ТРУПЧИНСКОЙ

Март – апрель 1923 г. Коктебель

Дорогая Анна Яковлевна,

Конечно, приезжайте и как можно скорее с Вашей дочкой.[1] Смотрите на мой дом как на свой собственный. О плате никакой речи не может быть, т<ак> к<ак> я и вообще комнат за плату не сдаю. Сложнее будет Вам устроиться с едой, т<ак> к<ак> надо будет привезти кое-какие запасы из города с собою (муки, крупы), т<ак> к<ак> деревня ничего не продает и хлеба нет – надо печь (давать муку за припек).

Б<ыть> м<ожет>, меня не будет в момент Вашего приезда (собираюсь в Москву). Тогда Вас устроит Маруся Заболоцкая, которая после смерти Пра ведет хозяйство. Если и ее не будет, то Иосиф Викторович Зелинский (старый землеволец[2] – друг Елисаветы Петровны[3] в молодости), что живет у меня.

В Феодосии можно остановиться в моей комнате (Екатерининская набер<ежная>, д<ом> Айвазовского. Ход со двора. Спросить дворника Ивана). Лошадей договорите на базаре (миллионов 40).

Жду.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на недатированное письмо из Петрограда: «У моей младшей девочки после плеврита повышается температура. Ей рекомендуют Крым. Нельзя ли у Вас снять комнату на весну, напишите скорее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1194).

[2] См. примеч. 4 к п. 248. В воспоминаниях о лете 1923 г. в Коктебеле Т.В. Шмелева свидетельствует: «Кроме Макса и Маруси в доме жил старый политкаторжанин-шлиссельбуржец зоолог Иосиф Викторович Зелинский. Он помещался в столовой на диване. Макс привез его из Феодосии, где он был совсем одинок. Впоследствии его взяла к себе дочь. Маленький, сгорбленный, с острой седой бородкой и лукаво-грустными глазами, Иосиф Викторович был любимцем молодежи. Около его дивана всегда собирались компании слушающих его интересные рассказы» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 477).

[3] Е.П. Дурново-Эфрон, мать А.Я. Трупчинской.

[4] А.Я. Трупчинская отвечала из Луги 14 июля 1923 г.: «Ваше письмо шло долго, долго, и я получила его уже в июле. К сожалению, сестры <В.Я. и Е.Я. Эфрон. – *Ред.*> мне ничего не сообщили о Коктебеле, и я боялась, не имея сведений, выехать. Сейчас с детьми на даче. <...> Вашей открыткой я была очень тронута, но ехать побоялась в жару, т<ак> к<ак> у Лизы расширение сердца» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1194).

254. Л.З. КАМЕНСКОМУ

21 мая 1923 г. Коктебель

21 мая 1923.
Коктебель.

Дорогой Леонид Захарович,

вчера получил Ваше письмо от 28-го апреля. Письмо, посланное раньше «пантуфлевой» (– не «еврейской» – таково старое русское техническое выраженье) почтой, к сожалению, не дошло.[1] Мож<ет> б<ыть>, потому, что я все время безвыходно сижу в Коктебеле. А я все время ждал Вашего письма, главным образом, чтобы узнать, где Вы – и вот мои опасения, что Вы уже покинули Харьков, оправдались. А я Вам недели две назад отправил экземпляр «Путей Каина», переработанный и переписанный на машине. Отправил по харьковскому Вашему адресу, с моей хорошей знакомой Еленой Михайлов-

ной Соколовой. Но он не пропадет – я ей сообщу Ваш московский адрес. Это для т. Хорошко как знак признательности за его трогательный жест.[2] На днях заканчиваю новую большую и очень значительную главу «Пут<ей> Каина» – «Космос»,[3] которую вышлю Вам отдельно.

Я был уже готов к отъезду в Москву, но неожиданная болезнь Маруси Заболоцкой (которая теперь живет у меня и руководит моим домом), а потом моя собственная задержали меня, и я отложил совершенно уже решенный и налаженный отъезд на осень.

Сейчас уже наступает летнее затишье литературной жизни. А мне именно она-то и интересна. Что за радость смотреть на опустелую пыльную Москву и рваться обратно к морю. Приеду осенью к началу сезона и приеду наверное. Спасибо за гостеприимство: у меня есть до десятка, если не больше, приглашений в Москве, и мне, очевидно, придется, чтобы никого не обидеть, ночевать <по> очереди у каждого из моих друзей.

Глубоко мне жаль, что не получил Вашего письма, и благодарю Вас за него, угадывая его содержание. Судя по письму, Вы чувствуете себя очень плохо и крайне развинченно. Хотелось бы видеть Вас у себя в Коктебеле, если Вам летом можно вырваться, но Коктебель летом для нервных раздражающе тревожен. (Так крымское лечение прошлой осени и не помогло Вам?). Но осенью здесь Вам было бы хорошо. Приезжайте ко мне – а потом вместе поедем в Москву. Хотите? Мне всегда везло на прекрасных людей. Так судьба послала мне теперь Марусю З<аболоцкую>. Благодаря ей я имею возможность остаться жить и работать в Коктебеле. Перевез я к себе тоже старика Зелинского (старый эмигрант – земле-волец[4]), совершенно заброшенного и больного. Комнаты летом буду отдавать художникам и поэтам бесплатно. Посылки Ары давали мне пока возможность и кормить моих гостей, но Ара прекращается,[5] и как будет дальше, не знаю.

Работаю над стихами: долго, упорно, медленно. Пишу последнее время акварели. Стихи в Москве через Вересаева устраиваются быстро и хорошо. Их ценят и хотят. Но ведь

пишу-то я очень скупо и мало, и чем больше работаю, тем меньше *строк* остается в стихотворении.

Мой адрес в Феодосии остается тот же: д<ом> Айвазовского. Он же и для писем, т<ак> к<ак> в Коктебель почта не ходит.

Что знаете о Софии Абрамовне? Как приняла она смерть отца? Передала ли она мое письмо проф<ессоу> Ященке – не знаете?[6]

Глубоко благодарен ей за книгу Эренбурга.[6] Теперь книги начали доходить уже почтой. Но все же лучше переслать с надежной оказией и оставить в Феодосии в доме Айвазовского у *Магулы*.

До свиданья. Крепко жму руку. Привет Любовь Захаровне.[8]

Максимилиан Волошин.

[1] Упомянутое письмо Л.З. Каменского содержало его отклик на кончину Е.О. Кириенко-Волошиной. «К сожалению, – писал Каменский Волошину 28 апреля 1923 г., – письмо то я отправил так называемой "еврейской" почтой и убежден, что Вы его не получили, т.е. что Вам его не доставили – иначе я бы уже давно имел от Вас ответ!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 613, л. 10). Пантуфли – «туфли, босовики, шамкалки» (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.; М., 1882. С. 16). Речь идет о передаче письма с оказией.

[2] См. примеч. 1 к п. 229.

[3] Дата завершения этого стихотворения – 12 июня 1923 г.

[4] См. примеч. 4 к п. 248.

[5] АРА (ARA – American Relief Administration), ставившая своей задачей оказание продовольственной и иной помощи европейским странам, пострадавшим во время Первой мировой войны, прекратила деятельность в 1923 г.

[6] Каменский отвечал 2 июня на вопросы о С.А. Левандовской: «Софья Абрамовна уже вернулась из Берлина. Она выполнила Ваше поручение. <...> Смерть отца она перенесла почти героически, – что явилось для меня неожиданностью!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 613, л. 14 об.).

[7] Имеется в виду роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...» (см. примеч. 10 к п. 247).

[8] Л.З. Берлин (урожд. Каменская; ? – ок. 1976), сестра Л.З. Каменского.

255. В.Я. ЭФРОН

24 мая 1923 г. Коктебель

24/ V 1923. Коктебель. Почт<овый> адр<ес:>
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милая Вера,

я думал, что приеду весной в Москву. Это не вышло. Моя поездка отложена на осень. Приезжай ко мне жить летом с Мишей, с младенцем, с Лилей.[1] Я знаю, ты прошлым летом собиралась ко мне и только холера тебя испугала. Я получил письмо от Нюти с вопросом, может ли она приехать на весну со своей больной девочкой.[2] Я ее, конечно, звал приезжать прямо ко мне. Но ответа нет до сих пор. Я комнат сдавать не буду, а буду собирать близких и друзей. Хотелось бы, снова чтобы в Коктебель вернулись ты и Лиля. Чтобы Вы узнали и полюбили Марусю,[3] которая была последним другом Пра, была при ней все время последний год, во время моего отсутствия, и теперь самый близкий мне человек, самой судьбой мне посланный, не знаю уж за какие мои добродетели.

Она такая: возраст 34 (духовно – 14). Лицо крестьянского мальчишки. Грамоте ее учил Н.К. Михайловский.[4] Росла в семье Савинковых.[5] Медичка. С нача<ла> 14 года – на войне – сперва на немецкой, потом на гражданской.[6] Юродивая. Исступленная. Самозабвенная. Всегда пламенно протестующая. Болела всеми тифами. Избивалась и калечилась городовыми, солдатами и т.д. Ввязывается во все уличные истории вплоть до драк с мальчишками. Берется за все непосильное и не отступает, несмотря на слабость и нервность. Совершенно не умеет угадывать шутки и иронии. Глубоко и бессознательно религиозна. Раздает и деньги и вещи и себя на все стороны. В гимназии была 1-ой ученицей (как ты), а теперь почти безграмотна. Была дружна с самыми неожиданными и неподходящими людьми, начиная с Вер<ы> Ф<едоровны> Коммиссаржевской, кончая Иван<ом> Влад<имировичем> Цветаевым.[7] С Пра они глубоко и страстно подружились.

Крепко тебя целую, Вера. Приезжай в Коктебель. Обнимаю Мишу. С осторожностью и любопытством стараю<сь> себе представить твоего Младенца. Как его зовут – Котом?

MAX.

P.S. Прилагаю два письма: Лиле и Инне.[8] Ты передашь?

[1] М.С. Фельдштейн, К.М. Эфрон, Е.Я. Эфрон.

[2] А.Я. Трупчинская. См. п. 253, примеч. 1, 4.

[3] М.С. Заболоцкая.

[4] См. примеч. 2 к п. 232.

[5] М.С. Заболоцкая познакомилась с Верой Викторовной Савинковой (в замужестве Мякотиной; ?–1942), сестрой Б.В. Савинкова, летом 1903 г., будучи гимназисткой 3-го класса, после этого жила в петербургской квартире Савинковых целую зиму (см.: *Волошина М.С.* О Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2003. С. 225, 230, 312).

[6] В действительности М.С. Заболоцкая пробыла на войне несколько месяцев, начиная с осени 1914 г., в 1915 г. поступила на работу в Петроградскую Ссудную кассу, осенью 1919 г. получила место заведующей амбулаторией в крымском селе Дальние Камыши (см.: *Там же.* С. 313–314).

[7] О встречах с В.Ф. Коммиссаржевской М.С. Волошина рассказала в воспоминаниях «Вступление в жизнь» (*Там же.* С. 63–64). С И.В. Цветаевым она познакомилась в имении Зея под Клином летом 1912 г. (см.: *Там же.* С. 228).

[8] См. п. 256. Письмо Волошина к И.В. Быстрениной не выявлено.

256. Е.Я. ЭФРОН

25 мая 1923 г. Коктебель

25 мая 1923. Почт<овый> адр<ес>:
Коктебель. д<ом> Айвазовского. Феодосия.

Милая Лиля,

получил твое огненное письмо.[1] Думал, что увижу тебя сам раньше, чем успею ответить: собирался в Москву. Но на Пасху неожиданно заболела Маруся – отравлением мозга (гриппоз-

ным ядом).[2] Была на волосок от менингита. Слава Богу, все кончилось благополучно. Но ехать в Москву было уже поздно. Я сам себя чувствовал плохо. Я отложил мой приезд до осени. Твое письмо такое горячее, близкое. Точно мы не расставались ни на минуту. Хотелось сразу побежать к тебе, обнять крепко.

Лето буду в Коктебеле. Первое после этих трагических лет, когда есть силы смотреть на солнце, весну. Маруся привела дом в порядок. Вычистила. Устроила. Если есть какая-нибудь возможность, приезжай с Верой.[3] Я комнат больше не сдаю, а отдаю друзьям. Когда можно, питаю. Кроме Маруси у меня живет совсем старик Зелинский (эмигрант, землеволец,[4] в молодости друг Елисаветы Петровны[5]).

В Марусе мне судьба послала настоящего друга и прекрасного человека. Мы пережили вместе эти годы, и она последние полгода была неотступно около Пра, которая горячо ее полюбила.

Как мне хочется, чтобы ты и Вера скорее ее узнали и полюбили.

Коктебель совсем пустынен. Все дачи брошены и полуразрушены. Всюду разоренье, запустенье и буйная полынь. Мой дом нетронут – только внешние комнаты стоят с выбитыми рамами.

Я сам поседел и часто сгорблен от болей в спине. Доходили ли до тебя мои стихи этих лет? Какие?

Времена террора провел все время лицом к лицу с истребителями, живя с ними в одной квартире.[6] Тут-то и понял всю силу молитвы (когда молишься не за жертву, а за палачей), как она на глазах может преображать человека. И как слабы те, что проливают кровь. Та зима – одно непрерывное чудо. Приезжай в Коктебель.

Крепко целую.

МАХ.

[1] Имеется в виду письмо от 26 февраля 1923 г. (почтовый штемпель получения: Феодосия. 5.3.23) с откликом на смерть Е.О. Кириенко-Волошиной (см. примеч. 5 к п. 228), написано красными чернилами.

[2] М.С. Заболоцкая испытала внезапный приступ сильных болей в пасхальное воскресенье — 8 апреля; на следующий, видимо, день Волошин отвез ее в феодосийскую городскую больницу. Сообщая Н.П. Домрачевой 24 апреля 1923 г. о своей болезни, Заболоцкая добавляла: «Макс поднял весь город, друзья его чуть ли не дышат на меня» (Труды и дни-2. С. 184).

[3] В.Я. Эфрон.

[4] См. примеч. 4 к п. 248.

[5] Е.П. Дурново-Эфрон.

[6] Имеется в виду зима 1920—1921 г. В декабре 1920 г. — в разгар красного террора — в Феодосии в соседней квартире с той, которую занимал Волошин, разместился председатель ЧК 9-й дивизии.

257. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

25 мая 1923 г. Коктебель

1923 г. 25 мая, Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Увы, Вы оказались правы в своем скептицизме относительно моего приезда в Москву.[1] В то время как я уже был на отъезде, произошли события, которые заставили меня отложить свою поездку на осень. Как раз на Пасху Маруся Заболоцкая, которая теперь ведет все мое хозяйство, как я писал Вам, неожиданно заболела острым мозговым заболеванием, которое оказалось отравлением мозга гриппозным ядом (одна из новых форм испанки), что сопровождалось нечеловеческими головными болями. Болезнь не сразу можно было определить. Надо было везти ее в город — представляете себе все это при коктебельских условиях и беготню, которую пришлось развить между Коктебелем и городом: когда Маруся лежала в городской больнице! К счастью, все благополучно окончилось. Но тогда почувствовал себя плохо я — началось обычное весеннее обострение артрита, я не успел составить список книг, что собирался везти в Москву (работа, связанная главным образом с бесконечной перепиской, которую я малодушно откладывал все время на конец — благодаря труд-

ности переписывать для больной руки), словом, дотянул до половины мая и решил, что теперь ехать не стоит, т<ак> к<ак> московский литературный сезон на лето уже притихнет – как раз к моему приезду, да и Коктебель слишком обидно покидать, когда наконец лета дождались и теплыни. Одним словом, приеду осенью: тогда буду свободнее, менее стеснен временем, да и снова является надежда если не закончить, то сильно двинуть вперед «Путями Каина». Сейчас я заканчиваю новую, большую и очень важную главу «Космос», над которой работал всю весну,[2] в которую войдет и «теория относительности», и Шпенглер, и еще многое из современных умозрительных событий и приключений.

Викентий Викентьевич, мне очень нужно для работы над «Путями Каина» большое свободное издание памфлетов Поля Лафарга «Против Бога и капитала», изд. «Госиздата».[3] Заглавие, сколько я понимаю, именно таково. Изданы эти переводы в антирелигиозной серии, и книга, очевидно, дорогая. Не согласился ли бы Воронский (или кто там этим заведует?) мне, как сотруднику, дать ее экземпляр даром? Мне вообще нужен весь Лафарг – и главным образом со статьей по библейской критике, теологии и истории церкви. Я знаю, что марксистские издательства его переводили и издавали, и если даром достать невозможно, то, пожалуйста, купите мне его издание в счет моих первых же гонораров.

Мне бы очень хотелось, Викентий Викентьевич, знать Ваше собственное мнение о моих последних стихах, посылавшихся Вам. Вы всегда дипломатически молчите о качестве моих присылок, а между тем Ваша оценка мне очень интересна и ценна.[4]

«Космос» я пришлю Вам сейчас же, как только закончу последнюю часть его. Это одна из самых важных глав «Путями Каина».

В этом году в Коктебеле ожидают съезда, и даже уже появились дачники из Москвы. Я тоже приготовил неразоренные комнаты – но не для того, чтобы сдавать их за плату, а чтобы пускать туда жить художников, литераторов даром: имейте это в виду для Ваших знакомых, едущих в Крым. Но

все же лучше заранее предупредить о приезде. Теперь уже (с марта) у меня живет Зелинский (старый эмигрант-землеволец,[5] о котором я Вам писал), на днях переехали Бутковы.[6] Голодающих – подкармливаю, особливо академистов, почему-либо лишенных или не получающих пайка в этом году. На это уходят все средства, заработанные и полученные. Собственно, их надо было бы употребить на ремонт дома, который грозит развалиться, но текущие человеческие надобности всегда нужнее. Для Н.И. Манасеиной удается эти месяцы выкраивать академический паек из семейных, присылаемых в мое личное распоряжение, но положение ее очень плохо. Им с Поликсеной Сергеевной[7] необходимо ехать лечиться в Кисловодск, иначе для П.С. это смерть.

В сущности, мне следовало бы хлопотать об устройстве у меня в Коктебеле «Дома отдыха», но я повидал их в прошлом году, посмотрел их устройство, мне очень не хочется официально связываться с таким учреждением. Но если бы было возможно получить в мое личное распоряжение хоть немного провианту для поддержки тех наиболее нуждающихся, что будут летом, – было бы очень хорошо. Как я Вам благодарен за санкурский паек, который я продолжаю получать (кроме академического). Сейчас на моем личном полном содержании уже живут несколько лиц, а я, со смертью мамы, не имею права на семейный академический паек, тем более что распределяю его я сам. До сих пор оставались запасы из полученных американских посылок – теперь очень выручает санкурский паек.

Будете ли Вы сидеть все лето в Москве? Не навестите ли Коктебель? Тогда прямо ко мне, т<ак> к<ак> Ваш дом едва ли будет в достаточном порядке, чтобы в нем сразу поселиться.[8] Привет Марии Гермогеновне.[9]

Максимилиан Волошин.

[1] 16 марта 1923 г. В.В. Вересаев писал Волошину: «Макс<имилиан> Ал<ександрови>ч, приезжайте! Но плохо мне верится, что приедете» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 19 об.).

[2] См. примеч. 3 к п. 254.

[3] Имеется в виду кн.: *Лафарг Поль.* Против бога и капитала: Памфлеты и статьи / Вступ. статья Франца Меринга «Поль и Лаура Лафарг». Под ред. и с предисл. Шевердина. М.: Моск. рабочий, 1922.

[4] Вересаев отвечал 8 июня 1923 г.: «Вы запрашиваете, почему я не пишу своего мнения о Ваших присылах. Вообще, – и я считаю Вас первым из живущих поэтов. А специально “Пути Каина” производят на меня двойственное впечатление: большой захват – и далеко не полное удаление шлака, и далеко не абсолютная “взыскательность художника”. Нет ощущения, что автор вправе сказать: “*Я*, со своими силами, лучше выразить этого не мог, – feci, quod potui! <я сделал все, что мог! – *лат.*>”. В этом отношении особенно поразила меня история с “емкостью испражнений”, respective <соответственно – *лат.*> – “пищеводов”. Первое – бессмыслица, второе – совершенно не выражает авторской мысли. И вот автор складывает оружие – пусть лучше остается бессмыслица! Флобер неделями искал нужного слова и не успокаивался, пока его не находил. “Кому много дано...” А Вам дано очень много. Простите, – пишу на Ваш вызов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 22 об. – 23) . См. примеч. 6 к п. 247.

[5] См. примеч. 4 к п. 248.

[6] Е.А. Буткова вместе с матерью, Раисой Ивановной Бутковой, приехала в Коктебель из Феодосии, видимо, 21 мая 1923 г. (Труды и дни-2. С. 185).

[7] П.С. Соловьева.

[8] Дачу в Коктебеле Вересаев приобрел незадолго до революции и жил там с осени 1918 до осени 1921 г.; в его отсутствие дача подвергалась ограблению и разорению. См.: *Жарков Евгений.* Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 81–89.

[9] М.Г. Смидович.

258. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

15 июня. 1923 г. Коктебель

Коктебель, 15 июня 1923.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Наконец-то я закончил большую и очень ответственную главу «Путей Каина» – «Космос», над которой работал всю весну и застрял. Это смена космогонии, начиная с каббалис-

тического представления (по Зогару)[1] и кончая теорией относительности. Тема портретирования культур — близко подходящая к Шпенглеру. Я начал писать «Космос» до знакомства с ним, а заканчивал, уже прочтя. Но полезен мне он оказался только в нескольких строках о Греции и в мысли об относительности математических познаний. Но вдохновения и новых мыслей дал он много, и я глубоко благодарен Вам за эту книгу.

Недели две назад я писал Вам об изменившихся моих планах: что в Москву я приеду только осенью — я слишком запоздал с выездом благодаря и чужим, и своим болезням.[2] Мне опять стало хуже: усилились боли в спине, в ногах, так что я не могу это время ходить.

Посылая Вам «Космос», я несколько волнуюсь и с нетерпением буду ждать Вашего впечатления, потому что тема для стихов новая и предприятие дерзкое. Работы и времени вложено много, а в результатах я не уверен. Пожалуйста, напишите мне искренно Ваше впечатление, а также и тех, кому Вам случится показывать.[3] Не скрою, что я большие надежды возлагаю на гонорар, который рассчитываю за него получить, т<ак> к<ак> туго приходится от разных поборов и налогов. А комнаты в доме я отдаю даром — принципиально. Предпочтительно художникам, литераторам, ученым, т.е. КУБУ. Поэтому очень досадно: как только отложишь деньги на необходимейший ремонт протекающих крыш или разоренных комнат, деньги из гонораров и «кубических» выдач, так их отбирают как дань за какие-то мои доходы или в виде государственной страховки, в которую входят все разоренные и необитаемые пристройки с полами, сожженными на дрова солдатами, и не входят никакие реальные ценности (библиотека, картины). Так что мне сейчас нужен очень, и спешно, гонорар, чтобы оплатить эти обложения.

Как я благодарю Вас мысленно за то, что благодаря санкурскому пайку мне удается еще и питать кое-кого. Старика Зелинского (землевольца[4]), проведенного в КУБУ хлопотами Веры Фигнер и тем не менее ничего не получающего, я взял еще с марта к себе на полное содержание, а для семьи

его выкраиваю ежемесячно паек из семейных пайков, присылаемых КУБУ в мое личное распоряжение. Вообще мы — феодосийские академисты — из выдаваемых нам пайков регулярно поддерживаем еще 4—5 семейств и лиц, не получающих ничего. Так, мы продолжаем выдавать пайки Манасеиной и Герцык, исключенным из КУБУ. Вместе с фиктивными официальными отчетами я посылаю отчеты реальные и имел недавно удовольствие узнать, что нигде в других городах ничего подобного не делается.

В Коктебеле появились дачники неожиданные: барышни-служащие, приезжающие из Москвы на 2—3 недели с самыми ограниченными средствами. На них здешнее население кидается, как муравьи на паука, и грабит вовсю. Это еще больше заставляет делать противовес им. Сегодня как раз уезжают в Москву пять барышень, направленных ко мне Вами (вернее, Вашей племянницей — Зинаидой Ивановной).[5] Я их приютил у себя, но, к сожалению, не мог защитить от грабежа обедодателей. С них драли по 30 миллионов за обед.

А в общем, в Коктебеле прекрасно, и боли мне только помогают не отрываться от письменного стола и от акварельной доски. Чувствую себя бодрым, спокойным, радостным.

Привет Марье Гермогеновне.[6] Сожалею, что не повидался с Вами теперь. Но осенью приеду наверное. А может, Вы сами соберетесь в Коктебель на несколько недель? Тогда прямо приезжайте ко мне, пока не приведете Ваш дом в обитаемое состояние.

Теперь для москвичей, очевидно, этот пробег между Москвой и Крымом стал пустяками. До свиданья. Крепко жму руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Каббалистические представления о сотворении мира («Зогар», или «Книга Сияния», написанная якобы рабби Шимоном бен Йохай во II в., но получившая известность благодаря сефардскому раввину Моше де-Лиону в XIII в.) нашли отражение в 1-й главке стихотворения «Космос».

[2] См. п. 257. Вересаев писал Волошину 8 июня 1923 г.: «Ждали Вас тут очень многие с большим нетерпением и очень огорчены,

что Вы не приедете. Но, конечно, осенью приехать лучше, – сезон кончается, многие разъехались, умств<енная> жизнь замирает. Да сомневаюсь, – приедете ли и осенью-то!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 23 об.).

[3] Вересаев отвечал Волошину 8 июля: «Мне “Космос” очень понравился. Я не представлял себе, чтоб изложение космических теорий можно было так блистательно вложить в поэтическую форму. Это для меня что-то совсем новое и изумительное» (*Там же*, л. 26 об.).

[4] См. примеч. 4 к п. 248.

[5] З.И. Смидович. Направленные ею барышни (среди них Е.И. и М.И. Венатовские, О.Ф. Головина, А.П. Забавина) приехали в Коктебель, видимо, 1 июня 1923 г. (Труды и дни-2. С. 186).

[6] М.Г. Смидович.

259. Л.З. КАМЕНСКОМУ

15 июня 1923 г. Коктебель

15/VI 1923. Коктебель.
Почт<овый> адр<ес:> Феодосия,
д<ом> Айвазовского.

Дорогой Леонид Захарович,

Это письмо передаст Вам Елисавета Илларионовна Венатовская, которая едет завтра в Москву и тотчас зайдет к Вам. Вот условия жизни:

1) Комната для Любовь Захаров<ны> и Аси[1] – у меня – *бесплатно*. (Я вообще комнат за плату больше не сдаю.)

2) Обеды от 20 до 30 мил<лионов> за обед.

3) Лошади до Коктебеля 120 м<иллионов>. Из Коктебеля с оказией 25 м<иллионов>.

4) Пансионов нет, но верно будут.

Елисавета Илларионовна, которая здесь прогостила 2 недели, расскажет Вам все подробности. Жду Любовь Захаровну как можно скорее. Хорошо иметь с собою запас муки, чтобы давать печь за выпечку, и привезти сахару.

Большое спасибо за книгу Эренбурга[2] – читаю ее со страстью – очень хорошо и едко. Е.М. Соколовой я уже написал

Ваш московский адрес, и Вы скоро получите «Путями Каина»,[3] а новую главу, над которой я работал всю весну, посылаю Вам в этом письме. Она называется «*Космос*» и закончена на днях.

Спасибо Вам, Леонид Захарович, за Ваше доброе отношение ко мне, за сочувствие и за призыв в Москву.[4] В Москву я, конечно, приеду, но совсем покидать Коктебеля и переселяться всем скарбом я не буду. Моя жизнь после смерти матери сложилась так, что у меня, благодаря дружбе и заботам обо мне Маруси Заболоцкой, взявшей на себя все мое хозяйство, явилась возможность остаться в Коктебеле. А он мне необходим для большой и продуктивной работы. Москвы же мне (или иного большого города) надо не больше, чем месяца 3 в году. На лето мне хочется свой дом превратить в бесплатный дом Отдыха для северян — преимущественно для худ<ожников>, учен<ых>, пис<ателей>, но отнюдь не ограничиваясь этим. И сейчас у меня уже много приезжих. Это считаю необходимым. Кое-кого, посколько могу, и питаю (из запаса моих американских посылок и акад<емического> пайка). Но беда в том, что большая часть комнат разорена, а на ремонт их никак не соберешь денег. Только что успеешь отложить сумму, как новый побор, налог, и эту сумму отбирают. А выработать стихами на налоги с дома, с которого дохода я не получаю, — очень трудно. Нет ли какой-нибудь возможности этому помочь? Я отнюдь не хочу делать свой Дом Отдыха официальным учреждением и добиваться субсидий. Но неужели нет возможности освободиться от этих добивающих государственных поборов, которые точно учат: «А ты спекулируй, торгуй, продавай...». Я думаю, что в социалистическом государстве-то я имею *право не торговать*, а раздавать даром то, что у меня есть — и труд, и имущество, закрепленные за мною тем же государством? Я помню, как Вы, Леонид Захарович, в наших беседах высказывались против моей теории нищенства и милостыни и отмены заработной платы, но посоветуйте мне практически, приняв условно мою точку зрения: как устроиться? Если возможно, помогите мне. В голодный год я же фактически питал всех литер<аторов> и ученых Феод<осийской> области, доставая для них пайки и муки — делая дело КУБУ до учреждения Крым-КУБУ. И теперь, будучи представ<ителем> КУБУ,

я из присылаемых в мое распоряжение пайков (отказываясь от части своего и убедив других в том же) поддерживаю еще 4—5 семейств, для которых «голодный год» еще не кончился, и которых почему-либо невозможно, официально невозможно провести через КУБУ. Недавно КУБУ мне сообщала, что Феодосия в области распределения пайков является первой и едва ли не единственной. Неужели мне не удастся провести моей идеи с собственным домом и меня в конце года *опишут* и продадут за неуплату налогов. Хотя должен сказать, что «подоходный налог» с меня после беседы с податн<ым> инспектором с меня сняли, но тут приходится все время иметь дело не с учреждениями, а с сельскими властями, которые являются слепыми исполнителями.

Я рад, что Вы сами будете в Крыму, и раз Любовь Захаровна будет жить у меня, уверен, что и Вас увижу у себя. Буду ждать с нетерпением. Всего лучшего. Будьте здоровы и не нервничайте.

Максимилиан Волошин.

P.S. Напишите непременно, что думаете о «*Космосе*».

Прилагаю письмо Соф<ии> Абр<амовне>.[5]

Привет Хорошко. Перешлите ему «Космос» и «П<утями> Каина», когда спишете для себя. Ничего не имею против мультиплицирования на машинке.

[1] Сестры Л.З. Каменского Любовь Захаровна Берлин и Анна Захаровна Каменская (?—1952).

[2] Роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (см. примеч. 10 к п. 247).

[3] В неизвестном нам письме к харьковчанке Е.М. Соколовой Волошин просил ее переслать рукопись цикла «Путями Каина» Каменскому в Москву.

[4] 2 июня 1923 г. Каменский писал Волошину: «...в общем и целом снова напоминаю Вам, что в разрешении всех своих деловых вопросов (как библиотека, быть может приезд на постоянное жительство в Москву и т.д.) Вы можете всецело на меня рассчитывать: чем смогу, помогу Вам. <...> Нужно Вам приехать в Москву!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 613, л. 13 об. – 14).

[5] С.А. Левандовская. Письмо Волошина – ответ на ее письмо из Москвы от 3 июня 1923 г. с сообщением о передаче А.С. Ященко письма и рукописей Волошина (см. п. 220, 221).

260. В.Я. ЭФРОН

23 июня 1923 г. Коктебель

23/VI 1923. Почт<овый> адр<ес:>
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милая Вера,

только что получил от Инны письмо, где она просит позволения приехать в Коктебель с 25 чел<овеками> из Драматического балета.[1] Я, конечно, с радостью их зову. Но мне пришло в голову: т<ак> к<ак> у них будет отдельный вагон, то не воспользуетесь ли Вы – ты, Лиля, Миша – случаем приехать ко мне?[2] Как я был бы счастлив и радостен повидаться с Вами. Москвичи стали ужасно подвижны: то и дело приезжают в Коктебель из Москвы разные барышни – и на самые короткие сроки – 10–12 дней, с отпуском на 2 недели и совсем не располагающие средствами. Я их, конечно, приючаю даром. Но значит в Москве сейчас и деньги дешевле, и их вообще больше, чем здесь. Здесь обед стоит между 20–30 мильонами. Комната даром, приезд б<ыть> м<ожет> тоже даром. Приезжай, Вера. А прилагаемое письмо (о том же) передай Инне[3] – она просила на твое имя писать. Привет Лиле и Мише.

Макс.

[1] И.В. Быстренина. В недатированном письме к Волошину она откликалась на его приглашение приехать в Коктебель: «Недавно я получила предложение от драматического балета (студия, где я преподаю) ехать в Крым. Профобр дает вагон и небольшую сумму, чтоб подняться. Но предложение это казалось неприемлемым, так как надо иметь в Крыму пристанище, где мы могли бы жить, пока организуются концерты и где отдохнули бы после них. <...> Если б я была одна, я сама бы толкнулась к Вам, но нас будет 25 человек. И вдруг получается Ваше письмо, где Вы упоминаете и об ученицах. Правда, я уверена, что Вы имеете в виду семь-восемь человек, а не 25, но тут уж мы всей компанией решили обратиться к Вам с вопросом: не дадите ли Вы нам хоть чердак? <...> Эту не очень деликатную просьбу обращаю к Вам по просьбе всей группы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 308, л. 62–63). Намеченный коллективный приезд тогда

не состоялся – по причине, изложенной в другом недатированном письме Быстрениной к Волошину: «Помните, два года назад я чуть было не приехала к Вам со школой. Не случилось этого потому, что я неожиданно получила возможность дать два вечера в Ташкенте. И надеялась оттуда проехать в Крым. Но неожиданно пробыла там два месяца, разъезжая со школой по Туркестану, где дала 17 концертов» (*Там же*, л. 48–48 об.).

[2] Е.Я. Эфрон, М.С. Фельдштейн. Летом 1923 г. они в Коктебель не приезжали.

[3] Это письмо Волошина к И.В. Быстрениной не обнаружено.

261. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

30 июня 1923 г. Коктебель

30/VI 1923.
Коктебель.

Почт<овый> адр<ес>:
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Спасибо за последнее письмо (8/VI) и фельетон Сосновского.[1] Он меня очень позабавил – как забавляют вообще подобные литературные штучки. А отзыв Львова-Рогачевского и Ваш, столь неожиданный для меня, доставил мне громадное удовольствие.[2] Должен оговориться – я с ним объективно *не согласен*. Но он мне для меня глубоко ценен, как Ваше и Львова-Рогачевского отношение ко мне. Если я не знаю и не хочу знать (первое правило литературной гигиены), кого я превосхожу в поэзии, то я твердо знаю тех, кто превосходит меня и с кем мне не сравняться. Лично для меня – первым из живущих поэтов как и по размаху, так и форме является Вячеслав Иванов (в чем Вы, конечно, никогда со мной не согласитесь, Викентий Викентьевич), а из молодых я чувствую если не во всех, то во многих областях превосходство над собою Ахматовой, Марины Цветаевой, Парнок, и Мандельштама в смысле музыкальности, и Эренбурга в смысле интенсивности чувства и мысли, и Ходасевича – в смысле классической простоты. Я не хочу ложной скромностью вызывать Вас на лестные возражения. И лжесмирение и бах-

вальство – одинаковые пороки. Каждый должен знать по возможности точно свой подлинный удельный вес. Я прекрасно понимаю, что тот интерес, который ко мне явился, – это следствие не моего искусства, а тех тем, к которым меня привела жизнь эти годы и к которым почему-то не смеют подходить другие поэты. Именно эти темы – сами по себе и даже не моя точка зрения на них привлекла ко мне симпатии тех, кто раньше относился ко мне не только отрицательно, но и враждебно, как к «декаденту» – каковым я в сущности никогда не был (это было эффектом скорее моих критических статей, в которых я являлся истолкователем этой полосы русского искусства, – сама<я> неблагодарная роль). Мне не раз приходилось слышать недоуменный вопрос со стороны «реалистов» (напр<имер>, Бунина): «Почему же Вы – декадент?». Ведь в литературе я так же, как и в политике, всегда был вне партий.

Вы правы, конечно, удивляясь моим поправкам в стихах: торопливость и неустойчивость этих лет заставила изменить методу работы. Написать недолго. Много времени надо на исправление. Я пишу часы, а поправляю годами. Раньше я никогда раньше года, а то и больше, не позволял себе печатать написанного стихотворения.[3] Читал его – да. Потому что, читая, видишь его со стороны, воспринимаешь чужим восприятием и соответственно вносишь поправки. В эти же годы охватило чувство: надо теперь же говорить все, что необходимо высказать, – позже – не успеешь. Почти все стихи о Революции я писал как последнее. Катастрофичность жизни и возможность всяческой гибели меня, как Вы знаете, не пугала, но хотелось сохранить написанное: я торопился закончить, переписать, разослать в нескольких экземплярах друзьям, чтобы сохранить в списках. Поэтому некогда было выдерживать, как ранее, годами. А после тем не менее поправки приходили, и торопился исправить текст, который мне казался законченным. И я знаю, что я буду еще не раз переплавлять и переделывать текст «Путей Каина», т<ак> к<ак> для меня с каждой новой написанной частью меняется смысл предшествующих. Вот «Космос» сейчас кажется мне совершенно законченным в себе – я над ним первым работал не торопясь. Но ручаться за устойчивость текста в будущем я не буду.

Я отнюдь не пурист языка и синтаксиса. Теоретически я признаю, что русскому языку еще предстоит пройти сквозь свой классицизм XVII века с сознательным корневым обеднением и очисткой. Но пока мы переживаем еще век Ронсара.[4] Мне не чужды никакие опыты и дерзания футуристов. Только эту область я вовсе не выдвигаю на первый план, а стараюсь употреблять те же приемы лишь в тех случаях, когда они *необходимы* для усиления выразительности. Т<ак> к<ак> главная моя цель — сжатость, то я ищу в словосочетаниях иррациональных ракурсов, хотя бы логически они были бы абсурдны. Такова была «емкость испражнений».[5] Меня это выражение удовлетворяло. Но *доходит* ли оно, оставалось под вопросом. Вы меня смутили своей критикой. Я изменил его — и неудачно. Но, читая вслух, я оставлял все время первую версию. А когда Вы мне написали о том, что первый вариант Вам кажется все же удачнее, то я поспешил восстановить его. Это часто бывает, что после ряда поправок возвращаешься к первоначальному тексту.

Вот и сейчас я хочу сделать несколько поправок, которые очень прошу внести, если есть еще время.

В «Космосе» в 6-ой части:

> «Срок жизни истин *десять-двадцать лет —*
> *Предельный возраст водовозной клячи.*
> Мы ищем лишь удобства вычислений».[6]

Подчеркнуты — изменения и вставка.

Кроме того, очень прошу, если не поздно, изменить заглавие главы «Пророк» на заглавие «Провокатор».[7]

Вас это верно очень удивит? Неточность заглавия «Пророк» меня уже давно мучило <*так!*> и придавало иной смысл содержанию, особливо когда приходилось читать при большой публике, а в прениях отделять свое личное, последнее от утверждений и призывов этой главы. Смысл этого нового заглавия достаточно оправдан 2 главой (в новом тексте): «Ты хочешь бунта — сей противоречья...».[8] Цель моего «Пророка» — действительно «Провокация», желание рассердить слушателей и через *несогласие* с собственными утверждениями довести их до сознания новой истины.

Согласны ли вы? Тогда и в самом заголовке «Провокатор» — будет скрыта в свою очередь Провокация.

Сверх всего, мне кажется, что такая перемена заглавия сделает и всю главу *цензурно* более приемлемой. В «Провокаторе» в 7-мой главе вычеркните 3 строки «Окончилась культура Прометея» и следующие две.[9]

Я сам еще не получил 2-ой книги «Недр», но видел ее и 3 главы «Путей Каина».[10] Сколько я понимаю, я еще не получил из «Недр» гонорара за них, потому что обе предыдущие присылки были из «Красной Нови»? Если это так, то напомните, пожалуйста, им о скорейшей высылке. Устроился ли уже где-нибудь «Космос»? Пишу об этом и тороплю потому, что дом нуждается в немедленном ремонте, а до сих пор все отложенные на это деньги отнимались налогами.

У меня подбирается на даче очень хорошая и дружная компания художн<иков> и литераторов (но главным образом танцовщиц). Ведутся беседы, чтения, устраиваются прогулки, балетные и акробатические номера. Бог приносит друзей, с которыми я не видался по многу лет. Попадают и люди совершенно незнакомые. Большинство приезжает с отпуском из Москвы на 2 недели. Все являются такие изголодавшиеся по солнцу, воздуху и воде и так жадно пьют все это в краткие дни, что прямо грешно было бы что-нибудь брать с них. На днях ожидаю Драматич<ескую> Балетн<ую> Студию из Москвы (25 челов<ек>).[11]

На даче Дейши — много консерваторок — ее учениц, с которых она дерет по 2½ миллиарда в месяц за комнату. Уже это одно показывает, как необходимо — мое убежище. У нас общий стол, и мы питаем сообща всех, кого можно, даром. Кое-кого из приезжих государственный коммунизм так отучил от каких бы то ни было неоплачиваемых услуг, что они конфузятся, топорщатся, но в общем все быстро привыкают к «истинно-коммунистическому строю».*

Спасибо за то, что направили ко мне мою парижскую знакомку М.М. Шкапскую.[12] Направляйте ко мне вообще интересных людей, едущих в Крым. Комнаты будут, т<ак>

* *Следующий абзац (внизу листа) отчеркнут сверху чертою.*

к<ак> публика быстро сменяется. На разных дачах дают обеды по 25 мил<лионов>.

Мне очень, очень, конечно, интересна «История Новейшей Русс<кой> Литер<атуры>» Львова-Рогачевского. И я буду ждать ее с нетерпением.

Вигель[13] найден в книгах Новицких, и я постараюсь переслать Вам его с ближайшей оказией – м<ожет> б<ыть>, с этим же письмом, которое отвезет либо Ольга Феод<оровна> Головина (дочь предс<едателя> II Гос<ударственной> Думы[14]), либо, кажется, известный Вам Илья Маркович Басс. Они оба едут на днях.

До свиданья. Привет Марии Гермогеновне.[15] Крепко обнимаю.

Максимилиан Волошин.

P.S. Посылаю Вигеля и письмо с Ильею Марковичем. Относительно варианта «Магии», не пропущенного в «Нов<ой> России» Лежнева:[16] *я* ему не давал его. Через кого этот черновой набросок попал к нему – не понимаю. Что его запретили, а «Магию» пропустили – изумляюсь. Но радуюсь, ибо видеть его в печати было бы неприятно.

Относительно книг (Лафарг. Ветухов),[17] пожалуйста, сговоритесь с Ильей Маркович<ем> – он мне тоже обещал поискать и прислать.

[1] Имеется в виду опубликованная 1 июня 1923 г. в «Правде» статья Л.С. Сосновского «На идеологическом фронте. Кто и чему обучает нашу молодежь», содержавшая резкую критику книги В. Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература». Возражая против высокой оценки Львовым-Рогачевским новейшей волошинской поэзии, Сосновский именовал Волошина «бесцветным подголоском Бальмонтов и Мережковских», скулившим в зарубежной печати «из подворотни на нашу революцию». Вересаев сообщал в письме к Волошину от 8 июня 1923 г.: «1 июня в "Правде" появился громовый фельетон-донос Л. Сосновского по поводу его <В. Львова-Рогачевского. – *Ред.*> книги, где в вину ему, между прочим, ставится и превознесение Вас, – декадентского подпевалы Бальмонта и Брюсова (что-то в этом роде), – и замалчивание величайшего современного поэта... Демьяна Бедного, и упоминание о Гумилеве. Конча-

ется фельетон вопросом: “чего смотрят идеологические консулы?” Постараюсь раздобыть для Вас этот фельетон» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 22–22 об.).

[2] См. примеч. 4 к п. 257. В цитированном выше письме Вересаев сообщал: «Львов-Рогачевский собирается Вам послать свою книгу “История новейшей русской литературы”, где признает Вас, после смерти Блока, первым русским поэтом». В главе о Блоке Львов-Рогачевский пишет: «Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит “разорванный ветром воздух”. Можем ли теперь в 1922 г. указать на такого художника? Нового гения, пушкинского Ариона мы пока не видим, но большого поэта, которого не измял вихрь шумный, кто связал свою поэзию с трагизмом революции, с муками родов, переживаемыми нашей страной, уже теперь мы должны указать. Этот большой поэт, страшно выросший за годы революции, – Максимилиан Волошин. <...> С ростом новой России росли крылья этого поэта. Те темы, к которым подходил Илья Эренбург рассудочно с истерическими выкриками, с признаниями растерянности, эти темы воплощены М. Волошиным в могучие, грозные образы. А. Блок сквозь новый лик видел свою мечту, Максимилиан Волошин сквозь мечту разглядел новый трагический лик России, органически спаянной с древним историческим ликом ее. “Красная Новь” дала несколько стихотворений этого выросшего поэта, но лучшие его стихи известны в бесчисленных списках. <...> В них говорит не поэт-стилист, а поэт-отвечатель. Ему принадлежит слово после Блока» (*Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература. М.: Центросоюз, 1923. С. 286–287).

[3] Подразумевается: ранее, чем год спустя после оформления основного текста стихотворения.

[4] Т.е. XVI век – период формирования французского литературного языка в творчестве Ронсара и других поэтов «Плеяды».

[5] См. примеч. 6 к п. 247.

[6] См.: Т. 2 наст. изд. С. 49. В окончательном тексте: «Срок жизни истин: двадцать – тридцать лет».

[7] Новое заглавие не стало окончательным, позднее заменено на «Бунтовщик».

[8] В основном тексте: «Кто хочет бунта – сей противоречья» (Т. 2 наст. изд. С. 34).

[9] В гл. 7-й после строки «Вы истощили вечности огня» (*Там же.* С. 38) первоначально было (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 141, л. 93 об.):

Век Прометея кончился – на смену
Пришел век взрыва. В горне очага

Паялся род, алтарь и государство,
Но очагом отныне будет взрыв,
Что сплавит мир иным вселенским сплавом.

[10] Речь идет о публикации стихотворений из цикла «Путями Каина» («Мятеж», «Огонь», «Магия», «Кулак») в альманахе «Недра» (Кн. 2. М., 1923. С. 209–222).

[11] См. п. 260.

[12] М.М. Шкапская вместе с сыновьями и И.М. Бассом приехала в Коктебель на третьей декаде июня 1923 г. (Труды и дни-2. С. 189).

[13] См. примеч. 12 к п. 232.

[14] Председатель II Государственной Думы – Федор Александрович Головин (1867–1937), видный деятель конституционно-демократической партии.

[15] М.Г. Смидович.

[16] В журнале «Новая Россия» стихотворения Волошина не публиковались.

[17] См. п. 247, примеч. 3 к п. 257.

262. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

4 июля 1923 г. Коктебель

4.VII.1923 г. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Только что усмотрел одну ошибку, допущенную мной во вчерашнем письме, посланном с Ильей Марковичем Бассом[1] (необыкновенно милый человек, которого я знал еще в Париже, но оценил только здесь): я гонорар за «Пути Каина», что напечатаны во II выпуске «Недр», *получил сполна* в свое время – я, пишучи, просто не справился с Вашими старыми письмами и думал, что это все было от «Госиздата». Очень извиняюсь и спешу исправить ошибку. Очень жду Вашего мнения о «Космосе».[2]

Илья Маркович расскажет Вам о строе жизни в Коктебеле.

Татида пишет мне (спасибо за пересланные 3 доллара и лекарства – они получены), что хлопочет о русском паспорте.[3] Она выехала при начале Врангеля, как помните, и позволила

себе сослаться на Вас, как на знающего ее. Просит предупредить Вас и извиниться, что сделала это, не спросив заранее разрешения. До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду п. 261.

[2] См. примеч. 3 к п. 258.

[3] В письме к Волошину от 21 июня 1923 г. Т.Д. Цемах просила относительно В.В. Вересаева и его жены: «...если будешь им писать <...> предупреди, что их могут спросить о моей благонадежности. Я собираюсь устроить себе советский паспорт и осмеливаюсь без разрешения сослаться на них. Надеюсь, они не скажут ничего плохого» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 31).

263. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

17–31 июля 1923 г. Коктебель

17.VII.1923 г., Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Только что получил Ваше письмо от 8.VII и повестку на 4 миллиарда (какая-то дробь – немного меньше, – я сейчас послал ее в Феодосию для получения и потому не могу написать расписки в получении). Очень-очень благодарю Воронского за вниманье и глубоко тронут этим авансом.[1] Хотя – я смертельно боюсь авансов: они понуждают к торопливости в работе. Хотя на это слишком много и других поводов в наше время, как я объяснял Вам в прошлом письме. Причины, почему «Путями Каина» не подходят «Красной нови», меня искренно удивили и испугали.

Неужели простое художественное изложение исторических миросозерцаний нецензурно? Ведь «Человек есть мера всех вещей» – только характеристика эпохи.[2] Ведь моя-то доктрина, мое утверждение – «Так будь же сам вселенной и творцом»[3] – совсем иные. Неужели и они неприемлемы? Тогда мне просто придется замолчать, т<ак> к<ак> мое миросозерцание бесконечно далеко от экономического материа-

лизма и марксизма. Ежели политическая и религиозная цензура, которых я не боюсь, будут дополнены цензурой *идейной*, то придется совсем плохо, т<ак> к<ак> это неизбежно примет вид религиозного гонения. Этот характер носит статья Сосновского по отношению к Львову-Рогачевскому.[4] Меня лично она только позабавила и напомнила мне недоуменный вопрос И. Бунина при личной встрече: «Но скажите — почему же вы декадент?», когда он услыхал мои стихи. Не льщу себя надеждой, чтобы мои стихи понравились т. Сосновскому, если он их когда-нибудь прочтет, но полагаю, что он им немало изумится.

Приехал ко мне от Вас с письмом И.М. Майский.[5] Он разъяснил мне, что «идеологический фронт» отнюдь не так туг. И что «Космос» — цензурен, но неприемлем исключительно для «Красной нови». Это меня успокоило. С Майским я был знаком по его мемуарам в «Красной нови».[6] Лично он производит недурное впечатление, но его жена[7] интереснее какою-то сдержанной исступленностью. В ней, мне кажется, есть материал для «великомученицы»... коммунистического исповедания: чувствительность и жестокость. Пока еще мы с ней ссоримся, и она пламенеет на меня.

Съезд в Крым — большой. Поезда идут переполненные. Избыток переливается в Коктебель. С приезжающих здесь дерут здорово. Дачи захватил и сдает Сель-Хоз. Цены уже поднялись до 500 миллионов в месяц за комнату (без мебели!). Дейша сдает за 2½ мил<лиарда> комнаты без окон. Мое предприятие — даровые комнаты — очень сердит местные власти. Я опять получаю предупреждения и угрозы об обыске, об аресте, о том, что за мной следят, вскрывают письма. Идут всевозможные придирки. Пол-лета нам запрещали по вечерам открывать окна и сидеть на террасах (огни) и выходить после 9 часов вечера с дачи. Причем эти правила существовали только для Коктебеля и применялись главным образом к моей даче.

Нигде в других приморских местах в Крыму этого не было. Только на днях удалось добиться их отмены. Подымают опять и историю с опубликованием моих писем о голоде (Вами).[8] Ведь прошлым летом здешние газеты требовали предания меня к суду за это![9] Все это довольно обычная история, и меня всегда в этих случаях выручала какая-нибудь удачно и вовремя полученная телеграмма из центра.

Сейчас я чувствую необходимость как-нибудь легально закрепить за собой право устройства у себя в доме бесплатного «дома отдыха» для писателей, художников, артистов, ученых, т<ак> к<ак> ожидаю более серьезных посягательств со стороны местных властей. Я не хочу никаких субсидий, никакой помощи, а только официального права устройства «художественной колонии» на своей даче, а также права не платить никаких налогов, полагающихся с земли и с домов — т.е. никаких, как с доходного имущества. Нельзя ли было бы это устроить в Москве, Викентий Викентьевич, хотя бы в виде возобновления моей личной «охранной грамоты» — выданной в свое время Крымским правительством? Мне бы очень хотелось иметь таковую непосредственно из центра.

31.VII.1923.

Всю эту неделю было так много приездов людей, посещений, дел, что не было времени дописать это письмо. Вчера приехала С<офья> Игн<атьевна> Лабунская с Вашей рекомендацией (я дал ей комнату) и сообщила, что Вы в конце августа собираетесь в Коктебель, что меня крайне обрадовало.[10]

Викентий Викентьевич, простите меня, но я опять буду надоедать Вам просьбами и поручениями. Меня сельсовет уже определенно собирается извести налогами. До сих пор среди податной инспекции у меня была протекция, и чрезмерные обложения от меня отвращались. Но сейчас эти лица «сокращены», и положение рискует стать критическим. Та бумажка, что Вы мне прислали весной, сыграла свою роль, когда грозили выселением всем береговым жителям. Но теперь мне необходимо свидетельство приблизительно такого содержания:

1. Дача поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле отводится для устройства Художественной колонии под его руководством и как предприятие бездоходное государственным обложениям не подлежит.

2. Его мастерская, библиотека, архивы и собрания, являясь государственными ценностями, находятся под охраной РСФСР и не подлежат ни реквизициям, ни обыскам без ведома Наркомпроса.

3. Местным органам Советской власти предлагается оказывать Максимилиану Волошину всяческое содействие для осуществления «колонии». Как основания для просьбы могу привести такие факты. 1) Ни разу при советской власти (1918, 1919, 1920–1923 гг.) я не сдавал помещений за плату. 2) За текущее лето прошло через мои руки не менее 50-ти человек, имевших бесплатные комнаты, не считая экскурсий. 3) Всю зиму местному населению оказывалась бесплатная медицинская помощь (Мария Степановна)[11] и бесплатно раздавались лекарства (местный казенный фельдшер торгует медикаментами АРА). Все это делалось за счет моего литературного гонорара, который, сами знаете, невелик. И, кроме того, я ряд лиц все время поддерживаю, делясь своими пайками.[12]

Максимилиан Волошин.

Деньги я получил, но так точной суммы и не установил, т<ак> к<ак> они были в городе же частью истрачены, частью разменены. На какую сумму прислать расписку?

Привет Марии Гермогеновне.[13] Очень жду в Коктебель.

[1] 8 июля 1923 г. В.В. Вересаев писал Волошину: «“Космос” отдал я Воронскому. Он с большим сожалением отказался, – релятивизм, “человек – мера всех вещей” – не подходит к коммунистич<ескому> журналу. Но очень просит Вас прислать ему еще что-нибудь, – и в знак искренности своего желания высылает Вам на днях 50 руб. золотом в виде аванса. Из всех редакторов это – человек, с к<отор>ым приятнее всего иметь дело, – и в гонорарном смысле, и в идейном. В гонорарном – он без спору согласился Вам платить по 5 коп. зол<отом> за стих, тогда как другие и на 30 идут с неохотою. И в идейном смысле он много шире и терпимее других, но, по-видимому, сейчас против него в этом отношении ведется в партийных

кругах ярая кампания, и ему приходится быть очень осторожным» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 26).

[2] Имеются в виду заключительные строки главки 3-й стихотворения «Космос», воссоздающей образ древнегреческой культуры: «Мир отвечал размерам человека, / И человек был мерой всех вещей» (Т. 2 наст. изд. С. 46).

[3] Строка из главки 7-й того же стихотворения (*Там же*. С. 51).

[4] См. примеч. 1 к п. 261.

[5] В рекомендательном письме (3 июля 1923 г.) Вересаев извещал Волошина: «Направляю к Вам Ивана Михайловича Майского, известного публициста, редактора возникающего петербургского журнала “Звезда”. Не откажите ему в совете, как лучше устроиться в Коктебеле» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 24).

[6] Мемуары И.М. Майского «Демократическая контр-революция» были опубликованы в журнале «Красная новь» в 1922 (№ 8–10) и 1923 гг. (№ 1 (11) – 3 (13)).

[7] Агния Александровна Майская (урожд. Скипина; 1895–1987).

[8] См. примеч. 1 к п. 184, примеч. 12 к п. 200.

[9] См. примеч. 13 к п. 200.

[10] В ответном письме от 11 августа 1923 г. Вересаев замечал: «Удивляюсь, кто Вам сказал (фамилии я не разобрал), что я собираюсь в Коктебель. Не тянет меня туда, – увидеть разрушенную и загаженную свою дачу, даже неизвестно, принадлежащую ли еще мне» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 28 об.).

[11] М.С. Заболоцкая.

[12] Вересаев отвечал 11 августа: «Мне приходится посоветовать Вам самому сделать то, о чем Вы меня сейчас просите: сейчас мои отношения с соответственными лицами настолько испортились, что сам я многого тут сделать не могу. И относит<ельно> полученной уже Вами бумаги я не мог получить личной аудиенции у Кам<ене>ва, а написал ему письмо. – К нему обратиться лучше всего, но какой же смысл мне излагать своими словами Вашу просьбу. Советую Вам немедленно написать Каменеву (Лев Борисович, адрес: Москва, Кремль) полуофициальное письмо, изложив все, что Вам нужно. Он к Вам, как к писателю, относится очень хорошо и, думаю, охотно все сделает, что может. Если это зависит не от него, то со своею надписью он перешлет в соответственное место (так он то мое заявление о Вас переслал в ВЦИК Сапронову). Поверьте, так будет полезнее для дела. При свидании (надеюсь, Вы когда-нибудь приедете же в Москву!) все Вам расскажу, почему не берусь сам» (л. 28–28 об.).

[13] М.Г. Смидович.

264. В КОКТЕБЕЛЬСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

8 августа 1923 г. Коктебель

8/VIII 23 г.
В Коктебельский сельсовет.[1]
Поэта Максимилиана Волошина

ЗАЯВЛЕНИЕ

Ни Старого Крыма, ни Феодосии я в течение летних месяцев посещать не могу по состоянию здоровья (астма).

Вопрос о муни<ци>пализации дач в Коктебеле меня касаться не может, потому что

1) Моя квартира, мастерская, библиотека неприкосновенны и не подлежат никаким реквизициям и обыскам, т<ак> к<ак> предоставлены мне для моих работ, «имеющих всегосударственную ценность».

Основания: Ряд постановлений местных феодосийских властей, Крымревкома, Постановление Президиума КрымРевкома от 13-го мая 1921 г. (Охранная грамота № 6674), телеграммы Председателя В.Ц.И.К. т. Калинина за номером 4025/к 1143/к и, наконец, Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 20-го февраля 1923 г. за № 779/10-4 за подписями тов. Калинина и Секретаря ВЦИК'а т. Сапронова.

2) Свободные помещения на моей даче отводятся в мое распоряжение для устройства Художественно-Научной Студии и Дома Отдыха для писателей, артистов и художников.

Основание: Постановление Крымнаробраза от 16-го мая 1921 г. (Мандат № 1215).

Кроме того, напоминая Коктебельскому СельРевкому, что, на основании моей личной охранной грамоты, я состою как писатель под особым покровительством Советской власти и «ее органам предлагается оказывать мне всяческое содействие» (Охранная грамота КрымСовнаркома за № 6674). И кроме того у меня имеется бумага в Коктебельский СельРевком от Феодосийского Ревкома, предлагающая ему «удовлетворять все требования т. Максимилиана Волошина в спешном порядке», касающиеся нужд Художественной коло-

нии (КОХУНЕКСа), которая мною своевременно и предъявлена в СельСовет.

Как К<октебельский> СельСовет, вероятно, осведомлен, комнаты на моей даче *никогда* при Сов<етской> власти не сдавались за плату, предоставлялись для бесплатного пользования деятелям искусства и науки в порядке Дома Отдыха и Художественной Студии.

Поэтому прошу меня не путать с прочими домовладельцами и собственниками Коктебеля, а в порядке «оказания мне всяческого содействия» не отвлекать меня от моих работ вызовами, подобными вчерашней сообщенной мне бумаге, а относительно прописок и проч<их> формальностей обращаться не ко мне, а к моим гостям лично.

Упомянутые в ссылках бумаги находятся у меня. Меня же можно видеть ежедневно от 4 до 5 час. дня.

[1] 7 августа 1923 г. Волошин получил от Коктебельского Сельсовета требование явиться в Райисполком в Старом Крыму по поводу муниципализации дачи и прописки гостей (Труды и дни-2. С. 192).

265. И.В. ГОНЧАРОВУ

10 августа 1923 г. Коктебель[1]

10/VIII 1923.
Коктебель.

Многоуважаемый Иван Васильевич,

обстоятельства заставляют меня обратиться к вам с большой и сложной, боюсь, просьбой:

оказывается, что мне необходимо точно оформить свои права на распоряжение своей дачей.

Неприкосновенность моей мастерской и квартиры была мне неоднократно гарантирована, как местной, так и центральной властью. Прилагаю копии Удостоверения ВЦИК и Охранной Грамоты Крымсовнаркома.[2] Что же касается до остальных помещений моей дачи, я прилагаю копию мандата,

выданного мне в 21 году Крымнаробразом на устройство на моей даче художественной Колонии (Кохунекса).

На основании всех этих бумаг я все эти годы жил у себя беспрепятственно, а все помещения на моей даче отдавал бесплатно работникам искусства: в 1921 г. у меня жили художники, работавшие над симферопольским памятником,[3] в 1922-м никто в Коктебель не приезжал, а я сам скитался по санаториям, в текущем году я дал приют не меньше 60 раб<отникам> искус<ства>, не считая ночлега для проходивших экскурсий, учащихся, курбольных. Как только свободный путь в Крым открылся, ко мне, как и в прежние годы, потянулся с севера ряд писателей, художников, артистов; в сущности ведь этот приток и создал репутацию Коктебеля и благосостояние деревни.

До сих пор инспекция по распределению налогов, зная, что я не эксплуатирую коммерчески земли и дома, освобождала меня фактически от налогов, но теперь ввиду нового распределения налогов в связи с денационализацией домов, мне стало необходимо юридически оформить свое положение.

Поэтому я принужден просить вас ходатайствовать перед Крымским правительством:

о безвозмездном и пожизненном закреплении за мной моей коктебельской дачи (1300 кв. саженей земли с постройками: 2 дома и 2 сарая) и о снятии с нее налогов и повинностей, как с учреждения государственно полезного и не только бездоходного, но поддерживаемого исключительно на мой личный заработок.

Основания этому:

1) Прилагаемые мною копии охранных грамот.

2) То, что я с самого начала Советской власти принял отмену собственности в своей личной жизни во всей полноте: я ничем не торговал, ничего не продавал – ни комнат, ни произведений, ни вещей – и все, что у меня было (получаемые случайные аровские посылки,[4] гонорары), делил с окружающими и содержал и кормил все эти годы целый ряд людей, мне посторонних. Это вы, вероятно, знаете сами, это может

подтвердить ряд людей, меня знающих, и то направление, которое я придал Феодо<сийскому> КУБУ.

3) За это лето свыше 60 человек имели у меня на даче бесплатный приют, необходимую для отдыха обстановку, а в некоторых случаях и питание сроком от 10 дней до 1½ месяца, причем я вовсе не ограничивался исключительно деятелями искусства, но, когда были комнаты, принимал и бедных совет<ских> служащих, и больных и вообще всех, кто искал отдыха, и кому взвинченные коктебельские цены были чрезмерны.

4) Хлопоча об отдаче мне моей дачи и о снятии с нее налогов, я хлопочу не о себе (Удостоверение ВЦИК мне гарантирует место работы), но о возможности поддержать в Коктебеле то сосредоточие художественной мысли и работы, которое я поддерживал всегда, и создать место отдыха для переутомленных деятелей искусства и науки.

Кроме всего, у меня к Вам, Иван Васильевич, просьба более частного и интимного характера: я знаю, что местные коктебельские власти очень настроены против меня, до меня постоянно доходят выражения их недовольства и угрозы. Я вполне понимаю, отчего это происходит: для практического болгарского ума[5] совершенно непонятно, как человек может даром отдавать то, что можно продать. Их обижает то, что я живу, опираясь на бумаги и распоряжения из центра, и не завишу фактически от них, а также, что я отказываюсь от какого бы то ни было участия в местных делах, предприятиях и т.д. На это у меня имеются веские причины: когда я живу в городах, у меня за всякими общественными делами не остается минуты свободной для своей работы: Коктебель для меня единственное место уединения и работы, и здесь я не выхожу за пределы своей ограды и определенно обрываю всякие человеческие отношения вне пределов моей дачи: иначе моя творческая работа будет нарушена безвозвратно. В то же время я думаю, что для деревни мы делаем достаточно: Мар<ья> Степ<ановна>[6] лечит всех безвозмездно и мы всем безвозмездно давали лекарства. Так вот, просьба моя заключается в следующем – если только это не покажется вам нетактичным: при встрече с представителями Кокт<ебельского> Сельсовета

разъяснить им частным образом некоторое различие, существующее между мной и прочими дачевладельцами нэповского склада. Потому что эти постоянные угрозы арестом, обыском, подвалом, п<е>редаваемые мне досужими ушами и устами, хотя и привычны, но все же иногда нервируют и мешают.

Относительно вопроса о моей даче, я пишу одновременно М.И. Долгополову,[7] прося у него совета, указания и юридического обоснования, и прошу его сообщить свои юридические обоснования непосредственно Вам вместе с этим письмом.

[1] Печатается по машинописному тексту. К нему приложен автограф – черновик карандашом (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 44, л. 3–3 об.).

[2] Приводим текст этого документа (ДМВ), выписанного 18 июня 1921 г. Крымревкомом на основании телеграмм М.И. Калинина и А.В. Луначарского (Труды и дни-2. С. 128):

ОХРАННАЯ ГРАМОТА

Настоящая Охранная Грамота выдана поэту Максимилиану Волошину в том, что он – Максимилиан Волошин – состоит под особым покровительством Советской Власти, органам которой предлагается оказывать ему всяческое содействие.

1) Его дача и художественная мастерская в Коктебеле вместе с библиотекой, художественными произведениями, литературными архивами и вещами не подлежит ни уплотнению, ни реквизициям, ни обыскам без специальной на то санкции Наркомпроса.

2) По делам, связанным с его профессией писателя и художника, ему должно быть оказываемо содействие в отношении предоставления пропусков, средств передвижения, железнодорожных билетов и т.д.

3) Как писателю ему предоставляется право пользоваться книгами изо всех государственных учреждений: библиотек, Центропечати, Госиздата, клубов и т.д.

4) Как художнику ему предоставляется право работать с натуры в любой местности СССР, кроме специально запрещенных военными властями.

5) Независимо от занимаемой им должности, он имеет право на получение Академического пайка в размерах санаторного, с правом замены одного продукта другим по месту своего пребывания.

6) В случае возбуждения против него судебного преследования, об этом должен быть поставлен в известность Наркомпрос, и дело его должно быть препровождено в Москву.

Основания: Постановление Президиума Революционного Комитета Крыма от 13 мая 1921 года, и телеграммы Председателя ВЦИК т. Калинина за Номерами 4025/к и 1143/к.

[3] Речь идет о проекте памятника «Освобождение Крыма», который должен был заменить памятник в честь присоединения Крыма к Российской империи с фигурой Екатерины II (на том же пьедестале). В апреле 1921 г. Волошин участвовал в заседании Художественного совета в Симферополе, обсуждавшем этот вопрос (Труды и дни-2. С. 121).

[4] Т.е. посылки от АРА (American Relief Administration – Американская организация помощи).

[5] Болгары составляли значительную часть крестьянского населения Коктебеля.

[6] М.С. Заболоцкая.

[7] Письма Волошина к М.И. Долгополову, юрисконсульту Крым-ЦИКа, относящиеся к этому времени, не обнаружены.

266. Л.С. ГОНЧАРОВОЙ

10 августа 1923 г. Коктебель

10/VIII 1923.
Коктебель.

Дорогая Люси Степановна.

Я очень прошу Вас ходатайствовать за меня перед Иваном Васильевичем и передать ему прилагаемое письмо и документы.[1]

Начну с анекдота: мне под клятвой о достоверности передавали такой разговор обо мне, слышанный в Сельсовете: «Буржуй – комнаты даром сдает: нашей власти признавать не хочет. Мало ли что у него там охранные грамоты из Москвы: у нас свои законы: мы его еще заставим вшей кормить». Меня глубоко пленяет эта формула Буржуя сквозь призму НЭПа.

Но мое дело, конечно, не в этом, а в том, что национализированные дачи сейчас сдаются в аренду бывшим владельцам, сколько я понял. По-видимому, то же хотят сделать и с моей дачей, хотя она никогда национализирована не была (даже ЦУККом).[2]

Разумеется, взять в аренду свою дачу я не смогу, т<ак> к<ак> платить мне нечем – т<ак> к<ак> сдавать за плату комнаты я не буду. Да и что могут платить живущие у меня постоянно Юнге, Зелинский? Или те, что приезжают отдыхать с Севера на скопленные за всю зиму гроши?

Это мне органически претит: ведь вы знаете, что мы с Марьей Степановной[3] эти годы отдаем все, что есть у нас: и труд, и время, и заработок, и пайки, и случайные посылки – всем, кто нуждается больше нас.

Я думаю, что социально будет более справедливо, чтобы моя дача оставалась бы в моем распоряжении и служила бы местом отдыха для работников искусства, чем поступила бы в ведение сельсовета, который ее станет эксплуатировать как гостиницу.

Я очень прошу Вас, Люси Степановна, поговорите об этом с Иваном Васильевичем, подтвердите то, что вы сами видели, и попросите его, чтобы он мне помог сохранить мою дачу за собою с освобождением ее от арендной платы и прочих налогов, т<ак> к<ак> она не только не может приносить мне дохода, но я сам вкладываю в ее поддержку все мои случайные гонорары.

Привет И.В., целую Галочку.[4] Когда приедете в Коктебель?

[1] И.В. Гончаров. См. п. 265.

[2] Центральное управление курортами Крыма.

[3] М.С. Заболоцкая.

[4] Галина Ивановна Гончарова (1911–?), дочь Л.С. и И.В. Гончаровых.

267. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

10 августа 1923 г. Коктебель

10.VIII.1923.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Я Вас бомбардирую почти еженедельными письмами, но дело в том, что тревога относительно судьбы моей дачи все растет. Сельсовет все на меня гневается и там, как мне передают послухи, ведутся такие речи обо мне: «Ишь, буржуй, – комнаты *даром* сдает. Нашей власти не признает. Мало ли что у него там “охранные грамоты” из Москвы – у нас свои законы: мы еще заставим его вшей кормить».

Здесь, конечно, любопытен только новый отсвет в понимании понятия «буржуй», преломленного в мозгах новой нэпо-коммунистической администрации. Дело, конечно, не в этом. Но меня весьма серьезно собираются прижать в смысле налогов и арендной платы, т<ак> к<ак> сейчас идет наконец национализация дач и сдача их в аренду. Я, разумеется, в аренду своей дачи взять не смогу, т<ак> к<ак> денег для ее выплаты у меня нет и не будет. Может быть, меня лично они не выселят благодаря тому удостоверению ВЦИК, но пропадет возможность давать приют целому ряду людей, и им удастся прекратить *даровую сдачу* комнат, которая так их возмущает.

Та формулировка, что я Вам посылал в предыдущем письме,[1] сложна, неудовлетворительна. Желательно было бы получить такую бумажку: «В дополнение к удостоверению ВЦИК за № 779/0-4 от 20.II.23 г. разъясняется, что дача, занимаемая писателем Максимилианом Александровичем Волошиным в дачном поселке Коктебель, ранее принадлежавшая ему, предоставляется поэту Максимилиану Александровичу Волошину в пожизненное пользование с освобождением от всех видов налогов и сборов». Эта формула была мне посоветована Ильей Марковичем Бассом, которому я больше доверяю, чем себе. Мотивировками для такой просьбы могут служить:

1. Мой дом предприятие не коммерческое, напротив, сам вношу все мною заработанное.

2. Переданный сельсовету, мой дом поглотит на свой ремонт все возможные доходы с жильцов, так что даст немного.

3. Если я буду лишен своего дома и буду принужден покинуть Коктебель, то прекратится и прилив тех литераторов и художников, что едут ко мне или ради меня, что опять-таки Коктебелю выгодно не будет.

А затем все, что я писал Вам раньше о количестве лиц, у меня останавливавшихся и живших, и живущих этим летом, о том, что я ни разу при советской власти не сдавал помещений за плату, об оказании бесплатной медицинской помощи населению и выдаче медикаментов и т.д. Может быть, ввиду всего этого, окажется возможным выхлопотать мне такое удостоверение от ВЦИК'а.[2]

Ради Бога, простите меня, Викентий Викентьевич, что я прошу Вас о таких, быть может, хлопотных делах. Если б дело шло лично о моих интересах, я бы не стал Вас тревожить, но моя «художественная колония» имеет слишком большое значение для всех, кто только жил у меня в этом году, и все мечтают вернуться как можно скорее. И потому потеря моей дачи – это гибель для ряда людей, мною приютенных, как Юнге, Зелинский...

Это письмо передаст Вам Елена Сергеевна Волнухина – дочь известного скульптора, автора «Первопечатника»,[3] девушка удивительной душевной красоты, которая Вам и Марии Гермогеновне[4] расскажет о жизни в Коктебеле этим летом и о моей колонии.

Правда ли, что Вы приедете?

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 263.

[2] См. примеч. 12 к п. 263.

[3] Сергей Михайлович Волнухин (1859–1921) – живописец, скульптор; автор памятника русскому первопечатнику Ивану Федорову, открытого в Москве в 1909 г.

[4] М.Г. Смидович.

268. Г.Д. СТАМОВУ

11 августа 1923 г. Коктебель

11 августа 1923.
Коктебель.

Товарищ Гаврило Стамов,

я получил на днях от Коктебельского сельсовета вызов в райисполком в Ст<арый> Крым. По состоянью моего здоровья это для меня невозможно: летом в городе (особенно в Ст<аром> Крыму) у меня немедленно начинается астма.

Коктебельскому сельсовету я ответил бумагой,[1] копию которой я вам посылаю, и сверх того прилагаю копию трех упоминаемых там постановлений.

Очень прошу вас лично объяснить мне, в чем в сущности дело и в каком положении находится вопрос о моей даче: достаточно ли имеющиеся у меня бумаги устанавливают мои права на мою дачу или Вы мне посоветуете еще иные постановления от Симферополя или из Москвы, чтобы предотвратить всякие дальнейшие посягновения на мою художественную колонию:

Вы ведь знаете, конечно, что при Советской власти комнат на моей даче <я> никому никогда за плату не сдавал, а отдавал даром, и это касается не только комнат, но и вещей и собственных произведений, и продуктов, и в течение этой зимы медицинской помощи и медикаментов.

За это лето у меня на даче жило бесплатно не менее 60 человек (писателей, художников, артистов, ученых, их семей и просто сов<етских> служ<ащих>, когда оставались лишние комнаты) сроком от 10 дней до месяца, не считая останавливавшихся у меня на ночевку экскурсий, учащихся, курбольных и т.д.

Последнее время досужие языки мне всё переносят, что Коктебельский сельсовет очень озлоблен за что<-то> на меня и собирается мне делать неприятности. Не очень доверяю этим сплетням.

Вы-то ведь, товарищ Гаврило, знаете меня давно и хорошо и знаете, вероятно, что Советская власть меня ценит и

охраняет как писателя. Вот, например, я только что сам узнал, что в Москве в Свердловском Университете[2] этой зимой обо мне читались лекции, как о первом поэте Русской Революции.

В Коктебеле я живу всецело погруженный в свою творческую работу, никуда не выхожу и не вступаю ни в какие общественные дела – когда я живу вне Коктебеля, моя жизнь переполнена ими и мне работать некогда над поэзией.

Поэтому, если Сельсовет действительно что-нибудь имеет против меня, то будьте добры, объясните им частным образом, что их нападки на меня в свете компетентных московских органов могут оказаться несостоятельными, и что предъявлять ко мне те требования, которые предъявляются сейчас домовладельцам и НЭП-манам, по меньшей мере странно, т<ак> к<ак> мои принципы и практика жизни и теперь и раньше резко отличаются от буржуазных.

И дача моя ни в какой мере не является доходной статьей, а наоборот, я сам весь свой случайный заработок отдаю на его ремонт, чтобы дать работникам литературы, искусства и науки тот минимум удобств, который нужен для летнего отдыха. А самых нуждающихся, кроме того, бесплатно питаю.

Все это я пишу вам, товарищ Гаврила, не как пред-райисполкому Ст<арого> Крыма, а как старому товарищу и приятелю, которого прошу о дружеской услуге.[3]

[1] См. п. 264.

[2] Имеется в виду Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова – высшее учебное заведение, готовившее кадры для советской и партийной администрации. Действовало в Москве с 1918 по 1937 г.

[3] В архиве Волошина имеется ответное письмо Г.Д. Стамова (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1143):

1923 г. Августа 16-го дня, г. Старый Крым.

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович.

Подтверждая получение мною Вашего письма ко мне об устранении досадных недоразумений, возникших между Вами и сельсоветом, спешу сообщить Вам, что местные органы Рабоче-Крестьянского Правительства не менее Центра умеют ценить дорогих для Республики граждан и со своей стороны примут все меры к немед-

ленной ликвидации тех шероховатостей, какие возникли, к моему искреннему огорчению, у Вас с сельсоветом. В пожелании плодотворной работы для наших дел жму Вашу руку.

Тов<арищеским> приветом Стамов.

16/VIII 23 г.

269. К.Ф. БОГАЕВСКОМУ

Около 15 сентября 1923 г. Коктебель

Милый Костя, позволю тебя познакомить со сказочницей – Ириной Валерьяновной Карнауховой и с Софьей Андреевной Толстой-Сухотиной.[1] Им очень хочется посмотреть твою мастерскую и последние работы. (Покажи им карандашные эскизы и этюды деревьев). Крепко обнимаю тебя и Жозефину Густавовну.[2] Спасибо за слова привета.

С ними зайдет мой большой друг И.М. Басс, которого очень рекомендую тебе.

Максимилиан Волошин.

[1] И.В. Карнаухова и С.А. Толстая-Сухотина поселились в доме Волошина в Коктебеле в середине июня 1923 г. (Труды и дни-2. С. 187).

[2] Ж.Г. Богаевская.

270. П.А. ФЛОРЕНСКОМУ

18 сентября 1923 г. Коктебель

18/IX 1923.
Коктебель. Почт<овый> адр<ес>:
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Глубокоуважаемый и дорогой отец Павел,

эти годы[1] я часто и всегда с радостью соприкасался с Вашей мыслью. Последнею весною вестью о Вас были «Мнимости в геометрии».[2]

Мысли Ваши о Дантовом миростроительстве были мне особенно ценны, и мне захотелось поделиться с Вами тем, чем жил я эти годы. Посылаю Вам тексты двух моих книг: «Неопалимой Купины» и «Путями Каина», которые, верно, не скоро увидят свет. Первая – о России, вторая о Западе и о материальной культуре. Вторая еще фрагменты. Особенно хочется мне, чтобы Вы прочли главу «Космос».

Начали ли выходить выпуски «У водоразделов мысли»?[3]

Посылаю Вам эти стихи и строки через д<окто>ра Гранберга, который был в Коктебеле и обещал все передать Вам из рук в руки.

Максимилиан Волошин.

[1] Подразумевается время, прошедшее после встреч с П.А. Флоренским в начале 1917 г. в Москве. См.: *Никитин В.А., Купченко В.П.* К истории взаимоотношений отца Павла Флоренского и Максимилиана Волошина // Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 499–507.

[2] Имеется в виду кн.: *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии: Расширение области двухмерных образов геометрии. М.: Поморье, 1922.

[3] Проспект книги «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)», включающий роспись содержания трех ее выпусков, был опубликован в книге Флоренского «Мнимости в геометрии». При жизни Флоренского издание не состоялось. См.: *Игумен Андроник (Трубачев).* История создания цикла «У водоразделов мысли» // *Флоренский Павел, священник.* Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3, кн. 1. С. 5–26.

271. В ЦЕКУБУ

26 октября 1923 г. Коктебель[1]

Поэт Максимилиан Александрович Волошин.
Коктебель. 26 сент<ября> 1923.

Обращаю Ваше внимание на положение двух уважаемых русских писательниц: Поликсены Сергеевны Соловьевой и Натальи Ивановны Манасеиной.

Обе они издавали много лет лучший русский журнал для детей «Тропинку».[2]

Обе они являются авторами целого ряда хороших детских книг.

Обе они стары, беспомощны, в нищете.

Поликсена Сергеевна Соловьева — поэт, в свое время удостоенный большой Пушкинской медали.[3] Н.И. Манасеина — автор многих детских рассказов и исторических повестей.

Книги их переиздаются Государственным Издательством.

П.С. Соловьева больна выделением камней в печени и нуждается в немедленной операции.

Н.И. Манасеина страдает склерозом мозга и частичными параличами.

Они лежат в постелях друг против друга и продолжают совместную литературную работу.

Обе они с 1921 года получали академический паек по назначению от ЦКУБУ, но потом Н.И. Манасеина была лишена его без объяснения причин и теперь они обе существуют одним пайком.

Летом им был необходим курс лечения в Кисловодске. Они получили ордер на право лечения. Но у них не было средств доехать до Кисловодска, и они вынуждены были вернуть свое право.

Если даже и не считать их личные заслуги достаточно ценными, то дочь историка Сергея Михайловича Соловьева и вдова профессора Манасеина имеют полное право на государственную помощь.

Их необходимо немедленно перевести в Москву для клинического лечения, им необходимы средства на переезд вместе с сопровождающей сестрой или сиделкой.

Они ждут этой помощи от вас.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Печатается по машинописной копии (ДМВ). Черновик обращения — в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 148).

[2] См. примеч. 3 к п. 147.

[3] См. примеч. 3 к п. 111.

[4] П.С. Соловьева и Н.И. Манасеина отбыли в Москву 14 декабря 1923 г. (Труды и дни-2. С. 205).

272. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

12 октября 1923 г. Коктебель

12.X.1923. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Вы были так близко – в Гаспре, Марья Гермогеновна у нас,[1] и мы так и не успели даже обменяться письмами.

Мое лето было очень удачное – не в смысле работы, заниматься успевал только живописью, – а в смысле осуществления моего Дома отдыха. У меня перебывало за лето около 120 человек и, если считать с экскурсантами и случайными ночлежниками, не меньше 160, а может, и все 200. Правда, подбор был случайный – не только писатели. А художников почти не было. Из писателей были Замятин, Чуковский, Шкапская, Шенгели...[2] Все остальные были почти случайный элемент – врачи, инженеры, советские барышни. Но в смысле общего духа было очень хорошо и удалось создать семейную близость и единодушие. Чувствовалось, что каждый уезжал, набравшись тишины и отдохнув. Так было в середине лета. Ко времени приезда Марии Гермогеновны это, к сожалению, нарушилось. Несколько случайно попавших сюда драматических артисток сумели всех перепутать и перессорить на время. А к тому времени сказалась и личная усталость от людей. И у Марьи Степановны[3] больше, чем у меня еще. Но это урок на будущее время: избегать театрального элемента. Он, оказывается, обладает страшно едкою и разлагающей силой в такого рода предприятиях. Сейчас восстанавливается ритм зимней работы, и я снова взялся за стихи. В Москву думаю приехать в половине декабря.[4] Из слов Марьи Гермогеновны понял, что Вы все-таки очень и очень стеснены квартирой. Поэтому очень и очень благодарю заранее за гостеприимство, но постараюсь устроиться иначе – тем более что зовут очень многие, которых я стесню меньше, чем Вас. А теперь выясняется, что я приеду сам-третий: с Марусей и с моей племянницей Тамарой[5] – танцовщицей, которую буду устраивать учиться. К сожалению, осенняя усталость не дала мне возможности побыть и поговорить с Марией Гермогеновной сколько бы мне хотелось.

Еду в Москву с некоторым трепетом о том, как мои стихи будут приняты – не в публике, а в правящих сферах. И получу ли я право не печатать, а лишь читать их? Потому что писать статьи и читать лекции об искусстве чувствую себя совершенно неспособным. Могу писать только стихи и только на темы о современности. Очень надеюсь на Ваше руководительство в литературных и политических кругах. Если уж «В тупике» навлекло на себя такие громы[6] и если мои стихи, написанные еще до Октября, так потрясают Сосновского,[7] то что же будет, когда я стану читать все то, что писал после и пишу теперь?

Максимилиан Волошин.

[1] М.Г. Смидович, предположительно, гостила в Коктебеле в августе 1923 г.

[2] См. примеч. 12 к п. 261. Е.И. Замятин приехал в Коктебель 20 августа, К.И. Чуковский – 3 сентября, оба отбыли 3 октября после торжественных проводов (Труды и дни-2. С. 193, 195, 198); Г.А. Шенгели приезжал в Коктебель в середине августа.

[3] М.С. Заболоцкая.

[4] План приезда в Москву в указанный срок остался нереализованным.

[5] Т.В. Шмелева.

[6] Подразумеваются, вероятно, печатные отклики на публикацию отрывков из романа Вересаева «В тупике» в журнале «Красная новь» (1922. № 4) и его первой части в «Южном альманахе» (Симферополь, 1922). «Трудно судить по отрывку обо всей повести в целом, – заключал Б. Гусман, – но и здесь уже В. Вересаев говорит о великом отчаянии интеллигенции, очутившейся “в тупике”, сознающей, что история за тех, кто совершил великий переворот, но истерически всхлипывающей о несправедливости» (*Гусман Борис*. Литература и искусство. «Красная новь» // Правда. 1922. № 203, 10 сент. С. 5). См. также: *Мещеряков Н*. Современники в новом романе Вересаева // Печать и революция. 1922. Кн. 8. С. 32–37. «Его <автора. – *Ред.*> душа не опалена знойным ветром революции, – заключал Олег Леонидов, – и потому герои его повести говорят прописные марксистские истины, совершают прописные марксистские поступки, но убеждают только своих собеседников, а не читателя» (Политра-

ботник. 1922. № 8/9. С. 104). Возможно также, что, будучи в Коктебеле, М.Г. Смидович рассказала Волошину о недовольстве романом Вересаева во властных инстанциях.

[7] Подразумевается опубликованная в «Правде» 2 сентября 1923 г. статья Л. Сосновского «О “Всемирной иллюстрации“», в которой с целью разоблачения Волошина целиком приведено его «контр-революционное» стихотворение «Святая Русь».

273. О.Ф. ГОЛОВИНОЙ

5 ноября 1923 г. Коктебель

5/XI 1923. Почт<овый> адр<ес>:
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Ольга Феодоровна,

пожалуйста, не думайте, что если я Вам пишу так редко, что я редко о Вас вспоминаю.[1] Напротив — Ваша тень наполняет наш дом и незримо присутствует при наших торжествах и радостях. Вы дали тон этому лету и всем человеческим отношениям. Следующего лета я не мыслю без Вас. Как течет Ваша зима? Как живут Мария и Елисавета Илларионовны?[2] Надеюсь скоро – в декабре увидать Вас в Москве, ибо мы едем наверное.[3]

Наш дом и до сих пор еще не опустел окончательно, несмотря на ноябрь месяц. Хотя уже и бывали холода, но в общем и тепло и солнечно. Привет Феодору Александровичу.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] О.Ф. Головина жила у Волошина в Коктебеле в первую половину июня 1923 г.

[2] М.И. и Е.И. Венатовские.

[3] См. примеч. 4 к п. 272.

[4] Ф.А. Головин.

274. К.Ф. БОГАЕВСКОМУ

13 ноября 1923 г. Коктебель[1]

Милый Костя,

посылаю тебе письмо Пирлика, полученное вчера. Надо «Год Работы Ц.К.У.Б.У.» достать и взять у Магулы.[2]

Посылаю расписки. Как раз накануне твоего письма был в Кара<да>ге[3] – передавал деньги за ячмень и анкету. Они пишут и сами пошлют.

Посылаю окончательный вариант стихотв<орения> «Поэту».[4] Сейчас я пишу наскоро, чтобы передать все Нилушке.[5] На многие вопросы Пирлика (Валентин Николаевич П<ирли>к. Адрес: Пушкинская 18. Канцелярия Университета. Симферополь) я ответил в том письме, что послал тебе для прочтения. А на остальные – более касающиеся тебя (эквивалент), ответь ему сам – чтобы вступить с ним в непосредственный контакт. Пирлик – редко порядочный и милый человек.

Посылаю тебе тоже папку Магулы со всеми делами Крым-КУБУ, в том виде как мне ее передала Пина Кон<стантиновна>.[6]

Крепко обнимаю тебя и Жоз<ефину> Густав<овну>.[7]

MAX.

[1] Написано на обороте черновика недатированного письма К.Ф. Богаевского к В.Н. Пирлику по поводу академического обеспечения пайками и денежными средствами.

[2] Речь идет об издании: Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров ЦЕКУБУ. Декабрь 1921 г. – декабрь 1922 г. М.: <Тип. т-ва «Худож. печатня», 1922>.

[3] Имеется в виду Карадагская научная станция, основанная в 1914 г.

[4] Стихотворение «Поэту» в первоначальном варианте – «Поэту революции» («Вытрави из словаря слова “Красота”, “Вдохновенье”...») – было завершено 12 октября 1923 г. (см.: Т. 2 наст. изд. С. 612–614).

[5] Н.В. Успенская. С нею Волошин передал в Феодосию Богаевскому неизвестное нам письмо В.Н. Пирлика и расписки за академический паек. О результате этих хлопот Богаевский извещал Волошина в письме от 19 января 1924 г.: «Вчера мною получены акад<емические> деньги за окт<ябрь,> ноябрь и декабрь тебе и мне <...> Деньги выданы совзнаками. <...> Всего тебе причитается по сегодняшнему курсу 340 миллиардов 290 миллионов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267, л. 24).

[6] П.К. Магула, жена Г.А. Магулы.

[7] Ж. Г. Богаевская.

275. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

16–18 ноября 1923 г. Коктебель

16.XI.1923. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

В декабре я должен выехать в Москву, и чем ближе эта дата, тем больше сомнений охватывает, и до отъезда хочется все-таки получить ответ от Вас. Сюда дошли слухи (правда, из Петербурга), что сейчас в разгаре снова издательский кризис. Что «Госиздат» объявил полное банкротство, что частные издательства закрываются одно за другим, что писатели только стремятся получить обратно запроданные рукописи и т.д. Так ли это? Меня это интересует прежде всего вот с какой стороны: приехав в Москву, буду ли я иметь возможность что-нибудь заработать? Могу ли я продать книги? Смогу ли читать лекции? Вообще, как отнесутся ко мне власти?[1]

Ваша мезавантюра с чтением в Кремле, про которую рассказывала Мария Гермогеновна,[2] крайне меня обескуражила. А несколько выпадов Сосновского[3] летом доставили мне, уже здесь, конкретные неприятности, ибо здешними местными властями, к сожалению, читающими «Правду», подобные литературные заметки толкуются просто: «Значит, надо его арестовывать». Под таковой угрозой я был несколько раз эту осень. Любопытно – сознают ли литераторы, пишущие подобные заметки, практические результаты своих безответственных выступлений?

Вообще, в Феодосии, с отъездом Гончарова, стало совсем безвыходно: ни одного порядочного человека, к которому можно апеллировать в крайнем случае.

Кроме того, донимают налогами. Моя бесплатная сдача комнат так раздражает местных властей, что сейчас меня обложили в шесть раз больше, чем всех остальных.

Если бы я уплатил эти 36 золотых рублей, то я бы уже не смог поехать в Москву. Вообще, здесь все очень смутно, и затягивается какой-то узел, разрешить который можно только в центре, т<ак> к<ак>, очевидно, мне надо как-то легализовать мой «Дом отдыха» и отдаться кому-нибудь под защиту.

Никогда я не чувствовал, как теперь, собираясь в Москву, всю неуместность моих мыслей, моих стихов, самого факта моего существования. И передо мною невольно стоит вопрос – как меня примут? Дадут ли мне рот раскрыть? Хочу очень и очень просить Вас, Викентий Викентьевич, позволить мне сделать так:

Я не буду затруднять Вас собою все время, пока я буду в Москве. Но позвольте мне прямо с вокзала – дней на 5, на 6 – сперва приехать к Вам для того, чтобы увидаться с Вами прежде всего, и для того, чтобы Вы меня с самого начала ориентировали и наставили, как себя держать в Москве, и объяснили смысл литературных группировок, издательств, лиц, журналов.

Кажется, никогда не чувствовал себя так смутно и потерянно, как теперь, едучи в Москву после 6 лет отсутствия. Если б я покидал Крым совсем – все было бы проще. Но сейчас, чувствуя за собою постоянно уязвимую пяту в Коктебеле, это весьма сложно. Вместе с тем оторваться от Коктебеля мне физически и психологически невозможно. А опыт «Дома отдыха» этого лета мне указывает на очень важное, нужное и радостное дело – именно в Коктебеле.

Я почти всю эту осень (после отъезда Марии Гермогеновны) проболел, так что закончил пока только одно стихотворение, которое посылаю Вам.[4] Это своего рода profession de foi,* приготовленное заранее в предвиденьи разных литера-

* Исповедание веры *(фр.)*.

турных допросов «како веруешь?». Каждую строчку хотелось сделать окончательной формулой, за которую можно постоять до конца. Стих – освобожденный гекзаметр. Но я нарочно делю его поцезурно, чтобы избегнуть внешнего начертательного сходства с классическим стихом. Если стихотворение окажется цензурно приемлемо, то буду очень рад, если его напечатают.

Мрачное мое настроение, может быть, обусловлено еще недавней беседой с очень важным и ответственным лицом, которое предвещало новый террор и расправу с интеллигенцией в ближайшие 3 месяца. (Лицо, лично ко мне дружески расположенное.)[5] Неуютно тоже и от настойчивого желания местной стражи знать, что именно я сейчас пишу – вплоть до требования читать или давать на просмотр.

Крепко Вас обнимаю. Привет Марии Гермогеновне. Пожалуйста, ответьте мне о том – можно ли рассчитывать на литературный заработок. Я думаю пробыть январь, февраль, март с поездкой в Петербург. Позволил себе дать на это время Ваш адрес для моей корреспонденции.

Максимилиан Волошин.

18.XI.1923.

Только что получил из Петербурга письмо от Чуковского, где он пишет об отчаянном положении петербургских литераторов: издательства закрываются, никто книг не покупает, никто не печатает, ни лекции, ни концерты не посещаются – заработка не предвидится никакого.[6] Это меня ставит вновь перед дилеммой отъезда. Дело в том, что я должен был ехать сам-третий – с Марьей Степановной и моей племянницей Тамарой[7] – редко талантливой к танцам глухой девочкой, которую надо учить. Весь расчет был на заработок – лекции, чтения и продажа книг. Денег у меня только на наш проезд туда и обратно. Если дела так плохи – то это безумие. Если приехать одному – то вопрос тот же: стоит ли сейчас? Выгодно ли мне сейчас показываться в Москве с моими стихами и идеями? Не лучше ли обождать, опять отложить? Конечно, если начнутся международные военные осложнения на германской почве, то мой приезд сам собою отпадает: нельзя поки-

нуть дома. Во всяком случае, жду от Вас ответ на следующие вопросы:

1. Мыслимо ли приехать сам-третий?

2. В случае единоличного приезда — можно ли рассчитывать на заработок: продажа книг, лекции и т.д.?

3. Тактически — выгодно ли сейчас манифестироваться со своими стихами?

До Вашего ответа я, во всяком случае, никуда из Коктебеля не выеду и буду его дожидаться. Посылаю это письмо с верной оказией. Опять почтовая оплата вышла совершенно из моих денежных возможностей! и опять, как раньше, буду просить Вас раздать несколько прилагаемых писем (дав знать адресатам по телефону). Можно? Это не слишком большое злоупотребление?

Я получил несколько предуведомлений (из СПб. и из Берлина), что меня ожидают политические неприятности из-за какой-то весьма хвалебной статьи обо мне, появившейся в «Руле».[8] Я сперва думал, что «Руль» невесть какой черносотенный орган. Оказывается, всего-навсего Иосиф Владимирович Гессен.[9] В чем дело? Не попадалась ли Вам эта статья?

Почему статья Струве (о которой Вы мне писали и которой я не видел тоже)[10] не была настолько компрометирующей? И, в конце концов, разве художественные и совершенно аполитические суждения о современности не имеют права нравиться различным враждебным партиям? Я понимаю, что придирки и шпильки газетного характера всегда возможны на этой почве. Но зато мне пишут тревожные письма с советом «принять меры».[11] Какие?! Ведь я не смогу запретить хвалить себя эмигрантским органам, как не могу запретить ругать себя советским. Причем сильно подозреваю, что одно обусловливается другим и что мое отношение к России одинаково чуждо обоим (см. стихи «Поэту»).

М.В.

P.S. Дорогой Викентий Викентьевич, пожалуйста, передайте прилагаемый пакет С.А. Толстой.[12] Ей можно позвонить по телефону (10-93), она пришлет или зайдет за ним.

[1] В.В. Вересаев отвечал 6 декабря 1923 г.: «...в общем положение теперь, — в области судеб литературы, — весьма печальное, если не катастрофическое. Из книг идут исключительно учебники и — Тарзан. Книжные магазины и частные издательства лопаются, Госиздат, как говорят, накануне банкротства, в нем идет ревизия, прием новых книг прекращен. Цензура свирепствует. А то, что цензура и пропустила бы, все-таки не может увидеть света, п<отому> ч<то> частных издательств нет, а казенные, под угрозою доносов современных Булгариных, не решаются печатать ничего, сколько-нибудь выходящего из рамок официальной идеологии. Так что с книгами будет плохо. С публичными выступлениями, — конечно, можно устроить целый ряд, Ваше имя, несомненно, привлечет публику; говорил вчера с Л.П. Гроссманом, — он уверен, что и Академия Худож<ественных> Наук охотно устроит Ваш платный вечер. Но ведь все это в смысле существенного заработка — пустяки» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 30—30 об.).

[2] Имеется в виду организованное Н.С. Ангарским — редактором издательства «Недра», в одноименных альманахах которого предполагалась публикация романа В.В. Вересаева «В тупике», — чтение автором фрагментов из этого произведения 1 января 1923 г. в Кремле перед руководителями государства (Л.Б. Каменевым, Ф.Э. Дзержинским, В.В. Куйбышевым, И.В. Сталиным и др.) и рядом ответственных лиц (А.К. Воронский, Демьян Бедный, П.С. Коган и др.). Как следует из мемуарного фрагмента Вересаева (впервые опубликованного В. Нольде и Е. Зайончковским: Огонек. 1988. № 30. С. 30), на роман яро нападали Каменев («Удивительное дело, как современные беллетристы любят изображать действия ЧК. Почему они не изображают подвигов на фронте гражданской войны, строительства, а предпочитают лживые измышления о якобы зверствах ЧК»), Д. Бедный, П.С. Коган, но в защиту Вересаева выступил Дзержинский, и в результате обсуждения роман «В тупике» был допущен к публикации в «Недрах», несмотря на реакцию Главлита («Когда в Главлите, — вспоминает Вересаев, — ознакомились с романом, там расхохотались и сказали: — И вы могли думать, что мы разрешим такую контрреволюцию?»).

[3] См. примеч. 1 к п. 261, примеч.7 к п. 272.

[4] Речь идет о стихотворении «Поэту» в первоначальной редакции — «Поэту революции» («Вытрави из словаря слова “Красота”, “Вдохновенье”...», 12 октября 1923 г.). См.: Т. 2 наст. изд. С. 612—614.

[5] Подразумевается И.С. Кондурушкин, помощник прокурора Верховного суда СССР, живший с женой в доме Волошина в начале ноября 1923 г. (Труды и дни-2. С. 201).

[6] Речь идет о письме К.И. Чуковского от 17 октября 1923 г., в котором он предвещал «безденежье, которое надвигается, как лавина, <...> на всех т<ак> наз<ываемых> интеллигентных пролетариев»: «Заработков ниоткуда не видно. Никто никаких книг не покупает. Лекции не посещают. Театры пустуют. Даже кинематографы не делают сборов. Уныние страшное. Катастрофа с моск<овским> Госиздатом задела всех литературных работников . <...> Федор Сологуб сидит без копейки; не может "пристроить" ни одной своей книги <...>. Я встретил на улице Муйжеля, – это скелет. Он умирает от чахотки, от истощения, от безденежья. Я был у Ахматовой, она получила от издателя *старый долг* <...> а до той поры – жила, как нищая» (*Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2008. Т. 14. С. 543).

[7] М.С. Заболоцкая и Т.В. Шмелева.

[8] Имеется в виду либо рецензия В. Кадашева (В.А. Амфитеатрова) на второе издание книги Волошина «Демоны глухонемые» (Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923), в которой воздавалась похвала автору за постижение «внутреннего демонизма революции» и «исключительное чувство любви к России» (Руль (Берлин). 1923. № 869, 7 окт.), либо статья లоллия Львова «На дне преисподней (Максимилиан Волошин. Стихи о терроре)» – отклик на выход в свет его сборника «Стихи о терроре» (Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923): «Недавно еще парижанин, европеец, западник, <...> – теперь Максимилиан Волошин сложил России эти жуткие стихи о самом осязательном, самом наглядном, – некоторые скажут! – самом действенном в современном ее обличии – *об убийстве.* Но замученный и истерзанный, он приемлет тяжкое бремя своего *сыновства* России, не отвращается от родины и в эту мрачную годину ее позора, ее бесчестия, ее содрогания» (Руль. 1923. № 827, 19 сент.).

[9] «Руль» – ежедневная газета, основанная в Берлине И.В. Гессеном, А.И. Каминкой и В.Д. Набоковым; выходила с 17 ноября 1920 г., придерживалась конституционно-демократического направления.

[10] См. примеч. 10 к п. 202.

[11] Имеется в виду, прежде всего, письмо М.М. Шкапской из Петрограда от 13 октября 1923 г. с сообщением: «...книга Ваша, вышедшая за границей, "подверглась" похвале "Руля", "Руль" попал в Питер и Майский не рискует печатать теперь в "Звезде" те стихи, что хвалил "Руль". Боюсь, как бы вообще не вышло Вам каких неприятностей, м<ожет> б<ыть> Вы обдумаете план какого-ниб<удь> открытого письма в газеты по поводу истории с напечатанием книги без Вашего ведома?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1303, л. 17).

[12] См. п. 276.

276. С.А. ТОЛСТОЙ

19 ноября 1923 г. Коктебель

19/XI 1923. Почт<овый> адр<ес:> Феодосия,
Коктебель. д<ом> Айвазовского.

Милая и дорогая Соня, я получил вчера Ваше письмо, не успев еще ответить на первое.[1] И читал его с таким же радостным волнением, как и то. Но я читаю их – и мне неловко, потому что мне кажется, что вовсе я не дал Вам всего, что мог бы и должен был дать. Есть периоды жизни, когда чувствуешь, что *каждому* встречному нужно отдать *всего* себя без остатку. А не успеваешь и самым близким дать то, что им необходимо. И вот с Вами, Соня, мне кажется, что мы ни разу не увидались, ни разу не поговорили за лето как следует. Это моя вина. Я умею говорить только вдвоем с глазу на глаз. А все наши прогулки были чуть ли не переселением народов. Каждая беседа – литературным вечером. Каждое чтение – обширной аудиторией. Будущим летом надо всю жизнь распределить иначе, больше распределить и дифференцировать людей. Я чувствую, что Вы еще очень голодны мной, и у меня нет удовлетворения нашим общением тоже. Знаете, что: приезжайте будущим летом пораньше – с мая – тогда будет очень хорошо.

Наш приезд в Москву? Одновременно с Вашим письмом получил я письмо от Чуковского, очень грустное, обо всяких литературных и издательских кризисах, о том, что ни одна лекция не собирает публики.[2] Это все очень заставило нас задуматься, т<ак> к<ак> наша поездка сам-третей (Маруся, Тамара,[3] я) должна была окупиться моими московскими выступлениями. Сейчас я послал запрос Вересаеву об этом[4] и в зависимости от его ответа решу мой отъезд. В случае же военно-германских осложнений я, конечно, никуда не двинусь.

Лето у нас еще до сих пор не кончилось. Деревья поредели, но не облетели. Св<ятая> Гора стоит медная. Ноябрь еще теплее октября. Безветрие. Тихие лунные ночи. Иногда туманы с моря, когда слишком разогреет за день. На Узун-Сырте[5] съезд летчиков – испытания планеров, организован-

ные моим приятелем – художником и летчиком Арцеуловым (внук Айвазовского). Иногда бегаем туда смотреть. Присутствовали при двух всероссийских рекордах, и Маруся во время взлета громко (не замечая того) молилась: «Господи! Сохрани планёр! Сохрани планёр!» У нас еще живут до сих пор: коммунистическая пара – брат Раскольникова с женой.[6] Они милые и безобидные. А раньше жил коммунист – исступленный и страшный: главный прокурор Республики по политическим делам.[7] Я его знавал лет 15 назад – ученик Учительской Семинарии. Тогда он был человеком страстно-религиозным – побывал и у хлыстов и у скопцов. Теперь он заехал случайно. Остался в Коктебеле. Был мрачен и озлоблен до жуткости. И стихи и слова мои, чувствовалось, его глубоко раздражали. Говорил все о новом терроре и т.д. И все-таки мы с Марусей его победили. Маруся «Зарей Заряницей»,[8] а я уж не знаю чем. Сперва мы его раскачали и заставили петь хлыстовские песни. Пел он их превосходно: совсем по-мужицки – грубо и в то же время с необычайно тонкими вариациями и с темпераментом. Когда он несколько раз «Входную» повторил – то все, кто здесь ни был, – а было как раз много – гостей, так были захвачены, что вот-вот прямо радение началось бы. А Александра Александровна[9] вскочила и сама показала, как танцуют (локтем за шею обнимают). Так у нас целый ряд вечеров с раденьями был под руководством «прокурора Республики». А перед отъездом он вдруг сам попросил меня ему стихов прочесть: «Терпеть не могу стихов – только Ваши могу слушать».

Я его спросил, что бы он со мной сделал, если бы я к нему в качестве подсудимого попал. Он неожиданно ответил: «Я бы Вас во дворец поселил. Все бы дал Вам, что хотите. Живите и пишите, что хотите: только стихов своих коммунистам не читайте. Особенно в Кремль Вас не пустил бы: там у нас столько интеллигентщины развелось...». А потом просил каждое лето приезжать и жену привезти. В конце концов и Маруся, которая вначале прямо боялась его, примирилась с ним. Очень крупный, цельный человек, крутой и жестокий и со жгучей любовью в душе.

Были и неприятности: опять собирались меня арестовывать под пьяную руку, наложили несосветимые налоги

(22 миллиарда), которые я платить не собираюсь, требовали по начальству («начальник милиции» приезжал). Я, конечно, не ходил.

Недели три я болел. Теперь здоров. Пишу стихи. Одно — законченное — «Поэту»[10] — посылаю. Хожу гулять и в лес по дрова. Живу пока еще в мастерской внизу. Теперь бы давно уже полагалось бы реветь холодному норд-осту, и потому каждый теплый день встречаешь как радостную милостыню.

Не печальтесь о потере моих рукописей.[11] Акварели я Вам новые привезу. Стихи тоже дам списать, как приеду. А что та рукопись пропала — это судьба всех моих книг и рукописей за последние годы. Я уже привык, а Вы не печальтесь. Передайте мой привет Ольге Константиновне[12] и Алексею Михайловичу.[13] Крепко целую.

Мах.

Милая Соня, не откажитесь, пожалуйста, как-нибудь переправить по адресу три прилагаемых письма. У меня нет денег на почтов<ые> марки.

[1] Имеются в виду письма С.А. Толстой из Москвы от 9 октября и 6 ноября 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 1–5 об.), написанные по возвращении из Коктебеля. В первом из них она признавалась: «В поезде мы с Ириной <Карнауховой. — Ред.> в один голос сказали, что такого лета у обеих у нас не было уже много, много лет <...> И не верится, что все это было и так далеко уже все!.. И все лето прошло под Вашим знаком, было освещено Вами, и мне хочется еще много, много раз поблагодарить Вас за все то хорошее, что Вы мне дали».

[2] См. примеч. 6 к п. 275.

[3] М.С. Заболоцкая, Т.В. Шмелева.

[4] См. п. 275.

[5] Узун-сырт (гора Клементьева) — гора близ Коктебеля. Волошин и М.С. Заболоцкая наблюдали там полеты планеров 15 ноября (Труды и дни-2. С. 201).

[6] Брат Ф.Ф. Раскольникова (Ильина) Александр Федорович Ильин-Женевский (наст. фам. Ильин; 1894–1941), революционер, журналист, редактор «Красной газеты», и его жена Алла Евгеньевна Женевская-Русинова (1900–?). Они приехали из Петрограда в Коктебель, видимо, во второй половине октября 1923 г.

[7] Имеется в виду И.С. Кондурушкин.

[8] Об исполнении М.С. Заболоцкой стихотворения Ф. Сологуба «Заря-заряница» (1898; см.: *Сологуб Федор*. Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. 1. С. 187) записал в дневнике К.И. Чуковский (7 октября 1923 г.): «Я в последние дни пребывания в Коктебеле полюбил ее очень – особенно после того, как она спела мне *зарю-заряницу*. Она поет стихи на свой лад, речитативом, заунывно, по-русски, как молитву, и выходит очень подлинно. Раз пять я просил ее спеть мне это виртуозное стихотворение <...>» (*Чуковский Корней*. Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2006. Т. 12. С. 105).

[9] А.А. Вьюгова. К. Чуковский охарактеризовал ее в цитированной дневниковой записи: «Старушка Александра Александровна из Вятки – была в Нижнем во времена Анненского и Короленко (ее муж был земский статистик); в Крыму она первый раз, и все ей кажется, что “в России лучше”» (*Там же*. С. 105).

[10] См. примеч. 4 к п. 275.

[11] В первом из упомянутых выше писем С.А. Толстая сообщала: «...в дороге в багаже пропал мой чемодан, в кот<ором> были все мои вещи и среди них все, что у меня было от Вас, – фотография, стихи, акварели <...>». Во втором письме она подтверждала, что «багаж погиб безнадежно»: «Мне бесконечно совестно перед Вами за пропажу Вашей книги <...> И мне самой это очень дорого обошлось, п<отому> ч<то> мне бесконечно грустно без Ваших акварелей и стихов».

[12] О.К. Толстая, мать С.А. Толстой.

[13] А.М. Сухотин (1888–1942), лингвист, поэт, востоковед; брат С.М. Сухотина, первого мужа С.А. Толстой.

277. К.И. ЧУКОВСКОМУ

20 ноября 1923 г. Коктебель

20/XI 1923. Почт<овый> адр<ес>:
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Корней Иванович,

каким неприветливым Петербургом повеяло от Вашего письма (оно шло ровно месяц).[1] Я был приготовлен к нему, потому что недели 2 назад в Феодосии при мне Поликс<ена> Серг<еевна> получила Ваше письмо[2] – (вероятно, позже

посланное, т<ак> к<ак> в нем было почти все, что Вы меня просите им передать), и оно уже заставило меня сильно призадуматься над нашим путешествием на север (Маруся, Тамара,[3] я). Литературное безденежье, издательская безнадежность и удушливые ветра меня что-то очень смущают. А Ваше письмо ко мне еще усилило краски. Мне можно рискнуть ехать в столицы только в надежде на литературный заработок, который окупит наше путешествие и пребывание. Даже если поехать одному, как я было начал думать, – и то несколько рискованно. Время ли мне сейчас манифестироваться с моими стихами? Ни честолюбием, ни жаждой гражданского мученичества я отнюдь не снедаем. Я опустил зонд в Москву и буду ждать оттуда ответа и решу свой приезд в зависимости от него.

А в Коктебеле упоительно хорошо. Весь октябрь и ноябрь стоит летняя теплынь, солнце и безветрие. 17° жары по Р<еомюру>. Необлетевшие деревья. Тихое море. Лунные теплые ночи.

Все, что есть прекрасного в мире...
Солнце, вода, облака, огонь...[4]

И дом наш до сих пор еще не опустел. Сперва еще долго жила с нами Леночка[5] (по уши в Вас влюбленная). Потом приехали два коммуниста.[6] Один из них (старый знакомый – лет 15 назад) оказался Прокурором СССР по полит<ическим> делам. Я его знал, когда он был в учительс<кой> семинарии и склонялся к хлыстовству. Он прошел исступленный путь от сектантства к коммунизму. Сперва с ним было даже жутко. Такой он был мрачный, жестокий, так кипел от всех моих слов и стихов. Но Маруся его в конце концов покорила: «Зарей Заряницей».[7] Так его раззадорила, что он стал петь хлыстовские песни. С такой силой, темпераментом и подлинностью, что всех нас перевернуло. Так и взмыло. Александ<ра> Александ<ровна>[8] уже на места вскочила, стала показывать, «как танцуют – вот так локтем за шею обнимая». Повтори он еще раз – прямо бы радение началось. Все, кто был в этот вечер (Успенки, Галя,[9] Леночка), – все были до глубины потрясены и не забудут никогда. Перед самым отъездом он вдруг сам попросил ему стихов почитать: «Терпеть не могу

стихов. Всю литературу сбросил. (Он когда-то пробовал свои силы в литературе – и успешно). А вот к Вашим стихам тянет. Только сначала они меня очень раздражали».

– А что бы вы со мной сделали, если бы я к Вам подсудимым попал?

«Я бы вас поселил во дворце, дал бы Вам все, что надо. Пишите и живите. Только своих стихов коммунистам не читайте. Особенно в Кремле. Там у нас такая интеллигентщина развелась – еще понравятся».

Ал<ексан>дра А<лександро>вна с ним ездила в город, по дороге «обличала» и уверяла, что он ей говорил: «Вот скоро новый террор будет – всю интеллигенцию сметем». Но оставляю это у нее на совести. Она очень своеобразно претворяет все слышанное. Вскоре после Вашего отъезда, она, говоря о Вас и о Замятине, заметила: «ВОт раньше пОчтенные писатели были». Маруся стала ее стыдить. С тех пор она всегда говорит: «Вот Чуковский – пОчтенный писатель», и постоянно просит вам свой привет передать, «кОгда писать будете...». Я ее спрашивал: «А я, А<лександ>ра А<лександр>овна, почтенный писатель?» – «А как же? Как же? Я еще когда у Гали Вас в первый раз увидала, Вам прямо сказала: Вас в МОскве не хвОтает».

И сейчас еще живет одна супружеская пара коммунистов – очень милых, редко деликатных – редакт<ор> п<е>т<е>рб<ургской> «Красной Газеты» – Женевский – брат Раскольникова.

Я болел недели три, теперь Маруся, кажется, собирается разболеться, что очень и очень меня беспокоит.

Под Коктебелем на Узун-Сырте в течение двух недель было всероссийское состязание «планеров».[10] Его организовал мой приятель Арцеулов (летчик и художник – внук Айвазовского). Мы с ним еще весной выбирали место. Для Коктебеля зрелище было необычайно. Полеты были видны и с берегу. Но самое интересное было там на плоскогорьи. Всероссийский рекорд парения в воздухе (до сих пор 3½ мин<уты>) был побит часовым полетом, на аппарате Арцеулова.

Вот наши события. Я сижу, работаю, пишу. Закончено только одно стихотворение «Поэту»[11] – своего рода программная декларация, написанная в предвиденьи поездки

<в> Петро–скву. Посылаю Вам. Т<ак> к<ак> для меня интереснее всего сейчас – как принимаются мои стихи на севере, то не забудьте, Корней Иванович, собственного обещания в этом письме написать мне об этом подробно.

Относительно моих переводов из Анри де Ренье – очень прошу Вас, как только выяснится окончательно, что «Всемирн<ая> Литература» их напечатать не может,[12] – переслать их с надежной оказией в Москву Викентию Вик<ентьевичу> *Вересаеву* (Угол I Смоленского и Шубинского 2/3, кв. 14). Там это скорее дождется оказии быть изданным. Кстати – ни один из переводов (стихотв<орений>) Ренье – кроме «Крови Марсия»,[13] не был еще напечатан. Б<ыть> м<ожет>, возможно напечатать по разн<ым> изданиям? <В> «С<овременном> Западе»?[14] в газетах?

Благодарю судьбу, что она занесла Вас в Коктебель. Еще во время нашей предпоследней встречи в Париже я почувствовал к Вам глубокое дружеское доверие. А теперь оно выросло и укрепилось. Крепко обнимаю Вас и шлю привет всем друзьям.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 6 к п. 275.

[2] Письмо К.И. Чуковского к П.С. Соловьевой не обнаружено.

[3] М.С. Заболоцкая, Т.В. Шмелева.

[4] Эти строки вошли в стихотворение «Выйди на кровлю... Склонись на четыре...», законченное 11 октября 1924 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 174.

[5] Видимо, ростовчанка Елена Максимилиановна Звольта (Извольта).

[6] А.Ф. Ильин-Женевский и И.С. Кондурушкин.

[7] См. п. 276, примеч. 8.

[8] А.А. Вьюгова.

[9] Бухгалтеры Владимир Александрович Успенский (1892–1956), позднее художник-гравер, и его жена Неонила Васильевна Успенская (урожд. Морозова; 1906–1982), Г.В. Полуэктова.

[10] См. примеч. 5 к п. 276.

[11] См. примеч. 4 к п. 275.

[12] Волошин передал с Чуковским в Петроград сборник своих стихотворных переводов из Анри де Ренье для издательства «Всемир-

ная литература» (в котором Чуковский возглавлял англо-американский отдел). Публикация переводов Волошина из Ренье во «Всемирной литературе» не состоялась. «Во “Всем<ирной> лит<ературе>” устроить его не удалось по той причине, что само это изд<ательст>во находится в неопределенном положении», – сообщал Волошину 2 декабря 1923 г. А.А. Смирнов, предлагая одновременно перепечатать в готовящемся собрании прозаических сочинений Ренье в издательстве «Academia» «Маркиза д'Амеркёра» в переводе Волошина (*Заборов П.Р.* М.А. Волошин и А.А. Смирнов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 652).

[13] Поэма Ренье «Кровь Марсия» из его книги «Город вод» («La cité des Eaux», 1902) в переводе Волошина была опубликована в «Литературном альманахе» (СПб.: Аполлон, 1912. С. 7–15).

[14] «Современный Запад» – журнал литературы, науки и искусства, выходивший в 1922–1924 гг. (№ 1–6. Пб.; М.: Гиз; «Всемирная литература»). Чуковский входил в его редакционную коллегию (вместе с Е.И. Замятиным и А.Н. Тихоновым).

278. М.С. ШАГИНЯН

20 ноября 1923 г. Коктебель

20/XI 1923.
Коктебель.

Почт<овый> адр<ес:> Феодосия,
д<ом> Айвазовского.
Максимилиану Александровичу Волошину.

Дорогая Мариэтта Сергеевна,

спасибо за Ваши книжки, которые я получил значительно позднее письма.[1]

«Советская Армения» пленила меня своею терпкою и четкою любовью к ней.

А в статьях разбросано так много драгоценных осколков – мыслей и редких сведений, что жаль глубоко, что они не замкнуты в более крепкую и неслучайную оправу.

С большим интересом я прочел летом «Своя судьба»[2] (невольно искал параллели со шпенглеровской идеей судьбы-времени, которая очень много разверзла для меня). Очень сочувствовал походу против Фрейда.[3] Единственное «не» – слишком нагроможденный и отвлеченный аллегори<з>м театрального представления.

К сожалению, неаккуратное получение «Красной Нови» не дало мне узнать другой Ваш роман целиком.[4]

Будущей весной, значит, я жду Вас в Коктебель? Спросите у гостей этого лета: Мар<ии> Мих<айловны> Шкапской, Чуковского, Замятина их впечатления о строе и стиле коктебельской жизни.

Я очень надеялся этой зимой добраться до СПб, но вести о литературном кризисе и безденежьи издательств меня так смутили, что буду выжидать обстоятельств более благоприятных. Тем более, что мне всегда больно отрываться от Коктебеля, особенно зимой, когда так хорошо работается.[5]

Хочется послать Вам кое-что из последних стихов. Прилагаю одну из глав моей последней книги «Путями Каина» – «Космос» – и был бы очень благодарен, если бы Вы мне написали о ней.[6] Тема «Путей Каина» очень близка шпенглеровской теме. Но, к сожалению, я слишком поздно ознакомился с «Закатом Европы» и потому не смог взять всего, что было бы нужно.

Когда ищешь формы для таких тем, до сих пор чуждых поэтическому творчеству, всегда остаешься в себе неуверен и ищешь оправдания и указаний в чужих мнениях – поэтому Вы понимаете, как была бы мне ценна Ваша оценка, Мариэтта Сергеевна?

Привет Мирэли.[7]

Максимилиан Волошин.

Еще нашел список стих<отворения> «Голод» – вкладываю.[8]

[1] В письме к Волошину от 26 августа 1923 г. М.С. Шагинян благодарила его за письмо и сообщала: «Посылаю свои последние книжки. Пришлите свое новое» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1279). Книги Шагинян – «Советская Армения» (М.; Пг.; Госиздат, 1923), с дарительной надписью Волошину от 17 августа 1923 г. «в память короткой, но незабываемой встречи» (Труды и дни-2. С. 193), и «Литературный дневник» (М.; Пг.: Круг, 1923).

[2] Роман М. Шагинян (1916) «Своя судьба» был начат публикацией в 1918 г. в «Вестнике Европы» (№ 1–4), впервые полностью напечатан отдельным изданием (М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкеля, 1923).

[3] «Наш подход к душевной жизни человека резко противоположен учению современных западных психиатров, господ Фрейда и Юнга», – утверждается в гл. 5 «Своей судьбы» (записи персонажа романа, профессора Фёрстера) и далее следует развернутая полемическая аргументация (см.: *Шагинян Мариэтта.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. литература, 1971. Т. 1. С. 352–356).

[4] В «Красной нови» был опубликован роман М. Шагинян «Перемена» (1923, № 4, 6).

[5] Шагинян отвечала в письме от 10 января 1924 г.: «Не жалейте, что Вы сидите в Коктебеле и не попали сюда. Это дает Вам возможность держать свою периферию в постоянном соответствии со своей глубиной. А мы волей-неволей уже *переродились* периферически, т<ак> к<ак> иначе мы не могли бы жить здесь; мы умеем работать всей нашей периферией на злободневность, и это ведет либо к тому, что глубина у нас тоже выворачивается и вырождается (так называемый сдвиг в сторону... etc.), или же мы ее теряем и забываем в самих себе, становясь неврастениками, безумцами, самоубийцами. Я до сих пор спасалась тем, что связывала “периферию” с “глубиной” через любовь к большевизму и приятие его. Это дало мне такую вещь, как “Перемена”, написанную совершенно любовно, из глубины к наружи, вполне адекватно самой себе. Но сейчас во мне что-то стало трещать, и я боюсь, что начинает нехватать любви. Тогда будет тот самый “лиловый сумрак”, что убил Блока. <...> Дела издательские обстоят немного лучше. Но в Москве все это живей, чем у нас. Мы ездим обычно туда устраивать свои книги» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1279).

[6] В том же письме Шагинян дала развернутый отзыв о «Космосе»: «“Космос” в высшей степени близок мне и местами (отдаленно) напоминает мне ту систему мыслей, с какой я писала свою “Оду времени”, при всем различии наших “тональностей” и выводов. Я не знаю, однако, есть ли сейчас читатели для таких вещей. Ведь чтоб это почувствовать, надо не только “знать”, но и хотеть знать, то есть иметь тот познавательный эрос, который абсолютно чужд новому поколенью. Все они родились и растут *заранее* знающими только то, что признано “полезным”. Никогда не было у человечества учения, более спекулятивно-внеопытного, узкофанатичного, католически-нетерпимого и ультра-“идеалистического” (построенного дурной накладкой сверху), нежели то, что сделали марксисты из Маркса. А ведь вся новая интеллигенция проникнута сейчас этим до полной глухоты. Я давала “Космос” лучшим молодым поэтам; они восприняли его лишь как реторику. <...> “Космос” очень хорошо инструментован, впечатление от него почти симфоническое. Но –

чтоб продолжить музыкальное сравнение – мне совершенно не нравятся последние 5 стихов, начиная с

"Так будь же сам вселенной и творцом"...

Они мне напоминают ту грубую тонику, на которой старые симфонисты по традиции чисто формально кончали свои оркестровые вещи (у Бетховена это еще есть в его симфониях), создавая одинаковое *чисто-формальное* восприятие конца, как захлопыванье двери. Эти стихи слишком формально-конечны».

[7] Дочь Шагинян – Мирель Яковлевна Шагинян (род. в 1918 г.).

[8] Об этом стихотворении Волошина Шагинян отозвалась в том же письме кратко: «"Голод" нравится гораздо меньше "Космоса"».

279. И.М. МАЙСКОМУ

20 ноября 1923 г. Коктебель

20 ноября 1923, Коктебель.

Дорогой Иван Михайлович,

Вы мне прислали эту драматическую поэму Склярского[1] с просьбой оценить ее и этим надолго замкнули мои уста. А кто же его знает, талантлив ли он? Это легче определить по линиям его рук, чем из художественного произведения. Все считают необходимым писать художественные произведения так, чтобы они были «похожи на хорошие». Это делает их невыносимо скучными. «Вершины» многословны до безумия и не вылезают из общих мест. Их перепечатывать я бы не стал. А автор, когда ему станет *необходимо* написать что-нибудь *свое* и не будет ни времени, ни места, может оказаться талантливым. Но не принимайте моего мнения безусловно. Я не способен к редакторским суждениям: нет у меня для этого чувства *среднего уровня* литературы.

Мне писали, что в берл<инской> газете «Руль» появилась чья-то хвалебная статья обо мне, которая смутила Вас и Вы не решаетесь теперь печатать взятых у меня стихов. Я, конечно, не стану спорить с Вами и переубеждать.[2]

Статьи я не читал, «Руля» в глаза не видывал и судить о степени обрушившегося на меня бедствия не могу. (Если

у Вас есть эта статья – пришлите мне вырезку, если можно.) Но позвольте мне высказать несколько соображений. Стихи мои, хотя и о современности и о текущем – но они *аполитичны* до конца. Я беру *явление* русской революции и принципиально воздерживаюсь от оценки и осуждения партий. Я отнюдь не гражданский, а *анти*гражданский поэт. Поэтому мои стихи могут нравиться полярным по убеждениям людям. (Хотя вероятнее: одинаково *возмущать* и тех и других). Меня лично нисколько бы не удивила и не огорчила даже и похвала черносотенной какой газеты. Ведь это моя цель: подняться *над* политическим сознанием современности. (Прилагаю кстати мое последнее стихотворение «Поэту», как мое исповедание).[3]

Я думаю, что это не будет чересчур большим самомнением, если я предположу, что мои стихи останутся в известной степени показательны для нашей эпохи. И они как исторический документ могут быть использованы и белыми и красными для совершенно противуположных целей. Но не будет ли со стороны Советской России опрометчивым отказаться от моих стихов только потому, что их раньше похвалили за границей? Да и самая похвала эта была, б<ыть> м<ожет>, вызвана только рядом выпадов, которые в течение лета сделал против меня Сосновский в «Правде» (по его собственному признанию, совершенно не читавший моих стихов, а только оскорбленный в свою очередь добрым отзывом об них Львова-Рогачевского).[4] Получается редкостное нагромождение нелепостей.

Кстати – знаю через Воронского, что в прошлом году меня очень хвалил П. Струве[5] в «Рус<ской> Мысли» – как «глубоко православного поэта» – и это не помешало ему печатать меня в «Кр<асной> Нови».[6] Впрочем, не зная статьи в «Руле», я, б<ыть> м<ожет>, не могу судить о степени моего позора... Ни в коем случае и ничем не хочу насиловать Вашу волю.

Привет Агнии.[7] Неоднократно вспоминали Вас. Приедете ли в будущем году в Коктебель? Тогда прямо ко мне, пожалуйста. Крепко жму Ваши руки.

Пришлите мне «Звезду», когда выйдет.

Максимилиан Волошин.

[1] Псевдоним, которым И.М. Майский обозначил текст своего произведения, вышедшего ранее отдельным изданием: *Майский И.М.* Вершины: Драматическая поэма. Омск: Гиз, Сибирское обл. отделение, 1919. Вернувшись из Коктебеля в Петроград, Майский писал Волошину 23 августа 1923 г.: «Посылаю вам на просмотр присланную мне с Д<альнего> Востока драматич<ескую> поэму “Вершины”. Вещь эта была года три назад напечатана не то во Владивостоке, не то в Харбине, но до Сов<етской> России не дошла, т<ак> к<ак> в то время в Забайкалье был еще фронт. Теперь “Вершины” можно было бы полностью или частично переиздать, если они того заслуживают. Я был бы вам очень благодарен, М.А., если бы вы оценили “Вершины”, как поэт, и высказали бы об них свое суждение. Интересно было бы также слышать ваше мнение об авторе: есть ли у него талант или нет? Можно ли от него ожидать чего-нибудь в будущем? Вам в особенности интересно будет ознакомиться с “Вершинами”, т<ак> к<ак> они затрагивают очень большие, почти “космические” темы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 809).

[2] См. примеч. 8 к п. 275. О том, что Майский не рискует печатать волошинские стихи в журнале «Звезда», Волошину сообщила М.М. Шкапская в письме от 13 октября 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1303, л. 17).

[3] См. примеч. 4 к п. 275.

[4] См. примеч. 1 к п. 261, примеч. 7 к п. 272.

[5] См. примеч. 10 к п. 202.

[6] См. примеч. 1 к п. 182.

[7] А.А. Майская.

280. Л.З. КАМЕНСКОМУ

23 ноября 1923 г. Коктебель

23 XI 1923. Почт<овый> адрес:
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Леонид Захарович,

Вы, вероятно, уже давно в Москве и забыли о лете. А в Крыму оно еще до сих пор не кончилось и сейчас в конце ноября стоит безветренная, солнечная, теплая осень, каких уже давно не бывало за последние годы. И не верится, что уже на

днях декабрь, и время и мне ехать в Москву. И вот перед отъездом хочу спросить у Вас совета. Из петербургских литературных кругов доходят очень не радостные вести. Мне пишут, что с банкротством Госыздата закрываются все частные издательства, что абсолютно нет никакого заработка, что литературные лекции не посещаются, что литераторы не знают, что делать.[1] Вы понимаете, что эти вести смущают меня – т<ак> к<ак> для меня поездка эта была возможна в случае продажи моих книг и лекционного заработка на севере. Пожалуйста, напишите мне, насколько текущий кризис рискует затянуться – Вы, вероятно, благодаря Махортресту[2] в курсе этих дел? Потом доходили еще смущающие слухи об усилении литературной цензуры в порядке идеологического фронта. Вы понимаете, что я вовсе не хочу со своими стихами попадать в граждански-неблагонадежные элементы, что может очень легко случиться именно благодаря новизне и радикальности моих точек зрения.

Собирался я ехать втроем – с Марусей и с моей племянницей Тамарой,[3] которой надо закончить свое балетное образование в Москве. Но в крайнем случае приеду один. Если же осуществятся те военные осложнения, что могут возникнуть из германских дел, – не приеду совершенно.

Остановлюсь, если позволите, как предполагалось, у Вас. Но не сразу – потому что хочу прямо с вокзала на первые дни проехать к Вересаеву: мне надо литературно ориентироваться под его руководством. Но не останусь у него.

Не могу сказать, как меня тронул Ваш приезд летом на одну ночь.[4] Я давно хотел писать Вам. Но то количество людей, с которыми я имел дело ежедневно, совершенно не давало мне возможности писать письма. И до сих пор наш дом еще не опустел. Только в конце этой недели уезжают последние гости.[5] Недавно мы подсчитывали с Марусей, сколько людей у нас жило за это лето: 158 человек!! не считая экскурсий и случайных ночлежников. Для частного предприятия это все-таки хорошо. А вопрос об обложении моей дачи еще не сдвинулся с места в Симферополе. Я несколько раз просил Гончарова, он обещал, но пока я не получил еще до сих пор никакого изве-

щения, что дело мое прошло.[6] Между тем было уже немало острых моментов. Местные власти ввиду населенности моего дома обложили меня ***шестерными*** налогами сравнительно с остальными дачевладельцами, дравшими вовсю. (Хорошенькая коммунистическая сознательность!). Вы знаете, что меня летом тов. Сосновский продернул несколько раз в «Правде».[7] Я привычен ко всяким ирониям и ругательствам. Но сейчас они приобретают неожиданно потешные <?> формы. Так в связи с этими заметками местная «береговая стража» однажды требовала от меня, чтобы им читал мои стихи, чтобы узнать, не пишу ли я здесь чего-нибудь контр-революционного; в другой же раз шли в полном виде меня арестовывать, но хмель – превозмог.[8] Такие эффекты литературной полемики мне не очень нравятся. Если Вы знакомы с Сосновским – расскажите ему это в качестве анекдота.

Если Вас не очень затруднит – напишите, пожалуйста, еще раз Ибрагимову или Гавену об освобождении меня от повинностей и налогов – просто как напоминание. Т<ак> к<ак>, не выяснив всего этого юридически, я боюсь покидать дом, т<ак> к<ак> без меня могут просто разогнать моих жильцов: у меня остаются на всю зиму Зелинский (стар<ый> землеволец[9] и шлиссельбуржец) и А.А. Вьюгова (вдова известн<ого> статистика).

Привет Софии Абрамовне и ее мужу.[10] Где они живут сейчас? в Москве? Где Любовь Захаровна?[11] Как она себя чувствует? Почему она не приехала летом? Как Ваше самочувствие?

До свиданья. Буду ждать Вашего письма в надежде в скором времени увидать Вас лично.[12]

Крепко обнимаю.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 6 к п. 275.

[2] Трест государственных махорочных фабрик.

[3] М.С. Заболоцкая, Т.В. Шмелева.

[4] Л.З. Каменский заезжал к Волошину в Коктебель по пути в Ялту, по всей вероятности, в первой половине сентября 1923 г. (Труды и дни-2. С. 196).

[5] Имеются в виду А.Ф. Ильин-Женевский с женой, уехавшие из Коктебеля 26 ноября; с ними Волошин отправил и настоящее письмо (*Там же*. С. 203).

[6] 20 декабря 1923 г. Каменский писал Волошину из Москвы: «Когда Вы будете здесь, мы обсудим и вопрос относительно Вашего обложения <...> Я поражен: и Ибрагимов и Гончаров обещали мне совершенно определенно покончить вопрос о снятии с Вас налога» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 613, л. 15–15 об.).

[7] См. примеч. 1 к п. 261, примеч. 7 к п. 272.

[8] Этот инцидент с пьяными солдатами, благополучно разрешившийся благодаря вмешательству гостившего у Волошина прокурора И.С. Кондурушкина, произошел, вероятно, в первую декаду ноября 1923 г. (Труды и дни-2. С. 201).

[9] См. примеч. 4 к п. 248.

[10] С.А. Левандовская и Борис Абрамович Левандовский.

[11] Л.З. Берлин, сестра Л.З. Каменского.

[12] Каменский отвечал Волошину 20 декабря: «“Уж сколько раз твердили миру”... что “еврейская почта” совершенно ненадежна! Ваше письмо датировано 23/XI, а доставлено мне некоей дамой во всяком случае не ранее 12/XII, ибо именно в это день я уехал в служебную командировку в Харьков, откуда вернулся сегодня и прочитал оставленное этой дамой в мое отсутствие письмо. До чего же мне стало неприятно! <...> Неужели Вы до сих пор не приехали в Москву именно в связи с отсутствием ответа от меня? Сейчас послал Вам телеграмму с тем, чтобы Вы, при наличии на то Вашего решения, могли бы немедленно выехать сюда. <...> Словом, надеюсь, что мне уже не нужно будет больше подтверждать Вам свое приглашение: он<о> действительно “всерьез и надолго”».

281. С.А. АБРАМОВУ

2–3 декабря 1923 г. Коктебель.

2/XII 1923. Почт<овый> адр<ес:>
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Соломон Абрамович,

спасибо за прекрасные издания и Вашу книжку стихов.[1] Их, письмо и телеграмму получил сегодня одновременно (имейте в виду, что в Коктебеле почт<ового> отделения нет, а

телеграф<ные> столбы распилены на дрова, так что все доходит только до Феодосии и ждет оказии. Телеграфировать мне бесполезно*. Ваше предложение поездки в Эривань[2] было для меня неожиданностью, тем более что я только что расположился на зимнюю методическую работу. Но оно меня соблазняет: хочется повидать и *Сарьяна и Армению* («Сов<етская> Армения» Мариетты Сергеевны[3] очень заинтересовала), хочется написать и о том и о другом.

С самого начала Революции – я писал только стихи, ибо ни одна моя статья за эти годы не была пропущена цензурой (и белой и красной – безразлично). Надеюсь, что на этот раз этого не случится.

Я подсчитал (весьма приблизительно) возможную стоимость поездки, и, по-моему, она обойдется около 25 червонцев (не считая расходов по фотографии). Стоимость билетов (vice-versa**) Феодосия – Эривань – *10 червонц<ев>*. Жизнь, питание и кров – ½ черв<онца> в день. Путешествие займет 2 недели туда и обратно и там дней 10, всего 24 дня – т.е. *12 черв<онцев>* и еще на неизбежные 2–3 суток задержки на узловых пунктах в ожидании поездов и пароходов – 3 черв<онца>. – Всего 25 черв<онцев> + 5 на фотогр<афические> расходы = 30 черв<онцев> без всякого личного аванса.

На этих условиях я могу поехать. Гонорарных же ставок я совсем не знаю сейчас и предлагаю Вам самим назначить (авансов я не люблю брать). Переговорив об этом с Вик<ентием> Вик<ентьевичем> Вересаевым, который ведет все мои литературные дела, думаю, что Ваши цифры не разойдутся. Можете с ним сами договориться о цене по телефону. Прилагаю записку на его имя.[4]

Но...

Съездивши в Эривань, я вернусь не в Москву, а в Коктебель же... Причины: раз попавши в Москву после 6 лет отсутствия, у меня не будет ни времени, ни места, ни психологической возможности *писать там* статью – сами понимаете.

---

* *Сбоку слева приписка:* и когда пойдет это письмо, тоже не знаю, т<ак> к<ак> надо идти пешком 18 верст по горам, чтобы отправить его.

** Обратно *(лат.)*.

А статья Вам будет нужна сейчас же. Вот я ее Вам в Коктебеле и напишу *пред* Москвой. А кроме того, я вовсе не хочу ездить в Эривань со всеми собственными рукописями и картинами, что собираюсь везти в Москву. Так мне проще.

Должен еще предупредить, что в том случае, если текущие германские события в конце концов втянут нас в какие-нибудь военные осложнения, то я никуда из Крыма не уеду, ибо придется опять сидеть и сторожить свою библиотеку и мастерскую, которые мне чудом и постоянным присутствием удалось сохранить до сих пор. Поэтому моя поездка в Москву еще под знаком вопроса.

Что же касается картин и негативов, то мы выясним это на месте с Сарьяном. Напишите мне, большой ли риск отправлять заказными и ценными посылками? Если есть риск, и не будет немедленной надежной оказии из Эривани в Москву, то я привезу их с собою через Феодосию, вместе со статьей на тему «В гостях у Сарьяна». Что же касается до монографии, то ее текст я изготовлю *весной*, по возвращении из Москвы в Коктебель. (Туда войдут, конечно, и элементы «аполлоновской»[5] статьи моей – подобно Вашим цветным клише.)

На Вашем письме Сарьяну[6] нет нигде ни признака его адреса. Надо ли это понимать так, что Эривань такой городишка, где все его знают? Перешлю ему письмо со своей припиской и предупреждением о предполагаемом приезде. Если от вас вместе с деньгами (пошлите почтой <в> Феодосию с объявленной ценностью – червонцами) не получу известья, что Сарьян действительно в Эривани, ждет меня и его точный адрес, то буду дожидаться его письма и раньше не выеду. Вы можете стелеграфироваться с ним. Я же живу натуральным хозяйством без ден-знаков, и потому для меня не только телеграмма, но и заказное письмо – расход немыслимый.

Изящество, роскошь и широта Вашего издательского размаха меня приятно удивили. Значит, не все частные издательства прогорают после краха Госыздата! как мне пишут из СПБ.[7]

Очень хочу узнать о судьбе «Иверней».[8] Я ведь до сих пор не знаю, ни в каком количестве они были изданы, имеются ли еще в продаже и т.д.

Максимилиан Волошин.

В случае, если мои измененные условия Вам не подходят, то все же известите меня письмом.

Об оплате статьи и монографии условьтесь окончательно с Вересаевым: как он решит – пусть так и будет – я вполне доверяю его решению. А о таковом – сообщите.

Принимая в расчет ожидание ответа от Вас и Сарьяна, время на поездку и на написание статьи, – смогу Вам ее доставить в течение февраля, а монографию – в мае.

3/XII 1923. *Самое важное.*

Не успел еще найти оказии, чтобы отправить письмо. И к счастью, т<ак> к<ак> для меня выяснились новые подробности путешествия. Зная, что Эривань место южное и находится у самого Арарата, я предполагал, что попаду в теплый климат. Но она, оказывается, расположена на Армянском плоскогорье на 1000 метров в<ыше> уров<ня> моря, и сейчас там снег, вьюги, мятели, морозы (до –25° по Реом<юру>) и т.д. У меня же из теплых вещей всего-навсего и есть, что английская солдат<ская> шинель да американская фуфайка. С этим на Армянском плоскогорьи замерзнешь. А я только что начал оправляться от моей большой болезни (8 месяцев пластом – 2 года на костылях, потом палках – «артрито-ревматизм»). Вы там в Москве уже позабыли об нищете – а мы в Крыму только-только выскочили из голода, людоедства, усобицы, терроров, когда все, что не было реквизировано из вещей, то продано. Нет, мне в декабре месяце при состоянии моего гардероба ехать на Арарат не приходится. А если еще прибавить черноморские норд-осты (как раз их время), да поезда, отходящие раз в неделю и не согласующиеся ни с пароходами, ни с другими поездами, то все это, несмотря на мое доброе желание написать о Сарьяне и повидать его, увы! невозможно.

Хотите все это предприятие отложить на после Москвы – на апрель месяц? – поеду с удовольствием и статью пришлю в мае. А монографию в июне.

Невозможно по условиям выхода номера? – посылайте кого-нибудь из Москвы: там у всех и шубы есть, и проехать хоть и дольше, да проще ж<елезными> дорогами.

Очень это мне досадно, тем более, что Сарьяна очень люблю и не думаю, чтобы кто-нибудь об нем напишет лучше меня. Но делать нечего. Для меня сейчас в декабре это путешествие не по физическим силам. У меня есть опыт такого путешествия по плоскогорьям Старой Кастилии в 1915 году в ноябре месяце и на plato менее высоко расположенных, чем Эривань.

Первую половину моего письма, теряющую смысл теперь, все же посылаю Вам «à titre de document»,* а Сарьяну напишу[9] и перешлю Ваше письмо.

Максимилиан Волошин.

P.S. С громадною жадностью рассматриваю №№ «Русского Искусства» и читаю статьи статьи по большею частью очень хорошие и новости для меня захватывающие.

Очень только меня неприятно поразила своим невежеством статья О. Мандельштама «Vulgata». Не своим содержанием – я с ним отчасти согласен, но заглавием «Vulgata» и фразой: «Давайте нам Вульгату, не хотим латинской Библии».[10] Неужели Мандельштам – филолог, ритор и латинист – настолько невежествен, что не знает, что «Vulgat'ой» называется именно *латинский* перевод Библии, сделанный Св. Иеронимом с еврейского я<зыка>. И никакой другой. Позор!!! И еще ставит это имя заглавием статьи, наивно предполагая, что «Vulgata» – это переводы с латинского на национальные языки, судя по смыслу статьи. Редакция за такое невежество авторов (объяснить его lapsus'ом никак нельзя!) ответственна, т<ак> к<ак> оно компрометирует «культурность» всего издания. А все говорит в нем о том, что Вы хотите

* «В качестве документа» *(фр.)*.

сериозно быть «на высоте» подлинной культуры. Примите это как дружеское предостережение и постарайтесь как-нибудь замазать, пока на это не обратили внимание в печати.

[1] Имеются в виду книга С. Абрамова «Зеленый зов» (М.; Пб.: Творчество, 1922), а также номера художественного журнала «Русское искусство» (1923. № 1, 2/3), «Живопись Кончаловского» П.П. Муратова (М., 1923) и другие издания, выпущенные в свет московским издательством «Творчество», руководимым С.А. Абрамовым.

[2] Предполагаемая поездка – с целью подготовки анонсированной Абрамовым как готовящейся к печати в издательстве «Творчество» монографии Волошина о М. Сарьяне. 23 ноября 1923 г. Абрамов писал Волошину: «Вас, М.А., я хочу просить написать мне статью о творчестве Сарьяна для № 4 журнала (в нем будут представлены – Сарьян и Машков) и эту же статью использовать как канву для монографии о художнике. Статья для журнала нужна в размере от ½ листа до ¾, а для монографии – с прибавлением некоторых биографических дат – в размере 1 с ½ до 2 максимум. Думаю, что эту работу исполнить Вы на себя охотно возьмете, но для свежего впечатления, для представления о Сарьяне – сыне новой его родины – Армении, о творчестве его "сегодня" и проч. и проч., я хочу Вам предоставить возможность съездить к нему на родину – в Эривань, откуда Вы прямо и приедете в Москву, куда так давно собираетесь, где Вас так давно ждут и где все же мы Вас так давно не видели. Итак – хочу я Вас просить морем чрез Батум поехать в Эривань и оттуда прямо чрез Тифлис в Москву. Нужные деньги на дорогу я Вам переведу телеграфно <...> У Сарьяна Вы должны будете ознакомиться со всем его "новым" творчеством, получить для доставки в Москву все снимки-фотографии со всех последних картин, которые войдут в книгу однотонными воспроизведениями, и оригиналов 8–10 тех *"красочных"* произведений, которые желательно воспроизвести в красках» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 157).

[3] Книга М.С. Шагинян (см. примеч. 1 к п. 278).

[4] См. п. 282.

[5] Статья Волошина «М.С. Сарьян», опубликованная в журнале «Аполлон» в 1913 г. (№ 9). См.: Т. 5 наст. изд. С. 149–163.

[6] Письмо С.А. Абрамова к Сарьяну нам неизвестно.

[7] Подразумевается письмо К.И. Чуковского от 17 октября 1923 г. (см. примеч. 6 к п. 275).

[8] См. примеч. 10 к п. 6.

[9] Это письмо Волошина к М.С. Сарьяну не выявлено.

[10] Цитируется статья О. Мандельштама «“Vulgata” (Заметки о поэзии)» (Русское искусство. 1923. № 2/3. С. 68–70). При включении статьи в свой сборник «О поэзии» (Л.: Academia, 1928) Мандельштам переработал ее текст и устранил допущенную ошибку. См.: *Мандельштам Осип.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: Прогресс – Плеяда, 2010. Т. 2. С. 140–143, 527 (комментарий А.Г. Меца). При встрече с Волошиным в Москве 13 мая 1924 г. (Труды и дни-2. С. 224) Мандельштам, однако, укорил его за это обращение к Абрамову (Волошин цитирует его слова: «Но нельзя же, Максимилиан Александрович, так нарушать интересы Корпорации, ведь все-таки наши интересы – поэтов – равнодейственны, а редакторы – наши враги. Нельзя же было Абрамову выдавать меня в случае “Vulgata”. Ведь эти подробности только Вы знаете, а публика и не заметит» // Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 427–428).

282. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

3 декабря 1923 г. Коктебель

3/XII 1923.
Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

издательство «Творчество» предлагает мне съездить в Эривань к художн<ику> Сарьяну, для того чтобы написать о нем статью для журнала и текст для монографии – всего около 2–2½ печат<ных> листов.[1] Т<ак> к<ак> я совершенно не имею понятия о современных ставках на статьи, то очень прошу Вас договориться с издат<еле>м С.А. Абрамовым за меня об оплате этих статей (на золотой рубль). Путевые расходы мне оплачиваются отдельно. Но надо учесть и то, что эта поездка почти на месяц (25 дней) оторвет меня от моей личной работы. Простите, что беспокою Вас этим. Назначьте ту сумму, которую бы Вы назначили для себя, и сообщите ее и издательству и мне.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 2 к п. 281.

283. А.Л., П.Ф., Н.П., И.П. и Л.П. ДОМРАЧЕВЫМ

12 декабря 1923 г. Коктебель

Мои милые Александра Лаврентьевна, Петр Феодорович, Надя, Ирка и Ленька! шлю Вам привет от всего сердца и желанье снова видеть всех Вас в Коктебеле.[1] А в Харькове?[2] Про это ничего не известно, т<ак> к<ак> на севере идут издательские крахи и полный застой всех книжных и литературных дел. При этих условиях поездка не только бессмысленна, но и невозможна. За это лето полюбил Вас всех как близких и родных и очень хотел бы повидать Вас в Вашем собственном гнезде и обстановке.

Начал себя чувствовать физически значительно лучше: ношу воду на коромысле и делаю перекопку сада — это большое завоевание для меня и радость.

Невозможность ехать на север не очень огорчает меня — так хорошо в Коктебеле: каждый день таит в себе какую-то новую радость. До самых последних дней была теплынь и тишина. Сегодня первый северный ветер подул. Возможно, что и до нас дошла зима.

До свиданья. Привет Валере[3] — единственному члену семьи, мне еще неизвестному. Крепко всех обнимаю.

Максимилиан Волошин.

12/XII 1923.

[1] Семейство Домрачевых (А.Л. Домрачева и двое детей-близнецов), дружившее с М.С. Заболоцкой, гостило в Коктебеле летом 1923 г.

[2] Предполагалось, что по пути в Москву Волошин и М.С. Заболоцкая остановятся у Домрачевых в Харькове. П.Ф. Домрачев писал им 3 декабря 1923 г.: «Мы так обрадовались, получив Вашу весть о том, что Вы едете именно к нам; не только не может быть речи о противоположном, но мы рады изо всех сил, и ждем Вас скорее, скорее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 512, л. 1).

[3] Валерий Петрович Домрачев (1903–1959), старший сын П.Ф. и А.Л. Домрачевых, инженер-сантехник.

284. Н.П. ДОМРАЧЕВОЙ

12 декабря 1923 г. Коктебель

Милая Надя, очень большая просьба к Вам: пожалуйста, зайдите в Международн<ый> Комитет Помощи Голодающим и получите там по прилагаемой повестке за № 31028 Нансеновскую посылку на мое имя.[1] Я уже полгода, как не могу ее добиться у них. Это уже третье извещение, и я каждый раз посылал им требование выслать мне посылку в Феодосию и всё тщетно.

Было бы, конечно, еще лучше, если бы у них можно было бы добиться, чтобы они мне ее прямо выслали по почте в Феодосию. Если есть выбор в содержимом посылки — то мне совсем не надо муки и соли, но очень нужно сахару и чаю. Очень извиняюсь за беспокойство.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 4 к п. 214.

285. К.В. КАНДАУРОВУ

21 декабря 1923 г. Коктебель

21.XII.1923. Коктебель. Почт<овый> адр<ес>:
Феодосия. Д<ом> Айвазовского.

Дорогой Константин Васильевич,

вместе с этим письмом посылаю тебе мою племянницу: *Тамару Шмелеву*[1] и очень прошу тебя:

1) Дай ей приют на неделю, на две, если у тебя найдется место, пока она не устроится.[2]

2) Она живет, мыслит, бредит танцами и едет в Москву учиться. Она много работала в Ялте, где родилась (у Фроман училась 7 месяцев).[3] Мне она кажется очень талантливой — и ее недостаток (глухота) поэтому кажется в ней не ущербом, а усилением ее творчества (дает сосредоточенность). Пожа-

луйста, познакомь ее с Маргаритой Павловной и помоги ей всячески попасть в хорошую школу. Чтобы Маргарита Кандаурова ее посмотрела, направила, посоветовала. Познакомь ее с балетным миром вообще.

Я сам дважды был уже на отъезде в Москву за этот год. На Пасху меня остановила очень тяжелая болезнь Маруси.[4] А теперь дурные вести о литературных делах: издательства лопаются, книги не издаются, цензура усиливается. И я, уже собравшись, снова отложил свой отъезд: не время мне сейчас демонстрироваться с моими стихами.

На Рождество минет год со смерти мамы. Этот год прошел необычайно полно духовно и творчески. В лице Маруси я нашел истинного друга и сотрудника, о котором только мечтал: человека очень действенного, жизненного и героического. Наш дом мы обратили в бесплатный приют для художников и писателей. За этот год у нас гостило 200 челов<ек>. Очень я ждал тебя. Неуж<ел>и и будущим летом не приедешь? Направляй ко мне художников, которым надо подешевле устроиться в Крыму. Крепко тебя обнимаю, целую, люблю, жажду видеть. Пожалуйста, позаботься о Тамаре.

МАХ.

[1] Т.В. Шмелева выехала из Коктебеля в Феодосию и далее через Харьков в Москву 1 января 1924 г. (Труды и дни-2. С. 209).

[2] Т. Шмелева приехала в Москву 26 января 1924 г. в квартиру В.В. Вересаева (*Там же*. С. 210). Эта поездка описана в ее воспоминаниях «Навечно в памяти и жизни»: «в Москву я приехала в ночь на 26 января, накануне похорон Ленина <...> Викентий Викентьевич берет у меня письма Макса, чтобы самому разнести их по адресатам. Я ведь Москву совсем не знаю. К тому же надо как можно скорее передать бумаги Иосифа Викторовича <Зелинского. – *Ред.*> Вере Фигнер, а она больна» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 483–484).

[3] Балерина и педагог Маргарита Петровна Фроман (1890–1970) эмигрировала в 1921 г.

[4] О болезни М.С. Заболоцкой см. примеч. 2 к п. 256.

286. В.Я. ЭФРОН

22 декабря 1923 г. Коктебель

22/XII 1923. Почт<овый> адр<ес:>
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Вера,

это моя племянница Тамара Шмелева.

Полюби, приюти, позаботься о ней в Москве. Когда мы все жили в Коктебеле, она еще была маленькой и жила в Ялте, и с детства мечтала о Коктебеле, куда сознательно попала только этим летом уже после смерти Пра.[1] Ее мать – моя кузина – Люба Лямина – мы с ней росли. Отец ее расстрелян в 1920 г.[2] Она глухая. Вся жизнь ее в танце. Она очень одарена. И глухота ее углубляет ее творчество. Она уже много работала. В Москву приехала учиться.[3] В ней есть большая строгость к себе и вкус к технике. Душою еще совсем дитя.

Лето было в Коктебеле прекрасно. Напоминало (бледно) наши первые (обормотские).[4] Я принимал всех как гостей. Платы не брал. За 6 месяцев перегостило около 200 челов<ек>. Отчего не приехала Твоя сестра Нютя? Она мне писала, и я ее очень ждал и весною и осенью.[5] Инна[6] тоже обманула.

Радостно было, как все люди, попадавшие в Коктебель, перерождались и оживали. Почти все уезжали со слезами. Неужели ни ты, ни Лиля[7] не приедете больше в Коктебель? Я все время тебя жду, Вера.

Получил письмо от Сережи.[8] Очень грустное и одинокое. Почему – не пишет. В письме ни одного слова ни о Марине, ни об Але.[9]

Пишешь ли ты ему, Вера?

Крепко тебя обнимаю и целую и очень прошу: приласкай Тамару.

МАХ.

[1] Т.В. Шмелева и ее младший брат Виктор прибыли в Коктебель из Ялты на пароходе 10 июня 1923 г. и прожили в доме Волошина до 22 сентября (Труды и дни-2. С. 187, 196).

[2] Владимир Васильевич Шмелев (ок. 1873–1920) – мировой судья, муж Л.С. Ляминой (с 1902 г.).

[3] См. примеч. 2 к п. 285.

[4] Т.е. летние месяцы 1911 г. (и последующих лет), когда вокруг Волошина сложилось шуточное содружество «обормотов», к которому принадлежала и В. Эфрон).

[5] А.Я. Трупчинская. См. п. 253.

[6] И.В. Быстренина.

[7] Е.Я. Эфрон.

[8] С.Я. Эфрон. Его письмо к Волошину из Праги от 31 октября 1923 г. начиналось словами: «Мой дорогой Макс, – твое письмо пришло в очень черную для меня минуту (м<ожет> б<ыть>, чернее у меня в жизни не было <...>» (*Цветаева Марина.* Неизданное: Семья. История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 304–305).

[9] М.И. Цветаева и А.С. Эфрон.

287. Е.Я. ЭФРОН

22 декабря 1923 г. Коктебель

22/ XII 1923. Почт<овый> адр<ес:>
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Лиля,

вот Тамара Шмелева. Она моя племянница. Дочь моей кузины Л. Ляминой. Отец ее расстрелян.[1] Она глухая. Вся ее жизнь в танце. Она приехала в Москву учиться.[2] Она еще совсем дитя.

Прими ее в свое сердце. Позаботься о ее судьбе. Приюти – если понадобится. Познакомь ее с танцовщицами. Пусть она потанцует тебе восточные танцы. Помоги ей, чтобы она попала к лучшим ушным врачам: ее глухота не безнадежна, как последствие кори.

Прими ее как родную. Она стоит этого. Она очень хорошая и подлинно одаренная. Она глубоко проникласъ Коктебелем и его духом. Мечтала о нем всю жизнь и провела это лето. Она расскажет тебе обо мне и о строе дома. Когда же ты и Вера[3] снова приедете ко мне?

А я не имею надежды приехать... Весной меня задержала опасная болезни Маруси.[4] Сейчас (я собирался к Рож<д>еству) люди знающие не советуют мне приезжать: литературный кризис, цензура, мои стихи ...

Крепко обнимаю тебя. Привет Василисе Ал<екса>ндровне и ее мужу.[5] Может, он, как врач, направит Тамару куда следует?

MAX.

[1] См. примеч. 2 к п. 286.

[2] См. примеч. 2 к п. 285.

[3] В.Я. Эфрон.

[4] О болезни М.С. Заболоцкой см. примеч. 2 к п. 256.

[5] В.А. Серейская (урожд. Жуковская) и Марк Яковлевич Серейский (1885–1957), врач-психиатр, педагог.

288. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

22 декабря 1923 г. Коктебель

22/XII 1923. Почт<овый> адр<ес:>
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Викентий Викентьевич,

спасибо за письмо.[1] Оно решило мои колебания: я воздержусь от поездки в Москву. Это мне не очень трудно, т<ак> к<ак> мне никогда не хочется покидать Коктебеля и своего дома. И другие письма, что я имел это время, тоже не очень меня соблазняли на поездку. А кстати мне не хочется прерывать и работы.

Это письмо передаст Вам моя племянница Тамара Шмелева. Она дочь моей кузины. Отец ее расстрелян. Она глухая и танцовщица. Мария Гермогеновна ее знает по Коктебелю.[2]

Относительно ее у меня к Вам две просьбы:

1) Посоветуйте ей, какому ушному врачу можно довериться в Москве (у нее последствия кори).

2) Из тех денег, что Вам должен передать для меня Глеб Алексеев, удержите часть у себя (ну хоть ⅓ – т<ак> к<ак> для меня тоже неведома та цифра, что он мне должен уплатить), остальное же перешлите мне.[3]

А из оставленной суммы откройте, пожалуйста, кредит Тамаре, которую я попрошу в крайних положениях обращаться к Вам. Это ее первое путешествие. Она дитя, и давать ей на руки деньги – опасно.

Это не очень стеснит Вас?

О книгах, изданных Алексеевым...[4] Переизданию «Демон<ов> Глухонемых» я рад, и хотя обложка непристойна, но шрифт и бумага вполне приличны.

Но другая книга, которая так и не дошла до меня, повергает меня в ужас. Они предлагали мне издать книгу случайных стихов, имеющихся в рукописях за границей.[5] Я не возражал, предполагая, что это будут стихи из «Неопалимой Купины». Но, к моему ужасу, я узнал, что они взяли оттуда цикл «Усобица» и почти целиком «Путями Каина» и, напечатав в одной книжке, озаглавили всё «Стихами о терроре». Этот идиотизм повергает меня в исступление!! Вина здесь не издательства, и не Татиды, которая из кожи лезла, чтобы устроить для меня эти издания, а проф<ессора> Ященка, которого я просил, как старого школьного товарища, заняться моими делами и упорядочить самовольное печатание моих стихов за границей. Вот те и упорядочил!

Кстати, если Алексеев еще в Москве, сообщите ему, пожалуйста, что я никаких авторских экземпляров не получал и очень жажду получить. Особливо хочу повидать эту нелепую книжицу с авто-провокационным именем.

Мне Ильин-Женевский писал, что Вы ему говорили, что будто бы Каменев любит мои стихи и хорошо ко мне относится.[6] Так ли это? и в какой мере? Спрашиваю на всякий случай, если придется апеллировать к центру по здешним делам.

Татида, которая сейчас в Берлине, просит меня ходатайствовать перед Вами о том, чтобы Вы помогли ей вернуться в Россию (т.е. получить советский паспорт).[7]

Не знаю, в Ваших ли это возможностях, Викентий Викентьевич, но присоединяюсь к этой просьбе. Полити-

чески она ничем не запятнана. Выехала при белых, не при общей эвакуации, а при отправке польских подданных на родину (она родилась в Варшаве). Так что она ни в коей мере не эмигрантка и ни на какой службе у белых не была. Положение русских в Берлине сейчас нестерпимое. В Париж ей ехать не рука. Путь в Россию не открыт. Она, вероятно, сама будет Вам писать об этом. Ее полное имя Татьяна Давыдовна Цемах.

Хотел я тоже спросить Вашего совета: к какому бы учреждению посоветовали бы Вы мне обратиться за *патронажем* для мое<го> Дома Отдыха для писателей и художников. Чтобы с одной стороны защищать его от местных властей и налогов, с другой же не попасть в лапы самого этого учреждения и не быть им же слопанным. Словом, я хотел бы чисто формальной, бумажной связи, которая бы оставила меня единоличным хозяином этого дела. Знаете, что за лето у меня жило *200 человек*!! Предыдущие цифры были неполны. Я счел всех, кто провел больше одной ночи у меня под кровом. Это ведь не мало! До свиданья! Спасибо за все. Привет Марии Гермогеновне и Зинаиде Ивановне.[8]

Максимилиан Волошин.

Викентий Викентьевич! Не могли ли бы Вы узнать, каковы судьбы моей книги «Selva Oscura» в Гос<ударственном> Издате<льстве> (я знаю, что она уже давно набрана) и монографии о Сурикове.[9] Есть ли у них шансы увидеть свет?

[1] Письмо В.В. Вересаева от 6 декабря 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 30–31 об.), содержащее общую оценку положения дел в литературе (см. примеч. 1 к п. 275).

[2] М.Г. Смидович. 15 декабря 1923 г. Е.С. Лямина писала Волошину о Тамаре Шмелевой: «...надо постараться и дать ей возможность уехать в Москву. Ведь подумай, что значит потерять в танцах целый год! Не говорю уже про уши» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 803, л. 51–51 об.).

[3] В письме от 6 декабря Вересаев сообщал Волошину: «Вчера получил письмо от Татиды из Берлина, – поручает мне получить для Вас гонорар от Глеба Алексеева, представителя Берлинского Книг<оиздательст>ва Писателей, находящегося сейчас в Москве. Издательство выпустило две Ваших книги (за границей) – “Демоны

глухонемые" и "Тер<рор>". По-видимому, дала им Татида. Сегодня видел Алексеева, — он сказал, что через десять дней заплатит за обе книги, если сможет, то даже целиком всё, как если бы оба издания уже разошлись целиком. Но на мои настойчивые вопросы, какую же сумму, хоть приблизительно, вы получите, он ответить отказался, и только сказал: "Конечно, не такую, чтоб на нее можно было прожить в Москве"».

[4] В Книгоиздательстве писателей в Берлине книга Волошина «Стихи о терроре» (включающая циклы «Усобица» в составе 10 стихотворений и «Путями Каина» в составе 13 стихотворений) вышла в свет во второй половине июня 1923 г., второе издание его книги «Демоны глухонемые» — в конце сентября 1923 г.

[5] Т.Д. Цемах писала Волошину в недатированном письме (февраль — март 1923 г.): «Хочешь ли ты переиздать "Демонов Глухонемых"? <...> Непременно пришли еще стихов. Один издатель просил, чтобы ты прислал для издания твою последнюю книгу стихов, еще не напечатанных». В следующем письме, от 15 апреля, она сообщала: «Ты писал, что ничего не имеешь против, если стихи будут печататься не целыми циклами, а по отдельности. Издатель, который просил меня написать тебе относительно стихов, хочет издать небольшую книжку, в которой будут помещены избранные стихи из разных циклов. Я думаю, что это будет интересно, и что ты ничего не имеешь против. Во всяком случае ты можешь быть спокоен: я ничего не предприму, не посоветовавшись с Ященко». И два месяца спустя, в письме от 21 июня, Цемах извещала Волошина о дальнейшем развитии событий и о цикле «Путями Каина»: «...эта вещь скоро выйдет из печати. Она будет напечатана вместе со стихами о терроре, присланными тобою Ященко, в одной небольшой книжке под заглавием: "Стихи о терроре". Там будет написано, что это из цикла такого-то, и все, что надо. Дело в том, что прежний издатель отказался от условий, назначенных ему Ященко, и я нашла другого. <...> Это "Издательство писателей в Берлине", очень богатое, но довольно безвкусное» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 27 об., 28 об., 30).

[6] Речь идет о письме А.Ф. Ильина-Женевского от 2 декабря 1923 г., передававшего Волошину различные московские новости и, в частности, содержание своей беседы с Вересаевым: «В первый же день своего приезда был у Вересаева. Передал ему письмо <п. 275. — *Ред.*> и сообщил о Ваших сомнениях насчет приезда в столичные центры. Он оказался в большом затруднении, какой совет Вам дать. По-видимому, скорей всего на Ваш вопрос, стоит ли приезжать, он даст отрицательный ответ. По его словам, издать что-либо сейчас в Москве чрезвычайно трудно. Недавно пришлось даже закрыть много

времени существовавшее книгоиздательство писателей. Кроме того, за последнее время цензура стала значительно строже, чем была несколько времени тому назад. Вересаев высказал сожаление, что Вы не приехали весной. Тогда гораздо легче было издать Ваши книги и в цензурном и в материальном отношении.

Стихотворение Ваше, которое Вы прислали со мною, равно как и целый ряд других Ваших стихотворений, по мнению Вересаева погрешают против цензуры.

Теперь относительно Ваших лекций здесь. Конечно, интереснее всего было бы устройство чтения Вами своих стихов. Это собрало бы наибольшее количество публики и имело бы несомненный успех. Однако и здесь, по мнению Вересаева, встают цензурные затруднения, т<ак> к<ак> все стихи, предполагаемые Вами к публичному чтению, должны быть предварительно представлены Вами на цензурный просмотр. Таковы те довольно мрачные перспективы, которые рисуются Вересаеву в связи с Вашим приездом сюда. Однако есть и более светлые обстоятельства. Так, по сообщению Вересаева, Зампредсовнаркома и Председ<атель> Московского Совета Лев Борисович Каменев является большим поклонником Вашей поэзии. Если это так, то его влияние может преодолеть все цензурные и материальные затруднения. Вересаев советует Вам написать ему и уверен, что он не только тепло и сердечно откликнется на Ваше письмо, но и постарается прийти Вам на помощь. Со своей стороны я полагаю, что и не один Каменев из власть имущих может оказаться здесь Вашим неожиданным другом.

Таковы соображения Вересаева, которые он несомненно подробнее и обстоятельнее изложит в своем письме к Вам. Ответить же Вам он обещал немедленно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 598).

[7] См. примеч. 3 к п. 262. 15 ноября 1923 г. Цемах писала Волошину: «В Берлине оставаться нельзя. Страшная дороговизна. Все разъехались. Мне очень бы хотелось в Париж. <...> Но у меня там ничего не предвидится, а ехать на авось не могу теперь <...>. Остается Россия. У меня уже давно есть тяга туда, но не было импульса. Все мои знакомые теперь в Москве. Я очень прошу тебя, Макс, помоги мне, когда будешь в Москве, добыть советский паспорт. У тебя наверное большие связи. Попроси Вересаевых за меня. Я здесь хлопочу, но этого недостаточно. <...> Вся надежда на тебя и Вересаева. Может быть, он может устроить меня и по бактериологии» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1259, л. 37 об.).

[8] З.И. Смидович.

[9] См. примеч. 15 к п. 232.

289. Л.З. КАМЕНСКОМУ

23 декабря 1923 г. Коктебель

23 XII 1923. Почт<овый> адр<ес>:
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Леонид Захарович,

это письмо Вам передаст моя племянница Тамара Шмелева, которую Вы мельком видели в Коктебеле. Она глухая. Танцовщица по призванию. Очень одаренная. В Москву едет учиться. Т<ак> к<ак> очень возможно , что именно в силу ее глухоты ей трудно будет попасть в государ<ственную> школу, очень прошу Вас помочь ей своими связями и влиянием (если это понадобится). Во всяком случае обращаться к Вам за советом в трудных случаях.

Мой приезд опять не осуществился. Мне пишут со всех сторон, что издат<ельские> литерат<урные> дела так плохи, что ни на какой заработок рассчитывать нельзя, что цензура очень тяжка и может запретить даже публичные выступления. Сейчас пропускается только то, что соответствует марксистской идеологии. А так как мне и Вересаев ответил в том же духе,[1] то предпочитаю повременить и приехать, когда эта волна спадет. Тем более, что не хочется сейчас оставлять мой письменный стол с рукописями, уютную и уединенную комнату, и Коктебель, с сегодняшнего дня засыпанный снегом.

Долгополов (юрист-консульт Исполкома, а теперь, кажется, Крым<ского> Совнаркома) меня известил, что они с Гончаровым мое дело проведут (об освобождении дома от налогов).[2] Но до сих пор оно еще не рассматривалось в Крым-В.Ц.И.К'е. Меня пока местные власти не тревожат, и все благополучно, но совсем недавно (месяца 1½ назад) я, как узнал только теперь, только благодаря счастливой случайности избежал ареста и т.д. Как-то здесь вся «охрана побережья» с ее начальством перепилась молодым вином, палила из винтовок, бродила по берегу, скандалила. Кто-то подсунул их начальству ругательную заметку обо мне Сосновского в «Правде»,[3] и они решили меня посадить «вшей кормить». На

мое счастье, у меня тогда жил мой старый приятель И. Кондурушкин, сейчас Прокурор Республики по полит<ическим> делам, если не ошибаюсь.[4] Он пошел выяснить, что за скандалы там. Инспектор стражи приказал его арестовать самого. Представляете, что с ними сталось, когда они увидали его бумаги. Это и меня спасло. Но он сам мне ничего даже и не рассказал об услуге, что оказал мне. На днях я совершенно случайно узнал со стороны все эти подробности. В тот же момент был осведомлен только об их пьяных разговорах обо мне. Но все хорошо, что хорошо кончается: это неизбежная дань пребыванию «на лоне природы» вдали от центра.

Крепко жму руку. Что София Абрамовна?[5] Приветствую ее.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 1 к п. 275.

[2] Среди писем М.И. Долгополова, хранящихся в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 509) письма соответствующего содержания не имеется; видимо, сообщение было передано устно или через посредника.

[3] См. примеч. 1 к п. 261, примеч. 7 к п. 272.

[4] См. примеч. 5 к п. 275.

[5] С.А. Левандовская.

290. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

23 декабря 1923 г. Коктебель

23/XII 1923 .
Коктебель

Почт<овый> адр<ес>: Феодосия,
д<ом> Айвазовского.

Дорогой Саша,

трудно сейчас поддерживать «оживленную» переписку. Я отвечаю тебе ровно год спустя после получения твоего письма.[1] И опять-таки с оказией (на марки нет денег). Это письмо тебе передаст моя племянница Тамара Шмелева (дочь Любы Ляминой, моей кузины – помнишь ее?) Она глухая. (Говори погромче!). Танцовщица.

Вот причины: 8 янв<аря> 1923 умерла моя мать. На Пасху я собирался в Москву (задержала снова болезнь моих близких[2]). Летом превратил свой дом в бесплатный дом отдыха для писателей, художников и ученых (за ½ года у меня перебывало 200 человек), теперь к Рождеству я собирался снова в Москву, но вести о невозможности литературного заработка и цензурных стеснениях заставили меня вновь отложить мой приезд. Эта с месяца на месяц отодвигаемая поездка, а летом перегруженность людьми и беседами, и помешали нашей переписке. За это время мне очень часто приходилось слышать твое имя в различных литературных и поэтических комбинациях, а также и в различных склонениях, но всегда цитируемое с уважением, как авторитет, что меня всегда радовало.

Этот год я провел очень мирно — сравнительно с предыдущими, — в стенах своей мастерской, в сосредоточенной литературной и живописной работе и в беседах с приезжими. В первый раз за эти годы я увидал новые книги, издания, журналы и людей литературного мира.

В современности меня больше всего интересует «исторический процесс». «Политику», к которой и раньше относился отрицательно, теперь ненавижу — как крикливую и кровавую бессмыслицу, отвлекающую внимание от главного.

В «большевизме» меня больше всего поражает его национальный характер. Он по-новому освещает многое в прошлой русс<кой> истории. Коммунизм (только не в современных и не в государственных формах) мне близок. И свою частную жизнь я стараюсь построить в этом порядке. Но при современном строе это очень трудно (местные власти про меня говорят: «Ишь буржуй: комнаты *даром* сдает — нашей власти признавать не хочет»). Моя формула: Собственность только то, что мы дарим. Мы рабы всех вещей, которых не можем отдать.[3] Государственность мне ненавистна, хотя и неизбежна. Это монополия зла. Это выгодно. Но для общественной пользы она должна быть очищена от лицемерных моральных украшений. Социализм = энтропия. Следовательно, явление крайне реакционное. От марксизма и экономического материализма мои мозги просто тошнит.

По Вл. Соловьеву, поколение нигилистов мыслило таким силлогизмом: «Человек произошел от обезьяны... *поэтому*: нет больше любви, аще кто душу свою положит за други своя».[4]

Теперешнее мышление нисколько не изменилось, и его можно формулировать так: «Нет иных законов развития кроме железных законов экономики, формулированных Карлом Марксом... *поэтому* Россия должна стать во главе мировой социальной революции». Поэтому и мне «большевизм» особенно близок своей «славянофильской сущностью» и церковной политикой, которая одна спасает православную церковь от окончательного распада.

После «Демонов Глухонемых» я написал еще 2 книги стихов – «I. Неопалимая Купина», в которую «Демоны» войдут как составная часть,[5] и «II. Путями Каина», книга, которая находится еще в работе. Отдельные главы ее были напечатаны в «Красной Нови» и в Альманахе «Недра» (II кн.).[6] А «Неопалимая Купина» почти вся нецензурна.

«Путями Каина» – это цикл стихов, касающийся материальной культуры человечества. Россия и Рус<ская> Революция> затронуты в ней только стороной. Но там я формулирую почти все мои социальные идеи, большею частью отрицательные. Общий тон – иронический. Оттуда тоже многое нецензурно. Последняя написанная летом глава: «Космос» – эволюция космогоний от Каббалы до «теории Относительности» (вернее, до новой физики). Весь этот круг мыслей, обычно не затрагиваемых поэзией, поэтому приходится идти совершенно непротоптанными дорогами, и не знаю, что удалось формулировать, что нет.

Мое уединение в Коктебеле не тяготит, а радует. Мне чудом удалось сохранить мою библиотеку и мастерскую. И думаю, что моя жизнь здесь значительно полнее, чем могла бы быть в Москве.

То, что стихов своих я не могу печатать теперь, тоже меня не печалит: для них время еще придет и, б<ыть> м<ожет>, при советской же власти. Но часто не хватает зеркала для того, чтобы посмотреть на них со стороны. А это часто необходимо в процессе работы. Мне иногда необходимо видеть, как они

отражаются в понимании и восприятии современников. Поэтому – если тебе, как ты пишешь, приходится их читать в разнообразных аудиториях, напиши мне подробно, какое и на кого они производят впечатление. Это мне не только любопытно, но и важно. Твое же личное мнение мне важно само по себе, *особенно о «Путях Каина»*.

Тамара, что передаст тебе это письмо, не может ли послужить тебе вместо телефона для записыванья речей – к ней обращенных? Если ты еще занимаешься записями. С ней надо говорить повышенно громко, и разговор естественне<е>, чем в телефон.

В каких областях *поэтики* ты работал эти годы?[7] К сожалению, до меня ничего не доходило из изданий по этим вопросам, а их, кажется, было много. Очень сожалею об этом.

Юрия Андреевича[8] я этим летом не видал, когда он приезжал в Феодосию: ни разу не был в городе.

Он в СПб, но хотел бы оттуда уехать, т<ак> к<ак> не в силах уже выносить того количества работы, что необходимо для существования там. Адрес его: СПб. Манежный 16, кв. 57.

Напиши мне подробнее о своем здоровьи: почему и в чем оно так пошатнулось.[9]

Я тоже себя чувствую стариком благодаря постоянным болям в спине, пояснице, во всех суставах (полиартрит). Наследие террора и голода. Последнее время стало мне не то чтобы лучше, но просто начинаю привыкать быть больным. Но это хорошая школа («А чтоб души наши не угасли, // Бог тебя (тело) болезнями украсил»[10]).

То, что мы с тобой родились очень удачно, – вполне с тобой согласен. Но помирать еще рано. Быть же готовым надо каждую минуту. Крепко тебя обнимаю и целую.

МАХ.

P.S. Тамара даст тебе переписать и «Неопалимую Купину» и «Путями Каина» – кроме напечатанных глав («Красная Новь», май 1922 и «Недра», кн. II). К сожалению, у меня нет отдельн<ого> экземпляра послать тебе. А Тамаре дан специальный для переписывания.

[1] Имеется в виду письмо А.М. Пешковского от 1 января 1923 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[2] Подразумевается болезнь М.С. Заболоцкой.

[3] Ср. фрагмент из 6-й части стихотворения «Бунтовщик» (25 января 1923 г.): «То собственность, / Что можно подарить: / Вы отдали – и этим вы богаты, / Но вы – рабы всего, что жаль отдать» (Т. 2 наст. изд. С. 37).

[4] Ин. XV, 13: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Слова Вл. Соловьева в изложении Волошина восходят к соловьевскому «Письму к редактору. О заслуге В.В. Лесевича для философского образования в России» (Вопросы Философии и Психологии. 1890. Кн. 1(5). С. 117–123): «...когда приверженец нового катехизиса выступал с такого рода заявлением: “нет ничего кроме материи и силы; борьба за существование произвела сначала птеродактилей, а потом плешивую обезьяну, из которой выродились и люди: итак, всякий да полагает душу свою за други своя”, то насчет строгой правильности этого последнего вывода также могли возникать справедливые сомнения» (*Соловьев Вл. С.* Собр. соч. 2-е изд. / Под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. СПб.: Просвещение, <1911–1914>. Т. 6. С. 271). Источник указан Н.В. Котрелевым.

[5] Композиция «Демонов глухонемых» в книге «Неопалимая Купина» не была сохранена; стихотворения из «Демонов глухонемых» в основном рассредоточены в «Неопалимой Купине» по двум разделам – «II. Пламена Парижа» и «III. Пути России», поэма «Протопоп Аввакум» выделена в раздел IV, стихотворения «Молитва о городе» и «Видение Иезекииля» вошли в раздел «VII. Возношения».

[6] См. примеч. 1 к п. 182, примеч. 10. к п. 261.

[7] Отклик на сообщение в упомянутом выше письме Пешковского: «Я теперь занимаюсь кроме грамматики поэтикой <...>».

[8] Ю.А. Галабутский. В том же письме к Волошину Пешковский извещал о желании послать Галабутскому «некоторые свои новые книги (узко-специального характера)»: «Куда же ему писать?»

[9] В том же письме от 1 января 1923 г. Пешковский, отвечая не известное нам письмо Волошина, сообщал и о себе: «Твое письмо очень интересно, особенно о безвольности палачей. Впрочем, я и сам так представлял себе их. Но сталкиваться с ними так близко мне, к сожалению, не приходилось, ибо в Ек<атериносла>ве приходилось от них *удирать*, а в Москве их нет (и почти не было). Вообще, в Крыму было все во сто крат ужаснее, по-видимому. Твое отношение к жизни и моменту я вполне разделяю и считаю, что наше “недолго-

вечное” поколение проживет дольше многих других, ибо “долгота” – не в количестве одном, а и в качестве. Жизнь насыщена необычайно. В последнее время здоровье мое в связи с пережитыми невзгодами настолько пошатнулось, что я частенько чувствую себя на конце земного пути и с радостью констатирую, что он был богат содержанием и пожаловаться мне не на что».

[10] Волошин цитирует свое стихотворение «Святой Франциск» («Ходит по полям босой монашек ...», 1919). См.: Т. 1 наст. изд. С. 361.

291. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

25 декабря 1923 г. Коктебель

25.XII.1923. Коктебель.
Почт<овый> адр<ес:> Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Вы понимаете, что если я не писал Вам весь этот год, то это проистекало только потому, что все время собирался в Москву и отлагал все на личную беседу. А если я пишу теперь, то это означает, что снова моя поездка провалилась. Жизнь моя шла так: в лице Маруси Заболоцкой, которая так близко подружилась с Пра в последние месяцы ее жизни, я нашел подлинного друга, сотрудника и спутника, о котором мог только мечтать. В Москву я должен был ехать к Пасхе. Но Маруся как раз заболела катастрофически воспалением всех нервных стволов мозга, была на волосок от менингита, а когда оправилась, было слишком поздно для поездки: конец мая. Отложил на зиму. Летом начался съезд северян в Крым, который на этот раз просочился и до Коктебеля. Я, оставшись единственным распорядителем своего дома, решил сделать опыт *последовательного коммунизма*: превратил его в бесплатный дом отдыха для писателей, ученых и художников частным образом, вне государственных санкций. Результаты были блестящи: у меня за лето жило 200 человек гостей (считая только тех, что провели под кровлей больше одной ночи). Жили все очень дружно, крепко, редко кто покидал Коктебель без слез,

и большинство мне пишет, что это событие и перелом в их жизни.

«Власть же на местах» глядела весьма неодобрительно и говорила: «Ишь – буржуй: комнаты *даром* сдает: нашей власти признавать не хочет».

Надо сказать, что эта власть теперь захватила все не окончательно разоренные дачи и старается их сдавать по ценам не ниже ялтинских.

Та же власть, считая меня «уж очень разбогатевшим» (раз я даже и денег брать не хочу), обложила меня *шестерными* налогами (которые я не плачу).

Несколько раз были попытки меня арестовать, а кстати кое-кого из моих подозрительных гостей, но, по счастью, нарвались прямо на гостившего у меня *Прокурора Республики* по политич<еским> делам, и пришлось рассыпаться в извинениях.[1]

Попытки эти обуславливались главным образом полемическими литературными выпадами «Правды» против меня. В этом неоднократно упражнялся какой-то Сосновский,[2] признававшийся, что стихов моих ему даже и повидать не удавалось. (Что бы было, если бы он их почитал?) «На местах» это понималось конкретно: значит, нужно арестовать. Ко мне даже охрана побережья обращалась с требованием: предварительно читать им все мои новые стихотворения.

Теперь к Рож<д>еству я собирался уже наверное приехать, но стал получать такие безнадежные письма из Москвы, из Петербурга о литературных и издательских кризисах, о цензуре, о падении интереса к лекциям, что решил отложить отъезд до более благоприятных обстоятельств. Теперь мне и ехать-то нельзя, потому что поездка для меня возможна только в том случае, если она окупит сама себя. Так что вот почему я снова пишу Вам письмо и уже совсем не предвижу, когда удастся повидаться.

Это лето было очень хорошо, радостно и содержательно: как лучшие лета довоенного времени. В известном смысле общий дух дома был даже лучше, т<ак> к<ак> совсем не было *жильцов*, а только гости. Из литераторов были Чуковский, Евгений Замятин,[3] которого я совсем не знал лично до этого, но очень ценил по литературе. Из поэтов – Мария Шкапская[4]

и много людей, имеющих отношение к литературе. Художников – почти никого. Остальные были люди случайные, но всё очень милые и редко хорошие. Из старых коктебельцев – никого, если не считать нескольких, не очень близких. Милая Юлия Леонидовна, неужели Вы так и будущим летом не выберетесь в Крым вместе с Конст<антином> Васильев<ичем>?[5] Это ведь можно было бы очень экономически устроить: главный расход – дорога. Помещение – ничего. А кухню мы хотим устроить коллективную на экономических началах. Этим летом сюда приезжали многие, имея 7–8 червонцев на всё, и масса на 2 недели (отпуск).

Будущим летом литература должна быть гораздо более широко представлена. С весны должна приехать Ахматова, которой я никогда еще живьем не встречал. Кажется, все «Серапионовы Братья».[6] Мариэтта Шагинян.[7] Вот художников сюда еще никакой ветер не заносит. Скажите Конст<антину> Вас<ильевичу>, что я очень рассчитываю, что он укажет ко мне путь порядочным людям.

Как мы ждали Кон<стантина> Вас<ильевича> этим летом. Его приезд был психологически необходим для Конст<антина> Феодор<овича>.[8] Очень он меня беспокоит последнее время: к его мрачности прибавилась еще безнадежность. Сейчас ему пришлось еще перевезти к себе из Ялты свою мать, которая почти совсем невменяема от старости и болезни. Денег у него почти нет. Кормить надо 7 или 8 человек. Его добивают налогами, от которых он не умеет отбояриваться. Работать ему хочется страстно – и нет никакой возможности, никакого просвета в будущем. Его летняя работа была сорвана этими нелепыми панно для Крымского Павильона,[9] которые он работал в невозможных в смысле времени и материалов условиях. Когда неожиданно умер художник Магула,[10] у него вырвалось: «Знаешь, даже завидно стало».

Мы видимся с ним очень редко, т<ак> к<ак> меня в Феодосии одолевает астма, а он еще реже попадает в Коктебель.

Ожидал я его теперь на Рождество (по-советски),[11] но, вероятно, чертогон, вот уже неделю царящий в природе, помешал ему. Барометр совершенно потерял голову с этими переменами сезонов по 7–8 раз в сутки: и снег, и метель, и

зной, и ураган, и штиль, все это сменяется с кинематографической быстротой последнюю неделю.

Но, может, это и к лучшему, т<ак> к<ак> у меня заболела Маруся, как всегда остро, катастрофично, с сильнейшими болями (уха). Это у нее всегда бывает к Рождеству и к Пасхе.

Я перечитал Ваши письма, Юлия Леонидовна, и мне хочет<ся> еще раз Вас поблагодарить за все Ваши замечания о моих стихах.[12] Вы мне больше чем кто-либо дали ими. Это многолетнее пребывание в Коктебеле не тяготит меня. Благодатный дар восторга перед зрелищем неба, гор, который иссякал в годы наших ужасов, снова вернулся ко мне. Но мне всегда нехватает зеркала понимания того, что я пишу, нехватает благосклонного и критического уха, которое бы помогало мне весить и судить мои опыты и достижения. Главная работа этих лет (22 и 23) – это «Путями Каина». Кроме тех, что Вы видели в «Красн<ой> Нови», есть еще ряд глав в альманахе «Недра», кн. 2.*[13]

Этим летом я написал «Космос» – эволюция космогоний от Каббалы до Теории Относительности и совр<еменной> физики.

Сейчас работаю над «Танобом» (аскетизм науки)[14] и большим стихотворением о Петербургской России с Петра до большевик<ов>.[15]

Передайте мой привет Екатерине Иванов<не> и Феодору Конст<антиновичу>.[16] Как Вы сейчас живете материально и какой духовный тон Вашей жизни? Неужто не приедете в Коктебель этим летом?

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 5 к п. 275.

[2] См. примеч. 1 к п. 261, примеч. 7 к п. 272.

[3] См. примеч. 2 к п. 272.

[4] См. примеч. 12 к п. 261.

[5] К.В. Кандауров.

[6] О предполагаемом приезде в Коктебель следующим летом, в частности, А. Ахматовой и членов петроградской литературной группы «Серапионовы братья» писала Волошину 17 октября 1923 г. М.М. Шкапская: «Я здесь рассказывала всем такие чудеса о Кокте-

* *Далее вымараны две строки.*

беле, что в будущем году весь литер<атурный> Питер к Вам хлынет. Во всяком случае определенно поедут Серапионы, Ахматова (теперь она не смогла, т<ак> к<ак> ухаживает за оперированной Судейкиной), Митрохин <...> и многие другие» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1303, л. 18 об.). А. Ахматова в Коктебель не приехала, из «серапионов» летом 1924 г. у Волошина побывала только Е.Г. Полонская.

[7] М.С. Шагинян в 1924 г. в Коктебель не приезжала.

[8] К.Ф. Богаевский.

[9] Возможно, речь идет о задании, которое получил К.Ф. Богаевский в начале 1920-х гг. от Крымского комитета по охране памятников искусства и старины – зарисовать исторические памятники Феодосии, Судака, Алупки, Ялты, Бахчисарая (см.: *Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 61, 130).

[10] Г.А. Магула скончался в сентябре 1923 г.

[11] Т.е. по новому стилю – в день написания письма.

[12] См. примеч. 6 к п. 194, примеч. 17 к п. 231.

[13] См. примеч. 6 к п. 290.

[14] Работу над стихотворением «Таноб», предназначавшимся для цикла «Путями Каина», Волошин начал 16 ноября 1923 г. (Труды и дни-2. С. 201).

[15] Этот замысел реализовался как поэма «Россия». Работа над ней была начата 20 декабря 1923 г. (*Там же.* С. 205).

[16] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

292. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Третья декада декабря 1923 г. Коктебель[1]

А<натолий> В<асильевич>,

Позвольте мне просить Вашей поддержки для подат<ельницы> этого письма – моей племянницы Тамары Шмелевой, которая хочет поступить в госуда<рственное> балетное училище. Я бы не стал затруднять Вас, А<натолий> Вас<ильевич>, просьбой о протекции, т<ак> к<ак> и сам не люблю этого, и она, будучи талантлива и хорошо подготовлена, не нуждалась бы в ней, но меня вынуждают особые обстоятельства. Эта бедная девочка, которая по всем физичес<ким> данным и душевн<ым> склонностям рождена быть танцовщицей – глухая, и ее глухота, по-видимому, неизлечима. Я смотрю на это оптимистически. Как косноязычие

Демосфена,[2] такие препятствия только усиливают интенсивность таланта и заставляют то, что могло быть средним, стать выдающимся.

Но, к сожалению, это все довольно трудно и сложно объяснить при приеме и во время конкурса. И поэтому она действительно нуждается в поддержке со стороны. Кроме того, она нуждается и в бесплатности учени<я>, т<ак> к<ак> приехала из провинц<ии> и <*На этом текст обрывается*>

[1] Черновик неоконченного и, возможно, неотправленного письма. Обратиться к А.В. Луначарскому побудила Волошина Т.В. Шмелева, писавшая ему в недатированном письме: «Так как эта школа государств<енная>, то туда принимают и на казенный счет. Не сможешь ли ты написать письмо Луначарскому и попросить его об этом. Это училище называется вечерняя театральная школа» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1309, л. 9–10 об.).

[2] Ср. свидетельство у Плутарха («Демосфен и Цицерон», XI): «Деметрий Фалерский пишет, что Демосфен уже в старости сам рассказывал ему, какими упражнениями он старался исправить свои телесные изъяны и слабости. Неясный, шепелявый выговор он одолевал, вкладывая в рот камешки и так читая на память отрывки из поэтов, голос укреплял бегом, разговором на крутых подъемах и тем, что, не переводя дыхания, произносил несколько стихов или какие-нибудь длинные фразы» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В 3 т. / Изд. подгот. С.П. Маркиш. М.: Наука, 1964. Т. III. С. 146).

293. М.И. АРАБАДЖИ

29 декабря 1923 г. Коктебель

29/XII 1923.
Коктебель.

Д<окто>ру Арабаджи – Максимилиан Волошин.

Дорогой Доктор,

Мария Степановна опять очень сериозно и мучительно заболела.[1] Погода сейчас такова, что Вас просить в Коктебель бессовестно, ее везти в город – немыслимо.

1) Ход заболеванья такой:

место заболевания: левое ухо с прободенной перепонкой четыре года назад (последствия тифа). Дней 10 назад началась довольно обильная течь серозного свойства без запаха. Хлюпанье в ухе. Никаких болезненных явлений не вызывала. Потом в области слухового прохода начались боли, слегка покалывающие, перешедшие на всю область наружного уха, которое стало очень напряжено, красно и с натянутой кожей. Затем на внешней стороне раковины образовался довольно большой абсцесс. Внутри слухового прохода, вне поля зрения, судя по ощущению идут таковые же и, по-видимому, многочисленные. Боли непереносимые. По показанию больной, они локализируются, судя по ощущению, вдоль слухового канала. Боль распространяется за ухом, в сторону горла, за козелком, к виску. Вся сторона крайне напряжена. Невозможны ни прикосновение, ни движение.

2) Лечили: сначала борное спринцевание и вдувание борного порошка: крайне несовершенное за отсутствием вдувалки. Затем один раз был поставлен простой согревающий компресс. Вызвавший страшные боли.

Дня четыре уже ставим спиртовые компрессы, вводя в слуховой проход *неглубокие* турунды, ибо проход крайне болезненен (за неименьем спирта из остатков разных одеколонов и духов в чистом виде). В первые дни заметно облегчающие результаты. Со вчерашнего дня боли усилились и есть ощущение создания новых абсцессов.

Конечно, при первой же возможности Марья Степановна направится в город. Но пока прошу дать указания, что делать, и выписать соответствующие медикаменты через страх-кассу, если возможно. (№ страхов<ой> карточки)*. У нас никаких нужных медикаментов нет.

Мария Степановна Заболоцкая Ваша старая пациентка, в последний раз обращавшаяся к Вам на прошлой Пасхе, когда она лежала в Город<ской> больнице.[2] Помните?

Максимилиан Волошин.

[1] М.С. Заболоцкая заболела 24 декабря (см. п. 294).

[2] См. примеч. 2 к п. 256.

* *Пробел в тексте (для номера карточки).*

294. С.А. ТОЛСТОЙ

24–25 декабря 1923 г. – 1 января 1924 г. Коктебель

24/XII 1923. Почт<овый> адр<ес:>
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогая Соня,

это письмо передаст Вам Тамара,[1] которая едет в Москву одна на свой риск и страх. А мы так и не поедем: книги не издаются, лекции не посещаются, цензура свирепствует – это мне пишут из Москвы и из СПб. При этих условиях ехать невозможно. Пожалуйста, приветьте Тамару и приголубьте ее. Об этом я всех своих московских друзей прошу. Получили ли мое письмо, направленное Вам с оказией через Вересаева?[2] (Его адрес на всякий случай: Смоленск<ий> Рынок. Угол Шубинского и I-го Смоленского 2/3, кв. 14).

Вчера у нас началась зима: с утра вьюга, снег, мороз, а сегодня опять море дыбом до самого горизонта, южный ураган, снег горит, хлещет дождь, барометр скачет по циферблату, у Маруси болит ухо,[3] Тамара еще с позолотой летнего загара упражняется в столовой, Иосиф Викторович[4] греется в постели под шубой, Алекс<андра> Ал<ександров>на[5] хлопочет у печки, из которой столбом вырывается чад подгорелого хлеба: «Я тут мОленько...», дует во все щели (ибо ветер южный), воробьи забиваются стаями в комнату и производят уплотнение, я читаю вслух о «Старце» Н.Ф. Федорове[6] и мысленно перебираю строфы о Петре и СПб., которые у меня сейчас в работе.[7] Коктебель под снегом всегда фантастически прекрасен, а этот безумный танец снега, ливня, лучей, туч и луны, длящийся вторые сутки, наполняет ликованием.

Недавно я получил из Москвы оба тома Гольденвейзера «Вблизи Толстого»,[8] и мы всю неделю читали их и вслух и про себя. В связи с «Уходом Толстого» и Дневн<иком> Маковицкого, посланными мне Ольгой Константиновной,[9] для меня впервые встала вся картина жизни последних лет жизни Л.Н.

Я должен сознаться, что книга П.А. Сергеенко,[10] в свое время, и многочисленные идиотские воспоминания разных

случайных гостей Ясной Поляны меня надолго отвратили от литературы «воспоминаний о Толстом», и я *ничего* не знал о семейной и психологической обстановке его жизни. Книги же, которые я прочел теперь, конечно, не могут не захватывать жгучей жизненностью.

Но одно меня поразило и испугало: *все* окружающие Л.Н. ежедневно ведут записи, дневники, стенографируют разговоры: и Гольденвейзер, и Маковицкий, и А.Л., и С.А.,[11] и сам Л.Н. Как можно существовать, жить, думать под таким сосредоточенным снопом лучей (точно под стеклом ультрамикроскопа).

История поражает неравномерностью распределения материалов. В то время как гражданские войны Рима мы можем проследить по дням, благодаря переписке Цицерона, для II-го века – от эпохи Траяна, Антонинов, т.е. для вершины Римской культуры, не осталось ни одной строчки записей – полная темнота. Если все записи окружавших о Л.Н. будут опубликованы и сохранятся, это будет поразительная летопись, которая позволит проследить его жизнь по минутам. Но каково жить так?

Мне кажется, что идеалом жизни писателя должно быть полное исчезновение биографии за творением. Образец Гомер, Шекспир. Личность растворяется во множественности, человек исчезает в своей работе. Я думаю, что и Л.Н. должен был мечтать о таком погашении себя. За гранью смерти эти не порванные и зафиксированные земные связи должны лежать очень тяжкими путами на высвобождающемся духе.

Художественно мне больше всего дала заключительная заметка Гольденвейзера о манере говорить Л.Н. и его манерах.[12]

Во всем остальном – ригоризм правдивости: он заставляет самому невольно принимать участие в семейных делах: негодовать, осуждать, обличать...

Я вполне понимаю чувство близких, которым хотелось закрепить всё как было и этим «реабилитировать» кажущуюся слабость и превратить в подвиг. Но разве для самого Л.Н. не

был бы ценнее подвиг *безвестный*? Оправдание писателя в его *творении*, а отнюдь не в биографических фактах.

Факт существования этих записей — напечатанных и еще имеющих быть напечатанными — принимаю как еще одно из тяжелых обстоятельств трагической «Судьбы Толстого». В этой неоконченной посмертной тяжбе Л.Н. с семьей, которая привлекает столько новых судей-читателей, и притом судящих так страстно и различно (опыт чтения вслух), есть нечто крайне мучительное.

25/XII 1923.

У Маруси ухо совсем разболелось: лежит в постели с утра с забинтованной головой и стонет. Просит передать Вам свою любовь, нежность, что не может сама написать, как хотела. Просит сказать, что и она прочла книги о Толстом и читая наплакалась (так это и было — все время ревела, читая), что Толстой ей был всегда близок как писатель, а теперь стал как человек и что Вы, через все, что она узнала, стали ей еще более близки.

Марусино ухо меня очень беспокоит: ее катастрофические заболевания на первые дни Рождества и Пасхи становятся у нас семейной традицией. На прошлую Пасху ведь она была на волосок от воспаления мозга. При отсутствии врачей в Коктебеле это очень тревожно.

Пока до свиданья. До Тамариного отъезда ее болезнь выяснится. Я Тамаре даю список моих стихов, для того чтобы она давала переписывать. Так что Вы сможете восстановить утраченное. Посылаю также акварели.

Шлю привет Ольге Константиновне и большое сожаление, что не доведется познакомиться в ближайшие недели.

А летом — Вы ведь приедете, Соня? Это наверно. А может быть, Ольга Константиновна соберется тоже отдохнуть в Коктебель?

Максимилиан Волошин.

1/I 1924.

Марусе стало лучше. Тамар<а> все расска<жет>. С Новым Годом! Привет Китти.[13]

[1] Т.В. Шмелева. См. примеч. 2 к п. 285.

[2] Имеется в виду п. 276. См. п. 275, примеч. 12.

[3] См. п. 293.

[4] И.В. Зелинский.

[5] А.А. Вьюгова.

[6] Определение «старец» применительно к Н.Ф. Федорову, проработавшему долгие годы библиотекарем Румянцевского музея (1874–1898), – условно-метафорическое.

[7] Речь идет о работе над поэмой «Россия».

[8] Имеется в виду издание: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. (Записи за пятнадцать лет). Т. I–II. М.: Кооп. изд-во и «Голос Толстого», 1922–1923.

[9] О.К. Толстая. Имеются в виду издания: *Чертков В.Г.* Уход Толстого. М.: Кооп. изд-во и «Голос Толстого», 1922; *Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки. 1904–1910. Вып. 1–2. М.: Задруга, 1922–1923.

[10] Имеется в виду либо кн.: *Сергеенко П.А.* Толстой и его современники: Очерки. М.: изд. В.М. Саблина, 1911, – либо издание: О Толстом: Воспоминания и характеристики представителей различных наций / Под ред. П.А. Сергеенко. Т. I–II. М.: Изд. В.М. Саблина, 1911.

[11] Александра Львовна Толстая (1884–1979), младшая дочь Л.Н. Толстого, и Софья Андреевна Толстая (урожд. Берс; 1844–1919), его жена.

[12] Т. II книги Гольденвейзера «Вблизи Толстого» завершается Приложением (С. 369–383), в котором описываются особенности устной речи Толстого, его поведения, походки, распорядок дня и т.п.

[13] Екатерина Васильевна Арцимович.

1924

295. Л.З. КАМЕНСКОМУ

1 января 1924 г. Коктебель

1/I 1924. Почт<овый> адр<ес>:
Коктебель. Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Дорогой Леонид Захарович,

Получил Вашу телеграмму и письмо.[1] Еще раз благодарю за редко дружеское Ваше отношение ко мне и гостеприимство. Но, увы! я все-таки не приеду.

Мне необходимо заработком своим *окупить* свою поездку, а надежды на таковой нет, т<ак> к<ак> лекции посещаются туго, а чтения моих стихов не будут мне, конечно, разрешены цензурой.

2) (Между нами) вот какие у меня соображения. На каждый благоприятный отзыв обо мне — а их появилось за этот год несколько — «Правда» взяла за правило откликаться резко отрицательной и иронической статьей (подписанно<й> *Сосновским*).[2] Все это дело привычное и необидное. Но беда в том, что «Правда» доходит и до местных властей, которые, прочтя ее, решают просто: значит, Волошина надо арестовать как контр-революционера, как я описал Вам в I-ой части письма.[3] Это уже совершенно выступает из области литературной полемики. Поэтому мне для существования в Коктебеле и для спокойствия своей работы необходимо, чтобы обо мне ничего хорошего не писали и вообще лучше всего не писали бы обо мне. А мой приезд не может не вызвать ряда статей обо мне.

И я хочу иметь право, если не печатать, то по крайней мере читать вслух *все, что я пишу*. Из меня очень легко, выключив весьма немногие стихи и строфы, сделать вполне легального поэта. Но я-то не хочу окорнать свои мысли.

Вообще я считаю себя вполне легальным: советское правитель<ство> я признавал с самого начала, в частном своем обиходе я провожу коммунизм более строго, чем большинство политических коммунистов. Но марксизм и экономический материализм мне глубоко чужды — всей моей натуре и всему моему образу мыслей, которые совершенно не терпят ни политики, ни системы Марксовых классификаций, ни самого понятия материализма, который считаю научным абсурдом. Словом, в порядке «идеологического фронта» я совершенно вычеркиваюсь из русской литературной жизни. Со статьями Троцкого, что Вы мне присылали, я согласен. Но то, что происходит на практике, совершенно не согласно с разумными и умеренными мнениями Троцкого. Теперь *фактически* пропускается только то, что согласно с марксистской идеологией. Это уже чисто религиозный фанатизм, а не политика! Поэтому предпочитаю этот период переждать у себя в глуши, а не в центре, ибо ничего доброго из сего выйти не может.

Последние письма Вересаева убедили меня, что сейчас *не время* мне показываться в центре.

Чувствую себя в очень глупом положении, все грожусь приездом в Москву: вот уже третий год, и все беру свое намерение обратно. Но согласитесь сами, что когда к Вам в дом являются чины береговой охраны (в сущности просто кордонные солдаты) и требуют, чтобы я им читал все мои новые стихи, т<ак> к<ак> им надо знать, не пишу ли я чего-нибудь контр-революционного (а это так и было осенью), то невольно станешь осторожен. Для меня моя работа в Коктебеле гораздо важнее распространения и успеха моих уже написанных стихов. Их время рано или поздно насту́пит. И я думаю, что и самый «идеологический фронт» не будет же длиться вечно.

Спасибо за дружбу, Леонид Захарович. Крепко Вас обнимаю и шлю привет Левандовским.

Максимилиан Волошин.

P.S. Мне писали, что будто бы Каменев любит и ценит мою поэзию и что если я обращусь к нему лично, то цензурные строгости для меня будут весьма облегчены.[4] Но мне думает<ся>, что это бесполезно. И что личные симпатии не могут изменить общих условий и особенностей переживаемого периода.

[1] См. примеч. 12 к п. 280.

[2] См. примеч. 1 к п. 261, примеч. 7 к п. 272.

[3] Подразумевается п. 289. Его, как и настоящее письмо, передала адресату Т.В. Шмелева.

[4] См. примеч. 6 к п. 288.

296. Е.И. ЗАМЯТИНУ

7 января 1924 г. Коктебель

7/I 1924. Почт<овый> адр<ес:> Феодосия, д<ом>
Коктебель. Айвазовского.

Дорогой Евгений Иванович,

Ваше письмо было первым ушатом холодной воды, который сразу поохладил мое стремление на север,[1] а затем Чуковский, Вересаев и др. убедили меня в полном идиотизме такого предприятия. Невозможность литературного заработка сразу отрезает все мечты о поездке. А вести с собой «караваны верблюдов»... Я этим слишком много занимался и в иносказательном и в прямом смысле (10 месяцев в Цент<ральной> Азии в дни моей юности я был начальником каравана из 22 верблюдов,[2] из которых каждый был похож профилем, повадкой и нравом на Мандельштама: представляете, какое наслаждение!!).

Нет – я предпочитаю сидеть в Коктебеле и использовать давление нашего гидравлического пресса на медленное

выдавливание веских строчек стихов. А в Коктебеле неиссякаемо прекрасно: до 23 декабря стояла летняя теплынь, и клубились Тернеровские туманы.[3] А потом барометр сошел с ума, море стало на задние лапы... И пошел такой невообразимый кавардак в течение двух недель, что за это время потонуло 30 судов – и в том числе несколько иностранных пароходов, нагруженных русским хлебом. У нас переливало через дорогу, выдавило ветром несколько стекол и выкинуло на берег несколько хороших корабельных балок. Черное море редко позволяет себе такие океанские дебоши. А на этот раз это был совершенно исключительный чертогон. Сезоны менялись по 10 раз в день: и жара, и мороз, и снежная метель, и солнце, и ливень – все на протяжении одних суток и снова, и снова, и снова...

Сидим мы, замуровавшись на зиму (Иос<иф> Викт<орович>, Ал<ександра> Ал<ександровна>, Мар<уся>[4] и я). Не видим никого. Каждый занимается своим делом: Иос<иф> Викт<орович> в каскетке и в шубе Лира[5] лежит навзничь на постели, прикрывшись с головой прошлогодним № «Известий» и держа в руке светильник, из-под низу читает советские новости «между строчек».

Ал<ексан>дра Ал<ексан>дровна омолаживает вчерашний борщ «вОдищей» и неутомимо кудахчет про Вятку и Пучежъ.[6] Маруся делает десять дел зараз или болеет самыми мучительными болезнями, проковыряв себе ухо вязальной спицей. Я сижу, уткнувшись носом в книжку, или вправляю стихам вывернутые позвоночники.

Прочел «Уездное».[7] Очень хорошо. Крепкая фольклорная мозаика. Но больше радуюсь теперешним Вашим путям. С большим интересом прочел Вашу статью о современной прозе (в «Совр<еменном> Искусстве»[8]). Очень хорошая и крепкая манера определений – совсем не критическая. Это-то и прекрасно. Кое с чем не согласен. Но очень свежо и сочно.

Очень жду Ваших книг. Т<ак> к<ак> я не приеду, то присылайте сюда. И напоминаю Вам Ваше обещание вместе с Чуковским прислать мне «Современный Запад» (№ 1, 3, 4 – второй у меня есть),[9] «*Восток*»[10] и книжек «Всемирной Лите-

ратуры» — что получше. Сейчас за каждую новую книгу буду благословлять приславшего. Если возможно достать № (Толстой) «России» и «Литературной Мысли»[11] — буду очень благодарен. Писать туда критические статьи? Да ***что́*** же теперь возможно писать? Ведь сейчас марксистское миросозерцание регламентировано обязательным, а у меня от него мозги тошнит. Нет, из этого ничего путного не выйдет. Не соблазняйте, Евгений Иванович.

Книги *посылками* доходят аккуратно. Бандеролями — нет. А *шляпу*, я надеюсь, вы привезете в Коктебель лично будущим летом, т<ак> к<ак> жду Вас непременно.[12] Открытки из Москвы не получал: только одно письмо. Маруся лежит в постели и просит Вам передать, что Вас любит крепко и целует и зовет, в чем я всецело к ней присоединяюсь. А<лексан>дра Ал<ексан>дровна тоже и просит приписать, что она вовсе не курица.

Максимилиан Волошин.

[1] В недатированном письме из Петрограда (относящемся, видимо, к октябрю 1923 г.) Е.И. Замятин сообщал Волошину о положении дел в литературе: «Очень все стукаемся — просто мочи нет. Приехал — первое, с чем поздравили: Катковы на мой роман “гузном сели” — по-Аввакумовски говоря. Ну, тут другого, по правде говоря, и не ждал. <...> Книг выходит мало, а вышедшие — не выходят из книжных магазинов. Нет почти никаких новых литературных затей» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. З. Давыдова и В. Купченко. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 408). Упоминается роман Замятина «Мы» (с чтением которого автор выступал в 1923 г. в Коктебеле; ср. сообщение в письме Замятина к Л.Н. Замятиной от 26 августа 1923 г.: «Вчера вечером начал читать у Макса роман, публично; сегодня продолжаю» // Рукописные памятники. Вып. 3, ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. С. 256. Подгот. текста Л.И Бучиной и М.Ю. Любимовой)); о многообразных попытках Замятина опубликовать его в 1922—1923 гг. см.: *Куртис Дж.* История издания романа «Мы», переводы и публикации // *Замятин Евг.* Мы: Текст и материалы к творческой истории романа / Изд. подгот. М.Ю. Любимова, Дж. Куртис. СПб.: Изд. дом «Міръ», 2011. С. 503—505. Современных вершителей

литературных судеб Замятин уподобляет Михаилу Никифоровичу Каткову (1817 или 1818–1887), публицисту, критику и издателю консервативно-охранительного направления.

[2] Имеется в виду пребывание Волошина осенью 1900 г. в экспедиции по Сырдарье на изысканиях Оренбург-Ташкентской железной дороги. В Средней Азии Волошин находился с 17 сентября 1900 г. по 22 февраля 1901 г. – т.е. немногим более 5 месяцев. Замятин сообщал Волошину в цитированном письме: «На днях послал в “Круг” Воронскому статью (“О литературе, революции, энтропии и о прочем” – для критического сборника); почти уверен, что статья окажется *верблюдом*, а Воронский – игольным ушком. Пишу рассказ – тоже верблюд. Боюсь, что и Вы, когда приедете, привезете с собой целый караван верблюдов» (*Волошин Максимилиан.* Избранное. С. 408). Упомянутая статья Замятина была опубликована в сборнике «Писатели об искусстве и о себе» (М.; Л.: Круг, 1924. С. 67–75).

[3] Подразумевается колористическая гамма пейзажей английского живописца Уильяма Тёрнера (1775–1851).

[4] И.В. Зелинский, А.А. Вьюгова, М.С. Заболоцкая.

[5] Король Лир, герой одноименной трагедии У. Шекспира (1605).

[6] Пучеж – город (с 1745 г.) и пристань на Волге.

[7] Повесть Замятина, впервые опубликованная в журнале «Заветы» в 1913 г. (№ 5). Отдельные издания: М.: Современные проблемы, 1915; М.; Пб.: Круг, 1923.

[8] Имеется в виду журнал «Русское искусство» (1923. № 2/3), в котором была напечатана статья Замятина «Новая русская проза» (С. 56–57).

[9] См. примеч. 14 к п. 277.

[10] Журнал литературы, науки и искусства «Восток» (№ 1–5. Пб.: Всемирная литература, 1922–1925).

[11] В цитированном письме Замятин извещал: «...“Россия” (Лежнев) распухает в толстый журнал, листов в 20; хорошо, если бы Вы дали туда стихи и уговорились с Лежневым о какой-нибудь критической статье – этого там особенно не хватает. В Петербурге за зиму выйдут 2–3 книги “Литературной мысли” (изд<ательст>во “Мысль”) – тоже нечто вроде журнала, с “вторым отделом”; если хотите печатать что-нибудь там – я могу передать» (*Волошин Максимилиан.* Избранное. С. 408).

[12] Отклик на слова Замятина из того же письма: «Если Ваша поездка откладывается – пошлю Вам последнюю свою книгу; но предпочту передать из полы в полу. Пра-шляпа цела и тоже ждет Вас; а прикажите – вышлю» (*Волошин Максимилиан.* Избранное. С. 408).

297. К.И. ЧУКОВСКОМУ

7 января 1924 г. Коктебель

7/I 1924. Почт<овый> адр<ес:> Феодосия, д<ом>
Коктебель. Айвазовского.

Дорогой Корней Иванович,

получили ли мое письмо, что послал Вам с Ильиным-Женевским через М.М. Шкапскую?[1] Моя поездка на север этой зимой похоронена окончательно, т<ак> к<ак> она должна была сама себя окупить литературн<ым> заработком и публичными чтениями. А т<ак> к<ак> это невозможно по условиям текущей зимы, то я предпочитаю тихо зимовать в Коктебеле и работать над «Путями Каина».

Но в связи с этим у меня будет ряд дружеских просьб к Вам: во-первых, тот американец (мистер Кинг?), с которым Вы меня хотели свести.[2] Не можете ли Вы сами с ним поговорить, как представитель «Волошинского Дома»? а в крайнем случае поставить меня с ним в письменные сношения, но предварительно ознакомив его с духом и строем Коктебеля?

Потом очень прошу Вас и через Вас всех друзей, живших в Коктебеле, озаботиться об интересном и хорошем составе гостей на будущее лето. Потому что и в той внешней случайности, которая приводит людей в Коктебель, должен быть сознательный отбор.

Наконец, напоминаю Вам целый ряд книжных обещаний: Вы мне обещали прислать: Ваши детские издания, свои последние книги, №№ «Современного Запада»[3] (у меня есть только № 2), «Востока»,[4] изданий «Всемирной литературы» (особенно какой-то не то персидский, не то арабский роман),[5] и, наконец, все, что можно достать для меня из современных журналов, как «Россия», «Литер<атурная> Мысль»[6] и т.д. Обо всем этом же я напоминаю и Евг<ению> Иван<овичу>.[7] Почт<овые> посылки – доходят. Бандероли – плохо. Я знаю, как трудно и некогда в СПб. писать письма, но если улучите минутку, не забудьте написать, как обещали, какие мнения (и положительные и *отрицательные*) приходилось Вам слышать о моих стихах.

У нас все тихо. Маруся на праздники болеет (нарывы в ухе).[8] Просит передать самое, самое нежное и что любит больше всех, и что очень грустит, что не попала в Питер, и очень просит прислать «Крокодила»[9] и комп<анию>.

Солов<ьева>–Манас<еина> уехали наконец в Москву лечиться.[10] Получил письмо от А.А. Смирнова о Ренье.[11] С удовольствием отдаю «д'Амеркёра» в «Academia».[12] Очень хотелось бы переводы стихов напечатать сперва в периодич<еских> изданиях. Они все не изданы, кроме «Крови Марсия».[13] Может быть, какой-нибудь журнал взял бы большими циклами? А гонорар по личному Вашему усмотрению, чтобы не тратить времени на переписку. Ал<ександра> Ал<ександровна> и Иос<иф> Вик<торович>[14] Вас приветствуют. Приедет ли Ахматова?[15] Посоветуйте ей приехать с ранней весны. А Вас ждем со всем семейством. Крепко обнимаю.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду п. 277.

[2] Подразумевается Спуржен Мильтон Кини (Keeny; 1893–1988), американский филолог, сотрудник АРА; находясь в Петрограде, занимался благотворительной деятельностью в отношении русских писателей. К.И. Чуковский подробно охарактеризовал его в дневниковой записи от 13 февраля 1923 г., отметив, в частности: «Здесь он всего восемь месяцев, но русскую жизнь знает отлично – живопись, историю, литературу» (*Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2006. Т. 12. С. 80).

[3] См. примеч. 14 к п. 277.

[4] См. примеч. 10 к п. 296.

[5] Подразумевается кн.: *Ибн Туфейль.* Роман о Хайе, сыне Якзана / Пер. Ив. Кузьмина под ред. И.Ю. Крачковского. Предисловие Ив. Кузьмина. Пб.: Всемирная литература, 1920.

[6] См. примеч. 11 к п. 296.

[7] Е.И. Замятин. См. п. 296.

[8] См. п. 293.

[9] «Приключения Крокодила Крокодиловича: Поэма для маленьких детей» (Пг.: Изд. Петрогр. Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919) Корнея Чуковского. В 1923 г. вышло ее 3-е издание (Пг.; М.: Гиз).

[10] Об отъезде П.С. Соловьевой и Н.И. Манасеиной из Феодосии в Москву Волошину сообщила Н.В. Успенская 14 декабря 1923 г. (Труды и дни-2. С. 205).

[11] См. примеч. 12 к п. 277.

[12] Выполненный Волошиным перевод цикла новелл А. де Ренье «Маркиз д'Амеркёр» вошел в кн.: *Ренье Анри де*. Собр. соч.: В 17 т. Л.: Academia, 1925. Т. 1. Яшмовая трость. С. 41–142.

[13] См. примеч. 13 к п. 277.

[14] А.А. Вьюгова, И.В. Зелинский.

[15] См. примеч. 6 к п. 291.

298. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

9 января 1924 г. Коктебель

9.I.1924. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Большое спасибо за предупреждение и присылку статьи Таля.[1] Статейка, действительно, забавная и носящая характер доноса. Но что удивительно – это, что цитируемая эмигрантская статья Зноско-Боровского[2] (сразу видно – приятель, бывший секретарь «Аполлона») еще гнуснее. Перед нею общий тон статьи Таля кажется даже совсем благородным. Тон, которым говорят с врагом, которого за что-то уважают. Но, вероятно, это только эффект контраста. Я бы и не подумал возражать на такую статью печатно, но тут задето доброе имя покойного Никандра Александровича,[3] и затем я вижу, что мне необходимо публично заявить о своем отношении к самовольному распространению моих стихов. С этим я вполне с Вами согласен и следую Вашему совету. Но я не посылаю текста моего письма непосредственно в редакции «Известий» и «Правды», а препровождаю его Вам с просьбой просмотреть и, если найдете необходимым, изменить. Посылаю 2 экземпляра – 1 для Вас, на всякий случай, 1 для редакций.[4] А в редакции, если это не неудобно, будьте добры, передайте сами. Может быть, тогда и напечатают. Если же я сам пошлю, то наверное не напечатают. (Я слишком хорошо знаю газетные нравы.)

Мне приходила тоже мысль (но сохрани меня Бог навязывать ее Вам) – не было бы удобно и *Вам* сказать несколько слов о Никандре Александровиче и о бесцеремонном обращении с его памятью? Но т<ак> <как> я не знаю ни Вашего политического положения, ни уместно ли это сейчас, то высказываю только в виде предположения.

Вы пишете, что было бы хорошо, если бы я был сейчас в Москве.[5] Почему? Разве на меня бы не стали выливать грязь ушатами, как только бы я появился в Москве? Ведь все эти статьи – и Сосновского, и Таля – появились только как следствие отзыва Львова-Рогачевского, книги которого я, кстати, так и не видел.[6] Литературной ругани я не боюсь, но доносы вещь очень опасная, и я бы предпочел, чтобы обо мне все молчали и совсем не считались с моим существованием в русской поэзии, как это было все эти годы. Я боюсь только того, что местные власти, в руки которым попадется такая статейка, ворвутся ко мне, как к «контрреволюционеру», разгромят мои рукописи, тетради, материалы и лишат возможности продолжать работу. Ведь у меня отдельные строчки отстаиваются иногда годами в моих тетрадях. О том, что они могут быть уничтожены, мне даже страшно подумать.

Кстати, относительно упоминаемой в моем письме книжки «Стихи о терроре», изданной тоже Глебом Алексеевым.[7] То, что я пишу о том, что я даже содержания ее не знаю, – совершенно точно. Это мне удружил редактор-издатель «Новой Русской Книги» профессор Ященко, тоже мой «друг», которого я просил письменно взять на себя заботу об упорядоченьи моих литературных дел за границей. Это он предложил Алексееву (через Татиду) напечатать сборную книжку моих стихов, имевшихся у него на руках, сам дал это заглавие, и, что всего идиотичнее, кажется, поместил под этим заглавием целиком все «Пути Каина».[8]

Еще слава Богу, что ее запретили к ввозу в Россию. Господи! Спаси меня от моих друзей...

Видались ли с Алексеевым? Заплатил ли он что-нибудь за книги? Вероятно, нет... иначе бы Вы упомянули. Это досадно, потому что едва ли меня теперь кто-нибудь решится печатать

в России. А все то, что у меня на станке, – все нецензурно по нынешним временам. А заканчивать «Путями Каина» – это для меня необходимость. Очень туго и бездарно идет моя работа последнее время.

Посылаю это письмо с оказией. У Вас, вероятно, одновременно будет и моя племянница Тамара Шмелева, с которой я посылаю Вам письмо.[9] Прилагаемые письма прошу Тамару разнести. А ей самой прилагаю письма от ее родителей с 5 миллиардами.

Спасибо за дружбу (без кавычек). Привет Марии Гермогеновне.[10]

Максимилиан Волошин.

Очень, очень интересно было прочесть этот № «На посту». Только теперь я усвоил, что такое «идеологический фронт» и его значение. Явление в русской литературе далеко не новое... Но вижу ясно, что сейчас в русской литературе мне места нет совершенно и следует воздержаться от всяких литературных выступлений на следующее время.

Это письмо передаст Вам татарин из Отуз – Ягья Шефертдинов. Очень талантливый скрипач и композитор, сейчас принятый в Московскую консерваторию. Обратите на него внимание.

[1] Имеется в виду статья Б. Таля «Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина» (На посту. 1923. № 4. Стб. 151–164); ее основные положения: «...Волошин <...> хорошим языком отвечает революции от имени сожженного ею мира паразитов»; «Волошин был настоящим, искренним, преданным бойцом стана контрреволюции, если не телом и рукой, то во всяком случае духом и пером»; «...этот поэт-аристократ, осатаневший от ненависти к Советской власти, к России молота и серпа, всецело был с контрреволюцией, с белогвардейщиной» (Стб. 155–157, 160). 28 декабря 1923 г. В.В. Вересаев писал Волошину: «Посылаю Вам журнальчик “На посту” № 4 с гнуснейшею статьею об Вас. Против передержек, подтасовки цитат и доносительства ничего не поделаешь: это их специальность. Но в статье есть ряд физических неправд, которые, по моему мнению, Вам необходимо скорее опровергнуть письмом в редакцию “Правды” или “Известий”. Сообщается, со слов какого-то Зноско-Боровского,

о Ваших хлопотах по спасению “белых генералов, провинившихся случайной связью с Советскою властью”, сообщается, что “Заклятие о русской земле” напечатано в виде передовой статьи в белогвардейско-монархическом берлинском журнале “Детинец”, и делается заключение: “Макс<имилиан> В<олоши>н – последовательный, горячий и выдержанный контр-революционер-монархист”. Против Вас сейчас вообще идет кампания, и оставить без опровержения сообщений о Вашем сотрудничестве в заграничных журналах – нельзя. Уже мне редакторы говорят: “Как мы его можем печатать, раз он сотрудничает в белогвардейских органах?” По-моему, Вам необходимо сообщить хоть вкратце, что это был за “белый генерал”, о к<отор>ом Вы хлопотали, и самым решительным образом заявить, что заграничные газеты Вас печатают без Вашего ведома и согласия» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 32–33).

[2] Речь идет о рецензии Е.А. Зноско-Боровского на сборник Волошина «Стихи о терроре» (Берлин, 1923), помещенной в парижской газете «Последние Новости» (1923. № 218, 20 сент.). В ней стихи Волошина расценивались как «документ непререкаемой поэтической ценности относительно “страшных лет России”. Мощным стало мастерство поэта, окреп его голос».

[3] Н.А. Маркс – «белый генерал» в статье Б. Таля – в приводимой в ней цитате из указанной рецензии Зноско-Боровского: «Он <Волошин. – *Ред.*> приехал (в Екатеринодар, в центр белогвардейщины), спасая какого-то белого генерала, который при большевиках, подчиняясь просьбам и уговорам населения, знавшего его издавна, согласился служить по городскому управлению где-то в Крыму, и при приходе туда добровольцев был арестован их контрразведкой» (Стб. 153).

[4] См. т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 60–62, 786–788.

[5] В заключительных строках цитированного письма Вересаев спрашивал: «Решили не ехать в Москву? Жалко, если это всл<едствие> моего письма. Трудно брать на себя ответственность, но думаю, что во многих отношениях Вам было бы полезно побывать здесь». (Вересаев подразумевает свое письмо от 6 декабря 1923 г., см. примеч. 1 к п. 275).

[6] См. примеч. 1, 2 к п. 261.

[7] См. примеч. 4 к п. 288.

[8] См. примеч. 5 к п. 288.

[9] Имеется в виду п. 288.

[10] М.Г. Смидович.

299. Б.М. ТАЛЮ

12 января 1924 г. Коктебель

12 января 1924. Коктебель.
Почт<овый> адрес: Феодосия.
Д<ом> Айвазовского.

Б. Талю – Максимилиан Волошин:

Гражданин Таль!

Ваша статья «Поэтическая контрреволюция в стихах Максимилиана Волошина»,[1] которую я только что прочел, представляется мне не литературной критикой, а прокурорским обвинением.

Тем не менее Ваш тон по отношению ко мне, как врагу, достойному уважения, более порядочен, чем статья Зноско-Боровского,[2] которого Вы имеете неосторожность цитировать.

Я вынужден ответить Вам (не по предмету Вашего обвинения) письмом в редакцию, которое посылаю одновременно в «Правду» и в «Известия» с полной уверенностью, что оно напечатано не будет.

Наши силы неравны: Вы обвиняете, но обличаемый отвечать не может.

Если у Вас есть литературное мужество, предлагаю Вам напечатать прилагаемое «письмо в редакцию» в вашем журнале «На Посту». А вместе с ним мое стихотворение «Поэту Революции»[3] (каковым я себя считаю). Оно является моим литературным исповеданием и даст ответ на Ваши обвинения.

Спасибо за опровержение моей «нейтральности».[4]

Я не нейтрален, а гораздо хуже: я рассматриваю буржуазию и пролетариат, белых и красных, как антиномические выявления единой сущности. Гражданскую войну – как дружное сотрудничество в едином деле. Между противниками всегда провожу знак равенства.

Понятия «России» и «Русского Царства» для меня вовсе не совпадают с понятием «Монархизма», так же как «Револю-

ция» – с «Большевизмом». Но зато «Самодержавие» и «Большевизм» (понимая последний как бытовое выявление коммунистической идеологии) исторически постоянно совпадают друг с другом по закону тождества противоположностей.

Этапы текущей Революции я рассматриваю с точки зрения всей Российской и Европейской истории и думаю, что этим методом вернее нащупываю пути будущего, чем последователи предвзятых идеологий, верящие, что будет именно то, о чем они мечтают.

Вы интересуетесь (это самое стыдное место в Вашей статье, г. Прокурор!), насколько я лоялен по отношению к Советской Власти? Кому нужно – тем это известно.

Только этим можно объяснить то, что, несмотря на мою открытую борьбу не только с белым, но и Красным Террором, что было несравненно опаснее, – я до сих пор не расстрелян. Очевидно, Советская Власть, принимая меня таким, как я есть, находила меня человеком, полезным для Республики.

Разумеется, красных при белых и белых при красных я защищал не из нейтральности и даже не из «филантропии», а потому, что массовое взаимоистребление русских граждан в стране, где культурных работников так мало и где они так нужны, является нестерпимым идиотизмом. Правители должны уметь использовать силы, а не истреблять их подурацки, как велись все терроры, которых я был свидетелем.

Коммунизм в его некомпромиссной форме мне очень близок, и моя личная жизнь всегда строилась в этом порядке, государственный же – враждебен, как все, что идет под знаком Государства, Политики и Партийности.

Ваши домыслы о моем «монархизме»[5] – не больше чем прокурорская подтасовка. Я пишу четко и ясно, и надобно особо предвзятое мнение, чтобы вычитать в моих стихах то, что находите в них Вы.

В своем уединении я отстаиваю революционные яды несравненно сильнейшие и предназначенные не для текущей Революции.

Я предпочел бы поговорить с Вами обо всем этом лично. Но приехать в Москву я не могу: статьи вроде Вашей наглухо

закрывают для меня русские издания и окончательно лишают заработка: но к этому мне не привыкать стать, ибо вот уже 25 лет, как меня систематически вышвыривают из Русской литературы и захлопывают передо мной двери редакций.

Поэтому, если не боитесь заразиться, приезжайте ко мне сами в Коктебель. Наверное, летом Вас занесет на юг? От Феодосии это 15 верст пешком горной дорогой. Узнаете по крайней мере, кто я и каковы мои стихи в действительности.

Письмо это написано лично Вам, а отнюдь не для печати и не для «цитат». Не потому, что я бы остерегался высказывать мои идеи публично, но потому, что для идей это сейчас бесполезно, а для Советской Власти – вредно.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 1 к п. 298.

[2] См. примеч. 2 к п. 298.

[3] См. примеч. 4 к п. 275.

[4] Приводя историю преследования генерала Маркса в изложении Е.А. Зноско-Боровского, Б. Таль заключал: «Так спасал М. Волошин белого генерала, очевидно выявляя в этом свой “нейтралитет”. У нас, к сожалению, нет другого материала, который свидетельствовал бы о “нейтралитете” поэта <...> Зато у нас очень много материала противоположного характера, отчетливо показывающего, что “нейтральность” Волошина страдает порядочным изъяном на левый бок и обнаруживает солидную приверженность к контр-революции» (На посту. 1923. № 4. Стб. 154).

[5] Процитировав стихотворение Волошина «Заклятье о русской земле», Таль вынес вердикт: «...стихотворение Волошина по силе чувства, богатству образов и выдержанности является настоящим перлом монархического поэтического творчества»; «Это последовательный, горячий и выдержанный контр-революционер – монархист» (*Там же.* Стб. 163, 164). Разоблачения «славянофильского», «монархического» творчества «поэта-кликуши» завершаются приговором: «Живой, творящей, неуклонно движущейся вперед – к коммунизму – рабоче-крестьянской Советской России такое творчество не нужно» (*Там же.* Стб. 164).

300. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

12 января 1924 г. Коктебель

12.I.1924.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Мне вчера ночью не спалось, и пришла мысль ответить Б. Талю (кроме письма в редакцию) еще личным письмом.[1] Я его написал и вложил в отдельный конверт. Но я ведь не знаю, кто он. И стоит ли ему отвечать отдельным письмом? Поэтому я конверта не запечатал и посылаю Вам. Ежели Таль человек негодящий или письмо мое совсем не подходит к текущей минуте и вообще неуместно — сохраните его у себя в качестве литературного документа. Я не хочу Вас ставить в затруднительное положение человека, который должен решать мои личные вопросы: ехать мне или не ехать в Москву? Писать или не писать письмо? Я письмо это хочу послать. Но если это безумие и провокация — одерните меня.[2]

Поездка в Москву решается просто: денег проехать в Москву и обратно у меня хватит. Но, вернувшись, я останусь сух и без перспективы откуда-нибудь что-нибудь получить. Если бы я уже был в Москве — это бы имело смысл. Лучше принимать такие выпады в лицо, чем за глаза, и лучше самому нападать, чем укрываться.

Эти мысли продиктовали мне письмо к Талю. Но Бог его знает — кто он? Юноша, старик... Журнал называет себя старой гвардией и говорит от имени Общества Старых Большевиков, обнаруживает во всем крайний мальчишеский задор. Я не знаю его положение: что он — авторитет? Законодатель? С ним считаются? Или это приемы партийного Футуризма и Имажинизма?

Стихи ихних поэтов, которые, по-видимому, сами и пишут этот журнал, показались мне недурными.[3] Но уж очень по-футуристически звучит травля вообще всех писателей, кроме их группы. Верно, очень молодые.

До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 299.

[2] 4 февраля 1924 г. В.В. Вересаев отвечал Волошину: «Письмо Ваше целиком будет напечатано в ближайшем № “Красной Нови”. Сильно чесались у меня руки вычеркнуть букву т. перед фамилией Таля: *он* Вас не удостоивает считать товарищем, а для Вас он — товарищ! Ну, да Ваше дело. Письмо же к нему, в силу данных Вами мне полномочий, я не отправил: сидеть над клопом и убеждать его, что нехорошо испускать такие скверные запахи! Ну, да это тоже Ваше дело! А не отправил я потому, что народ это — оголтелый и бесцеремонный, из Вашего письма он выкроит нужные ему кусочки, так их отпрепарирует и так преподнесет публике, что пришлось бы Вам горько пожалеть, что связались с ним» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 36—36 об.). В машинописном тексте открытого письма Волошина, отправленного для опубликования, автор статьи о нем в журнале «На посту» пять раз упоминается как «т. Таль» и один раз — как «товарищ Таль» (см. публикацию по тексту, отправленному Вересаеву, в кн.: *Марков Анатолий*. Магия старой книги: Записки библиофила. М.: Аграф, 2004. С. 630—632). При публикации письма в «Красной нови» (1924. № 1. С. 311—312) обозначения «т.» и «товарищ» были сняты (ср.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 60—62).

[3] В «На посту», как критико-публицистическом журнале, стихи не публиковались, но в № 4 за 1923 г., с которым ознакомился Волошин, были помещены статья Сергея Ингулова «О живом человеке» (Стб. 77—104) с цитатами из стихотворений «пролетарских» поэтов М. Герасимова, В. Кириллова, А. Безыменского, И. Филипченко, Г. Санникова, Г. Лелевича и др. и статья С. Оленева (С.А. Родова «Самобытник (Беглые заметки)» (Стб. 127—142) — о поэзии А.И. Маширова-Самобытника, также с пространными цитатами.

301. Т.В. ШМЕЛЕВОЙ

12 января 1924 г. Коктебель

12/I 1924.

Милая Тамара,

с тех пор как ты уехала, пришел целый ряд писем из Ялты[1] и 5000 р. Посылаю тебе всё одним пакетом на имя Вересаева через Ягья Шерфе<т>динова, который появился здесь неожиданно — на каникулы. Посылаю тоже Вересаеву несколько писем — тоже для тебя, чтобы ты разнесла.

От Быстрениной получил письмо из Пензы – у нее умерла сестра. Ее вызвали домой. Она останется там до весны.[2]

С твоим отъездом радость покинула наш дом. Маруся до сих пор больна[3] и лежит в постели. Нарывы из уха перекочевали на ноги, губы и т.д. А иногда и ухо заболевает вновь. Я тоже простужен – жар и горло. Дома лазарет и холод собачий.

Очень скверно, что меня травят в коммунистических органах. Появился целый донос в № 4 «На Посту» «Контрреволюция в стихах Максимилиана Волошина», где меня обличают в «монархизме».[4] В Москве сама это увидишь и узнаешь от Вересаева больше, чем я сам знаю.

Как тебе жилось в Харькове?[5] Хорошо ли было. Напиши мне всё.[6] Получив от Нади письмо из СПБ,[7] мы поняли, что ты прямехонько попала спать на ее постель.

Как только Маруся станет ходить – побредем в Феодосию лечиться оба.[8] Крепко тебя целую, обнимаю и крещу.

Макс.

[1] Письма к Т.В. Шмелевой из Ялты – видимо, от членов ее семьи. Между ее отъездом из Коктебеля (1 января 1924 г.) и приездом в Москву прошло более трех недель (см. примеч. 1, 2 к п. 285).

[2] И.В. Быстренина сообщала Волошину в недатированном письме из Пензы: «Я уже месяц как уехала из Москвы, вызванная телеграммой – умерла сестра Оля. У нее была сердечная и нервная болезнь, жизнь за последние годы была очень мучительна <...> Несмотря на болезнь, она очень много работала и как поэт и как пьянистка, особенно как пьянистка. Концерты ее имели такой громадный успех, да и нам, ее близким, ее музыка давала столько радости. Что касается ее стихов, то мне очень хочется их прислать Вам, чтоб Вы дали о них отзыв. Очень мечтаю напечатать хоть некоторые из них» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 308, л. 52–52 об.).

[3] О болезни М.С. Заболоцкой см. п. 293.

[4] См. примеч. 1 к п. 298.

[5] По пути в Москву Т. Шмелева провела в Харькове не менее двух недель (отправила Волошину из Харькова поздравление с Рождеством 7 января 1924 г. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1309, л. 11), жила в квартире Домрачевых.

[6] Т. Шмелева написала Волошину лишь 6 мая 1924 г.: «...не сердись на меня, Макс, я даже не ответила на твое письмо, мне хоте-

лось просто поговорить с тобой, а в письме ничего не выходило. <...> В Москве я попала в очень хорошую рабочую компанию и занималась с наслаждением» (*Там же*, л. 12).

[7] Н.П. Домрачева. Имеется в виду ее письмо к М.С. Заболоцкой из Петрограда от 1 января 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 178, л. 4–6 об.).

[8] Намерение продолжить лечение в Феодосии не было осуществлено.

302. В.Я. ЭФРОН

20 января 1924 г. Коктебель

20/I 1924. Почт<овый> адр<ес:> Феодосия,
Коктебель. д<ом> Айвазовского.

Милая Вера,

твое письмо (зная твое отвращение к письмам) глубоко меня тронуло.[1] Я не ехал в Москву из-за отсутствия денег. Верней, из-за невозможности окупить поездку заработком (деньги давно отложены на поездку). Но сейчас привходит новое обстоятельство, которое мне говорит: ехать. Сейчас очень меня травят в Москве. И особенно последняя статья в «На Посту», обличающая меня в «активном монархизме».[2] В Москве – это верно не больше, чем литературный выпад. Для Крыма это политическое обвинение. Надо ехать искать ему антидотов. Я все время вишу на ниточке. И это решает мой приезд. Но не выезжаю сейчас потому, что болею. Все праздники проболела Маруся[3] – теперь я.

Прежде чем это письмо дойдет до тебя, у тебя, вероятно, уже побывает моя племянница – Тамара с другим письмом.[4] Полюби ее и позаботься об ней. Она очень хорошая девочка.

Коктебельские условия летом: комнаты – ничего, потому что у меня никто не платит. Но нет прислуги и надо самим сообща носить воду. Стол: предсказать невозможно. Но мы хотим у себя устроить коллективную экономическую столовую, и это, вероятно, удастся. Прошлым летом приезжие <с> севера все-таки удивлялись дешевизне, хотя с них

драли, на наш взгляд, возмутительно. С большою радостью приму у себя Ан<ну> Ал<ександровну> Кораго, и вообще всех, кого ты направишь ко мне. А относительно оплаты комнат – успокой ее тем, что это – правило и закон моего дома, и он является летним убежищем для писателей, художн<иков> и вообще всех, кого мне хочется к себе принять. Но относительно домашних услуг – я думаю, нам удастся это тоже организовать коллективно.

Я сам думаю вернуться в Коктебель к началу мая (из Москвы мне, верно, придется проехать сперва в Эривань для монографии о Сарьяне[5]), но если кто приедет раньше, то я оставлю распоряжения. Я приеду с Марусей, а дома останется старичок эмигрант – Зелинский, о котором я писал тебе, помнится, что знал Елис<авету> Петр<овну>[6] в молодости.

Но во всяком случае мы увидимся в Москве раньше. Спасибо, что в эти грустные дни первой годовщины ты была душою здесь.

Дул ледяной нордост. Мы служили панихиду в часовне.

Пожалуйста, Вера, занеси прилагаемое письмо Ек<атерине> Алекс<еевне> Б<альмон>т.[7] Я не вполне уверен в № дома 13 или 15 (две записи), но одно из двух.

Крепко, крепко тебя целую.

MAX.

[1] Имеется в виду следующее письмо (полученное в Феодосии, по почтовому штемпелю, 16 января 1924 г. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 24–24 об.):

7/I 24 г.

Милый Макс, так бесконечно долго ждем тебя в Москву. В чем дело? Почему не едешь? Болен или нет денег? Напиши о себе и своих планах. В Москве назначали точно сроки твоего приезда, квартиры, где ты остановишься. Тебя нет. <...> Я не умею писать, да и после стольких лет нужно увидеться. Очень и очень мечтаю о летней поездке в Коктебель. Так что напиши мне к весне условия жизни. <...> Ранней весной собирается в Коктебель одна знакомая Анна Александровна Кораго. Ее сестра – моя подруга. Можешь ли дать приют у себя на даче и во сколько приблизительно обходятся расходы на комнату и еду. Кораго родственники и Тютчева и Гаршина.

Макс милый, эти дни душой в Коктебеле и с памятью о Пра. Горячо целую тебя в голову.

Вера Эфрон.

Макс, ты мне очень нужен.

[2] См. примеч. 1 к п. 298.
[3] См. п. 293.
[4] Т.В. Шмелева. Имеется в виду п. 286.
[5] См. п. 281.
[6] Е.П. Дурново, по мужу Эфрон.
[7] Это письмо не выявлено.

303. А.А. ВЬЮГОВОЙ

21 февраля 1924 г. Феодосия

Александра Александровна, мы уезжаем,[1] глубоко возмущенные Вашей небрежностью:

1) Вы, не спросив разрешения, уехали в город в маминой вязаной шляпе, в которой Маруся (ради ушей) должна была ехать в Петербург, и ей приходится во все это путешествие пускаться черт знает в чем.

2) Вы были так невнимательны, что тот мешок, где была наша провизия, чайник, чай, сахар и т.д., не доставили к Успенским.[2] К сожалению, это обнаружилось только ночью. Поезд уходит завтра утром. Так что мы даже бутылки с водой для питья не имеем и достать уже не можем: едем без всего так, как сейчас путешествовать невозможно.

Маруся уезжает, возмущенная вами до последней степени, и я к ней присоединяюсь. Прошу мешок с чаем, сахаром, чайником и салфет<ками> найти по крайней мере и сохранить.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] По всей вероятности, 19 февраля 1924 г. Волошин и М.С. Заболоцкая пришли из Коктебеля в Феодосию и оттуда выехали 22 февраля в Харьков, где остановились на несколько дней у Домрачевых. 29 февраля прибыли в Москву (Труды и дни-2. С. 212–213).

[2] Подразумевается квартира Успенских в Феодосии.
[3] Приводим ответное письмо А.А. Вьюговой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 373):

Дорогие Максимилиан Александрович и Марья Степановна, хочется написать ласковое письмо, но не знаю, как с Вашей стороны примется это письмо.

Благодаря Вашей записке я теряюсь, как с Вами говорить. Я все вещи доставила в целости, а относительно шапки вышло недоразумение. Вы, Марья Степановна, дали мне сами шапку и сказали, что едете в другой. Так что такая записка, какую я получила, не соответствует моим поступкам, да и упреков очень много, спасибо, за все спасибо.

Любящая Вас А. Вьюгова.

304. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

14–24 февраля 1924 г. Коктебель – Харьков

14.II.1924. Коктебель.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Вот уже больше месяца, как мы отрезаны от всего окружающего мира заносами, вьюгами, морозами, ураганами. В город ни пройти, ни проехать. Но сегодня и вчера – усиленная оттепель, повеяло весною и надеждой, что дороги подсохнут и можно будет пробраться в город,[1] где, наверное, накопилось много писем: все, что так долго были задержаны харьковскими буранами в январе и просто залежавшиеся в городе. Наверное, есть письмо и от Вас: в ответ на присылку «На Посту» я Вам ответил с оказией, с Шеферетдиновым, татарином-композитором из Отуз.[2] Он в 20-х числах января должен был уже быть в Москве. Помню Ваше предупреждение об ненадежности «оказий».[3] Но что ж поделаешь, когда почтовый тариф стал так несусветно высок, а переписка – обширна. Он мне дал слово передать Вам пакет сейчас же. Там было все относительно статьи в журнале «На Посту» и 3 экземпляра моего письма в редакцию.[4] Надеюсь, что Вы получили все вовремя и что ответ Ваш меня ждет.

Ваше сожаление, что меня нет лично в Москве в этот момент, заставило меня решиться было ехать, несмотря ни на что, но эти заносы и вьюги наглухо завинтили нас в Коктебеле. Зато я за это время кончил свою поэму «Россия» (450 стихов),[5] над которой работал 2 месяца целыми днями, несмотря на холод и нетопленый дом. В ней все, что думалось о петербургской России (с Петра до наших дней) и, в виде лирических мотивов, было даже отрывочно высказано раньше в небольших стихотворениях. Это дополнение к «Китежу», «Дикому Полю», «Северо-Востоку», но взятое уже с петербургской точки зрения, как для Китежа перспективой была Москва, а для «Дикого Поля» и «Северо-Востока» южная степь и Крым. Поэма «Россия», конечно, *нецензурна*. (Как и я сам, и все бытие и мышление, и все, что я в будущем могу написать – как мне это совершенно ясно раскрылось из № «На Посту».[6]) Не столько статья обо мне, сколько весь № целиком, признаюсь, произвел на меня очень сильное и подавляющее впечатление – потому что как-никак, а ведь это орган официальный, и, очевидно, мнение его дает тон всей литературе сейчас. До прочтения этого № я чувствовал себя как-никак – в русской литературе, а сейчас чувствую себя совершенно вне ее, как будто бы жил и писал все время в Париже или в Берлине.

Мне очень хочется знать Ваше мнение о «России». Это опять одно из тех стихотворений, о которых не знаешь: что они? Имеют ли право они быть стихами? Вот рифмованные стихи – легче гораздо. Там есть самооправдание каждой строки. А эти (как все «Путями Каина»), насыщенные мыслями, не опирающимися на рифму, – я их чувствую все рукописями, запечатанными в бутылку при кораблекрушении. Может, выплывут и кому-то станут нужны. Но когда? Кому? Ведь переменись внезапно государственный строй в России – все эти стихи опять станут нецензурны – уже с другой стороны. И, даже читая сам эти стихи («Путями Каина») друзьям, я все-таки не чувствую наголоска; ловят то, что может назваться антибольшевицким. И я не знаю даже, «доходят» ли они? Действуют ли они как цельное поэтическое произведе-

ние? Я все больше и больше чувствую себя *обремененным* всем написанным за эти годы и не ушедшим от меня. Понимание, даже просто опубликование – *отнимают* сделанное и освобождают для дальнейшего. Сейчас работаю над главой «Таноб» («Путями Каина») – *аскетизм* религиозный и научный, в конце концов оправданный, как исконная форма *мятежа.* Очень тоже назревает последнее время новая – чисто социальная – глава, которую мысленно называю «Ставка на Рабочего» (за кем грядущее культурное творчество из социальных элементов Европы?). Ответ: не буржуазия, не рабочие, а зачинатели, организаторы и бунтовщики – в научной и моральной области.[7]

Пожалуйста, напишите, Викентий Викентьевич, и Ваше личное мнение о «России» по существу, и впечатление тех, кому будете читать. Это письмо я допишу в городе, когда туда проберусь и найду Ваше письмо. Привет Марии Гермогеновне.[8]

Максимилиан Волошин.

24.II.1924, Харьков.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Первую часть этого письма я начал в Коктебеле. «Отлипнуть» от Коктебеля мне все-таки удалось. До Феодосии добрались пешком. И вот теперь – до Харькова,[9] несмотря на заносы, в которых сидели сутки (около Мелитополя – Синельникова).

Путешествие оказалось гораздо тяжелее для меня, чем я предполагал: астма от курева в вагонах, от морозного воздуха и т.д. И моя болючая спина очень томится на деревянных скамейках. Надеюсь, что обвыкну и вытренируюсь. Но пока очень тяжко.

В Харькове пробуду дней 5–6. А затем в Москву.[10] Поэму «Россия» привезу сам – посылать уже не стоит. Пишу только для того, чтобы предупредить о приезде.

Хотя мне так плохо дышать и на улицах, и в квартирах, легкие так реагируют на табачный дым, кухонный чад и

мороз, что у меня уже не раз являлась малодушная мысль вернуться обратно в Коктебель, где я не задыхаюсь. Но все-таки до Москвы я доберусь во что бы то ни стало, раз уже столько перетерпел. Хотя бы для того, чтобы посоветоваться с врачами.

P.S. В момент отъезда из Феодосии я получил письмо от доктора Саркизова с предложением относительно моей дачи.[11] Большое спасибо Вам за постоянную память о моих интересах. Но предложение Саркизова относительно Малого театра не устраивает меня. Ведь у меня уже есть свой круг людей — главным образом писателей и художников, которые приезжают ко мне (и это уже 30-летняя традиция[12]). У меня есть фонд основных обитателей. Напротив, с театральным миром, на основании горестного опыта, мы решили не иметь дела. (Сплетни, дух интриги, отсутствие чувства товарищества.) И особенно плохо зарекомендовал себя в этом отношении в прошлом году Малый театр в лице двух своих представительниц.[13] Мне ведь нужно не столько сохранение моей дачи, сколько возможность продолжать свое дело в смысле приюта литераторов и художников и право немедленно отмежевываться от всех элементов, несущих с собою скверный и пошлый мещанский дух столичной художественной среды. Но я думаю, что я лично сговорюсь с Саркизовым, объяснив ему, что главная моя цель — отнюдь не сохранение моей дачи, и мы сойдемся в другой комбинации.

Макс. Волошин.

[1] См. примеч. 1 к п. 303.

[2] Имеется в виду п. 298.

[3] В письме к Волошину от 10 мая 1922 г. В.В. Вересаев советовал: «Пишите лучше почтой, — она теперь, по-видимому, идет довольно исправно. А с оказией Ваше письмо от середины марта я получил только на днях» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 10); в письме от 14 декабря 1922 г. вновь предлагал: «Да бросьте эту пересылку с оказиями, — письма либо не доходят, либо доходят с большими запозданиями. Почта теперь, по крайней мере, *к нам* от вас, работает удовлетворительно» (*Там же*, л. 14—14 об.).

[4] См.: Т. 6, кн. 2 наст изд. С. 60–62.

[5] Дата окончания работы под текстом поэмы – 6 февраля 1924 г. (Т. 1 наст. изд. С. 380).

[6] Подразумевается № 4 журнала за 1923 г., включающий статью Б. Таля «Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина».

[7] Этот замысел остался невоплощенным.

[8] М.Г. Смидович.

[9] В Харьков Волошин и М.С. Заболоцкая прибыли 24 февраля 1924 г.

[10] См. примеч. 1 к п. 303. В Москве Волошин и М.С. Заболоцкая остановились в квартире Ф.П. Кравца в здании Ярославского вокзала.

[11] Речь идет о письме из Москвы И.М. Саркизова-Серазини (на именном бланке: «Доктор И.М. Саркизов-Серазини. Ординатор терапевтической клиники III Московского Государственного Университета») от 6 февраля 1924 г.: «По предложению Викентия Викентьев<ича> Вересаева, обращаюсь к Вам, поэт, со следующим предложением: В.В. мне сообщил, что у Вас есть дача в Коктебеле в 15 ком<нат> и что Вы сдали бы эту дачу кому-нибудь совершенно безвозмездно с условием, чтобы с Вас были сняты налоги и чтобы Вы лично остались бы на своей даче. <...> Лично я являюсь членом президиума "Всероссийс<кого> О<бщест>ва по изучению Крыма", и наше общество, помимо 2-х собств<енных> дач в Гурзуфе, было озабочено, последнее время, приисканием дачи для ассоциации московских художников, писателей, поэтов, артистов и т.д. <...> Что же касается дачи в Коктебеле, то после моих переговоров с Малым театром, с А.И. Южиным <...> последний предложил мне взять Вашу дачу для Малого театра. Таким образом, если Вы действительно хотели бы уступить Вашу дачу на определенное время, в своих личных интересах, то Малый театр взял бы ее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1084, л. 1–1 об.).

[12] В данном случае правомерно говорить лишь о трех десятилетиях, прошедших со времени поселения Е.О. Кириенко-Волошиной с юношей Волошиным в Коктебеле; пристанищем для множества гостей дом Волошина стал во второй половине 1900-х гг. и главным образом в начале 1910-х гг.

[13] Подразумеваются актрисы Малого театра Евгения Александровна Буткова и Зоя Александровна Сахновская (урожд. Лошкарева; ?–1973).

305. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

4 апреля (?) 1924 г. Москва[1]

Маруся, я не дождался 2-х час<ов> и не мог позвонить Винаверу, пожалуйста, позвони ему между 2—4 <часами> по тел<ефону> № 2-41-90 (его зовут Михаил Львович) и спроси от моего имени — не попали ли 2 червонца между бумаг, вчера ему переданных.

Иначе же я их обронил на диване у Вар<вары> Дм<итриевны>, вытаскивая бумаги для Винавера.

Мах.

[1] Предположительная датировка — по дню посещения Варвары Дмитриевны Финкельштейн в Москве (3 апреля 1924 г. // Труды и дни-2. С. 218).

306. С.А. ТОЛСТОЙ

24 мая 1924 г. Коктебель

24/V 1924. Коктебель.

Милая Соня, позавчера мы приехали в Коктебель.[1] Вечером. С большой компанией спутников по вагону, которые остались ночевать, чтобы назавтра искать комнат по Коктебелю. В Феодосии — 20 минут. Нилушка[2] успела сунуть пачку писем, скопившихся за эти месяцы. Среди них — Ваше большое, со вложением Ирининого.[3] Вчера — целый день — пыль столбом — выпотрошенные постели и костюмы по балконам. Осмотр течей и разбитых окон. Ущербы посуды. Тщетные поиски ключей, запрятанных Марусей пред отъездом. Сморщившийся еще больше Иосиф Викт<орович>.[4] Знакомство с новыми *уже* живущими людьми у нас в доме. А вне дома знойное солнце и свежий ветер, вечный прибой и трава по пояс в саду, и очередные гадости из деревни.

Сейчас сижу в своей светлице наверху. Первый день и первые часы тишины. Маруся внизу доживает хозяйственные

ущербы, радости о курах и волнения <о> ненаходимых ключах. Я читаю письма. И хочется откликнуться несколькими словами на Ваше мартовское письмо.

Потому что, прочтя его, мне показалось, Соня, что я совсем не видал Вас в Москве. Сейчас я все мелькнувшее за эти 3 месяца уже начинаю воспринимать другим – коктебельским просветленным сознанием, и мне кажется, что предо мной мелькают – как в городской комнате в свете луча, падающего на стену сквозь притворенную ставню, – тысячи безликих шагающих кверху ногами теней, и я могу различить только их количество и движение. И совершенно не могу различить самого себя. Я был каким-то граммофоном, стершим свои валики за 3 месяца непрерывной работы. И я совершенно не общался с людьми по-человечески. Я был «porte-voix»* своих собственных чувств и мыслей, но не текущих, а прежних, пережитых и зафиксированных. Это очень позорно. Лишь два момента подлинной жизни, которые я пережил и унес с собою сюда: Лик Владимирской Богоматери и рукопись Аввакума.[5]

Милая Соня, я ужасно мало успел разглядеть Вас в Москве. Я видел Вас оживленной, хорошо одетой, очень похорошевшей, но никак не успел прикоснуться душевно ни к Вам, ни к Ольге Константиновне,[6] которую так хотел видеть и которая так мне понравилась. Ото всего осталось чувство бесконечного торопления, физической усталости и невозможности все охватить и увидеть сразу. А вот в письме нашел Вас живую, трепещущую, настоящую. И захотелось сразу же Вам ответить в это первое утро коктебельской творческой тишины. Приезжайте непременно и поскорее. Уж очень большое чувство неудовлетворенности осталось от Москвы, и так хочется повидаться с Вами по-человечески.

Большое спасибо за все, что было в Москве – и за ласку, и за последний вечер,[7] и за все хлопоты обо мне.

Деловые сведения: в Коктебеле страшно подорожали комнаты, т<ак> к<ак> арендную плату и налоги на *каждую* комнату с владельца подняли до 3½ червонцев. Тогда даче-

* «Рупор» *(фр.)*.

владельцы назначили плату по 10—15 червонц<ев> в месяц за комнату. Все стали бежать. Сейчас плата понижена себе в убыток до 4—5 червонцев. Что, конечно, все-таки чрезмерно. То же с продуктами. Обед сейчас 80 к. —1 р. У нас *будет* своя столовая на даче. Все уже сорганизовано. Предупредите об этом повышении цен тех, кто собирается. Меня, конечно, налог на комнаты не касается.

Максимилиан Волошин.

Крепко обнимаю и целую. Привет Ольге Констант<иновне>, Татьяне Львов<не> и Валент. Михайл.[8] Маруся сейчас перегружена работой. Уже сегодня приехали новые гости. Крепко Вас целует и написать не имеет возможности ни слова.

[1] Волошин выехал из Москвы вместе с М.С. Заболоцкой и К.Ф. Богаевским 20 мая 1924 г., прибыл в Феодосию 22 мая и в тот же день в Коктебель (Труды и дни- 2. С. 225).

[2] Н.В. Успенская.

[3] Имеются в виду письмо С.А. Толстой из Москвы от 14 февраля 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 6—7 об.) и письмо И.В. Карнауховой от 5 февраля 1924 г. (*Там же*, ед. хр. 629, л. 1—2 об.).

[4] И.В. Зелинский.

[5] Икона Владимирской Богоматери — одна из самых прославленных икон в Древней Руси, привезенная в Киев из Константинополя в начале XII в. С иконой, расчищенной от поздних записей, предоставил возможность ознакомиться Волошину искусствовед и реставратор А.И. Анисимов 15 мая 1924 г. в московском Историческом музее. Как вспоминает Т.В. Шмелева, «Максу дали кресло, и он в молчании и одиночестве провел у этой иконы несколько часов» (Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. В. Купченко и З. Давыдов. М.: Сов. писатель, 1990. С. 485). Рукопись Жития протопопа Аввакума Волошин видел в Ленинграде 6 мая 1924 г. в Академии наук у С.Ф. Ольденбурга. См.: Труды и дни-2. С. 223, 224.

[6] О.К. Толстая.

[7] Согласно свидетельствам Волошина, зафиксированным в его записной книжке, он 14 марта выступал с чтением стихов у С.А. Толстой на Остоженке, посетил ее 5 апреля (в этот день подарил ей свою книгу «Иверни») и был у нее на обеде 14 мая (Труды и дни-2. С. 214, 218, 224).

[8] Т.Л. Сухотина-Толстая. Валент. Мих. — неустановленное лицо. (Возможно, допущена ошибка и подразумевается Владимир Михайлович, упоминаемый в том же контексте в письмах 342, 354).

307. А.И. ПОЛКАНОВУ

24 мая 1924 г. Коктебель

24.V.1924. Коктебель.

Дорогой Александр Иванович,

конечно, с удовольствием предоставлю Вам с 1 июля – комнату. Но только одну на 3-их, ибо все заранее переполнено. А повышение цен в Коктебеле, конечно, бросит мне еще десятки ищущих прибежища, так что надо быть очень экономным в распределении комнат. Июль, август – это самые переполненные месяцы. Мне надо заранее знать о твердом Вашем согласии, чтобы комнаты не стояли порожние.[1] Рекомендую привезти с собою мешки для сена, и обеденный прибор (с тарелкой) и таз – если в нем нуждаетесь. Стол будет на даче (около рубля обед). Комнаты – бесплатно. Прислуги нет. Воду носить самим. Совсем – не курорт. Свободное дружеское сожитие, где каждый, кто придется «ко двору», становится полноправным членом. Для этого же требуется: радостное приятие жизни, любовь к людям, внесение своей доли интеллектуальной жизни.

Максимилиан Волошин.

Почт<овый> адр<ес>: Феодосия. Дом Айвазовского.

Когда Вы приедете: с 1 июня или июля? У Вас неразборчиво. А это крайне важно. И июнь желательнее.[2]

[1] Ответ на письмо А.И. Полканова (бывшего заведующего Крымского Отдела по охране памятников искусства и старины) из Симферополя от 12 мая 1924 г., в котором он просил Волошина дать приют в доме его семье с 1 июля – «приблизительно на 1 месяц» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 986).

[2] В письме от 4 июня 1924 г. (*Там же*) Полканов благодарил Волошина за согласие принять его семью и сообщал об изменении обстоятельств («ранее августа не сможем выбраться»).

308. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

25 мая 1924 г. Коктебель

Дорогая Рашель Мироновна, крепко обнимаю Вас, Еву, Н<адежду> Ив<ановну>, Мишу,[1] девочек. Привет Бердяев<ым> и Котляревск<им>.[2]

В Коктебеле – дивно. Уже знойные полудни и еще холодные звездные ночи. Последняя неделя в Москве была лучшим временем всего путешествия.[3]

MAX.
25 V 1924.

[1] Е.А. Фельдштейн, Н.И. Ивановская, М.С. Фельдштейн.

[2] Видимо, Глеб Сергеевич Бердяев (псевдоним Гл. Глебов; 1897 – конец 1950-х гг.), экономист, литературный критик, племянник Н.А. Бердяева, и его жена Вера Викторовна (урожд. Воронцова-Вельяминова; 1899–1946); Сергей Андреевич Котляревский (1873–1940), историк, юрист, политический деятель (кадет), и его жена Екатерина Николаевна (урожд. Орлова; 1886–?), врач. 18 мая 1924 г. Волошин обедал в Москве у Котляревских (Труды и дни-2. С. 225).

[3] Во время пребывания в Москве с 11 по 20 мая 1924 г. Волошин и М.С. Заболоцкая остановились у Фельдштейнов и Гольдовских в их квартире на Плющихе (д. 65 а) (*Там же*. С. 224).

309. А.П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ

25 мая 1924 г. Коктебель

25.V.1924.
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,

третьего дня мы добрались до Коктебеля.[1] Сразу с целой уймой гостей.[2] И каждые два дня с поездом приезжают новые. Дни ясные солнечные, знойнеют ежеднев<но>. С нетерпением ждем Вас. Когда? Около 15 июня? Напишите, пожалуйста.

Относительно билетов для Вас и для Кустодиева:[3] инженер Феликс Павлович Кравец – предупрежден. Он заведует

пассажирским движением в Нарком-пути (около Красных ворот). Его деловой телефон 38-39, а домашний (1-51-52). Адрес дом<ашний>: Земляной вал, 31, кв. 4 (на площади же Курского Вокзала). А место службы в двух шагах от Николаевского. Напишите ему в Наркомат Путей Сообщения предварительно. Он Вам забронирует места в Феодосийском вагоне, который ходит с почтовым поездом по вторникам, четвергам, субботам. Не соблазняйтесь скорым поездом, т<ак> к<ак> все выгаданное время Вам придется потерять на Джанкое в ожидании того же почтового поезда от 2-х час<ов> ночи до 12 дня. Причем ожидающим *запрещают* спать и за сиденье в буфете с *закрытыми глазами* – штрафуют. Вагон *только* твердый и на Феодосию – один. Ин<женер> Кравец – знает Ваше искусство и с особенным удовольствием сделает все. Конечно, сошлитесь на меня. Он человек крайне обязательный и любезный.

Цены сейчас в Коктебеле на комнаты очень подняты: меньше 5 черв<онцев> в месяц нельзя найти комнату, т<ак> к<ак> дачевладельцев обложили 3 червонцами со сдаваемой комнаты. Сперва они взвинтили цену до 15 черв<онцев>, но когда стали все проезжать мимо, то цена понизилась. Но это меня и моей дачи не касается. Обеды сейчас по 80 к. У меня на даче организуется домашний стол за эту цену, но, вероятно, она летом повысится до рубля.

Не забудьте захватить: мешка для сена, обеденного прибора, таза для умыванья, светильника (или свеч), висячего замка для запирания комнаты, подушки (они полезны и для путешествия в твердом вагоне). Примус никогда небесполезен.[4]

Маруся[5] занята целые дни водворением порядка в доме. Я спешу ответить на уйму скопившихся писем и скорее приняться за акварели и стихи. Из окна – шум моря, крики и плеск купающихся. Полдень. И совсем по-летнему знойно.

Привет Сергею Васильевичу.[6] Ждем.

Максимилиан Волошин.

Почт<овый> адр<ес>: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

[1] Из Москвы в Коктебель Волошин и М.С. Заболоцкая прибыли 22 мая 1924 г. (см.: Труды и дни-2. С. 225).

[2] Имеются в виду М.Т. и М.К. Самойловы, Е.Н. Страхова.

[3] С Б.М. Кустодиевым Волошин встречался в Ленинграде 16 апреля 1924 г., в начале мая позировал ему для портрета (Труды и дни-2. С. 220–222). Поясной портрет Волошина работы Б.М. Кустодиева находится в Москве в Литературном музее. В ДМВ сохранился также сделанный Кустодиевым эскиз к портрету Волошина. См.: Образ поэта: Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 1997. Между с. 32–33, 148–149. Летом 1924 г. Б.М. Кустодиев в Коктебель не приехал. В письме от 13 июля он сообщал Волошину: «К моему большому огорчению, нам не придется воспользоваться Вашим любезным приглашением и побывать у Вас в Коктебеле – устроились в Луге, где живем уже 1½ месяца и, видимо, проживем и август здесь. Как ни соблазнительна для меня поездка в Крым, но поднять теперь ее я не в состоянии – надо много денег, а здесь как раз так подошло, что с трудом оборачиваюсь и уже не могу мечтать о такой дальней и сложной поездке. <...> Выставили Ваш портрет на нашей выставке, сделал на нем фон – взял из Вашего этюда, что Вы мне подарили, горы, облака. <...>. С большим удовольствием вспоминаю неделю, что Вы были в Петербурге, и очень жалею, что не придется еще повидаться с Вами, побеседовать и побыть в Коктебеле» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 742, л. 1–2).

[4] 4 июня 1924 г. Остроумова-Лебедева отвечала Волошину: «Все Ваши советы и указания приму во внимание и захвачу все, что надо, с собой. <...> Относительно сенников я захвачу для Сергея Васильевича, а для меня я очень прошу мне поискать тюфяк, так как из-за астмы я не могу употреблять сенников <...>. Выедем мы, вероятно, около 15-го июня, а до отъезда к Вам нам надо еще переехать на другую квартиру. Мне сейчас кажется наше будущее пребывание в Коктебеле какой-то далекой мечтой <...> Итак, мы будем у Вас между 15-м и 20-м июня, если все будет так, как мы предполагаем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 1-2). А.П. Остроумова-Лебедева и ее муж С.В. Лебедев приехали в Коктебель около 25 июня (Труды и дни-2. С. 229).

[5] М.С. Заболоцкая.

[6] С.В. Лебедев.

310. С.А. ТОЛСТОЙ

27–29 мая 1924 г. Коктебель

27/V 1924. Коктебель.

Милая Соня, как Вам не стыдно писать нам такие длинные, церемонные и извиняющиеся письма!![1] Конечно, для нас будет Ваш приезд с Ольгой Константиновной[2] громадной радостью. Неужели Вы смотрите на Коктебель не как на свой собственный дом? Милая Соня, разве Вы не понимаете, что общение с таким человеком, как Ваша мама, может быть счастьем для каждого? Одна из наибольших неудовлетворенностей, вынесенных мной из Москвы, – это невозможность ближе познакомиться с Ольгой Константиновной и как следует поговорить с ней. И ее приезд рассматриваю только как неожиданный подарок судьбы. А о падчерице Вашей[3] и вопроса быть не может. Маруся[4] готова больных детей со всего света собрать в Коктебель. Вопрос только в том, чтобы Вы приехали как можно скорее. Сейчас же. А то будет слишком трудно задержать для Вас хорошую комнату. Едут с севера люди неудержимо. Но, конечно, приму все меры – только бы устроить Вас.[5]

Помните, что необходимо с собой привезти: мешки для спанья (чтобы набить сеном), тарелки (крайний недостаток), обеденные приборы, таз для умыванья, светильник или свечи. Цена питанья (обеды на нашей даче) – определяется так: 80 к. обед, 2 р. пансион в день с человека. Летом, может быть, цены еще повысятся.

Маруся, которая во всем присоединяется к этому письму, но сейчас по горло выпачкана в глине, т<ак> к<ак> эти дни идет приборка, штукатурка, замазка, кричит снизу: «Макс... напиши, чтобы Соня привезла нам фунт настоящего кофе в зернах, фунт цикория, и ситцу 5 метров – беленького, с цветочками... да, – хо-рошенького. Не дороже 60 коп. Пусть сама выберет... Мы здесь заплотим...».

Получили ли мое письмо, что написал Вам сейчас же по приезде? Вчера приехали Габричевские.[6]

29/V. Габричевские уже обвыкли. Наташа[7] оказалась очаровательной и необычайно подходящей к Коктебелю. Разго-

варивает на всех птичьих и звериных голосах. На животных она производит колоссальное впечатление. В нее уже влюбился колоссальный болгарский «вепрь» с двумя детенышами и петух. Вепрь не отходит от ее дверей и всюду ходит за нею. Петух непрестанно сидит против нее на перилах и орет во всю глотку.

Сегодня к вечеру приезжает А. Белый.[8] Дом еще не переполнен, но наполняется с каждым днем. Дни стоят знойные. Ждут гроз. Вчера ходили на Карадагскую станцию.

До свиданья. Чем скорее, тем лучше.

Пусть все удастся, пусть деньги найдутся, пусть Вы — приедете. Маруся всех приветствует и целует.

Макс.

[1] 24 мая 1924 г. С.А. Толстая писала Волошину: «Мне ужасно трудно и страшно писать Вам, не знаю, что вы обо мне подумаете, но надо решаться. Дело в том, что моя мать очень болеет, у ней гайморит <...>. Д<окто>ра говорят, что ей необходимо солнце. А моя маленькая падчерица тоже очень плоха во многих отношеньях и сейчас все не может оправиться от кори. Мне и пришло в голову, не согласились бы вы принять нас втроем? <...> т<ак> к<ак> вы, по-видимому, хотите предоставить мне комнату, то не все ли вам равно, если в этой комнате вместо одного человека будет жить трое? <...> кроме того, я надеюсь, что вы подружитесь и близко сойдетесь с моей матерью» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 10–11).

[2] О.К. Толстая.

[3] Наталья Сергеевна Сухотина.

[4] М.С. Заболоцкая.

[5] С.А. Толстая поблагодарила Волошина за «чудесное письмо» 1 июня 1924 г.: «...не могу никак понять, за что Вы так хорошо ко мне относитесь, чем я это заслужила»; в письме к Волошину от 7 июля она сообщала о предполагаемом приезде в Коктебель «около 10-го авг<уста>» (*Там же*, л. 12, 14 об.).

[6] С А.Г. Габричевским и его женой Н.А. Габричевской Волошин познакомился в Москве в начале марта 1924 г., посетил их московскую квартиру (ул. Герцена, 6) 24 марта (Труды и дни-2. С. 216).

[7] Н.А. Габричевская.

[8] Андрей Белый приехал в Коктебель 1 июня (вместе с К.Н. Васильевой, О.Н. Анненковой и Д.Н. Часовитиновой).

311. С.Ф. ПЛАТОНОВУ

1 июня 1924 г. Коктебель

1.VI.1924. Коктебель.

Многоуважаемый Сергей Феодорович,

с громадным удовольствием дам у себя приют Гавриилу Павловичу Кондратенко[1] – т.е. сдам комнату с двумя кроватями. За комнату никакой платы и никаких взносов не полагается. Бесплатного стола, к сожалению, не могу предложить. Но у меня организовалась это лето на даче коммунальная столовая. Обед обходится около 80 к. Пансион – 2 р. в день. Лето обещает быть очень людным. Потому рекомендую выехать или немедленно (чтобы застать комнату), или в сентябре – когда вообще публика схлынет (а погода прекрасная).

М<ожет> б<ыть>, Вы сами, Сергей Феодорович, если Вас занесет на юг, навестите меня в Коктебеле?[2] Летом, боюсь, все будет переполнено до отказа; но осенью станет просторно и тихо. Для меня бы это была величайшая радость. Не знаю, как благодарить Вас за то счастье, которое Вы доставили мне, направив меня к В.Г. Дружинину.[3]

«Книжица» Аввакумова[4] в СПб и Владимирская Богоматерь[5] в Москве – это было самое сильное из всего, что мне удалось повидать теперь на севере после 7 лет отсутствия. А беседа с Василием Григорьевичем о расколе раскрыла еще новые истоки вдохновения и восторга пред русской историей.

Большое спасибо за тексты Аввакума.[6]

Ваши «Очерки по истории смуты»[7] давно служат мне настольной книгой. И я не оставляю мысли дать географическую картину Московского царства в поэтической форме по образцу «Tableau de la France» Мишле[8] на основании первой главы Ваших «Очерков».

Сейчас Русская Революция необыкновенно приблизила и осветила до четкости поразительной отошедшие эпохи и приковала меня к Русской истории, которой я раньше (как Парижанин, как слушатель Gaston Paris и André Michel[9]) был чужд. Моя довольно обширная библиотека в Коктебеле состоит исключительно из французских изданий и очень бедна русскими книгами. А последние семь лет усобицы я был

совершенно отрезан от севера, от книг, от нов<ых> изданий. Поэтому Ваш подарок и книги, присланные мне Археографической Комиссией по предстательству В.Г. Дружинина (оттиски из XIII тома[10]), являются для меня насущной пищей. Во время поездки моей теперь в центр я очень мало успел узнать нужного для себя, потому что был разрываем на части, и мне приходилось читать стихи иногда по 18 час<ов> в сутки, переходя из дома в дом. Потому простите меня, Сергей Феодорович, если я попрошу Вас указать мне те из Ваших книг, вышедших за последние годы (с начала войны), которые могли бы мне быть полезны и необходимы для моих работ.[11]

Г.П. Кондратенко же прошу передать, что жду его к себе, но также и то, что здесь в Коктебеле он найдет не цветущую Тавриду, а голую, суровую, обожженную Киммерию, приближающуюся не к Итальянскому, а к Греческому пейзажу.[12]

Максимилиан Волошин.

Почт<овый> адрес: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

[1] Ответ на письмо С.Ф. Платонова от 24 мая 1924 г. из Ленинграда с ходатайством: «Обращаюсь к Вам, как проситель, вот по какому делу. В Питере живет одинокий и больной художник-пейзажист Гавриил Павлович Кондратенко (много работавший в Крыму). Ему за 70 лет; он может двигаться только с провожатым, очень скромен, общителен, приятного нрава. Конечно, он беден, даже очень беден. Я решаюсь просить Вас сообщить ему, или же мне, может ли он рассчитывать (и за какой взнос) на помещение у Вас в Коктебеле с его провожатым. <...> Г.П. Кондратенко – мастер старой манеры, но – мастер. В свое время он много поработал для пропаганды Крыма сочной кистью. От души хотелось бы помочь ему вновь повидать Крым» (Максимилиан Волошин и академик С.Ф. Платонов. Материалы к истории взаимоотношений / Публ. А.Н. Зиневич // Русская литература. 2013. № 1. С. 182).

[2] На приглашение Волошина Платонов откликнулся 9 июня 1924 г.: «Спасибо Вам за приглашение. На июль собираюсь в Германию, но очень ценю возможность знать, что после в случае усталости или досуга могу рассчитывать на угол в Коктебеле» (*Там же*. С. 183).

[3] С В.Г. Дружининым, историком, археографом и палеографом, членом-корреспондентом РАН с 1920 г., Волошин встречался 6 мая в Ленинграде в Археографической комиссии. (См.: Труды и дни-2. С. 233). В августе 1924 г. Дружинин приезжал в Коктебель (*Там же*. С. 233).

[4] Речь идет о приобретенном В.Г. Дружининым в 1912 г. сборнике XVII в., включающем автограф Жития Аввакума и Жития Епифания (первая часть). См.: *Дружинин В.Г.* Пустозерский сборник. СПб., 1914. Ныне сборник хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (СПб.) в собрании Дружинина, № 746 (790).

[5] Волошин видел икону Владимирской Богоматери, работы византийских мастеров XI в., в Москве в Историческом музее 15 мая 1924 г. См.: *Шмелева Т.* Навечно в памяти и жизни // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 485). В письме от 24 ноября 1924 г. Платонов поддержал восторг Волошина: «Да, Матушка Владимирская поразительна!» (Русская литература. 2013. № 1. С. 182.).

[6] Вероятно речь идет об издании «Книга бесед» Аввакума (Пг., Археограф. комиссия, 1917), которое с пометами Волошина сохранилось в его библиотеке, и об издании Жития протопопа Аввакума Археографической комиссией (Пг., 1916, VII, 250 с.), также сохранившемся в библиотеке Волошина.

[7] Имеется в виду издание: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 1899. В ответном письме Платонов заметил: «Трогает меня и то, что Вы приметили 1-ю главу моих “Очерков”. В свое время меня озадачило то, что Географич<еское> общество ее вовсе не заметило» (Русская литература. 2013. № 1. С. 183).

[8] Речь идет о кн.: *Michelet J.* Tableau da la France. Géographie physique, politique et morale. Paris, Librairie Internationale A. Lacroix et Cie, 1875.

[9] Лекции французского филолога-медиевиста, Гастона Париса Волошин слушал в Париже в 1901 г. (См.: Т. 8. наст. изд. С. 517), лекции французского историка искусств Андре Мишеля, вероятно, тогда же.

[10] Имеется в виду издание: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Под ред. С.Ф. Платонова и А.Ф. Бычкова. СПб., 1891. (Русская историческая библиотека. Т. 13).

[11] Платонов отвечал Волошину 9 июня 1924 г.: «Не соображаю, что именно Вы именуете “моим подарком”. Во всяком случае, рад тому, что доставил Вам удовольствие, и постараюсь собрать свои последние книжки для Вашей библиотеки. Прошу Вас сообщить мне, имеете ли Вы два тома моих “Сочинений” (“Статьи” и “Древнерусские сказания и Повести о См<утном> времени”), моего “Бориса Годунова”? Прочее вышлю, не ожидая ответа» (Русская литература.

2013. № 1. С. 182–183). 24 ноября 1924 г. Платонов выслал Волошину книги: «Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII в. (СПб., 1910), «Статьи по русской истории. (1883–1912)» (СПб., 1912), «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века» (СПб., 1913), «Борис Годунов» (Пг.,1923), замечая: «Посылаю Вам все, что мог собрать из моих книг. Две в приличном виде, а две в таком состоянии, в какое они пришли после бывшего в моем кабинете “наводнения” (лопнули трубы отопления!). Уж не взыщите!...» (Русская литература. 2013. № 1. С. 183).

[12] В ответном письме от 9 июня 1924 г. Платонов сообщал Волошину: «Сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо от I.VI, которое я получил вчера. Сегодня я видел Г.П. Кондратенка и был свидетелем того, как он оказался тронут Вашим ласковым ответом. Но старик быстро слабеет, и доктор не находит возможным пустить его в дальний путь. Вот сегодня при мне и происходила в душе Г<авриил>а П<авлов>ича борьба: слушать доктора или нет» (*Там же.* С. 182). Г.П. Кондратенко в Коктебель не приехал, а в письме от 24 ноября 1924 г.. Платонов сообщил Волошину о его смерти, происшедшей летом, «под Питером, на Сиверской» (*Там же.* С. 183).

312. К.И. ЧУКОВСКОМУ

7 июня 1924 г. Коктебель

7/VI 1924.

Дорогой Корней Иванович,

несколько вопросов:

Едут ли Ваши? Когда? Кто? необходимо знать, чтобы сохранить комнаты. Если *не* едут, известите немедля: чтобы не пустовали.[1]

Выслали ли книги? Накладная? Когда выслали?[2]

Цена: обед = 80 к. на даче.

В Коктебеле комнаты от 5 до 10 черв<онцев> в месяц (налоги и жадность). Люди едут неудержимо.

Крепко обнимаю всю семью Чуковских. Когда приедет Коля? Ждем.[3]

Максимилиан Волошин.
Коктеб<ель>.

[1] В ответном письме от 21 июня 1924 г. К.И. Чуковский сообщал, что намерение его жены приехать в Коктебель не осуществится: «Марья Борисовна с великой грустью должна была расстаться с мечтой о Коктебеле. Доктора категорически запретили подвергать Муру коктебельской жаре» (*Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2008. Т. 14. С. 584–585. Упомянута дочь Чуковских М.К. Чуковская).

[2] В недатированном письме к Волошину (начало июня 1924 г.) Чуковский сообщал: «Книги Вам посылаю. Лично наблюдал за упаковкой, сам отвез, куда надо, прилагаю при сем дубликат накладной»; отвечая 21 июня на настоящее письмо, он спрашивал: «Неужели до сих пор не получили книг?! Это ужас. Я сдуру послал их *малой* скоростью, но послал давно – недели две назад» (*Там же.* С. 584).

[3] Н.К. Чуковский вместе с женой Мариной Чуковской приехал в Коктебель, вероятно, 10 июня 1924 г. (Труды и дни-2. С. 228). Ср. дневниковую запись К.И. Чуковского от 15 июля 1924 г.: «От Коли из Коктебеля милое, поэтичное письмо. Увлекается Белым и хорошо раскусил Макса» (*Чуковский Корней.* Собр. Соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2006. Т. 12. С. 148). См. главу «Коктебель» в книге Николая Чуковского «Литературные воспоминания» (М.: Сов. писатель, 1989. С. 125–147).

313. А.Н. БЕНУА

7 июня 1924 г. Коктебель

7 VI 1924. Коктебель.

Почт<овый> адр<ес:> Феодосия, д<ом> Айвазовск<ого>.

Дорогой Александр Николаевич,

Привет из Коктебеля! Мне необходимо знать как можно скорее: кто из Ваших приедет? Сколько? Когда? чтобы задержать комнаты.[1] А то цены за комнаты в Коктебеле бешеные (5–10 червонц<ев>): жадность и налоги. И ко мне страшное стечение народа. А задерживать комнаты впустую обидно. Цена обеда – 80 к. Едут ли Тройницкие?[2] Адресуюсь к Вам, но эти вопросы больше к Коке и к Ате.[3]

Привет Анне Карловне.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] При встречах с А.Н. Бенуа в Ленинграде (11 и 23 апреля 1924 г. // Труды и дни-2. С. 219, 221) Волошин пригласил его с семьей приехать летом в Коктебель. 20 июня Бенуа отвечал: «...мы переехали на дачу в Гатчине, и только третьего дня, побывав в городе, я нашел Вашу открытку. <...> Увы, дорогой, нам в Коктебель, в милый, фантастический Коктебель, нынче не попасть – этому мешают всевозможные обстоятельства, из которых не последнее – денежное. С другой стороны, мы очень мило устроились в Гатчине, где я получил казенную квартиру на лето во дворце, что очень кстати и потому, что я намерен тут сделать разные художественно-исторические изыскания» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. З. Давыдова и В. Купченко. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 315–316).

[2] Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948), искусствовед, художник, директор Эрмитажа в 1918–1927 гг., и его жена Марфа Андреевна Тройницкая (урожд. Панченко, в первом браке Яремич; 1889–1954).

[3] Дети А.Н. Бенуа – Николай Александрович (Кока; 1901–1988), впоследствии театральный художник, и Анна Александровна (Атя, в замужестве Черкесова; 1895–1984).

[4] Анна Карловна Бенуа (урожд. Кинд; 1869–1952), жена А.Н. Бенуа.

314. К.С. ПЕТРОВУ-ВОДКИНУ

16 июня 1924 г. Коктебель

16/VI 1924.
Коктебель.

Конечно: ДА!, дорогой Козьма Сергеевич.[1] Но, вопрос о помещении. У меня 20 комнат. Тех, кто <наверное> должны были приехать, было гораздо больше. Я всем отказывал новым. И вот прошла половина июня – и нет никого еще из тех, для кого держу комнаты, и никто не пишет. Будьте добры – справьтесь сами сейчас же по телефону Бенуа[2] (5-74-17: тел<ефон> Коки Б<енуа>[3]). Едут они или нет? Тогда отдам Вам задержанную для них комнату, и это будет твердо. Это мне важно выяснить заранее.[4] Но приезжайте во всяком

случае. Можете в июле – потеснимся. А всю осень будет просторно. И мне очень приятно, что Вы собираетесь пробыть до зимы.

Цены: обед у нас на даче 80 к., участие в коллективном самоваре – 5 к. Пансион полный 2 р.

Надо с собой захватить офиц<иальные> сведения об окладе жалованья (требуют для курортников). Надо захватить мешки для сена (тюфяки), ибо все мои потрепаны дочиста.

Надо захватить тарелки и кружки, ибо в них недостаток, и умывальный тазик (но обычно моемся в море).

По приезде в Феодосию – не забудьте навестить Константина Феодоровича Богаевского. (Его мастерская: Дурантевская ул., д<ом> Дуранте, во дворе). Он Вам очень обрадуется. Линейка до Коктебеля[5] – 8–10 руб.

Прошу об одном: не задерживайтесь. В случае невозможности приезда телеграфируйте. Те, кто задерживают за собой комнаты *и не приезжают* – лишают приюта других. Это совершенно непростительно. А я уже стольким отказал именно из-за петербуржцев, которые должны были приехать в начале июня и не приехали.

Привет Марии Феодоровне.[6]

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ Волошина на недатированное письмо художника К.С. Петрова-Водкина: «Собираюсь к Вам с женой и ребенком, и хотелось бы надолго. Возможно ли это осуществить, особенно с дитей и Марьей Федоровной, недомогающей ногами (тромбо-флебит). Самому хочется, конечно, поработать. Пишу от Елизаветы Сергеевны, хотя она и сообщала о Вашем решении не отвечать на письма <...>. У меня в мыслях, может быть, и зиму захватить там, хотя бы для жены и младенца. В случае благоприятного ответа, сейчас же снаряжусь в отъезд. Еще в случае переполнения у Вас, м<ожет> б<ыть>, Вы устроите где-нибудь временно. Вопрос о солнце для моей семьи неотложность» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 948, л. 2). Упоминаются Е.С. Кругликова, жена и дочь К.С. Петрова-Водкина, Елена Кузьминична (в замуж. Дунаева; род. в 1922 г.).

[2] А.Н. Бенуа.

[3] Н.А. Бенуа.

[4] В ответном письме от 26 июня 1924 г. Петров-Водкин сообщил Волошину: «Числа 1-го – 2-го июля выезжаем к Вам. Благодарю за

извещение. Ал<ександр> Бенуа на даче в Гатчино – след<овательно>, позвольте рассчитывать на помещение, о котором Вы говорили. Сейчас возвращаюсь в П<етер>бург, где заказываю билеты до Крыма» (ИРЛИ, 562, оп. 3, ед. хр. 948, л. 4). Между тем, как свидетельствует письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 г., Петрова-Водкина еще не было в Коктебеле (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова, Джона Мальмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой и др. СПб.: Atheneum – Феникс, 1998. С. 295). Летом 1924 г. Петров-Водкин в Коктебель не приезжал. Согласно его письмам к матери А.П. Петровой-Водкиной от 20 июля и 25 июля 1924 г., 26 июля он выехал с семьей в Ригу, затем через Бельгию в Париж. (*Петров-Водкин К.С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы. М.: Сов. художник, 1991. С. 229–230).

[5] Многоместный открытый экипаж с боковыми продольными сиденьями.

[6] М.Ф. Петрова-Водкина.

315. Л.С. ШМЕЛЕВОЙ

26 июня 1924 г. Коктебель

Коктебель. 26/VI 1924.

Милая Люба,

пишу тебе после громадного перерыва. Москва и СПБ совсем меня затрепали (Тамара расскажет).[1] Сейчас тоже дом переполнен людьми. Но речь не обо мне, а о Тамаре. С ее слухом – очень плохо. У нее склероз уха, перед которым современная медицина бессильна. Но она очень... *редко* талантлива как танцовщица. Все, кто ее видел, поражались ее талантливости и технической отработке. Оставлять танца и искать других путей – ей нельзя. Она *должна* быть танцовщицей. Физиологически ее глухота непреодолима. Но *духовно* она может быть преодолена. Поэтому я сейчас ее направил по линии антропософии и эвритмии.[2] Это единственный путь возможного преодоления. За этот год Тамара очень выросла и углубилась духовно. Это ты увидишь сразу. Пребывание в Москве для нее было первым опытом жизни и наблюдательности. В ней бла-

годаря невозможности следить за разговором выработывается очень быстро острая наблюдательность и недетски правильная оценка людей.

Я задержал ее сейчас в Коктебеле[3] сознательно, т<ак> к<ак> мне хотелось, чтобы она сейчас воспользовалась указаниями эвритмии (осенью уже не будет тех людей[4]) — сделала себе запас для самостоятельной работы. Мне очень жаль отпускать ее сейчас. Но чувствую, что не имею права ее задерживать ради тебя. Нужно постараться сделать все, чтобы дать ей возможность поехать зимой в Москву.

Для меня было бы большой радостью, если бы Тамара и Витя[5] приехали осенью или в конце лета. Но в этом году сложен вопрос с питанием. В прошлом году мы существовали остатками американских посылок. Теперь их нет. У нас кухня содержится двумя дамами. Я заранее оговорил, чтобы Тамара и Витя, если они приедут, могли бы получать обеды по себестоимости. Но и это дорого — 60 к. (Здесь, кажется, цены дороже ялтинских).

Обо всем остальном тебе Тамара сама расскажет. Крепко обнимаю и целую тебя, Лёлю,[6] Витю. Простите меня все за неотвеченные письма. Очень у меня густо с людьми.

MAX.[7]

[1] Т.В. Шмелева. В Москве Волошин и М.С. Заболоцкая находились с 29 февраля по 5 апреля и с 11 по 20 мая, в Ленинграде — с 6 апреля по 10 мая 1924 г.

[2] Эвритмия — зародившееся в 1912 г. в антропософии искусство движения; мелопластические композиции на определенную заданную тему, стремящиеся вызвать эстетическое переживание посредством зримого представления в жесте и движении духовной закономерности и духовной природы слова и звука.

[3] Т. Шмелева пришла в Коктебель из Феодосии, видимо, 18 июня (Труды и дни-2. С. 228).

[4] Подразумеваются антропософки — спутницы Андрея Белого (см. примеч. 8 к п. 309).

[5] В.В. Шмелев, брат Т.В. Шмелевой.

[6] Е.С. Лямина.

[7] К письму сделала приписку в несколько строк М.С. Заболоцкая.

316. Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ

27 июня 1924 г. Коктебель

27 VI 1924. Коктебель.

Милая Лиля, мне почему-то кажется, что, несмотря на твое обещание приехать в Коктебель в июле,[1] все-таки твое решение остается еще и теперь открытым. Поэтому мне хочется толкнуть его в положительную сторону.

Тебе необходимо приехать и именно теперь. Этим летом у меня живут многие общие друзья,[2] с которыми тебе не только радостно, но и нужно повидаться: Клодя,[3] Белый, Леля Анненкова и многие другие. Я тебя, конечно, очень хочу видеть и сам для себя. Коктебель будет тебе большим отдыхом, радостью и импульсом. И мне бы очень хотелось, чтобы ты наконец его увидала после 1909 г. новым и изменившимся. Твой приезд необходим во всех отношениях.[4] В наших быстрых и <ми>молетных встречах в городах мне почти не удавалось успеть разглядеть тебя и поговорить с тобой. (*На этом текст обрывается.*)

[1] Вероятно, договоренность об этом была достигнута при встречах с Е.И. Васильевой в Ленинграде (Волошин общался с ней 9 и 16 апреля 1924 г. // Труды и дни-2. С. 219, 220).

[2] Подразумеваются прежде всего сподвижники по Антропософскому обществу.

[3] К.Н. Васильева.

[4] Васильева отвечала 9 июля 1924 г.: «...никуда я так не хочу, как в Коктебель, даже во сне его вижу и слышу соленый запах ветра. Но я не приеду, нет у меня денег совсем и не будет. <...> Но в сердце всё зреет и зреет желанье "вернуться" в Коктебель. Самое главное в нем для меня – *ты*» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 119).

317. А.В. ОРЕШНИКОВУ

20 июля 1924 г. Коктебель

Дорогой Алексей Васильевич,

Будьте добры, дайте возможность Анне Петровне Остроумовой-Лебедевой, Вам, конечно, хорошо известной, как художница и гравер, посмотреть Владимирскую Богоматерь.[1]

Максимилиан Волошин.
20/VII 1924.

[1] См. примеч. 5 к п. 306.

318. М.С. ЗАБОЛОЦКОЙ

30 июля 1924 г. Симферополь[1]

Милая Маруся, дела обстоят вполне благополучно: никто не имеет права с меня требовать налогов иных, кроме страховки и земельных (что пустяки).[2] Телеграмма, распоряжения – все, что надо (хотя и не в той форме, как думал дядя Петя[3]) – уже составлены, но... тут пренеприятная задержка – никого из «властей» нет в городе. Они все на дачах и только наезжают в Симферополь. И вот мне приходится сидеть неопределенное число дней, чтобы дождаться подписи. А возвращаться, не дождавшись ее, – это значит ничего не сделать. Поэтому сижу, жду в скверненшем расположении духа, а по ночам задыхаюсь от астмы. Поезда идут по четвергам, воскресеньям, вторникам. Так что буду в один из этих дней к вечеру. Но в четверг[4] уже наверное не выеду, т<ак> к<ак> ждут приезда Ибрагимова[5] именно в четверг. Скучаю. Злюсь. Мечтаю об акварелях. Задыхаюсь. Читаю книжки. Беседую с Ан<ной> Вас<ильевной> и Митр<офаном> Исидор<овичем>.[6] Очень велик соблазн поручить все М<итрофану> И<сидоровичу>, не дожидаясь подписи. Но тогда вся поездка бессмысленна, и опять полная неизвестность и неуверенность. Без Коктебеля

и без всех наших гостей я чувствую себя как рыба на суше. Нельзя все-таки так обращаться с моей работой и творчеством, как это сделали сейчас местные власти. Крепко обнимаю и целую всех.

Надеюсь, что удастся как-никак выбраться в воскресенье.[7] И подумать, что дела всего тут ровно на 10 минут, а сижу целую неделю. Целую. Обнимаю.

МАХ.

Вторник. Утро.

[1] Датируется по указанию дня недели в конце текста («Вторник»). Открытка; почтовые штемпели – отправления: Симферополь. 30.7.24; получения: Феодосия. 31.7.24.

[2] Волошин находился в Симферополе с 27 июля по 3 августа 1924 г., где занимался разрешением проблем налогообложения коктебельского дома и земельного участка.

[3] П.Ф. Домрачев.

[4] 31 июля.

[5] Вели Ибраимов (1888–1928), председатель Крым-ЦИКа с 1924 г.

[6] М.И. Долгополов и его жена А.В. Долгополова (урожд. Алексеева).

[7] 3 августа.

319. С.А. АБРАМОВУ

5 сентября 1924 г. Коктебель

5/IX 1924. Коктебель.

Соломон Абрамович,

весною, возвращаясь из Петербурга, я не застал Вас в Москве. Но виделся с Сарьяном, ехавшим в Венецию.[1] Картин его не видал (они были уже упакованы).

Мы решили с ним, что лучшее время для посещения его в Эривани – *октябрь*.[2] Сейчас октябрь приближается, и я жду от Вас распоряжений.

Но не забудьте, что *теперь* в Эривани я увижу Сарьяна, его обстановку, но *очень мало* его картин последних лет, т<ак> к<ак> не знаю, куда они пойдут после Венеции.

На поездку мне надо *35 червонцев.*

Выеду сейчас же по их получении.

Гонорар за статьи и монографию 75 р. за лист (35 тыс<яч> букв).

Монография о Сурикове и статья о Бенуа оставлены для Вас в Москве;[3] а об условиях их напечатанья прошу сговориться с Викентием Викентиевич<ем> Вересаевым.

Если мои условия не подходят Вам и Вы откажетесь от моей монографии – я не огорчусь (хотя мне и очень хочется написать книгу о Сарьяне и Армении), т<ак> к<ак> чувствую себя очень утомленным тем потоком людей, который непрерывно стремится через меня вот уже 6 месяцев, и слишком хочется приняться за свои прерванные книги (стихи). А работа о Сарьяне еще надолго отодвинет мои собственные работы.

До свиданья. Жду ответа.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин виделся с М. Сарьяном в Москве вечером 12 мая 1924 г. в Арменторге (Труды и дни-2. С. 224).

[2] Речь идет о запланированной поездке Волошина в Армению для подготовки работы о творчестве Сарьяна – для опубликования ее в издательстве С.А. Абрамова «Творчество». См. п. 281.

[3] Монография «Суриков» (Т. 3 наст. изд. С. 363–451) и статья «Александр Бенуа» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 329–338) при жизни Волошина не были опубликованы.

[4] Своевременного ответа от С.А. Абрамова не последовало, и замысел написания книги о Сарьяне остался нереализованным. Жена Абрамова Л.А. Абрамова в письме к Волошину от 26 сентября 1924 г. сообщила, что ее муж еще находится за границей; о том, что Абрамов еще в Германии, также написал Волошину 10 марта 1925 г. А.М. Нюренберг (Труды и дни-2. С. 239, 257). После 1924 г. издательство Абрамова не возобновляло свою деятельность.

320. К.Н. ВАСИЛЬЕВОЙ

10 сентября 1924 г. Коктебель

Дорогая Клодя, мне бы хотелось, чтобы это небо, запечатленное на коктебельском камне, вновь привело Вас сюда. Макс. Коктебель. 10/IX 1924.[1]

[1] Текст – на акварели Волошина, датированной 16 июля 1924 г. К.Н. Васильева и Андрей Белый отбыли из Коктебеля в Москву 12 сентября 1924 г.

321. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

11 сентября 1924 г. Коктебель.

Милый Боря, мне бы хотелось, чтобы эта *моя* земля стала и твоей землей. Вернись в Коктебель.

Макс. 11/IX 1924 Коктебель.[1]

[1] Текст – на акварели Волошина, датированной тем же днем. См. примеч. 1 к п. 319.

322. Я.А. ГЛОТОВУ

3 октября 1924 г. Коктебель

3 X 1924. Почт<овый> адр<ес:>
Феодосия, д<ом> Айвазовского.

Милый Якс,

прошло полгода со времени твоего письма,[1] и я только сейчас имею возможность тебе ответить. Это лето было очень людное. Мой дом ломился от гостей. В течение июля–августа их число было свыше 100 – одновременно, а всего за лето прошло 300. Представь себе положение хозяев: с каждым нужно не только позаботиться, но с каждым надо поговорить, надо умело

дирижировать: российские поэты и художники народ неуживчивый – сам знаешь. А держались все очень сплоченно одной компанией. Словом, переживши московско-петербургскую трепку с февраля, я в мае безо всякого интервала оказался в коктебельском людовороте и к середине лета почувствовал себя смертельно усталым и выпитым до дна.[2] Только теперь начинаю постепенно отходить, возвращаюсь к работе и возобновляю сношения с отсутствующими. Надо ли говорить, что стихи мои от злоупотребления ими весною[3] мне опротивели и стали совершенно невыносимы. Единственное, чем я успевал заниматься летом, – это живописью. Чувствую, что ты невольно улыбнешься и подумаешь о «злоупотреблении» гостями. Но тут нельзя положить предела и грани: «могий вместить да вместит».[4] Коктебель возрождает к жизни и к работе. Когда видишь результаты проведенного здесь лета, то не можешь уже считаться собственными удобствами. А представь себе утомление Маруси,[5] на которую ложится все бремя хозяйки – еще большее, чем мое.

Я очень надеялся этой осенью повидать тебя по дороге в Эривань и планировал заезд во Владикавказ с Мар<ией> Ст<епановной> в октябре месяце, но издатель, меня посылавший, застрял за границей, и я никуда не поехал.[6]

Ты удивляешься общему и безличному тону моего послания?[7] Милый, Якс, но ведь мы не видались более 10 лет, а за это десятилетие прошла и война и Революция, и видоизменили внутренно каждого. Я думаю, что ты переменился не меньше, чем я. А кроме того ты стал отцом обширного семейства. Ведь в сущности это Я-на-двенадцать-лет-моложе пишет таковому же тебе и старается описать предполагаемому тебе мое Я сегодняшнего дня. Все это крайне сложно, и нет ничего удивительного, что для краткости заговоришь стилем апостольских посланий. Относительно же масок – думаю, что ты ошибаешься, т<ак> к<ак> они мне очень далеки. Словом, нам увидеться было бы очень необходимо. Зиму всю предполагаю сидеть в Коктебеле и работать безвыходно. Теперь осенью оканчивается твой владикавказский срок. Куда же

ты думаешь двинуть? В Тифлис обратно?[8] Хорошо, если бы ты мог навестить меня в Коктебеле весною, когда еще не так густо, – один или со всем семейством. Я очень хотел бы тебя повидать во всей твоей обстановке и муже-отческих отношениях. Ты ведь о себе ничего не пишешь в своем последнем письме. Да вообще «рассказать» себя невозможно: для этого надо рассказать всех окружающих. А от Революции такое количество людей повылезло наружу и вплелось в жизнь. Я чувствую, как через меня проходит вот уже семь лет непрерывный поток все новых и новых людей, и нет ему ни конца, ни краю. И нет в это время возможности общаться с теми, кто сейчас находится в отсутствии. Только в такие минуты уединения и тишины, как зимою, успеваешь более или менее аккуратно поддерживать переписку. Да и то часто откладываешь письма, чтобы не прерывать собственной творческой работы. Вот я уже <с> февраля не имел возможности написать ни одного стихотворения, ни одной строчки. Прошлым летом и весною в Москве мы регулярно и хорошо видались с Марьей Флоровной, а теперь я уже ½ года ничего об ней не знаю. Что с ней? Как она живет?[9] В Петербурге я познакомился и подружился с одной твоей знакомой, необыкновенно милой и хорошей. Зовут ее «Черешенькой», а имени ее не помню. Но ты, кажется, ее не знаешь под этим прозвищем. Она с Кавказа и живет в СПб., у Карнауховых, ты ее знал по Тифлису. Она с необычайной нежностью говорила о тебе.[10] На тебя ссылалась еще одна дама – меценатка из Тифлиса – Антоновская. Она была летом в Коктебеле. Производит нечеткое впечатление. Кто она? Какую роль она играла в Тифлисе? Она рекомендуется японской еврейкой и грузинской патриоткой.[11]

Это лето у меня гостили: Белый, Брюсов, Адалис, Шервинский, Шенгели, А. Глоба, Л. Гроссман, Шкапская, Полонская – из поэтов...

Ты спрашиваешь, что у меня есть G. Lenôtre. Почти все, кроме «Tribunale Révolutionnaire pendent la terreur». Есть «Baron de Batz», «Tournebut», «Chevalier de Maison Rouge», «La Guillotine», «Marquis de Rouërie», «Varennes», «Marie

Antoinette», «La fille de Louis XVI», «Les fils de P. d'Egalité» и 3 т<ома> «Paris Révolutionnaire».[12] Но ты напрасно обольщаешься мыслью, что у Ленотра можно найти что-нибудь непереведенное: он использован вдоль и поперек.[13] Конечно, если тебе нужно что-нибудь, я пришлю. Но т<ак> к<ак> теперь ушедшие из библиотеки книги назад уже не возвращаются, и возобновить их нельзя никак, а они являются постоянными орудиями моей работы, то я вообще сейчас книг из дому не выпускаю. Но здесь они постоянно в работе и, несмотря на все меры предосторожности, их ежегодно теряется и уничтожается много и безвозвратно. Уж скупым-то на книги меня никак нельзя назвать. Почта очень мало аккуратна на книги, и необходимо пересылать их заказными.

Только я боюсь, что пишу тебе (с таким интервалом) слишком поздно...

До свиданья, милый Якс. Привет всем твоим и Марье Флоровне.

Макс.

[1] Имеется в виду письмо Я.А. Глотова из Владикавказа от 7 июня 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 425, л. 14–17 об.).

[2] В ответном письме от 25 декабря 1924 г. Глотов замечал по поводу «людоворота» в доме Волошина: «...это твоя любовь к человеческим документам, для которой коктебельский людоворот настоящие россыпи...» (*Там же*, л. 20–21а об.).

[3] Подразумеваются многократные чтения стихов перед аудиторией в Москве и Ленинграде.

[4] Мф. XIX, 12: «Кто может вместить, да вместит».

[5] М.С. Заболоцкая.

[6] См. п. 319, примеч. 2, 4. Волошин и ранее сообщал о намерении побывать у Глотова во Владикавказе по дороге в Эривань, о чем можно судить по письму Глотова к нему от 14 апреля 1924 г.: «...мне было так радостно узнать, что ты собираешься провести у нас несколько дней!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 425, л. 8–9 об.).

[7] 7 июня Глотов писал о неизвестном нам письме Волошина (полученном в тот же день):

«Твое письмо... Но ведь это не письмо – это "послание" как по его тону, так и по отсутствию адресата... Возьми в скобки 4 строчки по

поводу маминой смерти, и твое послание можно отправить всякому, кто хоть немного о тебе знает, и на которого ты хочешь – умышленно или нет – произвести известное впечатление.

Это тоже маска! А мне, на расстоянии, не важно, не важно, сам ли ты ее одел или не снял ее после того, как тебя обрядили окружающие! Мне жалко, что я не вижу тебя самого и настоящего, и боюсь, что в письмах я тебя так и не увижу! По-видимому, ты так от меня отошел, что я для тебя уже больше не Якс, а аудитория...»

Аналогичным образом Глотов реагировал на письма Волошина и ранее (письмо от 18 февраля 1924 г.): «Твои “послания” и твой “патриарший” вид и тон мне кажутся одной из твоих масок, которые ты всегда любил. Это – внешность, хотя по-видимому ближе подходящая к твоему внутреннему и наиболее удачная...» (*Там же*, л. 10–13 об.).

[8] В том же письме из Владикавказа (где он заведовал «коммунальной статистикой») Глотов признавался: «Отсюда хочу очень уехать. В Москву или назад в Тифлис, который давно победил меня».

[9] М.Ф. Селюк. Глотов отвечал 25 декабря: «Мар<ья> Флор<овна> живет по обыкновению очень занято. Работа ее, по-видимому, еще увеличилась. Она, не так давно, писала, что получила от тебя письмо».

[10] Имеется в виду Надежда Иоильевна Крыхнова. Глотов отвечал в том же письме: «Что касается до милой “Черешеньки”, то в Тифлисе роли она никакой не играла, разве только в сердце моем... Но тогда она была очень молода и теперь, судя по письмам, стала куда интереснее. Она живет в Пятигорске <...> В последнем письме спрашивала о твоем адресе, который я ей на днях и пошлю». Два письма Н.И. Крыхновой сохранились в архиве Волошина, одно из них (от 2 февраля 1928 г.) за подписью: «Ваша Черешня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 732).

[11] В том же письме Глотов отзывался и об А.А. Антоновской (в будущем – авторе многотомного исторического романа «Великий Моурави», 1937–1958): «Это очень милый человек, способная (результат национальности), но не талантлива. Пишет неплохие стихи и отвратительные пьесы. Ее большой плюс – любовь к искусству, главным образом словесному, и стремление как-нибудь ему пригодиться! В Тифлисе в самые трудные годы (19 и 20) она помогла материально создаться “цеху поэтов”, поила и кормила самих поэтов и просаживала недурной заработок тихого, неглупого и очень способного мужа инженера (чуть ли не единственный спец в России по тяжелой броне), на издание, единственного тогда в России, литературно-художественного журнала. К сожалению, неведомые

мне причины поссорили ее с Сергеем Городецким, поэты разделились на два лагеря. Журнал перестал существовать, и в Тифлисе стало несомненно скучнее. Она уже года два как перестала быть “тифлисской”, а стала, кажется, московской или ленинградской. Но осталась ли меценаткой – не знаю!..» 16 июля 1924 г. Антоновская подарила Волошину экземпляры издававшегося ею тифлисского литературного журнала «Ars» (1918. № 1, 2/3. 1919. № 1 // Труды и дни-2. С. 231). См.: *Никольская Татьяна.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. С. 134–137.

[12] Перечисляются книги Г. Ленотра «Le Tribunal révolutionnaire (1793–1795)» (1908), «Le baron de Batz: 1792–1795» (1896), «Tournebut» (1895), «Le vrai chévalier de Maison-Rouge» (1894), «La Guillotine sous la Terreur» (1893), «Un agent des princes pendant la Révolution. Le Marquis de la Rouërie et la conjuration bretonne. 1790–1793» (1899), «Le drame de Varennes» (1905), «La Captivité et la mort de Marie-Antoinette» (1897), «La fille de Louis XVI. Marie-Thérèse Charlotte de France, duchesse d'Angoulême» (1908), «Les filles de Philippe-Egalité pendant la Terreur» (1907), «Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers», 1-ère – 3-éme série (1895). Все они многократно переиздавались.

[13] Глотов отвечал 25 декабря: «За готовность поделиться с мной Lenôtre'ом очень благодарю. К сожалению, я убедился, что на расстоянии невозможно ни получить какой-нибудь работы, ни поместить какой-нибудь труд. Мои поиски L<enotre'a> были результатом стремления снова прикоснуться так или иначе к литературе... Стремление не новое, да и результат тоже...»

323. О.Ф. ГОЛОВИНОЙ

7 октября 1924 г. Коктебель

7/X 1924. Коктебель.

Дорогая Ольга Феодоровна,

спасибо за письмо и еще большее за книжку о деле Савинкова.[1] Она мало прибавила к официальным газетным отчетам. В этом году и наш дом и Коктебель опустели необычайно рано. Еще тепло, еще только унялись равноденственные бури – полное ощущение лета – а все пусто – и дом и берег, и все рестораны закрылись и все дома зак<о>лачивают. Завтра

уезжает Ек<атерина> От<товна> Сорокина – и она последняя.

Борис Эммануил<ович> уехал вместе с Габричевскими и Шервинскими.[2] Его все полюбили, несмотря на его неизменную молчаливость, и, кажется, ему тоже было хорошо. Нам с Марусей[3] нерадостно от так рано наступившего одиночества.

Гости как-то заслоняли нас от окружающей действительности. Крым – земля трагическая, и здесь время от времени вновь вспыхивают языки как будто угасшего пожара. И вот только что одна близкая нам семья поражена таким катастрофическим ударом,[4] и снова (как в недавние годы террора и голода) не хочется на мир глядеть: и солнце выцвело, и виноград кажется горько-соленым.

Привет Вашим и всем московским друзьям и знакомым.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду письмо О.Ф. Головиной от 28 сентября 1924 г. и кн.: Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда / С примеч. под общей ред. И. Шубина (Самарина). М., 1924. В результате проведения чекистской операции «Синдикат–2» Б.В. Савинков был задержан в Минске 15 августа 1924 г. и 18 августа препровожден во внутреннюю тюрьму ОГПУ. 29 августа 1924 г. Савинков был приговорен к расстрелу, который ЦИК СССР заменил десятью годами тюремного заключения. Свод материалов об этом – в кн.: Борис Савинков на Лубянке. Документы / Научн. ред. А.Л. Литвин. М.: РОССПЭН, 2001. В упомянутом письме к Волошину О.Ф. Головина замечала: «Все сейчас очень много говорят о Савинкове и большинство с такой тупой обывательской злобностью, что делается грустно и страшно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 431, л. 27–28).

[2] Б.Э. Альбрехт. Отъезд из Коктебеля состоялся 25 сентября (Труды и дни-2. С. 239).

[3] М.С. Заболоцкая.

[4] Видимо, имеется в виду феодосийская семья Экков. Юноша Вадим Андреевич Экк был в 1924 г. арестован и расстрелян.

324. Н.И. БУТКОВСКОЙ

20 октября 1924 г. Коктебель

20/X 1924.

Дорогая Наталья Ильинишна, получил Ваши деньги и письмо и тотчас же передал их по назначению, удержав себе ранее данный червонец.[1] Вести о Е.В. благоприятные: будто бы, она уже нашла себе работу.[2] Девочка учится. А Туся собирается учиться.[3] Деньги, полученные раньше через Евр<еинова>, пошли на отправку детей. К сожалению, кроме чисто внешней помощи со стороны, мне ничем не удалось помочь Е.В. Я очень был рад получить от Вас весточку. Письма из-за границы редки. Да и воздерживаешься невольно от переписки, т<ак> к<ак> на окраинах ко всяким письмам относятся подозрительно, и это может служить поводом к самым неприятным последствиям. Художественные традиции К<октебе>ля возобновились снова за последние годы и в еще больших размерах. Дом, оставшийся за мной, я превратил в бесплатный дом огдыха – вернее, художественную колонию. Прошлым летом у нас жило 200 чел<овек>, за это лето прошло 300. Таким образом он становится одним из художествен<ных> центров России. Это очень утомительно, но дает громадное удовлетворение. В литературе меня очень травят и шельмуют. Это грозило бы самыми дурными последствиями, если бы у меня не было нескольких доброжелателей в правительственных сферах. Но печататься мне почти невозможно. Материально существую никак – чудом, но чудо никогда не изменяет. Этой весной ездил на север – в Москву, Петербург. Радостно было повидать старых друзей. 10 лет!![4] Приветствовали меня очень. Но публично я не выступал из необходимой предосторожности. В Крыму до сих пор еще все более обострено, чем на севере. Но я все-таки ни за что не променяю своего уединения здесь на суету Москвы, и до сих пор еще у меня не было соблазна заграницы. Меня даже в Париж ни разу не тянуло. За эти годы я видел то, чего не дано видеть каждому, и вынес мудрость, радость и старость. Физически чувствую себя очень

постаревшим, духовно – созревшим. Здоровье стало сильно пошаливать после большой болезни 1921 года. Стихи мои, что печатаются за границей, – печатаются без моего ведома, разрешения и оплаты. Все, что я писал, пишу и что замыслено – все нецензурно. И чем дальше, тем пуще. Пишу много акварелей. Они имеют успех на выставках. Но за последние годы никто ничего не покупает из худож<ественных> вещей (страх налогов). Ляля Евреинова гостила у нас летом.[5] Мы с ней очень подружились. Она хорошая, энергичная, простая. Гораздо лучше, чем кажется в СПБ. Н.Н. видел очень мимоходом.[6] Доходила ли до Вас весть о том, что я женился? Вероятно, нет. Маруся[7] унаследовала все традиции Пра – иногда это кажется почти чудом, и очень много дает гостеприимства и уюта снова ожившему Коктебельскому Дому. Она хорошо знает Вас и А.К. по моим рассказам и шлет Вам привет.

До свиданья. Крепко обнимаю и целую А<ле>кс<андра> Константиновича. Когда-то нам доведется снова встретиться... Как относятся ко мне и к моим стихам за границей?

МАХ.

[1] Речь идет о деньгах, предназначавшихся для детей А.К. Шервашидзе. 3 сентября 1924 г. Н.И. Бутковская писала Волошину из Нейи (Neuilly): «...получив известие, что дети А.К. обратились к Вам за деньгами, я (т<ак> к<ак> Алекс<андр> Конст<антинович> в Cannes) переслала Вам 4 червонца, чтоб Вы могли им дать или возместить себе, если Вы им дали, и, пожалуйста, сообщите, если их долг превышает полученные Вами деньги» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 306).

[2] Речь идет о Е.В. Шервашидзе, жившей в Феодосии. В 1924 г. она была арестована и, после трех месяцев заключения в тюрьме в Симферополе, выслана в Вологду на 3 года. 9 августа 1924 г. А.Д. Кравченко сообщала Волошину из Симферополя: «Вчера виделась с Екатериной Васильевной. Ее через неделю высылают на север. Детей разрешили взять с собой». В Вологде Е.В. Шервашидзе получила назначение на преподавание физики в средней школе. См.: *Шервашидзе Р.А.* Статьи, очерки, обзоры / Сост. Демосфен Зайцев. Ставрополь, 2011. С. 16–17.

[3] Дети А.К. и Е.В. Шервашидзе – Константин Александрович Шервашидзе (Туся; 1909–1938), впоследствии помощник капитана, и Русудана Александровна Шервашидзе-Зайцева (1911–2006), впоследствии экономист.

[4] Условное обозначение времени, прошедшего после последнего длительного пребывания Волошина в российских столицах (в действительности – 8 лет, истекших после 1916–1917 гг.).

[5] В письме от 3 сентября Бутковская упоминала об А.А. Кашиной-Евреиновой: «Очень рада, что Анна Александровна у Вас побывала, я ее очень полюбила».

[6] Н.Н. Евреинов. Волошин виделся с ним в 1924 г. во время своего пребывания в Ленинграде – обедал у него 17 апреля (Труды и дни-2. С. 220).

[7] М.С. Заболоцкая. Официально брак Волошина с ней был зарегистрирован позднее – 9 марта 1927 г. в Москве.

325. Т.Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ

21 октября 1924 г. Коктебель

21/X 1924. Коктебель.

Глубокоуважаемая Татьяна Львовна,

простите, что отвечаю Вам с таким запозданием:[1] в то время, когда я получил Вашу открытку, у меня жило 100 чел<овек> гостей, и это заполняло все мое время до последней минуты. Завтра уезжают Ольга Константиновна и Соня.[2] Они – последние.

Соня Вам расскажет все относительно Юнге. Они будут благодарны за все, что Вы ни сделаете в этом направлении, и цены и всё представляют всецело на Ваше усмотрение.

Относительно званий и титров Екатерины Феодо<ро>вны[3] ни ее сын, ни я ничего не можем сообщить. Знаю, что она кончила Академию, потом работала в Дюссельдорфе.[4] Помню, что в Рус<ской> Истории Трачевского ее имя упоминалось вместе с именем Куриан, как первых русских художников-женщин.[5]

Мне очень жаль, что Вам не удалось в этом году заехать в Коктебель вместе с Татьяной Михайловной.[6] Но крепко

надеюсь, что Вы не минуете его будущим летом. Ольга Констан<тиновна> расскажет Вам о нем, т<ак> к<ак> он, кажется, покорил ее сердце своей красотой и величием.

Максимилиан Волошин.

[1] Письмо, на которое отвечает Волошин, не выявлено.

[2] О.К. и С.А. Толстые.

[3] Е.Ф. Юнге.

[4] Е.Ф. Юнге окончила петербургскую Академию художеств, позднее училась в Дюссельдорфе у немецкого живописца Андреаса Ахенбаха. См. некролог Юнге, написанный Волошиным: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 484–486.

[5] Неверное замечание. В указанном издании при упоминании русских женщин, снискавших почетное имя на поприще живописи, названы: «Бем, Куриар, Маковская, Шишкина и мн. др.» (*Трачевский А.* Русская история. 2-е, испр. и расшир. изд. СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1895. Ч. 2. С. 523).

[6] Видимо, Т.М. Поливанова (1899–1949), балерина.

326. Е.Л. ЛАННУ

22 октября 1924 г. Коктебель

22/X.1924.

Дорогой Евгений Львович,

большое-большое спасибо за память и внимание. Получил «Je Sais Tout» и 3 № «Europe», и письмо.[1] Милый Евгений Львович, я чувствую себя глубоко виноватым перед Вами: в Москве и в Коктебеле мне все время приводилось Вас видеть урывками, случайно, наспех, не успевая как следует сосредоточиться. Вот уже 8 месяцев как я непрерывно пропускаю сквозь свою душу непрерывный и неудержимый поток людей. Это радостно. Я жаден на людей. Но количество мешает сосредоточиться как следует на отдельном человеке.

Завтра уезжают последние наши гости – Толстые,[2] и начинается полное зимнее одиночество, и я возвращаюсь к самому себе, к стихам, к книгам, к работе. После Вашего отъезда я так ни разу и не раскрывал Ваши рукописи.[3] Надо

ли говорить, что была все время смертельная усталость и пресыщенность людьми, идеями, разговорами? Ведь после Вас еще нахлынуло народа. Почти месяц прожил Брюсов.[4] Он был мудр, прост, сердечен. Я рад, что наша последняя встреча в жизни была такой.

О Ваших проектах и мос<ковских> издательствах: конечно, для меня было бы очень приятно и желательно увидеть монографию о себе, написанную Вами, Евгений Львович.[5] Я ведь до сих пор существовал вне критики: меня много ругали и поносили, но никто не взвешивал. И я заранее уверен и в тонкости, и в точности Вашей оценки.

Издательства: об Абрамове получил уведомление, что он так до сих пор (с марта месяца) и не вернулся из Берлина.[6] От Сабашникова получил письмо: издательские дела тяжелы: добивают налогами, рассматривая как нэпманов.[7]

Сомневаюсь, чтобы что-нибудь вышло, – надо дождаться, пока самая судьба издательства выявится. Может быть, Вы бы предложили сперва статьи в «Современник».[8] И Замятин, и Чуковский – мои приятели, и если хотите, я напишу им. Им статьи о литературе нужны.

«Je Sais Tout» сперва кажется захватывающе интересным, но разочаровывает до конца. «Europe» еще не успел прочесть. С большим нетерпением поджидаю «Mercure de France», а еще с большим Конрада.[9] Как только войду в работу, сяду писать об «HEROIKA».[10]

Крепко обнимаю.

Максимилиан Волошин.

[1] 15 сентября 1924 г. Е.Л. Ланн писал Волошину: «Высылаю пока посылкой “Je Sais Tout”. Выписал для Вас “Mercure de France”, но еще не получил». Упомянутый журнал Ланн отправил Волошину 20 сентября 1924 г., приписав на обороте отрезного купона почтового денежного перевода: «Посылаю Вам журнальчик. Уже достал “Europe” за июль и август. Вышлю скоро». («...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы... С. 38–39). Речь идет о французских журналах, которыми Ланн по мере возможности снабжал Волошина: «Je Sais Tout», иллюстрированный научный журнал, выходил в Париже

с 1904 г., в библиотеке Волошина хранятся номера журнала за 1908, 1910–1912, 1924, 1928 гг., «Mercure de France», старейший французский литературный журнал, выходивший с перерывами с 1672 г., «Europe», литературно-политический журнал, выходил в Париже с 1923 г., в библиотеке Волошина обнаруживаются номера за 1924, 1925, 1927 гг.

[2] С.А. Толстая, ее мать, О.К. Толстая, и падчерица Н.С. Сухотина жили в Коктебеле в августе-сентябре 1924 г. 26 октября семейство Толстых было уже в Москве. 25 октября 1924 гг. с дороги С.А. Толстая писала Волошину: «Поймала себя на раздраженно-отрицательном отношении ко всем москвичам, п<отому> ч<то> чувствую, все, что меня ожидает чужим и враждебным – настолько оторвалась от Москвы. Вас люблю ужасно. <...> Едем хорошо. Но... “всякий сам себе лазарет” – страшно сопим, сморкаемся, кашляем, у Наташи болит ухо, а у меня с ногой оч<ень> плохо <...>. Ночью у меня спит только один глаз, другой же все время со страхом и любовью <...> устремлен на мой чемодан. Покуда уберегла <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 16).

[3] Лето 1924 г. Ланн провел в Крыму, но в Коктебеле бывал только наездами в первой половине июня и в начале июля. (См.: Труды и дни-2. С. 228). 20 июня 1924 г. он писал Волошину уже из Феодосии, а 14 июля 1924 г. – из Судака. («...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы... С. 35–37). Вероятно, Ланн оставил Волошину рукописи своего доклада «Heroïca (Мироощущение поэта)» (РГАЛИ, ф. 2210, оп. 1, ед. хр. 114) и книги стихов «Heroïca».

[4] О пребывании Брюсова в Коктебеле см. мемуарные записи Волошина (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 334–338).

[5] Отклик Волошина на рассуждения Ланна из письма от 14 июля 1924 г: «Надумал я вот что: по приезде в Москву зайду к Абрамову и предложу ему выпустить несколько небольших монографий о крупнейших наших соврем<енных> поэтах. Начать с Вас. С биографиями. Затем – Белый. <...> Я “слегка” дерзок. <...> Я знаю, что в России только я смогу о Вас написать. Ибо только я думал о Вас так много и так мучительно. <...> Я знаю, что я о Вас должен написать. Если Абрамов не захочет, пойду к Сабашниковым» («...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы... С. 36–37). В письме от 15 сентября 1924 г. Ланн спрашивал у Волошина: «Не знаю, получили ли Вы мое письмо из Судака, в коем я просил Вас высказаться по вопросу о моем намерении писать о Вас. Спрашивал я и о том, считаете ли Вы возможным издать такую монографию в одном из изд<ательств>,

с которыми Вы здесь, в Москве, связаны знакомством (Сабашниковы, Абрамов и пр<очие>)» (*Там же*. С. 38). Речь идет о замысле написания и издания монографии о творчестве Волошина. Замысел был реализован Ланном в формате брошюры: *Ланн Е*. Писательская судьба Максимилиана Волошина / Обл. работы Н.П. Феофилактова; портрет М. Волошина работы Эжена Зака. М.: Издательство Всероссийского Союза Поэтов, 1927 (на обложке 1926). («...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы...С. 127–148).

[6] О пребывании С.А. Абрамова за границей Волошин узнал из открытки Л.А. Абрамовой от 26 сентября 1924 г. (полученной в Коктебеле 21 октября 1924 г.). Она сообщала: «Ваше письмо получено, но так как Соломон Абрамович до сих пор еще не вернулся из своей поездки за границу, то ничего не можем ответить по существу. В<аше> письмо <...> перешлем ему» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, д. хр. 157, л. 7).

[7] 19 августа 1924 г. М.В. Сабашников писал Волошину: «В издательском и книжном деле застой. Надеюсь на оживление с наступлением зимнего сезона, но многие предсказывают, что и тогда с книгой будет затишье. Это вполне вероятно, ибо ряд мероприятий последнего полугодия весьма задел читателей книг не массового характера, и легко может статься, что это отразится на покупке ими книг. Мы, производители книг – издатели, тоже переживаем трудные дни: налоги здесь, налоги там́, квартирные платы, квартирные налоги, исключение из состава жилтоварищств – все это как из рога изобилия вылилось внезапно на нас, т<ак> к<ак> мы попали в группу *НЭПМАНОВ*! Конечно, по недоразумению, но когда-то все это разберется» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1057, л. 12–12 об.).

[8] Речь идет о литературно-художественном журнале «Русский современник», издававшемся в Москве в 1924 г. Евг. Замятин и К.И. Чуковский были его ближайшими участниками.

[9] Речь идет об издании: Конрад Джозеф. Собр. соч. / Под ред. и с лит.-критич. очерком Евгения Ланна. Пер. с англ. А.В. Кривцовой. Т. 1. Кн. 1–2. М.; Л.: Земля и фабрика, 1924–1925. Волошин откликнулся на сообщение Ланна: «Сейчас продолжаю редактировать Конрада. Вторая его книга уже вышла, печатается первая – блестящая. В ней, этой первой, помещена будет моя большая статья об английском мастере. Мне бы очень хотелось, чтобы эта показательная для него книга оправдала в Ваших глазах ту высокую оценку, какую я даю Конраду» («...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы... С. 38).

[10] См. примеч. 2 к п. 348.

327. И.М. БРЮСОВОЙ

23 октября 1924 г. Коктебель

23/X 1924.

Дорогая Иоанна Матвеевна,

только сегодня дошли до меня письма и газеты с известием о смерти Валерия Яковлевича.[1] Всею душою с Вами и с Вашею скорбью.

Мне дана грустная радость в сознании того, что последние дни своего ясного общения с природой Валерий Яковлевич провел под моим кровом в Коктебеле этим летом.[2] Здесь нам было дано снова встретиться интимно, дружески, как мы уже много лет не встречались во время моих проездов через Москву. Я давно не видал его таким ясным, просветленным, умудренным. И все, кто ни были эти недели вместе с ним, вынесли то же впечатление и нежную симпатию к нему.

Не думал я, прощаясь с ним, таким бодрым и энергичным, что вижу его в последний раз.

Передо мною лист книги, в которой он записал в ночь перед отъездом:

«Дни, проведенные мною впервые в Коктебеле, проводят новую четкую черту в моей жизни».[3]

Казалось, это начало... но это был конец. Горячо жму ваши руки, милая Иоанна Матвеевна.

Примите все наше горячее сочувствие от меня и моей жены – Марьи Степановны.

Максимилиан Волошин.

[1] В.Я. Брюсов скончался от воспаления легких в Москве 9 октября 1924 г., похороны состоялись 12 октября на Новодевичьем кладбище. Материалы, этому посвященные, печатались в газетах «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва» 10–15 октября, а также в ряде других изданий.

[2] Брюсов приехал из Алупки в Коктебель, видимо, 10 августа 1924 г., отбыл в Москву 28 августа (Труды и дни-2. С. 233, 236). Подробнее см.: *Гроссман Л.* Борьба за стиль: Очерки по критике и поэтике. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 281–297 (очерк

«Последний отдых Брюсова»); *Опалов В.Г.* В.Я. Брюсов в Крыму // Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии (бывш. Таврической учетной архивной комиссии). Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 163–164; *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. М.: Центрполиграф, 2003. Т. III. С. 58–71; *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван: Айастан, 1973. С. 458–474; *Купченко Вл.* Лето 1924 года в Коктебеле // Новый журнал. Кн. 168–169. Нью-Йорк, 1987. С. 239–259.

[3] Полный текст этой записи, оставленной Брюсовым в «Книге разлук» дома Волошина 28 августа, впервые опубликован в статье В.А. Мамонтова «М.А. Волошин и В.Я. Брюсов» (Ученые записки Хабаровского пед. ин-та. Т. 31. Серия литературы. Хабаровск, 1971. С. 64). См. также: Переписка <В.Я. Брюсова> с М.А. Волошиным (1903–1917) / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // ЛН. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2. С. 270–271.

328. С.В. ШЕРВИНСКОМУ

24–29 октября 1924 г. Коктебель

24/X 1924.

Дорогой Сергей Васильевич,

спасибо за то, что Вы угадали то, что мне больше всего хотелось знать в эти дни, и написали о последних минутах Валерия Яковлевича и об Адалис, судьба которой печалит и тревожит.[1] (Очень хорошо, что она сейчас у Поливановых.)

То, что Вы пишете об состоянии организма В.Я. в момент смерти, очень значительно: сдержанность и мера и тут не покинули его. Я рад, что видел его просветленным и мудрым, и рад тому, что было дано перед самою смертью снова полюбить его. В последний вечер перед отъездом мы условились снова звать друг друга по именам, как звали когда-то в юности. Потом литературная жизнь внесла между нами надолго недоброжелательное равнодушие. Я писал ему еще до известия о его болезни. Но долго не отправлял его, и письмо верно не застало его в живых.[2] Вчера я писал Иоанне Матвеевне.[3]

Вместе с Вашим письмом я получил пачку газет, современных и смерти, и похоронам В.Я. Очень неприятно и противно. Дан тон, как следует писать и вспоминать В.Я. Официальная легенда уже создана и на много лет помешает появлению объективных воспоминаний и суждений.

Коктебель окончательно опустел. После отъезда Кати Сорокиной было несколько дней запустенья. Потом, возвращаясь из Судака, вновь приехала Соня Толстая с матерью и пробыли еще дней 10.[4] Вчера уехали и оне. Даже Иос<иф> Викт<орович>[5] на несколько дней отлучился в Феодосию, и мы с Марусей[6] живем совершенно одни, окруженные Ноевым Ковчегом: Гуси, блудный Тату, щенок Пулькин, сама Надежда Аполлоновна, пять красных петухов... Маруся, которая все лето протестовала против приблудных зверей, теперь всех усыновила, готовит им отдельный обед и совсем приходит в отчаяние от требовательности и капризности своих пансионеров.

29/X 1924.

Это письмо пролежало несколько дней недописанным. Наша жизнь идет очень однообразно и дни мелькают быстро. Самое большое событие дня – погода. Холод или тепло? С этим просыпаешься, с этим засыпаешь. Дни развертываются как спектакли осеннего солнца и туманов. Я хожу в уеди<не>нные прогулки. Они прекрасны. Читаю старые русские тексты. Выписываю слова из Востокова и Срезневского.[7] Но не могу оторваться еще от акварелей. Каждый день бывает что-то, что еще надо поправить <?>. Маруся находит возможность изводиться совершенно одной, в совершенно пустом доме над хозяйством: то моет белье за все лето, то потрошит сундуки, то переворачивает комнаты; третьего дня мы вдвоем до 2-х часов ночи шинковали капусту (3 пуда): словом, укачивает <?> дом на зиму. Есть в нашей жизни и интимные хозяйственные радости: сегодня Петр[8] сделал двойную раму и дверь в Марусиной комнате, а все дрова распилены, поколоты

и уложены внизу. Такой благодати у нас уже давно не было. Ноев Ковчег ведет себя смирно, но звери отравляют бытие неимоверным количеством блох. Вот Вам – атмосфера Коктебеля и уровень нашей жизни.

Пустынно и грустно без наших милых друзей и почему-то очень трудно в этом году взять себя в руки и посадить за литературную работу. Крепко обнимаю и целую Машеньку[9] и Вас.

Наслышаны мы, что Машенька нам собирается целую пачку рисунков прислать – так ждем очень.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 1 к п. 327. Приводим текст этого письма С.В. Шервинского полностью (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1296, л. 1–2 об.):

С чувством большой скорби сажусь писать вам первое письмо мое, дорогие и милые Максимилиан Александрович и Марья Степановна! До вас, может быть, уж донеслись слухи о кончине Валерия Яковлевича Брюсова? Он умер вчера в 10 ч. утра в моем присутствии. Агония у него была тихая, он был без сознания. Заболел он две недели тому назад острым воспалением легких, которое, благодаря общей истрепанности организма, шло очень неровно, скачками, то подавая какую-то надежду на выздоровление, то снова приводя врачей к самым печальным прогнозам. Наконец, в среду к вечеру наступило резкое ухудшение: началась новая вспышка воспаления, и сердце не выдержало. Все меры врачебного свойства были своевременно приняты и с этой стороны было сделано все возможное. В большом горе его жена. Видимо, страдает и Адалина Ефимовна <Адалис. – *Ред.*>. Мне за эти последние дни пришлось быть связующим звеном между домом Брюсовых и Адалис. Надо сознаться, что у Адалины Ефимовны много истеричности, даже, скажу, нелепости, и какая-то мелодраматическая аффектация, впрочем, у нее совершенно естественная, но как-то не идущая к моменту. При кончине В.Я. она не присутствовала, но это вышло случайно. Когда я к ним приехал вместе с моим отцом, лечившим В.Я., в десятом часу, вчера, я тотчас потелефонировал Машеньке <М.С. Шервинская. – *Ред.*>, что В.Я. погибает; Машенька немедленно поехала за Адалис, но они прибыли, когда он уже был мертв; Адалина Ефимовна поцеловала его, еще теплую, руку. Ужасно жалко и его, и Жанну Матвеевну (это чудесный человек!), и Адалину, которая осталась ужасно одинокой,

какой-то непричаленной. Ее сейчас пригласили к себе жить Поливановы, чтобы не оставлять ее одну. Машенька тоже будет часто около нее. За эти дни я почувствовал, что я Валерия Яковлевича очень любил: ведь он был моим учителем в поэзии, и я с его стороны видел только очень много хорошего. Только одна мысль несколько умиротворяет в этой смерти. Отец мой говорит, что организм В.Я. был вконец испорчен. Оказывается, он пользовался и морфием, и кокаином, к тому же порядочно пил и курил беспрестанно. Прибавьте, что у него был, по-видимому, хронический туберкулезный процесс в легком, непорядки в почках, склероз сосудов, расширение сердца, малярия и др. Все это вместе взятое подготовляло ему ужасные годы, вплоть до полного физического и психического маразма, – и это в недалеком будущем, т<ак> к<ак> некоторые явления табэтического порядка наблюдались уже. Чтó ж хорошего жить в таком виде ему, с его блистательным прошлым? А все-таки как больно думать, что он унес с собой все свои возможности, свои колоссальные знания, опыт! Сейчас Москва готовится к пышным (официальным!) погребальным торжествам, подробности которых вы, конечно, узнаете из газет. Мы же, коктебельцы, особенно горюем после того, как жили вместе с Брюсовым под вашим крылом, и так недавно! У вас должно быть успокаивающее сознание, что вы смогли дать этому несчастному человеку такой светлый отдых перед концом. Да, я думаю, что Брюсов был именно несчастливым человеком, глубоко себя изломавшим и растравившим. Но вы помните, как мы улавливали в нем это особенное, милое младенчество и какую-то потаенную нежность, которую я так любил в нем? Похороны, конечно, будут только гражданские.

Скоро я вам напишу еще. На сей раз не хочется писать о себе и разных мелких обстоятельствах повседневной жизни. Знаю только, что Москва гнетет, что коктебельцы говорят между собой на языке лишь им одним понятном, потому что у них в душе осело что-то светлое, чудесное, чего другим не объяснишь. Обнимаю и целую вас, милые, за себя и за Машеньку, крепко и много. Будьте здоровы, да хранит вас Бог!

Весь Ваш С. Шервинский.

10 октября 1924 г.

Касаясь кончины Брюсова в недатированном письме к Волошину, А.Г. Габричевский сообщал дополнительные подробности об Адалис: «Она уже за время болезни замучила Шервинского, не только требуя от него ежечасного отчета о здоровии В.Я., но и пропуска к нему, т<ак> к<ак> Ж<анна> М<атвеевна> ее решительно не

допускала – не из ревности, а чтобы она не изводила умирающего. За день до смерти она переселилась к Поливановым и стала их изводить. То ей представлялось, что она превращается в В.Я. и у нее вырастают усы и борода, то она отказывалась от пищи, т<ак> к<ак> В.Я. растворился во "Всем" и частицы его присутствуют в еде. Перед похоронами она нагримировалась, взяла у Тани <Т.М. Поливанова. – *Ред.*> всякие недостающие ей части туалета и читала у гроба стихи Пушкина, дочитавши, она передала книгу соседке и, по собственным словам, медленно упала в обморок, ибо, как она говорит, В.Я. любил театральность и ее бы одобрил. Одним словом, истерика ее дошла до такой степени, что все окружающие стали даже серьезно сомневаться в ее искренности» (Александр Георгиевич Габричевский. 1891–1968. К 100-летию со дня рождения / Авторы-составители О.С. Северцева, Я.В. Брук. М.: Сов. художник, 1992. С. 141. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 382, л. 6).

[2] Текст этого письма Волошина нам неизвестен.

[3] См. п. 327.

[4] С.А. и О.К. Толстые. 18 октября 1924 г. Волошин нарисовал акварелью пейзаж в альбоме С.А. Толстой, надписав: «Милой Соне на память о холодных и туманных днях Коктебельской осени 1924 г.» (Наше наследие. 2002. № 63/64. С. 133).

[5] И.В. Зелинский.

[6] М.С. Заболоцкая.

[7] Имеются в виду «Словарь церковнославянского языка» (Т. 1–2. СПб., 1858–1861) А.Х. Востокова и «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (Т. 1–3. СПб., 1893–1912) И.И. Срезневского.

[8] Плотник Петр Миронов.

[9] М.С. Шервинская.

329. А.О. ЯКУБЧИК

30 октября 1924 г. Коктебель[1]

Дорогая Анастасия Осиповна,

напишите, ради Бога, что с Анной Петровной и Сергеем Васильевичем.[2] Мы с самого наводнения не имеем ни от кого никаких вестей из СПБ., и очень тревожно за них, потому что кажется, что их новая квартира в I-ом этаже?[3]

Мы написали им уже после наводнения, но что<-то> нет ответа.[4] Вообще знаем только газетные сведения о наводнении и ничего о друзьях и знакомых.

Как Ваша работа с Серг<еем> Вас<ильевичем>? и как дела в Акаде<мии>?[5]

Всего, всего лучшего.

Максимилиан Волошин.

30 X 1924.

[1] По всей вероятности, письмо не было отправлено адресату, поскольку на основной сформулированный в нем вопрос Волошин получил ответ в пространном письме А.П. Остроумовой-Лебедевой, законченном 28 октября и полученном в Коктебеле, видимо, в последние дни октября или в начале ноября 1924 г.

[2] А.П. Остроумова-Лебедева и С.В. Лебедев.

[3] Исключительной силы наводнение произошло в Ленинграде 23 сентября 1924 г., были затоплены многие районы города. Квартира Лебедевых располагалась в доме 10-г по Нижегородской ул. (переименованной в 1949 г. в ул. Лебедева, в 1955 г. — в ул. Академика Лебедева), в непосредственной близости от Невы. Подробнее см. примеч. 24 к п. 336.

[4] Упомянутое письмо Волошина не обнаружено. Имеется запись Волошина о его отправке в начале октября (Труды и дни-2. С. 240).

[5] Академия наук.

330. А.Г. и Н.А. ГАБРИЧЕВСКИМ

30 октября 1924 г. Коктебель

30/X 1924.

Милые, милые Саша и Наташа... Вы себе и представить не можете, как приятно получить в Коктебеле иллюстрированные письма из Москвы и читать их за столом...[1] Ah! mes enfents!* Еще меньше Вы можете себе представить, какие разговоры ведутся теперь за обедом. Маруся[2] *меня* уговаривает: «Мася, хочешь супу? съешь вареник... О, Господи, для кого

* Ах, мои дети! *(фр.)*

же я все готовила?» Секрет в том, что я сел на великую голодовку. Мой «стан», если еще не стал вполне строен, то идет к тому. Я *уже* похудел на 15 centimètr'ов в талии. Словом, весною Вы меня увидите юным и стройным. А т<ак> к<ак> вместе с моей диетой обед уже почти перестал готовиться (Иос<иф> Викт<орович>[3] – все еще в городе), то псы ходят голодные, преданные и не уходят с террасы. Кроме Пульки, которая оставила у нас щенка, а сама стала отлучаться на целые недели. Тату худой, долговязый, глупый. Маруся, перешивши его гибель, относится к нему с особой нежностью. Он морщит лоб и обнимает правой лапой щенка за шею. Мы только утешаемся, что его глупость от породистости: борзые всегда глупы, а он, когда вырастет, м<ожет> б<ыть>, станет породистой борзой. С гусем тоже история. Маруся долго его жалела и долго колебалась: кого ему купить – мужа или жену? Наконец, купила большого серого гусака, злого и с переломанным крылом. Тогда они вдвоем стали уходить по ночам и плавать по помойной луже. Еще хуже стало. Сегодня ночью он удушил одного из огненных петухов. Зовут его Ленька. И у Маруси снова сомненья: «А вдруг Тэга сам гусак?» – «Так ведь по каким-нибудь признакам определяется же пол? Ты ведь акушерка...» – «Это можно узнать только по голосу... но я не знаю». – Словом, ждем кого-нибудь из зоологов с научн<ой> Станции. А пока оба гусака слоняются по Коктебелю целыми ночами.

Дни проходят в полной хозяйственной идиллии: до двух ночи рубим капусту, потрошим сундуки и вывешиваем содержимое на вышку, обклеиваем окна и т.д. Иногда эта идиллия прерывается вспышками гнева. Так сегодня на чердаке, стукнувшись головой о притолоку, Маруся в неописуемом гневе крикнула на меня, стоявшего в 10 шагах: «Мерзавец!!!»

Совсем как Миррочка[4] (одно из дьявольских порождений Бальмонта) в одиннадцатилетнем возрасте, танцуя передо мной танец Иро<к>езской Саломеи, зацепилась платьем за кровать, разорвала и, побледнев от гнева, кинула мне: «Негодяй!»

Да, выяснилось еще, что селезня зовут Поликарп Егорыч, а селезенку Александра Александровна. Ленька долбит ее

клювом, походя. А во время кормления оттаскивает от миски за крыло. А она женщина сырая и все-таки в летах. Конечно, это он удушил одного из пяти петухов.

Вот, Наташа, тебе полный отчет о Марусином Ковчеге. Встает она на рассвете (я еще сплю), идет отпирать курятник, а потом садится среди своего звериного царства: Тэга садится ей на колени, Ленька мрачно отворачивается, Тату кладет лапу на плечо, и она замирает от счастья, глядя на алеющие горы.

Милый Саша, спасибо за любовь, за привет, за зов, за то, что говорил с Анисимовым, за рассказ о Бор<исе> Ник<олаевиче>.[5]

Маруся в Москву не приедет. Я ее стал было уговаривать, но она и в Харьков тогда отказалась ехать. Но ехать ей необходимо. Но в Москву, я думаю, она не сможет попасть, потому что теперь ведь въезд в Москву обложен с 1-го окт<ября> налогом в 10 червонцев.

Передай привет всем коктебельцам, кого увидишь, и скажи, что ждем от них писем. Не слыха<л> ли ты, что с Даней?[6] Она как в воду канула: ничего ни от нее, ни об ней.

Крепко Вас обоих обнимаю, целую, люблю.

Макс.

Маруся очень просит прислать ей далматского (персидского) порошку, ибо псы и кошка в четыре живота пускают нам блох и деться некуда от их щедрости.

Прекрасная печать «Точильщика». Но, если можно, пришли другой оттиск (внутри письма), ибо этот пришел попорченный.

[1] Имеется в виду письмо от 16/29 сентября 1924 г., украшенное шуточными рисунками, к Волошину и М.С. Заболоцкой от А.Г. Габричевского, С.В. Шервинского, К.М. Поливанова, подписанное также другими гостями Коктебеля (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 382, л. 2—3 об.).

[2] М.С. Заболоцкая.

[3] И.В. Зелинский.

[4] М.К. Бальмонт.

[5] Вопрос Волошина, обращенный к А.И. Анисимову, касался иконы Владимирской Богоматери. А.Г. Габричевский сообщал

Волошину в недатированном письме: «Я передал Анисимову твою просьбу, но он мне ответил, что *единственный* источник – его работа о Владимирской иконе, находящаяся в рукописи у Сабашникова. Правда, виделись мы с ним бегло, но большой предупредительности не обнаружил; попытаюсь еще и буду искать других источников, уже мною намеченных <...>». (Александр Георгиевич Габричевский. 1891–1968. К 100-летию со дня рождения / Авторы-составители О.С. Северцева, Я.В. Брук. М.: Сов. художник, 1992. С. 141–143. Уточнено по автографу). В том же письме Габричевский изложил эпизод на похоронах Брюсова с участием Андрея Белого (Б.Н. Бугаева): «Главным событием этого месяца является, конечно, смерть Брюсова. <...> Я лично не присутствовал, но сообщу об одном случае, который тебя заинтересует. Когда перед Академией Худ-наук происходила очередная “лития” и едва Коган успел закончить свою речь – из толпы, стоявшей на улице (а он говорил с балкона), раздался вопль: “А что Вы говорили о Брюсове 15 лет тому назад!?” Это был Б.Н., которого тотчас подхватили верные руки и увлекли» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 382, л. 6). Этот же эпизод описал сам Белый (в письме к Р.В. Иванову-Разумнику, начало марта 1925 г.; см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 312).

[6] Д.Н. Часовитинова.

331. Т.В. ШМЕЛЕВОЙ

31 октября 1924 г. Коктебель

31/X 1924.

Милая Тамара,

посылаю тебе письмо для Луначарского.[1] Прости, что так задержал его. Хотя у нас уже пусто, но жизнь по-прежнему переполнена и день узок и короток. Думал, что это письмо пойдет вместе с Марусей, которая тоже едет в Харьков советоваться о своем ухе,[2] как ты верно знаешь от тети Саши.[3] Но она все задерживается и улаживает <?> дом на зиму. Я веду уже месяц строгую диету – сильно похудел, поздоровел и стал бодрее. Как идет лечение твоего уха? Как ты живешь в Харькове? Когда едешь в Москву? Что Домрачевы, Юлия,[4] Дыбские?

Пишу тебе наскоро: сейчас последний день почты в Коктебеле и сию минуту пойду опускать десяток писем. Пиши теперь на дом Айвазовского на Нилушку.[5] Крепко обнимаю и целую мою девочку.

МАХ.

[1] В недатированном письме из Харькова Т. Шмелева сообщала, что собирается в скором времени в Москву, а также: «Письма к Луначарскому я не нашла, если тебе не трудно, напиши новое» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1309, л. 29–29 об.). Имеется в виду письмо к А В. Луначарскому с просьбой оказать Шмелевой в Москве протекцию (см. п. 292). Повторное письмо Волошина Луначарскому на эту тему нам неизвестно.

[2] М.С. Заболоцкая уехала для лечения в Харьков только в начале февраля 1925 г.

[3] А.Л. Домрачева.

[4] Ю.В. Шенгели.

[5] Н.В. Успенская.

332. В ЦЕКУБУ

12 ноября 1924 г. Коктебель

12/XI 1924. Коктебель (Крым).

В Ц.К.У.Б.У.

Поэта Максимилиана Волошина

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Будучи лишен в настоящее время Академического обеспечения, как получавший его по III категории, прошу ЦКУБУ о перечислении меня в IV категорию.

Основания:

1) С самого начала я был проведен Крым-Кубу по IV категории, но утвержден в Москве по III, по причинам мне неизвестным.

2) Т<ак> к<ак>, если не ошибаюсь, одним из условий расчисления по IV категории является «европейская» извест-

ность, то прошу принять в соображение, что стихи мои в переводах на европейские языки появлялись в журналах, антологиях и отдельными книгами во Франции, Германии, Англии и Америке. Переводчиками моими были поэты: Рене Гиль, Андре Фонтенас, Шюзвилль, Ганс Гюнтер, Грегер[1] и др. Одно мое стихотворение («Сердце мира»)[2] в переводе на латинский язык исполнялось как гимн в Индии.

3) В годы Революции я интенсивно работал в области улучшения быта писателей, ученых и художников: в период крымского голода (1920–1922) до создания Крым-Кубу я по своей инициативе и своими силами организовал помощь крымским писателям продуктами и лишь впоследствии влился в Крым-Кубу, когда оно организовалось.

С 1923 года без субсидий и посторонней помощи я организовал в Коктебеле художественную Колонию и *бесплатный* Дом Отдыха для писателей, художников и ученых, через который в течение 1923 и 1924 года прошло 500 человек. Засвидетельствовать это могут: из Академии Х<удожественных> Н<аук> – Л.П. Гроссман и А.Г. Габричевский, из поэтов – Андрей Белый, из Союза писателей – Андрей Соболь, из ученых – представитель Общ<ества> Науч<ного> Изуч<ения> Крыма – д<окто>р Саркизов, проф<ессор> А.А. Байков и Дружинин.

4) За годы Революции и теперь я лишен какого бы то ни было постоянного заработка: мои отдельные стихотворения и книги печатались за границей и в России без моего ведома, разрешения и оплаты.

Написана мною за эти годы: книга стихов о революции: «Неопалимая Купина», и находятся в работе 2 книги: «Путями Каина» – цикл о материальной культуре Европы, и «Россия»[2] (русское прошлое, выявляемое современностью). Фрагменты этих книг были напечатаны в «Красной Нови» и «Недрах»[3] (единственные, что мне были оплачены за эти годы).

5) Ак-обеспечение является единственным источником материального существования моего и лиц, находящихся на моем иждивении (2),[4] т<ак> к<ак> ни характер моей творческой работы, ни здоровье, ни заботы о моем Доме Отдыха не позволяют мне жить вне Коктебеля.

Надеюсь, что эти основания окажутся достаточными для того чтобы ЦКУБУ, проведя меня по IV категории, этим бы утвердила за мной право на продолжение получения Ак-Обеспечения.

[1] Рене Гиль перевел (совместно с А.В. Гольштейн) на французский язык стихотворение Волошина «Цеппелины над Парижем», которое было опубликовано в журнале «L'Elan» в 1915 г. (см.: Т. 10 наст. изд. С. 381). Переводы стихотворений Волошина на французский, выполненные Андре Фонтена (Fontainas), остались неизданными. Восемь стихотворений Волошина были включены в «Антологию русских поэтов» Жана Шюзвиля (*Chuzeville Jean*. Anthologie des poètes russes. Paris: J. Crés, 1914. P. 236–254). Переводы Волошина на немецкий язык, выполненные Иоханнесом фон Гюнтером, были опубликованы в его позднейшей антологии: Neue russische Lyrik / Hrsg. von. J. v. Guenther. Frankfurt/Main: Fischer Bücherei, 1960. S. 69–72. Переводы, выполненные Вольфгангом Грёгером (Groeger; 1882–1950), не выявлены.

[2] Имеется в виду стихотворение «Сердце мира, солнце Алкиана...» (1907). См.: Т. 1 наст. изд. С. 114.

[3] Стихотворения из цикла «Путями Каина» были напечатаны в № 3 журнала «Красная новь» за 1923 г. и в кн. 2 и 5 альманаха «Недра» (М., 1923–1924).

[4] Подразумеваются М.С. Заболоцкая и И.В. Зелинский.

333. П.Н. ЗАЙЦЕВУ

13 ноября 1924 г. Коктебель

13/XI 1924. Коктебель.

Дорогой Петр Никанорович,

большое спасибо Вам и Ангарскому за присылку 100 руб.[1] Они пришли как нельзя более вовремя. Если не послали еще остальных 50-ти, то будьте добры пошлите по адресу: Феодосия, д<ом> Айвазовского. Неониле Васильевне Успенской для Волошина. Зимой в Коктебеле получение заказной и денежной корреспонденции крайне сложно.

Очень рад, что удалось «искромсанную Россию» провести через цензуру. Я не очень-то верил в успех Вашего пред-

приятия... Напомните Ангарскому, что он мне сам обещал прислать свое издание Уэлса «Краткая история мира».[2] Оно мне было бы очень нужно. Был бы очень благодарен, если бы он прислал для Дома Отдыха и другие издания Мосполиграфа, а также III и IV книги «Недр».[3]

У нас уже началась зима. Ранние холода. Коктебель пуст. Но окна замазаны, двери забиты, есть дрова, и я закопался в зимнюю берлогу для работы.

Как живет литературная Москва? Как идут издательские дела? Есть ли облегчение в области цензуры?

Есть ли оживление литературной жизни?

Этой зимой я едва ли выберусь из Коктебеля. Летом жду Вас к себе, милый Петр Никанорович. Теперь Вы дорогу знаете.[4] Приезжайте лучше пораньше и на более долгий срок. Как Ваши поэтические собрания?[5] Передайте, пожалуйста, мой привет их участникам. Видаете ли Вы Альвинга?[6] Попеняйте ему, что он так и не собрался ко мне в Коктебель, и скажите, что я его всегда жду. Выяснилась ли судьба Ал<ексея> Сер<геевича>?[7] Марья Степановна[8] посылает привет Вам и Ангарскому.

Крепко обнимаю.

Максимилиан Волошин.

[1] Часть гонорара за публикацию фрагментов из поэмы «Россия» в альманахе «Недра» (Кн. 6. М., 1925. С. 71–78). Обещая выслать вторую часть гонорара (50 руб.) «в течение ближайшей недели», П.Н. Зайцев писал Волошину 1 ноября 1924 г.: «Ваша поэма прошла через цензуру за исключением 4 строк: “Усобицей искромсанной России” и “Судьбы его печальней нет...” до “Ввек не избыть”. Провести ее стоило нам труда. Н.С. Ангарский распорядился уплатить Вам по 50 к. за строку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 552). В хлопотах участвовал В.В. Вересаев, писавший Волошину 5 ноября 1924 г.: «“Россия” прошла через цензуру только благодаря Ангарскому, она пойдет в ближайшем альманахе, гонорар – по 50 к. за строку, больше выторговать не смог; – 100 р. Вам было уже послано, 50 посылается завтра» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 38). В ответном письме от 7 декабря 1924 г. Зайцев сообщал: «“Недра” наши еще не вышли из-за цензурных задержек. Но надеемся, что в середине декабря к Новому Рождеству они выйдут. Поэма Ваша прошла не без усилий

со стороны Н.С. Ангарского. И вообще нам 6-я книга дается очень трудно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 552). 6-я книга «Недр» вышла в свет в первой половине февраля 1925 г.

[2] Русский перевод книги Г. Дж. Уэллса «A Short History of the World» (1922) – «Краткая История Мира» (М.: Мосполиграф, 1924). Другое издание – «Краткая история человечества. (От возникновения жизни на земле до Октябрьской революции и начала возрождения России)» / Пер. В. Азова. Предисл. Д.О. Заславского. М.; Л.: Петроград, 1924.

[3] В ответном письме от 7 декабря Зайцев сообщал: «На днях высылаю Вам Уэльса и новые книги нашего изд<ательст>ва».

[4] Зайцев приезжал в Коктебель в августе 1924 г.

[5] Подразумеваются собрания московского поэтического кружка «Узел», проходившие в квартире Зайцева.

[6] Волошин познакомился с А. Альвингом осенью 1922 г. в Севастополе и неоднократно виделся с ним в Москве в марте 1924 г.

[7] А.С. Петровский. Зайцев отвечал в цитированном письме: «С А.С. все в том же положении». Петровский был арестован 8 марта 1924 г., содержался в Бутырской тюрьме. Освобожден из-под стражи 19 декабря 1924 г. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С. 294, 297, 306.

[8] М.С. Заболоцкая.

334. К.И. ЧУКОВСКОМУ

15 ноября 1924 г. Коктебель

15/XI 1924. Коктебель.

Дорогой Корней Иванович, ау! где Вы и что с Вами? до самой глубокой осени мы всё упорно Вас поджидали, надеясь, что Вы откуда-нибудь в конце концов свалитесь в Коктебель. Не приехал и Евгений Иванович, хотя и определенно грозился и запрашивал письменно.[1] Это лето было особенно людно, оживленно и интересно. Интимной жизни давали тон Габричевские, а литературной – Андрей Белый, проживший 3 месяца,[2] и Брюсов, проживший последний месяц перед своей смертью.[3] Он был какой-то умудренный и просвет-

ленный, очень простой и общительный, каким я никогда раньше не знал его. Он устраивал конкурсы стихов, литературные игры, обнаружил драматический талант в импровизации кинематографической фильмы.[4] Все, кто видели его эти недели, были им пленены, и сам он как-то расцвел и помолодел в очевидно приятном ему обществе. И еще один из летних друзей ушел неожиданно из жизни: Андрей Соболь.[5] Только сегодня узнал о его гибели. Но летом ничто не предвещало этих неожиданных катастроф. Людей было еще больше (за лето прошло 300 человек, а весь июль и август население дома не падало ниже 100 одновременно). Держались более дружно одной компанией, так что жизнь текла интенсивнее. И мне только досадно, что я испытывал в это время смертельную душевную усталость, т<ак> к<ак> совсем не успел отдохнуть от переутомления от поездки на север и, следовательно, я 7 месяцев без перерыва пропускал сквозь себя непрерывный поток людей.

Как Вы нашли Колю и Марину после возвращения?[6] Какое на них влияние имел Коктебель? Здесь они хохотали и визжали целыми днями, совсем очумелые от радости бытия, — особенно Марина. Я еще до сих пор не поблагодарил Вас как следует, Корней Иванович, за присылку книг и за все сопряженные с этим хлопоты. Я передавал это с Колей. Простите и поймите, что в летней суете и письма-то написать было некогда. Как идут дела «Современника»?[7] Я так и не видал его и не читал той статьи Бенуа, где говорится о моей живописи, о которой Вы мне писали.[8] Нельзя ли мне было получить этот №, а если возможно, то и первый, который мне удалось пробежать только мельком. В книгах, присланных «Всемирн<ой> Литерат<урой>», я не нашел тоже №№ журнала «Восток», которые Вы мне обещали с Ев<гением> Иван<овичем>.[9] Хотелось бы очень знать о петербургских людях. Что с Сологубом, с Ахматовой? До свиданья. Крепко обнимаю. Привет Марии Борисовне,[10] Коле, Марине, Евг<ению> Ивановичу.

Максимилиан Волошин.

Зимою никуда не уеду: буду сидеть в Коктебеле и работать.

<Приписка М.С. Заболоцкой:>

Милый и хороший Корней Иванович, отчего же Вы не приехали? Мы Вас все время ждали. Что вынесли ваши дети из поездки к нам? Приедет ли Мария Борисовна на будущий год? Словом, очень хочется получить от Вас весточку о вашем житье-бытье. О нашей жизни, в общих чертах, Вы, верно, наслышаны. У нас сейчас очень хорошо. Летом природы как-то не видно совсем, а сейчас наслаждаешься каждым моментом. Что милая Мурка,[11] выросла такая же обворожительная с ее словечками, или уже повзрослела? Большой и самый искренний привет Марии Борисовне и Коле с Мариной.

Всего, всего хорошего.

Ваша М. Заболоцкая-Волошина.

[1] Е.И. Замятин. 10 августа 1924 г. он писал Волошину из Лебедяни: «Если писать будет лень — сбегу. Куда — еще не знаю: может быть, и в Коктебель. Хотя ведь у Вас теперь, наверное, пол-Москвы и пол-Петербурга? Когда найдется свободная минута — напишите пять строк о Коктебельской республике и о том, нашлось ли бы там для меня место» (*Волошин Максимилиан*. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. З. Давыдова и В. Купченко. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 413).

[2] Андрей Белый гостил в Коктебеле с 1 июня по 12 сентября 1924 г. (вместе с К.Н. Васильевой).

[3] См. примеч. 1 к п. 327.

[4] Это представление (спектакль «Капитан Пистолэ Флобер» — пародия на иностранные авантюрные фильмы) состоялось в день именин Волошина — 17 августа 1924 г., в нем участвовали Брюсов, Андрей Белый, А.Г. и Н.А. Габричевские, А.Е. Адалис, С.В. Шервинский. Брюсов, по воспоминаниям Белого, изображал «командующего аванпостом французским в Сахаре, сомнительного авантюриста» (*Белый Андрей*. Начало века. М.: Худож. литература, 1990. С. 516).

[5] Недостоверный слух, дошедший от М.М. Шкапской (в письме к Волошину от 31 октября 1924 г. она сообщала: «...сейчас получила письмо от Ольги Николаевны Анненковой о том, что покончил с собой Соболь. Не выдержала мятущаяся душа его всех метаний и судорог последних месяцев, и ушел самовольно из жизни»

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1303, л. 29). 26 ноября 1924 г. Шкапская вновь написала Волошину в то же связи: «...я, кажется, Вас ввела в заблуждение со смертью Соболя, мне написала Ольга Николаевна Анненкова, что он покончил с собой и хотя и жив, но его минуты сочтены. Но т<ак> к<ак> известий о его смерти до сих пор нет, то, кажется, можно надеяться, что он и не умрет. Простите за невольный обман, слава богу, что он оказался в лучшую сторону» (*Там же*, л. 33). Ситуацию прояснил И.М. Саркизов-Серазини в недатированном письме к Волошину: «В Москве принял морфий Андрей Соболь. Две недели боролся между жизнью и смертью. Сейчас его спасли. Причина – тяжелые финансовые обстоятельства. Перед этим он шесть дней с женой жил в кредит, Государств<енное> Издательство ему не заплатило 50 червонцев, он с горя и принял яд» (*Там же*, ед. хр. 1084, л. 7–7 об.). Андрей Соболь покончил с собой в Москве два года спустя – 7 июня 1926 г. В доме Волошина он появлялся летом 1924 г.

[6] Н.К. Чуковский и его жена М.Н. Чуковская (см. примеч. 3 к п. 311).

[7] Имеется в виду «Русский современник» – двухмесячный литературно-художественный журнал, выходивший в 1924 г. (№ 1–4) под редакцией М. Горького, Е.И. Замятина, А.Н. Тихонова, К.И. Чуковского и А.М. Эфроса (см.: *Примочкина Н.Н.* М. Горький и журнал «Русский современник»; «Русский современник». Указатель содержания / Сост. М.А. Николаева // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 357–376).

[8] Речь идет о фразе из письма Чуковского к Волошину (начало июня 1924 г.): «Александр Бенуа в “Современнике” чуть ли не на первое место поставил крымские этюды Максимилиана Волошина» (*Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2008. Т. 14. С. 584). 1 июня 1924 г. в Ленинграде в выставочном помещении Музея города (Аничков дворец) была открыта выставка общества «Мир Искусства», на которой экспонировались 8 «крымских этюдов» Волошина. А.Н. Бенуа в статье «О выставке Мира Искусств (Род письма в редакцию)» (Русский современник. 1924. № 2. С. 258–262) отмечал, что Волошин дал «серию тонко акварелированных мотивов юго-восточного берега Крыма» (С. 261).

[9] Е.И. Замятин.

[10] М.Б. Чуковская.

[11] Мура – Мария Корнеевна Чуковская (1920–1931), дочь К.И. и М.Б. Чуковских.

335. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

15 ноября 1924 г. Коктебель

15/XI 1924. Коктебель.
Почт<овый> адр<ес> зимний:
Феодосия, д<ом> Айвазовского.
Н.В. Успенской для передачи.

Дорогой Борис Николаевич,

Коктебель рано опустел и наступила ранняя зима. В доме тихо, тепло, уютно. Отъединено от всего мира. Если тебе нужно полной тишины и уединения для большой работы, то приезжай.

Глубоко потрясла смерть Валерия Яковлевича.[1] И в то же время чувство глубокой благодарности судьбе, что она дала так хорошо и дружески с ним проститься и на прощанье увидать его таким умиротворенным и простым, каким он был здесь. Было бы очень тяжело проститься с ним с тем равнодушным недружелюбием, которое установилось к нему последние годы.

К концу лета я чувствовал себя смертельно усталым от того непрерывного потока людей, который шел через меня с февраля месяца (моего отъезда на север), но теперь с глубоким чувством вспоминаю все, что было. Особенно наши вечерние беседы в самом начале лета, когда еще было не так людно.

Я слыхал, что тебя снова обокрали.[2] Как дела с постановкой «Петербурга» и с цензурой?[3] Начал ли работать над романом?[4]

Передай мой привет Клоде[5] и скажи ей, что всегда буду глубоко счастлив, если она захочет приехать, и с радостью приму всех, кого она пришлет.

Макс.

[1] См. п. 327, примеч. 1.

[2] Фактических сведений, подтверждающих достоверность дошедших до Волошина известий, не обнаружено.

[3] Речь идет о пьесе, написанной Андреем Белым на сюжет своего романа «Петербург» и принятой к постановке осенью 1924 г.

МХАТ 2-м. Премьера спектакля (режиссеры С.Г. Бирман, В.Н. Татаринов, А.И. Чебан) состоялась 14 ноября 1925 г. (подробнее см.: *Лавров А В., Малмстад Джон.* Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург» // *Андрей Белый.* Петербург. Историческая драма. М.: Прогресс – Плеяда, 2010. С. 3–62; *Николеску Татьяна.* Андрей Белый и театр. М.: Радикс, 1995. С. 97–127). В июне 1924 г. Белый читал пьесу «Петербург» в Коктебеле Волошину и его гостям в течение трех вечеров; при этом Волошин указал на сценические недочеты пьесы, вызвав тем самым раздражение Белого (см.: *Чуковский Николай.* О том, что видел. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 158–159; «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн: Письма. Документы. Материалы. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 78–79).

[4] Имеется в виду роман «Москва», к работе над которым Белый приступил в октябре 1924 г. Роман Андрея Белого был издан в двух книгах: «Московский чудак. Первая часть романа “Москва”» (М.: Круг, 1926) и «Москва под ударом. Вторая часть романа “Москва”» (М.: Круг, 1926).

[5] К.Н. Васильева.

336. А.П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ

16 ноября 1924 г. Коктебель

16.XI.1924.

Почт<овый> адр<ес>: Феодосия,
д<ом> Айвазовского, *Успенским*, для нас.

Дорогая Анна Петровна,

Ваше письмо[1] мы получили уже дней 10 назад, но зная, что оно сопровождается посылкой,[2] дожидались ее прибытия, чтобы ответить сразу, а она, как на грех, точно заколдованная, не давалась нам в руки благодаря различным почтовым задержкам и недоразумениям. Сегодня перед вечером она к нам пришла. Мы вскрывали ее с радостным волнением, развязывали тщательно все веревочки, вспарывали холсты и ссорились с Марусей, «потому что ты ничего не умеешь...», а потом вытаскивали предмет за предметом, одинаково радуясь и содержимому, и умиляясь тщательности упаковки. Смысл

«жидкости для разведения йода» понял первым я.[3] За кнопки приношу благодарность особую. Но об этом будет подробно писать Маруся. Хочется ответить подробно на Ваше письмо. Смерть Вал<ерия> Як<овлевича>[4] очень потрясла. Но мы к ней уже были заранее подготовлены, т<ак> к<ак> из письма Габричевских[5] знали, что он по приезде в Москву заболел крупозным воспалением легких – эту болезнь благополучно выносят только в детском возрасте. Умер ли он преждевременно? Эмоциональное чувство говорит: да. Но вот Сер<гей> Вас<ильевич> Ш<ервинский>,[6] бывший все время болезни при В.Я. писал мне, со слов своего отца,[7] пользовавшего В.Я. во время его последней болезни, что организм В.Я. был истрепан и истощен вконец. Сыграли роль и наркотики, которыми он злоупотреблял в различные эпохи жизни и от которых с трудом отошел лишь последнее время, и запущенный туберкулез, и запущенный плеврит. У него уже были первые признаки табеса.[8] Одним словом, через несколько месяцев, через год ему предстоял распад духовной жизни и страшная старость, прикованная к креслу в полном маразме.

Если все это так, то жалеть о преждевременности не приходится. Напротив, в смерти сказалось то, что было в лучших стихах В.Я.: уменье круто и сразу оборвать. Нет: смерть В.Я. – хорошая смерть, потому что в жизни его не осталось ни недоговоренности, ни лишних слов. На его пребывание в Коктебеле[9] смотрю как на особый дар судьбы. Пред этим мы с ним долго не видались.[10] Между нами не было ссоры, но было некоторое неблагожелательное равнодушие, какое устанавливается между писателями, окруженными аурой литературных сплетен, а интимно видящихся редко. Перед самой смертью мы встретились с ним сердечно и дружески, так, как встречались когда-то в дни юности. Попрощались горячо, как люди, которым предстоит еще много лет новых, более близких отношений. И смерть остановила их именно на этом моменте. «Дарит смерть... а жизнь лишь уводит».[11]

Адалис (ее зовут: Аделина Ефимовна Эфрон)[12] очень жалко. Пишут, что она свою очень глубокую и искреннюю боль старалась еще украсить капризами и мудрила.[13] Некото-

рых это сердило. Ее приютили у себя Шервинские и Поливановы. Думаю, что лучше всего ей писать по адр<есу> Шерв<инских> (Остоженка. Померанцев пер., 8, кв. 1), т<ак> к<ак> она, очевидно, у себя (Старая Божедомка, 24) больше не живет. Я ей писал туда дважды и ничего не знаю о судьбе своих писем.[14]

О судьбе Браза[15] я думаю, что В.Я., если б и остался жив, ничего бы сделать не мог. Он мне как-то говорил об своей органической неспособности хлопотать о людях. Я думаю, что он действительно «не умел», а не «не хотел».

Об этом Вам нужно обратиться к двум лицам: к Екатерине Павловне Пешковой в Общ<ество> Помощи политическим Заключенным[16] (Кузнецкий мост, 16, или ее личный адрес: Мешков пер., 1, кв. 16) и к Ольге Константиновне Толстой (Остоженка, Померанцев пер., 3, кв. 8). Одна – первая жена Горького, другая – мать Сони Сухотиной.[17] У обеих есть добрая воля и большие возможности. Напишите, сославшись на меня. Этого достаточно. Я бы сам написал, но я не знаю никаких подробностей о его деле, и так будет быстрее, Жаль, что мы не поговорили об этом в Кокт<беле>[18] – ведь ко мне как раз приезжал Винавер[19] – секр<етарь> и главный помощник Екат<ерины> Павл<овны> по хлопотам этого рода.

Очень возмутительная история с Вашей монографией[20] и с отказом от оплаты гонорара, и я думаю всё, чем можно помочь? У меня есть очень мудрый и в издательских делах опытный советчик – В.В. Вересаев . Он был так добр, что взял в свои руки мои литературные дела, сам мне предложивши быть моим «Плетневым» (пушкинским).[21] Если позволите, я ему напишу о Вашем случае и спрошу его совета: что здесь можно делать и куда обратиться за справедливой управой.

Очень грустно читать то, что Вы пишете об Мире Искусства.[22] Конечно, радуюсь за А.Н. и Сереб<рякову>[23] лично, но это опустение глубоко печально, и мне очень понятно именно сию минуту: когда люди схлынули, и Коктебель обнажился, – только теперь стали всплывать итоги моей весенней поездки на север. Казалось бы, мне только

радоваться: я был признан и оценен свыше меры, и стихи мои имели отголосок более сильный и глубокий, чем я предполагал, а между тем сейчас я чувствую себя более одиноким, чем до этой поездки, не как человек, разумеется, а как поэт. Чувствую, что производило впечатление в моих стихах то, что казалось политической оппозицией, смелой по нынешним временам; а то, что было основным, положительным (об России, о Евр<опейской> культуре), то принималось только как незначущее приложение. (В большинстве). И кроме того, откликались на них только те, кто сами уходят. Для приходящих же все мое (и основные идеи, и формы) было чуждо и даже враждебно вне всякой политики. Это не повергает меня в отчаянье, ни в разочарованье, но, указывает, что снова надо идти долго, ночью, одинокими горными тропами, какими я шел последние годы. Но после этой поездки стало очень трудно опять уйти в себя, и я никак не могу снова сосредоточиться на поэтической работе. Каждый день принимаюсь за обдумыванье и выявление давно намеченных тем, и чувствую, что не могу сразу стать на ту точку исторических перспектив, которую выносил в себе эти годы. Конечно, еще несколько одиноких прогулок по Карадагу, несколько дней с пером в руке перед ненаписанным листом... В конце концов это *хорошо*, когда твое искусство не нужно, тогда делаешь только необходимое. Это крепче, сжатее, напряженнее. Но все это гораздо легче в молодости, чем в зрелые годы.

Большое спасибо за описание петербургского наводнения.[24] Ваше описание было и первым, и единственным. Газеты ведь не дают никакой картины. Единственное достопримечательное, что я из них почерпнул, — это что «наводнение *ликвидировано*». А из друзей никто ничего, кроме общих фраз, не сказал о нем.

Ваше описание ярко, точно и художественно, и немногими чертами вызвало сразу всю картину Петербурга. Его хочется видеть запечатленным в цикле деревянных гравюр... «к столетнему юбилею Медного Всадника». Картину Литейного моста с баркой, бьющейся о фасад Гошпиталя, и с лодочкой, к ней привязанной, я вижу ясно исполненной в Вашем

стиле. Очень хорош кладбищенский сторож со Смоленского. Он очень в стиле пушкинского «Гробовшика».[25]

Гибель коллекций Козлова[26] потрясает больше всего. Стоило осквернять могильники Харахорума, чтобы все утопить в Петербурге, не разобравши и не распаковавши. Как Эрмитаж и Зимний? Не пострадали ли Тройницкие в своих антресолях?

Спасибо за вести об Елиз<авете> Сергеевне.[27] Пишу ей одновременно.[28] Видали ли Константина Евтих<иевича>[29]. От него никаких вестей. Бор<ису> Мих<айловичу>[30] буду тоже писать на днях. Привет Анастасии Осиповне и Сергею Васильевичу.[31] Не могу сказать, как тронула меня Ваша посылка. Ждем Вас с весны и как можно раньше. Тем из Ваших близких, кого Вы направите к нам или привезете с собою, будем очень рады.

Максимилиан Волошин.

Нет, я не могу оборвать это письмо, не переписавши Вам последнего стихотворения Адалис. Это портрет Машеньки Ш.[32] в Коктебеле. Его сегодня нам Машенька прислала в письме. По-моему, он очень хорош, и все Адалисины bizarreries* в нем уместны и удачны, пожалуй, кроме «бесполых садов».

Случайно ли, в бреду ль, сегодня ль,
Увижу снова в добрый путь
Твой смуглый, как морская отмель,
Живот и востренькую грудь.
Румянца четкие границы
В лице, изваянном левшой,
Глаза, и ржавые ресницы,
И лоб, как облако, большой?
Друг удивленный, друг хороший,
Засну ль, забуду ль до утра
Тот камень, крабами поросший,
Тот месяц зыбкий, как чадра,
Село, что мельком посетила,
Залив, где Пушкин сочинял
«Погасло дневное светило».

* Странности *(фр.)*.

Смятенье непокрытых скал,
Полынь лугов, полынь оврага,
Болгар бесполые сады,
И мертвый город Карадага
Вдоль ясновидящей воды.[33]

Правда, очень остро и четко? «Лицо, изваянное левшой» страшно передает Машеньку.

И теперь еще одна просьба к Вам. Простите, Анна Петровна... Но сделайте это, когда будете случайно в Центре. Это не к спеху. Купите мне несколько акварельных красок и кисточек.[34] Я знаю, что хороших кистей сейчас не достанешь. Но мне и не надо. У меня много кистей... но совершенно нет маленьких острых и тонких для рисунка. Такие, кажется, всегда бывают. Мне нужно штуки 4, в пере или в дереве, безразлично. Важна острота. И кроме того, несколько акварельных плиток иностранных (круглых). (Помоему, они есть в писчебумажном магазине под Генеральным Штабом).

Мне надо: синих (ультрамарин или кобальт) – 4–5 штук,
желтых (Cadmium moyen) – (4–5);
коричневых (Terre de Sienne brûlée или Terre d'Iialie brûlée или sépia coloriée) – (4–5).

Это будет стоить около 8–10 рублей.

Я в Петербурге их видел, но у меня не было в тот момент денег, а в Москве были деньги, да красок не было.

Получится крошечная посылка. Деньги я Вам, если хотите, пришлю теперь же или при свидании в Коктебеле. Как Вам удобнее. Простите за такое злоупотребление Вашим временем, Анна Петровна. Но сделайте это только при случае.

М.В.

[1] Имеется в виду большое письмо А.П. Остроумовой-Лебедевой, состоящее из нескольких частей, последняя из которых датируется 28 октября 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 5 – 12).

[2] 29 октября Остроумова-Лебедева писала Волошину: «<...> Сегодня посылаем Вам коллективную посылку, Анастасия Осиповна <Якубчик. – *Ред.*>, Елизавета Сергеевна <Кругликова. – *Ред.*> и мы. <...> Посылка содержит:

1) кнопки
2) головка сыра
3) 5 банок мясных консервов
4) 1 банка анчоусов
5) 1 банка сардин
6) Какао
7) 2 банки сгущенного молока
8) 1 ф<унт> грибов
9) 1 ф<унт> кофе
10) 1 ф<унт> цикория
11) 2 банки осетрины
12) 2 банки шпрот
13) йодная танктура
14) “растворитель иода”».
(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 13).

[3] Видимо, речь идет о 95-градусном спирте.

[4] См. примеч. 1 к п. 327. «Я не нахожу слов выразить как мы огорчены и потрясены смертью Валерия Яковлевича, – писала Остроумова-Лебедева Волошину, – Какое несчастье! И так неожиданно! Какой-нибудь месяц тому назад мы его видели бодрым, здоровым, и вдруг так неожиданно сражен!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 5).

[5] А.Г. Габричевский в письме от 16/29 сентября 1924 г. сообщал Волошину: «Адалис должна была прийти, но у Брюсова воспаление легкого (крупозное), и она сидит дома и плачет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 382, л. 2 об.).

[6] Речь идет о письме С.В. Шервинского от 10 октября 1924 г. (см. примеч. 1 к п. 328).

[7] Имеется в виду В.Д. Шервинский, профессор-медик, эндокринолог.

[8] Подразумевается заболевание нервной системы (tabes dorsalis), то же, что сухотка спинного мозга.

[9] См. примеч. 2 к п. 327.

[10] Волошин и Брюсов близко и активно общались в середине 1900-х гг., фактически с момента создания символистского журнала «Весы».

[11] Автоцитата Волошина из стихотворения 1908 г. «Возлюби просторы мгновенья...», посвященного Е.А. Бальмонт (Т. 1 наст. изд. С. 103–104).

[12] Отклик на просьбу Остроумовой-Лебедевой: «Представляю себе отчаяние Адалис! Бедная девочка! Как мне ее жаль! Сообщите мне ее настоящее имя и адрес, я буду Вам за это очень благодарна; я хочу ей написать письмо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 5 об.).

[13] Об аффектированном поведении Адалис см. примеч. 1 к п. 328.

[14] Письма Волошина к Адалис не обнаружены.

[15] Отклик на признания Остроумовой-Лебедевой в связи с арестом О.Э. Браза в начале июня 1924 г.: «Незадолго до смерти я писала Брюсову письмо с просьбой заступиться за художника Браза, но ответа на него я не получила» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 5 об.).

[16] Имеется в виду созданное в 1918 г. в Москве «Московское общество Красного Креста для помощи политическим заключенным», председателем которого была Е.П. Пешкова. В 1922 г. Общество было перерегистрировано в соответствии с постановлением ВЦИК от 12 июня 1922 г. С этого времени оно именовалось «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным». Общество было закрыто в середине 1937 г. по распоряжению наркома внутренних дел Н.И. Ежова. О деятельности общества см.: «Дорогая Екатерина Павловна...»: Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. По документам фондов «Московский Политический Красный Крест», «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / Сост. Л. Должанская и И. Осипова; Подгот. текстов, коммент. и вступ. Л. Должанской; Науч. ред. Я. Леонтьев. СПб.: Журнал «Звезда», 2005; *Леонтьев Я.В.* Политический Красный крест в стране Серпа и молота // Общая газета. 1996. № 42 (170), 24–30 октября.

[17] С.А. Толстая.

[18] Остроумова-Лебедева вместе с мужем С.В. Лебедевым отдыхала в Коктебеле с конца июня по 31 августа 1924 г. (см.: Труды и дни-2. С. 229).

[19] Адвокат М.Л. Винавер был заместителем председателя общества «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным». Он приезжал в Коктебель в сентябре 1924 г. (см.: Труды и дни-2. С. 239).

[20] Отклик на признание Остроумовой-Лебедевой: «Получила известие, что Госиздат отказывается (окончательно) производить мне уплату, кот<орую> должен по договору за мою монографию» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 12 об.).

[21] См. примеч. 18 к п. 232.

[22] В письме Остроумова-Лебедева описывала печальную ситуацию, сложившуюся в художественных кругах в Петербурге: «Настроение у меня очень подавленное. В Петербурге кроме Кустодиева и меня не осталось ни одного из прежних членов Мира Искусства! Ни одного! Все перебрались в Париж. Александр Николаевич <Бенуа. – *Ред.*> уехал с женой еще в августе, а через неделю после него уехали Серебряковы. Сын его с женой уже давно там живут. Бенуа посе-

лился в Версале. <...> Он получил заказ от государства поставить “Жизель” в Grande Opéra. Усиленно над этим работает. Добужинский все еще не может уехать, т<ак> к<ак> у него заболел сын и маленький племянник – корь. Выставок больше Мира Искусства здесь не будет. Полная смерть и запустение» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 6 об.).

[23] А.Н. Бенуа.

[24] Речь идет о наводнении, произошедшем в Ленинграде 23 сентября 1924 г. Остроумова-Лебедева подробно описывала его в цитируемом письме: «Наводнение было не меньше того, кот<орое> было в 1824 г. в ноябре месяце. Во многих местах вода перешла даже памятную черту прежнего наводнения, но оно продолжалось, во-первых, недолго, только несколько часов была высокая вода, и во-вторых, несмотря на неописуемый ураган, кот<орый> продолжался целый день, было не холодно, и люди не замерзали, как в 1824 г. Мы живем во втором этаже; но на Нижегородской улице по середине мостовая была суха, а по бокам и по тротуарам текли реки. Сергей Вас<ильевич>, заметив, что направление ветра не меняется, и сила его не падает, в 4 часа дня послал за студентами и из своих подвалов вместе с 20-ю студентами вынес все приборы, вещества и склянки. Но последнее они выносили уже по колено в воде, и не прошло пяти минут как они оттуда выбрались, через выбитые окна каскадами хлынула вода с набережной, и в какие-нибудь четверть часа весь подвал выше человеческого роста наполнился водой. Выйти из дома на набережную уже было нельзя, пришлось выбить заколоченную дверь, выходившую в сад и куда вода еще не добежала, и кружным путем выбираться на Нижегородскую. Его лаборатория была единственная, кот<орая> спасла свои запасы. В Университете все погибло. Я сама очень мало видела наводнение. <...> В семь часов вечера я с Сер<геем> Вас<ильевичем> пошли к Литейному мосту. Это был какой-то содом и светопреставление. Бешеный ураган. <...> Фонари валились, вывернутые ветром. Столетние деревья <...> валились с грохотом. Вывески, железо с крыш летело по воздуху и с грохотом падало. <...> Шляпы мы привязали шарфами к голове и шее. Еле, еле дошли до Литейного моста, и нам представилась следующая картина. Нева, черная, текла обратно, накрытая бешеными волнами с белыми гребнями. Вся набережная около Госпиталя была под водой, и на ней бушевали волны. К самой стене Госпиталя на набережной прибило громадную барку с дровами, и прибой поднимал ее со всей мочи <и> с грохотом и треском бил об стены Госпиталя. Маленькая лодка, прилепленная к корме барки, не отставала от нее и металась как сумасшедшая. Парапета набережной не было видно,

он бесследно исчез под водой. <...> Ураган был так неистов и ужасен, что он верхушки волн отрывал целыми кусками, и такие куски воды обливали нас с ног до головы. Между арками мостов и водой было такое низкое пространство, что ни лодка, ни пароход не могли проходить, и пароходы, которые спасали людей на Васильев<ском> острове и на Петербург<ской> стороне, не могли проходить под мостами, а обходили их по набережным, переплывая парапет. Целую группу людей пароход снял прямо с подъезда Университета, иначе они должны были утонуть, а открыть дверь в университет уже нельзя было. Один химик рассказывал, как его застал подъем воды на Биржевом мосту. Чтобы не утонуть, он сел с еще несколькими несчастными людьми (между ними были женщины) верхом на перила моста, потому что сам мост был под водой; они держались руками за те же перила, и волны перескакивали через их головы, и они погибли бы, если бы не подъехал буксир и не снял их. Самое ужасное во время наводнения это были люки на улицах (водостоки). Во время подъема воды крышки с них давлением вод из подземных сточных труб подняло вверх и снесло в стороны, и люки стали открытыми колодцами, невидимыми под водой. Люди шли по пояс или по горло в воде и вдруг проваливались в собственном дворе или где-нибудь на улице, и захлебывались в люке. <...> При этом полная темнота во всем городе, п<отому> ч<то> электрическая станция была залита водой. <...> Два дня во всем городе не было ни капли воды, хотя люди тонули в воде. Так как водопроводная станция была залита водой. Отсыревшие электрические провода загорались и во многих местах были громадные пожары, при чем пожарные части не могли доехать, и люди из верхних этажей бросались вниз, прямо в воду, и тонули. Около Нарвских ворот был такой пожар, где утонуло несколько человек. Вот еще эпизод. Одна барышня, как рассказывали, как она возвращалась домой, была застигнута водой, как-то внезапно хлынувшей на Исаакиевской площади. Она и еще несколько человек взошли на парапет Исаакиевского собора, рассчитывая, что вода скоро спадет; а вода стала быстро подниматься, и они пережили жуткие минуты, когда одна ступенька за другой исчезала под водой. Люди на площади брели по пояс в воде. Вдруг они услышали жалкие вопли на площади и к ним подошла женщина совершенно мокрая, по пояс в воде, которая не переставая во все горло плакала. Они стали ее уговаривать подняться к ним на паперть, но она, громко вопя, сказала им, что идет в гавань, так как дома у нее в комнате, в первом этаже заперта шестилетняя девочка. Так она и побрела по воде, продолжая кричать и, конечно, по дороге утонула. Когда вода поднялась настолько, что стала заплескивать на паперть, им стало очень опасно оставаться на

паперти, так как деревянные шашки и разные тяжелые предметы могли их спихнуть в воду, и они, обсудив свое положение, схватили проплывающее мимо бревно и выломали им, как тараном, боковую дверь в собор и таким образом открыли себе путь на колокольню. Паперть Казанского собора была под водой, но он был открыт для спасающихся людей, и священники распорядились открыть ход на колокольню. Очень пострадало Смоленское кладбище. Моей сестре кладбищенский сторож говорил, что трупов сорок было выловлено на кладбище, кот<орые> плавали, вымытые из своих могил. <...> Когда моя сестра спросила его, правда ли, что покойники с кладбища доплывали до 7-ой линии В.О., то он обиделся и сказал, что "наши" покойники плавали только по кладбищу, а там должно быть были свои собственные. Но самый тяжелый и невосстановимый ущерб был нанесен наводнением Русскому Музею. Число погибших сокровищ – гомерическое. 500 сундуков погибло в подвалах этнографического музея. Погибло все драгоценное собрание Козлова, привезенное из Тибета. Майя статуэтки были из необожженной глины, и от них остались только комки грязи. Весь двор Музея был завален и заставлен сушащимися тканями, одеждами, манекенами и т.д. Открыта была временная прачечная и сушильня, и гладильня. Все работали день и ночь. Через 10 дней после наводнения нашли еще 10 ящиков, позабытых в подвале, в воде, полусгнивших; в них погибло много английск<их> аквар<ельных> портретов – эта была одна частная реквизированная коллекция... Вот все, что я слышала, более или менее достоверное» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 6 об. – 10).

[25] Повесть А.С. Пушкина «Гробовщик» из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (1830). Предположительно в декабре 1921 г. Волошин создал инсценировку по названной повести Пушкина. См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 751–756.

[26] Во время монголо-сычуанской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлов открыл в центральной Монголии развалины мертвого города Хара-хото, откуда вывез богатые коллекции, особенно этнографические, касающиеся китайской старины и буддийского культа. См. его книгу: *Козлов П.К.* Три года по Монголии и мертвый город Хара-хото (1923–1925). М.; Л., 1927. Волошин был противником подобного рода «разорений».

[27] О Е.С. Кругликовой Остроумова-Лебедева сообщала Волошину: «Я очень упрекала Елиз<авету> Серг<еевну>, что она к Вам не собралась, отдохнула бы, а то вид у нее очень усталый. Невеселый и больной. Ее подруга Надежд<а> Алекс<еевна> хворает каким-то затянувшимся воспалением легких», позже она сделала в письме еще одну приписку: «Заходила за это время к Елиз<авете> Сергеевне, она

<...> просит Вам кланяться и посылает Вам с Анастасией Осиповной <Якубчик. – *Ред.*> посылкой – какао и 2 банки сгущенного молока» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 11, 12). Упоминается Н.А. Мезенцева-Норовлева, скульптор.

[28] Письмо, о котором пишет Волошин, не обнаружено.

[29] К.Е. Костенко.

[30] Б.М. Кустодиев. Письмо к нему Волошина за этот период неизвестно.

[31] А.О. Якубчик, С.В. Лебедев. Известно письмо Волошина А.О. Якубчик от 30 октября (см. п. 329).

[32] Речь идет о М.М. Шкапской. Об отношениях Адалис и М.М. Шкапской см.: Письма А.Е. Адалис к М.М. Шкапской / Публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1993. С. 316–351.

[33] Ближайшее сохранившееся письмо М.М. Шкапской к Волошину датировано 31 октября 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, п. 3, ед. хр. 1303, л. 29–32 об.), однако цитируемый поэтический текст в нем отсутствует. Об этом стихотворении речь идет также в письме Адалис Волошину, датируемом предположительно осенью 1924 г. В нем Адалис сообщала: «<...> как раз сейчас посвящаю стихи Машеньке <...>. Я пишу стихи. Когда же их наберется десять, пришлю Тебе, Макс» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1343, л. 2).

[34] Остроумова-Лебедева откликнулась на просьбу Волошина. В письме от 6 янв<аря> – 23 янв<аря> – 27 янв<аря> 1925 г. к М.С. Заболоцкой, упоминая отправленную Волошиным открытку (в настоящий момент – не обнаружена), она сообщала: «Я спрашивала, непременно ли он хочет иностранных фирм краски? Я нигде их не нашла <...> Я много обошла магазинов, но нигде иностранных не находила. Только в "Издательстве «Иностранная книга»" мне сказали, что у них краски получены, только надо подождать распаковки и расчета с фирмой. <...> На днях я опять туда заходила, они мне сказали, что у них какие-то недоразумения с фирмой, и на днях они их начнут продавать. Меня очень беспокоит, что я не могу Вас удовлетворить, я знаю, как тяжело художнику быть без материалов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 15 об. – 16). Заказ Волошина будет частично выполнен Остроумовой-Лебедевой весной 1925 г.

337. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

17 ноября 1924 г. Коктебель

17. XI.1924.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Как раз я начал собираться писать Вам, как получил Ваше письмо. Конечно, очень и очень прошу Вас, Викентий Викентьевич, остаться моим литературным уполномоченным, если только для Вас самих это не слишком обременительно.[1] Я об этом Вас просил еще уезжая из Москвы, и то, что Вы сами теперь мне это напоминаете и предлагаете, это мне вдвойне радостно. Я органически не умею разговаривать...

Но сперва о Вашем вопросе.[2] К сожалению, ничего положительного не могу ответить Вам. Мой отец умер, когда мне было 4 года,[3] и я был связан только с материнской семьей. Отцовских же родных совсем не знаю, т<ак> к<ак> в Киеве взрослым не бывал. Воспоминания Францевой видал мельком – очень давно, когда они печатались еще.[4] Обратил, конечно, внимание на свою фамилию, т<ак> к<ак> это единственный случай, когда я ее увидал в литературе в ее полном – двойном – виде. Кириенков и Волошиных в отдельности существует очень много на Украине. Вероятно, это родственники, но, кроме этого предположения, ничего не могу сказать. И спросить-то мне не у кого, потому что лет 25 уже как и слухов-то никаких о родных моего отца не имел.

Это лето прошло в Коктебеле очень интересно и содержательно. Было больше поэтов: А. Белый, Брюсов, С. Шервинский... Народу прошло через дом за это лето на сто человек больше, чем в прошлом году, именно – 300 человек. Июль и август население дома было 100 человек одновременно. Приблизительно через день устраивались литературные чтения, лекции, диспуты, беседы и рассказы на определенные темы, стихотворные конкурсы, импровизированные спектакли, кинематографы, джаз-банд и даже фокстрот. Все это было очень хорошо и в меру. И представьте себе, что Брюсов, в эти последние недели своей жизни, был душою общества, был

крайне прост, общителен, добр. Даже с большим талантом исполнял комические роли в импровизированном кинема.[5] После моей весенней трепки в Москве и в СПб. это было, в конце концов, для хозяев очень утомительно, и я устал смертельно. Но очень большое удовлетворение от сознания, что Коктебельская художественная колония становится делом насущно необходимым и органическим. Как-никак это все-таки «строительство» среди распада.

Как жаль, что Вы слишком сыты Коктебелем, чтобы приехать ко мне. Ангарский бывал часто и неожиданно проникся ко мне симпатией и уважением. Я ничего не получал от Воронского и думаю поэтому, что его предприятие не удалось.[6]

Если Ангарский хочет попытать счастья, то я, конечно, буду очень доволен.[7] С Воронским я, в сущности, ничем не связан, кроме его доброго желания «откупорить» меня, и тут естественно, что издание будет принадлежать тому, кто сможет его провести через цензуру. Все лето не работал. Сейчас работаю над главой «Таноб» (Темница) из «Пут<ями> Каина». Буду очень рад, если поговорите с Воронским. Не встречаете ли Вы Глеба Алексеева, он так и ограничился 50 р. за издание 2-х книг,[8] которые, кажется, уже разошлись, а условие было 10% с экземпляра.

Привет Марье Гермогеновне.[9] Как она провела лето?

Максимилиан Волошин.

[1] В письме к Волошину от 5 ноября 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 313, л. 38–39 об.) В.В. Вересаев спрашивал: «Как будет обстоять дело в будущем? Желаете ли, чтобы я у Вас состоял Плетневым, или у Вас теперь завязались непосредственные связи с издательствами?» Ср. п. 232, примеч. 18.

[2] «Вы, конечно, знаете, – замечал Вересаев в том же письме, – что некая О.Д. Францова, урожденная Кириенко-Волошинова, некогда напечатала совершенно фантастические воспоминания о Пушкине в "Русском Обозрении" <...>. Меня интересует вот что: просто ли врет дама от начала до конца, или отец ее все-таки был – если не другом, – то все же знакомым Пушкина во время пребыва-

ния его в Кишиневе? <...> Если это Вам родственник, то не известно ли Вам что-нибудь о нем из семейных Ваших преданий, – был ли какой-ниб<удь> Кириенко-Волошинов в Кишиневе в 1820–23 гг., чем занимался, сохранились ли вообще в Вашей семье предания о знакомстве его с Пушкиным, словом, – врет ли упомянутая дама сплошь или только перевирает. Интересует меня это потому, что две-три черточки, которые она сообщает о Пушкине среди груды чепухи, кажутся мне очень для Пушкина характерными и ценными, если есть хоть малая вероятность их подлинности».

[3] Отец Волошина Александр Максимович Кириенко-Волошин (1836–1881), коллежский советник, член Киевской палаты уголовного и гражданского суда, умер в Таганроге 9 октября 1881 г.

[4] Воспоминания Е.Д. Францевой были опубликованы в журнале «Русское Обозрение» (1890. № 1. С. 20–40; № 2. С. 535–559; № 3. С. 5–32). Ее отец – Дмитрий А. Кириенко-Волошинов, чиновник канцелярии И.Н. Инзова, сослуживец Пушкина. Воспоминания Францевой признаются «малодостоверными в подробностях» (см.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1975. С. 183; изд. 2-е, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. С. 192).

[5] См. примеч. 4 к п. 334.

[6] В письме от 5 ноября Вересаев спрашивал Волошина: «...пожалуйста, сообщите мне, где находится собрание Ваших стихов, к<отор>ое Вы передали Воронскому, и что с ним стало? Писал ли Вам о них Воронский, собирается ли издавать, сделал ли из них выборку из печати? Если Вам ничего об этом не известно, позвольте отобрать у Воронского рукопись и попробовать распорядиться ею иначе».

[7] В том же письме Вересаев сообщал: «Очень досадно, что на днях Ангарский на 3–4 месяца уехал за границу, – он очень хотел издать собрание Ваших стихов и много мог бы тут сделать через Каменева». Ни собрания стихов, ни какого-либо отдельного издания стихотворений Волошина после 1923 г. при его жизни не было осуществлено.

[8] Подразумеваются изданные «Книгоиздательством Писателей в Берлине» (Г.В. Алексеев – его редактор и представитель в Москве) в 1923 г. книги Волошина «Демоны глухонемые» и «Стихи о терроре».

[9] М.Г. Смидович.

338. Л.Б. КАМЕНЕВУ

20 ноября 1924 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Лев Борисович,

после долгой нерешимости, но предполагая, что т. Ангарский, который мне советовал обратиться к Вам, уже успел переговорить с Вами, решаюсь просить Вас оказать содействие делу Художественной колонии, организованной мною в Коктебеле.

В Коктебеле я живу уже тридцать лет, имея здесь клочок земли, дом, мастерскую, большую французскую библиотеку и литературный архив, что представляет большую личную ценность, но весьма малую рыночную. О скромности обстановки моего жилища может свидетельствовать то, что во время всеобщего грабежа, сопровождавшего смены Крымских правительств, во всем поселении оно единственное не было ни разу разграблено. Сюда из года в год шла ко мне тяга писателей и художников с севера и создала из Коктебеля, который я застал совершенно пустынным заливом, небольшой литературно-художественный центр.

Раньше – при жизни моей матери – комнаты в доме отдавались внаем, а после ее смерти я открыл его для бесплатного пользования, расширив этим и углубив установившуюся традицию. С начала Советской Власти ни одна комната не была отдана за плату. Двери моего дома раскрыты всем и без всякой рекомендации – в первую голову писателям, художникам, ученым и их семьям, а если остается еще место – всякому, нуждающемуся в солнце и отдыхе, кому курортные цены не по средствам. Ставится одно условие: каждого вновь прибывающего принимать как своего гостя. Поэтому емкость моих 25 комнат среди лета достигает иногда ста человек. Срок пребывания не ограничен. Налажено коллективное питание для экономии. Летом сюда приезжают отдыхать, весной – работать. За 1923 год через мой дом прошло 200 человек, а за текущий – 300.

Юридическое мое положение таково: Советская власть – Крымская и Центральная – были всегда внимательны ко мне

и периодически выдавали Охранные Грамоты, а бесплатный дом отдыха признан и рекомендован Наркомпросом СССР.[2] Что касается самого дома, то он, как ни разу не национализированный с начала Революции, согласно действующему праву СССР остается в моем владении. [Как бесплатный Дом отдыха рекомендован А.В. Луначарским].

Местные власти сами стали эксплуатировать Коктебель как курорт и усмотрели во мне неприятного конкурента. В порядке бытовом это формулировалось так: «Ишь – буржуй – комнаты даром сдает: нашей власти признавать не хочет», или же: «В Коктебеле можно было бы расторговаться, если бы не Волошинский странноприимный дом...»

Видя количество людей, живущих у меня, они наивно думают, что все они были бы в состоянии оплачивать высокие курортные цены. (В этом году местные цены на комнаты поднялись в двадцать раз по сравнению с прошлогодними, что сразу делало весьма убогий в смысле культурных удобств Коктебель, лишенный пресной воды, врача, гостиницы, аптеки, самым дорогим из крымских курортов: дороже Алупки и Ялты).

В истекающем году было сделано нескольку попыток уничтожить К<октебельскую> Х<удожественную> Колонию путем произвольных обложений и налогов, что, конечно, не трудно, т<ак> к<ак> она существует без всяких средств и не принося никаких доходов. Мне предлагалось в ультимативной форме немедленно выбрать «промысловый патент на содержание гостиницы и ресторана», т.е. записаться в «нэпманы» со всеми налоговыми последствиями этого, под угрозой выселения всех «жильцов» и запечатания дома. А все мои «Грамоты» и «Удостоверения» объявлялись «Властью на местах» – недействительными.

Приходилось сломя голову скакать в Симферополь искать защиты у Крым-ЦИК.[3] А когда Крым-ЦИК заступился за меня и признал обложение незаконным, это воспринималось как оскорбление и создавало вокруг ту напряженную атмосферу, в которой ежеминутно ждешь, откуда и в какой плоскости будет сделано новое нападение.

Я думаю, что Коктебельская Художественная Колония является для Республики организацией полезной, а для искусства органически необходимой. Вы сами знаете, как тяжело сейчас экономическое положение писателей, поэтов, художников, как переутомлен каждый службой и напряженностью городской жизни, и как важен при этом для одних возрождающий летний отдых, для других – возможность уединиться для личной творческой работы, и как мало может сделать в этом отношении одно ЦЕКУБУ, все время сокращающее свою деятельность.

Поэтому я обращаюсь к Вам, Лев Борисович, как к лицу, которому понятны и дороги интересы русской литературы и искусства, с просьбой стать патроном Коктебельской Художественной Колонии и дать мне право обращаться к Вам за защитой в критические моменты ее существования.

Это очень обще... В сущности, мне следовало бы просить у Вас:

I) Мандата на устройство в моем доме Художественной Колонии.

II) Официального утверждения за мной права владения моим участком в ½ десятины и домом с пристройками в Коктебеле.

III) Полного освобождения его от местных налогов и обложений, как предприятия, не дающего никаких доходов.

Это бы сразу оградило, думаю, Колонию от всяких притязаний и нападений. Но боюсь просить слишком многого и, может быть, тактически невозможного.[4]

Не подумайте, что я сам заинтересован здесь как-нибудь экономически: как Вы можете видеть по прилагаемым документам, я сам, мой угол, моя мастерская и библиотека защищены достаточно и не они являются мишенью. Пользуясь Ак<адемическим> обеспечением от ЦЕКУБУ, я сам употребляю весь свой – правда, скудный и непостоянный – литературный заработок на поддержание и ремонт дома. Ни на какую материальную помощь, ни на какие субсидии я не рассчитываю. Что дело Художественной Колонии вполне бескорыстно и «чисто», Вам могут подтвердить все гостившие

у меня, все знающие мою жизнь. Среди них назову: из писателей – Валерия Брюсова (увы, покойного), В.В. Вересаева, Андрея Белого, К. Чуковского, Шенгели, С. Шервинского, Адалис, А. Соболя, Е. Замятина... Из Академии Художественных наук – Леонида Гроссмана, А. Габричевского. Из общества научного изучения Крыма – д<окто>ра Саркизова-Серазини. Из коммунистов: Майского (редактора «Ленинградской правды» и «Звезды»), А.Ф. Женевского (редактора «Красной Газеты», брата Раскольникова), Иннокентия Серафимовича Кожевникова (бывшего полпреда Латвии), И.С. Кондурушкина (помощника прокурора СССР), Л.З. Каменского (московский представитель Укрмахортреста), наконец, Ангарского.

Но самое лучшее было бы, конечно, если бы Вы сами с Ольгой Давыдовной[5] во время летней поездки на юг навестили бы меня в Коктебеле, чтобы почувствовать стиль и дух моего дома.[6]

P.S. Весной перед моим отъездом из Москвы Воронский взял у меня полный текст моих книг *ПУТЯМИ КАИНА* и *НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА*,[7] отрывки из которых я читал у Вас, с тем, чтобы дать на просмотр Вам, с Вашей помощью провести через цензуру и издать. Должен ли я считать его молчание указанием на то, что Вы нашли обе эти книги цензурно безнадежными?[8]

[1] Датируется по связи с п. 340 (ср.: Труды и дни-2. С. 244). Текст письма, отправленный Л.Б. Каменеву, в его фонде в РГАСПИ отсутствует.

[2] Приводим текст охранной грамоты, выданной Волошину 31 марта 1924 г. А.В. Луначарским: «Максимилиан Волошин с полного одобрения Наркомпроса РСФСР устроил в Коктебеле в принадлежащем ему доме бесплатный дом отдыха для писателей, художников, ученых и при нем литературно-живописную мастерскую. Наркомпрос РСФСР считает это учреждение чрезвычайно полезным, просит все военные и пограничные власти оказывать в этом деле М. Волошину всяческое содействие» (*Шульц Н.* Планерское (Коктебель): Очерк-путеводитель. Симферополь: Крым, 1966. С. 17).

[3] Подразумевается пребывание в Симферополе с 27 июля по 3 августа 1924 г. См. п. 317.

[4] О дальнейшем движении дел в связи с этим ходатайством информировал Волошина в письме от 20 апреля 1925 г. Н.С. Ангарский: «...письмо Ваше получил и отправил т. Енукидзе копию В<ашего> письма к Л.Б. Каменеву; я думаю, что т. Енукидзе скорее что-либо сделает; Каменев же так занят, что рассчитывать на него не приходится. Я прошу т. Енукидзе написать в Феодосийский Исполком. Но опять-таки не ручаюсь, что из всего это выйдет толк. Так все это трудно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 178).

[5] О.Д. Каменева.

[6] Сохранились также два развернутых фрагмента в черновой редакции этого письма, не вошедшие в текст, отправленный Каменеву; они приводятся по копии, выполненной В.П. Купченко и опубликованной в кн.: *Фрезинский Борис.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. С. 58–59:

Я очень далек от политики, но социальное устройство, текущая история и смысл современной машинной культуры – поглощают все мое внимание. Я отношусь отрицательно: к государственности, всеобщей воинск<ой> повинности, [к суду], к собственности, к заработной плате, считая, что государство – это монополия всего кустарного зла и насилий, но практически выгодная [и необходимая] и потому неизбежная, что Всеоб<щая> воинс<кая> повинность была главным фактором, понизившим моральный уровень Европы в XIX в., что собственность есть только то, что можно подарить, что заработная плата [есть безнравственна] антисоциальна, т<ак> к<ак> социальный идеал будет осуществлен в том обществе, где никто не будет отдавать тому, от кого получил, а третьему, третий четвертому и т.д.: Всякое даяние будет жить в обществе неугасимо. Эти идеи я провожу в личной жизни без насилия и без донкихотства. Худож<ественная> колония – одно из применений их.

К Сов<етской> Вл<асти> в 1918 г. я относился отрицательно из-за Брестского Мира. В 1919 признал ее как единственный и неизбежный путь России, не закрывая глаз на ее ущербы, ни на жестокость переживаемых моментов, но считая, что все это было бы пережито Россией, независимо от того или иного правительства. Единственная моя общественная деятельность во время Революции была борьба с террором – то с белым, то с красным в зависимости от смены правительств в Крыму, считая, что всякое разумное правительство должно использовать силы, ему данные в руки, а не истреблять их.

Я не марксист. Вернее: я принимаю анализ [и критику] марксизма, но не его идеологию. Считая, что главная революционная борьба человека это борьба: против законов природы им самим формулированных, т<ак> к<ак> в этой борьбе он пересоздает себя, идя таким образом не путем пассивного приспособления, а путем творческой эволюции.

Все это, конечно, не совпадает с текущими государственными задачами и тенденциями. Но от конечных идеалов коммунизма мысли мои не так уж далеки, и у меня вовсе нет мании их проповедовать и распространять. И сейчас я сообщаю все это для того, чтобы Вы знали, с кем Вы имеете дело, и если Вы считаете возможным принять меня таким, как я есть, то помогите мне.

[7] Встреча Волошина с А.К. Воронским состоялась в редакции журнала «Красная новь» 13 мая 1924 г. (Труды и дни-2. С. 224).

[8] Вечером 2 апреля 1924 г. Волошин был приглашен О.Д. Каменевой в Кремль (вместе с П.С. Коганом и Л.Л. Сабанеевым – как представителями Государственной Академии Художественных Наук), где выступил с чтением своих стихов о революции перед Л.Б. Каменевым и Ф.Ф. Раскольниковым (согласно мемуарному очерку М.Ю. Авиновой «Встреча с М. Волошиным», на встрече были также Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев, А.В. Луначарский // Новое русское слово. 1964, 8 марта). Картину происходившего воссоздал в мемуарном очерке Сабанеев:

«Волошин мешковато представляется Каменеву и сразу приступает к чтению “контрреволюционных” стихов.

Это было в высшей степени забавно созерцать со стороны. “Рекомый” глава государства (он был тогда председателем Политбюро) внимательно слушал стихотворные поношения своего режима, которые громовым, пророческим голосом, со всеми проклятиями, в них заключенными, читает Волошин, напоминая пророка Илию, обличающего жрецов. Ольга Давыдовна нервно играет лорнеткой, сидя на маленьком диванчике. Коган и я с нетерпением ждем, чем окончится эта контрреволюция в самых недрах Кремля. <...>

Волошин кончил.

Впечатление оказалось превосходное. Лев Борисыч – большой любитель поэзии и знаток литературы. Он хвалит, с аллюром заправского литературного критика, разные детали стиха и выражений. О контрреволюционном содержании – ни слова, как будто его и нет вовсе. И потом идет к письменному столу и пишет в Госиздат записку о том же, всецело поддерживает просьбу Волошина об издании стихов “на правах рукописи”.

Волошин счастлив и, распрощавшись, уходит. Я и Коган остаемся: ему необходимо кое-что выяснить с Каменевым относительно своей академии. Тем временем либеральный Лев Борисыч подходит к телефону, вызывает Госиздат и, совершенно не стесняясь нашим присутствием, говорит:

– К вам приедет Волошин с моей запиской. Не придавайте этой записке никакого значения.

Даже у искушенного в дипломатии П.С. Когана физиономия передернулась. Он мне потом говорил:

– Я все время думал, что он это сделает. Но не думал, что так скоро и при нас» (*Сабанеев Л.* Мои встречи. «Декаденты» // Новое русское слово. 1953. № 15058, 19 июля; Воспоминания о серебряном веке. М.: Республика, 1993. С. 353). М.Ю. Авинова в упомянутом очерке приводит фразу Каменева: «Максимилиану Александровичу мы можем позволить иметь собственное миросозерцание». Р.М. Акульшин, общавшийся с Волошиным в 1927 г., приводит его ответ на свой вопрос «Пытались ли вы <...> издать свои стихи?»: «Я показывал их Льву Каменеву. Он сказал: “Все это увидит свет, когда не будет нас”. Я спросил, долго ли ждать этого времени? “Лет тридцать”, – ответил он» (*Новоселов Д.* <Акульшин Р.М.> В Коктебеле (Воспоминания) // Грани. 1949. № 5. С. 55).

339. Н.П. ДОМРАЧЕВОЙ

20 ноября 1924 г. Коктебель[1]

Милая Надя, очень трудно и горько слагается эта зима, кажется, у всех наших друзей, живших это лето в Коктебеле.[2] Это началось еще с осени. Гибель Вади,[3] Брюсова, Соболя...[4] Маруся это очень тяжело перенесла и только теперь немного оправилась. У нас же лично все очень хорошо и благополучно. Та смертельная усталость, что оставалась у меня от весенней поездки и лета, прошла. Я чувствую себя физически так хорошо, как давно уже не чувствовал. Передай, пожалуйста, прилагаемое письмецо – Тамаре.[5] Крепко обнимаю и целую всех Добрачевых и Домрачат. Привет Нелли, Талочке, Щегленку,[6] Гехтманам и проч. и проч. Нине и Вере Хлаповой. И от Маруси.

Макс.

Не спрашивай Марусю о Ваде.

[1] Приписка к письму М.С. Заболоцкой от 20 ноября 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 131, л. 28 об.).

[2] В письме к Волошину и М.С. Заболоцкой от 18 ноября 1924 г. Н.П. Домрачева сообщала про «целый ряд обрушившихся неприятностей»: умер дедушка, брат (Л.П. Домрачев) болен брюшным тифом, «2 м<есяца> жили под угрозой выселения и еще ряд неприятных мелочей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 178, л. 9).

[3] Вадим Андреевич Экк. См. примеч. 4 к п. 323.

[4] См. примеч. 1 к п. 327, примеч. 1 к п. 328, примеч. 5 к п. 334.

[5] Вероятно, Т.В. Шмелева.

[6] Нелли – Елена Михайловна Соколова. Талочка – неустановленное лицо. Щегленок (коктебельское прозвище «Голубой щегленок») – студентка Ирина Владимировна Покровская (1906–1995).

340. В.В. ВЕРЕСАЕВУ

21 ноября 1924 г. Коктебель

21.XI. 1924.

Дорогой Викентий Викентьевич,

Посылаю Вам в этом письме мое письмо, адресованное Л.Б. Каменеву, с просьбой прочесть и передать.[1] Если, читая, Вы найдете некоторые детали бестактными, прошу старательно вычеркнуть; ежели все письмо не ко времени, то задержите его и напишите мне. Суть дела Вы поймете вполне из самого письма.

Этим летом Старо-Крымский райисполком повел на меня атаку, имея в виду отнять у меня дачу. Это было летом. Я ездил в Симферополь.[2] Телеграмма Ибрагимова[3] их очень рассердила. Они говорили: «Ну, в будущем году Волошина здесь духа не будет. Довольно ему народ обирать (sic!), к нам приходили на него жаловаться, в будущем году мы сами Дом отдыха устроим». При этом они допрашивали каждого с моей дачи – сколько он платит и т.д., надеясь уловить меня на каком-нибудь обмане. Все это очень смешно и забавно, но т<ак> к<ак> я могу ожидать всего, что угодно, то нужно заранее принять меры. Ангарский, бывший при этом,[4] советовал

обратиться прямо к Каменеву и обещал заранее переговорить с ним (я Вам писал, что Ангарский вдруг страшно зауважал меня летом).[5] Я очень долго не мог найти формы письма к Каменеву и наконец написал это письмо. Я позволил себе сослаться на Вас, Викентий Викентьевич, хотя Вы и не жили эти годы в Коктебеле, но Вы знаете меня вообще, а от Марьи Гермогеновны, от Зинаиды Ивановны[6] Вы знаете, как здесь шла жизнь.

В post scriptum я спрашиваю Каменева и о судьбе моих стихов. Рукописи, вероятно, так и остались у него.

То, что я пишу о коктебельском «курорте», совершенно точно. Любопытно, что этот курорт был открыт без ведома и разрешения Наркомздрава. Я сам спрашивал у старо-крымских властей, когда они приезжали ко мне: «Почему же коктебельский курорт? В чем же его курортность?», на что мне отвечали: «А как же: солнце есть, воздух есть. Вот и курорт».

– Но тогда вся Россия курорт?

– Ну конечно. Тут только административно трудно взимание налогов наладить.

Так что они, очевидно, искренно предполагают, что взимание усиленных налогов на содержание местной администрации и есть самое настоящее курортное лечение.

Еще из местных бытовых курьезов: недавно в Коктебеле отравилась крестьянская молодая девушка из-за любви и оставила записку, что в смерти ее повинен такой-то. Этот мальчишка арестован и сейчас ведется следствие – всю деревню вызывают свидетелями: совсем les cours d'amour* в Провансе.

Повышение коктебельских цен, о котором я пишу, происходило оттого, что все с ума посходили на наживе: арендаторы, т.е. бывшие владельцы дач, были обложены налогами приблизительно по 2 червонца в месяц с каждой комнаты. Представляете, сколько же им надо было драть с жильцов, чтобы окупить незанятые комнаты. Мне же власти доказывали, что никто теперь не имеет права у себя прини-

* Уроки любви *(фр.)*.

мать в своем доме гостей даром: «Это, гражданин, ваше личное добродушие, а вы должны на это взять патент, даем вам сроку 5 дней».

Последнее время я довольно много читал книг о Пушкине: частью мне прислал Гроссман, частью привез из Москвы. Мне нравится «Поэтическое хозяйство Пушкина» Вл. Ходасевича.[7] Как Вы относитесь к этой книге? Очень жаль, что до сих пор не мог прочесть Вашей статьи в «Красной Нови».[8] Воронский мне этого № так и не выслал. Как поживает Марья Гермогеновна? Как она проводила лето?

Привет от Марьи Степановны.[9] Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 338.

[2] См. примеч. 2 к п. 317.

[3] Подразумевается направленная в Старо-Крымский райисполком 1 августа 1924 г. телеграмма председателя Крым-ЦИК'а В. Ибрагимова с предложением «устранить взимание незаконных налогов», поскольку дача Волошина является «бесплатным домом отдыха для писателей, художников, ученых» (Труды и дни-2. С. 233).

[4] Н.С. Ангарский имел дачу в Коктебеле у подножия горы Седло (Экимчек), летом 1924 г. он провел на ней около двух месяцев. Дочь Ангарского М.Н. Ангарская свидетельствует в воспоминаниях «Дача под горой Седло»: «...уже в 1916 или 1917 году <...> мы жили некоторое время на этой даче, еще недостроенной». См.: *Жарков Евгений.* Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 80–81.

[5] См. п. 337.

[6] М.Г. и З.И. Смидович.

[7] Книга В.Ф. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л.: Мысль, 1924), включающая 52 аналитических заметки о творчестве поэта.

[8] См.: *Вересаев В.* Поэт. (Комментарии) // Красная новь. 1924. № 2. С. 246–271.

[9] М.С. Заболоцкая.

341. О.К. ТОЛСТОЙ и С.А. ТОЛСТОЙ

21 ноября 1924 г. Коктебель

21/XI 1924. Зим<ний> почт<овый> адрес. Феодосия, д<ом> Айвазовского. Успенским для меня.

Дорогая Ольга Константиновна,

еще месяца не прошло с Вашего отъезда,[1] а кажется, что это было бесконечно давно, так однообразно и быстро мелькают короткие зимние дни. Письмо мое спешное и деловое и вызванное таковым же письмом Анны Петровны Остроумовой, которую Вы, вероятно, знаете по рассказам Сони и по ее петербургским гравюрам на дереве. Она мне пишет об отчаянном положении художника Браза, одного из лучших современных портретистов, члена «Мира Искусства» и первого после А. Бенуа знатока старинных мастеров.[2] Он арестован 8 месяцев назад, находится в полной духовной и физической прострации с туберкулезом обоих легких. Не можете ли Вы прийти к нему на помощь? Обвинение ему предъявлено совсем странное – «экономический шпионаж». Сейчас его перевезли в Москву. Дознание и следствие вел тов. Азовский. Сейчас его заключение представлено на утверждение пом<ощника> верховного прокурора Катаниана. Ему грозит ссылка на север, что для него – смерть. Это гибель большой художественной величины. Необходимо хлопотать о его помиловании. Я дал Ан<не> Петр<овне> Ваш адрес, и она пришлет Вам все подробности. Наша домашняя жизнь идет так же, как шла при Вас. Зима наступила ранняя. Мы сютились в двух комнатах. Тепло. Уютно. Вокруг дома голодные требовательные псы, гуси, утки.

Когда идут дожди – становится теплее. Море бурно. В черные ночи с той стороны залива на нас идут фосфорически светящиеся валы. Маруся[3] прибаливает, то ухом, то простудой. Но ехать лечиться упорно не хочет: у нее какая-то суеверная боязнь покинуть дом и меня. Хотя я ей и предлагаю тогда поехать с нею. Вероятно, в конце концов так и будет.

Получили Сонину открытку с дороги,[4] а из Москвы – ничего. Поэтому ничего не знаем о Вас – как доехали, что

нашли в Москве? Письма получаем не часто. И каждое письмо – как приезд гостей. Крепко целую Соню и Наташу. Привет Владимиру Михайловичу.[5]

Максимилиан Волошин.

Милая Соня, это письмо чисто деловое и спешное. Если можешь помочь – помоги. Открытку получили. Ждем письма из Москвы. Маруся 2 дня лежала, сегодня снова ведет хозяйство «с темпераментом». Боюсь, что она так и не поедет лечиться, если я сам ее не повезу.

Крепко целую.

Мах.

[1] О.К. Толстая и С.А. Толстая отбыли из Коктебеля в Москву 22 октября 1924 г. (Труды и дни-2. С. 241).

[2] См. примеч. 15 к п. 336. Ср. дневниковую запись А.Н. Бенуа от 6 июня 1924 г.: «...я от Н. Радлова узнал, что арестован О.Э. Браз. Все теряются в догадках относительно причин. Впрочем, что-то нависло над Бразом за последние четыре недели, и я из разных мест слышал, что до него собираются добраться. Одна из причин – просто его всегдашнее хвастанье своими приобретениями, другая – что он вошел в контакт с каким-то немецким (здесь, впрочем, легализированным) предприятием, поставившим себе задачи скупать художественные ценности для отправки их за границу <...>, третья – та, что он вообще слишком часто бывал у немцев, англичан, то есть у консула Кесслера и у консула Престона, в четвертых – что его даже подозревают в шпионаже. Последнее, разумеется, вздор, но на это как бы указывает то, что явились его арестовать ночью вчера с ордером как на него, так и на Лолу Эдуардовну <жена Браза. – *Ред.*>, уехавшую неделю назад к детям в Германию, а также еще то, что квартиру не опечатали, ограничившись поверхностным обыском» (*Бенуа Александр.* Дневник. 1918–1924. М.: Захаров, 2010. С. 736). В том же году Браз был сослан в Новгород, возвращен из ссылки в 1926 г. по ходатайству ленинградских художественных обществ.

[3] М.С. Заболоцкая.

[4] Открытка С.А. Толстой, датированная 25 октября 1924 г., отправлена из Москвы в Феодосию на следующий день (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 16).

[5] Н.С. Сухотина. Владимир Михайлович – неустановленное лицо.

342. О.К. ТОЛСТОЙ

2 декабря 1924 г. Коктебель

Многоуважаемая Ольга Константиновна,

Маруся в своем письме неверно написала Вам свою просьбу о *ручной пиле*:[1] ей нужна именно *садовая* пила (а не столярная) *для обрезки деревьев*, такой формы:

Раньше они были – фра<н>цуз<с>кие и русские Брабеца – стоили около 3 руб. – 4 руб. (указания Иосифа Викторови<ча>[2]).

Спешу отправить этот комментарий <в> догонку письму. Привет Соне.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] В письме к О.К. Толстой от 25 ноября 1924 г. М.С. Заболоцкая просила ножовку для обрезки деревьев (Труды и дни-2. С. 245).

[2] И.В. Зелинский.

[3] С.А. Толстая.

343. Н.А. ГАБРИЧЕВСКОЙ

15 декабря 1924 г. Коктебель

15/XII 1924.

Милая моя Наташа, ты пишешь ужасно хорошие письма, и рисуночки придают им глубокую прелесть (точно переводы с американско-индейского).[1] Мы их читаем захлебываясь, ссорясь и вырывая друг от друга. Спасибо за все заботы о нас, за акварели и за все...

Нам совсем неплохо. Я голодаю не из нужды, а для высоты духа, для общего счастья и для стройности талии. Голодаю осторожно: спущу сантиметров пять и поем с неделю, потом еще. Словом, за всю осень спустил 20 сант<иметров> (было

129 сант<иметров>, а теперь 110). Это нетрудно, и никаких ослаблений сердца быть не может. Никогда у нас еще не было так тихо, уютно, хорошо и, главное, тепло (и от топлива, и от людей). Твоя горячность к нашим нуждам глубоко трогает и радует.

И кому же ты рассовала мои акварели? Надеюсь, что только не безденежным же коктебельцам? Но что же такое говорили про нас, что тебя так обеспокоило?[2] А правда, какая Федорченко милая и блестящая и какое демоническое существо Джали[3] (тоже инфернальная коза – вроде Адалис). Я был очень горд, когда она со мной начала играть и позволила себя трогать. У Маруси – горе: в порядке государственной охраны побережья исчез Тэгин муж – Ленька, свирепый мужчина в сером оперении с переломанным крылом.[4] Он был романтик, дома не ночевал, курятник презирал, кур и уток лупил походя и ходил спать в морозные ночи на левую лужу и Тэгу с собой уводил. Там он, верно, и погиб и, должно быть, уже переварен. Пулькиного щенка зовут «Хна», а кошку «Ажина». Но в просторечии они чаще зовутся «Пукало» и «Какало», что более соответствует их специальностям. Блохи на них уже перемерзли до будущей осени. Тату женился на Ажине, и они устроились своим хозяйством на большой террасе в ящике с соломой, а Хну от себя прогнали.

Хна подросла, обнаруживает живость характера и материнскую искательность. В меня влюблена по уши после того, как я раз позволил ей посидеть пять минут в моем кабинете. Тату[5] становится холодным и красивым эгоистом. Любит класть правую лапу на плечо собеседнику (как я), а после обеда ходит спать в курятник. Маруся его за это побила сегодня эмалированным кувшином. Но просит не писать: стыдно.

В деревне идут свадьбы. Время от времени к Марусе прямо оттуда приводят пьяных мужиков – колотых, резаных и кровоточащих. Они с пьяных глаз собираются тут же помирать, целуют руки, называют «матушкой» и бьются в истерике при виде собственной крови. А когда Маруся их перевязывает, тянутся губами ко мне и заставляют целовать их – для успокоения вместо хлороформа, и я тогда вспоминаю ночь нашего первого знакомства и Шпета...[6]

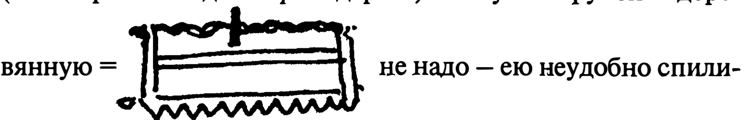
По вечерам Маруся приносит мне в кабинет огромный деревянный таз, ставит передо мной и выливает туда из глиняной макотры[7] нечто очень неблаговидное, густое и коричнево-серое, на запах кислое, а меня заставляет снять куртку <и> лезть туда. Сыпет муки, и тогда это становится страшно липким и тяжелым, руки пудовыми, а пальцы не раздерешь. Так мы месим хлеб для Тату.

Ажину (Какало) Маруся не любит, как кошку вообще и за ее обычаи – лично. Хотя Ажина одно время старалась исправиться и делала только в ящик <с> ячменем (принимая его за песок для нее), но, слава Богу, не очень упорствовала и опять перешла на порог Иос<ифа> Виктор<овича>.[8] Сейчас она ожидает потомство, и Маруся, несмотря на всю антипатию, перевела ее на усиленное питание: поит ее молоком (а остальное она сама ночью выпивает).

Уже с неделю, как у нас сериозно захолодало. Лег низкий туман на все горы, и нет солнца. Дни замусоленные и крошечные, как стертые гривенники. Всем существом жду, чтобы миновало зимнее солнцестояние, и вспоминаю, как Гете физически заболевал каждый год в это время. Это ощущение сейчас у нас обоих. У меня какая-то спячка и внутренняя апатия, у Маруси снова разбаливается ухо. Сегодня она же соглашалась ехать сейчас же после Рождества в Харьков – значит, нехорошо. Потому что когда боли нет, она и слышать не хочет о поездке куда бы то ни было. Марусю очень трудно заставить лечиться. Но важнее здесь не лечение, а диагноз, т<ак> к<ак> это или очень сериозно и потребует оперативного вмешательства, или просто известной гигиены, как процесс хронический и неисцелимый. Я с удовольствием сам поеду с нею.[9]

Пила. Это должна быть пила *садовая* для свежего, сырого дерева (не для сухого). Раньше были у Брабеца[10] такие:

сплошь металлические, были такие же и французские. В крайнем случае, можно ножовку:

(но непременно для *сырого* дерева). Пилу со струной — деревянную =  не надо — ею неудобно спиливать ветки. В самой пиле важно — для сухого или для свежего дерева она предназначена, ибо зубья ее расправлены иначе. А нам надо для *обрезки деревьев*. Надо спросить у *«Брабеца»*, если он существует. Либо на Мясницкой, где целый ряд таких магазинов.

Очень ясно представляю себе Веисса в Москве.[11] Посылаю тебе образец Коктебеля осенью. Обнимаю Сашу[12] и всех коктебельцев. Очень жду бумаги — попроще да побольше.

Мах.

<Приписка М.С. Заболоцкой:>

Дорогая моя Наташенька, целую тебя крепко и за все благодарю. Письма твои нас так умиляют, что и высказать не могу. Кто это распространил слухи, что мы голодаем? Неправда, питаемся лучше, чем все эти последние годы. Макс на диете, но умеренной, мне его жалко бывает, когда он мало ест, и я его подкармливаю, т<ак> ч<то> очень-то он не тощает. Итак, мы в благополучии, и я пью молоко, и все у нас есть, и, пожалуйста, не беспокойтесь и не выдумывайте, что мы голодаем. Что акварели продала, спасибо — только вдруг да своим — коктебельцам — тогда нехорошо — правда, у нас нет крайности, и мы живем в тысячу раз лучше вас.

Ухо опять обострилось, и что-то на душе плохо стало опять.

[1] Имеются в виду письмо Н.А. Габричевской от 30 октября — 1 ноября 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 381, л. 64—65 об.), а также ее недатированные письма, украшенные, как и указанное, разнообразными шуточными рисунками.

[2] В недатированном письме (*Там же*. Л. 80—81 об.) Габричевская сообщала: «До меня дошел слух, что вы умираете с голоду. Я пошла к Федорченке, не будучи с ней знакома, и начала ее расспрашивать. Я узнала, что она получила такое письмо» — и далее о псе С.З. Федор-

ченко и о предпринятых хлопотах о продаже акварелей Волошина («Часть мы продали, и т<ак> к<ак> все сидят без денег, то о высоких ценах говорить не пришлось. Собралось 5 червонцев, и я немедленно послала их Нилуше <Н.В. Успенская. – *Ред.*>. Надеясь, что это хватит вам на некоторое время»). «Так и не знаю, – продолжала Габричевская, – живы вы или нет? Очень беспокоюсь и жажду знать, как вы живете. Молю Бога, чтобы вам жилось хорошо. Милые Макс и Марусенька, напишите нам подробно и правду, не скрывая ничего».

[3] Пес С.З. Федорченко.

[4] Гусак и гусыня в хозяйстве М.С. Заболоцкой. «Как поживает зверинец?» – спрашивала Габричевская в упомянутом письме 1 ноября.

[5] Пес, привезенный из Феодосии в Коктебель в октябре 1924 г. О.К. Толстой.

[6] В день знакомства с Н.А. и А.Г. Габричевскими в начале марта 1924 г. Волошин встретился в их московской квартире с Г.Г. Шпетом (Труды и дни-2. С. 214).

[7] Макотра (макитра; *обл.*) – большой глиняный сосуд.

[8] И.В. Зелинский.

[9] М.С. Заболоцкая уехала в Харьков для лечения уха 4 февраля 1925 г., Волошин приехал в Харьков 21 февраля, возвратились они в Коктебель 21 марта 1925 г.

[10] Имеются в виду московские магазины стальных и металлических изделий: Арбат, д. 23 (Вячеслав Иванович Брабец), Столешников пер., д. 4 (Эдуард Иосифович Брабец).

[11] Веис Гафаров, татарин из Отуз; сапожник и лавочник: «Около дачи Волошина торговал хлебом, другими продуктами отузский татарин Веис. Колбаса, черная икра, маслины и, конечно, всякие фрукты, дыни и арбузы, но в малом количестве: хранить негде, ни одного деревца, солнцепек» (*Северцова-Габричевская Н.А.* Из воспоминаний // Фадеева Т.М., Шапошников А.К., Дидуленко А.И. Старый добрый Коктебель. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. С. 263). О его появлении в Москве у Габричевских Н.А. Габричевская рассказывала в цитированном выше недатированном письме.

[12] А.Г. Габричевский.

344. С.А. ТОЛСТОЙ

15 декабря 1924 г. Коктебель[1]

Милая Соня, что с тобою сталось? отчего не пишешь? Как здоровье? Как домашние дела? Как душевное настроение? Приехав в Москву – болела? Видала ли всех коктебельцев? Как их нашла? Что делается в Москве?

Что у нас – пишет Маруся. Тихо, хорошо, звeристо. На горах уже много дней сплошной туман. Ночью мороз. Северный ветер.

Дни короткие, быстрые. Читаю книжки. Пишу акварели. Со стихами – заело: не пишутся.

Крепко обнимаю и целую.

МАХ.

Привет Ольге Константиновне[2] и Владимиру Михайловичу.

[1] Приписка к письму М.С. Заболоцкой от 15 декабря 1924 г.
[2] О.К. Толстая.

345. Е.В. АРЦИМОВИЧ

15 декабря 1924 г. Коктебель

Милая Китти, спасибо за письмо.[1] Крепко обнимаю и целую. Жду летом.

МАХ.

[1] Имеется в виду письмо Е.В. Арцимович к Волошину и М.С. Заболоцкой из Москвы от 23 ноября 1924 г. с благодарностью «за память, письмо и чудную акварель»: «Спросите Соню <С.А. Толстая. – *Ред.*>, она Вам скажет, как часто и с каким искренним и теплым чувством вспоминаю я Вас обоих и как я глубоко тронута Вашим ко мне дружеским отношением. <...> С большим, большим сожалением думаю о том, что не попала в этом году в милый Коктэбель в Ваш столь радушный и гостеприимный дом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 209).

346. Л.П. ГРОССМАНУ

17 декабря 1924 г. Коктебель

Почт<овый> адр<ес:> Феодосия, д<ом>Айвазовского,
Успенским для М. В.
17/XII 1924.

Дорогой Леонид Петрович, спасибо за присланные книги. Я получил их позже Вашего письма (получили ли мое ответное?).[1] Особенно ценны и интересны были для меня Ваши «Этюды о Пушкине» и статья о Бакунине – Достоевском.[2] Во всем, что Вы пишете и говорите, я особенно ценю то глубокое уважение к литературе и к творчеству, которого совершенно нет в русском литературном быте и которого так бессознательно много разлито во Франции. Вы очень «француз» в этом отношении. В каждом Вашем слове много точности и внимательности, и благородного отношения к тому, о чем Вы пишете. Статью о дэндизме в этом отношении я оценил преимущественно.[3] Очень любопытна Ваша ссылка на стендалевского князя Коразова,[4] и хотелось бы ее углубить (психологическая система обольщения, действующая с математической меткостью) и расширить теми беглыми обрисовками различных русских франтов конца XVIII – начала XIX вв., что скользят – безымянные часто – в западных мемуарах того времени (напр<имер>, у Казановы).[5] Любопытно, что все они отличаются внешней обаятельностью, неустойчивостью и зыбкостью характера и склонностью к провокации. Последнее характерно и для стендалевского русского дэнди.

Выяснение смысла «анекдота» и его литературная реабилитация для меня очень ценны. Я сам когда-то касался этого вопроса в своих статьях об Анри де Ренье,[6] но далеко не так основательно и не с такой эрудицией. В Вашей полемике с Вяч. Полонским о Бакунине – Достоевском[7] – все мои симпатии на Вашей стороне, и Ваши доводы кажутся мне очень убедительными. Через эту статью я почувствовал ход Ваших мыслей по вопросу Ставрогин – Бакунин (я ведь так и не читал основной статьи)[8] и заранее готов принять ее.

Книга Модзалевского о Керн занимательна, но уж очень не талантлива, а его непонимание французской речи – даже трогательно. Перевести игривые слова Пушкина: «Vous aviez un air si virginal...» и т.д. – «Неправда ли, что Вас что-то угнетало, как какой-нибудь крест...» вместо: «на Вас было надето что-то вроде крестика»?[9] Это крайне забавно. Боюсь, что во всем тоне его книжки есть эта монументальная и вдумчивая неуклюжесть. №№ «Книги о книгах»[10] были мне любопытны, но впечатление от них удручающее, в них именно то *неуважение* к литературе, которым так проникнута современная журналистика (да и только ли современная?)

«Современная критика о вольных и невольных попутчиках» (опыт хрестоматии)[11] в этом отношения представляет собою замечательный букет, убийственный для... критиков.

Дошел до меня (из СПб) слух о том, что Вы читали в Москве доклад на тему «Последний отдых Валерия Брюсова». Из этого заглавия понимаю, что это должен быть рассказ о Брюсове в Коктебеле, и потому, вы понимаете, как я жажду поскорее увидать его и вклеить его оттиск в коктебельскую памятную книгу, когда этот доклад станет статьей.[12]

В Вашей главе «Проблема литературного прототипа»[13] позвольте Вам указать Вами не упомянутую, но интереснейшую для это<й> темы книгу А. Додэ «Histoire de mes livres» – кажется, вошедшую в «Trente ans de Paris».[14]

Выходит ли у Сабашникова книга Цявловского записей Бартенева о Пушкине, о которой Вы говорили летом?[15] Вопрос о романе Ник<олая> Павл<овича> с Нат<альей> Ник<олаевной> П<ушкиной> меня крайне заинтересовал и взволновал творчески.[16]

Моя зимняя жизнь в Коктебеле идет крайне однообразно и полно – среди книг и работы. Но я еще с лета не могу отлипнуть от акварели и приняться за стихи. Что-то внутренно «заело» у меня с весенней поездки на север и до сих пор мешает мне писать. Скорее всего невозможность снова найти свой верный «тон». До проездки в Москву я просто был вне литературы и писал в отвлеченном безвоздушном пространстве. А сейчас чувствую, как все стало тесно и душно.

Живу сейчас главным образом книгами и о книгах. Даже на такую простую и естественную вещь, как записать сейчас свои воспоминания о Вал<ерии> Брюсове, и то не подымается рука после того, как я прочел ряд посмертных статей о нем и некрологов.[17] Сейчас я очень ясно почувствовал общую кривизну преломления всех лучей, проникающих сквозь литературную толщу текущего дня, и она-то мне и мешает крайне. Очевидно, надо будет снова собрать себя и продолжать писать «вне литературы», как делал все эти годы. Потому что «стать в оппозицию» – это значит все-таки принять «преломление» во всей его полноте, а оно просто чуждо всему моему моральному и художественному существу.

Коктебель сейчас неуютен. Дуют холодные северные ветра. Туман уже много дней как затянул все горы и холмы до самых оснований. Это значит, что «Уральский Антициклон» до нас дополз своим щупальцем. Время Северовостока.[18] Но зато в комнатах (я зимой живу не в мастерской, которую отопить невозможно) уютно, светло и тепло. Людей мы не видим никаких. Газеты получаем изредка и с опозданием на несколько недель. Разговариваем между собою (нас 3: Мар<ия> Степан<овна>, Иос<иф> Викт<орович> Зелинский и я) мало. Немножко напоминает зимовку за полярным кругом, особенно эти коротенькие дни перед зимним солнцестоянием – время года, от которого Гете физически заболевал ежегодно.

Пока никаких неприятностей «Коктебельской худ<ожественной> колонии» и «Волошинскому Дому» не грозит до весны. Но к весне местные власти собираются у меня начинать *отнимать* один дом. Буду всячески бороться и отбрыкиваться. Пока написал большое письмо Л.Б. Каменеву (по совету Ангарского) с просьбой принять «Волошинский Дом» под свой патронаж.[19] Ежели он к этому отнесется хорошо (Ангарский с ним уже говорил), то тогда все будет хорошо. В прошлом письме я спрашивал Вас, как обстоят дела с занесением моей библиотеки и мастерской в официальные списки научных памятников, подлежащих охране Глав-Науки. На днях я получил письмо от д<окто>ра Саркизова – помните,

с которым мы тогда летом говорили о мерах, которые надо принять? Он спрашивает, сделано ли уже что-нибудь, и сам жаждет действовать, но напрасно старался Вас встретить по Москве.[20] Не позвоните ли Вы ему сами: он через ночь дежурит в аптеке Феррейна, и его всегда можно вызвать по телефону (1-03-11) после 10 ч<асов> вечера. Зовут его Иван Михайлович Саркизов-Серазини. Тогда легче будет согласовать действия. Покойный Вал<ерий> Яков<левич> обещал мне все свое содействие в этом: он, кажется, был близок к соответственной комиссии Глав-Науки.

Вот данные о моем доме и мастерской:

Дом Волошина находится в селении Коктебель (Крым).

Содержит живописную мастерскую, библиотеку и архив.

Библиотека состоит из 8 тысяч томов (литература, искусство, история, философия) преимущественно на французском языке.

Архив: письма, рукописи, дневники (свои и чужие) пять ящиков.

Акварелей и рисунков (собственных и современ<ных> художников) около 400—500.

Сам я с семьей занимаю в доме 3 комнаты (кроме мастерской и библиотеки), остальные же 25 комнат в доме и его пристройках обслуживают Коктебельскую художественную колонию и бесплатный Дом Отдыха для писат<елей>, худож<ников> и ученых.

Кроме книг, рисунков и рукописей, представляющих очень большую художественную и культурную ценность, обстановка Дома Волошина настолько проста, что он единственный из всех домов Коктебельской долины не был ни разу ограблен за все время течения гражданской войны, что лучше всего указывает на то, <что> ценности, собранные в нем, *рыночной* ценности не представляют никакой.

До свиданья, дорогой Леонид Петрович. Еще раз спасибо за книги. Привет Серафиме Германовне.[21] Очень надеемся, что будущим летом Вы приедете на более продолжительный срок. Когда встретите Пиксанова, поклонитесь ему

от меня и спросите: могу ли я еще задержать две взятые у него книги?[22] Видаете ли коктебельцев?

Всего лучшего. Мар<ия> Степ<ановна> шлет Вам и Сер<афиме> Герм<ановне> привет.

Максимилиан Волошин.

[1] Указанное письмо Волошина к Л.П. Гроссману не выявлено. Имеется в виду письмо Гроссмана от 12 октября 1924 г. с сообщением: «Посылаю Вам немного книг» – и с рассказом о кончине и похоронах В.Я. Брюсова: «...только что вернулся с похорон Валерия Брюсова, и чувствую непреодолимую потребность побеседовать с Вами. Недавний август в Коктебеле весь встал передо мной со всеми своими очарованиями и радостями – и отрадно сознавать, что эпилог жизни Брюсова сложился так прекрасно! Вспоминается все – поездка на Карадаг, стихотворные конкурсы, торжественная ода 17 августа и “капитан Пистолэ Флобер” – все это беспечное и праздничное, и душевно светлое, как лето в Коктебеле, как весь Ваш милый дом. Вы, вероятно, уже знаете, что Брюсов болел недолго, всего две недели (крупозным воспалением легких) и умер 9 октября в 10 ч. утра, будучи еще накануне в полном сознании. Тело его было перенесено в его Литературный Институт, где пробыло три дня. Состоялись гражданские панихиды, а сегодня торжественные и многолюдные похороны – мимо памятника Пушкина – в Новодевичий монастырь. По пути и над раскрытой могилой произносили речи: Сакулин, Луначарский, Бухарин, Коган и многие другие. Смерть эта переживается как большое событие, как уход великого поэта» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 470. Упомянутая «ода 17 августа» – написанное к именинам Волошина стихотворение Брюсова «Максимилиану Волошину» («Наш Агамемнон, наш Амфитрион...»); см.: *Брюсов Валерий.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. литература, 1974. Т. 3. С. 433–434).

[2] Книга Л.П. Гроссмана «Этюды о Пушкине» (М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923) и его статья «Бакунин в “Бесах” (ответ В. Полонскому)» (Печать и революция. 1924. Кн. 4. С. 56–77).

[3] Подразумевается статья «Пушкин и дэндизм» (*Гроссман Леонид.* Этюды о Пушкине. С. 3–36).

[4] Об «учителе Жюльена Сореля в трудном искусстве “высшего дэндизма”», русском князе Коразове (роман Стендаля «Красное и черное») Гроссман пишет в статье «Пушкин и дэндизм» (*Там же.* С. 8–9).

[5] Мемуары Джованни Джакомо Казановы, озаглавленные в рукописи «История моей жизни» («Histoire de ma vie»), были опубли-

кованы посмертно в немецком переводе с французского оригинала под названием «Воспоминания» («Aus den Memoiren...». Bd. 1–12, 1822–1828). В русском переводе – «Мемуары» (СПб., 1887).

[6] Размышления на эту тему содержит гл. IV статьи Волошина «Анри де Ренье» (1910). См.: Т. 3 наст. изд. С. 84–86. В книге Гроссмана «Этюды о Пушкине» помещена статья «Искусство анекдота у Пушкина» (С. 37–75).

[7] Имеется в виду статья В.П. Полонского «Бакунин и Достоевский» (Печать и революция. 1924. Кн. 2. С. 24–50), ответом на которую послужила статья Гроссмана «Бакунин в “Бесах”» (см. выше, примеч. 2).

[8] Подразумевается статья Л.П. Гроссмана «Бакунин и Достоевский», в которой отстаивалась гипотеза о том, что М.А. Бакунин является прототипом Ставрогина в «Бесах» (Печать и революция. 1923. Кн. 4. С. 82–112); с контраргументами выступил В.П. Полонский в указанной выше статье. Впоследствии полемические работы Гроссмана и Полонского были изданы отдельной книгой: Спор о Бакунине и Достоевском / Статьи Л.П. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л.: ГИЗ, 1926. Современные исследователи Достоевского основную гипотезу Гроссмана не разделяют (см. комментарий В.А. Туниманова // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 12. С. 200–201).

[9] Речь идет о словах Пушкина, приводимых в «Воспоминаниях» А.П. Керн, которые цитируются в книге Б.Л. Модзалевского «Анна Петровна Керн» (Л.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1924. С. 55): «Vous aviez un air si virginal; n'est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?» («У вас был такой девический облик; неправда ли, что вас что-то угнетало, как какой-нибудь крест»). Ср. перевод пушкинской фразы в новейшем издании: «Вы выглядели такой невинной девочкой; на вас было тогда что-то вроде крестика, не правда ли?» (*Керн (Маркова-Виноградская) А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. статья и примеч. А.М. Гордина. М.: Правда, 1989. С. 34).

[10] Речь идет об издании: Книга о книгах. Двухнедельный библиографический журнал под ред. С.Д. Мстиславского. Первый выпуск (№ 1/2) вышел в свет в апреле 1924 г.

[11] Раздел в № 3 «Книги о книгах» (1924. Май. С. 20–29), содержавший подборку цитат из различных авторов с оценками творчества Андрея Белого, В. Вересаева, М. Горького, Евг. Замятина, С. Есенина, Вс. Иванова, Б. Пильняка и ряда других авторов.

[12] С докладом «Последний отдых Брюсова», в котором шла речь о пребывании Брюсова в Коктебеле летом 1924 г., Гроссман выступал

в Москве на собрании «Никитинских субботников» 15 ноября 1924 г. Доклад опубликован в кн.: Свиток. № 4. Сборник литературного общества «Никитинские субботники». М., 1926. С. 281–294; вошел в кн.: *Гроссман Л.* Борьба за стиль: Опыты по критике и поэтике. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 281–297; 2-е изд. – М., 1929. С. 281–297.

[13] Глава III статьи Гроссмана «Бакунин в “Бесах”» (Печать и революция. 1924. Кн. 4. С. 72–77).

[14] Речь идет о книге воспоминаний Альфонса Доде (Daudet) «Тридцать лет в Париже» («Trente ans de Paris. A travers ma vie et mes livres», 1888).

[15] Имеется в виду подготовленная М.А. Цявловским книга «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым» (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925).

[16] Согласно рассказам, записанным Бартеневым (см.: *Там же.* С. 117–120), Пушкин не без оснований подозревал Николая I в ухаживании за Н.Н. Пушкиной и за три дня до дуэли сознался ему в своих подозрениях.

[17] Наброски воспоминаний Волошина о Брюсове впервые опубликованы К.М. Азадовским и А.В. Лавровым в кн.: ЛН. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2. С. 388–399. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 325–339.

[18] Ассоциация с образным строем стихотворения Волошина «Северовосток» (1920 // Т. 1 наст. изд. С. 335–337).

[19] См. п. 338.

[20] В недатированном письме И.М. Саркизов-Серазини просил Волошина написать Л.П. Гроссману по поводу обеспечения сохранности своего коктебельского дома: «Я его <Гроссмана. – *Ред.*> нигде и никак не могу встретить, хотелось бы начать что-либо делать для “волошинского дома” со стороны Главнауки. Может быть, и Вы сообщили основания, по которым Главнаука взяла бы Вас под свое покровительство (ценность библиотеки, количество книг и проч.)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1084, л. 7). Ср. письмо Саркизова-Серазини к Волошину от 22 октября 1924 г.: «Л. Гроссман мне ничего не мог сообщить о дальнейших Ваших планах и о судьбе Вашей дачи. Если Вам нужна помощь моя или О<бщест>ва, то прошу Вас об этом мне написать. Вы знаете, что разорвусь, а что смогу, то сделаю» (*Там же*, л. 4–5 об. Имеется в виду Российское Физиотерапевтическое Общество).

[21] Имеется в виду Серафима Гермогеновна Гроссман.

[22] С Н.К. Пиксановым Волошин виделся, по всей вероятности, в мае 1924 г. в Москве.

347. П.Н. ЗАЙЦЕВУ

17 декабря 1924 г. Коктебель

17/XII 1924.

Почт<овый> адр<ес:> Феодосия.
д<ом> Айвазовского.
Успенским (для М. В.).

Дорогой Петр Никанорович,

спасибо за ласковое и подробное письмо.[1] Вы правы: все наши встречи проходили до сих пор среди такой суетни-толкотни, что некогда было ни подойти, ни посмотреть друг другу в глаза по-человечески – и в Москве и в Коктебеле – (в очень горячую пору Вы были),[2] но Вас я уже давно отметил для себя, как человека мне внутренне близкого, и очень хотелось бы Вас повидать для себя – вне суеты, т.е. в Коктебеле весною (либо осенью), когда нет этого беспрерывного потока новых людей. Я – Вы, может быть, это заметили – мало «литературный» человек. Я гораздо более привык к строю и ладу художественных мастерских, а не литературных кабинетов. А это очень несхожие между собою обстановки. Чисто литературная среда, как таковая, с ее профессиональными отличиями, мне была всегда даже несколько чужда и враждебна. И я очень ценю, когда в человеке мало литератора и много человека. Что я заметил и в Вас, Петр Никанорович. Тем не менее большое спасибо за литературные новости, хотя от таких, <как> Федерация Раб<оче>-Крест<ьянских> писателей, горестно сжимается сердце.[3]

Неужели Борис Николаевич уже успел закончить свой роман?[4] Или он читал лишь отдельные главы? Каков он? Я глубоко ценю романы Б.Н., но тайно молюсь Богу, чтобы он не написал его снова гекзаметром, как все свои последние книги.

Каков роман С. Клычкова? 14 лист<ов>?[5] Это страшно. Мне очень любопытно (и необходимо для поучения), что именно казалось цензуре недопустимым в моей «России»?

Пропуск 3 строки об «интеллигенте» меня удивил.[6] Все, что угодно, только не это, думал я, может навлечь на себя «не позволям».

Я, по правде <с>казать, думал, что будет все не пропущено, и не знаю, чему удивляться: мягкости ли цензуры или дипломатии Ангарского. Но все-таки никак не эти строки считал я наиболее опасными.

«Современника» я так и не видал – что-то мне не высылают.[7] Не видал и «Коня воронова». Он ведь, кажется, был предварительно издан за границей?[8]

Буду с нетерпением ждать «Уэлса»[9] – которого я пока только просматривал, и он мне показался очень дельным, широким и достойным всяческого внимания: книгой, наталкивающей на новые обобщения.

Передайте, пожалуйста, мой привет посетителям Ваших сред и особливо Пастернаку.[10] Напомните ему, что он тогда собирался мне подарить «Сестру мою жизнь»[11] – за что я был бы ему глубоко благодарен – книга, которой я еще не держал в руках. Мне бы очень хотелось узнать из Ваших посетителей молодого Вермеля, который мне написал тогда прекрасное письмо, на которое мне тогдашняя моя разодранность на клочки не позволила ответить.[12] Напишите мне его имя-отчество и адрес (ведь это не автор «танок» и не его брат?)[13] и передайте ему мой привет. Крепко жму Вашу руку и благодарю еще раз за внимание.

Максимилиан Волошин.

Марья Степановна,[14] которой сегодня нездоровится (лежит), шлет Вам привет.

[1] Речь идет о письме П.Н. Зайцева из Москвы от 7 декабря 1924 г., ответном на п. 333. «Я очень виноват перед Вами, – писал в нем Зайцев, – что задержался с ответом на Ваше милое и ласковое письмо. Оно для меня было какой-то новой, и неожиданной встречей с Вами. Ни в Москве – в суете литературных вечеров, ни в Коктебеле, милом и своеобразном, но пронизанном все той же суетой – в дни моего пребывания – Вы не прозвучали *так*, как в этом письме. Я, должно быть, глуховатый человек в каком-то отношении, – и только громкий голос Вашего зимнего уединения дошел до меня. И это мое письмо для меня как беседа с Вами непосредственно, минуя расстояние» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 552).

[2] См. примеч. 4 к п. 333. В Москве Волошин был 21 марта 1924 г. на поэтическом вечере у Зайцева, где выступал с чтением своих стихотворений (Труды и дни-2. С. 215).

[3] В письме к Волошину от 7 декабря Зайцев сообщал о новостях литературной жизни: «Идет брожение, перестройка групп. Образовалась Всероссийская Федерация рабоче-крестьянских писателей – с классовым и партийным подходом. Эта организация, по всей вероятности, и будет руководить всей литературной официальной жизнью Москвы. Союз же Писателей будет ликвидирован. Наряду с этим поговаривают о возможности некоторых реформ и облегчений для литераторов. Во всяком случае в этом году литература словно живет “на биваках”, – и вот-вот снимется... ощущение непрочности, временности – и в настроениях писателей, и в положении издательств и редакций... Воронский из “Кр<асной> Нови”, кажется, уходит. Его заменяет коллегия с Ф. Раскольниковым во главе. <...> Большие перемены в Гос<ударственном> Изд<ательстве>. Во главе Гос<ударственного> Изд<ательства> становится бывш<ий> завед<ующий> Ленингр<адского> Отд<еления> поэт Илья Ионович Ионов».

[4] В том же письме Зайцев сообщал об Андрее Белом: «Мы собираемся по средам. Читали: А. Белый – свой новый роман, М. Булгаков – рассказ “Роковые яйца”»; «Время от времени встречаемся с Бор<исом> Ник<олаевичем>. Он очень занят работой над своим романом». Подразумевается роман «Москва» (см. примеч. 4 к п. 335).

[5] В том же письме упомянут С. Клычков, «написавший большой в 14 п.л.! роман». Подразумевается роман Клычкова «Сахарный немец», впервые опубликованный отдельным изданием (М.: Современные проблемы, 1925).

[6] См. примеч. 1 к п. 333.

[7] Отклик на слова Зайцева из цитированного письма: «“Русский Современник” продолжает выходить. Читали ли Вы № 3-й?»

[8] В том же письме Зайцев сообщал: «В Гос<ударственном> Изд<ательстве> издана книжка Б. Савинкова “Конь вороной” – очень противная, провокационная». Речь идет об издании: *Ропшин В. (Савинков Б.)* Конь вороной / Со вступ. статьей Н.Л. Мещерякова и с предисловием автора к наст. изд. Л.: Прибой; М.: Гос. изд-во, 1924. Впервые повесть Савинкова была опубликована в варшавской газете «За свободу!» в 1923 г., первое отдельное издание – Париж, 1923.

[9] См. п. 333, примеч. 2.

[10] Волошин виделся с Б.Л. Пастернаком на упомянутом выше (примеч. 2) поэтическом вечере у Зайцева.

[11] Книга стихов Б. Пастернака «Сестра моя жизнь: Лето 1917 года» (М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922; 2-е изд. – Берлин; Пб.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1923).

[12] Имеется в виду письмо Ф.М. Вермеля от 22 апреля 1924 г. с отзывом о стихах Волошина (прочитанных автором в Москве у

П.Н. Зайцева): «Я знаю и люблю Ваши стихи давно, с первой Вашей книжки. Я любил их не только за них самих – в человеке, их писавшем, мне всегда чувствовалась бурлившая сила, которая искала и не находила себе выхода. Начиная с “Anno mundi ardentis”, голос совершенно новый для русской поэзии, а может быть и для мировой, стал звучать в Ваших стихах все сильнее и сильнее. Но только Ваши последние вещи обнаружили до конца глубину и значительность этого голоса. Действительно, нужны были исключительные события, исключительная эпоха, чтобы создать условия для развития такого необычного и высокого дарования. К Вашим стихам, по моему глубокому убеждению, нельзя подходить с узко-эстетической оценкой. То, чтó говорится, и тон, с каким это говорится, оправдывают все особенности Вашей поэзии. Это не материал для трагедии, а трагедия сама, и этой ли трагедии нужно придавать драматическую форму! В будущем, мне думается, по отношению к Вашей поэзии отпадут мелкоэстетические соображения, и действовать будет только ее существо. Такие примеры мы видели не раз. Я пишу под влиянием внутренней потребности высказать свое мнение. Позвольте от всей души пожелать Вам всего хорошего» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 334).

[13] Подразумевается кн.: *Вермель Сам.* Танки: Лирика. М.: Студия, 1915. Ее автор, С.М. Вермель, – брат Ф.М. Вермеля.

[14] М.С. Заболоцкая.

348. Е.Л. ЛАННУ

21 декабря 1924 г. Коктебель

21/XII.1924.

Почт<овый> адрес: Феодосия.
д<ом> Айвазовского,
Успенским для М.В.

Дорогой Евгений Львович,

Трудную же Вы мне задали задачу с предисловием к Вашей книге.[1] Трудность ее тактическая, т<ак> к<ак> книга сама по себе значительна, стильна, и предисловие не должно нарушать ее цельности. На мой взгляд: к чему предисловие для такой книги? Но я исполнил свое обещание. Я сделал его в виде письма к Вам.[2] Да оно таково и есть по существу, разве что только более проработано и сжато. Как таковое его и примите,

и в том случае, если Вы не найдете в нем того «предисловия», о котором Вы мечтали для своей книги, то сохраните его просто в связке старых писем, как знак моей симпатии к Вашей книге. Одним словом, я нисколько не буду обижен, если оно в печати не появится.

Сейчас я живу зимней, т.е. глубоко уединенной жизнью, событиями в которой являются только книги и письма друзей. Ни людей, ни газет не видаю.

Но главное время занимают чтение и акварели. О стихах много думаю, но до сих пор не написал ни одной строки. И весенняя поездка на север,[3] и слишком людное лето, наступившее без всякого перерыва, переутомили, и теперь и лишь всплывают итоги северных впечатлений. Они не радостны. Воздух на севере «вреден для меня».[4] Мой «успех» в Москве носил политический характер, для меня безусловно неприятный. Я чувствую себя очень одиноким и стою на распутье. Писать сейчас мне мешает незнание, к какому пониманию (или, вернее, непониманию) мне обращаться, а кидать слова в пустоту на волю ветра теперь уже не могу, как все эти годы.

Наконец, прочел Дюгамеля.[5] Спасибо за эту книгу. Я знаю Дюгамеля давно. Помню его — un grand garçon barbu au lunettes,* несколько замкнутым, холодным, еще интерном. Преображение, вызванное войной, поразительно. Он написал сильную, простую книгу Но невольное сопоставление: насколько богаче, художественнее, разнообразнее, смелее «Народ на войне» Федорченко, рожденный, по существу, из тех же самых мыслей и наблюдений. Читали ли Вы эту глубочайшую и поразительную книгу, скрытую под скромным знаком записи солдатских разговоров?[6]

Очень хочется, Евгений Львович, увидеть Вас у себя в Коктебеле. Приезжайте ко мне пораньше, весною (в мае), когда еще мало народу, чтобы пожить и повидаться подольше. Привет Вашей жене.[7]

Максимилиан Волошин.

---

* Большим бородатым мальчиком в очках *(фр.)*.

[1] Речь идет о книге стихов Е.Л. Ланна «Heroïca», так и не вышедшей в свет. См.: «...Темой моей является Россия» Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы... С. 163.

[2] Письмо-предисловие Волошина к книге стихов Ланна см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 521–524.

[3] Имеется в виду поездка Волошина в Москву и Ленинград весной 1924 г.

[4] Цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. 1, строфа II): «Там некогда гулял и я: / Но вреден север для меня».

[5] В ДМВ хранится экземпляр этой книги: *Дюамель Ж.* Жизнь мучеников / Пер. А.В. Кривцовой, под ред. Е. Ланна. М.: Земля и фабрика, 1924; с дарительной надписью: «Дорогому и глубокоуважаемому М.А. от редактора. Ланн. 1924 г. 18/III». Это – перевод книги рассказов о Первой мировой войне («Vie des martyrs», 1917), в которой Дюамель участвовал как врач.

[6] Имеется в виду кн.: *Федорченко С.* Народ на войне. Фронтовые записи. Обложка и виньетки работы Е.И. Прибыльской. Киев: Издание Издат-ого Подотдела Комитета Юго-Зап. Фронта Всерос. Земского союза. Киев, [1917]. В разделе «От автора», открывающем книгу, С. Федорченко отмечала: «Материалы для этой книги собраны мною на фронте в 15 и 16 годах. Была я все время среди солдат, записывала просто, не стесняясь, часто за работой, и во всякую свободную минуту. В большинстве это беседы солдат между собой. Можно было иногда записывать и при них, так как соладты привыкли видеть, что сестра всегда что-нибудь пишет <...> и, не обращая на это никакого внимания, разговаривают» (*Там же.* С. 3).

[7] А.В. Кривцова.

349. Л.А. НАЗАРЕВСКОЙ

14 декабря 1924 г. Коктебель

14 XII 1924. Почт<овый> адр<ес:> Феодосия,
д<ом> Айвазовского.
Успенским для М. В.

Милая Любочка,

очень, очень я обрадовался твоему письму. Я не ждал от тебя писем, потому что не знал, умеешь ли ты писать. (Очень многие

теперь отказываются по безграмотности). А вот оказывается — умеешь. И совсем ты не «сереньким пятном» через Коктебель прошла,[1] а, напротив, очень четким «blanc-noire»* (в туалете), а в прозрачных глазах беззаветною готовностью выскочить из своего тела, точно связанного ребяческой скромностью, и начать ходить на голове, подвергаться морской болезни, пить вино, кувыркаться — по первому приглашению.

Когда я читал в твоем письме, что в Москве все вдруг переменились, «потому что нет Макса»,[2] мне вспомнился пятилетний мальчик, живший в Коктебеле совсем маленьким, который, встретив в Москве на улице Пра (мою мать), страшно ей обрадовался и стал сейчас же спрашивать: «Пра, а где же твой дом? а море?» Точно все это было с нею тут же за ее плечом. Так и ты ждешь, что со мною приедет море, солнце, пляж и все прочие коктебельские прелести и вольности. Но, увы, всего этого я <не> ношу с собою за плечами. Для этого надо ждать лета и приезжать в Коктебель, что, надеюсь, ты сделаешь с ранней весны, т<ак> к<ак> дошли сюда слухи, что здоровье твое нехорошо и тебе надо основательно пожить и поправиться в Коктебеле.

Если ты мне будешь продолжать писать — буду очень рад, милая Люба, и буду отвечать тебе. Крепко тебя обнимаю и целую. А прилагаемое письмецо снеси, пожалуйста, Кате[3] — ты ведь с нею часто видешься, а друго<е> прошу Галю передать Любовь Исаковне Трапезниковой.

Получила ли Галя мое письмо?[4]

Макс.

<Приписка М.С. Заболоцкой:>

Дорогая Любочка, спасибо Вам за память и любовь к нам. Мы Вас очень часто вспоминаем и любим. И нет у нас серых незаметных пятен, а всё яркие, живые люди и любим мы вас всех, каждого по-разному, но почти все нам близки. Пишите чаще, письма для нас радость. Сейчас у нас зима: в горах снег, внизу ветер, бывают дни чудесные, но в общем холодно до 2° мороза; но в доме у нас тепло и уютно. Я вожусь с хозяйст-

* «Бело-черным» *(фр.)*.

вом и перемогаюсь. Ухо меня беспокоит. Макс работает над акварелями и статьями, но стих<ов> не пишет. Живем мирно, уединенно вместе с природой. Всего Вам лучшего. Привет всем коктебельцам. Вас целую и ждем писем.

Маруся.

[1] В недатированном письме к Волошину и М.С. Заболоцкой из Москвы Л.А. Назаревская замечала: «...я про себя решила, что прошла через Коктебель сереньким пятном, ничего после себя не оставляя. Верно, Макс? и сделалось как-то грустно, грустно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 868).

[2] Имеются в виду слова из того же письма: «Я долго думала, почему это все так вдруг переменилось, и решила, что это потому, что нет Макса, будь бы здесь Макс, не так бы все пошло».

[3] Вероятно, Е.О. Сорокина.

[4] Г.А. Назаревская. См. ее письма к Волошину и М.С. Заболоцкой от 20 ноября и 30 декабря 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 867).

350. С.З. ФЕДОРЧЕНКО

26 декабря 1924 г. Коктебель

26/XII 1924.
Коктебель.

Почт<овый> адр<ес>:
Феодосия, д<ом> Айвазовского.
Успенским для М. Вол<ошина>.

Дорогая Софья Захаровна,

большое спасибо за «Народ на Войне».[1] С захватывающим интересом, как всегда, прочел новые главы. Бесконечно много материала и новых мыслей рождает он. Теперь, когда все успело осесть, я стал взвешивать и сравнивать и нашел, что по сравнению с книгой эти главы одностороннее и беднее. Но это не Ваша вина. Виновата самая тема. В книге — сквозь тему войны сквозит все время самая глубинная, утаенная сущность народа. Война — это *состояние*, сквозь которое она может всплывать. Здесь же начинается — политика — действие, страсть, острота, оценка. Народ мельчает и бледнеет. Острота записи и реконструкции остается та же. Художест-

венная высота не понижается. Но общее впечатление стало несколько ниже. Но это когда сравниваешь Вас с самой собою.

А вот на днях я прочел книгу моего парижского приятеля Жоржа Дюамеля, вышедшую по-русски, «Жизнь Мучеников».[2] Это записки врача – о войне. Тема, круг наблюдений, подход – те же, что у Вас. Книга для французской литературы – значительна. Но с Вашей ее и сравнивать нельзя, настолько она кажется жидкой и многословной, несмотря на свою краткость, настолько сентиментальными и ненужными кажутся все рассуждения и описания от себя.

Не знай я «Народа на Войне» – я был бы пленен этой книгой. А теперь мне она кажется слабой и, главное, несовершенной по форме. Меня очень интересуют следующие вещи: вели ли Вы записи октябрьского и послеоктябрьского периода? Много ли записей помартовского периода не опубликовано еще Вами и сильно ли цензура искромсала появившееся в печати?[3]

У нас завернула зима: морозы и ветры. Снега нет. Маруся тяжело хворала: опять ухо. Только что поднялась с постели и после праздников решила ехать в Харьков – лечиться.[4] Сама решила, а то всё ее нельзя было уговорить. Деньги за акварел<и> от Наташи Г<абричевской> получили и благодарим всех наших друзей за беспокойство и заботу о нас. У нас этой зимой все хорошо: тепло и уютно в доме. Я исключительно погружен в живопись и в книги. Стихи мне не даются что-то. Когда вспомнишь «литературу» – сердце тошнит. А того «гласа вопиющего в пустыне», которым писал эти годы,[5] не могу найти в себе после Москвы. Очень хотелось бы снова побывать в Москве, но не «поэтом», а инкогнито – повидать друзей, посидеть в Вашем подвальчике, но без литературных выступлений и чтения стихов. Я еще до сих пор не в состоянии их читать и слушать – с весны (говорю о собственных). Я точно отравлен ими. Приедете ли к нам весною? Очень, очень недостает того, что Вы до сих пор не знаете Коктебеля. Привет Николаю Петровичу[6] и жду его тоже в Коктебель. Кланяюсь Джали.[7]

Максимилиан Волошин.

<Приписка М.С. Заболоцкой:>

Дорогая Софья Захаровна, крепко Вас целую, написать больше ничего не смогу, устала, только что встала после болезни и целый день возилась по хозяйству, а сил немного. Всего, всего доброго. Маруся.

[1] Переиздание ч. 1-й книги Федорченко «Народ на войне» (М.: Новая Москва, 1923) в серии «Библиотека современников» под редакцией Н. Ангарского.

[2] См. примеч. 5 к п. 348.

[3] Федорченко отвечала 12 января 1925 г.: «...если бы Вы знали, как тяжело у меня на душе из-за этой новой моей книги. Вот, скоро выйдет 4 листа ее, отдельной книжкой, с заглавием — "Народ на Войне, первая часть 2-го тома". Все это так, — а вот второй-то части второго тома я и не могу писать. Огляделась, написано в этом вот виде, т.е. без ног и без головы, без оттяжки, четыре листа, — осталось не больше... А мне нужна книга настоящая, а не это разбитое, неодушевленное еще журнальное тело... А я теперь, дальше-то, — ни одного листочка не смогу потратить без разумения. А книга была бы великолепная... Но печатать и писать ее нельзя. И останутся четыре листа из мечтавшейся мне КНИГИ. Тоже книжка будет. Наболтала, но поймите тоску» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1219, л. 10).

[4] См. примеч. 9 к п. 343.

[5] Ср. 1-ю строку стихотворения Волошина «Бунтовщик» (1923): «Я голос вопиющего в пустыне» (Т. 2 наст. изд. С. 34). Источник образа: Ис. XL, 3.

[6] Н.П. Ракицкий.

[7] См. примеч. 3 к п. 343.

351. Ю.А. ГАЛАБУТСКОМУ

27 декабря 1924 г. Коктебель

27 XII 1924.

Дорогой Юрий Андреевич,

очень обрадовался получить Ваше письмо и узнать, что Вы снова в Феодосии.[1] А я вот уже скоро год, как не был в городе — с самого моего отъезда на север в прошлом году

(возвращаясь – я прямо с вокзала проехал в Коктебель, не останавливаясь в городе).[2] Но Феодосия для меня потеряла всякую прелесть последние годы. А со смертью Александры Михайловны[3] – мое<го> самого старого друга, с которой мы прошли весь духовный путь всей жизни, – она опустела совсем. В Феодосии для меня остается только Богаевский, и вот теперь Вы – опять возвратились. Сижу в Коктебеле безвыходно.

Спасибо за сообщение точной даты начала моей литературной деятельности:[4] я сам ее утратил и думал, что Василий Ксенофонтович умер в 94 году осенью,[5] и даже сообщил недавно эту неверную дату в каких-то биографических сведениях. 15 апреля 1895 г., а 1 мая 1900 г. вышла книга «Русс<кой> Мысли» с моей первой подписной статьей[6] (бесподписную библиографию я писал и раньше),[7] так что, если и не считать того моего дебюта, то на это же время падает и 25-летие уже вполне сознательного начала моей литературной деятельности. Мне интересно установить и фиксировать эти даты для себя и для близких друзей, но думаю, что по нонешним временам лучше всего это событие обойти молчанием, чтобы не давать повод к новой журнальной травле. Ведь достаточно было одной странички в «Истор<ии> литер<атуры>» Львова-Рогачевского, для меня лестной, чтобы меня осыпали грязью и доносами, и это длилось год,[8] причем при здешних условиях жизни я был из-за безответственной литературной ругани на волосок от ареста и т.д. Так что я думаю, что лучше вопроса об этом не подымать. Да и какой же может быть юбилей, когда все наиболее ценное и значительное из написанного мною так и остается ненапечатанным? А травля ведется в таких тонах и в таких органах, что отвечать не приходится и защиты против нее – нет. И это вполне естественно: я под цензурную мерку текущего момента подойти не могу никак, и лучше всего мне себя и не выставлять под обстрел. Ведь цензура сейчас и не имеет иных директивов, как эти же партийные полемики.

Поэтому очень прошу всех моих друзей не брать на себя этой инициативы. Разве что это откуда-нибудь просочится помимо моего знания и ведома и я буду поставлен лицом к

лицу с фактом, все последствия которого придется все равно перенести: тогда, конечно, попрошу друзей не остаться в стороне. Мое путешествие на север, несмотря на очень сердечную встречу, мне оказанную, оставило в душе большую горечь и чувство одиночества. Нет никакого желания ехать туда снова. Напротив, то дело («Художественная колония»), что у меня завязалось в Коктебеле, меня очень радует. Ко мне летом съезжается масса народа. (За два последних года у меня жило 500 челов<ек>.) Удалось создать действительно крупное художественное дело, интересное и, главное, органически необходимое, т<ак> к<ак> люди уезжают отдохнувшие и духовно обновленные и на севере образуют тесные круги коктебельцев. К этому делу я сейчас очень привязан, и отчасти страх за него (оно многим – бельмо на глазу) и заставляет меня быть настолько осторожным. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы летом приехали ко мне, чтобы все это посмотреть и послушать и принять участие. Я думаю, что Вам это было бы очень интересно.

Когда я попаду в Феодосию – не знаю. Сейчас у меня там нет даже угла для ночлега, и почему-то каждый раз, как я только туда попадаю, донимает астма.

Привет Анне Яковлевне.[9] Как живут Лельевры?[10] Оправились ли они после пожара? Я так их не видал с тех пор.

Максимилиан Волошин.

[1] В письме к Волошину от 25 декабря 1924 г. Ю.А. Галабутский сообщал: «С 1 октября я опять водворился в Феодосии и здесь думаю сложить свои кости» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 386, л. 42).

[2] Волошин выезжал «на север» (в Москву и Ленинград) не в прошлом, а в текущем году; день его возвращения в Феодосию и Коктебель – 22 мая 1924 г.

[3] А.М. Петрова.

[4] В цитированном выше письме Галабутский сообщал: «А знаете ли Вы, что 15 апреля наступающего года 30-летие Вашей литературной деят<ельно>сти? Я считаю началом ее первое напечатанное Ваше стих<отворе>ние “Памяти Виноградова” в сборнике, который вышел в средине апреля (15–20) 1895 г.; 15-ое можно считать почти безошибочно. Надо этот день ознаменовать – как Вы думаете?»

[5] В.К. Виноградов (1843–1894) – директор Феодосийской мужской гимназии. Стихотворение Волошина «Над могилой В.К. Виноградова» («Да, он умер... Полны изумленья...», 20 сентября 1894), опубликованное в сборнике «Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова» (Сост. Ю. Г<алабутский>. Феодосия, 1895. С. 50. Цензурное разрешение – 8 июля 1895 г.), стало его литературным дебютом. См.: Т. 2 наст. изд. С. 292.

[6] Имеется в виду статья «В защиту Гауптмана» (Русская Мысль. 1900. № 5. С. 193–200. Подпись: Макс Волошин). См.: Т. 5 наст. изд. С. 277–287.

[7] Точно идентифицировать все написанные Волошиным рецензии, опубликованные без авторской подписи в библиографическом отделе журнала «Русская Мысль» в 1900 г., не представляется возможным, поскольку не сохранились их автографы и не выявлены документальные свидетельства, подтверждающие его авторство. Атрибутирована лишь одна безусловно принадлежащая Волошину рецензия в «Русской Мысли» (1900. № 4) – на книгу А. Воротникова «В старых стенах» (СПб., 1899). См.: Т. 5 наст. изд. С. 275–276.

[8] См. примеч. 1 к п. 261, примеч. 7 к п. 272, п. 298, примеч. 1, п. 299.

[9] А.Я. Галабутская, жена Ю.А. Галабутского.

[10] Брат и сестра А.Я. Галабутской (см. примеч. 4 к п. 64).

352. А.Г. и Н.А. ГАБРИЧЕВСКИМ

31 декабря 1924 г. Коктебель

31/XII 1924.

Милые Саша и Наташа,

сейчас ночь под новый год. Она тихая, лунная, морозная. Но луна еще маленькая, и потому ярко светит Сириус, и Орион ползет к Карадагу. Маруся приготовила в соседней комнате чай, коржики – все для встречи Нового года. Даже нераскупоренную бутылку с коньяком. Это для торжественности, т<ак> к<ак> она так и встретит новый год не откуп<о>рившись.

Т<ак> к<ак> в доме холодно, то Иос<иф> Викт<орович>[1] с 9 час. залег в постель и отказался встречать новый год. Мы будем вдвоем. Но до нового года еще 1½ часа, и мне захо-

телось провести несколько минут с Вами и пожелать Вам и через вас всем коктебельцам хорошего нового года и хорошего дружного, шумного и радостного общего лета в Коктебеле.

Наши зимние комнатки, в которых тесно, светло и тепло, теперь кажутся бесконечно уединенными и далекими от всего мира. И действительно: с октября мы не видали ни одного нового человеческого лица (кроме Иос<ифа> Викт<оровича>, Юнге, батюшки...[2]). А вместе с тем* наш дом наполнен коктебельцами, их голосами, и мы все время беседуем с ними и сердцами, и мыслями. Сейчас часа два тому назад была оказия: так сказочно постучался человек в сосульках, попросился переночевать (шутя), оказался плотник коктебельский – принес письма и кое-какую провизию из города от Нилушки.[3] Сейчас 11 ч. Я должна заваривать чай и сделать последние приготовления и потому кончу. Целую вас и всех наших милых друзей и поздравляю с новым годом – поздравьте Шервочек.[4] Я болела, но сейчас здорова, хотя и не совсем. Дай бог всего хорошего, светлого. Целую. Маруся.**

Наташа, не могу с тобой не поделиться новыми Марусиными разговорными раккурси:

«Ах, если б я была богатой, я бы каждый день мыла полы». «Если б я была богатой.. – я бы раздала все вещи, чтобы ничего не было».

«У Иос<ифа> Виктор<овича> в комнате дым коромыслом, в буквальном смысле слова...».

2 часа ночи.

С Новым Годом! Мы выпили чаю, съели бутерброды, поговорили, хотели пойти поздравить Тату,[5] который живет в Анчуткиной[6] келье, но его еда была в комнате Иос<ифа> Викт<оровича>, который спит... А теперь Маруся сама уже залегла спать. Наверное, Вы не так мирно встречаете Новый Год. Выходил на террасу. Луна села, и Сириус уже над Св<ятой> Горой. Ночь хрустально холодная, и горы отливают снегом и инеем. Всего лучшего, мои милые Саша и Наташа!

Макс.

* *Далее текст – рукой М.С. Заболоцкой.*

** *Далее текст – рукой Волошина.*

P.S. Очень нужная просьба. Д<окто>р Саркизов-Серазини должен мне был прислать кое-каких лекарств, но на почте не принимают жидкостей, надо оказию. Веисс[7] еще в Москве? Буткова? Если кто из них едет – Наташа, пожалуйста, устрой это. Саркизову (Иван Михайлович) можно позвонить в Аптеку Феррейна после 10 ч. вечера (1-03-11), он там дежурный врач через день, а его адрес личный: Ново-Слободская 20, кв. 14. Это где-то около Бутырского Замка. О Бутковой знает все О.Ф. Головина (Никольский пер. 12, кв. 2). Это как раз vis-à-vis с Гершензоном.

[1] И.В. Зелинский.

[2] Священник Михаил Васильевич Синицын, сосед Волошина по Коктебелю с 1908 г. (служил с 1920 г. до смерти).

[3] Н.В. Успенская.

[4] С.В. Шервинский и М.С. Шервинская.

[5] См. примеч. 5 к п. 343.

[6] Анчутка – коктебельское прозвище Анны Александровны Кораго.

[7] Веис Гафаров.

353. С.А. ТОЛСТОЙ

31 декабря 1924 – 1 января 1925 г. Коктебель.

2 часа ночи.

Милая Соня, с Новым Годом! Мы встретили его тихо с глазу на глаз между собою и с темным будущим. Снаружи хрустальная морозная ночь, горы в инее и Сириус, как ледяной осколок над Св<ятой> горой. В комнате тишина, которую не нарушает глухой раскат прибоя. И будущего немного страшно, каково бы оно ни было: признак того, что сейчас очень хорошо. Судьба нас с Марусей[1] дала друг другу после долгих лет такого одиночества и ужаса, что этот дар кажется незаслуженным и чрезмерным. Мне всегда бывает и радостно и немного забавно, когда наши друзья вдруг открывают, что главная человеческая ценность лежит вовсе не во мне, а в

Марусе. И я этой осенью поймал тебя на этом осознании и очень этому порадовался.

Как живешь ты эту зиму? Вошла ли в жизненную свою колею?[2] Как хорошо, что Вы все пожили у нас поздней осенью. Я чувствую тебя гораздо ближе с этой осени, и очень хочется услышать твой голос. А ты упорно молчишь что-то. Маруся опять болела и металась от боли в ухе и решила на этот раз, кажется, бесповоротно ехать после праздников сейчас же в Харьков – лечиться.[3]

Каждое заболевание ее в Коктебеле, зимой, без врачей и со всегдашней возможностью самых сериозных осложнений, повергает в бесконечную тревогу. На этот раз ее боли сильно сокращены и ослаблены гомеопатическим лечением, но было очень беспокойно.

Видала ли Ты Ан<ну> Петровну,[4] когда она была в Москве? Удалось ли что-нибудь сделать для Браза?[5]

Поздравляю с Нов<ым> годом Ольгу Константиновну, Владимир<а> Михайловича, и Маленькую Наташу.[6]

Крепко тебя обнимаю.

Макс.

[1] М.С. Заболоцкая.

[2] В письме от 18 февраля 1925 г. С.А. Толстая, извиняясь за промедление с ответом, признавалась: «Всегда с особенной любовью вспоминаю последние недели в Коктебеле. Они встают в памяти, как оазис среди моей трудной, нервной, беспокойной жизни. И, м<ожет> б<ыть>, эту ужасную зиму я каким-то образом вытягиваю оттого, что прожила осень среди тишины, около гор и моря и в постоянной близости с Вами обоими» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 17–17 об.).

[3] См. примеч. 9 к п. 343.

[4] А.П. Остроумова-Лебедева.

[5] См. примеч. 2 к п. 341.

[6] О.К. Толстая, Н.С. Сухотина. См. также примеч. 5 к п. 341.

354. А.П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ и С.В. ЛЕБЕДЕВУ

31 декабря 1924 г. Коктебель

31/XII 1924.

Дорогие Анна Петровна и Сергей Васильевич, хочется эти последние минуты старого года провести с Вами и пожелать Вам всего-всего лучшего в наступающем году: для этого ведь так мало надо — нам, привыкшим ко всему за последнее десятилетие... Все хорошее и яркое, что б<ыло> в этом году тесно связано с Вами, и Коктебель без Вас уже невозможен. Пакет писем, пришедших сегодня вечером из Феодосии (на плечах колесника-Петра вместе с сосисками, сальтисоном и клюквой — сквозь мороз, северный ветер и хрустальные лунные сумерки по плоскогорью Куру-Баша), полон Вашим именем, Анна Петровна. Понял оттуда, что Вы были в Москве. Как Ваши дела с Госиздатом?[1] Как судьба Браза?[2] Видались ли Вы с Ек<атериной> П<авловной> Пешковой и с Ол<ьгой> Кон<стантиновной> Толстой по его делу?[3] Очень радуюсь проектируемой Кандауровым выставке в Москве. Об ней мне сегодня пишет Богаевский.[4] Его материальное положение крайне тяжело. У него на руках остались 5 старушек. Из них — у его родной матери — был удар.[5] Все это в его крошечной квартирке (мастерская холодна и необитаема). И он, и его жена сбились с ног. Ему даже ночью не приходится спать, ухаживая за больной. Денег так мало, что пришлось отказаться от табаку и сахару. Крым-Охрис,[6] который заказал ему ряд археологических документальных рисунков, отказывается платить, т<ак> к<ак> снят с государ<ственного> снабжения. Кроме того, нам перестали выдавать Ак<адемическое> обеспечение. Я сейчас же начал хлопоты в Москве о переведении его в IV категорию (там сохраняется обеспечение).[7] Но меня-то сразу перевели, а вопрос о нем повис в воздухе: очевидно, сомневаются, можно ли ею считать Европейской величиной. Но надеюсь, что удастся отстоять его Европейское значение. Я его с лета так и не видал, с тех пор, как Вы его портрет писали.[8] Только изредка переписываемся. Как подвигается портрет Валерия Яковлевича?[9]

Елиз<авета> Серг<еевна> пишет,[10] что Вы много работаете: что именно? Портреты? Воспомин<ания> о Коктебеле?[11] Гравюры?

До свидания. Желаю Вам обоим радости и бодрости на 1925 год. Привет Анаст<асии> Осиповне, Костенко, Елиз<авете> Серг<еевне> и Кустодиеву.[12]

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 20 к п. 336.

[2] См. примеч. 20 к п. 336.

[3] См. примеч. 15, 16 к п. 336.

[4] Речь идет о письме К.Ф. Богаевского от 24 декабря 1924 г., в котором он сообщал Волошину: «Писал мне на днях Кандауров. Приезжала к нему в Москву А.П. Остроумова – с которой сговорились устроить большую выставку в марте м<еся>це. Просит прислать работы к 15-му февраля – имей это в виду, если собираешься выставлять – у тебя, я думаю, горы акварелей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267, л. 30 об. – 31).

[5] Возможно, речь идет о А.М. Богаевской, матери К.Ф. Богаевского и представителях многочисленного семейства его жены Ж.Г. Богаевской-Дуранте.

[6] Местная государственная организация по охране памятников истории и культуры.

[7] Творческие работники в Советской России подразделялись на категории в зависимости от достижений, подобно тому как научные работники – от квалификации. Согласно «Положению о распределении научных работников на категории в зависимости от их квалификации», утвержденному 13 декабря 1921 г. в заседании ЦеКУБУ, к 4 и 5 категории «для получения особого дополнительного академического обеспечения» относились: «выдающиеся ученые, являющиеся инициаторами или виднейшими представителями в России крупных научных направлений и школ и могущие указать ряд самостоятельных научных работников как своих учеников» и «выдающиеся ученые, работа которых имеет мировое значение» (Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК (ЦеКУБУ). М., 1922. С. 104).

[8] В октябре 1924 г. Остроумова-Лебедева писала Волошину: «Сейчас я занята портретами. Пишу портрет Сергея Васильевича <Лебедева. – *Ред.*> Потом я буду писать портрет Богаевского. Портрет Андрея Белого пока оставлю таким, каким не вышел» (ИРЛИ,

ф. 562, оп. 3, ед. хр. 920, л. 11 об.). О работе Остроумовой-Лебедевой над портретами, начатой в Коктебеле летом 1924 г., см.: *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. III ч. М., ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 54–73.

[9] О судьбе портрета В.Я. Брюсова работы А.П. Остроумовой-Лебедевой см: *Помирчий Р.* Неизвестный портрет В.Я. Брюсова // Нева. 1969. № 5. С. 220; *Он же.* Два портрета // Литературная Армения. 1971. № 6. С. 62–64.

[10] В открытке Е.С. Кругликовой Волошину от 20 декабря 1924 г. говорилось: «Ты спрашиваешь, кого я вижу из художников. Чаще всего Митрохина, Конашевича, Шиллинговского <...>, Анну Петр<овну>, Костенко, Воинова, Нерадовского и др.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 717, л. 26). Более подробной информации об Остроумовой-Лебедевой в известной корреспонденции Кругликовой Волошину за вторую половину 1924 г. не обнаруживается.

[11] См.: *Остроумова-Лебедева А.П.* Лето в Коктебеле // *Она же.* Автобиографические записки. III ч. С. 54–73.

[12] А.О. Якубчик, Е.С. Кругликова.

355. М.С. и С.В. ШЕРВИНСКИМ

31 декабря 1924 г. Коктебель[1]

Для Шервочек

Милые Машенька и Сергей Васильевич, отчего от Вас давно никаких вестей нет? Получил ли С.В. мое письмо (ответ на письмо его о смерти Брюсова)?[2] Получила ли Машенька нашу благодарность за Gruss aus Wenedig?*[3] Все звериные наши новости см. в письме к Наташе.[4] Думая о будущем лете, я все проектирую в уме расширенное место для наших театральных и литературных вечеров и надумал вот что: расширить нашу обеденную террасу вдвое, уничтожив стену, отделяющую ее от обеих примыкающих к ней комнаток: Анчуткиной и Лимпошиной,[5] так что они сольются в одну залу-террасу, и устроить постоянные приспособления для эстрады. Туда же можно перенести рояль на лето. А уничтоженные комнатки выгадать, перегородив пополам Верину и Шульгинскую комнаты.[6]

* Привет из Венеции *(нем.)*.

Представляете себе, Сергей Васильевич? Тогда обеденная терраса увеличивается ровно вдвое и становится квадратной, имея с другой стороны стену с двумя окошечками. Если хватит средств – постараюсь ее покрыть деревянным полом. Что Вы думаете об этом? Мне кажется, что в этом есть насущная потребность. Домрачевская комната и тесна и душна летом, а вышка не для такого количества людей.

Крепко обнимаю.

MAX.

Я это письмо хотел продолжать, но сейчас уходит оказия в город. Посылаю его оборванным. Маруся боится, что Вы его примете за напоминание об концерте: это совершенно не так. Я просто хочу от Вас практического совета и указаний, чтó надо бы для оборудования такой террасы сделать.

КРЕПКО ЦЕЛУЕМ.

[1] Датируется по связи с п. 352 (см. ниже, примеч. 3).

[2] Имеется в виду п. 328.

[3] О чем идет речь, неясно. Письмо М.С. Шервинской к Волошину и М.С. Заболоцкой от 3 ноября 1924 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1294) «венецианскую» тему не затрагивает.

[4] Н.А. Габричевская. Имеется в виду п. 352.

[5] См. примеч. 6 к п. 352. Нимфа Лимпопо – прозвище, которое получила в Коктебеле летом 1924 г. Елизавета Яковлевна Тараховская (урожд. Парнох; 1895–1968), поэтесса, переводчица; сестра С.Я. Парнок.

[6] Комнаты в доме Волошина, в которых жили, по всей вероятности, В.Я. Эфрон и В.В. Шульгин с женой Екатериной Григорьевной (в 1909 г.; Шульгин приезжал также в 1912 г.).

АДРЕСАТЫ И ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Абрамов Соломон Абрамович (1884–1957), руководитель московского акционерного издательства «Творчество», поэт. – РГБ, ф. 1, карт. 2, ед. хр. 13 (п. 51); ф. 1, карт. 1, ед. хр. 18 (п. 281, 319).

Альфред Карлович. – ДМВ.

Ангарский Николай Семенович (наст. фам. Клестов; 1873–1940), член РСДРП, советский общественный деятель, издатель, литературный критик. – ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 25.

Арабаджи Моисей Иосифович, врач, феодосиец. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 3.

Арцимович Екатерина Васильевна (урожд. Горяинова; 1876–1959), вторая жена А.Л. Толстого (отца С.А. Толстой). – ГМТ, ф. 48.

Белый Андрей (наст. имя Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), прозаик, поэт, критик, теоретик символизма, литературовед. – Собрание Петра Вегина (п. 321); РГБ, ф. 25, карт. 13, ед. хр. 12 (п. 335). – Волошинские чтения: Сб. научных трудов. М., 1981. С. 88 (в сокращении; в составе статьи С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова «Максимилиан Волошин и Андрей Белый»). *То же* – в кн.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб.: Скифия, 2004. С. 126.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), живописец, график, художественный критик, искусствовед, мемуарист; один из основателей «Мира Искусства». – ГРМ, ф. 137, ед. хр. 812.

Берман Леонид Константинович (1840–1928), адвокат, издатель. – ДМВ.

Богаевский Константин Федорович (1872–1943), живописец, график. – ГМТ, ф. 48 (п. 269), ФГКА (п. 274). – Искусство. 1979. № 9. С. 66. Публ. В.П. Купченко (п. 274; с пропуском строки в тексте).

Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич (1890–1943), археолог, антрополог. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 11.

Браиловская Римма Никитична (урожд. фон Шмидт; 1877–1959), живописец, художник прикладного искусства. – ДМВ.

Брюсова Иоанна (Жанна) Матвеевна (урожд. Рунт; 1876–1965), жена В.Я. Брюсова; переводчица. – РГБ, ф. 386, карт. 147, ед. хр. 42. – Брюсовские чтения 1971 года. Ереван: Айастан, 1973. С. 473–474 (в составе статьи В.А. Мануйлова «Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин»).

Бунины – Иван Алексеевич (1870–1953), прозаик, поэт, публицист, и **Вера Николаевна** (урожд. Муромцева; 1881–1961), его жена. – Русский архив в Лидсе (University of Leeds), ms 1066/5787, 1066/5788.– Последние новости (Париж). 1932. № 4187, 8 сент. (в составе очерка И.А. Бунина «Волошин», позднее вошедшего в его книгу «Воспоминания» (Париж, 1950) и неоднократно перепечатывавшегося; с сокращениями).

Бутковская Наталья Ильинична (1878–1948), издательница; вторая жена А.К. Шервашидзе. – Бахметьевский архив (Колумбийский университет, Нью-Йорк). – Новый журнал (Нью-Йорк). 1954. Кн. 39. С. 135 (в сокращении, в составе предисловия С.К. Маковского «К стихотворениям Максимилиана Волошина»); *Cheron George*. M. Vološin during the 1920's: two letters // Wiener Slawistischer Almanach. 1987. Bd. 20. S. 194–195.

Быстренина Инна Владимировна (в замужестве Петерсон; 1887–1947), биолог, танцовщица-босоножка. – РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 189.

Бюро Таврического Научного съезда. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 38.

Васильева Елизавета Ивановна (урожд. Дмитриева, псевдоним Черубина де Габриак; 1887–1928), поэтесса, переводчица; деятель антропософского движения. – ДМВ (п. 107, 236); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 14 (п. 191, 316). – *Черубина де Габриак*. Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов, примеч. Вл. Купченко и Р. Хрулевой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 85–87, 112–115 (п. 107, 236).

Васильева Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева, во втором браке Бугаева; 1886–1970), вторая жена Андрея Белого; деятель антропософского движения. – Собрание Петра Вегина.

Вересаев Викентий Викентьевич (наст. фам. Смидович; 1867–1945), прозаик, литературовед, поэт-переводчик. – РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 217 (п. 200, 261, 288); РГБ, ф. 1, карт. 1, ед. хр. 9 (п. 282); Копия из собрания В.П. Купченко (п. 192); Собрание А.Ф. Маркова (остальные письма – кроме п. 184). – Письма из собрания А.Ф. Маркова – в кн.: *Марков Анатолий*. Магия старой книги. Записки библиофила. М.: Аграф, 2004. С. 581–659; ранее осуществленные их публи-

кации: Дружба народов. 1983. № 9. С. 214–230. Публ. В.П. Купченко и А.Ф. Маркова (в извлечениях, с купюрами); Дружба народов. 1993. № 4. С. 222–239. Публ. А.Ф. Маркова; Новый журнал (Нью-Йорк). 1992. Кн. 186. С. 262–312; Кн. 187. С. 262–296. Публ. А. Маркова и А. Тюрина; Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 201–206 (п. 217 – по неавторизованной копии). П. 184 – Московский понедельник. 1922. № 1, 12 июня (фрагменты).

Виганд Екатерина Владимировна (ок. 1877–1959), вторая жена Н.А. Маркса. – ДМВ.

Владимиров Владимир Константинович (наст. фам. Верле; 1886–1953), сотрудник Всероссийского Союза работников искусств, директор Малого театра. – РГАЛИ, ф. 2355, оп. 1, ед. хр. 61.

Воронский Александр Константинович (1884–1937), литературный критик, публицист, прозаик; редактор журнала «Красная новь» (1921–1927). – ДМВ.

Всеволод Владимирович. – ДМВ.

Вьюгова Александра Александровна, вдова земского статистика. — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 20.

Габричевские – Александр Георгиевич (1891–1968), искусствовед, переводчик, историк литературы, и **Наталья Алексеевна** (урожд. Северцова; 1901–1970), его жена (с 1920 г.), артистка, художник-примитивист. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 21.

Галабутский Юрий Андреевич (1863–1928), педагог, преподаватель русского языка и литературы в феодосийской мужской гимназии. – ДМВ (п. 64); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 30 (п. 351).

Гатов Александр Борисович (1899–1972), поэт, переводчик. – ДМВ.

Герцык Аделаида Казимировна (Лубны-Герцык, в замужестве Жуковская; 1874–1925), поэтесса, критик – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 26 (п. 26); ДМВ (остальные письма). – Письма М. Волошина к А. Герцык 1917–1919 годов из фондов Дома-музея М. Волошина в Коктебеле / Публ., подг. текста и примеч. И.В. Левичева // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Пятых Герцыковских чтений в г. Судаке 11–15 июня 2007 года. М.; Симферополь, Судак, 2009. С. 339–343 (п. 10, 43, 104, 106).

Герцык Евгения Казимировна (Лубны-Герцык; 1878–1944), переводчица, критик. – ДМВ. – Письма М. Волошина к А. Герцык 1917–1919 годов из фондов Дома-музея М. Волошина в Коктебеле / Публ., подгот. текста и примеч. И.В. Левичева // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Пятых Герцыковских чтений

в г. Судаке 11–15 июня 2007 года. М.; Симферополь, Судак, 2009. С. 342–343 (п. 106).

Гершензон Михаил Осипович (Мейлих Иосифович; 1869–1925), историк русской литературы и общественной мысли, философ, публицист, переводчик. – РГБ, ф. 746, карт. 30, ед. хр. 43.

Гинцбург Симон Исаакович (псевдоним Корев; 1900–1953), музыковед, сотрудник Главискусства. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 104.

Глотов Яков Александрович (1878–1938, 10 июля – расстрелян), двоюродный брат Волошина (племянник Е.О. Кириенко-Волошиной); участник революционного движения, переводчик. – ДМВ (п. 100); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 29 (п. 322). – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 196–199 (п. 100 – по неавторизованной копии).

Головина Ольга Федоровна (в замужестве Альбрехт; 1890–1974), служащая Центросоюза; дочь председателя II Государственной думы Ф. Головина. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 31.

Гольдовская Рашель Мироновна (урожд. Хин, в первом браке Фельдштейн; 1863–1928), прозаик, драматург. – ДМВ (п. 4); РГБ, ф. 461, карт. 1, ед. хр. 9 (п. 308).

Гольштейн Александра Васильевна (урожд. Баулер, в первом браке Вебер; 1850–1937), переводчица, прозаик, критик; участница народнических кружков, эмигрировавшая около 1874 г. – ДМВ (п. 127); Бахметьевский архив (Колумбийский университет, Нью-Йорк; остальные письма). – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 199–201 (п. 127 – по неавторизованной копии); Звезда. 1998. № 4. С. 143–178. Публ. М. Ланды, А. Тюрина и Ж. Шерона (остальные письма).

Гончаров Иван Васильевич (1885 – ок. 1939), председатель Феодосийского исполкома, член Крым-ЦИК (с 1921 г.), председатель Крымплана. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 44.

Гончарова Люси Степановна (урожд. Барсамова; 1879 или 1891–1932), педагог; жена И.С. Гончарова. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 44.

Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков; 1868–1936), прозаик, драматург, публицист, литературно-общественный деятель. – ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 51, л. 4.

Государственное издательство. – ДМВ; ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 153.

Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), литературовед, критик, прозаик, поэт. – ДМВ (п. 92, 101, 110); РГАЛИ, ф. 1386, оп. 1, ед. хр. 64 (п. 77), оп. 2, ед. хр. 218 (п. 346). – Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Сов. Россия, 1984. С. 228–231. Публ. К.Н. Суворовой (п. 346, с купюрой).

Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965), историк русской и украинской литератур, профессор Московского университета (с 1922 г.). – ДМВ.

Давыдов Александр Васильевич (1881–1955), крымский землевладелец, издатель, журналист. – ДМВ.

Деникин Антон Иванович (1872–1942), генерал-лейтенант, главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России» (1919). – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 37.

Домрачева Надежда Петровна (в замужестве Грицай; 1901–1993), студентка харьковского Института музыкальной культуры. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 42 (п. 284); оп. 5, ед. хр. 131, л. 28 об. (п. 339).

Домрачевы. — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 41.

Заболоцкая Мария Степановна (в замужестве Волошина; 1887–1976), акушерка; вторая жена Волошина (официально с 9 марта 1927 г.). – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 18.

Зайцев Петр Никанорович (1889–1971), поэт, издательский работник; антропософ. – ИМЛИ, ф. 15, оп. 2, ед. хр. 32. – Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1994. С. 345–348. Публ. Дж. Мальмстада.

Замятин Евгений Иванович (1884–1937), прозаик, драматург, критик. – ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 57.

Згуриди Вера Георгиевна (1902–?), поэтесса. – ДМВ.

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, филолог, теоретик символизма, религиозный мыслитель, переводчик. – ГАРФ, ф. 395, оп. 9, д. 51, л. 5.

Иванова Анна Николаевна (1877–1939), двоюродная сестра М.В. Сабашниковой. – ДМВ.

Каменев Лев Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1883–1936), советский политический и государственный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1919–1926 гг., председатель Моссовета (1918–1926), заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР (1923–1926). – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 51. – Память: Исторический сборник. Вып. 1. Нью-Йорк, 1978. С. 298–301; *Фрезинский Борис.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. С. 53–57.

Каменский Леонид Захарович (наст. имя Иона; 1897–1970), революционер (псевдоним Леонид Придорожный), партийный работник. – ИМЛИ, ф. 79, оп. 3 а, ед. хр. 6.

Кандауров Константин Васильевич (1865–1930), театральный художник, осветитель Малого театра в Москве, организатор художественных выставок. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 52 (п. 2, 197, 285); РГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41 (п. 55, 176, 198); ДМВ (п. 223); Копия из собр. В.П. Купченко (п. 139).

Кедрова Наталья Константиновна (в замужестве Малинина; 1907–1987), певица. – ДМВ.

Кипен Александр Абрамович (1870–1938), прозаик, агроном; профессор Одесского сельскохозяйственного института. – Национальный художественный музей Украины (Киев), ф. 15, ед. хр. 223. – *Михаленок Д.К.* Карадагский калейдоскоп: Калейдоскоп литературы, науки, искусства. Версия 1. Симферополь: Таврия, 1999. С. 74.

Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна (урожд. Глазер; домашнее прозвище Пра; 1850–1923), мать М.А. Волошина. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 64 (письма за 1918–1921 гг.), 65 (письма за 1922 г.).

Кожевникова Сусанна Григорьевна, жена командарма И.С. Кожевникова. – ДМВ.

Коктебельский сельсовет. – ДМВ.

Коктебельское сельское управление. – ДМВ.

Краснов Петр Борисович (1895–1962), журналист, поэт (псевдоним Петроний). – ДМВ.

Крым-КУБУ. – ДМВ.

Кудашева Мария Павловна (Майя; урожд. Кювилье, во втором браке Роллан; 1895–1985), поэтесса. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 105.

Лампси Петр Николаевич (1869–?), феодосийский судья. – Вечерняя пресса (Константинополь). 1922. № 79, 4 апр.

Ланн Евгений Львович (наст. фам. Лозман; 1896–1958), переводчик, прозаик, поэт. – Коллекция Дома-музея Марины Цветаевой – «...Темой моей является Россия»: Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы / Сост. Д.А. Белов, Т.П. Мельник. Предисл. В.С. Баевского. М.: Дом музей Марины Цветаевой, 2007. С. 29–47.

Лебедев Сергей Васильевич (1874–1934), химик, академик; муж А.П. Остроумовой-Лебедевой. – РНБ, ф. 1015, ед. хр. 516. – «Дом Поэта» Максимилиана Волошина / Публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1994. С. 304–305 (п. 354).

Леман Борис Алексеевич (псевдоним Борис Дикс; 1882–1945), поэт, критик, педагог, секретарь петроградского отделения Русского антропософского общества. – ДМВ. – *Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов, примеч. Вл. Купченко и Р. Хрулевой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 180–181.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), советский политический деятель, народный комиссар просвещения (1917–1929); критик, публицист, литературовед, искусствовед, драматург, переводчик. – ГАРФ, ф. А–2306, оп. 2, д. 796, л. 334–335 об. (п. 137), оп. 1, д. 604, л. 121–122 (п. 149), оп. 1, д. 696, л. 91 (п. 150); ДМВ (п. 151, 248); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 72 (п. 147, 292); РГАЛИ, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 139 (п. 201). – Лепта. 1991. № 3. С. 3–4. Публ. Е.Д. Гринько (п. 137); Советские архивы. 1991. № 5. С. 90–91. Публ. Н.П. Беликовой (п. 149).

Львова Юлия Федоровна (в замужестве Ваксель; 1873–1950), композитор и пианистка; теософка. – ДМВ.

Лямина Елена Сергеевна (1870–1952), двоюродная сестра Волошина. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 73.

Магула Герасим Афанасьевич (1873–1923), художник; заведующий Феодосийской картинной галереей им. И.К. Айвазовского. – ДМВ.

Майский Иван Михайлович (наст. фам. Ляховецкий; 1894–1975), историк, публицист, дипломат; редактор «Ленинградской правды» и журнала «Звезда». – Архив РАН, ф. 1702. – Наше наследие. 1989. № 1. С. 103. Публ. А.К. Пушкина.

Маркс Никандр Александрович (1861–1921), генерал-лейтенант, палеограф, фольклорист. – ДМВ.

Миндлин Эмилий Львович (1900–1981), прозаик. – ДМВ.

Нагорская Наталья Николаевна (?–1953), поэтесса, художница. – ДМВ.

Назаревская Любовь Алексеевна (1902–1980), внебрачная дочь М. Горького; статистик Госплана. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 76.

Натансон Яков Германович (1879–?), одесский книгоиздатель, поэт. – ДМВ.

Начальник гарнизона Керчи. – ДМВ.

Недоброво Любовь Александровна (урожд. Ольхина; 1875–1927), жена Н.В. Недоброво. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 77 (п. 125); ДМВ (п. 87, 88, 112).

Неклюков Сергей Петрович, житель Симферополя. – ДМВ.

Никонов, заведующий Южсовхозом. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1. ед.хр. 465, л. 43 об.

«Новая Россия», редакция газеты. – ДМВ.

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), юрист, публицист, философ; профессор Московского университета. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 80.

Новиков Иван Алексеевич (1877–1959), поэт, прозаик, драматург, эссеист. – ДМВ.

Новинский Александр Александрович (1878–1960), начальник феодосийского торгового порта, капитан 2-го ранга. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 81. – Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 178–179 (в составе статьи В.П. Купченко «Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина)», с купюрой).

Новская Елизавета Андреевна (1893–1959), экономист, поэтесса. – ДМВ.

Оболенская Юлия Леонидовна (1889–1945), художница. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 84 (п. 17, 54), 85 (п. 158, 194, 231, 291); ДМВ (остальные письма). – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 193–195 (п. 35 – по неавторизованной копии); Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (9–12 октября 2005 года). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 566–568. Публ. И.В. Левичева (п. 63 – с неточностями).

«Одесский листок», редакция газеты. – Одесский листок. 1919. № 78, 11/24 марта; *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.).* Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки / Сост. Т.В. Викторовой, Н.А. Струве. М.; Париж: Русский путь – Книжница –YMCA-Press, 2012. С. 510–511.

Орешников Алексей Васильевич (1855–1933), археолог, нумизмат; хранитель Гос. Исторического музея. – ГИМ, ф. 136, д. 12, л. 54.

Орлова Екатерина Павловна, художница, поэтесса. – ДМВ.

Остроумова-Лебедева Анна Петровна (урожд. Остроумова; 1871–1955), график-пейзажист, ксилограф, литограф, акварелист. – РНБ, ф. 1015, ед. хр. 516. – «Дом Поэта» Максимилиана Волошина / Публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1994. С. 294–305.

Парнок София Яковлевна (наст. фам. Парнох; 1885–1932), поэтесса, литературный критик. – ДМВ.

Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1873–1939), живописец, писатель. – РНБ, ф. 1303, ед. хр. 3.

Петрова Александра Михайловна (1871–1921), близкий друг Волошина, феодосийский педагог (см. очерк Волошина «Киммерийская сивилла (Памяти А.М. Петровой)» – Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 340–344; предисл. В.П. Купченко к публ. писем М.А. Волошина к А.М. Петровой. – Из лит. наследия-1. С. 5–11). – ДМВ (п. 23); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 98 (остальные письма). – Из лит. наследия-2. С. 188–217. Публ. В.П. Купченко; Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 191–193 (п. 23 – по неаторизованной копии).

Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933), друг Волошина с ранних юношеских лет, лингвист. – ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 26.

Пирлик Валентин Николаевич (1889–?), врач. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 147 (п. 245); ДМВ (п. 251).

Пискарев Николай Иванович (1892–1959), художник-график. – ДМВ.

Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, академик. – РНБ, ф. 585, оп. 1, ед. хр. 2556. – De Visu. 1993. № 5 (6). С. 53–54. Публ. В.А. Колобкова; «Дом Поэта» Максимилиана Волошина / Публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1995. С. 295–296.

Полевой В.А., сотрудник Всероссийского Союза работников искусств (Симферополь). – РГАЛИ, ф. 2355, оп. 1, ед. хр. 61.

Полканов Александр Иванович (1884–1971), искусствовед; заведующий Крымским комитетом по делам искусств и охраны памятников культуры. – Гос. архив автономной республики Крым (Симферополь), ф. Р-3814 (личный), оп. 1, ед. хр. 428. – *Шульц Н.* Планерское (Коктебель): Очерк-путеводитель. Симферополь: Крым, 1966. С. 17 (в сокращении).

Рогозинский Владимир Александрович (1882–1951), инженер, архитектор. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 104.

Рузер Ефим Исаакович (1886–1953), одесский книгоиздатель. – ДМВ.

Руководство Добровольческой Армии. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 141.

Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943), книгоиздатель, глава московского Издательства М. и С. Сабашниковых. – РГБ, ф. 261, карт. 3, ед. хр. 29.

Савинков Борис Викторович (псевдоним В. Ропшин; 1879–1925), прозаик, публицист, мемуарист, политический деятель, член Боевой организации партии эсеров. – ДМВ. – *Волошин Максимилиан.* Избран-

ное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 380–383. Публ. З. Давыдова и Вл. Купченко.

Сазонова Юлия Леонидовна (урожд. Слонимская; 1887–1960), литературный и театральный критик, режиссер кукольного театра, прозаик, публицист. – ДМВ.

Сербская Зинаида Владимировна (в замужестве Кузнецова; ?–1919), жена проф. К.А. Кузнецова, дочь психиатра проф. В.П. Сербского. – ДМВ.

Смидович Мария Гермогеновна (1875–1963). Жена В.В. Вересаева, его троюродная сестра. – См.: **Вересаев Викентий Викентьевич.**

Соболева Зинаида Романовна (1870–?), врач-хирург. – ДМВ.

Стамов Гаврила Дмитриевич (1884–1923), председатель Военно-революционного комитета в Старом Крыму. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 118.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, публицист, историк, философ, политический и общественный деятель, член ЦК конституционно-демократической партии. – ДМВ (п. 123); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 119 (п. 124). – Вестник Русского Христианского Движения (Париж). 1993. № 167. С. 162–163 (п. 123, в составе статьи Вл. Купченко «“Я его знаю давно и близко”. М.А. Волошин и П.Б. Струве»), 161–162 (п. 124, в составе той же статьи).

Сухотина Татьяна Львовна (урожд. Толстая; 1864–1950), дочь Л.Н. Толстого; художница, директор музея Л.Н. Толстого. – ГМТ, фонд Т.Л. Сухотиной-Толстой.

«Таврический Голос», редакция. – ДМВ.

Таль Борис Маркович (наст. фам. Криштал; 1898–1938), экономист, публицист. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 121. – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 206–208 (по неавторизованной копии); De visu. 1993. № 10. С. 24–27. Публ. А.В. Лаврова; *Лавров А.В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 337–338.

Толстая Ольга Константиновна (урожд. Дидрикс; 1872–1951), мать С.А. Толстой, первая жена А.Л. Толстого. – ГМТ, ф. 48.

Толстая Софья Андреевна (в первом браке Сухотина, во втором – Есенина; 1900–1957), внучка Л.Н. Толстого; музейный работник. – ГМТ, ф. 48.

Тренёв Константин Андреевич (1876–1945), прозаик, драматург. – РГАЛИ, ф. 1398, оп. 1, ед. хр. 20.

Трупчинская Анна Яковлевна (урожд. Эфрон; 1883–1971), сестра В.Я. и Е.Я. Эфрон и С.Я. Эфрона. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 122.

Тугендхольд Яков Александрович (1882–1928), искусствовед, художественный критик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 123.

Федорченко София Захаровна (1880–1959), прозаик. – РГАЛИ, ф. 1611, оп. 1, ед. хр. 78.

Фельдштейн Михаил Соломонович (1884–1939), юрист, педагог. – ДМВ.

Феодосийский Военно-Революционный Комитет. – ДМВ.

Феодосийский Санкур. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 4. ед. хр. 12. л. 1.

Флоренский Павел Александрович (1882–1937), священник (с 1911 г.); богослов, философ, искусствовед, математик, поэт. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 129 (копия из архива П.А. Флоренского). – Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 502 (в составе статьи В.А. Никитина и В.П. Купченко «К истории взаимоотношений отца Павла Флоренского и Максимилиана Волошина»; впервые: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. Paris: Aheneum, 1988. С. 328).

Цветаева Марина Ивановна (в замужестве Эфрон; 1892–1941), поэт, прозаик. – ДМВ. – Марина Цветаева. Поэт и время: Выставка к 100-летию со дня рождения. 1892–1992. М.: Галарт, 1992. С. 99–100; *Цветаева Марина.* Неизданное: Семья. История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 295–296.

Цемах Татьяна Давидовна (псевдоним Татида; 1890–1943), бактериолог, поэтесса. – ДМВ (п. 239); Новая русская книга (Берлин). 1923. № 1. С. 45 (п. 221).

Цетлин Михаил Осипович (1882–1945), поэт (псевдоним Амари), эсер, совладелец чаеторговой фирмы, издатель. – ДМВ.

Цетлина Мария Самойловна (урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева; 1882–1976), жена М.О. Цетлина, доктор философии. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 130 (п. 132); ДМВ (остальные письма).

Ципельзон Эммануил Филиппович (1890—1971), букинист, собиратель автографов. – ДМВ.

ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых). – ДМВ.

Чуковский Корней Иванович (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969), критик, литературовед, переводчик, поэт, прозаик. – РГБ, ф. 620, карт. 62, ед. хр. 56.

Чулков Георгий Иванович (1879–1939), прозаик, поэт, драматург, критик. – ДМВ.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), поэтесса, прозаик, литературный критик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 132.

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956), поэт, переводчик, критик, стиховед. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 133 (п. 80); ДМВ (остальные письма).

Шервашидзе-Чачба Александр Константинович (1867–1968), абхазский князь, театральный художник. – Бахметьевский архив (Колумбийский университет, Нью-Йорк). – Новый журнал (Нью-Йорк). 1954. Кн. 39. С. 134 (в сокращении, в составе предисловия С.К. Маковского «К стихотворениям Максимилиана Волошина»); *Cheron George*. M. Vološin during the 1920's: two letters // Wiener Slawistischer Almanach. 1987. Bd. 20. S. 191–192.

Шервинские – Сергей Васильевич (1892–1991), переводчик, литературовед, поэт, прозаик, и **Мария Сергеевна** (урожд. Соловьева, во втором браке Протасьева; 1899–1973), его первая жена. – РГАЛИ, ф. 1364, оп. 4, ед. хр. 255.

Шмелева Любовь Сергеевна (урожд. Лямина; 1874–1957), двоюродная сестра Волошина. – ДМВ.

Шмелева Тамара Владимировна (1903–1994), дочь Л.С. Шмелевой, двоюродная племянница Волошина. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 134.

Штромберг Моисей Семенович, редактор, издатель. – ДМВ.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), журналист, публицист, политический деятель, депутат III и IV Государственных дум. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 136.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), поэт, прозаик, переводчик, критик, публицист, литературно-общественный деятель. – ДМВ. – Почта Ильи Эренбурга. Я слышу все... 1916–1967 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. М.: Аграф, 2006. С. 40; Вопросы литературы. 2011. № 4. Июль–август. С. 406 (в составе публикации И. Левичева «К истории "ссоры" Максимилиана Волошина и Ильи Эренбурга в 1920 году»).

Эфрон Ариадна Сергеевна (1912–1975), дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона. – ДМВ. – Марина Цветаева. Поэт и время: Выставка к 100-летию со дня рождения. 1892–1992. М.: Галарт, 1992. С. 99–100;

Цветаева Марина. Неизданное: Семья. История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 295–296.

Эфрон Вера Яковлевна (1888–1945), актриса, впоследствии режиссер художественной самодеятельности. – ДМВ (п. 225); РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383 (остальные письма).

Эфрон Вера Яковлевна и Эфрон Елизавета Яковлевна. — РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383.

Эфрон Елизавета Яковлевна (1885–1976), педагог, режиссер, актриса. – РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 43.

Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941), журналист, офицер Добровольческой Армии; муж М.И. Цветаевой. – ДМВ.

Юнге Александр Эдуардович (1872–1921), ботаник. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 138.

Якубчик Анастасия Иосифовна (Осиповна; 1894–1973), химик, педагог. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 139.

Ященко Александр Семенович (1877–1934), юрист, профессор Юрьевского и Петербургского университетов, издатель, библиограф. – Гуверовский институт (Стэнфорд, Калифорния) (кроме п. 221). – *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 75–77 (кроме п. 221; исправлены по автографам). П. 221 – Новая русская книга (Берлин). 1923. № 1. С. 45 (фрагменты – в рубрике «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов»).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

** Аннотируются только имена, упоминаемые в основном корпусе публикуемых писем. Адресаты писем отмечены астериском (*). Страницы, на которых содержатся дополнительные сведения о данном лице, выделены курсивом. Мифологические имена, имена литературных персонажей, а также фамилии, стоящие в названиях издательских фирм и иных предприятий, не учитываются.*

СОДЕРЖАНИЕ

1919

1920

1921

1922

1924

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «Пейзаж». 1918 г.

Волошин, Максимилиан Александрович

В68 **Собрание сочинений.** Т. 12. Письма 1918–1924. Максимилиан Волошин: Сост. А.В. Лавров, Подгот. текста Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой, Р.П. Хрулевой; коммент. А.В. Лаврова и Г.В. Петровой. – М.: Эллис Лак, 2013. – 992 с.

ISBN 978-5-902152-79-8 (т. 12)
ISBN 978-5-902152-05-4

В настоящем томе продолжается публикация эпистолярного наследия Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932). В том вошли письма за 1918–1924 годы, отражающие трагические события в жизни страны во время Гражданской войны и в судьбе самого поэта. Волошин предстает здесь перед читателем не только как поэт, но и как человек большой души и нравственной чистоты.

Значительная часть писем публикуется впервые по рукописным источникам. Все тексты писем, публиковавшихся ранее, сверены и исправлены по автографам.

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Том двенадцатый

Письма 1918–1924

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Верстка
А.Б. Метелкин

Подписано в печать 16.05. 2013
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Печ. л. 31. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1497

ЛР № 01716 от 05.05.2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. (495) 605-37-97. Факс (495) 605-89-47
http://www.ellisluck.ru
e-mail: ellisluck@mail.ru

ISBN 978-5-902152-79-8

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь"»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.
E-mail· tko-saransk@mail ru